

УДК 94(497.2)(082)"17/20"

ББК 63.3(4БОЛ)я43

Д 74

Рекомендовано Науковою радою Центру болгаристики та балканських досліджень імені Марина Дринова (протокол № 2 від 24. 03. 2010 р.)

Редакційна рада

М. Г. Станчев (Україна) – голова, Д. Айдачич (Сербія), П. Бахмайер (Австрія), А. Гарабедян (Болгарія), Г. Гергінеков (Болгарія), Л. В. Горіна (Росія), І. Ілчев (Болгарія), К. Косев (Болгарія), Г. Марков (Болгарія), Р. Мішев (Болгарія), Ю. М. Могарічев (Україна), В. Ю. Саленков (Україна), П. С. Сохань (Україна), Н. Н. Червенков (Молдова), Г. Й. Чернявський (США)

Редакційна колегія

Страшнюк С. Ю., доц., к.і.н. (головний редактор, Харків); Стоянов І., проф., д.і.н. (заст. головного редактора, Велико Тирново); Сорочан С. Б., проф., д.і.н. (заст. головного редактора, Харків); Сайпанова А. О. (відповідальний секретар, Харків); Бурдяк В. І., проф., д. політ. н. (Чернівці); Віднянський, С. В., проф., д.і.н. (Київ); Гришина Р. П., проф., д.і.н. (Москва); Дроснева Е., доц., д-р (Софія); Кадеєв В. І., проф., д.і.н. (Харків); Каплін О. Д., проф., д.і.н. (Харків); Козлітін В. Д., проф., д.і.н. (Харків); Кравченко В. В., проф., д.і.н. (Харків); Крапівін О. В., проф., д.і.н. (Донецьк); Куделко С. М., проф., к.і.н. (Харків); Мартем'янов О. П., доц., к.і.н. (Харків); Мілова М. І., проф., д. політ. н. (Одеса); Мільчев В. І., доц., к.і.н. (Запоріжжя); Наумов С. О., проф., д.і.н. (Харків); Петков П. Ст., доц., д-р (Велико Тирново); Поліщук І. О., проф., д. політ. н. (Харків); Посохов С. І., проф., д.і.н. (Харків); Потрашков С. І., доц., д.і.н. (Харків); Прігарін О. А., доц., к.і.н. (Одеса); Радкова Р., проф., д.і.н. (Софія); Тортіка О. О., доц., д.і.н. (Харків); Чижов О. П., доц., к.і.н. (Харків); Чорній В. П., проф., к.і.н. (Львів); Яровий В. І., проф., д.і.н. (Київ)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022, Харків, пл. Свободи, 6,
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
Центр болгаристики та балканських досліджень імені Марина Дринова
Тел./факс: (057) 707-50-27; E-mail: drinovcenter@gmail.com

*Друкується за підтримки Асоціації випускників, викладачів і друзів
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*

Відповідальна за випуск В. В. Круглова

Свідоцтво

ПРО ДЕРЖАВНУ РЕЄСТРАЦІЮ
ДРУКОВАНОГО ЗАСОБУ МАСОВОЇ ІНФОРМАЦІЇ
Серія КВ № 122231-1115P

ISBN 978-954-322-410-4

© Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2011
© Асоціація випускників, викладачів і друзів ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011
© Константин Атанасов Жеков, художне оформлення, 2011
© Академічне видавництво імені проф. Марина Дринова, 2011

**ПРИВЕТСТВИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО
ПОСЛА РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ В УКРАИНЕ
ДИМИТАРА ВЛАДИМИРОВА
УЧАСТНИКАМ VI ДРИНОВСКИХ ЧТЕНИЙ
В ХАРЬКОВЕ 8 АПРЕЛЯ 2010 г.**

Уважаемый Виль Савбанович,
уважаемые члены организационного комитета,
уважаемые дамы и господа!

Позвольте мне от своего имени и от имени Посольства Республики Болгария в Украине поприветствовать участников и гостей VI Дриновских чтений, посвященных теме «Болгария – Украина: от евразийских империй к европейскому союзу (XVIII – начало XXI в.)», среди которых с болгарской стороны присутствуют: почетный председатель Болгарской академии наук академик Иван Юхновский, мэр общины Панагюриште г-н Георги Гергинеков, уважаемые представители от Академии наук Болгарии, Софийского университета им. Святого Климента Охридского, Университета национального и мирового хозяйства Софии и Великотырновского университета им. Святых Кирилла и Мефодия. С удовольствием хотел бы отметить, что участие в сегодняшнем форуме такого большого количества известных ученых, болгаристов, славистов и преподавателей с Болгарии наполняет истинным содержанием сотрудничество между нашими дружескими странами в области науки и образования.

Примечательным есть тот факт, что уже больше 20 лет Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина и харьковские болгары не только проводят Дриновские чтения, но и сумели превратить их в настоящую традицию. Я не ошибусь, если скажу, что именно в Харькове, городе, в котором более 30 лет жил и творил Марин Дринов, уровень развития славистики и болгаристики является одним из самых высоких за пределами Болгарии.

Я хотел бы выразить глубокое уважение Болгарии к традициям серьезной болгаристической школы, исторической и философской мысли Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Благодаря вашим усилиям, усилиям болгар Харьковской области, а также всем причастным к делу Марина Дринова, в 2006 г. здесь, в Харькове, был открыт Центр болгаристики и балканских исследований, который носит имя великого болгарского ученого.

Выбранная в этом году тема для чтений не только интересна сама по себе, но и предоставляет отличную возможность очертить тесные исторические связи между нашими народами, а также перспективы полезного взаимодействия в дальнейшем.

Нас связывает не только история, не только сегодняшний день, а и будущее. Полноправное членство Болгарии в Европейском Союзе с 2007 года открыло для наших двух стран новые возможности для сотрудничества, тем более что одним из основных приоритетов внешней политики Украины является именно членство в Европейском Союзе. Болгарию и Украину связывает общий исторический путь, по которому довелось

следовать нашим народам в недалеком прошлом. Вот почему я считаю, что болгарский опыт европейской интеграции будет особо понятен и полезен для Украины.

Уважаемые дамы и господа!

Тесное сотрудничество между Республикой Болгария и Украиной развивается в рамках стратегического партнерства, которое охватывает целостную систему общественных, политических, экономических, научных и культурных связей. Сегодняшний форум высокого уровня является еще одним доказательством исключительно важного значения, которое два государства придают достижениям научной мысли, современным формам партнерства в области науки и образования.

Позвольте мне пожелать всем участникам VI Дриновских чтений успешной работы, интересного обмена мыслями и идеями, а также найти новых единомышленников и друзей!

БОЛГАРСЬКІ ТА УКРАЇНСЬКІ ЗЕМЛІ У СКЛАДІ ОСМАНСЬКОЇ І РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЙ

Л. В. Горина

ПРОФЕССОР МАРИН ДРИНОВ О БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОСТИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В творчестве профессора Харьковского университета, крупнейшего ученого и общественного деятеля Марина Степановича Дринова магистральной являлась проблема идентичности болгарской народности со всеми необходимыми составляющими этой глобальной темы: историей, филологией, мифологией и лингвистикой болгарского этноса.

М. Дринов – славист высокого академического уровня, владеющий всем источником инструментарием науки славистики¹.

За изучение обозначенной проблемы М. Дринов взялся сразу же по окончании Московского университета в 1865 г., где он специализировался у профессора О. М. Бодянского, ставшего первым магистром новой, согласно университетскому уставу 1835 г., славянской кафедры в Московском университете. Как известно, указом императора Николая I подобные кафедры были в том же году учреждены в Петербургском, Харьковском и Казанском университетах.

Завершивший Московский университет, «кандидат наук», как значилось в полученном им аттестате, и одновременно домашний учитель в знатной российской семье Голицыных, в 1865–1870 гг. начинающий славист пополнял свой научный багаж, усердно занимаясь в архивах Западной Европы – Швейцарии, Чехии, Италии и Австрии.

Концепция генезиса, становления и развития болгарской народности формировалось ученым длительное время. Начало было положено монографией «Взгляд на происхождение болгарского народа», вышедшей в Вене в 1869 г., и нашло продолжение в последующих трудах ученого. Огромная эпоха жизни болгарского народа в рамках Османской империи, в условиях иной, чуждой славянской цивилизации стала непрременной темой научного творчества М. Дринова, и эта тема была предметом не только академического научного интереса: его, уроженца Болгарии, она касалась непосредственно.

Научные заключения и выводы проф. М. Дринов постоянно базировал на солидных источниках, нередко разыскивая и открывая новые документы, позволяющие изучать османский период болгарской истории. Так, в итальянских архивах им были обнаружены материалы: «Описание Турции» испанского священника Октавия Сапиенция (1672), «Описание Турции Маркантонио Барбаро» (1572), «Речь трансильванского воеводы Павла Джорджича» (кон. XVI в.), «Наставления Константинопольской патриархии»

(1630), «Известие о Маркианопольской католической епархии» (1654) и многие другие. Часть найденных им источников по османскому периоду болгарской истории М. Дринов сделал достоянием научной общественности. В 1876 г. он опубликовал болгарскую народную песню об обязанности болгар посылать своих детей в янычарское войско, в 1882 г. – болгарский летописный рассказ XVII в. Рукопись рассказа принадлежала его родному городу Панагюриште.

Специального анализа заслуживает статья М. Дринова «Историческое освещение статистики народностей в восточной части Болгарского княжества». Источником научных рассуждений стала проведенная в январе 1881 г. перепись населения, обнаружившая преобладание турецкого населения в восточной части Болгарии. Авторская задача была такова: когда, как и почему турки тут размножились? Почему именно в этих областях они увеличились до такой степени, когда в других частях княжества число их совсем ничтожно? Что стало с болгарским населением в тех староболгарских областях, которые сейчас, скажем, заселены турками?² Эти вопросы любопытны с многих сторон, и мы постараемся их по возможности прояснить.

Вначале ученый обращается к XV веку. Понадобились серьезные научные аргументы. В частности, нужно было опровергнуть миф, что турки при захвате полностью опустошили всю восточную часть Балкан, превратили ее в прах и пепел, и потому появилось название «Тузлук» (от турецкого – прах, пепел). В это время болгары исчезли с вышеупомянутых земель. С помощью лингвистических данных ученый доказывает, что «тузла» происходит не от турецкого слова, но от староболгарского названия «тузла» – соль. Точно так же слово «соль» – «тузла» встречается и в Боснии.

О малочисленности турецких гарнизонов в Болгарии в XV веке свидетельствовали данные о походе польского короля Владислава против осман в 1444 г. Войско европейцев было немногочисленным, но сумело быстро, без особого сопротивления, совершить путь от сербской границы до Варны. «И это малочисленное войско, – пишет Дринов, – не могло бы совершить такой поход за такое короткое время, если бы в крепостях Видин, Никополь, Шумен, Балчик, Варна и др. имелись достаточно сильные турецкие гарнизоны, и если бы около этих крепостей имелось достаточно густое турецкое население». Ученый делает вывод: «Около половины XV века турки еще не укрепились в околонунайской Болгарии... Сельское турецкое население было совсем ничтожно, число спахиев... было малочисленно»³.

XVI век ознаменовался своими событиями, и о них пишет М. Дринов. Вновь понадобились презентативные источники. Достоверные исторические документы свидетельствовали о том, что в начале XVI века султан Селим начал кампанию по уничтожению христианских храмов и превращению их в джамии. В 1570 г. в Царьграде под председательством Вселенского патриарха Митрофана III собрался Синод, который решил ликвидировать самостоятельные Охридскую, Печскую и Тырновскую патриархии и подчинить их Вселенскому престолу. Указанное время, пишет историк, принесло и «татарское разорение», т.е. набеги татарских полчищ на Болгарию. М. Дринов в своем выводе о татарских набегах, особенно в XVI–XVII вв., опирается на данные болгарских народных песен.

О конце XVI века ученый судит на основании письменных источников, в частности, писем Павла Джоржича, отправленных польскому королю Стефану Баторию в 1595 г., где сообщалось, что болгары могут помочь объединенным европейским войскам в борьбе против турок. Эти письма М. Дринов считает важнейшими источниками, позволяющими судить о Болгарии конца XVI века. Впрочем, одно обстоятельство смущало: в Миланском архиве сохранился не оригинал, а копия этих документов, а копия, как это бывает, возможно, не точная. Но в этих письмах имелись ценные сведения о том, что в восточной части Болгарии много болгарских сел, и болгары числом превос-

ходят мусульман. Следовало обоснованное источниками заключение о том, что в конце XVI века в Восточной Болгарии проживало не более 150 000 турок (статистика 1881 г. насчитала 450 000 человек).

Самый конец XVI века отмечен тем, что турецкие султаны изменили свою политику по отношению к янычарам, которые из дворцовой гвардии превратились в обычных разбойников, особенно расплодившихся в восточной части Болгарии. Тем не менее, еще в начале XVII века численность болгар на востоке своей страны была велика, о чем свидетельствовали данные иностранных путешественников по Балканам. Вывод Дринова, основанный на данных источников, был таков: «В областях Добруча, Делиормана и Горилово, где сейчас имеется около 230 000 болгар и около 430 000 турок, в конце XVI века христианское (болгарское) население составляло примерно 400 000–500 000, а турецкое – около 150 000 человек»⁴.

Подчеркнем, что в целом ряде своих трудов, посвященных судьбе болгарского народа в XV–XVIII вв., ученый рисует впечатляющую панораму положения не только болгарского этноса, но и других славянских народов. В своих лекциях харьковскому студенчеству, верный своей методике построения лекционного материала, профессор озвучивает в аудитории обобщающие выводы: славянство именно в XVII в. очутилось на краю гибели; загнанность, бедность, грубое рабство стали уделом его. Именно о таком славянстве в Европе стали говорить как о народе отсталом и грубым. Лектор опирался на материал источников для доказательства ранее прозвучавших обобщающих выводов: «Я вошел в эти подробности, милостивые государи, дабы вы могли наглядно убедиться в том, что при таком положении дел в те времена не могло быть и речи о какой-нибудь славянской науке»⁵.

Ученый обращался не только к историческим проблемам, но и к филологическим и этнологическим. В одной из лекций профессор специально представил тему развития болгарской литературы XV–XVII вв., времени наименее изученного и ныне. Важным был вывод, что литературная деятельность как у болгар, так и у сербов продолжалась и в эти трудные времена. И главными творцами ее были монахи-отшельники, а также высшие духовные иерархи – сербские и болгарские. Дошли и сведения о существовании славянских училищ в разных частях подвластных туркам земель. Одно из них находилось в Софии, а работали они почти во всех монастырях, о чем свидетельствуют рукописные тексты того периода. Сведения о рукописных памятниках времени османского господства профессор сообщал своим студентам с большим удовольствием, т. к. охотно занимался изучением этих источников, хорошо их знал. По содержанию своему – читаем в тексте – рукописи XV–XVII вв. представляют собой по большей части списки с более древних памятников.

Далее следовал наиболее важный вывод: в их числе попадаются нередко и такие сочинения, которые были составлены или переведены еще в первые века турецкого ига. По сути это был гордый вывод М. Дринова как болгарина по происхождению о непрерывности духовной жизни болгарского народа, потерявшего многое, но сохранившего главное – духовность. Лектор рассказывал своим студентам о писателе Владиславе Грамматике, жившем во второй половине XV века, а его «Повесть о перенесении мощей Св. Иоанна Рильского из Тырнова в Рильский монастырь» называл «одним из лучших памятников древнеболгарской письменности». В лекции анализировался сложный агнографический жанр – жития болгарских новомучеников – Георгия Нового (Софийского) и Николая (Нового) Софийского. Поле южнославянской литературы пополнили переводы Слов и Поучений знаменитого греческого проповедника Дамаскина Студита (XVI в.). Профессор проводит четкую грань между периодом XV–XVI вв. и XVII веком, когда начала ослабевать и почти совсем прекратилась интеллектуальная жизнь

в Болгарии. Причину этого М. Дринов видел в натиске фанариотов на болгарскую культуру: фанариоты уничтожали славянские школы, истребляли славянские книги. Целые монастырские библиотеки, в которых хранились драгоценные древние рукописи, были истреблены поборниками эллинизма.

Важнейший период болгарской истории, начавшийся с середины XVIII в. и завершившийся освобождением страны от ига осман в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., именуемый национальным Возрождением, был для Дринова не только объектом исследовательского интереса. Для него это была сама современность, поэтому личная заинтересованность ученого в исследовании проблем новой болгарской истории была в данном случае максимальной. Профессор был не только историком этого процесса, но и его активным участником, особенно в период построения болгарской государственности вскоре после освобождения его родины от османской власти. Занимая высокие государственные должности в 1877–1879 гг., М. Дринов получил счастлившую возможность опереться на научные результаты своих трудов при выработке практических решений и рекомендаций. Знания историка помогли Дринову отстоять свою идею о Софии как столице болгарского княжества. А весь арсенал славистических знаний был использован профессором на новом посту министра просвещения и духовных дел Болгарии. В 1879 г. министр М. Дринов в статье «Болгарский церковный вопрос в связи с Берлинским трактатом», защищая права болгарской церкви и опираясь на исторические источники, пишет: «Болгары едва ли не единственные из европейских народов, которые вместе с принятием христианской веры добились права иметь свою самостоятельную церковь...». В состав болгарской патриархии, хотя и в разное время, входили все епархии, которые находятся в областях, определенных Сан-Стефанским договором⁶.

В начале 70-х годов XIX ст. в связи с широко развернувшейся борьбой болгарского народа за самостоятельную, независимую от Константинопольской патриархии болгарскую церковь, Дринов обратился к изучению жизни и творчества болгарского писателя середины XVIII в. Паисия Хилендарского. В марте 1871 г. он закончил специальную статью о Паисии Хилендарском, которую в этом же году опубликовал в периодическом органе Болгарского научного общества. По единодушному признанию исследователей творчества М. Дринова, эта статья имела огромное значение для развития болгарской историографии, так как, в сущности, открыла великое дело крупного представителя национального Возрождения – Паисия Хилендарского. И после 1871 г. Марин Дринов многократно обращался к творчеству Паисия.

Еще в 1869 г. в своем труде по истории болгарской церкви он использует сведения, сообщаемые Паисием, для осуждения фанариотского ига в современной ему Болгарии. При этом он опирается на данные Г. Раковского о святогорском монахе и его знаменитой книге. Дринов объявил тогда читателям, что собирается написать книгу «обо всех предтечах и деятелях Болгарского возрождения».

К оценке труда и личности Паисия Дринов обратился в написанной им в 1871 г. на русском языке и опубликованной в Москве статье «Болгары и Константинопольская патриархия». Здесь им впервые высказывается мысль о месте Паисия в процессе болгарского Возрождения. «В половине XVIII века, – пишет Дринов, – появилась на болгарском языке книга, написанная иеромонахом Паисием, которую болгары справедливо ставят во главе своего возрождения. Вся книга есть жалобный вопль против греческой духовной власти, окончательно убившей болгарскую народность»⁷. В этой же статье Дринов оценивает значение Паисиевой традиции в болгарском национальном Возрождении. «В некоторых болгарских городах, – пишет историк, – смотрели на это сочинение как на священную книгу, которую хранили в церквях вместе с церковной святыней. К концу прошлого века замечательная эта книга сделалась предметом пере-

делок, в которых жалобный вопль Паисия преобразился в страшное негодование против греческой иерархии»⁸.

Центральное место в ряду исследований и высказываний М. Дринова о Паисии, несомненно, занимает его статья «Отец Паисий, его время и его ученики», где содержится тщательный анализ сочинения святогорца, находит отражение концепция болгарского национального Возрождения, ставится вопрос о начале и содержании этого важнейшего процесса новой болгарской истории. И в этой статье первую половину XVIII века в Болгарии, т. е. время, сформировавшее Паисия, Дринов считает «самым черным периодом» в истории болгарского народа. Если в предшествующие времена болгарский народ, по мысли Дринова, еще сохранял этническое самосознание, то к началу XVIII в. болгарская земля предстает в ином свете: «Ни одной утешительной черты, на которой мог бы отдохнуть утомленный тяжестью взгляд, никакого признака духовной жизни, ни в чем не проявляется народное сознание»⁹.

Главную причину этого тяжкого положения Дринов видит в фанариотском гнете. Эта статья ученого, как и большинство его произведений, насыщена большим патриотическим зарядом и тесно связана с современными Дринову задачами болгарского Возрождения. Она имеет многие полемичные выводы. К ним принадлежит и следующий: ошибаются те, которые из факта тяжелого положения болгар в XVIII в. делают заключение «о ничтожестве болгарского народного характера, о неспособности болгар к долгой исторической жизни». В этой же статье нашел место чрезвычайно спорный и уязвимый для критики вывод ученого: «Наш народ был мертв в начале XVIII века, болгары уже не существовали как народ, а представляли собой собрание людей угнетенных, подавляемых, разрозненных»¹⁰.

Важной частью статьи историка являются сообщаемые им сведения о списках труда Паисия. Один из них, известный Г. Раковскому, так называемый «Жеравненский (Априловский)», Дринову получить не удалось, хотя в бытность свою в Одессе он старался его разыскать. Дринов воспользовался «Калоферским» списком 1829 г., представленным ему болгаринном Н. С. Тошковичем, «Дряновским» 1838 г. и списком, принадлежащим его учителю, профессору О. М. Бодянскому, правда, дефектным, содержащим лишь две главы сочинения Паисия. Дринов имел возможность, таким образом, воспользоваться тремя списками книги. Ему было известно также о существовании «Котленского (Софрониева)» списка 1765 г., а также трех списков, в которых «История» Паисия была исправлена и дополнена – рукописью Н. Герова и двух А. Ф. Гильфердинга. К настоящему времени источниковая база изучения «Истории славяно-болгарской» значительно расширилась: современным исследователям известны свыше четырех десятков ее списков.

Судьба болгарского народа в составе Османской империи на протяжении полутысячелетия получила достаточно подробное освящение в творчестве профессора Дринова как историка. Но важно еще раз подчеркнуть, что ученый был не только историком, а славистом в самом широком смысле этого слова, т. е. и этнологом, и филологом, что дало ему возможность ставить и решать сложнейшую проблему идентичности болгарского этноса указанной эпохи, включая и такие ее составляющие, как взаимоотношения с соседними этносами. Еще в начале своего научного пути, в 1870 г., М. Дринов обратился к лингвистическим проблемам. Им была написана статья «О новоболгарской азбуке», которая начиналась буквально программным заявлением автора: «Одна из главных забот Болгарского Научного Общества – изучение болгарского языка – самой первой нашей национальной опоры... Нет сомнений в том, что от разработки одного общего языка для всех болгарских областей во многом зависит утверждение нашей народности и успех нашего национального развития»¹¹.

Последующее содержание статьи – это целая программа лингвистического направления новорожденной болгарской Академии наук. М. Дринов подчеркивал, что для оформления общей письменности необходимо принять одинаковое правописание согласно с духом и свойствами народного языка. Ученый отдавал себе отчет в том, что процесс этот сложен по многим причинам: в начальной стадии развития находится болгарская лингвистика, сложны поиски форм языка, и нужен путь к единому, общему правописанию.

Вторую часть своей статьи М. Дринов посвятил «Краткому историческому обзору болгарской азбуки» с целью показать исторический путь ее развития. И вновь понадобились как исторические, так и лингвистические методы исследования. Ведь речь шла об азбуке, употреблявшейся в средневековой Болгарии еще во времена Черноризца Храбра и Св. Климента Охридского. Азбука – живой организм, полагал ученый, способный к развитию и самосовершенствованию. Развитие болгарской письменности сложилось таким образом, что в рукописях XVI–XVIII вв. встречаются много правописных погрешностей. XVIII век преподнес свой сюрприз: на одном книжном болгарском поле столкнулись две азбуки – староболгарская и церковнославянская. К концу XVIII в. староболгарская азбука все более уступала свое место церковнославянской. Проблемы болгарского правописания перешли и в XIX век, отмечает Дринов, и их необходимо решать. Вставал сложный вопрос: какой должна быть болгарская азбука? М. Дринов ставил его не только в теоретической, но и в сугубо практической области: в каком правописании нуждается болгарское общество? Этот вопрос прошел через всю творческую судьбу исследователя.

Марин Дринов был среди ученых, которые создали теорию болгарского языка, включая исторический принцип его построения. Одну из своих статей на эту тему М. Дринов публикует в Румынии, в Бухаресте, в газете «Народност», 1868 г., № 4. Отметим, что в авторской библиографии своих трудов он озаглавил эту публикацию «Что нужно делать болгарам?». В печати же статья появилась под другим названием: «Письмо к болгарской интеллигенции». Впервые появляется подпись – Дринов-Божков. Болгарскому народу надо быть духовно сильным, способным в науке, ремесле, торговле, но этого еще недостаточно для национального развития и процветания, полагал ученый. М. Дринов усматривает национальные интересы Болгарии в развитии языка, веры, народного образования, литературы и общественного мнения. В этой составляющей Дринов отводит языку место первой нравственной силы, которая связывает тысячи людей в одно нравственное тело, в один народ. От усовершенствованного языка, от его силы и чистоты зависит духовная крепость народа. Постановку научных задач М. Дринов связывает с их практическими проблемами. «Словарь свой еще не имеем, не имеем хорошо написанной грамматики»¹². Надежды на разрешение указанных проблем ученый возлагал на просвещенных соотечественников, на болгарскую интеллигенцию.

Жанр публицистического и научного сочинений различен. В творчестве Дринова уже на первом этапе становления его как ученого-слависта оба жанра гармонично сосуществуют: серьезные научные доводы помогают формулировать яркие публицистические идеи для решения актуальных практических задач. Так, в статье «Письмо к болгарским читателям», опубликованной в октябре 1869 г. в газете «Македония», Дринов подчеркивает значимость законов и свойства языка, его духа, а затем говорит о практическом инструментарии лингвистических изучений. Разработанность и характеристика этого инструментария делает указанную работу по своему уникальной. Перед болгарскими читателями, которые Дринов считал самыми просвещенными и самыми деятельными силами в Болгарии, ставилась задача изучения всех болгарских наречий и говоров, а также изучение истории болгарского языка, его изменений при всех случаях.

Обратимся и к лекционной практике профессора Дринова. Он рассказывал харьковским студентам об эволюции болгарского языка. Лишь владеющий всеми методами общей славистики ученый, каким являлся Марин Дринов, мог дать столь компетентные оценки развития фонетики и лингвистики в целом, каковые прозвучали в одной его лекции: «Наша фонетика остается все еще недостаточно разработанной, а известно, что новая лингвистика на фонетике воздвигает свое величественное здание. Причина этого несовершенства заключается в недостаточной еще обработке отдельных славянских наречий. Вспомним, что еще недавно только начали обращать внимание на изучение диалектов отдельных наречий, вспомним, что есть еще целое наречие славянское, весьма важное по своим близким отношениям к древнеславянскому языку, разумею – новоболгарское наречие, которое не имеет еще порядочного словаря и грамматики, не говоря уже о его диалектах, которые совсем еще не початы или затронуты неумелыми руками»¹³.

Важной особенностью трудов Марина Дринова, относящихся в том числе и к османскому периоду, была, как уже подчеркивалось, соединенность филологических и этнологических приемов при анализе источников. Нередко опираясь на весь комплекс славистических материалов, профессор вступал в полемику, отстаивая научную истину. Так случилось в 1887 г., когда появилась сначала статья, а затем и сборник статей российского ученого Н. В. Ястребова о дебрских славянах. Дринов откликнулся на эти публикации своим исследованием «Несколько слов о языке и народных песнях и обычаях дебрских славян». Темой полемики стал язык македонских (болгарских) говоров в Дебрской области. Свой отзыв на статью Н. В. Ястребова Дринов начал с историографического напоминания о том, что тематика дебрских славян уже была предметом интереса, в частности, ею занимался известный сербский просветитель Вук Караджич, который дал им характеристику и высказал свои соображения относительно болгарской азбуки. Караджич ссылается на т. н. «Москопольскую книгу» конца XIII века, признавая ее болгарское происхождение. О болгарском характере области Дебра говорил и русский славист В. И. Григорович. «О каких либо сербских поселениях в Македонии, – подчеркивает Дринов, – Григорович не упоминает ни единым словом, несмотря на то, что он изъездил эту страну вдоль и поперек. Характеризуя западное или македонское наречие болгарского языка, он не ограничился указанием важнейших общих признаков его, но отметил и частные особенности некоторых македонских говоров, в том числе и Дебрского»¹⁴.

Болгарскими признавал Дебрские памятники и хорватский ученый Станко Враз, который издавал дебрские песни. Издавал их и комментировал также Стефан Веркович; последний – Дринов называет его сербом из Боснии – считал македонских славян болгарскими, песни болгарскими... и во время продолжительных странствий по Македонии... нигде не находил там сербских поселений... Страна эта, по его словам, населена народом, говорящим на самом чистом болгарском языке, начиная от самой северной границы – горы, называемой Люботронь (северо-восточная оконечность хребта Шарпланины), и до самой южной границы, т. е. Средиземного моря. Далее М. Дринов говорит об издании «Болгарских народных песен» братьями Миладиновыми, значительную часть которых они записали в Струге, на границе Дебрского округа, сделав тем самым значительный вклад и в болгарскую диалектологию. Ученый отмечает далее, что ему удалось найти и обнародовать одну дебрскую песню в журнале «Периодическое списание» (1876, кн. XI–XII). Отметим, что историографическая оснащенность статьи Дринова о дебрских славянах весьма солидна – он ссылается на труд А. Ф. Гильфердинга «Поездка по Герцеговине, Боснии, Старой Сербии», в котором российский ученый подчеркивает: «Дебрский округ состоит из болгар».

Далее на историческом фундаменте ученым строятся лингвистические доказательства принадлежности говора дебрского населения к болгарскому языку. В частности,

он выявляет лингвистические ошибки Ястребова при передаче текста народных песен и вновь повторяет свой вывод: «Особенности Дебрского говора составляют такие типические явления, соединение которых создает в славянской семье отдельную особь, отдельную народность, которую принято называть болгарской»¹⁵.

Следующий раздел статьи М. Дринова – этнографический, т. к. в нем речь идет об обычаях и обрядных песнях славян, в частности о празднике «Славы» – такой праздник, а именно чествование отдельными семьями или целыми общинами дня своего покровителя, был только у сербов, полагал Ястребов.

М. Дринов абсолютно не согласен с этим выводом. Прежде чем приступить к источниковым доказательствам, он ссылается на труды известного российского ученого Н. А. Кулаковского, по мнению которого «следует быть осторожным в вопросе принадлежности того или другого обычая тому или другому славянскому племени. Известно, что сербы даже определяют границы своего племени празднованием «Славы», но один обычай еще ровно ничего не говорит в пользу той или другой этнографической границы племени». М. Дринов сразу формулирует свой основной вывод: «Занимающий нас здесь праздник существует не у одних сербов, но и у болгар, у греков, у румын, у православных албанцев, наконец, у русских, словом у всех православных христиан Европы»¹⁶.

Ученый останавливается на русских и болгарских праздниках этого рода, опираясь на разного вида источники, в том числе «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии», и на выводы историографии. Историк ссылался на мнение известных российских библеистов А. Горского и К. Невоструева относительно праздника «Славы» в житии Феодосия Печорского, а также на труд профессора Н. Ф. Сумцова о подобных праздниках в российских губерниях. Вывод М. Дринова был таков: «В Болгарии существуют все виды занимающего нас праздника: и семейный, и сельский, и еснафский*, и приходской, и наконец училищный»¹⁷.

Весьма интересный доказательный материал общности славянского эпоса представляет материал об известном балканском герое Марко Кралевиче. По мнению М. Дринова, это герой не только сербского, но и болгарского эпосов, что находит подтверждение в источниках: например, в сочинениях средневековых писателей Владислава Грамматика и Михаила из Островиц, а также в работах В. Ягича. Завершающий статью вывод базируется на множестве источников, и его можно считать научно доказанным. «Итак, – пишет М. Дринов, – все дебрские песни, признаваемые рецензентами сборника г-на Ястребова за особенно любопытные в том или другом отношении, были известны и раньше, да притом большей частью в лучших и исправнейших болгарских списках»¹⁸.

Еще одна статья М. Дринова – «Первая болгарская типография в Солуни и некоторые отпечатанные в ней книги» – касалась «македонского вопроса». И не только его. Ученый специально подчеркивал значение Солунской типографии в деле Болгарского просвещения: «Хочу сказать, – писал М. Дринов, – что в Солуни прежде всего появилась болгарская типография, и она дала импульс открытию болгарских типографий в Царьграде, а затем и в других городах. Таким образом, этому же городу, где в старое время возникло славянское просвещение, было суждено стать колыбелью болгарского книгопечатания. Об этой первой болгарской солунской типографии, впрочем, почти забыли; о ней упомянули лишь З. Орфейков и В. Стоянов».

Нами уже отмечалось, что ученый брался за перо в тех случаях, когда изучаемый сюжет или сильно запутан, или вовсе неизвестен. В данном случае сюжет был полузабытым, и М. Дринов сообщает читателям сведения по истории этой типографии – ее открытию в 1838 г. и дальнейшем развитии. История возникновения типографии привела ученого к выводу, что ее основатель – Хаджи Феодосий – был родом из Западной

* Т. е. мещанский (городской).

Болгарии (Македонии) и что «это никого не должно удивлять, т. к. македонские болгары начали пробуждаться раньше восточных. Достаточно вспомнить, что македонцы и Паисий, с которого началась история болгарского Возрождения, и Кирилл Тетовец Пейчинович, и Неофит Рилски., и Христки Павлович Дупничанин, и Иоанн Димитриевич Охридянин (один из первых болгарских книгоиздателей в Царьграде), и многие другие из первых деятелей Возрождения болгарского народа»¹⁹. О самой типографии писал российский ученый В. И. Григорович, отметивший, что она была основана природным болгаринном Феодосием, архимандритом Синайским.

Благодаря большой источниковедческой работе М. Дринову удалось впервые представить книги, изданные в болгарской типографии в Солуни, книги, «которые стали такой редкостью, настолько неизвестными, что и в Иречековой болгарской историографии не упомянута ни одна из них». Некоторые книги М. Дринов характеризует подробно, как, например, «Написание Святогорских монастырей», опубликованной в 1839 г. – она была одной из первых, изданных в Солунской типографии. История этой книги достаточно любопытна. Она была опубликована не только в Солуни, но и в 1877 г. российским «Обществом любителей древней письменности», славная издательская деятельность которого началась именно с этой публикации. Внимание общества книга привлекла, потому что напечатана она была в родном городе Св. Славянских первоучителей и стала большой библиографической редкостью. В статье М. Дринова находим тщательное текстологическое описание упомянутой книги, анализ ее языка, а именно употребление как церковнославянского, так и народного болгарского, одного из македонских говоров. Книга, подчеркивает ученый, стала буквальным путеводителем для болгарских паломников на Св. Гору Афон.

Особенно ценным изданием Солунской типографии М. Дринов посчитал книгу «Утешение грешных» иеромонаха Кирилла, который был родом из Македонии, точнее, из Тетовского края. Как отмечено в предисловии к книге, иеромонах Кирилл писал на простом болгарском языке областей Мизии, Скопской и Тетовской. Для защиты своей характеристики иеромонаха Кирилла как болгарского священнослужителя М. Дринову пришлось совершить большой источниковедческий экскурс в область исторической географии, привлечь в «свидетели» данные надежных исторических источников, в том числе и византийских.

Тщательным источниковедом М. Дринов предстает в статье «Медно (бакърено) гумно и меден ток». В ней звучит весь оркестр комплексной славистики: источники исторические, филологические и этнологические. Сюжет статьи: смысл и значение самих терминов, которые были искажены в сербской историографии. Ученый совершает научный экскурс в славянскую мифологию, подчеркивая, что «медные гумна» – это мифические вещи, плоды народной фантазии и не более того. Эти мифы встречаются у многих славянских народов – русских, словаков, болгар, сербов и даже у греков. С этими мифами ученый и знакомит читателей. Сведения об этих мифах М. Дринов находит в самых ранних источниках. Так, в одном сборнике из Панагюриште, переписанном в XV–XVI вв. со старого болгарского протографа, встречается рассказ о медном токе (медном поле). Возможно, что медное поле называлось также и «овче поле», полагает ученый.

М. Дринов подчеркивает, что не всегда стоит верить мифам, но сами мифы и предания могут стать объектами научного изучения.

Итоговым ответом на вопрос о судьбе болгарского народа стала публичная лекция, прочитанная профессором М. Дриновым в Харьковском университете в ноябре 1876 г., т. е. вскоре после кровавого подавления Апрельского восстания. Это был рассказ о его путешествии в Болгарию летом 1875 г., когда он посетил Филиппольскую область, центр будущего восстания. Именно в указанной публичной лекции профессору удалось

расставить главные акценты в истории Болгарии XV–XIX вв. Они таковы: в конце XIV века болгар постиг погром, от которого они и до сих пор не могут оправиться и который чуть было совсем не похоронил их – это было турецкое нашествие. Еще один акцент – болгары пострадали от османского нашествия более других народов. И еще один – болгары не сидели, сложа руки, – они боролись, они восставали при освобождении Валахии, Молдавии, Венгрии, восставали и во времена попыток европейских государств изгнать турок из Европы. Восстания болгар подавлялись и топились в реках крови.

Считаем необходимым прибегнуть к обширному цитированию, поскольку находим в авторском тексте точные сжатые характеристики целой эпохи. Историк пишет: «Кровавые бани, несколько раз повторяющиеся в XVI и XVII веках, довели злополучный народ до крайнего оцепенения: вожди перевелись, церковь – единственная кормилица национального духа – очутилась в руках константинопольских греков фанариотов, послушных клеветов турок и ловких авантюристов. Национальное духовенство было заменено фанариотами, которые явились сюда, с греческими книгами не замедлили наложить руки и на национальное просвещение болгар, принужденное вследствие этого укрыться в немногих монастырях и захолустьях. Благодаря усердию фанариотов около конца прошлого века болгарский народ казался уже умершим. Его воскресил, главным образом, гром русского оружия, с начала нынешнего столетия начавший раздаваться на Нижнем Дунае. Медленно ни для кого незаметный возродился совершенно забытый народ... О болгарях стали говорить лишь с пятидесятих годов, когда возрождение их продвинулось настолько, что они могли вступить в борьбу с фанариотами за восстановление своей национальной церкви. После двадцатилетней упорной борьбы болгары, наконец, добились того, что национальная церковь их, хоть и отчасти, была восстановлена. Этим актом ... было положено первое основание новой самостоятельной духовной жизни болгар. Тут Европа, да и сами турки узнали, что участь самой Турции тесно связана с участью этой ее райи»²⁰.

Таким образом, историк впервые рисует целостную картину положения болгарского народа в Османской империи, опираясь на данные пусть об одной, но важнейшей области Болгарии – Филиппопольской, картину экономического, социального и духовного положения болгар накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В целом же время османского владычества в Болгарии профессор М. Дринов характеризовал резко отрицательно. Свою публичную лекцию в Харьковском университете он завершил словами: «Будем надеяться, что кровь десятков тысяч жертв, обагрившая поля и горы Филиппопольской области, есть кровь искупления всего болгарского народа от векового рабства»²¹.

Подводя итоги, отметим, что в научном творчестве профессора Марина Дринова «османская тематика» истории Болгарии представлена в значительной степени темой прежде всего духовной жизни болгарского этноса во всем ее многообразии – историческом, филологическом и чисто этнологическом. Всеми своими трудами он давал ответ на вопрос: как и каким образом удалось сохранить свою идентичность болгарскому народу, попавшему в самое тяжелое, по сравнению со своими балканскими соседями, положение в составе Османской империи.

Подчеркиваем, что Марин Дринов был, прежде всего, медиевистом, который изучал преимущественно средневековую историю Болгарии. И это был его большой вклад в формирование исторического и национального самосознания болгар и возобновление идеи преемственности от первых двух независимых Болгарских царств к третьему, возникшему после освобождения Болгарии. Яркое подтверждение тому – вступительные строки к сочинению М. Дринова «Взгляд на происхождение болгарского народа и начало болгарской истории». Историк пишет: «Принужденный жить несколько веков в духовном рабстве, наш народ в эти черные века не только не мог двигаться вперед

по пути просвещения, но он должен был потерять и то драгоценное последнее, которое ему собрали на этом пути его предки. И эта потеря еще не все: в эти тяжкие века болгарский народ должен был еще и забыть, что имел таких предков... представляя себя отрезанным от мира, как несчастный сирота между другими народами, без прошлого, без истории, без предков. И одно недостойное чувство должно было после этого охватить душу болгарина, чувство, которому имя самоуничижения и которое сильно мешает болгарскому самостоятельному народному развитию. И от этого недостойного и зловредного для нашей народности чувства мы легко можем избавиться путем изучения нашей народности вообще и особенно нашей истории»²².

Таковым было ответственное заявление историка, начинающего в ту пору (в 1869 г.) свой путь в большую науку.

¹ Литература о М. С. Дринове как слависте представлена трудами специалистов соответствующих отраслей науки славистики. Подавляющая часть исследований приходится на историческую ее составляющую. И в то же время есть, пусть немногочисленные, труды, посвященные тематике «М. С. Дринов как этнограф и фольклорист, литературовед и лингвист». В этом ряду укажем на работы: *Романска, Ц.* Марин Дринов като етнограф и фольклорист. – В: Изследвания в чест на Марин Дринов. С., 1960; *Попов, К.* Принос на Марин Дринов за устройството на книжовния ни език. – В: Изследвания в чест на Марин Дринов. С., 1960; *Тодоров, Д.* Българската етнография през Възраждането. С., 1969; *Жерев, Ст.* Българското книжовно дружество и възрожденските теоретични възгледи за националния характер на новобългарския книжовен език. С., 2007. Автору представенной статьи принадлежит монография «Профессор Марин Дринов – основоположник болгарского академического славяноведения» (С., 2009).

² *Дринов, М.* Историческо осветление върху статистиката на народностите в източната част на Българското княжество. – В: Съчинения на М. С. Дринов. Т. 1. С., 1909, 521–548.

³ Там же, с. 528.

⁴ Там же, с. 529.

⁵ *Дринов, М.* Успехи и задачи славяноведения. – В: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 3. С., 1915, 509–519.

⁶ *Дринов, М.* Българският църковен въпрос в свръзка с Берлинския трактат. – В: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 3. С., 1915, с. 59.

⁷ *Дринов, М.* Болгары и Константинопольская патриархия. – В: Избрани съчинения. Т. 2. С., 1911, с. 176.

⁸ Там же, с. 177.

⁹ *Дринов, М.* Отец Паисий, неговото време, неговата история и учениците му. – В: Избрани съчинения. Т. 1. С., 1911, с. 163.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Дринов, М.* За новобългарското азбуке. – В: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 2., с. 264.

¹² Там же, с. 269.

¹³ Архив на БАН, ф. 104, оп. 1, ед. хр. 3, л. 2.

¹⁴ См. в: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 1., с. 367 и сл.

¹⁵ Там же, с. 384.

¹⁶ Там же, с. 392.

¹⁷ Там же, с. 423.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Дринов, М.* Първата българска типография в Солун и някои от напечатаните в нея книги. – В: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 2., с. 425.

²⁰ *Дринов, М.* България накануне её погрома. – В: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 3., 27–28.

²¹ Там же.

²² *Дринов, М.* Поглед върху произходението на българския народ и началото на българската история. – В: Съчинения на М. С. Дринов. Т. 1., с. 5.

Т. Готовска-Хенце

**ЕВРОПЕЙСКИТЕ „МОСТОВЕ“
НА СЛАВЯНСКИТЕ ЕЛИТИ ПРЕЗ XIX в.
Чешкият период в живота на професор Марин Дринов**

Това изложение ще се съсредоточи само върху дейността на Марин Дринов до 1878 г. и по-точно върху двете му пребивавания в Прага и контактите му с местните възрожденски лидери. То си поставя следните изследователски задачи: 1) да хвърли светлина върху контактите на младия български учен с чешките му колеги и възрожденски дейци, като изследва въздействието, което те оказват върху цялостното му формиране като историк славист и национален лидер; 2) да анализира връзките между чешките и българските просветители по това време като „мост“ за ускорен трансфер на възрожденски опит.

Нека проследим началото на научния път на Марин Дринов до първата му европейска командировка като домашен учител в семейство Голицини, т.е. до идването му в Прага.

Оформянето на Марин Дринов като славист

Марин Дринов поема своето научно поприще като един от най-талантливите възпитаници на руската славистична школа. Роденият през 1838 г. в Панагюрище българин, както е добре известно, отива на учение в Русия и след тригодишен престой в Киевската духовна семинария се записва да следва в императорския Московски университет през 1861 г. с финансовата подкрепа на Славянския комитет.

Ученолюбивият панагюрец имал щастието да стане ученик на Осип Бодянски – „пионера“ на преподаването на славистичните дисциплини на Московския университет на професионално научно ниво¹. Благодарение на професионализма на Бодянски Московският университет се утвърдил като първия и най-развит център по славянски изследвания в Русия, в който се оформила цяла школа от специалисти в тази област². Неговият лекционен курс представлял славянознанието като комплексна дисциплина, като разкривал от една страна връзката на историята и филологията, а от друга – общото в руското и общославянското духовно развитие. Южните славяни били застъпени в лекциите по славянска древност, в които се представяло и древнобългарското наречие. Историческият обзор пък се ориентирал по династиите, като завършвал с турското нашествие³.

Бодянски принадлежал към поколението руски слависти, които били тясно свързани с чешката славистична школа. Контактите между водещи руски и чешки слависти се засилили особено след учредяването на катедри по славистика в основните руски университети. През 40-те години на XIX в. много млади и надеждни учени слависти като Пьотр И. Прайс, Измаил И. Срезневски и Виктор Григорович посещавали Златна Прага. Младите руски учени снабдявали домакините с неизвестни в Европа източници, а от своя страна заимствали от чешките си колеги характерното за възраждането романтично отношение към славянството. Създадената на чешка почва теория за славянската взаимност се споделяла от всички тогавашни руски слависти, а и от част от руското образовано общество, което се интересувало от славянството⁴.

Първите слависти били много повече от добросъвестни и сериозни изследователи – езиковата близост, фолклора и етническата принадлежност на славяните те заложили като основен камък при формирането на модерната им национална идентичност. При непълноправните европейски народи през XIX в. славистиката освен „академична“ наука обслужвала и чисто „практическите“ задачи при оформяне на модерната идентичност на съзряващите нации в лоното на многонационалните империи. Заобиколени от германското море, чехите инстинктивно търсели опора в лоното на „голямото славянско семейство“. Затова и чувството за общославянска принадлежност формирало „гръбнака“ на Чешкото възраждане през XIX в. То имало различни прояви, основната от които безспорно били традиционните симпатии към Русия, започнали да се оформят още от началото на XVIII в., т.е. още в зората на Чешкото възраждане⁵.

С подобни „актуални задачи“ няколко десетилетия по-късно славистиката се „нагърбила“ и при българите. Неслучайно нашата възрожденска общност реагирала така възбудено на трудовете на Павел Йозеф Шафарик. Разискванията бързо излезли извън рамките на абстрактната научна дискусия, защото от отговора на въпроса дали българите са славяни, татари или наследници на траките в крайна сметка произтичали и конкретните последици, а именно – в рамките на коя по-широка етническа и културна общност ще продължи формирането на българската нация.

Бодянский бил тясно свързан с чешката школа. След защита на магистърската си дисертация в Московския университет през 1837 г., с което станал първият в Русия магистър по славянска филология, той прекарал половин година в Прага, където учил езика и издирвал древни документи и материали в Чешкия музей. Освен подобряване на професионалната му квалификация пребиваването дало възможност на начинаещия учен да установи и лични контакти с видните представители на чешката славистика. Негов пръв учител в това отношение станал П. Й. Шафарик. Двамата впоследствие поддържали обширна кореспонденция.

От своя страна и доайенът на славистиката се ползвал широко от достиженията на руската наука. Известно е например, че от 1839 г. нататък проф. Михаил Погодин редовно го снабдявал с книги⁶. Тесните лични връзки между славистите от двете страни допринесли за това, че пражките библиотеки започнали да се запълват с руски книги⁷.

Освен с колоса на славистиката в Прага Бодянский се запознал и с видни възрожденски лидери, измежду които с Йозеф Юнгман, положил основите на модерния чешки литературен език, с Франтишек Палацки – бащата на чешката историография, който познавал всички славянски езици, и с професора по чешка литература Ф. Л. Челаковски⁸.

И след завръщането в родината си Бодянский в продължение на години се ангажирал с популяризирането на достиженията на чешката и чуждестранната славистика. Още през 1848 г. той превел и издал на руски Шафариковите „Славянски старини“. Именно този превод впоследствие бил най-разпространеният в българските земи. Московският професор се грижел и за други славистични публикации. С името му е свързано първото научно издание на руските слависти.

Методологията на професора славист оказала голямо влияние върху младия му български възпитаник. Подобно на учителя си той разглеждал славистиката като комплексна научна дисциплина, свързана и с постиженията и методите на различни хуманитарни дисциплини. По това време започнал да изучава и чешки език⁹. Привързаността на българския студент към учителя му се запазила и след напускането на университета¹⁰. Бодянский бил сред първите читатели на дисертацията на Дринов¹¹. Младият панагюрец вече бил решил да посвети живота си на изучаването на историята на народа си в контекста на славянството.

Марин Дринов и контактите му с чешките възрожденски лидери

Дринов завършил висшето си образование през 1865 г. като един от надеждните бъдещи слависти¹². Скоро след това младият българин бил нает за частен учител от княгиня Голицина и през септември 1867 г., заедно с княжеското семейство се отправил на продължително пътешествие из Европа. В Прага семейството пребивавало до ноември 1869 г., т.е. повече от две години¹³.

Едва пристигнал в столицата на Бохемия, младият български учен почти веднага намерил радушен прием сред най-видните водачи на чешката нация, за което не малка роля изиграли широките познанства, създадени от Васил Д. Стоянов¹⁴.

Васил Д. Стоянов пребивавал в Прага повече от десет години (1858–1868). Той посещавал реномираната Академична гимназия, след което и философския и юридическия факултет¹⁵. С многостранната си дейност си спечелил името на най-активния български ученик, оставил трайни следи в чешкия културен живот по това време. Неслучайно бил наричан „българския неофициален консул“ в Прага¹⁶.

Енергичният възпитаник на прословутото шуменско училище поддържал връзки в най-различни идейни среди: с консервативните старочешки политици Франтишек Палацки и Франтишек Ладислав Ригер, с младочешкия издател Юлиус Грегор, с радикал-демократа Йозеф Фрич. Сред писателите и преводачите бил близък познат (на някои от тях и учител по български) на Божена Немцова, Ян Гебауер, Ян Неруда, София Подлипска, Карел Сабина, Йозеф Барак, Ервин Шпиндлер, на младия Константин Иречек и др.¹⁷ Българинът бил близък и с книжовниците Адолф Патера, Йозеф Трухларж и Антонин Ярослав Вртятко, с литературния критик и фолклорист Вацлав Болемир Небески, с историка Франтишек Палацки¹⁸.

Съвсем естествено, още с идването си в Прага, той въвел и Марин Дринов в своя приятелски кръг. В широкия идеен и професионален диапазон, в който се движел този почти натурализиран български студент, пристигналият от Москва гост създал няколко трайни познанства. На първо място това било приятелството, което той завързал с библиотекаря в славянския отдел на Чешкия музей Адолф Патера.

Адолф Патера бил дългогодишен колега и приятел на много руски слависти. Поддържал кореспонденция с Измаил Срезневский и Владимир Ламанский, както и с учени от по-младото поколение като Нил Попов¹⁹. В голяма степен усърдието на Патера помогнало на Попов да комплектува знаменитата си славянска библиотека, която включвала не само изданията на Чешкия музей от 1827 до 1877 г., но и много чешки списания като „Народ“, „Политика“, „Хлас“ и др.²⁰ Той бил член на Чешката академия на науките и член-кореспондент на Петербургската академия на науките. С основание някои автори го квалифицират като славянския почетен консул в Прага²¹.

И макар че професионалните интереси на Патера били съсредоточени върху руския език, той поддържал и много приятелски и научни контакти и с българи, като общувал и на български. Сътрудничил също при снабдяването с книги, списания, настаняването на българите, намирането на стипендии, отпечатването на книги и атласи. Между 1872 и 1874 г. отпечатал 14 карти с български носии²².

Още при това първо посещение Марин Дринов се сблизил с Адолф Патера. Започнала дългогодишна кореспонденция, в която двамата разкривали един на друг много подробности от живота и проблемите си.

Друго важно познанство, което Дринов завързал с посредничеството на Стоянов, било с *Франтишек Ригер*. Този участник в либералното чешко движение през 1848 г.

след потъпкването на революцията станал един от водещите лидери на Народната партия. Под негово ръководство започнало издаването на първата „Чешка енциклопедия“, първият том от която се появил през 1860 г. Благодарение на Стоянов в Ригровия научен енциклопедичен речник била включена и справка за именитите български възрожденци Неофит Рилски и Неофит Бозвели, както и биографията на Раковски²³.

Покрай Ригер Дринов се запознал и с другия водач на старочехите и негов тъст – *Франтишек Палацки*. Палацки с уважение бил титулуван като „патриарха на народа“ заради разностранната си народополезна дейност. Още по времето, когато изкарвал прехраната си като домашен възпитател в аристократични фамилии и фамилен архивар при Щернберг, той започнал да изучава миналото на народа, усвоил методите на тогавашната историография и издирвал стари грамоти и материали в различните европейски архиви. Като член на Кралското научно общество на Бохемия той оставил името си в историята преди всичко като автор на тритомната история на чехите²⁴. Това първо научно изложение на тяхното минало разглеждало чешко-немското противопоставяне в Бохемия като основния двигател на събитията – подход, който през следващите десетилетия продължил да предопределя подхода на националната историография.

Ала на този първи професионален чешки историограф било предопределено да стане и политически говорител на нацията си. По време на бурната 1848 г., поканен за депутат от Бохемия в общогерманския парламент във Франкфурт, той отказал да участва с аргумента, че е „чех и славянин“, и за сметка на това развивал активна дейност за парламентарното преобразуване на Дунавската монархия. По това време разработил и първата чешка политическа платформа – австрославизма, с която категорично се заявявал славянският характер на възраждащата се нация.

Освен с политиката Палацки спечелил уважението на народа си и с разнородната си просветителска дейност. Той участвал в основаването на „Матица Чешка“ като фонд за подпомагане издаването на чешки книги и при учредяването на списанието на Чешкия музей²⁵.

Тези идеи се сторили особено привлекателни на движещия се в същата идейна атмосфера Васил Д. Стоянов. По примера на „Матица Чешка“ той мечтаел за бъдещата „Матица българска“ като родолюбива културна организация – начинание, което не се осъществило. През 1869 г. пак тук неуморимият българин обсъждал плановете за основаването на Българското книжовно дружество – както е известно, създаването му станало с решаващата роля на Марин Дринов.

Разбира се, Дринов не можел да остане настрана от дискусиите, разпалвани из кръговете на българската емиграция в чужбина. Затова когато в началото на 1866 г. за кратко време отишъл до Виена, той посетил събранието на тамошните емигранти, които, както е известно, още от 1864 г. се опитвали да създадат своето Виенско българско дружество. Гостът им, обаче, останал дълбоко разочарован от липсата на единство и бездействието им²⁶.

В същото време чехите предоставяли неоценим опит в изграждането на модерните национални институции – опит, който можел да послужи за модел и на българите. Затова и Дринов обмислял като аналог на „Матица чешка“ и Чешкия кралски музей да се създаде Българското книжовно дружество, което да оглави усилията на нацията по пътя на ускореното ѝ духовно развитие. Ала за да бъде изпълнена тази задача, трябвало да бъдат обединени усилията на българската интелигенция. Затова с една своя статия от това време той се обръщал и директно към националния елит, като го призовавал да изпълни главната си задача – ускореното приобщаване на българите към достиженията на модерните европейски народи. За изпълнението на тази историческа задача Марин

Дринов се заел и сам – било то с перо и талант (списването на „Периодическото списание“), или като съчредител на Книжовното дружество.

Макар и по-бедни на лични контакти, не по малко полезни за бъдещото му изграждане като историк били пътуванията на семейство Голицини в Швейцария и Италия. В Женева семейството пребивавало от януари 1866 до средата на септември 1867 г. Младият български възпитател използвал всеки свободен момент за работа в библиотеки и архиви, като изучавал усилено английски и италиански²⁷.

Макар и далеч от родината си, Дринов получавал известия от България, защото не прекъсвал връзките си с роднини и приятели. Той следял перипетиите около борбата за независима българска църква, разрастването на четническото движение. Макар че бил наясно колко непоносимо е положението на отечеството му, както личало от писмата му, той все още не се бил простил с идеята си да се завърне в родния край²⁸.

Особено плодотворно от научна гледна точка било пребиваването в Италия. В архивите на Неапол той издирвал ценни средновековни документи за международните връзки на българската държава, някои от които впоследствие обнародвал в „Периодическото списание“. Както и в Прага, в работата му помогнало едно ново лично познатство – тук той срещнал известния руски професор славист Викентий Макушев. Още по това време начинаещият български учен се ползвал от съветите на известния славист при издирването на документи за българската история в италианските архиви²⁹.

Вече в Русия те продължили да обсъждат професионални проблеми и да споделят детайли от личния си живот, като водили десетилетна кореспонденция³⁰. Благодарение на нея Макушев бил в течение и на създаването на Българското книжовно дружество в Браила през 1869 г., както и на издаването от Дринов „Периодическо списание“, което според Макушев публикувало „хубави статии по история на България“³¹.

През септември 1871 г. се положило началото и на друго дългогодишно приятелство – засега само задочно. То също станало с посредничеството на Васил Д. Стоянов. Дринов научил от последния, че внукът на Шафарик, младият *Константин Иречек* е намерил във виенска библиотека старопечатна българска книга. Това била и причината той да се обърне с писмена молба, за да научи повече подробности за книгата. Чешкият му колега на драго сърце откликнал на молбата³². В първото си писмо от октомври 1871 г. Иречек изразил желание да използва материалите, събрани от дядо му за българите. Така се завързал ценен и обогатяващ и двете страни научен контакт³³. Благодарение именно на контактите си с Марин Дринов младият чешки историк научил добре български³⁴. Що се отнася до личното им запознанство, то станало през 1875 г. по време на второто посещение на българския историк в „златния град“³⁵.

Междувременно през 1873 г. в Московския университет Дринов защитил магистърската си дисертация на тема „Заселването на славяните на Балканския полуостров“. Проблемът по това време бил съвсем неразработен. „Не се съмнявам, че в моя труд, като първи научен опит за всестранно изследване на толкова неясен предмет, Вие ще откриете много недостатъци, посочването на които ще изслушам с голяма признателност“ – изтъкнал в експозето си начинаещият български учен³⁶.

С тази тема Дринов вече заявил трайните си интереси към изучаването на миналото на българския народ в контекста на общославянската история. След успешната защита от лятото на 1873 г. той се преместил в Харков, където започнал работа. През първите години водил курс по история на българския език и чешка история. От 1876 г. като професор и преподавател в катедрата по славянски наречия продължил научните си занимания по славистика.

Дринов и чешките приятели на българската кауза

През август 1875 г. Дринов предприел друго важно пътуване – този път из българските земи. Той останал месец в родния си град, след което посетил Пловдив. Атмосферата била изпълнена с напрежение. При все че успял да задоволи научните си интереси, отнесъл със себе си доста тягостно впечатление. В едно от писмата до Осип Бодянски той споделил за „странстването си“ в българските земи, което „стана в много неблагоприятна обстановка, под особеното наблюдение на турските власти, но все пак ми се удаде да видя и да прегледам няколко любопитни ръкописа и доволно да се запозная с говорите на крайдунавските и тракийските българи“³⁷. Колко важно било събирането на непосредствени впечатления от обстановката, се оказало малко по-късно – в Прага, където пристигнал в началото на ноември 1875 г.

Тук повече от три месеца той посветил на проучвателска работа в богатите чешки библиотеки и архиви. „Задочното“ запознанство с Иречек, както вече споменахме, станало и лично и бързо прерастнало в сърдечно приятелство. Двамата се срещали и обменяли идеи почти всеки ден³⁸.

По това време *Константин Иречек* вече бил много тясно свързан със съдбата на българите. Той се ангажирал да служи с перо на националната им кауза. Като събирал сведения от своите приятели българи, младият българофил ги обработвал и ги публикувал като дописки в старочешкия вестник „Политик“³⁹. Тъй като новините за актуалните събития пристигали с доста голямо закъснение, анонимният дописник запознавал чешката общественост с по-обща теми – с упадъка на Турция и стремителния възход на българите „в течение на един човешки живот“⁴⁰, с ненадежността на реформите в Турция⁴¹ и др. Благодарение на информацията на завърналия се наскоро от отечеството си Дринов и на други пребиваващи в Прага българи Иречек бил сред малкото, които научили за избухването на Старозагорското въстание⁴².

В началото на 1876 г. Марин Дринов отпътувал за Русия, но двамата продължили да поддържат писмовен контакт. На 23 март 1876 г. на заседание на Московския университет младият български историк успешно защитил ди-сертацията си „Южните славяни и Византия през Х в.“. В писмо до Иречек той съобщил подробности за защитата и за опонентите: „Изобщо всичките похвалиха моята книжка“⁴³.

Чешкият му приятел продължил журналистическата си дейност. В началото на 1876 г. от страниците на в. „Политик“ той отново информирал за тягостната атмосфера в България, предвещаваща нов революционен изблик⁴⁴. По това време Иречек поддържал кореспонденция с Иван Драсов и знаел за пригответленията на ново въстание в България, но се опасявал за крайния резултат от него⁴⁵.

Новината за избухването на Априлското въстание Иречек научил на 16 май 1876 г. от български студенти и преди всичко от близкия си приятел Симеон Христов⁴⁶. От този момент нататък анонимните му дописки за в. „Политик“, уж изпращани от цариградския кореспондент на вестника, попълвали редовната рубрика „От Долен Дунав“. При все че не бил пряк очевидец на събитията, той разполагал с много информатори от първа ръка. Освен с Марин Дринов поддържал връзки и с други българи – Григор Начович, Иван Тодоров, Иван Драсов и с Васил Д. Стоянов, който по това време вече се намирал в Браила⁴⁷.

Спокойният и иначе уравновесен Иречек бил дотолкова разтърсен от събитията, че не можел да мисли за нищо друго и да работи никаква работа. В дневника си той споделил: „Секой ден разговарям са с тукашните българчета и говоря сега вече добре: ама говоря, възпалвам се и не мисля него само български и балкански неща! Вече съм наполовина българин!“⁴⁸

През май Дринов отново бил в командировка в Европа, като първите две седмици от нея посветил на изучаването на полската литература във Варшава. Именно тук получил писмото на Тодор Пеев от 9 май с първите известия за избухването на въстанието в България⁴⁹. На Априлското въстание обаче няма да се спирам подробно, ще разгледам само пребиваването в Чехия по това време.

На 25 май през Познан Дринов се отправил към Прага. Второто му посещение на „златния град“ се осъществило между 10 юни и 19 юли 1876 г. За разлика от предишното пребиваване, когато той имал спокойствието да работи в библиотеки и архиви и да общува с местните учени, този път тревогите по близките и съдбата на родината не го напусkali, защото двамата му братя Пейо и Найден били преки участници във въстанието. Новините идвали със закъснение и били откъслечни. Едва през юни дошло известие от Пловдив, че двамата му братя са в затвора, зетят Димитър е ранен в крака, а родната къща – разсипана. От Цариград му писали, че затворите са претърпани с жени, деца и старци, сред които имало и негови съграждани⁵⁰.

Всички новини той споделял с най-близките си чешки приятели, между които били Иречек⁵¹ и Патера. През юни младият български историк решил да отиде във Виена и да събира в библиотеките материали по историята и съвременното състояние на българския език. Тревогите и неизвестността за съдбата на родината го преследвали и тук, но липсвало съчувствието на обкръжението. В писмо до Патера той споделил, че пражките му приятели разбирали много по-добре събитията в България, отколкото виенските му познати⁵². През август се върнал в Прага, където отново се срещал често с Иречек⁵³.

През 1876 г. Константин Иречек вече бил силно ангажиран с българите. Познавал дейността на воеводите П. Хитов и Ф. Тотю, на Л. Каравелов. Благодарение на перото му компетентността на старочешкия вестник далеч надхвърляла равнището на останалите вестници и те често препечатвали неговите сведения⁵⁴. Актуални новини за протичането на въстанието обаче липсвали, поради което ежедневниците тънели в догатки. Дори сравнително добре осведоменият Иречек през юли 1876 г. продължавал да твърди, че въстанието не било окончателно потушено⁵⁵. В същото време той не спестявал краските при обрисуването на турските жестокости: „Турският фанатизъм и варварство ще изуми и дългогодишния познавач на Турция!...“⁵⁶; „Който иска да добие представа за Европа по време на аварите и хуните, нека иде в Турция!“⁵⁷

Чешката общественост била дълбоко потресена от съобщенията за турските зверства по българските земи. „Не знам другаде в странство нашите нещастия (т.е. зверствата по потушаване на Априлското въстание – б.а., Т. Г.-Х.) да се предизвикали таково всеобщо съчувствие и състрадание, както в Чехско“ – отбелязва бъдещият български политик Стоян Данев, тогава ученик в Храдец Кралове⁵⁸.

Пресата продължила да следи и дипломатическата активност след края на въстанието⁵⁹. От страниците на „Политик“ Иречек изразявал мнението на цялата чешка общественост – не е възможно да се излезе от кризата с правителствени мерки. Всякава реформаторска акция е просто „неосъществима“: „Без европейска окупация на тези земи турците няма да се откажат от властта си!“ – било категоричното му мнение⁶⁰.

Страстта на Иречек към журналистиката изместила само временно трайната му привързаност към историята. Благодарение на усилията му през 1876 г. първата научна история на българите, написана от чужденец, станала факт. Това било първото систематично научно изложение на българската история от древността до 1875 г.⁶¹ Това, което Палацки дал на своя народ, Иречек направил за българите. Макар и не в кадър и на преден план, в написването на тази история безспорно бил „втъкан“ и приносът на младия български учен.

Марин Дринов, балканската криза 1876–1878, славянската солидарност

Междувременно, едва загаснали пожарите на Априлското въстание, в края на юни 1876 г. Сърбия обявила война на Турция⁶². Бързото потушаване на въстанието и слабата информация за него не дали възможност на българите, учещи в чешките земи, да изразят подкрепата си. Те успели да се включат в борбата за свободата на народа си едва с избухването на Сръбско-турската война.

През юли 1876 г. в Букурещ било създадено Българското централно благотворително общество под председателството на Кирияк Цанков. То се ангажирало с набирането на средства за пострадалите от въстанието, като заедно с това организирано изпращането на български доброволци за Сръбско-турската война⁶³. Почетният председател на БЦБЛО и същевременно представител на Московския и Петербургския комитет Владимир Йонин през юли 1876 г. се отправил за Сърбия, за да преговаря за участието на доброволците във войната⁶⁴.

Информация за комитета се появила в чешката преса през есента на 1876 г.⁶⁵ Българите, учещи в Прага, организирали благотворителни акции, в които се включили и техните чешки приятели. От различни краища на страната били събрани парични средства и изпратени на БЦБЛО⁶⁶.

Благотворителната кампания добила видим размах. По това време българите учещи в чешките земи, по още неокончателни данни наброявали около 200 души⁶⁷. Повечето пристигнали тук по препоръка на руски слависти, които имали лични контакти с местни учени⁶⁸. Други били доведени по инициатива на видни български просветители⁶⁹.

Българи учили в Прага, Табор, Писек, Храдец Кралове и други чешки градове⁷⁰. Най-посещавани били средните практически гимназии, търговските, селскостопанските и техническите училища⁷¹. Отделни училища били известни като „славянофилски“ гнезда, не на последно място благодарение на родолюбието на учещите в тях българи⁷². Тяхната националноосвободителна борба намирала все по-широк отзвук и съчувствие.

Пригответленията на повечето от българските ученици да заминат като доброволци в Сръбско-турската война не останали незабелязани. Тъй като повечето от тях произхождали от по-бедни семейства и нямали пари за заминаването, приятелите им решили да ги подпомогнат финансово. Известният впоследствие български политик Стоян Данев, по това време ученик в Храдец Кралове, описал тържественото си изпращане за фронта, организирано му от местното гражданство, което чрез волни пожертвования покрило и разноските по пътя му до Сърбия⁷³. „Ние получихме такива сърдечни изрази на симпатии и благопожелания, на които са способни само своите, еднородците“ – обобщава в спомените си той⁷⁴.

Организирана финансова подкрепа за заминаването на българските доброволци в Сръбско-турската война подели и редакциите на много от чешките вестници. Подобни акции провели и частни лица, които без много шум и разгласяване, събирали пари между познатите си. Съпричастен към съдбата на приятеля си Симеон Христов, материална помощ за заминаването му събирал и самият Константин Иречек⁷⁵. Той успял да събере 18 жълтици (една част дал той, останалата била събрана от Войтех Напретка и приятелите му)⁷⁶.

Симеон Христов първо попаднал на курс на Червения кръст в Белград, след което се отправил с доброволческия отряд на бойното поле и бил причислен към щаба на полк. Хорватович. Оттам осведомявал чешкия си приятел с подробности за събитията⁷⁷. Той пък от своя страна преработвал информацията и я препращал на „Политик“ като информация от „Долния Дунав“.

Постепенно обаче еуфорията и вярата в справедливата победа на Балканите отстъпвали място на тъжната меланхолия от поредния неуспех. В писмо до Симеон Христов

от 28. 09. 1876 г. младият приятел на българите споделил: „Огорчен съм от напразните надежди и от цялата тази несигурност“⁷⁸. Към края на съдбовната година дописките за „Политик“ съвсем секнали.

Междувременно от септември 1876 г. Дринов вече се намирал в Русия – както сам споделил с Иречек, „съвсем болен и не толкова телом, колкото духом“⁷⁹. Настроенията си той споделял и в писмата до другия си близък чешки приятел – Патера⁸⁰. По това време не четял вестниците, за да си спести излишното вълнение, но си кореспондирал с Драган Цанков и Марко Балабанов и следял пропагандната им обиколка из европейските столици. Като екстраординарен професор в Харковския университет той започнал лекциите си по славянознание, но както се оплаквал на Иречек, „душата му оставала неспокойна“⁸¹.

Политиката отстъпила на заден план – дошъл ред на благотворителните акции за подпомагане на пострадалите сънародници. През октомври 1876 г. Дринов участвал в създаването на харковския Комитет за събиране на средства в полза на славяните на Балканския полуостров. Той бил включен в изпълнителната комисия на комитета заедно с професорите А. А. Потебня и Г. М. Цехановски⁸².

За периода от август до декември 1876 г. тази благотворителна организация събрала 17 561 рубли и 26 копейки⁸³. Забележителна в случая била не толкова самата сума, колкото начинът на нейното събиране. Защото, както посочват изследователите на въпроса, тя била събрана от множество малки дарения – повечето вноски били от три копейки до една рубла, което доказва широкото съчувствие дори и на най-бедните слоеве⁸⁴. Събрани били и голямо количество зимни дрехи и обувки, санитарни материали и др. За България заминала пратка, тежаща 48 пуда⁸⁵.

В Русия започнали да пристигат и участници в събитията. Дринов с нетърпение очаквал да ги види и научи нови подробности. В началото на 1877 г. в Москва той се срещнал с Райна п. Георгиева и с други бежанци от Панагюрище. Както се разбира от кореспонденцията му от това време, вълнението му отново започнало да се завръща. В писмо до Иречек той изразил възторга си от подвига на въстаниците⁸⁶. „Поучителна, прекрасна и славна повест може да се напише за Панагюрското въстание... скоро ще се заема с това“ – споделил той и в писмо до Нешо Бончев⁸⁷.

Но на тези планове не било съдено да се изпълнят. Харковският професор трябвало за известно време да се отдели от кабинетните си занимания – на 24 април 1877 г. с манифест на императора била обявена Руско-турската война. Славянофилските приятели на България ликували. И то не само в Русия. Известието за началото на войната славянска Прага посрещнала, украсена празнично с чешки и руски трикольори⁸⁸.

В нова фаза навлязло и сърдечното приятелство между двамата учени. Отзовал се на поканата на колегата и приятеля, в късната есен на 1879 г. от дунавския кораб „Албрехт“ на българска земя най-сетне слязъл и самият Константин Иречек⁸⁹. „Дриново-Иречековият“ тандем трябвало да се захване с изграждането на друг българо-чешки „мост“ – този път в „темелите“ на възкръсналата нова българска държава.

Славистиката и приносът на Дринов

Наред с разностранната дейност, която развива младият учен през разглеждания период, не по-малко значение имат неговите творчески постижения. За да очертаем по-добре приноса му в славистиката, нека на първо време видим какви са били достиженията ѝ по това време.

Първият учен, който въвел славянството като самостоятелен научен обект за изследване, бил Павел Йозеф Шафарик. Със своя труд „История на славянските езици и литератури по всички наречия“, публикуван през 1826 г., той направил първи опит

за най-изчерпателна характеристика на славянските клонове и техните разновидности на базата на сравнителноисторическия метод. Трудовете на доайена на славистиката поставили основите на модерната методология в изучаването на славянските народи.

Шафарик бил и първият, посветил научния си интерес на българите като отделен народ. Още в тази негова най-ранна систематизация на славянските клонове българите заели мястото на самостоятелен народ от южния клон на славянството, наред със сърби, босненци, черногорци, словенци и далматинци⁹⁰. По този начин още със зараждането си модерната славистика приела в „лоното си“ и българите.

Това съвсем не било естествено и самоподразбиращо се, както е сега, защото господстващите тогава концепции за етническия произход на българите им отреждали съвсем друго място, още повече, че информацията за тях била доста оскъдна. Въпросът за етническата принадлежност на българите бил пряко свързан с основния научен дискурс, който първите слависти водели, а именно – на чие наречие са писали светите апостоли Кирил и Методий, кому принадлежал първият културен и писмен славянски език? В този смисъл българите на първо време се оказали преди всичко „обект“ на научното изследване – т.е. те влезли в областта на славистиката благодарение на дискусиите за родината на старославянския език.

Шафарик заел още отначало доста категорични позиции по този въпрос. През 1826 г. отбелязал, че славянското племе в Македония е „кирилов правнук“ и че то „и до днес е чисто българско“⁹¹. А в писмо до Ян Колар от 21 май 1826 г. споделил и намеренията си: „Дай Боже да бих могъл да посетя „Перуновата“ планина в Македоно-Тракия, между Струма и Места! Надявам се, че там ще намерим, ако не нещо по-старо, то поне оригиналният текст на Кирил и Методий...“⁹². Плановете му така и не се осъществили. Прякото „запознаване“ с българите станало с помощта на двама руски учени. Едва с пътуванията на Юрий Венелин и Виктор Григорович славистиката събрала пряк материал и започнала да изучава отдалеченото племе, разположено на края на европейския хинтерланд, като сродно, славянско. От събраните от тях материали се ползвал и самият Шафарик.

Макар че още по времето на Васил Априлов българите направили сериозна заявка за присъединяването си към славистичната общност, едва в лицето на Марин Дринов намерили достоен говорител на нацията в славистичния дискурс. Още като начинаещ учен, при това през „пражкия“ период, Дринов заел категорични позиции по въпроса за етногенезиса на българите и подкрепил становището на Шафарик, че прабългарите били от чудско или финско потекло, но са били погълнати от славянското море⁹³. Тези свои тези той защитил в появилото се през 1869 г. във Виена негово изследване „Поглед върху произхождението на българския народ и началото на българската история“. Своята научна позиция изложил и в статията си „Хуни ли сме?“, публикувана през същата 1872 г. в „Периодическото списание“ на Българското книжовно дружество, в която категорично опровергал разпространената по това време хунска теория за произхода на българите⁹⁴. Тезата си за славянския характер на българите той защитил в магистърската си дисертация „Заселение Балканского полуострова славянами“, както и в другото си сериозно научно изследване – „Южните славяни и Византия през X в.“. С тези научни изследвания българите най-сетне се включили сами в научната дискусия за своя етнически произход. Благодарение на Дринов те станали и „субект“ в славистиката, т.е. заявявали научния си потенциал като равностойни изследователи на славянска древност.

Харковският професор изследвал етническите корени и взаимодействието между отделните сродни народи не изолирано, а в най-широк контекст – метод, познат още от родоначалника на славистиката. За него славистиката била комплексна наука, която изисквала интердисциплинарен подход. Привличани били достиженията на историята, езикознанието, фолклора и митологията, историческата география и други

хуманитарни дисциплини. Въоръжен с такива разнородни аргументи, Дринов участвал в дискусии за старославянския език и старобългарската култура, историята на българската църква, характера на ранната езическа славянска митология, средновековните културни взаимодействия на Балканите и т.н. От първата си изнесена лекция в Харковския университет, която разглеждала постиженията и задачите пред славянознанието⁹⁵, до края на научната си кариера той се посветил на изучаването на националната история на българите в контекста на славистиката. Талантливият историк получил и предложение да стане ръководител на катедра по славянознание в Московския университет, което той отказал⁹⁶. Верният на Харковския университет учен останал на поста си до края на съзнателния си живот.

Заклучение

Пътят, който наследниците на Кирил и Методий трябвало да извървят през XIX в., не бил никак лек. Разположени в югоизточния край на стария континент и в дълбоката сянка на една ориенталска империя, българите поели към своето национално Възраждане доста по-късно от останалите сродни народи. През 70-те години на XIX в. чехите се намирали в забележителен национален разцвет, възродили и развили езика и литературата си, създали своя интелигенция, изградили собствена наука, културни институции, образователна система. Те представлявали привлекателен пример за подражание, който пребиваващите в чешките земи български възрожденски дейци взели присърце.

Загова и „пражкия период“ имал особено значение за оформянето на Марин Дринов и като възрожденски деец, и като учен. Обмяната на мнения, контактите и дискусиите с местните възрожденски водачи се превръщали в своеобразни интелектуални „мостове“ на взаимни влияния. Подобно на „патриарха на чешката нация“ Франтишек Палацки Дринов написал първата сериозна академична история на народа си и подобно на него „закотвил“ модерната идентичност на българите като славянска.

По примера на първите чешки възрожденци родолюбивият панагюрец осъзнавал важноста на въпроса за кодифицирането на съвременния език и подобно на Юнгман настоявал за изработването на „словар и залиде написана граматика“. С труда си „За новобългарското азбуке“ той допринесъл за създаването на българския книжовен език и на правописни езикови правила⁹⁷. С упорството и последователността на Шафарик Дринов участвал в издирването и публикуването на старобългарски писмени паметници, народни песни, обичаи, пословици⁹⁸. Ерудираният млад учен се включил и в практическа дейност в служба на нацията – нека само споменем неуморните усилия, свързани с „Периодическото списание“ и създаването на Българското книжовно дружество, чиито прототипи той също намерил у чехите.

Пребиваванията в Прага имали и не по-малко значим „реципрочен“ ефект. Защото личността на младия българин оставила трайни и дълбоки следи сред най-видните чешки възрожденски лидери, особено от по-младото поколение. Благодарение на едно приятелство информацията за съдбовните събития от пролетта на 1876 г. достигнала до чешката преса. През същата година се появила и първата академична история на българите, написана на чужд език – не на последно място плод на същото приятелско и научно общуване. Ставало въпрос не за еднопосочно влияние, а за интелектуални „мостове“, които свързвали славянските елити и където влиянията били взаимни.

Европейските пътувания на Марин Дринов повдигнали нивото на неговия професионализъм, обогатили езиковата му подготовка, разширили мащабите на неговото мислене. С трудовете на първия българин, получил званието „доктор на историческите науки“ на руски университет, българската наука „прекрачила“ прага от своя възрожден-

ски, събирателски период към професионалния, академичен етап. Академичният дебют бил повече от успешен. Заради приносите си харковският славист бил приет за член на Академията на науките на Русия, Чехия, Полша, Хърватска, на голям брой научни дружества и организации⁹⁹.

Делото на Марин Дринов се отличава със забележителна мащабност. Не случайно една от най-известните съвременни чешки славистки обобщава: „В България Марин Дринов има същото значение, каквото Шафарик в Чехия“¹⁰⁰. Като се има предвид основополагащото значение на делото на доайена на славистиката, сравняването с делото на българския учен очертава по безспорно най-достоеен начин „крайгълния“ камък, който Дринов полага в изграждането на славянската идентичност на българската нация.

¹ Лантева, Л. П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005, с. 139, 143.

² Пак там, с. 233.

³ Пак там, 137–139.

⁴ Пак там, с. 233.

⁵ Havranková, R. Cesty české inteligence do Bulharska. – In: Ролята на чешката интелигенция в обществения живот на следосвободенска България. Ред. М. Черни и кол. Прага, 2009, с. 41.

⁶ Vlček, R. Ruský panslavismus v pojetí moderní české historiografie. – In: 150 let Slovanského sjezdu, materialy z konference. Praha, 2002, s. 113.

⁷ Готовска-Хенце, Т. Чешко-българските взаимоотношения през XIX в.: трансфер и/или общност? – В: Проблемът «Изток–Запад»: България и Балканите. Ред. Т. Стоилова и кол. С., 2006, с. 127.

⁸ Лантева, Л. П. Цит. съч., с. 134.

⁹ Горина, Л. В. М. Дринов: историк и обществен деец. С., 2006, с. 31 (по-нататък Горина, Л. В., 2006, с. ...).

¹⁰ В архива на М. Дринов са запазени три писма на Бодянски, писани през 1875 г.

¹¹ Горина, Л. В., 2006, с. 44.

¹² Романска, Цв. Марин Дринов като етнограф и фолклорист. – В: Изследвания в чест на Марин Дринов. Ред. А. Бурмов. С., 1960, с. 145 (по-нататък само Изследвания в чест на Марин Дринов...).

¹³ Материалите са в БИА, ф. 11, а.е. 2, 67.

¹⁴ Многобройният писмен материал, останал след Васил Д. Стоянов и разпръснат на различни места, между които и в Научния архив на БАН и в Напръстковия музей в Прага, най-сетне бе систематизиран и издаден в два тома. Вж.: Леков, Д. Историята на един двutomник. – В: Чехи в България, българци в Чехия. Ред. К. И. Вачкова и кол. Шумен, Шуменски университет, 1995, 118–125.

¹⁵ Подр.: Zacek, V. Vasil D. Stojanov v Čechách 1858–1868. – In: Československo-bulharské vztahy v zrcadle staletí. Praha, 1963, s. 49, 87; Урбан, Зд. В. Д. Стоянов в Прага. – В: Чехи в България, българци в Чехия..., с. 39.

¹⁶ Леков, Д. Историята на един двutomник..., с. 125.

¹⁷ Manolova-Motejlová, M. A kol. (eds.): Kapitoly z minulosti česko-bulharských kulturních vztahů (Antologie komentovaných textů), Praha, 2005, s. 37–38; Готовска-Хенце, Т. Българо-чешката взаимност – генератор за формирането на новите славянски елити. – В: Чехи в България: ролята на чешкото присъствие в българското национално възрождане. В. Траянов (ред.). Чешки център, София. С., 2009, с. 46.

¹⁸ Урбан, Зд. В. Д. Стоянов и Прага..., с. 41.

¹⁹ Доста материали са съхранени в Literární archiv Památníku národního písemnictví (LAPNP). Pozůstalost Adolfa Patery Korespondence. 1–5. 1865.

²⁰ Лантева, Л. П. Цит. съч., с. 321.

²¹ Havranková, R. Zur Geschichte der tschechisch-bulgarischen Kulturbeziehungen während der nationalen Wiedergeburt. – Bulgarian Historical Review, 1987, № 4, p. 86.

²² Пак там, с. 86–87.

²³ Леков, Д. Историята на един двutomник..., с. 119.

²⁴ Тя била издадена на немски и чешки в периода 1836–1839 г. под заглавие „Geschichte von Böhmen“, Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě.

²⁵ В редактирането на списанието известно време той участвал и лично.

²⁶ Горина, Л. В., 2006, с. 33.

- ²⁷ По това време той вече получава от Виена немски и чешки книги и се абонира за вестника на Иван Аксаков „Москва“. Вж.: Горина Л. В., 2006, с. 33.
- ²⁸ Пак там, с. 34.
- ²⁹ Петкова, Б., В. Тилева, З. Нонева. – В: Изследвания в чест на М. Дринов, с. 190.
- ³⁰ Запазена е кореспонденцията до 1878 г. Вж.: Пак там, 190–195.
- ³¹ Цит. по: Лантева, Л. П. Цит. съч., с. 651.
- ³² Горина, Л. В. М. Дринов – основоположник на академичното славянознание в България. С., 2009, с. 43.
- ³³ От водената почти двадесет години кореспонденция са запазени 71 писма, част от които са публикувани у: Сис, Вл. Кореспонденцията на д-р Канстантин Йос. Иречек с Марин Дринов. – Годишник на Народната библиотека в София за 1923 г. С., 1924, с. 122.
- ³⁴ Вж. подр.: Ильчук, И. С. Деятельность М. С. Дринова в Харьковском университете 1873–1906 гг. – В: Сборник в чест на Марин Дринов. Ред. А. Бурмов. С., 1960, 83–84.
- ³⁵ Вж. подр.: Сис, Вл. Цит. съч., с. 125.
- ³⁶ Цит.: по Горина, Л. В., 2006, с. 44.
- ³⁷ Цит.: по Горина, Л. В., 2006, с. 47.
- ³⁸ Паскалева, В. Принос към биографията на Марин Дринов. – В: Сборник в чест на М. Дринов..., с. 43; Навранкова, Р., 1966, с. 47.
- ³⁹ Пак там, 5. 10. 1875, 21. 10. 1875, 26. 10. 1875, 04. 11. 1875.
- ⁴⁰ Пак там, 8. 04. 1875.
- ⁴¹ Politik, 5. 10. 1875, 21. 10. 1875.
- ⁴² Навранкова, Р., 1966, с. 48.
- ⁴³ Цит. по Горина, Л. В., 2006, с. 49.
- ⁴⁴ Politik, 21. 01. 1876.
- ⁴⁵ Вж. подр.: Хавранкова, Р. Откликът на Априлското въстание през 1876 г. сред чешкото общество. – Исторически преглед, 1959, № 6, с. 42.
- ⁴⁶ Навранкова, Р., 1966, с. 49.
- ⁴⁷ Хавранкова, Р. Откликът..., с. 42.
- ⁴⁸ Навранкова, Р., 1966, с. 50.
- ⁴⁹ Горина, Л. В., 2006, с. 50.
- ⁵⁰ Вж. подр.: Горина, Л. В., 2006, с. 51.
- ⁵¹ Паскалева, В. Принос към биографията на М. Дринов..., 44–45.
- ⁵² Хавранкова, Р. Откликът..., с. 45.
- ⁵³ Паскалева, В. Принос към биографията..., 44–46; Горина, Л. В., 2006, с. 51.
- ⁵⁴ Хавранкова, Р. Откликът..., 38–39.
- ⁵⁵ Politik, 27. 06. 1876, 05. 07. 1876.
- ⁵⁶ Пак там, 27. 06. 1876.
- ⁵⁷ Пак там, 10. 07. 1876.
- ⁵⁸ Данев, Ст. Мемоари. Съст. и ред. Е. Стателова. С., 1992, с. 35.
- ⁵⁹ Вж., напр.: Politik, 10. 10. 1876.
- ⁶⁰ Пак там, 10. 10. 1876.
- ⁶¹ Освен на чешки и немски тя се появила през 1878 г. и на руски, а през 1889 г. и на унгарски.
- ⁶² Военните действия започнали на 18/30 юни 1876 г. Подр. вж.: Генов, Ц. Българските доброволци. С., 1977, с. 71.
- ⁶³ Amort, Š. Za svobodu bulharského lidu. Praha, 1978, s. 76.
- ⁶⁴ Генов, Ц. Българските доброволци..., с. 73.
- ⁶⁵ За възванието на БЦБЛО в Букурещ писал „Politik“ на 6 септември 1876, а „Pokrok“ на 27 септември 1876 публикувал неговия пълен текст.
- ⁶⁶ Amort, Š. Цит. съч., с. 100.
- ⁶⁷ Димитров, А. Училището, прогресът и националната революция: българското училище през Възраждането. С., 1987, с. 251.
- ⁶⁸ Готовска-Хенце, Т. Чешката писателка Божена Немцова и славянското възраждане. – В: Славянският свят – вчера, днес и утре. Изд. на Славянското дружество в България. С., 2006, с. 159.
- ⁶⁹ Готовска-Хенце, Т. Пазарджишкото читалище „Виделина“ и обучението в Чехия през Възраждането. – В: Константин Величков и неговото време. Регионален музей Пазарджик, 2005, 130–139; Готовска-Хенце, Т. Българо-чешката взаимност – генератор..., 47–50.
- ⁷⁰ Gotovska-Henze, T. Bulharská zemědělská osvěta v Česku do roku 1878. – In: Studie Slovákého Musea, Uherské Hradiště, Česká republika, 2004, № 9, 51–59.

⁷¹ Паскалева, В. Средна Европа и културно-просветното развитие на българите през Възраждането. – Исторически преглед, 1981, кн. 3–4, с. 134; *Готовска-Хенце, Т.* Българо-чешките отношения през XIX в. – трансфер или общност?..., 122–139.

⁷² *Готовска-Хенце, Т.* Българо-чешката взаимност – генератор..., с. 52.

⁷³ *Данев, Ст.* Мемоари..., с. 52.

⁷⁴ Той описва преживяванията си по заминаването си за Сърбия (1876) като „незабравимо“. Вж. подр.: *Данев, Ст.* Мемоари..., с. 35, 40.

⁷⁵ Това се разбира от дневника на баща му, запазен в литературния архив в Прага. *Pamatník národního písemnictví, Pozůstalost Josefa Jirečka, Denník z let 1875–1877*, 21 1 22.5, 18.6.

⁷⁶ *Havranková, R.* Česká..., с. 50.

⁷⁷ Пак там.

⁷⁸ Цит по: *Havranková, R.* Česká..., с. 51.

⁷⁹ Цит по: *Горина, Л. В.*, 2006, с. 52.

⁸⁰ Писмо на М. Дринов от Видин на 25. 11. 1876 г. до А. Патера, запазено в *Pamatník národního písemnictví, Pozůstalost A. Patery*.

⁸¹ Цит по: *Горина, Л. В.*, 2006, с. 52.

⁸² Вж. подр.: *Ильчук, И.* Деятельность М. С. Дринова на Харьковском университете. – В: Изследвания в чест на М. Дринов..., 87–88.

⁸³ Най-голямата сума внесла харковската театрална дирекция – 558 р. и 50 к. *Ильчук, И.* Цит. съч., с. 88.

⁸⁴ Пак там.

⁸⁵ Пак там.

⁸⁶ *Паскалева, В.* Принос към биографията на М. Дринов..., с. 47.

⁸⁷ Цит по: *Горина, Л. В.*, 2006, с. 53.

⁸⁸ *Národní Archiv, Praha, PP 1876–1881, M/9/7 (čj. 2077)*.

⁸⁹ *Семов, М. К.* Иречек. – В: *Семов, М., Г. Бакалов, Д. Дойнов.* Будители народни..., с. 265.

⁹⁰ *Safarik, P. J.* Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen, 1826, p. 23.

⁹¹ Цит по: *Арнаутов, М.* Васил Евстатиев Априлов. С., 1971, с. 98.

⁹² Пак там, с. 99.

⁹³ *Романска, Цв.* Марин Дринов като етнограф и фолклорист..., с. 147.

⁹⁴ Пак там, с. 150.

⁹⁵ В нея между другото той разработвал и въпроса за културата на западните славяни. Вж.: *Паскалева, В.* Принос към биографията на Марин Дринов..., с. 40.

⁹⁶ *Семов, М.* Марин Дринов. – В: *Семов, М., Г. Бакалов, Д. Дойнов.* Будители народни..., 251–252.

⁹⁷ Пак там, с. 250.

⁹⁸ Голяма част от кореспонденцията му с видни събирачи и книжовници като Димитър Матов, Васил Кънчов, Кръстю Мисирков, Кузман Шапкарев и др. била посветена именно на тези проблеми.

⁹⁹ *Семов, М.* Марин Дринов..., с. 252.

¹⁰⁰ *Večnyňová, V.* Šafárykovo studium starobulharské literatury. P.J. Šafáryk v slovenskej a českej slavistike. Zborník venovaný XI medzinárodnému zjazdu slavistov v Bratislave. Košice, 1993, s. 15.

Н. Николова

МАРИН ДРИНОВ ЗА „НЯКОЛКО ЗАБРАВЕНИ СПИСАНИЯ НА СОФРОНИЯ ВРАЧАНСКАГО“

Книжовното дело на Софроний Врачански не би имало съществена стойност за българската литература, за националното ни съществуване, ако просвещенецът не е търсил нови форми за книжовните си занимания.

С всяка своя следваща творба той надмогва дидактичността, напуска сферата на абстрактните поучения, за да даде тласък на човешката дейност чрез творби с гражданско звучене, светска тематика, по-широкообхватни, обвързани с човешките търсения на конкретното време¹. Можем да се съгласим с изказаното от Ив. Радев обобщение: „М. Дринов, Ал. Балан, И. Моллов, П. Орешков, В. Златарски, Б. Пенев, заели се с изясняване характера и значението му, стигнаха бързо до вярна интерпретация на неговото наследство. Свой дял с оценките и наблюденията си имат М. Арнаудов и Н. С. Державин, в по-ново време – В. Киселков, Б. Ангелов, П. Динеков, Д. Петканова, В. Конобеев, К. Мечев, В. Мутафчиева, Т. Копреева, Л. Боева и др.“². Но не трябва да забравяме, че хронологически пръв между тях е Марин Дринов.

Истински шанс и принос за българската наука е когато се открие „някое забравено или неизвестно творение на известен книжовник или обществен деец“³.

През 1884 г. в „Периодическо списание“ на Българското книжовно дружество видният български учен проф. Марин Дринов публикува статията „Няколко забравени списания на Софрония Врачанскаго“. Тя е препечатана в „Съчинения на М. С. Дринов“ под редакцията на проф. В. Н. Златарски (т. 2, 1911). Състои се от: уводна част, текстологично описание и притурка.

I. Уводна част

Поводът за написване на статията е, че през 1871 г. в Цариград при Антим Видински Марин Дринов е видял един ръкописен сборник, който му се е сторил доста любопитен: „Намирам за добро да обнародвам поне кратките си бележки за този сборник и при това да изкажа мислите и предположенията, които ми докарва на ум неговото съдържание“⁴.

Ръкописният сборник, който е ползвал проф. Марин Дринов, е писан в Разград през 1850 г. от поп Кръстьо. На 9-ти, 10-ти и 253-ти лист от сборника поп Кръстьо си е написал името. Ученият М. Дринов отбелязва, че „това обаче не значи, че на 1850 г. е и съставен сборникът: той е съществувал и по-преди – поп Кръстьо го е само преписал от стар препис“⁵.

II. Текстологично описание

Според М. Дринов сборникът се състои от 269 големи листа, добре подвързани с кожени кори. Първите 253 листа съдържат различни статии, на които заглавията са писани с червено мастило. „На 253 листо се захваща подробно съдържание на повести и различни поучения. На 268 и 269 листе се намират няколко летописни бележки“⁶.

Това е първият текстологичен опис на тези Софрониеви трудове. Освен няколко кратки слова, поучения и повести в сборника са поместени три литературни труда, а именно:

1. „Митология Синтипа философа“;
2. „Басни Езопови и други баснословия“;
3. „Философски мудрости“.

Подробно и детайлно проф. Марин Дринов дава описание на трите статии, цитира част от текста на съдържанието и твърди, че са написани от Софроний Врачански: „Не се съмнявам, че всички гореизброени статии, които се съдържат в сборника на блаженият Антима, са излезли от перото на приснопамятний Софроний Врачански. В това ме уверяват следните обстоятелства“⁷, които ние ще обобщим, както следва:

а) В „Митология Синтипа философа“ е отбелязано в заглавието, че е „преписана и преведена от гръцки език на български кратък и прост език на 1802 лето на Видина“⁸. През 1802 г. Софроний е живял във Видин, където е бил принуден да стои около 3 години. Навярно добре е познавал гръцки език и е могъл да превежда или, както той се изразява, „да преписва“ от него, това също ни е добре известно както от биографията му, така и от неговия „Кириакодромион“ (вж. заглавието му – „преписан от славянски и от гръцки език на български прост език“).

б) Преди да види „Философски мудрости“ в сборника на Антим, Марин Дринов е имал предположение, че Софроний е написал голямо философско съчинение. Това му е съобщил през 1870 г. в Белград един съотечественик, Недялко Жеков, който го уверявал, че е видял някъде в България такова ръкописно философско съчинение, в което имало бележка, че е написано от Софроний.

в) Заключение думи в автобиографията на Софроний Врачански ясно показват, че освен „Кириакодромиона“ Софроний е написал още „няколко книги“, които не е имал време и възможност да печата и които по ръкописен начин са се разпространявали между българите. За това им разпространение усърдно са се грижили Софрониевите ученици, един от които е бил Теодор Стоянович от Видин⁹.

г) Езикът, с който е написан сборникът на Антим, е напълно еднакъв с езика, който срещаме в добре познатите Софрониеви трудове, а именно: „Кириакодромиона“, автобиографията и писмото до българските търговци във „Влахобогдания“. „Както тук, така и там само заглавията са писани с църковен език; всичко друго е изложено с простонародната ни пластична българска реч, тук-там прошарена с църковнославянски фрази“¹⁰.

Въз основа на цитираните обстоятелства изследователят проф. Марин Дринов отбелязва, че в сборника има няколко забравени съчинения на Софроний Врачански: „Тия забравени Софрониеви списания могат да хвърлят нова светлина както върху самата личност на приснопамятний Врачански епископ, така и върху началната история на новобългарската книжнина“¹¹.

В общи линии изказаните от проф. Марин Дринов научни аргументи остават релевантни в една или друга степен и всички изследователи след него не пропускат да вземат отношение към изводите му. В. Стоянов в статията „Два новооткрити саморъчни трудове на Софроний“ споделя напълно мнението на М. Дринов, „че всичкият оригинал на гореспоменатия сборник е произлязъл от перото на самия Софроний, но не можем да кажем кога и как именно е попаднал оригиналът или един по-нов негов препис в ръцете на отца поп Кръста поп Атанасов в Разград; възможно е обаче и самият Софроний да е оставил сборника си в Разград у отца поп Атанас, бащата на поп Кръстя – за преписване и разпространение по България и възможно е да е станало това в 1810 г., когато Софроний с руските войски е дохождал от Влашко чак до Разград“¹².

Детайлно, прецизно и точно, с оглед на исторически факти и събития, проф. М. Дринов дава оценка на Софрониевата творческа дейност. Той изтъква някои биографични сведения: „...че във Видин и особено във Влашко Софроний Врачански се запознава с просветителските движения между гърците и сърбите“¹³. През този период се

създават новогръцката и новосръбската книжнина. Марин Дринов отбелязва, че „между сърбите с голям ентузиазъм се четат съчиненията на Софрониевия съвременник Доситей Обрадович, Езоповите басни и др.“¹⁴. Доситеевите съчинения слагат основата на новосръбската книжнина, пробуждат националните чувства на Софроний и оказват огромно влияние за формиране на творческите му възгледи и идеи.

Марин Дринов подчертава, че при съставянето на „Басни Езопови и баснословия“ Софроний се е ползвал от басните, които Доситей Обрадович е обнародвал. За „Кириакодромиона“ си Софроний отбелязва още в заглавието, че е „преведен и преписан от славянски и гръцки език“¹⁵.

Забележителен е трудът на С. Врачански „Философски мудрости“. Проф. Марин Дринов обръща внимание, че „възможно е в това Софрониево съчинение да има някакво ехо от онова философско движение, което е обзело западноевропейските литератури през миналия век и към което книжовникът се е приобшил чрез гръцката книжнина“¹⁶. „Чрез философското знание възрожденският писател иска да преодолее небрежното отношение на българите към мъдростта. Той осъзнава пръв необходимостта българите да мислят разумно и да се ползват от постиженията на световната философия, като с това поставя на преден план проблема на разума“¹⁷. Очевидно проф. М. Дринов е видял в този Софрониев стремеж към „разума“ отглас на мощното европейско движение на Просвещението. Забележително е, че големият и ерудиран български учен осмисля личността и делото в един широк европейски исторически и културен контекст. Това потвърждава още веднъж факта, че като изследовател и интерпретатор М. Дринов се отличава с една подчертана „модерност“, нещо, което не бихме могли да кажем за повечето от съвременниците му и която е актуална и днес.

Възрожденският книжовник Софроний Врачански е виждал значението на философската култура за усъвършенстване на българската словестност и утвърждаване на духовните ценности, необходими за Българското национално възраждане. Заедно с това тя е била необходима за утвърждаването на самостоятелния контекст в българската духовна култура.

За „Митология Синтипа философа“ Софроний ясно отбелязва, че я е превел от гръцки език. „Митология Синтипа философа“, или както я наричат – „повест за седемте мъдреци“, е една от най-популярните повести. Съчинена за пръв път в Индия, още в първите векове след Рождество Христово, тя се е разпространявала по цял свят и е била преведена на различни езици – арабски, еврейски и на всички европейски. Любимо и занимателно четиво, тя е оказала голямо влияние върху Софроний Врачански като негов превод.

III. Притурка

В последната част на статията, наречена „Притурка“, проф. Марин Дринов съобщава, че г-н Иречек го е зарадвал с известие за едно откритие по повод последното си пътуване до България. В Айтос, при секретаря на тамошния съд, г-н Никола Йорданов (от Медвен), той е видял запазен български ръкопис, подвързан с дървени кори, който имал 349 листа, под наслов „Гражданское позорище“. В предисловието се казвало, че това съчинение първо е превел от латински на гръцки език Николай Маврокордато, пръв фанариотски господар от Влашко, а пък Софроний, „смирений епископ Врачански“, го е превел „от гръцки език на български наш прост език, за да бъде разбран от българския народ в 1809 г.“¹⁸.

Проф. Марин Дринов не пропуска да обърне внимание на просвещенско-демократичните подбуди на врачанския книжовник, заявявани многократно в неговите преводни, компилативни и авторски текстове – да пише подробно на език, „прост и достъпен“ за българските читатели. Ще припомним изказаното обобщение от проф. В. Киселков: „Не ще съмнение, Софроний е обновявал в езиково отношение старинните чужди преводи и преписи с цел да ги направи по-приятни за слуха и по-достъпни за разума на всеки българин от неговата епоха“¹⁹.

Ръкописният сборник всъщност е доказателство за това, че възрожденецът постепенно е разширявал духовните си хоризонти с една мисъл – да осъществява житейската си програма. В него се открояват оригинални моменти, които изясняват мирогледа и нравствените принципи на преводача, неговата житейска философия, изградена на базата на натрупания опит през годините. В творческите си търсения на писател е стремежът му не само да поучава, но и да обогатява българина, предлагайки опита на другите по-напреднали народи, сродявайки го със света чрез философските мъдрости, басните, разказите за гърци, руси, перси и римляни. Няма съмнение, целта е била просветителска – да се активизира и възроди духът български²⁰. Очевидно тя е осъществена.

Тази книга се превръща в първата най-ярка творба на просвещенската мисъл у нас. Тя е свидетелство за съчинение, повлияно от нови идеи за културно-просветна дейност. Акад. Н. Державин споделя високата оценка на своя предшественик и учител проф. Марин Дринов, че сборникът е „антология на науката и просвещението“. Софроний Врачански доразвива идеите на Паисий Хилендарски, дава нови насоки на възрожденската ни литература, обогатява традициите през първата половина на XIX век²¹.

В заключение можем да обобщим, че творческата езикова личност слага своя отпечатък върху ситуацията на своето време. С цялостното си книжовно наследство Софроний Врачански безспорно е втората езикова личност след Паисий Хилендарски, която затвърждава една традиция на езиково и културно строителство. В тази блестяща поредица от строители на българския език, които езиковата наука днес определя като езикови личности с национален характер, имат своето място – всеки с времето си и според повелите на историческия момент – Софроний Врачански и Марин Дринов.

Срещата, макар и задочна, между две ярки езикови личности с национално значение за историята на българската книжовност и новобългарския книжовен език е доказателство за приемствеността между поколенията будители, очертала постъпателния път към духовно възраждане на българския народ, т.е. завръщането му към неговите европейски и славянски корени.

¹ Келеведжиева, С. Наричаха го Софроний. С., ИК „Жажда“, 2004, с. 76.

² Радев, И. Софроний Врачански – личност и творческо дело. С., 1983, с. 7.

³ Моллов, И. Новонамърен ръкописен сборник на Софрония Врачански от 1802 г. С., 1911, с. 137.

⁴ Дринов, М. Няколко забравени списания на Софрония Врачанскаго. – В: Съчинения. Т. 2. С., 1911, с. 321.

⁵ Пак там.

⁶ Пак там.

⁷ Пак там, с. 324.

⁸ Пак там.

⁹ Пак там, с. 325.

¹⁰ Пак там, с. 326.

¹¹ Пак там.

¹² Стоянов, В. Два новооткрити саморъчни трудове на Софрония. – В: Периодическо списание, Кратки вѣсти от научний и книжовний свѣтъ., 1889, № 28–30, с. 792.

¹³ Дринов, М. Цит. съч., с. 327

¹⁴ Пак там.

¹⁵ Пак там, с. 329.

¹⁶ Пак там, с. 329.

¹⁷ Данков, Е. Философската култура на Софроний Врачански. – В: Софроний Врачански и проблемите на възрожденската ни култура. В. Гърново, 1990, с. 92.

¹⁸ Дринов, М. Цит. съч., с. 330.

¹⁹ Киселков, В. Софроний Врачански – живот и творчество. С., БАН, 1963, с. 147.

²⁰ Вж.: Келеведжиева, С. Цит. съч., с. 77.

²¹ Вж.: Державин, Н. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М., 1941, с. 142.

А. М. Базулина

**ЕПИСКОП СОФРОНИЙ ВРАЧАНСКИЙ
О КЫРДЖАЛИЙСКОМ ВРЕМЕНИ В БОЛГАРИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.**

Главным объектом анализа в нашей статье является восприятие болгарским священнослужителем и писателем Софронием Врачанским (1739–1813) одного из тяжелейших периодов в истории Болгарии, а именно времени смуты и анархии, развернувшихся на территории Османской империи в конце XVIII – начале XIX века, получившего в историографии название «кырджалийского».

Личная судьба Софрония, до того как он попал в водоворот кырджалийских событий, сложилась следующим образом. Софроний, епископ Врачанский, до пострижения в монахи именовался Стойко Владиславов. Он родился в 1739 году и вырос в богатом селе Котел. Его семья занималась торговлей скотом. Будучи мальчиком, Стойко посещал келийную школу, в которой изучал греческий и церковнославянский языки. В 1762 году, когда ему было двадцать три года, его рукоположили в священники. В 1774 году он совершил паломничество на Святую Гору Афон, где, скорее всего, встречался с Паисием Хилендарским. Вплоть до 1792 года жил в Котеле, занимаясь богослужебной практикой, преподавал «книжное учение» детям, работал в качестве переписчика, оформителя и составителя церковных богослужебных и учительных книг.

Творческий путь Софрония Врачанского можно разделить на три периода: Котленский (1762–1792), Видинский (1794–1803) и Бухарестский (1803–1813). В Котеле он отдал свои творческие силы составлению списков различных богослужебных книг. Им были переписаны важнейшие памятники – «Дамаскин» (1765), «Часослов», а также сделаны два списка «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского (в 1765 и 1781 гг.). Священник Стойко занимался оформлением книг, он был искусным переплетчиком и хорошим каллиграфом¹.

В 1794 году Стойко Владиславов был избран врачанским епископом с монашеским именем Софроний. Около десяти лет он занимал епископскую кафедру, однако это десятилетие было наполнено не столько богослужебной практикой, сколько скитаниями по землям Северо-Западной Болгарии. Рукоположение Софрония совпало с восстанием видинского аги Пазвандоглу. Врачанская епархия оказалась во власти кырджалиев, сам же Софроний был фактически «пленен» Пазвандоглу. Три года он жил в Видине как почетный затворник. Там Софроний занимался книжной деятельностью. Плодом его занятий стали два сборника церковных посланий, поучений и нравоучительных рассказов.

В 1803 году Софроний Врачанский в возрасте шестидесяти четырех лет оставил Видин и отправился в более спокойные Валахские земли. Вскоре патриарх Каллиник V освободил его от управления Врачанской епархией. В Валахии начался самый плодотворный период литературной и общественной деятельности Софрония. В Бухаресте он написал свое «Житие» (1805), составил из разных источников, перевел и прокомментировал «Исповедание православной веры» (1805), «Недельное евангельское толкование и Катехизис» (1806), «Кириакодромиион сиречь Неделник» (1806), «Театрон Политикон сиречь Гражданское позорище» (1809). «Кириакодромиион» стал первой печатной кни-

гой на болгарском языке. В Бухаресте Софроний вел активную общественную деятельность: участвовал в жизни Болгарского благотворительного комитета, имел деловые связи с командованием русской Молдавской армии. Умер он в сентябре 1813 года.

Основным источником творческого и жизненного пути Софрония является «Житие и страдание грешнаго Софрония». В литературе стало привычным и другое название этого труда – «Автобиография Софрония Врачанского». Софроний написал свое «Житие» в Бухаресте в 1805 году. Он сохранил в нем черты средневековой агиографической литературы, но стиль, интонации и язык «Жития» сближают сочинение с автобиографией, жанром художественной литературы Нового времени. Перед нами история человека, православного епископа, которому выпала доля жить в разрушающейся Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. Бешеная стремнина истории вовлекла его в пучину многих исторических событий. Софроний стал одновременно участником и историком бунта Пазвандоглу, повлекшего политическую смуту и наплыв разбойников в северные болгарские земли.

Описываемая Софронием эпоха получила в историографии² название «кырджалийского времени», общепринятая датировка которого ограничивается 1779–1813 гг. Кырджалийским временем называют период разбойничества в Османской империи. Эпоха характеризуется ослаблением центральной власти, ростом сепаратизма в настроениях провинциальных политических элит, эскалацией вооруженного бандитизма и падением внутренней безопасности на балканских землях. Крупнейший болгарский исследователь В. Мутафчиева называет это время эпохой феодальной анархии³. Власть не отсутствовала полностью, но была крайне раздроблена. Болгарские земли были превращены в боевое поле между Портой и видинским правителем Пазвандоглу, русенским аяном Трестениклиоглу, татарскими ханами на северо-востоке региона и родовыми кланами помаков в Родопах. Их дополняли главари многочисленных вооруженных банд и вовлеченных в разбойничий промысел местных жителей. По мнению И. Ф. Макаровой, кризис военно-административной системы привел к обострению проблемы внутренней безопасности⁴. Изучив документы, она приходит к выводу, что проблема разбойников не была актуальна в XVII веке, но на протяжении всего XVIII века источники фиксируют рост вооруженного бандитизма. К бандитам И. Ф. Макарова относит гайдуков, кырджалиев, харамиев и т. д. Исследователь полагает ошибочным интерпретировать их действия в XVIII веке как национально-освободительную борьбу, так как задача освободиться от турецкого ига в данный период перед болгарями еще не стояла⁵; «время кырджалиев» оценивается как «хаос бандитизма и анархии»⁶.

Итак, в 1794 году священник Стойко Владиславов стал епископом Софронием Врачанским. Врачанская епархия, по сообщениям «Жития», была «разбросана на множество маленьких сел»⁷, в конце XVIII века она включала в себя три духовных округа: Врачанский, Видинский и Плевенский. Церковно-административным центром епархии был город Враца. Географически епархия охватывала земли Северо-Западной Болгарии. Именно эти земли в конце XVIII века оказались в эпицентре войны между Пазвандоглу и султанскими войсками.

По сообщениям «Жития», восстание видинского начальника янычар Пазвандоглу началось с конфликта, разгоревшегося между ним и двумя влиятельными людьми – «Пазвандоглу затеял свару с Генч агой и Хамамджиоглу»⁸, – пишет Софроний Врачанский. Два противника Пазвандоглу принадлежали к богатым горожанам Видина; они не названы аянами, но, по-видимому, относились к этому типу местной власти. Роль аянов в Османской империи оценить довольно сложно, однако с уверенностью можно говорить о том, что с конца XVIII века аяны все чаще занимают важные посты в провинциальной администрации, ценой войны друг с другом и Портой⁹.

Для начала ага янычар Пазвандоглу очистил Видин от возможных соперников за власть, укрепился в городе, который сочетал в себе стратегические достоинства хорошо укрепленной придунайской крепости и крупного торгового центра, а затем перенес границы мятежа далеко за городские стены. По сообщениям Софрония, к 1798 году он владел землями от Видина до Русчука и Варны. Фактически за четыре года Пазвандоглу захватил весь север болгарских земель. Султан Селим III направлял карательные экспедиции в северные провинции своей империи, однако удача была на стороне Пазвандоглу. В 1799 году Селим III признал его правителем Видинского пашалыка, но новый официально признанный правитель края продолжал конфронтацию с центром вплоть до 1802 г.¹⁰ Поражение султана объясняется слабостью его войска в сравнении с наемной «армией» Пазвандоглу.

Ядро мятежных войск составляли янычары, недовольные военной политикой Порты. До 1796 года, пока местечковая свара видинских аянов не переросла в настоящую войну, Софроний Врачанский называет людей Пазвандоглу «пандурами»: «Посреди ночи пришли люди и сказали, что напали на село Браница 400 пандуров пазвандовых»¹¹. Слово «пандурин» имеет венгерские корни. Оно происходит от названия местечка Пандур в Венгрии, где в XVIII веке было создано войско пограничников, пандуров. Сам Софроний не понимал значения этого слова, поэтому он простодушно пишет, что оно внушало ему страх: «А то слово пандури мы не знали, потому объял нас страх»¹².

При описании событий 1796 года Софроний Врачанский выводит на историческое полотно гайдуков пазвандовых. Отметим, что с гайдуками Софроний «познакомился» еще в молодости. В 1756 году по дороге из Котела в Шумен на него напали разбойники: «Чуть не убили нас гайдуки на пути», – пишет он¹³. Видимо, под словом «хайдуци» он подразумевает грабителей, напавших на него по дороге. Разбойничество в то время было обычным явлением в Османской империи¹⁴. Войска Пазвандоглу он тоже называет гайдуками, но постоянно делает ударение на принадлежность этих гайдуков именно к Пазвандоглу. Словосочетание «гайдуки пазвандовы»¹⁵ встречается шесть раз, и ни разу при описании войск Пазвандоглу он не употребляет просто слово «гайдук». Осмелимся предположить, что для Софрония значение слова «гайдуки» в случае 1756 года и в случае конца XVIII – начала XIX века различается. Впрочем, «пазвандовы гайдуки» ведут себя так же, как разбойники: «Напали пазвандовы гайдуки и заняли все села и городки»¹⁶. В 1796 году против этих гайдуков, по сообщениям «Жития», пошел войной румелийский паша Мустафа, возглавивший сорокатысячное войско. Цифры, конечно, завышены, но все же в распоряжении Пазвандоглу должно было быть достаточное количество гайдуков, чтобы отразить такое войско.

При описании событий 1797 года на страницах «Жития» появляются кырджалии. «В лето 1797-е соединились кырджалии с людьми пазвандовыми и пошли войной на Врацу»¹⁷, – пишет Софроний. Речь идет о том, что Пазвандоглу заключил союз с кырджалиями, ему потребовались новые силы, так как масштабы войны значительно выросли¹⁸. Автор упоминает имена некоторых главарей кырджалиев: «А Пазвандоглу держал при себе кырджалиев три полка. Манаф-Ибрагим имел две тысячи кырджалиев... А другой кырджалий был Филибели Кара Мустафа... и другой главарь был Гушаницали Халил... И еще много таких гайдуков пазвандовых крепко стояли против султанских войск»¹⁹. В процитированном отрывке Софроний называет главарей кырджалиев «гайдуками», по-видимому, он находит похожим значение этих слов, но все-таки их нельзя назвать синонимами. Так, на последних страницах «Жития» Софроний констатирует плачевное состояние своей епархии, которую разграбили и опустошили кырджалии и гайдуки, т. е. он делает разницу: «Епархия моя вся рассыпалась, сел не осталось, сожгли их кырджалии и гайдуки пазвандовы»²⁰. Отметим еще одну особенность – Софроний

знает, что султанские войска орудовали в его епархии, так же, как и «профессиональные» разбойники, но он не называет их «гайдуками», а именует «делии», «делибаши». Слова «делии», «делибаши» эмоционально окрашены, они значат в просторечном болгарском языке «безумные головы, головорезы». Например, «возвращались и бежали турки дели из войска, раздевали села»²¹, – Софроний пишет, что с поля боя бежали турки из султанского войска и грабили сельских жителей. «Восстали делибаши капудан-паши»²², – передает Софроний слова жителей Плевны, которые пришли сказать ему, что войска Хюсейна-паши ушли из города. «Поздно вечером напали делибаши Гюрджи паши»²³, – описывает Софроний новый захват Плевны султанским войском. «Делибаши» пазвандовых людей он почему-то не именует, зато называет гайдуками, и гайдуки упоминаются только среди войск Пазвандоглу. Видимо, гайдуки воюют на его стороне, потому что он противостоит султану, в то время как кырджалии воюют по обе стороны баррикад, антисултанское настроение им не близко.

На рубеже XVII–XVIII вв. в Османской империи появились наемные войска. Они периодически созывались аянами. Как пишет М. Мейер, аяны «всегда имели свиту в несколько сотен человек, но в нужную минуту могли выставить и более крупные силы, ибо не стеснялись вступать в сговор с представителями местных разбойников»²⁴. Такого рода «сговор» подразумевал некоторые правила: наемные «солдаты», кырджалии, сначала участвуют в обороне и нападении, а затем по разрешению своего «главнокомандующего» могут заняться грабежом и мародерством. По крайней мере, по такой схеме действуют кырджалии Пазвандоглу в 1801 году. Сначала они защищали Видин от осады султанских войск, а после по разрешению Пазвандоглу отправились грабить валахский город Крайову: «Да дали царским войскам приблизиться к Видину, а после с позволения Пазвандоглу пошли кырджалии в Валахию и спалили Крайову и много людей поубивали»²⁵. Помимо Пазвандоглу в «Житии» упоминается еще две личности, которые нанимают войска. Паша Хюсейн, сражавшийся на стороне султана, вступает в сговор с кырджалиями, и вместе с ними поджигает два села, Габрово и Арбанаси: «Тогда Хюсейн паша, шедший на Видин, сжег Габрово, а село Арбанаси разграбили кырджалии, которые были с ним»²⁶. Правитель вербицких земель Джангиз Гирей, принявший сторону Пазвандоглу, тоже нанимает войско. Примечательно, что оно состоит из христиан и мусульман: «Он собрал войско из мусульман и христиан и пошел в Видин»²⁷. И. Ф. Макарова отмечает, что присутствие христиан в кырджалийских дружинах (а позднее и в армиях местных правителей) с течением времени превратилось в общепринятую норму²⁸.

В «Житии» сохранились имена трех кырджалийских главарей, нанятых Пазвандоглу: Филибели-Кара-Мустафа, Гошаниц-Халил и Манаф-Ибрагим. Любопытно отметить, что по кличкам кырджалийских главарей можно установить, из каких провинций Османской империи пришли эти люди. Разберем имя Манаф-Ибрагим: в просторечном турецком языке словом «манаф» называли уроженца Малой Азии; видимо, Манаф-Ибрагим был оттуда родом. К имени другого кырджалия, Кара-Мустафы, добавлено прозвище Филибели, с турецкого это слово переводится как «пловдивчанин». Город Пловдив турки называли Филибе. Получается, что эти главари вместе со своими бандами могли прийти к Пазвандоглу, на северо-запад, из Родоп и Анатолии.

На своем жизненном пути Софроний однажды столкнулся лицом к лицу с кырджалиями из отряда Гошанцали-Халила, одного из командиров Пазвандоглу. Софроний прятался в доме торговца скотом, притворяясь писцом по имени Стоян, а кырджалии расположились в том доме на постой, они «были пьяны и чинили зло»²⁹, но Софронию пришлось с ними делить кров и стол, «вместе хлеб ели», – пишет он. В «Житии» есть эпизод, в котором кырджалии нападают на Плевну; их появление изображено

с глубоким психологизмом: «На самую Пасху служил я литургию, и мы все радовались очень. В девятом часу пошли на вечерню. По обычаю, когда начали приветствие с «Христос воскрес», слышали, как сотрясся город от грохота, поднялся в храме крик и плач. Все прихожане выбежали вон, а я остался один в церкви, облаченный в архиерейскую одежду. Слышим за стенами крик, плач, но не знаем, что это за гомон и не смеем выйти наружу... В тот же час пошел град, крупный, точно орехи... Тогда вошел один священник в церковь и сказал мне, что в город ворвались гайдуки пазвандовы...»³⁰. В Плевне, захваченной пазвандовыми людьми, Софроний ищет убежище в доме знакомого чорбаджии. Угроза быть схваченным и ограбленным была велика для епископа Софрония, так как он носил «голямо име, владика»³¹ и собирал налоги с населения.

Тема пути, поиска убежища от грабителей образует структуру «Жития». В течение первых двух лет от начала восстания Софроний обходил свою епархию, вел богослужения, собирал налог, читал молебны в селах, охваченных чумой. После 1796 года епископская деятельность Софрония замерла. С тех пор священники из его епархии практически не собирали налогов, сам Софроний вынужден был скрываться. Он прятался в неожиданных для христианского архиерея местах: в пещере близ Черепишского монастыря, в овечьем хлеве и даже в турецком гареме. Однажды во Враце Софроний выдал себя за лекаря перед албанцами, которые захватили епископский дом. «Я назвался доктором... они расспрашивали меня о лекарствах. Насколько знания мои позволяли, я давал им советы»³², – с горькой иронией пишет Софроний. Для того чтобы выйти из осажденного города, Софроний выдал себя за татарина, переделался в татарскую одежду, закутал голову шерстяным платком и безнаказанно прошел мимо стражников, охранявших городские ворота.

Софроний – не единственный странствующий герой «Жития». Страницы его сочинения рассказывают о том, что многие жители снимались с обжитых мест и убежали, спасаясь от грабителей или военных. Обычной тактикой мирного населения было бежать в соседние, более спокойные области. Софроний пишет, что жители его епархии разбежались кто куда, в основном бежали в Валахию: «Епархия моя рассыпалась, сел не осталось, спалили их кырджалии и гайдуки пазвандовы, люди разбежались по валашским землям и по другим областям...»³³. В «Житии» сохранилось описание одного села близ Врацы, полностью покинутого жителями: «Пришли мы поздно вечером в одно село, а оно все разбежалось, ни души нет, хлеба нет, дров нет, а холод страшный, ночь длинная...»³⁴. Во время нашествия войск монахи Черепишского монастыря оставили кельи и спрятались в горной пещере: «И пришли мы в монастырь, никого не нашли там – монахи разбежались, монастырь закрыт и не знаем где их искать... встретили по дороге одного знакомого священника, он знал, что прячутся монахи в одной пещере...»³⁵. На глазах Софрония разбежалось население Крайовы, услышав, что к городу приближаются кырджалии: «Однажды пришла весть, что приближаются кырджалии к Крайов. Той же ночью убежали из города каймакам и бояре, и торговцы, и монахи, и попы»³⁶.

Иногда горожане сопротивлялись нападениям. В «Житии» описаны случаи сопротивления жителей Плевны и Врацы. Врачанцы отстояли город в 1794 году, не сдались в 1797 году, хотя кырджалии и гайдуки пазвандовы осаждали город 8 дней: «Держали его в осаде восемь дней, сражались, но внутрь не могли войти»³⁷. В 1799 году кырджалии напали на Плевну. Софроний стал очевидцем того, как перед осадой плевенцы (в первую очередь, женщины, мусульманки и христианки) прятались в турецкий квартал города, укрепленный высокими каменными стенами: «Видим, как замужние мусульманки и христианские жены, каждая неся с собою изряднейшие вещи свои, плачут и бегут в турецкую укрепленную часть»³⁸; сам Софроний укрылся на постоялом дворе, «который был огражден каменной стеной»³⁹. Турецкое мужское население было воору-

жено огнестрельным оружием; в момент общей опасности, видимо, оружие давалось и христианам. Они обороняли город сообща. Если же село или город сдавались, то все жители обязывались размещать войска в своих домах, даже епископ должен был отводить место под построй. Однажды султанские войска заполонили всю Плевну: «Пришел Хюсейн паша с шестью тысячами войска... и не оставили пустыми ни христианских, ни турецких домов»⁴⁰. Имущество самого Софрония в разных городах было разграблено: дом в Арбанаси «разграбил, и не осталось ни бревнышка»⁴¹, во Враце «албанцы все постели и утварь, и жито, и ячмень, и вино – все съели и распродали»⁴², в Плевене дом Софрония грабили сначала солдаты из султанского войска – «разбили ворота и ворвались в наш дом 11 делибашей на конях»⁴³, а через месяц – «гайдуки» Пазвандоглу «разнесли двери и ворота и заняли дом наш и все мои вещи себе забрали»⁴⁴.

Время кырджалиев в «Житии» Софрония – это время войны. Войну ведут султан и мятежный аян, война идет между населением и разбойниками, кырджалиями, гайдуками, бежавшими с поля боя солдатами. Время кырджалиев несло населению разорение; Софроний Врачанский вследствие всех событий лишился епископии и паствы. Около десяти лет его епархия разграблялась; он принимает решение покинуть болгарские земли и уйти в Бухарест именно потому, что врачанские земли оставались в руках кырджалиев и после окончания бунта Пазвандоглу: «Я как увидел, что кырджалии не уходят из епархии моей ... ушел в Бухарест»⁴⁵. На этом закончилось кырджалийское время для Софрония Врачанского.

Анализируемый источник – «Автобиография Софрония Врачанского» – несомненно яркое, живое свидетельство участника событий. Воспринимает епископ кырджалийское время резко отрицательно. Автобиография, насыщенная живописными подробностями, может дать ответ на многие вопросы, стоящие перед исследователями, историками времени кырджалийской смуты в Османской империи. В частности, может быть получен ответ на вопрос о формах нелегальной самоорганизации населения на рубеже XVIII–XIX вв., о соотношении и развитии этих форм. Важнейший анализируемый нами источник может ответить на вопрос о соотношении янычарства, аянства и кырджалийства. По мнению историка И. Ф. Макаровой, несколько десятилетий вооруженного противостояния превратили разбойников в опытных, дисциплинированных бойцов. Укрепление внутренней структуры аяныка вело к распространению системы патронажа и на рядовых кырджалийских главарей. Вынужденные поступать на службу к местным правителям, кырджалии постепенно, но в массовом порядке, начали превращаться в «добропорядочных» наемников. Впервые эта тенденция проявилась в северной Болгарии⁴⁶.

¹ Историография жизни и творчества достаточно обширна; укажем главные работы: *Орешков, П.* Автобиография на Софрония Врачанский. С., 1914; *Арnaudов, М.* Софроний Врачански. 2 изд. С., 1947; *Державин, Н. С.* Софроний Врачанский. Его жизнь и литературная деятельность. – В: Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.–Л., 1941; *Киселков, В.* Софроний Врачански. Живот и творчество. С., 1963; *Робинсон, А. Н., Дылевски, Н. М.* Софроний Врачанский и его жизнеописание. Л., 1976; *Златарский, В.* Политическата роля на Софрония Врачански през Руско-турската война 1806–1812 г. – Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, 1923, кн.19; *Ангелов, Б.* Софроний Врачански. Материали за живота и творчество му. – Известия на Института за българска литература, 1958, № 7, 309–325; *Дубовик, О. А.* Религия и церковь в болгарской исторической мысли XVII–XVIII вв. – В: Церковь в истории славянских народов; *Боева, Л.* Софроний Врачански и идеологията на немската Реформация. – В: Българо-немски литературни и културни взаимоотношения през XVIII и XIX в. С., 1985; *Аретов, Н.* Софроний Врачански и диалогът му със света. Наблюдения върху „Философские мудрости“ и „Гражданское позорище“. – Литературна мисъл, 1990, № 3.

² *Мутафчиева, В.* Кърджалийско време. С., 1977; Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991; *Орешкова, С. Ф.* Государственная власть и проблемы формирования социальной структуры османского общества. – В: Османская империя, системы государственного управления. М., 1986; *Гастарян, М. А., Орешкова, С. Ф., Петросян, Ю. А.* Очерки истории Турции. М., 1983; *Цветкова, Б.* Хайдутство в болгарските земи през XV–XVIII вв. С., 1971; *Макарова, И. Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., 2005.

³ *Мутафчиева, В.* Указ. соч., с. 38.

⁴ *Макарова, И. Ф.* Указ. соч., с. 120.

⁵ Там же, с. 121.

⁶ Там же, с. 125.

⁷ Житие и страдания грешного Софрония. С., 1989, с. 36.

⁸ Там же, с. 37.

⁹ *Мейер, М. С.* Аяны и их место в Османской империи. – В: Тюркологический сборник: 1979 г. Османская империя: проблемы истории и источниковедения. М., 1985, с. 53.

¹⁰ *Макарова, И. Ф.* Указ. соч., с. 138.

¹¹ Житие..., с. 37.

¹² Там же, с. 38.

¹³ Там же, с. 25.

¹⁴ И. Ф. Макарова пишет, что «на протяжении всего XVIII в... источники фиксируют в болгарских землях стабильный рост вооруженного бандитизма» (*Макарова, И. Ф.* Указ. соч., с. 120).

¹⁵ Житие..., с. 39, 44, 45, 47, 48.

¹⁶ Там же, с. 39.

¹⁷ Там же.

¹⁸ По данным „Жития“ в 1798 году против Пазвандоглу вышло огромное войско, в триста тысяч человек. В действительности, как полагает Н. М. Дылевский, султанское войско насчитывало 80–100 тысяч человек.

¹⁹ Житие..., с. 47.

²⁰ Там же, с. 48.

²¹ Там же, с. 40.

²² Там же, с. 42.

²³ Там же.

²⁴ *Мейер, М. С.* Указ. соч., с. 56.

²⁵ Житие..., с. 47.

²⁶ Там же, с. 40.

²⁷ Там же, с. 45.

²⁸ Макарова, И. Ф. Указ. соч., с. 147.

²⁹ Житие..., с. 44.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 42.

³² Там же, с. 41.

³³ Там же, с. 48.

³⁴ Там же, с. 42.

³⁵ Там же, с. 41.

³⁶ Там же, с. 48.

³⁷ Там же, с. 39.

³⁸ Там же, с. 43.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 40.

⁴² Там же, с. 42.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, с. 44.

⁴⁵ Там же, с. 48.

⁴⁶ *Макарова, И. Ф.* Указ. соч., с. 149.

Л. П. Лантева

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Ю. И. ВЕНЕЛИНА ДЛЯ БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Две даты Ю. И. Венелина, 150 лет со дня смерти в 1989 г. и 200 лет со дня рождения в 2002 г., породили большую литературу об одном из первых российских славяноведов¹. По сравнению с предшествующими сочинениями, в работах конца XX – начала XXI в. освещены вопросы, ранее не поднимавшиеся, в ряде случаев дана новая интерпретация некоторым произведениям слависта, введены в научный оборот новые архивные материалы, впервые изданы некоторые произведения Ю. И. Венелина и архивные документы о его ученой деятельности. Ю. И. Венелин сыграл важную роль в процессе национального возрождения болгарского народа, в его время забытом или мало известном. Даже в России, где в начале XIX в. появился интерес к балканским славянам и было известно о западных славянах и сербах, о болгарях вообще не было никаких данных либо существовали самые фантастические представления. Как отметил один из историков XIX в., к исходу 20-х годов в русских журналах выражалось мнение, что «задунайские славяне все перевелись и что там не слышны больше славянские звуки»². До какой степени доходила неосведомленность о болгарях, свидетельствует, в частности, тот факт, что во время русско-турецкой войны конца 20-х годов, проходившей и на территории Болгарии, в русской армии не только низшие чины, но и офицеры «считали болгар татарами», а «их язык исковерканным русским»³.

Именно в конце 20-х годов болгарями заинтересовался Юрий Гуца-Венелин (1802–1839). Он родился 22 апреля 1802 г. в селе Тибавы (тогда – в Северной Венгрии), в семье священника. Закончил Ужгородскую гимназию, затем учился в Ужгородской духовной семинарии и Сатмарском лицее. В 1822–1823 гг. учился во Львовском университете, где увлекся работой над историческими материалами в архивах города Львова. Духовная карьера Ю. И. Гуца не привлекала, и он весной 1823 г. с новым именем Венелович-Венелин вместе с двоюродным братом И. Мольнаром отправился в Черновцы, а потом через границу в Кишинев. Генерал-губернатор Южного Края России И. Инзов принял пришедших и предоставил им работу: Венелина назначил учителем арифметики, а Мольнара – учителем латинского языка.

За два года пребывания в Кишиневе Венелин общался с болгарскими колонистами, изучал их язык и обычаи, делал выписки из греческих и римских авторов и средневековых хронистов о населении Балканского полуострова. В 1825 г. карпаторосы прибыли в Москву. Ю. Венелин встретился здесь со своим земляком И. С. Орлаем, доктором медицины, и, по его совету, поступил на медицинский факультет Московского университета. Однако будущий «лекарь» продолжал заниматься историческими изысканиями. Он познакомился с известным историком, профессором Московского университета М. П. Погодиным, который вел с ним беседы об истории, снабжал книгами и побуждал его заниматься исследованием источников. Ю. И. Венелин был весьма образованным человеком: хорошо знал греческий и латинский языки, причем на последнем писал, как на родном, с детства владел венгерским, очень хорошо говорил по-немецки и по-французски, понимал английский и итальянский, испанский, румынский и турецкий.

Известны были ему также и все главнейшие славянские наречия⁴. Это обстоятельство позволяло ему одновременно заниматься наряду с историей и языкознанием. Постепенно он стал сотрудничать с московскими журналами. В 1828 г. он поместил в «Московском вестнике» рецензию на книгу И. Яковенко о Молдавии, Валахии и Бессарабии⁵ и затем полностью посвятил себя исторической работе.

В 1829 г. вышла книга Венелина «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном и историческом и религиозном отношении к россиянам». В ней автор описывает трагическую судьбу болгарского народа, некогда могущественного и славного, а ныне утратившего историческое достоинство и забытого Европой. «Между тем как европейские публицисты, человеколюбивые политики дхали над судьбою греков, между тем как вселенские летучие листки (т. е. газеты. – *Л. Л.*) испещрены именем фанариотов, сулиотов, идриотов, эллинов и пр., между тем как всякая политическая голова непременно рассуждать о возрождении и нет византийского орла, болгаре не бывали и в помине, даже никакой славянин не рыдал над телом зарезанного льва... «Златовенчаный лев» Болгарии лежит распростертый на Земле, удушенный магометанизмом»⁶. Критика Венелина не пощадила и Карамзина, ничего не сказавшего о болгарях в своих исторических сочинениях, популярных в этот период. «Несмотря на всю занимательность обширного болгарского народа, – пишет Венелин, – нельзя не удивляться, что не только Карамзин никакого не обращал на них внимания, но и другие новейшие народописцы при исчислении славянских племен большей частью совсем не упоминают о болгарях, живом нынешнем народе, между тем как исчисляют истребленных славян померанских! Пусть иностранцы, по неведению или по нерадению, мало о них заботятся, но тем непростительнее нам забыть болгар, из рук коих мы получили крещение, которые нас научили читать, писать, на коих природном языке большею частью писали мы почти до времени Ломоносова, коих колыбель сопряжена с колыбелью русского народа»⁷.

Столь славный в прошлом народ, по мнению Венелина, обладал прекрасным внешним обликом. В главе «Характеристические черты болгар» он передает описание одного из греческих авторов: «Болгаре вообще росту высокого, сложения и силы атлетической, постоянны, трудолюбивы и неустрашимы... Турки не так гостеприимны, как болгаре... Притом они опрятны во всем их домашнем быту... Вот некоторые черты нравственного и телесного характера, некогда благороднейшего из всех славянских народов», – резюмирует Венелин⁸.

Далее автор сетует на то, что историческая наука совершает преступление против истины. Даже кичащиеся своей объективностью немцы, авторитету которых поддались наивные россияне, в том числе и Карамзин, обижают болгарский народ. В изложении истории болгарского народа Венелиным звучит скорбь о современном его состоянии и призыв к возвращению ему места в истории. Но средства к этому были столь неправдоподобны, аргументация и факты столь фантастичны, что даже при низком уровне знаний о болгарях в России и других странах, критика отнеслась к книге Венелина резко отрицательно. В журнале «Московский телеграф» была напечатана издевательская заметка издателя, известного «карамзиниста» Н. А. Полевого, который писал: «Главная мысль автора (т. е. Венелина. – *Л. Л.*), что болгары были славяне. Но этого мало: он почитает славянами гуннов, аваров, хазар. Утверждает, что Атила был славянин и что русские произошли от роксолан; словом, нельзя читать книги г-на Венелина не смеясь, а смеяться – не досадуя, что в наш век еще осмеливаются выползть на божий свет литературные чудовища такого рода»⁹. Появились рецензии и в других журналах. По мнению одного из биографов Венелина, названная книга скорее представляет собой свод материалов, собранных в разное время, причем автор старался привести их в порядок, но увлекся. Позднее он сам признавал несовершенство своей книги¹⁰. П. И. Шафарик

писал в своих заметках 1835 г., что «работа Венелина – сочинение не критическое, полное различных фантазий, заблуждений, ошибок, неправильностей, бессмыслиц»¹¹.

Действительно, «изыскания» Венелина были далеки от науки. Они не обнаруживали элементов исторической критики, но, как отмечалось, «не лишены были некоторого научного дерзновения». Книга Венелина не является фактом науки, дальнейшее развитие последней не подтвердило большинства его положений. Это – художественное произведение на историческую тему, как большинство средневековых хроник, как наша «Повесть временных лет», «История государства Российского» Карамзина и многие другие сочинения времени «ранних историй». В период становления исторической науки вообще и славяноведения в частности разработка древней истории Европы и славянства была слабой. Источниковая база неизвестна, скудость свидетельств и фактов нужно было заполнять воображением и домыслами. Методы исторической работы были не ясны, на первый план в сочинениях часто ставилась занимательность изложения вместо достоверности сообщения. Ведь и прославленное произведение «Славянские древности» чешского корифея, одного из родоначальников европейского славяноведения, созданное в середине 30-х гг. XIX в., содержало столь много ошибочных суждений и заключений, что через десяток с лишним лет оказалось устаревшим. Между прочим, серьезный удар «славянским древностям» Шафарика нанес харьковский профессор И. М. Собестианский, опубликовавший книгу «Учение о национальных особенностях характера и юридического быта славян. Историко-критическое исследование» (Харьков, 1892), а чешский археолог Л. Нидерле своими «Славянскими древностями» оставил работе П. И. Шафарика того же названия роль великой исторической реликвии славянской историографии.

Что касается книги Венелина, она не могла отвечать научным требованиям. По состоянию исторических знаний автор не мог осветить затронутые им вопросы подробно и правильно и создал национальный болгарский миф. Несмотря на это, Венелин высказал пару рациональных соображений. В период полемики по поводу происхождения славян он высказал мысль об их автохтонности на той территории, где их застала история, т. е. что они старожилы в Европе наравне с греками и латинянами. Отвергал он и норманскую теорию происхождения русского государства. При смутных представлениях о славянах в России 30-х годов XIX в. современники не могли увидеть в работе Венелина того, что обнаружила в них вооруженная новыми сведениями и методикой наука позднейшего времени. Современники вообще редко признают неординарные произведения. Мешают создавшиеся стереотипы мышления, личные отношения между членами ученого сообщества, амбиции отдельных лиц и т. д. Непринятые русской критикой произведения Венелина стали источником вдохновения для духовного возрождения болгар. Их не интересовала степень научности его сочинений. Главное было в том, что Венелин говорил с таким искренним волнением о невыносимом положении современных болгар, которые некогда были благороднейшим народом из всех славянских племен.

Ведь в начале XIX в. Болгария представляла собой одну из Западных территорий Османской империи. Ее население вело примитивное хозяйство, быт находился на самом низком уровне, люди лишены каких-либо человеческих прав. По вере болгары православные, но богослужение и вообще церковь в руках греков, т. к. турецкий султан передал духовное управление христианских народов империи Константинопольскому патриархату. Народ полностью неграмотен. Школ на болгарском языке нет. Зажиточные болгары посылают своих детей учиться в гимназии в Афины или Константинополь, т. е. в греческие учебные заведения. Греческие фанариоты руководствовались идеей эллинизации болгар, препятствовали развитию национальной культуры, изгоняя болгарский язык из богослужения и училищ. Не зная болгарского языка, греки

осуществляли гонения на церковнославянские книги. Таким образом, богатая греческая культура постепенно превратилась в тормоз болгарского культурного развития. Материальный и духовный гнет, отсутствие политических и вообще каких-либо прав, жестокое обращение турецких властей с христианским населением приводило к массовым эмиграциям болгар за пределами Турции. Богатые и образованные болгары основывали свои колонии в Румынии, Трансильвании, в России – особенно в Одессе и Николаеве, а позднее – в Москве. В этих центрах теплилась национальная мысль и возникали планы духовного возрождения родины, ее освобождения. Появление книги Венелина вызвало энтузиазм у эмигрантской болгарской интеллигенции. Некоторые деятели возрождения вступили с ним в переписку, посещали его, беседовали с ним о своих чаяниях. Степень научности его сочинений болгар не слишком интересовала, главное было в том, что автор выводил болгар из неизвестности и ставил в ряд просвещенных народов.

В 1830–1831 гг. Ю. И. Венелин совершил ученое путешествие в Болгарию. Задачей этой поездки было основательное знакомство с языком, жизнью и народной культурой болгар, сбор исторических документов, памятников письменности, материалов болгарского языка, этнографических и других сведений. В записках, которые вел ученый-путешественник, а также в письмах с пути, которые Венелин посылал разным лицам, он нарисовал яркую и удручающую картину духовного состояния болгар, населявших Балканы. Полученные им сведения и впечатления впоследствии стали источником многих сочинений Венелина. Поэтому небезынтересно сообщить некоторые факты. Так, в письме к М. П. Погодину из Силистры 20 августа 1830 г. Венелин пишет: «Мыплыли по Черному морю вдоль и поперек круглую неделю. 4-го июля в 12 часов бросили якорь в виду Варны. ...Я катнул со шхипером к берегу. Побродив по узким, кривым, душным, худо вымощенным улицам Варны, через часа два сели опять на катер и причалили к судну. ...На другой день я опять в город с бумагами... велено тотчас отвести мне квартиру. Квартир пустых было много, но все без окошек. Стекла в Турции не знают; на место одного загораживают окошки деревянными решетками. Жителей в Варне очень мало... Я просил, чтобы меня поселили с болгарами, чтобы более к ним привыкнуть и к их языку. ...На другой день я приступил к ученым розыскам... Хотел познакомиться с митрополитом и духовенством. В 7 часов отправился к обедне; мне сказали, что уже отошла. Однако я решился посетить все три варнские монастыря. В первом сказали, что митрополит со всем своим клиром дал тягу в Крым и что всеми монастырями заведует один только папас, живший в митрополии. Я просил провести меня к папасу; не застал дома. Отворили митрополитскую церковь; вошел, чуть кое-что разглядел в темноте... Папаса я встретил на улице, воротился в его келью... Я спросил его о рукописях, об архиерейском архиве. Он не понял ни того, ни другого. После объяснения сказал, что у митрополитов никогда не бывает никаких бумаг и писцов и что только одни москвитяне (русские) заводят такие дома (канцелярии), где вечно пишут. Я опять через толмача: не имеют ли монастыри дарованных им патриархами грамот? И не может ли он мне их доставить, какие бы они ни были, и мне услужить за деньги? Ответ утвердительный. Я обрадовался. И вот что вышло. Мой папас дня через два предлагает мне греческую азбуку печатную. Развязка: он думал, что я хочу учиться греческой грамоте. Он ли это смыслил или переводчик, не знаю. После сего я пустился приискывать грамотного болгарина; ни одного не нашел. У многих спрашивал про рукописные книги, не знает ли кто у кого. Сначала один обрадовал меня тремя; приносит. Что же? Три разные его билета от русских начальств. Он был прав, ибо книга на болгарском просторечии значит свиток бумаги, рукописная книга, т. е. исписанная бумага. Представить себе не можете, какие трудности должно прежде преодолеть, пока им объяснишь то, чего спрашиваешь. Для этого и грамотный недостаточен, ибо редкий доучился до того, чтобы тебя понял...

Один грек (лавочник), который мне показался несколько смысленным и коего я принял было за болгарина, отвечал мне: «Ну если уже так дорожишь этими рукописями, так неужели не умеешь наделать их себе сам!» Впрочем вообще вся Восточная Болгария чрезвычайно пуста для археолога; в ней-то меньше всего жило болгар, коих главные силы за Балканами... но жители гуртом переселились в Валахию и Молдавию, если бог даст здоровья, я их там отыщу... Посему в Варне заблаговременно стал собирать некоторые народописные и языкописные сведения о болгарях. ...В короткое время я так приучился по-болгарски, что разговариваю уже без переводчика...»¹².

Несмотря на трудности в поисках материалов о болгарях во время путешествия, Ю. Венелин собрал данные о болгарском языке и народном творчестве – песнях, пословицах, поговорках, изучал славянские грамоты в монастырях и архивах Бухареста, чем значительно обогатил науку знаниями о славянском населении Балкан. Особенно ценными были «Влахо-болгарские и дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным», изданные уже после его смерти (СПб., 1840). Их высоко ценил чешский ученый П. И. Шафарик. 26 сентября 1835 г. он писал М. П. Погодину: «Я лишь повторяю просьбу, чтобы Вы по возможности не забыли сразу же по Вашем прибытии в Москву выслать мне по почте копии старинных болгарских грамот, привезенных из путешествия г. Венелиным»¹³. А вскоре, 2 октября 1835 г., чешский ученый повторяет свою просьбу: «Если Вы желаете, чтобы моя «Булгарика» вышла в свет скорее, высылайте мне срочно обещанные Вами точные копии древнейших привезенных г. Венелиным болгарских грамот»¹⁴. Таким образом, высказывая строгие критические суждения о книге Венелина, чешский ученый очень высоко ценил найденные и переписанные Венелиным болгарские грамоты. Венелин написал так же ряд работ: «О характере народных песен у славян Задунайских» (М., 1835), «О зародыше новой болгарской литературы» (М., 1838), «Принятие христианства славянскими народами до Кирилла и Мефодия» (СПб., 1839) и др. Главным результатом ученого путешествия Венелина в Болгарию в 1830 г. была «Грамматика нынешнего болгарского наречия». Этот труд остался неизданным и вышел в свет только в 1997 г., подготовленный к публикации российским ученым Г. К. Венедиктовым¹⁵.

Книги Ю. Венелина произвели настоящий переворот в сознании образованных болгар. Эллинизация их культуры в это время зашла так далеко, что некоторые из них стыдились своего болгарского происхождения. Они вели деловую переписку только по-гречески, детей своих обучали в греческих школах.

Как известно, национальное, культурное возрождение каждого угнетенного народа начинается с интереса к своему языку, литературе, истории. Сочинения Ю. Венелина способствовали повороту в духовной ориентации болгар, возврату болгарской литературы к славянской традиции. Начало было положено работой «Древние и нынешние болгары» Венелина, которая произвела сильное впечатление на болгарских читателей. Не обращая внимания на научную достоверность изложенного материала, болгары, по отзыву поэта и публициста Райко Жинзифова, увидели в ней как в зеркале «всю прошедшую историческую жизнь своего народа, всю старинную славу и отнеслись с горячим сочувствием к описанным событиям. Его научный взгляд относительно древних болгар, основавших первую династию среди славян Балканского полуострова, до того пришелся по сердцу современным болгарам-славянам, что никто не смел сказать им, что теория Венелина не выдерживает строгой научной критики. Одним словом, Венелин своими сочинениями, благотворное влияние которых на болгар было громадно, создал целую школу с многочисленными последователями, и его научный взгляд на историю болгар будет иметь среди них перевес над всякою другою ученой теорией. С этого времени болгарская письменность начинает мало-помалу оживляться». Р. Жинзифов

связывал с деятельностью Венелина не только зарождение новой болгарской литературы, но и начало самой эпохи возрождения¹⁶.

Другой болгарский просветитель, Анастас Кипиловский, писал в письме к издателю Ширяеву: «Несколько дней тому назад мне посчастливилось получить в руки сочиненную господином Ю. Венелиным книгу под заглавием «Древние и нынешние болгары», которую я уже шесть раз ненасытно перечитываю. Я болгарин родом. Мои чувства в отношении моего народа совсем подобны тем чувствам, которыми переполнена душа почтенного сочинителя этой книги». Болгарский писатель и революционер Л. Каравелов заметил: «Первый том исследования Венелина о славянах «Древние и нынешние болгары», вышедший в 1829 г., имеет особую важность не столько для науки, сколько собственно для Болгарии. В этой книге Венелин открыл... существование неизвестного болгарского племени, одного из славянских племен, забытого миром, но имевшего у себя историю, обильную событиями, словесность, живой язык. И эта книга, а потом путешествие самого Венелина по Болгарии много содействовали нравственному возрождению болгарского народа».

В художественных произведениях болгарских писателей используются сюжеты и образы болгарской истории, фольклорные мотивы и описание быта и нравов болгар под влиянием сочинений Венелина. Отзвуки его идей имеются в исторических сочинениях С. Палаузова и М. Дринова. Книга Венелина вдохновила писателей на создание исторической драмы, которая всегда являлась существенным компонентом процесса национального возрождения культуры. Что касается языка, то главным источником по этому вопросу была «Грамматика». Многие болгары ее знали, но она не была напечатана, и круг лиц, знакомых с нею, ограничивался единицами. Но она представляла первый опыт описания болгарского языка, т. е. была создана до выпуска первых болгарских грамматик. В этом заключается культурно-историческое значение труда Венелина. В ней были реализованы взгляды Венелина на устройство орфографии болгарского языка. Некоторые болгарские ученые считали, что «Грамматика» ценна своими многочисленными культурно-историческими и этнографическими заметками, которые в ней содержатся. Исторические сочинения Венелина оказали сильное воздействие и на творчество болгарских поэтов. Высоко ценил труды Ю. Венелина крупнейший поэт эпохи возрождения П. Славейков. В поэмах эпохи Возрождения, как и в лирике, воспевалось героическое прошлое страны, утверждалась необходимость сопротивления поработителям. Историко-патриотическая тематика способствовала формированию нации, напоминая болгарам, что их объединяет общая историческая судьба, величественная в прошлом и трагическая в настоящем.

Подводя итог рассуждениям о значении Венелина для болгарского национального возрождения, можно констатировать, что его труды пробудили в болгарской интеллигенции национальное самосознание и явились стимулом для работы над просвещением народа и исследования его языка, истории и творчества. Придавая большое значение собиранию болгарских песен, которые он считал голосом народа и свидетельством его истории, Венелин побуждал болгарских деятелей обращать внимание на народную поэзию, которая, по его мнению, является одним из источников познания характера, обычаев, обрядов народа и его истории. Усилия ученого не пропали даром. Многие болгары как при жизни Венелина, так и во второй половине XIX в. внесли большой вклад в изучение болгарского фольклора. Собранные Венелиным влахо-болгарские грамоты представляли большой интерес как для палеографа, так и для истории болгарского языка. По призыву и примеру Венелина болгары стали осмысливать и собирать древние рукописи на славянском языке как ценный исторический и языковой источник. Составлением «Грамматики» Венелин положил начало научной разработке новоболгарского

языка, что положительно повлияло на развитие болгарского возрождения. Кроме того, Венелин начал создавать словарь болгарского языка, который, правда, не был оформлен, но идея оживила интерес к проблемам родного языка среди самих болгар. Таким образом, несмотря на несостоятельность ряда его теорий, фантастичность исторических и лингвистических построений, Венелин оказал влияние на развитие болгарского национального самосознания, был пионером и вождем болгарского Возрождения. Как говорил его первый биограф в 1854 г. П. А. Бессонов, «...все, чем только знаменуется возрождение болгарского просвещения, все то стоит в прямой или посредственной связи с именем Венелина»¹⁷.

Ю. И. Венелин умер в 1839 г. от туберкулеза. На его могиле в Даниловском монастыре в Москве в 1841 г. благодарные болгары воздвигли памятник из итальянского мрамора. Это была белая колонна, завершающаяся урной и крестом. На пьедестале были высечены слова: «Юрию Ивановичу Венелину одесские болгаре. 1841. Родился 1802 скончался 1839 года. Напомнил свету о забытом, но некогда славном, могущественном племени болгар и пламенно желал видеть его возрождение. Боже всемогущий! Услыши молитву раба своего»¹⁸. Впоследствии памятник был уничтожен. В 1988 г. на стене Данилова монастыря в Москве болгарским посольством установлена памятная доска.

¹ Укажем главные из них: *Данилюк, Д. Д.* Ю. И. Гуца-Венелин. Ужгород, 1995; Ю. И. Венелин. Грамматика нынешнего болгарского наречия. Публикация подготовлена *Г. К. Венедиктовым*. М., 1997; Ю. И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998; Ю. Венелин. З наукової спадщини визначного славіста. З нагоди 200-ліття від дня народження Ю. Венеліна. Ужгород, 2002; Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831). Публикация подготовлена *Г. К. Венедиктовым*. М., 2005.

² *Бессонов, П.* Юрий Иванович Венелин. – ЖМНП, ч. 221, 1882, № 5, с. 165.

³ *Бессонов, П.* Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию. – Московитянин, 1856, т. 3, № 10, с. 116.

⁴ *Бессонов, П.* Юрий Иванович Венелин..., с. 162.

⁵ Венелин Ю. (Рец. на кн.:) И. Яковенко. Нынешнее состояние Молдавии, Валахии и Бессарабской области с историческим описанием ее земель. СПб., 1828. – Московский вестник, ч. 10, 1828, № 15, 256–278; № 16, 373–392; № 17, 160–175.

⁶ *Гачев, Г. Д.* „Древние и нынешние болгаре“ Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф. – В: Ю. И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998, с. 30.

⁷ Там же, с. 31.

⁸ *Гачев, Г. Д.* Указ. соч., с. 32.

⁹ Современная библиография: книги 1829 года. – Московский телеграф, 1829, № 16, 485–486.

¹⁰ *Бессонов, П.* Юрий Иванович Венелин..., с. 162.

¹¹ *Korespondence Pavla Josefa Šafařika. Vydal V.A. Francev vzaienne dopisu P.J. Šafařika s ruskými učenci (1825–1868). Čast. II v Praze. 1928, s. 492.* (далее КШ).

¹² Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831)... 96–98.

¹³ КШ II, с. 490.

¹⁴ Там же, 493–494.

¹⁵ *Венелин, Ю. И.* Грамматика нынешнего болгарского наречия. М., 1997.

¹⁶ Цитировано по соч.: *Смолянинова, М. Г.* Юрий Венелин и болгарская литература эпохи национального возрождения. – В: Ю. И. Венелин в болгарском возрождении. М., 1998, с. 12, 13.

¹⁷ Цит. по: *Никулина, М. В.* Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России. – В: Ю. И. Венелин в болгарском возрождении. М., 1998, с. 142.

¹⁸ О памятнике Ю. И. Венелину см.: *Венедиктов, Г. К.* За памятника на Юрий Венелин в Москва. – В: Ю. Венелин. З наукової спадщини визначного славіста. Ужгород, 2002, 133–140.

И. Тодоров

СТЕФАН ЗАХАРИЕВ И ЗАРОЖДЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ФРАКИИ В БОЛГАРИИ

Личность и дело Стефана Захариева (ок. 1810 – апрель 1871), одного из типичных представителей болгарской возрожденческой интеллигенции середины XIX в., были хорошо известны образованной общественности Болгарии первых десятилетий после Освобождения от турецкого рабства. Эта популярность была обусловлена его активной гражданской позицией по отношению к церкви и просвещению в Татар-Пазарджикской каазе (по административной терминологии середины XIX в., ныне – область Пазарджик), а также публикацией в Вене труда «Географико-историко-статистическое описание Татар-Пазарджикской каазы с одной картой и таблицей разных старых памятников. Сочиненное Стефаном Захариевым, Т.-Пазарджичанином» (Вена, Типография Л. Соммер и сие, 1870).

Как видно из заглавия этой небольшой 80-страничной книги, в ней содержится актуальная практическая информация об одном обособленном районе, а именно Татар-Пазарджикской каазе. Не подлежит сомнению ценность приведенных автором географических и статистических данных об этой области, но не менее важны и сведения, касающиеся ее исторического прошлого. К сожалению, труд Ст. Захариева, встреченный с восторгом его современниками, постепенно забылся, и им стали интересоваться лишь отдельные специалисты – филологи, историки, археологи, этнологи, социологи, географы.

В 1970 г. специалисты Окружного исторического музея (ОИМ) г. Пазарджик (ныне РИМ – Пазарджик) по случаю 100-й годовщины выхода в свет труда Ст. Захариева осуществили репринтное переиздание этой превратившейся в библиографическую редкость книги*. В этом благородном деле приняли участие работники ОИМ – Пазарджик, проф. И. Батаклиев, Ал. Арнаудов и др. В приложении к книге представлены скопированные Ст. Захариевым тексты и чертежи, а также копия составленной им оригинальной карты района. Фотокопия портрета Ст. Захариева, написанного выдающимся художником Станиславом Доспевским, дополняет представление об этом замечательном возрожденческом деятеле.

Биографические данные о Ст. Захариеве достаточно полно представлены в современной литературе¹. Его род происходил из деревни Сестримо у подножия Рилы. Родился Ст. Захариев ок. 1810 г. в г. Татар Пазарджик. Его отец, чье имя в соответствии с современной именной системой звучало бы как Захари Георгиев Секулов, следуя традициям своего времени, отправил сына в Пловдив, чтобы он получил хорошее образование. По словам самого Ст. Захариева, он действительно получил отличное образование у двух учителей-греков. Он выучил древне- и новогреческий языки, прекрасно владел турецким. По возвращении в г. Татар Пазарджик Ст. Захариев стал помогать отцу в торговле. Он часто посещал г. Белград, где овладел разговорным сербским языком, на котором до этого читал и писал². В те времена формирование болгарского литературного языка все еще находилось

* Благодарю коллегу Хачика Мардиросяна за предоставленное репринтное издание труда Ст. Захариева. Написанное здесь является результатом его настоятельного пожелания заняться изложением достигнутых нашим возрожденцем результатов в области античной истории и древней Фракии.

на начальной стадии. Следует иметь в виду и то, что сравнительно медленно проходил процесс создания новых болгарских школ. В г. Татар Пазарджик общая болгарская школа, в которой преподавали и на греческом, и на болгарском языках, была создана в 1823 г., а первая начальная школа с преподаванием на болгарском языке открылась в 1845 г.

Принимать участие в церковно-просветительском движении Ст. Захариев начинает с 1858 г. Должность архиерейского наместника пловдивского митрополита и председателя церковной общины он занимал и ранее. Однако тогда его деятельность была в основном рутинной. Вместе с тем, именно она предоставила Ст. Захариеву возможность ознакомиться со статистическими данными и природно-географическими особенностями Татар-Пазарджикского региона. Они и стали предметом его творческих поисков, что, в конечном счете, привело к появлению труда, благодаря которому Ст. Захариев известен и сегодня.

В своих воспоминаниях сын Захариева Христо особо упоминает, что дом его отца всегда был открыт для ученых и учителей города³. Участие Ст. Захариева в общенародном движении за просвещение и церковную независимость проявлялось в его деятельности как главного попечителя и репортера некоторых печатных изданий («Български книжици», «Съветник»), титулярного библиотекаря читальни «Виделина» (1858–1870 гг.). Кроме того, он вел активную переписку с другими болгарскими возрожденцами и с иностранцами. Важное место в деятельности Ст. Захариева принадлежит инициативам, касавшимся борьбы за самостоятельную болгарскую церковь (чествование праздника Св. братьев Кирилла и Мефодия в 1859 г., изгнание греческих священников из церкви Св. Богородицы и др.). Особенно же важным представляется его участие в церковном движении 60-х годов и накануне признания болгарской экзархии в феврале 1870 г.

Параллельно с этой глубоко патриотической деятельностью Ст. Захариев занимается сбором исторических, археологических и нумизматических материалов – эпиграфических надписей, текстов на пергаменте, монет и т. д. Его посещает французский археолог Шарль Ал. Дюмон (1841–1884). Ст. Захариев переписывается с Павлом Шафариком (1795–1861) – в то время директором музея в Белграде, со Ст. Верковичем (1821–1893), собиравшим болгарские народные песни, с Валтазаром Богишичем (1834–1908) – библиотекарем в имперской библиотеке в Вене, которому он послал обстоятельное изложение 174 вопросов, касающихся правовых отношений в районе г. Пазарджик. Переписка с В. Богишичем велась в 1867 г. и стала возможной благодаря знакомству Ст. Захариева с книгоиздателем и видным деятелем просвещения Хр. Г. Дановым (1828–1911). К тому времени труд «Географико-историко-статистическое описание Татар-Пазарджикской каазы» уже был завершен (1865), и его публикации в Вене также содействовал Данов. Он выкупил за 1000 грошей рукопись у автора, обязавшись при этом после выхода книги в свет бесплатно предоставить ему 20 экземпляров⁴.

Обращение к труду Ст. Захариева позволяет существенно расширить представление о первых проявлениях в Болгарии исследовательского интереса к истории древней Фракии. Сведения о ней, приведенные в работе, соответствуют четырем основным тематическим направлениям: 1. Данные, отражающие представления Ст. Захариева о древних фракийцах; 2. Описание археологических памятников района, относящихся к фракийской и античной культуре; 3. Сведения о взаимоотношениях между фракийцами и представителями античной греко-римской культуры; 4. Курьезные данные, связанные чаще всего с наличием богатых кладов фракийцев.

Еще во вводной части работы Ст. Захариев декларирует стремление⁵ описать известные ему земли в области Пазарджика, руководствуясь патриотическими мотивами, противопоставить свои взгляды утверждениям Георгия Цукалы⁶ об эллинском происхождении фракийцев. Основываясь на библейской традиции, Г. Цукала связывает фракийцев с восьмым сыном Яфета и внуком Ноя Тиром, и это представляется ему

достаточным основанием для того, чтобы называть жителей г. Пловдив фрако-эллинами. Ст. Захариев такой взгляд на происхождение фракийцев решительно отвергает.

Отдельные лингвистические и терминологические компоненты этой части труда Захариева (Αλοκία – универсалия, касающаяся поселения, созданного переселенцами; древнее название Пловдива – Пульпудева; Пелазги (Πελαγοί) – как самое раннее население после Потопа), свидетельствуют о его хорошем владении древне- и новогреческим языками. Эти познания дают Ст. Захариеву возможность высказывать свою собственную точку зрения в спорах о ранней истории Балканского полуострова и, в частности, об истории районов Пловдива и Пазарджика. Он не сомневается в том, что употребляемое применительно к населению, проживающему южнее Балканских гор, название «фракийцы», относится, в сущности, к болгарам, и уже в предисловии подчеркивает, что его изложение адресовано «фракийским болгарам» (с. 5), населяющим Фракию с незапамятных времен.

Весьма примечательны и заметки автора, касающиеся происхождения индоевропейских народов. Под влиянием духа времени Ст. Захариев, на уровне собственной информированности, доступным языком перерасказывает некоторые из популярных тогда теорий о происхождении древнейшего населения Балканского полуострова. Естественно, этот материал представлен в упрощенном виде, с непосредственной уверенностью человека, не имевшего специального образования, чьи научные взгляды формировались путем самообразования и под влиянием книг, вышедших на греческом языке. Поэтому у Ст. Захариева не возникает никаких сомнений в том, что большинство народов современной Европы начали свое переселение после Потопа из Индии, что после перехода через Боспор по имени одного из их предводителей, Тира, страна получила название Фракия. Население, расселившееся в этих местах, получило название пелазги, но оно было дано им позднее эллинами. А сами пелазги называли себя на собственном, «самоскритском», языке *яриями*, т. е. «пахарями».

В приведенном выше фрагменте несомненный интерес для специалистов представляет способ формирования раннего понимания этногенетических процессов и обозначения конкретных названий палеобалканских народностей. Бесспорно, упомянутые представления соответствуют теории об индоевропейском происхождении балканских народов⁷. Конструктивное понимание Ст. Захариевым самого раннего их названия – «пелазги» – соотносится с утвердившимися в современной научной литературе концепциями. В этом смысле особое впечатление производит то, что этнонимы пелазги и эллины, несомненно, воспринимаются автором во временном и этническом противопоставлении.

Интересно и толкование самоназвания пелазгов – «ярии» – на «самоскритском языке». Здесь для понятий *язык* и *народ* Ст. Захариев использует термины, которые были очень популярными в его время. Сегодня любой исследователь, хотя бы поверхностно знакомый с языковедческими теориями XIX в., касающимися индоевропейского происхождения античных народов, легко может найти эквиваленты понятий *самоскритский* и *ярии* в современной терминологии – *санскрит* и *ариш*. Производит впечатление и оригинальность толкования названия «ярии» как *пахари*. Можно предположить, что оно сформировалось под влиянием специфики быта населения, проживавшего во Фракии, – оно занималось прежде всего земледелием.

Подробности, которые приводятся далее в книге Ст. Захариева, свидетельствуют о его глубокой осведомленности и знакомстве со знаниями, которые утвердились в научной литературе только после популяризации научных результатов в работе В. Томашека «Древние фракийцы. Этнологическое исследование»⁸. Дискуссионный и ныне вопрос о миграции фригов (искаж. брыги от др.-гр. βρήγες у Ст. Захариева) и их поселения в Азии у Черного моря находит в книге Захариева безапелляционное решение: они остались там, где в исторической географии засвидетельствована область Фригия⁹.

Определенную свежесть привносит наивное утверждение Ст. Захариева относительно роли братьев Брена и Болга и вытекающий из него вывод о том, что последний является эпонимом современных болгар. Примерно так же воспринимается и его попытка лингвистического комментария такого факта, как произношение цепинскими и родопскими болгарами, принявшими ислам, звука ъ как *o*. Заключение автора вполне соответствует духу той задачи, которую он себе поставил, – именно так фракийские славяне, которые раньше были пелазгами, стали болгарами. Тем не менее, следует отметить, что и здесь мы находим известную последовательность в представлениях Ст. Захариева об этнических изменениях на Балканском полуострове: имена Брен¹⁰ и Болг (Болгий) находятся в прямой связи с кельтским нашествием на Балканы в 280 г. до Хр. э.¹¹

Дальнейший текст *Введения* (с. 6) содержит сведения о территориальных границах, которыми определяется предмет будущей работы. Они охватывают территорию Западной Фракии – от г. Одрина до Средней горы, между Балканскими горами и Родопами. Здесь Ст. Захариев упоминает свои источники: сочинения географа Страбона, «отца истории» Геродота, позднеантичного историка Зосима. На основании данных, приведенных указанными авторами, Ст. Захариев приходит к заключению, что в этих местах жили пять племен:

1. *Удраци* (искаж. др.-гр. ὀδρύσαι/одрисы – фракийское племя; территориальное ядро на юге, по нижнему течению рек Тунджи, Марицы, Арды; военное и политическое расширение – на север и запад¹². Жили в Одринской области, и их царь Тырын (искаж. др.-гр. Τύρης/Терес¹³) основал г. Одрин (ныне Эдирне) на р. Марице. Это племя было сильнее остальных четырех племен (констатация Ст. Захариева).

2. *Вастанци* (искаж. др.-гр. βίστωνες/бистоны – фракийское племя в нижнем течении р. Месты, ок. Бистонского озера), которые жили на юге Западной Фракии, ныне Ксантийская область (Ахара челеби)¹⁴.

3. *Затраци* (искаж. др.-гр. Σάτραι/сатры – фракийское племя, проживавшее в горах Рила и Родопы¹⁵. По мнению Геродота, сатры были очень воинственными и смелыми (Μάχιμον ἔθνος ζῶν ἐκ λστέιας). Они были известны и под именем *Валхви*, так как жили грабежом, не были никому подвластны и в то время были свободными.

4. *Тилци* (искаж. др.-гр. Τίλαταιον/тилатеи – фракийское племя; территориальное расположение: среднее течение р. Искыр); проживали в пределах Средней горы (Σκόμιον, καὶ Μέσον ὄρος)¹⁶.

5. *Беси* (искаж. др.-гр. Βησσοί, καὶ Βέσσοι/бессы – фракийское племя; территория: среднее и верхнее течение р. Марицы и прилежащие горные районы; горные и равнинные *бессы*¹⁷). Они были более учеными и образованными, по сравнению с другими фракийцами. Жили патриархально. У них не было ни кумиров, ни капищ, а молились они под большими и старыми деревьями; верили в бессмертие. Некоторые из мудрецов бессов, например, *Замалк* (искаж. др.-гр. Ζάμολξις или Ζάλμοξις / *Залмоксис* – имя легендарного царя-жреца, а после смерти и бога гетов)¹⁸ и *Евмалт* (искаж. др.-гр. Εὐμόλτος/ *Эвмолт* – легендарный фракийский царь, основатель мистерий в Элевсине)¹⁹, научили их и верить в других богов и устроить прорицалище на вершине горы Родопа в честь бога *Сивы* или некоего индийского царя *Дионисия* (искаж. др.-гр. *Дионис* – имя бога, греч. эквивалент фракийского бога *Загрей*; фрако-фригийск. *Сабазий*)²⁰. Здесь Ст. Захариев уточняет, что эта вершина находится в Пазарджикской области, и турки называют ее Гиоз-тепе, потому что с нее очень хорошо видно во все стороны. И сегодня там находятся великолепные руины мраморных зданий и мозаики²¹.

Этот пространный абзац почти не нуждается в комментариях. За исключением локализации областей расселения упомянутых в тексте племен, которая ныне уточнена, Ст. Захариев сравнительно точно интерпретирует данные сочинений античных писателей, придерживается содержащихся в них характеристик быта фракийцев.

Некоторые неточности вроде названия г. Одрин, написание, а отсюда и произношение, этнонимов и личных имен, используемых автором, несущественны. Как более серьезные, можно определить неточности, касающиеся культа *Залмоксиса*, сведений об *Эвмолте*, описания *Диониса*. Сомнения вызывают и сведения о самой высокой вершине горы Родопа – Гиоз-тепе, находящейся в Пазарджикской области, а также убедительный рассказ о руинах храма, построенного фракийцами на этом месте.

Далее Ст. Захариев обращается к вопросу о значимости упомянутого выше святилища (с. 7), руководствуясь при этом характерными для него патриотическими мотивами. В сравнительном плане он излагает известные и античным писателям факты о центральном святилище бога *Диониса*, не уступающем по своей известности Делфийскому прорицалищу. То, что это святилище *Диониса*, посещалось как *автариатами* (Ἀυταριάται – иллирийское племя, проживавшее в районе р. Моравы)²² или *агатирами* (искаж. др.-гр. *агатирсы* – собирательное название племен северо-восточной части Балканского полуострова)²³, так и *иллирийцами* и *дарданами*, дает основание Ст. Захариеву сделать несколько странный, но вполне в духе поставленной им задачи, вывод. По его мнению, *македонцы-агатирсы*, *иллирийцы* и *дарданы*, как одноплеменники фракийских славян, предпочитали это прорицалище эллинскому. Автор, от которого, естественно, нельзя ожидать точности в познаниях о племенной идентичности этнонимов, которыми он пользуется, видимо, впал в серьезное заблуждение относительно территориальной локализации *автариатов* и *агатирсов*. По его мнению, подкрепляемому ссылкой на Страбона, *агатирсы* проживали между Родопами и Перин-планиной (совр. Пирин) в районе Мелника. На этом основании ошибка становится более серьезной, и *агатирсы* определяются автором как племена, близкие к македонским. На мой взгляд, утверждение о племенной близости между *фракийскими славянами*, *македонцами*, *иллирийцами* и *дарданами* не нуждается в комментариях – очевидно, оно порождено духом времени, в которое жил Ст. Захариев, и идеями об объединении балканских народов на основании славянской идентичности.

В этом смысле переход Ст. Захариева к политической истории Фракии представляется вполне объяснимым и логичным. Обращение к ней он начинает с истории г. Пльдин (соврем. Пловдив), который был обновлен одрисским царем (каким именно, не указывается), собравшим в нем живших разрозненно в поле *бесов*. По мнению Ст. Захариева, название Пльдин является производным от слова *плодий* и легко объясняется *плодородием* этих мест.

Недоумение, однако, вызывает приведенное автором новое название города – *Коллиби*. Существует вероятность переноса Ст. Захариевым на этот центр названия другого большого города Фракии того времени – Кабиле²⁴ (Καβύλη), и это подтверждается дальнейшим ходом повествования, где речь идет о походе македонского царя Филиппа во Фракию и захвате города, который вследствие этих событий получает его имя – Φιλίππολις, т. е. Филиппов город.

Представления Ст. Захариева о мотивах македонской завоевательной политики в основном соответствуют концепциям, утвердившимся в современной литературе. Среди них он называет пополнение из Фракии контингентов вспомогательных войск для ведения военных действий против *эллинов* (или горцев). Указывается и на необходимость в разработке месторождений золота, железа, свинца и др., которыми были богаты земли Фракии. В этих целях, в конечном счете, вся территория от совр. г. Харманли до Средней горы была захвачена. Кроме того, были построены дополнительные крепости *Дръглян* (искаж. др.-гр.; совр. *Дронгилон/Дρόγγυλον*)²⁵ и *Мъстра* (искаж. др.-гр.; совр. *Мастейра/Μάστειρα* – с. Младиново, Хасковская область)²⁶.

Уделяя внимание ранней истории Пловдива, Ст. Захариев останавливается и на действиях македонского царя Филиппа. Речь идет о поселении жителей Эллады во Фракии

после 338 г. до Р. Хр. и о распространенном утверждении, что название Филиппополь было заменено названием Понеропол (Лукавый город, от греч. Πονιρόπολις – *город преступников*). Переименование города датируется 360 г. до Р. Хр., и, хотя можно считать, что, по существу, эта дата близка ко времени правления Филиппа II Македонского (359–336 г. до Р. Хр.), это неточно. Указывается и на район, где были поселены изменники – территория между баткунскими (дер. Баткун Пазарджикской обл. – совр. Паталеница), станимашкими (Станимака, совр. г. Асеновград) и хисарскими (г. Хисар) болгарами. Финал этого повествования (с. 7) резок, но в то же время вполне логичен с точки зрения тех целей, которые ставил перед собой автор. Вкратце, в нескольких строках, он описывает военные действия царя Калояна (1197–1207) и захват г. Пловдива/Филиппополя в 1205 г.

В стиле этого патриотического по своему характеру изложения Ст. Захариев продолжает свое повествование обращением к событиям, связанным с правлением Александра III Македонского (336–323 г. до Хр. э.). Оказывается, что Эллада была покорена македонцами Александра и их союзниками фракийцами и с их же помощью позднее была захвачена вся Азия. Вопреки этой логике и совсем неуместно указывается на правление легендарного царя *Исмара*, вероятно, эквивалентного легендарному царю обитавших на Эгейском побережье Фракии *киконов*²⁷, который сверг македонскую власть.

Внимание Ст. Захариева к истории Пловдива сохраняется и применительно к той эпохе, которая в современной историографии характеризуется как время пребывания Фракии под римской властью. С ней связано утверждение автора, что город тогда назывался *Тремонте* (искаж. Τριμόντιον/*Тримонциум*). Заключение Ст. Захариева о том, что за свою историю город имел пять различных названий, является своеобразным финалом его повествования об истории древней Фракии.

Последующий текст направлен прежде всего против пропаганды греческого начала в истории Пловдива. Автор эмоционально защищает существование и сохранение представлений о *фракопелазгах* и *фракославянах* (с. 9). Господство греческой церкви над принявшими христианство местными жителями он объясняет использованием ими греческой письменности из-за отсутствия собственной. На этой ноте Ст. Захариев и заканчивает вводную часть своей книги.

Показательно, что последующее изложение содержит данные не только сугубо географического, этнического и статистического характера, но и такие, которые и в наши дни могут представлять интерес для археологов и этнологов. Речь идет прежде всего об описаниях археологических памятников и объектов, которые демонстрируют культурно-историческую преемственность населения, обитавшего в этих землях в различные эпохи. При этом следует отметить, что в книге содержится информация не только о древнефракийских памятниках, но и об объектах, связанных с греко-римской античной, а также развившимися позднее средневековыми болгарской и византийской культурами²⁸.

Представленные в книге данные о памятниках фракийской культуры, вне всякого сомнения, заслуживают внимания. К сведениям такого рода можно отнести попытку Ст. Захариева (с. 56) локализовать поселение *бессов Бесапара* на базе археологических материалов, найденных в районе деревень Голямо Белово, Малко Белово и Загорово (совр. г. Белово Пазарджикской обл.). Описания, приведенные автором, действительно очень ценны, так как его информация, в известной мере, относится к памятникам, уже безвозвратно утраченным. Вопрос этот поднимался и активно дискутировался в появившейся в Болгарии после Освобождения научной периодике²⁹. Заслуга его решения принадлежит Д. Цончеву, который на основе методов объективного и комплексного исторического и полевого археологического анализа доказал, что дорожная станция Бесапара находилась в окрестностях современного с. Синитово Пазарджикской области³⁰. Это решение лишено романтических порывов, побудивших Ст. Захариева к описанию

памятников, для работы с которыми, по его собственному признанию, у него не было необходимой подготовки. Однако здесь важен сам факт постановки вопроса Ст. Захариевым, чьи документальные описания во многом спровоцировали поиск его решения.

Другой, типичный для изложения Ст. Захариева пример, касающийся употребления названия горы *Родона/Родоны*, может быть по достоинству оценен в сравнении с теми выводами, к которым по данному вопросу приходят признанные специалисты в области фракийского языкознания. История этого унаследованного от древних фракийцев названия и возможность его употребления в форме множественного числа в свое время стали предметом специального исследования Д. Дечева³¹. В связи с этим представляется уместным отметить признание Дечевым хорошего знания Ст. Захариевым древнегреческого языка, что оказало позитивное влияние на его исследования³².

Наконец, отметим, что Ст. Захариевым впервые был опубликован ряд древних надписей, и это стало важным шагом в становлении болгарской эпиграфики. В книге содержится информация о древнегреческих и церковнославянских эпиграфических памятниках, римских милиариях, а в приложении, в таблице под названием «Чертежи», воспроизведены тексты надписей (причем графика некоторых из них напоминает арабскую), а также вызвавшие интерес автора символы и орнаменты. О значении публикации в книге *античных* надписей с территории Татар-Пазарджикской каазы красноречиво свидетельствует следующий факт. В 1-й части 3-го тома Корпуса греческих надписей, найденных в Болгарии, его автор Г. Михайлов применительно к 13 текстам отмечает, что первоначальная информация о них почерпнута из работы Ст. Захариева³³.

Личность и дело Ст. Захариева, которым мы уделили внимание, замечательным образом совпали по времени с жизнью проф. Марина Дринова (1838–1906). Различия в возрасте оказали влияние на их первоначальное образование и, в результате, на весь дальнейший жизненный путь. Академическая карьера проф. М. Дринова стала возможной во многом благодаря предоставленной ему возможности после 1858 г. получить систематическое образование в России. Его исследовательская и преподавательская работа в Харьковском университете предопределила его плодотворную деятельность в области гуманитарных наук.

Совершенно иной жизненный путь выпал на долю Ст. Захариева. Хотя он и был человеком, сведущим в тех областях, где его познания могли быть полезными для современников, практические нужды среды, в которой Ст. Захариев проживал, не позволили ему выявить свои способности в сферах деятельности, к которым он испытывал естественное влечение. Труд, сделавший его известным, в значительной мере является ответом на потребность отстаивать болгарскую национальную идентичность в борьбе за независимость болгарской церкви, образования и научного познания. Сам Ст. Захариев признавал, что он профессионально не был подготовлен к научной работе. Однако отсутствие систематической филологической подготовки и практики научного исторического познания он в значительной мере компенсировал своей любознательностью и внутренней убежденностью в ценности тех исторических преданий и археологических памятников, которые описывал.

Разумеется, нельзя забывать и о духе того времени, на которое пришлась жизнь болгарского возрожденца Ст. Захариева, о связи между ним и Ст. Верковичем – общепризнанным радетелем за объединение славян. Сын Ст. Захариева – Христо Захариев – с сожалением отмечает потерю рукописи «Извлечение и забележки върху Орфеевите химни от 2500 стиха на Ст. Веркович»³⁴. Содержание этого труда, о котором мы имеем только краткую информацию Хр. Захариева, остается неизвестным. В связи с этим мы должны отметить, что неизбежный скептицизм, наверное, окажет влияние на предполагаемую ценность потерянного текста (как это было в случае с *Ведой словена*).

¹ *Захариев, Хр.* Животопис на Стефана Захариев, от гр. Т.-Пазарджик. – Училищен преглед, V, 1900, № VII и VIII, 658–668; *Захариев, Ст.* Географико-историко-статистическо описание на Татар-Пазарджишката кааза. Второ юбилейно фототипно издание с коментар. С., Издателство на Отечествения фронт, 1970, IX–XIX; *Чолов, П.* Български историци. Биографично-библиографски справочник. С., АИ „Проф. Марин Дринов“, 1999, с. 122; <http://wikipedia.org/wiki/>.

² *Захариев, Хр.* Животопис..., с. 659.

³ Там же, с. 663.

⁴ Там же, с. 668.

⁵ *Христева, М.* Гръцка историко-географска книжнина в Пловдив през Възраждането. – В: Международна конференция „Византийското културно наследство и Балканите“. Септември, 6–8, 2001, Пловдив, България. Сборник доклади. Пловдив, 2001, 189–191.

⁶ *Τσουκάλας, Γ.* Ἱστοριογεωγραφικὴ περιγραφὴ τῆς ἐπαρχίας Φιλιπποπόλεως. Ἐν βιέννῃ τῆς Αὐστρίας, 1851.

⁷ *Фол, Ал.* Демографска и социална структура на древна Тракия през I хил. пр.н.е. С., „Наука и изкуство“, 1970, 82–126; *Фол, Ал.* Политическа история на траките. Края на второто хилядолетие до края на пети век преди новата ера. С., „Наука и изкуство“, 1972, 45–46; *Фол, Ал.* История на българските земи в древността до края на III в. пр. Хр. 3. С., ТАНАГРА ТанНакРа, 2008, 91–126.

⁸ *Tomaschek, W.* Die alten Thraker. – SAW-Wien, phil.-hist. Klasse, 128, 1893, 1-130; 130; 1894, 1-70; 131; 1894, 1-104. 2. Aufl. Wien, 1980.

⁹ *Фол, Ал., Т. Спиридонов.* Историческа география на тракийските племена до III в. пр.н.е. С., БАН, 1983, 1–18, с. 99; *Василева, М.* Бриги – фриги и контекстът на една миграция. – Минало, 1995, № 1, 16–22; *Василева, М.* Цар Мидас между Европа и Азия. С., АИ „Марин Дринов“, 2005 (= *Studia Thracica* 8), 44–50.

¹⁰ *Gundel, H.* Brennus (Βρέννος). – In: *Der kleine Pauly*. Stuttgart, 1964, s. 942.

¹¹ *Домарадски, М.* Келтите на Балканския полуостров (IV–I в. пр.н.е.). С., „Наука и изкуство“, 1984, с. 76.

¹² *Фол, Ал., Т. Спиридонов.* Указ. соч., 47–48, с. 84.

¹³ *Ботева, Д.* Терес. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, 274–275.

¹⁴ *Фол, Ал., Т. Спиридонов.* Указ. соч., 27–28, 78–79.

¹⁵ Там же, 52–53, 85–87.

¹⁶ Там же, 58–59.

¹⁷ Там же, с. 116.

¹⁸ *Попов, Д.* Залмоксис. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, 108–111.

¹⁹ *Гочева, Зл.* Евмолп. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, с. 93.

²⁰ *Фол, Ал.* Дионис. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, 83–84.

²¹ <http://archaeology-knigi.com/213>.

²² *Фол, Ал., Т. Спиридонов.* Указ. соч., с. 24.

²³ Там же, с. 23, 115.

²⁴ *Велков, В.* Кабиле. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, 130–131.

²⁵ *Янакиева, Св.* Дронгилон. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, с. 89.

²⁶ *Янакиева, Св.* Мастейра. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, с. 173.

²⁷ *Попов, Д.* Марон. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, с. 171.

²⁸ *Мутафчиев, П.* Стари градища и друмове из долините на Стряма и Тополница. – МАК – България. Кн. II. С., 1915. 92 с. + фотоси + 2 к.

²⁹ *Славейков, П. Р.* Нещо за Висапара. – Наука, II, № 4, 373–379.

³⁰ *Цончев, Д.* Римският път Philippopolis – Tugugerum – Bessara. – ГНАМ – Пловдив. Кн. II, 1950, 69–83. 1 к.

³¹ *Дечев, Д.* Родопи и Родопя. – Родна реч, II, 1928–1929, № 5, 225–229.

³² *Дечев, Д.* Хемус и Родопи. Принос към старата география на България. – ГСУифф, XXI, 10. С., 1925, с. 21, бел. 10.

³³ *Mihailov, G.* Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Vol. III. Inscriptiones inter Haemus et Rhodopem repertae. Fasc. 1. Territorium Philippopolis. S., 1961, № 58-60; № 76; № 78; № 1069, 1075-1076, 1114, 1284-1290, 1293, 1302.

³⁴ *Захариев, Хр.* Животопис..., с. 662.

А. А. Сайпанова

**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МОНОГРАФИИ
С. И. СИДЕЛЬНИКОВА
ПО ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Имя Степана Ивановича Сидельникова хорошо известно среди историков-болгаристов. Он проводил большую научную работу, зарекомендовав себя одним из авторитетнейших советских ученых и видным специалистом по истории болгарского национального возрождения. Интерес к новой истории Болгарии будущий профессор проявил уже в студенческие годы. Обучаясь на историческом факультете Ленинградского университета, он написал курсовую работу на тему «Русская авантюра в Болгарии 1878–1896 гг.»¹, где речь шла о политике Российской империи в отношении болгарского народа после его освобождения от османского ига. Из этой курсовой родилась его первая научная статья «Авантюра русского царизма в Болгарии (1878–1896 гг.)», опубликованная в 1939 г. в «Ученых записках Ленинградского университета»².

В 1947 г. С. И. Сидельников защитил в Харьковском университете кандидатскую диссертацию на тему «Воссоединение княжества Болгарии и Восточной Румелии (1878–1886 гг.)»³. В диссертации и статье, кратко излагающей ее содержание⁴, впервые подробно освещалась борьба болгар против расчленения страны по решению Берлинского конгресса 1878 г.

В последующие годы ученый главным образом сосредоточился на исследовании болгарского национально-освободительного движения с середины XIX в. до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По этой проблематике он защитил докторскую диссертацию «Создание и деятельность первого Болгарского революционного центрального комитета (1868–1873 гг.)» (1963), опубликовал три весомые монографии⁵, ряд научных статей, историографических обзоров и рецензий.

Вклад харьковского историка в развитие отечественной болгаристики, в частности в разработку проблем болгарского возрождения, неоднократно получал высокую оценку специалистов – В. П. Чорния⁶, Г. И. Чернявского⁷, Н. И. Самойленко⁸, П. С. Соханя⁹, Н. Червенкова¹⁰, Е. П. Пугача¹¹ и других. Однако все авторы обосновывали свои выводы только на опубликованных работах профессора, не имея возможности ознакомиться с его неизданным наследием, поскольку до недавнего времени личные бумаги Степана Ивановича находились в семье.

На сегодняшний день в Центре болгаристики и балканских исследований имени Марина Дринова хранится личный архив С. И. Сидельникова, сформированный в 2008 г. из переданных дочерью покойного ученого Натальей Степановной Сидельниковой материалов. Они освещают жизнь историка с 1938 по 1977 г., достаточно полно отображая его научное творчество, педагогическую и административную деятельность.

Особый интерес представляют рукописи неоконченных монографий профессора. Одна из них – «Болгарский революционный центральный комитет (1872–1876 гг.)» – должна была стать логическим продолжением первой части одноименной работы, опубликованной в 1970 г., и хронологически предусматривала охватить период с апреля 1872 г. до поражения Апрельского восстания 1876 г.¹². Несмотря на то, что отдельные

события истории Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК), в основном связанные с деятельностью его руководителей В. Левского, Хр. Ботева и Л. Каравелова, были достаточно полно освещены в историографии, собственно истории революционно-демократической организации Болгарии касалась только вышедшая в 1943 г. работа болгарского ученого А. Бурмова¹³, в которой автор изложил главным образом ее организационную деятельность. Если бы монография С. И. Сидельникова вышла к 100-летию освобождения Болгарии от османского господства в 1978 г., как планировалось, на то время это было бы первое всестороннее исследование деятельности БРЦК в исторической науке. Оригинальность работы и высокий научный уровень при ознакомлении с расширенным проспектом и несколькими главами работы Степана Ивановича отметили коллеги по кафедре новой и новейшей истории Харьковского государственного университета¹⁴.

План монографии «Болгарский революционный центральный комитет (1872–1876 гг.)» предусматривал семь глав: «Борьба Ловечского и Бухарестского БРЦК за дальнейший подъем революционного движения до Бухарестского съезда революционеров апреля–мая 1872 г.»; «Деятельность первого БРЦК после Бухарестского съезда революционеров (июль 1872 – май 1873 гг.)»; «Борьба течений в болгарском революционном движении с мая 1873 г. до Сентябрьского восстания 1875 г.»; «Деятельность БРЦК с мая 1873 г. до Сентябрьского восстания 1875 г.»; «Деятельность БРЦК и местных революционных комитетов осенью 1875 и зимой 1875–1876 гг.»; «Революционное движение болгарского народа в период подготовки Апрельского восстания (январь – апрель 1876 г.)»; «Апрельское восстание 1876 г.»¹⁵.

Однако ученый не успел завершить исследование. Полностью написаны первые две и четвертая главы, частично – третья. Сохранились некоторые вставки и заметки к первым пяти главам. Готовя текст монографии, С. И. Сидельников использовал свои публикации о совещаниях болгарских революционеров в 1872 и 1873 гг.¹⁶, о борьбе течений в БРЦК в 1873–1875 гг.¹⁷ и расстановке классовых сил в национально-освободительном движении Болгарии в середине 70-х гг. XIX ст.¹⁸. Изучая их, можно убедиться в том, что автором была проделана огромная работа по совершенствованию текста, расширению круга рассматриваемых вопросов и привлечению более обширного комплекса источников.

В первой главе на основании тщательного изучения источниковой базы и критического анализа существующей литературы автор подтвердил свой вывод, высказанный в предшествующей монографии: руководящий центр национально-освободительного движения болгарского народа находился внутри страны. Им являлся созданный в 1870 г. и возглавляемый В. Левским Ловечский БРЦК¹⁹. Бухарестский БРЦК во главе с Л. Каравеловым, по его мнению, не играл значительной роли в практическом руководстве из-за острой внутренней борьбы. Подлинный центр в эмиграции историк усматривал в газете «Свобода», издаваемой председателем БРЦК в Бухаресте. Всесторонне проработав огромный фактический материал, он раскрыл процесс ее издания и распространения в Румынии, Сербии, России и Болгарии, выяснил тематику статей и корреспонденций, тем самым аргументировано доказав, что данная газета не только выражала интересы прогрессивных и революционных группировок болгарской эмиграции, но и представляла собой крупный центр их объединения²⁰. Свой вывод мотивировал тесной связью всех эмигрантских организаций с редакцией газеты, поскольку в первую очередь они состояли из ее распространителей, корреспондентов и читателей.

Вместе с тем профессор выяснил численный и социальный состав революционных обществ в эмиграции. Опираясь на материалы всех 68 номеров газеты «Свобода», а также на опубликованные и архивные документы, Степан Иванович сделал заключение,

что в Румынии, Сербии, России и Чехии действовало 16 «частных» революционных комитетов и 13 революционных групп, объединяющих 169 человек²¹. В организационном отношении они были слабее, чем в самой стране. По социальному составу преобладали мелкая буржуазия и интеллигенция. Но по сравнению с Внутренней революционной организацией несравненно большим был удельный вес средней буржуазии и полное отсутствие представителей духовенства²². К числу 20 видных руководителей Бухарестского ЦК и местных революционных комитетов принадлежали в основном учителя, мелкие торговцы и средняя буржуазия²³.

Особое внимание С. И. Сидельников уделил роли Хр. Ботева в национально-освободительной борьбе болгарской эмиграции. Проанализировав его издательско-журналистскую деятельность, связанную с газетами «Тъпан», «Свобода» и «Дума за българските емигранти», тематику опубликованных на их страницах статей, корреспонденций и обзоров, оценки исторических событий, особенно Парижской коммуны, историк пришел к выводу, что до весны 1872 г. Хр. Ботев выступал не только как последовательный революционный демократ, но и как социалист-утопист, мечтавший о коренных социальных изменениях в человеческом обществе²⁴. Вся его публицистическая, литературная и практическая деятельность, по наблюдениям харьковского историка, способствовала укреплению подлинно революционного течения в среде эмиграции и усиливала ее стремление к созданию единого центра болгарского движения за политическое освобождение²⁵.

Подробно освещается идейно-политическая борьба течений в БРЦК на первом этапе его деятельности (до мая 1873 г.) по следующим вопросам: 1) принципы построения и роль революционной организации; 2) будущее государственное устройство Болгарии; 3) оценка движущих сил и роль вооруженного восстания в национально-освободительном движении²⁶. Наиболее острый характер, по мнению автора, носили разногласия по первому вопросу. Глубоко исследовав их социально-политическую природу, ученый доказал, что в этот период времени она велась между революционно-демократической группировкой В. Левского и Хр. Ботева, поддерживаемой по всем основным принципиальным вопросам Л. Каравеловым, и буржуазной группой Т. Райнова – Р. Попова, стремящейся сохранить за представителями буржуазии руководящее положение в борьбе против турецкого господства в Болгарии. Разногласия В. Левского со сторонниками четнического движения, по заключению С. И. Сидельникова, представляли собой тактические расхождения в едином лагере революционеров-единомышленников²⁷.

Продолжая углубленную разработку исследуемого круга проблем, профессор выявил историческое значение Бухарестского собрания 29 апреля – 4 мая 1872 г. Одним из первых он детально рассмотрел историю его подготовки и созыва, уточнил его состав, изучил ход работы. На основании тщательного анализа источников и литературы ученый определил данное собрание как первый съезд в истории болгарского национально-освободительного движения, который завершил длительную работу В. Левского и других революционеров по созданию единой организации во главе с Бухарестским БРЦК. На съезде был создан единый руководящий центр борьбы болгар за национальное освобождение. Хотя в принятых программе и уставе менее четко, чем в предыдущих документах В. Левского, определялись цели борьбы, формы государственного устройства Болгарии, принципы избрания ЦК и его председателя, объединение сил в одну организацию имело большое значение для дальнейшего подъема движения за политическое освобождение²⁸.

Современные болгарские ученые Н. Генчев²⁹, О. Маждракова-Чавдарова³⁰, И. Стоянов³¹ и К. Косев³² тоже отмечают, что одним из результатов достигнутого объединения сил на общем собрании в Бухаресте явился подъем организационной деятельности по

подготовке восстания. В отличие от своих коллег, И. Тодев полагает, что данное собрание, на котором полностью доминировали идеи Л. Каравелова, было «тяжелым ударом» для В. Левского, поскольку в устав объединенного БРЦК практически не вошли положения соответствующего его проекта, а в составе комитета из шести человек он занял последнее место³³.

Вторая глава открывается освещением перестройки организационной структуры Внутренней революционной организации и работы по созданию окружных революционных центров в населенных пунктах Голям Извор, Пазарджик, Стара Загора, Сливен, Тырново и Ловеч после Бухарестского собрания 1872 г.³⁴ На этом фоне Степан Иванович рассматривает ослабление национально-освободительной борьбы в Болгарии. Среди причин автор называл авантюризм и предательство Д. Обшти, предпринявшего 22 сентября 1872 г. нападение на турецкую повозку на Арабаконакском перевале, результатом которого явились многочисленные аресты видных деятелей и разгром наиболее активных комитетов Северо-Западной Болгарии вместе с Ловечским ЦК³⁵. Еще одну причину приостановления начавшегося подъема болгарского национального движения он усматривал в предательской позиции попа Крыстю, повлекшей за собой арест и гибель В. Левского³⁶. Очередной удар, осложнившим деятельность внутренней организации, по мнению ученого, был нанесен в 1873 г. руководителем революционных комитетов Южной Болгарии А. Узуновым, который, хотя и придерживался идеи самостоятельности антиосманской борьбы, не обладал достаточным опытом восстановления старых и основания новых «частных» комитетов в условиях подполья³⁷.

Отдельный параграф посвящается деятельности болгарской эмиграции после Бухарестского собрания 1872 г. обстоятельно изучив многочисленные источники и литературу по теме, С. И. Сидельников аргументировано обосновал, что подлинным центром объединения революционеров в эмиграции на протяжении лета – осени 1872 г. оставалась газета «Свобода», активное участие в которой продолжали принимать Л. Каравелов и Хр. Ботев. БРЦК в Бухаресте, невзирая на его провозглашение единственным руководящим центром национально-освободительного движения, таковым так и не стал в силу непрекращавшейся борьбы разных политических группировок³⁸. А предательское поведение Д. Обшти привело, как показал исследователь, к дальнейшему ее усилению. Сторонники революционно-демократического течения во главе с Хр. Ботевым еще не оказывали решающего влияния на деятельность комитета в Бухаресте. Этим воспользовалась буржуазно-демократическая группировка Д. Ценовича, К. Цанкова и Т. Пеева, значительно усилив свою роль в нем. Они ставили перед собой задачу захватить руководство всем революционным движением болгар и направить его по выгодному для себя пути. П. Хитов и его сторонники стремились отказаться от методов подготовки всенародного вооруженного восстания, предложенных В. Левским, и вернуть национально-освободительную борьбу к четнической тактике Г. Раковского. Официальный председатель БРЦК в Бухаресте Л. Каравелов в общетеоретических вопросах тогда еще стоял на революционных позициях, но в его организационной деятельности по руководству комитетом чувствовалась растерянность, что и было использовано как группой буржуазных демократов, так и единомышленниками П. Хитова во время совещания революционеров весной 1873 г.³⁹

Степан Иванович одним из первых исследовал подготовку Бухарестского совещания 11–12 мая 1873 г. и попытался воссоздать в общих чертах ход его работы на основании всего лишь двух документов из-за крайней скудости источников по данной теме. Так, тщательно проанализировав «Дневник» Д. Ценовича и экземпляр устава БРЦК 1872 г. с пометками Л. Каравелова, профессор сделал вывод, что данное совещание положило начало временному отступлению по ряду вопросов от принципиальной

позиции В. Левского, возвратившись к четнической тактике. БРЦК фактически распался, хотя и не было принято решение о прекращении его деятельности. Май 1873 г. харьковский историк предлагал считать последней хронологической вехой в истории первого БРЦК, поскольку после этого началось значительное ослабление всего национально-освободительного движения болгар⁴⁰.

В современной болгарской историографии учеными Н. Генчевым⁴¹, О. Маждарковой-Чавдаровой⁴², И. Стояновым⁴³, П. Митевым⁴⁴, К. Косевым⁴⁵ и И. Тодевым⁴⁶ убедительно доказано, что после провала внутренней революционной организации и смерти В. Левского национально-освободительное движение в Болгарии из-за внутренних распрей переживало глубокий кризис в идеологической, политической и организационной областях. Н. Генчев, О. Маждракова-Чавдарова и И. Стоянов⁴⁷ также обосновывают, что общее собрание мая 1873 г., отменив устав БРЦК, тем самым отказалось от основной идеи В. Левского о централизованном руководстве и строгой дисциплине при подготовке восстания и возвратилось на путь четничества. Таким образом, были по существу перечеркнуты все завоевания болгарского революционного движения времен В. Левского. Впрочем, с утверждением об отмене устава БРЦК на майском собрании 1873 г. не соглашается П. Митев. Он считает, что его участники из конспиративных соображений всего лишь отказались от ведения протокола, предполагаемого уставом⁴⁸.

Третья глава монографии, к сожалению, сохранилась лишь частично. Наиболее подготовленным к печати является третий параграф, раскрывающий борьбу течений в БРЦК до начала Старозагорского восстания 1875 г. по таким вопросам, как принципы построения и роль организации революционеров⁴⁹, характер движущих сил и пути развития национально-освободительного движения⁵⁰, формы государственного устройства освобожденной Болгарии⁵¹. Критический анализ всего фактического материала позволил автору сделать заключение, что в условиях временного спада борьбы за национальное освобождение после провалов многих местных революционных комитетов в Болгарии, гибели В. Левского и усилившихся колебаний Л. Каравелова в сторону либерального просветительства, с весны 1873 г. в БРЦК значительно обострились противоречия между революционно-демократическим, буржуазно-радикальным и либеральным течениями. Революционно-демократическое крыло, руководимое Хр. Ботевым, постепенно усиливало свое идейно-теоретическое и организационное влияние на эмиграцию и комитеты внутри страны. Это обстоятельство и дало ему возможность добиться создания в августе 1875 г. второго БРЦК, возглавив его деятельность⁵².

Ведущие болгарские исследователи проблемы Н. Генчев⁵³, П. Митев⁵⁴ и И. Стоянов⁵⁵, раскрывая идейную борьбу в БРЦК после майского совещания 1873 г., говорят не о трех, а о двух основных группах в нем: буржуазно-либеральном Л. Каравелова и революционно-демократическом Хр. Ботева.

В четвертой главе С. И. Сидельников раскрыл общий ход национально-освободительного движения болгарского народа во второй половине 1873 и 1874 гг., уделив особое внимание деятельности БРЦК в этот период. На основании тщательного изучения сочинений Хр. Ботева, материалов газеты «Независимость», личной и официальной переписки подавляющего большинства участников событий автор проследил процесс восстановления деятельности революционной организации Тырновским и Русенским комитетами после смерти В. Левского. Попытки воссоздания старого или основания нового БРЦК предпринимались и болгарской эмиграцией на Бухарестских собраниях 20–21 августа и 26 декабря 1874 гг. К причинам их неудач ученый относил отсутствие единства в определении основных целей деятельности революционной

организации и создании единого руководящего центра из-за дальнейшего обострения борьбы течений⁵⁶.

Второй незаконченной монографией является «Россия и образование Болгарского государства», где планировалось осветить историю болгарского народа от Крымской войны 1853–1856 гг. до Апрельского восстания 1876 г. Исследование предполагалось разделить на пять глав: «Социально-экономическое развитие Болгарии в середине XIX ст.»; «Национально-освободительное движение болгарского народа от Крымской войны до конца 60-х годов XIX ст. и проблема создания Болгарского государства»; «Завершение болгаро-греческой церковной борьбы и изменение программных требований буржуазных группировок в национально-освободительном движении 70-х годов XIX ст.»; «Болгарский революционный центральный комитет и его программа освобождения Болгарии»; «Внутриполитическая борьба в болгарском национально-освободительном движении в период Апрельского восстания 1876 г. и первые месяцы после его поражения»⁵⁷.

Монография, к сожалению, осталась незавершенной. Полностью подготовлены к печати первые две главы, при этом первый параграф первой главы об экономическом развитии Болгарии после Крымской войны намечалось написать В. Д. Конобеевым. От третьей главы сохранилась лишь вводная часть.

Наиболее интересным представляется второй параграф первой главы, посвященный расстановки классовых сил в движении болгар за политическое освобождение, где обстоятельно раскрыты позиции чорбаджийства, буржуазии и крестьян. На основе кропотливого изучения источников и литературы, автор пришел к выводу: за исключением чорбаджиев, все социальные слои болгарского общества принимали участие в национально-освободительном движении. Однако если зарождавшаяся болгарская буржуазия придерживалась мирных средств борьбы и рассчитывала на иностранную помощь, то крестьяне, ремесленники, городская и деревенская беднота, интеллигенция выступали за вооруженную борьбу против турецкого господства⁵⁸.

Во второй главе Степан Иванович рассмотрел программы освобождения Болгарии, выдвигаемые различными течениями общественной мысли в 50–60-х гг. XIX в. К основным формам борьбы народных масс он относил гайдучество, крестьянские восстания и участие в русско-турецких войнах, подчеркивая переплетение социальных, антифеодальных требований с политическими⁵⁹. Среди буржуазных политических течений выделял три: 1) буржуазно-консервативное; 2) буржуазно-либеральное; 3) буржуазно-демократическое⁶⁰. При всех различиях в определении ими будущего государственного устройства Болгарии все они не шли дальше той или иной формы автономии в пределах Османской империи. И лишь революционные силы считали невозможным нормальное экономическое и политическое развитие болгарского народа в условиях турецкого господства и поэтому выдвигали идею завоевания полной политической независимости при помощи вооруженного восстания⁶¹.

Таким образом, неопубликованные и незавершенные монографии С. И. Сидельникова представляют интерес для исследователей позднего болгарского возрождения и позволяют представить уровень спорных вопросов исторической болгаристики 1970-х гг. Полагаем, что основные выводы ученого не потеряли своей актуальности и значимости, хотя в современной болгарской историографии, освободившейся от догмата марксистской методологии, ряд аспектов проблемы трактуется несколько иначе. Однако, на наш взгляд, известные расхождения в оценках событий, предшествующих Апрельскому восстанию 1876 г., объясняются не столько различными методологическими подходами, сколько дефицитом нарративных источников, противоречивостью источниковой базы и различной ее интерпретацией.

¹ Центр болгаристики и балканских исследований имени Марина Дринова. Личный архив проф. С. И. Сидельникова, оп. 1, д. 154.

² *Сидельников, С. И.* Авантюра русского царизма в Болгарии. 1878–1896 гг. – Ученые записки Ленинградского государственного университета. Сер. ист., 1939, т. 36, вып. 3, 145–180.

³ *Сидельников, С. И.* Воссоединение княжества Болгарии и Восточной Румелии (1878–1886 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Х., 1946.

⁴ *Сидельников, С. И.* Возз'єднання князівства Болгарії і Східної Румелії (1879–1886 роки). – Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту імені Г. С. Сковороди, 1949, т. XI, 45–90.

⁵ *Сидельников, С. И.* Болгарський революціонер Георгій Раковський. Х., 1959; *Его же.* Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете. Х., 1962; *Его же.* Болгарский революционный центральный комитет (1869–1872 гг.). Х., 1970.

⁶ *Чернявський, Г. Й., Чорній, В. П.* Розробка проблеми болгарського національно-визвольного руху в працях С. І. Сидельникова. – Проблеми слов'язнознавства, 1979, вип. 20, 96–102.

⁷ Там же; *Чернявський, Г. Й.* Исследования С. И. Сидельникова по проблеме национально-освободительного движения болгарского народа. – Советское славяноведение, 1980, № 2, 84–92.

⁸ *Самоїленко, Н. И.* Болгарское национально-освободительное движение в исследованиях С. И. Сидельникова. – В: Україна і Болгарія: віхи історичної дружби. Матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга, Одеса, 29–31 жовтня 1998 року. Одеса, 1999, 133–140; *Ее же.* Творческое наследие С. И. Сидельникова и современная историческая наука. – Дриновський збірник. Харків–Софія, 2008, т. II, 24–28.

⁹ *Сохань, П. С.* Слово про Степана Івановича Сидельникова – видатного вченого-болгариста, мужню і прекрасну людину. – Дриновський збірник. Харків–Софія, 2008, т. II, 283–287.

¹⁰ *Червенков, Н. С. И.* Сидельников – исследователь болгарского Возрождения. – Дриновський збірник. Харків–Софія, 2008, т. II, 288–291.

¹¹ *Пугач, Е. П.* Профессор С. И. Сидельников – выдающийся педагог и организатор науки. – Дриновський збірник. Харків–Софія, 2008, т. II, 279–282.

¹² Центр болгаристики и балканских исследований имени Марина Дринова, личный архив проф. С. И. Сидельникова, оп. 1, д. 291.

¹³ *Бурмов, А.* Български революционен централен комитет (1868–1876). С., 1943.

¹⁴ Государственный архив Харьковской области, ф. Р-2792, оп. 21, ед. хр. 1536, л. 61–62.

¹⁵ Центр болгаристики и балканских исследований имени Марина Дринова, личный архив проф. С. И. Сидельникова, оп. 1, д. 291.

¹⁶ *Сидельников, С. И.* Бухарестское совещание революционеров в мае 1873 г. – В: Тези доповідей VI Української славистичної конференції, 13–18 жовтня 1964 р. Чернівці, 1964, 248–250; *Його ж.* Бухарестський з'їзд болгарських революціонерів 29 квітня – 4 травня 1872 р. – Українське слов'язнознавство. Львів, 1975, вип. 12, 69–76.

¹⁷ *Сидельников, С. И.* Боротьба течій у Болгарському революційному центральному комитеті до початку Старозагорського повстання (травень 1873 – вересень 1875 р.). – Українське слов'язнознавство. Львів, 1973, вип. 8, 83–91.

¹⁸ *Сидельников, С. И.* Соціально-економічне становище і розстановка класових сил у національно-визвольному русі Болгарії середини 70-х років XIX ст. – Питання нової та новітньої історії. Київ, 1975, вип. 20, 48–61.

¹⁹ Центр болгаристики и балканских исследований имени Марина Дринова, личный архив проф. С. И. Сидельникова, оп. 1, д. 298, л. 1.

²⁰ Там же, л. 1–11.

²¹ Там же, л. 18–23.

²² Там же, л. 23.

²³ Там же, л. 23.

²⁴ Там же, л. 12–17.

²⁵ Там же, л. 17.

²⁶ Там же, л. 30–57.

²⁷ Там же, л. 38.

²⁸ Там же, л. 58–77.

²⁹ *Генчев, Н.* Българското възраждане. С., 1995, с. 379.

³⁰ *Маждракова-Чавдарова, О.* Национално-революционни борби на българския народ. 1828–1878. С., 1997, с. 195.

³¹ *Стоянов, И.* История на Българското възраждане. Велико Търново, 1999, с. 230.

³² *Косев, К.* Кратка история на Българското възраждане. С., 2001, с. 133.

- ³³ *Тодев, И.* Българското национално-революционно движение (1853–1878). Нетрадиционни вариации на традиционна тема. С., 2005, с. 74.
- ³⁴ Центр болгаристики и балканских исследований имени Марина Дринова, личный архив проф. С. И. Сидельникова, оп. 1, д. 301, л. 1–8.
- ³⁵ Там же, л. 9–15.
- ³⁶ Там же, л. 15–23.
- ³⁷ Там же, л. 34–42.
- ³⁸ Там же, л. 24–34.
- ³⁹ Там же, л. 43–58.
- ⁴⁰ Там же, л. 59–63.
- ⁴¹ *Генчев, Н.* Указ. соч., с. 378.
- ⁴² *Маждракова-Чавдарова, О.* Указ. соч., 197–198.
- ⁴³ *Стоянов, И.* Указ. соч., с. 232.
- ⁴⁴ *Митев, П.* Българското възраждане: лекционен курс. С., 1999, с. 118.
- ⁴⁵ *Косев, К.* Указ. соч., с. 134.
- ⁴⁶ *Тодев, И.* Указ. соч., 77–78.
- ⁴⁷ *Генчев, Н.* Указ. соч., с. 379; *Маждракова-Чавдарова, О.* Указ. соч., 201–202; *Стоянов, И.* Указ. соч., 232–233.
- ⁴⁸ *Митев, П.* Указ. соч., с. 119.
- ⁴⁹ Центр болгаристики и балканских исследований имени Марина Дринова, личный архив проф. С. И. Сидельникова, оп. 1, д. 304, л. 2–6.
- ⁵⁰ Там же, л. 7–27.
- ⁵¹ Там же, л. 27–33.
- ⁵² Там же, л. 1.
- ⁵³ *Генчев, Н.* Указ. соч., с. 380.
- ⁵⁴ *Митев, П.* Указ. соч., с. 120.
- ⁵⁵ *Стоянов, И.* Указ. соч., с. 234.
- ⁵⁶ Центр болгаристики и балканских исследований имени Марина Дринова, личный архив проф. С. И. Сидельникова, оп. 1, д. 308, л. 11–30.
- ⁵⁷ Там же, д. 309.
- ⁵⁸ Там же, д. 313, л. 15–16.
- ⁵⁹ Там же, д. 314, л. 1–3.
- ⁶⁰ Там же, л. 3–12.
- ⁶¹ Там же, л. 26.

Т. А. Белякова

ГРЕКО-БОЛГАРСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ РАСПРЯ: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Историография вопроса о греко-болгарских взаимоотношениях в рамках Османской империи достаточно обширна. Уже с 1860-х гг. в российской науке предпринимались попытки осветить историю взаимоотношений болгарского населения с греческим духовенством и греками-фанариотами, приведших в итоге к греко-болгарскому конфликту 1850-х гг.¹ Однако надо сказать, что исследования по этой теме, так же, как и публикации в российской прессе по данному вопросу, носили явно выраженный славянофильский или грекофильский характер, тем самым вина за возникновение и развитие конфликта перекладывалась на какую-то одну из сторон².

В современной российской историографии явно прослеживается тенденция отказа от общих, пристрастных установок по поводу вопроса о деятельности греческого духовенства, наравне с более объективным изображением основных структур Османской империи³. Классической стала схема связывания требований болгар о церковной независимости с одним из этапов национального возрождения (мы в работе придерживаемся, в основном, именно этой схемы). Нужно отметить, что в постсоветской российской историографии получает распространение тенденция рассматривать национальные движения в рамках империй как негативный, дестабилизирующий фактор. На этом фоне становится популярной теория объяснения национального подъема в балканских странах западным влиянием, привнесением национальных идей и розни в христианскую среду с Запада. Обосновывается это как общими положениями о влиянии идей Просвещения и Французской революции, так и подчеркиванием конкретных геополитических интересов великих держав⁴.

Безусловно, особую остроту конфликту придавало активное международное участие в конфликте, подогревание конфликта в зависимости от целей сторон – России, Франции, самой Османской империи и т. д. Наиболее подробно вопрос о степени международного вмешательства в греко-болгарский конфликт с позиции *сui prodest*, о роли Франции, степени заинтересованности в конфликте Порты («воспользовавшейся им в борьбе против роста влияния Российской империи, опиравшейся на Царьградскую патриархию и делавшей ставку на единство православия в регионе»)⁵ рассмотрен в сборнике «Роль религии в формировании южнославянских наций». «Необходимо особо отметить, что конфликт вряд ли достиг бы столь большой остроты и получил бы далеко идущие политические последствия, если не был бы любовно и старательно раздуваем третьей стороной, в роли которой выступала Франция, активизировавшая в этот период усилия для расширения своего влияния на землях Османской империи»⁶. Особенно тщательно освещена деятельность польской эмиграции (А. Чарторийского, М. Чайковского) и их агитации в пользу распространения унии и католичества с целью «удара по традиционному престижу России среди южных славян»⁷. Не вызывает сомнений, что данный геополитический аспект, безусловно, важен для понимания всей сложности греко-болгарского конфликта второй половины XIX в.

В зарубежной историографии по вопросу о греко-болгарской распри упор делается на отрицании непосредственно «национального» фактора как основного в данном конфликте⁸. Совершенно справедливо отмечается, что с этнической точки зрения никакой единой «болгарской нации» с болгарским языком не было, так же, как и не было непосредственного противостояния «болгарской нации» «нации греческой». Так что противостояние осуществлялось не между двумя национальными или языковыми группами, а между «местными» (Einheimischen) и «приходящими, наступающими извне» (draussen Kommenden)⁹. Вот как пишет немецкий исследователь Пейфусс: «По одну сторону стояло местное духовенство, а по другую сторону – представители Великой Константинопольской церкви, фанариоты... Не нужно делать вывода о том, что это был «национальный» (или «этнический») конфликт между греками, с одной стороны, и болгарами – с другой»¹⁰.

В сербской церковной историографии вопрос о греко-болгарской распри в первую очередь рассматривается с точки зрения неправомерности притязаний болгар на земли, которые ранее входили в юрисдикции Печской патриархии и Охридской архиепископии. Из особых моментов, характерных для сербской историографии, можно выделить подчеркивание роли России (ее помощи болгарам), сведения о поддержке сербами идеи епископа-болгарина, а также то, что несмотря на признание неканоничности провозглашения болгарского экзархата и поддержки соборного осуждения этнофилетизма в конце XIX в. сербы для обоснования необходимости восстановления автокефалии перед Вселенским патриархатом воспользуются в качестве аргумента именно болгарским прецедентом¹¹.

Как видно из приведенных выше концепций, проблема греко-болгарской распри имеет совершенно различные трактовки, комплексное исследование данной проблемы требует учета самых различных факторов. Так конфликт, несомненно, выходит за рамки церковно-юрисдикционных споров; он непосредственно связан с различными культурными традициями, характерными для самосознания болгарского народа, в котором пересекается средневековая болгарская традиция со сложившейся в османский период правовой традицией. Рассмотрение вопроса о греко-болгарской распри и Болгарском экзархате только как одного из этапов национального возрождения подчас не учитывает той культурной и ментальной интеграции болгарского народа в османское общество, которая проявилась в этом конфликте. Также важно учесть и фактор внешнего международного участия в развитии и разрешении конфликта.

В российской историографии на данный момент еще нет достаточно убедительного ответа на вопрос, почему национальное болгарское возрождение воплотилось ярче всего именно в форме борьбы за самостоятельную церковь. Безусловно, в основе лежит целый комплекс причин, вызвавший такое, достаточно специфическое для XIX в., явление. В настоящей статье мы предприняли попытку тезисно обозначить основные причины данного феномена, не стремясь к какому-то однозначному толкованию, но пытаясь выделить и сформулировать отдельные аспекты этой сложной проблемы.

Итак, главный вопрос, с нашей точки зрения, можно сформулировать так: почему болгары в XIX в. выступили с требованием *церковной независимости*? Рассматривая данное требование в контексте национального возрождения, можно утверждать, что это была довольно необычная форма. Несомненно, для национальных движений XIX в. в империях гораздо более характерны вооруженные восстания, чаще всего подкрепленные политическими программами, нацеленными на получение автономии или независимости. Болгарское движение за автокефалию происходит в то время, когда греки после ряда антитурецких восстаний добились полной политической независимости и создали собственное Греческое королевство (1830), когда сербы в результате двух вооруженных восстаний добились сначала провозглашения автономии (с 1815 г.), а впоследствии и независимости от Турции (1878). То, что требование болгарами автокефалии

относится к разряду политических, а не внутрицерковных, не подвергается сомнению ни в одном исследовании по данному вопросу. Связь идеи создания самостоятельного Болгарского экзархата с ростом национального самосознания у болгар была очевидной уже для историографии второй половины XIX в. (Т. И. Филиппов в своем исследовании 1870 г. связывает это с влиянием Ю. И. Венелина на рост национального самосознания; он же отмечает в качестве одной из причин разрастания греко-болгарского конфликта в распространении западноевропейских культурных и материалистических ценностей, пишет об активном проникновении западных агентов на Балканы, об увлеченности западной культурой среди молодежи и популярности западного образования¹²).

На наш взгляд, очень важно отметить тот факт, что болгарское движение за церковную независимость не выходило за правовые рамки Османского государства (турецкого законодательства), несмотря на то, что с точки зрения канонического права данные притязания были мало оправданы. Обращение болгарских представителей к турецким властям за их санкцией обосновывалось ссылками на Гульханейский хатт-и-шериф от 2 ноября 1839 г., провозгласивший начало реформ т. н. «танзимата», гарантировавшего равенство перед законом подданных султана независимо от вероисповеданий и общественного положения¹³.

Сам акт провозглашения независимого Болгарского экзархата юридически оформлен в виде султанского фирмана от 28 февраля 1870 г. В самом Уставе Болгарского экзархата именно этот документ – султанский фирман (или «Царский Ферман») приводится в самом начале, в I главе, подтверждая правомерность существования экзархата (на основании лично султанского решения) и определяя его устройство (дарование титула «экзарха» болгарскому митрополиту и учреждение Болгарского Синода)¹⁴. Этот документ в источнике представлен в виде параллельных текстов на турецком и болгарском языках! Заметим, что речь идет об учреждении церковного института, а в уставе первый документ – грамота мусульманского правителя. Здесь явно совершенно прослеживается несколько правовых традиций, которые и нашли отражение в борьбе болгар за церковную автокефалию.

Необходимо обратиться к историческим предпосылкам греко-болгарского конфликта, без которых изучение и понимание данной проблемы не представляется возможным. Итак, в первую очередь здесь речь идет об особенностях социально-религиозной политики Османской империи, сложившейся уже во второй половине XV в. Во главе христианской общины Балкан, как известно, стоял Константинопольский патриархат во главе со вселенским (ойкуменическим) патриархом (этнархом). Историки-болгаристы отмечают, что по сравнению со всеми другими христианскими народами Османской империи, болгары оказались в крайне невыгодном положении, так как почти одновременно с потерей государственности силой обстоятельств они оказались лишены независимой болгарской церкви. «Низведение Тырновской патриархии до уровня рядовой митрополии в системе Константинопольского патриархата лишало народ на многие столетия единственно возможного в Османской империи этнообъединяющего центра – национальной церкви»¹⁵. Положение усугублялось еще тем, что после ликвидации Тырновской патриархии различные области, в которых проживало болгарское население, оказались подчинены ведомству разных патриархий – Константинопольской, Охридской архиепископии, а с 1557 г. также Печской. Границы диоцезов менялись, однако вплоть до уничтожения Охридской архиепископии в 1767 г. административно-церковное деление в регионе являлось одним из факторов, препятствовавших этнической консолидации. Более того, в определенной степени оно не могло не способствовать этнокультурному сближению различных групп болгарского народа с теми этносами, которые были объединены с ними не только рамками общей конфессии, но и единым церковным аппаратом (прежде всего греками и серба-

ми). В длительной перспективе это таило в себе угрозу развития региональных этнокультурных особенностей, т. е. угрозу нарушения относительной однородности болгарского этнического массива¹⁶.

При этом мусульманское османское государство опиралось на церковь, как на «имевшийся в его распоряжении элемент, который в течение всего феодального периода ни в коем случае не нарушал его государственно-общественную организацию», само духовенство становилось носителем административных функций. Церковь османскому государству была нужна для «спокойствия и бесконфликтности между широкими слоями населения». В области частноправовой, в делах, не затрагивавших государственные интересы (главным образом фискальные), решения выносили церковные органы¹⁷.

Константинопольский патриархат, который в условиях турецкого владычества принял на себя несвойственную ему функцию социального управления населением, оказался в достаточно странном положении. С одной стороны, поскольку Константинополь был столицей Византии, практически вся церковная иерархия Вселенской патриархии состояла из греков. Игнорирование османской правовой системой этнических различий христианского населения способствовало тому, что церковь поставила себе основной задачей тесную консолидацию православного населения, в качестве инструмента используя конфессионализацию сознания, одновременно подавляя собственно этническую форму самосознания¹⁸. Греческое духовенство осуществляло стремление к культурной и религиозной консолидации и унификации своей христианской паствы на основе утверждения и подчас навязывания трех факторов: единой религии (православного христианства), единого языка (греческого), единого права (римского), оправдывая это общим византийским курсом¹⁹.

Надо сказать, что во всех исторических исследованиях о деятельности Константинопольского патриархата (по крайней мере, стремящихся к объективности) подчеркивается то, что такой характер действий православного духовенства был совершенно необходим в условиях османского владычества. Роль греческого духовенства заключалась в сохранении и развитии традиционных византийских христианских и культурных ценностей вместе с культивированием идеи культурного и духовного сопротивления (исследователь Й. Кабрда называет это «la résistance spirituelle»²⁰). «Религиозная конфронтация в обществе, идеологический натиск ислама, вызывающий изменение количественного соотношения между христианами и мусульманами в пользу последних, способствовали резкой активизации церковной пропаганды. В целях противодействия агрессии ислама перед православным духовенством встала труднейшая задача идеологической консолидации разноплеменной паствы. Оно оказалось вынуждено заботиться о подавлении этнорелигиозного и распространении в обществе общехристианского сознания. Именно в настойчивом стремлении изменить соотношение между конфессиональным и собственно этническим компонентами в общей структуре самосознания прихожан и состояла, по-видимому, основная этнонивелирующая функция церкви в эту эпоху»²¹.

Надо сказать, что уже в XV–XVII в. отношение к греческому духовенству, олицетворявшему духовную и светскую власть, носило среди славян часто негативный оттенок. При этом этнонивелирующая и консолидирующая политика греческого духовенства имела значительный успех в болгарских землях. Так, в период с XVI по первую половину XVIII в. в рукописных сочинениях болгарских книжников этноним «болгары» вообще нигде не встречается, ярко проявляется тенденция замены этнонима конфессионалимом («христиане», «христианский род», «православное сословие»), а в житиях XVI в. проявилась склонность трактовать само православие в значении «отеческого предания», придавая ему тем самым расширенный смысл, сопоставимый по значению с родовым²².

По причине того, что в Болгарии отсутствовала светская национальная элита, а также того, что основу всего высшего православного духовенства на Балканах составляли греки, заботившиеся об исключительности собственного положения и не поощрявшие развития национальных школ у славянских народов, то у болгар не могла сложиться и новая духовная элита (по типу фанариотов). Единственным центром культурного и национального возрождения оставались монастыри (в частности, монастыри Афона: болгарский Зограф и сербский Хиландарский монастыри). По-видимому, это во многом предопределило характер болгарского национального возрождения.

С появления «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского (1762) многие исследователи отмечают в болгарских источниках тенденцию к «утилитаризации» религии. Именно в «Истории славяноболгарской» Паисия впервые в болгарской книжности декларируется мысль о необходимости религиозной организации по узко-этническому признаку и фактически отвергается столь популярная в позднее средневековье и поствизантийский период идея о духовном братстве православных народов²³.

Рост болгарского национального самосознания, столкновения болгар с греческим духовенством, распространение католических и протестантских миссий в XIX в., угроза принятия унии болгарскими, значительная мусульманская прослойка среди населения – все это, учитывая особую конфессионализацию сознания, характерную для Османской империи, создавало крайне сложную и запутанную религиозную ситуацию в Болгарии. В это время происходит становление болгарской элиты, способной конкурировать с греческими фанариотами в Константинополе из-за охлаждения турецких властей к грекам по причине борьбы последних за независимость и антитурецких восстаний. Ослабление греков и попытки политического реформирования всей системы управления в Османской империи (реформы Танзимата) создавали удобную ситуацию для повышения болгарскими своим социальным статусом в империи. Мероприятия по реорганизации Константинопольского патриархата, включения его в общую структуру государственной власти (снятие фискальной функции с духовенства, передача судопроизводства в руки светских властей, назначение зарплаты духовенству) – все это давало возможность болгарам рассчитывать на достижение своих целей.

Болгары обосновывали свои притязания тремя пунктами: 1) каноническим правом, в котором ясно выражено, что в православной церкви «каждая национальность должна иметь своего предстоятеля духовного чина» (прав. 34 св. Апост.); 2) историческим правом; 3) принципом свободы совести, повсюду признанном в Османской империи²⁴.

То, что болгары обращались за помощью лично к султану, а также апеллировали к турецкому имперскому законодательству, вызывало недовольство как у греческого духовенства, так и у русских наблюдателей. Греки видели в их поведении нарушение христианского единства, внутрехристианской солидарности, а славянофилы часто обвиняли болгар в чрезмерном заискивании перед турецкой властью. Хотя можно отметить, что приветственные послания и восхваления в адрес султана со стороны подданных-христиан в общем не были чем-то новым для Балкан. Например, в 1798 г. греческая церковь опубликовала в Стамбуле брошюру «Отеческие наставления», в которой говорилось: «Посмотрите, как наш Господь, милостивый и всеведущий, устроил все, чтобы вернуть целостность нашей святой православной веры... Он создал из ничего эту могучую империю Османов на месте нашей Римской [Византийской] империи, которая, по нашему православному христианскому пониманию, все равно начинала сходиться с предначертанного пути. И Он возвысил эту Османскую империю над всеми другими империями, чтобы достоверно доказать, что это было сделано согласно его Божественной воле... Не обращайтесь никакого внимания на все эти новые надежды на свободу, которые вам преподносят. В Священном писании сказано, что мы должны постоянно молиться о нашем Императоре [султани]»²⁵.

В своем исследовании Т. И. Филиппов (1825–1899) приводит высказывания Чомакова о том, как представители болгарского движения в Константинополе объясняли свое обращение к турецким властям: 1) что адрес был подан ими для блага болгарского народа, в той надежде, что правительство, видя себя одолженным болгарам, решит в скором времени церковный вопрос в их пользу; 2) что болгарам вообще было бы выгодно, если бы турецкая империя просуществовала еще лет 50–60, в течение коих они успели бы развиться и окрепнуть для отдельного и самостоятельного бытия; 3) что в противном случае им предстоит опасность сделаться добычей или греков, если им удастся разрушить Турцию, или сербов, больше же всего русских, которые, по мнению представителей, мутят воду и возбуждают восстания между турецкими христианами, чтобы затем по разрушении Турецкой империи, завладеть населемыми ими землями²⁶.

Далее Т. Филиппов утверждает, что «полное удовлетворение всех представляемых болгарам требований возможно... лишь после их освобождения от турецкого ига»²⁷. Фактически, это противоречит данным из источников, приведенных ранее в исследовании. Эта мысль Филиппова, характерная для всей последующей российской историографии, на наш взгляд, в корне не верна. С русской точки зрения, болгары, как и все остальные народы Османской империи, стремились к «свержению ига», тогда как, по-видимому, здесь можно говорить о двух более вероятных доводах: 1. В рамках Османской правовой системы, когда высшее управление христианским населением осуществляет духовенство (система управления по шариату), именно в рамках исламской правовой традиции верховная власть над христианским населением переходит в руки Константинопольского патриархата (то, чего не было, например, при Византийской империи). При этом рост национального самосознания диктует стремление к осуществлению именно болгарским духовенством функций управления над болгарской нацией (это представления о власти в рамках Османской имперской системы, а не вне ее). Появление независимой болгарской церкви должно было повысить статус болгарского народа как внутри Османской империи, так и в международном отношении – это возможность вести самостоятельную внешнюю политику от лица болгарского духовенства напрямую с той же Россией (как это, например, делали сербские или черногорские иерархи). 2. Как раз те самые представители болгарского народа, которые оказались на хорошем месте в Константинополе близко к высшим турецким слоям, когда греки впали в немилость, использовали предоставившуюся возможность для этой болгарской элиты получить те лакомые куски, которые раньше доставались греческим фанариотам, повысив свой правовой статус внутри Османской империи. Живущие в Константинополе представители болгарского народа, «приблизившись к турецким властям», в период охлаждения к грекам из-за восстания на Крите, находят для себя невыгодным мирное разрешение вопроса. (Комментарий Филиппова: «Видно, близость к власти есть искушение, опасное не для одних греков!»²⁸).

Возможно, одна из причин именно такой реализации своих национально-освободительных задач восходит еще к историческому положению болгар в Османской империи – близость к центру усиливала интеграцию болгарского общества и сильную туркизацию. В их требованиях ясно виден культурно-правовой синтез самых разных традиций, начиная от восточнохристианских (византийских) – в попытке канонически обосновать свои притязания. Так же, безусловно, и влияние западноевропейских идей Просвещения и общей секуляризации сознания (когда для достижения своей национально-освободительной цели в ход идет даже активное ратование за унию с католиками, что вообще было абсолютно неприемлемо для четко конфессионального самосознания болгар в более ранний период Османского владычества). И, как мы уже отмечали, – влияние османских традиций (соединения духовной и светской власти), следование курсу современного турецкого права.

Это подтверждает и исследование Т. Филиппова. В своем сочинении он приводит цитату из неизвестного источника, в котором болгары (по крайней мере, их представители в Константинополе) обвиняются в «равнодушии к вере, доходящем до цинизма», что они находятся под господством одной только мысли: «ничего общего с греками». А «что же касается их верований, то они охотно ими пожертвовали бы и обратились бы, как я сам от них слышал, к великому раввину или к шейх-юлье исламу, если бы этим способом они могли получить церковь, независимую от константинопольского патриарха»²⁹.

Русская пресса, начиная с 1858 г., особенно в ее славянофильской части, достаточно активно приняла участие в освещении греко-болгарского конфликта, однако, подчас стремясь не столько к объективности, сколько к распространению собственных славянофильских взглядов на данную проблему. Важным событием в русскоязычном освещении греко-болгарского конфликта стала публикация статьи Даскалова, практически одновременно появившаяся в «Русском вестнике» и «Русской Беседе» (1858)³⁰. В статье под названием «Турецкие дела и возрождение болгар» излагается ряд претензий к греческому духовенству со стороны болгар; приводится ряд случаев злоупотреблений со стороны греков, которые должны были вызвать соответствующую сочувственную реакцию со стороны российской общественности по отношению к православным «братьям-болгарам». Эти статьи вызвали широкий общественный резонанс, особенно учитывая слабую осведомленность русской стороны по вопросу о греко-болгарских противоречиях. «Статьи покойного Даскалова впервые обнаружили перед русским обществом во всей наготе печальное положение церковных дел константинопольской патриархии, и если не на всех произвели одинаковое впечатление, то всех равно убедили в том, что дело зашло чрезвычайно далеко, что международная вражда приняла уже и в то время опасные размеры и что тем, кому эта вражда не сулит выгод, предстояли усиленные заботы если не о полном примирении враждующих сторон, на которое едва ли могла быть какая-нибудь надежда, то об ограничении ее размеров, о приискании таких условий, на которых соперники могли бы сойтись, не разоряя общего дела Церкви»³¹. Именно после этих статей, пишет Т. Филиппов, российские официальные службы стали активно следить за изменениями в религиозной ситуации на Балканах.

Очень важно, что во второй части своего сочинения Даскалов тщательно подчеркивает, что претензии болгар направлены не против греков в целом, а только против конкретных греков-фанариотов, фанариотского духовенства. (А, например, В. И. Ламанский в статье «Об отношениях русских к грекам» в той же «Русской беседе» уже в названии делает сноску: «Считаю долгом заметить, что я нигде не разумею здесь этих жалких Фанариотов, которых, из уважения к Грекам, надо всегда отделять от них»³².) «Свободные греки, с которыми болгаре пока не имеют никаких столкновений, советуют им не пренебрегать литературою греческой и карать зло, в каких бы формах оно ни проявлялось... Греческие сочинения Фармакиди, Суца, Пичипия и др. вполне разобличили действия фанариотов и даже открыли болгарам то, чего они и не подозревали... Возрождение Ново-Греческого образования, как и возрождение Ново-Болгарского, не менее встретило сопротивления со стороны духовных фанариотов»³³.

Анализируя формулировки данных обоснований, относящиеся, по сути, к различным правовым традициям, мы имеем возможность проследить различные проявления синтеза культурных и правовых норм в Османской империи. На наш взгляд, такое специфическое выражение национально-освободительных стремлений в XIX в., как стремление болгар к национальному духовенству и национальной церкви, могло возникнуть только в османском обществе, в условиях сосуществования самых разных религиозных, правовых и культурных традиций и особой конфессионализации традиционного

самосознания. Именно этот аспект кажется нам наиболее актуальным, проливая свет на проблему взаимовлияния культур в рамках имперского пространства.

На наш взгляд, проблема греко-болгарской распри является еще не достаточно изученной в российской историографии. Необходимость комплексного многофакторного анализа проблемы продиктована сложностью конфликта, имеющего в основе ряд исторических, ментальных, религиозных и политических предпосылок. Выделение какого-то одного фактора в качестве основного представляет ситуацию слишком упрощенно. Без учета особенностей влияния имперской правовой культуры на национальное самосознание подчиненных народов невозможно четко представить дискурс.

¹ *Филиппов, Т.* Вселенский патриарх Григорий VI и Греко-болгарская распря. СПб., 1870; *Даскалов, Х.* Турецкие дела и Возрождение болгар, или реакция в европейской Турции. – Русская беседа, 1858, №2; *Черкасский, В. А.* Два слова по поводу Восточного вопроса. – Русская беседа, 1858, т. 4.

² Подробнее об этих двух позициях, характерных для российского общества второй половины XIX в., см. в монографии *Герд, Л. А.* Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.

³ *Макарова, И. Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., 2005; *Герд, Л. А.* Указ. соч.

⁴ См., например: Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999.

⁵ Там же.

⁶ *Макарова, И. Ф., Жила, Л. И.* Конфессии и формирование болгарской нации. – В: Роль религии в формировании южнославянских наций..., с. 211.

⁷ Там же, 212–213.

⁸ *Suttner, E.* Cr. Kirche und Nationen. Beitrage zur Frage nach dem Verhältnis der Kirche zu den Völkern und der Völker zur Religion. Würzburg, 1997, s. 104.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Porović, R.* Serbian Orthodox Church. Beograd, 2005, p. 89; *Веселиновић, Р.* Преглед историје цркве у Старој Србији и Македонији од 1766 до 1919 године. – В: Српска Православна Црква 1219–1969. Београд, 1969, с. 331.

¹² *Филиппов, Т.* Указ. соч., с. 12.

¹³ *Герд, Л. А.* Указ. соч., с. 38.

¹⁴ Екзархийский Уставъ. Устав за управлението на Българската Ексархія отъ 14 Май 1871 г. Б.м. и г., 2–3.

¹⁵ Роль религии в формировании южнославянских наций..., с. 197.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Весела, З.* К вопросу о положении христианской церкви в Османском государстве. – В: Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990, 120–121.

¹⁸ *Макарова, И. Ф.* Указ. соч., с. 158.

¹⁹ *Pantazopoulos, N. J.* Church and law in the Balkan peninsula during the Ottoman rule. Thessaloniki, 1967, p. 53.

²⁰ *Kabrda, J.* Le système fiscal de l'église orthodoxe dans l'empire Ottoman (d'après les documents turcs). Brno, 1969, p. 101.

²¹ Роль религии в формировании южнославянских наций..., с. 202.

²² Там же.

²³ Там же, с. 205.

²⁴ *Филиппов, Т.* Указ. соч., с. 75.

²⁵ Цит. по: *Кицикис, Д.* Османская империя. – В: На перекрестке цивилизаций. М., 2006, с. 205.

²⁶ *Филиппов, Т.* Указ. соч., с. 52.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 24.

³⁰ *Даскалов, Х.* Указ. соч.

³¹ *Филиппов, Т.* Указ. соч., с. 28.

³² *Ламанский, В. И.* Об отношении русских к грекам. – Русская беседа, 1858, т. 4, с. 103.

³³ *Даскалов, Х.* Указ. соч., с. 61.

В. О. Венгерська

«СВОЇ» ТА «ІНШІ» В НАЦІОНАЛЬНІЙ ПОЛІТИЦІ РОСІЙСЬКОЇ ТА ОТТОМАНСЬКОЇ ІМПЕРІЙ У ХІХ ст.

Історія імперій, в цілому імперська проблематика, належать до пріоритетних напрямків в сучасній історичній науці. Особливе значення приділяється вивченню механізмів, які забезпечували тривалість їх існування з одного боку, а з іншого – призвели до руйнації цих державних утворень. Найбільш поширений підхід щодо останнього пов'язаний із розвитком національних рухів, які виступили головним фактором названого процесу. У цьому контексті проблемі визначення ідентичності представниками різних етнічних груп в системі координат «свій – інший» належить не останнє місце. Особливістю пострадянських історіографій стало сприйняття та трактування «інших» як чужих/ворогів, а «своїх», досить часто, як жертви. Віктимізація власної історії стала своєрідним постімперським синдромом. У російській же, за незначним винятком, простежуються умовно «імперські» настрої. Орієнтація на методологічні підходи ХІХ ст. є ще однією рисою сучасних досліджень, які зручно вписуються у згадану дихотомію. Скажімо, наприкінці ХІХ – поч. ХХ ст. російська влада, не без інтелектуальної підтримки науковців та громадських діячів, намагалась відродити ідеї панславізму. Особливо доцільним їх використання видавалось в умовах балканської кризи напередодні великої війни, з метою педалювання ідеї об'єднання слов'янських народів під егідою Росії. На цей фактор звернув увагу Г. Касьянов, наголосивши, що реалізація подібної політики надавала додаткового імпульсу для боротьби проти слов'янських рухів у самій Росії¹.

На досить цікавий аспект пошуку ідентичності звернув увагу сучасний американський дослідник С. Норрис. В окремих публікаціях він наголошує на тому, що викристалізування і оформлення російської національної свідомості та ідентичності відбувалось в періоди військових конфліктів, особливо це проявлялось у прагненні протипоставити себе ворогові. Так, в умовах російсько-турецької війни 1877–1878 рр. використовувалась знакова символізація «священної війни» християн проти мусульманського світу².

На думку А. Каппелера, малороси перестали сприйматись російським центром як «інші», тобто самостійна етнічна група, а виключно, хоч і специфічний, але варіант росіян («свої»). Побудована схема російсько-слов'янської єдності у складі великоросів, малоросів та білоросів повинна була обслуговувати цю ідею. Формування нації та національний рух українців, на думку дослідника, найбільшої за кількістю після росіян етнічної групи імперії, безпосередньо загрожувало існуванню цілісності російської нації³.

В останні роки з'явилися цікаві дослідження особливостей національної політики Російської імперії напередодні її руйнації. Серед вчених, які не поділяють точку зору більшості представників національних пострадянських історіографій щодо віктимізації національних історій, варто виділити О. І. Міллера⁴. На його думку, в умовах Російської імперії стосунки між владою та представниками різних етноконфесійних груп не вибудовувались виключно за схемою: імперія-гнобитель – українці, поляки, євреї та ін. – виключно жертви. Московський дослідник доводить правомірність думки, що вони не були лише пасивними жертвами, а виступали й повноправними акторами історії.

Особливої ваги проблема «іншості», на думку Марка фон Хагена, набуває в умовах початку великої війни, яка надзвичайно загострила болісні питання. Війна стала водорозділом у відношеннях росіян з неросіянами та між самими неросіянами. Головним наслідком війни, на думку фон Хагена, стала інтернаціоналізація та мілітаризація етнічної політики Російської імперії⁵.

До кола внутрішньополітичних проблем Російської імперії протягом XIX ст. належали українське, польське, єврейське (перелік можемо продовжити, але названі були пріоритетними) «питання». Щодо зовнішньополітичних, найгострішим, традиційно, лишалось «східне» питання. У кожній групі відповідно існували проблеми макро- та мікрорівня, які у першому випадку, були тісно пов'язані із зовнішніми чинниками. Визначення «іншості» у зовнішній площині, враховуючи специфіку мусульманської Османської імперії, спрощувало завдання. Разом із тим, ці дві імперії мали схожі проблеми, характерні для більшості поліетнічних державних утворень. Імперські системи кінця XIX ст. функціонували в умовах розвитку капіталістичних стосунків, які передбачали поступове посилення прозорості кордонів, що підвищувало рівень взаємовпливів та взаємопроникнень. Найнебезпечнішим надбанням стало посилення національних рухів не без «дружньої» сусідньої ідейної та матеріальної підтримки.

У розв'язанні національних проблем найбільш яскраво проявилась специфіка російської влади. Проблеми «братів-слов'ян», підпорядкованих туркам, виявились близькими та зрозумілими, чого аж ніяк не можемо сказати про ставлення до «своїх» українців та поляків. Етнічні польські землі, 10 губерній Царства Польського, офіційно з 1867 р. почали іменувати Привіслинським краєм. Використання терміну «край», як і «питання», було досить символічним по відношенню до територій, які тим чи іншим чином пов'язувались із втраченою Річчю Посполитою. Правобережна Україна, що увійшла до складу Російської імперії в результаті II поділу Речі Посполитої, отримала подібну офіційну назву – Південно-Західний край. Ставлення до українців Правобережжя та всієї України, небажання влади підтримувати розвиток початкової (і не лише) освіти рідною мовою пояснювалось як «неможливість використання народних грошей для розвитку місцевого «наречія» не на користь державної мови, що... явно схиляється до послаблення та руйнації народної єдності»⁶. Український народ є суто російський народ, корінний російський народ, суттєва частина цього народу – фактично така позиція відображала загальний підхід до проблеми, який не передбачав навіть обговорення.

По відношенню до поляків реалізація подібної політики видавалась не настільки логічною. Спроба перевести освіту та діловодство на російську мову не співпадали з прагненням поляків до збереження національної унікальності не лише в польських губерніях, а й в Правобережній Україні, на території якої, традиційно, проживала значна кількість поляків. «Провальність» такого підходу була очевидною з моменту започаткування російськомовного викладання. Час підтвердив цю точку зору, про що в умовах загострення загальнополітичної ситуації напередодні російської революції 1905–1907 рр. заговорили навіть російські чиновники. Так, в «Харківському листку» (щоденній суспільній, політичній, літературній та науково-економічній газеті, що виходила на Слобожанщині) у розділі «Телеграми», було розміщено інформацію про нараду у російського прем'єр-міністра графа С. Ю. Вітте⁷. На ній розглядалось питання про введення викладання польською мовою в Царстві Польському. Більшість членів зібрання разом з головою погодилися із тим, що викладання російською в польських школах надалі більше сприяє відчуженню польського населення від російського, що вся система шкільної справи у Польщі, яка існувала протягом 30 років, не виправдала сподівань, покладених на неї із політичних розрахунків. Саме тому нарада визнала бажаним надати цілковиту свободу викладанню польською мовою у нижчих та середніх школах. Раніше польська

мова викладалась російською та вважалась предметом необов'язковим. Нарада запропонувала міністру освіти розробити проекти реформування шкільної справи в Польщі на основі викладання національною мовою. Лише після цього планувалось прийняти остаточне рішення. Тобто, як бачимо, російська влада хоч і не достатньо оперативна, але намагалась вносити певні корективи у реалізацію власної національної політики. Хоча, безумовно, відчуття революції, що носилось у повітрі, не могло не «стимулювати» її змінити ставлення до нації, представники якої неодноразово намагались довести серйозність своїх намірів щодо відновлення втраченої державності.

Порівнюючи умови перебування під турецькою владою болгар, слід зазначити, що ще 1835 р. вони спромоглися отримати дозвіл на відкриття шкіл з болгарською мовою викладання. Міжконфесійні стосунки залишались традиційним «камнем спотикання», сферою, яка дозволяла особливо рельєфно відчутти «іншість». Результатом тривалої боротьби за збереження власної релігійної ідентичності стало визнання 1870 р. самостійності болгарської церкви. Звернемо увагу на дату – саме на початок 70-х рр. стосунки між слов'янськими підлеглими та турецькою владою набувають особливої гостроти, для зняття якої необхідними були значні поступки.

Проблема, як бачимо, обертається довкола принципової «іншості» – на перший погляд, для мусульманської Туреччини дозвіл здавався не логічним. Але зовнішній «подразник» в особі «захисниці» всіх слов'ян та православ'я був досить вагомим аргументом. Тим більше, що Османська імперія ще з середини 70-х рр. XVIII ст. мала прецеденти – козакам новоствореної (але! знову ж таки, не без «допомоги» Росії), Задунайської Січі, дозволялось зводити власні храми, зберігаючи традиційне для більшості (але не для всіх!) православ'я.

Питання утримання українців в лоні православної церкви для російської влади належало до категорії принципових. Після придушення першого польського повстання 1830–1831 рр. з'явилась заборона діяльності греко-католицької церкви на території Правобережної України. Переважна більшість храмів перейшла у власність російської православної церкви, частина володінь та земель були секуляризовані. 19 липня 1832 р. було підписано указ про закриття в Західних губерніях 191 римо-католицького монастиря із 305, які на той час існували в регіоні. Костьоли всіх ліквідованих монастирів передавались православній церкві. Серед католицьких монастирів, які уряд подарував православній церкві, був і Почаївський (з 1721 р. належав греко-католицькій церкві)⁸. Його досить швидко перетворили на Лавру, яка стала (і залишається донині) потужним інститутом російської присутності в Україні.

Лише екстраординарні чинники спонукали владу до прийняття неочікуваних рішень. Так, 15 лютого 1904 р. відбулось засідання Комітету міністрів, присвячене відміні заходів з обмеження видання Священного Писання малоросійським «наречієм». Однією із причин заборони публікації україномовного перекладу Євангеліє в 1863 р. стало визнання російськими чиновниками того, що це не виправдовувалось особливостями мови та потребами народу і носило виключно політичний характер. В 1901 р. Російська Академія наук отримала в подарунок від спадкоємця П. Морачевського переклад Євангеліє малоросійською мовою за умови його друкування Академією. Лише на хвилі чергового революційного піднесення, а саме 1906 р., в Кабінеті Міністрів почали розглядати питання про видання праці, наголосивши на тому, що побоювання політичного характеру втратили свою гостроту; разом з тим зазначалось, що «малороси пристрасно бажать читати Слово Боже рідною мовою»⁹. Цікавим, на нашу думку, є оцінка ситуації російськими міністрами, яких важко було звинувачувати в особливо прихильному ставленні до українців. Йдеться про міністрів внутрішніх справ (відповідно 1901–1904 рр. та 1904–1906 рр.) В. К. Плеве та князя П. Д. Святополка-Мирського. Вони зійшлися на тому, що питання може розглядатись як з точки зору релігійної, так і наукової: переклад

вивчався Академією наук, члени якої визнали за ним високу наукову цінність. З точки зору релігійної, як зазначалось в офіційному повідомленні, Великий князь, визнаючи бажаним задоволення законного прагнення малоросіян «особливо зараз, у важкі часи, які переживає батьківщина», звернувся до Святого Синоду з проханням надати перекладу благословення. 25 лютого всі дозволи, у тому числі імператорський, були надані. Завдяки науковому аналізу російських учених-славістів, членів Російської Академії наук та зробленим ними висновкам, Синод надав дозвіл на публікацію.

Зупинимось детальніше на аналізі діяльності окремих вчених-славістів, їх внеску в процес ідентифікації в системі «свій-інший». Особлива роль у дослідженнях та пошуку ідентифікаційних ознак «іншості» належала представникам українських наукових осередків, зокрема, харківській славістичній школі. В умовах посилення національних тенденцій початку ХХ ст. значення цих досліджень набувало особливої ваги.

Доба націй і націоналізмів покликала до життя чисельні слов'янські проекти. Вони вписувались у логіку загальних процесів, їх розвиток та успішність були справою часу та наявності/відсутності політичних, а також суб'єктивних обставин. Російська влада запропонувала свій варіант династичної відданості на основі уварівського триєдиного принципу – «православ'я, самодержавство, народність», який, у свою чергу, мав спиратись на ще одну російську триєдність: великороси – малороси – білоруси. Ця логіка, як вже зазначалось, не передбачала доцільності створення більш сприятливих умов для розвитку української мови, літератури, театру та освіти, оскільки, гіпотетично, могла посилити сепаратистські тенденції. Їх поява і розвиток сприймалися та трактувалися виключно як «польська», а ближче до великої війни ще й австрійська «інтриги». Учені-славісти ХІХ ст., працюючи над аналізом давньоруських, чеських, сербських, болгарських, інших стародруків, поруч із спільними моментами вбачали і виразні принципові мовні відмінності. Один із провідних російських славістів, українець О. Бодянський, творче життя якого було пов'язане з Московським університетом, ще в першій половині ХІХ ст. здійснив декілька цікавих у цьому плані розвідок. У першу чергу, варто згадати «Розгляд різних думок про стародавню мову північних та південних русів» (1835), у якій вчений відстоював тезу самостійності української мови. Його магістерська дисертація була присвячена «народності» поезії слов'янських племен. На нашу думку, досить промовистою була назва кафедри, на яку запросили в якості екстраординарного професора О. Бодянского – слов'янських *говорів*. Отриманню цієї посади передувало кількарічне стажування у Відні, Будапешті, Празі та інших європейських університетах. Передбачалось, що отримання подібного досвіду дозволить з часом викладати не лише в університетах Москви, Петербургу, а й Харкова та Казані. Так склалось, що незначна кількість університетів в імперії сприяла концентрації потужних інтелектуалів в окремо взятих науково-освітніх центрах. Разом із тим, контакти та можливості залучення професури були не уявними, а досить реальними. По-перше, відвідування закордонних університетських центрів було своєрідним обов'язковим стажуванням перед початком викладацької діяльності, а по-друге, кількісна обмеженість фахового ресурсу породжувала підвищений попит на їх інтелектуальні послуги, що дозволяло репрезентувати та поширювати свої ідеї. Одним із найбільш яскравих учнів О. Бодянского був відомий болгарський історик-славіст М. Дринов (1838–1906). Як учений він сформувався в Росії, у якій власне провів і більшу частину свого наукового життя. У 1858 р. він емігрував до Російської імперії, опинився у Києві, де 1861 р. завершив навчання на філософському відділенні Київської духовної семінарії. Пізніше навчався в Московському університеті, який закінчив із ступенем кандидата. Починаючи з 1875 р. його життя та наукова творчість тісно пов'язуються із Харківським університетом, професором слов'янознавства якого він був протягом тривалого часу. Праці М. Дринова поклали початок болгарської історичної науки. Після завершення російсько-турецької війни

1877–1878 рр. на хвилі національного піднесення йому була запропонована посада завідувача відділом народної просвіти у новоствореному болгарському уряді. Він був одним із авторів так званої Тирновської конституції, але через призупинення її дії під тиском Росії в 1881 р. повернувся до Харківського університету. Заслуги у розвитку славістики були визнані в Росії, про що свідчить обрання його членом Петербурзької Академії наук у 1898 р. Саме він є автором єдиної болгарської орфографії, одним із творців літературної болгарської мови. Марин Дринов виступив серед засновників Болгарського товариства «ревнителів» знань, яке з 1911 р. перетворилось на Болгарську Академію наук.

Саме він, разом із такими відомими славістами, як професори Харківського університету В. К. Надлер, М. Ф. Сумцов, Д. І. Багалій, М. Г. Халанський, мали безпосереднє відношення до заснування Харківського історико-філологічного товариства, одного із найбільш впливових наукових осередків в імперії та за її межами. Товариство заснувало архів, етнографічний музей, дві бібліотеки. Праці з'являлися в серійних виданнях: «Сборник Харьковского историко-филологического общества», який виходив до 1914 р., «Труды», останній номер датується 1902 р., та «Вестник», який виходив протягом 1911–1914 рр.¹⁰

Члени товариства мали широкі контакти зі своїми колегами, особливо це стосувалось славістів. Зв'язки зі львівськими істориками, етнографами представлені в особистих фондах, у яких зберігається листування, наприклад, М. Грушевського із М. Сумцовим, М. Сумцова із В. Гнатюком та іншими. М. Дринов протягом 1890–1897 рр. очолював згадане товариство. Змінив його на цій посаді М. Сумцов, виконуючи функції до 1918 р. Саме Товариство припинило своє існування в 1919 р.

Одним із учнів та друзів М. Дринова, відомим болгаристом, ім'я якого вже згадували, був Михайло Георгійович Халанський. Його складно віднести до активних учасників українського руху, хоча він народився в українській сім'ї Щигровського повіту Курської губернії. У першу чергу, це був яскравий учений, який після смерті О. О. Потебні очолив кафедру російської словесності в Харківському університеті. В особистому фонді М. Г. Халанського зберігаються окремі роботи професора, листування з відомими громадськими діячами, істориками-славістами. Це і листи Д. Яворницького (він, до речі, був випускником Харківського університету), а також М. Дринова, який підтримував родину вченого після його раптової смерті, фактично на злеті наукової кар'єри¹¹. Заслуги М. Халанського у вивченні болгарських церковних стародруків були визнані болгарським урядом, про що свідчать офіційні вітальні листи з приводу 50-річного ювілею вченого та 25-річного наукового. Коло його наукових інтересів не обмежувалось виключно болгаристикою. Одним із напрямів досліджень була творчість кобзарів-лірників, українські народні пісні Харківської губернії та повіту.

Загальнослов'янська тематика не могла не підвести дослідників до української проблематики. Тому так склалось, що значна кількість досліджень була присвячена саме їй. Особлива роль у відстоюванні української мови, пропаганді національних особливостей належала професору М. Ф. Сумцову. Саме він виступив ініціатором введення у 1905 р. до навчального плану курсу української літератури, хоча ця ініціатива так і не отримала підтримки, учений не полишав надії розв'язати існуючу проблему. У 1907 р. Рада Харківського університету схвалила доповідь історико-філологічного факультету про порушення клопотання щодо заснування на факультеті кафедр української мови та літератури, однак і цю пропозицію було відхилено. М. Ф. Сумцов у жовтні все ж почав читати курс історії української словесності, правда, як факультатив та російською мовою¹². А вже в листопаді йому заборонили викладання курсу.

11 жовтня 1906 р. М. Ф. Сумцов надіслав телеграму М. Грушевському до Львова, у якій повідомляв про обрання радою його та І. Франка докторами університету¹³. Микола Федорович активно листувався із Грушевським з 1896 р., принаймні в особис-

тому фонді Грушевського представлені його листи саме цього року. Цікаво, що протягом тривалого часу М. Сумцов листувався із Грушевським російською мовою. Перший україномовний лист датується 1 червнем 1908 р. Учені активно обмінювались різноманітними виданнями, переважно з української проблематики. Звертає на себе увагу цікава репліка щодо прохання надсилати бандеролі з літературою зі Львова на адресу університету, оскільки до приватних осіб вони доходили рідко¹⁴. Можемо припустити, що статус університету як, у першу чергу, наукового закладу, до того ж наділеного певними автономними правами, дозволяв вирішувати окремі проблеми, у тому числі пов'язані з цензурою. М. Сумцов також листувався з іншим відомим галицьким діячем Володимиром Гнатюком. Їх єднали спільні етнографічні інтереси, саме завдяки Гнатюку, який з 1898 р. виконував функції секретаря етнографічної комісії НТШ, Микола Федорович зміг поповнити новими експонатами етнографічний музей у Харкові, ідейним натхненником створення та організатором якого він був¹⁵.

У контексті окресленої проблеми дослідження цікавим є той факт, що М. Дринов мав визнання та можливість розкривати свій потенціал у Росії, оскільки славістичні студії по-своєму виконували функції підтримки імперської політики. Разом із тим, інший не менш відомий на той час дослідник, який дозволив собі стати, власне, як і М. Дринов, на національні позиції, потрапив до категорії майже державних злочинців. Йдеться також про піонера в науці, тільки у даному випадку не філологічній, а політичній. Мова піде про українця М. П. Драгоманова, науковий доробок якого було оцінено як нелояльний до російської імперської моделі. Потрапити до категорії «іншого (чужого)» йому «допомогли» не лише захоплення в 70-х рр. XIX ст. соціалістичними ідеями. «Невиправним та позитивно небезпечним агітатором в краї»¹⁶ М. Драгоманов став через поширення ідей соціалізму та їх наближення до власного, схожого на анархічний, зразок так званого громадівського варіанту та пропаганді ідей загальнослов'янської федерації з відповідними спробами поширювати їх в українському середовищі, модифікуючи зміст традиційно ліберально-поміркованого українського просвітництва у бік відносної радикалізації та політизації. Існував ще один аспект, який сприяв позиціонуванню вченого як небезпечного сепаратиста. Члени київської Старої громади, фактично з ініціативи Драгоманова, почали активно цікавитись «східним питанням». Саме з українських губерній надішли перші пожертви на користь слов'янських повстанців, та були надіслані групи добровольців в 70-х рр. XIX ст. М. Драгоманов, як наголошував І. Лисяк-Рудницький, вбачав у східному питанні специфічно українські національні цілі¹⁷.

Емський указ з'явився за рік до початку чергової російсько-турецької війни, у якій Росія, виправдовуючи «справедливу» війну, використала гасло звільнення балканських християн від турецької неволі. Оскільки 1876 р. розпочинається сербсько-турецька війна як фактичне повстання турецьких васалів, Росія готувала психологічне підґрунтя для походу. У листопаді 1876 р., вже перебуваючи в еміграції, а саме в Женеві, М. Драгоманов пише лист до видавця російської газети «Турки внутрішні та зовнішні». Думки, висловлені в ньому, засвідчували той факт, що вчений значно випереджав свій час у розумінні окремих як внутрішніх, так і зовнішніх російських проблем. «Поставте в Росії на місце турок внутрішніх елементарну людську та національну свободу, турки зовнішні, а далі і будь-яка мадяризація та германізація слов'ян, будь-яка полонізація русинів та ін. не протримається і трьох днів»¹⁸. М. Драгоманов усвідомлював, що посилення утисків по відношенню до українців та України не могло вважатись успіхом внутрішньої політики імперії, оскільки засвідчувало посилення та закріплення ситуації несвободи по відношенню, у першу чергу, самих росіян та інших підданих імперії. Він з особливою силою усвідомлював цінність особистої і суспільної свободи як для українців, так і росіян. Роки проживання в Швейцарії, незначна підтримка українських меценатів, на

гроші яких у Женеві за редагування Михайла Петровича видавався часопис «Громада», були не з легких. Фінансову підтримку було призупинено через принципові ідейні розходження з представниками Старої громади, які залишались категоричними противниками політизації українського руху, про що писав в своїх спогадах О. Кістяковський¹⁹. Лише особисті контакти та авторитетність імені в науковому середовищі дозволили Драгоманову отримати наприкінці 80-х рр. XIX ст. запрошення від болгарського уряду викладати у Софійському університеті. Як бачимо, «іншість» Драгоманова, яка була протрактована як ворожість у Російській імперії, не стала на заваді його визнанню як науковця високого ґатунку в Болгарії. Протягом 1889–1895 рр. учений був професором Софійського університету. Болгарський літературознавець П. Атанасов зазначав, що М. Драгоманов виховував болгарську молодь у дусі свободи й непримиренності до будь-якої тиранії, виростив цілу плеяду вчених, викладачів, своїх послідовників²⁰.

Не менш рельєфно, як на нашу думку, проблеми пошуку ідентичності одночасно в двох імперіях можливо відстежити на прикладі окремої, надзвичайно колоритної постаті М. Чайковського, представника волинської сполонізованої шляхти. Як зазначав І. Лисяк-Рудницький²¹, після поразки польського повстання 1830–1831 рр. він змушений був емігрувати. За дорученням А. Чарторийського*, у 1841 р. вирушає до Стамбулу як політичний агент і близько 30 років проводить у Турецькій імперії. Діяльність його була досить різноплановою – пробував налагодити контакти з кавказькими горцями на чолі із Шамілем, які воювали проти Росії, мав відношення до заснування колонії на Мармуровому морі для польських ветеранів, навіть намагався залагодити конфлікт між балканськими слов'янами та турецьким урядом. Але головною метою М. Чайковського була організація повстання в Україні проти Росії з допомогою донських та кубанських козаків, з якими він мав надію встановити контакти.

Ще до початку Кримської війни М. Чайковський звернувся до султана з пропозицією створити козацький військовий підрозділ для боротьби з Росією. Він став його керівником завдяки наверненню в іслам. Новим ім'ям польського романтика стало Садик-паша, яке він протягом тривалого часу використовував в якості літературного псевдоніму. Кримська війна 1853–1856 рр. завершилась поразкою Росії, але і позицію Туреччини складно було охарактеризувати як значну перемогу. Чайковський не зміг реалізувати свій політичний задум, спробував узяти участь у державному заколоті, та поступово розчарувався у своїх проектах. У цих умовах він вирішив звернутись до Олександра II, нового російського імператора, з проханням про помилування, яке досить швидко отримав. 1873 р. Михайл Чайковський повертається до Росії, оселяється в Чернігівській губернії, у черговий раз змінює віросповідання. Цього разу, і вже остаточно, його вибором стало православ'я. Досить промовистим є лист, який газета «Вольнские губернские ведомости» в № 6 за 1873 р. передрукувала з «Московских ведомостей». У своєму покайному зверненні він наголосив: «...Я постійно переслідував одне головне завдання – зближення поляків із слов'янським світом, з яким їм ніколи не варто було розривати зв'язок... Поляки зобов'язані щиро з'єднатись з російським народом, вірою та правдою служити царю Всеросійському, проїнятих усвідомленням неподільності Великої держави та переконатись, що лише в подібній формі політичного існу-

* Князь Адам Чарторийський належав до найближчого оточення молодого Олександра I, протягом 1804–1806 рр. був міністром закордонних справ Російської імперії; зі зміною оточення імператора відходить від активної діяльності в російській політиці, залучившись до підготовки польського повстання. Був одним із керівників листопадових подій 1830 р. у Варшаві, головою Національного уряду. Після придушення повстання опиняється в еміграції; у Парижі очолював консервативне крило польської еміграції. Активно підтримував антиросійську політику європейських держав напередодні та під час Кримської війни, після її завершення відійшов від активної громадсько-політичної діяльності. Прожив 91 рік.

вання вони можуть зберегти свою народну гідність»²². Звертає на себе увагу той факт, що Чайковський, у всякому разі в цьому конкретному випадку (можемо припустити, що не без підказки з боку російської влади, хоча це потребує уточнення), ідентифікував умовний центр слов'янського світу із Росією. Щодо його особистих ідентифікаційних відчуттів в останні роки життя важко щось сказати, оскільки свідчень про цей період фактично не залишилось, але провів він їх самотником у тихому маєтку в українському Лівобережжі на Чернігівщині.

Підсумовуючи викладене, зазначимо, що конфесійна належність в системі координат «свій-чужий» у XIX ст. займала одну із провідних ролей. Наукові пошуки вчених-славистів, які мали підтримку з боку російської влади, що пояснювалось сприйняттям слов'янської ідеї, фактично як імперської, призвели до прямо протилежних результатів. Дослідження в галузі філології, етнографії, історії неоднозначно вказали на існування мовних та інших відмінностей. Ідентифікаційні процеси в умовах імперій, які перебували у перманентному стані протистояння, «стимулювали» до прийняття непопулярних, але вимушених (з боку влади) кроків. Російська влада, підтримуючи слов'янських підданих Оттоманської імперії та виштовхуючи за свої межі нелояльних до неї власних, тим самим, опосередковано, стимулювала посилення сепаратистських рухів.

¹ Касьянов, Г. В. Українська інтелігенція на рубежі XIX–XX ст. – Соціально-політичний портрет. К., 1993, с. 67.

² Норрис, С. Изображая священную войну: образы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – <http://www.abimperio.net/index.html>. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве.

³ Капелер, А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи. – В: Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997 [електронний ресурс – www.litopys.org.ua].

⁴ Миллер, А. И. Россия и русификация Украины в XIX в. – В: Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997 [електронний ресурс – www.litopys.org.ua].

⁵ Хаген, М. фон. Русско-украинские отношения в первой половине XX в. – В: Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997 [електронний ресурс – www.litopys.org.ua].

⁶ Цвиркун, А. Ф. Украина и украинцы на страницах русской периодической печати в конце XIX – начале XX в. – В: Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. Спецвипуск: Піддані та нащадки імперії Габсбургів і Романових. Ужгород, 2009, с. 47.

⁷ Державний архів Харківської області (далі ДАХО), ф. 962, оп. 1, спр. 4, л. 368.

⁸ Костриця, М. Ю., Р. Ю. Кондратюк. Житомир. Підручна книга з краєзнавства. Житомир, 2006, с. 98.

⁹ ДАХО, ф. 962, оп. 1, спр. 4, л. 365.

¹⁰ Центральний державний історичний архів у м. Києві (далі ЦДА), ф. 2020; ф. 2026, вступ до опису.

¹¹ ЦДА, ф. 2061, оп. 1, спр. 43, л. 1–2; спр. 28; спр. 112.

¹² ЦДА, ф. 2052, вступ до опису.

¹³ ЦДА, ф. 1235, оп. 1, спр. 776, л. 2.

¹⁴ ЦДА, ф. 2052, оп. 1, спр. 302, л. 1–2.

¹⁵ ЦДА, ф. 2052, оп. 1, спр. 301, 302, 303.

¹⁶ Емський указ. – http://ru.wikisource.org/wiki/Эмский_указ; Эмский указ. Источник: Миллер, А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

¹⁷ Лисяк-Рудницький, І. Історичні есе. Из Драгомановських студій. К., 1994, 295–296.

¹⁸ Драгоманов, М. П. Турки внутренние и внешние. – В: Вибране... Мій задум зложити очерк історії цивілізацій на Україні. К., 1991, с. 249.

¹⁹ Кістяківський, О. Ф. Щоденник (1884–1885 рр.). Т. 1. К., 1994.

²⁰ ЦДА, ф. 1617, вступ до опису.

²¹ Лисяк-Рудницький, І. Історичні есе. Козацький проект Міхала Чайковського під час Кримської війни: аналіз ідей. К., 1994, 251–164.

²² Исповедь бывшего эмигранта М. Чайковского. – Волынские губернские ведомости, 1873, № 6, с. 5.

И. Гуменный

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В БЕССАРАБИИ (первая половина XIX века)

Как известно, после Бухарестского мира территория между Прутом и Днестром, впоследствии называемая Бессарабией, была включена в состав Российской империи, а после Крымской войны часть этой же территории вернулась к Румынскому государству. Поэтому период, охваченный нашим исследованием, хронологически варьирует между 1812 и 1853 годами.

Присоединение этой территории к царской империи и превращение ее в приграничную зону после подписания Бухарестского мира 1812 года подняло перед российской администрацией ряд проблем не только экономического, административного или политического характера, но и конфессионального, имея в виду то место, которое должна была занимать Бессарабия в балканской политике России. С одной стороны, данная территория должна была быть интегрирована во все имперские структуры, то есть стать единым целым данного государства и быть руководимой его структурами или же органами, идентичными по структуре и функциям российским. А с другой стороны, территория должна была стать примером «благоразумной, взвешенной и милостивой политики Царя-батюшки» для народов и стран Балканского полуострова, независимо от их религиозной принадлежности.

Нужно отметить и тот факт, что Бессарабия, где большинство населения было православным (по сравнению, например, с северо-западными губерниями, где большинство составляли католики и униаты), отличалась от других территорий европейской части, присоединенных к Российской империи. Местное население было отторгнуто от собственной государственности, традиций и институтов, которые теперь должны были быть заменены российскими. Именно вышеупомянутые реалии и повлияли на эволюцию религиозной политики царской администрации в данном регионе.

Одним из первых действий центральной царской администрации было вовлечение территории Бессарабии в конфессиональные структуры Российской империи. Так, 21 августа 1813 года в Тильзите Александр I подписал декрет об образовании Кишиневской и Хотинской Епархии, которая включала в себя части Проилавской, Хушской, Ясской и Радауцкой епархий, принадлежавших ранее к Молдавской Митрополии. К ним были присоединены и церкви, находящиеся между Днестром и Бугом (852 прихода). Во главе новой церковно-административной единицы был назначен Гавриил Бэнулеску-Бодони в должности «Экзарха и Митрополита», который должен был решать проблемы православного населения с помощью Собора, Архиерейского дома и который подчинялся напрямую Святейшему Синоду в Санкт-Петербурге¹.

Следовательно, единственным различием, существовавшим в администрации Православной церкви Бессарабии и Русской Православной Церкви (РПЦ) – присутствие Дикастерии (вместо консистория) – различие, которое просуществовало не долгое время, так как 18 мая 1832 года по указу императора это учреждение было преобразовано в Духовную Консисторию².

В то же время стараниями экзарха Г. Бэнулеску-Бодони в Кишиневе была открыта теологическая семинария (январь 1813 г.), которая осуществляла свою деятельность

по программе, подготовленной имперскими органами. Так же, как и типография при Митрополии, открытая в мае 1814 года, где был напечатан целый ряд церковных книг, переведенных с русского языка с соблюдением всех канонических норм РПЦ и где речи не могло быть о существовании Ясской митрополии³.

Представители религиозных меньшинств также вовлекались в структуры Российской империи. Католики Бессарабии, которые до 1812 года относились к католической епископии Бакэу, по императорскому указу были подчинены католическому митрополиту в Могилеве – Станиславу Богушу-Сестренцевичу, спиритуальному предводителю католиков России. К 1814 году последний перевел католические parroхии Бессарабии в подчинение католическому епископу Каменец, а декретом от 20 февраля 1819 года католический епископ Каменец был уполномочен надзирать над всеми католическими приходами между Прутом и Днестром, включая и те, которые были созданы в колониях⁴.

После улучшения отношений между Российской империей и папством был подписан конкордат 1847 года, в котором затрагивались проблемы устройства и подчинения католиков южной России. В 1848 году, в соответствии с буллой папы Пия IX, была создана Херсонская католическая епархия, куда вошли и приходы Бессарабии. Центр этой новой католической церковно-административной единицы в 1852 году был переведен в Саратов, а в 1856 году – в Тирасполь⁵.

Таким образом, мы можем говорить о единой тенденции, присущей католической и православной конфессиям, а именно: подчинение в административном и церковном плане верующих Бессарабии центральным органам империи.

21 мая 1830 года генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии был принят указ, утвержденный Николаем I, в котором говорилось о сильно возросшем числе армян в Нахичеване, Григориополе, Карасубазаре и других городах юга России. Для более эффективного администрирования данной конфессии создавалась епархия Нахичевана и Бессарабии, помимо уже существующей епархии, во главе с грузинским епископом Нерсесом⁶.

Таким образом, армяно-григорианская церковь в Бессарабии составляла одну из шести епархий, существующих в России. В ее состав также входили армянские приходы Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринослава, Херсона, Ростова и Таганрога. Епископ данной епископии подчинялся патриарху в Ечмиадзине – главному католику армянского (хайканского) народа, резиденция которого находилась в Кишиневе до 1875 года⁷. Вследствие указа от 21 мая 1830 года, по существу, были прерваны все связи между армянами Бессарабии и армянами, которые проживали на румынских территориях, так как в начале русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Григоре Захарян был хироторисирован епископом армян Молдо-Влахии. После окончания войны Захарян обосновался в Кишиневе в звании архиепископа армян Бессарабии; армяне же Молдавского Княжества и Валахии остались под своей юрисдикцией⁸.

Другим конфессиональным меньшинством, появившимся после 1812 года на территории Бессарабии, были лютеране-евангелисты, состоящие в большинстве своем из немцев-колонистов, прибывших сюда после 1814 года, и из людей на службе Российской империи.

По существу, проблема организации протестантско-лютеранской церкви существовала и в пределах Российской империи. Этот вопрос поднимался еще в 1819 году. Из-за проволочек, которые были присущи русской администрации, и, конечно, благодаря бюрократическому аппарату, который работал крайне медленно, специальная комиссия для решения данной проблемы была создана лишь 22 мая 1828 года. Вследствие деятельности этой комиссии 28 декабря 1832 года был издан императорский Указ об организации евангелическо-лютеранской церкви на территории всей Российской империи⁹.

Согласно новому закону, во главе этой конфессии стоял Генеральный Синод Евангелическо-лютеранской церкви, а административным органом стал Верховный консисторий в Санкт-Петербурге во главе с председателем, назначаемым из светских лиц. Для более эффективного управления представители лютеранской конфессии были поделены на восемь дистриктов. Первый провинциальный консисторий состоял из лютеранских церквей, находящихся в Санкт-Петербурге, Новгороде, Пскове, Вологде, Олонецке, Архангельске, Костроме, Ярославле, Смоленске, Чернигове, Волыни, Подольске, Киеве, Полтаве, Екатеринославе, Тавриде, Херсоне, Одессе и Бессарабской области¹⁰.

Примеры, приведенные выше, по нашему мнению, показывают, что с административной точки зрения главной целью религиозной политики, проводимой царской администрацией в Бессарабии как приграничной зоны Империи было подчинение всех конфессий центральным органам власти и унификация системы управления, существующей в России.

Другим направлением конфессиональной политики Российской империи в прутонднестровском междуречье была организация мероприятий, направленных на создание в недавно присоединенной территории, которая являлась в то же время и приграничной, этничности как можно более лояльной императорской власти. Другими словами, конфессиональная политика составляла часть политики русификации, осуществляемой царским административным аппаратом.

В данной ситуации мы можем согласиться с концепцией Алексея Миллера, сводящейся к тому, что нельзя говорить о единой политике русификации, которая бы применялась на всей территории Евразийской Империи, но можно утверждать о наличии различных форм политики русификации, которые использовались в зависимости от контекста их применения и вытекали из многих факторов, то есть нужна концептуализация феномена с ситуациональной точки зрения¹¹. Тот же автор указывает на значимость проекта формирования новой русифицированной нации или культурной экспансии во многих регионах в глазах русификаторов, а также реальных и объективных врагов. В случаях, когда фактор, препятствующий русификации, оказывался довольно сильным, оптимальным вариантом для достижения желаемого, хотя бы на короткий период, считалось сохранение или искусственное создание специфической национальной идентичности, нужной для последующей реализации некоторых проектов по ассимиляции и культурному консолидированию¹².

Именно в такие рамки может быть поставлена и русская конфессиональная политика, которая являлась составной частью комплексных мер, используемых на территории Бессарабии с целью русификации или создания национальной идентичности, наиболее лояльной императорскому престолу. Так же ни в коем случае нельзя приравнивать процессы, которые происходили в северо-западных губерниях империи и Бессарабии. В первом случае речь идет о славянском населении, где довольно сильно проявлялась католическая вера (в первую очередь среди поляков) и где процесс русификации был способом обращения католиков в православие и привлечения населения к официальной «царской вере»¹³.

В Бессарабии население большей частью было православным, но без никаких славянских корней (славянский элемент присутствовал, но он не был доминирующим и не идентифицировал этнос). К этому надо добавить и тот факт, что за Прутом, который стал границей, находилось государство, в котором жили люди с идентичной этнической составляющей, культурой и языком, что в значительной мере усугубляло ситуацию в регионе.

Эти факты в конечном счете и составили те предпосылки, которые легли в основу преобразований, осуществленных царской администрацией, что не могло не повлиять на церковную жизнь данной территории. Все же надо отметить, что организация епархии Кишинева и Хотина и ее подчинение Санкт-Петербургскому Святому Синоду не было единственной мерой по отношению к местной православной церкви.

Именно институция Православной церкви Бессарабии была использована царской администрацией в целях русификации края. Так, после смерти митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони на его должность назначались священнослужители из внутренних губерний России, которые не считались со спецификой региона и менталитетом бессарабского населения, преследовавшие своей целью денационализацию местных жителей¹⁴. Более того, наряду с другими административными структурами, православная церковь стала инструментом, посредством которого русский язык с большим упорством насаживался в бессарабском обществе, заменяя по возможности румынский язык. Таким образом, целенаправленная политика русификации привела к тому, что церковные службы начали проводиться на русском языке, который не являлся родным для населения Бессарабии и не был понятен большинству. В обязательном порядке русский язык был введен также в семинарии и в печатные издания религиозной литературы.

Филорусски направленная деятельность церкви этим не ограничивалась. Во второй половине XIX века, во время епископа Павла Лебедева, дело дошло до закрытия епископальной типографии и до полного запрета печатать книги на румынском языке. Румыноязычных священников стали переводить во внутренние губернии России, а русскоязычных – в Бессарабию. Как результат – закрытие православных заведений, считавшихся центрами румынской традиции¹⁵.

По отношению к католической церкви Бессарабии проводилась специфическая политика. Во-первых, надо иметь в виду, что данная конфессия в своем большинстве состояла из поляков. И хотя, с одной стороны, царская администрация должна была показывать свое «гуманное лицо» в отношении к неправославным религиям, но на самом деле она поощряла политику притеснения католической церкви. Именно такой политикой можно объяснить трудности, с которыми сталкивались представители католиков Бессарабии в случаях, когда речь заходила о реконструкции или возведении нового костела. И этим же объясняется существование к 1852 году на территории между Прутом и Днестром только пяти католических приходов – в Кишиневе, Бельцах, Хотине, Красне и Измаиле¹⁶.

В этом контексте весьма показательна представленная ниже информация. Известен тот факт, что еще в 1820 году католическое сообщество Измаила создало комитет по строительству католической церкви. Вескими аргументами в пользу необходимости строительства храма были рост римско-католического населения города, существование в Измаиле порта, в который заходило немало купцов, в том числе католического вероисповедания. Но данная проблема была задвинута в долгий ящик, и только 24 февраля 1825 года императорским указом был решен вопрос финансирования католического священника из Измаила по 500 лей в год из местного бюджета Бессарабии¹⁷.

В 1829 году прошение Людовика Войцеховского, подписанное еще 12 лицами, о строительстве и о помощи со стороны государства католической церкви в этом городе, рассматривалось государственным секретарем Логиновым¹⁸. Впоследствии, 31 января 1831 года, было опубликовано письмо генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, где сообщалось: по решению Комитета министров приказано заплатить католическому священнику по 600 лей годовых и, кроме этого, дать ему в пользование 30 десятин земли. В финансировании же постройки церкви было отказано. Комитет министров аргументировал это тем, что в Измаиле мало католиков и что для них существует место для проведения религиозных обрядов¹⁹. В конечном счете, завершение строительства католической церкви в Измаиле закончилось лишь во второй половине XIX века.

Приблизительно такую же ситуацию наблюдаем и в случае строительства католической церкви в Кишиневе, где впервые данный вопрос затрагивался еще в 1834 году. Хотя на сей раз царское правительство выделило на эти цели 20 000 рублей из фондов Бессарабской области, строительство и освещение католической церкви в административном центре Бессарабии было осуществлено лишь в 1843 году²⁰.

Прошение о строительстве католической церкви, на этот раз в Хотине, как и в двух предыдущих случаях, также не было удовлетворено Министерством внутренних дел Российской империи. В письме, адресованном генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии, говорилось, что из 10% капитала Бессарабии средства были распределены для других нужд этой области, и отчисление денег для строительства латинской церкви неоправданы, тем более, что данная конфессия в городе является меньшинством, а в Хотине нет еще хорошей православной церкви. И поскольку город находился в непосредственной близости к Подольской губернии, то советовалось, чтобы католики из этих мест посещали подольские католические церкви²¹.

В 1844 году был принят новый императорский указ о создании новых католических приходов в западных губерниях империи. По данному закону, все католические приходы были разделены на пять классов в зависимости от финансовой поддержки, которую получал священник. Поэтому создание новых церковно-административных единиц или их переделывание становилось приоритетом Министерства внутренних дел²².

Таким образом, посредством политики колонизации царская администрация практически не могла открыто запретить экстензию этой конфессии. Но, с другой стороны, как показано выше, католическая конфессия состояла в основном из поляков. И появление новых римско-католических приходов в ведении государственного служащего означало не что иное, как появление новых антиимперски настроенных центров, т. е. идеи, пропагандируемые польскими патриотами, находили отклик в Бессарабии. Из-за этого практически все католические парафии были поставлены под наблюдение полиции, чтобы в любой момент можно было быстро отреагировать на любые действия или слухи с негативным оттенком по отношению к царской администрации или же персоне самого царя, как произошло, например, после польского восстания 1830–1831 годов²³.

Естественно, это не случайно, имея в виду, что церковь в то время была главным центром, посредством которого распространялась информация. Если брать во внимание тот факт, что большинство католиков являлось поляками, а также то, что польские территории, вошедшие в состав Российской империи, находились в непосредственной близости от Бессарабии, становится ясным стремление царской администрации максимально сократить число католических приходов в этом регионе.

Еще в 1812 году П. Н. Батюшков замечал, что в Бессарабию переехало много поляков, которые принесли с собой немало слухов, беспокоивших местное население²⁴. Естественно, что ситуация обострялась, когда в самой Польше происходили разного рода волнения. Так, после восстания 1830 года среди населения, по данным полиции, ходили слухи о том, что для восстановления Польши Россия будет атакована Францией с суши и Англией с моря. Армии, которые предполагали задействовать в военных действиях, будут насчитывать около 60 000 поляков. В ожидании войны вся артиллерия из Измаила и Бендер была выведена из строя; поляки из Вольни и Подолии посредством тамошних евреев подготовили 50 000 ведер отравленной водки для русских²⁵. Естественно, что такие слухи распространялись намеренно, чтобы под подозрение попали в первую очередь некоторые представители офицерского состава, которые участвовали в подавлении польского восстания, а также и весь католический клир, так как церковь считалась главным распространителем этих слухов. Поэтому и в последующие годы церкви католиков оставались под постоянным надзором полиции.

Польское восстание 1863 года также не могло не оставить свой отпечаток в крае. В октябре того же года генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии оповестил кишиневское начальство, что владеет информацией, согласно которой в Бессарабию были направлены представители «польской жанты» с целью сбора суммы, составляющей 10% доходов поляков или их зарплат. По его данным, представители восставших останавливались у свя-

щенника католической церкви Кишинева Цвигли или у врача Павловича²⁶. И несмотря на то, что информация генерал-губернатора не подтвердилась²⁷, католический священник Цвигли остался и дальше под наблюдением полиции. События, произошедшие в Польше, заставили центральные власти посредством циркуляра Министерства внутренних дел ограничить передвижение католических священников на территории империи²⁸.

В то же время в Бессарабии проживали поляки, которые действительно сочувствовали восставшим. Например, в рапорте шефа полиции города Хотина к гражданскому губернатору Бессарабии, отмечалось, что 28 мая 1864 года в римско-католической церкви города священником Иоанном Лозинским была проведена служба за упокой погибших восставших в прошлом и нынешнем годах²⁹. Вследствие чего священник был выслан в Пензенскую губернию, где ему было запрещено проводить любого рода службы. Последующая просьба Иоанна Лозинского о возвращении в Хотин, а также ходатайства его племянницы Марии Кмит, ссылавшейся на манифест от 9 мая 1867 года, были отклонены. Священник оставался и дальше в ссылке³⁰.

Тот факт, что католики являлись конфессиональным меньшинством, повлиял на процесс их обращения в православную веру; здесь по отношению к ним не проводилась строгая политика, как это происходило в северо-западных губерниях империи. Тем не менее, на территории Бессарабии были отмечены отдельные случаи перехода католиков в православие, но документальных данных о массовом переходе нет³¹. В большинстве случаев такие переходы происходили не искренне, ввиду принятия и понимания православной веры, а из-за материальных соображений. Иногда для роста по иерархической лестнице, так как для католиков чинились препятствия, или же тогда, когда представители данной конфессии ставились перед выбором: оставаться в заключении или выйти на свободу³².

Совсем иным было отношение к евангелистическо-лютеранской конфессии, равно как и по отношению к армянам. В этих случаях речь может идти о совокупности факторов, которые в общих чертах никак не мешали интеграции данной территории в общую административную и культурную систему империи. Во-первых, протестантская конфессия имела небольшое количество верующих (к 1842 году численность лютеран не превышала 15 000)³³. Большинство из них составляли колонисты, пришедшие в Бессарабию с согласия администрации империи и должны были выполнять поставленные условия. Более того, данная конфессия, в отличие от католической или православной, составляла изолированное сообщество, которое не имело прочных связей с остальным немецким миром, находившимся на относительно большом расстоянии от Бессарабии. По своему характеру немцы-лютеране были более уступчивыми и лояльными, нежели поляки-католики, которые тяготели к восстаниям и восстановлению национальной государственности с последующим выходом из Российской империи. Другим не менее важным фактором служило то, что многие лютеране занимали довольно высокие посты в царской администрации (как в центральных, так и в локальных бюрократических органах), имея при этом возможность влиять на принятия различных решений.

Считается, что именно эти факторы повлияли на умеренно мягкую политику центральных органов власти на территории Бессарабии по отношению к лютеранам-евангелистам. Для удовлетворения их духовных потребностей почти без промедления высылались священники для проведения религиозных обрядов, разрешалось и, по мере возможности, финансировалось строительство церквей и других помещений культа. Помимо этого, лютеранам разрешалась организация разных сообществ и даже проведение локальных евангелистическо-лютеранских соборов³⁴.

Уже в 1814 году был издан декрет Министерства внутренних дел, который позволял немецким колонистам из герцогства Варшавского заселяться в Бессарабии на тех же условиях, на которых проживали здесь сербы и болгары. Более того, так как данное

мероприятие считалось довольно обременительным, Министерство внутренних дел должно было определить размер субсидии, выдававшейся этой части населения³⁵.

Сам процесс начался с колонизации 31 германской семьи из Варшавского герцогства в зону Буджака на основании манифеста 1813 года о правилах и привилегиях колонистов, который дополнял манифест 1804 года. По этому закону колонисты освобождались на 10 лет от всех повинностей по отношению к государству. Малообеспеченные семьи получали помощь в размере 270 рублей серебром. Каждой семье выдавалось по 60 десятин земли, по паре волов и коней, две коровы. Они также освобождались от военной повинности и имели право на свободу религиозных верований. По существу, именно эти условия стали камнем преткновения, когда часть колонистов отказалась присягнуть царю, аргументируя свой поступок тем, что вышеуказанные условия не выполняются³⁶.

Колонизация немецким населением юга империи, являясь элементом политики царской администрации, приводит к тому, что Бессарабия и Новороссия становится одним из главных центров лютеран-евангелистов в Восточной Европе после региона Волги.

Переселение «инородцев» в пределы Российской империи осуществлялось на основе манифеста 1763 года императрицы Екатерины II. Быстрый рост этого сегмента населения привел к пересмотру условий колонизации внутренних территорий империи. Закон пересматривается во время правления Александра I. По новому регламенту, который был принят 20 февраля 1804 года, в России разрешалось обосновываться только людям замужним, не бедным, с примерным поведением и хорошим знанием сельского хозяйства³⁷.

Главными причинами миграции немцев из Польши в Бессарабию были, с одной стороны, экономический упадок данного региона вследствие наполеоновских войн, а с другой – конфессиональное преследование со стороны местного польского населения. Вновь прибывшим выделялась территория в Аккерманском уезде, равная 115,5 десятин земли, расположенная между речками Когылник, Сэрата и Чиаги³⁸.

Период между 1812 и 1817 годами был временем, когда данный регион интенсивно заселялся колонистами. Примерно за пять лет было создано 13 колоний: Тарутино, Арциз, Клостиц, Лейпциг, Теплиц и др. С 1817 года и до середины XIX века численность колоний растет и достигает 25: к старым колониям добавляются Лихтенталь, Гнаненталь, Фриденталь, Денвиц и др.³⁹

Как названия новых поселений-колоний, так и информация о конфессиональной принадлежности населения свидетельствуют о преобладании в этом регионе лютеран. Те же «поляки» были родом из зоны Вюртемберга. Цифры, которые относятся к конфессиональной принадлежности колонистов, показывают: из 1743 семей, переехавших из герцогства Варшавского, только 141 семья была католическая (6,9 %); остальные принадлежали евангелистам-лютеранам. К середине XIX века число католиков в рядах колонистов не превышало 5%⁴⁰.

Для более тесного сотрудничества с новым населением Военный и гражданский губернатор Бессарабии генерал-майор Гартинг просил направить из Херсонской губернии католических патеров и лютеранских пасторов, согласно привилегиям для такого вида служителей в Новороссии. В соответствии с этими привилегиями, священным лицам лютеранской конфессии полагалась зарплата в размере 400 рублей, а католикам – 300 рублей годовых, равно как освобождение на 10 лет от повинностей, кредит из государственной казны в размере 300 рублей католикам и 600 лютеранам для обзаведения хозяйством, 120 десятин земли для пасторов и 60 десятин для патеров плюс еще по три десятины на постройку дома и хозяйственных помещений, 600 рублей на транспорт⁴¹.

Прошение губернатора было одобрено. Так, в 1843 году на запрос некоторых командиров воинских частей о возможности военным лютеранского исповедания осуществлять церковные обряды, администрация Бессарабии указывала, что таковые мо-

гут обратиться к священникам из Тарутино, Арциза, Сараты и Фреденсталя⁴². По существу, привилегиями были наделены не только лютеранские патеры, но и все представители данной конфессии – на этот счет существует целый ряд императорских указаний⁴³.

Лютеране жили не только в колониях, отдельное конфессиональное сообщество образовалось в Кишиневе. Оно за короткое время становится довольно сильным и к 1828 году поднимает вопрос о строительстве лютеранской церкви в административном центре Бессарабии. Вследствие долгой корреспонденции с центральными и местными органами власти к 1834 году просьба была удовлетворена. Строительство евангелическо-лютеранской церкви, по отчетам Лютеранского сообщества, завершилось в августе 1837 г., а в следующем году она была освящена священником Гелвигом, который и был назначен в этот приход. Приведем любопытный факт, заслуживающий внимания: для строительства церкви выделялось 20 000 рублей из 10% государственного бюджета, который оставлялся для нужд области, по причине того, что данное общество не имело возможности самостоятельно собрать нужную сумму денег. Половина из этой суммы должна была быть выдана в качестве благотворительности, а остальные 10 000 рублей как кредит. Как и в случае кредитов, предоставлявшихся колонистам для постройки хозяйств, и эта сумма в конечном итоге была списана, так как лютеранское сообщество не смогло ее собрать через пожертвования⁴⁴.

По существу, это первый прецедент в Бессарабии, когда выделялись деньги из государственной казны для постройки своей церкви неправославной конфессии. Именно этот случай использовался позже католиками для прошения денег от государства на постройку в Кишиневе костела⁴⁵.

Помимо культовых сооружений вокруг лютеранской церкви, немного позже было возведено здание школы для детей лютеран из города⁴⁶. Для сравнения: католическая школа в Кишиневе была открыта только к началу XX века.

Отдельной проблемой является религиозная политика царской администрации по отношению к евреям. По сравнению с другими губерниями России, евреи Бессарабии получили право на проживание в городах, что делало регион довольно привлекательным для представителей этой национальности. За очень короткое время во всех городах, находящихся на территории между Днестром и Прутом, появились еврейские общины (некоторые из них проживали на этой территории еще с XVIII века)⁴⁷, при которых существовали одно или несколько мест для проведения религиозных служб. Кроме того, практически каждое еврейское сообщество имело свои культурные и благотворительные организации, находящиеся под руководством представителей сообщества. Единственным табу, которого не всегда придерживались, был запрет селиться в зоне 50-ти верст от границы империи⁴⁸.

За исключением упомянутого выше условия, еврейские сообщества имели фактически полную свободу для осуществления всех обрядов религиозной жизни. Эти условия сделали возможным приезд и проживание на территории Бессарабии к началу XX века 352 000 евреев, духовные запросы которых обслуживали 365 синагог и молитвенных домов⁴⁹.

Весьма показательно, что из всего числа обращенных в православие на территории Бессарабии количество евреев является самым большим. Переход в православие осуществлялся ими не по причине давления со стороны царской администрации, а из-за материальных преимуществ, которые представлялись при переходе евреев в православие⁵⁰.

Довольно специфичной была имперская политика и по отношению к разным сектантским движениям, появившимся на территории прудо-днестровского междуречья, большинство из которых возникли на территории России.

Впрочем, данная тема – предмет отдельного исследования. Отметим лишь, что отношение царской администрации к этим конфессиям во внутренних губерниях империи было намного строже, чем в Бессарабии. Представители сект, которые

доктринально совсем отошли от христианской веры, какими, например, были субботники, как в Бессарабии, так и во внутренних губерниях России, высылались на Кавказ. В отношении же приверженцев сект, появившихся в результате раскола русской православной церкви, проводилась более снисходительная политика в Бессарабии, чем во внутренних губерниях⁵¹. Отмеченное различие можно объяснить только политикой, направленной на усиление славянского элемента путем стимулирования его роста в этом пограничном регионе.

Интересно отметить и то обстоятельство, что внимание к сектам в религиозной политике царской администрации в Бессарабии слабеет вместе с ростом здесь числа колонистов, прибывших из Сербии, Болгарии и России. Данный факт приводит к мысли, что сектанты, в большинстве своем имея славянские корни, были использованы на этой территории как носители славянской культуры, а их расселение имело целью создание благоприятных предпосылок для русификации края.

Таким образом, анализируя конфессиональную политику Российской империи на своих западных границах, можно отметить определенную специфику для территории Бессарабии. Во-первых, имело место реорганизация и реориентация всех религиозных структур края, конечная цель которых – максимальная централизация и подчинение центральным органам церковной и светской власти в Санкт-Петербурге. В то же время пресекались любые отношения с идентичными структурами по правый берег Прута. Конфессиональная политика Российской империи в Бессарабии была составной частью комплексной системы мер, направленных на более активный процесс русификации населения этого региона, или, по крайней мере, на создание национальной этничности, максимально лояльной к центральной власти и царю. Преследуя эту цель и опираясь на православную церковь, российская администрация вводила русский язык в различные структуры власти региона и среду общения местного населения.

Католическая церковь, представленная в своем большинстве поляками, являлась наибольшей преградой для достижения поставленной цели. По этой причине ее деятельность и развитие тормозились всеми возможными методами (из-за антиимперских и антирусских идей, преобладающих у поляков), избегая, по возможности, недовольства католических государств. По отношению к лютеранской, армянской и иудейской религиям, преобладала лояльная позиция властей, так как эти конфессии не представляли большой опасности как для политики, проводимой царской администрацией в Бессарабии, так и для единства империи.

Что же касается разных сект, появившихся в результате схизмы русской церкви в XVII веке, то они считались носителями славянского культурного элемента на территории Бессарабии, который был сопутствующим элементом русификации.

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. 32. СПб., 1914, с. 683; См.: *Ciobanu, Șt. Basarabia. Chișinău*, 1993, с. 287.

² ПСЗ. Собрание 2-е. Т. 7, с. 318. По существу, эти две инстанции различались только по названию, так как функции, которые они выполняли, были идентичными. По другому и не могло быть, так как организация Кишиневской и Хотинской епархий была поручена Гавриилу Бэнулеску-Бодони, который, как известно, был обучен и служил изначально в Русской церкви, занимая разные должности практически по всей иерархической лестнице. Таким образом, он был хорошо знаком с устройством этой церкви, и когда в 1808 г. был назначен ексархом Православной церкви в Молдавском княжестве и Валахии, то попытался организовать таким же образом церковь и там. Но в результате подписания Бухарестского мира и с уходом российской армии с этих территорий, Бодони был вынужден оставить занимаемый пост, а свои реформы он провел на территории Бессарабии (см.: *Vitropolitul Gavriil Bănulescu-Bodoni. Chișinău*, 2004).

- ³ *Nistor, Ion*. Istoria Basarabiei. Chişinău, 1991, 226–227.
- ⁴ *Саганова, Н.* Кишиневский Римско-католический приход «Божественного проведения» в первой половине XIX века. – *Analecta catolica*, 2005, № 1, с. 122.
- ⁵ Там же, с. 123.
- ⁶ Национальный Архив Республики Молдова (далее НАРМ), ф. 2, инв. I, д. 1536, с. 1.
- ⁷ *Ciobanu, Şt.* Указ. соч., с. 314.
- ⁸ *Poştarencu, Dinu*. Anexarea Basarabiei la Imperiul Rus. Chişinău, 2006, с. 211.
- ⁹ ПСЗ. Собрание 2-е. Т. 76, с. 956.
- ¹⁰ Там же, с. 991.
- ¹¹ *Миллер, А.* Русификации: классифицировать и понять. – *Ab Imperio*, 2002, nr. 2, 135–136.
- ¹² Там же, 144–145.
- ¹³ Термин заимствован из статьи М. Долбилова. См.: *Долбилов, М.* «Царская вера»: массовые обращения католиков в православие в северо-западном крае Российской империи (1860-е гг.). – *Ab Imperio*, 2006, nr. 4.
- ¹⁴ *Ciobanu, Şt.* Указ. соч., 284–302.
- ¹⁵ *Nistor, Ion*. Указ. соч., с. 232; *Boldur, Al.* Istoria Basrabiei. Bucureşti, 1992.
- ¹⁶ *Саганова, Н.* Указ. соч., с. 132.
- ¹⁷ НАРМ, ф. 2, инв. I, д. 1375, 1–2.
- ¹⁸ Там же, с. 5.
- ¹⁹ Там же, 10–11.
- ²⁰ *Саганова, Н.* Указ. соч., 134–147.
- ²¹ НАРМ, фонд 2, инв. I, д. 3929, 16–17.
- ²² <http://www.bessarabia.ru/biserica7.htm>
- ²³ *Саганова, Н.* Указ. соч., с. 128
- ²⁴ Там же, с. 126
- ²⁵ Там же, с. 128
- ²⁶ НАРМ, ф. 2, инв. I, д. 7641, 1–2.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же, д. 7641, с. 1.
- ²⁹ Там же, д. 7640, 1–3.
- ³⁰ Там же, с. 53–54.
- ³¹ См.: НАРМ, ф. 2, инв. I; ф. 4, инв. II; ф. 205, инв. I–V.
- ³² НАРМ, ф. 2, инв. I, д. 5838, 1–2.
- ³³ Там же, д. 3704, с. 2–27; д. 4282, 7–7в.
- ³⁴ НАРМ, ф. 7, инв. I, д. 1–25.
- ³⁵ ПСЗ. Т. 31, с. 734.
- ³⁶ Там же, т. 32, 842–843.
- ³⁷ *Лиценбергер, О. А.* Римско-католическая Церковь в России: История и правовое положение. Саратов, 2001, с. 143.
- ³⁸ <http://www.bessarabia.ru/rus2.htm>
- ³⁹ *Кабузан, В. М.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровия (конец XVIII–первая половина XIX в.). Кишинев, 1974, 147–148.
- ⁴⁰ <http://www.bessarabia.ru/rus2.htm>
- ⁴¹ ПСЗ. т. 32, 842–843.
- ⁴² НАРМ, ф. 2, инв. I, д. 4612, 1–2v.
- ⁴³ <http://www.bessarabia.ru/rus2.htm>; ПСЗ. Собрание 2-е.
- ⁴⁴ См.: *Gumenăi, Ion*. Unele considerații privind construcția bisericii evanghelico-luterane din Chişinău. – «In honoreum Pavel Cocârlă». Chişinău, 2006, 241–247.
- ⁴⁵ *Саганова, Н.* Указ. соч., 134–147.
- ⁴⁶ См.: НАРМ, ф. 7. Более того, во время посещения в 1877 г. Кишинева Александром II и по поводу своего дня рождения император подарил лютеранской церкви 500 рублей; тем самым открывался фонд царя Александра II при лютерано-евангелической церкви, предназначенный для воспитания детей. Такой жест со стороны императорской персоны не был единственным: в 1886 г. императорской властью для пополнения фонда будет выделено еще 2000 рублей.
- ⁴⁷ *Ciobanu, Şt.* Указ. соч., с. 319.
- ⁴⁸ НАРМ, ф. 2, инв. I, д. 1452 и др.
- ⁴⁹ *Ciobanu, Şt.* Указ. соч., с. 316.
- ⁵⁰ См.: НАРМ, ф. 2, инв. I.
- ⁵¹ Там же, ф. 6, инв. II, д. 75.

А. Андреев

РУСКИТЕ СЛАВЯНСКИ КОМИТЕТИ И ИДЕЯТА ЗА ОБЩ „СЛАВЯНО-РУСКИ ЕЗИК“

Поражението на Русия в Кримската война я лишава за около две десетилетия от активна политика на Балканите. Клаузите на Парижкия мирен договор (1856) дават големи възможности на западноевропейските държави за завоюване позиции на Балканите в ущърб на Русия, която не желае да се откаже от региона, считан от Санкт Петербург за традиционна руска сфера на влияние. В сложната международна обстановка правителството търси нови механизми за противопоставяне на Запада. Последното е една от най-важните задачи на сформирания след войната Славянски комитет със седалище Москва (1857–1858). В следващите години такива общества се появяват в Санкт Петербург (1867), в Киев (1869), в Одеса (1870), в Казан, като отдел на Московския комитет (1877). Славянските комитети далеч не изчерпват славянската идея, а представляват едно от различните ѝ проявления. Славянската идея се изповядва още преди тях от т.нар. „славянофили романтици“. Това са учени занимаващи се със славянска история, фолклор, история на езика, славянска литература и т.н. От 80-те години на XIX в. особено популярна идеология е панславизмът. Появил се в предишните десетилетия, той се активизира в края на XIX в. Тук се включват идеите за обща славянска империя (под руско ръководство) и прекрояване на границите в Източна и Централна Европа. Немалка част от дейците на славянските комитети откриваме през 80-те–90-те години на XIX в. в редиците на руските панслависти. Разграничителната линия между славянофили и панслависти не може да се постави точно. Идеи на панславизма присъстват и сред дейците на славянските комитети, известни руски панслависти пък споделят твърде умерени виждания за бъдещето на славянството и избягват крайностите. В тази разработка се има предвид разграничаването на руския панславизъм от южнославянския (сръбски и хърватски) и от чешкия, макар че не може да се отрече влиянието на идеите на руските панслависти, най-вече върху възникването и развитието на южнославянския панславизъм.

Славянофилите играят двойка роля в българската история. Преди 1878 г. интересите им съвпадат с тези на българското общество. През този период комитетите се ангажират с пропаганда на православната и славянската идея, подпомагат учебното дело, дават възможност на много българи да получат образование в руски учебни заведения, подкрепят българската позиция в спора с Цариградската патриаршия, информират руското общество за жертвите през Априлското въстание и т. н. Славянофилите считат, че така подкрепят и развиват славянското движение.

Водени от същата идея, комитетите играят доста по-различна роля през последната четвърт на XIX в. Те са последователни противници на Съединението, на княз Александър Батенберг, Стефан Стамболов, княз Фердинанд и водят политика за децентрализация на България с всякакви средства. Тази промяна е свързана с разбирането на интересите на славянството и на Русия в частност. Необходимо е да се отчита, че за славянофилските дейци тези интереси се припокриват. Славянските комитети са призвани да провеждат руската външна политика. В някои случаи те отстояват позиция, различна от официалната, но това не е отклонение от първоначалния замисъл при създаването

им – утвърждаване на руското влияние на Балканския полуостров и сред славяните в Австро-Унгария и противопоставяне на западните велики сили.

Темата за славянофилските организации присъства в трудовете на редица български и руски историци. Някои от тях изследват цялостното развитие на комитетите до 1876 г. или до 1878 г. Други съсредоточават изследванията си върху политиката им по важни събития в българската история – например Априлското въстание и годините след него до Освободителната война. В изследванията за България и за славянофилите след 1878 г. се акцентира върху външната политика на Русия. Проблемът с руската намеса при отстраняването на княз Александър Батенберг и организирането на русофилските бунтове в дунавските гарнизони е широко коментиран в българската историческа наука¹.

През 1871 г. сред дейците на славянските комитети (включително с участието на българи) се появява идеята за претопяване на съществуващите славянски езици в единен общ „славяно-руски език“. Предвижда се първоначално финансиране на начинанието, както и първите проучвателски дейности за реализиране на идеята. Настоящата работа си поставя за цел изясняване на предисторията на този проект на фона на руската политика, опитите за реализацията му (с привеждане на нови документи) и предпоставките за неуспеха и скорошния отказ от въпросната идея. Московският е първият създаден славянски комитет. Той започва работа в края на 1857 г., а получава официално утвърждаване от държавата на 26 януари 1858 г. При учредяването му важна роля играят редица българи – дейците от Одеското българско настоятелство и Найден Геров. Някои автори разглеждат създаването на славянското общество в Москва като инициатива на българската емиграция. На преден план се извежда фигурата на Н. Геров като човек, стремящ се да създаде организация, подкрепяща българите, и която може да обедини всички емигрантски организации. Наистина Н. Геров търси в Русия съмишленици за каузата на българското църковно движение. Одеското настоятелство и Добродетелната дружина желаят да засилят контактите си с Русия (политически, икономически и културни), виждайки в нея естествен съюзник. Кореспонденцията на Н. Геров и на водачите на Одеското българско настоятелство с руски държавни дейци показва определен замисъл за развитие на търговията с Русия, разпространение на църковна и учебна литература, търсене на благоприятна позиция по българо-гръцкия църковен спор. Трябва да се отчита обстоятелството, че Найден Геров, безспорно българин и патриот, все пак е руски поданик, а от 1857 г. – и руски чиновник – вицеконсул в Пловдив. В дейността си през 1856–1857 г., той използва последното обстоятелство, за да работи за българската кауза, но в руските политически среди е приеман повече като държавен служител. Освен това, едва ли е възможно емигрантски организации да са в състояние да създадат мощно движение, което да играе важна роля в руската политика в следващите десетилетия. Българи наистина вземат участие и в началния етап на сформиранието на Московския комитет, и в по-нататъшната му работа, както и в славянските общества в Киев и Одеса, но няма техни имена в списъка на учредителите на славянофилската организация в Москва през 1857 г.² Появата на славянските комитети трябва да се разглежда не само като интелектуално течение или инициатива на отделни личности. Създаването им е свързано с конкретната международна обстановка и с руските интереси на Балканите и в славянските райони на Австрийската империя.

След Кримската война Русия изпада в международна изолация. Парижкият мир ѝ отнема привилегиите на Балканите, спечелени в предишни войни. Правителството на новия император Александър II налага политика на известна самоизолация, като първостепенни задачи са провеждането на реформи в страната и анулирането на Парижкия мир. Петербург не желае да се лиши от позициите си на Балканския полуостров.

Славянофилското движение се оказва важен инструмент в тази насока. Комитетите са организирани с правителствена намеса и са финансирани от членски внос и доброволни дарения, но основно (около 80% от бюджета им) от държавата.

Славянофилското движение не е ориентирано само към българските земи. Би могло да се твърди, че те остават в известна степен на втори план, поне в идеологически аспект. Много повече се дискутират отношенията славяни– германци. През 60-те години славянските организации обръщат внимание най-вече върху българо-гръцкия църковен спор и позициите на западните държави по него. Дейността на Н. Геров и одеските българи вероятно е съгласувана със славянофилските лидери. В случая се наблюдава съвпадение на интересите на българското църковно движение и славянските комитети.

В края на 1857 г. дейците на формацията се славянски комитет изпращат писмо до правителството за одобрение на инициативата им, като посочват основните причини за създаването на организацията. Изтъква се необходимостта от противопоставяне на западната пропаганда, която целяла „...унищожаване влиянието на Русия“ и „...да се подрине православието“. Посочени са редица организации, създадени в Западна Европа и в Османската империя, като Обществото на полската емиграция в Париж, Лазаристкото училище, казак-алая на Садък паша и др. За противодействие и защита на руските интереси на Балканите, славянофилите предлагат конкретни мерки. Те включват осигуряване на средства за подкрепа на църкви, училища и читалища на южните славяни, предоставяне на значителен брой стипендии за образование на младежи и девойки в Русия, цялостна подкрепа на православието. Върху последното се акцентира най-вече по отношение на българите предвид спора им с Цариградската патриаршия. В отделен параграф се препоръчва млади българи да получават духовно образование в Москва и да се отпуснат средства за Рилския манастир³.

Цитираното писмо заляга в основата на устава на Московското славянско благотворително общество, официално утвърдено на 26 януари 1858 г. Там също се предвиждат помощ на църковното и образователното дело на българи и сърби, специални мерки за защита на православието, осигуряване на средства за стипендии, научни връзки с учени от славянските земи и т. н.⁴

По отношение на българските земи славянофилите извеждат на преден план православната пропаганда. Славянската идея остава на втори план. Тя е използвана предимно от българските църковни дейци, които успешно я противопоставят на „гърцизма“. Това дава идейна основа на църковната борба, което е в известна степен повлияно от публикациите на някои по-крайни руски славянофили, например А. Ф. Хилфердинг. В свои статии той утвърждава разбирането, че „неславяните гърци“ са духовни поробители и угнетяват и унижават „славяните българи“. В Русия отчитат обстоятелството, че славянската идея остава встрани от вниманието на българското общество като цяло. Българите се разграничават от своя поробител с религията си, така че не им е необходимо и национално разграничаване. Друга причина за предимството на православната пропаганда, посочена още в документите при създаването на Московския комитет, е опасението от дейността на католическите и протестантските мисии в българските земи. В нея се вижда основна заплаха за руските интереси на Балканския полуостров⁵.

Подкрепата на славянските комитети за българското църковно движение е широко коментирана у нас и в чужбина. Позицията на славянофилите е в противоречие с официалното държавно становище. Сред самите славянски дейци също няма единство. Посланикът в Цариград граф. Н. П. Игнатиев се стреми към компромис и подкрепя умереното крило в българското църковно движение. Ръководителят на комитета в Санкт Петербург А. Ф. Хилфердинг поддържа крайна пробългарска позиция. Славянофилската преса играе важна роля за спечелването на симпатиите на руското обществено мнение

за българската кауза по църковния въпрос⁶. Значението, което руското правителство отдава на последния, личи в разговора на император Александър II и княз А. М. Горчаков с граф Н. П. Игнатиев, новоназначения посланик в Цариград, проведен непосредствено преди заминаването му за турската столица⁷. Руското участие в решаването на църковния спор и успешното противопоставяне на западната пропаганда са основни задачи пред руската дипломация в Османската империя. Граф Н. П. Игнатиев, един от славянофилските лидери, е принуден да се съобразява с официалната руска позиция. Той разбира същината на спора и съчувства на българските искания, но основно търси компромис между двете страни в спора. Изворите свидетелстват, че през пролетта на 1869 г. той успява да склони патриарха на известни, макар и половинчати отстъпки пред българските искания, например: уточняване на българските епархии, признаване на вътрешно самоуправление, но при условие, че патриархът ще утвърждава „българския архиепископ, или първия от митрополитите“. Тази договореност остава без последствия не само поради изострянето на църковната разпра, но и поради невявяването на патриаршески пратеници за подновяването на преговорите, предвидено за 18 май 1869 г.⁸ Непосредствено след това А. Н. Муравъв пише писмо да граф Н. П. Игнатиев, в което предлага българският църковен въпрос да бъде решен от Вселенски събор с представители на всички източни патриаршии. При невъзможност за свикването му авторът на писмото препоръчва събор на автокефалните архиепископии с участие на делегати от румънската и сръбската църква, а също и от българските земи. А. Н. Муравъв предупреждава, че има сведения за това, че българите вече са се обръщали към султана с искане за самостоятелна църква⁹.

Славянските комитети оказват съществена подкрепа на българското образователно дело. Помощта върви по две направления – отпускане на средства и учебни пособия за българските училища и осигуряване на възможност на голям брой млади българи да получат образование в руски учебни заведения. В този процес важна роля играят руските дипломатически представители в българските земи. Те разпределят получените помощи за училища, читалища и църкви. Вицеконсулите извършват подбора на младежи и девойки, които да учат в Русия. Дипломатите поддържат връзка с българските общини, които им препоръчват кандидатите. След преценка на образованието им до момента и на здравословното им състояние вицеконсулите определят кои да заминат за Русия. Известен проблем създава средното образование на младежите. Руското министерство на просвещението признава на няколко български училища статут на реални гимназии, но в България няма училище със статут на класическа гимназия. Това затруднява постъпването на българи в Медицинската академия. Класическо средно образование можело да се получи само в Русия. Изключения не са правени, дори и за племенника на митрополит Панарет Рашев. За получаване на средно образование в Русия важна стъпка е откриването на пансиона на Тодор Минков в гр. Николаев¹⁰.

Още от XVIII в. Русия основателно се счита за лидер на православните християни и на славянството. Втората претенция е по-ярко изразена през XIX в., но определено присъства в руските обществено-политически идеи, а и в руската външна политика. Например полският проблем през втората половина на XVIII в. води до сериозен дипломатически конфликт между Русия и Османската империя и е една от причините за военните конфликти между двете държави¹¹.

Русия формира претенциите си за лидер на православието в периода от края на XV до XVII в. Именно тогава се създава и развива идеята „Москва – трети Рим“. Тя претендира за духовното, а от XVII в. и за политическото наследство на Византия. Русия популяризира името си сред християнското население в Османската империя чрез своята благотворителност, превърнала се в официална държавна политика през 1633 г., когато

цар Михаил Фьодорович Романов с указ въвежда ясен ред за даване „на милостиня“, която често е значителна. Подпомагането на първо място на Атонските манастири, Източните патриаршии, покровителството над Светите места, отпускането на средства за манастири в българските земи (Рилски, Бачковски, Преображенски) създават определена нагласа сред православно население в Турция. То вижда в руската държава свой естествен приятел и съюзник. Еднаквата религия и близкият език на българи и сърби дават чувство на общност на поробените балкански народи с московската държава. Това виждане се затвърждава през XVIII в., когато Русия се налага като най-големият противник на Османската империя. Предвид пропагандата на база религия не е изненадващо, че първите попаднали под руско влияние са хора с духовен сан. Контакти от руска страна се търсят не само с високопоставени архиереи и с известни манастири, но са подпомагани и по-малки духовни средища и обикновени монаси. Така постепенно сред интелигенцията на християнското население в Османската империя се оформя значителна прослойка, виждаща в Русия свой съюзник, а в нейния владетел – законен християнски монарх¹². Това виждане присъства не само сред българите, а се наблюдава под същата форма сред православно население на Балканския полуостров.

Пряк отзвук от развитието на православната идея е т.нар. „гръцки проект“ на Екатерина II. През 1783 г. последният кримски хан Шахин Гирай се отказва от престола си и Крим заедно със земите по долното течение на р. Кубан се присъединява към Русия. След отстраняването на тази вековна заплаха за южните руски граници амбициите на Петербург към Балканите нарастват. „Гръцкият проект“ предвиждал изгонване на турците от Европа и възстановяването на Византийската империя. Влашко и Молдова трябвало да се обединят под името Дакия. Византия и Дакия трябвало да бъдат руски протекторати. Идеята остава в сферата на теорията, но популяризирането ѝ създава допълнителна известност на Русия като православен покровител. Появата на национални държави на Балканите променя политическата ситуация на полуострова. Руската политика се съобразява с това и умело използва влиянието си, формирано през предишните векове. Православната идея продължава да намира добър прием. Конкретен пример за това е планът на епископ Софроний Врачански за освобождение на България с руска помощ¹³.

Още през последната четвърт на XVIII в. става ясно, че единствено православната идея не е достатъчна като външнополитическа доктрина. Русия владее, а и имала претенции за влияние към обширни територии с население с твърде разнороден етнически и конфесиален характер. Славянската идея, наложена и от външнополитически причини, трябвало да компенсира пропуските в руската пропаганда.

Развитието на славянската идея в Русия е процес, продължаващ през целия XIX в. Освен противопоставяне на западното влияние на Балканите и сред славянското население на Австро-Унгария появата на руския панславизъм внася редица нови идеи в славянското движение. Стремехът е не само за отблъскване на западните идеи, но и по-активна политика по отношение на славянството. Появява се теорията за всеобщ славянски съюз и дори за обща славянска държава на федеративен принцип. Тези възгледи са систематизирани от различни славянски дейци, като процесът продължава през цялата втора половина на XIX в. Един от основните идеолози на идеята за общ съюз и държава е Н. Я. Данилевский (1822–1885). Голяма част от творчеството му е посветена на този проблем, като в най-завършен вид представя тезата в книгата си „Русия и Европа“, издадена през 1881 г. В нея той обобщава опита на славянското движение и се стреми да докаже необходимостта от подобно обединение, в противовес на „германо-романския съюз“. В бъдещия всеславянски съюз Данилевски предвижда и включването на неславянски държави и народи. На първо място се визира Гърция. Предупреждава се обаче

за опасността „...взорът на гърците да бъде заслепен“ от идеята за присъединяване на Константинопол и възстановяване на Византия. Авторът посочва предимствата на Гърция и с какво би допринесла за новото формиране. Акцентът е поставен върху традиционната гръцка търговия. Посочва се, че при новото обединение „Източното Средиземноморие, Червено море, Индийският океан, Бенгалският залив...“ ще се превърнат във вътрешно море за гръцкия търговски флот. За Румъния се подчертава, че нейните идеи за присъединяване на територии, оспорвани със съседни държави, могат да бъдат реализирани само със съдействието на Русия. Данилевски желае включването и на Унгария, която ще може да удовлетвори законните си претенции, но трябва да се откаже „...от своето беззаконно властолюбие“. Включването на тези народи във всеславянския съюз е представено на фона на цялостното славянско обединение. За западните славяни то е представено като задължително условие за оцеляването им. Авторът демонстрира симпатии към Сърбия, но не пести и упреци към нея. Обвиненията са за „...неправилни честолюбиви инстинкти...“, насочени към България. Сърбите би трябвало, според автора, да работят за присъединяване на южнославянското население, намиращо се в Австро-Унгария. За България Н. Я. Данилевски вижда единствен път за развитие чрез членството в славянското обединение. Акцентира се върху липсата на държавна традиция и „неизградена и разнородна интелигенция“. Предупреждава се, че България може „...да стане жертва на честолюбието на съседна Сърбия“¹⁴. За общата държава се предвижда федеративен принцип на устройство и обща столица – Константинопол. Данилевски утвърждава тезата, че създаването на Всеславянски съюз начело с Русия ще реши окончателно и справедливо Източния въпрос¹⁵.

При такава нагласа сред славянските дейци едва ли е учудващо възникването на идея за създаване на общ славянски език, или както е наричан в някои документи „славяно-руски език“. Тази идея става особено актуална в края на 1871 г., при дейното участие на българина на руска служба и деен член на славянското общество полковник (по-късно генерал от руската армия) Иван Кишелски. На 5 ноември 1871 г. той изготвя подробна записка от почти десет ръкописни листа, придружена с писма до видни руски политици и обществени дейци, до които е разпратена. Голяма част от текста е предимно емоционална, но И. Кишелски предлага и немалко конкретни мерки за постигане на набелязаната цел – общ език за всички славяни. В началото се отбелязва необходимостта от изучаването на живота, историята, литературата, като се акцентира върху културната и политическата самостоятелност на славянските народи. Тук според Кишелски трябва да се търси обединителната връзка между „вътрешния и външния живот на стотици милиони славяни“. Общият език се изтъква като средство за популяризиране на славянската култура: „Каква ще бъде разликата между сегашните и бъдещите общославянски български или сръбски автори, ако напечатаната сега статия се препечата на общия литературен славяноруски език; тогава навярно ще се чете не от пет и от десет хиляди българи или сърби, които я прочитат, но от 80 млн. държава, не говоря за 40-милионната интелигенция, морално и физически раздробена...“. Авторът на документа в емоционален стил (характерен за него – б. а., А. А.), акцентира върху важността на делото¹⁶. Кишелски предлага конкретни първоначални мерки: „1. Да се създаде Практическа сравнителна граматика на всички славянски наречия, като тя се издаде също на френски и на немски. 2. Всестранно-практически общосравнителен речник. Тук работа не за една, а за десетки и стотици глави (авторът има предвид голям колектив – б. а., А. А.). За това са нужни разбирателство, образовани хора и пари. Поради това инициативата и изпълнението на това исполинско дело трябва да започне и завърши от руското общество (очевидно авторът има предвид бъдещото общество, създадено от славянските комитети, при участието на акционери; идеята е развита в придружаващото записката писмо – б. а., А. А.),

с руски капитали и в Русия; единствено настоящото и бъдещото величие на Русия и на нейната литература е в състояние да внуши доверие, уважение и пълно внимание към предприетия труд. Във великото дело трябва да се включат просветени капиталисти и да се привлекат най-добрите славянски и руски филолози и други литературни деятели¹⁷. За привличане на славянски автори извън Русия Ив. Кишелски предвижда мерки като издаване на трудовете им, откупуване и издаване на чужда славянска литература „... на тяхното наречие...“, откриване на типографии в чужбина, изпращане на руски книги и др. Така обществото ще успее да разшири своята дейност извън руските граници.

Ив. Кишелски дава идеи за финансирането на набелязаната дейност. Освен политици и общественици, след създаването на обществото, то трябва да се превърне в акционерно дружество, което да инвестира част от печалбите си, при съблюдаване интересите на акционерите: „Предвид своето обезпечаване и самостоятелност то трябва (за 5 или 6 години) да начислява от своя чист доход най-много 20 или 25% годишно във фонда на обществото, а останалите 75 или 80% чист доход да се превръща в дивиденди за акционерите на обществото“. Авторът счита, че връзки с Московския славянски комитет и отделенията му в други градове ще бъдат поддържани, „...доколкото това се изисква от целта“. В края на документа И. Кишелски посочва целта на бъдещото общество и акционерното дружество: „Обществото, освен грамадните дивиденди, ще постигне още целта, че руския език скоро ще стане истински между славянските агенти, истински проводник и общ уравнилел на славянската култура; освен това обществото ще издигне нивото и авторитета на славяно-руската литература, ще издигне и постави руския език на тази степен на световно значение, на която сега стоят първите езици в Европа“. Записката е изготвена в Одеса с дата 5 ноември 1871 г. и носи подписа на полковник Кишелски¹⁸.

На същата дата И. Кишелски пише до директора на Азиатския департамент – граф Н. П. Игнатиев, посланик на Русия в Цариград, до генерал Ростислав Фадеевич Андреев в Одеса, до проф. Александър Иванович Селин, преподавател в Киев, в университета „Свети Владимир“. Малко по-късно, на 15 ноември същата година са изпратени писма до председателя на Одеското славянско благотворително общество „Кирил и Методий“ Н. А. Новоселски и до художника Микешин¹⁹. В кратък текст И. Кишелски търси подкрепа и съдействие за създаване на „Славяно-руско литературно общество“.

На 16 ноември 1871 г. И. Кишелски отново пише до проф. А. И. Селин. Писмото е в характерния за Кишелски емоционален стил. Заявява се, че племенният антагонизъм погубва славяните, и се настоява проф. А. И. Селин да положи усилия „...да се насочат всички интелектуални течения на всевъзможните славянски ручей към славяно-руския океан“. Освен това проф. А. И. Селин явно трябва да организира учените от Киев за участие в Славяно-руското общество и да поддържа връзки с „просветени капиталисти в Киев“²⁰. И. Кишелски очевидно се безпокои за финансирането на планираната акция. На този проблем е посветено писмото му до генерал-адютант Павел Евстафиевич Коцеба. Изрично е посочено, че за създаването на Славяно-руско литературно дружество са необходими „...приблизително на първо време 100 000 рубли сребърни“. Сходен е текстът в краткото писмо на И. Кишелски до Херсонския и Одески архиепископ Дмитрий. Архиепископът е уведомен за подготовката за създаване на обществото и за необходимост от начален капитал от 100 000 рубли²¹.

В писмата на Иван Кишелски, на първо място, впечатление прави ясно изразената славянофилска риторика въпреки известното дистанциране от вече създадените славянски комитети в различни руски градове. Кишелски се придържа към разбиранията на славянофилите за основните стълбове, на които се крепи Руската империя, а именно: самодържавие, православие, народност. Това са основните постулати на казионната

идея за „официалната народност“ на граф С. С. Уваров, създадена през 30-те години на XIX в. Абсолютната монархия се утвърждава като единствената възможна и естествена форма на управление на Руската империя. Идеята за „цар баща“ не е нова, но сега ѝ е придадена светска интерпретация. Православието се свързва с привързаността на русите към ортодоксалното християнство, различно от католицизма или протестантството. Акцентира се върху разликите между руската народност и народите от Западна Европа. Теорията се стреми да докаже ненужност от радикални промени в руската държава. Основните принципи на тази идея са приети и от славянофилите, които споделят идеите за разграничаване от „Запада“ и за съхранение на абсолютната монархия в Русия. Цитираните тези присъстват в редица публични изяви на славянофилски дейци и в техни публикации. В реч генерал А. Киреев (виден деец на славянските комитети) се застъпват точно същите схващания. Там се акцентира върху основните принципи на славянофилството: „православие, самодържавие, народност“. Прави се анализ на политическата ситуация на Запада и се стига до извода, че „...парламентаризмът клони към упадък“. Утвърждават се несъстоятелността на рационализма и необходимостта от вярата като „...коректив на жизнените решения“. Същите идеи прокламира в началото на XX в. проф. В. М. Володимиров²². В писмата на И. Кишелски личи характерното за редица руски обществени идеи, включително и за славянофилите, недобро отношение към интелигенцията. Славянофилите я считат за нещо отделено от народа.

Ние обаче нямаме за цел да даваме доказателства за идейните пристрастия на И. Кишелски и неговата обвързаност, включително и като член на славянските комитети (в Одеса и Санкт Петербург). Приведените примери показват, че той демонстрира своите идейни позиции, но същевременно поддържа линия на известно разграничаване от славянските организации, а също предвижда създаване на нова организация. Отговорът на въпроса защо той прави това може да даде известна яснота по въпросите сам ли действа И. Кишелски и каква е съдбата на пропагандираната от него идея за претопяване на славянските езици в единен славяно-руски език.

И. Кишелски никога не е бил в противоречия със славянофилската организация. Това се потвърждава и от негова по-нататъшна обществена дейност като значим функционер на Петербургският славянски комитет, работещ по въпроси, свързани с България. Едва ли би се решил на подобна мащабна акция, оповестена и сред висши правителствени чиновници, т.е. станала известна на управляващите в Русия, единствено по своя инициатива. Вероятно той изпробва възможности за реализиране на идея за общ славянски език, идея, която руските славянофили споделят, но не бързат да афишират. Опасенията са от евентуалните реакции на отделни славянски дейци (не руси), както и на славянските неруски народи. Предпочетено е идеята да бъде поставена от предан славянофил, споделящ плана за общ език, но да не бъде от руски произход.

Идеята не е осъществена, а и липсват данни за никакви сериозни действия за реализирането ѝ. Единствено някои от руските консули, както и пътуващи емисари на славянските комитети споменават в донесенията си за езика на славянското население в консулството, за което отговарят, или за териториите, в които пътуват. Изводите са почти еднакви – тези езици се отличават съществено от руския. Вероятно е искано мнение на известни учени филолози, които потвърждават същото заключение. Друго доказателство е дейността на И. Кишелски през следващите години. Той изоставя идеята за организация, която да работи за създаване на общ славяно-руски език, и се занимава с чисто български проблеми. Например през август 1876 г. е зает с осигуряване на доброволци за Сърбия, а също и с въпроса за излизането на нов вестник, предназначен за българската емиграция. За последното той моли И. С. Аксаков за съдействие, за да получи 2000 рубли от касата на Московския славянски комитет²³.

Планираното акционерно дружество с капитал от 100 000 рубли не се създава. Проблемът не е в осигуряването на средствата, макар че сумата е значителна за 70-те години на XIX в.²⁴ Славянските комитети се опасяват от реакцията на руското правителство и лично на император Александър II. След разгрома на Франция във Френско-пруската война Петербург използва ситуацията и анулира Парижкия мирен договор (1856). Още през октомври 1870 г. Горчаков разпраща телеграми до европейските държави, че Русия смята за разтрогнат Парижкия мир, а на следващата година международна конференция в Лондон го отменя. Външнополитическият успех е безспорен и може би той насърчава И. Кишелски и други славянофилски дейци да предложат да започне подготовка за създаване на общ славянски език. Въпреки успеха обаче управляващите в Русия съзнават, че страната все още не е преодолела вътрешната криза, реформите не са приключили и резултатите все още се очакват. Актът от Лондон (1871) не означава пълно възстановяване на позициите и авторитета на Русия на международната сцена. Изхождайки от това, правителството и императорът едва ли биха одобрили един химеричен проект, който би могъл да създаде сериозни проблеми не само с Османската империя, но и с Австро-Унгария. Петербург не може да допусне това, особено на фона на очертаващия се съюз Русия–Германия–Австро-Унгария.

Вероятно най-важната причина за провала на идеята за създаване на общ славяно-руски език е нейната очевидна нереализуемост. Това не се има предвид от запалените славянофили, но учени филолози, историци, фолклористи оценяват реално разликите между отделните славянски езици, историческите наслоения и др. А политиците в Петербург виждат реалните заплахи за държавата по онова време.

Идеята за претопяване на славянските езици в единен руско-славянски език не се появява случайно сред славянофилските дейци в Русия. Този проект е логично продължение на идейното развитие в Руската империя през целия XIX век. Руското самочувствие като православен лидер се формира за времето XVII–XVIII в. През XIX в. на преден план е изведена славянската идея, чиито корени в немалка степен тръгват от казионната идея за „официалната народност“ на граф С. Уваров. Планове за православна държава („Гръцкият проект“ на Екатерина II) от XVIII в. през XIX в. приемат очертаванията на Всеславянска империя с включване и на неславянски народи, православни и католици, в нея. Мечтата за империя на всички славяни със столица Константинопол може да изглежда като утопия в наши дни, но през втората половина на XIX в. на нея се гледа като на сериозен и изпълним план. С реализацията на идеята за създаване на общ славяно-руски език се заема българинът на руска служба, руски поданик и офицер Иван Кишелски. Най-вероятно той действа със знанието и по разпореждане на ръководството на славянските комитети. Планът е ясно очертан, включително и първоначалното му финансиране. Липсата на реализация можем да отдадем на значимите разлики между славянските езици и на политическите фактори – вътрешни и международни. Участие то на И. Кишелски не е случайно. Той е запален славянофил и активен член на славянското движение. Акцентира се на факта, че идеята е на чужденец, а не произхожда от руски общественици или учени.

Появата на идея за общ славяно-руски език е логична за времето си. Тя е свързана със специфичните разбирания на славянските дейци (славянофили и панслависти) за бъдещото устройство на Европа и света, както и за развитието на славянските народи и за отношенията им с техните съседи.

¹ *Никитин, С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960; *Генов, Ц.* Славянските комитети в Русия и българското освободително дело (1858–1878). С., 1986; *Стоянов, И.* Славянските комитети и българското освободително движение след Априлското въстание. С., 1992; *Стателова, Е.* Майор Коста Паница. – Военноисторически сборник, 1996, кн. 4, 5; *Тонев, В.* Александър В. Рачински и учебното дело в България след Кримската война. – В кн.: В памет на академик Михаил Димитров. С., 1974; *Цимбаев, Н. И.* Речь И. С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие Московского славянского общества. – В кн.: Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981, 184–193; *Гилфердинг, А. Ф.* Ответ греку по болгарским делам. СПб., 1860; *Радев, С.* Строителите на съвременна България. Т. 2. С., 1990.

² *Попов, Н. А.* Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858–1868) Славянского благотворительного комитета в Москве. Вып. I. М., 1871, с. 1.

³ Пак там, 2–4, с. 5, 10.

⁴ Устав Московского славянского благотворительного комитета. М., 1877, 1–3.

⁵ *Попов, Н. А.* Цит. съч., с. 5.

⁶ *Гилфердинг, А. Ф.* Цит. съч.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 730 (Н. П. Игнатиев), оп. 1, ед. хр. 528, л. 1–3.

⁸ Пак там, ед. хр. 1004, л. 1, л. 1 о. с.

⁹ Пак там, ед. хр. 1006, л. 1–3 о. с.

¹⁰ *Андреев, А.* Пансионът на Т. Минков, връзките му с московските славянофили и българската емиграция. – В: Българите в Северното Причерноморие. Т. 7. Велико Търново, 2000, 311–319. За българите, получили образование в Русия вж. по-подробно: *Генчев, Н.* Българска възрожденска интелигенция. С., 1991.

¹¹ По-подробно вж.: *Стоилова, Т.* Ябълката на раздора в руско-турските отношения през 60-те години на XVIII век. С., 1995.

¹² *Андреев, А.* Православната идея, славянската идея, българите и Балканите. – В: България, българите и техните съседи през вековете. Велико Търново, 2001, 454–467.

¹³ По-подробно: *Киселков, В. С.* Софроний Врачански. Живот и творчество. С., 1963.

¹⁴ *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа (Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому). М., 2003, 388–392.

¹⁵ Пак там, 354–382.

¹⁶ ГАРФ, ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет), оп. 1, ед. хр. 262, л. 1, 1 о. с. – л. 2.

¹⁷ Пак там, л. 2 о. с. – л. 3 о. с.

¹⁸ Пак там, л. 5–6, 10.

¹⁹ ГАРФ, ф. 1750, оп. 1, ед. хр. 64, л. 9–10.

²⁰ Пак там, ед. хр. 76, л. 72.

²¹ Пак там, л. 73.

²² Проф. граф С. С. Уваров е министър на просвещението и председател на Руската академия на науките. Теорията за официалната народност се приписва на него, но фактически той стои начело на екип от учени, които изработват казионната идея. Вж.: *Андреев, А.* Руски политически идеи – приемственост и конфронтация. – В: Предизвикателствата на XXI век – предизвикателства на съвременния цивилизован диалог. Варна, 2004, 129–139; речта на ген. А. Киреев в: ГАРФ, ф. 730 (Н. П. Игнатиев), оп. 1, ед. хр. 1997, л. 1–2; *Володимиров, В. М.* Всеславянский съезд и всеславянская лига. СПб., 1907.

²³ ГАРФ, ф. 1750, оп. 1, ед. хр. 74, л. 169.

²⁴ Трудно е да сравняваме курса на рублата и промените му през втората половина на XIX в. и да придобием реална представа за покупателната стойност на сумата 100 000 рубли. Същото се отнася и за другите европейски валути и за долара. През разглеждания период курсът на рублата е нестабилен в резултат от кризата след Кримската война. Русия започва през 1862 г. цялостна финансова реформа. Малко след това правителството пристъпва към парична реформа. За целта Русия получава заем от 85 млн. рубли. Ценните книжа започват да се изплащат в злато и сребро по установения от държавата курс. Въпреки това рублата продължава да пада и инфлацията продължава. Дори продажбата на Аляска на САЩ (1867–1868 г. – за период от 100 години) за 7 200 000 рубли не променя падането на курса на рублата. Вж.: *Андреев, Й., А. Андреев.* Великите князе, царете и императорите на Русия. Велико Търново, 2001, 390–391, с. 395.

С. И. Муртузалиев

ОТКАЗ РОССИИ ОТ ПОЛИТИКИ «БЕЗУСЛОВНОГО НЕЙТРАЛИТЕТА» ПЕРЕД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНОЙ 1877–1878 гг.

Начиная с лета 1876 года, действия российской дипломатии на Балканах становятся все более определенными. Если прежде Россия выступала против «всякого рискованного поступка» и верила в возможность мирного разрешения балканского конфликта, то теперь петербургский кабинет фактически отступает от своей прежней системы «безусловного нейтралитета». Правительство России, зная о широкой поддержке русской общественностью движения славян, покровительствовало ему, но только тайно, так как не желало обострять отношения с европейскими державами. 27 июля (8 августа) 1876 года Александр II объявил о разрешении русским офицерам выходить в отставку и отправляться на Балканы с правом возвращения впоследствии на российскую службу с сохранением старшинства в чине¹. Но официально, перед Европой, желая сохранить верность Союзу трех императоров, правительство России заявляло о своей непричастности к этому движению, порицало действия М. Г. Черняева в Сербии, в которой отставной русский генерал возглавил действующую сербскую армию и куда вслед за ним отправилось около пяти тысяч русских добровольцев, офицеров и солдат, принявших участие в сражениях против Османской империи. Генерал планировал осуществить вторжение в Болгарию, занять Софию и пополнить там армию за счет добровольцев-болгар. План этот сразу же провалился, так как Черняев не справился с руководством своим импровизированным войском².

В Петербурге так называемая «партия действия» настаивала на активном вмешательстве России в балканские дела. Военный министр Д. А. Милютин, поддерживавший на первом этапе Восточного кризиса примирительную тактику правительства, теперь встал на сторону «партии действия», хотя и считал, что Россия поставлена в весьма трудное положение. Группа сторонников Александра II, куда входили А. М. Горчаков, Е. П. Новиков, П. Н. Стremoухов и другие, продолжала придерживаться политики европейского единства. Следует отметить, что подобное положение сохранялось довольно долго. «По восточным делам продолжается крайняя неопределенность направления», – записал 25 марта 1877 года П. А. Валуев, председатель комитета министров³.

Официальная Россия к войне не была готова. Но отход от политики строгого нейтралитета намечился уже в чешском Рейхштадтском замке, где 26 июня (8 июля) 1876 года состоялась встреча двух императоров – Александра II и Франца Иосифа и их министров – Горчакова и Андраши. Целью России в этой встрече было стремление не допустить возможного сближения Австро-Венгрии и Великобритании и заручиться поддержкой Вены на случай обострения ситуации на Балканах. В ходе переговоров обе стороны втайне от других государств договорились о том, что в случае распада Османской империи Болгария становится независимым княжеством. Если же победит Порта, то участницы рейхштадтской встречи будут настаивать на реформах, предложенных в ноте Андраши от 30 декабря 1875 года и Берлинского меморандума. Результаты переговоров не были закреплены сторонами в соответствующем официальном

протоколе, и, кроме того, в русской и австрийской записях имелись расхождения в тех пунктах, где речь шла о территориальных изменениях на Балканах. Особо следует подчеркнуть тот факт, что здесь Австро-Венгрия впервые раскрыла свои карты, заявив о своих притязаниях на территории поработанных Портой славянских государств. Такая формулировка представляется А. А. Улуяну более точной и более соответствующей истине, чем употреблявшиеся ранее в исторической литературе слова «притязания на территорию Порты»⁴.

Между тем ход военных действий на Балканах явно не отвечал завышенным ожиданиям и сторонников, и противников русско-турецкой войны. Успехи турок в войне с Сербией и Черногорией усилили влияние феодально-клерикальной группировки внутри турецкого правительства, требовавшей продолжения борьбы с повстанцами и конституционным движением, поддерживаемым, как считала эта группировка, западными державами. В сентябре 1876 года правительство Англии предложило европейским странам заставить Порту заключить с восставшими перемирие и созвать в Стамбуле «Константинопольскую конференцию» для обсуждения Восточного вопроса. Предложение приняли все европейские правительства, в их числе и Россия. Но султан Абдул-Гамид II отказался от созыва конференции, предложив заменить краткое, четырехшестинедельное перемирие длительным, шестимесячным. Англия, Австро-Венгрия и Франция согласились принять условия Турции, но Россия их отвергла, справедливо считая, что длительное перемирие позволит Порте завершить разгром балканских повстанцев, а также расправиться со сторонниками конституции из числа так называемых «новых османов», подготовивших проект реформ. В целях воздействия на Порту Россия предложила занять Болгарию русскими войсками, Боснию – австрийскими, а соединенной англо-русско-австрийской эскадре произвести демонстрацию морских сил на Босфоре⁵. Это предложение России западные правительства отвергли.

Поскольку в небольшой статье невозможно рассмотреть все аспекты политики держав в отношении многочисленных и разрозненных народов Балканского полуострова, главным объектом нашего внимания будет Болгария.

Подчеркивая тот факт, что Россия встала на защиту населения Балканского полуострова, А. М. Горчаков отмечал: «Мы хотим избежать изолированных действий, но мы не можем примкнуть к коллективным действиям, лишенным достоинства, правдивости и действенности»⁶. Пользуясь поддержкой «партии действия», считавшей, что следует начать подготовку к войне, Д. А. Милютин стал объезжать и осматривать черноморские крепости, следить за строительством батарей, давать распоряжения командиру Кавказского корпуса готовиться к войне без расчета на союзников, сосредоточив внимание на кавказско-турецкой границе⁷. В середине сентября 1876 года в письме к министру финансов М. Х. Рейтерну он писал: «Дипломатические отношения по Восточному вопросу принимают такое направление, которое может поставить Россию в необходимость взяться за оружие, вопреки всем усилиям дипломатии устранить прискорбную эту необходимость»⁸. Войска Одесского, Киевского и Харьковского военных округов получили распоряжения о подготовке к мобилизации.

В сентябре 1876 года в Варшаве, где находились проездом в Ливадию Александр II и А. М. Горчаков, последний поставил генерал-фельдмаршалу Мантейфелю (прислан для переговоров германским правительством) прямой вопрос о планах Германии в случае неудачи мирного решения балканского конфликта и возможности войны. Фельдмаршал вынужден был ответить, что Германия займет такую же позицию, что и Россия в 1870 году⁹.

В сентябре – начале октября 1876 года в Ливадии (Крым) Александр II провел ряд совещаний, на которых рассматривались вопросы, связанные с балканскими событиями. Кроме императора на них присутствовали: наследник престола, А. М. Горчаков,

Д. А. Милютин, Н. П. Игнатъев, М. Х. Рейтерн и министр двора А. Г. Адлерберг. М. Х. Рейтерн выступил против войны. 3 (15) октября он подал записку, в которой убеждал императора отказаться от вмешательства в балканский кризис по соображениям финансовой экономии¹⁰. Александр II не согласился с выводами министра, расценив их как осуждение своего 20-летнего правления. По словам Н. К. Гирса (управляющий Азиатским департаментом и товарищ министра иностранных дел в 1875–1882 гг.), Александр II был настолько возмущен, что швырнул «эту записку через стол Рейтерну, говоря, что теперь нужны не записки, а дела»¹¹. Реакция императора явно свидетельствовала об изменении его недавно миролюбивых настроений. Там же в Ливадии сторонником военного вмешательства в конфликт был только Д. А. Милютин, но именно его доводы возобладали над другими. Министр изложил чисто военную сторону вопроса, а именно: сроки возможной мобилизации армии и время, необходимое для продвижения к турецкой границе. Обратившись к политическим проблемам, он предложил в случае срыва конференции в Стамбуле определить «цель и предмет военных действий». Верно оценивая обстановку, Милютин считал войну реальным фактом, в которой против России будет не одна Турция¹².

В итоге обсуждения было принято решение о самостоятельных действиях России, хотя Горчаков еще надеялся договориться с союзниками. 28 октября Россия предъявила Турции ультиматум о немедленном выводе ее войска из Сербии и тем самым фактически спасла Сербию от турецкой оккупации. Именно в это время в Ливадии были приняты такие важные решения как: 1) создать болгарское ополчение как ядро будущей болгарской армии; 2) начать частичную мобилизацию в российскую армию; 3) принято решение о так называемой «Московской речи»¹³.

В данном случае имеется в виду тот факт, что 29 октября (10 ноября), приехав в Москву, Александр II выступил с публичным заявлением, которое было ответом на недвусмысленные угрозы британского премьер-министра. 1 (13) ноября 1876 года была объявлена частичная мобилизация русской армии – это явилось прологом новой войны. 23 ноября царь одобрил предложение о формировании болгарского ополчения. Интересно отметить, что до описываемых событий Третьему отделению было поручено провести опрос почти во всех губерниях России об отношении населения к войне за освобождение славян на Балканах. И именно 13 ноября Н. Мезенцев представил подробный доклад, в котором указывалось, что наибольшее сочувствие к балканским братьям выразило русскоязычное население – от 93 до 98%¹⁴. Объявив частичную мобилизацию русской армии, Александр II уже не мог отступать. Единственным условием мирного завершения кризиса становился успех Константинопольской конференции послов России, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Франции и Англии, созванной по инициативе Петербурга. Она проходила с 23 декабря 1876 по 20 января 1877 года. Игнатъев вновь был направлен в Стамбул. На этот раз его задача заключалась в том, чтобы добиться от султана Абдул-Гамида II созыва конференции в Стамбуле, а в случае отказа султана Игнатъеву предписывалось выехать из Стамбула. При таком исходе переговоров войну предполагалось начать немедленно, с тем, чтобы Турция не успела собрать новые силы. Через Игнатьева султану предлагалось в двухдневный срок подписать шестинедельное или двухмесячное перемирие. В противном случае Россия пригрозила разрывом дипломатических отношений. Решительность демарша Петербурга вынудила Абдул-Гамида принять российские условия и согласиться на созыв конференции в Стамбуле.

Целью конференции должна была стать выработка реформ для нетурецкого населения Балканского полуострова и установление гарантий их выполнения Турцией. Приняв решение воевать в случае противодействия Порты и западных правительств, Александр II публично заявил об этом в Большом Кремлевском дворце: «Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Но если же оно не состоится и я увижу, что мы

не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно...»¹⁵.

В конце ноября 1876 года в Стамбуле собрались представители вышеуказанных стран. В переговорах принимали также участие представители Румынии. Россия была представлена Н. П. Игнатьевым. До начала официальных заседаний примерно около полумесяца делегаты западных правительств под председательством российского посла, избранного ими старшиной, совещались в посольстве России об условиях мира с Турцией, проект которого был разработан в России. Заметим, что еще во время предварительных совещаний, проходивших под председательством Н. П. Игнатьева и без участия турецкого представителя, русскому послу удалось добиться единогласного принятия программы реформ на основе принципа минимального вмешательства во внутренние дела Османской империи. Согласно принятой программе три провинции должны были получить статус автономных: 1) Восточная Болгария; 2) Западная Болгария (включая Македонию); 3) Босния и Герцеговина (объединенные в одну провинцию). В автономиях планировалось учредить местное управление и полицию по принципу конфессионально-пропорционального представительства, которые должны были действовать под контролем назначенного державами комиссара¹⁶. Вопросы в отношении Сербии и Черногории решались иначе.

В более подробном изложении и интересующем нас аспекте рассматриваемый вопрос может быть раскрыт следующим образом. Русская дипломатия прибыла на конференцию с проектом Церетелева-Скайлера, предусматривавшим будущее автономное устройство Болгарии. При составлении проекта во внимание были приняты программы будущего государственного устройства Болгарии, разработанные самими болгарами. По словам составителей, с политической точки зрения проект представлял «ту выгоду, что соединение всех болгар в одну область послужит укреплению и развитию этого народа, а... широкое местное самоуправление даст удовлетворение туркам и грекам в смешанных округах». Вместе с тем составители проекта считали, что «образование из Болгарии вассального княжества с иностранным правителем во главе гораздо более соответствовало бы потребностям Болгарии». Принимая во внимание политическую сложность конфликта и учитывая «теперешнее состояние страны», составители считали, что на данном этапе необходима «административная автономия» болгар с «твердым и энергичным правительством, немислимым при децентрализации»¹⁷.

Заслуживает внимания тот факт, что, направляя проект Церетелева-Скайлера А. М. Горчакову, Игнатьев приложил и свой проект-минимум, который он хотел иметь в запасе, в случае отказа конференции принять проект Церетелева-Скайлера. Согласно проекту Игнатьева, Болгарию следовало разделить на две провинции или вилайета. Несмотря на разногласия делегатов, Игнатьеву удалось добиться единства держав по вопросу предоставления автономии Болгарии, Боснии и Герцеговине. В декабре 1876 года были выработаны общие условия мира, по которым территория Болгарии, простиравшаяся до Эгейского моря, разделялась на две части – Восточную со столицей в Тырново и Западную со столицей в Софии, причем обе области получали местную администрацию и свободу вероисповедания.

Раскрывая действительную цель проекта, Игнатьев писал: «Иерархия османской администрации здесь сохранена лишь для формы, что представляет ту выгоду, что она щадит шепетильность греков и устраняет возражения, которые могли бы возникнуть по поводу нашего желания создать одно большое автономное княжество. В действительности этот проект дает, однако, полную автономию казам или кантонам, совершенно отстраняет османских чиновников, назначенных Портой, от администрации, допускает местную милицию и все необходимые предпосылки для подготовки создания

политически автономного государства в более или менее недалеком будущем»¹⁸. Как в первом, так и во втором проекте, по словам Игнатьева, были учтены пожелания болгарской общественности.

Франция и Италия согласились с русскими предложениями. Австро-Венгрия и Германия соглашались только с теми пунктами, которые не расходились с условиями, внесенными ранее Австро-Венгрией. Наиболее непримиримую позицию заняла Англия. Дизраэли направил в Стамбул английскому представителю на конференции Солсбери, первоначально склонявшемуся к соглашению с Россией, специальную инструкцию, предостерегавшую его против принятия каких-либо мер принуждения по отношению к Османской империи, на чем настаивала русская сторона.

Турецкие историки отмечают, что в результате мастерского маневра Игнатьева «Османская империя осталась один на один с Россией», а восстания и кризисы в Болгарии, Боснии-Герцеговине и «переговоры о судьбе империи представителей великих держав, съехавшихся в Стамбул, с требованиями реформ, их попытка диктовать важные решения, вплоть до территориальных уступок (конференция в Терсане, декабрь 1876 г.), свидетельствами о том, что на горизонте замаячила» угроза новой русско-турецкой войны¹⁹.

Представителей Турции на консультационную встречу держав не допустили. Это вызвало в Стамбуле недовольство, и 19 декабря 1876 года «новые османы» при поддержке офицерства и софтов (учащиеся исламских семинарий) добились падения кабинета Мехмеда Риштию. В тот же день султан назначил великим визирем Мидхат-пашу, убежденного сторонника конституционного преобразования Турции в современное государство. Своему назначению Мидхат-паша обязан содействию английского посла Г. Элиота, посоветовавшего султану именно его кандидатуру. Сделано это было для создания благоприятной для Турции внешнеполитической обстановки. Султан пошел на уговоры Мидхат-паши и 23 декабря подписал «Канун-и Эсаси» (Основные законы), по которым провозглашалось равенство всех подданных Ближневосточной Порты. На разработку конституции ушло менее месяца.

Эта спешка имела под собой внешнеполитические основания. Главным в документе была статья 1-я, провозглашавшая, что Османская империя является «нераздельным целым» и ни одна часть этого целого не могла быть отторгнута ни по какой причине. Особо следует отметить и тот факт, что накануне официального открытия Константинопольской (Стамбульской) конференции великий визирь получил письмо министра иностранных дел Великобритании лорда Э. Дерби, уверявшего, что Лондон не поддержит действий против Турции. А Элиот убеждал султана, что согласие европейских держав кажущееся и что ни одна из них, за исключением России, не решится перейти от слов к делу, чтобы принудить Турцию принять требования держав²⁰.

11 (23) декабря 1876 года начался новый этап в работе конференции. В ее заседании принял участие министр иностранных дел Османской империи Савфрет-паша (Савфат-паша), которому был предъявлен проект мира с княжествами. Чтение текста документа, составленного великими державами, было прервано пушечными залпами турецких кораблей, стоявших в гавани Золотой Рог. Савфрет-паша объявил: «Господа, этот выстрел обозначает милость султана, даровавшего конституцию, которая гарантирует всем гражданам империи права и конституционные вольности. Я полагаю, что ввиду этого великого события наши труды становятся излишними»²¹. В дарованной султаном конституции (разработанный Мидхатом проект был видоизменен султаном) торжественно провозглашалось равенство и свобода христиан с мусульманами без различия веры²². Наряду с этим конституция обещала обеспечить безопасность собственности и пропорциональное налогообложение всех подданных, которые без различия национальности объявлялись «османами». Последнее означало, что конституция от-

казывала нетуркам-христианам в национально-религиозной идентичности. Депутаты также представляли не округа, где они баллотировались, а всех «османов». Государственным языком признавался турецкий язык, а государственной религией – ислам. Эти статьи были квалифицированы участниками конференции как не дающие серьезных гарантий христианскому населению Османской империи²³.

Подобной точки зрения придерживались и руководители немусульманских конфессий. На следующий день после принятия и обнародования конституции Мидхат-паша посетил греческого патриарха и армянского католикоса, хотя обычно они сами должны были посетить великого визиря. Мидхат-паша заверил религиозных лидеров в том, что при этом конституционном режиме представители всех вероисповеданий будут рассматриваться как равные. Греческий патриарх в ответ заявил: «Мы считаем, что Вы воскресили Османскую империю»²⁴.

Ссылаясь на широкий характер конституции, турецкие представители отказывались обсуждать вопрос о положении в балканских провинциях. Савфрет-паша заявил, что не может принять предложения конференции, поскольку, согласно конституции, будут проведены необходимые реформы. Таким образом, под руководством английской дипломатии работа Константинопольской конференции была сведена на нет²⁵. Переговоры в Стамбуле о гарантиях со стороны Порты в проведении обещанных реформ продолжались в течение месяца.

8 (20) января 1877 года на заключительном совещании конференции выступил глава русской делегации Н. П. Игнатъев, закончивший свою речь словами: «Некоторые османские министры пользовались своим большим влиянием для возбуждения страстей против разумных и бескорыстных решений Европы. Я искренне желаю, чтобы министрам этим не пришлось вскоре горько раскаяться в системе, которой они держались»²⁶. После бесплодных дискуссий конференция закрылась. 27 января 1877 года Игнатъев покинул Стамбул, за ним последовали послы других стран. По настоянию европейских правительств султан Абдул Хамид II согласился лишь на месячное перемирие. Главной причиной срыва конференции явились противоречия между европейскими державами и политика Турции, не желавшей считаться с требованиями восставших.

С провалом Константинопольской конференции официально закончился и мирный период развития Восточного кризиса. Российское правительство не верило в реальность сделанных султаном обещаний. Своей политикой Порты доказывала правильность предположений российских дипломатов. Денежные и натуральные поборы с христианского населения Балканского полуострова не уменьшались. Грабежи и насилия турок в Болгарии продолжались, обещания, данные Румынии по расширению ее автономии, не проводились в жизнь. В этих условиях русско-турецкая война становилась неизбежной. На вмешательстве в дела восставших балканских народов настаивало русское общество, особенно панславистские круги, выступавшие за объединение славян под скипетром российского царя.

Опасаясь создания антирусской коалиции, Петербург вновь обращается к Австро-Венгрии, добиваясь ее нейтралитета в войне. В результате продолжительных переговоров 3 (15) января 1877 года в Будапеште была подписана секретная русско-австрийская конвенция, по которой правительство Австро-Венгрии обязывалось соблюдать по отношению к России позицию «доброжелательного нейтралитета» и, «насколько это будет от нее зависеть», парализовать путем дипломатического воздействия попытки вмешательства или коллективного посредничества, которые могли бы предпринять другие державы. Это положение конвенции имело важное значение не только для России, но и для балканских народов, так как предоставляло известные гарантии от враждебного вмешательства правительств Запада. В марте между Россией и Австро-Венгрией была заключена

дополнительная конвенция, подтверждавшая условия Рейхштадтского соглашения (см. выше) и главное его положение – отказ от создания большого славянского или иного государства²⁷.

Обе стороны договорились в случае начала военных действий не распространять территориальные компенсации: Россия – на Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину; Австро-Венгрия – на Болгарию, Сербию, Румынию и Черногорию. В результате войны Болгария (т. е. Дунайская Болгария), Румелия (т. е. Забалканская Болгария) и Албания должны были получить статус независимых государств. Кроме того, предусматривалась возможность преобразования Стамбула в вольный город²⁸. Это были весьма тяжелые условия, но петербургская дипломатия попыталась еще раз избежать военного решения. Канцлер А. М. Горчаков до последнего дня надеялся на благоразумие западной дипломатии в урегулировании кризиса. Российскому послу в Лондоне П. А. Шувалову канцлер писал: «Мы никогда не прекратим наших усилий, направленных на достижение общего согласия великих держав, как единственной гарантии мирного разрешения восточных затруднений»²⁹.

Поскольку усилия российской дипломатии по мирному урегулированию Восточного вопроса не дали положительных результатов, правительство отказалось от тактики А. М. Горчакова на примирение восставших с султаном. «Интересы торговые, промышленные, финансовые и даже нравственные, – писал Н. П. Игнатьев, – требуют безотлагательного установления ясной и положительной программы, которая вывела бы Россию из выжидательного положения с честью и достоинством»³⁰.

После подписания русско-австрийской конвенции в Будапеште по инициативе канцлера петербургский кабинет предпринял еще одно усилие, чтобы дипломатическими средствами заставить Турцию начать реальное проведение в жизнь обещанные балканским народам реформы. С этой целью в феврале 1877 года со специальной миссией (под предлогом лечения) в столицы Европы был направлен Н. П. Игнатьев. Ему поручалось склонить правительства Запада к подписанию соглашения, подтверждавшего выработанные ранее в Стамбуле условия мира автономных балканских княжеств с Турцией. Австро-Венгрия и Германия поддержали русский проект, одобрила и Франция. Получив согласие в Вене и Париже, Н. П. Игнатьев направился в Лондон, но Англия согласилась подписать протокол лишь после демобилизации русской армии. Газета «Новое время» охарактеризовала это требование Англии как начало «более крупных осложнений», как враждебный акт против России³¹.

После отъезда Н. П. Игнатьева из Лондона переговоры с Англией продолжал российский посол П. А. Шувалов. Они завершились подписанием 31 марта 1877 года так называемого Лондонского протокола, рекомендовавшего Порте провести реформы в Болгарии, Боснии и Герцеговине, предложенные участниками Константинопольской конференции. Обе державы «приняли к сведению» заключенный между Турцией и Сербией мирный договор от 16 февраля 1877 года и начавшиеся переговоры с Черногорией. К протоколу были приложены две декларации. В одной из них, составленной Шуваловым, говорилось, что если Турция прекратит военные действия и приступит «на деле» к проведению реформ, то Россия начнет переговоры с турецкими уполномоченными о «разоружении» обеих сторон. Но если Порта будет упорствовать и повторится избиение, имевшее место в Болгарии (имеется в виду подавление Апрельского восстания), то меры к разоружению будут приостановлены³². В другой декларации, написанной английским министром иностранных дел Э. Дерби, указывалось, что Англия стоит за умиротворение на Востоке, но если в ближайшее время Россия и Османская империя не разоружатся, то Англия будет считать протокол аннулированным. Султан Абдул Хамид II, поддержанный Англией, 10 апреля отверг Лондонский протокол, рас-

ценив его как вмешательство во внутренние дела. Он отдал распоряжение немедленно провести новый выпуск ассигнаций на сумму около 10 млн турецких лир, призвать на действительную службу из запаса около 120 тысяч человек, а находившуюся в Мраморном море эскадру поставить на якорь у входа в Босфор³³.

Эти действия свидетельствовали о том, что в Стамбуле окончательно победила группировка, стремившаяся к войне, в составе которой было много проанглийски настроенных лиц. В беседе с корреспондентом английской газеты Мидхат-паша заявил: «Султан ни за что бы не отвергнул предложение держав и не стал бы рисковать войной с Россией, если бы не рассчитывал конфиденциально на поддержку со стороны Англии»³⁴. В результате подобных действий Порты разрыв между Россией и Турцией стал неизбежным.

Подводя итоги, следует отметить, что мирный период Восточного кризиса имел место, когда российское правительство в силу экономической слабости и опасения создания враждебной России коалиции воздерживалось от активных действий в пользу восставших. Кровавая резня в Болгарии, Сербии и Черногории, требования русского общества усилить помощь славянам заставили петербургский кабинет изменить тактику. Еще не порывая с Союзом трех императоров, Россия предприняла усилия по вовлечению правительств Европы в борьбу на стороне повстанцев. Отказ Порты выполнить требования держав о проведении реформ на Балканах явился поводом к началу русско-турецкой войны.

Характеризуя в общих чертах политическую обстановку и дипломатическое противоборство в рассматриваемом регионе следует подчеркнуть тот факт, что, играя на противоречиях западных держав, Порта задерживала проведение в жизнь обещанных реформ по уравниванию прав христиан с мусульманами. Христианское население, как и раньше, не имело прав на владение земельной собственностью; христиан не призывали в армию, но они в обязательном порядке платили налог «бедель» за освобождение от несения военной службы. Более того, в 1874–1875 годах Порта перешла к экономическому наступлению на христиан.

Особенностью нового витка обострения восточного кризиса была его масштабность и глубина национально-освободительной борьбы. В 1870-х годах в силу целого ряда причин Восточный вопрос приобретает особую остроту, вызванную, прежде всего, экономическим и политическим ослаблением Турции, чем тут же воспользовались западноевропейские страны. Открытие Суэцкого канала (1869) обострило борьбу между европейскими державами за установление своего контроля над Османской империей и в регионе в целом.

Российская дипломатия предпринимает попытки воспользоваться противоречиями Запада (особенно между Англией и Францией) для восстановления своего влияния на Балканах. Однако последствия Крымской войны, внутренняя слабость и нестабильность в стране не позволяли России бороться за контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, поэтому одним из путей ее проникновения на Балканы являлась поддержка национально-освободительных движений христианских нетурецких народов. Докладывая царю о внешней политике России в период с 1856 по 1867 годы, А. М. Горчаков писал: «Рано или поздно христиане спросили бы у нас отчета за их напрасно пролитую кровь. Императорский кабинет таким образом счел, что единственная линия поведения – оставить свободу действий христианам Востока на собственный страх и риск, уведомив их при этом, что им не следует надеяться на какую-либо непосредственную материальную помощь нашей страны». Россия, по мнению канцлера, могла оказывать христианам только моральную поддержку³⁵.

Особо следует сказать о том, что российское правительство очень долго не имело общего плана действий на Востоке: среди дипломатов, политиков и «государственных мужей» дискутировались вопросы о тактике и выборе союзников. Н. П. Игнатьев,

наследник престола великий князь Александр Александрович, великий князь Константин Николаевич были сторонниками более решительных действий. Игнатьев вообще сомневался в целесообразности тесного союза с Австро-Венгрией. Пользуясь своим влиянием на султана, он первоначально рассчитывал развязать балканские осложнения через прямое общение с Абдул-Азизом. Взгляды Игнатьева разделял и представитель России в Рагузе (Дубровник) А. С. Ионин, «не доверявший Австро-Венгрии и призывавший действовать самостоятельно»³⁶. Император Александр II и А. М. Горчаков наоборот, опасаясь повторения «Крымской ситуации», проводили примирительную тактику, действуя в союзе с Австро-Венгрией и Германией. Министр иностранных дел предпочитал в эти годы информации Игнатьева донесения российского посла в Вене Е. П. Новикова, сторонника русско-австрийского союза.

Таким образом, в решении балканской проблемы в целом и болгарской в частности в российской дипломатии столкнулись две тактики, которые В. М. Хевролина справедливо характеризует следующим образом: осторожный курс А. М. Горчакова, направленный на проведение реформ в христианских провинциях Османской империи с помощью европейских держав, и курс Игнатьева, с одной стороны, рассчитывавшего на освобождение балканских народов путем объединения их сил в антиосманских восстаниях, с другой, предлагавшего реализацию реформ путем прямых переговоров с Турцией без участия Европы³⁷. Но ни планам Горчакова, ни проектам Н. П. Игнатьева не суждено было сбыться.

Сложившаяся ситуация в рассматриваемое время характеризуется тем, что в 70-х годах XIX века обостряются русско-английские отношения, усиливаются позиции Великобритании на Ближнем Востоке, о чем, например, сообщал Н. П. Игнатьев: «Экономическое влияние Англии влекло за собой и политическое, антирусское по своей направленности»³⁸, и писал К. Маркс: «Англия господствовала над мировым рынком»³⁹.

Дизраэли выступил с речью, в которой осудил агитацию Гладстона, настраивавшего общественное мнение против «отвратительного Турка» и требовавшего лишить турок права отправлять исполнительную власть в Болгарии как «непатриотическую», наносящую ущерб долговременным интересам Англии и фатальную для судеб мира и Европы. Лорд Кинросс пишет, что в день вступления в должность лорд-мэра Лондона Дизраэли произнес впечатляющую речь в пользу независимости Турции и против «тех ужасных призывов к войне», которые исходили из России⁴⁰. Франция после окончания франко-прусской войны теряет свои политические и экономические позиции в Османской империи, уступая их Австро-Венгрии и Германии. Созданная на прусской основе Германская империя после победы над Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1870) в сравнительно короткое время приобрела большое значение в «европейском концерте». Образование Германской империи толкало правительства Франции и России к сближению, их объединяло желание подорвать монопольную власть Германии и восстановить «равновесие» в Европе. Однако русско-французские контакты тогда не привели к союзу. Австро-Венгрия после завершения австро-прусской и франко-прусской войн утратила свои позиции в Центральной Европе; и тогда основным направлением австрийской политики становятся Балканы, которые приобрели не только экономическое, но и стратегическое значение. Активное проникновение Германии в Османскую империю происходило одновременно с австро-венгерским продвижением на Балканах и усилением русско-австрийских противоречий, что существенно влияло на изменение характера отношений России с Турцией⁴¹.

В 1872–1873 годах Россию, прежде всего, интересовал Восточный вопрос. Австро-Венгрия, опираясь на поддержку Германии, намеревалась подчинить балканские народы своим интересам и ослабить влияние России, добывавшейся от Австро-Венгрии заверения не вмешиваться во внутренние дела христианских народов Турции⁴². В данном слу-

чае попытка не удалась, и Россия вынуждена была признать за Австро-Венгрией права на влияние в славянских землях Турции, которые до тех пор ревниво оберегала Россия.

Германия стремилась изолировать Францию и добиться общего руководства европейской политикой. По мнению начальника главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова, Россия союзом с Пруссией дала последней достигнуть всего, а сама осталась «ни при чем»⁴³. И, как показали дальнейшие события, он оказался прав. Разногласия между союзниками были столь очевидны, что Российская империя меньше других участников соглашения могла воспользоваться его преимуществами.

В отечественной историографии обоснованно отмечается, что Союз трех императоров существенно не смог изменить вектор восточной политики Петербурга. При всех расхождениях и противоречиях в Союзе в период с 1873 по 1875 годы он служил своего рода стержнем мировой политики, вокруг которого строились взаимоотношения государств Европы. Но Союз не смог принести «успокоение» на Балканы, примирить балканские народы с политикой османской Порты. Уже в 1874 году весьма ощутимо проявились симптомы нового назревания Восточного кризиса⁴⁴, во многом обусловленного обострением экономических и социально-политических проблем в Османской империи.

В условиях острой внутривосточной борьбы Порты считала, что действенным, если не единственным средством решения этих проблем является борьба с национально-освободительным движением на Балканах, которая велась ею под лозунгом сохранения единства Османской империи. Подобные акции с использованием идеи «общеимперского патриотизма» призваны были переключить внимание передовых слоев общества от конституционалистских проектов и укрепить власть султана над нетурецким населением⁴⁵.

В годы противоборства России с Османской империей, близость России с южными славянами и поддержка борьбы балканских народов против национального угнетения позволяла ей восстановить утраченные позиции на Востоке, ослабить влияние стран Запада, изменить обстановку на Балканах. Эти действия России, отвечавшие интересам балканских народов, но ослаблявшие Османскую империю, встречали противодействие западных держав, а также лидеров турецкого конституционного движения, использовавших антирусскую пропаганду в борьбе против возглавившего правительство великого визиря Махмуд Недим-паши (1871–1876), ориентировавшегося в своей политике на Россию⁴⁶.

Таким образом, Балканский кризис, обострение Восточного вопроса и выступления российской общественности оказали существенное влияние на политику, проводимую Россией на Балканах, и в частности в Болгарии. Приведенный выше материал позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемый период времени отношение российской дипломатии к проблемам болгарского народа было далеко неоднозначным. Напомним, что в политических планах России вопрос о предоставлении Болгарии независимости впервые был поставлен в период подготовки русско-турецкой войны 1853–1856 годов. «Болгарский вопрос» то «притягивал» внимание Петербурга, то «терялся» в общевосточных проблемах. Но по мере обострения борьбы болгар за автокефалию своей церкви, разрастания национально-освободительного движения, апогеем которого стало Апрельское восстание, жестоко подавленное турками, привлекли внимание и искреннее сочувствие самых различных слоев русского общества. Считаем, что этот фактор оказал весьма значительное влияние на дипломатическую политику русского правительства, в стратегических планах которого Болгария начинает фигурировать все чаще. Отношение российской дипломатии к «Болгарскому вопросу» постепенно приобретает все более зримые и четкие очертания.

Особо отметим, что политика русского правительства переходит от «осторожной» (Горчаковской) позиции по балканской проблеме к «решительной» (Игнатьевской). Явным рубежом в резком переломе позиций стало Апрельское восстание 1876 г.

- ¹ Кузьмичева, Л. В. Русские добровольцы в сербско-турецкой войне 1876 г. – В: Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981, 80–81.
- ² Кузьмичева, Л. В. Благими намерениями... (Сербский вопрос на заключительном этапе русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). – В: Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875–1878 гг. М., 2006, с. 92.
- ³ Валуев, П. А. Дневник. В 2-х т. Т. 2. М., 1961, с. 349.
- ⁴ Улунян, А. А. Россия и Освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877–1878 гг. М., 1994, с. 64.
- ⁵ Мартенс, Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. СПб., 1879, с. 201.
- ⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. сборник документов. В 3-х т. Т. 1, М., 1961, с. 418.
- ⁷ Милютин, Д. Дневник. В 3-х т. Т. 2. М., 1949, 438–439.
- ⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1, с. 396.
- ⁹ АВПРИ, ф. Отчеты МИД. 1876, л. 103 об. – 104.
- ¹⁰ Милютин, Д. Указ. соч., с. 93.
- ¹¹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 2. М., 1966, с. 187.
- ¹² Милютин, Д. Указ. соч., с. 92.
- ¹³ Кузьмичева, Л. В. Благими намерениями..., 92–93.
- ¹⁴ Павловска, Цв. Император Александър II – в действащата армия през руско-турската освободителна война (1877–1878 г.). – В: България и Русия между признателността и прагматизма. Тезиси на доклади Международна научна конференция. София, 28 февруари – 1 март 2008 г. С., 2008, 41–42.
- ¹⁵ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Вып. 1, с. 32.
- ¹⁶ Айрапетов, О. Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг. М., 2006, 317–318.
- ¹⁷ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1, с. 489.
- ¹⁸ Там же, с. 496.
- ¹⁹ История Османского государства, общества и цивилизации. В 2 т. Т. 1. М., 2006, с. 79.
- ²⁰ Муратов, Х. И. Османская империя. – В: Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1. М., 1940, с. 427.
- ²¹ Цит. по: Миллер, А. Ф. Краткая история Турции. М.-Л., 1948, с. 95.
- ²² Петросян, Ю. А. Младотурецкое движение. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1971, 92–93.
- ²³ Кузнецов, В. С. Абдул-Хамид II. – Вопросы истории, 2006, № 4, 49–50.
- ²⁴ Цит. по: Кинросс, Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999, с. 559.
- ²⁵ Улунян, А. А. Указ. соч., с. 66.
- ²⁶ Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 2 января.
- ²⁷ Русско-германские отношения. Секретные документы. М., 1922, 53–61.
- ²⁸ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997, с. 189.
- ²⁹ Отечественные записки, 1876, № 6, с. 97.
- ³⁰ Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII в. – начало XX в. М., 1978, с. 212.
- ³¹ Новое время, 1877, 13 марта.
- ³² Восточный вопрос во внешней политике России ..., 212–213.
- ³³ Гейсман, П. А. Введение в историю русско-турецкой войны 1877–1878 гг. СПб., 1906, с. 58.
- ³⁴ Цит. по: Муратов, Х. И. Роль Англии в «восточном кризисе» (Английская дипломатия и русско-турецкая война 1877–1878 годов). – Историк-марксист, 1940, № 7 (83), с. 77.
- ³⁵ Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998, с. 329.
- ³⁶ Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 201.
- ³⁷ Хевролина, В. М. Н. П. Игнатъев и А. М. Горчаков: два взгляда на решение балканской проблемы (вторая половина 60-х гг. XIX в.). – В: Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875–1878 гг. Сб. статей. М., 2006, с. 31.
- ³⁸ Государственный архив Российской Федерации. 1874, д. 545, л. 11 об. – 12.
- ³⁹ Маркс, К. Русская победа. – Позиция Англии и Франции. – В: Маркс, К., Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 9, с. 159.
- ⁴⁰ Кинросс, Лорд. Указ. соч., с. 562.
- ⁴¹ Восточный вопрос во внешней политике России..., 193–194.
- ⁴² Горянов, С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, с. 280.
- ⁴³ Феоктистов, Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929, с. 67.
- ⁴⁴ Восточный вопрос во внешней политике России..., 196–197.
- ⁴⁵ Петросян, Ю. А. Младотурецкое движение..., 17–30; Он же. Русские на берегах Босфора (Исторические очерки). СПб., 1998, 142–143.
- ⁴⁶ Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 198; Петросян, Ю. А. Русские на берегах Босфора ..., с. 143.

С. О. Наумов

**«БОЛГАРСЬКА ТЕМА» В УКРАЇНСЬКОМУ
НАЦІОТВОРЕННІ ІМПЕРСЬКОЇ ДОБИ:
ДО ПИТАННЯ ПРО ВЗАЄМОДІЮ
«НАЦІОНАЛЬНИХ ПРОЕКТІВ»**

Один із провідних українських фахівців у галузі болгарської історичної проблематики В. Чорній не так давно констатував, що, попри більш ніж тисячолітні доволі активні українсько-болгарські стосунки, їхня історія досліджена дуже слабо¹. Це стосується і вивчення взаємин двох народів у рамках явища, яке традиційно визначалося як «національне відродження». Принаймні, в українській історіографії зовсім небагато відповідних публікацій, причому майже всі вони стосуються впливу українських діячів, культури в цілому на болгарське відродження². Вивчення цього впливу було б корисно продовжити у взаємозв'язку зі зворотнім процесом – тим більше, що загальновизнана теза про відставання українського відродження вже сама по собі стимулює роздуми про можливий вплив на нього з боку більш розвинутого болгарського варіанту.

Актуальність таких міркувань стає ще більш очевидною з огляду на деякі тенденції в сучасній літературі з проблем націоналізму. Йдеться про те, що впродовж останнього десятиліття на пострадянському історіографічному просторі завдяки вченим-модерністам спостерігається все дальший відхід від терміна «національне відродження» (який фактично став маргінальним) до «націотворення» і «національного проекту»³. Г. Касьянов, один із найбільш послідовних adeptів «концептуальної революції» в дослідженні українського націоналізму (національного руху), ще 1999 р. доводив у своїй популярній праці: «Термін «національне відродження», очевидно, варто брати в лапки, підкреслюючи тим самим його умовність. Загалом, здається, можна було б запропонувати альтернативний термін — націотворення, оскільки і за змістом, і за формою українське «національне відродження» було саме творенням нації, і суб'єктивний чинник мав вирішальне значення для «започаткування» цього процесу. У цьому контексті нового значення набуває запропонований Р. Шпорлюком термін «український проект»: націотворення було б неможливим без такого проекту. Нація мала виникнути спочатку в уяві діячів «національного відродження» як умоглядна конструкція, і лише згодом ця справді «уявлена» спільнота, цей проект були пов'язані в єдине ціле, узгоджені з «об'єктивними» соціально-політичними, культурними, геополітичними та іншими реаліями»⁴.

З першого погляду цілком нормальна і коректна робота над уточненням наукової історичної термінології, зумовлена, зокрема, конвенційним характером останньої, в даному разі, на нашу думку, має специфічний підтекст. Якщо «національне відродження» можна розуміти як органічний, об'єктивний, закономірний процес перетворення «етнографічної маси» під дією певних чинників у націю, то в категорію «націотворення» вкладається мало не протилежний зміст. Для «ортодоксальних» модерністів це явище суб'єктивне, штучне, привнесене, перебіг і результати розвитку якого не детерміновані і залежать від суспільної кон'юнктури. «Національний проект» виглядає як процес створення певною соціальною групою (як правило, купкою інтелігентів – «будителів нації»), яка претендує на провідну роль, нового («національного») образу, нового уявлення суспільства про себе (як про

«націю») і прищеплення його достатньо довільно визначеному людському колективу. У разі успіху «національний проект» реалізується у вигляді нової політичної спільноти – нації. Питома вага суб'єктивного, довільного, штучного залишається не визначеною, що уможливорює їх абсолютизацію чи приписування такої абсолютизації авторам модерністської версії націогенези. Українські та російські популяризатори останньої, схоже, це помічають (якщо не вважають у глибині душі за нормальне явище) і роблять відповідні застереження. Г. Касьянов зауважує, що це питання «не слід розуміти механістично: нібито купка інтелектуалів винайшла чи запозичила ідею «української нації» і спробувала застосувати її на практиці...»⁵. За визнанням В. Малахова, тезу про конструювання націй легко можна перевести у площину їх фабрикації, що спостерігається в сучасній російській літературі⁶.

Проте це не заважає модерністам наголошувати на «імітаційному характері» «національних проектів», що значною мірою підриває згадані застереження, адже «імітація» є лише способом «фабрикації». Б. Андерсон вважає характерною рисою європейських націоналізмів XIX ст. те, що «можна було вживати наявні моделі»: «Як тільки почала з'являтися друкована інформація про рухи за незалежність на американському континенті, вони відразу ж перетворились у «концепти», «моделі» й навіть «проекти»»; «Вже в другому десятилітті XIX ст., як не раніше, «модель» незалежної національної держави стала доступною для копіювання. (Першими групами, що вдалися до нього, були маргінальні коаліції інтелектуалів, об'єднаних довкола рідної мови...)»⁷ З Б. Андерсоном цілком погоджується російський дослідник О. Міллер: «Він правильно вказує на вторинний, імітаційний характер націоналізмів у Центральній і Східній Європі, які запозичували готові конструкції й адаптували їх стосовно своїх умов... Від себе уточнимо, що деякі націоналізми, у тому числі й український, запозичували взірці у народів Центральної Європи, передусім у чехів і поляків»⁸.

Оскільки аргументація цих положень не переобтяжена емпіричним матеріалом, на нашу думку, було б корисно на прикладі взаємодії болгарського і українського «національних проектів» простежити очікуваний вплив «старшого» з них, більш розвиненого болгарського на український, щоб зробити попередні висновки щодо того, наскільки «працює» «імітаційна модель». Поняття «національне відродження», «націотворення», «національний проект» уживатимуться як синонімічні, оскільки в даному випадку важливо, що вони, хоч і по-різному, характеризують один і той же процес – пошук відповіді на так зване «національне питання» та її реалізацію. Фактичний матеріал стосується, як правило, Наддніпрянської, «підросійської» України.

Українсько-болгарські культурні зв'язки першої половини XIX ст. відіграли важливу роль у становленні науки й культури обох народів, що в тих умовах мало вирішальне значення для успішного розгортання процесів національного відродження. Діючи, з іменами яких пов'язують перший етап (наукового зацікавлення, «академічний») українського відродження, виявляли інтерес до болгарської культури насамперед тому, що вона історично мала великий вплив на культуру слов'янського світу. Під цим кутом зору найбільшу зацікавленість викликали становлення і розвиток болгарської мови і літератури, діяльність просвітителів Кирила і Мефодія. Так, О. Бодяньський цікавився «класичною» кирило-мефодіївською проблематикою, вивчав давні болгарські тексти, займався публікацією пам'яток староболгарської літератури. Підсумком цих наукових зацікавлень стала його докторська дисертація «Про час виникнення слов'янських письмен», опублікована в 1855 р. Проте з точки зору національно-культурного відродження все ж більше значення мали дослідження сучасного стану болгарської культури. Зокрема, І. Срезневський першим здійснив науковий аналіз сучасної болгарської літератури. Найбільш відомим дослідженням І. Срезневського харківського періоду став «Нарис книгодрукування в Болгарії» (1846)⁹.

Характерною особливістю того періоду було переважання українських («малоросійських») впливів, завдяки яким болгарська культура дістала відчутний стимул для розвитку. У переліку українсько-російських діячів, які найбільше спричинилися до цього, на перше місце, і не лише за хронологією, слід поставити Ю. Венеліна (Гуцу). Його праці «Давні і нинішні болгари», «Про зародження нової болгарської літератури», фольклористичні студії допомогли болгарам відкрити духовне багатство, витoki і давні традиції їхньої культури, дали потужний поштовх національному відродженню. Оцінюючи цей аспект діяльності Ю. Венеліна, М. Арнаудов відзначав, що він «запалив першу іскру нашого національного прозріння, вивчення нашого рідного минулого і нашої живої старовини, чим прискорив болгарське відродження»¹⁰. За словами І. Франка, Ю. Венелін «як будитель народного духа болгарського, воскреситель їх славної минувшини стоїть гідно обіч імен таких болгарських патріотів, як Любен Каравелов, Раковський, брати Міладінови, Захарій Стоянов»¹¹.

Було б важливо дати відповідь на питання про можливий взаємозв'язок між болгарською та місцевою проблематикою у творчості українських романтиків. Проте без додаткового дослідження неможливо встановити, чим саме стимулювалась зацікавленість того чи іншого діяча болгарською тематикою, чи було це безпосередньо пов'язано з їхньою діяльністю, яку можна було б зарахувати до «відродження». Логічно припустити, що звернення до болгарського культурного відродження відбувалось у взаємозв'язку з такою діяльністю: зацікавлення в «своєму» стимулювали пошук паралелей і аналогій у «іншому», але позірно подібному. Крім того, у даному випадку міг спрацьовувати ефект «дзеркального Я», відомий з філософії діалогічного персоналізму, у якій діалог трактується як «повернення до Я через Ти» (М. Бубер) чи як світ проникнення в особистість Іншого і через нього – в самого себе (М. Бахтін)¹². Інакше кажучи, дослідження духовного світу болгар мало стимулювати інтерес до власного народу, і не випадково болгаристи першої половини XIX ст. в Україні, як правило, були аматорами й дослідниками української («малоросійської») історії та культури.

На українських землях в середовищі місцевих інтелектуалів поступово складався своєрідний славістичний дискурс, актуалізувалась слов'янська проблематика, формувалась наукова концепція вивчення слов'янських народів. Згаданий Ю. Венелін вважається одним із засновників славістики в Росії та Україні. Під впливом його праць сформувалися наукові інтереси таких відомих українських учених-славістів, як М. Максимович, О. Бодяньський, І. Срезневський, В. Григорович, О. Потєбня та інші, які стали поборниками ідеї єдності та дружби слов'янських народів, присвятили чимало праць історії та культурі власне болгарського народу. І. Срезневський уже в своїй першій публічній лекції у Харківському університеті 16 жовтня 1842 р. накреслив схему «народознавчого» дослідження, а згодом першим почав давати студентам систематизовані відомості з історії, етнографії, мови й літератури болгарського народу, заохочувати їх до наукових пошуків у галузі болгаристики¹³.

Більше того, багатий матеріал, накопичений у ході вивчення процесу націотворення у болгар та інших слов'янських народів, дозволяв зробити висновки, принципово важливі для тогочасного культурного та суспільного життя України. Зокрема, І. Срезневський, спираючись на огляд болгарських літературних джерел 1840–1845 рр., стверджував, що «початки болгарської літератури гідні уваги допитливого слов'янина не лише у філологічному відношенні: вони засвідчують прагнення народу вийти на шлях освіченості». Таким шляхом, на думку вченого, має йти кожний народ, котрий протистоїть духовному занепаду, виборює собі гідне місце серед цивілізованих народів. У «Нарисі книгодрукування в Болгарії» І. Срезневський звертався до болгарських письменників з порадою не цуратися рідної мови, глибоко вивчати і правдиво висвітлювати

історію свого краю, постійно знайомити читачів із зразками культури старовини і сучасності¹⁴. Зрозуміло, що ці констатації й настанови були не менш актуальними для української інтелігенції.

Наведені факти і висловлювання, на нашу думку, дозволяють стверджувати, що болгарські зацікавлення були одним із тих чинників, які стимулювали зміну дослідницьких акцентів, «переадресацію» уваги українських учених з імперської/загально-російської чи всеслов'янської тематики на вивчення свого народу. Крім того, тут наявні окремі елементи наукової концепції національного відродження так званих «малих» чи «неісторичних» народів: усвідомлення його актуальності, універсальності, значення патріотичного/національного почуття і культурного чинника (мови, літератури, історії), роль народознавчих студій як наукової основи та ін. У кінцевому підсумку все це сприяло зародженню і поступовому формуванню модерного «національного» дискурсу, було однією з його передумов і чинників.

Проте стосовно періоду до 40-х рр. XIX ст. (у межах якого діяльність, характерна для «академічного» етапу відродження, була найбільш помітною) говорити про наявність такого дискурсу означало б штучно есенціалізувати його. Діячі того часу були щонайбільше носіями регіональної «малоросійської» ідентичності в її суто культурному варіанті, позбавленому будь-яких політичних, правових, визвольних мотивів, суб'єктивно далекими від усвідомлення суті і завдань національного відродження, що взагалі характерно для першого етапу. З. Когут таким чином описував цю ситуацію: «Із першої чверті XIX століття українці почали відкривати інші сфери своєї окремішності від росіян. Під впливом Гердера та романтизму нове покоління відкрило український народ і народну мову. До заборон у 1860-х–1870-х роках література, писана народною українською мовою, поступово розвивалася як звичайний локальний варіант більшої, загальноросійської літератури. У цьому розумінні українці все ще послуговувалися старою концепцією Малоросії, але застосовували її в царині народної мови та літератури»¹⁵. Разом з тим об'єктивно їхні творчі здобутки в галузі української («малоросійської») історії, словесності, етнографії, власне, і склали зміст цього етапу, забезпечували присутність «малоросійської» тематики у суспільному, зокрема, культурному житті і підживлення відповідних романтично-ностальгійних настроїв. До того ж їх можна вважати (принаймні, до певної міри) «українською відповіддю» формуванню російської національної культури, альтернативою її безроздільному домінуванню в «малоросійському» суспільстві. У подальшому все це мало слугувати (і слугувало) підвалиною для формування повноцінної («високої») модерної української культури, ідеологічних постулатів національного руху, поширення «національного сентименту» як необхідної емоційної основи для появи нового покоління його діячів.

Проте відстань між «закладанням основ» для українського культурного відродження і їх осмисленням та реалізацією виявилася тривалою в часі і пунктирною за перебігом. Мрійливо-радикальна політизація українського питання в контексті загальнослов'янського визволення членами Кирило-Мефодіївського товариства і революційні спроби вирішення польського питання, з якими так чи інакше (територіально і концептуально) була пов'язана актуалізація української проблематики у другій третині XIX ст., викликали, з одного боку, більш пильну увагу до неї з боку влади, а з іншого – відштовхнули від неї частину і так вкрай нечисленних «українсько-малоросійських» патріотів, а решту спонукали на якийсь час згорнути свою діяльність (найбільш показовий щодо цього десятилітній «антракт» з кінця 40-х до кінця 50-х рр. XIX ст., але більш відомий – у наступному десятилітті, який, власне, й отримав таку назву від М. Драгоманова)¹⁶ або не виходити за вузькі межі легального українофільства. Така ситуація мінімізувала не лише можливості, а й потребу у засвоєнні досвіду інших народів.

Тому тривалий період – принаймні 1840–1860-ті рр. – пов’язаний з переважно однобічним українським культурним впливом на болгарське національне життя.

Особливе значення в цьому плані мала творчість Т. Шевченка. За поширеною думкою, вона відіграла найбільшу роль у культурних взаєминах і духовному взаємозбагаченні українського та болгарського народів у XIX ст. Переклади Шевченкових творів болгарською мовою почали з’являтися у 60–70-х рр. XIX ст. Першими болгарськими перекладачами поезії Великого Кобзаря були Р. Жінзифов, Л. Каравелов, П. Славейков. Вплив Т. Шевченка відчувається в їхніх поезіях, творах І. Вазова та інших болгарських письменників того часу.

З точки зору болгарсько-української взаємодії становище змінилось у 1870-х рр., що пов’язано як з певною активізацією (і, частково, радикалізацією) українського руху, так і особливо – з новою якістю болгарського націотворення, яке у своєму розвитку значно випередило український відповідник, перейшовши у політичну стадію, стадію безпосередньої боротьби за національну державність. Зрозуміло, що найбільший резонанс серед громадськості Російської імперії викликали події російсько-турецької війни 1877–1878 рр. та утворення Болгарської держави. Для населення південних, українських губерній ця тема була тим більше хвилюючою – не тільки через територіальну близькість, а й тому, що саме тут формувалися основні людські ресурси, задіяні в бойових діях з російського боку; перші волонтери були направлені на Балкани з Києва¹⁷. С. Русова пізніше згадувала: «Рік 1876/77 відзначився особливим інтересом до політичних питань... Перші озвались до них [південних слов’ян. – С. Н.] по-братерськи Українці, – вони добре знали, що то значить політична неволя; збиралися гроші, зброя, невеличкими гуртками люди переходили через кордон і йшли вмирати за велику ідею – визволення слов’ян. У Києві існувала таємна невеличка організація, що допомагала цим гурткам, добувала для них зброю, невеликі суми грошей»¹⁸.

Проте навряд чи можна погодитися з вочевидь гіперболізованими твердженнями на кшталт того, що «ці події знайшли якнайширший відгук серед українців, породили нові надії на зміни в Російській імперії, на виникнення якісно нової геополітичної ситуації, у якій, гадалося, знайдеться місце і для певного розв’язання «українського питання»»¹⁹. Балканські події загалом трактувалися крізь призму імперської величі Росії, всеслов’янства, солідарності братніх народів, захисту православ’я тощо. Та сам факт руйнування імперської (османської) гегемонії і здобуття власної державності болгарським народом після багатовікового гноблення не міг не спровокувати певні альянзи, розмірковування щодо подібності (і відмінності) російської ситуації. Вони не так часто «додумувалися» до кінця і тим більше не артикулювалися відкрито, але їхня присутність у суспільній думці незаперечна.

У цьому переконує зміст тогочасних періодичних видань, які не були пов’язані з українським рухом. Прикладом може слугувати одеська «Правда», публікації про балканські події якої вписуються в окреслений вище контекст. Але поряд з цим у окремих статтях зустрічаються висновки, актуальні саме з точки зору протиймперських, національно-визвольних настроїв. Так, у одній зі статей початок «нової ери» для слов’янського світу пов’язувався з руйнуванням імперської системи, яка тримається на насильстві і для гноблених народів не становить жодної цінності, є ярмом, яке безумовно треба скинути (зі зрозумілих причин ці висновки обмежувалися випадком Туреччини й обґрунтовувалися конфесійними мотивами): «У Туреччині християнське населення не тільки не має нічого спільного з цілями та устремліннями уряду, але й, навпаки – його національні інтереси прямо протилежні. Серб, болгарин чи грек, як підданий султана, не тільки не цінує стабільність та міцність державного устрою, а кориться йому тільки завдяки примусу та силовому тиску; він не тільки не пишається

могутністю своєї держави, а й у повному її розпаді вбачає позбавлення себе від тяжкої неволі». Анонімний автор наголошував на несправедливості й архаїчності державного ладу Османської імперії, що тримався, зокрема, на гнобленні залежних народів. Як альтернатива, пропонувався варіант, близький до політичної нації: «Єдність національних прагнень усього народу з його урядом, який має в цьому народі своє коріння та служить виразником національної свідомості як у внутрішній, так і у зовнішній діяльності – ось необхідні умови сучасної держави»²⁰.

Але для перенесення визвольних ідей, генерованих чи усвідомлених під впливом балканських подій, на український ґрунт необхідна була його підготовленість, національно-політична свідомість активних учасників процесу націотворення, яка тогочасним «українофілам» не була притаманна. Якоюсь мірою повторювалась описана вище ситуація першої половини ХІХ ст., коли під впливом болгарської дійсності продукувались важливі для українства ідеї, але українська суспільна думка ще не була готова їх сприйняти. Проте на цей раз вона мала місце на наступному витку націотворення, це вже були ідеї, спрямовані на сферу політики, а не культури. Різниця була і в тому, що, на відміну від основного масиву «непіддатливих» радикальним ідеям українських діячів, у їхньому загалі вже були хоча б поодинокі люди, готові до цього. Одним із них був М. Драгоманов.

У контексті формування, розвитку і взаємовпливів «національних проектів» значення його діяльності було подвійним. І. Лисяк-Рудницький, який присвятив постаті М. Драгоманова низку ґрунтовних студій, вказував на своєрідність його творчості: «Літературна спадщина Драгоманова складається з двох чітко відмінних частин – наукових праць, головню з етнографії та фольклору, і політичних творів, які за своєю формою є суто публіцистичними»²¹. Ця характеристика підходить і до його діяльності, пов'язаної з болгарським (і ширше – слов'янським) питанням.

М. Драгоманов продовжив традицію українського культурного впливу на болгарське націотворення, зробивши вагомий внесок у розвиток болгарської «високої» культури. Він по праву може вважатися одним із основоположників університетської освіти і науки в Болгарії, оскільки в 1889–1895 рр. був серед перших професорів Софійського університету – першого вищого навчального закладу в країні. Студентами й учнями М. Драгоманова були добре відомі пізніше науковці – академік Ю. Трифонов, літературознавець Б. Ангелов, фольклорист та історик літератури Й. Іванов, географ А. Іширков та інші. М. Арнаутов, оцінюючи значення наукової діяльності М. Драгоманова для Болгарії, вказував, що він «скерував науку про нашу народну творчість до нових, сучасних горизонтів» і порівнював його в цьому плані з Ю. Венелінім²². І. Франко з приводу культурної роботи М. Драгоманова в Болгарії емоційно відзначав: «Щасливі Болгари! Ми, Русини-Українці, як та євангельська вдова, даємо їм «от убожества нашого», даємо їм більше, ніж маємо, а властиво даємо те, чого самі не маємо». На його думку, у той момент болгарської історії, коли часи «патріотів-гайдуків» минули, а молода незалежна держава потребує «патріотів-реалістів, людей з широкою освітою», доля послала «болгарам в учителі чоловіка якнайвідповіднішого»²³.

З іншого боку, М. Драгоманов як представник українського руху прагнув використати на його потребу досвід болгарського націо- і державотворення, застосувавши цей досвід до реалій Російської імперії. Він був по суті першим, хто осмислив болгарсько-українські культурні взаємовпливи, їх прояви і значення. Саме на цьому наголошував І. Франко: «Драгоманов навчив нас бачити сліди давніх культурних зв'язків нашого народу з іншими народами, свідчення про такі духовні зносини і впливи»²⁴. М. Драгоманов убачав у болгарському культурному відродженні гідний взірець не лише з точки зору зробленого і досягнутого, а й з огляду на його якість. Так, порівнюючи

стан культури болгарської й української (у Галичині), він відзначав, що «болгарська література багато в чому випередила галицько-руську: вона вже дає серйозні наукові, по-європейському писані, праці етнографічні й лінгвістичні, дуже багато періодичних видань, в котрих хоч більше друкуються переклади, та все видно добрий смак у виборі, тоді як галицька печать бідніша і кількістю і мертвіша, схоластична»²⁵. Саме «європейськості» і модерності, тобто відповідності сучасному стану суспільних рухів і народознавчих студій у Європі, на думку мислителя, чи не найбільше бракувало українцям, про що він неодноразово і дуже гостро висловлювався у своїх творах.

Балканські події 1876–1878 рр. дали М. Драгоманову додатковий поштовх для осмислення українсько-слов'янської взаємодії і в той же час – для переосмислення українського питання. Останнє для нього перейшло головним чином у політичну площину: ключовими питаннями стали перспективи України у складі Російської імперії; співвідношення внутрішнього і зовнішнього чинника у національному визволенні; значення слов'янської єдності як знаряддя визволення (з боку гноблених народів) і поневолення (з боку Російської імперії). Відповідні ідеї, спершу частково викладені у статтях «Турки внутрішні і зовнішні» (1876), «Внутрішнє рабство і війна за визволення» (1877) та деяких інших, знайшли концентроване відображення в «Передньому слові до «Громади» (1878). Вони стали наслідком аналізу передусім російської дійсності, внутрішньої та міжнародної політики царського уряду, яка, зокрема, в українському питанні саме тоді стала значно жорсткішою (Емський акт 1876 р.). Разом з тим хронологія і зміст цих публікацій переконують, що Квітневе повстання 1876 р. в Болгарії і Балканська війна стали каталізатором формулювання Драгомановим політичної програми – першої (якщо не рахувати Кирило-Мефодіївського товариства) в модерному українському русі. Не випадково слов'янська тематика широко представлена на сторінках «Громади», яку М. Драгоманов видавав у Женеві в 1878–1882 рр.

Принципово важливе значення мав новий для тогочасного українського руху контекст, який можна охарактеризувати як політичний і європейський (передусім загальнослов'янський). Певною мірою розвиваючи ідеї кирило-мефодіївців, М. Драгоманов наголошував на взаємопов'язаності історичної долі слов'янських народів та необхідності спільної політичної боротьби: «Звісно, що ближче всього для українського громадянина будуть справи сусідів його найріднішої породи й найподібнішої долі, себто слов'ян. Товариство всеслов'янське для громадянина українського мало чим не така ж сама потреба, як і товариство громад українських»²⁶.

Поряд з цим М. Драгоманов гостро виступив проти підпорядкування слов'янських визвольних рухів «офіційному», імперському панславізму. Викриття імперіалістичних намірів російського самодержавства на Балканах, використання ним образу «захисника слов'ян» у власних корисливих цілях було одним із лейтмотивів публіцистичних праць М. Драгоманова другої половини 1870-х рр. Виступаючи проти «Росії казенної», офіційної, Драгоманов не зупинився на критиці її державної політики. Він ішов далі, показуючи, що широкі кола російської громадськості, переконані в своєму щирому слов'янолюбстві, також «заражені» імперськими настроями²⁷. Окреслені ним у цьому зв'язку питання мали тим важливіше значення для політичного зорієнтування і вироблення тактики українського руху, що на той час малоросійська інтелігенція у переважній більшості щиро переймалася ідеями всеслов'янського і східнослов'янського братерства, а сподівання на визвольну місію самодержавства були притаманні попередньому, «романтичному» поколінню діячів українського відродження²⁸. Альтернативою включенню українства на правах «молодшого брата» в політичний і соціокультурний контекст Російської імперії, своєрідним «вікном у Європу» мали стати визволені слов'янські народи.

Підкреслюючи, що пробудження слов'янських народів сталося внаслідок власного поступу, а не завдяки російській зброї, редактор «Громади» робив висновок, що вирішальне значення для визвольної боротьби має готовність самої нації, а зовнішній чинник може виступати лише як допоміжний. Запорукою кращого майбутнього української нації могла бути лише її мобілізація, розгортання масового національно-визвольного руху.

Помітно, що для М. Драгоманова, на відміну від тих же кирило-мефодіївців, визначальним був не всеслов'янський, а національний, суто український аспект цієї боротьби – як за метою, так і за змістом чи формами: «Звісно, в Україні не можуть же поставити діла слов'янські попереду своїх, ні навіть поруч з ними»; «Тепер найбільш всього треба українцям зібратись на своїй землі, коло свого люду і коло своїх хатніх діл», «усяка громадська праця на Україні мусить мати українську одежу, *українство*»²⁹.

Спостерігаючи за перебігом державотворення у слов'янських країнах, у тому числі й у Болгарії, М. Драгоманов у властивій йому критичній манері вказував на деякі непривабливі риси, застерігав від ідеалізації національної держави, вказував на спокусу її штучної гомогенізації шляхом асиміляції меншин: «Ми, напр., стоїмо за волю нашої породи, але ж ми думаємо, що було б не по правді, якби ми взяли по шнуру одбили ту межу, в котрій більша частина людей нашої породи, та й гнітили на менші частини або й на купки людей чужої породи, примушуючи їх становитись нашими, – так, як це робиться скрізь не тільки по державах, напр., як у французів, німців, москалів, угрів, поляків, а й по таких країнах, як наша, котрі ледве самі вибиваються з-під чужої неволі, напр., як у сербів, болгар і т. і.»³⁰

У зв'язку з балканськими подіями Драгоманов сформулював для себе етичну доміную політичної діяльності. Як наголошував Б. Кістяківський, один із кращих знавців спадщини М. Драгоманова, «вихідним пунктом для вирішення всіх тактичних питань для нього завжди слугувало положення: «чиста справа потребує чистих засобів», яке він висунув ще проти російського уряду, коли перед російсько-турецькою війною вказував на нещирість його «визвольної» політики на Балканському півострові»³¹.

Політичні ідеї Драгоманова, в тому числі й нав'язані балканськими подіями 1870-х рр., знайшли відгук серед української молоді. Їх впливу зазнали чи не всі національні молодіжні організації і гуртки останньої чверті XIX ст. Це дає підставу констатувати вплив практики болгарського (як і сербського та ін.) відродження на український рух у цілому, а не лише на окремих його діячів. Але цей вплив був опосередкований (в даному випадку творчістю М. Драгоманова), а сприйняті молоддю ідеї були не запозичені, наприклад, з болгарських політичних творів, а абсорбовані, «екстрактовані» тим же М. Драгомановим із болгарського досвіду.

На початку XX ст. ідеологія українських партій стала базуватись на інших засадах, аніж «драгоманівство», в її основу були покладені насамперед ліберальні або соціалістичні, а не націоналістичні концепції. Можливо, частково через це започаткована М. Драгомановим практика осмислення досвіду болгарського націотворення певний час не знаходила продовження. Це не означало паузи у взаємодії українського і болгарського «проектів», вона лише повернулася до формату культурних та особистих зв'язків.

Інтерес до проблем національного відродження інших народів, у тому числі й болгарського, в українському русі активізувався на низхідному етапі Першої російської революції та після неї. Потреба в осмисленні практики й використанні патріотично-виховного потенціалу національно-визвольних рухів була актуалізована національною інтелектуальною елітою, об'єднаною в Українській демократично-радикальній партії (з вересня 1908 р. – Товариство українських поступовців). Один із її лідерів, Є. Чикаленко, розповідаючи 28 березня 1908 р. своєму кореспонденту В. Доманицькому про проблеми партійної газети «Рада», число передплатників якої тоді не перевищувало 120

1500 осіб (на думку автора листа, це й був актив українського руху), ділився своїми планами: «Щоб підняти дух, надію у сих 1500 душ і підбить їх на більш енергичну пропаганду національного відродження, надумавсь я дати в «Раді» ряд статей про те, яким шляхом йшов сей процес у інших народів за границею і у нас. Треба розказати як одроджувались чехи, словаки, хорвати, серби, болгари і у нас – литовці, ести, латиші, вірмени, грузини та ін. Але треба розказувати жваво, цікаво, лекко, напів-анекдотично, белетристично, а не сухо науково-історично... Потім можна було б з сих статей скласти спільну книжку, яка мала б велике значіння в справі поширення укр[аїнської] самосвідомости. Ніякими теоретичними вислідами, доказами не можна так переконати людей, як прикладами з дійсності»³².

Цей план частково був виконаний: у 1908 р. спочатку у вигляді серії статей у «Раді», а потім у брошурному форматі були опубліковані нариси про національне відродження словаків (В. Доманицький) і білорусів (Д. Дорошенко)³³. У літературі є згадки і про брошуру про болгар, але суперечливі. Здебільшого йдеться про брошуру С. Русової «Как болгары добыли себе свободу»³⁴, перевидану українською мовою у Львові в 1909 р.³⁵. А з інформації А. Копилова і А. Заводовського, базованій на жандармських документах, випливає, що брошуру написав О. Русов, причому не пізніше 1906 р. Їхня версія видається менш імовірною не лише з огляду на якість джерела, а й тому, що тут же вони наводять неточну інформацію про арешт на № 224 «Ради» за 1906 р. за статтю «Сполох», у якій «з приводу проголошення Болгарії королівством робиться заклик до українців, щоб ті, слідом за болгарями, звільнялися від «тітоньки Росії»³⁶. Неточність тут подвійна: у 1906 р. було видруковано лише 81 число газети³⁷, а проголошення Болгарії «королівством» (царством) сталося у вересні 1908 р. Саме на той час і припадає газетна публікація, яка підтверджує інтерес українства до проблематики болгарського визвольного руху і певну радикалізацію суспільних настроїв унаслідок цього. Щодо брошури, то вона могла й не бути пов'язаною з планом С. Чикаленка – на це вказують дата публікації (якщо вона достовірна), нетипові для цієї серії мова і назва (див. нижче) видання. Над болгарською темою працював і Д. Дорошенко: в його особовому архівному фонді зберігається рукопис «Болгари»³⁸.

Таким чином, болгарське відродження знову опинилося в полі зору українців. Але й наведені цитати, і зміст публікацій свідчать про те, що болгарський та інші приклади були використані передусім з пропагандистською метою, для підтримки духу учасників українського руху в нелегкий час післяреволюційної реакції. Це підтверджується й своєрідним вибором народів, про які писалися брошури: серед них немає чехів і поляків, у яких українці начебто «запозичували взірці» в першу чергу³⁹. Принагідно висловимо припущення, що дійсним критерієм відбору було специфічне (і в цьому подібне до українського) становище народів – присутність сильнішого слов'янського народу («старшого брата»), який претендував на домінуючу роль, тобто конкурентного слов'янського «національного проекту» – відповідно чеського, російського (частково і польського) та сербського.

Починаючи з того часу, питання про національне відродження інших народів постійно присутнє, причому на концептуальному рівні, в українському русі. Про це свідчать, зокрема, списки літератури, яка вивчалася в нелегальних молодіжних об'єднаннях. Так, програма «для ведення освітньої праці» в гуртках Юнацької спілки Лівобережної України (квітень 1915 р.) містила розділ «Національні відродження інших націй», література до якого включала брошури В. Доманицького «Словаки, їх життя та національне відродження», Д. Дорошенка «Білоруси та їх національне відродження» і «Оповідання про Ірландію», С. Єфремова «Національне питання в Норвегії»⁴⁰ (болгарське питання з невідомих причин не було представлено).

Інтерес до болгарської проблематики значно зріс, як це було і в XIX ст., у зв'язку з воєнними подіями. На початку 1910-х рр. суспільна атмосфера в Європі знову стала вибухонебезпечною, причому одним із ключових чинників «перегріву» було саме національне питання. У передчутті великої європейської війни серед українців з'явилися різні «прожекти» і сподівання на грандіозні зміни. Притаманний українському руху міжреволюційного періоду ідейний ревізіонізм відтепер спрямувався не лише на суто внутрішні проблеми, а й на питання міжнародної політики. Балканські війни 1912–1913 рр., назрівання і початок Першої світової війни стимулювали переоцінку геополітичної ситуації, передусім у трикутнику Росія–Україна–Австро-Угорщина, привернули увагу до далекосяжних цілей та рішучих методів боротьби. В 1911–1914 рр. активно формувався новий національно-політичний дискурс, в основу якого було покладено геополітичний підхід, урахування і використання у власних інтересах міжнародних чинників і пов'язаний з цим розрахунок на можливість невідкладного, упродовж найближчих років, розв'язання українського питання в тій чи іншій формі, ідею національної мобілізації для здобуття державної незалежності. По суті йшлося про вибудовування нового варіанту «українського проекту», цілком відмінного від попередніх партійних варіантів. У цьому сенсі інколи говорять про «молодоукраїнську» політику чи партію⁴¹, проте в даному випадку цей автентичний (він використовувався самими «молодоукраїнцями») термін, корисний до того ж своєю загальноєвропейською алузією, не дуже зручний – як через те, що його зміст і правомірність ще не досліджено, так і з огляду на практику застосування понять «Молода Україна», «молоді українці» стосовно 1890-х рр.

Нові ідеї спершу набули поширення головним чином серед наддніпрянської еміграції. Їх прихильники у 1911–1912 рр. зробили спроби створити свої організаційні осередки (група «Вільна Україна», Український інформаційний комітет), які виявились неефективними. У зв'язку з балканськими подіями вони активізували свою діяльність, насамперед щодо теоретичної розробки й обґрунтування нового політичного курсу. М. Залізняк, голова Закордонної групи УПСР (партії українських есерів), у листопаді 1912 р. наголошував, що українську політику слід будувати на тому, що нова міжнародна ситуація змусить Австро-Угорщину «звернути увагу і апетит в сторону українських провінцій в Росії. Моя основна думка така: за 10–20 літ Балканські держави будуть для Австрії непоборним муrom для її економічного розвитку в сім напрямі. Тому єдиним виходом буде лише Україна»⁴². В. Липинський у грудні 1912 р. надіслав до Українського інформаційного комітету меморандум, у якому доводив необхідність «у майбутній австро-російській війні не ставати свідомо, виразно й голосно ні по стороні Австрії, ні, тим більше, по стороні Росії», роблячи ставку на «масовий рух за повним визволенням України з-під ярма чужих держав». До європейських країн, зацікавлених в українській незалежності, він зараховував і «балканський союз, в разі побіди над Туреччиною. Сербія тому, що вона не бажає зміцнення Австрії, а Болгарія через константинопільське питання...»⁴³. Д. Донцов у програмній доповіді «Суспільно-політичне положення нації і наше завдання» (липень 1913 р.) сформулював і обґрунтував гасло «безоглядного сепаратизму» від Росії⁴⁴. А. Жук, лідер емігрантської частини УСДРП, стояв на тому, щоб «...б) Старатися з ситуації, яка панує тепер в міжнародних відносинах та яка могла б утворитися внаслідок австро-російської війни, ...придбати найбільше користей для справи національно-політичного визволення України. в) На випадок австро-російської війни, чинно допомагати Австрії й її союзникам проти Росії»⁴⁵. У кінцевому підсумку все це привело до створення відомого Союзу визволення України (СВУ).

На Наддніпрянщині нові настрої проявились у першу чергу і більш помітно серед націонал-радикалів. Харківський тижневик «Сніп», який видавав засновник Української народної партії М. Міхновський, відгукнувся на початок Першої Балканської ві-

йни цілком у дусі його публікацій 1900–1902 рр.: «За свободу народів має пролитись море крові!...Краще смерть, ніж рабство!»⁴⁶. У січні 1913 рр. від імені УНП був виданий «Універсал до Народу Українського усієї Соборної України» з аналізом перспектив, які відкривались у зв'язку з очікуваним збройним протистоянням Росії та Австро-Угорщини. Загальний висновок був на користь проросійської орієнтації, і одним із головних аргументів були можливі наслідки війни для південнослов'янських народів, з якими прямо пов'язувалась доля України: «Перемога Австрії буде розгромом Балканських народів, сербів, черногорців та болгарів, в незалежності котрих і в майбутній спільці з ними – запорука нашої будучини»⁴⁷.

Але в цілому напередодні світової війни пов'язані з нею «проєкти» захопили незначну частину відомих українських політиків, більшість яких поставилась до «мілітарних» планів негативно чи прохолодно⁴⁸. Висловлюючи цю позицію, лідер ТУП М. Грушевський доводив, що обставини «взагалі велять українській національній політиці не йти за чужими кепськими прикладами, не сподіватися розв'язання української національної проблеми від якихось сторонніх впливів і помочей, а будувати тільки на органічному розвитку своїх власних національних сил, засобів і можливостей»⁴⁹.

У роки Першої світової війни в українському русі Наддніпрянщини значно зросла популярність сепаратистських і самостійницьких поглядів та германофільства⁵⁰. У зв'язку з цим мав місце черговий сплеск інтересу до «болгарської теми»: приваблював «болгарський» варіант здобуття незалежності – з використанням міжнародних і воєнних засобів; Болгарія воювала на боці Німеччини й Австро-Угорщини проти Росії; була певна подібність психологічної ситуації, оскільки в болгарському суспільстві теж набули поширення германофільські настрої⁵¹.

Болгарії відводилось важливе місце в діяльності СВУ. Вона розглядалась як один із потенційних союзників у визволенні України; діячі Союзу ще до війни встановили зв'язок з Л. Шишмановою-Драгомановою, котра пропагувала в Софії українську справу⁵². Одна з відозв СВУ до європейських народів (серпень 1914 р.) була адресована болгарам. Її автори проводили паралелі між поточною політикою Росії щодо України і Сербії щодо Болгарії, звинувачували Росію в підтримці Сербії у македонському питанні, закликали до спільної боротьби проти Російської імперії: «Болгари! В сім великім поході проти московського деспотизму мусимо й ми з вами стояти в однім ряді з німецькими народами!»⁵³. В Болгарії функціонувала філія Союзу – матеріали про неї виявлені в канадській частині архіву А. Жука⁵⁴. В 1915 р. в Софії співробітники СВУ М. Меленевський та П. Бензя, колишні активісти «Спілки», видавали від імені «ініціативно-організаційної групи Української соціал-демократії» журнал «Робітничий прапор», призначений «для українських земель під Росією»⁵⁵. На основі повідомлень (нерідко фантастичних) про активність українців у Болгарії в російських правоохоронних органах формувався образ цієї країни як одного з головних опорних пунктів «мазепинства», звідки до Росії нібито постійно переправлялись емісари, інструкції, література тощо⁵⁶.

Насправді ж, за винятком, можливо, літератури та деяких інших епізодів (для прикладу, найближчий співробітник В. Винниченка Ю. Тищенко повернувся в 1914 р. з еміграції в Росію за паспортом «свого паризького приятеля болгарського офіцера Атанаса Дюлгерова»⁵⁷), зв'язок між Болгарією й українським підпіллям був швидше символічний. Але ця символічність теж відіграла свою роль у посиленні антиросійських і самостійницьких настроїв серед українців, особливо серед молоді. Так, на з'їзді Юнацької спілки Лівобережної України в травні 1916 р. було ухвалено «видати нелегальний збірник на зразок полтавського «Болгарія та Україна», який мав складатися з двох частин – наукової і політичної. Про те, наскільки важливе значення надавалося збірнику, свідчить той факт, що для його підготовки з'їздом була

сформована група з трьох осіб, а остаточне редагування покладалося на Центральний виконавчий комітет спілки⁵⁸. Збірник «Самочинна Україна» був підготовлений і розмножений на гектографі доволі швидко – вже наприкінці серпня 1916 р. про це повідомляли жандармські агенти. За їхніми даними, до брошури ввійшли статті «Годі лякатись», «Відродження Фламандії», «Євреї на Україні», «Україна над усе» та інші, а також вірші – оригінальні й перекладені з болгарської і польської мов⁵⁹. Схоже, її мав на увазі В. Заїкин, інформуючи В. Дорошенка (1923): «В 1916 р. видана була нелегальна збірка моїх оригінальних та перекладених з німецької та болгарської поезії українського патріотично-самостійницького та германофільського напрямку»⁶⁰. Обидві брошури – полтавська і харківська – були створені під очевидним враженням від прикладу і суспільних настроїв Болгарії і, у свою чергу, справили вплив на українське юнацтво, оскільки циркулювали в організації (і поза її межами), яка на той час була найпотужнішою в українському русі: мала розгалужену мережу гуртків на більшій частині України та налічувала орієнтовно близько 1 тис. членів. Але і в цьому, найбільш очевидному випадку впливу «болгарського проекту» на український, представники останнього зверталися до «болгарської теми» не стільки в пошуках придатної конструкції, моделі поведінки, скільки для підсилення власних, вже існуючих настроїв та ідей, як до джерела натхнення.

Можливо, найскладнішим завданням для автора цієї статті є формулювання висновків, які б і впливали з наведеного матеріалу, і були відповіддю на винесене в підзаголовок статті питання. Ця проблема подвійна: емпіричних даних загалом небагато для широких узагальнень; болгарський приклад може вважатися не показовим у сенсі впливу на «український проект». Але, на нашу думку, це не є підставою для сумнівів у самій можливості вибудувати в такому випадку коректні узагальнення: обмеженість матеріалу сама по собі дозволяє зробити певні висновки, а до співставлення болгарського і українського варіантів націотворення, зрештою, вдавався й Б. Андерсон, що правда, в іншому сенсі⁶¹.

Загалом матеріал про взаємодію між українцями й болгарями в процесі становлення їхніх модерних націй дає немало свідчень про взаємовпливи в духовній сфері. Разом з тим він не дає підстав для висновків про свідоме, цілеспрямоване запозичення українцями якихось ідеологем, концепцій, інструментів, засобів для формування власного національного проекту. Українці не шукали в історії і політичній практиці Болгарії придатного для себе шляху, а старалися вже обраний самостійно шлях (розуміння якого було неоднозначним, динамічним і залежало як від бачення своїх можливостей, становища, історії, так і від європейського контексту) обґрунтувати схожими ситуаціями та ідеями. Упродовж майже всього XIX ст. мало місце переважання українських культурних впливів. Ідейний вплив «болгарського проекту» спостерігався головним чином у період боротьби як болгар, так і українців за своє національне визволення і був більше емоційним, надихаючим, а не концептуальним.

У якості підсумку, щоб уникнути небезпеки невиправданої генералізації висновків, обмежимося деякими констатаціями *ad hoc*: принаймні в болгарсько-українському випадку версія про імітаційну модель не спрацьовує; вона створює хибне враження про характер взаємодії між даними «національними проектами»; його було б доречніше описувати поняттям «вплив(и)» з відповідними означеннями (психологічний, ідеологічний, культурний тощо); ці впливи були обоюдною; їх характеристика потребує конкретно-історичного підходу (які впливи і в якому напрямі мали місце на тому чи іншому хронологічному відрізку).

¹ *Чорній, В.* Українська еміграція в Бґларія след Първата световна война. Документален каталог. Автори и съставители к.ф.н. Виталий Москаленко – научен ръководител, и Емине Хакова. С., 2000. 151 с. [Рецензія]. – Проблеми слов'язознавства, 2003, вип. 53, с. 291.

² *Дьомін, О. Б.* Шевченко і болгарське національне відродження. – В: Т. Г. Шевченко і загальнолюдські ідеали. Тези доповідей та повідомлень міжвуз. наук. конф. Одеса, 1989, ч. 3, 67–68; *Станкевич, В. Л.* Україна і болгарське національне відродження. Автореф. дис... канд. іст. наук. Донецьк, 1998; *Тимошенко, Ю. О.* Українсько-болгарські відносини в 90-х роках ХХ століття. Автореф. дис... канд. іст. наук. К., 2004; та ін.

³ Див. про це: *Касьянов, Г. В.* Теорії нації і націоналізму. К., 1999; *Касьянов, Г. В.* Націогенез українців у сучасній історіографії: версії. – В: Схід – Захід, 2001, вип. 3; *Кравченко, В.* Україна, імперія, Росія... (обзор современной украинской историографии). – В: Западные окраины Российской империи. М., 2006; та ін.

⁴ *Касьянов, Г. В.* Теорії нації і націоналізму. – <http://www.litopys.narod.ru/kasian/kas13.htm>

⁵ Там само.

⁶ *Малахов, В. С.* Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме (на примере российского обществоведения последних десяти лет). – Политическая наука, 2002, № 4, с. 109, 118.

⁷ *Андерсон, Б.* Уявлені спільноти: Міркування щодо походження й поширення націоналізму. Вид. 2-е, перероб. К., 2001, с. 91, 106, 107.

⁸ *Миллер, А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000, с. 10.

⁹ *Григораш, Н.* Становлення літературознавчої болгаристики в Україні у ХІХ ст. – Проблеми слов'язознавства, 1999, вип. 50, 50–52.

¹⁰ Цит. за: там само, с. 57.

¹¹ *Франко, І.* Болгарські праці М. Драгоманова. – Народ. Львів, 1891, ч. 15–16, с. 225.

¹² *Марчук, О. В.* Феноменологічні концепції Іншого в сучасній філософії. Дис. ...канд. філос. наук. К., 2007. – <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/341599.html>

¹³ *Григораш, Н.* Становлення літературознавчої болгаристики в Україні у ХІХ ст. ..., с. 51.

¹⁴ Там само, с. 52.

¹⁵ *Козут, З.* Питання російсько-української єдності та української окремішності в українській думці і культурі ранньомодерного часу. – В: *Козут, З.* Коріння ідентичності: Студії з ранньомодерної та модерної історії України. К., 2004, с. 165.

¹⁶ *Драгоманов, М.* Антракт з історії українофільства (1863–1872). – В: *Драгоманов, М. П.* Вибране («...мії задум заложити очерк історії цивілізації на Україні»). К., 1991, с. 204.

¹⁷ *Котило, А. О., Заводовський, А. А.* Вплив визвольної боротьби балканських слов'ян на трансформацію слов'янської ідеї в суспільно-політичній думці України другої половини ХІХ ст. – Український історичний журнал, 2005, № 1, с. 153.

¹⁸ *Русова, С.* Мої спомини. 1879–1915. – За сто літ, 1928, кн. 2, с. 163–164.

¹⁹ *Круглашов, А.* «Слов'янська тема» на сторінках драгоманівської «Громади». – Проблеми слов'язознавства, 1999, вип. 50, с. 143.

²⁰ Цит. за: *Котило, А. О., Заводовський, А. А.* Вплив визвольної боротьби балканських слов'ян на трансформацію слов'янської ідеї в суспільно-політичній думці України другої половини ХІХ ст. – Український історичний журнал, 2005, № 1, с. 149–152.

²¹ *Лисяк-Рудницький, І.* Драгоманов як політичний теоретик. – В: *Лисяк-Рудницький, І.* Історичні есе. Т. 1. К., 1994, с. 299.

²² *Григораш, Н.* Становлення літературознавчої болгаристики в Україні у ХІХ ст. ..., с. 57.

²³ *Франко, І.* Болгарські праці М. Драгоманова, с. 226.

²⁴ Цит. за: *Кистяковский, Б. М. П.* Драгоманов. Его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь. – В: Драгоманов, М. П. Политические сочинения. М., 1908, т. 1: Центр и окраины, с. LXI.

²⁵ *Драгоманов, М.* Новоерські овочі з всеукраїнського погляду. – Народ, 1892, ч. 13–14, с. 175.

²⁶ *Драгоманов, М.* Передне слово [до «Громади» 1878 р.]. – В: *Драгоманов, М. П.* Вибране..., с. 326.

²⁷ *Круглашов, А.* «Слов'янська тема» на сторінках драгоманівської «Громади»..., с. 145.

²⁸ Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период). – Белоруссия и Украина: История и культура: Ежегодник 2003. М., 2003, с. 170.

²⁹ *Драгоманов, М.* Передне слово [до «Громади» 1878 р.]..., с. 302; *Круглашов, А.* «Слов'янська тема» на сторінках драгоманівської «Громади»..., с. 149.

³⁰ *Драгоманов, М.* Передне слово [до «Громади» 1878 р.]..., с. 321.

- ³¹ *Кистяковский, Б. М. П. Драгоманов. Его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь...*, с. XXIII.
- ³² Цит за: *Старовойтенко, І.* Євген Чикаленко і Василь Доманицький у короткому епістолярному діалозі (1908–1910). – Сіверянський літопис, 2006, № 6, с. 6 (збережено правопис публікації).
- ³³ Там само, с. 15; Рада. К., 1908, 3–11 грудня; Центральний державний історичний архів України (далі ЦДА України), ф. 336, оп. 4, спр. 20, арк. 56.
- ³⁴ *Замлинська, О., М. Палієнко.* Софія Русова. – В: Історія України в особах. XIX–XX ст. К., 1995, с. 357.
- ³⁵ Як Болгари здобули собі свободу? / С. Русова; Пер. з рос. Олена Охримович. Львів, 1909. 55 с. – <http://www.chl.kiev.ua/cgi-bin/sp/part/index.php?razdel=6&page=2>
- ³⁶ *Копилов, А. О., Заводовський, А. А.* Вплив визвольної боротьби балканських слов'ян на трансформацію слов'янської ідеї в суспільно-політичній думці України другої половини XIX ст. ..., с. 159.
- ³⁷ *Ігнатієнко, В.* Бібліографія української преси. 1816–1916. Харків – Київ, 1930, с. 144.
- ³⁸ Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського, ф. 318, оп. 1, спр. 19; *Андреев, В. М.* Дмитро Дорошенко: «перший» чи «другий» в українській історіографії першої половини XX ст.? (Досвід вивчення інтелектуальної біографії історика). – Український історичний журнал, 2007, № 4, с. 119.
- ³⁹ *Миллер, А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении..., с. 10.
- ⁴⁰ ЦДА України, ф. 336, оп. 4, спр. 20, арк. 56.
- ⁴¹ Див., напр.: *Гирич, І.* У тіні В. Липинського (Андрій Жук як політичний мислитель й дослідник історії визвольного руху). – Молода нація, 2002, № 3, 19–22; *Жук, А.* Професор М. Грушевський і Союз визволення України в роках Першої світової війни. – Молода нація, 2002, № 3, с. 116.
- ⁴² Цит. за: *Гирич, І.* У тіні В. Липинського..., с. 20.
- ⁴³ Цит. за: *Жук, А.* Як дійшло до заснування Союзу визволення України (Спомини у 20-ліття Союзу). – Молода нація, 2002, № 3, с. 142–143.
- ⁴⁴ Історія українських політичних партій. Кінець XIX ст. – 1917 р.: Хрестоматія-посібник. К., 2003, ч. 1, с. 428.
- ⁴⁵ *Жук, А.* Як дійшло до заснування Союзу визволення України..., с. 145.
- ⁴⁶ Сніп. Харків, 1912, 14 жовтня, с. 1.
- ⁴⁷ Історія українських політичних партій..., с. 419.
- ⁴⁸ *Патер, І.* Союз визволення України: проблеми державності і соборності. Львів, 2000, с. 154.
- ⁴⁹ *Жук, А.* Професор М. Грушевський і Союз визволення України в роках Першої світової війни..., с. 117.
- ⁵⁰ Докл. про це див.: *Наумов, С. О.* Український політичний рух на Лівобережжі (90-і рр. XIX ст. – лютий 1917 р.). Харків, 2006, с. 275–284.
- ⁵¹ *Чорній, В.* Синтетичні праці з історії Болгарії. – Проблеми слов'язознавства, 2002, вип. 52, с. 195.
- ⁵² *Жук, А.* Як дійшло до заснування Союзу визволення України..., с. 141.
- ⁵³ Історія українських політичних партій..., с. 460–462.
- ⁵⁴ *Гирич, І.* Канадський архів Андрія Жука. – Молода нація, 2002, № 3, с. 172.
- ⁵⁵ *Ігнатієнко, В.* Бібліографія української преси..., с. 216.
- ⁵⁶ Див., напр.: ЦДА України, ф. 336, оп. 4, спр. 20, арк. 83, 160, 225.
- ⁵⁷ *Тищенко, Ю.* Участь В. Винниченка в революційному русі 1914–1916 рр. – В: Володимир Винниченко (Статті й матеріали). Нью-Йорк, 1953, с. 45.
- ⁵⁸ ЦДА України, ф. 336, оп. 4, спр. 36, арк. 137 зв.
- ⁵⁹ Там само, арк. 204 зв.
- ⁶⁰ Цит. за: *Портнов, А.* В'ячеслав Заїкин: історик із багатьма обличчями. – В: Збірник Харківського історико-філологічного товариства, 2004, т. 10, с. 92.
- ⁶¹ *Андерсон, Б.* Уявлені спільноти, с. 98–99.

Д. М. Чорний

ОСВІТА АБО ЗБРОЯ: ДИЛЕМА УКРАЇНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО РУХУ В КОНТЕКСТІ БОЛГАРСЬКОГО ДОСВІДУ (ПОЧАТОК ХХ ст.)

Наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. протистояння імперій та розвиток національно-визвольних рухів суттєво впливали на суспільно-політичне життя Європи. Владні еліти перших та провідники останніх змагались за прихильність народних мас, пропонуючи альтернативні програми розвитку, у яких важливе місце посідали опозиції культів могутності, зброї, військової звитяги та культури, освіти. Російська імперія, до якої входила більшість українських етнічних земель, потребувала і плекала культ сили. У офіційній пропаганді помітне місце посідав образ російської армії, непереможності її зброї, «русского духа». Особливо загострилася потреба у цьому після поразок російсько-японської війни. Досвід переможної війни 1877–1878 рр. за визволення Болгарії з-під османського іґа якнайкраще підходив до цього. З іншого боку, частина національно-визвольних рухів демонструвала приклади того, що саме збройна боротьба народу проти поневолювачів здатна принести свободу. Тож підготовка озброєних загонів, виховання населення у дусі жертвовності, готовності віддати життя за свою свободу, із зброєю в руках боронити свій дім, родину, батьківщину ставало все нагальнішим, наочнішим. У Російській імперії знали і обговорювали події англо-бурської війни, романтика якої надихнула молодих росіян взяти у ній участь. Так, приміром, майбутній лідер партії октябристів О. Гучков опинився у Південній Африці і навіть був поранений в бою з англійцями.

У демократичному середовищі створювався інший культ. Ідеї лібералізму, демократії, ідеали громадянського суспільства надихали їх представників звернути головну увагу на культуру народу. А освіта (просвіта) розглядалася у цій схемі як головний важіль, що може зрушити суспільство у бік прогресу. Програмового значення набули в цьому контексті формули російських земців «творити мислячий елемент» та одного з провідників українського руху В. Антоновича – «допомогти народові в освіті». Для демократичного ліберального сегменту суспільства так само актуальним був досвід Болгарії, котра на той час добилася значного піднесення освіти народу і посіла помітне місце на європейському просторі.

Наукова література, присвячена історії Болгарії, українсько-болгарським та російсько-болгарським зв'язкам, болгарському національно-визвольному руху доволі значна¹. Але поки що відсутні роботи, у яких було б проаналізовано зміст і спрямованість тих текстів, які формували в українському суспільстві Російської імперії образ Болгарії, давали матеріал для вироблення моделі поведінки, системи цінностей.

Кожна з названих вище течій опікувалася поширенням матеріалів, які мали привернути увагу громадськості до їх системи цінностей, на конкретних прикладах виховати народ у відповідному дусі. Найбільш поширеними, доступними широкому загалу читачів були книги з народних бібліотек, енциклопедичні видання, а починаючи з 1905 р. – науково-популярні та пропагандистські брошури. Тож варто подивитись, як болгарський досвід, уроки боротьби за національне визволення інтерпретували представники

імперського і демократичного таборів. У даній статті автор ставить завдання проаналізувати деякі «знакові» публікації, що поширювались в Російській імперії на початку ХХ ст., зокрема на українських землях. При цьому ми не ставимо за мету оцінювати ступінь аргументованості, достовірності, відповідності історичним реаліям наведених авторами положень. Завдання полягає в тому, щоби з'ясувати, як проімперські та ліберальні автори створювали певний образ країни, народу, подій доби національного визволення, шукали паралелі для реалізації власних пропагандистських цілей.

Офіційний імперський нарратив представлений повістю-хронікою А. І. Красницького «Под русским знаменем», яка неодноразово перевидавалася на початку ХХ ст.². Книга мала оригінальну тверду обкладинку, прикрашену кольоровим малюнком атакуючої російської піхоти. У травні 1905 р. вона була допущена «в учнівські, середнього віку, бібліотеки середніх навчальних закладів відомства Міністерства народної освіти і безкоштовні народні бібліотеки-читальні та бібліотеки». Видання добре ілюстроване малюнками Е. К. Соколовського, репродукціями картин відомих художників В. В. Верещагіна, Н. Д. Дмитрієва-Оренбурзького, А. Ківшенка, А. Н. Попова, портретами російських героїв війни та представників ворогуючої турецької армії. Останнє мало створити уяву неупередженості авторської концепції війни, підкреслити силу російської зброї, адже турки змальовані як вправні, підготовлені, хоча і жорстокі воїни.

У центрі оповіді А. І. Красницького – постать Сергія Рождественцева, який закінчив гімназію із медаллю, але замість університету вступив вільноопреділяючись до піхотного полку, що готується перетнути кордон у складі російської армії та звільнити Болгарію. Автор використовує військовий шлях юнака як тло для зображення постатей царя, провідних воєначальників і командирів, рядових солдат російської армії, що йде визволяти братів-слов'ян від гнобителів-турків.

На сторінках книги присутні болгари. Їх призначення, а всі вони герої повісті другого плану, покликані піднести дух слов'янської солідарності, ознайомлюючи росіян із тяжкою долею братнього народу під османським пануванням. Серед них – юнак Петко Гюров, який служив в одному з двох перших батальйонів болгарського ополчення. Саме він знайомить Сергія Рождественцева із умовами життя своєї батьківщини крізь трагічну долю власної родини. У творі є глава «Болгарская дружина», але у ній побіжно згадується про самих болгар³. Останні – лише відважні і старанні допоможці у боротьбі російської армії проти турків, не більше.

Присутні в повісті й українці. Так, буденно-героїчно, наполегливо і звияжно виконує тяжку військову працю «деликатный хохол» унтер-офіцер Савчук. У кращих традиціях ура-патріотичної літератури передано його розмову із головним героєм, який повернувся з госпіталю у свою частину і отримав чин унтер-офіцера. «Где-то нам придется послужить царю-батюшке? – сказал раз Савчук Рождественцову. – Под Плевну-бы теперь... вот, где наше место... – Погодите, пожалуй и ближе Плевны пошлют: на Шипку! – отвечал Сергей. – Там много всем дела будет! – Будет дело – поработаем! Теперь, можно сказать, турки нам не в новинку: не страшны!»⁴

Автор художньо-документального видання докладно описує піднесений стан, що панував у війську визволителів напередодні та під час військових дій. Мотиви, що рухали російськими військовими, пояснені так: «Россия переживала в то время такой высокий подъем народного духа, что всякие личные намерения и предположения быстро стусевывались пред общим великим делом»⁵. Привертає увагу авторський наголос на тому, що саме освічена частина російського суспільства проявляла бажання служити у війську та виконати визвольну місію. Але попри персоніфікацію подій війни, головний герой повісті – російська армія, військова звияга, яка сама лише спроможна побороти зло гноблення. На це спрямований опис боїв за форсування Дунаю, за Ніко-

поль та Плевну, у горах, особливо на Шипці, що подаються докладно і займають леву частину книги⁶.

Наратив, що наближений до демократичного табору, представлений статтями в Енциклопедичному словнику Ф. А. Брокгауза та І. А. Ефрона, котрий користувався ліберальною репутацією, науково-популярними виданнями, створеними діячами українського національно-визвольного руху на початку ХХ ст.

У статті П. Матвєєва «Болгарія» головна увага зосереджена на розвитку болгарського суспільства, його боротьбі, у тому числі і за допомогою Росії, за збереження національної, православної та культурної ідентичності народу. Автор стверджує, що наприкінці ХVIII ст. «все прошлое Болгарии пришло в совершенное забвение, не только у других народов, но и у самих болгар»⁷. Далі він наголошує на винятковій ролі просвітницьких робіт Паїсія та Софронія, видання 1824 р. першого болгарського «Буквара» та відкриття 1835 р. у Габрово народної школи із навчанням болгарською мовою. Він безпосередньо пов'язує розвиток «народної педагогіки» із національним рухом⁸. Підкресливши важливість визвольної війни Росії, П. Матвєєв головну увагу приділяє політичній історії Болгарії після 1876 р.⁹

Революційні події 1905 р. значно актуалізували досвід Болгарії для демократичного сегменту російського суспільства. У центрі уваги громадськості опинились теми, що впродовж багатьох років були забороненими для відкритого обговорення: свободи слова, освіти народною мовою, демократичних реформ, конституції. Видавництва, розкидані по різних містах імперії, почали де-факто користуватися свободою друку. Книжковий ринок заповнили пропагандистські, науково-популярні та літературні видання, доступні для народу за мовою викладу та ціною. Особливе місце серед них в контексті нашої теми посідає брошура С. Русової «Как болгары добыли себе свободу»¹⁰. Вперше вона була видана 1905 р. російською мовою у Ростові-на-Дону видавництвом Н. Парамонова «Донская Речь» в рамках серії кишенькового формату з 130 брошур вартістю від однієї до восьми коп. Згодом з'явилося видання українською мовою. Більшість видань «Донской Речи» становили художні твори популярних у ті часи російських письменників: В. Г. Короленка «Сон Макара», «Ночью»; С. М. Чирікова «Маленький грешник», «Свинья»; Л. Андрєєва «Гостинец», «Жили-были», «Петька на даче» та ін. Але серед видань серії були і такі, що мали науково-популярний характер, зокрема А. Ф. Бикова «Англия и англичане», С. Живаго «Страница из истории народного освобождения в Швейцарии», А. Кизеветтера «К истории законодательства в России XVII–XIX в.». Серед них зустрічаються інші роботи С. Русової: «Братья Гримм», «На счастливых островах», «Биография Гарибальди». Тож творчість С. Русової представляла як загальноросійський демократичний, так і український національний погляди.

Приналежність С. Русової саме до українського руху виразно проглядає зі сторінок брошури «Как болгары добыли себе свободу» у проведенні паралелей між Болгарією та Україною. Так, вона починає виклад із опису Болгарії, народних традицій і звичаїв, наголошує на винятковій мальовничості природи країни. Далі вона підкреслює наявність високих курганів у південно-східній частині в напрямку Чорного моря. Тож у читача має постати паралель із українськими краєвидами того часу – козацькими та скіфськими могилами. Болгарські села, що розташовані по схилам гір, «Издали... с их беленькими стенами и красными крышами среди садов и рощ очень привлекательны; но вблизи они поражают своей бедностью и неустройством. Дома напоминают наши южно-русские мазанки, они тоже построены из деревянных решеток, обмазанных глиной вместе с навозом и соломой... везде удивительная чистота и порядок»¹¹. Як тут не згадати хрестоматійні описи України! Але паралелі на цьому не закінчуються. С. Русова порівнює болгарську вишню з «нашей южнорусской». Економічні обставини життя болгарських

селян також нагадують українські реалії. Вони орють землю волами; влітку тисячі болгар вимушені ходити на заробітки на жнива до Румунії та Сербії, так само, як і українські селяни у Причорноморські степи. «Одежда болгар очень напоминает малорусскую, тоже много вышивок и на мужских, и на женских рубашках, множество бус у женщин, у мужчин широкие синие шаровары, бараньи шапки и многое другое одинаковое у обоих народов»¹² – пише С. Русова, завершуючи загальний огляд Болгарії. Далі стисло викладені події завоювання Болгарії турками та боротьби народу до кінця XVIII ст.

Наступна частина брошури починається із тези, актуальної для українського руху: «Мало-помалу всякий народ пробуждается от сна и ломает свои цепи, освобождается из хитросплетенных сетей, в каких его держат притиснители»¹³. У спробах подолати ці хитросплетіння С. Русова виділяє в якості ключових діяльність болгарських просвітителів, апостолів, звертає увагу на старовинні монастирі, з яких «любимый народом Рильский монастырь. Здесь в кельях монахов можно видеть старинное прекрасное оружие, древние книги и рукописи и прекрасные ковры местной выделки»¹⁴.

Тема збройного опору посідає в тексті чільне місце, оскільки систематичні насильства турків породили гайдуцтво. Вона пише про оспівування звияг гайдуків Г. Раковським, який фактично створив міф про них і зробив багато для перетворення гайдуцьких виступів на організований загальнонаціональний рух, об'єднавши 1866 р. у Бухаресті четнічеських воєвод для планомірних дій з метою визволення Болгарії від османського ярма. Цей видатний діяч створив «Тимчасовий закон лісових народних загонів» (1867), у якому сформульовано думку про перетворення чет на підрозділи централізованої військової організації. Гайдуки, у викладі С. Русової, із презирством ставилися до звичайного грабунку, «не боялись смерти и даже во время казни, до последней минуты жизни грозили своим мучителям страшной мезтью всего болгарского народа»¹⁵. У поданому фрагменті очевидна паралель між Байдою-Вишневецьким, оспіваним в українській народній думі, та ліро-епічним героєм поеми Х. Ботева «Хаджі Димитр», присвяченій подвигу ватажка гайдуцьких дружин середини 1860-х рр.¹⁶ Висновок С. Русової дуже показовий: «Гайдучество подняло народный дух в Болгарии ... Мысль проснулась, в народе пробудилось желание учиться, стали устраиваться первые болгарские народные школы: в них уже учили не на греческом непонятном языке, а на своем родном болгарском»¹⁷.

В українській історії помітним явищем був гайдамацький рух, який попри співзвучність самого терміну із болгарським гайдуцтвом, наявність в останньому певних тотожних рис¹⁸, не перетворився на явище, від якого починався відлік часу якісно нової стадії розвитку українського суспільства. Зв'язок між збройною боротьбою, військовими звиягами гайдамаків та устремліннями до освіти простежити важко. Гайдамацький рух, особливо Коліївщина, залишався не дуже привабливою сторінкою української минавшини, що аж ніяк не міг породити нову стадію у вигляді праці на ниві культури. Про це свідчать статті про гайдамаків і гайдуків у Енциклопедичному словнику Ф. А. Брокгауза та І. А. Ефрона¹⁹, ставлення В. Антоновича до Коліївщини, висловлене в його відомій роботі «Моя сповідь», брошурі «Коротка історія Козаччини» (1912). В енциклопедичній статті про гайдуків вони порівнюються із запорожцями, але аж ніяк не з гайдамаками. Гайдамаччина фактично протиставлялася подвигам запорожців. Останні поставали зі сторінок української та російської історичної літератури не лише більшими звияжцями. Починаючи з часів П. Сагайдачного, українське козацтво асоціювалось із підтримкою православної церкви, братської школи у Києві та іншими заходами культурно-просвітницького характеру.

Співвідношення між збройною боротьбою болгар за звільнення і освітою народу можна віднайти на наступних сторінках брошури, присвячених ухваленню Тирновської

конституції. Причому певна паралель із постійними звинуваченнями тогочасними опонентами українського руху українців у схильності до гайдамаччини більш ніж наочні, коли С. Русова цитує виступ письменника П. Славейкова при обговоренні питання про кількість палат у майбутньому болгарському парламенті: «Весь свет знает, говорил он: все, что имеет наш народ, добыто им самим, только освобождением своим он обязан русским. Если у нас теперь есть училища, они созданы народом, он их поддерживал до сих пор. Если у болгар есть своя церковь, он сам, а не какие либо архиереи, добыли ее. Нельзя говорить, что наш народ умеет только разрушать и портить»²⁰.

Чому акцент у брошурі С. Русової було зроблено саме на розвиток культури, освіти, національної школи в Болгарії, а збройна боротьба залишилася дещо у затінку? На наш погляд, у даному випадку діяли кілька чинників, що визначалися самою українською історією, характерними рисами українців, обставинами розгортання українського національного руху на межі століть. Хоча діячі українського руху віддавали належне збройній боротьбі болгар, про що свідчить видання у Львові 1901 р. роману І. Вазова «Під ярмом. З часу боїв болгар з турками 1876 р.»²¹ Але як видно із підзаголовка, ініціатори видання перекладу твору болгарського письменника намагались підкреслити той факт, що вирішальну роль у національному визволенні відіграє боротьба самого народу, а не зовнішня допомога.

У своєму творі С. Русова наголошувала на тому, що національною рисою болгар є потяг до знань: «Все они очень способны и жаждут знаний просвещения», у кожному найбіднішому селі жертвують гроші на відкриття школи²². Порівняємо ці слова із характеристикою українців. Наприклад, Г. Ф. Квітка-Основ'яненко у роботі «Украинцы» писав: «Поселянин, прежде всякого ремесла, старается обучить сыновей грамоте, и потом уже избирает для каждого промысла, по склонностям; достаточнейший же из обывателей почитал бы себе за стыд, если бы из сыновей его не было ни одного грамотного»²³.

Другим аргументом на користь освіти слугували видатні успіхи в її розвитку у XVI–XVIII ст., які забезпечили збереження української ідентичності в умовах тотального тиску з боку Польщі: поширення шкіл при церквах у кожному селі, діяльність мандрованих дяків, досягнення братських шкіл, Києво-Могилянської академії. На початку XX ст. хрестоматійності набуло твердження із посиланням на Павла Алепського, який 1652 р. перебував в Україні і зазначав, що практично всі місцеві мешканці уміють читати²⁴.

Про пріоритетність освіти над військовими здобутками писав В. Антонович. У «Висновках» до «Короткої історії Козаччини» він наголошував, що успішність українців у боротьбі за національні права залежатиме «від науки і самопізнання»²⁵. Слід рахуватися також і з тим, що рубіж XIX–XX століть був добою модернізації, потужним рушієм якої була саме освіта. Формування масової обов'язкової початкової освіти сприяло становленню модерного суспільства²⁶.

Отже, присутність двох поглядів на події у Болгарії займала чільне місце у пропагандистських зусиллях урядового табору та українського національно-визвольного руху. Їх представники уважно стежили за процесами, що відбувались у інших слов'янських народів, а непряма конкуренція двох наративів стала проявом конкретно-історичної ситуації початку XX ст. У повісті А. І. Красницького, що представляла офіційний імперський погляд, на першому місці опинилась сила російської зброї, армії, що допомагає болгарам. Натомість українські діячі підкреслювали вагу самостійних зусиль народу у напрямку здобуття звільнення. Спільним в публікаціях обох таборів був наголос на роль культурної освіченої верстви (вільноопреділяючий, болгарські патріоти). Але в текстах, що походили з демократичного табору, перевага надається

освітній складовій. Присутність як у провладній, так і в демократичній публіцистиці, літературі мотиву сили зброї свідчило, що оружною рукою можливе швидке визволення від чужоземного поневолення. Водночас розрахована на піднесення патріотичних проімперських почуттів населення риторика повісті А. І. Красницького мала і зворотний бік, демонструючи представникам національно-визвольного руху, що визволення можливо здобути лише за допомогою потужної зовнішньої сили. Не важко уявити собі, що останній фактор був дуже гострим для українців, які перебували у складі двох ворогуючих імперій і в разі війни могли наразитися лише на суттєві втрати. Натомість акцентування уваги на освіті як засобі пробудження і звільнення народу виглядало дуже обнадійливо, особливо зважаючи на модерні явища, що охопили тогочасну Європу.

¹ *Державин, Н. С.* История Болгарии. Т. 4. Национально-освободительное движение в Болгарии (от конца XVIII в. до 1877 г.). М.-Л., Издательство АН СССР, 1948. 242 с.; *Злыднев, В. И.* Отражение национально-освободительной борьбы болгарского народа в поэзии Ивана Вазова. – В: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сб. ст. М., Изд-во АН СССР, 1953, 262–304; *Сидельников, С. I.* Болгарський революціонер Георгій Раковський. Х., Вид-во ХДУ ім. О. М. Горького, 1959. 174 с.; *Сидельников, С. II.* Национально-освободительное движение болгарского народа в 60-х – начале 70-х годов в исторической литературе Народной Республики Болгария. – Советское славяноведение, 1966, № 2, 76–82; Українсько-болгарські культурні взаємини ХХ ст.: Зб. наук. праць. К., Наукова думка, 1988. 214 с.; *Чорній, В. П.* Історія Болгарії. Львів, ПАІС, 2007. 404 с. та ін.

² *Красницкий, А. И.* Под русским знаменем: Повесть-хроника освободительной войны 1877–1878 гг. 3-е изд. СПб.-М., Издание т-ва М. О. Вольф, б.г. 382 с.

³ Там само, 194–203.

⁴ Там само, с. 202.

⁵ Там само, с. 2.

⁶ Там само, 121–147, 177–194, 204–237, 250–294.

⁷ *Матвеев, П.* Болгария. – В: Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 7. СПб., 1891, 254–273.

⁸ Там само, 264–265.

⁹ Там само, 266–273.

¹⁰ *Русова, С.* Как болгары добыли себе свободу. Ростов н/Дону, Донская Речь, 1905. 60 с.

¹¹ Там само, с. 6.

¹² Там само, с. 7, 10.

¹³ Там само, с. 15.

¹⁴ Там само, с. 6.

¹⁵ Там само, с. 18.

¹⁶ *Державин, Н. С.* Вказана праця, с. 120; Українсько-болгарські культурні взаємини..., 193–194.

¹⁷ *Русова, С.* Вказана праця, 19–20.

¹⁸ *Цветкова, Б.* Хайдутството в българските земи през 15/18 век. Т. 1. София, Наука и изкуство, 1971, с. 7, 8.

¹⁹ Гайдамаки. – В: Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 14. СПб., 1892, 871–873; Гайдуки. – Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 14. СПб., 1892, с. 876.

²⁰ *Русова, С.* Вказана праця, с. 37.

²¹ Українсько-болгарські культурні взаємини..., с. 199.

²² *Русова, С.* Вказана праця, с. 10.

²³ *Квітка-Основ'яненко, Г. Ф.* Украинцы. – Твори. Т. 7, с. 85.

²⁴ *Петровский, Г.* О национальном вопросе. – 3 революційного минулого. К., 1958, 75–84.

²⁵ *Антонович, В.* Коротка історія Козаччини. К., Україна, 1991, с. 154.

²⁶ *Hobsbawm, E. J.* The Age of Empire 1875–1914. New York, Patheon Books, 1987. 404 p.; *Андерсон, Б.* Уявлені спільноти: Міркування щодо походження й поширення націоналізму. 2-е вид., перероб. К., Критика, 2001. 271 с.

М. М. Паньків

НАЦІОНАЛЬНЕ ПИТАННЯ У ПОЛІТИЦІ РОСІЙСЬКОГО УРЯДУ НА ПРАВОБЕРЕЖНІЙ УКРАЇНІ XIX – ПОЧАТКУ XX ст.: ПОГЛЯД ПОЛЬСЬКИХ ІСТОРИКІВ

Політичні зміни наприкінці 1980-х – на початку 1990-х рр., пов'язані з кризою та падінням Радянського Союзу, зробили тему імперій, націй та націоналізму надзвичайно популярною серед світової наукової спільноти. В останні 10–15 років відмічається зростання наукового зацікавлення історією російської держави як гетерогенної, багато-національної, полікультурної імперії¹. Дослідники зосереджуються переважно на вивченні трансформації імперської політики під впливом процесів модернізації, сучасного націоналізму і національних рухів невідомітих національностей, взаємозв'язків держави та її політичних еліт з населенням периферійних регіонів, державної політики по відношенню до імперських окраїн, її структур та методів управління. Регіональний підхід у дослідженні явищ і процесів, що відбувалися в Російській імперії, дозволяє прослідкувати взаємозв'язок і взаємообумовленість державної політики на всьому імперському просторі, представити імперію як складну, але внутрішньо цілісну систему.

З цієї точки зору праці сучасних польських істориків становлять репліки світового історіографічного дискурсу, а польський національний історичний наратив можна вважати за варіант регіонального підходу до вивчення історії імперської Росії. У польській історіографії на перший план висувається проблема підпорядкування та уніфікації «кресів» – колишніх Східних земель Речі Посполитої (Правобережна Україна, Білорусь і Литва), які після поділів польсько-литовської держави увійшли до складу Російської імперії. У зв'язку з цим вивчається процес контролювання захоплених територій та еволюція імперської політики і російського націоналізму, розглядаються зміни в свідомості та ідентифікації населення цих територій, пошуки стратегій поведінки, будування відносин з імперським центром чи протистояння йому.

У поданій статті автор спробує проаналізувати погляди сучасних польських істориків на етнополітику російського уряду на Правобережній Україні у XIX – на початку XX ст. Польська дослідницька оптика накладає специфічний відбиток на вивчення означеної проблематики, оскільки в центрі наративу опиняється саме «польське питання», пов'язане з дослідженням історичного досвіду перебування польської нації в межах Російської імперії. При цьому «польське питання» трактується досить широко: як прагнення поляків до політичної незалежності та відбудови власної держави; як проблема всеохоплюючої інтеграції колишніх земель Речі Посполитої до імперських структур монархії Романових і спроби перетворення поляків на вірнопідданих правлячої династії; як вплив польського національного руху на дестабілізацію ситуації в імперії та на розвиток модерних націй на західній периферії царської Росії.

У польській історіографічній традиції Правобережна Україна виступає як частина східних «кресів» колишньої Речі Посполитої. Однак після 1989 р. польські дослідники почали розглядати дефініцію «креси» на теоретичному рівні². Поступово відбувається процес деконструкції цього поняття, з'являються спроби створити модель

«універсальних кресів», які розглядаються як «периферія», прикордонна зона в імперіях або в національних державах³. Дослідження політики Російської імперії на «кресах» у сучасній польській історіографії перегукуються з «фронтір-студіями», які користуються сьогодні надзвичайною популярністю у світовій історіографії. Проблемагізація границі в контексті історії Російської імперії дозволяє дослідникам подивитись на неї як на похідну від дії двох конкуруючих проектів – національного та імперського. Змагання цих проектів відбуваються в полі, яке створюється соціальною та економічною модернізацією. Такий дослідницький підхід об'єднує традиційне лінійне розуміння границі національно-політичного утворення з трактуванням границі як зони взаємодії різних політичних і соціальних сил. У руслі цієї трактовки фронтиру як особливої ситуації, що відкриває можливості для дії багатьох факторів, і створюються передумови для унікальних процесів самоорганізації населення і перетинання етноконфесійних і соціальних кордонів.

Переважає більшість польських дослідників, як і ряд провідних світових імперіологів, вважають, що основою політично-суспільно-національної ситуації на західних окраїнах Російської імперії було зіткнення російської держави і молодого російського націоналізму з більш розвиненою польською національною свідомістю⁴. Вони наголошують, що польська шляхта в XIX ст. стала піонером націобудування в Східній Європі, вона кидала виклик не лише царській адміністрації, але і російській еліті, примушуючи її шукати нові політичні технології управління «кресами», а також створювала поле вибору для українців, білорусів і литовців, допомагала їм побачити, що існує альтернатива перспективі перебування в складі Росії як провінція. Польські повстання 1830–1831 рр. та 1863–1864 рр., реакція на них з боку імперської влади розглядаються як віхи процесу «націоналізації» Російської імперії. Хоча польський історик Л. Яскевич дискутує з цими поглядами і нагадує про нерівність такої суперечки: «За російським націоналізмом стояла сила імперської держави з її обмежуючим законодавством і засобами примусу»⁵. Натомість А. Новак зауважує, що прагнення імперської держави не завжди збігалися з прагненнями російського націоналізму⁶. Дослідник підіймає питання: як польська еліта трансформувалася у модерних націобудівників і змогла кинути виклик імперії та «пробудити» нації Східної Європи? Він підкреслює важливість специфічної ідеології, сформованої під час ери романтизму, зокрема, після першого польського повстання 1830 р. При цьому Новак звертає увагу, що в дійсності це не була модерна етнічна національно-державна ідеологія, а – навпаки – нова віра у федералістську об'єднуючу властивість. Стара Річ Посполита могла отримати духовний реванш над російським деспотизмом⁷.

На розвиток історичних досліджень з «кресової» проблематики у Польщі мала вплив деконструкція польського романтичного міфу «кресів», яку здійснив французький історик Д. Бовуа у працях, присвячених вивченню взаємовідносин у трикутнику «польська шляхта – українські селяни – російська імперська адміністрація»⁸. Він виступив з критикою ідеалізованого трактування «кресів» як місця національної єдності, як «передмур'я християнства» та сфери реалізації цивілізаційної місії поляків. Д. Бовуа концентрується на дослідженні суспільно-етнічної ситуації на Правобережній Україні у 1793–1914 рр. крізь призму суперництва нової імперської влади з колишньою польською гегемонією на цих землях, уособленням якої була польська шляхта.

Увагу привертає полеміка, піднята І. Рихліковою довкола тези Д. Бовуа про те, що процес ревізії шляхетських титулів і декласації дрібної шляхти на Правобережній Україні у 1830–1840-х роках був наслідком репресивної політики царату щодо поляків після повстання 1830–1831 рр. Рихлікова нагадує, що цей процес значно більше відпо-

відав прагненням багатой шляхти, і його витоки слід шукати ще у XVIII ст.⁹ У своїх наступних працях Д. Бовуа визнав доцільність зауважень польської дослідниці і підкреслив, що на декласацію дрібної шляхти на Правобережній Україні вплинула не тільки репресивна політика царату, а і підтримка цих акцій заможною шляхтою¹⁰.

Ця дискусія звернула увагу польських істориків на потребу ревізії погляду про відповідальність царського уряду за всі негативні явища в середовищі польської шляхти на «кресах». Спробу інтерпретувати ці події в інших категоріях здійснив варшавський історик Т. Епштейн¹¹. Він відзначає, що катастрофічне зменшення ареалу великої польської власності на Правобережній Україні не можна цілком списувати на антипольську політику імперської адміністрації. Негативна політична ситуація накладалася на економічні труднощі, які особливо виразно виявились після реформ 1860-х років. Дослідник вважає, що неможливо відрізнити господарства, які розпалися з економічних причин, від тих, які відійшли до росіян в результаті планових антипольських заходів російської влади.

Слід згадати зауваження Т. Епштейна стосовно тези Д. Бовуа, що до 1905 р. католицькі ксьондзи нічого не зробили для нижчих верств польського населення Правобережної України. Натомість польський дослідник нагадує: рівень національної свідомості на цих територіях у XIX – на початку XX ст. визначався не стільки мовою чи приналежністю до етнічно-соціальної групи, скільки зв'язком з культурно-релігійною традицією і конфесійними спільнотами¹².

Протягом останнього десятиліття польська історична наука збагатилась кількома цінними опрацюваннями, які висвітлюють деякі аспекти суспільно-культурного життя поляків на «кресах» під владою держави Романових. Якщо дослідження Т. Епштейна¹³, що присвячені проблемам освіти на «кресах», написані з перспективи польської культурної традиції і патріотизму, а головним мотивом в них є опір поляків русифікаційним впливам, то монографії варшавського історика Л. Заштовта якісно відокремлюється від них в концептуальному відношенні. Заштовт представив зміни у сфері освіти на литовських і руських землях давньої Речі Посполитої на тлі загальних перетворень, спрямованих на уніфікацію тих територій з Російською імперією у 1832–1864 роках¹⁴. У хронологічному відношенні ці дослідження становлять логічне продовження праці Д. Бовуа¹⁵.

Окрім питань, безпосередньо пов'язаних з освітньою проблематикою, Заштовт торкається цілого ряду інших проблем: конфлікту між старим порядком Речі Посполитої і новими імперськими правилами; цивілізаційних змін на тих територіях; методів, які застосовувала російська адміністрація для послаблення польських впливів на «кресах». Відзначимо, що висновки дослідника знаходять підтримку серед інших польських істориків. Наприклад, на той факт, що русифікацію форсував Микола I, який мав особисті антипольські упередження, звертають увагу також А. Новак¹⁶, В. Серчик¹⁷, А. Андрусевич¹⁸.

На увагу заслуговує виокремлення Л. Заштовтом такого методу антипольської політики царату, як підтримка нових національних рухів на територіях українських і литовсько-білоруських земель. Цей аспект деполонізаційної політики Російської імперії на «кресах», щоправда вже в період після Січневого повстання 1863–1864 рр., розглядають Л. Яскевич¹⁹, А. Новак²⁰, В. Родкевич²¹, Г. Глембоцкий²², Р. Радзік²³.

Політику центрального управління західними губерніями Л. Заштовт характеризує як таку, що вела до цивілізаційної деградації Західного краю. Дослідник лише відзначив вплив русифікації на зовнішній вигляд міст: «щоразу менше залишалось слідів давньої Речі Посполитої, щоразу більше ставало будинків, які наслідували архітектуру

Москви чи Петербурга»²⁴. Цей аспект русифікації детально розглянув польський історик культури П. Пашкевич, який акцентував увагу на ідейних змістах і функціях російської сакральної архітектури на західних окраїнах імперії²⁵.

Слід відзначити, що праця Л. Заштовта становить приклад комплексного дослідження широкого спектру проблем, пов'язаних з «першим етапом перетворення всіх давніх земель Великого Князівства Литовського і Правобережної України з кресів Речі Посполитої в європейські креси Російської імперії» крізь призму освітньої політики царської влади на цих територіях²⁶.

У сучасній польській історіографії значна увага приділяється проблемі еволюції політики Російської імперії по відношенню до Правобережної України під впливом Січневого польського повстання 1863–1864 рр. і розвитку національних рухів на цих теренах. Дослідники почали застосовувати ситуаційний підхід, який дозволяє реконструювати процеси формування націй, що відбувалися в цьому регіоні в другій половині XIX – на початку XX ст., і зміни етнополітики держави Романових у їх взаємодії. У центрі уваги опиняється суперництво російського і польського проєкту культурного, державного і національного будівництва, на фоні якого розглядається формування національного проєкту українців. У підсумку, місцеве населення репрезентується не лише як об'єкт впливу політики імперської влади, але і як самостійний актор.

Вплив російського націоналізму на політику держави Романових щодо її периферії у польській історіографії до 1989 р. недооцінювався і залишався на маргінесі досліджень імперії. Сьогодні низка істориків звертає увагу на проблему «націоналізації» Російської імперії в другій половині XIX ст.²⁷ При цьому підкреслюється роль польського національного руху в активізації цього процесу. Найповніше російська національна політика на західних окраїнах імперії після 1863 р. представлена в монографії В. Родкевича²⁸. В основі інтерпретаційної моделі автора лежить виокремлення ним двох стратегій в імперській політиці Росії щодо «західних губерній» в 1863–1905 рр. Перша з них – традиційна (імперська) – базувалась на підтримуванні цілісності імперії шляхом інтеграції локальних еліт на засаді лояльності по відношенню до правлячої династії та держави, без необхідності повної релігійно-мовної асиміляції. Друга стратегія – «бюрократичний націоналізм» – виходила з визнання беззаперечної нелояльності неросійських націй на західних рубежах імперії та передбачала проведення політики «твердої руки» щодо них²⁹. Польський дослідник розглядає широкий спектр механізмів вирішення національного питання на західних окраїнах, які були результатом реалізації цих концепцій на практиці: від відвертої боротьби проти будь-яких проявів національної чи культурно-релігійної окремішності націй до використання національних рухів українців, білорусів, литовців для обмеження польських впливів на цих територіях.

Краківський історик Г. Глембоцький, виходячи з твердження, що істотним чинником виникнення модерних націй в Європі була їх конфронтація з іншими націями, відзначає, що російський націоналізм формувався в умовах суперництва з польською національною ідеєю³⁰. Дослідник зазначає, що після Січневого польського повстання 1863–1864 рр. нова стратегія імперії на західних окраїнах була спрямована проти старих суспільних і культурних еліт, які репрезентували етнічний і політичний сепаратизм. Натомість опорою держави мали стати автохтонні «селянські народи», які, як вважалося, були аполітичні та більше підлягали впливам російської культури і православ'я³¹. Російська адміністрація експериментувала з етнічно-культурною політикою, використовуючи в процесі освіти локальні мови, що характеризувались як «селянські». Це був засіб культурної і національної уніфікації звільнених від кріпацтва селян. Розроблялися плани використання проти польських впливів інших етнічних

ідентичностей, які вважались «регіоналізмами» в межах «триєдиної російської нації» (росіяни, українці та білоруси).

Важливим питанням для польських істориків на сьогодні залишається визначення сутності проблеми «русифікації» в Російській імперії. Такі дослідники, як Л. Яскевич³², Л. Пйонтковський³³, М. Вальденберг³⁴ стверджують, що «русифікація» не була головною метою національної політики Російської імперії. Йшлося не про формування російської національної свідомості, а про забезпечення лояльного ставлення до російської держави. Наприклад, Яскевич відзначає, що на зламі XIX і XX ст. російська політика щодо польського суспільства мала на меті не стільки денационалізацію, скільки нав'язування полякам способу мислення, за якого вони поважали б основи єдності імперії та вірнопідданство³⁵. Глембоцький виокремлює дві моделі «русифікації» по відношенню до непольських націй Західного краю. У першому випадку йшлося швидше про деполонізацію, ніж про русифікацію; метою було заблокування польських впливів на цих землях, формування національної етнічності українців, білорусів, литовців під опікою Росії, а в другому – передбачалася повна асиміляція³⁶. У цьому контексті дослідження польських істориків відбивають загальну тенденцію, яка характеризує інші національні історіографії. Так, американські³⁷, російські³⁸, японські³⁹ дослідники теж доходять висновку, що «русифікація» була закономірністю в розвитку поліетнічної Російської імперії кінця XIX – початку XX ст., спрямованою на досягнення державної стабільності. У результаті русифікаційний курс інтерпретується як закономірне прагнення до укріплення адміністративно-територіальної цілісності держави.

Разом з дослідженням концепцій та практик національної політики Російської імперії на Правобережній Україні польські дослідники в останні роки почали розглядати питання: як представники польської еліти на «кресах» ставились до Російської імперії, чи ідентифікували себе з російською державою, чи однозначно сприймали її як «чужий», «ворожий» елемент, якому слід опиратися. Вступом до ширшого вивчення цієї проблеми можна вважати праці Мирослава Устжицького⁴⁰. Дослідник наголошує, що ставлення польських поміщиків до російської влади не було статичним, воно змінювалось в залежності від динаміки державної політики: негативні настрої зростали у періоди після повстань 1830–1831 рр. та 1863–1864 рр., коли посилювались репресії і русифікаційні заходи, але значно зменшувались після стабілізації ситуації. Устжицький відзначає, що у другій половині XIX ст. утворилася така ситуація, коли більшість поміщиків не відважувались заперечувати факт державної приналежності до Російської імперії, але і не ідентифікували її з вітчизною. Негативне ставлення до Росії після 1864 р. не набирало політичних форм, воно обмежувалось неприйняттям російської культури, стилю життя і системи цінностей. Справедливість цієї тези підтверджує інший польський дослідник Роман Юрковський, який зазначає, що після поразки двох польських повстань у другій половині XIX ст. розповсюдилося переконання в силі російської держави і в нереальності вибороти радикальні політичні зміни⁴¹. Обидва історики погоджуються, що польсько-російські стосунки на «кресах» після 1864 р. набрали виміру конфлікту двох цивілізаційних моделей. На даному етапі культурний бойкот всього російського став для польських поміщиків єдиним способом зберегти свої «малі вітчизни», де культивувалися родинні традиції, мова і релігія.

Насамкінець відзначимо основні тенденції вивчення політики російського уряду в національному питанні на Правобережній Україні у XIX – на початку XX ст., які характеризують сучасну польську історіографію. Ці дослідження носять переважно полоноцентричний характер і концентруються на вивченні «польського питання». Однак сьогодні відбувається процес критичного переосмислення «традиціоналістських»

інтерпретацій, у яких імперія виступає лише тлом, контекстом для процесу визрівання нації та національної держави і розглядається як зовнішня, ворожа сила. Представники «ревізіоністського» напрямку вписують політику Російської імперії у загальноєвропейський контекст, значну увагу приділяють вивченню проблем націоналізації концепції та структури імперії у XIX ст., а також аналізу впливу російського націоналізму на еволюцію імперської політики по відношенню до західної периферії. В останні роки дослідники почали приділяти увагу російському націоналізму. Щоправда ця проблематика розглядається з точки зору тієї ролі, яку відіграв польський фактор у процесі «націоналізації» Російської імперії. Дослідники наголошують, що російський націоналізм формувався саме в опозиції до польського національного руху. При зверненні до проблеми еволюції політики Російської імперії щодо західної периферії дослідники почали застосовувати ситуаційний підхід, який дозволяє реконструювати процеси формування націй, що відбувалися у цьому регіоні в XIX – на початку XX ст., і зміни етнополітики держави Романових в їх взаємодії. Як результат, місцеве населення розглядається не лише як об'єкт впливу політики імперської влади, але і як самостійний актор. «Ревізіоністи» стверджують, що «русифікація» не була головною метою національної політики Російської імперії. Її провідники стверджували: йшлося не про формування російської національної свідомості, а про забезпечення лояльного ставлення до правлячої династії. Поява цих досліджень свідчить про поступовий відхід польських істориків від традиційної національної парадигми в даному питанні.

¹ *Миллер, А.* История Российской империи как полиэтнического государства: в поисках новых исследовательских парадигм. – В: Україна–Росія: діалог історіографій. Матеріали міжнародної наукової конференції. Чернівці, 22–25 серпня 2002 р. Київ–Чернівці, РВК «Деснянська правда», 2007, 88–101; *Бахтуріна, А.* «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии. – В: Русский национализм: социальный и культурный контекст. М., Новое литературное обозрение, 2008, 61–74; *Капелер, А.* Росія як поліетнічна імперія. Виникнення, історія, розпад. Львів, Вид. Українського Католицького Університету, 2005; *Каспэ, С.* Империя и модернизация. Общая модель и Российская специфика. М., Росспэн, 2001; *Гнатюк, О.* Прощання з імперією. Українські дискусії про ідентичність. К., Критика, 2005; Новая имперская история постсоветского пространства. Сборник статей. Казань, Центр исследований национализма и империи, 2004, 599–608; *Hosking, G.* Russia: People and Empire, 1552-1917. Cambridge, Harvard University Press, 1997; *Lieven, D.* Empire: the Russian Empire and its Rivals. New Haven and London, Yale University Press, 2000.

² *Bakula, B.* Kolonialne i postkolonialne aspekty polskiego dyskursu kresoznawczego (zarys problematyki). – Teksty drugie: teoria, krytyka, interpretacja, 2006, № 6, 11–33; *Kieniewicz, S.* Kresy. Przemiany terminologiczne w perspektywie dziejowej. – Przegląd Wschodni, 1991, t. 1, z. 1, 3–13; Kresy – dekonstrukcja / [red. K. Trybuś, J. Kałużny]. Poznań, Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2007; Kresy – pojęcie i rzeczywistość. Zbiór studiów / [red. K. Handke]. Warszawa, Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 1997.

³ *Koter, M.* Kresy państwowe – geneza i właściwości w świetle doświadczeń geografii politycznej. – Kresy – pojęcie i rzeczywistość. Zbiór studiów / [red. K. Handke]. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 1997, 9–52.

⁴ *Гатрелл, П.* Этнос и империя в истории окраин России. – Ab imperio, 2000, № 1, с. 207; *Мауызато, К.* Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX века. – Ab imperio, 2000, № 1, 91–105; *Горизонтов, Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., Индрик, 1999, 215–217; *Капелер, А.* Росія як поліетнічна імперія. Виникнення, історія, розпад. Львів, Вид. Українського Католицького Університету, 2005, 168–171; *Каспэ, С.* Империя и модернизация. Общая модель и Российская специфика. М., Росспэн, 2001, 144–145; *Миллер, А.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). Санкт-Петербург, Алетея, 2000, 23–24; *Szporluk, R.* Imperium, komunizm i narody. Kraków, ARCANA, 2003, 221–223.

⁵ *Jaśkiewicz, L.* Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku. Pułtusk, Wyższa szkoła Humanistyczna w Pułtusk, 2001, s. 98.

⁶ Nowak, A. Walka o kresy, walka o przetrwanie: XIX-wieczne Imperium Rosyjskie wobec Polaków, Polacy wobec Imperium (przegląd historiograficzny). – Od imperium do imperium: spojrzenia na historię Europy wschodniej / A. Nowak. Kraków, ARCANA, 2004, s. 138.

⁷ Nowak, A. Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849. Warszawa, Gryf, 1994, 94–116, 172–203, 286–356.

⁸ Beauvois, D. Stosunki społeczno-etniczne na Ukrainie Prawobrzeżnej w końcu XIX i na początku XX wieku. – Przegląd Wschodni, 1994, t. 3, z. 4, 619–637; Beauvois, D. Polacy na Ukrainie 1831–1863. Szlachta polska na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie. Paryż, Inst. Literacki, 1987; Beauvois, D. Mit „Kresów wschodnich“, czyli jak mu położyć kres. – Polskie mity polityczne XIX–XX w. Wrocław, Uniwersytet Wrocławski, 1994, 93–105; Beauvois, D. Walka o ziemię szlachta polska na Ukrainie prawobrzeżnej pomiędzy carem a ludem ukraińskim 1863–1914. Sejny? Pogranicze, 1996; Beauvois, D. Trójkąt ukraiński: szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793–1914. Lublin, Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005.

⁹ Rychlikowa, I. Deklasacja drobnej szlachty w Cesarstwie Rosyjskim, spór o „Pułapkę na szlachtę“ Daniela Beauvois. – Przegląd Historyczny, 1988, t. 79, z. 1, s. 123; Rychlikowa, I. Carat wobec polskiej szlachty na ziemiach zabranych w latach 1772–1831. – Kwartalnik Historyczny, 1993, № 3, s. 54.

¹⁰ Beauvois, D. Trójkąt ukraiński: szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793–1914. Lublin, Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005, 585–587.

¹¹ Epsztejn, T. Przywiązanie szlachty polskiej na Ukrainie do ziemi w XIX i na początku XX wieku: mit czy rzeczywistość? – Rosja i Europa Wschodnia: „imperiolgia“ stosowana / [red. A. Nowak]. Kraków, ARCANA, 2006, 400–412.

¹² Epsztejn, T. Ziemianie polscy na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie (1863–1914) w walce o ziemię Daniela Beauvois. – Kwartalnik historyczny, 1997, № 1, s. 69.

¹³ Epsztejn, T. Wpływ powstań narodowych na wychowanie młodego pokolenia polskich ziemian na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w II poł. XIX w. – Polacy a Rosjanie. Materiały z konferencji „Polska–Rosja. Rola polskich powstań narodowych w kształtowaniu wzajemnych wyobrażeń“. Warszawa-Płock, 14–17 maja 1998 [red. T. Epsztejn]. Warszawa, Wyd. Neriton, 2000, 227–244; Epsztejn, T. Edukacja dzieci i młodzieży w polskich rodzinach ziemiańskich na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w II połowie XIX w. Warszawa, DiG, 1998.

¹⁴ Zasztowt, L. Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, Warszawskie Towarzystwo Naukowe Instytut historii nauki PAN, 1997; Zasztowt, L. Europa Środkowo-Wschodnia a Rosja XIX–XX wieku: w kręgu edukacji i polityki. Warszawa, Studium Europy Wschodniej, 2007.

¹⁵ Beauvois, D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich: 1803–1832. T. 1: Uniwersytet Wileński. Rzym, Fundacja Jana Pawła II; Lublin, Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1991; Beauvois, D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich: 1803–1832. T. 2: Szkoły podstawowe i średnie. Rzym, Fundacja Jana Pawła II; Lublin, Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1991.

¹⁶ Nowak, A. Generała Bibikowa walka z „nerozsądną narodowością polską“. – Polacy, Rosjanie i Biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX wieku. A. Nowak. Kraków, ARCANA, 1998, s. 37.

¹⁷ Serczyk, W. Poczec władców Rosji (Romanowowie). Londyn, PULS, 1992, s. 192.

¹⁸ Andrusiewicz, A. Carowie i cesarze Rosji. Szkice biograficzne. Warszawa, Grupa wydawnicza Bertelsmann Media Fakty, 2001, s. 336.

¹⁹ Jaśkiewicz, L. Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku. Pułtusk, Wyższa szkoła Humanistyczna w Pułtusku, 2001, 50–52.

²⁰ Nowak, A. Imperialna polityka Rosji wobec Polski: 1795–1914. – Polacy, Rosjanie i Biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX wieku / A. Nowak. Kraków, ARCANA, 1998, s. 21.

²¹ Rodkiewicz, W. Russian nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin, Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 1998, 137–139.

²² Głębocki, H. Irredenta polska a „kresy“ Imperium. Powstanie styczniowe (1863–1864) a ewolucja polityki Imperium Rosyjskiego wobec jego zachodnich „okrain“. – Rosja i Europa Wschodnia: „imperiolgia“ stosowana / [red. A. Nowak]. Kraków, ARCANA, 2006, 324–325.

²³ Radwan, M. Carat wobec Kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim (1796–1839). Lublin, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2004, 241–242.

²⁴ Zasztowt, L. Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, Warszawskie Towarzystwo Naukowe Instytut historii nauki PAN, 1997, s. 366.

²⁵ Paszkiewicz, P. Pomniki carskie na zachodnich rubieżach Imperium Rosyjskiego i ich treści ideowe. – Przegląd Wschodni, 2000, t. 7, z. 1, 123–158; Paszkiewicz, P. W służbie imperium rosyjskiego 1721–1917. Funkcje i treści ideowe rosyjskiej architektury sakralnej na zachodnich rubieżach cesarstwa i poza jego granicami. Warszawa, Inst. Sztuki PAN, 1999.

- ²⁶ *Zasztowt, L.* Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, Warszawskie Towarzystwo Naukowe Instytut historii nauki PAN, 1997, s. 365.
- ²⁷ *Nowak, A.* From empire builder to empire breaker or there and back again: history and memory of Poland's role in the Eastern European Politics. – *Ab imperio*, 2004, № 1, p. 268; *Piątkowski, L.* Rosja wobec ruchów narodowych na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (1864–1914). – *Res historica*, 2006, t. 22, s. 113; *Głębocki, H.* Irredenta polska a „kresy” Imperium. Powstanie styczniowe (1863–1864) a ewolucja polityki Imperium Rosyjskiego wobec jego zachodnich „okrain”. – *Rosja i Europa Wschodnia: „imperiologia” stosowana* [red. A. Nowak]. Kraków, ARCANA, 2006, s. 313.
- ²⁸ *Rodkiewicz, W.* Russian nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin, Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 1998.
- ²⁹ *Rodkiewicz, W.* Russian nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin, Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 1998, p. 202.
- ³⁰ *Głębocki, H.* Irredenta polska a „kresy” Imperium. Powstanie styczniowe (1863–1864) a ewolucja polityki Imperium Rosyjskiego wobec jego zachodnich „okrain”. – *Rosja i Europa Wschodnia: „imperiologia” stosowana* [red. A. Nowak]. Kraków, ARCANA, 2006, s. 310.
- ³¹ *Głębocki, H.* Irredenta polska a „kresy” Imperium. Powstanie styczniowe (1863–1864) a ewolucja polityki Imperium Rosyjskiego wobec jego zachodnich „okrain”. – *Rosja i Europa Wschodnia: „imperiologia” stosowana* [red. A. Nowak]. Kraków, ARCANA, 2006, s. 325.
- ³² *Jaśkiewicz, L.* Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku. Pułtusk, Wyższa szkoła Humanistyczna w Pułtusk, 2001, s. 116.
- ³³ *Piątkowski, L.* Rosja wobec ruchów narodowych na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (1864–1914). – *Res historica*, 2006, t. 22, s. 112.
- ³⁴ *Waldenberg, M.* Kwestie narodowe w Europie Środkowo-Wschodniej: dzieje, idee. Warszawa, Wyd. naukowe PWN, 1992, s. 103.
- ³⁵ *Jaśkiewicz, L.* Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku. Pułtusk, Wyższa szkoła Humanistyczna w Pułtusk, 2001, s. 50.
- ³⁶ *Głębocki, H.* Irredenta polska a „kresy” Imperium. Powstanie styczniowe (1863–1864) a ewolucja polityki Imperium Rosyjskiego wobec jego zachodnich „okrain”. *Rosja i Europa Wschodnia: „imperiologia” stosowana* [red. A. Nowak]. Kraków, ARCANA, 2006, s. 329.
- ³⁷ *Хобсбаум, Э.* Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону, Феникс, 1999, 219–221.
- ³⁸ *Горизонтов, Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., Индрик, 1999, с. 218; *Миллер, А.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). Санкт-Петербург, Алетейа, 2000, 34–35.
- ³⁹ *Маузузато, К.* Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX века. – *Ab imperio*, 2000, № 1, с. 94.
- ⁴⁰ *Ustrzycki, M.* Postawy polskich ziemian na kresach wobec Rosji i Rosjan po powstaniu styczniowym (w świetle pamiętników). – *Przegląd Wschodni*, 2002, t. 8, z. 1, 77–96; *Ustrzycki, M.* Ziemianie polscy na Kresach w latach 1864–1914. Świat wartości i postaw. Kraków, ARCANA, 2006.
- ⁴¹ *Jurkowski, R.* Ziemianstwo polskie Kresów Północno-Wschodnich (1864–1904). Działalność społeczno-gospodarcza. Warszawa, Wyd. „Przeglądu Wschodniego”, 2001, s. 434.

М. В. Гаухман

РОСІЙСЬКА НАЦІОНАЛЬНА ПОЛІТИКА НА ПРАВОБЕРЕЖНІЙ УКРАЇНІ (1905–1914): ЧОТИРИ НАЦІОНАЛЬНІ ПРОЕКТИ В ОДНОМУ ПОЛІТИЧНОМУ ПРОСТОРИ

Вивчення історичного досвіду співіснування різних етнічних і конфесійних спільнот на українських землях є передумовою досягнення толерантності в міжетнічних і міжконфесійних відносинах в українській державі. Особливістю Правобережної України в складі Російської імперії було те, що цей регіон являв собою політичну арену чотирьох «національних проектів» – російського, українського, єврейського та польського. Змагання національних проектів між собою було виявом національного питання як загальної проблеми соціальної дійсності Російської імперії в «епоху націоналізму». Перша російська революція 1905–1907 рр. позначилася піднесенням національних рухів на імперських окраїнах. Відтоді національне питання, проблема російського націотворення та рівноправності російських підданих були усвідомлені російською владою й громадськістю як одна з ключових проблем громадсько-політичного життя, від вирішення якої залежало подальше майбутнє Росії в ХХ ст.

Сучасні теорії нації та націоналізму докладно розглядаються в однойменній монографії Г. Касьянова¹. Базовими для вивчення «епохи націоналізму» періоду націотворення й розгортання національних рухів є праці дослідників феноменів нації й націоналізму Е. Гелнера, Б. Андерсона і Е. Сміта, т. зв. «модерністів». «Модерністи» виступають проти примордіалістського розуміння нації, що призводить до отождення етнічних і національних спільнот. «Модерністи» виходять з того, що, по-перше, нації є явищем модерної епохи, «епохи націоналізму», по-друге, нації не зводяться до сучасної версії домодерних етнокультурних спільнот, по-третє, націоналізм передує нації. Об'єктом дослідження «модерністів» є процеси націотворення (уживання слова «творення» підкреслює перманентний характер національного будівництва).

Праця Е. Гелнера присвячена націотворенню в контексті процесів модернізації. Процеси націотворення, за Е. Гелнером, відбуваються шляхом творення елітарної національної культури та засвоєння її індивідом. Саме прийняття національної культури є неодмінною умовою входження представника етнічної спільноти в модерне суспільство². Концепція нації як «уявленої спільноти» Б. Андерсона пояснює націотворення бюрократичними й освітніми практиками модерного суспільства: спочатку нації як проект «уявляються» інтелектуалами, а згодом дійсність облаштовується відповідно до проекту³.

Концепція Б. Андерсона застосовувалася для дослідження української історії. Прикладом цього є стаття Р. Шпорлюка, у якій історія України розглядається як історія українського «національного проекту», що виграв історичне змагання у проектів «великої російської нації» та «великої польської нації», котрі розглядали українське населення як складову цих «великих націй»⁴. Послідовником Р. Шпорлюка є С. Плохій, який присвятив монографію науковій творчості М. Грушевського⁵. С. Плохій, спираючись на тезу Р. Шпорлюка, що національна історія є історією «творення, руйнування

і відтворення» («making, unmaking and remaking») націй, розглядає М. Грушевського як творця української нації («nation-builder») та руйнівника російської імперської нації. Концепція Б. Андерсона вже застосовувалася російським істориком О. Міллером для дослідження національного питання в Російській імперії. О. Міллер є автором монографії про українське питання в 60–70-ті рр. XIX ст. в контексті національного питання в Росії «епохи великих реформ» Олександра II (1855–1881)⁶. Статті О. Міллера з окремих проблем історії національного питання в Російській імперії та імперській національної політики були зібрані в окремому виданні⁷.

«Етносимволістська» концепція нації Е. Сміта є відповіддю на концепції Е. Гелнера і Б. Андерсона, у яких не приділяється увага витокам нації до початку націотворення. Е. Сміт також виходить з розуміння нації як модерної спільноти, але звертає увагу на те, що базою нації слугують символи, міфи та цінності домодерних етнічних спільнот. Націоналісти не створюють нові показники ідентичності, а в процесі націотворення актуалізують домодерні ідентичності⁸.

Вперше Правобережну Україну та загалом Західний край, «східні креси» колишньої Речі Посполитої як російсько-польське етнополітичне прикордоння розглянув М. Драгоманов у статтях, написаних для журналу «Вестник Европы» в 1870-х рр. Проблеми націотворення (звісно, автор не вживав цього терміну) в Східній Європі – польському, литовському, українському та білоруському національним рухам – у контексті відносин між Росією та новопосталою Німеччиною присвячувався цикл статей «Восточная политика Германии и обрусение»⁹. Міжнаціональні відносини на Правобережжі висвітлювалися М. Драгомановим у статті «Евреи и поляки в Юго-Западном крае»¹⁰.

Сучасна українська історіографія національної політики на Правобережній Україні представлена монографією Н. Щербак, у якій досліджені регіональні вияви політики щодо трьох національних питань – українського, польського та єврейського¹¹. Дана праця цінна, насамперед, значним обсягом фактичного матеріалу, але, на наш погляд, авторці бракує власної концепції національного питання й національної політики в Російській імперії, що дало б можливість увести фактичний матеріал у визначене теоретичне річище. Державному управлінню на Правобережній Україні присвячені праці В. Шандри¹². Лейтмотивом урядування в добу пізньої Російської імперії (1855–1917) була деполонізація Південно-Західного краю через усунення поляків від державного управління. Питання історіографії та джерел дослідження національного питання на Правобережжі розглядаються в працях Ю. Поліщука¹³.

Іноземна історіографія національного питання на Правобережній Україні представлена працями як фактологічного, так і концептуального характеру. Відносини між російською владою та польським, українським і єврейським населенням Правобережної України в 1863–1914 рр. стали об'єктом дослідження французького історика Д. Бовуа¹⁴. Автором польська шляхта Правобережжя розглядається як окрема етнополітична спільнота, а молода польська інтелігенція шляхетського походження початку XX ст. – як верства, залежна від польської шляхти. Проблеми відносин у трикутнику українського, російського та польського «національних проєктів» у Правобережній Україні присвячена й стаття К. Мацузато¹⁵. Важливою для розуміння російської національної політики в периферійних регіонах є інша праця К. Мацузато, у якій дається класифікація генерал-губернаторств залежно від місця регіону в імперській структурі та основних завдань губернської політики. Правобережна Україна, за класифікацією К. Мацузато, була периферійним регіоном, губернська політика в якому, т. зв. «етнічний бонапартизм», була спрямована на русифікацію, за словами автора, «шановних ворогів» Російської імперії, до яких на Правобережжі належали євреї й поляки¹⁶. Внеском російської історіо-

графії у вивчення політичної історії Правобережної України є колективна монографія «Западные окраины Российской империи», присвячена утворенню Російської імперії та імперській політиці в Західному краї, а також польській, українській, білоруській і литовській історіографії історії національних окраїн імперії¹⁷. Авторський колектив, до якого належить і згаданий вище О. Міллер, поділяє положення «конструктивістської» концепції нації Б. Андерсона щодо провідної ролі бюрократичних практик у процесах націотворення. Відтак основна увага авторів звернена на конструювання «російськості» в Західному краї представниками російської бюрократії, які проводили політику інкорпорації імперських окраїн, та проблематичності самого поняття «російськість».

Національне питання на Правобережній Україні на початку ХХ ст. набувало гіпертрофованого значення через різноманіття етноконфесійних спільнот, які замешкували регіон. Правобережжя являло собою політичну арену змагання «національних проєктів» – російського, українського, єврейського та польського. Специфіка цього протистояння визначалася, з одного боку, характером самих «національних проєктів», а з іншого боку, особливостями політико-правового становища регіону в структурі Російської імперії. Саме під кутом зору протистояння «національних проєктів» досліджується політична історія Правобережної України на початку ХХ ст. в нашій статті.

Виклик модерним імперіям, «старорежимним монархіям», кинула доба індустріалізації, що позначила перехід від ранньо- до пізньомодерного суспільства. Під ранньомодерними імперіями розуміємо імперії, які формувалися на ненаціональних підставах навколо ядра, що являла собою імперська поліетнічна і поліконфесійна еліта. Пізньомодерна епоха тотожна «епосі націоналізму»: масове суспільство постає замість станової й конфесійної мозаїки ранньомодерного суспільства, а індивіди ідентифікують себе як представники національних спільнот. Особливістю етноконфесійної структури ранньомодерного суспільства Центрально-Східної Європи (XVI – середина XIX ст.) була етноконфесійна строкатість, що мала два виміри: 1) горизонтальний вимір, під яким розуміємо ущільнене просторове розміщення етноконфесійних груп у сільській місцевості та між районами міст; 2) вертикальний вимір, під яким розуміємо збіг (цілковитий або частковий) станово-класового й професійного розшарування населення з його етноконфесійним розподілом.

Націотворення пізньомодерної епохи, що супроводжувалося руйнацією станів, перетворювало етноконфесійні спільноти на спільноти національні, котрі вимагали визнання власних національних прав як прав так би мовити колективної особистості. Ідеологією націотворення був націоналізм, що пропонував атомізованому капіталістичному суспільству альтернативу у вигляді солідарної спільноти – нації. Однак наявність різноманітних проєктів націотворення, що поширювалися на одне й те ж саме населення, призводило до конкуренції між «національними проєктами». Саме конкуренція проєктів, з одного боку, і ненаціональний характер модерних імперій, з іншого боку, призводили до появи національного питання – проблеми визнання національних прав. «Національні проєкти» або спрямовувалися на «націоналізацію», перетворення на націю домодерних етноконфесійних спільнот, як український і єврейський проєкти, або прагнули створення нації зі споріднених етноконфесійних спільнот, як російський і польський проєкти.

Території Правобережної України (офіційна назва – Південно-Західний край) відповідали Київська, Подільська та Волинська губернії, які об'єднувалися генерал-губернаторством. Наявність інституту генерал-губернаторства, що поєднував у своїх руках адміністративну і військову владу, свідчила про слабкість російських позицій у регіоні. Правобережна Україна в російському політичному просторі уявлялася як російсько-польське

прикордоння, поле змагання двох «національних проектів» – проекту «великої російської нації» та проекту «великої польської нації». Обидва проекти включали місцеву українську (за тогочасною офіційною термінологією – малоросійську) людність як один з елементів «національного проекту». Міжнаціональні відносини також ускладнювалися наявністю єврейського питання, адже Правобережжя було одним із центрів російського єврейства.

Чотири «національних проекти», чотири поля інтелектуальних дискусій і практичної діяльності спиралися на національну (точніше – етноконфесійну) структуру населення Правобережної України. Дані перепису населення Російської імперії 1897 р. не дають змоги визначити національну структуру населення. Анкета перепису не містила показника «нація» чи «національність». Відтак для приблизного встановлення чисельності представників тої чи іншої нації доводиться звертатися до показників «рідна мова». Опора на показник «рідної мови» при обчисленні національної структури населення Росії є загальною практикою в історіографії російської й української історії.

У питомій вазі населення регіону, що складалося з 9,6 млн осіб, українці (особи, які за показником «рідна мова» вибрали «малоросійське наріччя російської мови») становили 76,9% (7,4 млн чол.) населення; євреї (особи, які за показником «рідна мова» вибрали «єврейську мову», тобто їдиш) – 12,5% (1,2 млн чол.); росіяни (особи, які за показником «рідна мова» вибрали «великоросійське наріччя російської мови») – 4,3% (0,4 млн чол.); поляки (особи, які за показником «рідна мова» вибрали «польську мову») – 3,4% (0,3 млн чол.)¹⁸.

Центром Правобережної України та одним із культурних і економічних центрів Російської імперії був Київ. Поляки посідали четверте місце і в столиці Південно-Західного краю. Етнічний розподіл населення Києва був таким: росіяни – 54,2% киян (134,3 тис. чол.); українці – 22,2% (55,0 тис. чол.); євреї – 12,8% (29,9 тис. чол.) поляки – 6,7% (16,6 тис. чол.)¹⁹. Представники чотирьох згаданих етнічних спільнот боролися за посилення в Києві власних культурних і політичних позицій.

Російський національний проект, проект «великої російської нації», прагнув залучити до себе всіх російських підданих, здатних до русифікації, та передбачав поширення в масах офіційної ідеології, що ґрунтувалася на тріаді С. Уварова – «православ'я, самодержавство, народність». Разом із «націоналізацією» Російської імперії на рубежі ХІХ–ХХ ст. ця тріада також зазнала «націоналізації», набувши значення – «національна релігія, монархічна влада, державна нація». Доказом того є звернення до православ'я та «російськості» Олександра ІІ та Миколи ІІ²⁰. Російську національну політику можливо відтворити за бюрократичними практиками в царині національного питання. Додамо, що наявність двох умов включення в російську націю, – прийняття не лише російської культури, а й офіційної ідеології, – виключало з «російського проекту», з точки зору бюрократії, євреїв. Адже єврейська ідентичність, як домодерна етноконфесійна, так і модерна національна, суперечила тріаді С. Уварова.

Охоронно-консервативні позиції російської бюрократії поєднали її з чорносотенством, російським радикальним націоналізмом. Чорносотенці являли собою опозицію «справа», але були насамперед монархічним рухом, і тому виступали не стільки проти влади, що обвинувачувалася чорносотенцями у відокремленні царя від народу, скільки проти опозиції «зліва», лібералів і соціалістів, а також проти іногородців та іновірців, насамперед євреїв. Революційні виступи та єврейські погроми жовтня 1905 р. показали, що під популістсько-монархічними гаслами можливо зібрати масовий рух. Більшість чорносотенних організацій, які унікали назви «партія» через «опозиційне» значення цього поняття, постали не раніше листопада 1905 р., будучи реакцією на революційні виступи²¹. Статутні завдання чорносотенних організацій, що включали

культурну і благодійну діяльність, були більше схожими не на партійні програми, а на завдання національного руху²². Праві радикали отримували від уряду грошові субсидії та були опорою влади в Державній Думі. Звернення уряду за підтримкою до правої опозиції свідчить про нестабільне становище російської влади з 1905 р., що могла спиратися винятково на радикальні сили, а це унеможливило проведення реформ і досягнення стабільності в Росії.

Південно-Західний край був центром російського радикального націоналізму, бо, з точки зору правої громадськості, у регіоні було достатньо ворогів «царя и отечества», іногородців та іновірів. Київ був одним із центрів російського націоналізму. Правобережна Україна була охоплена відділеннями чорносотенних організацій, насамперед Почаївського відділення Союзу російського народу²³. Провідна роль православної церкви в чорносотенному русі на Правобережжі пояснюється тим, що православна церква, поряд із бюрократією, була провідником національної політики: «православ'я» було першим складником тріади С. Уварова.

Серед чорносотенців було чимало етнічних українців, «тоже малоросов», і вірогідно, цим також визначалася антиукраїнська риторика радикальних націоналістів. Адже український рух кидав виклик і проекту «великої російської нації», і особистій ідентичності представників місцевої еліти як росіян, хоча й українського походження, а не українців. Збіг цілей губернської влади і місцевих правих радикалів штовхав їх до співробітництва.

Національна політика в Правобережній Україні визначалася тим, що основним завданням губернської влади була русифікація Південно-Західного краю, тобто усунення культурної віддаленості Правобережжя від російського центру. Російська національна політика мала негативний характер: передумовою проведення асиміляції були репресивні заходи проти неросійського населення та національних рухів.

«Українське питання» в Російській імперії було важливим з огляду на проблематизацію ним «російськості», бо, за тогочасними уявленнями, українська («малорусская») культура була елементом культури російської («общерусской»). Російська національна політика щодо українського питання була спрямована не проти українського населення як такого, а проти української інтелігенції, тобто проти українського націотворення. Адже українське населення підлягало включенню в поле дії російського національного проекту – проекту «великого російського народу». Антиукраїнське законодавство кінця XIX ст. базувалося на Емському указі 1876 р. про заборону українського письменства, що фактично був чинним до Першої російської революції. Емський указ унеможлилював будь-яку легальну діяльність української інтелігенції: окремішнтя мова була єдиною очевидною ознакою українства, що відрізняла його від росіян і поляків. Незважаючи на законодавчі перешкоди, український рух зберігся, представлений декількома сотнями активістів «громад», найбільшою з яких була київська «Стара громада»²⁴. «Громадівці» зберегли протяглість українського руху від «відлиги» Олександра II до Першої російської революції. Народницька ідеологія, розроблена «громадівцями», уможливила подальший розвиток українського руху в XX ст. Адже «народники», попри романтично-популістський характер народництва, презентували український рух як масовий рух від селянства до нації, а відтак – легітимізували «українську справу» в «епоху націоналізму».

Український національний рух у Російській імперії в 1905 р. фактично відродився після Емського указу. Пореволуційними кроками влади, спрямованими проти українського націотворення, було переслідування активістів українського руху, цензурні обмеження, що накладалися на україномовну пресу, та закриття «Просвіт» у Правобережній Україні в 1909–1912 рр.²⁵. Натомість на Катеринославщині «Просвіти»

безперешкодно продовжували свою діяльність. Причина цього полягала в особливому характері національної політики в Південно-Західному краї: русифікація регіону було головним завданням губернської адміністрації. Репресії проти «Просвіт» пояснювалися тим, що культурницька діяльність поширювалася на селянство, а це мало призвести до перетворення українського руху зі справи інтелігенції на справу народних мас. Після появи циркуляру від 20 січня 1910 р. про посилення контролю за «інородчеськими» товариствами була проведена перевірка діяльності українських і польських культурно-просвітницьких організацій Київщини. Однак закрита була лише київська «Просвіта». Підставою для закриття був зміст брошур, що видавалися «Просвітою» та призначалися для селянства²⁶. У 1912 р. була закрита й житомирська «Просвіта», обвинувачена в пропаганді «українського сепаратизму» серед селян²⁷.

Додамо, що саме чорносотенці підтримували обвинувачення українського руху в тому, що він являє собою «австро-польську інтригу», та були ініціаторами закриття «Просвіт» і заборони відзначення сотих роковин Т. Шевченка. Радикальні націоналісти давали місцевій владі ідеологічну аргументацію при проведенні антиукраїнської політики.

Єврейське населення Правобережної України перебувало під тиском виключного законодавства, що поширювалося на всіх російських підданих, які сповідували юдаїзм. Єврейське питання в Південно-Західному краї визначалося тим, що цей регіон, окрім Києва, входив до смуги єврейської осілості, де було дозволено постійне проживання російських євреїв. Останні перебували під тиском Тимчасових правил 3 березня 1882 р., за якими євреям заборонялося проживати в сільській місцевості, окрім євреїв-землеробів, купувати й орендувати нерухоме майно в сільській місцевості, а також торгувати по неділях і під час найбільших християнських свят²⁸.

Наприкінці XIX ст. євреї були обмежені в можливості отримати освіту. Метою впровадження т. зв. «відсоткової норми» було обмеження русифікації єврейства, бо акультурація російських євреїв розглядалася владою як загроза російській нації. До кінця XIX ст. набуття євреями модерної освіти вважалося владою за спосіб входження освічених (а відтак – вже «нешкідливих» для християнського населення) євреїв до російського суспільства. Натомість відтепер не лише традиційне єврейство, а все російське єврейство ставало в очах бюрократії «терпимими підданими», яким відмовлено бути членами російської нації. Міністерством народної освіти в 1887 р. була встановлена відсоткова норма прийняття євреїв до середніх і вищих навчальних закладів: у смузі осілості норма становила 10%, поза смугою осілості – 5% і в обох столицях, Санкт-Петербурзі та Москві, – 3%²⁹. Відсоткова норма була затверджена законом від 16 вересня 1908 р.³⁰ Закон з'явився після Першої російської революції, коли відсоткова норма фактично втратила чинність. Так, у 1906–1907 навчальному році «особи юдейського віросповідання» становили 20% студентів Київського університету Св. Володимира та Київського політехнічного інституту³¹. У пореволюційні роки правові обмеження євреїв для здобуття освіти стали ще більш жорсткими. 11 березня 1911 р. Микола II затвердив постанову Ради міністрів про поширення відсоткової норми на тих євреїв, які складали іспити екстерном³². Урядове нововведення позбавило тисяч молодих євреїв можливості отримати свідоцтво про середню освіту, наявність якого дозволяло вступити до вищого навчального закладу.

Нерівноправність євреїв поєднувалася з антисемітськими настроями влади та правої громадськості, які вбачали в євреях експлуататорів «корінного населення», а на початку XX ст. ототожнили єврейську молодь з революційним рухом. Для того, щоб усунути єврейське питання, питання про рівноправність євреїв, з порядку денного по-

літичного життя, центральна влада разом із правою громадськістю були ладні висунути проти євреїв «середньовічне» обвинувачення в уживанні християнської крові та «новітнє» звинувачення в світовій змові з метою підкорення світу: міністерство юстиції, за ініціативи чорносотенців, сфабрикувало «справу Бейліса» (1911–1913), судовий процес по якій проходив у Києві; закордонна розвідка сфабрикувала «Протоколи сіонських мудреців», що з 1903 р. поширювалися правими колами.

Лейтмотивом життя російського єврейства було постійне очікування погромів. Виявом антисемітизму в Російській імперії були хвилі погромів 1881–1882 і 1903–1906 рр., два типологічно споріднених етнополітичних конфлікти в історії Східної Європи. Перша хвиля погромів призвела до появи національного руху серед російського єврейства, оскільки молода російсько-єврейська інтелігенція усвідомила проблематичність акультурації євреїв і входження їх до російської нації³³. Питання про причини погромів залишається в історіографії нез'ясованим. Сучасні історики погромницького руху сходяться на тому, що російська влада не виступала в ролі ініціатора погромів³⁴. Виникнення кризових ситуацій, як-от убивство Олександра II в 1881 р. або Перша російська революція (1905–1907), звертали увагу населення на винуватців кризи, всюдисущих чужинців, тобто євреїв, «чужих» *par excellence*. Представники місцевої воєнної й поліційної влади не перешкоджали погромникам, як правило, у перші три дні погромів. Беручи участь у погромах, населення отримувало змогу випустити «пару» невдоволення кризовою ситуацією. Офіційною причиною другою хвилі погромів (1903–1906) була названа «революційність» єврейства: представники влади ототожнювали революціонерів і єврейську молодь. Опозиційна громадськість закидала владі організацію погромів для здобуття підтримки християнського населення. Найбільш масштабні погроми на Правобережжі відбулися в Києві та Житомирі.

Серед політичних ідей кінця XIX – початку XX ст., стосовно яких велися дискусії в рамках єврейського національного проекту, основними були три альтернативні ідеї: 1) ідея асиміляції – входження євреїв як конфесійної групи до складу державних націй Європи (у сучасній історіографії надається перевага терміну акультурація, бо євреї цілком не втрачали свою ідентичність, а почасти переймали культури державних націй); 2) ідея сіонізму – політичний рух за утворення єврейської держави чи автономного політичного утворення в Палестині або на іншій території; 3) ідея автономізму – політичний рух за національне відродження євреїв діаспори, спрямований на визнання національних прав євреїв як екстериторіальної нації (провідним послідовником автономістської ідеї з 1903 р. була соціал-демократична партія Бунд). Погляди прихильників трьох згаданих ідей були афористично резюмовані автономістом С. Дубновим, істориком і ліберальним націоналістом: для прихильників асиміляції євреїв – «нація минулого», історія якої добігла кінця, для сіоністів євреїв – «нація майбутнього», яка постане в єврейській державі, а для автономістів євреїв – нація й минулого, і теперішнього, і майбутнього часу³⁵.

Виявом акультурації російського єврейства була поява т. зв. російсько-єврейської інтелігенції, прошарку російської інтелігенції єврейського походження. Акультурація євреїв була метою діяльності Товариства поширення просвіти між євреями в Росії (ТПЄ), заснованої в Санкт-Петербурзі в 1863 р. Київське відділення ТПЄ, що поширювала свою діяльність на Південно-Західний край, було засновано в 1903 р. Київське відділення у своїй діяльності зіткнулося з протидією місцевої влади – Київського генерал-губернатора та адміністрації Київського начального округу. Непоступливість місцевої бюрократії примушувала керівництво Київського відділення ТПЄ неодноразово звертатися до міністра народної просвіти для вирішення спірних питань, таких як вимоги до існуючих єврейських навчальних закладів і питання про відкриття нових навчальних закладів³⁶.

Польське питання на Правобережній Україні в другій половині XIX – на початку XX ст. визначалося тим, що після Січневого повстання (1863–1864) було введено обмежувальне законодавство проти поляків. Антипольські закони Олександра II зберігали чинність і на початку XX ст. Після революційного 1905 р. постало питання про перегляд обмежувального законодавства в Західному краї. Основою антипольського законодавства були два закони. Першим із них, від 10 грудня 1865 р., були введені обмеження на польське землеволодіння. Відтоді польським поміщикам заборонялося продавати землю полякам. Отримувати землю від польських поміщиків мали право винятково їхні прямі спадкоємці³⁷. За наступне півстоліття польське поміщицтво втратило близько половини своєї земельної власності. Другим підставовим обмежувальним заходом була заборона освіти польською мовою. Закон від 3 квітня 1892 р. про переслідування таємного навчання польській мові був чинним до 24 грудня 1906 р. (остаточно скасований Державною Думою 21 травня 1907 р.)³⁸. Метою виключного законодавства проти поляків було позбавлення польської шляхти та молоді польської інтелігенції, провідних верств польського націотворення, домінуючого становища в Південно-Західному краї.

Революційні події 1905 р. змусили владу піти на поступки громадськості. Такою поступкою було поява Тимчасових правил про товариства і союзи від 4 березня 1906 р., за якими дозволялася діяльність громадських організацій, включно з національними. Skorиставшись цим дозволом, представники польської інтелігенції Києва заснували товариства «Освята», що було зареєстроване київською губернською адміністрацією 14 липня 1906 р. Однак 6 грудня 1906 р. Київський, Подільський і Волинський генерал-губернатор закрив «Освятю», пославшись на Положення про надзвичайну охорону³⁹. Справжня причина закриття «Освяти» полягала в тому, що, на погляд місцевої влади, товариство прагнуло ополячити «погано освічене малоросійське населення». Після Першої російської революції «Освята» відновила свою діяльність. У 1909 р. за рішенням Сенату було остаточно припинено існування мережі товариства в Правобережній Україні⁴⁰. Заборона діяльності «Освяти» в Південно-Західному краї не поставила крапку в історії польського руху на Правобережжі. На зміну «Освяти» прийшли неформальні товариства, клуби і гуртки, до яких належали клуби «Огниво» і «Огнисько» та мережа осередків і гуртків «Полонії». Польські культурницькі товариства поширювали свою діяльність переважно на студентську молодь. Масовий характер товариства «Полонія» виявлявся в її багаторівневій структурі. Ядро «Полонії», «коло сеньйорів», утворювали багаторічні активісти польського руху. Другий рівень структури «Полонії» складався із студентських товариств – власне «Полонії», «Корпорації» та «Лехії». Третій рівень «Полонії» утворювався шкільними й робітничими гуртками. Влада не наважувалася закрити польські неформальні товариства, бо тоді б польський рух перейшов у підпілля, а відтак не підлягав би поліційному контролю⁴¹. Посилення поліційного контролю за польськими товариствами відбулося в 1912–1913 рр., до п'ятидесятих роковин Січневого повстання (1863–1864) та напередодні Першої світової війни (1914–1918)⁴². Російська влада вбачала в поляках потенційних ворогів, які перейдуть на бік Австро-Угорщини в разі початку війни.

Головною особливістю російської національної політики в Південно-Західному краї була її антипольська спрямованість. Польський рух, з точки зору влади, становив загрозу не стільки тому, що посилював польську націю, скільки тому, що прагнув спольщити «малоросів», українське населення Правобережжя. Російський проект виборював у польського проекту право залучити до російської нації українців. Український рух пов'язувався бюрократами з «польською інтригою»: «малороси» не мали причин для відокремлення від росіян. Річ не в тім, чи була здатна російська влада зрусифікувати

українців, чи мав намір і чи був здатен польський рух ополячити українців. Річ у тім, як російською бюрократією уявлялися російсько-польські відносини, а відтак – на підставі яких уявлень проводилася національна політика на Правобережжі.

Таким чином, Правобережна Україна являла собою окраїнний регіон Російської імперії, культурно віддалений від російсько-православного центру. Політико-правове становище Правобережної України в структурі Російської імперії визначалося боротьбою за Південно-Західний край чотирьох «національних проектів» – російського, українського, єврейського та польського. Національне питання на Правобережжі обумовлювалося, з одного боку, чинністю обмежувального законодавства проти українців, євреїв і поляків, а з іншого боку, – процесами творення російської, української, єврейської й польської націй, пришвидченими в 1905–1914 рр. Негативний характер національної політики на Правобережній Україні обумовлювався змаганням двох «національних проектів» – проекту «великої російської нації» та проекту «великої польської нації». Український проект опинився між жорнами двох «великих» проектів. Ідеологічне обґрунтування російської національної політики на Правобережжі надавали чорносотенці, радикальні російські націоналісти.

Перспективними напрямками подальшого вивчення національного питання на Правобережній Україні в 1905–1914 рр. є, по-перше, вивчення міжнаціональних відносин у регіоні; по-друге, проведення порівняльного аналізу політико-правового становища Правобережної України з іншими периферійними регіонами Російської імперії.

¹ Касьянов, Г. В. Теорії нації та націоналізму. К., 1999.

² Гелнер, Е. Нації та націоналізм; Націоналізм. К., 2003.

³ Андерсон, Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму. К., 2001.

⁴ Шпорлюк, Р. Україна: від імперської периферії до суверенної держави. – Сучасність, 1996, № 11, 74–87; № 12, 53–65.

⁵ Plokhy, S. Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History. Toronto, Buffalo, London, 2005.

⁶ Миллер, А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000.

⁷ Миллер, А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

⁸ Сміт, Е. Нація та націоналізм у глобальну епоху. К., 2009.

⁹ Драгоманов, М. П. Восточная политика Германии и обрусение. – В: Драгоманов, М. П. Политические сочинения. Т. 1: Центр и окраины. М., 1908, с. 1–216.

¹⁰ Драгоманов, М. П. Евреи и поляки в Юго-Западном крае. По новым материалам для Юго-Западного края. – В: Драгоманов, М. П. Политические сочинения. Т. 1: Центр и окраины. М., 1908, 217–267.

¹¹ Щербак, Н. О. Національне питання в політиці царизму у Правобережній Україні (кінець XVIII – початок XX століття). К., 2005.

¹² Шандра, В. Генерал-губернаторства як форма управління українськими губерніями у складі Російської імперії. – Регіональна історія України, 2007, № 1, 155–166; Шандра, В. С. Формування бюрократії в Правобережній Україні. – Український історичний журнал, 2007, № 2, 143–158.

¹³ Поліщук, Ю. М. Національні меншини Правобережної України та політика російського царизму щодо них в працях дореволюційних дослідників. – В: Гілея: збірник наукових праць. Випуск 28. К., 2009, 132–146; Поліщук, Ю. М. Російська влада та національні меншини Правобережної України в кінці XVIII – на початку XX століття: аналіз джерельної бази. – В: Гілея: збірник наукових праць. Випуск 10. К., 2007, 93–112.

¹⁴ Бовуа, Д. Битва за землю в Україні. 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах. К., 1998.

¹⁵ Мацузато, К. Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX века. – Ab Imperio, 2000, № 1, 81–99.

¹⁶ *Мацузато, К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу. – В: Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004, 427–458.

¹⁷ Западные окраины Российской империи. М., 2008.

¹⁸ Підраховано за: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и регионам. Волынская губерния. – http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=36; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и регионам. Киевская губерния. – http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=44; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и регионам. Подольская губерния. – http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=61.

¹⁹ *Іванюк, О.* Етнічний склад міського населення Київської губернії за матеріалами переписних документів Російської імперії 1897 р. – Краєзнавство, 2008, № 1–4, 71–73.

²⁰ *Вортман, Р.* «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века. – В: РОССИЯ/RUSSIA. Выпуск 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVI–II – начало XX века. М., 1999, с. 243.

²¹ *Омельяничук, И. В.* Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). К., 2000, с. 118.

²² Устав общества под названием Всероссийский Дубровинский Союз русского народа. СПб., 1912, 3–4.

²³ *Федьків, О.* Чорносотенці і чутки на Поділлі (з історії суспільно-політичного життя та ментальності початку XX ст.). – Молода нація, 2004, № 4, 8–9.

²⁴ Див.: *Світленко, С.* Українські громади другої половини XIX – початку XX ст. (Особливості ідеології та діяльності). – Київська старовина, 1998, № 2, 9–28.

²⁵ *Беллусенко, О.* Гибель «Просвіт». – Украинская жизнь, 1912, № 1, 29–30.

²⁶ Центральний державний історичний архів України, м. Київ (далі ЦДІАК України), ф. 442, оп. 1, спр. 797, арк. 28–33.

²⁷ На Украине и вне её. – Украинская жизнь, 1912, № 2, 99–100.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 2: 1882. СПб., 1886, № 834.

²⁹ *Зайончковский, П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970, с. 134.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 28: 1908. СПб., 1911, № 31008.

³¹ *Іванов, А.* «Еврейский вопрос» и высшее образование в России (конец XIX – начало XX вв.). – Вестник Еврейского университета в Москве, 1994, № 1, с. 42.

³² Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 31: 1911. СПб., 1914, № 34900.

³³ *Барталь, И.* От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг. М. – Иерусалим, 2007, 235–236.

³⁴ Див.: *Безаров, А.* Социально-психологические особенности еврейских погромов в Российской империи в конце XIX века. – В: Исторична панорама. Випуск 9. Чернівці, 2009, с. 78; *Миллер, А.* Империя Романовых и евреи. – В: *Миллер, А.* Империя Романовых и национализм. М., 2006, 132–135.

³⁵ *Дубнов, С. М.* Нация прошлого и нация будущего. – В: *Дубнов, С. М.* Письма о старом и новом еврействе (1897–1907). СПб, 1907, 181–182.

³⁶ Отчет Киевского отделения Общества распространения просвещения между евреями в России за 1912 год. К., 1913, с. 716.

³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 40: 1865. СПб., 1867, № 42759.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 12: 1892. СПб., 1895, № 8486; Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты 1907 год. Сессия 2-я. Т. 2. Заседание 31–53 (с 1 мая по 2 июня). СПб., 1907, стб. 898–922.

³⁹ ЦДІАК України, ф. 442, оп. 636, спр. 679, арк. 1.

⁴⁰ Там само, арк. 25.

⁴¹ Там само, спр. 346, арк. 6–9 зв.

⁴² Там само, арк. 2.

БОЛГАРИЯ ТА УКРАЇНА В УМОВАХ ПАРЛАМЕНТСЬКОЇ ДЕМОКРАТІЇ, АВТОРИТАРНИХ І ТОТАЛІТАРНИХ РЕЖИМІВ

П. Ст. Петков

ЗА ПЕРИОДИЗАЦІЯТА НА НОВАТА ІСТОРІЯ НА БЪЛГАРИЯ

Едно от предизвикателствата на започналото ХХІ столетие и новото, трето хилядолетие след Р. Хр., колкото и неочаквано да се струва на мнозина, ще бъде отношението към огромния исторически товар, който човечеството носи със себе си и който (за жалост на ентузиазирани експериментатори) не може просто да бъде изхвърлен някъде по пътя. Напоследък стана като че ли мода (всъщност проява на неособено висока просветеност) да се говори, че Балканите (значи и България) са излишно обременени от история. Следвайки същата странна, но днес модерна логика, новите учебници по история (която до неотдавна се зовеше дори „отечествена“) вече се наричат „История и цивилизация“, т. е. ние и другите или ние сред другите. Няма спор, че трябва да познаваме световната история и да търсим себе си на историческия фон на общоевропейското и световното. Но дали в този оправдан стремеж неоправдано и необосновано не подценяваме и пренебрегваме сериозното отношение към отечествената си история и към цивилизационните ценности, които ние сме създали, опазили и разпространили? Следващите размишления идат да илюстрират и аргументират разбирането ми, че съществуват важни и принципни въпроси, свързани с недалечното ни минало, които са решени еднозначно и по-скоро са наложени или традиционно възприети, отколкото научно аргументирани.

Един от тези принципни въпроси е този за *периодизацията на новата българска история*. През последните три-четири десетилетия на ХХ век беше възприета периодизация, която най-общо следва схемата: начало на прехода към Новото време – първите години на ХVІІІ век¹ (макар че и до днес някои, и то не само литературни историци, продължават да периодизират по мариндриновски от Паисий, т. е. от средата на ХVІІІ в.)²; край на прехода, който почти всички романтично обозначават като Българско възраждане³, и начало на следосвободенската нова история – 1878 г. за българските земи, получили самостоятелност по договорите от 1878 г.; важна междинна, но не крайна хронологическа граница на новата история – краят на войните за национално обединение (1912–1918)⁴; последен период от новата история на България – 1919–1944 г. Естествено, не всички историци и не без уговорки и отклонения се придържат към тази периодизация. Но на нея са подчинени основните и частните изследвания, научно-популярната и учебникарската историческа литература и до, и след „Голямата промяна“ на 10 ноември 1989 г.

Това изложение има няколко конкретни цели: 1) да посочи слабостите и най-вече липсата на ясни и постоянно следвани научни критерии на наложената досега периодизация на новата българска история; 2) да аргументира авторовото мнение по повдигнатите въпроси; 3) да предизвика научна дискусия по темата, и то не с цел постигане на общо и „правилно“ становище на историческата наука в началото на XXI век, а за да се представят и да бъдат популяризирани различни аргументирани гледища по въпросите на периодизацията, изградени на основата на предварително заявени и научно защитими критерии.

За началото и края на т. нар. Българско възраждане

В някои съвременни историографски обзори с основание се напомня фактът, че периодизацията на т.нар. Българско възраждане „изглежда различно в зависимост от наблюдаваната област“⁵. Но от друга страна, историческата наука винаги се е стремяла към една обща, макар и условна периодизация на епохата, позволяваща подреждането и осмислянето на историческите процеси. Според възприетата днес периодизация долната хронологическа граница на Българското възраждане, т.е. на новата българска история, се поставя условно в началото на XVIII в., а горната се свързва с възстановяването на българската държава в резултат на Руско-турската война (1877–1878) и сключените след нея два международни договора – Санстефанския и Берлинския⁶. Тази периодизация е възприета както в научната литература, така и в научно-популярната, тя е наложена и в учебниците по история на България.

Например авторите на том шести от многотомната „История на България“ подчертават „съдбоносното историческо значение на Руско-турската освободителна война 1877–1878 г., в резултат на която българската държава отново възкръсва от пепелищата на султанското мракобесие, заемайки своето място на европейската политическа карта“⁷. Според акад. Хр. Христов, написал частта „Руско-турската война и освобождението на България“, Санстефанският договор „осигурявал политическо освобождение на България, а чрез това и премахване на господстващата феодална система“, докато Берлинския той определя като „реакционен мирен договор, с чиито постановления българският и другите балкански народи не са могли да се примирят“⁸. Следователно, като историческо събитие, определящо горната граница на Възраждането, се визира Освободителната война и по-конкретно Санстефанският прелиминарен договор от 19.II/3.III. 1878 г. Независимо от това, че войната от 1877–1878 г. се отнася към последната фаза на Възраждането, а с нейния „победоносен завършек... започва нов период в историята на България“, том седми от многотомния академичен труд начева с изложение за т.нар. Временно руско управление (1877–1879 г.), т. е. отново се разглеждат проблеми, свързани с войната⁹.

Един от най-авторитетните изследователи на възрожденската епоха – проф. Н. Генчев – също се придържа към изложената по-горе периодизация. Като прави критичен преглед на различните мнения в българската историческа литература относно началната и крайната граница на Българското възраждане, Н. Генчев аргументира своето становище по този важен въпрос. Според него „долната граница на Българското възраждане условно би могла да бъде отнесена към *началото на XVIII в.*, време, когато се проявява отчетливо цялата съвкупност от исторически явления и процеси, достатъчни по своята качествено нова социална същност да обозначат един нов период в българската история, различен от предходния“. Определянето на горната граница на Българското възраждане според същия автор „е сравнително по-лесно, тъй като тя се обозначава от едно събитие, което има силата на обществен преврат... – *освобожде-*

нието на България през 1878 г.“. Прави се уточнението, че „Възраждането завършва през 1878 г. само за земите, които бяха освободени от турска власт. Възрожденските процеси (стопански, социални, а особено и специално националните, политическите и културно-духовните) продължават да се развиват или доразвиват в една или друга степен в онези български земи (Македония, Източна и Егейска Тракия, Северна Добруджа и Западните покрайнини), които останаха под чужда власт“¹⁰. Позовавам се на това издание, не само защото е едно от най-популярните, но и затова, че неговото съдържание без промени е включено в новата тритомна „История на България“¹¹. Очевидно е, макар досега да не е изтъквано, че за определянето на долната граница на Възраждането се има предвид *българската обществена активност* – икономическа, политическа, културна, а не *чуждата спрямо българите*, – докато за горна граница се визира едно конкретно събитие – Руско-турската война (1877–1878), в която българите в най-добрия случай са съучастници и потърпевши.

В края на 80-те и през 90-те години на ХХ в. тезата, че Българското възраждане завършва с „освобождението на България през 1878 г.“ стана общоприета от историческата наука, независимо от различните критерии: при определянето на долната хронологическа граница – *българската активност*, а при фиксирането на горната – *решенията на Великите сили по българския въпрос*, отразени в Санстефанския и Берлинския договор. Ето няколко конкретни примера.

В последната част на книгата си „Векът на българското духовно възраждане“ Р. Гаврилова заключава, че „през 1878 г. българите са освободени от османското владичество. Българската държава се възстановява, макар и с условия, макар и не в цялата си етническа територия. Българската нация намира не само своята самоличност в своята държава, но и международно признание за равностойност. Тя вече не трябва да доказва своето право на съществуване. От тази гледна точка Българското възраждане като процес на национално утвърждаване е приключен“¹².

Проф. К. Косев застъпва същата теза в обнародваната през 1993 г. еднотомна „История на България“. В последния параграф на частта, разглеждаща българската история през Възраждането, озаглавен „Възстановяване на българската държава“, той приема за крайна граница на Възраждането 1878 г., тъй като „на 3 март 1878 г. е подписан Санстефанският мирен договор, според който се възстановява българската държава“¹³. Интересното в това издание е, че следващият дял – „Голямото начало на малкото княжество“, написан от проф. А. Пантев, започва също с параграф за Руско-турската война от 1877–1878 г. Според автора повратното събитие също е Санстефанският договор, който освен че създава нова държава, представлява „приблизително сливане на двете области, формулирани по етнически и езиков признак още на конференцията през 1876 г.“¹⁴. А. Пантев приема, че като „държавнотериториална формация“ Санстефанска България съществува само няколко месеца. Временното руско управление според него е „съзидателно, а в някои отношения и спасително управление на руската администрация в България“. Направено е важно уточнение, че „от времената на април 1876 г. нататък никога българската държавно-политическа съдба не е зависела толкова пряко и много от самите българи, както на дебатите на учредителите в Търново на онзи паметен ден на 10 февруари 1879 г.“¹⁵.

В популярната „Кратка история на българския народ“ от Ив. Лазаров, Пл. Павлов, Ив. Тютюнджиев и М. Палангурски напълно е възприета тезата, залегнала в „Българско възраждане“ на Н. Генчев. За горна граница на възрожденската епоха се приема „руско-турската освободителна война 1877–1878 г.“ и по-конкретно „Санстефанският мирен договор“, с който според авторите се възстановява българската държава. Твърди

се, че „освобождението на България било постигнато чрез Руско-турската война. След близо петвековно национално, религиозно, икономическо и културно потисничество се възстановила българската държава“¹⁶. Следващият дял от историята на България, определен като „България в новото време (1878–1944)“, започва с параграф за „Временно руско управление“, последван от друг за „Берлинския конгрес“, т.е. все събития и процеси, свързани с войната от 1877–1878 г.¹⁷

По-различна е периодизацията на новата българска история в книгата на Пл. Цветков „България и Балканите от най-стари времена до наши дни“. Неслучайно вторият том започва с част, озаглавена „Възраждане на българската държава“, която хронологически обхваща периода от създаването на Българската екзархия през 1870 г. насетне. Пл. Цветков категорично не подкрепя тезата, че „освобождението на България“ е означено с Санстефанския договор. За него край на Възраждането и начало на новата (възстановената) българска държавност поставя Берлинският договор¹⁸. Според автора „свикването на Учредителното събрание в Търново на 22 февруари 1879 г. е в същността си възвръщане на върховната власт в ръцете на българите. С други думи, крайно ограничената политическа автономия в лицето на Българската екзархия се издига до равнището на национален суверенитет, осъществяван от специално упълномощени представители на българския народ“¹⁹.

Споделяйки в общи линии гледището на Н. Генчев, авторът на лекционния курс „Българското възраждане“ Пл. Митев приема за горна граница на епохата „Освободителната война“: за земите, включени в Княжество България – Берлинският договор от 1/13 юли 1878 г., „Съединението – за Източна Румелия“, „Балканските войни от 1912–1913 г. – за Македония и Източна Тракия“²⁰.

В своята „История на Българското възраждане“ Ив. Стоянов уточнява, че различията в мненията на историците за крайната граница на Българското възраждане произлизат най-вече от „различното съдържание, което изследователите влагат в понятието възраждане“. Авторът се солидаризира напълно с гледната точка на Н. Генчев по този въпрос. Според него крайна граница на Възраждането е Руско-турската война от 1877–1878 г., „но това се отнася само за освободените земи; възрожденските процеси продължават да се развиват, макар и с различна интензивност, в останалите под чуждо владичество български територии – Северна Добруджа, Нишко, Пиротско и Вранско, Македония, Западна и Източна Тракия, чак до края на Първата световна война“²¹.

Тезата, че Българското възраждане завършва с договорите, подписани след Руско-турската война (1877–1878), е възприета и в най-новите учебници по история на България за горния училищен курс.

В учебника по история за 11 клас на средните общообразователни училища на издателство „Анубис“ Р. Гаврилова аргументира своето мнение относно крайната граница на възрожденската епоха: „Подписаният в Сан Стефано предварителен мирен договор надхвърлил и най-смелите мечти на българите. Той признавал създаването на българска държава в нейните етнически граници. Макар и зависими от Турция, българите получавали свое правителство и право на собствена войска... Всички територии, населени от българи, ставали свободни. Този успех на руската политика и създаването на силна славянска държава в центъра на Балканския полуостров обаче предизвикали единодушното недоволство както на Западните сили, така и на балканските съседи... Германският канцлер Бисмарк поканил спорещите страни в Берлин за намиране на изход от положението“²². За разлика от повечето други издания тук следващият дял V, озаглавен „Новата българска история“, започва с урок „Полагането на основите“, в който първа точка е „Берлинският договор“²³.

В учебника по история за XI клас на издателство „Просвета“ има обособен раздел „Периодизация на българската история“, в който К. Косев отбелязва: „Българското възраждане е един от най-светлите периоди в нашето минало – преход от средновековието към новото време. Първите признаци на възрожденския процес се забелязват още към края на XVII в. главно в сферата на стопанския живот... В историографията почти единодушно за долна граница на възрожденската епоха се приема началото на XVIII в. Тази граница не се свързва с конкретни събития, поради което има до голяма степен условен характер и само маркира една нова тенденция в историческия процес... За горна граница на Възраждането обикновено се приема Освобождението и възстановяването на българската национална държава през 1878 г. Според някои историци обаче възрожденският процес продължава и след това – чак до Балканската война през 1912 г., но обхваща българските етнически територии извън пределите на възстановената държава (Тракия, Родопската област и Македония). Руско-турската война 1877–1878 г. поставя нова разграничителна линия в историческия живот на българската нация и се разглежда като начална точка на свободното държавно развитие – в политически, икономически и културен план. Войната е същият водораздел и в историята на другите балкански народи и държави“²⁴. К. Косев е категоричен, че „независимо от всичките му условности и оспорвания Санстефанският договор бележи началото на нова епоха в българската история. След петвековно забвение българската държава възкръсва из пепелищата на султанското мракобесие, за да заеме отново своето място върху политическата карта на Европа. Руско-турската война увенчава с победа делото на българската национална революция, поради което основателно се преценява като освободителна“. Признава се, че „Санстефанският договор не е окончателен, а прелиминарен, т.е. предварителен или временен. За да получи официално международно признание, той трябвало да бъде съгласуван с другите заинтересовани велики сили и одобрен от тях“²⁵. И тук следващият дял „България в ново и най-ново време“ започва с Временното руско управление (с. 269).

Не е по-различна периодизацията на възрожденската епоха и в другия широко разпространен учебник по история на България за 11 клас. Според П. Митев „с началото на XVIII в. настъпва нова епоха в историческото развитие на българите – Българското възраждане. Нейната същност е българският преход от Средновековието към Новото време... През 1878 г. България се възражда за държавен живот в един нов свят – отишлата далеч напред в модерното си развитие Европа“²⁶. Авторът също поддържа тезата, че горната хронологическа граница на Възраждането е свързана с руско-турския прелиминарен мирен договор от 19.II/3.III.1878 г., тъй като „по силата на Санстефанския договор Турция... приемала създаването на трибутарно българско княжество. Границите на бъдещата българска държава съпадали с признатите от Цариградската посланическа конференция етнически граници на българската възрожденска нация. Заради участието си във войната Румъния получавала Северна Добруджа, а Сърбия – Нишко, Пиротско и Вранско“²⁷. По-нататък П. Митев разглежда накратко работата на Берлинския конгрес. Обоснован е изводът, че „решенията на великите сили в Берлин всъщност обезсмислили дълголетните политически борби на българския народ и заложили нови, твърде болезнени противоречия“²⁸. И в тази „История на България“ следва урок за Временното руско управление, в който има обособени части „Руско-турската освободителна война и българският въпрос“ и отново „Санстефански мирен договор“ и „Берлински конгрес“, в които Ст. Трифонов по-точно е посочил териториите, преминали към съседни държави по силата на двата договора²⁹. По отношение на горната граница на Възраждането се открива известно противоречие: веднъж се приема, че

ролята на такава изиграва Санстефанският договор, а в следващия дял се твърди, че това е Берлинският договор – „този важен международен акт санкционира и утвърждава появата на българската държава“ (с. 275).

По-скоро като изключение, потвърждаващо правилото, трябва да се разглежда опитът да се разчупи периодизационната схема в един от най-новите учебници по история и цивилизация за XI клас, издаден от ИК „Кръгзор“ през 2002 г. Макар и тук да е възприето принципното разделяне на новата история до Руско-турската освободителна война (1877–1878) и след това, в последните урочни единици на частта, посветена на доосвободенската история (наречена тук „Начало на Новата история на България“), ясно се казва, че „също като Санстефанския, и договърът от 1/13 юли 1878 г. предоставя на българския народ правото сам да си избере княз (чл. 3) и да изработи основен закон – Органически устав (чл. 4), с което *сам да постави началото на държавната си нова история*“³⁰.

Направеният кратък преглед на съвременната историческа литература по въпроса за горната граница на Българското възраждане показва, че повечето автори посочват като такава годината 1878, защото тогава според тях се възстановява българската държава. Някои приемат като разграничаващо събитие Санстефанския договор, други – Берлинския. Но тук възниква важният и принципен въпрос: *как и кога се възстановява държавността?* Когато външни сили постановят създаването и признаят новата държава или когато тя сама се конституира и започне да се самоуправлява (аналогичен е въпросът за основаването на българската държава през VII в.): *Въпросът е има ли българска държава през 1878 г.? И този проблем е колкото теоретико-методологически, толкова и конкретно-исторически.*

Според мен Временното руско окупационно управление (ВРОУ) не е българска държавност, *тя започва едва с Учредителното събрание (февруари–април 1879 г.) и с избора и встъпването в длъжност на първия княз на България Александър I след полагането на клетва пред Първото велико народно събрание на 26 юни 1879 г.*³¹. Неслучайно в заседанието на Учредителното събрание от 26 март 1879 г. д-р К. Стоилов заявява: „Този трактат (Берлинският – б. а., П. П.) казва, че Българското княжество влиза в упражнението на своята автономия след избирането на княза; *то ще да каже, че догде да си изберем княз, ние се считаме още като една турска провинция, окупирана от една победоносна войска* (к. а. П. П.). Искаме ли да захванем нашата автономия, то ние трябва да прибързаем да си изберем княз, до толкози повече като по този същия трактат на 3 май нашите освободители трябва да оставят отечеството ни“³².

Годината 1879 в същия смисъл е етапна историческа граница и за Източна Румелия: приет е Органически устав, назначен е първият генерал-губернатор, избрано е Областно събрание, доказан е българският характер на автономната област и управлението ѝ е поето предимно от българи³³.

1879 г. е повратна и за Северна Добруджа, предадена от Русия на Румъния по Санстефанския договор, и то не заради участието на Румъния във войната, а като компенсация за отнетата в полза на Русия бивша румънска територия Южна Бесарабия³⁴. До 1879 г. се запазва българското църковно управление в областта, но на 12.X.1879 г. Доростоло-Червенският екзархийски митрополит Григорий е принуден да отпрати последното си пастирско послание до „свещениците и населението на Тулча и цяла Добруджа“, след което е установена румънска духовна власт в Северна Добруджа³⁵. За българските области Нишко и Пиротско, признати за неразделна част от Българската екзархия със султанския ферман от 27.II.1870 г., 1879 г. също е повратна, а в Македония именно през пролетта на 1879 г. приключва с неуспех опитът за освобождение и присъединяване към свободните български земи – Кресненско-Разложкото въстание³⁶.

Първата част от Новата история на България (т. нар. Възраждане) приключва преждременно и окончателно след 1878–1879 г. в земите, населени с българи, които попадат в границите на Румъния и Сърбия. Там българщината (ако на Възраждането се гледа като на националноутвърждаващ процес) през следващите години е грубо потъпкана, тя тлее, докато не е заличена почти напълно под целенасочения многогодишен натиск на новите им власти и пред разочарованите, но пасивни погледи на управляващите в Княжество България. В този смисъл е недостатъчно аргументирано твърдението на някои автори, че възрожденските процеси продължават да се развиват и след 1878 г. в Северна Добруджа, Нишко и Пиротско. Логичен е въпросът: след като до 1918 г. продължават възрожденските процеси в Северна Добруджа, макар и под румънска власт, защо те не продължават и след 1918 г.? Точно в тази година ли (и то при положение, че по време на Първата световна война Добруджа е освободена от българската армия), веднага с повторното навлизане на румънски войски и администрация възрожденските процеси там изведнъж замират, изчезват?

Възражението ми срещу поставянето на горната граница на Възраждането през 1878 г. (независимо дали се има предвид Санстефанският или Берлинският договор) е обосновано с научната непригодност на критерия, който се прилага. Вместо периодизацията на отечествената ни история да изхожда от промените в българското общество и от активността на самите българи, в този конкретен случай очевидно се имат предвид макар и важни за българите решения на чужди държави и сили. Съгласно изборения от мен критерий – *българската активност, а не чуждата спрямо българите* – след провалянето на Цариградската конференция през 1876 г. (провокирана в значителна степен от българското въстание през пролетта на 1876 г.) до Учредителното събрание (1879) българската активност не само че не е водеща и определяща за хода на историческото развитие, но в значителна степен е подчинена на редица външни фактори. Голямата самостоятелна намеса на българите е веднъж през 1876 г. (и то не само чрез въстанието, но и с политическата активност след него)³⁷ и втори път – през учредителната за новата българска държавност 1879 г.³⁸.

В противен случай, т.е. ако продължаваме да твърдим, че краят на Възраждането е договорът, подписан от Великите сили в Берлин през юли 1878 г., или предварителният руско-турски мир от 19.II.1878 г., ще трябва да приемем, че краят на един дълъг период от българската история, започнал в началото на XVIII в. като всестранно обновление от самите българи, е отбелязан от въздъщите Велики сили с едно политическо по характера си решение по българския въпрос. Ако продължим да поставяме Временното руско окупационно управление (ВРОУ – 1877–1879) в началото на следващия период от българската история, то това ще означава, че приемаме за истинно твърдението, че външни сили (все едно с какви мотиви и цели) са възстановявали българската държавност след почти пет века прекъсване. Двете твърдения (първо – че краят на Българското възраждане е един от двата международни договора от 1878 г., в които българската страна не е представена, и второ – че началото на следващия голям исторически период в българската история започва с ВРОУ), възприети от българската историография, водят до неудобното, но аргументирано заключение, че както финалът на Българското възраждане, така и началото на следващия период са поставили не българите, а Великите сили; учреденото от тях Княжество България, т.е. възстановената или новата българска държава е функция и резултат повече от развитието на международните отношения по Източния въпрос, отколкото от държавосъзидателната воля на самите българи. Този извод обективно следва от сега възприетата периодизация, но подобно внушение не би било възможно, ако критерият за определянето на горната граница на възрожденската

епоха беше свързан с българската държавоучредителна активност. При това самите Велики сили, вземайки политическото решение за създаване на самостоятелна българска държава, все пак са предоставили значителни права на българския народ за нейното конституиране, гарантирайки категорично възможността му да изработи самостоятелно основния закон на Княжеството (чл. 4 от Берлинския договор) и да си избере княз, т.е. държавен глава (чл. 3), както и става в хода на Учредителното и Първото велико народно събрание (1879).

За горната граница на новата българска история и за началото на най-новата история на България

Това безспорно е дискуссионен въпрос, но дебатирането по него отново трябва да е предшествано от уточняване на критерия (критериите) за периодизиране.

Относно периодизацията на новата българска история след възстановяването на държавата в разглежданите учебници се наблюдават и сходства, и различия. Например във всички цитирани издания, публикувани през последните години, се отчита преломното значение на войните за национално обединение (1912–1918) и тези драматични събития са посочени като важна вътрешна периодизационна граница. Но нито един автор или колектив не е оспорил основанията, поради които 1944, а не 1918–1919 г. се приема за горна граница на новата история на България. И в учебниците от 1996 г. (преиздадени през следващите години), и в последните от 2001–2002 г. за горна граница на новата история на България и за начало на най-новата се сочи годината 1944 (при това, в повечето учебници горната граница на новата история и началото на съвременната категорично се свързват с датата 9 септември 1944 г.)³⁹, макар не навсякъде да е обяснено какви са научните аргументи и основания именно тази дата да бъде толкова ярка разделителна граница между две епохи в българската история⁴⁰.

В два от разглежданите учебници – на издателство „Просвета“ и на издателство „Анубис“ от 1996 г. новата история на България след 1878 г. и най-новата – от 1944 г. до края на XX век, са обединени в един раздел „България в ново и най-ново време“, което най-малкото оставя без отговор въпроса „Българското възраждане част от новата или от средновековната българска история е, след като не е включено в раздела за новата българска история?“⁴¹. Подобно обединяване на периода от Освобождението до наши дни откриваме и в най-новите учебници, в някои от които този временен отрязък е обозначен като „съвременна история на България“⁴² или като „модерното време на българите“⁴³. Някои авторски колективи все пак са отделили периода след 1944 г. в самостоятелен раздел „Съвременна българска история“⁴⁴, което е и по-коректно към историческата истина, и по-близо до съвременното състояние на българската историческа наука.

Според мен горната граница на новата българска история трябва да се свърже с края на войните за национално обединение (1918–1919), а като основни аргументи в подкрепа на тази теза могат да се посочат: крахът на усилията за постигане на национално обединение и за осъществяване на възрожденския обществен идеал след края на трите войни с тази цел (1912–1919)⁴⁵; продължителната икономическа и политическа следвоенна криза, която променя съществено както политическата система, така и трайните нагласи и настроения в българското общество; появата на нови политически сили с крайно радикални леви и десни идеологии след 1919 г.; смяната на държавния глава с изключително различна персона (при това за първи път не според действащата конституция от 1879 г.); новите идеи и експерименти както в икономиката – например в управлението на стопанството (все по-активната намеса на държавата), така и в развитието на политическите идеи (появата на авторитарни и тоталитарни идеи и организации).

Съществуват аргументи, позволяващи да се оспорва научната обосновааност на сега възприетата (впрочем също наложена) горна граница на новата българска история – 1944 г. Ако се приложи не партийно-политически мотивиран, а научен критерий и най-вече ако се освободим от идеологически и други предубеждения, ще видим, че през 1944 г. не се случват исторически факти и не започват исторически процеси, които да дават сериозни основания именно тази година да бъде обявена за начало на нова епоха в българската история. Много от „новите“ исторически явления след 1944 г. се появяват още в периода между двете световни войни – държавната намеса в икономиката, кооперирането в селското стопанство, масовата идеологизация и създаването на казионни организации и много други⁴⁶. Безспорен факт е, че 1944 г. е вътрешна периодизационна граница в българската история, но началото на най-новата история на България трябва да се отнесе доста по-рано от датата на поредната външна окупация на България от чужди войски и последвалата я радикална вътрешнополитическа промяна (впрочем външна военна окупация и свързаните с нея ограничения на националния суверенитет България е принудена да преживее и след Първата световна война по силата на тайните текстове на Солунското примирие от 1918 г.)⁴⁷. Ако критериите за периодизиране са по-сериозни и визират например смяната на политическата система, то именно след 1918–1919 г. и особено след 1934 г. политическата система започва качествено да се различава от довоенната и дори от тази по време на войните от 1912–1918 г. Същият извод се налага при прилагането на един наглед частен критерий – смяната на поколенията политици и управници – новото поколение идва именно след края на Първата световна война и в личността на монарха, и в повечето партии и нови политически формирования.

Има и още нещо, което винаги ме е карало да мисля, че след 1919 г. България и българското общество вече не са същите, че започва съществена и дълбока промяна. Това е огромният духовен срив, последвал крушението на националните идеали и пропилването на колосалните усилия на народа и войската за постигането им с цената на големи и трудно прежалими жертви. Ако погледнем от тази конкретна гледна точка – какви перспективи за бъдещо развитие формулира самото българско общество (а не другите за него), – ще видим, че през 1919 г. покрусата и неверието в скорошно подобрене са много по-големи и всеобхватни, отколкото през 1944 г. Докато промяната през 1944 г. се приема от непреобладаващата част на българското общество с надеждата, че икономическият живот и политическата система се променят за добро, то последствията от крушенията във войните през 1918–1919 г. и през следващите години се възприемат от значителна част на българското общество като начало на нов, съществено различен и очаквано тежък период.

¹ Паскалева, В. Предпоставки и наченки на Ранното българско възраждане. – Исторически преглед, 1978, кн. 2, 83–98; Генчев, Н. Българско възраждане. III изд. С., 1988, с. 7.

² Грънчаров, Ст. Балканският свят. С., 2001, 533–540.

³ За приложимостта на понятието „Българско възраждане“ и други терминологични и принципни уточнения в: Петков, П. Ст. За горната хронологическа граница и за понятието „Българско възраждане“. – История, 2001, № 2–3, 55–67; Фило-фобският комплекс, или за главното и второстепенното в българската външнополитическа ориентация през XIX век. – Участие, 1996, № 3–4, 7–9; За „демократизма“ на българите. – Епохи, 1999, кн. 1–2, 85–104; Отново по въпроса за партиите в България след Освобождението. – В: Другият в историята. Сборник материали от научна конференция 7–9 май 1992. (Под ред. на проф. П. Ангелов и проф. М. Лалков). Кюстендил, 1996, 82–98; За ползата от историята днес. – Наука, год. XI, 2001, кн. 6, 51–54. Същите статии в книгите ми: Петков, П. Ст. Историята като полифония. Изследвания по нова история на България (От Българската завеса 1835 г. до Крайовския договор 1940 г.).

- В. Търново, УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2005, с. 41 и сл.; Преди сто и повече години. Изследвания и очерци по нова история на България. В. Търново, УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2009, с. 86 и сл.
- ⁴ История на България. Т. 8. България 1903–1918. Културно развитие 1878–1918. С., БАН, 1999.
- ⁵ Даскалов, Р. Как се мисли Българското възраждане. С., 2002, 159–160.
- ⁶ Петков, П. Ст. За горната хронологическа граница..., 55–67.
- ⁷ История на България, Т. 6. С., БАН, 1987, с. 21.
- ⁸ Пак там, с. 467, 476.
- ⁹ История на България, Т. 7. С., БАН, 1991, с. 13, 23 и сл.
- ¹⁰ Генчев, Н. Българско възраждане. III изд. С., 1988, 7–8.
- ¹¹ История на България в три тома. Т. 2. С., 1999, 293–295.
- ¹² Гаврилова, Р. Векът на българското духовно възраждане. С., 1992, с. 94.
- ¹³ История на България през погледа на историците Иван Божилов, Вера Мутафчиева, Константин Косев, Андрей Пантев, Стойчо Грънчаров. С., 1993, 380–381.
- ¹⁴ Пак там, с. 387, 403.
- ¹⁵ Пак там, с. 408, 410, 412.
- ¹⁶ Лазаров, Ив., Пл. Павлов, Ив. Тютюнджиев, М. Палангурски. Кратка история на българския народ. С., 1993, 177–178.
- ¹⁷ Пак там, 179–181.
- ¹⁸ Цветков, Пл. България и Балканите от най-стари времена до наши дни. Т. 2. Съвременна България. С., 1996, 39–45.
- ¹⁹ Пак там, с. 48.
- ²⁰ Митев, Пл. Българското възраждане. Лекционен курс. С., 1999, 9–10.
- ²¹ Стоянов, Ив. История на Българското възраждане. В. Търново, 1999, с. 45.
- ²² История на България за 11 клас на средните общообразователни училища. С., „Анубис“, 1999, с. 240.
- ²³ Пак там, с. 252.
- ²⁴ История на България за 11 клас на средните общообразователни училища. С., „Просвета“, 1999, 10–11.
- ²⁵ Пак там, с. 267.
- ²⁶ История на България за 11 клас на средните общообразователни училища. С., „Отворено общество“, 1996; С., „Планета 3“, 1999, 6–7.
- ²⁷ Пак там, с. 252.
- ²⁸ Пак там, с. 253.
- ²⁹ Пак там, 272–275.
- ³⁰ История и цивилизация. Учебник за задължителна и профилирана подготовка за единайсети клас. С., „Кръгзор“, 2002, с. 234. (Автор на урок № 41 „Възстановяване на българската държава. Руско-турската война 1877–1878 г.“ е Петко Ст. Петков).
- ³¹ Петков, П. Ст. Българският проект за конституция от 1879 г. (Към историята на идеите за идеите за политическо управление през 70-те години на XIX в.). – Истор. преглед, 2000, кн. 3–4, 56–77.
- ³² Дневници на Народното събрание. Търново, 1879, с. 91.
- ³³ Стателова, Е. Източна Румелия (1879–1885). Икономика, политика, култура. С., 1983.
- ³⁴ Извори за историята на Добруджа 1878–1919. Т. 1. Съст.: Ж. Попов, К. Пенчиков, П. Тодоров. С., 1992, док. № 10 (Из Санстефанския прелиминарен мирен договор, чл. 19 а), 20–21.
- ³⁵ Петков, П. Ст. Българската православна църква и откъсването на Северна Добруджа от диоцеза на Екзархията (1877–1879). – В: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 7. В. Търново, 2000, 343–356.
- ³⁶ Дойнов, Д. Кресненско-Разложкото въстание 1878–1879. С., БАН, 1979.
- ³⁷ Неслучайно в емигрантските вестници от 1876–1877 г. се прокарва идеята за „начало на Българското възраждане“ заради превръщането на българския въпрос в централен за Великите сили и предстоящото начало на Руско-турската война. – Български глас, бр. 46, 30. IV. 1877; г. II, бр. 9, 13. VIII. 1877; Петков, П. Ст. Идеи за държавно устройство и управление в българското общество 1856–1879 г. В. Търново, УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2003, 75–89.
- ³⁸ Тук ще отделя няколко реда на заядливата бележка в иначе интересната книга на Р. Даскалов „Как се мисли Българското възраждане“ (С., 2002, с. 155, 163), издаваща неоправданото високомерно-пренебрежително отношение на автора към тезата ми за горната хронологическа граница на преддържавната нова история, която той неаргументирано заклепва като „формалистичен опит“. Вместо да коментира принципния въпрос, поставен от мен, Р. Даскалов го обявява за „дреболия“ и ярко демонстрира нежеланието си да прочете и осмисли целия текст – той пламенно ме критикува, задето съм пледирал горната граница да е свързана с „възцаряването на Батенберг“, с което показва, че не познава

и не разбира идеята ми, а и пренебрегва много съществени подробности от българската история (например тази, че български княз Батенберг няма, първият княз на България е Александър I). В същата част от книгата си той за жалост показва, че не познава или поне не цитира коректно творчеството на проф. Н. Генчев, на чиято памет е посветил изследването си: на с. 156 Р. Даскалов твърди, че „някои (напр. Н. Генчев) правят уговорката, че в останалата извън пределите на новообразуваната държава област Македония Възраждането продължило до Първата световна война...“, а на цитираните от него с. 7–8 от „Българско възраждане“ Н. Генчев изброява много повече области – „Македония, Източна и Егейска Тракия, Северна Добруджа и Западните покрайнини“ – виж тук, бел. 10.

³⁹ История на България. От древността до наши дни. Учебник за 11 клас. С., Изд. „Планета 3“, 2001, с. 257.

⁴⁰ История на България за 11 клас на средните общообразователни училища. С., „Отворено общество“, 1996; С., „Планета 3“, 1999, с. 4; История на България за 11 клас на средните общообразователни училища. С., „Просвета“, 1996, с. 11.

⁴¹ История на България за 11 клас на средните общообразователни училища. С., „Просвета“, 1996, 269–460; История на България за 11 клас на средните общообразователни училища. С., Изд. „Анубис“, 1996, 252–360.

⁴² История и цивилизация..., С., „Кръгзор“, 2002, 249–350.

⁴³ История и цивилизация за 11 клас. Задължителна подготовка. В. Търново, Изд. „Слово“, 2001, 215–357.

⁴⁴ История и цивилизация 11 клас. Задължителна подготовка. С., Изд. Анубис, 2001, 217–228. В учебника за профилирана подготовка на същото издателство новата и съвременната българска история също са обединени в един раздел, но с оглед специализиращото предназначение на текстовете и стремежът да се разгледат по-големи периоди този подход в значителна степен е оправдан. – История и цивилизация 11 клас. Профилирана подготовка. С., Изд. „Анубис“, 2001, 57–80.

⁴⁵ Петков, П. Ст. Съдбата на българския възрожденски идеал. – В: Двадесетият век. Опит за равностметка. Сборник с доклади от българо-германска конференция, проведена на 3–4 март 2000 г. С., 2003, 127–138.

⁴⁶ Цветков, Пл., Н. Поппетров. Към типологията на политическото развитие на България през 30-те години. – Истор. преглед, 1990, кн. 2, 63–78.

⁴⁷ Твърде смущаващо е, че три периодизационни начала в новата и най-новата история на България по сега действащата периодизационна схема са поставени в зависимост от чужди военни окупации на България: началото на новата история е свързано с Руско-турската война (1877–1878) и последвалата я руска окупация на българските земи, неточно и неясно наричана „Временно руско управление“; началото на един от вътрешните етапи в новата българска история е свързано с края на участието на България в Първата световна война, фактически настъпил със Солунското примирие от септември 1918 г., предвиждащо чужда военна окупация на страната; началото на най-новата история на България – есента на 1944 г. – също е свързано с външна военна окупация, все едно как е представена и как се посреща в обществото. В този смисъл изглежда закономерно, макар и да е необосновано (и в конкретноисторически, и в сравнителен план), че в последния том 8 от многотомната академична История на България изложението приключва със Солунското примирие (септември 1918 г.) и нито дума не се споменава за окончателния документ, регламентиращ края на войната – Ньойския договор от 27. XI. 1919 г. – История на България. БАН. Т. 8. С., 1999, 325–328. Ако се приложи аналогичен критерий, краят на Възраждането трябва да се свързва с Одринското примирие (19/31.I.1878), а не със Санстефанския (виртуален) или с Берлинския (окончателен) мирен договор. Впрочем именно по силата на Одринското примирие за първи път Османската империя приема предстоящото създаване на Княжество България в граници, не по-малки от начертаните на Цариградската конференция на Великите сили от 1876 г. – Петков, П. Ст. Съдбата на българския възрожденски идеал..., 136–138.

В. Колев

КРАЯТ НА „ТУРСКОТО РОБСТВО“ В СЛЕДОСВОБОЖДЕНСКА БЪЛГАРИЯ*

Темата за робството в Османската империя в годините на Танзимата, непосредствено преди и след Освобождението на България, е сред най-пренебрегваните в българската история на XIX век. Редом с често промъкващите се отделни факти и най-общии типови коментари вече повече от половин век няма конкретно изследване на този феномен. Двете публикации – на Бистра Цветкова и на Йоно Митев, от средата на 50-те години на XX век са единственото, до което българската историческа наука е достигнала. Те наблягат върху класическия период в империята на султаните, като пренебрегват изцяло епохата на реформите и каталогизират голям масив от илюстративни факти¹. Докато първата определено се старае да се движи в рамките на позитивистичния минимализъм, втората демонстративно се опитва да наложи марксистки светоглед и подход в историческото повествование. В духа на модерния за времето си стил да се очертават стратегически „цели и задачи“ тя стига до незащитими тези. Категорично отстояваната декларация за износ на роби от Османската империя в Новия свят няма как да бъде документално подкрепена и може да се сравни единствено с лансираната от османски публицисти в края на XIX век защитна теза, че търговията с бели роби в Кавказ е в ръцете на африкански търговци².

Причините за това състояние са добре известни и описани в историята на англоезичните изследвания по този проблем. Още в края на 80-те години на XX век знаменитият изследовател на мюсюлманските общества Бърнард Люис изтъква станалото вече клише за свръхчувствителността на темата за робството в света на исляма като дори самото ѝ споменаване поражда обвинения във враждебни отношения и намерения³. Орландо Патерсън допълва, че робството е не толкова „специфична институция“, колкото „институция, пораждаща чувство на неловко объркване“. То се дължи на желанието на повечето изследователи да осъдят робството, като защитят исляма⁴. Породената от този конфликт „интелектуална парализа“ логично води до „конспирация на мълчанието“, по думите на Гордън Мърей, и до „оглушителна тишина“ според Ехуд Толедано⁵. Очевидно в това отношение българската историческа наука дълго време върви в крак със световните тенденции.

През последните две десетилетия нещата значително се променят, като проучванията върху историята на това явление в Османската империя през XIX век започват да се доближават до по-добре изследваното робство в арабския и ислямския свят, а чрез по-обобщаващи съчинения – и до големия дискурс за историята на робството въобще, където крайбрежията на Атлантическия и Индийския океан, но и на Средиземноморския басейн имат ключово място. След пионерните публикации на Алън Фишър и монографията върху османската търговия с роби на Е. Толедано от началото на 80-те години на отминалия век през 90-те години идват монографичните изследвания за ролята на

* Публикацията е част от изследване по проект на секция „Българистика“ към програмата „Памет“ на Университетския научноизследователски комплекс „Алма Матер“ при Софийския университет „Св. Кл. Охридски“.

расата и робството в блискоизточните общества на Б. Люис, за робството и аболуционизма на Е. Толедано и фундаменталното проучване на Е. Хакам за цялостната история на робовладението в Османската империя⁶. Едновременно с това се появяват и други изследвания по по-частни въпроси, които допълват оформящата се обща картина⁷.

Тази статия няма претенции за някакво особено място във все по-плътната картина на проучванията за робството в империята на падишаха. Тя се стреми повече да популяризира проблема пред българската публика, да очертае общите параметри, изработени досега, и да покаже сложния, противоречив и многоаспектен характер на ограничаването на робовладението и на търговията с човешки същества, като го допълни с оскъдния материал от Българското княжество и от краткотрайно съществувалата автономна провинция на юг от Балкана. Това налага сравнително дългото въведение и постоянната съпоставка със съвременната ѝ действителност от ядрото на империята и нейната столица.

* * *

Към началото на Танзимата в Османската империя ежегодно се внасят по суша и море между 16 000 и 18 000 черни и бели роби от обширни райони в Африка, Азия и Европа. Робството е общопризната и утвърдена от религията на исляма и от светското законодателство социална практика, дълбоко вградена в самата тъкан на османското общество. Въпреки известните типологични и регионални особености то обхваща всички обществени сфери и всички османски територии, включително българските⁸. Реформите на султан Махмуд II (1808–1839) донякъде редуцират най-забележителните му прояви – ликвидирането на еничарския корпус, ограничаването на системата на „управление на робите“ (кул), премахването на полуавтономните режими в Ирак и Либия, които следват традициите на мамелюците⁹. Въпреки това Високата порта отказва да се присъедини към декларацията против търговията с роби от заключителния акт на Виенския конгрес от 8 февруари 1815 г., която морално осъжда тази практика, а и към заключителния акт на конгреса във Верона от 22 ноември 1822 г., потвърждаващ тази присъда¹⁰.

Двете декларации са по инициатива на британската дипломация, която за две десетилетия след тях успява да наложи повече от 30 двустранни и многостранни договори за ограничаване и забрана на робовладението и на търговията с хора и се превръща в неин основен носител. Така тя намира силна и въздействаща хуманна кауза, добре обслужваща интересите на Лондон по неговата колониална експанзия, главно в Африка, и значително смекчава изградения отрицателен образ на „коварния Албион“. Основният резултат от тези договорености е приравняването на търговията с роби към пиратството и разбойничеството, които подлежат на смъртно наказание. Създаден е прост и ефективен механизъм за въздействие: налагане на задължение, което внимателно се следи от британските дипломатически, военни и търговски представители. Те докладват в Лондон, откъдето следва нов натиск за по-голяма ефективност и допълнителни ангажименти.

Непрестанните усилия на британската дипломация в Цариград довеждат до издаването на първия султански ферман през 1830 г. за освобождаване на робите християни, неприели исляма. Той намира ограничено приложение в практиката, главно по отношение на гърци, руснаци и поляци. През август 1850 г. под натиска на британския посланик Стратфорд Канинг забраната е отново потвърдена, което ясно показва неефективността на предишния акт¹¹. По предложение на великия везир Къбръзлъ Мехмет Емин паша, внушено от британските и френските съюзници, към края на Кримската война през октомври 1854 г. е въведена временна едногодишна забрана за внос на роби от чеченските и грузинските земи¹². Нещо повече, Високата порта полага особени усилия за връщане на военнопленниците и дори откупува някои от тях, попаднали в частни ръце.

Тази тенденция управляващите в Цариград разглеждат като временна отстъпка пред чуждия натиск, породена от неочаквани затруднения, и полагат голямо старание за нейното прекратяване и за възстановяване на обичайната практика. За доминиращите настроения и практики сред османския елит говорят както пътешествениците и военните, така и дипломатите. Когато в края на 1840 г. под натиска на британското Общество за забрана на робството външният министър лорд Палмерстън настоява за по-действени мерки, той получава обезсърчителен отговор от своя посланик в Цариград лорд Понсънби: „Аз говоря по въпроса и бях изслушан с изключително учудване, съпроводено с усмивка по предложението да бъде унищожена институция, така дълбоко вплетена в структурата на обществото на тази страна и тясно свързана както със закона, така и с обичаите, а също и с религията на всички слоеве от Султана до последния селянин... Мисля, че всички опити да стигна до резултат по предложението Ви ще пропаднат и се опасявам, че могат да доведат до обида, ако по тях бъде настоявано“¹³. Тази тенденция се проявява особено при управлението на султан Абдул Азис I (1861–1876). Обичайна практика е във висши държавни документи да се напомня, че робството не е забранено в границите на империята¹⁴.

Поради тази упорита съпротива от средата на 50-те години на XIX в. британският натиск върху Портата се насочва главно към търговията с негри и абисинци (черни и кафяви роби), като напълно изоставя белите роби. С ферман на султан Абдул Меджид I (1839–1861) от 20 януари 1847 г. е забранена търговията с африкански роби в Персийския залив, съсредоточена в Басра, и е закрит пазарът в столицата Цариград. През 1849 г. е направен опит за ограничаване на търговията с кервани през Сахара, а през 1855 г. е забранен вносът на негри и абисинци от Либия в Крит и Епир. На 27 януари 1857 г. търговията с тях е забранена с везирска заповед за цялата Османска империя, като поради размирици в подкрепа на тази търговия по-късно от забраната са изключени Хеджаз и районът на Червено море. Въпреки тези усилия след откриването на Суецкия канал през 1869 г. британските дипломати отбелязват рязкото активизиране на търговията с африкански роби в цялата империя. Тя е отразена и в официалните османски държавни актове¹⁵.

Набраната под външен натиск инерция води и до отделни самостоятелни действия на Високата порта. В Закона за земите от 11 март 1858 г. е въведена известна защита на робите, обработващи парцели, срещу произвола на господарите им, като едновременно с това е подчертана невъзможността им да предават имущество по наследство¹⁶. В Наказателния закон от 27 юли с.г. присъдите за отвлечане в робство и за търговия с хора са сравнително леки – между 6 месеца и 3 години затвор, но в новата редакция от 16 септември 1867 г. те са засилени поради зачестилите подобни случаи¹⁷. В Търговския закон от 1869 г. ясно е казано, че „свободен човек не може да бъде продаван или заменян за нещо друго“¹⁸.

Междувременно през октомври 1865 г. е забранено довеждането на нови роби в Цариград, през 1867 г. е приета специална програма за оземляване и освобождаване чрез откупуване на белите роби от земите на Руската империя. Във връзка с това през март 1867 г. османското правителство обсъжда проблема с робството, като не намира повод за окончателната му формална забрана. На същата позиция е и султан Абдул Хамид II (1876–1909), който лично зачертава текста за ликвидиране на робството и търговията с роби от тържествената си реч при възкачване на престола на 9 септември 1876 г., подготвена от великия везир Мидхат паша. Премахнатият пасаж гласи: „Купуването и продажбата на роби е противно на предписанията на Свещения закон (Шериата), затова Ние освобождаваме всички роби и евнуси от Нашия Дворец и обявяваме, че занапред цялата търговия с роби, както купуването, така и продаването, е официално забранена в Нашата Империя и ще бъде определена дата за постепеното освобождаване на всички съществуващи роби, като се вземат специални мерки, за да се попречи на възстановяването на робството“¹⁹.

Неслучайно подобни ограничителни текстове не съществуват и в Отоманската конституция от декември 1876 г. Нейният член 9 гласи, че „Всички отомански поданици се радват на индивидуална свобода при условие, че тя не засяга свободата на останалите“. В същия модерен либерален дух следващият член 10 постановява, че „Личната свобода е ненакърнима. Никой по никакъв повод не може да налага наказания освен предвидените в законите“, а член 17 обявява, че „Всички отомани са равни пред законите, с равни права и задължения“²⁰. Тези свободолобиви декларации не намират реално потвърждение в практиката. Те очевидно трябва да се отнасят не за робите, а за свободните поданици на падишаха.

Тази политика на противоречиво, бавно, внимателно и постепенно ограничаване води до поредица от нарастващи вълнения както сред нетърпеливите роби, така и сред противопоставящите се робовладелци. Тревожното за британската политика развитие предизвиква поредица заседания на правителството в Лондон през март и април 1873 г. На тях ръководителят на Отдела за борба с търговията с роби У. Уилд признава, че е направено много малко за ограничаване на търговията с бели роби в Черно море, която нараства, включва не само отделни изолирани случаи, но цели семейства, а в нея са въввлечени и европейци, като значителна част от нея се осъществява с техни плавателни съдове. Подобни твърдения правят и други европейски представители²¹. Въпреки новото активизиране на британската дипломация вълненията в цялата Османска империя продължават, като достигат кулминацията си на 18 август 1874 г. в района на Одрин, където правителството е принудено да използва редовна армия с полева артилерия за потушаване на въоръжените сблъсъци между въстаналите роби и робовладелците²².

Дори и подобно бегло изброяване на основни вътрешни и международни актове и събития в процеса на ограничаване на робството и на забрана на търговията с човешки същества в Османската империя показва забележителната им устойчивост в нейните земи, включително българските. Тази представа получаваме както от ключовата британска дипломатическа документация за 70-те и 80-те години на XIX в.²³, така и от многобройните чуждестранни пътешественици по българските земи в навечерието на Освобождението. Тя е многократно възпроизвеждана в европейската и американската преса.

Успоредно с традиционните за империята ключови фактори като политическата инерция, широката обществена съпротива срещу нововъведенията и вярата в божествената санкция на робството непосредствено преди Освобождението се появяват и два нови, които пречат за неговото ликвидиране – преселението на черкезите в Османската империя от началото на 60-те години на XIX век и сътресенията около Източната криза и последвалата Руско-турска война. По данни на Портата между 1857 и 1867 г. в империята се преселват близо 1 милион черкези, които водят със себе си около 150 000 роби, като двете основни черноморски пристанища, служещи за врати на преселението, са Варна и Кюстенджа²⁴. Ролята на черкезката колонизация в европейските вилаети като водещ фактор за засилване на робовладението е добре схваната от българската възрожденска преса²⁵. Всичко това превръща робството в българските земи в жива практика непосредствено преди Освобождението²⁶. Британският вицеконсул в Бургас Чарлз Брофи съобщава за голям брой черни и бели роби в района през януари 1871 г., които по думите на Феликс Каниц „са третиранни много лошо“²⁷.

По време на Априлското въстание практиката на отвлечане в робство е максимално разширена, за което говорят и български, и чужди документи²⁸. Например след намесата на холандския вицеконсул във Варна са освободени 825 български жени и деца, готови за транспортиране към Цариград²⁹. Този и други подобни случаи придобиват широка популярност в европейския печат. Политическата емиграция в Париж отправя съвети до Високата порта да ограничи тази практика, която значително уврежда образа на империята пред

европейското обществено мнение, с оглед следвоенните споразумения и нуждата от европейска подкрепа. Повлияно от такива съображения, османското правителство чрез в. „Курьер д'Ориан“ оповестява забраната на търговията с роби в Дунавски, Одрински, Битолски и Босненски вилает. В Одрин е съставена специална комисия, която да контролира изпълнението на забраната, докато мерките в останалите три вилаета са под надзора на административно-полицейските власти³⁰. Едновременно с това местните органи на Българската екзархия правят опит да откупят и върнат отвлечените, а екзарх Антим I поставя този въпрос и на вниманието на Руската православна църква³¹. Във връзка с това развитие през октомври 1876 г. руският канцлер княз Горчаков има идея да постави въпроса за окончателна забрана на робството в Османската империя на вниманието на Цариградската конференция³². Там проблемът с отвлечените в робство българи намира своята естествена кулминация в известния случай, при който на подкрепящия Портата британски посланик Елиът е представено откупено българско дете от един от многобройните цариградски пазари.

Картината по време на Освободителната война не е по-различна. След края ѝ през юли 1879 г. Временното руско управление прави първите официални стъпки за връщане на военнопленниците и отвлечените в робство. Те са по инициатива на Старозагорското градско общинско управление, което ангажира частни лица да обхождат европейските вилаети и Цариград, като определят броя и точното местоположение на продадените в робство българи. С подкрепата на старозагорския окръжен управител Нестор Марков са изпратени емисари в Одрин, Цариград и околностите им, събрани са сведения, но акцията завършва без успех поради съпротивата на османската администрация³³. Все пак са събрани сведения за не по-малко от 2200 българи роби, продадени в различни райони на империята. Около 700 от тях са отвлечени в района на Галиполи, 200 – около Чанаккале, 300 – в Измид, 100 – на малоазийския бряг срещу остров Самос, 70 – в Гюмюрджина. Чак в Бейрут са продадени близо 450 души, други 100 – в Хартут в Месопотамия, а още 150 стигат до Египет. Те произхождат главно от Южна България – Старозагорско и Новозагорско, Калофер и Пловдивско, но не са малко и отвлечените от Търново и района му. По-голяма част от поробените са жени и деца, но младежи между 16 и 21 г. съвсем не са изключение³⁴. Те са открито продавани на пазара на Атмегдан пред „Света София“ в Цариград като обичайните цени варират между 10 000 и 15 000 гроша. На значително по-малкия одрински пазар, който е по-близо до източника на снабдяване, цената на 7–8-годишно момче достига едва 200 гроша. Специално за нуждите на двора на хедива на Египет в края на януари 1878 г. са доставени 30 български роби. Прави впечатление, че висшите османски сановници, които би трябвало да бдят за ограничаване на търговията с роби, на практика най-активно участват в нея³⁵.

Междувременно в хода на войната, използвайки затрудненото положение на Османската империя, британската дипломатия осигурява нови отстъпки, като използва обходни действия. През август 1877 г. в Александрия е подписана англо-египетска конвенция за забрана на търговията с роби по суша и море в Египет и зависимите от него територии и техните акватории в Средиземно и Червено море. Забраната влиза в сила от 1880 г., като до 1884 г. трябва да обхване цялата територия от Александрия до Асуан, а от 1889 г. – и общото англо-египетско владение в Судан. По настояване на хедива Исмаил (1863–1879) тя се отнася само за негрите и абисинците, като изрично е посочено изключването на белите роби. Търговията с тях може свободно да продължава поне до 1887 г. Дадено е право на британските военни кораби да проверяват всички съмнителни плавателни съдове и на място да освобождават намерените в тях африкански роби³⁶. Поради последвалото въстание на Махди в Судан генерал Гордън е принуден да отмени забраната, което налага сключването на аналогична конвенция през 1895 г. Въпреки водената война в Европа и в Кавказ Високата порта се противопоставя категорично

на конвенцията, тъй като смята, че договорените правомощия на британската флота накърняват върховните права на султана като сюзерен на Египет. Това налага премахването на британския морски контрол не само по отношение на плавателните съдове под османски флаг в египетски води, но и спрямо тези под египетски флаг в османски води. Отхвърлено е и предложението на хедива до султан Абдул Хамид II за подобна англо-османска конвенция през 1878 г.³⁷ След успеха в Александрия до края на века британската дипломация успява да сключи повече от 100 договора с африкански вождове, които практически премахват търговията с африкански роби на Черния континент.

В променената обстановка след Руско-турската война под британски натиск на 27 януари 1880 г. е подписана англо-османска конвенция за забрана на търговията с хора, която отново е съсредоточена изключително върху африканските роби³⁸. Тя дава ясен знак, че въпреки споразумението за Кипър от 4 юни 1878 г. след Берлинския конгрес подкрепата на Лондон за Цариград не е безусловна, а по отношение на проблема за робството дори не съществува.

Появяването на васалното княжество България и на автономната провинция Източна Румелия след края на войната създава нова обстановка в непосредствена близост до имперската столица Цариград. На областта е наложено пълно съобразяване с „договорите, конвенциите и международните съглашения от всякакъв род, които са сключени или ще се сключат между Портата и чуждестранните държави“³⁹. За разлика от Княжеството тези задължения се отнасят както до вече поетите, така и до бъдещите задължения, договаряни от Османската империя. Едновременно с това изработеният от Европейската комисия и утвърден от султан Абдул Хамид II Органически устав ясно определя границите на въведения автономен режим. От една страна, той прокламира най-широки либерални свободи и права за румелийското население, а от друга – оставя в сила всички закони на империята, доколкото не противоречат на областния основен закон. Румелийското законодателство може да изменя и допълва действащите имперски закони съобразно местните нужди и специфика. Подробното изброяване на сферите, в които областната законодателна власт има изключителни права, е насочено към институционната, съдебната и финансовата уредба, без да засяга обществените отношения⁴⁰. В много аспекти те остават пряко зависими от историческото наследство и съвременната практика в държавата на султаните, която поддържа робовладението и търговията с хора, въпреки започналите промени от началото на Танзимата. И в княжеството османското законодателство задълго остава в сила, доколкото не е променено с издаваните от руските окупационни власти временни правила.

Отначало реалната опасност от възстановяването на робовладението е схваната от българската общественост в Княжеството още при работата на Учредителното събрание в Търново. На 24 март 1879 г. депутатите обсъждат и приемат член 61, който съдържа 2 алинеи: *„Никой в Българското Княжество не може ни да купува, нито да продава човечески същества. Всякой роб, от какъвто пол, вяра и народност да бъде, свободен става, щом стъпи на Българска територия“*. Текстът на чл. 61 е оригинално творение на депутатите учредители и не съществува в предварителните проекти на Търновската конституция – нито в някоя от двете първоначални редакции на запазеня „Лукиянов проект“, нито в поправения и допълнен „Петербургски проект“, нито в преводния „Дринов проект“⁴¹. Неговите идейни основи се намират в Рапорта на комисията по основните начала на конституцията, който извежда като първи основен конституционен принцип този на свободата⁴². Инициатори на предложението са шестима анонимни засега народни представители, а докладчик и защитник е един от най-интелигентните и запознати със законодателство и конституционализма български парламентаристи и държавници – Марко Балабанов. По същество текстът следва

традиционните за времето си представи за етапност в европейския аболуционизъм, както възниква и се оформя в британското общество забраната на търговията с роби (Abolition of the Slave Trade Act от 25 март 1807 г.), последвана от обща забрана на робството (Slavery Abolition Act от 23 август 1833 г.)⁴³.

Внасянето му предизвиква сравнително оживена дискусия, при която за пореден път се очертава съзнателно търсен идеен сблъсък между водачите на консерваторите и на крайните либерали. Петко Каравелов допуска включването единствено на забраната за робството и отхвърля забраната на търговията с роби, като я разглежда като чисто съдебна процедура и я приравнява към системата на доживотните договори (близка до британските системи на apprenticeship или indentured servitude, ликвидирани през 1838 г.). На сходна позиция е и Яков Геров от Варна, който намира включването на подобен текст за „нещо грозно“, несполучливо мотивирайки се с конституционните текстове на съседните държави. За разлика от тях Петко Славейков и Андрей Стоянов подкрепят предложението на докладчика, като добавят нови мотиви. Славейков набляга на фактическото положение в империята на падишаха, където робовладението съществува като може би отмираща, но все още съвсем действена практика. Той определено смята, че въпросът е актуален и съществуват определени среди, заинтересувани от възстановяване на робството в страната. Андрей Стоянов посочва като мотив не само търговията с хора, но и системата на наследственото робство⁴⁴.

Консерваторите твърдо поддържат частното предложение като М. Балабанов настоява, че „това трябва да се запише с неизгладими букви в Конституцията“. В критиката си срещу либералите той се позовава и на четирите гръцки конституции, а Константин Стоилов добавя и международните забрани за търговия с роби. На конституционното постановление те гледат като на действащо законодателство, което ще превърне въпроса от съдебен в административно-полицейски: „Полицията е длъжна да освобождава, без да се отнася работата до съдилищата за такива същества, гдето и да са те“. Учредителното събрание приема предложението и се солидаризира с М. Балабанов, който обобщава, че „ще бъде чест за нашата конституция, ако внесем в нея това запрещение“⁴⁵.

По различен начин действа българската общественост в автономната област Източна Румелия. На 24 октомври 1880 г. специална комисия на Областното събрание под председателството на д-р Г. Янкулов разглежда „Законопроект за забранение на робството в Източна Румелия“, внесен от 13 народни представители, сред които личат имената на д-р Георги Вълкович, д-р Г. Янкулов, Димитър Наумов, Петър Енчев, д-р Л. Дагоров, Петър Димитров, д-р Георги Хаканов, митрополит Панарет Пловдивски, Иван Салабашев, Константин х. Калчев и др. Комисията одобрява забраната на робството и го определя като „голямо петно на свободолюбивите начала, на които се основава нашето настоящо управление“, очевидно разграничавайки го и дори противопоставяйки го на дотогава действалата османска държавно-политическа и обществена система, поддържаща практиката на робовладението. Покупко-продажбата на хора е окачествена като „една от най-гнусните търговии“⁴⁶.

Особено показателни за действителното положение са мотивите на законодателното предложение: „Тъй като се е узнало, че някои от бежанците мюсюлмани при завръщането си в областта доведоха със себе си роби, тъй като е съмнително, че и в много други къщи съществуват роби и за да не би да се установи и в областта гнусната търговия с човечески същества...“. Предложението е внесено на основание чл. 30 и чл. 100 на Органическият устав, които прокламират личната свобода на населението, забраняват гоненията, задържанятия, затварянето и подчинението на ограничения в свободата освен в предвидените от закона случаи и форми⁴⁷.

Самият законопроект има елементарна структура от три члена. Той започва с обща забрана „завсегда“ на робството по цялата територия на автономната област. Това

включва притежаването, продаването, купуването и транспортирането на роби от двата пола. Нарушителите се глобяват от 1000 до 10 000 гроша (т. е. от 10 до 100 турски лири) в полза на роба, който веднага трябва да бъде освободен, и със затвор от 1 до 6 месеца. При повторно провинение престъпникът се наказва освен с горната глоба и със затвор от 6 месеца до 2 години и лишаване от граждански права до 5 години. При трето нарушение освен глобата наказанието е „изпъждане“ от областта, като при всички случаи робът се освобождава⁴⁸.

По тактически съображения, свързани със запазване на добрите отношения с Портата и с необходимостта от утвърждаване на всеки областен закон от султана, законопроектът не е обсъждан от Областното събрание. Очевидно е възприета тезата, че административно-полицейската практика може да допълни констатираните в законодателството пропуски, а и самият Органически устав създава легална база за недопускане на възстановяването на робството и на търговията с хора в областта при последователна политика на изпълнителната власт.

Междувременно след края на войната настъпва известно развитие и в Цариград. Мухаджирският въпрос и особено изселването на черкезкото население от Княжеството и от Източна Румелия правят положението с робовладението критично, като се появява опасност от повторение на кризата с бунтовете непосредствено преди войната. Затова през 1882 г. е проведено поредното заседание на османското правителство по проблемите на робството, но отново не се стига до неговата цялостна забрана. Все пак е взето решение за провеждане на първия военен набор на младежи роби от грузински и черкезки произход, което автоматично води до освобождаването им, доколкото роби не могат да носят оръжие и да служат в османската армия. През същата година Държавният съвет подготвя законопроект, който декларира, че в империята не съществува правно положение за узаконяване на робовладението, но той е отхвърлен от султан Абдул Хамид II⁴⁹.

Това развитие е наблюдавано внимателно от румелийската общественост, която решава да направи самостоятелно нова крачка за справяне с тежкия и нерешим за сюзерена проблем. В края на 1883 г. чешкият юрист и областен прокурор княз Рудолф Турн-Таксис изработва поредица законопроекти, които целят модернизирането на румелийското законодателство и постепенното му откъсване от османската правна система. Водещо място сред тях има проектът за нов Наказателен закон. В него ясно се забелязват продължаващите опасения от възраждането на практиката на робовладението в автономната област, каквато е картината в останалите непривилегировани османски вилаети. Текстът на член 189 от проекта набляга на търговията с хора в духа на действащия османски Наказателен закон, като разширява, задълбочава и дописва постановленията му до включване на притежаването на робите и до самата същност на робовладението: „Който отстъпи някой човек като роб на друго лице, или сам го употребява за роб, а също така и онзи, който по какъвто да е начин взема участие в търгуването с роби или в тяхното докарване и държение в робство, наказва се с тежък затвор от 3–12 години“. Съставът е включен към втора глава на проектозакона „Злодеяния и престъпления против личната свобода“ и предвижда горна граница на наказанието, близка до максималната – 15 години „тежък затвор“. Във връзка с него са и следващите няколко членове, отнасящи се до различни видове отвличане⁵⁰. До края на съществуването на автономната провинция най-големият областен съдебен законопроект не успява да премине през всички фази на тежкия румелийски законодателен процес и да даде категорична гаранция за премахването на робството от тази привилегирована османска територия.

Успоредно със законовата забрана на робството Българското княжество се заема и с практически действия по неговото ликвидиране. През 1881 г. видинският съд анулира сделка между двама румънци, която цели замяна на земя срещу цигани земеделски

роби, като съдията се позовава на конституционното постановление. Тази практика, макар и формално забранена в Румъния през 1864 г. от княз Йон Александру Куза, продължава своето съществуване в духа на традиционното описание на земеделското робство сред циганите и неговия не индивидуален, а групов характер⁵¹.

Друго направление в борбата с робството е изкупуването на българи, продадени за роби извън границите на страната. Отначало по-активна е частната инициатива, водена от хуманни подбуди. Още в края на август 1879 г. финансовият министър Григор Начович се обръща с обширен доклад до княз Александър, в който описва конкретен случай. Той определя броя на отвлечените и продадените българи само по време на Освободителната война на „повече от хиляда“. Част от тях са откупени от цариградския жител Стамати Спанудис, „избавител, надарен с извънредни християнски добродетели“, който с риск за живота си успява да освободи и върне в родните им места повече от двеста души, „жертви на безчеловечни обичаи“. Неговата дейност получава подкрепата на Българската община в Цариград и широк международен отзвук, който се оказва нож с две остриета. Опасявайки се за живота си, той заедно с брат си е принуден да напусне имперската столица и да емигрира в Княжеството. В отплата за неговата дейност българското правителство успява да му изплати еднократно сумата от 8000 франка – „слабо възнаграждение за загубите му“⁵². През февруари 1883 г. Третото ОНС отпуска още 10 000 лева на братя Спанудис за откупуването и освобождаването на общо 558 българи⁵³.

След повторното установяване на Българската екзархия в Цариград през януари 1880 г. по традицията на всички християнски черкви тя започва да играе основна роля в тази дейност. Отначало усилията са насочени към откупуването на български деца от Старозагорско, отвлечени в района на Балъкесир в Анадола⁵⁴. След сериозни перипетии Министерството на външните работи и изповеданията чрез Екзархията и нейните местни органи успява да откупи отвлечените в Гюмюрджинско българи и през 1881 г. да ги върне в Княжеството. По различни непреки сведения тези усилия продължават до края на XIX век и дори до първото десетилетие на XX век⁵⁵.

Берлинската конференция за Африка и по-специално за басейна на река Конго от 15 ноември 1884 г. до 26 февруари 1885 г. е поредната международна инициатива по ограничаване на търговията с черни роби, в която участва Османската империя. Портата подкрепя новата декларация за прекратяване на търговията с африканци, доколкото тя не предвижда конкретни нови задължения и практически стъпки и не посяга върху домашното робство⁵⁶. По време на конференцията в Цариград е подписана нова двустранна англо-османска конвенция за забрана на търговията с роби от 25 януари 1885 г., която повтаря основните тези на предходната отпреди 5 години⁵⁷. Тя е поредното доказателство за неуспешния натиск на британската дипломация върху османското правителство в тази сфера и широката съпротива срещу окончателното премахване на робовладението в имерията на османите, обхващаща всички слоеве на обществото – от султан Абдул Хамид II до неговите редови поданици. С подобни резултати е и османското участие в Брюкселската конференция (18 ноември 1889 – 2 юли 1890), която за пореден път акцентира върху търговията с африкански роби, като старателно отбягва проблема с домашното робство. Отново под британски натиск в хода на конференцията на 16 декември 1889 г. е постановено освобождаването на всички роби, които не са държани в това състояние „на законно основание“⁵⁸.

Възстановяването на Българската държава през 1879 г. води до окончателното ликвидиране на робството на нейната територия. То се оказва несъвместимо с господстващите в нея либерални и демократични идеи, сред които свободата и равноправието имат водещо място. Едновременно с това важна роля играе и желанието за тотално отричане на османското управление и за възприемане на максимално отдалечени от него

форми на държавна организация и обществен живот. Както Княжеството, така и Източна Румелия следват изпреварващото развитие на останалите „привилегировани“ вилаети (автономни области и васални държави), които значително изпреварват Високата порта в законодателни и практически мерки при ликвидирането на робството и на търговията с хора. На този фон в империята на султаните тези феномени продължават да съществуват като жива практика до Младотурската революция през 1908 г. и като отмираща до началото на модерната Турска република.

В българското обществено съзнание понятието за „турско робство“ не се свързва толкова с предпочитаните от професионалните историци дискусии за обществено-политическата или социално-икономическа система на Османската империя или с точния анализ на понятието „рая“⁵⁹. По-силна роля играе фолклорният образ на „трите синджира роби“, който българите наблюдават като реалност до самия край на враждебната им империя.

¹ Цветкова, Б. Робството в Османската империя и по-специално в българските земи под турска власт. – Исторически преглед, 1954, № 2, 82–100; Мутев, Й. Причините, поради които българският народ не е минал през робовладелия строй на развитие. – В: Исторически студии, 1955, 234–311; Ср. Мутафчиева, В. За приложението на робския труд в османското стопанство през XV–XVI век. – В: Изследвания в чест на Марин С. Дринов. С., 1960; Тодорова, О. Прислужници и конкубини: една неизследвана социална категория от епохата на османското владичество. (XV–XVII век). – Историческо бъдеще, 2002, 1–2, 230–268.

² Мутев, Й. Цит. съч., 300–301; Toledano, E. Late Ottoman Concepts of Slavery (1830s-1880s). – In: Poetics Today, 1993, No 14 (3), p. 494.

³ Lewis, B. Race and Slavery in the Middle East: A Historical Enquiry. OUP, 1990, VI.

⁴ Patterson, O. Slavery and Social Death: A Comparative Study. Cambridge, 1982, VIII-IX; Clarence-Smith, W. Islam and the Abolition of Slavery. C., Hurst and Co Publishers, 2006, 1-21.

⁵ Murray, G. Slavery in the Arab World. NY, 1989, 5-9; Toledano, E. Slavery and Abolition in the Ottoman Middle East. Seattle-London, 1998, p. 135.

⁶ Fisher, A. Chattel Slavery in the Ottoman Empire. – In: Slavery and Abolition, 1980, No 1, 25–45; Toledano, E. The Ottoman Slave Trade and Its Suppression, 1840-1890. Princeton, 1982; Hakam, E. Slavery in the Ottoman Empire and Its Demise, 1800-1909. OUP, 1996.

⁷ Toledano, E. Slavery and Abolition..., p. 135 и цит. в бележката литература.

⁸ Пак там; The Ottoman Slave Trade..., 7–9.

⁹ Shaw, St., E. Shaw. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. 2 (Reform, Revolution and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808-1975). 1977, 1-55.

¹⁰ British and Foreign State Papers. Vol. 3 (1815-1816), 1838, 972; Vol. 10 (1822-1823), 1828, 109-110.

¹¹ Тодорова, М. Англия, Русия и Танзиматът. С., 1980, с. 122.

¹² Aristarchi bey, Gr. Legislation Ottomane, ou recueil des lois, reglements, ordonances, traites, capitulations et autres documents officiels de l'Empire Ottomane. Constantinople, 1874, No 2, 37-38.

¹³ Цит. по: Toledano, E. Late Ottoman Concepts..., p. 488.

¹⁴ Aristarchi bey, Gr. Цит. съч., 35–38; Дулина, Н., Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984, 130-131.

¹⁵ Aristarchi bey, Gr. Цит. съч., 35–39; Heers, J. Les negriers en terres d'Islam. Paris, s.a., 251-252.

¹⁶ Арнаудов, Хр. Пълно събрание на Държавните закони, устави, наставления и високи заповеди на Османската империя. Т. 2. Цариград, 1872, 43–44.

¹⁷ Пак там, т. 4, С., 1886, 128–130; Toledano, E. Slavery and Abolition..., p. 33.

¹⁸ Clarence-Smith, W. Цит. съч., с. 106.

¹⁹ Midhat, A. H. The Life of Midhat Pasha. NY, 1973, p. 108, 112; Кузнецов, В. Абдул-Хамид II. – Вопросы истории, 2006, № 4, с. 49.

²⁰ Constitution Ottomane promulguee le 7 zilhidje 1293/ 11/23 Dec. 1876. Constantinople, 1876, 4-6.

²¹ Toledano, E. Slavery and Abolition..., 116-117; Архив на Найден Геров. Т. 2, с. 29.

²² Kanitz, F. Donau Bulgarien. Vol. 3, 250-252; Clarence-Smith, W. Цит. съч., с. 106.

²³ НАИИ-БАН, кол. 4, оп. 133, а.е. 61; Slave trade. Vol. 58: Correspondence with British Representatives and Agents Abroad on the Slave Trade (1881); Vol. 60 (1884-1889).

²⁴ *Pinson, M.* Ottoman Colonization of the Circassians in Rumili after the Crimean War. – Etudes Balkanique, 1972, No 3, 71-86; *Toledano, E.* Slavery and Abolition., 82-84; *Karpat, K.* Ottoman Population, 1830-1941: Demographic and Social Characteristics. Madison, Wisc., 1985, p. 27, 67; *McCarthy, J.* Death and Exile: The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821-1921. Princeton, N.J., 1995, 35-36.

²⁵ *Якимов, Г.* Възрожденският печат за черкезите в българските земи през 60-те–70-те години на XIX в. – История, 2006, 4–5, 71–78.

²⁶ *Петров, П.* (съст.) По следите на насилието. Документи и материали за налагане на исляма. Ч. 1. С., 1987, 209–212; ч. 2, С., 1988, 602–627.

²⁷ НАИИ-БАН. Пак там; *Kanitz, F.* Цит. съч., т. 3, 250–252.

²⁸ *Димитров, Г.* Странданията на българите и освобождението на България през 1877–1878 г. С., 1899, с. 34, 146, 180–186; Княжество България в историческо, географическо и етнографическо отношение. Ч. 3. С., 1900, 180–186; *Ср. Nakam, E.* Цит. съч., 44–45, 196.

²⁹ ЦДА, ф. 176 к, оп. 1, а.е. 360, л. 1 и сл.

³⁰ *Harris, D.* Britain and the Bulgarian Horrors of 1876. Chicago, 1939, 49-50; НА-БАН, ф. 1к, оп. 2, а.е. 1411, л. 1181–1182, 1197; НАИИ-БАН, а.к. 14, оп. 41, а.е. 63, л. 453; Turkey, 1876, No 1, 11-14; *Mutev, Й.* История на Априлското въстание 1876 г. Т. 3. С., 1999, 17–18, с. 194.

³¹ ДА-Сливен, ф. 44к, оп. 3, а.е. 3, л. 1 и сл.; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. 1. М., 1961, 336–337.

³² *Игнатиев, Н.* Записки (1875–1878). С., 1986, 188–189.

³³ *Димитров, Г.* Странданията., с. 191.

³⁴ Странджа, 23–26, 19 април–10 май 1898.

³⁵ *Димитров, Г.* Странданията., с. 146, 189.

³⁶ *Moore-Harrell, A.* Gordon and the Sudan: Prologue to the Mahdiyya, 1877–1880. Routledge, 130–135; *Warburg, G.* The Sudan under Wingate: Administration of Anglo-Egyptian Sudan. Routledge, 1971, p. 170.

³⁷ *Robinson-Dun, D.* The Harem, Slavery and Imperial Culture; Anglo-Muslim Relations in the Late Nineteen Century. Manchester UP, 2006, 39-40.

³⁸ Марица, 176, 8 април 1880.

³⁹ *Стефанова, С.* (съст.) Международни актове и договори (1848–1918). С., 1958, 160–161.

⁴⁰ Органическият устав на Източна Румелия. Пловдив, 1879, 7–8, 11–14; *Стателова, Е.* Източна Румелия (1879–1885): икономика, политика, култура. С., 1983, с. 28; *Манолова, М.* Русия и конституционното устройство на Източна Румелия. С., 1976, 175–200.

⁴¹ *Владикин, Л.* История на Търновската конституция. С., 1994, 130–131.

⁴² *Манолова, М.* Създаване на Търновската конституция. С., 1980, 157–158.

⁴³ *Brown, C.* Moral Capital: Foundations of British Abolitionism. 2006.

⁴⁴ Дневници на Учредителното събрание от 1879 г. С., 2004, 228–229.

⁴⁵ Пак там, 229–230.

⁴⁶ ЦДА, ф. 20к, оп. 1, а.е. 49, л. 9; Марица, 180, 28 окт. 1880; ЦДА, ф. 20к, оп. 1, а.е. 49, л. 9; Марица, 180, 28 окт. 1880.

⁴⁷ Органическият устав., с. 12.

⁴⁸ ЦДА, ф. 20к, оп. 1, а.е. 49, л. 10.

⁴⁹ *Clarence-Smith, W.* Цит. съч., с. 108.

⁵⁰ Съдебна библиотека, 1889, № 3, с. 138 и сл.; *Милушев, Я.* Чешки профили в общественото развитие на следосвобожденска България. С., 2005, с. 169.

⁵¹ *Hancock, I.* The Pariah Syndrome: An Account of Gypsy Slavery and Persecution. Ann Arbor, 1987; *Crowe, D.* The Gypsy Historical Experience in Rumania. – In: The Gypsies in Eastern Europe. Armonk, 1998. Тук искам да изкажа благодарността си към д-р Михаил Груев, който ме насочи към този случай.

⁵² Държавен вестник, бр. 6, 08. 09. 1879; ЦДА, ф. 159к, оп. 1, а.е. 1, л. 234–236.

⁵³ ЦДА, ф. 159к, оп., а.е. , л. 234–235; Дневници (стенографически) на Третото ОНС, 1 р. с., 37 зас. от 09. 02. 1883, с. 754.

⁵⁴ *Доросиев, Л.* Българските колонии в Мала Азия. – Списание на БАН, 1922, кн. 24, 62–63.

⁵⁵ Странджа, бр. 23–26, 19 април – 10 май 1898 г.

⁵⁶ *Стефанова, С.* Цит. съч., 192–199.

⁵⁷ Samples from the Treaties in the Ottoman Archives. Ankara, 2000, 210–213.

⁵⁸ *Кузнецов, В.* Цит. съч., с. 55.

⁵⁹ *Матанов, Хр.* Лесна наука ли е историята? (По повод на една „дискусия“ във в. „Труд“). – В: Учител на учителите, С., 2006, 263–268.

И. Стоянов

РУСКИ ИНИЦИАТИВИ ЗА АКТИВИЗИРАНЕ НА ТЪРГОВСКИТЕ ОТНОШЕНИЯ С БЪЛГАРИЯ В ПЪРВИТЕ ГОДИНИ СЛЕД ОСВОБОЖДЕНИЕТО

През 1878 г. върху политическата карта на Югоизточна Европа отново се появява името България. Възстановено с руска помощ и „благословено“ с постановленията на Берлинския договор, подписан от представителите на всички Велики сили, в това число и от тези на Русия, Българското княжество още в началото на самостоятелното си съществуване е изправено пред изключително трудни за разрешаване задачи. Новият държавен механизъм се задъхва от непоносимата тежест на икономическите задължения, поети според постановленията на конгреса в Берлин. Националният въпрос се превръща в проблем, който отнема значителна част от творческата енергия на всяко ново българско правителство. Стременията на големите държави, диктуващи взаимоотношенията в Европа, принуждават политическото ръководство на страната да предприема редица инициативи, целящи да покажат, че България уважава ако не стремията, то поне силата и възможностите на т.нар. Велики сили. Исканията на последните обаче са толкова много и толкова разнопосочни, че и най-добрите български политици в много случаи не намират точните решения. При това положение на нещата не е чудно, че едни и същи личности в определен момент се отказват и от меда, и от жилото на дадена сила, а в друг случай молят същата тази сила да въдвори ред в собствената им държава дори с цената на окупация.

Тежките и несправедливи решения на Берлинския конгрес и цената, която плаща Русия в победоносната за нея война, вдъхват надежда сред управляващите в Петербург, че политическото влияние на северната империя в България е осигурено безрезервно. Увереност в тази насока се получава и от присъствието на много руски офицери, заели се с изграждането на българската армия. Министерството на войната, ръководено до септември 1885 г. от представители на Русия, а и редицата други министерски постове, заемани от руснаци в периода 1881–1883 г., са допълнителен подтик за вяра в безграничното влияние на Освободителката в България. Стига се дотам, че в Петербург няма дипломатически представител на Княжеството, а когато през 1883 г. князът и правителството поставят този въпрос и изпращат свой дипломатически агент в руската столица, той не е приет и признат за такъв.

Противно на очакванията отношенията между Русия и Княжество България започват да охладняват постепенно, но сигурно, за да се стигне до есента на 1886 г., когато окончателно са прекъснати. От този момент до днес редица политици, дипломати, историци и общественици изследват причините за това събитие, изказват предположения, обосновават тези и т. н.

Едни търсят причините у българския княз Александър Батенберг и неговата прозападна ориентация, без да се съобразяват с факта, че основна заслуга за поставянето му на българския трон има самата Русия. Други посочват император Александър III като главен виновник за възникналата ситуация¹. Бруталната политика, провеждана от руския самодържец по отношение на княз Александър, безспорно е една от причините,

но едва ли обяснението на скъсването на дипломатическите отношения може да се заключи само в това.

Като основна причина за нестабилността на руското влияние в България се посочва недостатъчното икономическо осигуряване на това влияние в Княжеството². Според част от поддръжниците на това мнение Русия не съумяла да се наложи икономически поради своята изостаналост и поради еднаквата стопанска структура в двете страни – т.е. еднаквото съотношение между индустрията и селското стопанство в тях. При това положение България нямало какво да купи от нея и какво да ѝ продаде. Като основна причина за слабия икономически обмен тези автори посочват еднотипността на производството³.

Друга група автори категорично отхвърля теорията за еднаквата стопанска структура и изтъква, че Русия била в състояние да поддържа с индустриални произведения пазара на България, да закупува целия ѝ износ и да задоволява нуждите ѝ от външни заеми. Според тях основната причина за незначителния българо-руски стокообмен след 1879 г. се криела не в еднаквата стопанска структура на двете страни и в изостаналостта на Русия, а в „борбата между големите европейски държави за пазари и източници на суровини, за сфери на влияние, за надмощие в басейна на Черно море, на Балканите, в България. Тази борба, в основата на която лежали икономически причини (съперничество за балканския пазар и за евтини суровини, стремежът към господство върху пътищата за Азия и пр.), определяла до голяма степен политиката на българската буржоазия, а по този начин и насоките на нейната външна търговия“⁴. Според тези автори Русия след 1861 г. бързо се модернизирала и през 90-те години на XIX в. индустриалният преврат в нея бил свършен факт. Що се отнася до постановката, че Русия била изостанала държава, тя трябва да се тълкува в смисъл, че била изостанала в сравнение с Англия, Франция, Германия и САЩ, докато по отношение на други страни, в това число и България, тя била отишла напред⁵.

И двете посочени мнения са крайни и следователно в тях има както определена доза истина, така и известна доза стремеж да се покаже желаното за действителност. Да се приеме теорията за еднаквата стопанска структура, би означавало да се подходи твърде опростенчески към проблема, който е от изключителна важност за разрешаването на въпроса за главолонния спад на руското влияние в България и скъсването на дипломатическите отношения през 1886 г. В същото време приемането на второто мнение като окончателна истина също не би помогнало за цялостното разрешаване на този въпрос. Твърде странно е твърдението например, че Русия след 1861 г. бързо се превърнала в промишлена страна, която можела да задоволява българския пазар след 1879 г. с всичко необходимо. Известно е, че преди реформата от 19 февруари 1861 г. империята е изключително изостанала крепостно-феодална държава, а самата реформа се провежда в различните ѝ части в продължение на няколко години. Например освобождаването на селяните от крепостна зависимост в Тифлиска губерния се осъществява през 1864 г., а в Кутаиска – едва през 1866 г. Освен това след смъртта на Александър II в руската столица на 29 април 1881 г. е издаден един от най-реакционните документи на царска Русия – Манифест за укрепване на самодържавието⁶. За него един от най-видните идеолози на славянофилството, К. Леонтиев, отбелязва: „Пред лицето на цяла конституционна Европа и цяла републиканска Америка ние заявихме, че вече няма да живеем и се водим по чужди умове и ще положим цялото си старание, за да бъде у нас самодържавието силно и че за „конституция“ и помен повече няма да има“⁷.

Следователно руската промишленост едва ли се намира в състояние да задоволи българския пазар с всичко необходимо още през 1879 г. Окончателното завършване на реформата по отмяната на крепостното право няколко години преди това все още не

означава, че Русия се е превърнала в модерна капиталистическа държава, имаща възможност да конкурира западноевропейските стоки на българския пазар.

В руските архиви са запазени документи, които дават ясна представа за състоянието на руско-българските търговски взаимоотношения през първите години от самостоятелното съществуване на Княжество България. Те съдържат и отговора на въпроса за състоянието на руската промишленост, тъй като в предлаганите търговски листи са отразени основните артикули, произвеждани в Русия и предлагани на международния пазар.

Целта на представената статия е да се разкрият опитите за активизиране на търговските връзки между Русия и България непосредствено след Освобождението и да се изяснят причините, които довеждат до провалянето на тези намерения. Като основни източници са използвани преди всичко материали на участниците в руската търговска експедиция в България през лятото на 1882 г. А. Й. Мураневич и А. Т. Макаров. Първият публикува още през 1885 г. своя труд, разкриващ основните моменти от опитите и инициативите за разширяване на руско-българските икономически взаимоотношения⁸. Отлично запознат с проблема, Мураневич изтъква значителна част от причините, поради които не се достига до желаните резултати.

В началото на 1883 г. А. Т. Макаров⁹ изпраща докладна записка до извънредния посланик и пълномощен министър на Русия в Константинопол А. И. Нелидов, в която обяснява състоянието на руско-българските търговски връзки. Тя е последвана от редица доклади и тарифи на руските стоки, които дават възможност за по-различна интерпретация на изследвания въпрос¹⁰.

За по-пълното изясняване на проблема авторът използва и достиженията на историческата наука в тази област, сведения от документални сборници, периодичен печат и др.

* * *

Член 8 от Берлинския договор постановява: „Договорите за търговия и мореплаване, както и всички конвенции и спогодби, сключени по-рано между чуждите сили и Портата и които са в сила днес в Турция, си запазват силата и за Княжество България и в тях не може да стане никакво изменение спрямо никоя сила, без тая сила да е дала съгласието си. Никакво право за транзит не ще се взема в България за стоките, които минават през Княжеството. Разните народности и търговията на всички сили ще се ползват с пълно равенство. Правата и привилегиите на чуждите поданици, както и правото на консулска защита и юрисдикция си остават в пълна сила, както са установени от капитулациите и обичаите, докато не се изменят със съгласието за заинтересованата страна“¹¹.

Според този член на договора българската държава поема същите задължения, каквито има Османската империя според сключените през 1861–1862 г. търговски договори с големите европейски страни. Тарифите, които придружават тези договори и които служат за основа на митническите права, са изключително неблагоприятни за местната търговия и индустрия, тъй като облагодетелстват най-вече вноса и в същото време създават трудности пред износа на български стоки. Но и вносните тарифи не са еднакви за всички държави. Най-неизгодни са те за руските стоки, а това се оказва една от причините, които спъват развитието на руско-българските търговски отношения¹².

Непосредствено след Освобождението и Русия, и България не обръщат сериозно внимание на икономическите връзки помежду си. Влиянието на Русия сред българите е толкова силно, че в средите на руските управляващи кръгове няма и помен от идеята за икономическо осигуряване на политическото влияние. Изтъкнатите в началото съображения вдъхват увереност за трайно руско присъствие в центъра на Балканския

полуостров, а следователно и за благоприятен развой на петербургската политическа доктрина по въпросите на Европейския Югоизток и най-вече по въпроса за Проливите. Поради тези причини правителството не подкрепя руските капиталисти Гинсбург и Струве да получат концесия за построяване на железопътна линия от Свищов или Русе към вътрешността на страната.

Въпросът за железопътното строителство в Княжеството и за стремежите на руските предприемачи занимава и българското правителство. Това е един от основните проблеми, които министърът на финансите П. Каравелов си поставя за цел да проучи при посещението си в Русия през октомври 1880 г. За срещата между него и Д. А. Милютин, състояла се на 7 октомври, военният министър на Русия отбелязва в дневника си: „Аз му казах почти същите мисли, които казах и на нашия известен инженер Струве, че България в сегашно време не може и да мисли за постройка на каквато и да е жп линия; че финансите ѝ не позволяват да пристъпи към такова разточително предприятие, особено при такива условия, каквито ѝ предлага компанията, наричайки себе си френска, а всъщност е австрийска – на Хирш. Само стоейки твърдо на почвата на своето финансово устройство, България може да устои против натиска на Австро-Унгария и нейните европейски партньори. Каравелов се зарадва, чувайки от мен такива съждения, и каза, че в България досега съществувало убеждение, че руското правителство иска да се ускори построяването на жп линията от Свищов към Търново и по-нататък. Такова странно недоразумение може да се обясни само с личното старание на нашия дипломатически агент Кумани“¹³.

Приведеният цитат е ясно доказателство, че стремежите на предприемачите Гинсбург и Струве и подпомагащите ги руски дипломатически агенти в Княжеството са самостоятелни инициативи на заинтересовани хора, които нямат никаква държавна подкрепа. Русия се дезинтересира по въпроса за железопътното строителство в България с тезата за слабите финанси на Княжеството и за ненавременността на подобно предприятие. Управляващите в Петербург са с твърдото убеждение, че българското правителство трябва да съблюдава стриктно клаузите на Берлинския договор, следователно да се заеме с построяването на отсечката Цариброд–Вакарел и свързването на трансевропейската линия с Константинопол.

Независимо от отсъствието на държавна подкрепа руските предприемачи действат активно за постигане на набелязаната цел, като влизат във връзка с дипломатическите агенти на Петербург в българската столица и получават тяхната безрезервна подкрепа. В края на 1880 г. и началото на 1881 г. се появява проектът на Струве–Утин за построяване на железопътна линия от София към Пирот–Ниш и на изток към Русе. При посещението на княз Батенберг в Русия през март 1881 г. той е запознат с този проект от Д. А. Милютин¹⁴.

Един от най-ревностните привърженици на предложенията на Гинсбург–Струве–Утин е новият дипломатически агент в София М. А. Хитрово, който пристига в Княжеството непосредствено след 27 април 1881 г. Проектът на руските предприемачи получава подкрепата и на княз Александър Батенберг, но не дочаква благословията на императорското правителство и остава нереализиран¹⁵.

При това положение на нещата става ясно, че правителството в Петербург не проявява ни най-малка заинтересованост по въпроса за руско-българските икономически взаимоотношения. То не обръща внимание на многобройните проекти на руските капиталисти, стремящи се да се наложат като икономическа сила на българския пазар, осигуряваща не само икономическите, но при нужда и военните интереси на Русия. Руските управляващи кръгове остават глухи за многобройните донесения на дипломатическите агенти Кумани, Хитрово, Ладижински, в които се настоява за обезпечаване

на политическото влияние с икономически мерки. В тези донесения многократно се подчертава благоприятната ситуация, съществуваща в България, и възможността да успешен излаз на руските стоки на българския пазар. Обръща се внимание на големия интерес, проявяван от руските търговски и промишлени кръгове към Българското княжество като към млада и развиваща се страна, чийто пазар е от значение за руската промишленост. Дипломатите настояват за построяване на железопътна линия към Свищов или Русе, за организиране на Дунавско търговско корабоплаване, което да осигурява икономическите отношения с България, Румъния и Сърбия, за осъществяване на редовни търговски връзки през Черно море.

В средата на 1881 г. започва подготовка за сключване на търговска спогодба и митническа тарифа между двете страни. По изричната заповед на княз Батенберг през август във Варна се учредява Митническа комисия, която е натоварена да подготви проект за конвенцията и тарифата. По-късно българското правителство предлага в комисията да влязат и руски дипломати. „Княжеското правителство и особено княз Александър са извънредно загрижени от сключването на търговска конвенция с Русия. Негово Височество желае със своето име да скрепи един държавен акт, който ще донесе на Княжеството съществена полза и засилване на взаимоотношенията между Русия и България“ – съобщава Хитрово през декември 1881 г.¹⁶

И тази инициатива не се реализира, поне за момента, поради поразителната незаинтересованост на императорското правителство. Става ясно, че Петербург няма конкретна икономическа програма за Европейския Югоизток и не желае да възприеме нито съветите на своите дипломатически представители, нито предложенията на предприемчивите руски търговско-промишлени кръгове.

Възприетата линия на поведение от официална Русия не спира опитите за активизиране на търговските отношения между двете страни. На 11 ноември 1881 г. А. Й. Мураневич изпраща записка в Московския борсов комитет, в която обяснява изгодите от разширяване на търговията със Сърбия, Румъния и България. В записката са посочени стоките, които се търсят в тези страни и се предлага да се организира Дружество за търговия с руски стоки на Балканския полуостров. Превозът на руските стоки трябва да се поеме от Руското дружество за параходство и търговия чрез откриване на редовни рейсове по р. Дунав¹⁷. В същото време Мураневич влиза в преписка по този въпрос с М. А. Хитрово в София и руския консул в Русе Н. Н. Ладижински. И двамата дипломати откликват с готовност за сътрудничество в тази област.

На 12 април 1882 г. в Москва се провежда заседание на фабриканти, манифактуристи и търговци, в което се обсъжда въпросът за руско-българските търговски връзки. В него вземат участие М. Д. Скобелев, Ив. С. Аксаков, Т. С. Морозов, В. Д. Аксенов, Н. Н. Коншин, А. Д. Носов, Д. И. Морозов, Г. А. Крестовников, Н. П. Рогожин, представители на фирмите Третякови и Коншини, М. Г. Кувшиников, М. С. Кузнецов, Л. И. Рагозин и А. Й. Мураневич¹⁸. След оживени дебати се решава да се подготви и изпрати специална експедиция на Балканския полуостров, която да проучи възможностите и потребностите на местния пазар. За членове на експедицията са избрани Л. И. Рагозин, А. Й. Мураневич, А. Т. Макаров и Н. Н. Рагченко, а подготовката на програмата за дейността ѝ се възлага на Г. А. Крестовников, Н. П. Рогожин, Л. И. Рагозин и А. Й. Мураневич¹⁹.

През май петчленна делегация на московските търговци се представя в Кремълския дворец на княз Александър Батенберг и излага вижданията си за разширяване на търговските връзки между България и Русия. При тази среща българският княз обещава пълно съдействие и заявява, че намира поетата инициатива за възможна и полезна²⁰.

В средата на юни експедицията, ръководена от Л. И. Рагозин, се отправя за Румъния, а след това посещава българските градове Тулча, Варна, Русе, Шумен, Свищов

и София. На 2 юли представителите на московските търговци са приети от княз Александър, който дава уверение, че от българска страна ще бъде направено всичко за заздравяване и разширяване на търговските връзки²¹.

Активният обмен на мнения през май, юни и юли вдъхва увереност и в двете страни за успешен развой на започнатото дело. Съществуващата обстановка в Княжеството е изключително благоприятна – министър-председател е руският генерал Л. Н. Соболев, министър на войната е друг руски генерал – А. В. Каулбарс. В правителството е и българинът Г. Теохаров, който дълги години живее и учи в Русия и е горещ привърженик на сближаването на двете страни. Руският дипломатически агент в София Арсенев също дава своята подкрепа на експедицията. В същото време активна дейност развиват и одеските търговци, чийто комитет разработва програма за устройване на търговски изложби и за построяване на складове за руски стоки в големите български градове. Предлага се и идеята за създаване на Търговско сдружение от български търговци и земевладелци, което също да работи за засилване на икономическите връзки с Освободителката. В Бургас, по идея на руския консул, се образува Румелийско търговско дружество със 100 000 турски лири основен капитал. Дружеството можело да разчита, по думите на консула, на особено покровителство от страна на руското правителство²².

Българските заинтересовани среди също дават своя реален принос в това дело. В края на юли министърът на финансите Гр. Начович преработва съществуващата митническа тарифа за руския внос и прави големи облекчения в нея. Тарифата е поднесена на княза за утвърждаване и тя влиза в сила от 1 август 1882 г.²³

В записката си за развитието на руската търговия на Изток А. Т. Макаров разкрива конкретните промени, отразени в новата тарифа, и начина, по който се стига до тях. Тъй като България по силата на Берлинския договор не можела да променя вноските мита, то по искане на руските представители били променени цените на стоките и по такъв начин се стигнало до намаляване на митото. За онагледяване на своята записка Макаров дава следната таблица:²⁴

Наименование на стоките	Стара тарифа (рубли)	Други тарифи (рубли)	Нова тарифа (рубли)	Мито за пуд по старата тарифа (рубли)	Мито за пуд по новата тарифа (рубли)
Макарони (ока)	1,59	0,77	0,60	0,70	0,26
Захар на бучки (кантар)	–	59,13	44,00	0,59	0,44
Захар	–	47,50	35,00	0,47	0,35
Чай (ока)	19,35	9,06	9,06	8,84	4,00
Бира в бъчви	–	0,61	0,45	0,24	0,20
Спирт (ока)	–	1,16	0,90	0,51	0,40
Катран (кантар)	9,08	9,08	5,28	0,09	0,05
Восък (ока)	4,88	–	4,00	2,14	1,76
Ленено масло (кантар)	ad. valorem	64,70	44,00	0,64	0,44
Обикновен сапун (ока)	–	1,07	0,70	0,44	0,30
Восъчни свещи	6,36	–	6,00	2,79	2,64
Лосени свещи	1,83	–	1,00	0,78	0,44
Стеаринови свещи	3,60	–	1,80	1,56	0,78
Медни листове	5,11	4,27	2,50	1,60	1,08
Медна жица	3,66	3,64	2,50	1,60	1,08
Желязо (кантар)	23,07	–	11,00	0,23	0,11
Котви	34,28	30,36	22,00	0,34	0,22

Данните от таблицата показват, че според новата митническа тарифа руските стоки се облагат с около 50% по-малко мито в сравнение със старата тарифа.

При срещата с българските дейци руската експедиция обръща сериозно внимание и на въпроса за митата на манифактурните стоки. Според старата тарифа, съобразена с дължината и ширината на тъканите, митото се увеличава дори при незначително надхвърляне на установените размери. Тъй като руските манифактуристи се съобразяват най-вече с руския пазар, то ширината на тъканите почти никога не съвпада с изискванията на турските (българските) тарифи, а това създава големи затруднения и неудобства и най-важното – води до увеличаване на митото. В преговорите през юли се променя самата система за оценяване на руските тъкани и при новата митническа тарифа за основание на оценката се вземат не ширината и дължината на тъканите, а тяхното тегло и стойността на преждата и едва след тази оценка се определя цената на тъканите при сравнително съпоставяне на материите и преждите, от които са произведени. А. Т. Макаров предлага следната таблица, която показва разликата в оценките на преждата между старата и новата тарифа:²⁵

Вид на преждата	Оценка по старата тарифа за ока (рубли)	Оценка по новата тарифа за ока (рубли)	Мито за пуд по старата тарифа (рубли)	Мито за пуд по новата тарифа (рубли)
Памучна прежда – пресукана	3,68	2,50	1,60	1,08
Памучна прежда – за чорапи	4,36	2,50	1,90	1,08
Памучна прежда – боядисана (без червен цвят)	5,04	3,50	2,20	1,52
Памучна прежда – червена	6,81	4,00	2,99	1,79

В резултат на изменението на цените на различните видове прежда се стига до следната разлика в митата на различните видове памучни тъкани:²⁶

Вид на платовете	Мито за ока (рубли)	Мито за пуд (рубли)
Плат за корабни платна	3,00 р.	1,32 р.
Американ – суров, избелен, цветен	3,50	1,52
Кембрик – бял, цветен и фасоне	3,50	1,52
Деми – котон, китайка, аладжа	4,50	1,96
Американ – яркочервен, полубатиста, батиста, жаконет, тюл, муселин	6,00	2,64

С новата митническа тарифа условията за развитие на икономическите отношения между Русия и България се изравняват напълно с условията, в които се развиват търговските взаимоотношения на Княжеството със западните държави. Тарифата налага същите мита на руските стоки, каквито се вземат от вноса на Англия, Австро-Унгария, Германия, Франция и Италия²⁷.

Руската търговска експедиция постига и други реални резултати. Военният министър ген. А. В. Каулбарс предлага доставките по обмундирането и снаряжението на българската армия за 1883 г. да се изпълнят от руските фабриканти и търговци. По негово разпореждане членовете на експедицията са снабдени с образци от необходимите за войската вещи²⁸.

Деловите отношения и големият обем практическа работа, извършена от русите пратеници, от една страна, и българските политически дейци, от друга, предвещават благоприятни крайни резултати. Ангажирането в това дело лично на княз Александър Батенберг, на министъра на финансите Гр. Начович, на министър-председателя

Л. Н. Соболев, на военния министър А. Каулбарс и на редица още лица и държавни ведомства показва, че от българска страна се прави всичко необходимо за засилване на икономическите връзки между Княжество България и Русия. Отзивчивостта на българите и облекченията, които получават руските представители за търговия в границите на Княжеството, навеждат на мисълта, че през следващите години вносът на руските стоки ще се превърне в доминиращ на българския пазар и постепенно ще изтласка на втори план търговията със западноевропейските държави.

След завръщането си в Русия участниците в експедицията подготвят обстоен доклад, и го предлагат за обсъждане на тези, които ги изпращат в България. При срещата се среща в дома на Т. С. Морозов са изложени образци на стоки, внасяни от Англия, Австро-Унгария и Германия. Именно тези образци, по думите на А. И. Мураневич, смущават твърде много представителите на московските търговско-промишлени кръгове, които се страхуват от евентуален неуспех при опита за конкуренция на западните стоки. В разговорите при тази среща се изяснява, че активизирането на стокообмена с България е възможно, но Д. И. Морозов подчертава, че това може да стане само „ако правителството гарантира нашите капитали“, което предложение е прието от всички присъстващи²⁹. Това е и единственият реален израз на неколкомесечните усилия от страна на руската търговска експедиция и на българските правителствени среди. Оказва се, че руският промишлен и търговски свят се страхува от открит сблъсък със западноевропейските стоки на българския пазар. Въпреки облекченията, които се правят според новата митническа тарифа за руските стоки, въпреки благосклонното отношение на княз Александър Батенберг, въпреки традиционно добрите чувства на българския народ към освободителите и, най-сетне, въпреки наличието в Княжеството на правителство, в чийто състав влизат руски военни дейци, на които принадлежи и министър-председателското място, и военното министерство, най-видните представители на Московския комерчески кръг не са убедени, че това са условия, гарантиращи успеха им на българския пазар. Преценявайки трезво степента на развитие на производителните сили на Запад и в Русия, те се страхуват да излязат дори за опит в открита икономическа борба на българския пазар. Не е случаен и фактът, че търговците са готови да направят това само ако правителството гарантира техните капитали. В същото време руските капиталисти са готови да търгуват и търгуват с Китай, Иран и Персия, където са им осигурени монополно високи печалби.

Царското правителство не проявява ни най-малка заинтересованост по разискваните въпроси. В руската политическа и военна доктрина проблемът за икономическото осигуряване на политическото влияние в Европейския Югоизток отсъства. Недалновидните петербургски политици изключват бавното, но сигурно икономическо проникване и влияние като сигурен гарант за трайно руско присъствие на Балканите. Ръководено единствено от мисълта за военно разрешаване на Източния въпрос и от намиране на благовиден предлог за завземане на Проливите, руското правителство следва неотклонно линията на военно присъствие в района на Босфора и Дарданелите и пълното им овладяване при благоприятно стечение на обстоятелствата.

През есента на 1882 г. на извънредния посланик в Константинопол А. И. Нелидов е наредено да проучи възможностите за евентуално завземане на Проливите. Според неговите донесения, в отговор на възложената му задача, това било възможно „още сега“³⁰. В записката, изпратена до Александър III, дипломатът заявява категорично: „Абсолютна необходимост за Русия е да има под своя власт Дарданелите и Босфора. Утвърждаването ни на Босфора окончателно ще закрепим всички наши задкавказки владения, ще съедини в един пункт цялата наша отбранителна линия по бреговете на Черно море и ще ни осигури решително влияние върху съдбата както на Балканите, така

и на Малоазийския полуостров. То ще засили нашата отбранителна сила и на западната граница, давайки ни възможност да разполагаме за нейната защита с всички боеви средства, които бихме мобилизирали на Черноморските брегове. В това собствено се състои за нас удовлетворителното и изгодно решение на Източния въпрос³¹.

Без да са запознати с действията и намеренията на правителството в Петербург, част от руските търговци и най-вече двама от участниците в експедицията на Балканите продължават да развиват активна дейност за разширяване на руско-българския стокообмен. В края на август 1882 г. А. Й. Мураневич се захваща с идеята за изграждане на Общославянско параходство по Дунав, в което трябвало да участват България, Сърбия, Румъния и Русия. Тази идея е подкрепена от известния славист А. А. Майков, който се обръща за съдействие към някои влиятелни сърби. Подкрепата на инициативата обещава и княз Ю. Гагарин, ръководител на Руското параходно дружество. За изпълнение на този свой замисъл Мураневич търси съдействието и на княз Урусов – руския посланик в Румъния.

Според автора на идеята превозването на руските стоки с български параходи, както предложил княз Александър, или с параходите на Руското параходно дружество не би било удачно поради възможност от възникване на трудности при непредвидени обстоятелства. В същото време създаването на Общославянско параходно дружество от български, сръбски, румънски и руски капиталисти щяло да доведе до сближаване на икономическите интереси на крайдунавските държави, постепенно съединявайки ги в едно общо семейство, което би се превърнало в силен съперник на Австро-Унгария в Дунавския басейн³².

В началото на 1883 г. Мураневич се обръща и към руското правителство с молба за помощ за осъществяване на разработената от него идея. Подробни доклади са изпратени до министъра на финансите и министъра на съобщенията, до обер-прокурора на Светия синод и до много други високопоставени лица. По време на коронацията на Александър III през май 1883 г. Мураневич отново се среща и разговаря по този въпрос с княз Александър Батенберг. Но и тази идея, поддържана от Ив. С. Аксаков, М. Н. Катков, А. А. Майков и от самия княз Ю. Гагарин, който се съгласява да възглави Общославянското параходство по Дунав, остава нереализирана поради незаинтересоваността на руските правителствени среди. Като резултат на всичките ходатайства А. Й. Мураневич получава отговор единствено от министъра на финансите Н. Х. Бунге, който му заявява, че от всички искания можело да се удовлетвори само едно – да се даде субсидия за Черноморско-Дунавското параходство на княз Гагарин³³.

Неуспехите на руската външна търговия на Изток и в частност в България, неудовлетворителните резултати от дейността на търговската експедиция на Балканите и провалянето на редица инициативи, издигнати от отделни представители на руските търговско-промишлени среди принуждават А. Т. Макаров да разкрие основните причини за това и да посочи пътищата за преодоляването им.

В доклада си до А. И. Нелидов той изтъква, че развитието на външната търговия ще доведе до премахване на пренаситеността със стоки на вътрешния пазар и ще сведе до минимум честите застои в търговията, ще повиши значението на руската парична единица и благосъстоянието на населението, ще повдигне духа на разумната предприемчивост. „Но за да стане това, е нужно да се възбуди и поддържа енергията на руския промишлен и търговски свят, който в продължение на много години, едва ли не от времето на граф Канкрин³⁴, много рядко е намирал за себе си рационална подкрепа от страна на ръководителите на руската търговска политика. Като резултат на силните неблагоприятни влияния се е създала и възпитала индиферентността на нашия търговски и промишлен свят към всичко, излизащо зад границите на неговата привична

дейност³⁵. В това отношение Англия можела да служи като пример за Русия – всички английски консули се интересували и събирали сведения за развитието на външната търговия, издавали брошури с необходимите сведения за всяка страна и т.н. Подобно нещо не можело да се каже за руските дипломатически представители, които ако и да се стремели да правят нещо в тази насока, се доближавали по-скоро до формата, отколкото до същността на нещата. Причините за това според А. А. Макаров са две: 1) безбройните задължения на консулите, които задължения нямали нищо общо с търговията, и 2) личният състав на дипломатическите мисии – те били пълни с млади секретари, които се готвели за дипломатическа кариера, а самите посланици произлизали от средите на дворянството, което в по-голямата си част нямало представа от търговия. При пътешествията му в източните страни Макаров срещнал само двама представители на Русия, които разбирали малко от търговски работи, но и двамата не знаели руски език³⁶.

За да се скъса с тази вредна практика, А. Макаров предлага да се учреди в Константинопол Търговско агентство на Русия на следните основания: 1) главният търговски агент да се намира под покровителството на императорското посолство и да бъде човек сведущ по всички търговски въпроси; 2) изборът на търговския агент да се прави от Министерството на финансите, но лицето да бъде от кандидатите, представени от търговско-промишлените кръгове; 3) търговският агент да има официални сношения само с императорското посолство, под чието ръководство се намира; 4) агентът да се занимава единствено с чисто търговска работа; 5) всички консули да са задължени да му оказват съдействие; 6) главният агент трябва да поддържа връзки с всички руски поданици в Османската империя, които се занимават с търговия и промишленост, и да прави необходимото за тяхното преуспяване; 7) търговският агент да се намира в непосредствена връзка с всички търговци в Турция, имащи търговски сношения с Русия или желаещи да сключат такива; 8) главният агент да бъде посредник на руските фабриканти и големите търговски фамилии; 9) агентът не трябва да се занимава със собствени търговски операции, а само с такива на своите довереници, за което има право да получава 2% от общата сума; 10) агентът има право да назначава в кантората си необходимия брой служители по свое усмотрение: той лично ги назначава и уволнява; 11) в случай на отсъствие агентът трябва да има заместник, за работата на който той също отговаря; 12) за всички нужди на руските търговски интереси агентът се съветва с представител на императорското агентство; 13) два пъти в годината агентът представя на посолството и на Министерството на финансите пълен отчет за дейността си; 14) всяка седмица, а при нужда и по-често търговският агент представя в Борсовия комитет циркулярни отчети за състоянието на пазарите и за своите съображения по възможните търговски сделки. Отчетите, съобщенията на агента и образците на стоки, изпратени от него, се излагат в борсовите зали за сведение на всички; 15) ако императорското посолство намери дейността на агента за незадоволителна, то трябва да се уведоми когото следва за предложение на нови кандидати за тази длъжност; 16) на Борсовото общество трябва да се даде правото да иска смяна на агента при положение, че посочи причините за това; 17) при напускане на агента той трябва да предаде всичко в изправност на своя приемник; 18) през първите пет години търговският агент получава заплата от императорското посолство³⁷.

Предложенията на А. Т. Макаров доказват категорично, че в системата на руската външна търговия трябва да се направят коренни преобразования. Без тях всяка инициатива на отделно лице или на група заинтересовани лица остава напразна. Следователно една от основните причини за незадоволителните търговски връзки между Княжество България и Русия трябва да се търси именно в системата и организацията, ако може да се говори за такава, на руските външнотърговски взаимоотношения.

А. Т. Макаров посочва още една важна причина, поради която руските търговски взаимоотношения на Изток, в частност с България, се развиват твърде мудно. Според съществуващите пощенски конвенции всички официални документални пратки и изобщо всичко значимо, изпращано по пощата за Константинопол и другите райони на Османската империя, преминава през Виена и Триест. В същото време между Русия и Цариград има непосредствена пощенска връзка, осъществявана от параходите на Руското параходно дружество, но по тази линия се пренасяли само обикновени пратки. В писмото си от 26 март Макаров съобщава на А. И. Нелидов, че докладът с предложенията за усъвършенстване на руската външна търговия също бил изпратен през Виена и Триест. „Този случай показва, че нашите пощенски сношения са свързани с голяма загуба на време, с даване на пари в полза на Австрия и с риска вместо нужните документи и вещи, понякога безценни, да имаме само правото да изискваме от Австрийското параходно ведомство чрез продължителни процедури парите съгласно направената при изпращането оценка. Съществуващият пощенски ред представлява от само себе си още една страна на неравенство в условията на конкуренцията между руските търговци и чужденците на Изток“³⁸.

През ноември 1883 г. А. Й. Мураневич прави нов опит за разширяване на търговските връзки с България. Този път той влиза в преговори с военния министър в княжеското правителство княз М. А. Кантакузин и настоява за получаване на поръчки за доставка на обмундиране и снаряжение на българската армия за 1884 г. След като си осигурява съгласието на княз Кантакузин, Мураневич влиза в преговори с редица московски фирми, като ги убеждава да вземат участие в търговете по определяне на доставчиците за българската армия. Въпреки изключителните изгоди, които предлага подобно предприятие, само три от петдесет възможни фирми проявяват известна заинтересованост: производителите на ленено платно С. И. Сенков и А. Шчербанов, доставчикът на ботуши Е. Г. Лобачов и притежателят на фабрика за сукно С. А. Казаев. Последният поставя обаче категоричното условие да предава готовото за българската армия сукно в самата Москва, на което военното министерство в София се противопоставя. Е. Г. Лобачов след дълги колебания също се отказва от участие в търга за доставка на ботуши, а от предложените видове лени платна българското военно министерство одобрява само един, поради което С. И. Сенков и А. Щербанов също се отказват от проектираната търговска операция³⁹.

А. Й. Мураневич се обръща със специално писмо и към Одеския комитет за търговия и манифактура, с което подканя участниците в него да се включат в създаването на Руско-българско търговско дружество. След проведеното заседание на 17 ноември 1883 г. комитетът отговаря, че сред неговите членове няма желаещи да сътрудничат с А. Й. Мураневич за развитие на търговията с Балканските страни. По повод на това Мураневич отбелязва: „Както вижда читателят, Одеският комитет за търговия и манифактура, в състава на който влизат изключително немци, гърци, евреи и пр., се отнесе към въпроса за руско-балканската търговия точ в точ така, както и Московският борсов комитет, имащ честта да счита своите членове за именити руски православни търговци. Къде е прехваленото руско сърце на московчани и с какво те се отличават от разноплеменните жители на „неруската“ Одеса? Не е ли срамно, че в общославянския въпрос московските търговци намират толкова интереси, колкото непричастните към славянството одески търговци?“⁴⁰

До края на 1883 г. Мураневич не се отказва и от опитите си да получи концесия за построяване на железопътна линия в направление към Свищов и Русе. В този случай той процедира като агент на П. И. Губонин. Действията му обаче срещат както неодобрението на новото българско правителство, заменило това на руските генерали, така

и съпротивата на новия дипломатически представител на Русия в Княжество България А. С. Йонин. Въпреки препоръчителните писма на Ив. С. Аксаков, представени от Мураневич на Йонин, последният заявява, че сега съвсем не било време за строеж на железопътни линии и че нито немците, нито руснаците ще получат концесии за това. Въпросът за железопътното строителство трябвало да се отложи най-малко с година, тъй като в Княжеството имало много по-важни за разрешаване въпроси. „Работата е в това, че тук намерих ужасен хаос и всичко е толкова объркано, че се наложи веднага да скъсам с миналото. Всичките тези частни, всичките тези трескави стремежи за участие в построяване на пътищата, за форсирането в развитието на търговията (която не съумяхме да създадем в началото), за преследването на староверците и т.н. пречат на нашето руско влияние“ – съобщава Йонин на Ив. Аксаков. Според него трябвало решително да се скъса с миналото, да се спре дискредитирането на Русия от самите руснаци, да се установи единство в действията на всички руски представители в Княжеството, да се възстанови влиянието на Освободителката и едва след това да се мисли по въпросите, поставени от А. Й. Мураневич⁴¹.

* * *

Многобройните опити за активизиране на руско-българските търговски връзки непосредствено след Освобождението завършват с неуспех. Причините за това са многобройни и разнопосочни, но твърдението, че „в дадения период не изостаналостта на Русия, а главно изостаналостта на България е била пречка за по-широкото развитие на българо-руските търговски връзки“⁴², едва ли може да се приеме за сериозно. Основателно възниква въпросът как тази изостаналост не пречи на Австро-Унгария, Германия, Англия, Франция и Италия, а в същото време тя е пречка единствено за Русия? Би могло да се каже, че причините за незадоволителните икономически връзки между двете страни трябва да се търсят най-вече в самата Русия.

Първата и основна причина за съществуващото положение в областта на търговията е пълната и непоклатима през годините незаинтересованост на управляващите в Петербург по този въпрос. Балканите и в частност България интересуват императорското правителство единствено като военен обект. Основна е мисълта за завземането на Проливите и тя движи дипломатическите инициативи на руското правителство по Източния въпрос⁴³.

Като следваща причина може да се посочи инертността на руските търговски кръгове, които предпочитат да получават монополни печалби, като използват държавния свръхпротекционизъм на вътрешния пазар на Русия. „Поради своята непредприемчивост и неподвижност руските търговци са по-склонни да вярват на празните слухове за неуспехите на евентуална търговия с България, които слухове се разпространяват с определена цел от някои предприемачи, вместо да се решат и проверят това сами“ – отбелязва А. Й. Мураневич⁴⁴. Отсъствието на едри капиталистически търговски фирми, които да могат сами да поемат риска от евентуално разширяване на търговските връзки със съответните последици, пречи дори на отделни ентусиасти да осъществят замислените от тях търговски операции. Самата патриархална организация на руското търговско съсловие, в което основна роля по места играе една личност, например Т. С. Морозов в Москва, се явява пречка за развитието на инициативността по разисквания въпрос.

Друга причина за слабите икономически връзки между Русия и Княжество България трябва да се търси в неконкурентоспособността на руските манифактурни стоки. По своите качества те не отстъпват на произвежданите в западните страни, но цените им са значително по-високи. Причината за това се криела, според Мураневич, във факта, „че всичко необходимо за изработване на продукта – памук, бои и машини – ние по-

лучаваме от чужбина и заплащаме високи вносни мита“. При това положение руската търговия трябвало първоначално да си пробие път в България и на Балканите с такива стоки като чай, военни принадлежности, кожени произведения, тулски изделия, керосин, спирт и др., които имали добър пазар сред южните славяни. Налагането на тези стоки щяло да отвори постепенно пътя и за руската манифактура⁴⁵. Страхът от открит сблъсък със западноевропейската търговия на балканския пазар принуждава руските производители и търговци да насочат трафика на търговията най-вече към страните от Средна и Източна Азия.

Посочените причини произтичат като цяло от недостатъчното икономическо развитие на Руската империя. Независимо от провеждането на аграрната реформа в първите 10–15 години след нея Русия все още не може да се смята за развита капиталистическа държава. Тя по същество си остава една абсолютна монархия, в която капиталистическите елементи и взаимоотношения се развиват в изкривен, поради съществуващия ред, план. По обем на производството тя може и да се доближава до някои развити капиталистически страни, но този обем не съответства нито на огромната територия, нито на човешките ѝ ресурси. Без да се отричат промените, които настъпват в Русия след 1861 г., те в никакъв случай не трябва и да се абсолютизират.

Що се отнася до Княжество България, на него едва ли може да му се приписва решаваща роля за развитието или забавянето на търговските взаимоотношения с Русия. Поставено в неравноправно положение от Берлинския договор, то е принудено да се съобразява с неговите клаузи. В моментите, когато се забелязва активизиране от страна на руските търговци и предприемачи, българското правителство и княз Александър Батенберг правят необходимото за оживяване на икономическите връзки между двете страни. Новата митническа тарифа, изработена от българска страна през лятото на 1882 г., е красноречиво доказателство за поведението и желанията на българите, но те не са в състояние да променят интензивността на търговските връзки с Русия.

¹ Радев, С. Строителите на съвременна България. Т. 2. Регентството. С., 1973; Татищев, С. С. Россия и Болгария. Историческая справка. – В: Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1980, 450–470; Панайотов, Ив. Русия, Великите сили и българският въпрос след избора на княз Фердинанд (1886–1896). С., 1941, 105–114; Топалов, П. Борбата на българския народ за демократично устройство и независимост на България (1878–1894). – Исторически преглед, 1945, № 4–5, с. 473 и др.

² Джасунов, В. Търговските ни връзки с Русия. – Народно стопанство, 1909, № 19–20, 1–8; Златарев, Ив. За търговските връзки на България със славянските земи и ролята на търговските камари в засилването на тия връзки. – В: Сб. Втори подготвителен славянски събор в София. С., 1911, с. 94; Косев, Д. Началото на антируската политика на българската едра буржоазия и П. Р. Славейков. – Исторически преглед, 1948, № 2, 167–171; Хаджиниколов, В. Стопански отношения и връзки между България и Съветския съюз до Девети септември (1917–1944 г.). С., 1956, 28–42; Мартиненко, А. К. Русско-българские отношения в 1891–1902 гг. К., 1967, 88–118; Горанов, П. По проблема за икономическото осигуряване на руското политическо влияние в Княжество България (1879–1896 г.). – В: Летопис на дружбата. Т. 8. С., 1981, 348–384.

³ Джасунов, В. Цит. съч., 3–8; Златарев, Ив. Цит. съч., с. 94; Влахов, Т. Външната политика на Фердинанд и Балканския съюз. – Исторически преглед, 1948, № 4–5, с. 242.

⁴ Хаджиниколов, В. Цит. съч., с. 34; Тази теза поддържа и П. Горанов. Цит. съч., с. 354 и сл.

⁵ Пак там, с. 353.

⁶ Сборник узаконения и разпоряжения Правителства. СПб., 1881, № 43; Правительственный вестник, № 93, 30 апр. 1881 г.

⁷ Леонтьев, К. Письма о восточных делах. – В: Восток, Россия и Славянство: сборник статей. Т. 1. М., 1885, с. 238.

⁸ *Муравенич, А. Й.* Русско-балканский торговый вопрос и некоторые полезные для путешественника сведения о наиболее важных путях сообщения по Балкану, о главных пунктах Болгарии, Восточной Румелии, Сербии, Румынии. М., 1885.

⁹ А. Т. Макаров взема дейно участие в обмундирането на българското опълчение и по решение на Московския славянски комитет от 21 ноември 1876 г. е назначен за завеждащ вещевия склад в Унгени, където се съхраняват готовото облекло и снаряжението за опълчението. Вж.: *Стоянов, Ив.* Дейността на Московския славянски комитет по обмундирането на българското опълчение. – Военноисторически сборник, 1987, кн. 3, 54–55.

¹⁰ Институт русской литературы (Пушкинский дом) – Рукописный отдел (по-нататък ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, (Аксаковых, С. Т., К. С., И. С.), оп. 5, ед. хр. 4, л. 28–40.

¹¹ Българската държавност в актове и документи. С., 1981, с. 209.

¹² Външната политика на България. Т. 1. С., 1978, № 166, с. 356.

¹³ Дневник Д. А. Милютина 1878–1880. Т. 3. М., 1950, 276–277.

¹⁴ Дневник Д. А. Милютина 1881–1882. Т. 4. М., 1950, с. 42.

¹⁵ *Тодорова, Цв.* Отново за „преврата“ през 1881 г. и режима на пълномощията. – В: ИБИД, т. XXXV, 106–107.

¹⁶ Научен архив на Института за история на БАН (по-нататък НАИИ БАН), ахр. нол. IX, оп. 3, а. е. 75, приложение В; *Тодорова, Цв.* Цит. съч., с. 108.

¹⁷ Русские ведомости, № 315, 21 ноем. 1881 г.

¹⁸ *Мураневич, А. Й.* Цит. съч., 59–60.

¹⁹ Московские ведомости, № 114, 26 апр. 1883 г.

²⁰ *Мураневич, А. Й.* Цит. съч., с. 64.

²¹ Пак там, с. 69; ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, оп. 5, ед. хр. 4, л. 28.

²² *Тодорова, Цв.* Цит. съч., с. 117.

²³ Външната политика на България. Т. 1., с. 356; ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, оп. 5, ед. хр. 4, л. 28.

²⁴ Пак там, л. 32.

²⁵ Пак там, л. 33.

²⁶ Пак там.

²⁷ Пак там, л. 28.

²⁸ *Мураневич, А. Й.* Цит. съч., 71–72.

²⁹ Пак там, 74–75.

³⁰ *Тодорова, Цв.* Цит. съч., с. 118.

³¹ Красный архив, 1931, т. III (46), с. 185.

³² *Мураневич, А. Й.* Цит. съч., 79–83.

³³ Пак там, с. 84.

³⁴ Е. Ф. Канкрин (1774–1845), граф, министър на финансите през 1823–1844 г. Провежда финансовата реформа през 1839–1843 г., при която въвежда сребърната рубла като основна парична единица и налага задължителен курс на асигнация. Укрепва финансите на Русия.

³⁵ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, оп. 5, ед. хр. 4, л. 34.

³⁶ Пак там, л. 35.

³⁷ Пак там, л. 36–39.

³⁸ Пак там, л. 40.

³⁹ *Мураневич, А. Й.* Цит. съч., 87–89.

⁴⁰ Пак там, 100–101.

⁴¹ ИРЛИ (Пушкинский дом) – РО, ф. 3, оп. 45, ед. хр. 245, л. 10–11, А. С. Йонин от София, 1/13 септември 1883 до Ив. Аксаков в Москва.

⁴² *Горанов, П.* Цит. съч., с. 369.

⁴³ Вж.: Красный архив, 1931, т. III (46), с. 185; Русь, № 24, 15 дек. 1884; Российская национальная библиотека – Санкт-Петербург, ф. 14 (Аксакова, И. С.), ед. хр. 331 и др.

⁴⁴ *Мураневич, А. Й.* Цит. съч., с. 103.

⁴⁵ Пак там, с. 104.

Д. В. Миколенко

ПОЛІТИЧНА ОПОЗИЦІЯ В БОЛГАРІЇ ЗА ЧАСІВ ПРЕМ'ЄРСТВА СТЕФАНА СТАМБОЛОВА (1887–1894)

Середина 80-х років XIX століття ознаменувалася бурхливими подіями в Болгарії. Приєднання до Князівства Східної Румелії (1885), війна з Сербією (1885), переворот та відсторонення від влади князя Александра Батенберга (1886), контрпереворот і розрив дипломатичних відносин з Росією (1886 р.), «русофільський» бунт в Русе (1887) – все це спричинило перегрупування політичних сил в країні. Впливова на початку болгарської незалежності Консервативна партія фактично припинила свою діяльність; ліберали ж утворили кілька угруповань, які згодом трансформувалися у конкурентів. З обранням Фердинанда Сакс-Кобург-Готського князем Болгарії (7 липня 1887 р.) та створенням уряду на чолі зі Стефаном Стамболовим (20 серпня 1887 р.) остаточно оформилася й опозиція новій владі. Її представляли соціалісти, «помірковані» ліберали на чолі з Д. Цанковим, прибічники П. Каравелова, південноболгарські «з'єдністи», прихильники політики В. Радославова, а також дехто з колишніх консерваторів (К. Стоїлов, Г. Начович та інші).

Діяльність опозиції в Болгарії за часів прем'єрства С. Стамболова практично не представлена в історіографії СРСР та НРБ – дослідники головну увагу приділяли соціалістам. Недостатньо висвітлена тема і в роботах сучасних українських та російських авторів. Існують лише побіжні згадування про неї у загальній літературі та працях, присвячених іншій тематиці¹. Сучасні ж болгарські історики розглянули різні аспекти окресленої нами теми², але й на сьогодні відсутні узагальнюючі роботи, де б комплексно аналізувалося місце опозиції у політичній системі країни 1887–1894 років її ідеологічні засади та критика заходів уряду.

Наприкінці XIX ст. статус опозиції в Болгарії не визначався окремим законом, проте основні конституційні права і свободи (слова, зборів тощо) давали їй можливість виконувати свою головну функцію – контролювати роботу влади. Натомість голова уряду С. Стамболов, не скасовуючи Тирновської конституції, вдавався до переслідування політичних опонентів. Протягом 1887–1890 років влада методично вела боротьбу проти будь-яких проявів критики та незадоволення з боку опозиції. Як наслідок, протягом 1891–1892 років у Болгарії встановився авторитарний режим прем'єр-міністра. У цей період спочатку «цанковісти», потім південноболгарські «з'єдністи» повністю припинили свою діяльність. Згодом така ж доля спіткала і «каравелістів». «Радаславовісти» ж, втративши можливість видавати газету «Народні права», поводитися надзвичайно стримано. І тільки 1893 року опозиція в Болгарії відновила свою активність. Неформальним її лідером став князь Фердинанд, який намагався зміцнити своє положення в державі, відсторонивши на другий план прем'єра С. Стамболова. Нову об'єднану легальну опозицію уособлювали керівники Ліберального клубу – доктор В. Радославов, Д. Тончев, а також колишні прибічники голови уряду – доктор Г. Странскі, Г. Начович та інші. Саме тоді розпочинається видавництво критично налаштованих до влади газет – «Свободно слово», «Черно море», «Прогрес».

Таким чином, упродовж правління уряду С. Стамболова опозиція в Болгарії була розпорошеною. Кожне з угруповань мало власну програму щодо подальшого розвитку

країни та по-різному уявляло тактику боротьби. Лише 1893 року опоненти влади змогли створити коаліцію. Проте повноцінної, критично налаштованої до уряду партії до середини 1890-х років не існувало. Метою даної статті є аналіз діяльності опозиційних угруповань в Болгарії під час прем'єрства С. Стамболова. Завданнями – розгляд їхніх програм та критичних зауважень на адресу уряду; порівняння ідеологічних засад і методів боротьби за владу «радославівців», «цанковівців», «каравелівців», «з'єднівців» та окремих постатей тогочасного болгарського політикуму, а також представлення нової диференціації опозиції згідно з її ставленням до влади.

В епоху правління С. Стамболова «каравелісти» – прямі нащадки старої Ліберальної партії, створеної на зорі болгарської незалежності, відстоювали необхідність тісного співробітництва з Росією. Вони вважали за необхідне відновити дипломатичні відносини з Санкт-Петербургом. П. Каравелов вважав, що орієнтація на Австро-Угорщину є «неможливою з причини невирішеного македонського питання»³. Відень, на думку політика, був не зацікавлений у приєднанні Македонії до Болгарії; Росія ж, навпаки, прагнула зміцнення болгарської держави, отже, могла стати вигідним партнером. Така політична позиція визначала ставлення П. Каравелова до князя й уряду С. Стамболова. «Каравелісти» неодноразово звинувачували прем'єра у проавстрійській орієнтації й застерігали, що обрання Фердинанда на болгарський престол зруйнує добрі стосунки Софії з зовнішнім світом: «Кожна країна, яка підписала Берлінський трактат, визнала Кобурга незаконним князем та припинила будь-які дипломатичні відносини з його урядом»⁴.

Враховуючи жорсткі умови політичного режиму в країні, болгарський дослідник Д. Саздов вважає, що дії П. Каравелова були позбавлені кон'юнктурних міркувань і диктувалися тверезою оцінкою політичного майбутнього країни. Для цього політика саме національні інтереси мали визначати зовнішньополітичну орієнтацію, а не навпаки. Так, 1885 року, перебуваючи на посаді голови Ради міністрів, П. Каравелов зважився на загострення стосунків з Російською імперією, сприяючи приєднанню Східної Румелії до Князівства.

Проте зовнішню політику С. Стамболова не варто однозначно оцінювати як проавстрійську. В умовах негативного ставлення до нової болгарської влади з боку практично всіх великих держав прем'єр-міністр перебував у пошуку опори на міжнародній арені, а Відень виявився чи не першим, хто пішов на зближення. Критика уряду і князя за відверті загравання з Австро-Угорщиною давала можливість «каравелістам» заручитися підтримкою більшості населення країни, адже болгари продовжували симпатизувати Росії. При цьому досвідчений політик П. Каравелов чудово розумів, що Санкт-Петербург на той час був зацікавлений у збереженні статус-кво на Балканах і не збирався сприяти вирішенню македонського питання на користь Софії. Отже, позиція «каравелівців» не була позбавлена популярності. Їхній лідер брав активну участь у боротьбі за владу, тому не втрачав жодної можливості для критики уряду.

У серпні 1887 року в країні розпочалася підготовка до парламентських виборів, яка проходила в умовах поліцейського терору. Влада уважно спостерігала за лідерами опозиції та найактивнішими провінційними осередками нелояльних до неї політичних сил. С. Стамболов особисто давав суворі настанови окружним управителям і околіїним начальникам: «Треба наглядати за різними агітаторами, а під час виборів ні за яких обставин не слід втручатися»⁵.

У вересні група агентів уряду, організована відомими «стамболовістами» Д. Петковим і З. Стояновим, здійснила напад на помешкання лідера «каравелівців» та на типографію К. Кушлева, де планувалося видавництво газети «Тирновська конституція». П. Каравелов змушений був відмовитися від наміру відновити її випуск напередодні виборів, тому не зміг вдало провести передвиборчу кампанію.

Влада доклала чимало зусиль для того, щоб кандидати від опозиції не пройшли до V Звичайних народних зборів та місцевих окружних і міських рад, вдаючись до різного роду фальсифікацій на користь проурядових політиків. На знак протесту в деяких околицях 90 % виборців відмовилися голосувати. У такій ситуації «каравелісти» досягли незначного успіху лише у кількох містах, де вони діяли в коаліції з іншими політичними силами. За результатами голосування 27 вересня 1887 року членами парламенту стали лише три кандидати від угруповання П. Каравелова – Ц. Цанков, І. Червенков, Ц. Добрев, які представляли місто Габрово. Проте ці депутати не вдавалися до суперечок з урядом, підтримуючи всі заходи «стамболовістів» у парламенті⁶.

Зазнавши поразки, П. Каравелов та його прибічники продовжили опозиційну діяльність. Вони розпочали використовувати нові форми боротьби проти режиму. Так, 5 листопада 1887 року П. Славейков у відкритому листі виступив зі звинуваченнями на адресу князя у порушенні ним статей Тирновської конституції, заявивши, що голова держави править на свій розсуд та не зважає на гарантовані Основним законом демократичні свободи. Реакція на звернення не забарилася. Вже 29 грудня набув чинності новий закон про пресу, що передбачав санкції проти тих, хто своїми публікаціями «порушував зовнішню і внутрішню безпеку держави та особисту безпеку князя»⁷. Але це тільки підштовхнуло «каравелістів» до рішучих дій. 22 лютого 1888 року ними було надруковано перший номер відновленої газети «Тирновська конституція», головним редактором якої став син П. Славейкова Іван.

У номері від 25 березня П. Каравелов представив своє бачення відносин Болгарії з Росією: «Добрі, щирі й дружні стосунки, основані на довірі та взаємних інтересах»⁸. Він висунув ідею про необхідність скликання чергових Великих народних зборів, котрі «виженуть Фердинанда з країни» і таким чином знову зближать Софію й Санкт-Петербург. Така позиція лідера «каравелістів» стимулювалася декларацією російського уряду, де болгарський князь розглядався як узурпатор, а політика кабінету С. Стамболова називалася відверто проавстрійською.

У «Тирновській конституції» жорстко критикувалися всі прояви режиму «стамболовістів». На шпальтах газети постійно з'являлися звинувачення кабінету міністрів у порушенні громадянських прав і свобод; викривалися популізм і тенденційність публікацій провладної «Свободи»; розглядалися питання, які відверто дискредитували політику уряду. Друкований орган «каравелістів» звертав увагу громадськості на прорахунки С. Стамболова у спробах вирішити македонське питання: його безсилля під час лобювання вигідного Болгарії у стратегічному відношенні проекту будівництва залізничної колії Ніш – Скоп'є та безуспішні намагання включити до складу Екзархату всі македонські вілаєти Османської імперії. Тоді ж «Тирновська конституція» публікує серію сатиричних фейлетонів С. Каравелової – дружини лідера угруповання, у яких викривалися недоліки стамболовістського правління.

У Тирновському окрузі з «каравелістами» співпрацював Т. Кітанчев. Як народний представник V Звичайних народних зборів, він не втрачав жодної можливості для критики уряду, відстоюючи конституційні принципи. Не схвалював Т. Кітанчев і зовнішньополітичний курс «стамболовістів»: «Для нас краще бути у дружніх стосунках з Росією, ніж у недружніх. Необхідно постійно шукати шляхи подолання сьогоднішніх непорозумінь...»⁹.

На початку 1888 року Т. Кітанчев вів публічну дискусію з кметом міста Велико Тирново – впливовим «стамболовістом» П. Славковим. Прибічник П. Каравелова доводив, що заходи уряду щодо обмеження свободи думки у гімназіях необхідно скасувати, а вчителів, які зазнали репресій, виправдати. Пізніше Т. Кітанчев остаточно перейшов до лав «каравелістів», ставши одним із найпопулярніших і найяскравіших опозиційних діячів.

Кабінет С. Стамболова не жалкував коштів і сил у боротьбі проти ідейних натхненників опозиції. Влада ще на початковій стадії намагалася покласти край полеміці, що виникала на сторінках преси та могла спричинити протистояння у суспільстві. Взимку 1888 року у проурядовій газеті «Свобода» були оприлюднені статті, у яких «каравелістів» зображали у негативному ракурсі. «П. Каравелову слід займатися не видавництвом газет, а тягати кайдани у Чорній мечеті»¹⁰, – пише З. Стоянов. Проти головного редактора опозиційного часопису розпочинаються безперервні судові процеси, на видавництво накладаються чисельні штрафи. І. Славейкова звинувачували в «розповсюдженні неправдивої інформації про відносини між С. Стамболовим і німецьким канцлером Отто фон Бісмарком» та «образі міністра народної освіти Г. Живкова»¹¹. У квітні журналіста було засуджено до п'яти місяців ув'язнення.

Згодом «каравелісти» призначили нового головного редактора – А. Георгієва і продовжили боротьбу. Але вже після публікації першого номера газети під його керівництвом журналісту інкримінували «наклеп на начальника Панагюрської околії та образу Князя і міністрів»¹². Тоді ж на типографію К. Кушлева було здійснено черговий напад. У липні 1888 року «ліберали-каравелісти» припинили видавництво своєї газети. Але П. Славейков не змирився з таким рішенням, опублікувавши 15 грудня перший і останній номер нової газети «Правда», де було представлено гостру сатиру на діючий режим. Слова пісні «Становище» та інші матеріали, надруковані в ньому, читачі запам'ятали надовго.

Влітку 1888 р. у Софії «каравелісти» разом з опозиційно налаштованою інтелігенцією столиці та представниками інших політичних угруповань організували «Товариство з розповсюдження корисних знань серед народу і розвитку у нього смаку», яке згодом започаткувало видавництво газети «Бібліотека «Святий Климент» (1888–1891). Серед членів товариства було чимало відомих постатей – П. Каравелов, Д. Моллов, І. Гешов, С. Костов, Д. Мішев, А. Константінов, Т. Влайков, С. Михайловські, П. Славейков, К. Велічков.

«Бібліотека «Святий Климент» на своїх сторінках публікувала у перекладі твори російських письменників, популяризувала твори молодих болгарських авторів, у завуальованій формі критикувала режим. Наприклад, в одному з номерів видання було надруковано відомий виступ В. Гюго у французькому парламенті 1850 року, де він говорить про свободу слова та її велике значення у прогресивному суспільстві»¹³.

Отже, після припинення видавництва газети «Гирновска конституція» столичні «каравелісти» суттєво зменшили тиск на владу, зосередившись на просвітницькій діяльності. Доволі інертно поводити себе і провінційні осередки. Здебільшого вони діяли стихійно, подекуди співпрацювали з іншими угрупованнями, при цьому часто-густо не узгоджували свої заходи й ініціативи з центральним керівництвом політичної сили. Передвиборча кампанія 1890 р. завершилася для прихильників П. Каравелова невдачею – за її результатами жоден із них не отримав депутатського мандату до VI Звичайних народних зборів»¹⁴.

Активність напередодні виборів спостерігалася лише у деяких місцях. Наприклад, у Відині Н. Цанов, Г. Добрінов, А. Філіпов, І. Георгов, М. Златанов разом з соціалістами Д. Благоєва проводили антиурядову пропаганду»¹⁵. Враховуючи реалії жорсткого авторитарного режиму та всілякі утиски з боку влади, Н. Цанов зі своїми прибічниками обрали специфічну тактику – «таємну агітацію» серед неможливих верств суспільства. Подібні заходи мали неабиякий успіх – опозицію підтримала значна частина населення. Тільки за допомогою фальсифікацій владі вдалося позбавити Н. Цанова і Г. Добрінова депутатських мандатів. У місті Лом «каравелісти» А. Ангелов і К. Арсенієв зуміли об'єднати чимало представників інтелігенції. Помешкання А. Ангелова перетворилося на опозиційний клуб, що займався агітацією проти режиму та збиранням коштів для видавництва «Бібліотеки «Св. Климента»»¹⁶.

15 березня 1891 року неподалік від будинку П. Каравелова було вбито міністра фінансів Х. Белчева. Поліції так і не вдалося знайти безпосередніх виконавців злочину. Це

стало зручним приводом для С. Стамболова розпочати нову хвилю репресій проти своїх політичних опонентів. До кола підозрюваних потрапив сам П. Каравелов, його соратники К. Арсенієв, Т. Кітанчев, Т. Георгієв, Г. Бенковські, І. Гергієв та представники інших опозиційних угруповань. Влітку 1892 року розпочався судовий процес у справі про «змову з метою скоєння вбивства Його Царської Величності Князя і прем'єр-міністра Стамболова та вбивство міністра Белчева». Всього на лаві підсудних опинилося вісімнадцять осіб. Відомий юрист і політик К. Стоїлов, незважаючи на особисті прохання Є. Каравелової представляти інтереси її чоловіка у суді, відмовився стати адвокатом підозрюваного, остерегаючись репресій. Замість нього було призначено недосвідченого А. Константінова¹⁷.

Всупереч відсутності обґрунтованих доказів, спеціально призначений військово-польовий суд виніс смертні вироки «русофілам» С. Міларову, К. Попову, Т. Георгієву, А. Карагюлеву. П. Каравелова було засуджено до п'яти років позбавлення волі, Т. Кітанчева та І. Гергієва – до трьох. Усіх їх звинуватили в участі у спробі змінити існуючий державний лад.

Інших відомих «каравелістів» – К. Арсенієва, С. Арсенієва, М. Обретенова було відправлено у заслання до міста Лом під жорсткий поліцейський нагляд. Столицю залишила і Є. Каравелова, яка аж до падіння режиму С. Стамболова мешкала у місті Русе. На цьому переслідування «каравелістів» не припинилися. Так, у Варні без об'єктивних на те причин було заарештовано П. Кірякова, І. Мітева, Х. Трипкова. Лише в кінці 1892 року їх звільнили з-під варті, знявши всі звинувачення.

Таким чином, діяльність «каравелістів» була зведена нанівець. Не відродилася вона навіть у 1893 році, коли було створено «об'єднану опозицію». І тільки після відставки уряду «стамболовістів» 1894 року прибічники П. Каравелова відновили свою діяльність.

Репресій та переслідувань з боку влади зазнали і проросійськи налаштовані консерватори, хоча вони й утримувалися на той час від активної політичної боротьби. Прикладом може служити побиття Т. Бурмова прибічниками С. Стамболова на пловдивському вокзалі¹⁸. Інший консерватор – Т. Ікономов, побоюючись переслідувань, змушений був перебратися до міста Шумен, де 1892 року покінчив життя самогубством за дивних обставин. В. Друмева (Климента Тирновського) 1893 року ізолювали у Петропавлівському, а згодом у Гложенському монастирі.

Ще одне опозиційне угруповання, яке виділилося у самостійну політичну силу в 1884 році, представляли прихильники Д. Цанкова, більша частина яких після контрперевороту 1886 року та відсторонення з посади прем'єра їхнього лідера змушена була залишити Болгарію. Сам Д. Цанков перебрався до Санкт-Петербурга, А. Людсканов – до Стамбула. Інші – М. Балабанов, Д. Моллов, М. Сарафов – залишились у Болгарії, проте утримувалися від активної політичної діяльності. За кордоном «цанковісти» підтримували тісні контакти з проросійськи налаштованими офіцерами – майором П. Груєвим, капітанами А. Бендерьовим, Р. Дімітрієвим та іншими учасниками контрперевороту і бунту в місті Русе 1887 року, котрі також перебували в еміграції. Відповідальною за розрив дипломатичних відносин з Росією лідери угруповання вважали нову владу в Болгарії, не визнаючи князя Фердинанда легітимним головою держави.

На батьківщині «цанковісти» через постійну загрозу репресій не мали змоги повноцінно проводити агітаційну роботу, публікувати свої газети та організувати масштабні акції. Проте завдяки раніш здобутому власному авторитету, за результатами виборів до V Звичайних народних зборів шестеро з них отримали депутатські мандати – В. Ніколчев, Я. Геров, Т. Мішевські (балотувалися від Бялої Слатіни), Д. Вилчев (від Горної Оряховиці), Т. Тоторов (від Оряхово), Ф. Симидов (від Рахово). Проте ці депутати не позиціонували себе як опозиція і невдовзі «загубилися» у парламенті серед домінуючої більшості «стамболовістів». Чимало авторитетних прибічників на місцях дуже швидко змінили своє політичне забарвлення. Так, напередодні виборів до VI Звичайних народних

зборів торговель С. Іванов, представник Горної Митрополії, перейшов до лав «стамболовістів». За результатами виборів 1890 року жодного «цанковіста» не було обрано до парламенту. У VII Звичайних народних зборах «цанковістів» представляли лише двоє депутатів – Д. Спісаревські, який балотувався від Добрича, та Л. Дуков – від Провадії¹⁹.

Перебуваючи за кордоном, «цанковісти» намагалися вплинути на думку європейської громадськості, критикуючи політику «стамболовістів». Д. Цанков та його прибічники гостро засуджували зовнішньополітичний курс уряду (на їхню думку – антиросійський), а також підтримували небажання Санкт-Петербурга бачити на чолі держави Фердинанда. Не маючи можливості легально повернутися до влади, «цанковісти» розпочали підготовку терористичних акцій проти Фердинанда, С. Стамболова та деяких інших урядовців. Мотивом для цього стала необхідність усунення від влади в Болгарії людей, які заважають зближенню з Росією. Це підтверджують записи С. Міларова – одного із фігурантів справи про «змову з метою скоєння вбивства Його Царської Величності Князя і прем'єр-міністра Стамболова та вбивство міністра Белчева», де прямо вказувалося, що Д. Цанков особисто давав завдання своїм прихильникам знищити прем'єра і князя²⁰. Проте політичні вбивства міністра Х. Белчева (1891) і болгарського дипломатичного агента у Стамбулі доктора Г. Вилковича (1892) не налагодили стосунки Софії з Санкт-Петербургом та не розв'язали протиріччя між «русофілами» і «русофобами». Більш того, терор викликав хвилю репресій проти опозиції в країні, негативно вплинув на взаємовідносини Болгарії з Османською імперією та ускладнив контакти з іноземними дипломатичними представниками у Стамбулі. «Вбивство Вилковича, – пише начальник стенографічного бюро Народних зборів Х. Попконстантинов, – справило надзвичайно негативне враження на всю громадськість. Немає жодних сумнівів, що вбивство є політичним, адже всі достатньо обізнані про погані стосунки між Вилковичем і росіянами...»²¹

Засуджував Д. Цанков також і зближення уряду С. Стамболова з Болгарським екзархатом. Вирішення національного питання він пов'язував з політикою Росії – країною, яка, на його думку, була зацікавлена у посиленні Болгарії і послабленні Туреччини. Д. Цанков вважав недієвими підтримку урядом С. Стамболова спроб Екзархату зберегти й розвинути болгарську національну свідомість серед населення області та намагання знайти компроміс з Портою.

Отже, вирішення македонського питання «цанковісти» ставили у залежність від бажання Санкт-Петербурга; та й взагалі під час правління уряду С. Стамболова це угруповання перетворилося на знаряддя російської політики. При цьому «цанковісти» разом з «каравелістами» і «стамболовістами» включилися у загальну боротьбу за збереження болгарського національного характеру Македонії і Фракії й виступили проти зазіхань на ці землі Сербії та Греції. Після того, як наприкінці 1889 року у додатках до «Русско-славянського календаря» з'явилася теза, що на території Македонії «проживає особливий слов'янський народець»²², за ініціативою Д. Цанкова та сприяння професора Харківського університету М. Дринова було розроблено, а згодом опубліковано у газеті «Славянские известия» «Заяву болгарських емігрантів», де наводилися аргументи на користь домінування в області болгарського етносу.

Разом з відомими вченими, письменниками і політичними діячами Російської імперії «цанковісти» взяли участь в організації та проведенні зборів Петербурзького слов'янського благодійного товариства. На засіданні, що розпочалося 22 січня 1890 року, розглядалося питання про етнографічні, географічні та історичні кордони Македонії. «Цанковісти» послідовно відстоювали тезу про болгарський національний характер західної частини області. Вони відкидали всі проекти поділу Македонії та вкрай негативно ставилися до сербських зазіхань на цю територію²³.

Перебуваючи в еміграції, капітан А. Бендерьов розробив свою концепцію вирішення національного питання на Балканах, запропонувавши проект створення федерації під скіпетром правлячої у Сербії королівської династії. Згідно з ним, князем Болгарії мав бути обраний спадкоємець сербського престолу Александр Обренович, а до його повноліття країною повинна управляти регентська рада. Планувалося також підписати митний союз з Сербією та воєнну конвенцію з Росією, розробити спільний основний закон, включити Македонію до складу федерації як рівноправного члена.

Проект А. Бендерьова знайшов підтримку у професора М. Дринова і Д. Цанкова та започаткував ідею південнослов'янської федерації під покровительством Російської імперії. Таке вирішення національного питання на Балканах, запропоноване «цанковістами», стало альтернативою зовнішній політиці уряду С. Стамболова. Проте ці плани мали обмежені можливості для реалізації, адже, перебуваючи за кордоном та в політичній ізоляції, угруповання було позбавлене можливостей широкої популяризації своїх проектів серед населення Болгарії²⁴.

На відміну від «каравелістів» і «цанковістів», угруповання, котре очолював В. Радославов, визнавало Фердинанда Сакс-Кобург-Готського головою держави. Діяльність цієї політичної сили, створеної за часів прем'єрства її лідера у липні 1886 року, зводилася до критики політики уряду та намагання підтримувати будь-які ініціативи князя, від якого вони розраховували за сприятливих обставин отримати владу. «Радославовісти» намагалися позбутись прізвиська «русифобі», наданого їм іншими опозиційними силами, та декларували необхідність розвитку добрих відносин з усіма великими державами. З 1893 року вони почали виступати за відновлення дипломатичних відносин з Росією, розірваних у листопаді 1886 року.

Саме прибічники В. Радославова склали основну конкуренцію проурядовій партії під час трьох передвиборчих кампаній²⁵. 1887 року їм вдалося делегувати до V Звичайних народних зборів 39 своїх представників, 1890 року – 7 депутатів (VI ЗНЗ), 1893 року – 8 (VII ЗНЗ). Кожного разу вони створювали другу за чисельністю фракцію, проте не чинили серйозного спротиву проурядовим депутатам у прийнятті ними необхідних для виконавчої влади законів²⁶.

На шпальтах газети «Народні права» «стамболовістів» критикували за їхні методи управління державою та звертали увагу громадськості на велику кількість порушення конституції під час обрання депутатів парламенту: «Останні вибори [додаткові 1888 р.] провели жандарми, переодягнені у селян»²⁷. Цей факт яскраво змальовує тогочасні «демократичні» процеси в країні. «Уряду необхідно більше уваги зосереджувати на економічному становищі держави, адже країна виснажена»²⁸, – підкреслювали «Народні права», натякаючи на те, що влада лише розводить демагогію та намагається дискредитувати своїх політичних опонентів.

«Радославовісти», як і уряд С. Стамболова, виступали за об'єднання держави в рамках «Сан-Стефанської» Болгарії. На їхню думку, національне питання треба вирішувати шляхом воєнних дій, але спочатку необхідно використати всі мирні дипломатичні заходи у розрахунок на сприяння великих держав, що підписали Берлінський трактат. Та все ж деякі заходи уряду «радославовісти» не схвалювали. Так, наприклад, вони досить критично поставились до співпраці болгарської влади і Екзархату у 1888 році, охарактеризувавши її, як «сльози бездіяльності», що негативно позначились на становищі населення Македонії і Фракії. Опозиціонери звинувачували «стамболовістів» у непослідовній політиці стосовно вирішення національного питання та у свідомому загостренні відносин з Туреччиною, хоча раніше виступали проти лояльної політики щодо Порти. Причину цього «радославовісти» вбачали у «поганому впливі» Австро-Угорщини на країну. На їхню думку, влада своїми діями нерозумно провокувала війну з Туреччиною, хоча насправді уряд С. Стамболова був далекий від планів щодо збройного конфлікту будь з ким²⁹.

Лідери угруповання навмисно акцентували увагу громадськості на протиріччях між Софією і Віднем стосовно долі Македонії. Вони неодноразово вдавалися до демагогії, то вказуючи на незадоволення Австро-Угорщини, то засуджуючи твердий курс С. Стамболова на збереження національного болгарського характеру області. Ними підкреслювалося, що саме Відень підігриває амбіції Белграда в Македонії. Крім того, «радославовісти» були незадоволені австро-угорською монополією на постачання зброї болгарській армії, зазначаючи, що економічне просування Габсбурзької імперії на Балкани і Схід може зашкодити реалізації національних інтересів³⁰.

Зовсім інакше відреагували «радославовісти» на проведену урядом 1890 року чергову дипломатичну акцію щодо вирішення національного питання. Направлена Туреччині нота була схвалена громадськістю й опозицією. Змінилося і ставлення угруповання до Османської імперії. Гострий, цинічний тон їхньої газети по відношенню до Стамбулу змінився на більш стриманий, схожий на урядовий. Подібна позиція «радославовістів» пояснюється близькістю поглядів зі «стамболовістами» щодо македонської проблеми³¹.

Ліберали-«радославовісти» називали безпідставними зазіхання Греції і Сербії на Македонію. «Народні права» часто коментували зухвалі, на їхню думку, висловлювання відомих політиків цих країн, у яких відображалися претензії на територію області, та намагалися їх спростувати. Проте, коли уряд С. Стамболова спробував домовитися з Атеною і Белградом про спільні дії проти Туреччини, «радославовісти» підтримали такі заходи уряду, не сприймаючи це як передумову розподілу Македонії. Водночас лідери угруповання відкидали ідею французького публіциста Еміля де Левеле про створення балканської конфедерації на базі сербсько-болгарського зближення.

Отже, «радославовісти» були прихильниками безкомпромісної політики у національному питанні, що обумовлювалась амбіціями князя Фердинанда, кардинально не відрізняючись від «стамболовіської». Вони досить тверезо оцінювали міжнародну ситуацію на Балканах наприкінці XIX століття. «Тяжка доля у народів Балканського півострова, – пишуть «Народні права», – знаходячись між двома могутніми державами [Австро-Угорщиною і Росією] з протилежними інтересами і цілями, вони приречені підтримувати то одну, то іншу сторону, наражаючись на небезпеку втратити державну незалежність»³².

1891 року у зв'язку з посиленням авторитарного режиму в країні «радославовісти» змушені були на два роки призупинити видавництво газети «Народні права» і свою опозиційну діяльність. Лише 1893 року вони разом з колишніми консерваторами Г. Начовичем (дипломат, міністр фінансів уряду С. Стамболова, з 1892 року в опозиції) і К. Стоїловим (попередній прем'єр, адвокат, з 1888 року в опозиції), а також «з'єдністами» І. Гешовим і В. Велчевим створили об'єднану опозицію й започаткували видавництво газети «Свободно слово». Ця коаліція розраховувала на те, що голова держави своїм указом звільнить С. Стамболова з посади прем'єра: «Князь не може бути байдужим до боротьби уряду і опозиції. Він своєю рукою має покласти край внутрішній тиранії. Нагородою йому за це стане народна любов»³³.

Час від часу об'єднана опозиція звинувачувала прем'єра у порушенні конституції: «У державі відсутня свобода слова, а Стамболов стверджує про свою вірність букві основного закону. У нас існує стаття 79, проте уряд проводить обшук приміщення Ліберального клубу»³⁴. «Сьогодні нами продовжують керувати «по-султанськи»»³⁵, – зазначають журналісти «Свободно слово». Економічна політика «стамболовістів» також зазнавала критики: «Сьогодні уряд бере кредити для будівництва залізничних колій, доріг і портів. При цьому приймає дефіцитний бюджет і, таким чином, змушує наступну Раду міністрів дбати про нові кредити»³⁶. Що ж стосується зовнішньої політики, то, на думку опозиції, добрі відносини Болгарії і Туреччини, встановлені під час прем'єрства С. Стамболова, були заслугою вже покійного на той час Г. Вилковича, а не прем'єра, який «не доклав до цього жодних зусиль»³⁷.

Згодом на шпальтах «Свободно слово» уряд було звинувачено у зраді народних інтересів, підлабузництві по відношенню до Порти і великих держав. Негативної оцінки дістали дипломатичні акції влади, спрямовані на збереження болгарських шкіл у Македонії: «У султана необхідно шукати не милості, а просто вимагати встановлення природного порядку й рівних умов для болгарських, турецьких шкіл, як і для сербських та грецьких»³⁸.

Слід зазначити, що де-факто уряд відстоював саме цей принцип, але опозиція відмовлялася визнавати подібні реалії. Крім того, газета «Свободно слово» неодноразово зазначала: «Стамбул зневажливо ставиться до нашої влади»³⁹, що не відповідало дійсності. Коли кабінет міністрів С. Стамболова організував по всій країні мітинги на знак вдячності султану за його дозвіл відкривати болгарськомовні школи у Македонії, об'єднана опозиція провела масову контракцію, у резолюції якої підкреслювалися видатні досягнення князя і екзарха у вирішенні національної проблеми. Політика ж С. Стамболова засуджувалася, висувалася вимога його відставки.

Водночас з вищевказаними публікаціями газета «Свободно слово» друкувала й статті іншого характеру, у яких оточення прем'єра звинувачували у «австрофільстві» і «туркофільстві». Альтернативу такій політиці опозиційні журналісти вбачали в орієнтації на Англію. На їхню думку, саме Лондон міг виступити гарантом вирішення проблеми національного об'єднання Болгарії⁴⁰.

Отже, опозиційна коаліція безсистемно критикувала уряд, що свідчить про неоднорідність її складу, ідейні розбіжності лідерів та значну долю популізму, притаманну агітаційним гаслам.

1893 року свою діяльність активізували південноболгарські «з'єдності», які до цього перебували у політичній ізоляції, зазнавши репресій ще 1887 року. Один з їхніх лідерів – В. Велчев – у Пловдиві розпочинає видавати газету «Прогрес». Як і представники об'єднаної опозиції, угруповання звертало особливу увагу на недоліки економічної політики уряду: «Сьогоднішній режим, встановлений 1886 р., це режим проїдання, а не режим економії»⁴¹.

На сторінках видання чимало місця відводилося висвітленню перебігу антиурядових виступів, кількість яких значно зросла протягом 1893–1894 років. Так, у номері від 24 квітня 1894 року журналісти дають схвальну оцінку резолюції мітингу у місті Пештера. У цьому документі засуджувався зовнішньополітичний курс С. Стамболова, висловлювалася вдячність турецькому султану і Екзархії. Загалом стиль і зміст публікацій газети «Прогрес» свідчить про те, що «з'єдності» повністю підтримували ідеали опозиційної коаліції.

Принципово іншу опозиційну силу під час прем'єрства С. Стамболова представляли соціалісти, які 2 серпня 1891 року на таємному Бузлуджанському конгресі неподалік від Габрово створили Болгарську соціал-демократичну партію (БСДП). Час і місце для зборів були обрані не випадково, адже паралельно у тих місцях відбувалося вшанування пам'яті загиблих борців за незалежність країни – загону Хаджі Димитра. Тому група з 20 осіб не викликала підозри з боку влади і могла вільно проводити свої засідання. На зборах було прийнято програму, яка ґрунтувалася на ідеології марксизму й проголошувала головну мету партії – здійснення «соціалістичної революції» в Болгарії, і статут, що закріпив децентралізовану структуру організації та порядок членства в ній. Також соціал-демократи обрали керівний орган – Загальну раду і ухвалили рішення про створення газети. Наприкінці 1891 року було опубліковано книгу лідера партії Д. Благоева «Що таке соціалізм і чи є він на нашій землі?», а наступного року брошуру «Соціалізм і завдання болгарського робітничого класу». З 1 листопада 1892 року у місті Велико Тирново почала виходити газета «Работнік» – політичний рупор партії. Її редакторами стали Д. Благоев і Н. Габровські⁴².

У серпні 1892 року на Пловдивському конгресі соціал-демократів утворилося угруповання реформістів, яке згодом реорганізувалося у Болгарський соціал-демократичний союз («союзисти»). Його лідери – Я. Сакизов, С. Балабанов, К. Раковський,

С. Мутафов, К. Бозвелієв та інші, на противагу засновникам БСДП («партистам»), вважали передчасним створення робітничої партії у Болгарії через відсутність в країні широкої електоральної бази і виступали за глибокі соціальні перетворення демократичним шляхом. Ця політична сила видавала газету «Другар», на сторінках якої вела полеміку з «Работнік» щодо стратегії, тактики і засобів подальшої боротьби⁴³.

Під час прем'єрства С. Стамболова «партистів» і «союзистів» слід розглядати як маргінальні політичні сили. Вони не користувалися широкою підтримкою населення, тому до 1894 року їм не вдалося делегувати в Народні збори жодного свого представника. Крім того, 1893 року було заарештовано, а згодом відправлено у заслання до міста Бяла Слатина лідера БСДП Д. Благоєва. Залишившись без свого ідейного натхненника та перебуваючи в умовах постійної загрози репресій, соціал-демократи практично припинили агітацію. Лише після відставки уряду С. Стамболова вони активізували свою діяльність. 1894 року «союзисти» і «партисти» об'єдналися в єдину політичну силу – Болгарську робітничу соціал-демократичну партію (БРСДП).

Таким чином, під час правління уряду С. Стамболова у Болгарії опозиція була представлена кількома політичними угрупованнями, які мали свої погляди щодо внутрішньої і зовнішньої державної політики. У подальшому «радославовісти», «каравелісти», «цанковісти», а також «народняки», котрі сформувалися на базі об'єднаної опозиції, разом зі «стамболовістами» утворили багатопартійну систему, що існувала у більш-менш незмінному вигляді аж до завершення Першої світової війни. Саме в останні роки правління уряду С. Стамболова, коли на політичну арену вийшла опозиційна коаліція, виробився специфічний стиль поведінки опонентів влади: жорстка критика політичних сил, що беруть участь у формуванні уряду, тоді як Фердинанд залишався недоторканим для критики. У цьому протистоянні голова держави найчастіше стояв осторонь, точніше над ним. Подібна ситуація надала князю можливість після відставки С. Стамболова 1894 року встановити новий режим, де головна роль належала саме йому. «Каравелісти» і «цанковісти», які протягом 1887–1894 років не визнавали Фердинанда головою держави, згодом також змирилися з подібними правилами гри.

Підбиваючи підсумки, зауважимо що представлена в історіографії диференціація опозиційних політичних сил (легальні – «радославовісти», нелегальні – усі інші угруповання і партії), виглядає недосконалою. «Статус» нелегальних опозиціонерів мали окремі політики, а не угруповання. Більш того, належність «каравелістів» до «нелегальної опозиції» в перші роки правління уряду С. Стамболова є сумнівною, адже до 1891 року вони мали можливість публікувати свою газету, агітувати проти режиму. Видання газети «Тирновска конституція» було зупинено внаслідок фінансових проблем, а не заборони. У період з 1891 по 1893 рік у результаті посилення законодавства «легальні» «радославовісти» вже не могли друкувати і розповсюджувати «Народні права», а їхній «статус» відтепер не відрізнявся від статусу «каравелістів» або «з'єдністів».

Доцільніше, на наш погляд, диференціювати опозиційні сили за принципом їхнього ставлення до режиму – від непримиримо налаштованих до поміркованих. Так, найрадикальнішими противниками уряду були соціалісти, які шляхом революції прагнули не тільки змінити владу, а й суспільний лад, проте їм бракувало потуги. «Цанковісти» також були категоричними супротивниками уряду і князя. При цьому їхні керівники намагалися відсторонити С. Стамболова і Фердинанда від управління країною за допомогою перевороту. «Каравелісти» теж не визнавали легітимність перших осіб держави, проте, на відміну від «цанковістів», вони не застосовували радикальних засобів для усунення їх з посад. Хоча південноболгарські «з'єдністи» були послідовними «русофілами», це не завадило їм стати партнерами по коаліції з більш лояльними «радославовістами». Поміркованими опозиціонерами можна назвати прибічників В. Радославова

та колишніх консерваторів К. Стойлова і Г. Начовича, які визнавали князя законним правителем Болгарії, підтримували деякі заходи влади, але вважали за необхідне змістити С. Стамболова з посади прем'єра.

¹ *Чорній, В.* Політична криза 1886–1887 рр. Режим Стефана Стамболова. – В: *Чорній, В.* Історія Болгарії. Львів, ПАІС, 2007, 205–210; *Гришина, Р.* Модернизация по-болгарски: диктует матрица (конец XIX – середина XX века). – *Славяноведение*, 2004, № 3, 33–46.; *Григораши, И.* Россия и становление болгарской государственности. – *Международная жизнь*, 2004, № 6, с. 132–138.

² *Саздов, Д.* Многопартийна политическа система и монархическият институт в България (1879–1918). С., Наука и изкуство, 1993. 258 с; *Николова, В.* Политическите партии в България (1885–1918): общи черти и специфика. – В: *Проблеми на новата и най-новата политическа история на България*. С., Витал, 1991, 12–39.

³ *Саздов, Д.* Либералите-каравелисти през Стамболовия режим. – *Векове*, 1986, № 2, с. 35.

⁴ Търновска конституция, 30 авг. 1888.

⁵ Цит. за: *Саздов, Д.* Либералите-каравелисти..., с. 35.

⁶ Там само, с. 38.

⁷ Там само.

⁸ Търновска конституция, 25 март 1888.

⁹ Цит. за: *Саздов, Д.* Либералите-каравелисти..., с. 35.

¹⁰ Свобода, 13 ян. 1888.

¹¹ *Саздов, Д.* Либералите-каравелисти. . . , с. 36.

¹² Там само.

¹³ Там само с. 40.

¹⁴ *Палангурски, М.* Избори по стамболовисти (1887–1894). В. Търново, УИ «Св. св. Кирил и Методий», 2008, 97–101.

¹⁵ Там само.

¹⁶ *Саздов, Д.* Либералите-каравелисти. . . , с. 39.

¹⁷ Там само.

¹⁸ *Данев, Ст.* Мемоари. Съст. и ред. Е. Стателова и К. Гергинов. С., УИ «Св. Климент Охридски», 1992, 78–79.

¹⁹ *Палангурски, М.* Вказ. праця, 97–101.

²⁰ *Ангелова, Н.* Идеите на опозицията (1887–1894) по националния въпрос. – *История*, 1995, № 6, с. 38.

²¹ Цит. за: Там само.

²² *Саздов, Д.* Либералите-каравелисти. . . , с. 38.

²³ *Ангелова, Н.* Вказ. праця, с. 34.

²⁴ Там само.

²⁵ *Палангурски, М.* Вказ. праця, с. 176.

²⁶ Там само.

²⁷ Народни права, 23 март 1888.

²⁸ Там само, 24 февр.

²⁹ *Ангелова, Н.* Вказ. праця, с. 39.

³⁰ Там само.

³¹ Там само, с. 40.

³² Народни права, 5 март 1889.

³³ Свободно слово, 11 ян. 1894.

³⁴ Там само, 6 февр. 1893.

³⁵ Там само, 26 февр. 1894.

³⁶ Там само, 8 февр. 1894.

³⁷ Там само, 11 юли, 1893.

³⁸ Там само, 24 апр. 1894.

³⁹ Там само, 28 апр. 1894.

⁴⁰ *Ангелова, Н.* Вказ. праця, с. 38.

⁴¹ Прогресс, 27 ноември 1893.

⁴² Българската социалдемократия от 1883 г. до днес. – <http://www.bgsd.org/page.php?5>

⁴³ Там само.

Р. П. Гришина

ВОЙНА ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ: БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ 1912–1913 гг. В ИСТОРИИ БОЛГАРИИ

Провозглашение усилиями русской дипломатии границ Сан-Стефанской Болгарии после победного завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вызвало в Европе большой переполох своей дерзостью: по предварительной договоренности с Веней и Лондоном, мирные условия должны были приниматься с участием «европейского концерта». Собравшийся летом 1878 г. Берлинский конгресс не потерпел нарушения согласованного правила и расставил совершенно иные координаты на карте Европы – территория Сан-Стефанской Болгарии, просуществовавшей всего три месяца и то лишь на бумаге, оказалась значительно усеченной.

У самих болгар, согласно констатации болгарского ученого Ст. Влахова-Мицова, концепции собственных национальных интересов в то время не было, болгарское общество, считает он, еще не созрело для самостоятельной политической жизни¹. «Ни один болгарин, – утверждает И. Илчев, – в годы до Апрельского восстания не разработал целостной национальной доктрины, которая совпадала бы с границами, начертанными в Сан-Стефано»². Лишь благодаря русским дипломатам расплывчатая возрожденческая идея приобрела образ Сан-Стефанской Болгарии, которому потребовалось затем не менее двух десятилетий, прежде чем он облекся в национальную болгарскую форму, и, приобретя тогда конкретное политическое звучание, поступил, так сказать, на болгарскую государственную службу уже в качестве *национального идеала*.

Действительно, скорее можно говорить о том, что возрожденческий идеал, на который так часто ссылаются многие болгарские историки, как на предысторию Сан-Стефано, существовал в народе лишь в самых общих чертах. Вернее, витал в его мечтаниях о свободных Мизии, Фракии и Македонии. Но никак более точно не конкретизировался. Думаю, что прав Петко Петков, называющий возрожденческий идеал *общественным*, но еще не национальным³.

Объединение родственного населения в рамках одной страны является объективной задачей государственного строительства (оставим пока за скобками вопрос, насколько это родственное население самоопределилось этнически, т. е. сознательно считало себя болгарами или сербами, греками, македонцами). Но такое объединение предполагало и присоединение к самостоятельному государству территорий, на которых проживали «внешние части» родственного племени, т. е. задача объединения подразумевала внешнеполитическую экспансию. Однако в течение ряда десятилетий после Освобождения международные условия существования Княжества Болгария исключали саму постановку такого вопроса, поскольку наибольшие ограничения, связанные с вассальным статусом Княжества, распространялись именно на область его внешнеполитических, международных связей. До определенного времени, как свидетельствуют документы ряда болгарских политических партий, внешняя политика княжеских правительств вообще не имела четко выраженного обозначения.

К тому же примерно до конца XIX в. естественным для строителей новой Болгарии было преобладающее внимание к проблемам внутривластного созидания основ страны. Сам строй политической жизни заключался тогда в преимущественном удовлетворении партиями и их лидерами собственных интересов, в извлечении максимальной пользы от близости к власти. В годы довольно быстрого экономического развития Княжества (конец 1880-х – начало 1890-х) усилился процесс расколов, расщеплений партий; их становилось все больше, а, следовательно, увеличивалось число претендентов на близость к власти с ее меркантильными возможностями. Вопрос о власти, замечает Ст. Влахов-Мицов, стал вымещать проблему национального суверенитета⁴. В свою очередь подчеркну, что хождение в партийных и общественных кругах различных внешне- и внутривластных концепций, до конца не разработанных и содержавших разнонаправленные идеи, в том числе с точки зрения международной ориентации, порождали хаотическое скопление мнений, представлений, проектов, их своеобразно пульсирующую мозаичность.

Поэтому трудно было ожидать, чтобы кто-то из действующих государственных и партийных лидеров серьезно озаботился составлением программы политической модернизации страны и, особенно, целенаправленного воспитания государственнического сознания у народонаселения. Или постановкой адекватных социальных целей⁵ как интегральной задачи.

Эту лакуну некоторые из них осознали, и то лишь частично, только после двух военных катастроф. В начале 1920-х гг. Андрей Ляпчев, один из наиболее опытных болгарских политиков, вынужден был признать: «Из-за войн и по другим причинам мы упустили дело создания нашей и переводной литературы для обоснования принципиальных позиций по вопросам общественной солидарности, национализма, экономического развития общества и, в частности, нашей страны с точки зрения личной инициативы, собственности и кооперативного дела. Здесь у нас большая пустота»⁶.

Однако, учитывая коренное изменение геополитической ситуации в Европе и мире и стремительное развитие в ряде государств экономического, научно-технического и культурного потенциала, можно сказать, что на развилке XIX–XX вв. заявил о себе своеобразный «верстовой столб-маяк», который как бы сигнализировал – настало время, опираясь на достигнутое в уходящем столетии, определить на будущее стратегически важные *государственные цели*. В том числе такие: что выбрать, на чем следует сконцентрироваться, чему отдать предпочтение – сфере внешней политики *или* внутренней. Или проще: войну или модернизацию? Этот вызов-предупреждение направлялся практически всем странам мира, способным его принять.

Острой была борьба вокруг этой дилеммы в России. Потребность в модернизации и требование внешнеполитической передышки осознавались в общественных кругах вполне серьезно. Но в затянувшейся борьбе консерваторов и либералов уходило скоротечное время. Относительно выработки курса внешней политики российская исследовательница И. С. Рыбаченок пишет так: «Полнейшее разномыслие среди лиц, причастных к выработке ответственных решений, с одной стороны, и несоответствие ключевой фигуры – царя как главы государства тем задачам, которые стояли перед империей как субъектом международных отношений, с другой стороны, порождали постоянные шатания, разброс средств и т. д.»⁷

Министр финансов С. Ю. Витте при очередном обострении Восточного кризиса писал в 1896 г. императору: «Большая общеевропейская война ныне была бы великим горем народным и историческим несчастьем, несчастьем, которое может омрачить счастливое царствование Вашего императорского величества»⁸. Он считал, что

нужно поддерживать статус кво и выигрывать время, необходимое для внутреннего строительства. В 1903 г. новая попытка триумvirата царских министров (С. Ю. Витте, В. М. Ламздорфа, А. Н. Куропаткина) призвать к благоразумию и не увлекаться дальневосточными военными планами, могущими привести к опасному столкновению с Японией, закончилась отставкой Витте и отстранением его от рычагов реальной власти⁹. Императору Николаю II гораздо ближе был «новый курс» дальневосточной политики, сторонниками которого выступали воинственные и консервативные круги во главе с министром внутренних дел В. К. Плеве¹⁰. Война с Японией, начавшаяся раньше, чем Россия к ней подготовилась должным образом¹¹, закончилась, как известно, поражением, уничтожением порт-артурской эскадры. Что, впрочем, не поколебало устойчивость великодержавных амбиций Николая¹². В 1906–1907 гг. Россия стала вести осторожную политику балансирования и заключения соглашений с великими державами, и это обеспечивало в то время ее потребность в модернизации¹³. Но последовавший затем переход к большей активности, в частности, на Ближнем Востоке, едва не привел ее к войне с Австро-Венгрией. В 1908 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин на особом совещании вынужден был заявить: никакая политика, кроме строго оборонительной, в ближневосточном регионе невозможна. Совет обороны подтвердил тогда обоснованность такого заявления¹⁴. Однако последовавшее в 1912–1913 гг. умеренное вторжение России в собственно балканские дела, новый виток проявления симпатий к братьям-славянам, а затем вступление ее в Первую мировую войну по тем же «сентиментальным соображениям» обозначили движение Великой российской империи к полному краху в 1917 г.

Не менее серьезно встал вопрос «война или модернизация» перед молодыми государствами Балканского полуострова. Для них наиболее важными оказались – *в качестве первоочередных, приоритетных – внешнеполитические цели* во имя осуществления национальной идеи, под которой понималось, прежде всего, целостное объединение народа. А путем ее реализации стали Балканские войны 1912–1913 гг. В дилемме «война или модернизация» – выбор был сделан в пользу первого компонента, впрочем, второй в виде составления какой-либо программы деятельности даже не обсуждался, во всяком случае, в Болгарии.

Однако представляется, что такой выбор был ошибочным: при более точном учете тогдашней реальности, на наш взгляд, следовало бы сосредоточить усилия правящих болгарских кругов в первую очередь на *внутренних проблемах* страны, а не на внешних. Этот тезис идет вразрез и с устоявшимся в историографии «революционным» отношением к вопросу, и с наличной практикой XIX–XX вв. Но вряд ли кто ныне будет спорить, что культивируемый десятилетиями великодержавный «национальный идеал» уводил южные балканские народы в сторону от их важнейших *действительно национальных задач* – от экономического и социально-культурного модернизационного строительства своих государств. Что же до полного, целостного объединения болгарского или сербского народов, из-за чего случились жесточайшие войны, открывшие собой XX век, то первого так и не произошло, а из второго, когда в 1990-е гг. народы Югославии вновь разбрелись по своим этнонациональным квартирам, получилось то, чего никто в начале XX в. не мог даже предположить. Как здесь не вспомнить отечественного ученого Г. Д. Гачева и его замечание о «самоцентрированности» населения балканских уголков¹⁵, позволяющее предположить, что такая самоцентрированность, мистически, независимо от мечтаний этих народов, становилась *главным препятствием к целостному объединению* каждого из них, к превращению родных укромных уголков во что-то им *несвойственное* – крупное, целое.

* * *

Вплоть до рубежа веков и в самом начале XX в. адекватно реагировать на вызовы времени болгарская политическая элита, даже с точки зрения внешнеполитических устремлений государства, не могла или не умела – во всяком случае, не заботилась в достаточной мере ни о его стратегических или тактических планах в этом направлении. И даже о планомерной идеологической работе среди населения Княжества.

Македонская политика Болгарии, по мнению Светослава Елдырова, состояла из двух разграниченных тенденций, черпавших импульсы из двух если не противоположных, то различных источников. Одним было министерство иностранных дел, другим – военное министерство. Первое действовало средствами дипломатии и религиозно-просветительского эволюционизма, второе – методами вооруженной борьбы¹⁶.

С другой стороны, болгарское общество не было едино, а идея нации оставалась весьма далекой от разумения болгарского крестьянского люда*. И, следовательно, в случае войны политической элите необходимо было приложить дополнительные усилия на его раскачку и рассчитывать на его поддержку уже не в борьбе за «абстрактную национальную идею», а исходя из некоего конкретного ситуационного повода (даже и специально созданного) в виде непосредственной военной угрозы.

Думается, что болгарский вариант «внешнеполитического поведения» в конце XIX и самом начале XX в. объясняется не только отсутствием свободы рук в этой сфере у властных структур из-за тогда еще сохранявшейся вассальной зависимости Княжества от Турции, но и рядом других обстоятельств. В их числе – бурный процесс первоначального накопления в стране, стремление людей, прежде всего, к получению дохода и обустройству собственной жизни. Время борьбы против турок за собственную независимость, создание сети тайных комитетов, конспиративная деятельность, вспышки восстаний – все это ушло в прошлое. Отношение к *революции* после 1878 г. изменилось, фиксирует Ангел Димитров¹⁷, хотя следы прежнего эйфорического восторга сохранялись (курсив мой. – *Р. Г.*). К миражному образу Сан-Стефано пресса обращалась часто, но власти к конкретным действиям он до поры-до времени не толкал. Лишь постепенно лозунг автономии Македонии и Одринской Фракии, официально провозглашенный ВМОРО как шаг к осуществлению Сан-Стефано, все более начинал *идейно* связывать политический класс Болгарии, князя Фердинанда и македонских революционеров-террористов.

С 1907 г. лозунги автономии Македонии и Одринской Фракии стали в Болгарии появляться все чаще. Софийское правительство, вынужденное учитывать позиции великих держав и соседних балканских стран, все еще не открывало фронта прямой борьбы за присоединение Македонии к Болгарии, хотя считало ее население, безусловно, болгарским. Тактически идея состояла в том, чтобы продолжать добиваться на основе 23-го параграфа Берлинского трактата добровольного (б. а. – *Р. Г.*) предоставления Османской империей прав автономии этой провинции. Что София рассчитывала затем использовать в качестве промежуточного этапа на пути присоединения Македонии к Болгарии.

Князь Фердинанд, давно настроенный на укрепление государственной власти и власти личной, начал проявлять особую заботу об армии, ее обучении и вооружении и о том, чтобы поставить ее под личный контроль, сделать своей опорой. В 1903 г. был принят специальный закон об устройстве вооруженных сил, состав армии был увеличен с 25 до 60 тыс. человек, на ее нужды стало отводиться до 1/3 бюджета страны. Ежегодно организовывались военные маневры.

* Примечательно высказывание Э. Хобсбаума: «Какие бы социальные группы не становились первыми проводниками «национальной идеи», народные массы – рабочие, крестьяне, прислуга – испытывают ее влияние в самую последнюю очередь» (*Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1870 г. СПб. 1998, с. 23*).

Офицеры не только стали проходить профессиональную выучку, но и целенаправленно воспитываться в духе патриотизма и личной преданности монарху. Им устанавливались большие зарплаты, обеспечивалось быстрое продвижение по службе. Именно они должны были стать и становились самыми рьяными носителями национальной идеи. Из них формировался специфический элитарный слой, близкий к власти, обслуживающий ее.

Проповедь «великих» идей постепенно распространялась на все общество: стремление добиться идентификации в массовом сознании понятий «народ» и «нация», привлекательности родного государства-нации – набор подобных и других идеологических и политических средств был призван сформировать внутренний идейный стержень для населения, объединить общество и власть, осуществить национальную интеграцию и обеспечить власти массовую поддержку. А в конечном счете – обеспечить внутреннюю политическую стабильность, без чего невозможно ни активно бороться за осуществление «национального идеала», ни проводить реформы, если они все еще стояли в повестке дня и не были вытеснены первым компонентом на обочину жизни.

В дело реализации националистической программы включались государственная бюрократия, частично «народная интеллигенция» (учительство), и особенно офицерский корпус. Нельзя не отметить при этом, что все креативеры (разработчики) и носители националистической идеологии оказывались сосредоточенными опять-таки в городском секторе и относились к слоям, доходы которых зависели, главным образом, от государства¹⁸. Их практически нет в крестьянской среде. «Модерный болгарский национализм», считает болгарский ученый А. Пантев, был городским по принадлежности, несмотря на сильное преобладание сельского населения в стране¹⁹. И здесь мы подходим к очень важному моменту: «Село встречало националистические программы враждебно», – констатируют западные социологи²⁰. Болгарский историк Д. Мишкова, говоря о поре строительства Княжества Болгария, отмечает пассивность народа и «невозможность вызвать его энтузиазм»²¹.

Другой болгарский историк И. Баева пишет не просто о «прохладном отношении» крестьянства к национализму, но – еще более определенно – о его сопротивлении главным составляющим политики модернизации и о стремлении защитить *свои особые* интересы²². К этому можно добавить заключение М. Марковой о том, что само понятие «нация» для болгарского крестьянина, привыкшего идентифицировать себя с родным селом, не означало «почти ничего»²³. В свою очередь Х. Зундхаусен, наблюдающий за болгарским крестьянством из Германии, соглашается, что «абстрактное понятие «нация» не означало для сельчан ничего», ибо капиталистическую систему они воспринимали как посягательство на традиционную солидарность сельской общности²⁴.

В связи с необходимостью основательной реорганизации армии был предпринят ряд мер. Едва ли не главным ее направлением стала «перенастройка» умов и чувств значительной части военнотружущих и военнообязанных, поскольку в предшествующие годы внутренние обязанности армии являлись преобладающими; до 1900 г. эта тенденция была ведущей, утверждает болгарский историк В. Янчев²⁵. «В годы после Освобождения, – пишет он, – вопросы о сущности армии и ее предназначении рассматривались в самом общем плане и очень противоречиво. Вопреки практической военной политике, направленной на создание сильной, дееспособной и современно вооруженной армии, способной защитить целостность Отечества и завершить дело национального объединения, на первое место в теоретическом плане были поставлены внутренние, охранительные и репрессивные функции армии»²⁶.

Чтобы переломить сложившееся представление о внутривнутриполитической функции армии как основной, в Болгарии стали издаваться инструкции с формулировкой новых задач. В 1891 г. был принят закон об устройстве вооруженных сил Княжества Болгария, устанавливавший дивизионную структуру армии²⁷, за ним последовали «уточняющие» законы 1895 и 1897 гг. В них намечалась перспектива на 15 лет, к исходу которых армия

в случае военного положения должна была быть 500-тысячной (действующая, резервная, ополчение). В 1901 г. в болгарском войске имелось 300 тысяч обученных солдат, но оружия хватало только для 200 тысяч²⁸.

Любопытны детали строительства армии: от обязательной двухгодичной армейской службы откупиться могли только болгары-мусульмане; благодаря высокому естественному приросту населения проблемы с обеспечением количественного роста военнообученных не возникало, хотя до 1/3 молодых людей освобождались от прохождения службы «по негодности».

Еще интереснее отмеченное Р. Даскаловым явление: «Некоторые правительства, – пишет он, – сокращали (уплотняли) военные штаты и на обязательность военной службы смотрели сквозь пальцы, чтобы *не давать простора милитаризму*»²⁹ (выделено мною. – Р. Г.). Если это так, то тем труднее говорить о *всеобщей нацеленности* политической элиты на милитаризм и военные устремления. И, вероятно, прав С. Елдыров, разделяющий направления внешней политики по тому, как ее формулировали круги МИДа, с одной стороны, и Военного министерства, с другой стороны. Из этого можно заключить, кроме того, что политика сменявших друг друга правительств варьировалась не только в отношении поддержки деятельности ВМОРО (или степени такой поддержки), но и в отношении курса на милитаризацию.

Наиболее щедрой с точки зрения предоставления финансовых средств военным была Народно-либеральная партия. В 1903 г. болгарские вооруженные силы получили, наконец, отсутствовавшую до той поры военную доктрину; ее главным содержанием была нацеленность на национальное объединение³⁰. Так пишет болгарский военный историк. Но в литературе не приходилось встретить точной формулировки соответствующего пункта военной доктрины. По-видимому, это не случайно: в частной беседе весной 2008 г., на мой вопрос, была ли опубликована когда-либо эта доктрина, видный болгарский историк вообще выразил сомнение в существовании такого документа.

По мнению Р. Даскалова, в 1903 г. был совершен решительный поворот государства в сторону модификации и усовершенствования армии, ее перевооружения. Период до начала Балканских войн, считает он, стал «триумфом массовой армии». Были созданы 12 новых полков, 3 новых артиллерийских полка и столько же саперных, появились даже зачатки военно-воздушных сил. Вооруженные силы были разделены на три армии, изготовлены оперативные планы войны с Турцией – «сердцевины болгарской военной доктрины»³¹ (опять неуловимая доктрина!).

Чтобы достроить и развернуть в новом направлении болгарскую военную машину, сколько же требовалось времени и усилий? Но, главным образом, финансов. Денег на армию не стали жалеть, – заключая иностранные займы, раздувая собственный бюджет. Если исходить из имеющихся в исторической литературе констатаций, то огромные финансовые вложения в армию и в ее вооружение, составлявшие до 25–30% расходной части бюджета, позволили болгарскому войску уже к 1907 г. стать «одним из лучших в Европе». В 1912 г. оно имело почти в 15 раз больше вооружения (поставлявшегося из Франции, Германии, Австро-Венгрии, России, Италии), чем во время Сербско-болгарской войны 1885 г., и не испытывало недостатка оружия во время самой войны³².

Накануне Балканских войн Болгария считалась самой милитаризованной страной на полуострове. На один миллион ее населения приходилось 9 полков, в то время как в Сербии – 8 полков, Румынии – 5,2, Турции – 3,4³³. В регионе Болгарию называли «Пруссией на Балканах». Она имела превосходство по сравнению с соседями в кавалерии, артиллерии, инженерных войсках³⁴.

Армейские проблемы Болгарии заключались в другом – в деле формирования командного состава, поскольку в прежние годы должного внимания подготовке высшего

офицерства не уделялось. А та, что проводилась, носила, скорее, экстенсивный характер – офицеры набирались военных знаний отовсюду понемногу. Помимо обучения в Военном училище в Софии (открыто в 1878 г.), дававшем среднее образование, офицеры направлялись в различные заграничные военные академии³⁵, главным образом, российские (75% офицеров, подготовленных за границей, получили военное образование в России)³⁶ и итальянские, в меньшей мере французские. И приезжали оттуда почитателями совершенно разных стратегий. Генерал Михаил Савов, например, предпочитал русскую доктрину с ее наступательностью, генерал Иван Фичев – итальянскую, характеризовавшуюся известной осторожностью. Может быть, поэтому он осенью 1912 г., когда в Болгарии поднялась волна милитаристской кампании, говорил, что страна еще не готова воевать, и чтобы всесторонне подготовить армию, войну следует отложить до весны³⁷. Но при начале боевых действий оба генерала вошли в состав оперативного военного руководства.

В 1911 г. в болгарской армии служил 21 генерал, однако мало кто из них, как пишут болгарские авторы, мог решиться повести войско на войну. Достаточного опыта у них не было – настоящих, больших учений в мирное время не проводилось. В сущности, ни один высший офицер, по словам Г. Маркова, не видел больше трех дивизий, собранных в одном месте³⁸. Фердинанд в качестве главнокомандующего, отмечают историки, полководческими талантами не обладал. Не имея соответствующего опыта, он и в мирное время избегал руководить ежегодными маневрами и их последующим разбором. Отсюда и отсутствие должного авторитета среди военных.

В результате в Болгарии при приближении войны не оказалось заранее определенного человека, в чьих руках сосредоточилось бы командование действующей армией. Попытка назначить на этот пост отставного генерала М. Савова, который говорил о себе: «Я не стратег», привела к возражениям со стороны военного министра Н. Никифорова и начальника штаба армии И. Фичева и к их требованиям, чтобы М. Савов не вмешивался в дела высшего командования. Путем компромисса главное командование удалось составить из трех лиц, причем каждое из них – «с неопределенной ответственностью»: генерал Савов оказался на положении всего лишь военного советника, хотя и назывался помощником главнокомандующего; генерал Фичев (начальник генштаба) издавал директивы по действующей армии от имени главнокомандующего и отвечал только за их техническое выполнение. А те, кто непосредственно командовал армиями, в свою очередь, не принимали Фичева за начальника³⁹. Главным командующим формально был монарх. Помимо отсутствия в армии даже во время войны четкой субординации, нередких случаев несоблюдения принципа единоначалия, Фердинанд не мог добиться дисциплины и в государственно-управленческой сфере, особенно в условиях 2-й Балканской войны. В книге, посвященной крушению Болгарии в 1913 г., Г. Марков пишет: «Очень много рук держало кормило управления, чтобы можно было удержать избранный внешнеполитический курс... Царь важничал на капитанском мостике и больше смотрел, что происходит на палубе, чем в подзорную трубу. Правительство не было едино. Главное командование то подталкивало его, то просто мешало, руководствуясь своим пониманием соотношения сил, а военные моряки иногда неохотно выполняли приказы»⁴⁰.

Может быть, именно из-за внутренней несобранности еще недостаточно окрепшее со времени Освобождения государства, его политической неконсолидированности, мозаичности интересов политических сил, их ориентации на разные великие державы и других проявлений слабости «головки страны» – на войну решили мобилизовать так много народа: в Болгарии по европейским меркам была проведена сверхмобилизация. Победить предстояло массовостью живой силы, физическим напором.

Насколько же народ был готов к этому? Как проявил себя накануне войны и в ходе ее основной солдатский контингент, состоявший по преимуществу из крестьян? Чтобы

попытаться ответить на этот важный для нашей темы вопрос, придется коснуться очень деликатной и даже щепетильной проблемы – о действительной глубине национальных чувств широких болгарских масс, поколения которых, как пишется во всех болгарских учебниках, мечтали об объединении и с надеждой ждали «часа икс»⁴¹. Действительно, в историографии с давних пор утвердилось мнение о «взрыве национальных чувств», о всеобщей народной поддержке грядущей войны за освобождение поработенных македонских братьев. Эта версия отстаивалась и в болгарской, и в российской литературе вместе с оправданием усилий Болгарии по созданию Балканского союза в 1912 г. и вытекавшей из этого шага неотвратимости 1-й, а частично и 2-й Балканской войны. Представляется, что эта версия верна лишь отчасти.

Мы уже отмечали, что крестьянство в аграрных государствах, где оно является преобладающим большинством, становится главным препятствием на пути модернизации и по-своему сопротивляется ей. В Болгарии сельские, поднявшись на рубеже XIX–XX вв. на массовые выступления против экономического грабежа со стороны ростовщиков и т. п., спустя несколько лет сорганизовались в сословную организацию, преобразованную затем в партию – Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). Один из его лидеров А. Стамболийский пошел дальше – в сторону политизации Союза, инициировав оппозицию имевшимся политическим институтам. Начав с экстравагантного публичного протеста в Народном собрании в июне 1908 г. против существовавшей процедуры, которая состояла в том, что при открытии сессии парламента князь читает тронную речь, сидя и в головном уборе, в то время как депутаты слушают его стоя⁴², Стамболийский вскоре (май 1909 г.) позволил себе открыто заявить, что недавнее провозглашение Фердинандом независимости Болгарии в сговоре с великодержавной политикой Австро-Венгрии является переворотом и угрожает интересам болгарского народа. В первую очередь международной изоляцией и крупными экономическими потерями.

Выступление набравшего популярность «земледельческого» деятеля было направлено не просто против Фердинанда, но против монархии как института. Среди аргументов Стамболийского преобладали те, что наиболее соответствовали его общинной крестьянской ментальности. «Самозванные устроители переворота, – писал он в газете «Земледельско знаме», – нарушили Конституцию и попытались влести народовластие в сети некоего царевластия...»⁴³ Это «царевластие» вызывало полное неприятие Стамболийского, поскольку, по его мнению, торжество демократии несовместимо с торжеством монархии, а триумф демократии предполагает и требует исчезновения и последних остатков монархизма. Позже, находясь в тюрьме за антивоенную пропаганду, Стамболийский напишет, что высшая цель БЗНС – возвращение людей к отнятому у них демократизму, дающему равномерное распределение благ и обеспечивающему самоуправление через народовластие⁴⁴.

В отношении возможной войны исходная позиция БЗНС, заявленная в его органе «Земледельско знаме», была резко отрицательной. С таким тезисом, помимо Стамболийского, активно выступали Цанко Церковский, Стоян Омарчевский и другие «земледельческие» активисты. В 1910 г. в одной из статей в органе БЗНС Ц. Церковский убежденно писал: «Болгария только что вступила на путь экономического развития, и сегодня ее силы должны быть направлены исключительно на закрепление того экономического подъема, который является единственным источником благоденствия народа, политических и гражданских свобод. Нынешнее македонствование наших патентованных патриотов приведет к тому, что вновь уведет внимание общества в другом направлении, и собьет производительные силы страны с правильного пути»⁴⁵. А. Стамболийский всецело разделял такую позицию, подчеркивая, что подлинная независимость страны достигается исключительно благодаря экономическому подъему.

Отношение А. Стамболийского к собственно македонскому вопросу, по-видимому, нигде не было сформулировано достаточно четко. Если следовать американскому исследователю Дж. Беллу, то вначале Стамболийский уповал на младотурок: с введением ими конституционного режима в Османской империи, считал он, наступал конец расовому и религиозному угнетению местного населения со стороны турецких властей. Однако вскоре ему пришлось убедиться в своем просчете. Тем не менее, предполагавшуюся программу освобождения Македонии Стамболийский не принимал, полагая, что она способствует превращению Болгарии в вассала иностранных банков и правительств, которые отпускают займы на милитаризацию страны. И, в конечном счете, стал ориентироваться на федерирование всех балканских народов⁴⁶.

Оставим открытым вопрос о том, выражал ли Стамболийский в своих статьях в «Земледельско знаме» в 1909–1911 гг. только собственное отношение к монарху и монархизму, или также и крестьянской массе, следовавшей за БЗНС, – для ответа на него нет достаточных данных. Но несомненно, что в какой-то мере формировал его. И личная его позиция была выражена вполне определенно! «Абсурдно говорить о единомыслии между коронованными главами и народами, – утверждал он, – только совершенно невежественные массы могут питать какую-то любовь к коронованным главам». Он ссылаясь и на конкретный исторический опыт, который накопился у болгарского населения со времени Освобождения, указывая, что и сами монархи, случайно попадавшие на княжеский престол, сделали все возможное, чтобы укрепить, сцементировать эту ненависть народа⁴⁷. Отторжение у «земледельцев» вызывал не только институт монархии, но и весь «развратный конституционный режим», разлагающийся и выродившийся из-за дворцовых и партийных интриг настолько, что о политических партиях можно говорить, что они «уже отжили свое»⁴⁸.

Эти констатации представляются важными не только для того, чтобы проиллюстрировать, хотя в известной мере и косвенно, отнюдь не благосклонное отношение крестьянского люда к институту монархии в Болгарии – ведь все события в стране, в том числе возможная война, увязывались, прежде всего, с именем Фердинанда. Но особенно они важны для того, чтобы лучше понять, как относилось крестьянство к военному способу решения македонского вопроса, участниками которого будут они сами.

В 1911 г. «земледельцы» развернули сильную антивоенную кампанию в стране в связи с тем, что в начале этого года в парламент было внесено предложение об изменении статьи 17-й Конституции, что позволяло царю самостоятельно, без обращения к законодательному органу, вести внешнюю политику вплоть до заключения союзов с другими государствами и объявления войны. В Народном собрании «земледельцы» выступали как против наделения царя такими прерогативами, так и против курса на милитаризацию страны, а также против превращения офицерства в элитную касту, оторванную от простого народа, с ее высокими зарплатами и имеющую возможность наживаться на поставках оружия из-за границы. Заявления Стамболийского в связи с различными скандалами в Военном министерстве не раз становились поводом для вызова его на дуэль⁴⁹.

Частью населения изменение одной из важнейших статей Конституции было расценено как безусловная подготовка к войне. Дж. Белл называет кампанию против изменения статьи 11-й Конституции «редкой по накалу страстей». И, видимо, так оно и было, потому что даже спустя несколько десятков лет – в 1970-е годы – ветераны «земледельческого» движения Болгарии вспоминали о своем участии в ней, как об одном из наиболее ярких впечатлений жизни. В частности, например, о том, какими бурными были совместные митинги «земледельцев» и «тесняков» в селах Варненского округа; как на собрании «дружбы» в Варне, куда съехались люди из всей околии, выступал Стамболийский; а в селе Снежина Провадийской околии крестьяне приняли резолюцию с лозунгами: «Долой личный режим! Да здравствует республика!»⁵⁰ Сам

факт возмущения селян усилением власти царя и превращением его в бесконтрольного вершителя внешнеполитической судьбы Болгарии свидетельствует, на мой взгляд, хотя и косвенно, об их недовольстве набиравшим силу милитаризмом.

Выиграть кампанию «земледельцам» все же не удалось: на выборах в XV Обыкновенное народное собрание, проходивших в начале сентября 1911 г., за БЗНС проголосовало на 30% избирателей меньше, чем на предыдущих выборах. «Призывы к народовластию, – замечает по этому поводу Дж. Белл, – редко превосходят националистические призывы, по крайней мере, до тех пор, пока не становятся целиком ясными последствия»⁵¹.

Стоит отметить еще один аспект антивоенной темы. В разгар предвоенной пропагандистской кампании А. Стамболийский, осуждая «ощетинившуюся от кастового снобизма военную олигархию», войну с Турцией называл настоящей авантюрой. В отличие от иных противников военных действий, руководствовавшихся геостратегическими или тактическими соображениями, на первый план Стамболийский ставил судьбу крестьянства – главную тягловую силу войны. «Войны с Турцией мы хотеть не можем, – заявлял он, – потому что знаем, какие ужасные последствия несет она крестьянскому народу, который заполняет казармы и который будет жертвовать самыми жизнеспособными своими чадами на поле брани». А позже относительно 2-й Балканской войны «земледельческий» лидер говорил, что народ был просто обманут и отдан на заклятие «за интересы, чуждые ему, но близкие безумной воле царя»⁵².

Случайно ли Стамболийский выстроил такую формулу: интересы военной борьбы за объединение болгарского народа чужды простому люду? Считал ли он их чуждыми только из-за военного способа попытки их решения? Или «нутром» чувствовал, что необразованное, зачастую просто неграмотное сельчество меньше и позже других слоев общества пропитывается национальными чувствами, что оно в течение еще долгого времени не вполне ощущает свою этническую выделенность из общей массы большого конгломерата балканцев, которым ничто не мешало хорошо понимать друг друга, объясняться на всех вроде бы разных и не обязательно родственных языках, включая греческий и турецкий.

Конечно, никто не может отнять у народа права на войну, которую он понимает, как справедливую, войну за объединение «племени» и территорию его проживания. Дело заключается, главным образом, в готовности или неготовности большей части населения воспринять эту войну, как свою, народную, в истинном смысле этого слова, и на этой основе объединиться вокруг центральной идеи. Ибо доверие или недоверие народа к своим руководителям многого стоит. Ну и, разумеется, необходим правильный выбор руководителями места и времени начала боевых действий, продуманность стратегии и тактики. Представляется, что значительная часть этих условий не имела удовлетворительного качества в Болгарии накануне Балканских войн. О состоянии армейского командования мы уже говорили. Боюсь, то же следует сказать о *дипломатической подготовке* участия Болгарии в войне, но на этом сюжете мы сейчас останавливаться не будем.

О состоянии *политической сферы* скажем подробнее. Политическое единение, необходимое для страны, вступающей в войну, по существу отсутствовало. Помимо «земледельцев», протестовала против войны партия «тесняков», отрицавшая «гегемонистскую» политику балканских династий; «тесняки» требовали сохранения мира, так как видели решение балканских проблем в создании Балканской федеративной республики. Колеблущуюся позицию – ни «за», ни «против» – заняла СДП: ее фракция в парламенте не голосовала за военные кредиты, но и не высказывалась против них. Радикальная партия (большинство ее) также проявила колебания и неустойчивость. Среди *противников войны* были русофильски настроенные политики, прислушивавшиеся к энергичным, антивоенным советам России. Они имели немалое влияние на массы. К их числу относился, например, деятель «старой» либеральной партии П. Каравелов.

Совсем иначе были настроены военные круги, Союзы офицеров и унтер-офицеров запаса, многочисленные землячества «македонских болгар» (многие их представители занимали места во властных структурах различного уровня), часть гражданской болгарской политической элиты. Иными словами, ситуация, когда в обществе еще только обсуждался вопрос – воевать или следовать путем мира, требовала от заинтересованных сторон лоббирования своих интересов. В этом отношении жесткую линию проводили деятели Народно-либеральной партии (стамболовисты), шедшие в первых рядах активистов антитурецкой кампании. Они с безумной смелостью заявляли, что Болгария может воевать и одна, без всяких союзников в лице Сербии и Греции, их больше устраивали связи с австро-германским блоком. В целом политический класс Болгарии в 1911 – первой половине 1912 г. полной готовности к единению не проявлял. И как его достичь, когда война стояла у порога?

И тогда на позиции выступила ВМОРО – тревожная международная обстановка в Европе после событий 1908 г. заставляла воинствующих революционеров торопиться. Обновив в 1911 г. состав своего Центрального комитета, они решили не отступать, а для достижения прежней цели использовать мать-Болгарию. Ход начавшейся летом 1911 г. Итало-турецкой войны, свидетельствовавший об ослаблении Османской империи, как бы подсказывал ВМОРО план действий – поскольку собственных сил мало, мобилизовать все имеющиеся в Болгарии промакедонские факторы, чтобы *склонить правительство и царя Фердинанда не упустить момент и военным путем решить македонский вопрос.*

Летом 1912 г. «македонствующие» и армейские круги, а также «либеральные» партии, слывшие патриотическими, повели активную милитаристскую кампанию, возглашая, что война является единственным средством решения македонского вопроса. Печать остальных буржуазных партий также значительно активизировалась, газеты перешли на ежедневный выпуск. Они становились своеобразным выразителем общественного мнения⁵³, «примеряя» к себе имидж «четвертой власти». Обработка населения проводилась также с помощью митингов, собраний.

В вязкой для поборников войны атмосфере необходимо было реальное кровавое действие, способное вызвать бурное негодование царя Фердинанда и общественности. И оно произошло. Его сознательно придумали и произвели руководители ЦК ВМОРО, устроив в Турции на переломе июня/июля 1912 г. в городке Кочани террористический акт против турецких властей – взрыв двух бомб в разных частях поселения. Это немедленно вызвало ответные действия: турецкие власти закрыли выход из городка, войска набросились на болгарские кварталы; началась кровавая резня местного населения, в ходе которой было убито около 40 человек, многие ранены⁵⁴. Террористическая акция оказалась приурочена к только что закончившемуся турецкому судебному процессу по поводу подобного же теракта в г. Штипе, совершенному в ноябре 1911 г. Провокация получила, таким образом, двойной резонанс. Руководителями обеих акций, как выяснилось позже, явились Тодор Александров (уроженец Штипа) и Александр Протогеров (родился в Охриде). Болгарское население, естественно, не было извещено о конкретных устроителях теракта и в резне, устроенной турками, обвиняло исключительно турецкие власти.

Как имевшая цель «ускорить» движение Болгарии к войне, провокация – приходится это констатировать – безусловно, удалась: она возбудила страшную народную ярость в отношении турок. Эмоции перехлестывали через край.

Действительно, после событий в Кочани «общественное мнение» зашевелилось. Уже со 2 августа газеты запестрели воинственными заголовками: кампанию открыли независимые, т. е. непартийные, вестники «Утро» и «Дневник». Характерным для них стало навязывание стране воинственного настроения якобы от имени народа: «Народ приказывает: война!», – заявляло «Утро»; «Война? Народ хочет войны», – уверял «Днев-

ник». Кампания не была стихийной. Как сообщал участник событий, в начале августа в городском казино в центре Софии состоялась встреча директоров и редакторов частных ежедневных газет и печатных партийных органов, на которой в течение двух с лишним часов обсуждался вопрос, какую позицию должна занять пресса в складывающейся ситуации. Решение было принято: «патриотическое». Кто созвал и организовал это собрание, участник его не посчитал нужным обнаружить. И кампания пошла по нарастающей.

В 1912 г. выбор между войной (фактически за новые территории, ибо вопрос об автономии Македонии в ходе союзных переговоров с Сербией приобрел эфемерный характер) и безопасностью страны государственная власть сделала в пользу первой. Возможно, болгарские власти слишком высоко оценили свою способность к войне, которая всегда – риск. Быть может, сказалось обстоятельство, что Болгария, действительно, оказалась пристегнута к стратегическим планам революционных структур, то есть ВМОРО, и одновременно заложником их действий и ответчиком за последствия⁵⁵. А у ВМОРО, как известно, была склонность назначать срок восстания, не завершив в достаточной степени его подготовки.

* * *

Первая Балканская война отмечена рядом побед болгарского оружия, в ходе ее войны показали немало примеров героизма и самоотрицания, и Болгария вправе гордиться их подвигом. Болгарские войска одержали ряд важных побед, их успехи были настолько убедительными, что вызывали удивление даже у западных наблюдателей. Но добытое народной кровью преимущество было бездарно проиграно в последующие месяцы, потраченные союзниками на внутренние распри из-за того, как поделить освобожденные от турок территории. Логика воинственного азарта имеет свои законы. Не видя возможности получить желаемое, Болгария начала 2-ю Балканскую войну. Она закончилась ее страшным поражением и стала роковой с точки зрения последующей судьбы этой страны.

Десятки современников событий и специалистов-историков более позднего времени «до дна» проанализировали неутешительные итоги политической и дипломатической подготовки войны, ее организации, хода и поражения. Пожалуй, наиболее выразительными являются горькие слова Г. Маркова: «Непростим проигрыш войны еще до ее начала»⁵⁶. Нельзя не признать, что одним из главных факторов фатального итога войн 1912–1913 гг. стал непрофессионализм власти.

В социокультурном плане болгарская политико-государственная страата далеко еще не созрела, чтобы ставить перед обществом разумные и просчитанные выполнимые задачи и, главное, чтобы уметь во время остановиться. Чтобы понять, что *мечта* народа об объединении – это еще *не реальная необходимость в данный момент*. Что всему свое время. И если говорить о взаимоотношениях между властью и обществом, то в 1912 г. острое возбуждение общественного мнения было использовано властью фактически против *долговременных интересов Болгарии*. Георгий Марков признает, что «судьбоносное лето действительно фатального 1913 г. стало *поворотным пунктом* (выделено мною. – Р. Г.) в новой истории болгарского народа»⁵⁷. Это верно. Но, по моему мнению, дело обстояло серьезнее, и скорее следует говорить о точке невозврата в деле реализации болгарского национального идеала.

Это обстоятельство (именно как точка невозврата) не было глубоко осознано болгарскими политиками, дипломатами, военными в 1913 г. Прав, очевидно, И. Илчев, считающий, что боль поражения была очень острой и деформировала анализ, что на первый план выступили эмоции – чувства обиды и оскорбленной справедливости, а потому, пишет он, действия политиков иногда исходили из «параллельной реальности», т. е. не из самой действительности, а из представления о ней⁵⁸. В самом деле, только

в шоке от произошедшего погрома можно было спустя два года «полезть на новую Голгофу» – вступить в Первую мировую войну.

Действия политиков, базировавшиеся, главным образом, на такой иррациональной основе, как чувство обманутой справедливости, то есть исходившие из субъективного представления о действительности, немало способствовали тому, что в 1918 г. последовал новый катастрофический военный провал Болгарии – на этот раз в мировой войне. Преследуя, казалось бы, только узкоспециальные собственные цели (отдайте нам наше!), болгарские стратеги не умели понять всей опасности вступления малой «державицы» в многостороннюю европейскую войну, «капиталета» для которой, в первую очередь социокультурного, они не накопили. В известной мере искусственно взращенные патриотизм и энтузиазм в рядах армии и частично населения Болгарии могли быть лишь «оркестровым» сопровождением, но не боевым оружием на поле брани начала XX века – века, уже ставшего на путь агрессивного империализма и явившего миру совершенно новую войну и по масштабу действий, и по технологическому оснащению воюющих; а, кроме того, – по морально-боевым качествам как высшего военно-политического руководства стран-участниц, так и рядового состава военнослужащих. Не Болгарии с ее далеко еще не изжитой архаикой в политико-экономической и особенно в социокультурной области было с ними тягаться.

Дальнейшее известно: в 1918 г. Фердинанд вынужден был отречься от престола и вернуться в родной Кобург. Болгария на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. была признана агрессором и получила очень тяжелые условия мирного договора. Для ее населения начался период весьма сложной адаптации к новым условиям государственно-политической и общественной жизни.

Что касается взбалмошной болгарской политической «элиты», которая, обаявшись идеей «Великой Болгарии», не рассчитала сил и потерпела поражение масштаба «национальной катастрофы», то и после двукратного проигрыша она не успокоилась, а передала будущему поколению политиков «битую карту» Сан-Стефанской Болгарии: ревизия мирных договоров 1913 и 1919 гг., а затем и реванш стали главным содержанием не только внешней политики Болгарии в межвоенный период, но практически и всей внутренней жизни страны. Ее модернизационные возможности из-за военных поражений, территориальных потерь, необходимости платить высокие репарации оказались серьезно подорванными.

Можно долго рассуждать о том, могла ли Болгария избежать войны, оказавшейся катастрофической. Об этом размышляли люди начала XX века – современники событий. Противники войны, особенно «земледельцы», говорили о том огромном уроне, который неизбежно нанесет война хозяйству страны, и о необходимости заботиться в первую очередь о развитии экономики, о сбережении человека труда. Болгарская историография из-за общественной и политической живучести мифа о Сан-Стефано, как бы требовавшего соблюдать корректность при изучении такого объекта, как Балканские войны, подобный вопрос долгое время не поднимала. Лишь к концу 1960-х гг., считает Р. Даскалов, публикацией статьи А. Велева «Политические партии в Болгарии и Балканские войны»⁵⁹, было положено *начало переосмыслению* социоистории Балканских войн.

Ныне можно назвать еще нескольких болгарских авторов, критически анализирующих ситуацию 1912–1913 гг. Тот же Р. Даскалов ставит вопрос: возможно ли было сначала заняться развитием и обогащением страны «и только потом направить усилия на объединение?»⁶⁰ Сам автор уходит от ответа, но упоминает мнение коллеги С. Грынчарова, который пишет: это было бы действительно мудрое решение, но с задней датой и без учета тогдашних реалий. П. Анчев развивает мысль дальше, хотя и в несколько ином направлении. Он считает, что применительно к концу XIX – началу XX вв., когда на международной арене шла подготовка к «приданию новых очертаний на карте Европы», Болгарии предстояло сделать решительный выбор. «Какой? Болгария, – размышляет он, – уже должна была осоз-

знать свои не территориальные и националистические интересы, а экономические и рыночные выгоды. Ей нужен был покровитель, который инвестировал бы капиталы в промышленность, открыл свои рынки и гарантировал стабильность болгарской валюты. Болгарии нужно было приобщиться к европейскому капиталу [...] В начале XX века Болгария как страна с бурно развивавшейся экономикой начала испытывать потребность в «жизненном пространстве»⁶¹. И далее: «Национальное объединение стало синонимом жизненного пространства»⁶¹. То есть, по Анчеву, получается, что война все-таки была нужна, но, главным образом, из экономических соображений, а не ради освобождения братьев в Македонии и Одринской Фракии, призывы к чему являлись, по его мнению, «прикрытием империализирующихся претензий болгарской буржуазии на расширение рынков и приобретение сырьевой базы, в частности, для легкой промышленности, и выхода в Эгейское море».

Во всяком случае, неудачными войнами модернизационный процесс в стране оказался прерванным, благоприятная для его дальнейшего развития конъюнктура начала XX века упущена. Следующий благоприятный момент пришел только через 35 лет – во второй половине 1930-х гг. Но темп уже был сорван. Да и промежуток с середины 1930-х гг. до начала новой мировой войны был совсем мал. Так что Болгарии для полного прохождения цикла буржуазной модернизации просто не хватило исторического времени, и часть его – в погоне за национальным идеалом – была использована малопродуктивно.

¹ *Влахов-Мицов, Ст.* Владетели в примка. Книга за княз Батенберг, цар Фердинанд и цар Борис III. С., 1992, 11–12.

² *Илчев, И.* Митът за Санстефанска България като «свещена» крава» на българския патриотизъм. – История, 1995, № 6, с. 58.

³ *Петков, П.* Съдбата на българския възрожденски идеал (бележки върху развитието на идеите за държавно устройство и политическото управление и реализацията им през XIX и XX в. – В: Двадесетият век. Опит за равностетка. С., 2003, с. 127.

⁴ *Влахов-Мицов, Ст.* Указ. соч., с. 62.

⁵ См.: *Панкратов, С. А.* Модернизация как исторический феномен. Учебно-методологическое пособие. Волгоград, 1999, с.10.

⁶ *Янчулев, М.* Септември 1918 – септември 1944. – В: Научен архив на Българската академия на науките. Сб. IV, а.е. 194, ч. 1, с. 71. – Воспоминания секретаря А. Ляпчева.

⁷ *Рыбаченок, И. С.* Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX в. – В: Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начала XX в. К 100-летию акад. А. Л. Нарочницкого. М., 2007, с. 303.

⁸ *Витте, С. Ю.* Всеподданнейшая записка. – В: Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. Составитель И. С. Рыбаченок. М., 2004, с. 79.

⁹ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. От русско-французского союза до Октябрьской революции. М., 1997, 77–78.

¹⁰ Там же, с. 59.

¹¹ *Рыбаченок, И. С.* Указ. соч., с. 292.

¹² История внешней политики России..., с. 64.

¹³ *Игнатъев, А. В.* Внешняя политика России. 1907–1914 гг. Тенденции. Люди. События. М., 2000, с. 38.

¹⁴ *Кострикова, Е. Г.* Русские политики, публицисты и общественные деятели о геополитических интересах России в начале XX в. – В: Геополитические факторы..., с. 321.

¹⁵ *Гачев, Г.* Космогония Балкан. – В: В поисках «балканского» на Балканах. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1999, с. 64.

¹⁶ *Елджеров, Св.* «Голямото разочарование»: България и въстанието. – В: Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. С., 2005, с. 178.

¹⁷ *Димитров, А.* Илинденско-Преображенското въстание като знак за българската историческа приемственост. – В: Илинденско-Преображенското въстание ..., с. 52.

¹⁸ *Рудометов, В., Ст. Николов.* Корените на балканския политически модел: пагубно съчетание между национализъм и слаборазвитост. – Социологически проблеми, 1999, № 3–4, с. 148.

- ¹⁹ Пантев, А. Едиповият комплекс на модернизацията. – Понеделник, 2007, № 7–8, с. 69.
- ²⁰ Рудометоф, В., Ст. Николов. Указ. соч., с. 149.
- ²¹ Мишкова, Д. Европейски идеи и институции в политическата система на България. 1878–1914. – В: Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. С., 1999, с. 20.
- ²² Баева, И. Аграризмът като идеология на селските движения в България и Полша до Втората световна война. – В: Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. Т. 84–85. С., 1992, с. 183.
- ²³ Маркова, М. Динамика на селската култура в Кюстендилско през XX век. – В: Известия на исторически музей. Т. 11. Кюстендил, 2004, с. 368.
- ²⁴ Зундхаусен, Х. От предкапитализма към ранен капитализъм: Трансформация на селото и селското стопанство на Балканите от XIX в. до Втората световна война. – Български фолклор, 1994, № 3–4, с. 11.
- ²⁵ Янчев, В. Войската и гражданските власти. 1878–1912. – В: Модерна България ..., с. 83.
- ²⁶ Там же, с. 67.
- ²⁷ Мишев, Р. Военно обучение и специализация на български офицери в Русия в началото на XX в. – В: Летопис на дружбата. Т. 8. С., 1981, с. 335.
- ²⁸ Даскалов, Р. Българското общество. 1878–1939. Т. 1. С., 2005, 122–123.
- ²⁹ Там же, с. 123.
- ³⁰ Зафиров, Д. Българската армия – монархически и републикански образ. – Исторически преглед, 2002, № 1–2, 195–196.
- ³¹ Даскалов, Р. Указ. соч., 124–125.
- ³² Стоилов, П., М. Йонов, Л. Петров. Българската армия като институция. 1878–1944. – В: България 1300. Институции и държавна традиция. Доклади на III конгрес на Българското историческо дружество. С., 1981, с. 374, 377.
- ³³ Даскалов, Р. Указ. соч., с. 126.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Марков, Г. България и Балканският съюз срещу Османската империя. 1912–1913. С., 1989, с. 19.
- ³⁶ Мишев, Р. Указ. соч., с. 346.
- ³⁷ Фичев, И. Балканската война. Преживелици, бележки и документи. С., 1940, 72–73.
- ³⁸ Марков, Г. Поуки от Балканските войни 1912–1913 гг. – Военноисторически сборник, 2003, № 1, с. 24.
- ³⁹ Там же, 26–27.
- ⁴⁰ Марков, Г. Българското крушение 1913. С., 1991, с. 62.
- ⁴¹ Марков, Г. България и Балканският съюз ..., с. 17.
- ⁴² Матошич, Й. Кървава България. С., 1991, с. 40.
- ⁴³ Цит. по: Христов, Хр. Александър Стамболийски в новата и най-новата история на България. – В: Александър Стамболийски. Живот, дело, завети. С., 1980, с. 29.
- ⁴⁴ Тодорова, Цв. Политическите партии, властта и държавата в идеологията на Александър Стамболийски. – В: Александър Стамболийски..., с. 118.
- ⁴⁵ Цит. по: Бел, Дж. Д. Александър Стамболийски и БЗНС. 1899–1923 (Перевод с англ.). С., 1993, 100–101.
- ⁴⁶ Там же, с. 101.
- ⁴⁷ Христов, Хр. Указ. соч., 29–30.
- ⁴⁸ Тодорова, Цв. Указ. соч., с. 118.
- ⁴⁹ Бел, Дж. Д. Указ. соч., с. 100.
- ⁵⁰ Гочев, М. Варненска окръжна земеделска дружба. С., 1978, 51–52.
- ⁵¹ Бел, Дж. Указ. соч., с. 102.
- ⁵² Христов, Хр. Указ. соч., 31–32.
- ⁵³ Топенчаров, В. Българската журналистика. 1903–1917. С., 1981, с. 176.
- ⁵⁴ Кърчев, Д. Време на надежди и катастрофи. 1905–1919 (Дневници и политически студии). Съст. Илия П. Пасков. С., 1994, с. 142.
- ⁵⁵ Димитров, А. Указ. соч., с. 54. Эти слова автора относно са свързани с событията 1903 г., но така както тогавашните обстоятелства били во многом повторени в 1912 г., считая полезным напомнить о них, говоря о кануне Первой Балканской войны.
- ⁵⁶ Марков, Г. Поуки от Балканските войни 1912–1913 гг. ..., с. 25.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Илчев, И. България и Антанта през Първата световна война. С., 1990, 6–7.
- ⁵⁹ Etudes historiques. Т. 4. Sofia, 1968.
- ⁶⁰ Даскалов, Р. Указ. соч., с. 184.
- ⁶¹ Анчев, П. Разумът в българската история. Опит за теория на България. С., 2005, с. 227, 234.

О. Н. Гуринова

**ПОПЫТКА РОССИЙСКОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА
В БОЛГАРО-СЕРБСКОМ СПОРЕ ИЗ-ЗА МАКЕДОНИИ
В 1912–1915 гг.**

Балканский регион на протяжении XIX – начала XX в. занимал особое место в системе международных отношений и являлся для Российской империи центральным пунктом ее внешнеполитических устремлений.

По окончании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. противоречия на Балканах еще более обострились. Несмотря на признание независимости Сербии, Черногории и Румынии, создание автономного Болгарского княжества, Берлинский конгресс 1878 г. узаконил оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, разделил «Сан-Стефанскую Болгарию» на три части, разрушив мечту болгар о едином «целокупном» отечестве. «Трудно предугадать, как протекали бы процессы формирования национального самосознания славянского населения Македонии, если бы не было решений Берлинского конгресса»¹ – с этой мыслью К. Л. Струковой нельзя не согласиться. Отделение Македонии от Болгарского княжества, расхождение политических и экономических условий развития этих земель после 1878 г. «ослабило их прежние связи и предопределило новое развитие края... Специфическое развитие Македонии, усиление культурного и языкового своеобразия вело к вызреванию элементов македонской нации»². Теперь вопрос о существовании македонского этноса и принадлежности занимаемых им территорий становился первостепенным для балканских государств.

Таким образом, одновременно с появлением новых государств на Балканах назревал очередной кризис – в Македонии, которая после 1878 г. продолжала оставаться в составе Османской империи, что породило стремление политических элит Болгарии, Сербии и Греции к освобождению всех представителей «своей» национальности от османского господства с соответствующим расширением границ за счет европейских провинций Турции, в частности, ее македонских вилаетов.

Долгое время успешное распространение болгарской национальной идеи в Македонии осуществлялось благодаря общности культурно-языковых и исторических связей с проживающим там населением, широкой национально-культурной автономии болгар в рамках Османской империи, приобретенной в период с 1835 по 1870 г., и учреждением особой болгарской церковной области – Экзархии, границы которой послужили графу Н. П. Игнатьеву основой для определения границ Болгарии после ее освобождения от турецкого владычества. Все это являлось основным аргументом болгарских притязаний на македонские земли. Однако стремление Болгарии к присоединению македонских земель натолкнулось на отпор со стороны Сербии, главной целью которой со времен «Начертания» И. Гарашанина (1844) оставалось «освобождение всех территорий, населенных сербами и находившихся под властью иностранных государств – Турции и Австро-Венгрии (в первую очередь, речь шла о Старой Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговине. – *О. Г.*), и объединение всего сербского народа в рамках единого государства»³.

Между государствами началась борьба, повергшая Македонию в анархию, с риском задержать там турецкое правление на более долгий срок. Болгария продолжала считать

Македонию неделимой частью своего национального организма, а Сербия рассматривала македонские земли в качестве компенсации утраченной Боснии и Герцеговины⁴. После победы над Сербией в 1885 г. и признания великими державами объединения Княжества Болгарии и Восточной Румелии Македония стала центром болгарских национально-территориальных устремлений, и едва ли не вся внешняя политика Софии сосредоточилась на македонском вопросе⁵. Сербия опасалась роста болгарского влияния в Македонии, которая, в случае обретения автономии, могла бы повторить судьбу Восточной Румелии. Дабы воспрепятствовать такому развитию событий, в 1888 г. сербский дипломат Стоян Новакович выступил с идеей «македонизма», суть которой состояла в том, что славянское население Македонии составляет отдельный народ и не является ни болгарами, ни сербами. Эти идеи были поддержаны в Сербии, однако в самой Македонии поначалу не нашли широкого круга сторонников: большинство македонских славян, прежде всего культурная и политическая элита, относили себя к болгарам. Лишь в 1903 г. Кр. Мисирков, находившийся в Санкт-Петербурге, обосновал существование особого македонского языка и самостоятельной македонской нации со своими собственными политическими интересами⁶.

К этому времени Горноджумайское (1902) и Ильинденское (1903) восстания в Македонии привлекли внимание России, подтолкнув ее к совместной с Австро-Венгрией разработке проекта реформ в европейской части Османской империи, предусмотренных Мюрцштегским соглашением 1903 г.⁷ Это соглашение поддерживалось в основном Сербией и Болгарией, заключившими между собой весной 1904 г. секретный договор: обе стороны брали на себя обязательство препятствовать любым действиям, направленным на раздел балканских владений султана. В начале XX ст. в дипломатических кругах Белграда и Софии получило распространение мнение Драгана Цанкова: если Македония все же получит автономию и захочет присоединиться к Сербии, то последняя не может согласиться на это, пока не совершится присоединение к Болгарии Адрианопольского и Константинопольского вилайетов (за исключением Константинополя и Проливов). В случае же, если Македония изъявит желание объединения с Болгарским княжеством, то оно не должно давать своего согласия, пока Сербское королевство не получит Старую Сербию и Боснию, а если Македония захочет остаться автономной, она должна будет вступить в союзные отношения как с Сербией, так и с Болгарией. Отказ от союза повлечет раздел Македонии⁸.

В 1904 г. болгарское правительство Р. Петрова, а позднее демократический кабинет А. Малинова (1910–1911) предпринимали попытки заключить компромиссный договор с Сербией, в основе которого базировался бы принцип автономии Македонии. Сербская сторона готова была согласиться при условии, что Скопский санджак будет признан в составе границ Старой Сербии, но на такую жертву Болгария не могла пойти.

Между тем после ряда неудачных попыток проведения реформ 1904–1908 гг. положение в македонских землях еще более ухудшилось, что заставило оба правительства предпринять новые усилия для пересмотра существующего положения. Инициатива создания формального Балканского союза принадлежала премьер-министру Сербии М. Миловановичу, который в апреле 1911 г. предложил болгарскому посланнику А. Тощеву заключить соглашение о разделе сфер влияния в Македонии, заложив таким образом основу для совместного военного выступления против Турции. Первоначально не принявшее сербское предложение болгарское правительство возобновило переговоры в связи с начавшейся итало-турецкой войной. Председатель Народного Собрания Иван Гешов и его сербский коллега определили территории, которые должны были бесспорно отойти к Болгарии и Сербии после раздела османских владений на Балканах. Судьба так называемой спорной зоны, по мнению М. Миловановича, решалась после будущей войны с Турцией посредством третейского разбирательства России. Выдвинутая

М. Миловановичем идея спорной зоны и русского арбитража не встретила одобрения в Софии, поскольку там полагали, что Петербург непременно примет сторону Белграда.

Однако мнение болгарского руководства вскоре изменилось в пользу предложения сербского премьер-министра, что привело к продолжительным дебатам о непосредственном размежевании спорной зоны. Как писал позднее в своих мемуарах И. Гешов: «И начались тогда длинные переговоры между мной и г-ном Спалайковичем о сужении этой зоны, переговоры, в которых не раз принимали участие и русский посланник в Софии г. Неклюдов, и русский военный атташе, г-н полковник Романовский. Это участие выражалось то в форме советов быть умеренными и уступчивыми, ... то в форме сообщений о том, что ... Россия оставляет за собой право поступить так, как ей диктуют ее интересы»⁹. В конце 1911 г. и в начале 1912 г. между сербской и болгарской стороной велась борьба, наиболее сложным моментом которой явилось определение принадлежности Ускюба (Скопье), Велеса и Струги. Сербии этот район был необходим для прикрытия с юга будущего выхода к Адриатике и линии Дунайско-Адриатической железной дороги. Для Болгарии через Ускюб и Велес шли единственные удобные пути в долину р. Вардар, к центру ее будущих македонских владений. «Последние (сербь. – О. Г.) после долгих настояний уступили нам в вопросе о границах спорной зоны, но не уступали в вопросах о Струге и о берегах Охридского озера между Стругой и Охридом. Мне пришлось долго спорить по этому вопросу, пока, наконец, нам не обещали эти области и пока не был составлен по этому вопросу протокол», – вспоминал впоследствии И. Гешов¹⁰.

К началу 1912 г., по завершении продолжительных переговоров о союзе, осложняемых излишними претензиями и несговорчивостью сербов и «недоверчивостью, боязнь лишиться полной свободы действий, нежеланием делать сербам уступки в Македонии» болгар¹¹, София и Белград достигли понимания, что привело к заключению 13 марта союзного договора, регулирующего взаимоотношения двух стран в случае изменения статус-кво на Балканах¹², уточненного подписанием 12 мая двусторонней военной конвенции «для полного и наиболее целесообразного исполнения настоящего договора»¹³.

Договор предусматривал совместное выступление против Турции и в случае успеха последующий раздел ее балканских владений. Сербии предоставлялось бесспорное право на так называемую Старую Сербию и Новипазарский Санджак, а Болгарии – на земли в Восточной и Эгейской Фракии, в том числе значительную часть Македонии к юго-востоку от линии Крива Паланка – Охрид, что составляло около 2/3 македонских земель, включая города Велес, Штип, Битоля, Прилеп и Охрид, и получило впоследствии название «бесспорной зоны». Оставшаяся 1/3 македонской территории между р. Места, Эгейским морем и Охридским озером с городами Скопье, Куманово, Дебр и Тетово составила так называемую «спорную зону», которой предполагалось предоставить автономию¹⁴. Однако оба заинтересованных государства не воспринимали подобное положение всерьез с самого момента подписания соглашения. Это следует из статьи 2 секретного приложения к договору от 13 марта, где говорилось: «... если обе стороны убедятся, что организация этой территории в виде отдельной автономной области невозможна, ввиду общих интересов болгарской и сербской народностей или по другим внешним или внутренним причинам»¹⁵, то «спорная зона», в конечном итоге, могла быть отдана одной или другой державе или разделена между ними. В случае же разногласий между Сербией и Болгарией арбитром по этому вопросу должен был выступить российский император Николай II.

Стремление Петербурга к активному посредничеству в болгаро-сербском конфликте и поиску компромисса в разделе македонских земель объяснялось пониманием российской дипломатией, что формирование Балканского союза, так необходимого для укрепления позиций Российской империи на юго-востоке Европы, зависело, прежде

всего, от успешного решения македонского вопроса. Как справедливо отмечал посланник в Софии А. В. Неклюдов 16 мая 1912 г. в телеграмме министру иностранных дел С. Д. Сазонову: «...главным объединяющим звеном между болгарами и сербами является надежда поделить при первом удобном случае Македонию»¹⁶.

Ослабление Османской империи, что воочию продемонстрировала итало-турецкая война 1911–1912 гг., а также албанское восстание 1912 г., побудило Грецию и Черногорию примкнуть к болгаро-сербскому блоку. Окончательное формирование Балканского союза завершилось летом 1912 г. во многом благодаря активным усилиям российской дипломатии, не желавшей при этом возникновения преждевременного военного конфликта в регионе. Однако союз балканских государств отражал их собственные стремления, стал прелюдией совместного вооруженного выступления против Турции и началом длительного противостояния претендентов на «османское наследство», прежде всего за обладание македонскими землями, завуалированного лозунгом борьбы за автономию Македонии. Итоги Первой Балканской войны подвел Лондонский мирный договор 17 мая 1913 г., по которому признавалась независимость Албании, а потерпевшая поражение Турция была вынуждена отказаться от всех своих владений в Европе, кроме части Восточной Фракии (юго-восточнее линии Энос–Мидия). При этом Македония стала той точкой, где сошлись наступавшие с разных сторон союзные армии. Победа союзников в Первой Балканской войне разрушила последние остатки величия Османской империи и позволила Болгарии получить большую часть Македонии – весь северо-восточный район, выход к Эгейскому морю и Эдирне; Сербии – Западную и Центральную Македонию; Греции – Эпир, Фессалию, Южную Македонию и некоторые острова в Эгейском море.

В это же время в Лондоне была созвана конференция послов Германии, Австро-Венгрии, Италии, Англии, России и Франции, фактическая роль которой заключалась в том, чтобы направлять и контролировать ход мирных переговоров в интересах великих держав¹⁷. Российская дипломатия, обеспокоенная возможным изменением статуса черноморских проливов, готова была отдать балканским союзникам «для полюбовного раздела завоеванную ими Македонию и предоставить им использовать, в возможно широких размерах, плоды их побед»¹⁸. Однако оказалось, что установленное союзным договором 1912 г. разграничение в Македонии не отвечало ожиданиям ни одной из договаривающихся сторон. В этой обстановке произошло быстрое сербо-греческое сближение из-за нежелания обеих стран уступить хоть малейшую часть македонских земель Болгарии.

Сербия, не получившая выход к Адриатическому морю в связи с образованием независимой Албании, желала в качестве компенсации обрести дополнительные территориальные приращения в Македонии. Белград уже 26 мая 1913 г. специальным меморандумом потребовал от Софии пересмотра условий соглашения 1912 года в свою пользу. Сербская позиция нашла понимание в Афинах, что привело к подписанию 30 мая 1913 г. сербо-греческого союзного договора и военной конвенции, направленных против Болгарии. Договор предусматривал раздел Македонии между Сербией и Грецией, а также установление общей границы между двумя государствами. К ним присоединились неудовлетворенные результатом лондонских решений Черногория, Румыния и Турция¹⁹.

В европейских дипломатических кругах это однозначно расценили как антиболгарскую провокацию, а в России развал Балканского союза привел к изменению восприятия македонского вопроса: с момента обострения межсоюзнических противоречий он перестал существовать для российской дипломатии как относительно самостоятельная проблема и становился составной частью сербо-болгарских отношений²⁰. Сохраняя надежду на возможность предотвращения нового конфликта на Балканах, в Петербурге стремились употребить все усилия, чтобы не дать сербо-болгарской расправе «превратиться в разрыв, а тем более, в открытое столкновение»²¹. Однако стремительно на-

раставшее напряжение между бывшими союзниками предопределило начало Второй Балканской войны, в которой Болгария потерпела сокрушительное поражение.

Границы на Балканском полуострове еще раз были перекроены на конференции великих держав и стран-победительниц 10 августа 1913 г. в Бухаресте и пролегли без всякого учета этнического или религиозного состава жителей, в результате чего здесь по-прежнему сохранялось множество нерешенных территориальных споров. Бухарестский мир положил конец иллюзиям создания независимой Македонии, которая была в очередной раз разделена. По договору Сербия получила не только «спорную», но и большую часть «беспорной» болгарской зоны в Македонии – всю Вардарскую область, значительно приблизив свои южные границы к Эгейскому побережью. Греции досталась Эгейская Македония вместе с Салониками, а кроме того, Драма и Кавала в Западной Фракии. Юго-западные македонские территории в районе Преспанского озера остались в составе Албании. Часть Восточной Фракии с Адрианополем вернулась к Турции, а Румыния приобрела Южную Добруджу. В итоге Болгария потеряла не только вновь приобретенные, но и старые территории, сохранив лишь Пиринскую Македонию и часть Западной Фракии с ограниченным доступом к Эгейскому морю²².

Болгарская политическая элита не желала мириться с поражением, ей не давал покоя идеал Сан-Стефанской Болгарии. Авторитет Антанты в Софии был существенно подорван, а русофильская политика правительства вызывала крайнее недовольство, свидетельством чему явилась отставка кабинета С. Данева, ориентировавшегося на Россию, и приход к власти коалиционного правительства либералов во главе с В. Радославовым, стремившегося к установлению отношений с Центральными державами, не порывая при этом с Антантовским блоком. Вся Болгария была объята реваншистскими настроениями; руководство страны подогревало эти настроения, умело используя проблему беженцев с территории Южной Добруджи, Фракии и Македонии. Нерешенный болгарский национальный вопрос, ставший после Балканских войн еще и вопросом территориальным, возродил в умах общественности идею национального объединения. Но воплотить ее в жизнь без ревизии Бухарестского договора было невозможно.

Его пересмотра добивались также внутренняя Македонско-Одринская революционная организация (ВМОРО) и легальные представители македонских беженцев в Болгарии, которые послали великим державам ряд воззваний и меморандумов с требованиями предоставления Македонии автономии. С этой же целью осенью 1913 г. правительство Радославова направило в ряд европейских столиц делегацию от лица всех македонских болгар²³. Однако все попытки Софии использовать македонский вопрос в своих внешнеполитических целях и добиться ревизии договора мирным путем в 1913–1914 гг. не увенчались успехом. Болгария оказалась на международной арене в изоляции, в окружении враждебных ей государств, и это не могло не повлиять на ее внешнюю политику, направленную в реваншистское русло²⁴.

Не получившая справедливого разрешения на мирной конференции великих держав проблема территориального разграничения в Македонии и определения статуса черноморских проливов заставили Россию снова занять наиболее активную позицию на Балканах. Англия и Франция были готовы к этому, поскольку традиционно считали северную и восточную часть Балканского полуострова негласной сферой влияния Российской империи. Союзники по Антанте в целом одобряли методы российской политики в отношении Болгарии и Сербии, стараясь избегать посредничества. По убеждению министра иностранных дел С. Д. Сазонова, задача российской дипломатии на Балканах заключалась в восстановлении балканского блока в противовес Австро-Венгрии и Германии. В него должны были войти Сербия, Черногория, возможно, и Болгария; кроме того, необходимо было добиться нейтралитета Греции, а также сделать все возможное, чтобы

привлечь Румынию к будущему союзу²⁵. Хотя после Балканских войн произошло существенное изменение расстановки сил в Юго-Восточной Европе, внешнеполитические планы Петербурга в отношении Болгарии и ее вхождения в состав антиавстрийского блока сохранялись. В то же время, в январе 1914 г. имперское правительство заключает соглашение о военно-политическом сотрудничестве с Сербией. Этот шаг явно нарушил баланс в отношениях Санкт-Петербурга с Софией и Белградом в пользу последнего, что сужало возможности российской дипломатии в достижении компромисса.

Разногласия между Сербией и Болгарией крылись прежде всего в том, что результаты Балканских войн не отвечали условиям, по которым заключался союзный договор между ними²⁶. Болгария приобретала Пиринскую Македонию, а именно три округа – Горна Джумая, Петрич, Струмица, а Сербия, несмотря на свои приобретения в Македонии, чувствовала себя ущемлено, поскольку под давлением Вены ей пришлось отказаться от выхода к Адриатическому морю. Это положение вызывало в Белграде решимость отстоять македонские земли – всю «спорную зону» и значительную часть «бесспорной зоны»²⁷. При этом сербов нисколько не смущало возможное нарушение условий договора 1912 г., по которым указанные территории должны были отойти Болгарии.

Такая позиция сербского правительства находила поддержку в Петербурге, поскольку здесь не совсем доверяли болгарскому царю Фердинанду и считали недопустимым территориальное расширение Болгарии и ее приближение к черноморским проливам. Этим объясняется политика российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига, направленная на защиту сербских интересов в македонском вопросе и его стремление создать Болгарии противовес в лице Сербии, которая должна была стать главным агентом России на Балканах.

Однако российская дипломатия не желала «терять» Болгарию, так же, как и открытого ее противостояния с Сербией, подталкивая последнюю к сближению и необходимости предложить Софии некоторые компенсации в Македонии. С. Д. Сазонов старался убедить в этом сербского премьер-министра Н. Пашича во время его визита в Петербург в январе 1914 г. Одновременно состоялась встреча болгарского посланника в России генерала-лейтенанта Радко Димитриева с Н. Пашичем, подробное изложение которой он направил главе болгарского правительства в известной телеграмме № 43 от 5 февраля 1914 г.²⁸ Речь шла, главным образом, о положении в Македонии, о настоящих и будущих взаимоотношениях Болгарии и Сербии. Н. Пашич выразил надежду на скорейшее завершение острого периода неприязни между двумя государствами, а также сказал Р. Димитриеву, что дал совет руководителю сербской миссии в Петербурге М. Спалайковичу поддерживать с ним самые добрые отношения. Болгарский дипломат понимал, что подобная миролюбивая инициатива Н. Пашича исходит под влиянием его недавних встреч с царем и главой российского МИДа, в ходе которых было заключено военно-политическое соглашение с Россией.

Р. Димитриев высказал мнение о новых сербских приобретениях в Македонии: «Мы, болгары, не можем вас поздравить с получением большого выигрыша. Эта македонская полоса, которая вам досталась..., будет раной на вашем государственном организме, наподобие раны, которая довела Турцию до сегодняшнего положения. Македонское население, которое является болгарским, может временно затаить свои чувства и терпеть, но оно никогда не станет сербским. Вы будете вынуждены держать здесь свои усиленные гарнизоны, тратить десятки миллионов сербских денег и в качестве премии – владеть бедным, чуждым вам углом»²⁹. Действительно, новая провинция не способствовала усилению Сербии ни в экономическом, ни в социально-политическом отношении. В результате полного хозяйственного застоя этот край едва ли покрывал собственные расходы, а чтобы держать население в покорности и предотвращать сепаратистские акции македонских болгар, сербское военное командование мобилизиро-

вало дополнительные дивизии. Был введен специальный режим, регулируемый «Распорядком по обеспечению общественной безопасности на завоеванных территориях». Согласно этому документу, за учреждение антиправительственных организаций македонцы осуждались на 20 лет тюремного заключения: кроме того, все они должны были объявлять себя сербами³⁰. «А вы не чувствуете, в каком опасном положении сейчас находитесь относительно Австрии? – продолжал Р. Димитриев. – Если австрийцы завтра найдут некий повод напасть на вас и взять не только вновь присоединенное, но и Старую Сербию, кто вам поможет? Греция, которая продаст вас за тарелку чечевицы, или Румыния? Не думаете ли вы, что это новое положение вас ослабляет?»³¹ По словам Н. Пашича, в Сербии все благоразумные люди это понимали, но были и шовинисты, которых опасалось и с которыми боролось сербское правительство.

Еще в начале лета 1913 г. в Сербии произошла радикализация руководства и всех слоев общества³². Ширились шовинистические идеи; в конце июня сербский король Петр I Карагеоргиевич стал открыто призывать к максимальному расширению границ государства. При поддержке сербской контрразведки в 1911 г. сформировалась крайне радикальная группировка «Черная рука» (другое название «Единство или смерть») – террористически-националистическая организация. Эта организация действовала в Вардарской Македонии в качестве «неофициальной», «неответственной» власти, наряду с официальной сербской администрацией, осуществляя насильственную сербизацию македонских земель³³. «Черная рука» контролировала большую часть государственного аппарата Сербии, ее опасался сам Карагеоргиевич. Внутриполитическая ситуация обострялась еще и тем, что часть сербского правительства во главе с Николой Пашичем не была согласна с политикой «Черной руки». В газетах стали появляться статьи о «правительственной измене родине кабинета Пашича»³⁴.

В ответ на упрек Р. Димитриева в закулисной игре Сербии с Грецией и Румынией против Софии, сербский премьер заявил о «подневольности» своего положения, и в очередной раз подчеркнул, что он не желает напряженных отношений с Болгарией. «Я и мои соратники глубоко сожалеем, что мы вынуждены искать подкрепления у греков и румын против болгар. Мы и сами тяготимся настоящим положением, но скажите мне, что нам делать? Я думаю, что время – наилучший лекарь..., а сейчас поставим цель не обострять дальше наши отношения»³⁵.

Болгарская дипломатия, в свою очередь, уверяла сербов, что стремится употребить все средства для смягчения двусторонних отношений и подготовить почву для соглашения. Но все это – ценой уступок Сербией областей с городами Кочаны, Щип и Радовиш для начала³⁶; предоставления македонскому населению церковной и образовательной свободы, позволения болгарам свободно выражать свою национальность, возвращения македонской интеллигенции и духовенства на их прежние места. «Вот золотой мост для того, чтобы позднее прийти к союзу с более широкими перспективами и для вас, и для нас», – заключил Р. Димитриев. Глава сербского правительства, сохраняя верность своей дипломатической привычке давать уклончивые ответы, намекнул на возможность территориальных уступок Болгарии в неопределенном будущем. «Мы не дорожим Македонией и с удовольствием уступили бы вам то, что вы говорите, но это может стать последствием договора, на который мы будем ориентировать свою политику с вами. Если мы его совершим предварительно, то рискуем вселить подозрение у наших сегодняшних союзников и друзей греков и румын и оттолкнем их от себя прежде, чем сможем обрести вас. Этого не сделаю ни я, ни какой-либо другой наш кабинет, поскольку это означало бы верное падение и проблематичное возрождение. Об этом мы говорили с г-ном Сазоновым, но я и ему сказал то же: если болгары подадут руку, мы им протянем свою с удовольствием»³⁷.

Разумеется, болгары считали, что им не подобает искать милости у сербов, ибо в таком случае национальное чувство собственного достоинства было бы оскорблено. Наоборот, они были уверены, что именно сербы должны проявить инициативу и пойти на территориальные уступки в Македонии. В этом же Н. Пашича старался убедить и глава российского МИДа, затронув вопрос о национальном облике славянского населения в Македонии. Но Н. Пашич прекрасно понимал, что российское правительство озабочено не проблемой положения болгар в Македонии, а собственными интересами на Балканах, однако пообещал С. Д. Сазонову предпринять все возможное в этом направлении.

Политическое руководство Сербии придерживалось точки зрения, что македонцы не такие уж «чистые болгары», какими их считали в Софии. По словам Н. Пашича: «Они и не сербы. Это славянское племя с наречием средним между болгарским и сербским. Это, одним словом, сырой этнографический материал, который может стать и болгарским, и сербским, в зависимости от того, кто им будет владеть. Если вопреки здравому смыслу мы будем поставлены перед необходимостью удерживать этот край при себе подольше, то, естественно, его население мало-помалу станет сербским»³⁸. Приведенная цитата – яркий образчик государственного мифотворчества. Официальные лица и Сербии, и Болгарии упорно настаивали на том, что македонские славяне – на самом деле местная «разновидность» сербов или болгар.

Сербский премьер старался убедить Р. Димитриева, что сербам нет особой необходимости проводить политику ассимиляции в македонских землях. «Если мы с вами снова подготовим почву для взаимопонимания, то мы и сами не заинтересованы усердствовать в сербизации, но прежде всего нам необходимо примириться и найти общий язык. Это выход»³⁹. В заключении беседы Н. Пашич в качестве доказательства сербского расположения к Болгарии привел пример поведения делегации Сербии в Бухаресте⁴⁰: «Знаете ли вы, что и греки, и румыны могут дойти до крайности, знаете ли, что турки предлагали в Бухаресте поделить Болгарию? Но я сказал нет, Болгария достаточно наказана и ее существование необходимо для соблюдения равновесия на Балканах. А теперь вы ведете разговор о дружбе с Турцией»⁴¹. Такой дружественный тон Н. Пашича был продиктован советами и пожеланиями российской стороны прийти к скорейшему взаимопониманию с болгарами, чтобы они не бросились окончательно в объятия Австро-Венгрии и Германии.

В пользу последнего заключения свидетельствует телеграмма болгарского консульского представителя в Константинополе Ивана Манолова от 21 марта 1914 г., адресованная болгарскому премьер-министру. «Вчера видел советника при Российском посольстве Гулькевича⁴². Как при всякой встрече, так и сейчас, мы начали разговор об отношениях с Сербией. Г-н Гулькевич, равно как и его шеф, поддерживает мнение, что Сербия должна сделать первый шаг на пути сближения и что для реализации последнего необходимы известные территориальные уступки с сербской стороны»⁴³. Хотя о передаче «известных территорий» Болгарии не могло быть и речи: в Белграде не могли совершить подобный жест, не заручившись прежде гарантией других территориальных компенсаций. С этим был согласен и К. Н. Гулькевич. Он не верил также, что сербское правительство предпримет какие-либо послабления в культурном отношении, допустив болгарских священников и учителей в Вардарскую Македонию. «Мимоходом Гулькевич сделал намек на Кавалу и Драму как возможную компенсацию для Болгарии. Скрытая его мысль была, что сближение между Сербией и Болгарией может осуществиться не столько за счет Сербии, сколько Греции», – подытожил И. Манолов⁴⁴.

Однако Греция категорически заявила великим державам, что она против каких бы то ни было уступок Сербии в пользу Болгарии, формально ссылаясь на нежелание нарушения установленного в Бухаресте равновесия. В сущности, в Афинах имели основания опасаться, что восстановив свой союз, два славянских государства могут до-

говориться за счет греческой территории⁴⁵. Более спокойно относились к возможному болгаро-сербскому сближению в Бухаресте. Здесь дали понять, что не станут противостоять такому союзу, разумеется, если он не будет направлен против Румынии.

Не подлежит сомнению, что Бухарестский договор таил в себе все элементы для возникновения новых конфликтов, а руководители балканских государств усугубляли существующее положение. С самого начала раздела и оккупации Македонии, вопреки ожиданиям местного населения, вместо полного национального и политического освобождения, декларированного целью первой Балканской войны, сербские и греческие оккупационные власти установили здесь свой насильственный режим, сопровождаемый политикой ассимиляции и денационализации местного населения⁴⁶. Правительство Болгарии стремилось использовать угнетенное положение македонских болгар в оккупированных территориях как повод для пересмотра существующего положения. Нерешенная во время Балканских войн македонская проблема, как многим тогда представлялось, могла получить удовлетворительное разрешение только военным путем.

«Сан-Стефанский идеал» Болгарии содержал территориальные претензии ко всем соседним государствам, однако после Балканских войн болгарское руководство вынуждено было на время отодвинуть свои гегемонистские устремления и сфокусировать внешнюю политику в первую очередь на македонском вопросе. В этой связи образ врага в лице Сербии усиленно насаждался болгарской официальной пропагандой⁴⁷, что нашло особенное проявление в первые дни сараевского кризиса. Чрезвычайный посол Софии в румынской столице Симеон Радев в отправленной 29 июня 1914 г. из Бухареста зашифрованной телеграмме в МИД Болгарии по случаю убийства австрийского престолонаследника сербскими националистами отметил следующее: «Хорошо было бы внушить нашей прессе провести параллель между сербами в Боснии и Герцеговине, которые имеют церкви, школы, и национальным бесправием болгар в Македонии. Планирую посетить графа Чернина в Синае с просьбой телеграфировать в бюро прессы в Вене и дать такие же инструкции для австрийской печати. Удобный момент для антисербской пропаганды в Европе»⁴⁸.

Болгарский премьер-министр В. Радославов, узнав 24 июля 1914 г. о содержании австро-венгерского ультиматума Сербии, назвал это «большим счастьем для Болгарии». Однако официально он выразил «сочувствие» таким тяжелым и несправедливым условиям, которые «никакое суверенное государство не сможет принять». Правительственная печать в Софии встретила вручение австрийского ультиматума Сербии с плохо скрываемым злорадством⁴⁹.

К концу июля 1914 г. стало очевидным перерастание австро-сербского конфликта в общеевропейскую войну, повлекшую за собой крушение системы международных отношений на Балканах, созданной Бухарестским миром. 29 июля В. Радославов отдал распоряжение посольствам объявить о полном и безоговорочном нейтралитете Болгарии в начавшейся войне⁵⁰. Болгарские правительственные круги расценивали начало Первой мировой войны как сигнал того, что наступило время для пересмотра Бухарестского договора. В своем стремлении вернуть македонские земли Болгария готова была ориентировать свою внешнюю политику на любую державу, которая помогла бы осушить ее территориальные притязания⁵¹.

В Сербии весть о болгарском нейтралитете приняли с большим облегчением, поскольку имели все основания опасаться нападения с востока. В. Радославов не сдержался и дал понять, что взамен своего нейтралитета Болгария надеется получить от Сербии территориальные компенсации. Из Ниша, куда переехало сербское правительство, Н. Пашич выразил благодарность Софии за занятую позицию и, в свою очередь, еще более неопределенно намекнул о возможных послевоенных компенсациях⁵². Отношение официального Петербурга к занятой болгарским руководством нейтральной

позиции было неоднозначным: здесь, несмотря на сложность болгаро-российских отношений, ожидали от Софии выступления на стороне России. Но и нейтралитет Болгарии, хоть и расценивался как проявление неуверенности (к какому из блоков примкнуть), впоследствии был принят молчаливым согласием имперского правительства⁵³.

С самого начала Первой мировой войны между враждующими коалициями великих держав развернулась дипломатическая борьба за привлечение на свою сторону потенциальных союзников. На них с обеих сторон посыпались обещания территориальных приращений, компенсаций и гарантий. Ни Румыния, ни Греция не желали брать на себя обязательство пересмотра Бухарестского договора и, в надежде получить шанс на удовлетворение своих территориальных амбиций, заняли позицию выжидательного нейтралитета. Равно как и заявление Болгарии о нейтралитете отнюдь не означало, что болгарское либеральное правительство отказалось от мысли о реванше. Уже 2 августа 1914 г. В. Радославов, заручившись поддержкой Фердинанда, направил Австро-Венгрии и Германии предложение союзного договора, взамен ожидая обещаний помощи в деле «возвращения» Вардарской Македонии⁵⁴.

Оппозиционные круги в Болгарии разделились на два лагеря: Болгарский земледельческий народный союз, поддерживаемый «широкими» социалистами и радикалами, выступал за соблюдение строгого и последовательного нейтралитета; другая часть оппозиции, представленная партиями народовцев, демократов и прогрессистов, верили, что именно Антанта поможет Болгарии в достижении ее внешнеполитических целей⁵⁵.

Глава болгарской миссии в Сербии С. Чапрашиков заявил, что «никто не сможет запретить Болгарии мечтать о всей Македонии»⁵⁶, а болгарский посланник в Греции Г. Пасаров на переговорах с представителями Антанты об условиях возможного союза, проходивших в середине августа 1914 г. в Афинах, следовал инструкциям своего шефа В. Радославова «требовать всю Македонию»⁵⁷. В этих высказываниях прослеживалась направленность внешней политики Софии, заключающаяся главным образом в обретении желанного результата в македонском вопросе.

В условиях начавшейся войны российская дипломатия была убеждена, что единственным средством привлечь Болгарию в качестве союзницы являлась передача ей Македонии в границах болгаро-сербского договора 1912 г. Но при попытке обсуждения этого вопроса с Н. Пашичем новый российский посланник в Белграде Г. Н. Трубецкой, сменивший в августе 1914 г. скоропостижно скончавшегося Н. Г. Гартвига, всякий раз наталкивался на резкое сопротивление сербского премьер-министра. 31 июля 1914 г. С. Д. Сазонов предложил правительству Сербии самому определить возможные территориальные уступки Болгарии взамен ее нейтралитета или возможного сотрудничества, а 5 августа глава российского МИДа составил план болгаро-сербского сотрудничества. Так, в качестве цены болгарского участия в войне Сербии необходимо было уступить часть «беспорной зоны» по договору 1912 г. Если же война завершится победой Антанты и существенными территориальными приращениями Сербии, Болгария получит всю «беспорную зону». В случае, если Болгария откажется принять прямое участие в войне, Сербии предписывалось пожертвовать Щип, Радовиш и Кочаны в качестве «благодарности» за благожелательный болгарский нейтралитет⁵⁸. Поверенный в делах России в Сербии В. Н. Штрандтман сообщал, что Н. Пашич в принципе был не против провести сербо-болгарскую границу «по ближайшему к Вардару с восточной стороны водоразделу...»⁵⁹

Усиление дипломатического давления на Сербию держав Антанты и активизация российской дипломатии с требованиями территориальных уступок Болгарии в Македонии заставили сербских политиков пересмотреть собственные геополитические устремления. 29 августа заместитель Н. Пашича по министерству иностранных дел

И. Йованович «в связи с вопросом о компенсации Болгарии» заявил о необходимости разработки целостной югославянской программы⁶⁰.

Сербское правительство было заинтересовано в благожелательном нейтралитете Болгарии, а лучше – в ее выступлении против Австро-Венгрии, и понимало, что за это необходимо платить соответствующую цену. Однако Н. Пашич не собирался немедленно уступать натиску Петрограда. Он заявил, что «Сербия была бы расположена уступить часть своей территории после победоносной войны держав Тройственного Соглашения, когда они диктовали бы условия мира и дали бы возможность Сербии получить сербо-хорватские территории вместе с прилегающим побережьем»⁶¹. Это подтверждалось готовностью Белграда жертвовать районом по водоразделу на восток от реки Вардар, что составляло около 1/4 части «беспорной зоны» и позволило бы оставить за Сербией контроль над Вардарской долиной, которая являлась единственным стратегическим выходом к эгейскому порту Салоники. Среди сербской политической элиты существовало убеждение, что владение долинами Моравы и Вардара обеспечит господство Сербии на Балканах⁶². Такая позиция, по мнению Н. Пашича, наилучшим образом соответствовала государственным интересам Сербии, особенно в связи с планами разработки новой югославянской программы, и этому внешнеполитическому курсу сербское правительство следовало вплоть до осени 1915 г.

Между тем в стремлении привлечь Болгарию в свой лагерь С. Д. Сазонов старался создать впечатление в Софии, что Россия ратует за болгаро-сербское соглашение на базе сербских уступок в пользу Болгарии. Еще 3 августа, накануне встречи с Н. Пашичем, С. Д. Сазонов дал распоряжение российскому посланнику в Софии А. А. Савинскому обещать обеспечение неких территориальных приращений Болгарии, если она выступит с Россией⁶³. Но предложения, не имеющие под собой конкретных гарантий, едва ли могли быть серьезно восприняты болгарским правительством. А. А. Савинский небезосновательно полагал, что Болгарию можно привлечь на свою сторону, отдав ей Македонию по линии 1912 г. или до Вардара, а также часть Фракии⁶⁴.

В начале сентября 1914 г. С. Д. Сазонов подготовил проекты деклараций, которые посланники Антанты должны были вручить в балканских столицах. В нотах предусматривались сербские и греческие уступки в пользу Болгарии без определения их размеров. Разумеется, такие неопределенные посулы были обречены на провал. Уже 14 сентября 1914 г. глава российского МИДа предложил французскому и британскому посланникам в Петербурге М. Палеологу и Дж. Бьюкенену основные контуры будущего мира. Программа эта предполагала разгром Германской империи и ее союзников и содержала, кроме всего прочего, следующие пункты: п. 7. Передача Сербии Боснии, Герцеговины, Далмации и северной Албании; п. 8. Вознаграждение Болгарии за счет сербской Македонии и присоединение к Греции Южной Албании⁶⁵.

В эти напряженные месяцы внешняя политика Российской империи была практически всецело сосредоточена в руках С. Д. Сазонова, уверенного в поддержке Николая II⁶⁶.

С вступлением в войну Турции 30 октября на стороне Центрального блока политическая обстановка на Балканах усложнилась возможностью австро-германской дипломатии осуществлять более эффективный натиск в Болгарии, Греции и Румынии. Несмотря на это, у России, связывавшей судьбу черноморских проливов с болгаро-русскими отношениями, появилась надежда привлечь Болгарию обещаниями территориальных приращений в турецкой Восточной Фракии. Однако интересы болгарского правительства на данном этапе состояли в другом: в Софии настойчиво требовали всю Македонию, но осуществить стремления болгар в таких размерах российской дипломатии было не под силу.

В конце ноября 1914 г. посол России в Англии А. К. Бенкендорф предложил британскому министру иностранных дел Э. Грью в качестве возможной компенсации

Сербии и Греции – взамен их уступок Болгарии в Македонии – поделить между двумя государствами Албанию. Эта же идея была озвучена и в Париже. Однако в обеих столицах перспектива Сербии, а посредством нее и России, контроля выхода к Адриатике была признана неприемлемой⁶⁷.

9 декабря державы Антанты вручили Болгарии декларацию, в которой взамен болгарского нейтралитета предлагались «справедливые территориальные приобретения в Македонии и расширение территории в Фракии до линии Энос – Мидия». В ответ на это болгарское руководство заявило, что предпочитает следовать намеченному ранее пути⁶⁸ – лишь занятие Болгарией «бесспорной зоны» могло гарантировать ее выступление на стороне Антанты. Ниш на это не соглашался, а в Петрограде не были намерены осуществлять акции, направленные на ослабление российского авторитета и влияния в Сербии. Россия была готова предпринять действенный натиск на правительство Н. Пашича лишь в случае обретения возможности дополнительных стратегических преимуществ в Сербии, что находило ярое сопротивление Англии и Франции⁶⁹.

Необходимо отметить, что болгарские правительственные круги хотели видеть в качестве посредников скорее Англию или Францию, нежели Россию. Недавние действия российской дипломатии, направленные на недопущение перехода болгарской границы за линию Энос – Мидия и колебания при разрешении болгаро-сербского спора из-за Македонии после Балканских войн, подогревали русофобские настроения болгарского руководства. Кроме того, в Софии опасались возможного присутствия российских войск в Константинополе, поскольку были убеждены, что это привело бы к потере Болгарией значительной части своего государственного суверенитета. Об этом позднее писал Г. Н. Трубецкой: «...Болгары понимали, что если Россия упрочится в Константинополе, то конец их гегемонии на Балканах. Они уже не в состоянии будут посягать на своих соседей»⁷⁰. С трибуны Народного собрания В. Радославов заявил, что «не пошевелит пальцем», пока существует малейшая вероятность присутствия на южных рубежах Болгарии такого могущественного соседа, как Российская империя⁷¹.

Сербия продолжала сопротивляться натиску союзной дипломатии по вопросу о предоставлении территориальных уступок Болгарии. Положение осложнялось временным ухудшением обстановки на фронтах в связи с наступлением австро-венгерских войск, когда сербы вынуждены были оставить Валево, Обреновац, Белград. Однако вскоре последовало успешное контрнаступление сербской армии, завершившееся 15 декабря освобождением Белграда. Накануне, 7 декабря 1914 г., Народная скупщина приняла в Нише декларацию, в которой впервые озвучивалась цель «освобождения и объединения всех наших неосвобожденных братьев сербов, хорватов и словенцев»⁷². Нишская декларация стала основой югославянской объединительной политики Сербии, была напрямую связана с македонским вопросом и носила геополитический характер: чем больших уступок требовала Россия и ее союзники в пользу Болгарии в Македонии, тем далее в сторону Адриатического побережья распространялись претензии Белграда. Н. Пашич в надежде, что при определении судьбы югославянских территорий Австро-Венгрии союзники учтут интересы Сербии, готов был пойти навстречу их требованиям удовлетворения болгарских притязаний в Македонии⁷³.

Российской дипломатии было известно, что Болгария не может быть удовлетворена лишь частью Македонии, поскольку ее территориальные претензии были направлены ко всем балканским государствам. В Петрограде не желали, чтобы одна только союзная России Сербия платила за болгарское участие. С. Д. Сазонов выдвинул идею предложить Сербии Боснию и Герцеговину, часть Адриатического побережья и Северную Албанию взамен передачи Болгарии «бесспорной зоны» в Македонии. Однако сербское руководство, приобретшее уверенность после недавних военных успехов,

224

ответило на это категорическим отказом. Престолонаследник и главнокомандующий сербской армией Александр заявил, что Сербия «скорее предпочла бы не получить Боснию, чем отдать Македонию Болгарии»⁷⁴.

Тем временем продолжались переговоры Антанты с Италией о вступлении последней в войну. Кроме прежних претензий в Австро-Венгрии, Италия потребовала образования из центральной Албании автономного княжества, раздела Северной Албании между Сербией и Черногорией, передачу Южной Албании Греции, а Валоны с округой – самой Италии. Англия и Франция готовы были все это обещать, однако Россия из внимания к Сербии протестовала против предоставления Италии территорий, населенных южными славянами⁷⁵. Окончательное соглашение союзников с Италией об условиях ее вступления в войну на стороне Антанты было закреплено в четырехстороннем тайном договоре, подписанном 26 апреля 1915 г. в Лондоне. Договор предусматривал присоединение к Италии, кроме итальянских провинций Австро-Венгрии, Истрии и Далмации. Сербии предоставлялась возможность аннексии северных областей Албании и был обещан узкий выход к морю, а также Босния и Герцеговина. Хорватию предполагалось объявить независимой как от Австро-Венгрии, так и от Сербии.

В новой ситуации Антанта потребовала от Ниша немедленной передачи Македонии Болгарии, а взамен этого, соглашаясь на большинство требований Италии, в отношении Сербии союзники ограничивались туманными обещаниями «обширных территорий и выхода на Адриатическое море». Сербское правительство надеялось на российское заступничество, но Петроград не в состоянии был оказать решительное противодействие союзникам в адриатическом вопросе. В связи с этими изменениями Н. Пашич заявил, что «многие в Сербии предпочтут сохранить старое, чем приобрести новое»⁷⁶.

Сербское проникновение в Албанию стало причиной появления у болгарского правительства плана присоединения албанского княжества к Болгарии посредством персональной унии. В Германии надеялись, что благодаря этому «царь Фердинанд прекратит колебаться относительно выступления против Сербии и оккупации Македонии», – телеграфировал из Софии германский полномочный министр Георг фон Михаэлес 17 июня 1915 г. Что касается еще одного союзника – Дуалистической монархии, то, по мнению Михаэлеса, «У Австро-Венгрии, в связи с идеей персональной унии ... не должно возникнуть никаких принципиальных возражений. Такая комбинация хорошо подошла бы в рамки нашей дружественной к Болгарии и враждебной к Сербии балканской политики»⁷⁷.

3 августа 1915 г. теперь уже четыре страны Антанты в очередной раз обратились к Сербии с требованием уступить Македонию. А после решительного отказа Н. Пашича 16 августа союзники пообещали Сербии часть побережья Адриатического моря, присоединить Боснию и Герцеговину, Сирмию до линии Дравы и Дуная с Земуном и Бачкой. Одинаково не доверяя ни Болгарии, ни антантовской коалиции, сербское руководство под нарастающим давлением – королю Петру были направлены личные обращения российского императора, английского и итальянского королей, президента Франции – должно было, все же, уступить⁷⁸. Однако, соглашаясь на передачу Болгарии македонских земель в границах договора 1912 г., в Нише выдвигали встречные контртребования: Хорватию с Риекой (Фиуме) и западной частью Баната необходимо объединить с Сербией; словенские земли должны получить право на самоопределение; Прилеп будет оставлен Сербии; общая граница с Грецией должна начинаться с высоты Пелистера и Суха-планины, продолжаясь к западу до пункта, который будет определен впоследствии. Уступка Македонии предполагалась, «как только Сербия вступит во владение обещанными ей территориями, равно как и теми, которые упомянуты выше», а также после урегулирования всех вопросов относительно прав сербского населения, проживающего в Македонии⁷⁹. Эти дополнительные условия Сербии лишь осложняли и затягивали переговоры.

Период с июля по август 1915 г., получивший в историографии название «болгарское лето», стал поворотным для Болгарии. Правящие круги Софии вели переговоры параллельно с обеими коалициями великих держав. 3 августа союзники по Антанте вручили болгарскому премьеру В. Радославу ответную ноту, в которой они требовали от Болгарии выступить на их стороне, помочь в разгроме Турции, обеспечить Сербии приобретение австро-венгерских областей, а Греции – обширные приращения к Малой Азии. Взамен Болгарии не предлагалось ничего реального, кроме неопределенных обещаний⁸⁰. Подобная стратегия не в силах была изменить что-либо в поведении болгарского правительства, ждавшего гарантированных обязательств. Тогда как Россия и ее союзники не могли уговорить Сербию уступить Софии Вардарскую Македонию – основу военно-политических целей Болгарии в войне, Берлин предпринял быстрые и решительные действия. Германская коалиция, в отличие от Антанты, пообещала болгарскому правительству Вардарскую Македонию без дополнительных условий и немедленно, заставив свою союзницу Турцию пойти на территориальные уступки Болгарии. Естественно, что в подобной ситуации царь Фердинанд и болгарские правящие круги окончательно повернули в сторону австро-германского блока, в лице которого они видели опору для политики мщения своим соседям и создания Великой Болгарии⁸¹. В. Радославов в телеграмме кайзеру Вильгельму II напоминал, что «обиженная державами Болгария ожидает от германской мощи ... содействия в возвращении отнятой у Болгарии территории»⁸². Хотя 1 сентября 1915 г. Антанта заявила Софии о гарантированной передаче ей Македонии в границах 1912 г., это уже не имело никакого значения.

Длительные уговоры Сербии в необходимости уступок Болгарии, бесконечные споры между союзниками внутри антантовской коалиции о размере компенсаций, нежелание сербского руководства пойти навстречу болгарским территориальным притязаниям в Македонии привели к тому, что все усилия российской дипломатии найти компромиссное решение в болгаро-сербском споре потерпели фиаско. 6 сентября был заключен союзный договор и тайное соглашение между Болгарией и Германией, а также трехсторонняя военная конвенция при участии Австро-Венгрии⁸³. В целях окончательного оформления Четверного союза в тот же день было подписано и болгаро-турецкое соглашение⁸⁴. А 22 сентября в Болгарии была объявлена всеобщая мобилизация, названная правительством «фазой вооруженного нейтралитета»⁸⁵.

В этой ситуации Сербия настаивала на немедленном нанесении превентивного удара по Болгарии, поскольку в Нише были убеждены в антисербской направленности болгарских военных приготовлений. Однако С. Д. Сазонов занял категорическую позицию против такого «бесчеловечного и братоубийственного плана»⁸⁶. Российский министр иностранных дел до последнего момента не верил в возможность болгарского выступления против Сербии, а следовательно, и России. 2 октября он предпринял попытку «вразумить» болгарское руководство, направив А. А. Савинскому текст ультиматума Болгарии с требованиями в 24-часовой срок порвать «с врагами славянства и России», удалить германских и австрийских офицеров из Военного министерства и штабов армии, прекратить «всякое враждебное действие против Сербии»⁸⁷. Болгарское правительство, получившее ультиматум 4 октября, резко отрицало все предъявленные в нем обвинения, перенаправив вину за возможный разрыв отношений на саму Россию⁸⁸.

Ранее, 17 сентября, царь Фердинанд принял лидеров оппозиционных партий, пытавшихся убедить его сохранить нейтралитет, настаивая на том, что ориентация Болгарии на Германию и Австро-Венгрию противоречит ее национальным интересам, однако это попытка оказалась безуспешной⁸⁹. Правительство апеллировало к националистическим чувствам болгар, уверяя общественность в необходимости вступления в войну на стороне Центральных держав, поскольку Антанта находится под влиянием Н. Пашича

и обманет Болгарию, как в 1913 г. ее обманула Сербия – «коварная соседка» и главная виновница всех бед болгарского государства.

Дальнейшие события развивались с неумолимой быстротой. 5 октября дипломатические отношения держав Антанты с Болгарией были разорваны, 14 октября София выступила на стороне Центральных держав и объявила войну Сербии, а 20 октября, вслед за союзниками по Антанте, Николай II подписал манифест, объявляющий войну Болгарскому царству. В первые две недели боевых действий болгарская армия заняла Неготин, Пирот, Зайчар, а в Македонии достигла Велеса. Сербы были разбиты менее чем за два месяца, и почти весь Балканский полуостров оказался во власти Центральных держав. 28 ноября Главное командование армии провозгласило, что цель, ради которой Болгария вступила в войну – освобождение Македонии, – достигнута. Но для болгарского народа это было лишь начало долгого трехлетнего пути ко второй «национальной катастрофе», новым потерям территорий и сокрушительному поражению в Первой мировой войне.

Среди множества причин, предопределивших фиаско российской дипломатии в вопросе посредничества в болгаро-сербском конфликте, на первый план выходят просчеты имперского правительства, взявшего на себя роль защитника и арбитра всех славянских государств, его ошибочная стратегия и ставка на пресловутое и несуществующее «славянское единство». Иллюстрацией этому может послужить решение С. Д. Сазонова воспрепятствовать нападению Сербии на Болгарию, ведущую с лета 1915 г. военные приготовления, и последующее его искреннее удивление, когда «Болгария не испугалась угрозы войны с Россией и сама напала на Сербию»⁹⁰. Не забывая о собственных преимуществах, которые Россия могла бы получить в случае вступления Болгарии в войну на стороне Антанты, российское правительство добивалось от Сербии уступок в Македонии с целью улучшения своих отношений с Софией. Несмотря даже на то, что натиск на Сербию с подобными требованиями неминуемо провоцировал недовольство сербских правительственных кругов и, как следствие, – охлаждение отношений с Россией. Однако российской дипломатии было не под силу удовлетворить одновременно болгарские и сербские претензии: в то время как Петроград настаивал на немедленной передаче Вардарской Македонии Софии, в Нише претендовали уже на австро-венгерские территории – Боснию, Хорватию, Далмацию, соглашаясь на геополитический обмен только после победоносной войны держав Антанты.

Другими причинами провала попыток союзной антантовской дипломатии привлечь на свою сторону Болгарию являлись неуступчивость Сербии и Греции в вопросе территориальных компенсаций Болгарии в Македонии, стремление Италии добиться максимального удовлетворения своих геополитических претензий в Австро-Венгрии и Албании. Накладываясь на противодействие сербского правительства, активно добивавшегося собственных территориальных целей в этом регионе, это вело к еще более бескомпромиссному отстаиванию Белградом Вардарской Македонии. Немаловажную роль в принятии Болгарией решения о вступлении в войну на стороне Центральных держав сыграли военные успехи Берлина и Вены в 1915 г. Их победы на Восточном фронте и успешная оборона на Западном и Итальянском фронтах укрепили убеждение болгарской правящей верхушки в непобедимости Центральных держав. Неопределенная судьба македонских земель, занимавших стратегическое положение в центре Балканского полуострова, проблема болгарского населения, находившегося под контролем сербских властей, стремление балканских государств к максимальному расширению собственной территории, вмешательство противоборствующих группировок великих держав и использование ими македонского вопроса в качестве инструмента для осуществления своих дипломатических целей на Балканах – все это долгое время препятствовало разрешению македонского вопроса и усложняло межгосударственные отношения в регионе, поощряя Болгарию

и Сърбию добивається територіальних претензій в Македонії, являясь весомым барьером на пути к восстановлению дружеских отношений между двумя государствами.

¹ Струкова, К. Л. Обществено-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX в. М., 2004, с. 201.

² Исаева, О. Н. Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии. – В: Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999, с. 77.

³ Шемякин, А. Л. К вопросу о роли внешнего фактора в образовании Королевства сербов, хорватов и словенцев. – В: Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996, с. 14.

⁴ Централен държавен архив на Република България (ЦДА), ф. 176, оп. 2, а. е. 1393, л. 180.

⁵ ЦДА, ф. 176, оп. 2, а. е. 1393, л. 196.

⁶ Лабаури, Д. О. Идеологията на македонизма през 1886–1903 г. – Македонски преглед, 2005, № 3, с. 26.

⁷ Георгиев, Г. Македоно-одринското движение в Кюстендилски окръг (1895–1903). С., 2008, 213–214.

⁸ Косик, В. И. Проблема Македонии и балканские государства в кон. XIX – нач. XX в. – В: Македонско-руските връзки во XIX – нач. на XX вв. Скопје, 1996, с. 86.

⁹ Геошов, И. Е. Балканският съюз. Спомени и документи. С., 1915, с. 29.

¹⁰ Там же, с. 30.

¹¹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 (далее – МОЭИ). М.–Л., 1935, сер. 2, т. 19, ч. 1, № 3, с. 3.

¹² ЦДА, ф. 176, оп. 2, а. е. 1393, л. 181.

¹³ Геошов, И. Е. Указ. соч., с. 72.

¹⁴ ЦДА, ф. 176, оп. 2, а. е. 1393, л. 182–183.

¹⁵ Геошов, И. Е. Указ. соч., с. 73.

¹⁶ МОЭИ, сер. 2, т. 20, ч. 1, № 100, с. 88.

¹⁷ Лондонската конференция през 1912–1913 г. – Родина, 1939, № 4, с. 20.

¹⁸ Сазонов, С. Д. Воспоминания. М., 1991, с. 84.

¹⁹ Гиза, А. Балканските държави и Македонският въпрос. С., 2001, с. 80.

²⁰ Шатилова, Л. В. Македонският въпрос в период балканских войн 1912–1913 гг. и политика России. – В: Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992, с. 194.

²¹ Сазонов, С. Д. Указ. соч., с. 101.

²² Ключников, Ю. В., А. В. Собанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. М., 1925, с. 372; Христов, А., Ж. Донеv. Македонија во меѓународните договори 1875–1919. Скопје, 1994, 186–191.

²³ Национално-освободителна борба в Македония 1912–1915. (Отв. ред. Л. Панайотов). С., 1981, 114–115.

²⁴ Шкундин, Г. Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). С., 2007, 12–13.

²⁵ Илчев, И. България и Антантата през Първата световна война. С., 1990, с. 45.

²⁶ ЦДА, ф. 176, оп. 2, а. е. 1407, микрофилм.

²⁷ Там же, а. е. 1393, л. 182–183.

²⁸ Там же, оп. 3, а. е. 104, л. 8.

²⁹ Там же.

³⁰ Национално-освободителна борба в Македония 1912–1915..., с. 112.

³¹ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 104, л. 8.

³² Балканская война 1912–1913 гг. М., 1914, с. 4.

³³ Национално-освободителна борба в Македония 1912–1915..., с. 9.

³⁴ Влахов, Т. Отношения между България и Централните сили по време на войните 1912–1918 г. С., 1957, с. 61.

³⁵ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 104, л. 8.

³⁶ Поповић, Н. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977, с. 29.

³⁷ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 104, л. 8–8а.

³⁸ Там же, л. 8а.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Ключников, Ю. В., А. В. Собанин. Указ. соч., с. 372.

⁴¹ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 104, л. 8а.

⁴² К. Н. Гулькевич – советник II (Ближневосточного) политического отдела МИДа.

- ⁴³ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 53, л. 17.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 43.
- ⁴⁶ Национално-освободителна борба в Македония 1912–1915..., 5–6; *Бирман, М. А.* Македонский вопрос в период Балканских войн 1912–1913 гг. и мотивы России. – В: Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992, с. 186
- ⁴⁷ *Шкундин, Г. Д.* Указ. соч., с. 13.
- ⁴⁸ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 123, л. 45.
- ⁴⁹ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 63.
- ⁵⁰ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 18, л. 21.
- ⁵¹ *Нотович, Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. 1. Потеря союзника-ми Балканского полуострова. М., 1947, с. 9.
- ⁵² Дипломатически документи по намесата на България в Европейската война. В 2 т. Т. 1. С., 1920–1921, с. 292 (далее – ДД).
- ⁵³ *Астарджиева, Т.* Русия и българският неутралитет (1914–1915). – В: Дриновський збірник. Т. 2. Харків–Софія, 2008, 235–236.
- ⁵⁴ *Лалков, М.* Балканската политика на Австро-Унгария (1914–1917): Австро-унгарската дипломатия в борба за съюзници през Първата световна война. С., 1983, с. 100.
- ⁵⁵ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 22, л. 37–38.
- ⁵⁶ Цит. по: *Илчев, И.* Указ. соч., с. 72.
- ⁵⁷ ДД, т. 1, с. 326.
- ⁵⁸ МОЭИ, сер. 3, т. 6, ч. 1, № 2, с. 18.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Косик, В. И.* Указ. соч., с. 87.
- ⁶¹ *Митровић, А.* Србија у првом светском рату. Београд, 1984, с. 142.
- ⁶² *Екмечић, М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973, с. 219.
- ⁶³ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 74.
- ⁶⁴ *Косик, В. И.* Указ. соч., с. 90.
- ⁶⁵ *Хвостов, В. М.* История дипломатии. В 2 т. М., 1945, с. 269.
- ⁶⁶ *Сазонов, С. Д.* Указ. соч., с. 305.
- ⁶⁷ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 102.
- ⁶⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 3, а. е. 18, л. 30–33.
- ⁶⁹ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 102.
- ⁷⁰ *Трубецкой, Г. И.* Русская дипломатия в 1914–1917 гг. Война на Балканах. Монреаль, 1983, с. 237.
- ⁷¹ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 158.
- ⁷² *Писарев, Ю. А.* Создание Югославского государства в 1918 г.: уроки истории. – Новая и новейшая история, 1992, № 1, 27–46.
- ⁷³ *Косик, В. И.* Указ. соч., с. 87.
- ⁷⁴ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 127.
- ⁷⁵ *Хвостов, В. М.* Указ. соч., с. 281.
- ⁷⁶ *Косик, В. И.* Указ. соч., с. 87.
- ⁷⁷ България в Първата световна война. Германски дипломатически документи (1913–1918). Сб. док. В 2 т. Т. 1 (1913–1915). С., 2002, с. 348.
- ⁷⁸ *Косик, В. И.* Указ. соч., с. 88.
- ⁷⁹ *Трубецкой, Г. И.* Указ. соч., 145–150.
- ⁸⁰ *Нотович, Ф. И.* Указ. соч., 621–622.
- ⁸¹ *Лалков, М.* Между възторга и покрусата. България по време на войните 1912–1918. С., 1993, 187–188.
- ⁸² Цит. по: *Косик, В. И.* Гордиев узел Балкан..., с. 67.
- ⁸³ България в Първата световна война. Германски дипломатически документи..., 441–446.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ ДД, т. 1, с. 614.
- ⁸⁶ *Палеолог, М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991, с. 217.
- ⁸⁷ Там же, с. 140.
- ⁸⁸ Там же, 141–142.
- ⁸⁹ История на България. Т. 8. България 1903–1918. Културно развитие 1878–1918. (Под ред. Г. Маркова, Р. Попова, Цв. Тодоровой.) С., 1999, с. 246.
- ⁹⁰ *Михайловский, Г. Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993, с. 130.

І. Манасієва

БОЛГАРІЯ ТА УКРАЇНСЬКА НАРОДНА РЕСПУБЛІКА НА БРЕСТ-ЛИТОВСЬКІЙ МИРНІЙ КОНФЕРЕНЦІЇ: ВІДСТОЮВАННЯ НАЦІОНАЛЬНИХ ІНТЕРЕСІВ

Перша світова війна – переломна подія в історії Європи. Вона мала великий вплив на долі як Болгарії, так і України. Болгарія вступає у війну з метою вирішення питання національного об'єднання. В Україні, яка є частиною Російської імперії, антиукраїнська політика, що стала жорстокішою в роки війни, викликає зростання національно-визвольного руху. На початку 1917 р. він набуває небувалого розмаху і приводить до початку української революції.

Інформація про прагнення українських національних сил відокремити Україну від Росії не була новиною для Болгарії. Ще у вересні 1914 р. члени Союзу Визволення України (СВУ) М. Меленевський, Л. Цегельський і С. Баран приїжджають до Туреччини й Болгарії, щоб установити зв'язки між Союзом і урядами цих держав. У Болгарії Л. Цегельський і С. Баран замовляють низку газетних статей, які мають відверто антиросійський характер; крім цього, СВУ видає дві брошури, присвячені українському питанню. Спочатку виходить «Огляд української історії» М. Грушевського, публікація якого болгарською мовою пояснюється «тим інтересом до України.., що останнім часом, завдяки значенню, котре поступово надається українському питанню у зв'язку з останніми подіями, встиг значно зрости»¹. Брошура є копією статті М. Грушевського, яка в 1913 р. вийшла у Парижі в часописі «Annales des Nationalités». 1914 р. в Болгарії оприлюднена й брошура Л. Цегельського «Не визволителька, а гнобителька народів (Як Росія «звільняє» Україну)». 1915 р. в Болгарії також поширюється книга німця Георга Клейнова «Українська проблема». Здається, СВУ досягає своєї мети, оскільки його ініціативи викликають зацікавленість болгарського суспільства і породжують дискусію про характер українського питання й інтереси Росії та Австро-Угорщини в його розв'язанні. Відповісти брошурі Л. Цегельського береться Я. Романчук, українець зі Львова, що емігрував на початку ХХ ст. до Болгарії, директор бібліотеки міста Варни. Його стаття «Європейська війна й російсько-українське питання» спрямована на «більш тверезих українофілів», котрі повинні усвідомити, що «у вирі політичних страстей в Європі не варто так легко-важно піднімати національну російсько-українську суперечку, яку набагато легше можна розв'язати без втручання політично зацікавлених країн»².

Восени 1915 р. Болгарія вступає в Першу світову війну на боці держав Центральної коаліції, прагнучи силою зброї розв'язати своє національне питання. Економічна криза й внутрішньополітична напруга, спричинені війною, приводять до того, що правлячі кола Болгарії тимчасово припиняють цікавитися українським питанням. Їхній інтерес поновлюється на початку 1917 р. у зв'язку Лютневою революцією в Російській імперії.

Протягом 1917 р. болгарська преса стежить за розвитком подій в Україні. Ще навесні болгарський повноважний міністр в Австро-Угорщині А. Тошев у доповіді Міністерству закордонних справ Болгарії торкається питання про наміри України під час підписання майбутнього миру зажадати, щоб її розглядали як автономію у складі

республіканської Росії³. Після того, як стає відомо про створення Української Народної Республіки, болгарські дипломати прагнуть довідатися про точку зору союзників щодо українських претензій. Вони з'ясовують, що незалежність України зустріли з ентузіазмом у таборі Центральної коаліції, а надто в Німеччині. У своїй доповіді прем'єр-міністрові В. Радославу про геостратегічні цілі Німеччини болгарський генеральний консул у Гамбурзі повідомляє, що правлячі кола вітають республіканський рух у Росії, схвалюють створення самостійних державних одиниць і особливо України⁴.

Анархією в Росії скористалася партія більшовиків на чолі з В. Леніним, що приходить до влади в результаті здійсненого 7 листопада 1917 р. у Петрограді перевороту. Наступного дня новий уряд видає «Декрет про мир», в основу якого покладено принцип «миру без анексій і контрибуцій». Цей декрет пропонує всім воюючим народам і урядам почати негайні переговори про справедливий і демократичний мир. Болгарія не поспішає з відповіддю, оскільки формула «мир без анексій і контрибуцій» не відповідає її національним інтересам. У своєму виступі перед Народними зборами прем'єр-міністр В. Радослав узагальнює болгарську позицію щодо відповіді Центральних сил на російську ноту, заявивши, що Болгарія «добилася того, через що вступила у війну – свого об'єднання в історичних і етнографічних кордонах – з Македонією, Поморавією* й Добруджею. Це буде першоосновою для ведення переговорів про сепаративний або загальний мир»⁵.

Наміри софійського уряду за допомогою людей, близьких до більшовиків і навіть до самого Леніна, забезпечити підтримку болгарським вимогам під час передбачуваних мирних переговорів, зазнають невдачі. Крім того, болгарських дипломатів не допускають до визначення лінії поведінки об'єднаної делегації коаліції Центральних сил ні під час укладання перемир'я між останньою й Радянською Росією в середині грудня 1917 р., ні на мирній конференції в Брест-Литовську, що відкрилася 22 грудня.

Болгарську делегацію на конференції очолює міністр юстиції Хр. Попов. Головне командування також відряджає туди свого делегата – полковника П. Ганчева. Вони, як і інші представники болгарської делегації, призначені безпосередньо В. Радославим і схвалені болгарським царем Фердинандом, тоді як міністри й Народні збори не сповіщені. Відсутня гласність і при уточненні лінії поведінки болгарських делегатів на конференції⁶. Преса подає переговори про мир, що розпочалися у Брест-Литовську, як єдиний спосіб впоратися з нечуваною за своїми розмірами продовольчою кризою. Справжня ж місія болгарської делегації полягає в безумовному вирішенні Добруджанського питання на цій конференції, не чекаючи закінчення війни.

Центральні сили однак не дають своєї згоди, щоб питання про болгарські територіальні придбання обговорювалося на конференції. Не діють і погрози болгар залишити конференцію, якщо їх вимоги не будуть задоволені. Радянська делегація в Брест-Литовську також не підтримує територіальні претензії Болгарії. Її керівник Адольф Йоффе заявляє, що Радянська Росія не збирається робити виняток для жодної з націй: «Якщо ви впевнені, що через референдум Добруджа й Македонія побажають приєднатися до Болгарії, то російська пропозиція про мир без анексій не тільки не зашкодить вам, але й допоможе»⁷. Така ж інформація щодо думки Петрограда з болгарського питання надходить у болгарську дипломатичну місію в Стокгольмі. Її керівник А. Греков повідомляє, що в болгарських вимогах радянські чільники вбачають «вияв імперіалізму й загарбницької політики»⁸; натомість у Росії висунута формула автономії Добруджі й Македонії як основи майбутньої балканської конфедерації.

Надії Болгарії повертаються після того, як до Брест-Литовську приїздить делегація Української Народної Республіки (УНР), що оголосила свою автономію 20 листопада

* Історико-географічна область у Східній Сербії з центром у м. Ніш.

1917 р. 11 грудня Генеральний Секретаріат (уряд новоствореної республіки) звертається з нотою до всіх воюючих і нейтральних держав про свій намір проводити самостійну зовнішню політику, незалежну від політики Радянської Росії, і тому вважає за необхідне мати своїх представників на конференції в Брест-Литовську. «Мир, який може відбутися внаслідок переговорів з державами, що воюють з Росією, стане обов'язковим для України лише тоді, коли умови цього миру будуть прийняті і підписані Українською Народною Республікою»⁹.

Як лояльний союзник Болгарія не заперечує проти присутності самостійної української делегації на мирних переговорах. 13 грудня в Україну приходить відповідь на ноту Генерального Секретаріату, підписана всіма представниками країн Центральної коаліції. У телеграмі, адресованій Голові Генерального Секретаріату УНР В. Винниченку й Генеральному секретарю закордонних справ О. Шульгину, стверджується: «Німеччина, Австро-Угорщина, Болгарія і Туреччина вважають необхідним зазначити, що вони готові привітати участь представників УНР в мирних переговорах в Берест-Литовськ»¹⁰.

На початку 1918 р. українська делегація на чолі з В. Голубовичем приїжджає в Берест-Литовськ. Перше завдання, що перед нею постало, – ствердження Української Народної Республіки в якості повноправної самостійної політичної сили. Завдання це вирішено позитивно, незважаючи на протидію Л. Троцького, який запрошує в Берест-Литовськ радянський уряд України (Народний секретаріат у Харкові), представляючи ситуацію так, начебто влади Центральної Ради в Україні фактично не існує, а повноправно представляти Україну можуть лише уповноважені Радянського уряду. Інша мета молодій українській державі полягає в забезпеченні територіальної цілісності УНР, тобто приєднання до України Холмщини й Підляшшя і проведення плебісциту в Східній Галичині, Північній Буковині та Закарпатській Україні.

Однією з умов участі делегації в мирних переговорах нова держава заявляє про свої претензії на північну частину Бессарабії¹¹, справляючи враження, що вона не зацікавлена долею іншої частини цієї провінції. Фактично, Центральна Рада в середині грудня 1917 р. вітає створення Молдавської Народної Республіки як автономної одиниці майбутньої Російської республіки. За згодою обох сторін, усі територіальні питання й претензії «заморожені» до скликання установчих зборів в обох республіках¹². Водночас молдавський парламент звертається із проханням до Румунії ввести в Бессарабію свої війська, аргументуючи такий крок необхідністю боротьби із впливом більшовиків і підтриманням порядку в країні. Уряд УНР не тільки не перешкоджає пересуванню румунських військ у Бессарабію наприкінці 1917 р., а навіть, по суті, допомагає румунській армії, дозволяючи використовувати Одеську залізницю для задоволення потреб румун¹³. Переговори в Берест-Литовську проводяться без участі Румунії, оскільки для Німеччини й Австро-Угорщини укладання миру з Росією є пріоритетом. З Румунією проводяться окремі переговори, але без участі Болгарії, хоча в Софії вважають, що мирний договір з Румунією набагато більше зачіпає її інтереси, ніж інтереси інших союзників.

У приїзді української делегації болгари побачили можливість знову підняти питання про приєднання Добруджі до Болгарії, зв'язавши його з бессарабським питанням. У болгарській пресі з'являється інформація про те, що український уряд надав Румунії залізничну колію Ясси-Унгени й не перешкоджає пересуванню румунської армії по Бессарабію аж до р. Дністер¹⁴. Полковник Ганчев повідомляє своє керівництво, що один з німецьких делегатів поділився з ним інформацією, отриманою під час приватних розмов з делегатами УНР: Україна не має наміру наполягати на приєднанні всієї Бессарабії. Цей же делегат запевнив Ганчева: якщо Болгарії вдасться схилити Україну по-

ступитися частиною Бессарабії на користь Румунії, це значно б полегшило реалізацію болгарських територіальних претензій. Відділення України від Росії, на думку Ганчева, створює «нову ситуацію, яка може бути сприятливою для нас з точки зору питання про Добруджу»¹⁵. Із цього приводу повноважний міністр Болгарії в Німеччині Д. Різов закликає прем'єр-міністра: «Під час переговорів про мир з Україною й еventуальних переговорів про перемир'я з Румунією буде конче потрібно... посприяти тому, щоб Румунія вторглася і утримала Бессарабію. Це буде найнадійнішим способом закріпити за нами всю Добруджу. Не вірю, що цього не можна здійснити, оскільки відомо, що Бессарабія є набагато більш румунською, ніж українською»¹⁶.

Лише начальник Болгарського генерального штабу генерал Н. Жеков не згоден з тим, щоб вирішення Добруджанського питання залежало від долі Бессарабії¹⁷, вважаючи, що зусиль болгарської армії в цьому відношенні буде цілком достатньо. Але й він змушений відступити після тиску, вчиненого на нього делегатами болгарського командування в Брест-Литовську. Капітан Марков твердить: «Від українців я довідався, що вони не наполягають на Бессарабії й дозволяють їй самоорганізуватися в молдавську провінцію... Ми поставимо себе в смішне становище, якщо втратимо Добруджу, незважаючи на приєднання Бессарабії до Молдавії»¹⁸. Полковник Ганчев отримав таку ж інформацію, тому, на його думку, незважаючи на вторгнення Румунії в Бессарабію, Україна й Румунія залишаються в гарних стосунках¹⁹.

Присутність українців на конференції в Брест-Литовську спрощує переговори держав Четверного союзу з більшовиками. Суперництво між українською і російською делегацією використовується як інструмент шантажу проти більшовиків. Із цього приводу полковник Ганчев доповідає прем'єр-міністрові: «Не виключається розрив переговорів з більшовиками... Ймовірніше, однак, що більшовики під загрозою укладення сепаративного миру між Союзом і Україною, залишаться і продовжать переговори»²⁰. У своїй доповіді генералу Жекову полковник Ганчев іде ще далі: «Власне для Болгарії мир з Україною є більш важливим, аніж з більшовиками»²¹. Як аргумент він відзначає той факт, що країни Антанти визнають Україну, оскільки надіслали до Києва своїх представників, але не визнають Радянську Росію. Крім того, за його словами, армія України сильніша й організованіша, ніж армія більшовиків.

На мирних переговорах у Брест-Литовську болгарські делегати знайомляться з вимогами українських делегатів про визнання України незалежною державою, а також з обґрунтуванням української ідеї. Вони беруть участь у засіданнях комісій, де обговорюється українське питання, але лише в якості спостерігачів, на відміну від німецьких та австро-угорських делегатів, що мають право вирішального голосу. На всіх засіданнях, які проводяться під час переговорів, болгарські посланці кілька разів беруть слово, але переважно для того, щоб висловити свою згоду із позицією союзницьких делегатів²². Водночас болгарська делегація не приховує своїх симпатій до України. Це проявляється, в основному, під час приватних розмов між Хр. Поповим і українськими делегатами. У доповідях керівництву Попов відзначає, що вечорами після засідань він користується великим попитом як з боку українців, так і з боку союзників, що просять його бути посередником при неофіційних розмовах і нарадах з українськими дипломатами. У своїх спогадах В. Радославов зазначає, що «українці користувалися симпатіями німецьких делегатів і делегатів Болгарського царства»²³.

6 січня 1918 р. на першому засіданні конференції за участю дипломатів УНР українці висувають вимогу бути визнаними як самостійна делегація, котра має право на ведення переговорів незалежно від делегації Росії. Як умову участі в переговорах вони пред'являють територіальні вимоги, які австро-угорці рішуче відкидають, а німецькі

посли відповідають на них своїми умовами²⁴. У телеграмі В. Радославову Хр. Попов повідомляє, що увечері після засідання зустріч з ним призначили українські делегати М. Любинський і О. Севрюк, але як приватні особи. Під час розмови вони назвали образливими умови, що поставлені їм для того, «щоб вони були визнані як окрема держава в міжнародних відносинах». Попов радить погодитися з ними як меншим злом, оскільки міжнародне визнання буде великою перемогою української дипломатії²⁵.

Питання про визнання української делегації повноправним учасником мирних переговорів обговорюється знову 10 січня, коли на черговому засіданні В. Голубович зачитує декларацію Центральної Ради, згідно з якою вона не визнає радянську владу в Україні. Під час дебатів стає зрозумілим, що Німеччина і Австро-Угорщина, як і раніше, пов'язують вирішення цього питання з виконанням їхніх вимог. Увечері після засідання українські делегати М. Полозов і О. Севрюк повідомляють полковника Ганчева про свій намір покинути Брест-Литовськ. Стурбований такою новиною – адже це може привести до припинення переговорів і зашкодити інтересам Болгарії – Ганчев наполягає на зустрічі з членами німецької делегації Ф. Розенбергом і М. Хофманом. На двогодинній нараді між ними й українцями була вироблена формула, яка згодом була включена у відповідь союзницьких держав від 12 січня, – українська делегація визнана самостійним повноважним представником УНР на переговорах; формальне визнання УНР державами Центральних сил знайде відображення в мирному договорі²⁶. Задоволений досягнутим результатом, Ганчев повідомляє: «Доповідаю..., що відповідь, яка була надана на українську ноту, була вироблена виключно за моєю ініціативою і за допомогою мого посередництва»²⁷.

Чільник болгарської делегації в Брест-Литовську Хр. Попов вважає, що настав той момент, коли Болгарії слід зайняти тверду позицію по відношенню до Німеччини і Австро-Угорщини: «Прямо зараз, саме на цій конференції необхідно вирішити всі наші питання з австро-германцями, і усі рішення мають бути офіційно підписані російськими республіками... Війна ще триває, й австро-германці, якщо усе ще не мають наміру розширити межі Болгарії, зараз будуть стриманішими і менш сміливими, аніж тоді, коли залагодять усі свої проблеми з росіянами, італійцями та французами». 19 січня, доповідаючи В. Радославову, він підкреслює нагальну потребу росіян і українців у підписанні миру, який їм настільки необхідний, що вони не відмовляться від нього, навіть якщо б весь Балканський півострів був включений у межі Болгарії. Хр. Попов обгрунтовує свої твердження таким чином: на даний момент росіяни «не виявляють інтересу до Балканського півострова... Вони мріють про всеросійську федерацію. Це питання цікавитиме їх, імовірно, 15–20 років»; з іншого боку, «українці хочуть, переважно, дві речі: визнання української республіки і Холмську губернію». Хр. Попов вважає, що питання про кордони Болгарії цікавить Німеччину і Австро-Угорщину набагато більше, ніж Росію і Україну: «Я впевнений, що російські республіки не мають наміру повернутися в Росію без миру тільки тому, що Болгарія зажадала певних територій»²⁸.

Наступного дня міністр Попов наважується знову запитати чільників німецької делегації Р. Фон Кюльмана і генерала М. Хофмана, чи суперечить визнання Росією і Україною певних болгарських територій німецьким інтересам. Обурені такою постановкою питання, німці відповідають, що це означало б визнати росіян і українців чинником на Балканах. Попов намагається переконати їх, що визнання російськими республіками майбутніх кордонів Болгарії на цій конференції не має значення з міжнародної точки зору, але заспокоїло б громадську думку в Болгарії. Хофман дає свою згоду на те, щоб болгари зондували в приватному порядку думку українців²⁹; спілкування з російськими делегатами, проте, болгарам заборонено навіть по телефону³⁰.

Хр. Попов зустрічається з головою української делегації В. Голубовичем, щоб обговорити болгарські територіальні домагання. Попов повідомляє українського колегу, що між Болгарією та її союзниками існують таємні договори, у яких розглядається питання про майбутні кордони Болгарії; на зустрічі він припускає, що якщо ці кордони будуть визнані Україною, то й інші держави (або з боку Четверного союзу, або з боку Антанти) будуть змушені погодитися з ними. Голубович відповідає, що згоден з болгарськими претензіями на Добруджу, але питання про Поморавію й Македонію має бути досліджене додатково. Розмова, яка, за словами полковника Ганчева, «була схожа на освідчення в сильному коханні Україні й мала характер незадоволення союзниками»³¹, обурила німців. Фон Кюльман заявив Ганчеву, що обговорення кордонів Болгарії розглядається Німеччиною як «опікунство з боку Росії і України, від якого врешті-решт Болгарії потрібно позбавитися»³².

Дипломатичними каналами прем'єр-міністра В. Радославова попередили припинити переговори. Д. Різову також запропоновано задіяти свій вплив на В. Радославова з єдиною метою – припинити контакти між болгарськими і українськими делегатами. Сам Різов переконаний, що подібні переговори не мають ніякої користі для болгарських національних інтересів, так як торкаються лише питання про Добруджу. Він звинувачує болгарських делегатів в Брест-Литовську в тому, що ті не змогли відіграти до кінця свою роль, виступивши посередниками між союзниками і росіянами, і через це так «знецінилися, що усі інші делегати дивляться на них як на бідних родичів, що затрималися в гостях»³³. Відповідаючи Д. Різову, В. Радославов намагається виправдати вчинок Попова, який обговорює з українцями лише питання про Добруджу, «де будемо сусідами з Україною». Він дивується, не розуміє: «Уявіть собі картину. Німеччина не дає Добруджу, росіяни, проте, дають її Болгарії?»³⁴. Врешті-решт прем'єр-міністр ухвалює рішення: «До того часу, доки більшовики й українці не виявляють інтересу до Румунії і Сербії, не варто піднімати в Брест-Литовську питання про кордони. Воно буде розглянуте й залагоджене безпосередньо між Софією і Берліном»³⁵.

Незважаючи на те, що 12 січня українська делегація була визнана як самостійна, незалежної української держави все ще не існує. Тому 20 січня переговори між Україною і Четверним союзом тимчасово припинені. В. Голубович від'їжджає до Києва, а вже 22 січня проголошено незалежність Української Народної Республіки і суверенітет держави. 1 лютого українська делегація на чолі з О. Севрюком повертається в Брест-Литовськ, і переговори поновлюються. На той час становище Центральної Ради в Києві було дуже критичне не лише через наступ більшовиків, але й через те, що внаслідок своєї поміркованої політики з низки життєво важливих питань вона втрачає майже усіх своїх прибічників. Представники держав Центрального сил на Брест-Литовських мирних переговорах вважають, що українці втратили можливість укласти мир на прийнятних для них умовах; необхідність допомоги для боротьби з вторгненням більшовиків зробити їх поступливими.

3 лютого Кюльман просить В. Радославова (який напередодні з'явився в Брест-Литовську, щоб очолити болгарську делегацію замість скомпрометованого Хр. Попова) організувати зустріч з українськими делегатами і схилити їх на компроміс з метою якнайшвидшого укладення миру. У своїй доповіді Раді міністрів В. Радославов критикує «ілюзії» росіян і українців, котрі даремно сподіваються, що внутрішні розбіжності в Четверному союзі можуть привести до затримки переговорів, і зазначає: «Переговори все-таки наближаються до свого кінця»³⁶.

Австро-Угорщина наполягає прискорити перебіг переговорів, і 9 лютого 1918 р. о 2 годині ночі договір між Українською Народною Республікою й державами Центрального

сил підписаний. Згідно з болгарсько-українським додатковим договором до мирної угоди, підписаним 12 лютого 1918 р., обидві держави «погодилися негайно врегулювати відновлення публічних і приватних правовідносин між Болгарією і Українською Народною Республікою, що стосується обміну військовополонених і інтернованих цивільних осіб, питання про амністію, яка буде надана внаслідок укладеного миру, і питання про кораблі, що потрапили під ворожу владу, після того, як з цією метою буде укладений спеціальний додатковий договір»³⁷. З боку Болгарії договір підписали прем'єр-міністр В. Радославов, надзвичайний повноважний міністр у Відні А. Тошев, повноважний міністр І. Стоянович і болгарський військовий уповноважений при німецькому кайзері, полковник Генерального штабу П. Ганчев. З боку Української Народної Республіки договір підписують члени Центральної Ради О. Севрюк, М. Любинський і М. Левицький.

У Софії укладений договір про мир з Україною вважають успіхом болгарської дипломатії. Болгарське представництво в Нідерландах визначає його як «перший успіх з великим значенням» для країни і бажає їй ще значніших успіхів. Болгарська дипломатична місія в Швейцарії від імені усіх болгар, що мешкають там, надсилає уряду Болгарії «сердечні поздоровлення і найщирішу вдячність». У болгарському консульстві в Смірні (Туреччина) Брест-Литовський мирний договір називають «щасливою, великою подією, передвісником недалекого загального миру». Поздоровлення на адресу болгарського уряду надійшли і з представництв в Австро-Угорщині й Німеччині³⁸.

Преса публікує заяву прем'єр-міністра, у якій він називає мир з Україною «інтродукцією до загального миру»³⁹. Офіціоз опозиції газета «Мир» твердить, що з підписанням договору з Україною «фактично мир з усією Росією може вважатися укладеним»⁴⁰. Окрім політичного значення події, підкреслюється й економічне. У середині січня продовольча криза в Болгарії досягла безпрецедентних розмірів, що примушує В. Радославова відмовити угорському послу графу Тарновському, що попросив провізії для своєї країни, пояснюючи відмову: «...загальний стан в Четвертому союзі вимагає в першу чергу укладення миру з Росією, особливо з Україною, для чого слід піти навіть на жертви»⁴¹. Після укладення миру з «прекрасною і родючою Україною»⁴², здавалося, що кризу можна опанувати, і преса передбачає успішне для Болгарії закінчення війни: «Антантовська блокада втратить своє значення. Росія – аграрна країна, і коли зв'язок і торгівля будуть повністю відновлені, насамперед держави Центрального союзу скористаються цим становищем, оскільки найсильніший засіб, який Антанта використує для боротьби з нами, – голод, пом'якшується»⁴³.

3 березня 1918 р. підписано й мирний договір між Німеччиною, Австро-Угорщиною, Болгарією і Туреччиною, з одного боку, і Радянською Росією, з іншого. Для держав Центральних сил його укладання було до певної міри питанням часу, частково й через мир з Україною. Кюльман вважає, що саме цей мир був засобом змусити Радянську Росію підписати прийнятний мирний договір з державами Центральної коаліції⁴⁴. З боку Болгарії договір підписано А. Тошевим, повноважним міністром у Відні, що очолив болгарську делегацію на переговорах з Радянською Росією після від'їзду В. Радославова (останній залишив конференцію після того, як був підписаний договір з УНР). Повернення прем'єр-міністра в Болгарію красномовно говорить про впевненість правлячих кіл країни в тому, що мир із «скромними українцями-буржуа» набагато корисніший для країни, ніж контакти з «більшовиками, які втілюють у собі найдикунський у світі соціалізм»⁴⁵.

Після того, як Брест-Литовський мирний договір підписано і Росія усунена з Балкан, зникають і побоювання Болгарії щодо загальних з нею кордонів. Офіціоз болгарського міністерства закордонних справ «Echo de Bulgarie» у квітні 1918 р. відкритим

текстом повідомляє, що річка Дунай повинна стати природним кордоном між Болгарією й Україною. Ця декларація викликала роздратування німців, судячи з телеграми, яку відправив до Берліна німецький військово-морський аташе в Софії фон Арнім⁴⁶. Можливе сусідство між двома державами хвилює й інших союзників Болгарії. В одній зі своїх доповідей керівництву австро-угорський посол в Константинополі маркіз Палавічіні висловлює побоювання про можливий згубний вплив на слов'янське населення Австро-Угорщини «двох слов'янських сільських республік Болгарії й України»⁴⁷. З телеграми австро-угорського військового аташе в Константинополі генерала Й. Помянковського дізнаємося, що і Туреччина «не може допустити того, що дві слов'янські держави матимуть загальний кордон по суходолу й по морю»⁴⁸.

Отже, на початку 1918 р. прагнення Болгарії до добросусідських стосунків і партнерства спрямовані не до Росії, а до України. Всупереч Радянській Росії ця молода держава схвалює настирність болгар при спробах довести свої безперечні права на Добруджу, Македонію і Нишавський округ і не протистоїть бажанню Болгарії закріпитися в цих землях. Незважаючи на те, що 1918 року із зовнішньополітичної точки зору уряди Радянської Росії і України знаходяться в схожій ситуації, тобто не визнані ніким, окрім держав Центральної коаліції, болгарський уряд схильний вірити, що режим в Україні здатний утриматися при владі набагато довше, ніж більшовики. На відміну від болгаро-радянських відносин, болгаро-українські не припинені після того, як Болгарія виходить з війни. Болгарія й Україна успішно вирішують питання про репатріацію військово-полонених. Покращується становище болгарської меншості в Україні. Незважаючи на важкі умови життя, поживляються культурні зв'язки між двома державами. Проте, як відомо, участь Болгарії у війні закінчується національною катастрофою. Спроба українців створити власну державу приводить до багаторічної громадянської війни. Обидві країни зазначають приголомшливого економічного спаду, переживають політичну й соціальну кризу. Рішення Паризької конференції не сприятливі як для Болгарії, так і для України. Переможені й принижені, обидві держави в плинні десятиліття шукають нові шляхи розв'язання національного питання.

¹ Хрушевски, М. Преглед на украинската история. С., 1914, с. 3.

² Романчук, Я. Европейската война и руско-украинският въпрос. Варна, 1914, с. 5.

³ Централен държавен архив на Република България (ЦДА), ф. 176к, оп. 3, а. е. 602, л. 3.

⁴ Там само, а. е. 678, л. 19–25.

⁵ Стенографски дневници на XVII ОНС, IV р. с., л. 144.

⁶ Омарчевски, Ст. Българските управници през световната война. Факти и документи. С., 1921, с. 121.

⁷ ЦДА, ф. 313к, оп. 1, а. е. 2463, л. 36.

⁸ Там само, ф. 176к, оп. 3, а. е. 602, л. 72.

⁹ Українська Центральна рада. Документи і матеріали у двох томах. Т. 1. К., 1996, с. 529.

¹⁰ Рубльов, О. С., Реєнт, О. П. Українські визвольні змагання 1917–1921. К., 1999, с. 75.

¹¹ Фельштинский, Ю. Крушение мировой революции. Лондон, 1991, с. 161.

¹² Боєчко, В. Д., Ганжа, О. І., Захарчук, Б. І. Формування державних кордонів України. К., 1991, 9–10.

¹³ Пенчиков, К. Бесарабският въпрос в политиката на Централните сили (1918–1919). – В: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 1. Велико Търново, 1992, с. 135.

¹⁴ Камбана, 1918, № 3058, 4 ян.; Камбана, 1918, № 3080, 2 февр.

¹⁵ ЦДА, ф. 313к, оп. 1, а. е. 2463, л. 176.

¹⁶ Дипломатически документи по участието на България в Европейската война. Т. 2. 1915–1918 г. (до примирието). С., 1921, № 1432, с. 892.

- ¹⁷ България на мирните преговори в Брест-Литовск (1917–1918). Сборник документи. Велико Търново, 2007, № 102, с. 165.
- ¹⁸ Там само, № 103, с. 167.
- ¹⁹ Там само, № 129, с. 204.
- ²⁰ ЦДА, ф. 313к, оп. 1, а. е. 2465, л. 35.
- ²¹ България на мирните преговори..., № 108, с. 175.
- ²² Мирные переговоры в Брест-Литовске. Москва, 1920, с. 48, 144, 151, 155, 225.
- ²³ Радославов, В. България и световната криза. С., 1993, с. 200.
- ²⁴ Гошуляк, І. Питання соборності українських земель на Брест-Литовській мирній конференції. – Український історичний журнал, 2004, № 2, с. 18.
- ²⁵ България на мирните преговори..., № 87, с. 126.
- ²⁶ Мирные переговоры в Брест-Литовске..., с. 77.
- ²⁷ ЦДА, ф. 313к, оп. 1, а. е. 2465, л. 43.
- ²⁸ Там само, л. 186–187, 190.
- ²⁹ Там само, л. 189–190.
- ³⁰ Дипломатически документи..., № 1426, с. 889.
- ³¹ ЦДА, ф. 313к, оп. 1, а. е. 2464, л. 41.
- ³² Там само, а. е. 2461, л. 42.
- ³³ Дипломатически документи..., № 1425, с. 888.
- ³⁴ Там само, № 1426, с. 889.
- ³⁵ България на мирните преговори..., № 123, с. 197.
- ³⁶ Дипломатически документи..., № 1430, с. 891.
- ³⁷ ЦДА, ф. 176к, оп. 3, а. е. 1035, л. 303.
- ³⁸ Там само, л. 9, 12, 13, 39.
- ³⁹ Мир, 1918, № 5351, 15 февр.; Работнически вестник, 1918, № 222, 1 март.
- ⁴⁰ Мир, 1918, № 5347, 11 февр.
- ⁴¹ Цит. за: Нотович, Ф. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 г. М., 1947, с. 144.
- ⁴² Мир, 1918, № 5348, 12 февр.
- ⁴³ Там само, № 5347, 11 февр.
- ⁴⁴ Нотович, Ф. Вказ. праця, с. 213.
- ⁴⁵ Мир, 1918, № 5347, 11 февр.
- ⁴⁶ България в Първата световна война. Германски дипломатически документи. Сборник документи в два тома. Т. 2. 1916–1918. С., 2005, № 359, с. 540.
- ⁴⁷ Цит. за: Пенчиков, К. Вказ. праця, с. 133.
- ⁴⁸ България на мирните преговори..., № 184, с. 267.

В. В. Павленко

ІВАН ШИШМАНОВ ТА РОЗБУДОВА БОЛГАРО-УКРАЇНСЬКИХ ДИПЛОМАТИЧНИХ ВІДНОСИН У 1918–1919 рр.

У налагодженні міждержавних відносин Болгарії і України значна роль належала відомому вченому і громадському діячеві Івану Шишманову. Він досліджував українсько-болгарські літературні зв'язки, був автором праць про Т. Г. Шевченка, мав тісні наукові й родинні зв'язки з видатним українським ученим, професором Софійського університету Михайлом Драгомановим (був його зятем), товаришував з Іваном Франком, Лесею Українкою, Володимиром Гнатюком та іншими українськими письменниками і вченими. Тож не дарма саме йому болгарський уряд доручив очолити дипломатичну місію в Україну в 1918 р.

Українсько-болгарські дипломатичні відносини стали можливими внаслідок укладення Брест-Литовської мирної угоди між державами Четверного союзу і Українською Народною Республікою, що була підписана 9 лютого 1918 р. за кілька годин до одержання звістки про захоплення Києва більшовицькими військами під керівництвом Антонова-Овсієнка. Згідно неї, 2 березня 1918 р. німецькі й австро-угорські війська вступили до Києва й відновили владу Центральної Ради.

Мирний договір між УНР і державами Четверного союзу поклав початок встановленню дипломатичних відносин між цими країнами, що здійснювалися за допомогою їхніх дипломатичних представництв. Останні й повинні були втілювати в життя статті підписаного договору.

У відповідності з домовленостями, кордони між Австро-Угорщиною та Українською Народною Республікою встановлювалися по довоєнних кордонах Австро-Угорщини з Росією. Держави Четверного союзу й УНР відмовлялися від покриття воєнних збитків і досягли згоди у взаємному постачанні продовольчих і промислових «надлишків», які для України були досить великими. Зокрема, вона повинна була до липня 1918 р. вивезти 1 млн т збіжжя, м'яса, круп тощо. Договір обумовлював обмін полоненими, повернення цивільних інтернованих, встановлення правових відносин, а також позику Україні в сумі 1 млрд крб для боротьби з більшовиками¹.

За Брест-Литовським мирним договором Україна повинна була забезпечувати держави Четверного союзу основними багатствами своєї землі – продовольством і сировиною. Проте апетити Німеччини розпалювалися. Вона посилила побори в Україні за допомогою торговельного договору від 8 квітня 1918 р. Хоча основні поставки йшли в Німеччину, однак незначна частина їх потрапляла і її союзникам, у тому числі Болгарії.

19 квітня 1918 р. був підписаний договір між Німеччиною, Австро-Угорщиною і Болгарією про спільну закупівлю продовольства й сировини в колишній Російській імперії, зокрема в Україні й Фінляндії. Визначалася частка болгарської закупівлі в Україні; вона становила: ікри – 5%, цукру – 4%, худоби – 3% тощо. Ці товари перевозилися німецьким та австро-угорським військовими флотами. Для виконання зазначених торговельних акцій Дирекція з постачання і планування Болгарії створила спеціальну господарську місію².

Відтак Брест-Литовський мирний договір відкрив шлях до встановлення дипломатичних відносин між Болгарією й Українською Народною Республікою. Обидві країни були зацікавлені в цьому процесі. Болгарія сподівалася зав'язати двосторонні болгаро-українські стосунки, насамперед торгіві, й цим самим покращити своє економічне становище, зруйноване війною. Зі свого боку, УНР, утверджуючи свою державність, була зацікавлена в дипломатичному визнанні її якомога ширшим колом держав.

Пріоритет у відкритті дипломатичних представництв належав болгарській стороні. Перше документальне повідомлення про рішення Софії надіслати в Москву і Київ дипломатичні місії датувалося 12 квітня 1918 р. у шифрованій телеграмі голови Ради Міністрів Болгарії В. Радославова до посла Болгарії в Німеччині Д. Ризова³. Цей намір був здійснений вже наприкінці квітня. До Києва вирушила дипломатична місія на чолі з Іваном Шишмановим.

Цей вибір не був випадковим. Адже, як уже зазначалося, І. Шишманов був не лише відомим громадським діячем та вченим, а й українознавцем. У свою чергу, призначення послом Болгарії в УНР українофіла певною мірою не відповідало експансіоністським намірам Німеччини й Австро-Угорщини щодо України. Такий дипломатичний маневр Болгарії мав своє підґрунтя. Вона вважала себе обділеною союзниками, була незадоволена їхнім половинчастим рішенням про перехід Південної Добруджі під болгарський протекторат і несправедливим розподілом українських поставок.

Призначення І. Шишманова не залишилося непоміченим. У пресі з'явилися офіційні поздоровлення, а софійська газета «Камбана» 13 квітня 1918 р. взяла інтерв'ю у новопризначеного болгарського посла. Підкреслювався його вагомий науковий доробок, гідно оцінений науковою громадськістю, яка обрала вченого членом Болгарської, Української (у Львові), Грецької і Хорватської академій, Харківського університету, етнографічних товариств у Празі й Будапешті, головою Спільки болгарських учених, письменників і художників, Болгарської спільки читалень.

Відповіді І. Шишманова кореспонденту чітко визначали його погляди на історію, культуру, економічний потенціал України. Він наголосив, що є прибічником теорії, згідно з якою Київська Русь була українською державою. Український етнос, вважав учений, простягається від Карпат до Кавказу і від Прип'яті до Чорного моря. Відзначаючи відмінності між мовами, поезією, музикою, расовими особливостями, розумовим, моральним і психологічним складом росіян і українців, він фактично спростував твердження деяких учених, що всі східні слов'яни є одна нація. Даючи високу оцінку українській літературі, науці, вказуючи на наявність великих природних багатств, І. Шишманов доводив взаємовигідність розвитку болгаро-українських відносин, що мали тисячолітню історію.

Болгарське представництво вирушило до Києва 21 квітня 1918 р. Проїздом у Львові І. Шишманов дав інтерв'ю газеті «Діло», у якому вітав створення Української Держави, говорив про внесок М. Драгоманова в українську справу. «Якби мене посилали деінде, я не згодився би, але до Києва їду з великою охотою»⁴, – зауважив повноважний посол Болгарії.

Уже у Києві в розмові з співробітником Українського телеграфного агентства болгарський дипломат акцентував увагу на українсько-болгарському взаємовпливі й ролі в ньому київського митрополита, болгарина за походженням Цамблака, австрійського посла при Богдані Хмельницькому болгарина Парчевича, українських учених Ю. Венеліна і М. Драгоманова, діячів Кирило-Мефодіївського братства – прибічників ідеї слов'янської конфедерації, класиків української літератури Тараса Шевченка, Марка Вовчка, Григорія Квітки-Основ'яненка⁵.

7 травня болгарський посол вручив вірчі грамоти гетьману Павлу Скоропадському, який щойно прийшов до влади. Болгарію в Києві, крім І. Шишманова, представля-

ли перший секретар посольства Тихон Баламезов, військовий аташе ротмістр Георгій Сархилієв, представник Дирекції з постачання і планування Димитр Влахов, рахівник Димитр Відінлієв, аташарани (охоронці-солдати) Г. Папазов, Г. Димитров, Л. Георгієв⁶.

Болгарська місія спочатку поселилася в готелі «Франсуа», а з липня – у готелі «Континенталь»⁷. Одним із основних завдань болгарський посол вважав налагодження торговельних відносин між Болгарією й Україною, а тому звернувся з такою пропозицією до міністра торгівлі й промисловості Гутника, наголосивши між іншим, що Україна в торговельних справах вільна встановлювати ті чи інші відносини без волі австрійців та німців. На що Гутник зауважив: «Теоретично – так, фактично – ні»⁸. Така відповідь українського міністра поклала кінець подальшим намірам І. Шишманова вести переговори про укладення торговельного договору Болгарії з Україною.

Зазнавши невдачі у налагодженні міждержавних болгаро-українських торговельних зв'язків, болгарський посол намагався встановити контакти по лінії кооперації. Ці дії знаходили підтримку з боку українських кооператорів, які прагнули вийти на міжнародну арену. Тому не випадково голову болгарської місії було запрошено на III Всеукраїнський з'їзд кооператорів, що відбувся 26 травня 1918 р. Згодом І. Шишманов офіційно від імені Болгарського кооперативного банку звернувся до українських банків з пропозицією зав'язати між ними торговельні зносини. У серпні 1918 р. таку згоду на співробітництво дав Центральний український кооперативний комітет, який запропонував болгарам на перших порах поставку полотна селянського кустарного виробництва. Проте подальші політичні події в Україні не дали змоги розгорнутися цим контактам.

Таким чином, болгарам не залишалось нічого іншого, як обмежитися комерційними операціями лише в межах спільної торговельної угоди між Україною і державами Четверного союзу. Відповідна закупівля проводилася по військовій і цивільній лініях. Для постачання болгарської армії українським спорядженням в Одесу в червні 1918 р. прибула болгарська військова делегація у складі генералів Рашева, Цалева та інших офіцерів Генерального штабу, яка підтримувала зв'язок з болгарським послом у Києві⁹.

За прикладом провідних держав Четверного союзу Болгарія також прагнула покращити своє тяжке економічне становище за рахунок українських товарів, при цьому не завжди дотримувалася умов відповідного договору. Про один із таких випадків свідчить вербальна нота до болгарського посольства в Києві. У ній українське Міністерство закордонних справ протестувало проти вантаження болгарською військовою командою на корабель «Болгарія» 2141 коня і на корабель «Борис» 434 пудів крему для взуття, 310 пудів сургучу, 124 пудів рицинової олії, 4336 пудів мідного купоросу, 83 пудів олова, 8 пудів лимонної кислоти, 10310 пудів пенькових канатів, 62 пудів марганцю¹⁰. До того ж ці дії проводилися всупереч заборони митниці.

Болгарський уряд намагався посилити свої морські військові сили, закуповуючи в Україні судноплавні засоби. У червні 1918 р. Військове міністерство і Міністерство закордонних справ Болгарії через І. Шишманова звернулися до українського уряду з проханням придбати на корабельнях Миколаївського суднобудівельного заводу 4 контрміноносця, 5 підводних і 12 моторних човнів. На цей крок їх підштовхнув рапорт капітан-лейтенанта Стателова про намір Німеччини закупити 4 контрміноносця для Туреччини, що зробило б останню сильною морською державою. Подібне прохання було направлено і в Берлін, під чийм контролем та охороною перебували українські суднобудівельні заводи.

У відповіді українська сторона підкреслювала, що не бажає продавати нові кораблі, а має намір продати лише частину Чорноморського флоту, оскільки весь його не може утримувати. Але остаточне рішення, підкреслювалося далі, буде залежати від німецької влади. Німецька сторона дипломатично відповіла, що вирішувати питання про продаж кораблів можуть лише уряди України і Росії, а тому рекомендувала звернутися саме до

них¹¹. Як відомо, болгарські плани не здійснилися. Більшу частину Чорноморського флоту, щоб нікому не дістався, згодом потопила більшовицька Росія. Пізніше в її розпорядження потрапили й українські корабельні.

Як уже згадувалося вище, у закупівлі українських товарів, крім військового відомства, брала участь і цивільна установа – Дирекція по постачанню та плануванню. У липні 1918 р. вона направила свого представника Стефана Балгарова, який мав для цієї мети 1 млн 207 тис. австрійських крон. З цієї суми 1 млн 192 тис. було помінано на 596 тис. крб і покладено в Київське відділення Російського зовнішньоторговельного банку, а необмінені 15 тис. австрійських крон у зв'язку з їх дефектним станом було прийнято на зберігання цим же банком.

Непогодження дій Балгарова з болгарським послом, який звинувачував представника Дирекції з постачання та планування в проведенні операції в обхід українських законів і союзницьких домовленостей, стали причиною заміни його іншими представниками Дирекції – Д. Івановим і Д. Власовим. Після від'їзду Балгарова всі гроші, покладені в Київський банк, були переведені на рахунок болгарської місії і відпускалися тільки І. Шишманову або його уповноваженому. Згодом Д. Влахов одержав 22 тис. крб і 15 тис. необмінених у Києві австрійських крон для закупівлі товарів на Одещині¹².

У підписанні вигідних угод значна роль належала особисто І. Шишманову, який зав'язав контакти з рядом представників українських ділових кіл. Зокрема, завдяки його старанням Міністерство земельних справ дало згоду на вивіз у Болгарію 4 тис. волів¹³. До кінця 1918 р. Болгарія, за підрахунками болгарського вченого Веселина Хаджиніколова, закупила в Україні товарів на 45 млн 305 тис. левів, у тому числі коней (2520 голів), волів і корів (401 голову), рибу, пшеничне борошно, цукор, масло, хімічні та залізні вироби тощо¹⁴.

На відміну від торговельних операцій, обсяг взаємного постачання продовольчими і промисловими товарами не задовольняв болгарський уряд, який намагався, згідно з Брест-Литовським мирним договором, з їхньою допомогою певною мірою покрити значні матеріальні витрати, понесені в ході Балканських воєн і світової війни. Відтак Болгарія була зацікавлена у виконанні Українською Державою цього договору, хоча за його умовами основні українські поставки розподілялися між Німеччиною й Австро-Угорщиною. Болгарський уряд намагався принаймні одержати ту частину, що припадала йому, і сподівався вирвати її з рук союзників за допомогою болгарського посла в Києві.

І. Шишманов довів до німецького й австро-угорського послів прохання голови уряду В. Радославова не пізніше 10 червня 1918 р. поставити в Болгарію 50 тис. т продуктів. У відповіді обидва послы, посилаючись на дезорганізацію влади в Україні, загрозу з боку більшовиків, опір селян, виправдовувалися відносно затримки українських поставок Болгарії. До 19 травня з України було вивезено від 1500 до 2000 вагонів жита, причому Болгарії виділялося 75–100 вагонів. Послами Німеччини й Австро-Угорщини було відхилене прохання І. Шишманова дати в аванс Болгарії більше продуктів. Ця відмова пояснювалася важкими матеріальними умовами союзників. Для підтвердження цього наводився приклад Німеччини, яка зменшила в той час денну хлібну норму з 200 до 160 грамів.

Однак німецький посол у Києві барон Мумм мав надію збільшити обсяг українських поставок союзникам, у тому числі й Болгарії, за рахунок запасів продовольства в Криму і Таврійській губернії, в яких, за його даними, знаходилося 10–15 млн пудів продовольства. І. Шишманов домовився з бароном Муммом про вивіз до Болгарії українського цукру. На цих зустрічах він домігся участі болгарського представника Дирекції з постачання та планування Іванова в роботі німецько-австрійського управління по контролю за виконанням умов Брест-Литовського мирного договору¹⁵.

Болгарське представництво успішно виконувало одну зі своїх основних функцій – захист інтересів співвітчизників. Це були військовополонені й заробітчани. Останні ще до Першої світової війни прибули в південні регіони України для роботи в сільському господарстві. Проте, оскільки основна маса болгарських військовополонених була переправлена на батьківщину німецькими й австро-угорськими військами відразу ж після їх вступу на територію України, ця проблема перед болгарською дипломатичною місією не стояла. Вона опікувалась болгарськими військовополоненими, які з тих чи інших причин продовжували перебувати в Україні. Насамперед це стосувалося поранених і хворих. І. Шишманов через Болгарський Червоний Хрест звертався до Міністерства закордонних справ Української Держави з проханням розшукати чи повідомити про здоров'я і матеріальне становище болгарських громадян¹⁶. Свій внесок у матеріальну допомогу болгарським військовополоненим зробили й болгарі – вихідці з Македонії, котрі проживали в Києві. Вони зібрали 9 тис. крб і передали їх через І. Шишманова Болгарському Червоному Хресту¹⁷.

Болгарське посольство й пізніше переправляло болгар, які прагнули повернутися на батьківщину. Зокрема, з цією метою використовувалися зворотні рейси транспорту, яким перевозилися з Болгарії українські військовополонені.

Не менш важливим був захист інтересів співвітчизників, які мешкали в Україні. У роки Першої світової війни царська влада переслідувала чимало болгар як громадян ворожої держави. Пізніше цю тактику перейняли більшовики, утискаючи болгар як представників заможних верств. Типовою є скарга болгарському посольству братів Рангела і Олександра Делчевих з міста Перушица Пловдивської округи, котрі десять років проживали в Одесі. В 1916 р. їх позбавили права тримати готель, пограбували його, завдали збитків на 77 тис. крб, а їхніх синів інтернували¹⁸.

Цілий ряд скарг посипався в болгарське посольство від болгарських підданих – орендаторів зрошувальних земель у передмісті Одеси «Пересип». У 1914–1916 рр. місцева влада примушувала їх дешевше продавати овочі, реквізувала у них насіння. Після 1917 р. більшовики пішли ще далі. Вони відбирали городи, господарські будівлі, не давали збирати врожай. Болгарський посол просив Міністерство закордонних справ розібратися в цій справі й відшкодувати збитки¹⁹. Подібні апеляції болгарського представництва поставили Міністерство закордонних справ перед необхідністю створення спільно з Міністерством юстиції та Міністерством торгівлі і промисловості міжвідомчої комісії по усуненню цих правопорушень²⁰. У грудні 1918 р. комісія розробила порядок відшкодування збитків, завданих під час війни і більшовицького терору болгарським підданим, які займалися городництвом в Україні²¹.

Вищезазначена ініціатива болгарського посольства дала поштовх до розробки Міністерством юстиції УНР законопроекту про окружні комісії у справах по відновленню майнових прав німецьких, австро-угорських, болгарських і турецьких підданих, поданого на розгляд Раді Міністрів. У січні 1919 р. такі комісії планувалося створити в Києві, Одесі, Харкові і Катеринославі²².

Звернення, що надходили з Болгарії з проханням повідомити про долю родичів в Україні, встановити їхню адресу, спонукали болгарське представництво просити Міністерство закордонних справ дати довідку про болгарських громадян у місцях компактного проживання, зокрема в Олександрійському й Бердянському повітах, Києві та Одесі²³. Болгарському посольству доводилося також допомагати своїм співвітчизникам у вирішенні питань спадщини, одержанні дипломів, працевлаштуванні тощо²⁴.

Не останню роль відігравало дипломатичне представництво в захисті болгарських громадян від утисків української влади. Зокрема, у зв'язку з обшуком і арештом Димитра Ігнатова, який проживав у Києві, воно навіть направило вербальну ноту Міністерству закордонних справ України²⁵.

Болгарське посольство не лише піклувалося про своїх підданих в Україні, а й допомагало українським військовополоненим та їхнім сім'ям. Воно стало посередником між ними, а саме за клопотанням Болгарського Червоного Хреста сповіщало родичів про місцеперебування і стан здоров'я військовополонених, сприяло листуванню тощо²⁶.

І. Шишманов відреагував на утиски болгарської влади щодо українських військовополонених. У вересні 1918 р. він сповістив Міністерство внутрішніх справ Болгарії про появу в пресі повідомлень про випадки жорстокого поводження з українськими і російськими військовополоненими в болгарських таборах. З цього приводу російський уряд опублікував офіційний протест і передав його послу Нідерландів для вручення болгарському урядові. І. Шишманов пропонував болгарській владі в інтересах подальшого розвитку дружніх болгаро-українських відносин вибачитися, а полоненим до повернення на батьківщину надати невеликі подарунки²⁷.

І. Шишманов близько до серця сприйняв трагедію, що сталася в зв'язку з вибухом артилерійського складу у червні 1918 р. у Києві. Внаслідок цього терористичного акту 200 чоловік загинуло, більше тисячі зазнали поранень, 6 тис. залишилося без даху. Для допомоги жертвам був створений комітет на чолі з гетьманом²⁸. З ініціативи І. Шишманова в кампанію допомоги включилися послы союзних держав у Києві, які вирішили виділити на благодійну акцію по 3 тис. крб. Однак, оскільки уряд Болгарії направив киянам 20 тис. левів, то різниця між 3 тис. і всією відпущеною сумою була оголошена пожертвуваннями болгарських трудящих²⁹. Через два місяці пролунав вибух артилерійського складу в Одесі. І тут І. Шишманов просив болгарський уряд допомогти одеситам³⁰.

Болгарське дипломатичне представництво виконувало й одну зі своїх основних функцій – направляло інформацію щодо найважливіших подій в акредитованій державі. Серед донесень були повідомлення про стан народного господарства в Україні, протистояння політичних партій, культурні події тощо. Не останнє місце в цьому інформаційному потоці посідали українсько-російські відносини, російські сюжети. І. Шишманов повідомляв уряд про поранення Леніна, стан його здоров'я, червоний терор, що посилювався після цього замаху, поразку заколоту чехословацьких військ у Сибіру, перебіг переговорів у Києві по укладанню мирного договору між Україною і Росією тощо.

Одним із джерел інформації з Росії був його співвітчизник, керівник російської делегації по укладанню українсько-російського мирного договору Християн Раковський. Іван Шишманов відвідував його не лише із офіційними візитами, а й вів приватні бесіди, причому й з ініціативи Раковського³¹.

Інформації І. Шишманова викликали певну реакцію з боку болгарського уряду. Міністерство освіти Болгарії привітало своїх українських колег з введенням в Україні 1918 р. шкільного свята в пам'ять болгарських апостолів, авторів слов'янської абетки Святих Кирила і Мефодія, що відзначається в Болгарії 24 травня. Від того ж адресата Міністерство освіти України і ректор Київського університету одержали привітання з приводу відкриття в жовтні 1918 р. Київського університету. На цих урочистостях почесним гостем був Іван Шишманов³². Болгарський посол одержав запрошення взяти участь у відкритті Кам'янець-Подільського університету. Й інші учбові заклади України прагнули бачити серед почесних гостей провідника українсько-болгарської дружби, зятя відомого українця Михайла Драгоманова. Остання обставина стала причиною звернення до І. Шишманова редакції Львівського журналу «Світ» з проханням надіслати фотографію пам'ятника на могилі Драгоманова для друку³³.

Послугами відомого діяча науки і культури прагнули скористатися й болгарські митці. Зокрема, Міністерство освіти Болгарії просило І. Шишманова підібрати на посаду головного режисера Народного театру в Софії відомого представника української культури³⁴.

Як вчений, І. Шишманов не міг не використати своє перебування в Україні для продовження наукової діяльності в галузі україністики. У цьому йому допоміг багатий фонд київських бібліотек, у тому числі й університетської, книгами яких він користувався³⁵. Проте недовго довелося І. Шишманову займатися науковими пошуками. Вступ до Києва на початку лютого 1919 р. більшовиків змусив болгарське представництво разом з українським урядом переїхати до Вінниці. Цей переїзд завдав І. Шишманову чимало клопоту. Справа в тому, що в Київському відділенні Російського зовнішньоторговельного банку залишилися болгарські гроші, покладені на рахунок представництва Болгарії. У листі до генерального консула Нідерландів у Києві Фокера Шишманов пояснював такий стан речей побоюванням нападу в дорозі банд. З іншого боку, його турбувала можлива конфіскація більшовиками болгарських коштів. Відтак він просив свого голландського колегу у випадку такого вилучення домагатися у Х. Раковського, який очолив уряд радянської України, повернення болгарських грошей.

У Вінниці болгарська місія затрималася недовго. І. Шишманов, як досвідчений політик, зрозумів ситуацію і не став чекати краху Директорії. У березні болгарське посольство повернулося до Софії, а 1 квітня 1919 р. І Шишманов на аудієнції у царя Бориса склав свої повноваження посла Болгарії в Україні. Так закінчилася діяльність посольства Болгарії в Україні.

Однак Іван Шишманов не поривав зв'язків зі своїми українськими однодумцями – представниками емігрантської політичної й наукової думки, цікавився подіями в Україні. Він знайомився з творами українських емігрантів – колишніх діячів УНР О. Шульгіна, П. Стебницького, О. Скоропис-Йолтуховського та інших, у яких вони крізь призму свого сприйняття намагалися проаналізувати досягнення, невдачі й помилки керівництва УНР. До його послуг були також і українські емігрантські часописи, що виходили у Відні, Празі, Варшаві³⁶.

Іван Шишманов користувався повагою в середовищі українських емігрантських кіл Болгарії. Вони запрошували його на заходи політичного і культурного характеру, що проводилися ними. 1926 року його було обрано головою Українсько-болгарського товариства³⁷.

Викладацький досвід, політичні погляди, науковий доробок ученого в галузі слов'янознавства та його складової частини – україністики, зокрема ставлення до проблеми української державності, імпонували керівництву українських навчальних закладів, що функціонували за кордоном. Тому до нього надійшли пропозиції з Праги обійняти посаду професора кафедри історії європейської літератури Українського вільного університету (1922) і кафедри історії слов'ян Українського вищого педагогічного інституту ім. М. Драгоманова (1923). І в першому, і в другому випадках ініціативу проявив Л. Білецький, ректор цих закладів. Проте обставини склалися так, що ці пропозиції вчений не зміг прийняти³⁸.

Таким чином, відновлення української державності в 1918 р. спричинило встановлення офіційних дипломатичних відносин між Україною і Болгарією. Шлях до них відкрив Брест-Литовський мирний договір, хоча він і поставив Україну в двосторонніх українсько-болгарських стосунках у нерівноправне становище. Насамперед йдеться про українські поставки до держав Четверного союзу і спільний торговельний договір України з ними.

Якоюсь мірою пом'якшити наслідки такого договору прагнув Іван Шишманов, хоча цілком зрозуміло, що навіть найвпливовіший політик не зміг би в односторонньому порядку змінити політичний курс свого уряду, а тим більше союзних держав. Закінчилася поразкою і спроба І. Шишманова підписати двосторонній болгаро-український торговельний договір, що йшов у розріз з планами Німеччини надалі панувати на українському ринку.

Для України мав значення сам факт встановлення дипломатичних відносин з Болгарією, оскільки ставив її на один щабель з іншими незалежними державами. Фактичне перетворення України в південну околицю більшовицької Росії призвело до втрати нею власного зовнішньополітичного курсу, у результаті чого відпала потреба в обміні дипломатичними представництвами із зарубіжними країнами.

¹Полонська-Василенко, Н. Історія України. К., 1992, с. 481.

²Пенчиков, К. Българо-українски дипломатически отношения. 1918–1919 г. – В: Българо-українски връзки през вековете. Научни изследвания. София, 1983, с. 256.

³Добрисянов, Т. Българо-съветски дипломатически отношения. 1918–1934. Документи. – Международни отношения, 1972, № 1, с. 141.

⁴Діло, 1918, 1 травня.

⁵Научен архив на Българската академия на науките (далі – НА БАН), ф.11 к, оп. 2, д. 537, л. 10–11.

⁶Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО України), ф. 3766, оп. 1, спр. 25, арк. 2; НА БАН, ф. 11 к, оп. 2, спр. 538, арк. 1–4.

⁷ЦДАВО України, ф. 3766, оп.1, спр. 120, арк. 20–21.

⁸Там само, спр.111, арк. 5.

⁹НА БАН, ф. 11 к, оп. 2, д. 539, л. 2.

¹⁰ЦДАВО України, ф. 3766, оп.1, д. 116, л. 5.

¹¹Централен държавен архив на Република България (далі – ЦДА РБ), ф. 176К, оп. 3, д. 1399, л. 1–8, 16, 31–32.

¹²НА БАН, ф.11 к., оп. 2, д. 537, л. 72.

¹³Там само, арк. 44.

¹⁴Хаджиниколов, В. Стопански отношения и връзки между България и Съветския съюз до Девети септември (1917–1944). София, 1956, с. 54.

¹⁵ЦДА РБ, ф. 176к, оп. 3, д. 1254, л. 20.

¹⁶ЦДАВО України, ф. 3766, оп. 1, спр. 119, арк. 104.

¹⁷НА БАН, ф.11 к., оп. 2, д. 539, л. 8.

¹⁸ЦДАВО України, ф. 3766, оп. 1, спр. 119, арк. 91.

¹⁹Там само, арк. 19–20.

²⁰Там само, арк. 100–101.

²¹Там само, ф. 3696, оп. 1, спр. 22, арк. 23.

²²Там само, арк. 32.

²³Там само, арк. 3–5, 13, 119.

²⁴Там само, ф. 3766, оп. 1, спр. 119, арк. 8, 9, 105, 106; НА БАН, ф. 11 к., оп. 2, д. 537, л. 20, 22, 48.

²⁵ЦДАВО України, ф. 3696, оп. 1, д. 22, л. 26.

²⁶Там само, ф. 3766, оп. 1, спр. 119, арк. 18, 95.

²⁷ЦДА РБ, ф. 176к, оп. 3, д. 1486, л. 9.

²⁸Дорошенко, Д. Історія України. Ужгород, 1932, с. 120.

²⁹ЦДА РБ, ф. 176к, оп. 3, д. 1045, л. 12–16; НА БАН, ф.11 к, оп. 2, д. 537, л. 43, 121.

³⁰Там само, ф. 176к, оп. 3, д. 1515, л. 59, 62.

³¹Там само, арк. 49, 57, 66, 73–74, 77, 80.

³²Там само, ф.177к, оп. 1, д. 522, л. 6, 7, 37.

³³НА БАН, ф. 11 к, оп. 2, д. 537, л. 55, 128–130.

³⁴ЦДА РБ, ф. 177к, оп. 1, д. 522, л. 19.

³⁵НА БАН, ф. 11 к, оп. 2, д. 537, л. 46.

³⁶Там само, д. 535, л. 2–10.

³⁷Там само, д. 585, л. 12, 17, 18, 20–27; д. 506, л. 1; д. 507, л. 1.

³⁸Там само, оп. 3, д. 145, л. 1–3; д. 146, л. 1–5; д. 501, л. 7.

Т. В. Татоли

КОНЦЕПЦИЯ «НОВОГО ГОСУДАРСТВА» «ДЕЯТЕЛЕЙ 19 МАЯ»: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Период между двумя мировыми войнами был для многих европейских государств временем политических экспериментов – от крайне правых до левых. Миру предлагались различные варианты преобразования устоявшихся государственных механизмов в соответствии с идеологическими концепциями, лежавшими в основе деятельности тех политических сил, которые брали на себя смелость совершить эти преобразования. Болгария не стала исключением: здесь в межвоенный период сменилось шесть политических режимов, каждый из которых предлагал свой вариант преобразования болгарской государственности. Значительный интерес в этом плане представляет концепция «нового государства», претворявшаяся в жизнь представителями политической группы «Звено» и Военного союза – организаторами и участниками государственного переворота 19 мая 1934 г.

Идеология деятельности политических сил, пришедших к власти 19 мая 1934 г., была обоснована в «Манифесте к болгарскому народу», принятом сразу после переворота. В нем провозглашалось, что правительство будет действовать «во имя гражданского мира и объединения всех сил, рассчитывая на поддержку всего болгарского народа и готовность на любые жертвы перед алтарем отечества». Здесь же обосновывалась необходимость изменений в политической системе, провозглашалось создание надклассового государства и излагалась мысль, что управление этим государством нужно возложить на политическую и интеллектуальную элиту нации. Упоминалось и о необходимости внесения дисциплины в политическую жизнь, и о возможности реформирования капитализма¹. Фактически Манифест намечал уже конкретную программу деятельности правительства, однако не был свободен от значительной доли демагогии (как, впрочем, и большинство программно-политических документов того времени).

Болгарский исследователь В. Мигев выделяет в общей идеологии режима «деятели 19 мая» как основополагающие такие идеи: антикоммунизм, антидемократизм, национализм, этатизм². Последняя идея, предполагавшая активное вмешательство государства в жизнь общества, утверждалась особенно активно, поскольку была стержнем идеологии группы «Звено», представители которой стали ведущей силой переворота 19 мая 1934 г. Новое государство, создаваемое участниками переворота, представлялось панацеей от всех социальных недугов в соответствии с интересами всех слоев. Возможности нового государства определялись тем, что оно было элитарным (управлялось элитой нации), авторитетным (во главе всех сфер стояли компетентные, авторитетные личности), корпоративным (политическая власть в нем принадлежала организациям сословий)³.

Деятели 19 мая составили амбициозную программу осуществления важных реформ во всех областях государственной и общественной жизни. В определенной степени они использовали опыт тоталитарных государств, но в основном преобладала специфика, связанная с особенностями Болгарии.

В рамках построения «нового государства» указом от 19 мая 1934 г. было приостановлено действие Тырновской конституции и распущено Народное собрание.

В дальнейшем предполагалось создание семи сословных организаций, из которых и будет формироваться меньший по составу парламент. Эта идея явно была заимствована от корпоративности итальянских фашистов.

Законность своих действий правительство основывало на главе 47 Конституции, согласно которой «если государству будет угрожать какая-то внешняя или внутренняя опасность, то Министерский совет ... может издавать декреты и делать распоряжения, которые имеют обязательную силу закона»⁴. И с 19 мая 1934 г. по 9 сентября 1944 г. все болгарские правительства в определенной степени опирались на это положение. Однако очень трудно было доказать, что они действовали в условиях внешней или внутренней опасности. И злоупотребление главой 47 свидетельствует о нарушении правительствами принципа законности даже в тогдашнем его понимании.

С целью усиления собственной власти правительство издает 25 мая 1934 г. декрет (отныне все преобразования в государстве будут осуществляться с помощью таких декретов), в котором закрепляет за собой законодательную функцию: «Все постановления Министерского совета, принятые в течение и после 19 мая 1934 г., имеют силу закона и отменяют законные распоряжения, которые им противоречат. Изданные в это же время распоряжения министров о назначении должностных лиц или по организационным, административным и финансовым вопросам имеют обязательную силу и не могут не исполняться под предлогом, что они несообразны с законом или ему противоречат»⁵.

Усиление исполнительной власти сопровождалось изменением структуры и функций ее органов. Уменьшается число министерств (до восьми) и одновременно создается два новых – Министерство народного хозяйства (путем слияния Министерства торговли, промышленности и труда и Министерства земледелия и государственного имущества) и Министерство сообщений (в результате слияния Министерства общественных сооружений, дорог и благоустройства и Министерства железных дорог, почт и телеграфов). Был создан и абсолютно новый центральный институт – Дирекция общественного обновления.

Государственный аппарат в период правления «19-майцев» значительно бюрократизируется, что находилось в полном противоречии с декларируемыми ими идеями о «новом государстве». Резко возросла роль министров, начальников отделов, управлений, дирекций в министерствах. Огромное значение приобретают эксперты-специалисты, работающие в отдельных центральных ведомствах. Чиновник-бюрократ постепенно повышает свою самооценку. Все проблемы государственной и хозяйственной жизни он решает удивительно легко, и постепенно у него создается убеждение, что можно управлять самостоятельно, без политической компетентности государственного и политического деятеля старого типа⁶.

Следует оговорить, что руководящее звено Военного союза – Центральное управление – несмотря на то, что не имело официального статуса в государственном аппарате, все же играло значительную роль в первые месяцы после переворота. Многие вопросы текущей политики предварительно рассматривались в Центральном управлении, а затем Министерскому совету предлагались рекомендации по их решению. Одновременно произошел переход значительной части старших офицеров на гражданскую службу с сохранением их постов в армии. Эти факты позволили впоследствии советским и болгарским историкам социалистического периода определять сущность режима «19-майцев» как «военно-фашистскую диктатуру».

Под лозунгом борьбы с анархией, некомпетентностью и неэффективностью деятельности государственного аппарата режим провел его чистку. За достаточно короткое время было уволено более 6000 чиновников⁷. Причем, как правило, увольнения проис-

ходили по политическим мотивам (из госаппарата изгонялись в основном представители БЗНС «Врабча 1» и БРСДП), поскольку очень часто назначенные на освободившиеся места не были более компетентными или способными. Больше всего от чистки пострадали кадры общинского управления, а также администрация и полиция.

Новые власти значительно увеличили роль последней. До переворота полиция была в значительной степени связана с общей администрацией на местах – ее подразделениями руководили окружные и околийские управители. После 19 мая не было проведено полной реорганизации полиции, но была увеличена ее самостоятельность. Дирекция полиции обособилась и усилила контроль над областными и околийскими отделениями. Был усилен полицейский контроль над всеми формами общественной жизни, введено активное внедрение агентуры в общество. Начала проводиться адресная регистрация по месту жительства, что также облегчало полицейский контроль⁸. Создавался новый отдел – политической полиции, чья деятельность была связана с применением декрета о роспуске партийно-политических организаций.

Одна из первых реформ новой власти – реформа местного самоуправления, посредством которой был нанесен сильный удар по самой массовой и традиционной форме демократии болгарского народа, от которого страна так и не оправилась до 1944 года.

Больше всего была затронута сельская община. В соответствии с декретом о сельских общинах от 3 августа 1934 г. произошла перегруппировка общин, в результате чего из 2600 сельских общин осталось 837. Многие из них оказались отдаленными от центрального населенного пункта, и это создавало трудности для людей⁹. Был изменен реальный статус общины: из самоуправляющегося организма она превратилась в обычный винтик единой централизованной системы управления, поскольку общинский совет по сути превращался в совещательный орган при кмете, а кметы теперь становились назначаемыми и подчинялись центральной администрации. В качестве обязательного требования к ним ставилось наличие высшего гражданского или военного образования. В результате посты сельских кметов нередко стали занимать люди, чуждые селу, не знавшие его проблем.

20 августа 1934 г. был принят декрет о городских общинах, закрепивший те же принципы организации местной власти: «Кмет назначается министром внутренних дел и здравоохранения, по представлению соответствующего областного директора. Кмет должен отвечать следующим условиям: иметь высшее образование или закончить военное училище с правом на офицерский чин; достигнуть 28 лет; отвечать всем иным условиям, предусмотренным в законе о государственных служащих»¹⁰. Выборные общинские советы были заменены новыми, куда входили поровну общинские чиновники (кмет, его помощник, директор гимназии, областной инспектор по земледелию, государственный лесничий и т. д.) и выборные советники. Таким образом, был изменен основной принцип местного самоуправления – выборность, что облегчало централизацию власти.

Реформа предполагала также и создание программы развития общины. Были созданы специальные правила по составлению программы, включавшие огромное количество конкретных мероприятий с целью «улучшить народный быт и поднять материальное благосостояние и гражданское сознание населения»¹¹. Программа предполагала создание системы фондов, имевших централизованный характер, в отличие от существовавших до этого на кооперативном принципе местных общинских фондов. Эта программа также преследовала цель усиления централизации власти.

Той же цели служила и реформа административного устройства. Шестнадцать округов были заменены семью областями – Софийской, Врачанской, Плевенской, Сливенской, Пловдивской, Старозагорской и Бургаской. Области делились на 84 околии.

Назначаемые областные директоры и околийские управители получили широкие полномочия, выполняя не только административные, но и полицейские функции¹². Такая структура государственно-административного устройства оказалась очень удобной для властей и потому просуществовала до сентября 1944 г.

В своей реформаторской деятельности «деятели 19 мая» спекулировали некоторыми объективными факторами. Государственный аппарат Болгарии действительно был неэффективен, не отвечал требованиям современного государства. Значительная часть государственных служащих имела низкий уровень образования и культуры. Распространенными явлениями были коррупция, бюрократизм, нарушение законов. Для государственного аппарата характерной была текучесть кадров, связанная с частой сменой режимов. Значительная связь госаппарата с партийной борьбой и клановостью часто лишала его служащих права на объективную оценку, независимость в принятии решений. Все это подрывало авторитет партийно-парламентарной системы и предопределяло необходимость реформ. Однако создаваемое в результате реформ государственно-политическое устройство сохраняло большинство недостатков старого.

Поскольку одним из основных пороков парламентской демократии «звенари» и Военный союз считали наличие партий как отжившего политического элемента, то уже менее чем через месяц после переворота они приступили к их ликвидации.

14 июня 1934 г. был издан декрет о запрещении партийно-политических организаций. Согласно ст. 1, запрещалось образование и деятельность партий, союзов, движений. Существовавшие организации распускались. Вторая статья закона прекращала выпуск всех партийно-политических печатных изданий. Четвертая – запрещала преобразование разогнанных организаций в какие-либо иные. И, наконец, пятая статья запрещала любые политические собрания¹³. Изданный 1 сентября 1934 г. Закон о защите безопасности государства закреплял запрещение политических партий и организаций. Закон имел явно репрессивный характер. Он предусматривал два состава преступления: по первому из них создание организаций, групп или их отделений, преследующих политические цели, предусматривало наказание тюремным заключением на срок от 5 до 10 лет и штрафом от 50 000 до 500 тыс. левов; второй состав, относящийся к членам таких организаций, предусматривал наказание тюремным заключением до 5 лет и штрафом от 5000 до 50 000 левов¹⁴. Предусматривались меры по чистке государственного аппарата по политическим мотивам¹⁵. Согласно ст. 10 этого закона, всякий, «кто сознательно назначает или держит на службе лиц, о которых известно, что они являются членами запрещенных этим законом организаций, групп или их отделений, приговаривается к тюремному заключению»¹⁶.

Одновременно власти позаботились о ликвидации материальной базы партийно-политических организаций. В июле 1934 г. был принят декрет о переходе в государственную собственность имущества нелегальных организаций, а в декабре – и имущества распущенных партий¹⁷.

Таким образом, организационная жизнь партий была прекращена. Однако партийным лидерам умеренных партий была дана возможность проведения закулисных собраний, за которыми внимательно наблюдали власти. «Деятели 19 мая» не хотели полностью закрывать путь к диалогу с политическими деятелями. Они не исключали возможность приобщить некоторых из них к сотрудничеству с режимом. И лишь в том случае, когда контакты между политиками приобретали антиправительственную направленность, их прерывали, а политиков строго предупреждали, интернировали или даже сажали в тюрьму.

Одновременно с закрытием всех партийных изданий была введена жесткая цензура прессы. Издатели всех существовавших газет и журналов в десятидневный срок

должны были просить у центральной власти разрешение на дальнейший выпуск своих изданий. Если такого разрешения они не просили или не получали, выпуск издания прекращался в 15-дневный срок. Каждый издававший печатное произведение без разрешения наказывался тюремным заключением до трех лет¹⁸. Полиция внимательно следила за соблюдением Закона о печати, принятого 14 июня 1934 г.¹⁹

В соответствии с программой создания «нового государства» место партийно-политических организаций должны были занять профессиональные. На них возлагалась функция примирения отдельных социальных групп, сочетая их интересы с «верховными целями нации»²⁰.

Создание таких организаций регламентировалось законами о профессиональных объединениях государственных служащих от 30 июля 1934 г., о профессиональных организациях от 13 сентября 1934 г. и о рабочих профессиональных организациях от 11 января 1935 г. В этих законах формулировались конкретные задачи профессиональных организаций: выдвигать своих представителей в государственные и общинские учреждения, выступать в качестве государственных органов при проведении хозяйственной и социальной политики, защищать профессиональные и моральные интересы своих членов перед всеми учреждениями, организациями и частными лицами, создавать кассы взаимопомощи и социальные службы для своих членов, заботиться о техническо-профессиональном просвещении и моральном воспитании в национальном духе²¹. Определялись и основные принципы, на которых создавались профессиональные организации: 1. Рабочие и работодатели не могут входить в одну и ту же профессиональную организацию; работники умственного и физического труда не могут состоять в одном и том же территориальном и профессиональном отделении общей организации, даже если они работают на одном предприятии. 2. Государственные и общинские служащие не могут быть членами профессиональной организации рабочих, а должны создавать свои самостоятельные союзы. 3. Иностранцы, живущие менее 5 лет в Болгарии, не могут быть членами болгарских профессиональных организаций, а те, кто живут более 5 лет, могут, но без права избирать и быть избранными²².

В определенной степени используя уже имеющийся пример корпоративного государства в Италии, деятели 19 мая стремились создать специфическую болгарскую систему, отличную от итальянской, что неоднократно подчеркивалось в их официальном издании газете «Зора». Но все же некоторое влияние корпоративного духа имело место, поскольку в парламенте предполагалось совместное участие представителей организаций рабочих и предпринимателей.

Предполагалось создание семи организаций: рабочих, крестьян, ремесленников, торговцев, промышленников, государственных служащих и так называемых «свободных профессий» – врачей, адвокатов, инженеров, архитекторов и т. д. Однако за период пребывания у власти «деятели 19 мая» осуществили свои намерения лишь частично. Они разработали общие принципы профессиональных организаций, создали союзы государственных и общинских служащих, разработали закон об одной из важнейших профессионально-сословных организаций – Болгарском рабочем союзе²³. Правда, впоследствии, уже после установления режима личной власти Бориса III, количество объединений с идейной, хозяйственной, профессиональной, культурно-просветительной, спортивной, религиозной или иной целью достигло 1007²⁴. В целом же идею «звенарей» о профессиональном представительстве в парламенте можно считать провалившейся.

Любой политический режим огромное внимание уделяет идеологическому обоснованию своего функционирования, для чего, как правило, создаются специальные организации, занимающиеся этими вопросами. Режим 19 мая не был исключением.

Менее чем через месяц после переворота был принят декрет о создании подобной организации, получившей название Дирекции общественного обновления. Законы от 9 июня и 16 октября 1934 г. определили задачи этой организации и основные направления ее деятельности. Задачи ее сводились к следующему:

«1. Направлять духовную жизнь страны к единению и обновлению для службы нации и государству.

2. Работать над поднятием престижа нации, следить за духовной жизнью за границей и осведомлять внешний мир о состоянии, развитии и нуждах болгарской материальной и духовной культуры.

3. Содействовать организации граждан в идейно единую общенародную группу.

4. Подготовить и организовать болгарских граждан, гражданок и молодежь в духе новых условий народной и общественной жизни»²⁵.

С этой целью создаваемая организация должна была воспитывать и организовывать болгарских граждан, и особенно молодежь, в духе самоотверженной службы государству и нации; контролировать общественную жизнь, особенно в проявлениях, касающихся обновления; пропагандировать идеи «нового государства»²⁶.

Вначале считалось, что организация будет опираться на административный аппарат. Ее задачи выполняли административные органы. Но постепенно начал создаваться самостоятельный аппарат, состоявший из штатных областных и околийских деятелей и добровольных сотрудников в селах. Как правило, ими становились адвокаты, не обремененные клиентурой, офицеры запаса, деятели бывших правых партий, особенно Народного социального движения А. Цанкова и Демократического стовора; ими двигали в основном карьеристские мотивы. Во главе Дирекции и ее главных отделов в разное время находились очень энергичные и амбициозные руководители: Петко Пенчев, полковник Крум Колев, Петр Попзлатев, Ставри Андреев, Иосиф Робев²⁷.

За короткий период Дирекция развила активную деятельность. Начал выходить официальный орган режима – газета «Новые дни», в которой, как и в огромном количестве издаваемых брошюр, пропагандировались «новые идеи». Контролю были подвергнуты пресса, театры, кино, собрания и лекции. Особое внимание уделялось слухам, при этом нежелательные для режима активно опровергались в официозной прессе. Оказывалось содействие укреплению влияния и авторитета болгарской церкви, для чего всячески затрундилось распространение различных сект и иных религий.

Одним из направлений деятельности Дирекции была организация широкой лекционной пропаганды. В конце октября и в декабре 1934 г. были проведены две большие лекционные кампании: в городах и крупных селах прочитаны сотни лекций. При этом были четко распределены роли. Организацией лекций занимался административный аппарат, местные комитеты обеспечивали музыку, плакаты, поддерживающие режим, отвечали за присутствие населения. Полиция должна была предотвращать возможный бойкот этих собраний. И все же, несмотря на такую подготовку, собрания проходили довольно вяло, без энтузиазма. Часто ораторами были случайные люди, смутно знакомые с идеологией режима или читавшие лекции высоким, малопонятным слушателям стилем. В ряде случаев коммунистам удавалось организовать бойкот, но и без этого очень часто лекции встречались ледяным молчанием слушателей.

Еще одной, едва ли не самой важной задачей Дирекции была организация болгарской молодежи и создание единого молодежного союза. В литературе прошлых лет преобладало мнение, что это направление деятельности не завершилось успехом в результате отпора прогрессивных сил. Однако болгарский исследователь В. Мигев считает, что эта неудача объясняется не столько противостоянием ей, сколько инертностью,

непоследовательностью и противоречивостью самого руководства в вопросе формы и характера молодежной организации, замедлявших ее формирование.

В конце июля 1934 г. Дирекция общественного обновления задалась целью объединения всех молодежных организаций – как политических, так и неполитических. Молодежный союз должен был создать свой аппарат в центре и на местах. В рамках общин, околий и областей следовало создать задруги, которые бы осуществляли контроль за деятельностью молодежных организаций и организовывали бы общие мероприятия (преимущественно в сфере идеологической деятельности). Таким образом, создание молодежной организации не было самоцелью, это было необходимо для идеологического воспитания в духе идей режима.

Областные молодежные задруги начали формироваться в августе, однако в сентябре этот процесс на некоторое время был остановлен. Главой Дирекции был назначен полковник К. Колев, выдвинувший свой план создания самостоятельной, единой националистической военизированной молодежной организации. Но к его осуществлению не приступили.

Преемник К. Колева Петр Попзлатев снова поставил в повестку дня вопрос о молодежной организации. В январе 1935 г. издается циркуляр Дирекции, в котором старая идея была сохранена и доработана: при Дирекции создавался аппарат Молодежного союза, который должен был начать интенсивную деятельность по привлечению сотрудников для идеологической работы среди молодежи. Был создан и орган Союза – газета «Пламя». Однако падение режима не дало возможности начать практическую деятельность по формированию союза. Эта задача решена не была.

Таким образом, деятельность Дирекции общественного обновления весьма противоречива. Заняв важное место в системе «режима 19 мая», Дирекция осуществляла политическое и психологическое давление на массы с целью формирования антидемократических настроений. Но результат ее деятельности, с точки зрения режима, был неудовлетворителен. Основная масса болгар так и не была приобщена к его идеям. Более того, усилился процесс отчуждения и изолированности от власти.

Неудачи Дирекции связаны не с ее специфическими ошибками, а с общими идеологическими слабостями режима: доктринерством, отсутствием единой и четко определенной тактики и программы конкретной политической деятельности, непонятностью многих идей для основной массы населения. Эта неудача надолго затормозила стремление к созданию единого центра пропагандистской и идеологической деятельности. И лишь весной 1941 г. была создана Дирекция национальной пропаганды. Но ее функции уже были скромнее и в основном ограничивались контролем за деятельностью идеологических институтов²⁸.

Режим «деятелей 19 мая», как, впрочем, и любой политический режим, функционировавший в Болгарии в период между мировыми войнами, имел немало противников, с которыми власти пытались бороться. Основной для проведения репрессий против несогласных с политикой властей был Закон о защите государства, принятый еще режимом А. Цанкова в 1924 г. Основная редакция закона была сохранена, но был изменен текст ст. 22. Изменения были сделаны таким образом, что возможность апелляции и замены смертной казни другими наказаниями крайне ограничивалась. В результате этот закон превратился в более совершенное юридическое средство осуществления чрезвычайной уголовной репрессии²⁹.

Такие же изменения в уголовном процессуальном праве были закреплены изменениями в Законе об уголовном судопроизводстве и Декретом о защите безопасности государства. Декрет предусматривал ускоренную судебную процедуру: одно лишь

кассационное обжалование без апелляции и одна-единственная мера пресечения – содержание под стражей³⁰. В результате изменений Закона об уголовном судопроизводстве усложнилась процедура отмены приговора о смертной казни: если раньше это делал царь через министра юстиции, то теперь ходатайство министра по этому вопросу должно было основываться на мнении комиссии, состоящей из главного прокурора Верховного кассационного суда, председателя Софийского апелляционного суда и начальника уголовного отдела Министерства юстиции³¹.

Численность жертв политических репрессий режима 19-майцев определить достаточно сложно. В литературе прошлых лет, как правило, говорилось о «жестоких преследованиях и суровых наказаниях» деятелей рабочего движения и БКП, «волне белого террора», охватившей страну³². Все же можно указать и некоторые конкретные цифры. Так, в ходе дискуссии о характере переворота 19 мая 1934 г., проводимой в 1968 г., историк Н. Недев упоминал о репрессиях против членов коммунистической партии. Согласно его данным, в 1934 г. более 400 коммунистов были осуждены на длительные сроки тюремного заключения. В Хасковском округе были убиты 12 человек, в целом по стране эта цифра составила несколько десятков. В Пловдиве 9 человек были приговорены к смертной казни, около 40 – к длительному тюремному заключению. В Сливене были осуждены 23 человека. «Общее количество арестованных, осужденных и убитых в 1934 г. приближается к верхним границам, характеризующим террористическую расправу с массами»³³.

В ходе этой же дискуссии В. Хаджиниколов в гораздо более общем ключе пишет о массовых арестах солдат, организации больших судебных процессов, на которых в качестве подсудимых выступали десятки военных и гражданских, не называя при этом конкретных цифр³⁴. Однако, судя по данным Д. Даскалова, репрессии против военных проводились в 1935 г. (в частности, процесс в Стара Загоре над 115 военными), т. е. уже либо в процессе, либо после отстранения деятелей 19 мая от власти³⁵.

Безусловно, репрессии в правление 19-майцев имели место, и направлены они были прежде всего против членов компартии. ЦК БКП после переворота 19 мая сделал ошибочный вывод, что страна вступила в стадию кризиса и революционной ситуации, и задача коммунистов – свержение «военно-фашистской диктатуры». Соответственно, активизировалась деятельность нелегальных коммунистических организаций в различных районах страны, и, как следствие, усилились репрессии против коммунистов. Например, в Стара Загоре с мая по август 1934 г. было арестовано 110 и отдано под суд 48 человек³⁶. В сентябре 1934 г. в Пловдиве прошел судебный процесс над 130 подсудимыми, в Хасково – над 40³⁷. Однако их уровень был несравним с террором, последовавшим за июньским переворотом 1923 г. В репрессивных действиях болгарских властей в 1934–1935 гг. явно прослеживается попытка авторитарной власти защитить себя силой, ибо иные способы в обстановке политического и классового противостояния были просто неэффективными и поэтому могли использоваться лишь как вспомогательные.

Режим, установившийся в результате переворота 19 мая, оказался недолговечным. И причин этому несколько. Первоначально среднестатистический болгарин встретил переворот и первые шаги нового режима с апатией, иногда с вялой симпатией. Женщины в большей степени симпатизировали режиму, поскольку он вернул им мужей, ранее много времени проводивших по трактирам (трактиры в то время были чем-то вроде клубов, где рассуждали о политике, а новый жесткий режим отнял немало тем для обсуждения у их политиканствующих завсегдатаев). Немало интеллигентов встретили переворот с надеждой, что он откроет путь компетентности и профессионализму в жизни страны. Однако дальнейшие шаги новой власти не оправдали надежд, возлагавшихся на нее.

Деятели 19 мая подвели то, что они знали, от чего отказаться, но что и как создать взамен – по этому вопросу в их рядах существовали серьезные разногласия и противоречия. И когда от ликвидации того или иного элемента старой государственной машины и провозглашения амбициозных теорий государственного переустройства пришлось перейти к созидательной политике, результат оказался более чем скромным: улучшение международного положения Болгарии и некоторые достаточно спорные хозяйственные и экономические нововведения. Значительной социальной и политической опоры режим не получил.

Существовали разногласия и среди самих «19-майцев» – между «звенарями» и членами Военного союза. Один из вопросов, вызывавших расхождения между ними, – характер и темпы создания новой государственно-политической системы. Накануне переворота сложилось две группы, отстаивавшие различные точки зрения. Одна из них – «ортодоксальные авторитаристы». В нее входили в основном деятели «Звена», а также ряд членов Военного союза (К. Георгиев, Д. Велчев, П. Тодоров, И. Харизанов, П. Попзлатев, П. Пенчев и др.). Они считали необходимым провести коренную перестройку системы власти. Вторая группа – «традиционалисты» – в основном состояла из военных, среди которых были председатель Военного союза и военный министр генерал П. Златев и начальник штаба Союза полковник К. Колев. По их мнению, в процессе преобразований должны были учитываться традиции политической жизни Болгарии и опыт правления Демократического сговора; соответственно, должна сохраниться партийно-политическая опора власти, некоторые элементы парламентской системы и, конечно, руководящая роль монарха.

После переворота между этими группами на определенное время было установлено единство, но уже к августу 1934 г. противоречия обострились. И одним из вопросов, вызывавших наибольшие споры, был вопрос об отношении к монарху. «Ортодоксальные авторитаристы» не признавали руководящей роли монарха, пытались ограничить культ царя в прессе. Цензура всячески препятствовала публикации статей, занимавшихся пропагандой личности царя. В правительственной газете «Новые дни» даже была напечатана статья «Царь и нынешний режим», критиковавшая поведение некоторых политических деятелей, которые «унизительно раболепствуют перед царем, «поднимая его как единственного кумира». В противовес им газета заявляла, что у «творцов 19 мая» лишь один кумир – «это Болгария»³⁸.

Многие деятели «Звена» и Военного союза были не только антимонархистами, но и «борисофобами», поскольку испытывали личную неприязнь к царю Борису III. Они обвиняли его в том, что он является одной из главных причин политического кризиса, поскольку поддерживает и поощряет разложение в партиях, проявляет пассивность в отношении ВМРО, создает предпосылки для усиления собственной власти. Среди офицеров существовало опасение, что Борис III не сделает правильных выводов из негативного опыта своего отца Фердинанда, личный режим которого привел страну к двум национальным катастрофам. Поэтому лучшим для государства выходом будет сведение роли болгарского царя до положения английского монарха, который царствовал, но не правил. Однако немало офицеров продолжали оставаться убежденными монархистами, и конфликт по этому вопросу стал одной из причин «скоропостижной смерти» режима.

В начале своего правления «19-майцы» не пытались конфликтовать с царем и даже старались установить хорошие отношения с ним. Сам же Борис также не желал конфликтов, поэтому он отказался от возможности возглавить силы, настроенные против режима. Основной его заботой в этот момент было сохранить свою популярность, отсюда – пассивность в отношении антимонархических деятелей режима. В тот период

свои частные письма Борис III подписывал «Терпениев», как бы подчеркивая мысль, что время работает на него. И действительно, таким поведением он стимулировал рост промонархических настроений в обществе.

В августе-сентябре 1934 г. отношения между «19-майцами» и дворцом обострились, но не они стали главным звеном противоречий политической жизни, а внутривнутриполитическая борьба в Военном союзе. И серьезной причиной этой борьбы опять-таки были расхождения во взглядах на отношения с монархом.

Вначале традиционалисты и авторитаристы находились в некотором равновесии, однако постепенно первые, воспользовавшись поддержкой значительных промонархических сил (а средний болгарин традиционно был монархистом по своим взглядам), перешли в наступление. Царь продолжал демонстрировать пассивность. Но традиционалисты, в частности, монархическое их крыло, воспользовались для нанесения удара по своим противникам слухами, распространявшимися в болгарском обществе. Согласно им, Д. Велчев готовил антимонархический переворот и якобы уже была разработана республиканская конституция. Источники были очень разноречивы. В одном случае речь шла о новой конституции, в другом – о создании Государственного совета или Государственного секретариата с очень широкими полномочиями, во главе которого и будет находиться Д. Велчев; в третьем – об изменении полномочий премьер-министра. Говорили даже и об образовании регентства³⁹. Во всех случаях речь шла об усилении исполнительной власти и ограничении возможности царя воздействовать на нее.

Под предлогом обеспокоенности этими слухами монархисты из группы «традиционалистов», в основном представлявшие Военный союз, поставили вопрос о реорганизации кабинета министров. Вопрос рассматривался на заседании Центрального управления союза на квартире у полковника Найденова 21 января 1935 г. На этом заседании присутствовали П. Златев, Д. Велчев, К. Колев, Тановски, Календаров, Стоянов, был приглашен и К. Георгиев как премьер-министр. За исключением Д. Велчева, все присутствовавшие члены Союза выступили за отставку К. Георгиева и замену его П. Златевым. В тот момент Георгиев не согласился с этим решением, но уже на следующий день, видя, что представители Военного союза готовы использовать приведенные в боевую готовность воинские части, вынужден был подать царю прошение об отставке кабинета министров. Одновременно с ним П. Златев подал царю указ об образовании нового правительства⁴⁰.

Таким образом, идея создания «нового государства», предложенная «деятелями 19 мая», в практической плоскости не была доведена до завершения. Очередной политической эксперимент на болгарской почве оказался не очень успешным в плане коренной ломки старого механизма. Что же касается столь присущей политической практике Болгарии межвоенного периода тенденции усиления исполнительной власти, то в этом плане результат был налицо: страна поднялась на более высокую ступень развития авторитаризма.

¹ Байков, Б. Политическата система на буржоазното общество в България в процеса на нейната фашизация (1934–1939). – Исторически преглед, 1987, № 6, с. 14.

² Мигев, В. Утвърждаване на монархо-фашистката диктатура в България – 1934–1936 г. С., БАН, 1977, с. 47.

³ Влайков, М. Възпитанието в новата държава. С., 1935, с. 17.

⁴ История на България: през погледа на историците. С., Изд. къща „Христо Ботев“, 1993, с. 647.

⁵ Наредба-закон от 25.05.1934 г. – В: Милкова, Ф. История на българската буржоазна държава и право през периода 1918–1944. С., 1973, приложение, с. 73.

- ⁶ См.: *Каракунев, Ц.* Кметът в новата община. С., 1934.
- ⁷ История на България: през погледа на историците..., с. 649.
- ⁸ *Мигев, В.* Указ. соч., с. 59.
- ⁹ Там же, с. 55; Управление на творчество и дела. С., 1937, с.72.
- ¹⁰ Наредба-закон за градските общини. – В: *Милкова, Ф.* История на Българската буржоазна държава и право..., приложение, с. 74.
- ¹¹ *Колев, В.* Общинското самоуправление и изпълнителната власт (1879–1939). – В: 120 години изпълнителна власт в България. С., 1999, с. 199.
- ¹² *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 година. С., Наука и изкуство, 1976, с.119.
- ¹³ Наредба-закон за разтуряне на партийно-политическите организации. – В: *Милкова, Ф.* История на Българската буржоазна държава и право..., приложение, 75–76.
- ¹⁴ *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 година..., с. 135.
- ¹⁵ *Милкова, Ф.* Чрезвычайное законодательство в Болгарии в 1924–1944 гг. – Советское славяноведение, 1971, № 5, с. 27; Наредба-закон за защита безопасността на държавата. – В: *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 година..., 78-79.
- ¹⁶ Там же, с. 79.
- ¹⁷ *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 година..., 133–134.
- ¹⁸ *Рангелов, Р.* Свободата на печата в България. Изследвания върху законодателството 1901–1944 г. С., Изд. къща „Хъски“, 1995, с. 115.
- ¹⁹ Наредба за печата. – В: *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право..., приложение, с. 78.
- ²⁰ *Мигев, В.* Указ. соч., с. 52; *Топузанов, С.* Идеология, строеж и задачи на БРС. С., 1939, с. 139.
- ²¹ *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 г., с. 129.
- ²² *Мигев, В.* Указ. соч., с. 53.
- ²³ *Георгиев, В.* Буржоазни и дребнобуржоазни партии в България. 1935–1939. С., 1971, с. 84.
- ²⁴ *Байков, Б.* Политическата система на буржоазното общество в България в процеса на нейната фашизация (1934–1939). – Исторически преглед, 1987, № 6, с. 15.
- ²⁵ Наредба за обществена обнова. – В: *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право..., приложение, с. 77.
- ²⁶ Наредба-закон за Дирекция на обновата. – В: там же, с. 78.
- ²⁷ *Мигев, В.* Указ. соч., с. 49.
- ²⁸ Там же, 50–52.
- ²⁹ *Милкова, Ф.* О некоторых реакционных чрезвычайных законах в период фашистской диктатуры (1924–1944). – Вестник Московского университета, серия „Право“, 1976, № 5, с. 83.
- ³⁰ Наредба-закон за защита безопасността на държавата. – В: *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право..., приложение, с. 79.
- ³¹ *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 г..., с. 137.
- ³² См., например: *Хаджиниколов, В.* Още за фашизма и неговите особености в България. – Исторически преглед, 1968, № 6, с. 60.
- ³³ Дискусии по някои спорни въпроси от историята на БКП. Характер на 19-майския преврат през 1934 г. – В: Известия на Института по история на БКП. Т. 21. С., 1969, с. 226.
- ³⁴ Там же, с. 251.
- ³⁵ *Даскалов, Д.* Политически убийства в новата история на България. С., 1999, с. 154.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 г..., с. 113.
- ³⁸ Дискусии по някои спорни въпроси..., с. 228.
- ³⁹ История на България: през погледа на историците..., с. 656; *Мигев, В.* Указ. соч., с. 72.
- ⁴⁰ *Недев, Н.* Поглед върху дейността на Военния съюз (Офицерската лига) от основаването му до 9. IX. 1944 г. – Исторически преглед, 1963, № 2, с. 62.

Е. Калинова

АНТИХИТЛЕРИСТКАТА КОАЛИЦИЯ И СЪДБАТА НА БЪЛГАРИЯ (1939–1945)*

В края на Втората световна война съдбата на България е в ръцете на лидерите на СССР, САЩ и Великобритания, които са начело на Антихитлеристката коалиция – очертаващия се победител в най-големия световен конфликт. Тяхното отношение към верния германски сателит, в какъвто на 1 март 1941 г. управляващите в София превръщат страната си, се определя както от традициите в довоенните контакти, така и от новите геополитически възможности, които победата разкрива пред трите победители. До разгрома на нацистка Германия и Япония съюзниците са принудени да съдържат амбициите си, макар между тях да припламват искрите на съперничеството за водещата роля в следвоенния свят. Независимо че почти до края на 1945 г. на преден план е изведено единството в борбата срещу общия враг, СССР, САЩ и Великобритания имат различни и променящи се в хода на войната планове по отношение на България. Тази статия е опит за синхронно открояване на основните прилики и разлики в тези планове и в резултатите от прилагането им през три периода: 1) в годините на войната, предхождащи създаването на Антихитлеристката коалиция; 2) от оформянето ѝ през втората половина на 1941 г. до обрата в хода на войната през лятото и есента на 1943 г. и 3) в завършващата фаза на постепенно надмощие и победа от есента на 1943 до края на 1945 г.

Между неутралитета и войната

Началото на Втората световна война поставя отношенията между България, от една страна, и СССР, САЩ и Великобритания – от друга, в различни плоскости. На 15 септември 1939 г. българските управляващи обявяват, че ще продължат да се придържат към политиката на неутралитет и необвързаност, следвана неизменно след националната катастрофа, застигнала страната през Първата световна война. Тази позиция напълно попада на Вашингтон, който остава верен на отдавна вкоренения изолационизъм¹ и също обявява неутралитет. До пролетта на 1941 г. САЩ проявяват към България добронамерена дистанцираност, като се задоволяват с призови за запазване на декларираната българска позиция², макар тя да придобива все по-доловима прогерманска окраска. Българите, от своя страна, пазят спомена за съчувствието, проявено от САЩ в края на Първата световна война към победена България, и се надяват на същата благосклонност при евентуално ново поставяне на националния въпрос. Тези надежди са попарени през лятото на 1940 г., когато българските управляващи преговарят с Румъния за връщане на отнетата през 1913 г. Южна Добруджа. Вашингтон отказва да се ангажира с подкрепа за териториални промени, които биха могли да допринесат за разрастване на войната³.

Много по-различно и най-вече активно е поведението на Англия и СССР към България и Балканите като цяло. За поколения британски политици регионът е важен заради интересите им към Проливите и Източното Средиземноморие. България е на подстъпите към тези региони и така попада в британските планове и действия, без да ѝ се отрежда първостепенна роля, запазена за Турция и Гърция. В края на 30-те години германската политика за ревизия на Версайското статукво засилва британските опасения за Балканите. До пролетта на 1941 г. Англия изпробва два варианта, за да защити интересите си

* Публикацията е част от изследване по проект към секция «Българистика» към програмата «Памет» на Университетския научноизследователски комплекс «Алма Матер» към Софийския университет «Св. Кл. Охридски».

в региона. Първият е да се въздейства върху управляващите в България, за да я обвържат в общ неутрален блок с Турция и Югославия или да я присъединят към Балканския пакт⁴. Така Лондон би преградил германското влияние, но за България това ще е отказ от реализиране на нейните претенции. Съседите ѝ обаче не биха жертвали свои територии, за да се спечели България за общия блок и затова тази британска идея е обречена на неуспех.

В решителния момент за спечелването на Балканите в края на 1940 и началото на 1941 г. Лондон се ориентира към втория вариант – преврат, заменящ българските управляващи с антигерманско правителство, което да продължи политиката на неутралитет. Подготовката му се извършва от Управлението за специални операции (Special Operations Executive – SOE), чиято задача е да организира антигерманска съпротива в балканските страни. В България английските служби привличат за ръководител на преврата лидера на БЗНС „Пладне“ д-р Г. М. Димитров и предвиждат югославска подкрепа за извършването му. В края на февруари 1941 г. заговорът е разкрит⁵ – пропада и вторият британски вариант да се осуети присъединяването на България към Пакта. На 5 март 1941 г. Англия къса дипломатическите отношения с България и след това Балканите вече не са в центъра на британската политика.

В началото на войната стремежът на Англия да укрепи позициите си на полуострова се сблъсква със съветските намерения. Важно място в тях заема стремежът да се гарантира сигурността на СССР, включително в черноморския район и Проливите. Трябва да се отбележи, че в политиката на Москва към България настъпва съществена еволюция. След установяването на дипломатически отношения между двете страни през лятото на 1934 г. в продължение на пет години приоритет за съветската дипломатия има „сдържането“ на Германия с помощта на Франция и Великобритания. Отношението към България е формулирано много точно от ръководителя на съветската дипломатия Михаил Литвинов: „Ние нямаме особени интереси нито в България, нито в другите балкански страни, нищо не искаме от тях и нашето отношение към тези страни се определя изключително от тяхното отношение към въпроса за мира или войната и затова нас особено ни интересува отношението на тези страни към Германия“⁶. Според Литвинов към България не е нужно да се проявява каквато и да е инициативност и ролята на Съветския съюз ще е просто роля на наблюдател⁷. За тази позиция е от значение и фактът, че от София също не идват сигнали за активизиране на двустранните контакти, които според българските управляващи неминуемо ще доведат до засилване на комунистическото влияние.

Москва започва да преодолява своята дистанцираност през лятото на 1939 г., като прави критична преоценка на изминалите пет години. Тя е плод най-вече на новата ситуация в международните отношения – от пролетта на същата година Европа живее в условията на предвоенна политическа криза. Това налага преформулиране на съветската външнополитическа стратегия и смени по върховете на съветската дипломатия. Новият ѝ ръководител – Вячеслав Молотов, споделя разбирането, че „неопределеността и пасивността“ в съветската позиция към България до момента са били „само от полза за Германия, която използвайки свободата на действие... съумя да заеме там много стабилни икономически и политически позиции“⁸. Така се е улеснява проникването ѝ в Черно море, а това вече пряко заплашва Съветския съюз.

Но Германия не е единственият и дори до лятото на 1940 г. не е и най-сериозният конкурент на СССР на Балканите. В продължение на една година Москва трябва да противодейства най-вече на опитите на Англия и Франция да засилят позициите си в региона. Така в Кремъл се налага изводът, че „укрепването на търговските и политическите отношения с България придобива актуално значение“ и съветската страна трябва да поеме инициативата. Тя разчита на русофилските чувства на част от българското общество, на традиционния образ на „освободителката Русия“, на идеята за общите славянски корени. На по-прагматична

основа почиват прогнозите, че за българите СССР ще е по-приемлив партньор за преговори в сравнение с Англия и Франция, тъй като не само не е обвързан с Версайската система, но и самият той проявява ревизионистични тежнениа; не участва пряко във войната и съвсем не на последно място – СССР е в приятелски отношения с Германия.

Важно преимущество на Москва е, че голям интерес към контакти с нея в България проявяват разнородни политически среди. Идеологическата близост е в основата на желанието на силите от левия политически спектър и най-вече на привържениците на нелегалната Комунистическа партия за по-тясно обвързване с първата социалистическа държава. Бързият ход на събитията през лятото и есента на 1939 г. оказва влияние и върху позициите на българските управляващи. Стремещът на цар Борис да се придържа към политиката на неутралитет изисква непримиримостта към Съветския съюз да се замени с повече такт и гъвкавост. Управляващите гледат с подозрение дипломатическите ходове на Англия и Франция, наясно са с желанието им да запазят крайно неизгодното за България статукво и се страхуват, че действията им за създаване на балкански фронт или за някакъв вариант на неутрален блок ще я въвлекат във военен конфликт с Германия. В тази ситуация цар Борис и правителството на Г. Кьосеиванов с основание вярват, че българските интереси диктуват запазване на неутралитета на страната и лавиране между Великите сили. Съобразявайки се с позициите на СССР в първата военна година и с обществените нагласи в България, управляващите фактори решават да активизират контактите с Москва, за да ги използват за целите на своята външна политика.

Така през есента на 1939 г. България и Съветският съюз започват постепенно да се сближават – най-осезаемо в търговската⁹ и културната¹⁰ сфера, но докато за българските управляващи това е напълно достатъчно, Кремъл го разглежда само като прелюдия към политическото обвързване. За да реши въпроса за своята сигурност, той се стреми да създаде „защитен вал“ по границите си, състоящ се от държави, в които съветското влияние да бъде гарантирано чрез политически, икономически и военни споразумения. В тези рамки се вписват съветските усилия от септември–ноември 1939 г. за сключване на пакт за взаимна помощ с България¹¹. Те са безрезултатни поради опасенията на цар Борис от комунизма. През есента на 1939 г. той разсъждава, че „една политика на сближение със Съветите би значела да навлезем в река, без да знаем колко е дълбока, и като настъпваме много и непредпазливо навътре, можем да се натъкнем неочаквано на пропаст и да хлътнем в нея... Познавам добре германците. Бяхме съюзници. Знаем качествата и недостатъците им. Те са обаче в днешните несигурни дни нашият щит срещу болшевиизма. Ще активизираме политиката си и към русите. Това е наложително днес...“¹². Въпреки очевидния напредък в българо-съветските отношения в края на 1939 и началото на 1940 г. цар Борис използва всеки удобен случай да подчертава пред западни дипломати, че подобряването им е внимателно дозирано, за да не попадне България в орбитата на страната, управлявана от „червения Петър Велики“, т.е. Сталин, но и не пропуска да посочи колко опасно би било прякото противопоставяне – както поради силата на СССР, така и заради русофилството на българския народ¹³. Засиленото внимание на Съветския съюз към България действително води до активизиране на българските комунисти. Убедени, че всяка стъпка, предприета от Москва, е правилна, те, макар и след известно объркване, одобряват пакта Рибентроп–Молотов, обявяват Англия и Франция за „агресори“ и стават горещи защитници на съветската политика, която според тях е насочена единствено към запазване на мира в Европа¹⁴. В тяхно лице Москва намира сериозна опора вътре в страната, на каквато не могат да разчитат другите държави. Но този голям плюс за съветската политика на практика се превръща и в най-важната пречка за плановете ѝ – поне докато страната се управлява от цар Борис и кабинетите, назначавани от него, а след смъртта му – от регентите начело с Богдан Филев.

Москва проявява разбиране към тези страхове и до есента на 1940 г. не повдига въпроса за политическо обвързване, разчитайки, че до него ще се стигне постепенно по пътя на търговията и културата, но най-вече като се спечелят българското обществено мнение и управляващите с щедро предоставяна дипломатическа подкрепа за решаване на най-важния за българите въпрос – за националното обединение. В официални съветски декларации се заявява, че СССР не само разбира „законните български искания“ към Румъния и за излаз на Бяло море, но е и готов да подкрепи България „за тези искания, ако се проведе някаква конференция“¹⁵.

Тази съветска политика е печеливша, що се отнася до противопоставянето на френското и английското влияние в България, тъй като Франция и Англия са против ревизията на балканските граници. Въпросът за Южна Добруджа обаче сблъсква Москва с друг претендент за влияние в страната – Германия. От лятото на 1940 г. именно тя става основният конкурент на СССР по отношение на България. Настойчиво поисканата от българското правителство германска подкрепа за връщането на Южна Добруджа с убеждението, че „Русия заедно с Добруджа ще ни докара и комунизма“¹⁶, извежда Германия напред в очертаващата се надпревара за влияние.

За Москва става ясно, че трябва да удвои усилията си за спечелване на България, още повече, че през октомври 1940 г. германски войски вече се разполагат на румънска територия. Неутралитетът, към който цар Борис продължава да се придържа и след създаването на Тристранния пакт, дава шансове на съветската политика и през ноември 1940 г. Молотов се опитва да я отстоява в разговорите си с Хитлер, на когото заявява, че СССР ще предостави на България гаранции, каквито Германия е дала на Румъния. Според Молотов съществува възможност СССР и България да се разберат помежду си, тъй като Москва е готова да гарантира, че вътрешният ред на страната няма да бъде засегнат¹⁷. Проблемът е, че България не е поискала такива, а в този момент е подложена на изключително силен натиск от Германия да влезе в Тристранния пакт. Москва няма време за губене и за по-малко от три седмици (от 19 ноември до 7 декември 1940 г.) осъществява дипломатическа офанзива, предлагайки на българските управляващи последователно няколко варианта на политическо обвързване – от гаранционен пакт през договор за взаимна помощ до споразумение за оказване на военна помощ без военни задължения на България към СССР¹⁸. И трите са придружени с обещания за задоволяване на българските териториални претенции, запазване на суверенитета на страната и оказване на всестранна финансова, икономическа и военна помощ¹⁹. Характерът, тонът и начинът, по който са отправени предложението, недвусмислено показват изключителния интерес на Москва към България.

Но залогът е твърде голям и за Германия, и за българските управляващи. Хитлер няма намерение да се лишава от стратегически важната българска територия, а съветската активност го кара да вземе окончателно решение за война срещу СССР. Цар Борис признава, че „дори по принцип не може да разговаря за помощ от болшевиките“ и съветските предложения само катализират решението му да не протака повече присъединяването към Тристранния пакт²⁰. От 1 март 1941 г. България е вече германски съюзник. Така съветските усилия през втория период от „българската“ политика на Москва завършват с провал, а на Москва не остава друго, освен да протестира пред София и Берлин, че „счита територията на България и Проливите за своя зона на сигурност и не може да се отнася с безразличие към действия, насочени против интересите на СССР“²¹.

Така и съветските, и британските усилия завършват с неуспех. Причините обаче са различни: за английския решаваща е невъзможността на Англия да предложи реална териториална цена за българския неутралитет, докато съветският се дължи най-вече на страховете на българските управляващи, че по-тясното свързване със СССР ще доведе до укрепване на съветските позиции в България и до засилване на българското комунистическо движение.

Първите години на Антихитлеристката коалиция и българската политика

Германо-съветската война от 22 юни 1941 г. променя местата на участниците в конфликта. Създава се Антихитлеристката коалиция и в нейните рамки Великобритания, САЩ и СССР отстояват своите интереси на Балканите, като всяка от трите страни се съобразява по необходимост със съюзниците си.

Промяната в отношението на САЩ към България настъпва преди създаването на коалицията. Повод е не толкова присъединяването към Тристранния пакт на 1 март 1941 г. (във Вашингтон си дават сметка, че малката балканска страна не може да устои на силния германски натиск), колкото настаняването на български войски и администрация в част от Западна Тракия и Вардарска Македония. За управляващите в София това е постигане на националното обединение, докато САЩ остро критикуват България като агресор спрямо Гърция и Югославия²². През лятото на 1941 г. във Вашингтон формулират два важни принципа, които остават актуални до края на войната. Първият изразява категоричното неодобрение на САЩ към всякакви предварителни или тайни договорености и споразумения, постигнати в хода на войната. Вторият е да се „проявява активен интерес към страдащите народи в Европа“ и Вашингтон да се ангажира с помощ и посредничество в случаите, когато някоя страна отправи молба с подобни искания²³. Прилагането на тези принципи към България започва, след като София под германски натиск обявява война на САЩ и Великобритания²⁴. Желанието на Вашингтон е да съхрани образа си на приятел, на когото българският народ в бъдеще може да разчита, а и информацията за отношението на българите към предприетата стъпка допринасят за следването на този курс²⁵. През втората половина на 1942 г. под натиска на своите съюзници и САЩ, и България са принудени да предприемат стъпки, които задълбочават негативната тенденция в двустранните отношения²⁶. Все пак американската пропаганда запазва съчувствения и загрижен тон, лишен от характерните за англичаните упреци и заплахи. Резултатите не закъсняват. Към пролетта на 1943 г. германските военни неуспехи разколебават вярата на българските управляващи в победата на Райха. Страхът от реално въвлечение на страната във военни действия, както и призрактът на „болшевизирането“ ѝ при германски разгром и съветско настъпление ги карат да обърнат очи към най-благоприятния от тяхна гледна точка вариант – сондажи за евентуална преориентация, адресирани към САЩ. Те се базират върху историческия опит, пропагандата и поведението на Съединените щати, които остават единствената неприятелска страна, на чиято обективност и добронамереност България може да разчита. Контактите в Женева и Истанбул обаче са все още „опипване на почвата“ и до конкретни договорености не се стига²⁷. Въпреки това постепенното обръщане на САЩ и България една към друга е факт, а интересите на управляващите среди сближават позициите на двете страни.

Различна като подход и резултати е политиката на Англия. До есента на 1943 г. нейните пропагандни и военни възможности на Балканите са минимални и затова стратегията ѝ се гради върху три свързани елемента. Първият е желанието да организира и контролира местни съпротивителни движения, които да задържат германски сили и в благоприятен момент да вдигнат въстание и подпомогнат съюзнически десант, който е вторият важен елемент. В резултат германците трябва да бъдат отблъснати от Балканите и там да се създадат правителства с прозападна ориентация, които да укрепят британските позиции и да предотвратят съветското влияние. За реализиране на този план Лондон залага на балканските земеделски партии, като ръководна и обединителна роля се отрежда на югославските им лидери (Дража Михайлович). Тази идея е в пряка връзка с третия елемент от британската стратегия. Желанието на Чърчил е да види полуострова обединен в конфедерация, ориентирана към Англия и съставляваща надеждна преграда срещу съветското проникване.

За въздействие върху българското обществено мнение Англия разчита на своята радиопропаганда, но и на емигрантите от БЗНС „Пладне“ около д-р Г. М. Димитров. Към средата на 1941 г. те създават в Йерусалим Национален комитет „Свободна и независима България“, който работи заедно с британските служби, и чрез двете организирани с тяхна помощ в Кайро радиостанции „Свободна и независима България“ и „В. Левски“ призовават за разгръщане на съпротивата в България и преориентиране към Англия²⁸. Ефектът е слаб поради разминаването между настроенята в България, одобряващи присъединяването на Вардарска Македония и Беломорието, и декларираното от британска страна неприемане на обединението и упреците и заплахите, особено след като през декември 1941 г. България обявява война на САЩ и Великобритания²⁹.

През цялата 1942 г. британските усилия са насочени към подготвяне на бъдещата Балканска федерация³⁰ и разгръщане на местната съпротива. Г. М. Димитров приема британската теза за водещата роля на Дража Михайлович и прави опити чрез БЗНС „Пладне“ и политическия кръг „Звено“ да организира съпротива в България в тясна връзка и под ръководството на Др. Михайлович и така да измести Комунистическата партия от създаването от нея съпротивително движение, подчинено на Москва³¹. Обратът в хода на войната през 1943 г. прави „Пладне“ и „Звено“ много резервирани към предложенията за съвместни действия с Др. Михайлович, а и той губи значението си за британските политици, тъй като става ясно, че Тито е голямата фигура в югославската съпротива.

Така от лятото на 1941 до есента на 1943 г. Англия не успява да осъществи първия елемент от балканската си стратегия – да създаде и контролира силно съпротивително движение под ръководството на пробритански настроени земеделски дейци. Англия разчита „Пладне“ да поеме властта и да стане стожер на британското влияние в противовес на съветското, а земеделците се надяват да застанат начело на управлението в резултат на съюзнически десант на Балканите. И едните, и другите обаче не познават реалното съотношение на силите в България и собственото си влияние. Усилията са безрезултатни, тъй като правителството на Б. Филев има здрави позиции, икономиката не е засегната, страната не воюва, а Германия изглежда сигурен съюзник, докато англо-американските войски са далеч, а британската пропаганда показва отрицателното отношение на Лондон към българското обединение. Първите стъпки за създаване на Балканска федерация също не дават търсения от Форийн офис ефект, с което и вторият елемент от британската стратегия не е изцяло реализиран, а третият – десант на Балканите, до есента на 1943 г. е практически неосъществим.

С началото на герmano-съветската война през юни 1941 г. започва нов период в съветската политика към България – тя губи самостоятелното си място в съветската политика и отношението към нея се развива в общата линия към германските сателити. Подобно на Англия СССР се стреми да създаде и ръководи съпротивителни движения, които да задържат германските сили, а след войната да му осигурят политически позиции в съответните страни. На 22 юни 1941 г., в деня на германското нападение, Георги Димитров – генерален секретар на Изпълнителния комитет на Коминтерна, е извикан в кремълския кабинет на Сталин. В дневника си Димитров записва: „Разбрахме се за нашата работа. Засега Коминтернът не трябва да излиза открито. Партиите по места да разгръщат движение в защита на СССР. Да не се поставя въпросът за социалистическа революция... Става въпрос за разгром на фашизма, поробил редица народи и стремящ се да пороби и други народи...“³². В резултат на тази линия и на дисциплината на Комунистическата партия в България, въпреки неблагоприятните условия, се създава антихитлеристка въоръжена съпротива под контрола на Москва³³.

През 1942 г. Кремъл се стреми да активизира съпротивителното движение в Европа, като го изведе от тесните комунистически рамки чрез призив за създаване на широки

„народни фронтове“ от разнородни обществени и политически среди, а на следващата година с такава цел разпуска и Коминтерна. Българските комунисти се опитват да се съобразят с тази линия, но в специфичните условия на страна сателит въоръжената съпротива остава до края само тяхно дело, а създаденият едва през лятото на 1943 г. Национален комитет на ОФ привлича само няколко некомунисти, и то от „втория ешелон“ на легалната опозиция. През целия период Москва не формулира конкретни инициативи по отношение на България; протестира с умерен тон срещу използването на българската територия като германски плацдарм³⁴, но зает с тежестите на войната, Кремъл изглежда по-скоро доволен, че дипломатическите отношения са запазени и че на Източния фронт няма български войски.

Антихитлеристката коалиция по пътя към победата и мястото на България в плановете ѝ

През втората половина на 1943 г. обратът в хода на военните действия кара държавите от Антихитлеристката коалиция да отделят все повече внимание на политическите аспекти на военните победи. Тази нова насока проличава добре на срещата на тримата „големи“ в Техеран в края на годината. Решението вторият фронт да се открие в Северна Франция, а не на Балканите, има ясен политически смисъл – България остава извън сферата на военно присъствие на западните съюзници. Но това все още не означава, че те са загубили възможността да установят влиянието си в страната. Шансове им дават състоянието на война с България и фактът, че тя трябва да сключи примирие със САЩ и Англия. След Техеран основен акцент в действията на двете държави към България става принуждаването на страната по-бързо да скъса с Германия и да поиска примирие. С подписването му ще се предотврати съветско военно навлизане в България и ще се гарантира западното влияние.

Но зад това общо желание се крият различни намерения на САЩ и Англия. Чърчил винаги е преценявал България през призмата на гръцките интереси. При твърде ограничените след Техеран британски възможности за влияние в региона той си поставя за цел да постигне превръщането на страната в буфер между „съветска“ Румъния и „британска“ Гърция. За целта е нужно да се създадат условия, които да позволят на Англия по-активно участие в следвоенното устройство на България. Чърчил преценява, че това ще се постигне чрез подкрепа за антихитлеристката съпротива в страната, независимо че тя е организирана и ръководена от Москва. Така в началото на 1944 г. две британски мисии установяват връзка с българските партизани и осигуряват доставки на оръжие за тях³⁵.

За разлика от Англия САЩ отреждат на България по-активна роля при евентуално сключване на примирие. През лятото на 1943 г. американските разузнавателни служби разработват план за откъсване на България от Оста³⁶. За осъществяването му в Турция е изпратен Анжело Куюмджийски, а ръководителят на тези служби Уилям Доноуан търси съветското одобрение за активизирането на американската политика към България. Намеренията на Вашингтон са да бъде установено предимство за американското влияние в региона след войната, но и да се осигури включването на българската армия във военните действия срещу Германия. Тези намерения пораждат конфликт с Лондон³⁷, тъй като става дума не само за конкуриране за влияние, но и за сериозни последици в случай, че България даде своя принос в разгрома на Германия. Те ще засегнат интересите на Гърция и Югославия, които, подкрепяни от Англия, разчитат на финансови и териториални компенсации от България.

Така западните съюзници имат обща цел – примирие с България, но се различават в плановете си за прилагането му. Бомбардировките на тяхната авиация постигат първата цел – в началото на 1944 г. правителството на Добри Божилов официално иска

примирие от САЩ, но изработването му отнема повече от пет месеца и то е готово едва на 25 август 1944 г., когато военната ситуация е съвсем променена³⁸. Настъплението на Съветската армия прави САЩ и Англия много внимателни по отношение на България, тъй като не искат да поставят на изпитание съюзните отношения в коалицията – малката балканска страна не е с трайно стратегическо значение за тях и от края на август 1944 г. те отстъпват инициативата на Москва.

За СССР България е част от съветската зона на сигурност. Към края на 1943 г. военните успехи му дават основание да формулира амбициозна стратегия за следвоенното гарантиране на своите интереси. В преговорите със западните съюзници в Москва (19–30 октомври 1943 г.) и Техеран (28 ноември – 1 декември 1943 г.) съветските дипломати се противопоставят на плановете на Чърчил за Балканска федерация и втори фронт на полуострова, насочени към предотвратяване на съветското влияние в Юго-източна Европа³⁹. От началото на 1944 г. Москва подновява своята активност към България, оказвайки дипломатически натиск върху правителството на Добри Божилов да скъса с Оста, като потърси нейното посредничество. Страхът обаче парализира българските управляващи и Божилов подава оставка⁴⁰.

Настъплението на съветските войски и капитулацията на Румъния в края на август 1944 г. не оставят място за лавиране. От този момент съдбата на България се решава извън София. На 5 септември 1944 г. СССР обявява война на българската страна, но настъплението на съветските войски е забавено, за да се създаде впечатление, че Отечественият фронт, доминиран от Комунистическата партия, сам носи отговорността за преврата, извършен на 8 срещу 9 септември 1944 г.⁴¹ Това е съобразено с формулираната в началото на годината съветска стратегия, според която след войната СССР трябва да си осигури „продължителен период“ на мир, безопасност и сигурност – „минимум 30 – максимум 50 години“, за да „излекува нанесените от войната рани“ и да стане „толкова силен, че за него вече да не бъде страшна никаква агресия в Европа или Азия“⁴². Основният приоритет е да се постигне ефективна система за сигурност, което е възможно само при запазване на добрите отношения със САЩ и Англия. Те са постижими само ако СССР се откаже от установяване на социалистически режими в хода на войната и след нея и затова социалистическата перспектива не е изоставена, а значително отдалечена във времето. Съветските планове предвиждат „държавния строй“ в окупираните и сателитните страни след войната да се основава на „принципите на широката демокрация в духа на идеите на Народния фронт“, а СССР да гарантира своята сигурност, като сключи с тях договори за взаимопомощ за продължителен срок. Тази стратегия прави възможен модела на „народната демокрация“ в съветската сфера на влияние, който със своя плурализъм в политическата, икономическата и духовната сфера (макар и с бързо намаляващ обхват) се отличава от съветския модел от 30-те години, но подобно на последния задължително трябва да води към социализма. Сталин се придържа към тази линия до края на 1947 г., когато бързата интеграция на Запада и решимостта му да противостои на съветското влияние обезсмислят по-нататъшните компромиси и отлагането на съветизацията на Източна Европа.

Към есента на 1944 г. Вашингтон изглежда склонен да приеме идеята за продължаващо и след войната сътрудничество с Москва. Затова по отношение на България САЩ оставят инициативата изцяло в ръцете на СССР както поради стремежа на Рузвелт да запази добри отношения със Сталин⁴³, така и поради неизживените разбирания за ограничени обхват на сферата на американските интереси. Чърчил обаче не може да си позволи подобна дистанцираност – съветското настъпление на юг застрашава британските интереси в Източното Средиземноморие. Единственото британско средство за противодействие остава постигането на предварителни договорености със Съветския съюз, като Чърчил с основание разчита на готовността на Сталин да се съобразява

с интересите на съюзниците си⁴⁴. Още по-належащо става договарянето, след като Москва обявява война на България, за да има основание за военно присъствие и оттук – водеща роля в бъдещото примирие. В началото на октомври 1944 г. Чърчил поставя на изпитание готовността на Сталин за компромиси, като настоява за изтегляне на българските войски от Беломорието и поставя условия за участието на България във войната срещу Германия⁴⁵. Тези претенции и предложението на Чърчил за 25% западно влияние в България имат за цел да защитят британските интереси в Гърция. След като получава съгласието на Сталин за тях, Лондон на практика губи интерес към България. През 1945 г. Англия не създава проблеми на СССР по отношение на България и това ясно проличава в поведението ѝ във връзка с опитите за прилагане на Ялтенската декларация, инцидента с бягството на д-р Г. М. Димитров и неохотата, с която подкрепя американските действия при отлагането на парламентарните избори през лятото на 1945 г.⁴⁶ Във Форийн офис са загрижени да не дразнят СССР, тъй като ситуацията в Гърция е твърде сложна и съвсем не в полза на Англия и подкрепяното от нея правителство. Дистанцираността от ставащото в България се доказва и от намеренията на Форийн офис за бързо сключване на мирен договор със страната и изтегляне на английската мисия от Съюзната контролна комисия (СКК), независимо дали българското правителство отговаря на британските стандарти за демокрация⁴⁷.

В позицията на САЩ към България се наблюдава еволюция, обратна на английската. От края на август 1944 г. до началото на 1945 г. Вашингтон не проявява особен интерес към процесите в страната, която е оценена като важна за стратегическата сигурност на СССР⁴⁸. С приближаването на края на войната срещу Германия и постепенното излизане на преден план на въпросите на следвоенното устройство на Европа американската политика се активизира, съзирайки нови възможности за политическа и икономическа експанзия. По предложение на президента Рузвелт конференцията на „тримата големи“ в Ялта през февруари 1945 г. приема Декларация за освободена Европа, която в продължение на година е основен инструмент на САЩ по отношение на бившите германски сателити. Декларацията предвижда трите държави победителки да оказват помощ при избирането на демократични правителства⁴⁹. Това означава равнопоставеност на трите и противоречи на постигнатите от СССР водещи позиции в България и Румъния. Но Декларацията предвижда право на вето на всяка от победителките върху тристранните действия, което успокоява Сталин и той слага подписа си под нея. „Несъвършенствата“ на декларацията не са случайни – САЩ искат чрез нея да демонстрират новата си активна позиция в Европа, но в навечерието на решаващата битка с Германия не си позволяват да се противопоставят открито на съветските интереси. Желанието за компромиси е взаимно и когато през април 1945 г. САЩ предлагат Декларацията да се приложи към планираните за същия месец избори в България, СССР използва правото си на вето, но все пак съветва българите да отложат изборите⁵⁰.

Непосредствено след края на войната срещу Германия, което съвпада и със смяната на Рузвелт с Труман, Вашингтон постепенно втвърдява политиката си към СССР. Първите признаци се усещат и в действията спрямо България. Държавният департамент одобрява приютяването на най-отявления противник на комунистите – д-р Г. М. Димитров, във вилата на своя политически представител Мейнард Барнс, рискувайки директен сблъсък с българските власти и съветската част на СКК в страната. САЩ отхвърлят съветското предложение за възобновяване на дипломатическите отношения на победителите с бившите сателити, защото там нямало „ободряващи признаци за демократизиране“, и настояват за равнопоставеност в СКК в тези страни. На Потсдамската конференция през лятото на 1945 г. Труман категорично заявява, че мирни договори с Румъния и България ще бъдат сключени само с признати демократични правителства⁵¹.

Втвърдяването на американската политика обаче е добре премерено и разчетено на натиск върху Москва за отстъпки в стратегически важни за САЩ региони, без да се стига до крайности. Тактиката е натискът да се осъществява не директно от Вашингтон, а като се подпомагат внимателно вътрешните опозиционни сили в България и Румъния и чрез тях да се оспорват позициите на СССР в региона. Кулминация на тази политика в България е отлагането на изборите през август 1945 г. и оформянето на легална опозиция. Тези успехи на американската политика са свързани с особено активния и дори надхвърлящ указанията на Държавния департамент политически представител на САЩ в София М. Барнс. Той искрено се стреми да подпомага усилията на опозиционно настроения земеделски лидер Никола Петков за демократизиране на страната, но не това е водещо за началниците му във Вашингтон⁵². Създавайки проблеми пред признаването на българското правителство и пред бъдещия мирен договор с него, САЩ се стремят да изтръгнат отстъпки от СССР най-вече за контрола върху Япония.

Компромисът е постигнат в края на декември 1945 г. – Москва се съгласява с американския приоритет в контролната комисия за Япония, а Вашингтон се отказва от по-нататъшни настоявания за реорганизация на българското правителство и от подкрепа за опозицията. Този отказ, маскиран с идеята за включване на двама представители на опозицията в правителството след изборите от ноември 1945 г.⁵³, недвусмислено показва, че подкрепата на САЩ за силите, стремящи се към изграждане на България по демократичен модел, е била конюнктурна и насочена към постигане на други цели. В края на 1944 г. Англия, а година по-късно и САЩ се отдръпват от България, която егостично са използвали като средство за изтръгване на отстъпки от Москва. Реализирали своите цели в други, стратегически важни за тях региони, те не оспорват оставането на България в съветската сфера на влияние и в следващите десетилетия виждат в нея единствено верния съветски сателит, на който обаче те самите не са дали никакъв шанс. За разлика от тях през войната Съветският съюз оценява геополитическата стойност на България и се стреми да противодейства на опитите както на Германия, така и на своите съюзници от Антихитлеристката коалиция да предотвратят утвърждаването на съветското влияние в страната. От тази гледна точка превръщането на България в най-надежден съветски съюзник в центъра на Балканите несъмнено е сериозен успех за Москва, поне до края на 1989 г.

¹ Кисинджър, Х. Дипломацията. С., 1997, с. 331, 333.

² Калинова, Е. Победителите и България 1939–1945. С., 2004, 41–45.

³ Тошкова, В. България в балканската политика на САЩ 1939–1944. С., 1985, 69–70, с. 72.

⁴ Димитров, И. Англия и България (1938–1941). С., Б. Г., 1983, 29–51, 60–72, 116–117; Калинова, Е. Дипломатът и историята. (Мемоарите на Джордж Рендъл през погледа на историка). – Ново време, 1992, № 4, 91–92.

⁵ Българските власти разкриват заговора и през нощта на 21 срещу 22 февруари 1941 г. правят опит да арестуват д-р Г. М. Димитров. Той успява да избяга и е приютен в британската легация, а след това е скрит в багажа на легацията и с камион е откаран в Турция. Така започва животът му на емигрант, работещ с британските служби за разгръщане на антигерманската съпротива в България. – Мозер, Ч. Д-р Г. М. Димитров. Биография. С., 116–118, 122–124; Димитров, Г. М. Спомени. С., 1993, 145–150.

⁶ Жила, Л. Някои аспекти от политиката на СССР към България (1935–1940). – Исторически преглед, 1997, № 4, с. 121.

⁷ Тази съветска дистанцираност ясно проличава в поведението на Москва по отношение на два ключови епизода от българските външнополитически усилия – подписването на българо-югославския пакт за „ненарушим мир и искрено и вечно приятелство“ (24 януари 1937 г.) и на Солунските споразумения (31 юли 1938 г.), които отменят военните клаузи на Ньойския договор. По отношение на българските претенции към Южна Добруджа обаче съветската подкрепа е ясно изразена. – (вж.: Спасов, Л. Звездните мигове на българската дипломация (1936–1939). – В: История на Българите. Т. 4. Българската дипломация от древността до наши дни. С., 2003, 428–429, 433, 437–439).

⁸ Тези нови оценки се съдържат в документ на Близкоизточния отдел на Народния комисариат на външните работи (НКВР) от 1 август 1939 г., озаглавен „Докладна записка по въпроса за съветско-българските отношения“. – *Жила, Л.* Цит. съч., 126–127.

⁹ На 11 декември 1939 г. между СССР и България е подписана въздухоплавателна конвенция, а на 5 януари 1940 г. – договор за търговия и корабоплаване. През февруари–март 1940 г. е постигнато споразумение за редовна въздушна линия между двете столици, а между Одеса и Варна е установена връзка по море; във Варна започва да функционира съветско консулство вж. (*Коен, Д.* Внешнеторговые договоры Болгарии (1939–1944 годы). – *Bulgarian Historical Review*, 1998, № 3–4, 97–99; *Спасов, Л.* Българо-съветски дипломатически отношения 1934–1944. С., 1987, 101–106).

¹⁰ *Сирков, Д.* България и Германско-съветският пакт за ненападение от 23 август 1939 г. – В: България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. С., 2000, 139–143.

¹¹ По-подробно вж.: *Калинова, Е.* Победителите и България 1939–1945. С., 2004, 75–87.

¹² *Тошкова, В.* Цит. съч., с. 53.

¹³ *Рачев, С.* Чърчил, България и Балканите (1939–1945). С., 1998, с. 37, 43.

¹⁴ *Лебедева, Н.* Служба связи Коминтерна и балканские страны в годы Второй мировой войны. – В: България в сферата на съветските интереси. С., 1998, с. 317.

¹⁵ *Спасов, Л.* Време на изпитания и дипломатически победи (1939–1941). – В: История на България. Т. 4. Българската дипломация от древността до наши дни..., 460–461.

¹⁶ Думите са на пълномощния министър в Берлин Първан Драганов (вж. пак там, с. 461). Общественият нагласи в полза на СССР са доловени и от чуждестранните дипломати в София. В докладите на американската легация до Държавния департамент още от началото на 1940 г. се отбелязва, че очертаващата се „забележителна роля“ на СССР в международните отношения активизира дейността на българските комунисти, а влиянието на Москва в страната нараства. Особено силно впечатление правят чувствата, изразени по време на гостуването на московския футболен отбор „Спартак“ през август 1940 г. Американският пълномощен министър Джордж Ърл изумено докладва, че по време на мача „на всяка добра игра на гостите тълпата реवेशе в знак на одобрение и оставаше напълно безмълвна, когато българският тим беше по-добрият“ (вж.: *Тошкова, В.* Цит. съч., с. 49, 51, 73).

¹⁷ Целта на Хитлер е „да попречи на руския достъп до Босфора през Румъния“ и по този повод той твърди, че „що се отнася до Русия, става по-трудно да се преговаря и да се насочват нейните амбиции на изток. Напротив, господин Молотов даде да се разбере, че той е повече от всичко заинтересован от Балканите“ (вж.: *Городецкий, Г.* Балканският ключ и решението на Хитлер за операция Барбароса. – В: България и Русия през XX век..., 146–147). По-подробно за срещата на Молотов с Хитлер вж. също: *Городецкий, Г.* Миф „Ледокола“. М., 1995, 105–111.

¹⁸ *Калинова, Е.* Победителите и България 1939–1945. С., 2004, 81–85.

¹⁹ Дипломатически документи по участието на България във Втората световна война. Съст. Чочо Билярски, Иванка Гезенко. С., 2006, 123–129.

²⁰ *Спасов, Л.* Време на изпитания и дипломатически победи..., с. 467.

²¹ Пак там.

²² На 24 април 1941 г. президентът Рузвелт прилага възприетия от САЩ принцип за непризнаване на постигнати чрез насилие териториални промени и определя България като агресор, а заместник-държавният секретар Съмнър Уелс обвинява българските управляващи среди в съучастничество на германците при разрушаването на европейската цивилизация. (вж.: *Тошкова, В.* Цит. съч., с. 107).

²³ Пак там, 113–114.

²⁴ Българските управляващи послушно изпълняват волята на Берлин, като дори не подлагат въпроса на сериозно обмисляне с надеждата, че войната ще е само „символична“. Решението е взето почти „единодушно“ от кабинета на 12 декември 1941 г. и „с акламации и без разисквания“ от Народното събрание на заседание от 13 декември, което премиерът Б. Филов със задоволство определя като „великолепно“, а пресата – като „историческо“. (вж.: *Филов, Б.* Дневник. С., 1990, 433–434).

²⁵ Генералният консул на САЩ в Истанбул Самюъл Хонакър уведомява: „Когато на 13 декември беше обявена война на Америка, цяла България ахна. Това вече бе съвсем неочаквано... Отначало хората не можеха да повярват, а после приеха декларацията за война с Америка за нелепа и смешна и като проява на лоша политика. Антиамерикански настроения нямаше. Дотогава почти не бе имало и антиамериканска пропаганда. За повечето хора Америка винаги е била страната на чудесата, а американците – приятелски настроен народ, който няма каквито и да било апетити на Балканите. Америка беше приятел на България. Хората говореха, че войната с Америка е формална, че тя няма да въвлече страната в стълкновение с нея. Америка беше твърде далече...“ (вж.: България – своенравният съюзник на Третия райх. Сборник документи. Съст. В. Тошкова и др. С., 1992, с. 94).

²⁶ На 5 юни 1942 г. САЩ обявяват война на Румъния, Унгария и България, а българското правителство закрива американските учебни заведения в страната.

- ²⁷ България – своенравният съюзник..., с. 117; *Бол, М.* Студената война на Балканите. С., 1999, с. 44; *Котев, Н.* Американското разузнаване в България (1939–1945 г.). – В: Известия на Националния център по военна история. Т. 54. С., 1992, с. 88.
- ²⁸ *Рачев, С.* Цит. съч., 146–147; *Мозер, Ч.* Цит. съч., 134–136.
- ²⁹ В отговор на 25 декември 1941 г. Англия на свой ред обявява война на България.
- ³⁰ В началото на 1942 г. в Лондон представители на гръцкото и югославското емигрантско правителство сключват договор за икономически, политически и военен съюз след войната, който да стане основа за бъдещата Балканска федерация (вж.: *Гунев, Г., И. Илчев.* Уинстън Чърчил и Балканите. С., 1989, с. 175).
- ³¹ *Рачев, С.* Цит. съч., 161–162, 169–171; *Мозер, Ч.* Цит. съч., 138–139; *Калинова, Е.* България в плановете и действията на Великобритания 1939–1944. – В: Втората световна война и Балканите. С., 2002, 26–28.
- ³² *Димитров, Г.* Дневник (9 март 1933–6 февруари 1949). С., 1997, с. 236.
- ³³ *Валева, Е., Н. Васильева.* К истории отношений СССР, Коминтерна и болгарского антифашистского движения (1941–1943 гг.). – В: Българо-съветски военни и политически отношения 1941–1947 г. С., 2000, 10–12.
- ³⁴ България – своенравният съюзник..., с. 57.
- ³⁵ Пак там, 185–186, 187–188, 196, 201–202; *Знеполски, Д.* Посмъртна изповед. С., б. г., 153–154, 165–166; *Трънски, С.* Невъзможни истини. С., 1994, 12–13. *Рачев, С.* Англия и съпротивителното движение на Балканите 1940–1945. С., 1978.
- ³⁶ По-подробно вж.: *Калинова, Е.* Победителите и България..., 53–60.
- ³⁷ *Бол, М.* Цит. съч., с. 54, 62; *Котев, Н.* Цит. съч., с. 89.
- ³⁸ *Тошкова, В.* Цит. съч., 265–271.
- ³⁹ Московската конференция на министрите на външните работи на СССР, САЩ и Великобритания 19–30 октомври 1943 г. Сборник документи. С., 1984, 387–388; Техеранската конференция 28 ноември – 1 декември 1943 г. Сборник документи. С., 1984.
- ⁴⁰ *Спасов, Л.* Българо-съветски отношения..., 165–168.
- ⁴¹ *Васильева, Н.* Военные аспекты советско-болгарских отношений (22 июня 1941–9 сентября 1944). – В: България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. С., 2000, 158–160.
- ⁴² *Волокитина, Т.* Перспективы развития Болгарии после Второй мировой войны. Взгляд из Москвы (новые документы российских архивов). – В: България и Русия през XX век..., 240–241.
- ⁴³ Рузвелт след срещата на „тримата големи“ в Техеран заявява: „Трябва да кажа, че си „паснахме“ с маршал Сталин. Той е човек, който съчетава огромна непреклонна решимост със здрав добронамерен хумор. Вярвам, че е истински представител на сърцето и душата на Русия; вярвам също, че и за в бъдеще ще се разбираме много добре с него и с руския народ – наистина много добре“ (вж.: *Кисинджър, Х.* Цит. съч., с. 362).
- ⁴⁴ В мемоарите си Чърчил точно определя както причините за прилагането на тази тактика, така и същността ѝ: „Настъплението на Съветската армия в Централна и Източна Европа през лятото на 1944 г. наложи спешното постигане на политическо споразумение с руснаците за тези райони“ (вж.: *Чърчил, У.* Мемоари. Т. 6. Триумф и трагедия. С., 1995, с. 77).
- ⁴⁵ „Процентната сделка“ е предложена от Чърчил на Сталин по време на визитата на британския премиер в Москва през октомври 1944 г. Срещата е описана в мемоарите на Чърчил. (вж.: *Чърчил, У.* Цит. съч., 218–219). Стенограмата от нея и от последвалите „пазарлъци“ по процентите между Идън и Молотов вж. в: България – непризнатият противник..., 83–86, 89–96. В съветското планиране също присъстват идеите за споразумение за разграничаване на сферите на сигурност в Европа „по принципа на най-близкото съседство“ (вж.: *Волокитина, Т.* Цит. съч., 244–245).
- ⁴⁶ *Калинова, Е.* Победителите и България..., 31–32.
- ⁴⁷ *Пинтев, С.* България в британската дипломация 1944–1947. С., 1998, 130–145.
- ⁴⁸ САЩ се отказват от активно участие в преговорите за примирие с българската делегация в Кайро и са твърде дистанцирани при подготовката на Съгласението за примирие, подписано на 28 октомври 1944 г. в Москва.
- ⁴⁹ България – непризнатият противник..., с. 210.
- ⁵⁰ *Калинова, Е.* Победителите и България..., 237–239.
- ⁵¹ Берлинската конференция 17 юли – 2 август 1945 г. Сборник документи. С., 1987, 335–336; *Тошкова, В.* Мирът с България (1945–1947): Амбиции и постижения на „Голямата тройка“. – Военноисторически сборник, 1997, № 6, 36–39.
- ⁵² *Калинова, Е.* Победителите и България..., 336–357.
- ⁵³ *Баева, И., Е. Калинова.* Следвоенното десетилетие на българската външна политика (1944–1955). С., 2003, 86–90.

Т. В. Волокитина

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕНОМЕН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Сложившаяся в общих чертах к концу Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамская система договоренностей представляла собой структуру международных отношений с отчетливо выраженным геополитическим принципом разделения мира на сферы влияния. Реализация известного «процентного соглашения», достигнутого в октябре 1944 г. на встрече У. Черчилля и И. В. Сталина в Москве, закрепила переход Восточной Европы в сферу интересов Советского Союза. Геополитическое положение региона – между СССР и Германией, роль Советского Союза в разгроме фашизма определили признание приоритета СССР в этой части континента. Однако уже вскоре стало очевидным, что это отнюдь не означало согласия на установление безоговорочного советского влияния, причем со временем позиция западных союзников постепенно ужесточалась. Если на заключительном этапе войны американская администрация традиционно заявляла об отсутствии «жизненных интересов США» в Восточной Европе¹, то во время подготовки мирных договоров США и Великобритания уже вовсе пытались «просунуть ногу в дверь, ведущую в Восточную Европу»². Позднее в соответствии с доктриной «сдерживания» цель западной политики в регионе формулировалась как «постепенное сокращение и, по возможности, устранение преобладающего советского влияния в Восточной Европе, не прибегая к войне»³.

На рубеже войны и мира восточноевропейский регион рассматривался советской стороной в первую очередь как пояс безопасности советского государства по западно-му и балканскому периметру советских границ⁴. Даже в самых строго секретных разработках и рекомендациях Наркомата иностранных дел мы не найдем никаких планов экспорта революции. Главный приоритет очевиден: создание в будущем эффективной системы безопасности в Европе, установление баланса сил, в соответствии с которым внешняя политика и оборона государств этого «пояса» находились бы под советским контролем. Надо сказать, что позиция Москвы в то время вполне адекватно оценивалась союзниками. Американский посол в советской столице Джордж Кеннан в сентябре 1944 г. сделал следующее наблюдение: «Заботы о безопасности всегда доминировали в психологии советских властей», а сталинская программа территориальной и политической экспансии, во многом основанная на опыте царизма, была призвана «обеспечить России защитную зону против нападения с Запада»⁵. Более того, в новейшей литературе по истории международных отношений указывается, что советская политика, направленная на создание защитного пояса из просоветски настроенных государств вдоль западных границ СССР, получение свободного выхода в Мировой океан и обеспечение максимальной глубины обороны по всему периметру СССР, к весне 1946 г. изменилась значительно меньше, чем политика западных стран⁶. Соглашаясь с этим выводом по существу, заметим лишь, что корректнее, на наш взгляд, было бы говорить не о просоветских, а о дружественных Советскому Союзу позициях соседей: это было

на тот момент гораздо важнее для московского руководства, сознательно отодвигавшего на дальний план социалистическую перспективу развития континента⁷. Заметим, что критики такой интерпретации конкретно-исторического материала, как правило, ссылаются на известное утверждение Сталина в беседе с югославским коммунистом М. Джиласом в Москве в апреле 1945 г., согласно которому каждый из победителей, в том числе и СССР, распространит свою общественную систему на ту территорию, куда вступит его армия⁸. Иными словами, освободительная миссия Красной Армии неизбежно трактуется при этом как детерминированная прелюдия советизации региона. Такая позиция, как и все прочие, безусловно, имеет право на существование. Но для размышления в связи с этим приведем другую оценку: в июне 1946 г. заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов в беседе с корреспондентом Си-Би-Эс в Москве Ричардом Хотлеттом констатировал, что в России «произошел возврат к вышедшей из моды концепции безопасности, основанной на расширении территории – чем больше вы ее имеете, тем выше ваша безопасность»⁹. Здесь явно доминирует не классово-политический, а четкий геополитический подход. И хотя Сталин никогда не отказывался от признания важности идеологической компоненты во внешнеполитической сфере, исследования, проведенные на документальной основе, свидетельствуют, что вплоть до создания Коминформа осенью 1947 г. отнюдь не классовые задачи определяли реальную советскую политику в регионе.

На систему международных отношений и, в частности, на судьбу антигитлеровской коалиции несомненное влияние оказывал германский фактор. Современная историография признает нереальность новой германской угрозы в то время¹⁰, однако действовавшие тогда политики были настроены по-другому. Известны неоднократные заявления Сталина о возможности Германии возродиться в кратчайшие сроки, его опасения в связи с сокращениями интервалов между актами германской агрессии¹¹. Серьезное беспокойство по поводу потенциальной германской угрозы в будущем испытывали и западные союзники. Британское правительство обсуждало перспективу создания «общей системы обороны против Германии» и как важнейшей ее составляющей – «системы региональной обороны в Западной Европе». Показательно, что при этом Лондон допускал создание «какого-либо аналогичного объединения» антигерманской направленности в Восточной Европе. Цель и Востоку, и Западу при этом виделась одна – «сдержать Германию». Об этом, в частности, шла речь в беседе В. М. Молотова с послом Великобритании в Москве А. Кларком Керром 28 ноября 1944 г.¹² Обеспокоенность в связи с будущим Германии проявил и госсекретарь Соединенных Штатов Д. Бирнс во время консультаций с В. М. Молотовым в Лондоне 20 сентября 1945 г. Отметив решимость американского народа не допустить восстановления военного потенциала Германии, Бирнс в осторожной форме поднял вопрос о возможности заключения договора между СССР и США с целью «держать Германию разоруженной в течение 20–25 лет»¹³. Иными словами, в глазах участников антигитлеровской коалиции германский фактор представлял как своего рода «невралгический узел» будущей европейской политики, а задача недопущения новой агрессии со стороны Германии – как весьма актуальная. До поры до времени германский фактор во многом стимулировал компромиссную тональность отношений между союзниками.

Сталин, задумываясь о создании послевоенной системы безопасности, острее которой следовало направить против Германии, как свидетельствуют документы, размышлял над идеей славянского союза. Об этом достаточно подробно сказано в историографии. Приведу лишь образную характеристику такого союза, данную советским лидером в беседе с американским католическим священником польского происхождения Ст. Орлеманьским в апреле 1944 г. в Москве. Сталин говорил о своей «мечте» –

«возродить политику Грюнвальда* на широкой основе»¹⁴. Однако, напоминая о значении Грюнвальдской битвы, положившей конец продвижению тевтонов на Восток, Сталин видел в идее «славянской солидарности» еще и блокатор планов федерирования Европы, разработка которых западными союзниками получила новый импульс в 1943 г. При этом советский лидер, говоря о «новом славянофильстве», решительно отмежевался от «старого славянофильства» и «царского великодержавного панславизма»¹⁵. Прагматизм советского руководства при использовании славянской идеи в противовес германскому фактору проявился наиболее отчетливо, пожалуй, в 1947 г., когда Москва, удачно сделав ставку на историческую память славянских народов, сумела воспрепятствовать привлечению Чехословакии и Польши к участию в плане Маршалла.

На завершающем этапе Второй мировой войны явлением мирового порядка стал подъем «народного радикализма»¹⁶. Маятник общественных настроений определенно смещался влево, что делало невозможным простое возвращение к довоенным структурам, даже в их либерально-демократическом варианте. В европейских интеллектуальных кругах, осознававших свою роль и растущее значение в общественной жизни, зрело ощущение, что «мировая история предоставила возможность политического, социального и идейного обновления демократии», что «весь вопрос состоит в том, как использовать эту возможность»¹⁷. Тяга к подлинной демократизации, намерение не допустить ужасов третьей мировой становились определяющими чертами новой фазы развития. В условиях роста авторитета и политического влияния СССР проявились особое внимание и интерес к идее социализма в различных его модификациях, в том числе и к советской модели организации общества. «Я не знал марксизма, когда в 1946 году... занял сторону той общественной силы, которая выступала за создание нового общественного порядка. Меня привлекла идея социальной справедливости, – напишет спустя сорок пять лет премьер-министр Польши М. Раковский. – Это были годы, когда многие самые светлые умы мира однозначно высказывались за социализм... Таков был дух того времени»¹⁸. То, что после войны мир станет «гораздо более социалистичным», признавал, к примеру, и президент США Ф. Рузвельт¹⁹.

Принципы действия антигитлеровской коалиции экстраполировались на внутриполитическую ситуацию в европейских странах. Постепенно оформлялось понимание, что следствием войны может стать сотрудничество разнородных политических сил на антифашистской, демократической основе. «Я чувствовал, что мы вступили в абсолютно новую эпоху, когда... возможен союз всех сил демократии – и социалистов, и буржуазных демократов – в борьбе с реакцией», – вспоминал позднее венгерский философ и литературный критик Д. Лукач²⁰. Особое значение придавалось на том этапе реформистскому, эволюционному пути общественных трансформаций вообще и переходу к социализму, в частности, своими «национальными» путями. В законченном виде указанный подход нашел отражение в разработанной президентом Чехословацкой республики Э. Бенешем концепции «социализирующейся демократии», т. е. новой, эффективной модели демократии с повышенной мерой социальной справедливости²¹.

Однако политической реальностью в советской сфере влияния на рубеже войны и мира стало возникновение одного из ограниченных вариантов традиционной представительной демократии, который мы условно определяем как демократию по соглашению. Она представляла собой властную коалицию из представителей левых партий (коммунистов, социалистов и социал-демократов), крестьянских партий и политических движений и демократических партий «центра». Через предвыборные блоки, прин-

* 15 июля 1410 г. около деревеньки Грюнвальд (впоследствии территория Восточной Пруссии) объединенные польско-литовско-русские войска под руководством польского короля Владислава II Ягелло окружили и нанесли поражение немецкому Тевтонскому ордену.

цип паритета или «партийного ключа» формировалась замкнутая политическая конфигурация, которая не только не оставляла места правым группировкам как виновникам негативного прошлого, но и определяла пределы допустимых проявлений партнеров по коалиции, блокировала любые крайние проявления в их политике. В исторический обиход подобные коалиции вошли под названием новой или народной демократии.

Конкретный материал показывает, что по масштабу соглашений и участия демократических сил в правящих послевоенных коалициях, по хронологической протяженности взаимодействия этих сил, по степени ограничения демократических норм и напряженности противостояния внутри коалиций, равно как и по соотношению воздействия внутренних и внешних факторов, ситуация в разных странах Восточной Европы принципиально различалась.

Наиболее широкой, продолжительной по времени существования и устойчивой была демократическая коалиция в Чехословакии, на состояние которой, безусловно, влияли имевшиеся в стране традиции демократического парламентаризма и элементы гражданского общества. В этих условиях участники коалиции обладали ограниченными возможностями прибегать к методам силового воздействия на общественные процессы. Вплоть до лета 1947 г. основным вектором развития в стране являлось динамичное продвижение от согласительной к представительной демократии. Сбои в демократическом механизме осуществления власти начали проявляться во второй половине 1947 г., когда компартия, опираясь на поддержку социально слабых слоев, стала систематически нарушать условия функционирования парламентской демократии. Вкупе с ответными действиями партнеров по коалиции это привело к блокированию деятельности Национального фронта, а в феврале 1948 г. к установлению властной монополии компартии в стране.

Принципиально иным содержанием отличалась ситуация в Югославии и Албании, где уже при переходе от войны к миру реальную власть сосредоточили в своих руках коммунисты. Этот факт стал объективным итогом деятельности компартий по организации движения Сопротивления, отразив их ведущую роль в национально-освободительной борьбе. Усилия других партий политического спектра придать власти неформальный коалиционный характер, запустить механизм согласительной демократии успехом не увенчались. Любые попытки на этом пути блокировались коммунистами и оказались кратковременными. В Югославии и Албании с самого начала политическая монополия компартий не имела никакой реальной демократической альтернативы. Широкий диапазон использования органов принуждения в политических целях и активный процесс сращивания компартии с государственными структурами четко определили вектор общественного развития как продвижение общества к левототалитарному режиму.

В Болгарии и Польше элементы согласительной демократии просматривались более четко. В обеих странах главные рычаги власти также контролировались коммунистами, однако общество не воспринимало безоговорочно ни ключевую роль компартии, ни ограниченный представительством только левоориентированных сил характер коалиции. Сопротивление части общества (в Польше значительной, в Болгарии – более узкой) на фоне необходимости сообща решать приоритетные общенациональные задачи подвело болгарских и польских коммунистов к пониманию важности общественного консенсуса. Отсюда – компромиссная тональность политики и использование, хотя и в ограниченном диапазоне, механизмов согласительной демократии. В указанных странах масштаб консенсуса и его продолжительность отличались исключительным динамизмом, а наличие коалиционной формы власти не всегда соответствовало ее содержанию. Тем не менее, конкретно-исторический материал позволяет зафиксировать вполне самостоятельные этапы функционирования согласительной демократии на сравнительно широкой социально-политической основе – соглашения коалиции

с лидерами крестьянских партий Н. Петковым и Ст. Миколайчиком. При этом власти учитывали не только динамику внутренней ситуации, но и воздействие внешних факторов – «восточного» (советского) и «западного». Характеристика ситуации в Болгарии и особенно в Польше будет неполной, если не отметить такую ее особенность, как применение уже в 1944–1947 гг. методов управления и контроля за обществом, присущих не демократическим, а тоталитарным режимам. Обозначилась перспектива превращения компартий в стержневую государственно-политическую структуру.

Принципиально иным был «рисунок» согласительной демократии в Румынии и Венгрии. При формировании режима в этих странах был задействован широкий спектр социально-политических сил при относительно слабом левом фланге, на котором располагались рабочие партии. Кроме того, внешний, прежде всего советский, фактор оказывал опережающее, по сравнению с внутривнутриполитической динамикой, воздействие. Все это определило относительную стабильность этапа согласительной демократии, протяженность которого обуславливалась процессами изменений в расстановке и балансе сил внутри коалиции в пользу левых партий.

Несмотря на различия и особенности ситуации в странах региона, в целом этап народной демократии отразил политически вариативное, переходное состояние послевоенного общества, отвергнувшего правый тоталитаризм в его разных модификациях, которые по терминологии тех лет объединялись общим понятием «фашизм»²².

Современный уровень конкретно-исторического знания позволяет констатировать, что аналогичные тенденции проявились и в западной части континента. Там тоже наблюдались явления, присущие народной демократии: сильная левизна в правительствах или в оппозиции, широкие симпатии к СССР и социализму, активность профсоюзов и пр. В зарубежной историографии подчеркивается, что «ситуация, подобная внутренней организации народных демократий, существовала, например, в Италии и Франции...»²³

На рубеже 1946–1947 гг. в восточной и западной частях континента проявились новые разнонаправленные тенденции. В советской сфере влияния, где отсутствовала выраженная позитивная динамика в экономической сфере, произошло усиление радикальных настроений. Снять существовавшие здесь острые проблемы мощными и постоянными «инъекциями» Советский Союз по объективным причинам был не в состоянии. Подъем левого радикализма в значительной мере был обусловлен и «качеством» социальной структуры восточноевропейских обществ. Эта структура характеризовалась неполнотой, множественностью открытых социальных типов, большим числом маргинальных слоев и, как следствие, неустойчивостью. Резкий выброс люмпенизированных масс в среду работавших по найму, произошедший в военные годы, провоцировал усиление левого радикализма не только в рабочем классе, но и среди крестьянства, мелких городских собственников и интеллигенции, утрачивавшей возможности профессионального самовыражения. С программами национальных и народных фронтов и деятельностью рабочих и крестьянских партий наиболее социально уязвимые слои связывали реальный шанс изменить свое положение в обществе. И уже первые шаги по реализации указанных программ оправдали эти надежды, вовлекая ранее не допускавшихся к политике и власти социальных «изгоев» в государственно-политическую жизнь. Предложенный массам общественный аванс был с готовностью принят. Это подтвердил взрывообразный (в десятки и сотни раз!) рост численности крестьянских и особенно рабочих партий, превратившихся в правящие и соправляющие. Наполнение партий левого фланга коалиций представителями наиболее обнищавшей части общества оборачивалось ростом революционного нетерпения, требованиями насильственного отчуждения и перераспределения материальных благ на уравнилельно-обезличенной основе. Рождался соблазн решить сложнейшие экономические, социальные и политические проблемы методом «рывка», «скачка».

Как тут ни вспомнить булгаковского Шарикова с его простым рецептом действия: «Все у всех отнять и поделить!» Естественно, что вопрос о цене и тем более о долгосрочных последствиях такого подхода не рассматривался.

В Западной Европе ситуация развивалась, как говорится, с точностью до наоборот. Перспективы реальной экономической помощи со стороны Соединенных Штатов, обозначившиеся в связи с разработкой и принятием плана Маршалла, обусловили снижение радикализма и уменьшение влияния левых сил, в первую очередь, компартий. Участились факты нарушения взаимодействия между коммунистами и социалистами, представители компартии Франции вышли из правительства, а итальянские коммунисты были удалены из кабинета министров.

В этих условиях и Восток, и Запад предпочитали не вспоминать о предоставленном им принятой в Ялте в феврале 1945 г. Декларацией об освобожденной Европе «мандате на демократизацию» и проявили намерение поддерживать в собственной сфере влияния прежде всего своих классовых союзников.

О влиянии советского фактора на развитие внутривосточной ситуации в Восточной Европе российскими авторами написано немало. Изданы и документы отечественных архивов, дающие возможность читателю составить собственное представление об общественно-политических процессах в регионе и роли в них советского руководства.

Вкратце заметим, что советское влияние проявлялось дифференцированно и обуславливалось многими факторами: масштабами соглашений и участия демократических сил в коалициях, хронологической протяженностью взаимодействия партнеров, степенью ограничения демократических норм и остроты противостояния в рамках коалиций и пр. В Москве старались внимательно отслеживать конкретную обстановку в странах и действовать с учетом их особенностей. Заметим, например, что советская сторона не поддержала намерения финских коммунистов организовать «заговор» против президента Ю. Паасикиви²⁴, хотя раскрутка «заговоров» с помощью «людей из Москвы» в других странах советской сферы влияния имела место.

С точки зрения исторической перспективы народная демократия имела временный характер, поскольку несла в себе «гены» саморазрушения: ведь никто не отменял принципиально различные стратегические цели и задачи партнеров по коалиции. По мере разрешения общенациональных задач сужалось «поле» действия общественного консенсуса, и, как следствие, размывалась его основа. Эти качественные перемены осознавались всеми политическими силами, и каждая из них стремилась перехватить лидерство у партнеров по коалиции с тем, чтобы обеспечить реализацию собственных представлений о дальнейшем развитии. Сторонники либерально-демократической и аграристской альтернатив прилагали усилия к вытеснению рабочих партий на периферию политической жизни посредством выборов. Рассчитывая на свою победу, они надеялись изменить суть соглашения участников в рамках коалиции и таким путем обеспечить движение к представительной демократии. Именно этим объяснялась ожесточенная политическая борьба вокруг проблемы выборов в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, сопровождавшаяся попытками ее участников заручиться поддержкой внешних факторов. Победа, в конечном счете, леворадикальной альтернативы открыла коммунистам путь к монополии политической власти. В Восточной Европе народная демократия оказалась промежуточным этапом между авторитарными и тоталитарными режимами правого и левого толка.

Вместе с тем наличие в истории стран региона народно-демократического этапа оказало заметное влияние на последующий процесс формирования режимов советского типа, в частности, сузило возможности укоренения в Восточной Европе модели социализма «по Сталину» и, как следствие, обусловило неполноту возникшей тоталитарной

«конструкции». Спустя полвека это отозвалось коренным отличием политической ситуации в нашей стране и в странах бывшего «социалистического лагеря». На этапе посткоммунистического развития с его радикальной модернизирующей трансформацией в виде «построения основ капитализма» в Восточной Европе утвердилась, пусть с издержками, демократическая политическая система, тогда как на пространстве бывшего СССР возобладали «имитирующие» демократию авторитарные режимы различной степени жесткости.

¹ *Lynn, T. D.* The cold war begins. Soviet-american conflict over Eastern Europe. Princeton, 1974, p. 378 etc.

² Цит. по: *Язькова, А. А.* Восточная Европа в политике СССР и США (1944–1945 гг.). – В: Проблемы истории холодной войны (Новая и новейшая история, 1991, № 3, с. 71).

³ *Containment. Documents of American policy and strategy. 1945-1950.* New York, 1978, p. 223.

⁴ *Харинский, М. М.* Европа: проблема границ и сфер влияния (1939–1947 годы). – Свободная мысль, 1998, № 3, с. 90.

⁵ *Кеннан, Джордж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002, с. 147.

⁶ *Печатнов, В. О.* Возвращение в Фултон. – В: Россия в глобальной политике. Т. 4, № 2 (март-апрель 2006 г.), с. 14.

⁷ *Волокитина, Т. В., Мурашко, Г. П., Носкова, А. Ф., Покивайлова, Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002, 29–30.

⁸ *Đilas, M.* Razgovori sa Staljinom. Beograd, 1990, s. 75.

⁹ *Холловэй, Д.* Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск, 1997, с. 226.

¹⁰ См., например: *Фатеев, А. В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М., 1999, с. 31.

¹¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 (отв. ред. Г. П. Мурашко). Т. 1. 1944–1948. М.–Новосибирск, 1997, с. 38, 40.

¹² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 2. 1944–1945 гг. М., 1983, 238–241.

¹³ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 43, д. 678, л. 71–72.

¹⁴ Восточная Европа в документах..., с. 39.

¹⁵ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов (отв. ред. Т. В. Волокитина). Т. 1. 1944–1948. М., 1999, с. 86; РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 733, л. 69–70.

¹⁶ *Милибэнд, Р.* Парламентский социализм. Исследования политики лейбористской партии. М., 1964, 381–382.

¹⁷ *Стыкалин, А. С.* Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001, с. 111.

¹⁸ *Rakowski, M.* Jak to się stało. Warszawa, 1991, s. 7.

¹⁹ *Roosewelt, E.* This I remember... New York, 1979, p. 253.

²⁰ *Стыкалин, А. С.* Указ. соч., с. 109.

²¹ *Мурашко, Г. П.* Советский Союз и общественные трансформации в Восточной Европе в 1940-х–1950-х годах. Некоторые дискуссионные вопросы в современной российской и чешской историографии. – В: Власть и общество: Непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008, с. 226.

²² *Волокитина, Т. В., Мурашко, Г. П., Носкова, А. Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993, с. 306.

²³ *Tejchman M., P. Hradečný, J. Kolař, P. Prokš, J. Výkoukal.* Sovětizace Východní Evropy. Země Střední a Jihoovýchodní Evropy v letech 1944–1948. Praha, 1995, s. 28.

²⁴ РГАСПИ, ф. 77, оп. 3, д. 88, л. 40; *Волокитина, Т. В.* Москва и политические репрессии в Восточной Европе в конце 40-х годов (По документам российских архивов). – В: България в сферата на съветските интереси. (Българо-руски научни дискусии). С., 1998, с. 56.

А. Златева

ОСЪДЕНИТЕ КАРИКАТУРИ

Художниците пред VI състав на Народния съд (1945)*

„Аз никога не съм служил на никаква чужда кауза. Това което съм наблюдавал в политическите събития, съм го илюстрирал като свободен гражданин. Идеите на моите карикатури никой не ми е внушавал. Всичко е мое. Никога не съм приемал някой да ми налага някаква идея, защото като творец трябва да съм абсолютно свободен, за да отразявам събитията така, както ги чувствам!“ – заявява в съдебната зала на Народния съд в София художникът карикатурист и патриарх на българската политическа карикатура Александър Божинов¹. И се надява неговото откровение на творец да бъде правилно разбрано, защото съдебните заседатели пред него са преди всичко колеги – хора на изкуството, събратя по перо... Но за съжаление е март 1945 г.

Непосредствено след 9. IX. 1944 г. отечественофронтовското правителство и най-вече Българската работническа партия (комунисти) – БРП(к), започват борба за укрепване на властта си срещу всички изявени или потенциални свои противници. В контекста ѝ важно място заема т.нар. Народен съд. В много отношения той става „увертюрата“ към последвалите репресии и безогледни гонения, които съпътстват управлението на отечественофронтовската власт. Това ясно личи от инструкцията на Георги Димитров, изпратена на 4 ноември 1944 г. от Москва: „...Обърнете сериозно внимание на печата. Съществуват тревожни сигнали. Публикуват се провокационни съобщения и *карикатури*... Нека с решение на Министерския съвет да се определят какви вестници трябва да излизат, обосновавайки това с необходимостта преди всичко рационално да се използва наличната хартия в полза на народното дело. Под формата на военна цензура трябва да се провежда на практика строга политическа цензура, за да не се допуска вече нищо, което вреди на делото на ОФ. Постарайте се да поставите НАРОДНИЯ СЪД против народните предатели и престъпници на здрави политически основи... Процесите да са публични, всенародни, но да не се дава никаква възможност на обвиняемите да ги използват като трибуна за свои политически цели“².

Следвайки московските инструкции, още в края на 1944 г. към съществуващите стари творчески съюзи и сдружения на българските писатели, журналисти, художници, музиканти, кинодейци, артисти се учредяват отечественофронтовски и партийни комитети. По тяхно предложение и натиск съюзните управителни съвети, обновени и с представители на новата власт, изготвят списъци на подследствените си членове и според отчетите до ЦК на БРП(к) с „пълно болшинство“(!) ги изключват „завинаги“ от редовете си. Решенията за това се оповестяват публично и се подкрепят с „компетентни“ статии в отечественофронтовския печат³.

Пети специален състав (Шести върховен съд) на Народния съд е определен да разглежда делата на обвинения в профашистка и националшовинистична дейност интелектуален елит на страната – писатели, журналисти, художници, публицисти, научни работници. Всички те са обвинени в извършването на престъпни деяния и трябва да бъдат подведени наравно с политическите и държавните екипи по чл. 2, т. 10, ст. 1–9 от

* Посвещавам на 50-годишнината от смъртта на художника Константин Коцев (Камен Каменов).

Наредбата-закон за Народния съд за въвличането на България в световната война и за всички злодеяния на властта⁴.

Според публикувания Обвинителен акт на подсъдимата скамейка са поставени 105 дейци на българската литература и изкуство, които „с перо, слово и действие са допринесли дейно и съществено за утвърждаване и ръководене на българската официална правителствена преса“. Злодеянието им, според обвинението, е още по-голямо и поради това, че именно те са „подтикнали“ по този начин правителството на Б. Филлов да включи България към Райха и Оста, довеждайки страната до трета национална катастрофа. Чрез своите работи и творчество те *съзнателно* са насочили общественото мнение „по пътя на грабителската антишовинистична политика“. Участието на някои от тях като щатни сътрудници в създадените по фашистки образец Дирекция на националната пропаганда (ДНП р.) и Камара на народната култура (КНК) се приема като тежко обвинение. Смята се, че чрез поделенията им в страната или печатните им издания е станало възможно тиражирането и разпространението на хули и клевети срещу нашата освободителка Русия и великия Съветски съюз, някои от които със „свръхфашистко съдържание, гаврейки се по този начин с наболялата народна душа!“⁵.

Следователно, с подвеждането и на интелектуалния елит на България под съдебна отговорност новата ОФ власт не само стриктно изпълнява нарежданията на Москва, но умело поставя липсващото зрънце в пъстрия обществено-политически калейдоскоп на делата, посочени от БРП(к).

Заседанията на Шести върховен състав се провеждат в София от 12 март до 4 април 1945 г. под председателството на Д. Димитров – председател на Софийския областен съд, и с членове: писателя Д. Полянов, театралния критик Георги Костов, журналистите Веселин Георгиев и Д. Ананиев и заседателния член Б. Мунтия. За народни обвинители са определени Н. Бронзов, Н. Ланков, Б. Тодоров, Ст. Величков и К. Цанков⁶.

Обвиняемите по делата, разглеждани от VI Върховен съд, условно са разпределени в 8 групи:

Първа – редактори, уредници и сътрудници в правителствените вестници „Днес“ и „Утре“;

Втора – уредниците и сътрудниците на Радио София;

Трета – директорите, уредниците и сътрудниците на вестниците „Днес“, „Вечер“, „Нашенец“, „Войнишки вест“ и други ежедневници, както и ръководителите на правителствената пропаганда чрез радиото и печата;

Четвърта – журналисти, сътрудници, сказчици и пр. работили в пропагандния апарат на властта като Дирекцията на националната пропаганда, КНК, радио и пр.;

Пета – организаторите и сътрудниците на „нелегалното“ правителствено радио „Обединена България“;

Шеста – сътрудниците на печата и радиото, работили в Германия и поставили се в услуга на нацистката пропаганда;

Седма – журналисти и публицисти, поставили се дейно в услуга на правителствената профашистка пропагандна политика от вестниците „Слово“, „Зора“, „Утро“, „Дума“ и пр.

Осма – всички онези дейци на българската литература и изкуство, които са поставили силите и таланта си в услуга на правителствената политика, лично и чрез творчеството си са пропагандирали национал-социализма, новия хитлеров ред в Европа и света, великобългарския шовнизъм и най-вече са разпространявали „мерзки и гнусни лъжи“ по отношение на Съветска Русия, Съветския съюз и болшеvizма като идеология.

В последната група „по списък“ попадат и петимата известни художници карикатуристи: Ал. Божинов, Ал. Добринов, Константин Коцев (Камен Каменов), Н. Андреев,

както и воденият под № 101 Райко Алексиев, главен редактор на хумористичния вестник „Щурец“, убит в ДС още по време на предварителното следствие през септември 1944 г. За неговото отсъствие в съдебната зала на широката аудитория не се дава *никакво* обяснение, повдигнатите въпроси по случая се отминават с мълчание, а при произнасяне на присъдите се прочита и вписва „починал“⁷.

Въпросът с осъдените от Народния съд български художници карикатуристи през последното двадесетилетие по обясними причини претърпя своеобразна метаморфоза, пряко свързана и зависеща от конюктурните повеи и изисквания на властта, както и от гражданската и професионалната смелост и позиция най-вече на водещи изкуствоведи. От пълна забрава и мълчание за художниците, съдени от Народния съд, той се превръща в плаха и бледа информация за някои от осъдените карикатуристи (най-вече при публикуването на обзорни тематично-хронологични студии и монографии), като прави неочаквано бърз „скок“ за техните изяви в по-ново време, за да достигне до частичното възстановяване на имената им като личности и творци в новоиздадени енциклопедии, юбилейни издания или мемоари, излезли в края на 90-те години на ХХ в. Именно през този период някои изследователи изкуствоведи „допълват и доуточняват“ творческата биография на най-рано амнистираните и най-възрастен подсъдим Ал. Божинов или посвещават свои работи на „осъдените и забранени“ – Ал. Добринов, Р. Алексиев. Но те все още остават в дълг към Константин Коцев (Камен Каменов) и Н. Андреев – непознати и до днес на широката публика заради падналата върху тях „сянка“ на Народния съд, превърнал се за подсъдимите художници в „китайската стена“ за бъдещата им творческа изява и активна връзка с обществото до промените след 1989 г.⁸

Подобна е съдбата и на още един от доайените на българската живопис, Борис Денев – доброволец в Балканската война и щатен военен художник при Министерството на войната от 1914 до 1926 г. Той не е призован в съдебната зала, но е арестуван и прекарва в Софийския затвор 5 месеца (от 1. XI. 1944 г.), без да му бъде представено официално обвинение (!)⁹ – по всяка вероятност превантивна мярка на ДС заради сътрудничеството му, подобно на Н. Андреев, с материали във в. „Слово“ и „Зора“ или за предполагаеми връзки с неговите бивши преподаватели от Мюнхенската художествена академия. Изключеният вече от Съюза на художниците творец се превръща в „резервен вариант“ (обвиняем или свидетел) за съдебния процес на Шести състав. След произнасяне на присъдите 62-годишният Б. Денев без никакво обяснение е въдворен за още 5 месеца в Дупнишкия лагер. Освободен на 24. VIII. 1945 г. *тихомълком*, на него му е забранено „да се занимава с живопис на открито“ до 27. I. 1956 г., когато отново е приет в творческата организация на българските художници. Подобно е положението и с художника Н. Танев, пребивавал шест месеца в Софийския централен затвор и освободен по същия начин¹⁰.

Но през март 1945 г. за Върховния състав по делото на Шести съд има особена важност общопризнатият факт, че със своите карикатури, станали емблематични, Ал. Божинов е по-известен сред народа и от цар Борис III!¹¹ А това е ценна улика за обвинението срещу интелектуалния елит на нацията, събран в Централния затвор. Народът „трябва да разбере“ и най-вече „да се убеди“, както отбелязва в. „Отечествен фронт“, че тези, които са изправени на подсъдимата скамейка, с участието си в духовния живот на България, с определени цели и умисъл систематически са допринесли за неговата заблуда и морално опустошение и със своите творби, публикувани в „националшовинистични и свърхфашистки списания и вестници, те са работили в услуга на Райха и против интересите на Отечеството и СССР“¹².

Според обвинителния акт със своите карикатури в печата, илюстрираните от тях книги и уредба на антиболшевишка изложба те са „представяли в най-черни краски

живота в Съветска Русия, измисляли са съчинени ужаси и зверства с цел да възмутят и отвратят народа от братска Русия, рисувайки комунизма като зло, което трябва да се изкорени. Работите им будят ужас и отвращение, но преди всичко подкопават добрите чувства на българския народ към нашата освободителка Русия и съветския строй“¹³.

Речта на народния обвинител Никола Бронзов е напълно в духа на обвинителния акт. Тя дава точно и недвусмислено обяснение както за характера и целта на делото, така и за ролята, която е отредена в този процес на художниците карикатуристи, сътрудници на най-тиражираните вестници „Зора“, „Утро“, „Щурец“, „Папагал“, „Щука“, „Илюстрирана политика“ и др. Те трябва „да знаят и да помнят, и те и целият свят, че България действително вече е правова страна и че законът е над всичко и за всички“. А това означава бъде признат в международен мащаб демократичният и правов характер на Народния съд, който наказва „по съвест“ всички профашистки елементи и най-вече „ругатели“ на Съветския съюз и социалистическия строй, та дори и от културната сфера, независимо от техния утвърден на Запад авторитет и ценен професионализъм¹⁴. Личното признаване на вина и отказ от творбите, заклеямени от обвинението на Народния съд, се разглеждат като важна брънка и условие за бързото изграждане на имиджа на новата власт пред световната общественост.

Карикатурите и илюстрациите, поставени на подсъдимата скамейка, са разпределени от обвинението по тематичен признак най-общо в две групи. Желанието е не само да се внесе по-голяма яснота в привлечения огромен фактологичен материал. За съдебния състав е важно преди всичко да бъде изпълнена основната цел на процеса, а тя е публичното доказване на „огромната вина на художниците карикатуристи пред нашата освободителка Русия и голямата опасност, която те представляват за бъдещите междудържавни отношения на отечественофронтиска България с великия Съветски съюз“. Именно поради това деянието им не може да остане безнаказано.

По решение на обвинителите в първата група попадат художествените творби, отразили в публичното пространство живота в Съветска Русия. Те рядко са създавани по лични впечатления на авторите, защото според в. „Беломорска България“ – Ксанти, тя представлява „...огромен затвор, в който не всеки може да влезе и не всеки може да излезе от нея“¹⁵. Най-често „подсъдните“ карикатури са провокирани от текущите събития и се „раждат“ въз основа на публикувани материали в нашата и западната преса. Не рядко обаче те са плод на авторов анализ и тълкувание върху случайно „изпуснати“ от съветската цензура статии и съобщения или на разбрана „между редовете“ информация (в текст или карикатури) от правителствената преса. А тя, както отбелязва сп. „Илюстрирана политика“, е разрешено да се коментира единствено в магическия кръг на официозите, поради което в журналистическите среди битува с успех четиристишието на Дочко Атанасов:

*В России есть двух газет,
„Правда“ да „Известия“.
В „Известий“ правды нет,
В „Правде“ нет известия¹⁶.*

Първото направление от „подсъдните“ карикатури в тази група отразява тежките социално-икономически и културни проблеми, стоящи пред съветския народ: липсата на лична и религиозна свобода; безкомпромисната цензура и идеологическото „ръководство“ от страна на ВКП(б) на творческите и научните кадри, младежта и армията; корупцията и беззаконието във вътрешния живот на страната, довели до съществуването на лагерите ГУЛАГ, и качествен срив в морално-етичните човешки взаимоотношения¹⁷.

Второто направление обхваща карикатурите, отразяващи „двете лица“ на съветската дипломация по отношение на съюзниците и особено на зависимите от него малки държави и свързаната пряко с това дейност на НКВД – добил прозвището „дългата ръка на Сталин“. В този поток подчертано място заемат работите по темата „Трагедията край Катин“, „Смъртта на Сикорски“, „Убийствата във Виница“ и пр.¹⁸

Третото направление обхваща карикатурите, засягащи метаморфозите на сталинската политика и решенията на ЦК на ВКП(б) по отношението на славянското и международното работническо и комунистическо движение с неочакваното разтуряне на III Интернационал, свикването на Славянския конгрес и започналата широко огласявана кампания за новия курс на съветската политика към религията, църквата и гарантирания суверенитет и свобода на съюзните съветски републики¹⁹.

Във втората група обвинението поставя всички „карикатури уводки“, отразяващи войната в цялост, събитията на Източния фронт и Балканите както и поведението на политическия елит и дипломатическите представители на двете воюващи групировки – Оста и съюзниците. Според обвинителния акт тук са карикатурите, които сеят лъжи и заблуждения за Съветския съюз и отравят съзнанието на българския народ в угода на германските господари и за тържеството на тяхната кауза. Специално място е отделено на възможностите, които има пропагандният апарат за формиране на общественото мнение и най-вече за „войната в ефира“²⁰.

Като доказателствен материал срещу подсъдимите художници са представени не само техните карикатури от вестниците, изброени в обвинителния акт, но и илюстрациите им към „литературните пасквили“ срещу Русия. Най-цитирани и изброявани са работите на Ал. Добринов в „Богата земя – беден народ“, „Под кошмара на един вечен страх“, „Жестоки признания“; на Г. Каназирски – „Болшеvizмът вчера и днес“ (1942) и „Из засада“ (1943), на П. Боев – „Човекът в комунистическия рай“ (1942), „Престъпление и наказание... (но не по Достоевски)“ (1942). Всички, според обвинението – „с крайно мерзко съдържание, будещи ужас или отвращение“²¹. Карикатурите на Камен Каменов във вестниците „Утро“, „Днес“, „Вечер“, „Папагал“, „Щурец“, „Щука“, „Войнишки вести“ и в списанията „Реч“, „Илюстрована политика“ и пр. се сочат като „предавателство пред вражеския лагер“²². В съдебната зала се четат техни „чисто националшовинистични“ според съда изказвания в пресата или по радиото по повод на отделни външнополитически събития, между които за най-престъпни се сочат тези, засягащи „сталинския ред“ и Съветска Русия. Само така може да се обясни „особеното внимание“, което съдът проявява към автора на известните „Писма от войнишката палатка“, публикувани във в. „Народен вестник“ – художника публицист Н. Андреев. В показанията си пред съда той е принуден подробно да обяснява личното си отношение „преди и сега“ към нашата освободителка Русия, най-вече поради факта, че материалите са насочени срещу съветския строй и болшеvizма, който той е критикувал остро като „идеология, обществено движение и структура“ и във вестниците „Зора“, „Днес“, „Утро“, „Слово“, „Войнишки вести“, както и в сп. „Наш път“. Прави впечатление, че съдебният състав и обвинителите сравнително бързо усвояват и прилагат в Народния съд твърде специфичната съветска терминология, наложена от официоза на сталинската партия. Според тях илюстрациите на Н. Андреев към статиите на Вълчо Велев (пс. Всеволод Левашов) по темата „Русия“, печатани в рубриката „Под нашия мерник“ на „Народен вестник“, също са „груби, гадни и изпълнени с най-долни лъжи“, поради което „трябва да бъдат осъдени и предадени на забрава от историята“²³.

На подобно „специално“ отношение се радват и показаните в залата част от събраните над 300 карикатури в сборника „Темида се смее“. За подсилване на обвинението

се цитират откъси от материали (статии, интервюта), отразяващи и темата „Обединена България“, с които подсъдимите карикатуристи са подкрепяли „дейно и съзнателно великобългарския шовинизъм“. Изтъква се участието на художниците в различни мероприятия, организирани от Дирекцията на националната пропаганда в новоосвободените земи. Между посочените шовинистични мероприятия са: Денят на българската книга в Скопие, илюстрирането на художествено научно-популярното списание „Македония“ (1943) и сборника „Българските писатели за македонската свобода“, в който са събрани творбите на Г. С. Раковски, Ив. Вазов, П. К. Яворов, П. Р. Славейков, Т. Траянов, Д. Дебелянов, Ст. Чилингиров, както и албумът „Македония в карикатури“. Осъжда се участието на творците в журналистическите обиколки и организирани изложби в Македония, Тракия и Добруджа, в церемонията на 24 май по запалването на свещения огън в Симеоновия дворец „Плиска“, целта на който е „вечният му пламък да огрее и свърже отново българските земи между древната ни столица и Охрид“²⁴.

Вина към Русия и съветския строй, в името на които съдът ще произнесе своята присъда, се търси във всяка изява на художниците в годините на Втората световна война, а дори и от по-ранен период. За едно от най-тежките провинения се приема всичко писано срещу Съветския съюз и Червената армия, участието на някои от подсъдимите в организираната по инициатива на Гьобелсовото министерство пътуваща антиболшевишка изложба или съгласието им да бъдат включени в международна група за обиколка на Източния фронт или да илюстрират материалите на участниците в нея²⁵.

Именно поради това, както и целта, която се преследва с бързото гледане на делата, процесът има привкуса на назидателно-показна акция за всички бъдещи потенциални рушители на установяващите се от новата ОФ власти порядки и взаимоотношения. При осъществяването ѝ мнозина от творците, избегнали лапите на Гестапо, попадат в клещите на НКВД и неговите служители, пристигнали специално у нас за процесите по делата на Народния съд. Прилага се с успех и познания *приём на обругаването* – отлично действащ в подтискащата и безнадежна бездна на затвора (което личи в целия ход на съдебните заседания). Съдът, с обсебения приоритет на най-висш съдник и компетентно жури, дава своето заключение, че „това мерзко, поръчково изкуство „не може да има място в историята ни“²⁶. Оставена е обаче малка вратичка – ако в хода на делото не може да се докаже, че художникът е бездарен, то тогава публично да бъде уличен като сляп изпълнител и проводник на профашистки и шовинистични мегаидеи, нямащи нищо общо „с художничеството и най-вече с истината за съветската страна“. Така народният обвинител Н. Бронзов призовава състава на VI върховен съд да даде пример на „справедливост, хуманност, път на новата религия и политическо верую, на новата социална правда и да се впише с решенията си по делото в лозунга на новата ОФ власт: „Ние не отмъщаваме, ние не преследваме, ние само наказваме престъпната деятелност, дала вредни и гибелни за нашата страна резултати!“²⁷.

Репликата на журналиста Вл. Дончев, че „не може да се изкоренява една идеология чрез съдебни процеси“, остава да звучи в съдебната зала твърде натрапчиво и без отговор²⁸. В медийното пространство има смелостта да се солидаризира с изказването му единствено К. Петканов. За разлика от Н. Бронзов той публично оценява Народния съд като „изцяло отрицателна проява и израз на отмъщение“²⁹.

Без точен отговор остават и въпросите, защо от множеството карикатуристи – сътрудници на излизашите от 40-те години и обявени за „чисто фашистки“ вестници и списания, са подведени под съдебна отговорност точно тези творци и преследвал ли е съдът някаква цел с оформянето на подобен състав подследствени художници?

Както вече отбелязахме по случая Б. Денев, подобно обяснение на задържаните в Централния затвор в София не е било давано. Стенографските протоколи по наказателно дело № 157 на VI състав на НС също не разкриват докрай истината. Факт е обаче, че „извън чертата“ на затвора остават съратници на подсъдимите и активни сътрудници на пресата в Майка България и новоосвободените земи. По тематика техните авторски работи могат да се вместят и в двете посочени групи „осъдени карикатури“. Такива са художниците Ст. Сърмабоджов, илюстрирал книгата на П. Чинков „Геройство отдалеч“ (1942), активен автор във в. „Щурец“, „Щука“ и „Папагал“ на в. „Нашенец“, работил заедно с К. Буюклийски, Михаил Павлов (Михаил Блек) и Д. Кабрански, илюстрирал и в. „Нова вечер“; създателите на „Папагал“ – М. Бонев, Г. Петров, и Ал. Жендов (също сътрудничил в изданието през 1939–1940 г.), Цв. Цеков (Карандаш) и Михаил Блек, работили за в. „Войнишки вести“ и „Нашенец“; Д. Чорбаджийски (Чудомир), печатал и във в. „Пелистерско ехо“ – Битоля.

Според чл. 9 от Наредбата-закон за НС „съдебното дирене се извършва от съда свободно, по разум и съвест“. А в VI състав на НС по дело № 157 е трябвало да бъде оформена групата на художниците карикатуристи. По всяка вероятност по съображения и указание „отгоре“ се е наложило в нея да бъдат включени не само творците, най-активно работили в медиите до 9. IX. 1944 г. Нужни са били художници от различни поколения и идейно-художествени течения, възпитаници на български и чужди (западни) школи, с извоювано място и авторитет в професионалното съсловие у нас и в чужбина, с определена степен на популярност сред широката общественост посредством тематиката и мястото на публикуваните илюстрации или карикатури. И най-вече творци, известни с артистичния си дух, партийна неангажираност и ненакърнима висока гражданска съвест, готови да бранят идеите си с цената на всичко, патриоти и родолюбци, чиито карикатури са се превърнали в истински пинопатикум на българския политически живот.

Успешното и бързо провеждане на процеса и изтръгването на публични „разкачания“ от подсъдимите относно работите им с „най-отявлен профашистки и националшовинистичен характер“ би дало възможност на Народния съд, от една страна, да издигне своя имидж на строга, но организирана и справедлива, равнопоставяща демократична антифашистка институция на нова България. От друга, имайки предвид перспективната политическа ориентация на страната, Народният съд има възможността да демонстрира публично, че в името на истината наказва „справедливо“, но ще преследва и в бъдеще всички опоненти не само на ОФ власт, но най-вече хулителите на Съветския съюз и установения там обществен строй, в защита на който се издават и присъдите. Не напразно след приключване на работата му в. „Правда“ в броя си от 6 март 1945 г. отбелязва: „Само България е поела решително пътя на пълното унищожение на фашисткото влечуго, като осъди на смърт 3 бивши регенти, 22 министри и 68 фашистки народни представители и строго наказа продажници от интелигентските среди...“³⁰. Като потвърждение на казаното от Москва, на 8 март 1945 г. в. „Отечествен фронт“ публикува приетата по доклад на К. Георгиев Наредба-закон за защита на народната власт, в която се предвиждат строги наказания и за „...разпространителите на неверни слухове и други престъпници срещу народната власт“³¹. Това донякъде дава обяснение защо в групата на художниците се налага да бъдат включени авторитетната и популярна личност с голямо международно признание на Ал. Божинов; известният и признат талант, но възпитаник на западни школи Ал. Добринов; перспективният, изключително продуктивен, но млад и по-трудно защитим художник Камен Каменов – „безсрамен служител на хитлеризма“ от информационния в. „Утро“, срещу когото най-вече се нахвърля обвинението; Н. Андреев, избран като художник и публицист, посветил „съзнателно

и целенасочено“ повечето от работите си на уродливите проявления на социалистическата система в СССР, прогнозиращ и пропагандиращ нейния неминуем разпад, и Райко Алексиев – най-проспериращият и влиятелен издател хуморист, „духовният двигател“ на творческия съюз на художниците и карикатурист, чийто „смях лекува, а сатирата му е озарена от гражданско присъствие и високопатриотична доблест“³². Така „свободно, по разум и съвест“ в обвинителният акт и в Централния затвор – София, попадат петимата „избрани“ карикатуристи.

В черния кармичен избор има все пак една малка светлинка.

Според същия чл. 9 на Наредбата-закон от съда се изисква „в най-кратък срок“ да разгледа делото. Това дава известен шанс на обвиняемите. Малкото време, с което разполга обвинението, не дава възможност за цялостно събиране и привеждане като доказателствен материал на всички материали по делото. Прави впечатление, че в хода на процеса се правят доуточнения, задават се недоизяснени или дори наивни въпроси, бъркат се автори и заглавия. В цитираните от обвинителите заглавия на вестници, на които подследствените са били сътрудници, с изключение на „Целокупна България“ – Скопие, липсват много от издаваните в новоосвободените земи като „Тракия“ – Гюмюрджина, „Български юг“ – Сер, „Беломорска България“ – Ксанти, „Подем“ – Силистра, „Български запад“ – Пирот, „Пелистерско ехо“ – Битоля, рядко се споменават „Юг“ – Кърджали, „Северно ехо“ – Плевен, „Светлина“ – Дупница, „Утрешна България“ на Ал. Ганчев, „Устрем“, „Подофицерски журнал“, „Вестник на вестниците“, хумористичните издания „Весел Българан“ и „Щука“. А публикуваните оригинални или препечатвани техни карикатури там са доста внушително количество³³.

На 4 април 1945 г. се произнасят присъдите по делото, в което повечето от творците, включително и художниците, са признати за виновни. Въпреки усилията на съда в дадената им последна дума болшинството от тях „не се разкайват за служенето си пред българския народ“, не се отричат от творбите си и показват готовност да отговорят за своята гражданска и творческа позиция. „Съдебното дирене установи, че аз съм работил като карикатурист през войната и в миналото без внушения откъдето и да е и без корист. Надявам се съдът, издавайки оправдателна присъда, обществено да ме реалблитира като художник и гражданин и ще ми даде възможност и занапред да бъда полезен на отечеството си“ – заявява Ал. Божинов и благодари на всички, които са оценили по достойнство неговото цялостно творчество³⁴. „Работих искрено за осъществяване на българските национални идеали, но съм готов да залича „тъмното минало“ – в което съм се проявявал“ – отбелязва Ал. Добринов³⁵. „Аз толкова много обичам своя народ, че никога преднамерено и съзнателно не бих му навредил“ – подчертава К. Каменов и се опитва да убеди съдебния състав в своето искрено разкаяние³⁶. „Съвпадението на външнополитическите немски интереси с тези на исканите български цели и осъществяването им, не съм казал, че са грабеж. И не смятам, че е така, защото тези цели бяха една лелеяна мечта за всеки българин патриот“ – изтъква Н. Андреев и добавя, че именно затова „винаги е пазил една почит към славянска Русия“³⁷. В залата не се чуват, но в кулоарите се коментират предсмъртните думи на Р. Алексиев, изречени пред близки и приятели: „Защо? Защо, приятели? Аз винаги съм обичал България и съм служил честно на своя народ“³⁸.

Ненапразно в заключителното си слово Н. Бронзов отбелязва с недоволство, че в съдебната зала от художниците не се е чуло искрено разкаяние, а „само отричание на деяние, което веднага се защитава“³⁹. Именно поради това неговата закана, че за „такива като тях милост няма и не може да има“ намира реален израз в произнесените в името на България и в защита на Съветския съюз присъди над карикатуристите. За К. Каменов (43 г.) съдът определя 5 г. строг тъмничен затвор, 8 г. лишаване от граждански права

и глоба в размер на 5000 лв.; Ал. Добринов (45 г.) – 2 г. строг тъмничен затвор, 5 г. лишаване от граждански права и 2000 лв. глоба; Ал. Божинов (67 г.) и Н. Андреев от Лом – 1 г. строг тъмничен затвор (по-късно заменена с условна присъда) и глоба в размер на 1000 лв. за първия и 300 000 лв. за втория. Признава за виновен починалия(?) подсъдим Райко Николов Алексиев и отсъжда конфискация на цялото му недвижимо и движимо имущество и 100% глоба върху „натрупваните от фашистките вестници хонорари“⁴⁰.

Присъдата на историята обаче е друга. Както отбелязва Р. Ралин, Р. Алексиев получава своята „кървава награда за сатиричния си всеобхват, подложен е на принудителна забрава и накрая възкръсва с цялата яркост на таланта си, вместили се благородно във века на своя народ“⁴¹.

Каква е истината по делото над художниците карикатуристи? Върху неговия ход и произнесените присъди влияят както външни, така и вътрешни фактори, които не можем да подценяваме. Около него има и въпроси, на които все още не е даден точен отговор.

От една страна, поставяйки се в услуга на СССР, новото ОФ правителство веднага се залавя за изпълнение на изискваното от него бързо провеждане на Народния съд, чиито документи и произнесени присъди да бъдат включени в обвинителните документи на Извънредната съветска комисия за Международния трибунал над фашизма. По различни причини за съветската страна от значение са първите три процеса: срещу министрите и депутатите, трасирали пътя на България към Райха и Оста; срещу военните, подкрепили и участвали в агресивните планове на Хитлер за балканските територии, означаващи за България осъществяване на лелеяния идеал за обединеното Отечество; третият е свързан с българското присъствие на разкритията в Катин и Винаца. (Именно поради това той минава в хронологичен план непосредствено след тях и преди този за полицията). След като съветската страна получава материалите и решенията по присъдите на Народния съд за първите три дела, пряко засягащи нейната политика, тя остава за „вътрешна употреба“ останалите процеси, а това срещу интелектуалния елит на България е шесто по ред. Дейността на новата ОФ власт по успешното приключване на работата на Народния съд се разглежда като положителен актив на правителството по изпълнение на точка 8 на Съглашението от 1944 г. и е акламирана от Москва.

В същото време настъпват сериозни промени и в международните отношения, свързани с развитието на военните операции на Червената армия и съюзниците. България окончателно доказва пред Москва завръщането си в лоното на славянството чрез организацията и домакинството на Всеславянския събор, проведен в София в дните на процеса. На него присъстват много дейци на културата – ценители на българското изкуство и литература и лично познати с голяма част от подсъдимите от Централния затвор. Това довежда и до трагикомични ситуации, когато подсъдими творци направо от затвора са водени в банкетните зали, където пред влиятелните чужди гости изслушват потресени хвалебствени слова по свой адрес точно от обвинителите си!⁴² Тези обстоятелства видимо омекотяват атмосферата около процеса или, както отбелязва Стефан Танев, „... черните облаци на разплатата се бяха поразпръснали, не бяха така черни и страшни над нас и ние останахме живи!“⁴³.

Не без значение за облекчаване на присъдите са и ходатайствата на отделни политически сили или личности от новия режим. За голямо съжаление това не са управителните съвети на професионалните творчески организации, в които обвиняемите членуват до началото на съдебния процес. Моралното им оправдание е, че „бившите колеги“ вече не се числят в съюзните списъци и една пряка намеса в тяхна защита може в политически аспект лошо да обремени пред новата власт организациите им. Причините са главно две – в единия случай ръководството на обновените художествени съюзи се поема

(доброволно или не) от комунисти или техни симпатизанти, които са склонни да следват партийните предначертания, а във втория – когато съюзите по обективни причини (евакуации и пр.) не възстановяват организационния си живот почти до началото на процеса. Така те не могат да излязат с единно официално и легитимно решение или обръщение пред обществеността в защита на подведените под съдебна отговорност свои колеги. А и опити за подобни съюзни действия почти липсват или са твърде вяли и нерешителни. Върху фона на активната организационна дейност по укрепването на сформирания на 10. XII. 1944 г. нов Съюз на художниците в България това е почти невъзможно. Избраният още на 19. IX. 1944 г. Комитет на ОФ при СХБ представя пред учредителното събрание проекторешение за наказание на профашистки изявените художници.

В личния архив на скулптора Ст. Конаклиев, тогава секретар на комитета, е запазен оригиналът на изказването, което Ил. Бешков прави пред събранието по този повод. „...Ние не сме съдии. Ние сме премахнали само малките и едри камъчета, по които е преминавал фашизмът със своите хитри и опасни стъпки и по които камъчета той би могъл да се върне отново...“. Още тогава в изказването му преобладава искреното желание да се съхранят не само добрите колегиални отношения, но и самите торци. „...Осъзнаването на вината ще доведе по-скоро до една щастлива развръзка – връщането ви в колегията...“, продължава художникът и се надява наказаните правилно да разберат наложената върху Комитета на ОФ от новото време отговорност, „по-скоро държавната бдителност и историческата роля „до окончателното изчезване на фашизма“. Между 13-те изключени завинаги от Съюза фигурират имената на Ал. Божинов, Ал. Добринов и Б. Денев, а К. Каменов и Ст. Сърмабоджов се лишават от правото да членуват в него⁴⁴. В такава обстановка защитата на творците фактически се оставя в ръцете на допуснатите от обвинението свидетели, на тяхната колегиална етика и морал, на човешката им съвест.

Това е другата страна на истината около делото. Поставените върху везните на Темида през 1945 г. залози – човешките добродетели съвест и чест, стават едни от основните критерии при изграждане на взаимоотношенията между творците – свободни или подсъдим, което в перспектива сериозно влияе върху бъдещето развитие на културния процес у нас след 1944 г. Документите по делото, съхранявани в архива на МВР, но непубликувани изцяло до момента, ни дават материал за размисъл в няколко аспекта.

Колкото и странно да звучи, първият очертал се най-ясно аспект можем да наречем условно пространствен, включващ в себе си двупосочна връзка между затвора и останало свободно общество, състоящо се за следствия от семейството, съдебните инстанции и колегите – съмишленици и приятели. Тези връзки обхващат много страни, сложни, делови или емоционални отношения на хора от различни социални слоеве, обществено-административни нива, с различни идейни убеждения и пр. В тях не болката по близките, не дори ужасите на дните и нощите в затвора разтърсва душите и съзнанието на подсъдимите. Изненадата, разочарованието, покрусата според документите и личните им спомени идва от страна на съратниците, защото превръщането на твореца личност до следствия никога не се програмира и реализира само от изпълнителната власт. В повечето случаи „свободните“ демонстрират, че човекът зад решетката е вече „зад чертата“. Страхът за собственото им оцеляване затваря пътя към килията на бившия приятел, учител, колега. Той е осеян с много имена на „приятели“, премълчавани до днес от изследователите, между които за съжаление са и тези на уважаваните и талантиливи творци като проф. Н. Райнов, Кр. Кюлявков, Р. Габровски и др. В старанието си пред властимащите през 1945 г. те не само обидно хулят своите колеги като творци, но застават в позата на доброволци обвинители, в чиито речи не личи добронамерена колегиалност, а твърде лично разчистване на сметки.

Свидетелските си показания, превърнали се в назидателно слово, проф. Николай Райнов започва с едно твърде фриволно общо обвинение към всички подсъдими по това дело, което поради публикуването му за първи път ще си позволя да цитирам по-обширно. Като подчертава наличието на „зверски тиранична цензура върху печата, насъскван отгоре от търговците, които го водят“, проф. Н. Райнов заявява: „...Приети бяха на служба бездарниците писатели, карикатуристи, журналисти, а знае се, че бездарникът има едно оръжие; то е хитростта, то е приспособеността да се нареди и прилази към тлъстото място...“⁴⁵.

След като обявява Фани Попова-Мутафова за „една бездарна писателка, която от негов разказ пише роман (!), Н. Райнов набляга на факта, че на върха на „т.нар. художническата пирамида“ са стояли Ал. Божинов и карикатуристите, които „криво се наричат художници“. Според професора „карикатурата не е изкуство, карикатурата по отношение на изкуството е това, което е уводната статия по отношение на белетристиката – една груба проза. Тя може да извърши някакво въздействие тогава, когато е искрена и правдива. Но когато тази проза се стреми да обслужва една предварително дадена теза, за която се плаща, това вече е една продажност, а не е никакво изкуство“⁴⁶.

Проф. Н. Райнов обявява авторитетно и убедено в съдебната зала, че патриархът на българската карикатура Ал. Божинов „не е художник, защото му липсва художествен усет“ (нападал е без основание брат му, а е защитавал други художници), обвинява го в повърхностно гледане и третиране на нещата, ненавист към Русия и съветски строй, грубо лакейство и съзнателно национално предателство и най-вече в пълна продажност⁴⁷. В заключение, за да бъде докрай убедителен в твърденията, си маститят свидетел по дело № 157 заявява: „...щом изкуството и печатът посредством тяхното (на подсъдимите – б.а., А. З.) участие не са на страната на народните идеали, те не са на страната на напредъка, те не са на страната на човешината, те са едно механично средство, зад което стоят маймуни. Дайте един мощен мотор на един орангутан и той ще изтребии целия свят с него. Точно тая роля изигра печатът и изкуството, водени от фашистите, на които угодничеха тези господа“⁴⁸.

В центъра на мишената обаче най-често е поставян Константин Коцев-Камен Каменов, преминал вече през режима на килийния карцер в затвора. В своята реч обвинителят Н. Бронзов му отделя специално внимание, започвайки с думите: „Вие нито сте талант, нито сте гений, нито сте карикатурист, това мога ди Ви кажа!“ Според него обаче карикатурата не е безопасно и неангажирано изкуство, както се опитват да го представят някои свидетели, а много опасно пропагандно оръжие с огромен обхват. Действието му е директно и „може да бъде разбрано и от последния селянин или работник“ по-лесно, отколкото някоя високонаучна статия на проф. Генов. Именно поради това Н. Бронзов директно обвинява К. Каменов в „осмислено желание и съдействие да спечели народа към политиката на водещата профашистка сила за момента“. И сочи, че това е неговото престъпно продажно намерение, което съдът на народа дири и ще накаже. В същото време главният обвинител признава, че степента и обхватът му на „поражение“ са зависими от таланта на художника, а К. Каменов поради дарованието си има прекалено много карикатури с подобна тенденция (!). И нарежда на съда: “Ще го свалите долу, към минимума, за да знае, че не може да се действа така безотговорно, дори и като карикатурист!“⁴⁹.

Свидетелите на обвинението Крум Кюлявков и Радослав Габровски подчертават съдбовното значение на карикатурата като вид изкуство и средство за политическа борба още от Френската революция. Те смятат, че със своите „мерзки“ карикатури К. Каменов и Р. Алексиев „не са невинни агънца, а съзнателни убийци и вредители на

българския народ“, дръзнали да вдигнат ръка срещу Русия и съветския строй, които се опитват да избягат безнаказано от потъващия кораб, вързан за Райха. Според тях Ал. Божинов при всичките му стари заслуги „съзнателно се е наредил под знамето на фашизма“, а Р. Алексиев целенасочено е работил във вреда на своя народ. (Твърдение, което Ал. Жендов директно опровергава по време на процеса.) Именно поради това те са уверени, че „съдът не трябва да има милост към такива личности“⁵⁰.

През последните години някои изследователи се опитват да оправдаят или омаловажат значението на подобни „свидетелствувания от онова време“, определяйки ги като тактика на „обърнатото огледало“, т.е. че свидетелите са прилагали защита чрез отрицание в името на оцеляването. За съжаление обаче твърде последователни и неумолими са нападите на професора и писателя срещу творците, дръзнали да кажат чрез творбите си истината, която засяга нечии интереси, за да ги причислим към добронамерените усилия за оцеляване на подсъдимите. А и времето става неподкупен техен съдник. Приносът им в развитието на българското изкуство и литература като творци остават безспорен. Но в името на истината трябва да отбележим, че изявите на проф. Н. Райнов и Кр. Кюлявков по-късно, в апогея на култа и приложението на ждановските постановления у нас от края на 40-те и началото на 50-те години, само потвърждават възприетата от тях линия на поведение в услуга на новата ОФ власт. Все по-често изповядваните чисти идейни подбуди очевидно попадат в сянката на твърде себичните им интереси⁵¹.

Можем да приемем, че в Народния съд „тактиката на обрнатото огледало“ в защита на подсъдимите художници по-скоро използват Ил. Бешков, Ст. Венев, Ал. Жендов, Д. Казасов, А. Трънка и др. Те остават верни на себе си и въпреки личните си симпатии или антипатии застават в защита най-вече на професионализма. Именно така прозвучава речта на Илия Бешков, който се появява в съдебната зала дни след издадената от същия Народен съд смъртна присъда срещу брат му. И обяснява това със задълженето си като колега и гражданин да запази „твореца и гордостта на България“⁵². Излагайки пред съда своите виждания за характера, същността и значението на карикатурата върху обществото, те се опитват да смекчат въздействието, което явно са имали творбите на обвиняемите върху широката аудитория. Ил. Бешков признава, че щом третира актуални обществени въпроси карикатурите имат политически тенденции и упражняват влияние върху масите. Но Ст. Венев уточнява, че „те са зависими не от фактическото послание, а от убеждението и желанието на художника“, и веднага добавя, че именно поради своята неубедителност карикатурите на Ал. Божинов от военния период „не биха могли да се радват на популярност“⁵³. Ил. Бешков се солидаризира с неговото мнение, но, верен на себе си, добавя: „За народа не мога да зная и да отговарям от негово име“⁵⁴.

За да бъдат убедителни в твърденията си относно ограниченото влиянието на карикатурата върху обществено-политическия живот у нас, свидетелите на защитата се позовават не само на общия спад на художествените работи. Те дават примери за ограниченията на цензурата върху тематика на третираните теми поради обективната обстановка в страната ни – съюзница на хитлеристка Германия, както и неизменно подчертават искрения патриотизъм и родолюбие в работите на подсъдимите карикатуристи. В същото време тактично премълчават изявите им във вестниците на новоосвободените земи: „Целокупна България“ – Скопие, „Тракия“ – Гюмюрджина, „Беломорски юг“ – Сер, „Беломорска България“ – Ксанти, „Български запад“ – Пирот, „Пелистерско ехо“ – Битоля, „Подем“ – Силистра, в които наравно с „Войнишки вестни“, „Народен вестник“, „Нашенец“ и др. работите на подсъдимите са най-многобройни⁵⁵.

Илюстрирането на изброените от обвинението книги и брошури и пр. защитниците третираят като насилствено подчинение на авторската мисъл от страна на личности

и институции. В тази насока навярно трябва да се търси и част от отговора на въпроса, защо между произнесените присъди на художниците Ал. Добринов и К. Каменов – творци от едно и също поколение, с близки житейски и професионални изяви, има твърде съществена разлика. Кое накланя везните на Темида в ущръб на художника на в. „Утро“?

Погледнато най-общо, в количествено отношение публикуваните карикатури на двамата имат доста голям и равностоен брой, почти еднакви са и сюжетите на работите им, а и естествено е в тематично отношение да се припокриват, отразявайки едни и същи събития. Работите им включват карикатури от всички условно очертани групи и достигат изискваното ниво на художествено майсторство, подсилено от специфичния подход и почерк на двамата творци, признат и зад граница. Критиката характеризира Ал. Добринов като художник с рядък усет, хубава линия, фин и лек колорит, голям вкус и остра наблюдателност. К. Каменов има и признанието на журналистическата гилдия преди всичко с високия си професионализъм, изразяващ се в бързата му адекватна реакция към събитието на момента, умението да внушава своя образ и разбиране за персонажа, както и настроението, с което са заредени и „бликат“ работите му⁵⁶.

И при двамата художници превес имат карикатурите, отразяващи сблъсъка между двете воюващи групировки и мястото на Обединена България в него. В разгорелите се пледоарии личността на Ал. Добринов като че ли остава извън полезерението на съдии и свидетели, заети с ключовата фигура Ал. Божинов и изкупителната жертва, очертаваща се с най-тежка присъда между художниците – Камен Каменов. Името му почти не се среща в направените от обвинението изказвания, люшкащи подсъдимите от „Осанна!“ до „Разпни го!“. А по темата „Истината за болшевишка Русия“ Ал. Добринов видимо „изпреварва“ К. Каменов с множеството си илюстрации, с които реди твърде успешно своя художнически пъзел – карикатура на социалистическия строй. Провинение, наказвано от съда сурово и безапелационно. Архивните документи разкриват, че Камен Каменов не се признава за виновен, докато попадналият в „мелницата“ на обвинението Ал. Добринов показва след „съвети“ от следствието известна склонност към „разкаianie“ и готовност за някакъв компромис с новата власт, изразена в дадената му последна дума. Може би в това е разковничето към истината за облекчаване на присъдата му. Навярно е имало и ходатайства, оставащи обаче „зад завесата“ на историята.

Не без значение е и фактът, че защитниците подчертават не само таланта и дарованието, но и човешките добродетели на колегите си, изтъкват значимостта и авторитета им сред европейския елит в областта на жанра. Специално място отделят и на приносите им към българското изобразително изкуство, кръвно свързано с руската култура. Д. Казасов започва своето изказване с признанието, че в лицето на Ал. Божинов българският народ има едно крупно дарование, а българската журналистика – един извънредно честен, упорит човек, следващ своята линия и неподдаващ се на никакво влияние. В същото време той се опитва да обясни (макар и твърде елементарно) „военния период на художника с носталгични чувства, завладели по това време немския възпитаник на Мюнхенската академия на изкуствата⁵⁷.

Подобни изказвания стават повод народният обвинител Стефан Величков публично да изрази своето съжаление за решението на съда да бъде допусната (?) „въпреки становищата на много среди“ защита на подсъдимите: „Начинът, по който се проведе защитата по този процес, ни показва, че защитниците дойдоха дотам да ни убеждават, че тези хора са невинни!“⁵⁸. За съжаление по нареждане на съда точно в решителните за обвиняемите заседания от 29 и 30 март 1945 г., преди произнасянето на присъдата, речите на подсъдимите и защитата не са стенографирани. Освен това наличните изказвания на някои от свидетелите са твърде лаконични и по всяка

вероятност са редактирани за протокола. А това недвусмислено говори за сериозен сблъсък между съдебния състав и защитата, както и за налагането на едностранни решения на съда от позиция на силата⁵⁹.

Вторият аспект на истината по делото на карикатуристите има на пръв поглед отвлечен характер, но е определящ по отношение цялостната характеристика на осъдените творци в екстремални условия. Тя изпъква след задълбочено изследване на амалгамата, изградена от архивни документи и мемоарна литература, която условно можем да наречем духовно-нравствена връзка, засягаща взаимоотношенията вътре в затвора. Без сарказъм тя е характеризирана от големия журналист и публицист Стефан Танев като „цементна психология“⁶⁰.

Пътя към Голгота всеки творец изминава сам – с достойнство, с болка и сътресения, с колебания или в панически страх. Пред очите на всички затворници рухват доскорошни кумири водачи, изоставили своите воини. Както отбелязва С. Танев, „цементът ги поглъща“. Под натиска на обстоятелствата се рушат стари приятелства и се градят нови, неизменно на базата на тази „цементна затворническа връзка“. Те определят в перспектива не само човешките, но и творческите взаимоотношения, а това не е без значение за бъдещето на жигосаните с печата на Народния съд.

В този ад на духа обвиняемите карикатуристи като цяло се държат достойно, със завидна борбеност и работоспособност увличат останалите „цементноболни“. По идея на К. Каменов от есента на 1945 г. започва да се списва стенен вестник, в който се представят най-новите „затворнически“ карикатури, стихчета, панфлети, шаржове и пр. Това създава по-ведра атмосфера сред подсъдимите и помага „чистката на душите“ зад решетките да не унищожи у тях най-висшата добродетел на човека – доблестта⁶¹.

За съжаление превратностите на живота слагат своя отпечатък и върху това уникално и безценно епистолярно наследство. Съхраненото е малко, и то предимно чрез личната кореспонденция. „Осъдените карикатури“ за десетилетия преминават в спецфондовете с гриф „строго секретно“, а „заплашените“ от тях бъдещи българо-съветски отношения са „спасени“.

През 1943 г., като разглежда мястото и значението на съветската карикатура в живота на Съветска Русия, известният френски критик Серж де Чесин отбелязва в парижкия „Илюстрация“: „Трябва да подчертаем, че карикатурите на болшевиките ще заемат място от първостепенно значение в архивите на бъдещите историци, защото те остават единствените неподправени политически документи от всекидневния живот в Съветския съюз, ръководен от един режим, в който всичко е подчинено на официалната пропаганда. Те имат привилегията да осмиват грешките в прилагането на един идеал и така доказват, че той е химера и не съществува... Интересно и удивително е, че в страната на Гогол, печалбата от това толериране става понастоящем най-вярното, а същевременно най-ужасното „огледало на комунистическия живот“. Ето едно от най-страшните противоречия – когато карикатурата, критикуваща реалните явления в комунистическото общество, вместо да очерни бюрократизма ни, показва с потоп от мастило неговата страхотна същност. И така се превръща в документ на историята“.

За осъдените през 1945 г. български художници, дръзнали да посегнат върху имиджа на болшевишка Русия, тези карикатури се превръщат в житейска и творческа съдба, а в наши дни имат силата на оправдателна присъда. Не съдебните заседатели от VI върховен състав на Народния съд, а времето като неумолим съдник доказва правотата на осъдените карикатури. Призна най-вече таланта, прозорливостта и смелостта на техните създатели да виждат истината и да отстояват докрай творческата си позиция и верую, съзнавайки историческата отговорност, която са поели пред поколенията.

¹ Архив на МВР, наказателно дело № 157, VI състав, л. 44–472.

² Изв. ИИ на БКП. Т. 27. С., 1975, 22–24.

³ *Златева, А.* Творческите организации и отечественофронтовската власт 1944 г. – В: Страници от българската история. Събития, размисли, личности Т. 2. С., 1993, 167–180; *Мигев, В.* Българските писатели и политическият живот в България 1944–1970 г. С., 2001, 9–11; *Попов, С.* Българските писатели и Девети септември 1944 г. – В: Особенности и закономерности на социалистическата революция в България. С., 1985; *Остоич, Д.* 15 години българско изобразително изкуство. С., 1959, с. 10.

⁴ Държавен вестник, бр. 219, 6. X. 1944г., изм. и доп. ДВ, бр. 261, 24. XI. 1944 г., изм. ДВ, бр. 9, 12. I. 1945г. Указ № 22 въз основа на 6-то постановление на Министерския съвет от 30. IX. 1944 г., протокол № 191. По обективни причини едва през последното десетилетие изследователите имат възможност да се запознаят подробно с материалите по отделните дела на Народния съд, както и с публикувани мемоари на подсъдимите или съвременници на събитията. През 1997 г. в Йерусалим излиза монографията на Петър Семерджев „Народният съд в България 1944–1945 г.“ в обем 427 стр. В нея той се опитва да отговори на въпроса кому и защо е бил необходим т.нар. Народен съд и кои и защо искат истината за него да остане в тъмнината на историята. Във връзка с настъпилите промени в обществено-политическия живот на страната ни след 10. XI. 1989 г. и някои приети правителствени решения Българският антифашистки съюз издава през същата година сборник с доклади на участници в Международната научна конференция, състояла се в София, „Народният съд 1944–1945 г.“ (С., 1997), посветена на противозаконната отмяна на присъдите на Народния съд.

⁵ АМВР, нак. дело № 157, VI състав, л. 1–10; Престъпниците с перо и слово. – Работническо дело, бр. 162, 28. III. 1945 г.

⁶ АМВР, нак. дело № 157, VI състав, Стенографски протокол, л. 1–404.; П. Семерджиев отделя на работата на VI състав 24 стр., от които конкретно за подсъдимите художници – 2 (277–278), посветени само на Ал. Божинов и Ал. Добринов. Мигев Вл. (цит. съч. с.12) неправилно твърди, че Н. Ланков е председател на VI състав, всъщност той е народен обвинител.

⁷ При оповестяване списъка на подсъдимите по нак. дело № 157–VI състав на НС в. „Отечествен фронт“ не изписва имената на Н. Андреев и Р. Алексиев, (вж. ОФ, бр. 148, 28.II.1945), но във в. „Празнични новини“ (бр. 3, 19.II.1945) последният фигурира под № 101.

⁸ *Стойков, Ат.* Българската карикатура. Кратък очерк. С., 1970, с. 12, 54, 118, 127. Авторът мимоходом споменава на с. 54 Р. Алексиев и К. Каменов, но Н. Андреев не е отбелязан. За Ал. Добринов твърди, че не е съумял да защити политическата си независимост (с. 127); В „Енциклопедия на изобразителните изкуства в България (С., 1980, с. 52) вече има данни за К. Каменов, но Н. Андреев отново не е отбелязан; К. Николов в изследването си, посветено на Ал. Добринов (Периодика и литература. С., 1987, 40–41), прави един от първите по-сериозни опити за възстановяване името на даровития художник, изключен на два пъти от СХБ. По същия повод М. Овчарова пише статията си „Отново в изложбените зали“ (Изкуство, 1990, кн. 1), в която запознава читателите с творчеството на „забранения забранен“.

⁹ *Ал. Добринов и Г. Христов.* (Българският хумористично-сатиричен периодичен печат (1863–1996). – В: Енциклопедия „Българско медиазнание“. Т. 2. С., 1996, 190–222) и *В. Чернокожев* (Карикатурата в медийното пространство. – В: Енциклопедия „Българско медиазнание“. С., 1996, 223–235) вече по-пространно отбелязват „пътят през Голгота“ на осъдените карикатуристи, но пропускат К. Каменов и Н. Андреев. В предговора си към монографията „Ал. Добринов 1900–1958. 100 г. от рождението му“ (С., 1999) *Аделина Филева* засяга по-обстойно и документирано премълчаваното време на художника в Софийския затвор (1944–1945); Проф. *Ружа Маринска* в юбилейното издание „Ал. Божинов. 120 г. от раждението на художника“ (С., 1999) подчертава като най-ценни две отречени и осъдени през 1945 г. качества на художника – неподкупност и родолюбие (с. 7), но признати публично от Ил. Бешков както по време на процеса, така и през 1957 г. (Академик Ал.Божинов. С., 1957.) и от Серафим Северняк в „Ал. Божинов“ (на руски език) (С., 1967).

¹⁰ Борис Денев. 1883–1969. Автобиография, фотографии, пейзажи от войната (предговор Ирина Михалчева). С., 1993, 28–29. Изключен е от СХБ в края на 1944 г., възстановен е през 1967 г. и е удостоен със званието „Заслужил художник“. Умира на 31.XII. 1969 г., като завещава апартамента си в София и значителен брой творби на СХБ.

¹¹ Пак там, с. 1, 29.; вж. и: *Танев, Ст.* Отворени писма. Спомени и изповеди на гл. редактор на в. „Утро“, писани в Централния затвор. С., 1994, 252–253.

¹² *Овчарова, М.* Бешков – художник и гражданин. С., 1982, 241–243.

¹³ АМВР, нак. дело № 157, VI състав, л. 279 (защитник на Ст. Венев); Отечествен фронт, бр. 148, 28. II. 1945.

¹⁴ АМВР, нак. дело № 157, VI състав, л. 8–9.

¹⁵ Пак там, л. 328, 338–340 (народен обвинител Н. Бронзов).

¹⁶ Беломорска България – Ксанти, бр. 567, 22. IV. 1942.

¹⁷ Илюстрирана политика, бр. 239, 21. V. 1943.

¹⁸ Като най-ярък пример на „гнусно хулителство“ спрямо СССР съдът сочи илюстрациите на Ал. Добринов към книгата на П. Боев „Човекът в комунистическия рай“ (С., 1942); вж. и течението на посочените вестници.

¹⁹ *Златева, А.* Залогът Катин и българската следа в него. – Историческо бъдеще, CV, 2004, кн.1–2, 206–230; *Същата.* Увертюрата. Българските духовници в процеса „Катин – Виница“ пред III състав на Народния съд 1945 г. – В: Българската опозиция и организираната съпротива в България 1944–1945 г. Сливен, 2000, 81–94.; Александър Добринов 1898–1958. С., 1999; *Златева, А.* Цит. съч., бел. 18.; вж. течението на посочените вестници.

²⁰ АМВР, нак. дело № 10/1945 г., II състав, 21. III. 1945 г., с. 72; *Златева, А.* „Нелегалната“ легална радиостанция „Обединена България“. – В: Втората световна война и Балканите. Сборник доклади и научни съобщения, изнесени на международна научна конференция в София, 20–21 юни, 2001 г. С., 2002, 356–371.

²¹ Вж. по-дробно: *Добринов, Ал.* Цит. съч.

²² АМВР, нак. дело №157, VI състав, л. 31–34 (показания на К. Каменов).

²³ Пак там, л. 68–72 (показания на Н. Андреев); в. Народен вестник, бр. 21, 13. III. 1942 г.

²⁴ *Белокоцки, П.* Истината по време на война. Пропагандата в България през 1941–1944 г. С., 2000, с. 235; *Златева, А.* За Обединена България, или приносът на творческите ни съюзи през 1941 г. за утвърждаване имиджа на Българската армия освободителка. – В: Втората световна война. България и следвоенния свят. С., В. А. „Г. С. Раковски“, 2005, 242–265; *Същата.* „Нелегалната“ легална радиостанция „Обединена България“ (1942–1943). – В: Втората световна война и Балканите. С., В. А. „Г. С. Раковски“, 2002, 356–371; *Същата.* Дирекцията на националната пропаганда, Камарата на народната култура 1943 г. и художественотворческите съюзи в „новите земи“ 1941–1944 г. (закопи и документи). – В: Конгреси и програмни документи след 1878 г. за историята и културата на българските земи под чужда власт. Кюстендил, Министерство на просветата, РИМ, ИИ-БАН, 2008, 233–254.; *Чинков, П.* България 1941. С., 1942; Войнишки вестник, бр. 59, 20. V. 1941 г.

²⁵ Изложбата минава под надслов „Болшевизмът – адът на земята“, (Народен вестник, бр. 48, 2.X.1942); *Златева, А.* Под сянката на „Вилхелмштрассе“. – В: Год на СУ, Фак. по журналистика и масови комуникации. С., 2006, 123–148; *Същата.* Писателският съюз „Иван Вазов“ – 1941 г., и конюктурните метаморфози на историческите факти (Фани Попова Мутафова – святата грешница). – В: Научни трудове на Пловдивския университет. Т. 1. Кн.1. Пловдив, катедра история, 2006, 479–499; *Същата.* Увертюрата. Българските духовници в процеса „Катин–Виница“ пред III състав на НС 1945 г. – В: Лушин – никога не ще забравим. Т. 5. С., Изд. Институт по история на българската емиграция в Северна Америка „Илия Гаджев“, 2005, 355–363 ; АМВР, нак. дело № 157, VI състав, л. 339 (народен обвинител Н. Бронзов).

²⁶ Пак там, л. 340.

²⁷ Пак там, л. 141 (показания на Вл. Дончев).

²⁸ *Попов, С.* Българските писатели..., с. 282.

²⁹ Отечествен фронт, бр. 153, 7. III. 1945.

³⁰ Пак там, бр. 154, 8. III. 1945 г.

³¹ *Христов, Г.* Българският..., 216–217.

³² *Златева, А.* Свещеният огън на българските царе 1929–1941 г. – искрен патриотизъм или подражание във времето между разочарованието и надеждата. – В: Сб. В памет на проф. Милчо Лалков; Надежда и разочарование в историята. Благоевград, ЮЗУ, 2005, 135–157. Карикатурите на подсъдимите художници в българската периодика от новите земи 1941–1944 г. са сериозна част от пропагандната работа на властта. Най-често в „обединените“ земи се препечатват копия на публикувани в София оригинални творби. Те се изпращат на редакциите от Дирекцията на националната пропаганда. Има случаи обаче, когато са тиражирани преди централната преса. От юни до ноември 1943 г. поради сериозни изменения във военната обстановка се заблязва не само видим спад или пълно изключване на карикатурите като илюстративен материал, но и омекотяване на гротеската в изображението на персонажите. Излезлите от печат работи третираат повече темата „Обединена България и Балканите“.

³³ АМВР, нак. дело № 157, VI състав, л. 380.

³⁴ Пак там, л. 391.

³⁵ Пак там, л. 337.

³⁶ Пак там, л. 72.

³⁷ *Христов, Г.* Българският..., с. 218.

³⁸ АМВР, нак. дело № 157, VI състав, л. 328.

³⁹ Пак там, л. 327–400; Работническо дело, бр. 169, 5. IV. 1945.

⁴⁰ АМВР, нак. дело №157, VI състав, л. 1–15. Вж.: *Христов, Г.* Българският..., с. 216.

⁴¹ ЦДА на РБ, ф. 2, оп. 1, а. е. 73, л. 122; *Златева, А.* Славянският събор в София през 1945 г. и художественотворческите съюзи. – В: *Славянски летописи*. Т. 4. Втората световна война и славянският свят. С., 1998, 317–332.; *Същата*. Художественотворческата интелигенция между Народния съд и Славянският събор 1945 г. – В: *Славянският свят* вчера, днес и утре. Език, фолклор, литература, история. С., 2006, 301–328.; вж. и: *Калинова, Е.* Културна политика в преходното време (9 септември 1944–1947). – В: *Историкии*. Научни изследвания в чест на доц. д-р Ст. Танев в чест на неговата 70 г. Шумен, ШУ „Конст. Преславски“, 2008, 470–472.

⁴² *Танев, Ст.* Отворени писма..., с. 363.

⁴³ ЦДА на РБ, ф. 133, оп. 1, а. е. 1 (доп.) л. 1–2; а. е. 3, л. 47. Комитетът на ОФ (Политическият съвет) в състав Ст. Сотиров, Ил. Бешков, В. Стоилов, К. Цонев оформя предложението за съюзно наказание по следния начин: винаги изключени – Ив. Вълчанов, К. Щъркелов, Ал. Божинов, Ал. Добринов, Б. Донеv, Ст. Баджов, Н. Тенев, К. Гърнев, Б. Денев, Мих. Парасчук, Г. Атанасов, Ст. Василев, проф. Н. Кожухаров; за известно време – проф. В. Захариев, проф. Н. Ганушев, А. Калъчев, проф. Д. Гюдженков; за една година – 3; а без право да участват в съюза – К. Тодоров, Г. Евтимов, Ст. Сърмабоджов, К. Каменов, Л. Йорданов. (*Овчарова, М.* Цит. съч., 243–244, с. 303).

⁴⁴ АМВР, нак. дело № 157, VI състав., л. 216–221 (проф. Н. Райнов).

⁴⁵ Пак там, л. 216.

⁴⁶ Пак там, л. 217.

⁴⁷ Пак там.

⁴⁸ Пак там, л. 338–339 (народен обвинител Н. Бронзов).

⁴⁹ Пак там, л. 265–266 (Кр. Кюлявков); л. 270 (П. Габровски), л. 290 (защитник Ал. Жендов).

⁵⁰ ЦДА на РБ, ф. 133, оп. 1, а. е. 3 (доп.), л. 7. Става дума за поведенето на проф. Н. Райнов като председател на временната управа на СХБ от 19. IX. 1944 г. до 11. X. 1944 г., когато подава оставка, на учредителния конгрес и след него. Интересни са проявите на двамата свидетели през 50-те години в средите на СХБ, където Н. Райнов „внедрява“ ждановските постановления, а в Художествената академия по нареждане на Кр. Кюлявков са унищожени работите на випусника на Рисувалното училище Ал. Добринов като формалистични и безидейни (вж. бел. 8, Ал. Добринов. Цит. съч.).

⁵¹ *Овчарова, М.* Бешков художник и гражданин. С., 1982, 241–243.

⁵² АМВР, дело №157, VI състав, л. 286 (защитник Ил. Бешков), л. 279 (защитник Ст. Венев).

⁵³ Пак там, л. 286 (изказване на Ил. Бешков). За първи път речта на художника Ил. Бешков пред Народния съд (1945) се представя пред широката читателска аудитория от Б. Делчев, която той пази в личния си архив. Публикува я под заглавие „Тя, които се надсвиват над другите...“ (Отечествен фронт, 1. II. 1975).

⁵⁴ Осъдените карикатури са издирвани в над 60 ежедневника в страната и в пълното течение на вестниците от новоосвободените земи (1941–1944).

⁵⁵ *Каменова, А.* Ал. Добринов. – Беседа, бр.15, 15. IV. 1936; *Танев, Ст.* Цит. съч., с. 307.

⁵⁶ АМВР, дело № 157, VI състав, л. 230–231 (защитник Д. Казасов).

⁵⁷ Пак там, л. 372 (заклучителна реч на народния обвинител Ст. Величков).

⁵⁸ Пак там, л. 372.

⁵⁹ *Танев, Ст.* Отворени писма..., 343–348.

⁶⁰ Пак там, с. 183, 227, 305–308, 369.

⁶¹ *С-ски, Й.* Съветската свобода за карикатурата. – Дневник, бр. 13017, 28. V. 1943.

Г. П. Докашенко

**ОРГАНІЗАЦІЙНО-СТРУКТУРНІ ЗМІНИ
В ШКІЛЬНОМУ ПРОСТОРІ БОЛГАРІЇ
(кінець 40-х – перша половина 70-х років ХХ ст.)**

Освітній простір минулого століття, як і все суспільство в цілому, пройшов через парадокси політичного розвитку, економічні випробування, соціальні потрясіння і залишив у свідомості людей розуміння необхідності ґрунтовних знань, різнобічних умінь та навичок, які будуть запорукою успішного майбутнього. Основи таких знань закладаються у школі, а тому ставлення держави до шкільної освіти можна вважати лакмусовим папірцем наявності стратегічного мислення, своєрідним іспитом на соціальну зрілість. Не обходила своєю увагою цю ланку суспільного життя і влада соціалістичної Болгарії, яка, з одного боку, не могла не враховувати глибокі національні традиції освітнього розвитку, а з іншого – повинна була будувати «нову школу» за принципами, що диктувалися належністю до соціалістичної співдружності. Метою роботи став аналіз цього співвідношення в організаційній структурі. Хронологічні межі охоплюють період від 1948 р. – року прийняття Закону про освіту – до кінця 60-х – початку 70-х років, коли кризові явища в суспільстві набули вже системного характеру. Предметом розгляду обрано організаційно-управлінські питання, які достатньо чітко окреслюють основні підходи тоталітарної держави до освіти і які ще не знайшли висвітлення в українській історіографії. Стосовно болгарської історіографії, потрібно відзначити сучасні роботи В. Чичовської, П. Цоневої, Р. Маринової-Христиді¹, які розкривають окремі аспекти або окремі періоди в діяльності освітніх закладів країни.

Закон про освіту 1948 р. серед основних принципів управління визначив принцип уніфікації єдиного шкільного керівництва, і це потребувало змін у структурі та функціях органів управління. На центральному рівні припиняла діяльність Вища навчальна рада, яка виступала основним генератором ідей і програм, і з вересня 1948 р. починав працювати новоутворений Верховний комітет освіти. Призначенням нової структури стало обговорення питань розвитку всіх ланок шкільної системи з метою забезпечення єдності її функціонування (ст. 24)². Аналогічні функції свого часу виконував спеціальний орган, створений на підставі Закону-розпорядження в 1934 р., але, на відміну від нього, новостворений орган об'єднав не тільки чиновників освіти, але й широкий громадський загал, оскільки до нього входили представники громадських, наукових і професійних організацій – Національної ради Вітчизняного Фронту, Спілки робітників освіти, Болгарської академії наук, Спілки народної молоді, Болгарської жіночої народної спілки, Верховного комітету фізкультури та спорту, Загальної робітничої професійної спілки, Спілки бійців-антифашистів тощо, а також за необхідності тимчасово до роботи залучалися представники інших організацій. Основні аспекти діяльності комітету полягали у визначенні співвідношення між загальною та професійною освітою, між загальнореспубліканськими та регіональними потребами освіти, рівномірному забезпеченні кадрами викладачів, створенні програм, підручників, посібників, тобто методичній підготовці навчального процесу. Одним із найважливіших вже тоді було

питання безпосередньої взаємодії загальної та професійної освіти як передумови майбутньої політехнізації болгарської школи.

Своєрідною відповіддю на цю проблему стала й структурна реорганізація профільного міністерства, де створювалось управління професійної освіти, а з метою посилення єдності підходів до шкільного керівництва – планово-фінансове управління, до функцій якого входило з'ясування потреб освіти суспільства та її планування³. На певний час така структура зберігалася й відповідадала завданням того періоду, серед яких виділимо введення з початку 50-х років єдиної школи, яка об'єднала у цілісний та завершений процес основну й гімназійну освіту; спільне навчання хлопців і дівчат, яке отримало позитивну оцінку в аспекті виховної роботи (навчальний рік 1954 р. міністерство запропонувало почати спільним навчанням із першого до десятого класу); практично повну ліквідацію неписьменності; посилення, особливо за міністра Деміра Янева, радянського впливу – чотири чверті навчального року, нагорода медалями випускників за успіхи в навчанні й активну громадську діяльність, введення загальноосвітніх предметів у старших класах тощо⁴. Ці нововведення привели до організованої владою дискусії у 1956 р. щодо перспектив розвитку школи, під час якої фактично постало завдання об'єднати дві тенденції: наслідування болгарських освітніх традицій та використання радянської освітньої моделі. Подібна інтеграція вимагала й нових структурних змін.

Зміни почалися в лютому 1957 р. злиттям Міністерства народної освіти та Комітету з науки, мистецтва і культури в єдине Міністерство освіти і культури на чолі з Деміром Яневим. Нова структура включала колегію, службу міністра, інспекторат, навчально-методичну раду, дев'ять відділів та три управління: загальної та професійної освіти, вищої освіти, мистецтва та культурно-просвітних закладів. Цим управлінням належало організувати експеримент із введення елементів виробничого навчання в 15 школах країни.

На місцевому рівні керівництво шкільними справами здійснювали відділи «Народна освіта», які діяли при місцевих органах влади – Народних радах. Структурно вони мали подвійне підпорядкування – відповідним місцевим радам і Міністерству освіти, а в плані змісту орієнтувалися на виконання наступних основних функцій: а) здійснення обов'язкової основної освіти та забезпечення прийому до старших класів згідно з державним планом, а ключовою проблемою в цьому аспекті було максимальне охоплення дітей шкільного віку навчанням; б) посилення ролі інспекторів у методичній допомозі вчителям та в адмініструванні шкільному керівництву; в) підвищення відповідальності за виконання планів капітального будівництва та зміцнення матеріальної бази школи⁵. Поступово відділи ставали авторитетними місцевими органами, однак обов'язки їх працівників чітко не визначалися, штат був невеликий при доволі значному, та інколи навіть і не потрібному обсязі роботи. Так, в інформації заступника міністра Г. Атанасова (26 березня 1951 р.) зазначалося, що багато часу забирає підготовка документів до міністерства на призначення інспекторів міських та районних рад, директорів шкіл та їх заступників. Ми вважаємо, що і міністерство, і місцеві органи тільки виграли б від передачі цих повноважень безпосередньо місцевим органам освіти. У той же час в інформації цілком слушно зауважено про відсутність дійової допомоги місцевим відділам з боку міністерства, зведення стосунків між центральним і місцевим керівництвом до телефонних розмов та вказівок, недостатню обізнаність чиновників міністерства щодо реального стану справ⁶.

Накопичений досвід діяльності місцевих органів освіти було підсумовано в Інструкції № 20 щодо роботи відділів «Народна просвіта» при місцевих народних Радах, яка підписана міністром 17 квітня 1956 р. У ній підтверджено подвійну підпорядкованість

відділів, сферою впливу визначені всі загальноосвітні школи, дошкільні та позашкільні заклади, а метою діяльності – здійснення керівництва в організаційному, навчально-педагогічному й адміністративно-господарському напрямках. У другому розділі інструкції окреслені завдання відділів народної освіти, які полягають (зберігаємо послідовність викладу завдань згідно з документом. – Г. Д.) у виконанні державного плану народної освіти, обов'язковому навчанні й розширенні середньої освіти, підвищенні якості навчально-виховної роботи, організації позакласної та позашкільної роботи з учнями, поліпшенні матеріальної бази. Більшість із цих завдань завершувалася вказівкою про необхідність надання відомостей, інформації тощо до міністерства, де й буде прийнято остаточне рішення з піднятого питання (пп. 10, 14, 21), а можливості самостійного рішення місцевих питань значно обмежувались. У четвертому розділі «Методи й форми роботи відділів народної освіти» визначено, що вони організують свою діяльність за перспективними й оперативними тримісячними планами, при підготовці яких керівними документами стали відповідні рішення партії та уряду (п. 38), що є ще одним свідченням керівної ролі БПК у сфері освіти. Особливу увагу автора привернув наступний розділ інструкції про роботу рад народної освіти, які створювалися як дорадчі органи і склалися з 15–20 осіб – «кращих діячів освітньої сфери – начальників, інспекторів, директорів, вчителів, вихователів, працівників інститутів удосконалення вчителів та науково-дослідних інститутів, лікарів, агрономів, громадських і культурних діячів, батьків» (п. 54) під керівництвом начальника відділу. Вбачаємо в цьому, з одного боку, прагнення зберегти багатовікову народну традицію громадського опікування школою, з іншого – бажання вписати цю традицію в умови тоталітарної держави, а звідси й тільки дорадчі функції і керівництво начальника відділу. Інструкція також чітко визначала кількість документації й характер діловодства, який, на наш погляд, був достатньо обтяжливий і свідчить на користь продовження процесу уніфікації шкільної справи⁷.

Того ж 1956 р. приймається й нове Положення про шкільних інспекторів, роль яких у шкільному будівництві традиційно була значною⁸. У цьому Положенні, на відміну від попереднього, зовсім відверто визначалось головне завдання інспекторів, яке полягало у перевірці відділів народної освіти та шкіл щодо виконання законів, постанов та рішень керівної партії і уряду, постанов Міністерства народної освіти, а також постанов виконавчих комітетів Народних рад з питань освіти. Суворі централізація, характерна для тоталітарної держави, проявила себе і в характері призначення шкільних інспекторів на посаду, яке здійснювалось виключно через наказ Міністра народної освіти.

Інспекторська служба охоплювала практично всі ланки освітньої роботи. Так, в окружному відділі народної освіти працювало чотири інспектори – з організації роботи загальноосвітньої школи, з організації позакласної та позашкільної роботи, з організації фізичного виховання, з організації дошкільного виховання. У міністерстві цей список доповнювався інспектором з організації роботи дитячих будинків, інспектором щодо спеціальних шкіл та інспектором з педагогічної освіти. Вимоги до кандидата включали освітні показники: наявність спеціальної педагогічної освіти, високі професійні показники (інспекторами в основному призначали кращих учителів, директорів шкіл та їх заступників) і наявність трудового стажу зі спеціальності – чотири або п'ять років. На наш погляд, це не надто тривалий стаж, і набути за цей період сталих професійних навичок й необхідного досвіду досить важко. Не зовсім зрозуміло також, чому для призначення на посаду інспектора районного або міського відділу народної освіти необхідно мати п'ятирічний стаж, а на посаду інспектора окружного відділу достатньо і чотирьох років.

Керівництво шкільною справою в цей період не обмежувалося структурними змінами; відбувалася еволюція у змісті та принципах керівництва, відроджувалися тради-

ційні форми управління. Так, у вересні 1948 р. в Софії пройшла перша після вересневих подій 1944 р. конференція педагогічних працівників, які представляли і загальну, і професійну освіту країни. З доповіддю виступив міністр освіти, повідомлення з окремих питань зробили керівники відділів. Подібні заходи ставали обов'язковими перед початком навчального року і мали за мету націлити педагогів на виконання рішень, поставлених керівними органами країни⁹.

Міністерство освіти стало учасником подібних форумів на міжнародному рівні. Починаючи з літа 1948 р. його представники брали участь у різних конференціях, які проводило Міжнародне бюро освіти ЮНЕСКО. Незважаючи на труднощі реалізації їх рішень у країні, знайомство з міжнародним досвідом освітян надавало можливість хоча б педагогічній науці орієнтуватися у світовому освітньому просторі.

При всіх структурних змінах головним осередком залишалась школа, яка функціонувала на підставі Положення про загальноосвітню школу 1956 р., що давало всебічне визначення ланок шкільного організму – його загальної структури, керівництва школи (директора, заступників, педагогічної ради), прав і обов'язків вчителів, організаційної основи (облік учнів, перелік обов'язкових та факультативних предметів, форми проведення екзаменів, покарання і заохочення тощо)¹⁰. Мета школи точно відповідала пріоритетам соціалістичного держави: «Надавати учням системні та стійкі знання з основ наук, розвивати суспільно корисні навички та вміння, озброювати марксистсько-ленінським світоглядом і виховувати в комуністичному дусі як майбутніх свідомих будівників і захисників своєї соціалістичної Батьківщини, борців за справу миру і дружби між народами»¹¹. У першій половині 60-х років виникли зауваження до існуючого Положення, які підсумував начальник управління основної освіти МНП Ілія Тачев у своїй доповідній записці (1964). Вони стосувалися як організаційних проблем (розширення прав педагогічної ради, посилення демократичного характеру керівництва, визначення взаємодії шкільного керівництва з учнівським самоврядуванням), так і навчального процесу (дозвіл на повторний екзамен у 5–11 класах, уведення умовного переведення в наступний клас, зміна оцінок з поведінки, заміна оцінок з болгарської мови в усній та писемній формі на одну тощо)¹². Живий шкільний організм постійно вимагав змін, які б відповідали новим суспільним реаліям, і, на наш погляд, внесення таких змін є звичайною робочою процедурою.

Закон 1959 р. про посилення зв'язку школи з життям і подальший розвиток освіти вніс суттєві зміни в характер шкільної освіти, які неминуче вели до змін у пріоритетах її управління. Серед них – перебудова основної школи, введення виробничого навчання за наявності загальноосвітньої та професійної основи, розширення мережі професійних навчальних закладів та організація практичної роботи в них.

Перший з означених пріоритетів був пов'язаний із забезпеченням обов'язкової восьмирічної освіти, яка прийшла на зміну введеним ще у 1921 р. семирічній освіті. Однією з умов переходу на новий рівень було щорічне кількісне зростання учнів, які завершили 7-й клас: з 288,3 тис. у 1939–1940 навчальному році до 382,4 тис. у 1958–1959 навчальному році, однак показник учнів, які продовжували навчання у 8-му класі за вказані роки, залишався невисоким – від 28,7% до 43,7%¹³. При всьому бажанні відкрити 8-й клас у більшості шкіл Міністерство освіти цілком об'єктивно, аби запобігти зниженню якості навчання, вимагало від місцевих органів відповідності таким умовам: забезпечення приміщеннями для навчальних занять, особливо кабінетами і лабораторіями; забезпечення навчально-дослідними та виробничими ділянками з необхідним реманентом; забезпечення приладами для роботи з деревиною і металом; організації курсів та інших форм підвищення кваліфікації вчителів; забезпечення гуртожитком

і транспортом дітей з віддалених районів. Міністерство, за даними листування з керівництвом компартії (60-ті роки), позитивно оцінило досвід деяких сільських кооперативів, які стали вносити до річного фінансового плану спеціальні пункти щодо допомоги школі й школярам¹⁴.

Другим пріоритетом шкільної політики та управління було введення в середній школі виробничого навчання, центром якого стало практичне навчання. Його організацію було покладено на інженерно-технічні кадри та кваліфікованих робітників, які в основній своїй масі не мали спеціальної педагогічної освіти. З метою уникнути протиріч в організації цієї нової справи в школах створювали політехнічні або навчально-виробничі комісії, що працювали за планом, затвердженим директором школи та керівником відповідного підприємства. Представники школи в цій системі відповідали за педагогічну складову виробничого навчання, а представники підприємств – за організацію практичного навчання, у тому числі за надання робочих місць школярам¹⁵.

Вказані зміни викликали й появу нових функцій у регіональних і центральних органах. Так, окружні народні Ради об'єднували зусилля окружних рад профспілок, робітничих колективів свого регіону для організації виробничого навчання. Міністерство народної освіти за поданням окружних народних Рад відтепер приймало рішення про відкриття або закриття середніх політехнічних шкіл, здійснювало методичне та організаційно-педагогічне керівництво виробничим навчанням, керувало підготовкою та підвищенням наукової, педагогічної й методичної кваліфікації вчителів – фахівців з навчальної і виробничої практики в спеціальних інститутах та на курсах¹⁶.

Третім пріоритетом став прискорений розвиток мережі професійних училищ та організація практичної роботи в них з огляду на потреби різних галузей господарства. Кількісне зростання таких училищ супроводжувалося введенням інноваційних систем у процес виробничого навчання, серед яких була й операційно-комплексна система, що відображала найвищий на той час рівень розвитку науково-технічного прогресу. Контроль за реалізацією вказаного закону у сфері професійної освіти здійснювало Міністерство освіти та відповідні міністерства й відомства, до яких належали училища відповідно до професійного спрямування. Саме вони реалізовували пропозиції окружних народних Рад щодо регулювання кількості училищ. На місцевому рівні професійною освітою опікувалися відповідні відділи «Освіта й культура» в окружних Радах і відділи «Народна освіта» в районних та селищних Радах. До їх функцій тепер входило піклування про створення кабінетів, лабораторій, дослідних ділянок тощо та забезпечення робочими місцями на підприємствах, а також організація систематичного підвищення кваліфікації викладачів технікумів та училищ. Тут також почав діяти принцип партійного керівництва, коли тактику розвитку професійного навчання і можливість здійснення контролю партійними організаціями визначали спільні рішення відповідних партійних та державних структур¹⁷.

Згідно з вказаними пріоритетами відбулися зміни і в нормативній базі: затверджене Радою Міністрів 11 лютого 1964 р. «Положення про обов'язкову основну освіту» диференціювало функції та рівень відповідальності центрального і регіонального керівництва щодо шкільного управління, а також громадських організацій та батьківських комітетів. Так, до обов'язків виконавчих комітетів окружних та обцинних народних Рад входило забезпечення необхідних умов для отримання основної освіти всіма дітьми від 7 до 16 років (ст. 1) шляхом використання різних форм шкільної організації (денні та вечірні школи, інтернати та напівінтернати тощо), надання матеріальної допомоги малозабезпеченим родинам, безкоштовного підвозу дітей до школи та ін. (ст. 2). Щорічне вдосконалення матеріальної бази школи, виявлення, перепис дітей, які підлягають на-

вчанню, влаштування в разі потреби дітей до гуртожитків, забезпечення безкоштовно підручниками, одягом та взуттям – усе це стало відтепер турботою виконкому об'єднаної народної Ради. На допомогу цьому державному органу створювали постійну комісію, яка об'єднувала зусилля вчителів, профспілки, організацій Вітчизняного фронту та інших громадських організацій. Останні на власний кошт могли відкривати позашкільні дитячі заклади, які працювали під керівництвом відділів «Народна освіта» місцевих державних органів (ст. 9). Санкції до батьків, які не приділяють уваги навчанню дітей, та державних службовців, які порушують вказане Положення, могли застосувати лише державні установи в особі Міністерства освіти та відповідних структур місцевих органів влади (ст. 18–19)¹⁸. Положення сприяло розмежуванню функцій центральних і місцевих органів, а також закладали основи і створювало можливості для розвитку державно-громадського принципу управління освітою.

Відбулися зміни і на рівні шкільної адміністрації. Так, згідно з розпорядженням Ради Міністрів № 191 від 1 вересня 1963 р. вводився обов'язковий мінімум годин (2–4 години на тиждень) педагогічного навантаження для директорів усіх типів шкіл, що позитивно впливало на контрольні-керівні функції шкільного керівництва. Збільшилися фінансові надходження із державного бюджету на освіту з 7,54% у 1962–1963 навчальному році до 8,58% у 1963–1964 навчальному році, а також з 34,57% до 38,3% за той же період у бюджетах окружних народних Рад. Частина з них призначалася для ремонту і будівництва нових споруд, інша – на підготовку вчителів виробничого навчання¹⁹.

Поступове затвердження тенденції зміцнення зв'язку школи з життям проявилось в 60-ті роки також змінами у структурі і деяких функціях центральних і регіональних державних органів управління освітою. По-перше, Указом № 396 від 25 травня 1963 р. відновлено незалежність Міністерства освіти від Міністерства культури. По-друге, у самому Міністерстві освіти відбулися зміни, внаслідок яких його структура тепер чіткіше відобразила ситуацію в освіті: колегія міністерства, навчальна рада і чотири управління – планово-фінансове, управління вищої, середньої і професійної освіти. Невдовзі почала працювати Рада керівництва й координації наукових досліджень у галузі освіти²⁰. Структурна зміна відповідала новій ролі професійної освіти.

На регіональному рівні з тих же причин у кожному окружному відділі шкільні інспектори поділялися на дві категорії: перша (2–4 особи) відповідала за організацію шкільного процесу взагалі, позашкільні дитячі заклади й гуртожитки. Її функції зводилися до організаційно-педагогічного керівництва та контролю за виконанням державного плану і бюджету відповідного регіону. Друга категорія, інспектори-методисти, через інститути вдосконалення вчителів, окружні та районні педагогічні кабінети здійснювала методичну допомогу й контроль за виконанням навчального плану, навчальних програм з окремих дисциплін та методичних вказівок МНП. Штатна кількість їх складала 3–4 особи, а інші ділянки очолювали найбільш досвідчені вчителі за умови скорочення навчального навантаження. Створювалася й нова структура адміністративно-господарського керівництва професійною школою – ними стали відділи або сектори у відповідних господарських міністерствах та відомствах, які працювали узгоджено з МНП та ОНС. Методичне керівництво професійною школою, як зазначено вище, здійснювали безпосередньо освітяни. Цілісне навчально-методичне і організаційно-педагогічне керівництво всіма видами й ступенями навчальних та навчально-виховних закладів країни залишалося в руках Міністерства народної освіти, яке проводило його за повного сприяння БКП, Вітчизняного фронту, ДКСМ і всієї громадськості, а найбільш тісно МНП, звичайно, працювало зі Спілкою болгарських учителів²¹. Нові проблеми перед освітянами постали після прийняття постанови ЦК БКП від 31 липня 1969 р. «Основні

положення реформи в системі освіти НРБ», провідною ідеєю якого стала нагальна потреба наукового керівництва народною освітою, що передбачало розвиток щонайменше трьох напрямків діяльності Міністерства освіти: а) посилення колективізму і демократизму при вирішенні проблем освіти і, перш за все, залучення освітян-практиків до обговорення важливих рішень*; б) добір, підготовка, кваліфікація й методичне спрямування багатотисячної вчительської армії; в) удосконалення управлінської функції і подолання дублювання діяльності МНП, місцевих органів освіти та інших відомств, що опікуються справами освітян²³. Головна ж мета означеної постанови полягала у визначенні стратегії подальшого розвитку освітнього простору в напрямку зближення і злиття загальної та професійної освіти як єдиної середньої політехнічної школи (ЄСПШ). Практично одночасно з цим рішенням для керівництва новою освітньою моделлю в міністерстві створюється нова структура, що отримала назву «Оперативне бюро міністерства з керівництва і контролю за програмою впровадження ЄСПШ», до складу якої ввійшли керівники і фахівці як міністерства, так і інших зацікавлених установ. Крім суто організаційних проблем, нова структура відповідала за підготовку підручників та методичних видань для нового типу школи. Наступне десятиріччя керівництво ЄСПШ здійснювало не лише означене бюро, а її група фахівців з науково-дослідного інституту освіти (НДІО) та центрального інституту вдосконалення вчителів. За їх проектами експериментально вводилося комп'ютерне навчання, п'ятиденний робочий тиждень, навчання з шести років, новий розподіл годин між загальноосвітніми предметами і політехнічним навчанням з одночасним збільшенням годин на фізичне та естетичне виховання, готувалися нові підручники.

Основним принципом керівництва ЄСПШ стала взаємодія органів освіти з державними й господарськими організаціями, яку документально закріпила Постанова Ради Міністрів № 90 від 18 липня 1975 р. про навчально-виробничу діяльність учнів. Її повинні були організувати навчально-виробничі бази господарських організацій; міжшкільні центри виробничого навчання, які стали новою формою виробничого навчання, керованою місцевими народними Радами; навчально-виробничі бази шкіл та окремо створені робочі місця у філіях господарських організацій (ст. 2). Додаткова відповідальність за цією постановою покладалася на місцеві ОНС та відділи освіти, які могли тепер самі приймати рішення щодо розширення навчально-виробничої бази, використовуючи для цього капіталовкладення обсягом не більше 80 тис. левів (ст. 5.2), а також контролювати відповідність мережі професійної освіти до інфраструктури господарських організацій і забезпечувати потреби свого регіону в робочій силі²⁴. На наш погляд, ці нові аспекти діяльності місцевих органів були проявом наявних вже тоді асинхронних явищ економічного розвитку, незбалансованого розподілу робочої сили і демонстрували спробу центрального керівництва перекласти частину проблем на місцеві органи.

У цілому визначений період характеризувався спробами знайти найбільш вдалу організаційну структуру шкільної освіти та управління нею. Ці спроби знаходилися в діапазоні від національних надбань до вимог соціалістичної школи, а тому викликали значні коливання й, на жаль, не створювали атмосфери стабільності. Наступного періоду буде здійснена масштабна акція по відтворенню громадсько-державної системи управління, однак ця проблема має бути предметом спеціального розгляду.

* Деякий досвід болгарські освітяни вже мали, адже у 1957 р. в обговоренні і втіленні спільної постанови ЦК БКП і Ради Міністрів про подальший розвиток освіти в країні фактично вперше взяли практичну участь не тільки науковці, а й шкільні педагоги²².

¹ Чичовска, В. Политиката срещу просветната традиция. С., УИ «Кл. Охридски», 1995; Маринова-Христиди, Р. Образование между съветизацията и традицията 1948–1959. С., УИ «Кл. Охридски», 2006.; Цонева, П. Управлението на училището в България от началото на XIX век до 1989 година. С., УИ «Кл. Охридски», 2007 та in.

² Закон за народната просвета. Септември 1948 г. С., Държавна печатница, 1948, 6–7.

³ Правилник за задачите и устройството на Министерството на народна просвета 29. 05. 1956 г. – В: Сборник закони, укази, постановления на Министерския съвет, правилници, наредби, инструкции, заповеди и др. по народната просвета. С., ДИ «Формуляри и регистри», 1956, 36–37.

⁴ Централен държавен архив на Република България (ЦДА на РБ), ф. 142, оп. 11, а. е. 101, л. 6–7.

⁵ Янев, Д. Решенията на VI конгрес на БКП за народната просвета. – Народна просвета, 1954, № 6, с. 8, 9, 18.

⁶ ЦДА на РБ, ф. 142, оп. 6, а. е. 161, л. 21–30.

⁷ Инструкция № 20 за работата на отделите «Народна просвета» при окръжните, околийските (градски, районни) народни съвети 17. 04. 1956 г. – В: Сборник закони, укази, постановления на Министерския съвет, правилници, наредби, инструкции, заповеди и др. по народната просвета, 48–72.

⁸ Правилник за училищни инспектори 1956 г. – В: Сборник закони, укази, постановления на Министерския съвет, правилници, наредби, инструкции, заповеди и др. по народната просвета, 80–89.

⁹ ЦДА на РБ, ф. 142, оп. 6, а. е. 161, л. 31–38.

¹⁰ Правилник за общообразователните училища 5. 01. 1956 г. – В: Сборник закони, укази, постановления на Министерския съвет, правилници, наредби, инструкции, заповеди и др. по народната просвета, 216–264.

¹¹ Там само, с. 216.

¹² ЦДА на РБ, ф. 142, оп. 14, а. е. 100, л. 1–2.

¹³ Статистически годишник на Народна република България. 1959. С., Централно статистическо управление при Министерския съвет, 1959, с. 237.

¹⁴ ЦДА на РБ, ф. 142, оп. 17, а. е. 5, л. 8–9.

¹⁵ Гешков, М. За резултатите на изпълнението на закона за по-тясна връзка на училището с живота и за по-натягнатото развитие на народното образование в НР България. – Народна просвета, 1960, № 4, 20–21.

¹⁶ Закон за по-тясна връзка на училището с живота и за по-натягнатото развитие на народното образование в НР България. 4. 07. 1959 г. – В: 15 години народно образование. С., Народна просвета, 1959, с. 49.

¹⁷ Цонева, П. Вказ. праця, с. 172.

¹⁸ Правилник за задължителното основно образование. – Държавен вестник, 1964, № 20, 10 март, 1–2.

¹⁹ Доклад за развитието на образованието в НР България през учебната 1963–1964 г., представен на XXVII международна конференция по народното образование в Женева през юли 1965 г. – Бюлетин на Министерството на народна просвета (МНП), 1964, № 11, 2–3, с. 6.

²⁰ Летопис на Просветното министерство 1879–1995 [съставители: В. Колев, Д. Димитров, Л. Каспартова, Н. Генов]. С., УИ «Кл. Охридски», 1995, 72–73.

²¹ Доклад за развитието на образованието в НР България през учебната 1964–1965 г. – Бюлетин на МНП, 1965, № 12, 3–5; Доклад за развитието на образованието в НР България през учебната 1965–1966 г. – Бюлетин на МНП, 1966, № 10, 13–14.

²² Пиръов, Г. Д. Предстоящи задачи на педагозите у нас. – Народна просвета, 1957, № 11, с. 35.

²³ Основни положения на реформата в образователната система на НРБ 31.07.1969 г. – Бюлетин на МНП, 1969, № 8–9, 17–18.

²⁴ Постановление № 90 от 18 юли 1975 г. за учебно-производствената дейност на учениците. – Държавен вестник, 1975, № 58, 29 юли, 1–2.

А. Д. Попов

НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА БОЛГАРИЯ КАК ОБЪЕКТ ЗАРУБЕЖНОГО ТУРИЗМА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

В последнее время внимание исследователей привлекает феномен зарубежного (выездного) туризма в СССР. Однако отдельные публикации последних лет украинских¹, российских² и канадских³ авторов не дают комплексного представления об этом противоречивом и многогранном явлении. Очень редко в исторических работах рассматриваются вопросы двухсторонних туристских связей СССР с отдельными зарубежными странами. Можно назвать лишь единичные публикации о такой форме международного сотрудничества Советского Союза с Францией⁴ и Финляндией⁵. В частности, до сих пор не существует специальных исследований, в которых на основе современных подходов были бы охарактеризованы советско-болгарские связи в сфере туризма. Между тем, именно Народная Республика Болгария (НРБ) являлась одними из лидеров по приему туристов из СССР.

Цель работы – раскрыть специфические черты НРБ как объекта для совершения туристских путешествий советскими гражданами во второй половине 1950–1980-х гг. Задачи исследования: охарактеризовать программу и содержание туристских маршрутов по НРБ для жителей СССР; проследить основы межкультурного диалога двух стран в контексте советской модели зарубежного туризма; выявить наиболее распространенные теневые практики и недозволенные модели поведения, сопровождавшие посещение Болгарии советскими туристами.

Основными источниками для раскрытия данной темы стали архивные документы Крымского областного совета профессиональных союзов: годовые отчеты об организации зарубежного туризма, отчеты руководителей туристских групп, программы туристских маршрутов, деловая переписка. Среди документов Крымоблсовпрофа материалы о советско-болгарских туристских связях занимают значительное место, поскольку в 1980-е гг. примерно каждый третий крымчанин, совершавший туристскую поездку за рубеж, посещал именно Болгарию⁶. В то же время, учитывая большие масштабы туристского обмена между СССР и НРБ, подобные по характеру и содержанию документы можно найти практически в каждом областном архиве любой из постсоветских стран, что создает благоприятные условия для дальнейшего изучения данной темы более широким кругом исследователей.

После окончания Второй мировой войны иностранный туризм в Болгарии развивался очень высокими темпами. В 1948 г. страну посетило всего 2650 туристов из разных стран мира⁷. В 1960 г. их число составило уже около 200 тыс., в 1970 г. – 2,5 млн, в 1975 г. – 4 млн, в 1981 г. – свыше 6 млн туристов⁸. Среди международных туристских партнеров Болгарии особое место занимал Советский Союз. Туристские контакты между двумя странами начались в 1950-е гг. и на протяжении последующих десятилетий неуклонно расширялись. Справочник «Интуриста» на 1960 г. предлагал всего 2 маршрута, знакомящих граждан СССР с Болгарией, один из которых предусматривал также посещение Социалистической Республики Румыния (СРР):

1. Маршрут № 1. София–Пловдив–Шипка–Тырново–Варна. Продолжительность 14 дней (из них 7 дней на курорте «Золотые пески»);

2. Маршрут № 2. София–Пловдив–Шипка–Плевен–Тырново–Руссе–Бухарест. 12 дней (из них 10 дней в Болгарии и 2 дня – в Румынии)⁹.

В 1970 г. число туристских маршрутов из Советского Союза в Болгарию достигло 20, а количество участников путешествий по этим маршрутам составило более 154 тыс. чел.¹⁰ К 1985 г. для туристов из СССР предлагалось около 58 вариантов туристских маршрутов по НРБ (включая «сдвоенные» туры с посещением Румынии и Югославии). Путешествия по ним за тот год совершило около 245 тыс. советских граждан¹¹.

Продолжительность туристских маршрутов по Болгарии в 1970–1980-е гг. составляла от 10 до 18 дней, а стоимость – от 100 до 175 рублей. В частности, имелись специализированные программы для лечения, летнего и зимнего отдыха (в том числе «Встреча Нового года в Болгарии»)¹². При этом наибольшей популярностью (около 40% общего объема поездок советских туристов) пользовались маршрутные путешествия, сочетавшие в себе содержательную экскурсионную программу с посещением одного из приморских курортов. Около 30% приходилось на экскурсионно-познавательные туры без отдыха у моря, 17% – на поездки только для отдыха и рекреации на Черноморском побережье. Оставшиеся 13% от общего объема включали в себя путешествия любителей активных видов туризма (в том числе зимнего горного спорта), специализированные туры для обмена производственным опытом в той или иной сфере народного хозяйства, а также поездки автотуристов на личном автотранспорте¹³.

Генеральным организатором международного туризма в НРБ являлось созданное в 1948 г. государственное хозяйственное объединение «Балкантурист». Именно это объединение ежегодно подписывало с ВАО «Интурист» прямые договора об объемах советско-болгарского туристского обмена, привлекая в качестве исполнителей и другие заинтересованные организации НРБ – Бюро по внутреннему и международному туризму «Кооптурист», Бюро международного молодежного туризма «Орбита», Бюро по туризму «Пирин», Бюро автомобильного туризма «Шипка»¹⁴.

Некоторая часть туристов путешествовала на основе соглашений о безвалютном обмене между профсоюзными организациями двух стран. Однако для таких групп предоставлялся наиболее низкий уровень сервиса (например, размещение в номерах по 4–6 чел.), а также очень ограниченное по сравнению с другими группами туристов количество иностранной валюты (болгарских левов), которое туристы получали на дополнительные расходы во время поездки¹⁵.

Значительная часть туров предполагала знакомство с достопримечательностями столицы НРБ – Софии, среди которых по идеологическим причинам особо выделялся мавзолей Г. Димитрова. Многочисленные исторические памятники советские туристы могли увидеть во время экскурсий по таким городам, как Велико-Тырново, Стара-Загора, Пловдив, Плевен, Несебр. Неповторимый колорит имели небольшие населенные пункты вроде Казанлыка или Габрово, славящегося расположенным здесь Музеем юмора и сатиры. Практически всегда в маршруты путешествий включалось посещение приморских городов – Варны или Бургаса, а на продолжительный отдых у моря советских гостей принимали курорты «Золотые пески», «Солнечный берег», «Албена» и «Камчия». Наиболее популярным местом зимнего отдыха являлся горный курорт Пампорово в Родопях. Для переездов по территории НРБ чаще всего использовались туристские автобусы с болгарскими водителями и гидами-переводчиками, которых всегда отличало хорошее знание русского языка.

На рубеже 1970–1980-х гг. туристская инфраструктура НРБ состояла из 684 гостиниц (102,8 тыс. мест), 110 кемпингов (74,2 тыс. мест), а также 148 тыс. койко-мест в арендованных для приема туристов частных квартирах и домовладениях¹⁶. Однако большой наплыв туристов из разных стран, в сочетании с ярко выраженной сезонностью и неравномерным распределением вояжеров по территории страны, ставил перед туристскими организациями НРБ серьезные задачи, с которыми они не всегда достойно справлялись. Зачастую наблюдались неоправданные диспропорции в качестве предоставляемого сервиса, особенно в «пиковые» летние месяцы. Эта проблема, в частности, обсуждалась в июне 1979 г. на встрече руководящих работников Государственного комитета СССР по иностранному туризму и Государственного комитета по туризму НРБ. Участники этой встречи констатировали, что развитие туристской инфраструктуры Болгарии долгое время осуществлялось преимущественно за счет объектов размещения на Черноморском побережье. В то же время рост гостиничной базы во многих экскурсионных центрах страны и на горных курортах происходил более медленными темпами¹⁷.

Подтверждение этой тенденции мы находим и на уровне отчетов о поездках отдельных туристских групп. Например, в одном из них руководитель группы отмечал следующее: «... в городах Казанлык и Велико-Тырново группу размещали в плохих гостиницах со старой, разбитой мебелью, грязными залитыми полами». Однако далее он пишет о том, что «в городах Плевен и София [нас] разместили в первоклассных гостиницах»¹⁸.

Советская модель организации зарубежного туризма преследовала цель удерживать вояжеров из СССР в зоне действия привычного для них информационного поля, контролировать их эмоции и поведение. Практически все болгарские гостиницы снабжались свежими номерами газет «Правда», «Известия», «Труд» и другой советской периодикой, а находившиеся здесь туристы имели возможность ежедневно смотреть телевизионную программу «Время».

«Балкантурист» и другие партнеры «Интуриста», чаще всего по инициативе советской стороны, наполняли программу путешествий специфическими мероприятиями, имевшими более или менее выраженный идеологический характер. Во всех городах страны существовали Дома болгаро-советской дружбы, на базе которых проводились разнообразные мероприятия с участием советских туристов и представителей болгарской общественности. Это могли быть встречи с болгарской молодежью или ветеранами антифашистского движения, музыкальные и литературные вечера, демонстрации кинофильмов¹⁹.

Программа туристской поездки в НРБ обычно включала хотя бы одно посещение промышленного предприятия или сельскохозяйственного кооператива. Подобные визиты сопровождалось общением с коллективом предприятия, знакомством с организацией производства, осмотром объектов социально-бытовой сферы (столовых, профилакториев, детских садов) и даже жилых домов болгарских трудящихся. Эта часть программы была особенно актуальна для туристских групп, сформированных профсоюзными организациями из работников одной отрасли народного хозяйства. Учитывая значительные масштабы советского туризма в Болгарию, число таких однородных групп было достаточно велико. Например, в феврале 1985 г. состоялось путешествие в НРБ туристской группы из Крымской области, которая практически полностью состояла из виноградарей и виноделов. Для них было организовано три специализированных мероприятия – помимо посещения винодельческого завода, а также Института виноградарства и виноделия в Плевене, крымчане стали гостями на празднике виноделия «Трифан Зарезан» в одном из сельскохозяйственных кооперативов²⁰.

В некоторых случаях при посещении местных сельскохозяйственных предприятий советские туристы могли даже участвовать в уборке урожая черешни, персиков и винограда²¹. Это копировало принятую в Советском Союзе традицию использования туристов на общественно-полезных работах, которая получила широкое распространение еще в годы первой пятилетки.

Программа пребывания советских туристов в любой из зарубежных стран всегда включала различные коллективные действия мемориального характера. Они должны были не только закрепить в сознании вояжеров официальный дискурс советский исторической памяти, но и способствовать психологической мобилизации туристской группы, укреплению эмоциональных связей между ее членами²². При посещении Болгарии эта традиция строго соблюдалась, но здесь мемориальные практики советских туристов имели один дополнительный атрибут. Гости из СССР отдавали дань уважения не только героям и жертвам Второй мировой войны, но и воинам, погибшим в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В первом случае наибольшую известность получил находящийся в городе Пловдив памятник советскому солдату-освободителю, официальное название которого («Красный богатырь») постепенно было вытеснено народным названием «Алеша». Самым посещаемым из объектов, связанных с совместной борьбой славянских народов против Османской империи в XIX веке, стал памятник-музей погибшим русским и болгарским воинам возле перевала Шипка. Посещение мемориальных мест с обязательным возложением цветов и венков являлось своеобразным идеологическим «стержнем» всей программы туристской поездки. Так, во время путешествия по Болгарии одной из групп крымских туристов летом 1984 г. ее члены 7 раз возлагали цветы к различным памятникам и мемориалам в Софии (4 объекта), Плевене (1 объект), Варне (1 объект) и на Шипке (2 объекта)²³.

Говоря о человеческом измерении советско-болгарских туристских связей, следует отметить, что в большинстве случаев отношения между гостями из СССР и местным населением были открытыми, приятными и доброжелательными. В отличие от многих других стран, в НРБ советские туристы практически не сталкивались с «языковым барьером», что облегчало общение. Позитивные эмоции от посещения дружественной Болгарии охотно тиражировались в советской прессе. Например, в 1970 г. туристы из Севастополя после поездки в НРБ на страницах местной газеты сообщали: «...память сохранила нам самые приятные воспоминания о недавнем путешествии по Болгарии, о ее природе, истории, культуре. Но прежде всего, конечно, о людях – с их доброжелательностью, радушием, общительностью»²⁴.

В то же время жизнь социалистической Болгарии по многим параметрам отличалась от советской повседневности, что находило свое отражение в дорожных впечатлениях гостей из СССР. Один из туристов, посетивших НРБ в 1970-е гг., с удивлением констатировал: «...в магазинах фактически не видно очередей, толкучки»; «колбасные изделия ... покупают небольшими порциями по 200–400 грамм»; «в овощных магазинах много свежих овощей даже в мае месяце»²⁵. Другой советский турист отмечал высокий уровень культуры обслуживания, безукоризненное санитарно-гигиеническое состояние предприятий общественного питания, особую эстетику оформления пространства для приема пищи. Он же обратил внимание на лучшую, в сравнении с его родной страной, работу междугороднего пассажирского транспорта и даже экономное расходование лесоматериалов при проведении строительных работ²⁶.

Впрочем, следует признать, что некоторые источники содержат информацию о неприятных инцидентах между болгарскими и гражданами СССР, которые чаще всего были связаны с процессом купли-продажи товаров, а также со случаями хищения личного

имущества. В одном из отчетов о туристской поездке в НРБ отмечалось, что в некоторых магазинах советских туристов стараются обмануть, завышают цены, продают бракованные товары, не всегда правильно выписывают чеки и дают сдачу. В то же время известны факты хищений и некорректного поведения по отношению к продавцам со стороны самих вояжеров из «Страны Советов»²⁷. Один из источников 1980-х гг. зафиксировал нацарапанную на мебели в номере болгарской гостиницы надпись на русском языке: «Прекратите копаться в чужих вещах, братья-болгары!»²⁸

Симптоматично, что наиболее частое упоминание о подобных негативных фактах приходится на годы «перестройки». Именно тогда масштабы советско-болгарского туристского обмена достигли своего максимального значения, контроль над отбором кандидатур для выезда из СССР за рубеж существенно ослаб, а население двух стран переживало болезненную «ломку» системы моральных норм и ценностей, связанную с приближающимся крахом социалистической системы.

Долгое время вне поля зрения историков оставался вопрос о теневых практиках, связанных с советским зарубежным туризмом. Эти практики, в равной степени, сопровождали поездки советских туристов в социалистические, капиталистические и развивающиеся страны²⁹. Однако некоторые из них наиболее ярко проявлялись именно во время путешествий по НРБ.

Практически каждый советский турист планировал приобрести за рубежом дефицитные в СССР товары, но располагал строго лимитированным количеством иностранной валюты в пределах т. н. «обменного фонда». При этом большим спросом за рубежом пользовались определенные товары «made in USSR» – черная икра, фотоаппараты, электробритвы, наручные часы. Совершить нелегальные торговые сделки советским туристам предлагали не только случайные люди на улицах и площадях Софии, а также других болгарских городов, но и лица, напрямую задействованные в их обслуживании – гиды-переводчики, водители экскурсионных автобусов, администраторы гостиниц. Однако то же самое происходило на улицах Рима, Каира, Бомбея и многих других крупных городов мира.

Но только в Болгарии и Румынии, экономически тесно связанных с СССР, существовал стабильный спрос на советские рубли, которые на «черном рынке» обменивались на местную валюту по курсу, более выгодному, нежели официальный. Поэтому достаточно распространены были случаи, когда граждане СССР пытались вывезти в НРБ советские рубли, не внося их в таможенную декларацию. Так, в сентябре 1979 г. на заседании Президиума Крымского областного совета профсоюзов осуждался вопрос «О факте групповой попытки провоза туристами советских денег за границу». Поводом для этого стал инцидент, когда при выезде крымской группы в Болгарию у 7 туристов были изъяты не внесенные в таможенную декларацию денежные средства на сумму от 60 до 300 рублей³⁰.

Еще одним ходовым товаром на «черном рынке» двух названных выше социалистических государств являлись ювелирные изделия советского производства. Согласно действующим в СССР таможенным правилам, отправляющийся за границу турист должен был при пересечении границы внести в таможенную декларацию имеющиеся у него ювелирные украшения. Например, женщина могла взять с собой в поездку 1 обручальное кольцо и не более чем 2 кольца с драгоценными камнями, наличие которых проверялось таможенниками во время возвращения в Советский Союз³¹. Однако отдельные туристы из СССР пытались избежать декларирования имеющихся у них ювелирных изделий, чтобы иметь возможность продать их за границей. Иногда они также прибегали к различным уловкам, например, вместо проданных за рубежом золотых це-

почек и колец возвращались на Родину с изделиями из желтого металла, только внешне похожими на вывезенные украшения³².

В результате использования перечисленных выше схем у отдельных туристов образовывался «теневой капитал», который тратился на приобретение дефицитного ширпотреба. Так, в одном из отчетов за 1977 г. констатировалось, что туристки К. и Н. активно скупали губную помаду, лак для ногтей и солнцезащитные очки на сумму, явно превышающую размеры обменного фонда³³. Разумеется, после возвращения на Родину данные предметы предполагалось использовать не столько для личного потребления, сколько для перепродажи. Таким образом, предприимчивый турист при удачном стечении обстоятельств мог вернуть средства, затраченные им на приобретение путевки. Именно благодаря этому в разговорном языке советских граждан появилось выражение «оправдать поездку».

Расцвет теневых экономических практик наблюдался во второй половине 1980-х гг., когда борьба с ними в обеих странах окончательно приобрела сугубо формальный характер, а в сознании людей идеологические ценности все активнее вытеснялись ценностями материальными. Вот что говорится об этом в одном из отчетов 1986 г.: «... при посещении храма-памятника Александра Невского в Софии группа туристов была «атакована» ... болгарскими гражданами, которые просили продать фотоаппараты, золотые изделия, советские рубли»³⁴.

Впрочем, нарушение правил поведения и юридических норм далеко не всегда носило меркантильный характер. Из православной Болгарии советские туристы очень часто пытались провезти на территорию СССР нательные крестики, ладанки, иконки. Руководители туристских групп старались препятствовать этому, а во время таможенного досмотра любые «атрибуты религиозного культа» изымались таможенниками так же рьяно, как, например, порнографическая продукция³⁵.

Среди теневых явлений, ставящих под сомнение высокие моральные ценности некоторых советских туристов, следует назвать имевшие место случаи вступления ими в интимную связь с иностранцами. Каждый установленный случай контактов подобного рода должен был оцениваться как нештатный и выноситься на общественное обсуждение всей группы. При этом именно в Болгарии такие инциденты случались достаточно часто, тем более что в большинстве туристских групп количество женщин доходило до 80–90% от общего состава. Вот что писал в своем отчете летом 1968 г. руководитель одной из таких групп: «Болгары – молодые мужчины, видимо, учитывая прошлый опыт, на собственных автомобилях подъезжают каждый вечер к гостиницам, где живут туристы из СССР, и пытаются завести знакомство с молодыми женщинами. После состоявшихся знакомств привозили своих знакомых женщин в 4–5 утра. В нашей группе не было этого замечено, хотя предложения о свиданиях были получены и в устном, и в письменном виде»³⁶.

В другом отчете того же периода сообщается о 28-летней туристке из Ялты, некоей Г., которая «с неизвестным иностранцем на такси выезжала в Бургас и ночевала в гостинице «Славянски», а на замечания руководителя группы «отвечала грубостью»³⁷. Учитывая актуальность данной проблемы, в отчетах многих руководителей высказывалось пожелание о том, чтобы при комплектовании туристских групп в них включалось бы примерно равное количество мужчин и женщин.

Определенные нештатные ситуации могли быть связаны и с чрезмерной склонностью некоторых советских туристов к употреблению горячительных напитков. В информационном письме «Интуриста» от 12 мая 1970 г. «Относительно организации советского туризма в Болгарию» констатировалось следующее: «Представители «Интуриста»

неоднократно отмечали, что отдельные туристы на (болгарских) курортах злоупотребляют спиртными напитками, в результате чего имели место несчастные случаи, скандалы, драки, порча имущества в гостиницах и ресторанах». Здесь же содержались рекомендации областным профсоюзным организациям при отправке туристов за рубеж категорически запрещать им везти водку, а советовать брать с собой альбомы и книги о жизни В. И. Ленина, а также сувениры, связанные с 25-летием победы над фашизмом³⁸.

Вопрос «правильного» поведения советских туристов на болгарских курортах был особенно актуален в связи с тем, что вместе с ними здесь находились туристы не только из социалистических, но и капиталистических стран, причем особенно много было гостей из ФРГ. Здесь же по приглашению болгарской стороны отдыхали деятели международного рабочего движения и активисты организаций левого толка из развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки. Поэтому адекватное и корректное поведение считалось необходимым условием для поддержания позитивного образа советского человека и «Страны Советов» в целом³⁹.

Таким образом, дружественная для СССР Народная Республика Болгария во второй половине 1950–1980-х гг. привлекала значительные потоки советских туристов, расширяя их кругозор и давая новые представления о зарубежном быте и сервисе. Как и при посещении других иностранных государств, советские туристические организации с помощью своих болгарских партнеров пытались придать путешествиям идеологическое содержание, а также использовать их как инструмент «народной дипломатии» для упрочнения социалистических связей между СССР и НРБ. Такие компоненты программ туристских поездок, как активные мемориальные практики, мероприятия по линии Общества болгаро-советской дружбы, участие туристов в уборке урожая и другие подобные действия, находящие прямые аналогии на территории СССР, говорят о своеобразном «экспорте» советской модели туризма на территорию Болгарии. Однако в реальности межкультурный диалог между представителями двух социалистических стран часто выходил за официальные рамки. Несмотря на существовавшую в советском фольклоре шуточную фразу: «Курица – не птица, Болгария – не заграница!», именно посещение НРБ стало для миллионов граждан СССР реальным и единственно возможным способом знакомства с жизнью за пределами «одной шестой части суши».

¹ *Гарбар, Г. А.* Идеологічний характер зарубіжного (віїзного) туризму в Миколаївській області 70-х – першої половини 80-х рр. – Гуманітарний журнал, 2005, № 5, 68–73.

² *Архипова, Е. П.* Некоторые аспекты развития советского выездного туризма в 1980–1991 гг. (на примере туристского обмена с капиталистическими странами). – Современные проблемы сервиса и туризма, 2008, № 1, 36–43; *Четырина, Н. А.* Заграничный туризм в советское время. – В: Миграции и туризм в России / Под ред. Ю. А. Полякова. М., 2007, 348–355.

³ *Gorsuch, A.* Time Travelers: Soviet Tourism to Eastern Europe. – *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism*. Eds. A. Gorsuch and D. Koenker. Ithaca, 2006, p. 205–226.

⁴ *Андреева, Е. Б.* Эволюция туристских практик русских во Франции (начало XIX – начало XXI вв.): Автореф. дис. канд. ист. наук 07.00.03, Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2006.

⁵ *Костайнен, А.* Политический туризм между Финляндией и СССР в период между 1950–1980 гг. – Туристские фирмы. СПб., 1997, вып. 15, 247–248.

⁶ См.: *Попов, О.* Архівні джерела з історії віїзного туризму в СРСР (на прикладі Криму). – В: Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: 36. наук. праць. Харків, 2009, вип. 12, 290–295.

⁷ Болгария: Путеводитель. Пер. с болг. София, 1963, с. 87.

⁸ *Станов, П., Енев, Н., Атанасова, Е.* Экономика и организация международного туризма. Пер. с болг. М., 1984, с. 5.

- ⁹ Справочник об условиях и маршрутах путешествий советских туристов за границу. М., 1960, 13–17.
- ¹⁰ Гезгала, Я. Туризм в народном хозяйстве (1974). – <http://buklib.net/>
- ¹¹ Знаменська, М. В. Участь Української РСР у співробітництві СРСР з європейськими країнами соціалізму в галузі туризму (70-і – початок 80-х рр.). – Український історичний журнал, 1986, № 1, с. 123.
- ¹² Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. Р-3776, оп. 1, д. 1417, л. 40–41.
- ¹³ Байбаков, А. И., Кулдошин, Н. М., Никольский, М. В. и др. Иностраный туризм на службе мира: Обзор. М., 1983, с. 23.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-9520, оп. 1, д. 508, л. 17.
- ¹⁶ Экономика и организация международного туризма ..., с. 69.
- ¹⁷ ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 1339, л. 2–3.
- ¹⁸ Объединенный ведомственный архив Федерации независимых профессиональных союзов Крыма (ОВА ФНПС Крыма), ф. Р-3776, оп. 4, д. 2788, л. 3.
- ¹⁹ См.: там же, л. 19.
- ²⁰ Там же, д. 2867, л. 34–36.
- ²¹ ГААРК, ф. Р-3667, оп. 1, д. 2509, л. 47.
- ²² См.: Попов, А. Советские туристы за рубежом: идеология, коммуникация, эмоции (по отчетам руководителей туристских групп). – В: Исторична панорама: Зб. наук. ст. Чернівці, 2008, вип. 6, 49–56.
- ²³ ОВА ФНПС Крыма, ф. Р-3776, оп. 4, д. 2787, л. 93.
- ²⁴ Слава Севастополя, 1970, 1 авг.
- ²⁵ ГААРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 2385, л. 9–10.
- ²⁶ Там же, д. 2127, л. 75.
- ²⁷ См.: ОВА ФНПС Крыма, ф. Р-3776, оп. 4, д. 2941, л. 42; д. 3074, л. 152.
- ²⁸ Там же, д. 2787, л. 76.
- ²⁹ См.: Попов, А. Д. Теневые стороны зарубежного (выездного) туризма в Советском Союзе (1960–1980-е гг.). – Культура народов Причерноморья, 2008, № 135, 74–78.
- ³⁰ ГААРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 2445, л. 12.
- ³¹ Там же, д. 1419, л. 13–13об.
- ³² Там же, д. 2705, л. 67.
- ³³ Там же, д. 2322, л. 101.
- ³⁴ ОВА ФНПС Крыма, ф. Р-3776, оп. 4, д. 2940, л. 90–91.
- ³⁵ См.: там же, д. 3020, л. 11.
- ³⁶ ГААРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 1120, л. 5.
- ³⁷ Там же, л. 9.
- ³⁸ Там же, д. 1417, л. 29.
- ³⁹ ГАРФ, ф. Р-9520, оп. 1, д. 485, л. 57.

Б. Є. Захаров

НАПРЯМИ І ТЕЧІЇ ДИСИДЕНТСЬКОГО РУХУ В УКРАЇНІ (1956–1987)

Дослідження з історії дисидентського руху в Україні і в цілому в СРСР з'явилися паралельно з розвитком самого руху. Дисидентська еліта з самого початку намагалась зрозуміти свою місію та свої витoki. У публіцистичних, правозахисних працях дисидентів можна простежити поступовий розвиток осмислення проблем радянського тоталітаризму й антитоталітарного руху. Оскільки це був погляд ізсередини, а самі праці дисидентів були ледь не першопричиною переслідувань, то їх скоріше слід віднести до джерел, аніж до історіографії. До них відносяться: «Лихо з розуму» В'ячеслава Чорновола¹, «Українські силуети» Михайла Хейфеца², «Право жити» Юрія Бадзьо³ та багато-багато інших.

Перші власне історичні дослідження дисидентського руху в СРСР і, зокрема, в Україні, з'являються на Заході. Насамперед відзначимо фундаментальну працю Л. Алексєєвої «История инакомыслия в СССР. Новейший период»⁴, де систематично викладено історію національних, релігійних та правозахисних рухів. Вперше книга була видана у США 1984 року. Історія українського національного руху посідає в ній одне з провідних місць, недарма вона йде першим розділом, який за обсягом більший за інші і поступається лише розділу, присвяченому загальносоюзному демократичному рухові.

Тема українського дисидентства привернула особливу увагу вітчизняних істориків лише після здобуття Україною незалежності. З'явилися дослідження Ю. Курносова, Г. Касьянова, А. Русначенка, Ю. Данилюка, О. Бажана, Ю. Зайцева⁵, В. Кіпіані⁶, Т. Батенка⁷ і деяких інших істориків.

Георгій Касьянов першим використав у своїй праці недоступні раніше архівні матеріали⁸. У ній він ретельно досліджує й детально аналізує розвиток руху опору інтелігенції кінця 1950-х – середини 1980-х років. Однак у цій роботі автор свідомо висвітлює тематику саме інтелігентського руху національно-демократичного спрямування, оминаючи або применшуючи роль інших дисидентських течій. Можна погодитися з Анатолієм Русначенком, що того ж бракує і праці Ю. Курносова⁹.

Найбільш повним дослідженням історії українського дисидентського руху є монографія А. Русначенка¹⁰. У ній акцентовано увагу на національному, культурницькому, правозахисному й робітничому рухах в Україні середини 1950-х – початку 1990-х років. Автор демонструє спадкоємність і безперервність українського національного руху, який відіграв значну роль у здобутті Україною незалежності. У роботі використані малодоступні і невідомі джерела. Книга також містить цікаву й дуже показову добірку джерел з історії руху опору, репресій тощо.

У співавторській праці Ю. Данилюка і О. Бажана висвітлюється історія різних дисидентських течій в Україні: український національний рух, кримсько-татарський рух за повернення на батьківщину, єврейський рух за еміграцію, релігійні рухи тощо¹¹. Монографія побудована на великій кількості джерел і містить багато інформації; надається хроніка подій. Але з багатьма визначеннями і висновками важко погодитися.

Історія дисидентського руху в Україні є головною сюжетною лінією загальної історії України у 50–80-ті роки ХХ сторіччя. Для того щоб оцінити масштаби ди-

сидентського руху, треба визначитись, кого вважати дисидентом. Фактично, це питання вирішувалось п'ятим управлінням КДБ – дисидентами ставали інакодумці, що потрапили під його пильне око і до яких застосовувались репресії.

З 1989 р. Харківська правозахисна група (ХПГ), співробітником якої є автор статті, складає список осіб, котрі стали жертвами політичних репресій у післясталінські часи. Було створено базу даних в'язнів Дубровлагу, які утримувалися там з 1953 р. і пізніше, на основі облікових карток. Оскільки з 1961 р. політв'язні утримувалися тільки в Дубровлагу і Володимирській в'язниці (пізніше додалися чотири колонії Пермлагу та Чистопольська в'язниця замість Володимирської), можна стверджувати, що ХПГ має у своєму розпорядженні прізвища всіх політичних в'язнів, засуджених за певними статтями КК, починаючи з 1961 р., і велику їхню частину за період 1953–1961 рр. Українська частка цих списків складає близько 3200 прізвищ. Протягом 20-ти років ХПГ вдалося отримати певні відомості про приблизно 2700 політичних в'язнів, а щодо понад 440 в'язнів, засуджених за статтями 54, 54–1а, 54–1б, 54–1в Кримінального кодексу в редакції 1927 р. та інших, подробиці репресій невідомі, а самі вони не були реабілітовані.

Політичні репресії мали судову та позасудову форми. Судові справи тих, хто був засуджений і реабілітований, доступні і є одним з важливих джерел, але треба мати на увазі, що вони містять обмежену інформацію. Щоб уявити обсяг цієї інформації, наведемо деякі дані, що були оприлюднені на першій міжнародній конференції з історії дисидентського руху в СРСР 30–31 серпня 1992 р. Після серпневого путчу 1991 р. Конституційний Суд Росії доручив експертам Комітету з прав людини ВР Російської Федерації, очолюваного Сергієм Ковальовим, визначити характер взаємовідносин Президії ЦК КПРС з КДБ та їх причетність до репресій проти дисидентів. Експерти А. Рогінський, М. Охотін та М. Петров вивчали документи так званого Президентського архіву й оголосили наступні дані.

З 1958 до 1986 року було засуджено за «політичними» статтями (58, а потім 70 та 190 прим. ст.ст. КК Російської Федерації та їх аналогів у КК інших республік, у КК УРСР відповідно 56, 62, 187 прим.) близько 6000 осіб¹². Тут не враховані:

- засуджені за відмову від служби в армії, а також засуджені «за віру» за різними іншими статтями КК;
- засуджені за сфальсифікованими кримінальними справами (один з поширених прийомів КДБ);
- автори анонімних антирадянських листівок (цю категорію осіб КДБ вишукував різними засобами; з 1975 по 1988 рік було виявлено більш ніж 160 000 листівок і знайдено 849 їх авторів, з них не більше 7% було засуджено, решта потрапила до психлікарень)¹³;
- жертви зловживань «репресивної психіатрії» (частина з них потрапила до психлікарень за вироком суду, частина – без будь-якого вироку);
- жертви позасудових розправ – політичних вбивств, побиття тощо.

Крім судових репресій, КДБ широко застосовував більш м'які позасудові методи впливу та покарання інакодумців. Йдеться про так звану «профілактику», коли певних осіб викликали до КДБ, до першого відділу установ або до парткому для «спасенної» бесіди, виявлення ставлення до тих чи інших подій, для попередження про те, що слід негайно припинити спілкування з іноземцями, припинити антирадянську діяльність – читати й поширювати антирадянські книжки, вести антирадянські розмови тощо, бо інакше не уникнути арешту і табору. Водночас намагалися отримати інформацію про людей, які цікавили органи КДБ. Так, співвідношення «профілактованих» до арештованих за 190 прим. або 70 статтями КК та їх аналогами складало приблизно 96 до 1. Тобто

з травня 1967 р., коли було створено за ініціативою Ю. Андропова п'яте управління, було «профілактовано» більш ніж півмільйона осіб.

Ще кілька цікавих деталей. Регулярно раз на три дні КДБ надсилав до Політбюро інформаційний бюлетень – дві-три сторінки машинопису. У кожному третьому бюлетені була згадка про настрої у робітничому середовищі проти режиму. Від 1967 до 1986 року КДБ розкрив близько 6000 підпільних організацій (скільки їх було висмоктано з пальця, аби виправдати свою необхідність?)¹⁴.

Усі ці дані стосуються всього радянського простору, цифри по Україні окремо за цей період невідомі. Але в Україні дисидентський рух був найсильнішим порівняно з іншими республіками колишнього СРСР. Про це свідчить багато даних, зокрема і спогади дисидентів. Іван Гель розповідає: «Я приїхав до Мордовії в так званий посьолок Явас-11 ... табір, який нараховував біля 2000 чоловік, 950 там було українців»¹⁵. Враховуючи масштабність українського руху, можна припустити, що українська «пайка» серед загальної кількості тих, що потрапили до поля зору КДБ, сягає близько половини, тобто йдеться про сотні тисяч осіб.

Хто ж ставав дисидентами? Це були абсолютно різні люди із різними поглядами, у кожного були свої причини бути незгодним із тоталітарним режимом. Переважали особисті мотиви – зіткнення з несправедливістю, жорстокістю і підступністю радянської влади. Так, за природне бажання жити у власній незалежній державі страждали тисячі українців; на безстрокове заслання був приречений кримсько-татарський народ; переслідувалися євреї; руйнувалися православні та уніатські храми; заборонялися або обмежувалися можливості протестантських релігійних течій, зрештою, репресій зазнавали люди, які прагнули говорити правду, боролися за права людини; піддавалися репресіям навіть марксистки, переслідувалися у «пролетарській державі» й робітники, які виборювали кращі умови життя і праці.

Український національний дисидентський рух в цілому можна охарактеризувати як рух за національне визволення. Він фактично не припинявся з кінця Другої світової війни. Згадаймо, що й раніше українське селянство особливо затято опиралося колективізації, наслідком чого був голодомор 1932–1933 років, який позбавив життя, за різними оцінками, від трьох до восьми мільйонів людей.

Український народ – єдиний народ, який воював і проти коричневих, і проти червоних. Наймасовіша організація – *Організація Українських Націоналістів (ОУН)* – очолила боротьбу спочатку проти німецького нацизму, а потім проти комунізму. Створена нею *Українська Повстанська Армія (УПА)* спершу воювала на два фронти з Вермахтом та Червоною Армією, а з 1944 р. вела партизанську війну проти радянських військ аж до початку 50-х років, причому окремі загони протрималися до 1954 р.

Радянська історіографія подає вояків УПА як бандитів, що грабували та вбивали жінок, старих та дітей, чинили єврейські погроми. Тепер стало очевидно, що це чергова радянська фальсифікація історії. Перегляд Генеральною прокуратурою України справ колишніх бійців УПА показав, що переважна їх більшість бандитами не були. Відповідно до Закону України «Про реабілітацію жертв політичних репресій», справи бійців УПА переглядаються в індивідуальному порядку, і вони реабілітуються, якщо не були учасниками бандформувань¹⁶; у Львівській області до початку 1992 р. було переглянуто понад 10 000 справ, і лише 80 осіб не було реабілітовано¹⁷. Крім того, стали відомими факти масових убивств мирного населення співробітниками НКВС, перевдягненими у форму вояків УПА.

Після розгрому 1954 р. останніх частин Української Повстанської Армії боротьба з радянським тоталітарним режимом почала набувати нового характеру – за кілька ро-

ків було створено нові організації, що прагнули продовження справи ОУН (*Об'єднана партія визволення України, Український національний комітет* тощо).

Про розмах підпільного руху в Україні у 50-ті роки ХХ ст. свідчать такі цифри: за даними КДБ, протягом 1954–1959 років в Україні ліквідовано 183 «націоналістичних та антирадянських угруповання», засуджено 1879 чоловік; із них 46 угруповань, у яких налічувалось 245 чоловік, у середовищі інтелігенції та молоді¹⁸.

Попри масові репресії, національний рух протягом 1950–1960-х років був локалізований саме на Заході України. У цих організаціях превалювала національна ідея¹⁹. Для характеристики демократичної частини українського національного руху цілком підходять слова Степана Бандери з радіоінтерв'ю 1954 р.: «Український націоналізм бореться проти тоталітаризму, расизму й усякої диктатури та застосування насильства. Назва «український націоналіст» співзвучна назві «український патріот»»²⁰.

Після ХХ з'їзду КПРС розпочався процес обережної десталінізації й певної демократизації радянського суспільства, а в Україні та інших республіках Радянського Союзу почав зароджуватися дисидентський рух. З'являлися організації, які намагалися діяти легальними методами, спираючись на пропаганду та агітацію серед населення, наприклад, *Українська Робітничо-Селянська Спілка* (1959–1961 роки), де запропоновану В. Луцьківим ідею підпільної збройної боротьби було відкинуто як застарілу й неефективну²¹.

Наприкінці 1950-х років з'явилася нова течія, що уособлювала цілий етап розвитку українського національного руху. Вона дістала назву руху «шістдесятників». Основою його склали молоді люди, розбуджені хрущовською «відлигою» – видатні поети, письменники, художники, публіцисти, історики: Іван Світличний, Василь Симоненко, Микола Вінграновський, Іван Драч, Ліна Костенко, Ірина Стасів-Калинець, Ігор Калинець, Василь Стус, Валерій Шевчук, Алла Горська, Людмила Семикіна, Опанас Заливаха, Галина Севрук, Стефанія Шабатура, Іван Дзюба, Валентин Мороз, В'ячеслав Чорновіл, Святослав Караванський, Євген Сверстюк, Михайло Брайчевський та інші. Основний пафос руху – боротьба з русифікацією, відродження національної культури. Першими культурницькими організаціями стали *Клуби творчої молоді (КТМ)*.

Головною заслугою шістдесятників є зруйнування утопії про «нову» радянську культуру, про «нову» радянську людину і повернення до загальносвітової культури. Поверталися загальнолюдські цінності: віра в Бога, Душа, Вічність. Рух шістдесятників пройшов складний еволюційний шлях від культурологічного нонконформізму до відвертого громадянського протистояння владі.

З 1963 р. більшість літераторів-шістдесятників припинили друкувати. Відповідно на ці заходи влади було поширення творів у самвидаві й тамвидаві. Український самвидав був в основному зосереджений на національній проблемі. Поширювався й російський самвидав. Скажімо, Леонід Плющ розповсюджував у Києві привезені з Москви рукописи і водночас організував переклад російською мовою найкращих творів українського самвидаву для передачі до Москви та за кордон. Так світ дізнався про книжки Івана Дзюби «Інтернаціоналізм чи русифікація?»²² та «Лихо з розуму» В'ячеслава Чорновола²³.

Спочатку шістдесятники друкувалися в Чехословаччині й Польщі, а згодом у Західній Європі, США, Канаді. Таким чином культура шістдесятників стала відомою західному читачеві. Велику роль у цьому процесі відіграв мюнхенський журнал «Сучасність».

1965 року прокотилася перша хвиля репресій. Восени були заарештовані в Києві – І. Світличний, П. Моргун, О. Мартиненко, І. Русин, Є. Кузнецова, Я. Геврич, М. Гринь

та інші; у Львові – Михайло й Богдан Горині, І. Гель, М. Осадчий, М. Косів, С. Батурін, Г. Садовська, М. Зваричевська, М. Масютко, Я. Менкуш; у Тернополі – І. Герета, М. Чубатий; у Луцьку – В. Мороз, Д. Івашенко; в Івано-Франківську – М. Озерний, В. Іванишин, О. Заливаха; в Одесі – С. Караванський. Трохи пізніше навесні 1966 р. в Житомирі заарештували А. Шевчука²⁴.

Арешти 1965 р. викликали великий резонанс. Як написав Валентин Мороз у 1970 р., «Найбільшим сюрпризом минулого десятиріччя було те, що арешти 1965 року не загальмували, а прискорили українське відродження. Ера великого страху минула. Арешти не налякали, а викликали велику зацікавленість не тільки на Україні, але й в усьому світі»²⁵. Репресії також відсіяли тих, хто був неготовий до протистояння режиму.

У певному сенсі переломним став 1968 р. «Празька весна» остаточно довела утопічність і лицемірство комуністичної ідеології всім, хто ще мав сумніви. Міф про «соціалізм з людським обличчям» був остаточно розчавлений гусеницями радянських танків у Чехословаччині. З цього часу починається масштабна кампанія петицій, які підписувала велика кількість людей. Ці кампанії в основному були загальносоюзними. Українські дисиденти брали у них участь разом з представниками інших дисидентських рухів різних республік. «Підписанти» каралися владою звільненням з роботи, з посад, виключенням з партії. Після подій у Чехословаччині їх охопила загальна депресія. Рух опору набув трагічних форм: 5 листопада 1968 р. вчитель, колишній оунівець і політв'язень сталінських таборів Василь Макуха вийшов на Хрещатик, підпалив себе, і, палаючи, біг і кричав: «Хай живе вільна Україна!». Через два дні він помер у лікарні від опіків. 10 лютого 1969 р. Микола Береславський також вирішив здійснити акт самоспалення біля пам'ятника Шевченку. Проте погодні умови – сніг та холод, а також відсутність достатньої кількості народу змусили Береславського перенести акцію до вестибулю Київського університету. Він повісив на себе плакати: «Боріться за законні права української мови» та «Свободу діячам української культури», почав промову і перед тим, як спробував себе підпалити, його схопили і потягли до КДБ. Миколі Береславському інкримінували статтю 62–1 КК УРСР і засудили до 2,5 років таборів суворого режиму²⁶.

У 1971 р. виникла перша в Україні суто правозахисна організація на зразок московської Ініціативної групи. 8 грудня 1971 р. в Одесі заарештували Ніну Строкату-Караванську, а вже за два тижні був створений «Громадський комітет захисту Н. Строкатої». Заяву комітету підписали Леонід Тимчук (Одеса), Ірина Стасів-Калинець, В'ячеслав Чорновіл (Львів), Василь Стус (Київ), Петро Якір (Москва)²⁷. У заяві зазначалося, що комітет діятиме на засадах Конституції СРСР, Декларації прав людини і Пакту про громадські та політичні права. Комітет не встиг випустити бюлетень, адже через 22 дні розпочався так званий «генеральний погром» – тотальна хвиля репресій проти шістдесятників.

Основним засобом боротьби шістдесятників з тоталітарним режимом був самвидав. У 1965–1972 роках український самвидав складався з художніх творів, документів та публіцистики. З січня 1970 р. в самвидаві почало виходити перше в Україні періодичне видання – «Український вісник» (УВ), на зразок московської «Хроніки текущих событий» (ХТС). Але на відміну від ХТС, УВ містив не тільки інформацію про репресії та становище політв'язнів, а й подавав твори, поширені в самвидаві, – дослідження з історії, свідчення щодо геноциду українців, літературознавчі роботи, вірші, прозу. Видання відзначалося високим професійним рівнем. УВ був створений за ініціативою В'ячеслава Чорновола, який і став головним редактором цього часопису²⁸.

Рух шістдесятників тривав із кінця 50-х до початку 70-х років ХХ ст. і закінчився тотальним розгромом у 1972 р.

Україна була полігоном для випробовування КДБ нових методів боротьби з інакдумством. Саме в ті часи були скоєні перші таємні вбивства (Алла Горська, Володимир Івасюк, Микола Зварич). Тоді ж була розпочата практика фабрикування кримінальних справ – за згвалтування, за хуліганство, за опір представникам влади, за зберігання наркотиків тощо. Саме в Україні репресії були найжорстокішими: перший табірний термін жінці за участь у гельсінському рухові (Ользі Гейко), перше застосування 187 прим. КК УРСР до жінки пенсійного віку – 75-річної Оксани Мешко, перше засудження жінки за те, що вона домагалася визволення чоловіка-політзека (Раїса Руденко)²⁹.

Підпільний рух не припинявся від часів ОУН аж до кінця 1980-х років – часів «гласності», коли він став вже непотрібним. Мабуть, найпомітнішою підпільною організацією 1960-х років можна вважати *Український національний фронт (УНФ)*, куди входили Дмитро Квезько, Зіновій Краківський, Михайло Дяк, Ярослав Лесів та інші. У 70-х роках діяли «*Український національно-визвольний фронт*» (УНВФ), головною дієвою особою й лідером якого можна вважати Зоряна Попадюка, «*Росохацька група*», членами якої були Володимир та Микола Мармуси, Степан Сапеляк, Петро Винничук та інші. Члени всіх цих підпільних організацій піддалися жорстоким репресіям.

Можна зазначити, що всередині *Українського національного руху* було дві течії, що прямо залежали від географії та історичної спадщини регіонів, де вони переважали. Перша течія мала політичний характер, формувалася на засадах ОУН-УПА й поширена була передусім у західних областях України. Цій течії властиві підпільні методи боротьби. У її представників не було якоїсь трансформації поглядів стосовно радянської влади: радянський режим сприймався ними виключно як окупаційний. Друга течія – рух за національні та культурні права – охоплювала всю Україну, переважала в Києві та Центральній Україні, а також у великих містах. У її представників зі східних та центральних регіонів відбулася значна трансформація поглядів: від віри у «соціалізм з людським обличчям», намагань відкрити людям і владі очі на національні проблеми й прагнень реформувати радянську систему до краху ілюзій стосовно реформування комуністичної системи в СРСР і боротьби за незалежну Україну. Самі дисиденти поділили свої лави на так званих «політиків» і «культурників». Цей розподіл є, звичайно, умовним. Знайомство представників цих двох течій як на волі, так і, передусім, у таборах породило єдиний український дисидентський рух на новому етапі – легальної боротьби за права людини. Представники обох течій ставали правозахисниками.

Після підписання Радянським Союзом Гельсінкських угод у країні з'являються правозахисні організації, які передбачають легальні дії на захист прав людини й спираються у своїй діяльності на статті Заключного Акту цих угод. Наприкінці 1976 р. подібна організація з'являється і в Україні – *Українська громадська група сприяння виконанню Гельсінкських угод* (скорочено УГГ).

Найголовніша відмінність правозахисного руху від інших рухів і течій попереднього періоду полягає в тому, що правозахисники не протиставляли себе системі, а діяли всередині неї, намагаючись боротися законним, легальним шляхом, і прагнули змусити владу виконувати міжнародні угоди, власну Конституцію та закони.

УГГ була створена 9 листопада 1976 р. в Кончі-Заспі під Києвом на квартирі поета й публіциста Миколи Руденка, якого було обрано керівником Групи. До першого складу УГГ увійшли: Олесь Бердник – письменник-фантаст, Петро Григоренко (він став представником групи у Москві), Левко Лук'яненко, Оксана Мешко, Ніна Строката, Іван Кандиба, Олексій Тихий, Микола Руденко (керівник Групи), Мирослав Маринович,

Микола Матусевич³⁰. Робота УГГ мала правозахисний характер, хоча й зосереджувалася переважно на національному питанні, на проблемах збереження та відродження національної культури. УГГ випускала меморандуми, заяви, звернення та бюлетені. Водночас наприкінці 1970-х років почала з'являтися тенденція змикання інших рухів з національним рухом.

Від самого початку реакція влади на діяльність групи була різко негативною, репресії з кожним роком ставали дедалі жорстокішими. З 1979 р. до групи вступати стало дуже небезпечно – майже одразу починалися арешти й суд. До 1982 р. всі члени УГГ були засуджені й відбували покарання в таборах та в'язницях. УГГ усю свою увагу зосереджувала на фіксації порушень права українців на національну рівність. На відміну від інших гельсінських груп, вона не відгукувалася на релігійні переслідування, на рух за соціально-економічні права. І програмний документ УГГ, й інші її 30 документів присвячені різним аспектам національної проблеми³¹. Доля членів УГГ політв'язнів Валерія Марченка, Олекси Тихого, Юрія Литвина і Василя Стуса склалася трагічно – вони не пережили ув'язнення в Пермських таборах особливого режиму³².

Загальнодемократичний рух, що не ставив насамперед національної проблеми, був помітніший у зрусіфікованих великих містах центру, сходу та півдня України – у Києві, де він зрісся з українським національним рухом, у Харкові, Одесі, Дніпропетровську, Донецьку тощо.

Цей рух виник на початку «відлиги» у вигляді марксистських гуртків. Основною ідеєю усіх подібних об'єднань була зміна або корекція курсу партії відповідно до марксистських принципів. Вони використовували підпільні методи боротьби. Одним з найяскравіших об'єднань такого типу була група *Реалістичний робітничий гурток демократів*, яку створили у Донецьку молоді робітники Євген Доніченко, Микола Малий, Анатолій Сергієнко та інші. Членів групи було заарештовано у серпні 1957 р., а в листопаді засуджено на різні терміни ув'язнення³³. Аналогічні організації існували і в багатьох інших містах до початку 1970-х років. З еволюцією поглядів дисидентів на зміну демократам-підпільникам приходять правозахисники.

У 1969 р. харків'янин Генріх Алтунян став членом *Ініціативної групи захисту прав людини в СРСР* – першого правозахисного об'єднання в країні. З України до групи увійшов і киянин Леонід Плющ. Мустафа Джемільєв, лідер руху кримських татар за повернення до Криму, теж став членом групи, тоді він ще мешкав у Ташкенті. Решта членів групи – росіяни: один з Ленінграда і 11 москвичів. Правозахисники на той час проводили петиційні кампанії: листи, заяви, звернення до різних радянських та міжнародних органів про стан прав людини в СРСР, на захист тих чи інших репресованих тощо. На прохання Петра Якіра – члена Ініціативної групи – Г. Алтунян і його друзі погоджуються підписати відкритого листа до Верховної Ради СРСР на захист кримських татар і П. Григоренка, заарештованого на початку травня 1969 р. Листа підписали 54 особи, зокрема Леонід Плющ (Київ), В'ячеслав Чорновіл (Львів) і харків'яни Генріх Алтунян, Володимир Пономарьов, Владислав Недобора, його дружина Софія Карасик, Аркадій Левін, його сестра Тамара Левіна, Семен Подольський, Давид Ліфшиц, Олександр Калиновський, Лев Корнілов. Уже 28 травня 1969 р. Ініціативною групою було відправлено листа до Комітету ООН з прав людини, у якому висвітлювалось становище з правами людини в СРСР³⁴. Харківські підписанти дізнались про це тільки з «ворожих голосів». На несподіване зауваження на роботі: «По «голосах» передали, що ви підписали листа до ООН!» Владислав Недобора відповів: «Раз передали – значить підписав»³⁵. «Вынос сору из избы» влада подарувати не могла, почалися репресії. Чотирьох харків'ян – Г. Алтуняна, В. Недобору, В. Пономарьова та А. Левіна – засудили

за ст. 187–1 до трьох років таборів загального режиму³⁶. Решта харків'ян-«підписантів» отримали суворі догани на роботі, були понижені в посаді, але жоден з них не відмовився від свого підпису.

1980 р. в Харкові почалися політичні переслідування, які переросли у справжню кампанію з розгрому центрів інакодумства. За два роки у місті було заарештовано та засуджено кілька відомих дисидентів-правозахисників і «відмовників». Генріха Алтуняна було засуджено за ст. 62 ч. 1 на 7 років таборів і 5 років заслання. Однією з цілей цього суду була спроба налякати опозиційну інтелігенцію, але тут КДБ помилився. Процес викликав обурення і співчуття до підсудного у великої кількості молоді, навіть тих, хто особисто не був знайомий з Алтуняном. Історика Євгена Анцупова було заарештовано у тому ж 1981 р. Під час обшуку в нього було вилучено його власні історичні твори, написані до 1979 р., у яких він пророкував вторгнення радянських військ до Афганістану і поразку СРСР у цій війні. Він написав листа до Л. Брежнєва з застереженням проти цієї війни. Є. Анцупова було засуджено до 6 років таборів і 5 заслання за ст. 62 ч. 1. Інший харківський дисидент, психіатр Анатолій Корягін, працював зі створеною у Москві *Робочою комісією з розслідування використання психіатрії у політичних цілях*, проводив незалежні психіатричні експертизи, писав про репресивну психіатрію в СРСР і друкувався в самвидаві. Він був заарештований 13 лютого 1981 р. і одержав 7 років ВТК плюс 5 – заслання за ст. 62 ч. 1³⁷.

В Одесі загальнодемократичний рух був тісно пов'язаний з українським національним рухом та з єврейським рухом за виїзд до Ізраїлю. Леонід Тимчук і його друзі вийшли на контакт з Ларисою Богораз і невдовзі долучилися до правозахисного руху: стали активними «підписантами», почали поширювати самвидав. Через Ларису Богораз у 1968 р. вони дізналися про активну українську дисидентку-шістдесятницю Ніну Строкату – дружину політв'язня Святослава Караванського. Через неї познайомилися з львів'янами В'ячеславом Чорноволом, Іриною Стасів-Калинець, киянами Іваном Світличним, Оксаною Мешко та іншими учасниками українського руху опору³⁸.

Як уже згадувалося, після арешту Н. Строкатої на її захист українськими дисидентами був організований «Комітет захисту Н. Строкатої». Довіреною особою Н. Строкатої в Одесі став Л. Тимчук³⁹. Тоді ж була заарештована активістка єврейського руху Рейза Палатник, що брала активну участь і в загальнодемократичному русі. 1974 р. був заарештований В. Ігрунов, який вважався однією з центральних постатей у поширенні самвидаву в СРСР. У його справі пройшло близько 30 осіб⁴⁰; він був визнаний божевільним і відправлений до Одеської психлікарні, де перебував до 1976 р. У другій половині 1970-х – першій половині 1980-х років стали в'язнями сумління найактивніші одеські дисиденти: Леонід Тимчук, Василь Барладяну, Вікентій Гончаров, Ганна Михайленко, Петро Бутов.

Обурення й презирство до влади, особливо серед молоді, зростало і виплеснулося в масові рухи вже під час перебудови, коли суспільство зустрічало політв'язнів як героїв.

Особливістю України щодо *релігійних рухів* є наявність *Української греко-католицької церкви (УГКЦ) й Української автокефальної православної церкви (УАПЦ)*. Віруючі, які належали до цих конфесій, жорстоко переслідувалися. Існування таких церков в Україні влада не визнавала взагалі. Представники греко-католицької та автокефальної православної церков були дуже близькими до українського національного руху.

Після угоди Сталіна з Російською православною церквою (РПЦ) у 1944 р. остання стала одним з інструментів нагляду та впливу на суспільство⁴¹. Тому радянська влада прагнула підпорядкувати усі інші конфесії РПЦ або знищити їх взагалі. У межах цієї політики було проведено Львівський Собор 1946 р., на якому УГКЦ

«возз'єдналася» з Російською Православною Церквою⁴². Після «возз'єднання» посилився масовий терор проти священнослужителів-уніатів. Митрополит Йосип Сліпий, єпископи і більше тисячі священників піддалися репресіям. Три тисячі парафій було ліквідовано або насильно «переорієнтовано» в православ'я. Багато уцілілих представників УГКЦ – священників і просто віруючих – пішли у підпілля і проводили катакомбні богослужіння⁴³.

Практично по всій Західній Україні були поширені катакомбні церкви і навіть катакомбні монастирі УГКЦ. Греко-католицький рух на Західній Україні був масовим. Населення чинило опір руйнації, розграбуванню храмів, використанню церковних приміщень як господарських складів та іншим проявам вандалізму радянської влади. Були спроби захищати права віруючих шляхом петицій, відкритих листів, звернень.

Першою правозахисною організацією на захист прав віруючих УГКЦ стала «Ініціативна група захисту прав віруючих і церкви в Україні», створена 9 вересня 1982 р. До її складу увійшли Йосип Тереля, отець Григорій Будзінський, отці Ігнатій та Діонісій, Стефанія Петраш-Січко⁴⁴. 24 грудня 1982 р. було заарештовано голову Ініціативної групи Терелю. Його було засуджено на 1 рік за дармоїдство – один з улюблених прийомів боротьби з дисидентами. Виконуючим обов'язки голови групи став Василь Кобрин⁴⁵. У той час група мала ще одну назву: «Комітет захисту католицької віри в Україні». Незважаючи на репресії, протягом усього часу панування радянської влади рух УГКЦ не вщухав.

Українська автокефальна православна церква, яка відокремилася під час створення першої української держави 1917 р., була ліквідована більшовиками 1930 р., а її священники, монахи й просто віруючі були в 1930-х роках піддані жорстоким репресіям⁴⁶. Відновлена під час німецької окупації, УАПЦ була обвинувачена у співпраці з німцями, і під час наступу радянських військ її священнослужителі відступали разом з вермахтом, а згодом емігрували на захід. Ті, хто залишився, були замордовані більшовиками або перейшли до складу РПЦ. Таким чином, після війни УАПЦ існувала тільки в екзилі⁴⁷. В Україні не було руху УАПЦ, проте був один православний священник, правозахисник, який уособив боротьбу українського православ'я за права людини в Україні – це Василь Романюк, багаторічний політв'язень, член УГГ, а згодом – патріарх Володимир.

Жорстоким гонінням піддавались протестанти. Церква *Євангельських християн-баптистів* (ЄХБ) була найчисленнішою з усіх протестантських церков як в СРСР, так і в Україні. З метою контролю згори було утворено Всесоюзну раду церков ЄХБ (ВР ЄХБ). У 1960 р. ВР ЄХБ видав «Нове положення ВР ЄХБ» та таємний документ – «Інструктивний лист старшим пресвітерам», які мали серйозні розбіжності з принципами баптистської церкви. Пресвітери А. Прокоф'єв, Г. Крючков, Г. Вінс та інші сприйняли його як віровідступництво ВР ЄХБ⁴⁸. У травні 1960 р. вони об'єдналися в Ініціативну групу. Нескорені баптисти піддавалися жорстоким репресіям. У лютому 1964 р. виникла правозахисна організація ЄХБ – «Рада родичів в'язнів євангельських християн-баптистів», очолювана протягом 15 років Лідією Вінс – матір'ю Георгія Вінса і дружиною Петра Вінса, який загинув у сталінських таборах. Лідія Вінс відбула за свою діяльність трирічний термін від 1970 до 1973 року. У 1974 р. було заарештовано самого Георгія Вінса – секретаря Ради церков ЄХБ (постійного керівного органу окремої церкви, не підпорядкованої ВР ЄХБ). Проте це викликало таку потужну хвилю протесту як на Заході, так і в СРСР, що керівництво Радянського Союзу змушене було піти на поступки і обміняти Г. Вінса на кількох радянських шпигунів, заарештованих на Заході.

Іншою великою протестантською конфесією були *П'ятдесятники*. Їх також жорстоко переслідували. У 1945 р. цю конфесію було примусово підпорядковано ВР ЄХБ. Проте більшість громад п'ятдесятників просто не реєструвались й існували в підпіллі, не підпорядкувавшись ВР ЄХБ. У 1981 р. п'ятдесятниками була утворена правозахисна організація *Комітет «Право на еміграцію»*. Одним з її лідерів був донеччанин Павло Ахтьоров – автор релігійного трактату «На пути к бессмертию». За свою діяльність він був двічі засуджений у 1971 та 1981 роках⁴⁹.

Однією з найбільш переслідуваних за радянських часів конфесій були *Вірні і вільні адвентисти сьомого дня (ВВАСД)*. Усі її керівники загинули у таборах. Г. Оствальд і П. Мажура загинули ще за сталінських часів, а їх спадкоємець Володимир Шелков провів в ув'язненні і засланні 26 років і помер у таборі у 84-річному віці у 1980 р. Він був видатним релігійним письменником, який, зокрема, досліджував проблеми взаємовідносин церкви і держави, релігії і права. Особливо репресії проти адвентистів активізувались з 1979 р. КДБ старанно намагався викрити підпільне видавництво ВВАСД «Вірний свідок». Для цього він застосовував усі методи, включаючи катування адвентистів, затриманих з релігійною літературою⁵⁰. Переслідувань зазнавали також протестанти згаданих конфесій через категоричну відмову служити в армії.

Чинили опір радянському тоталітаризму і різноманітні рухи за свободу пересування. *Рух за свободу еміграції*, так званий рух «відмовників», мало чим відрізнявся від аналогічних рухів в інших республіках Радянського Союзу. Назва «відмовники» походить від відмови на прохання дозволу на виїзд з СРСР. Однією з основних таких течій був *Рух німців за виїзд до ФРН*. Його ще можна охарактеризувати як рух репресованого народу за повернення до рідних місць, адже 28 серпня 1941 р. вийшов Указ Президії ВР СРСР про депортацію німців до Середньої Азії та Сибіру. З 1974 р. Уряд ФРН підтримував радянських німців у їх бажанні повернутися на батьківщину, що значно посприяло їхній боротьбі за виїзд. Хоча у більшості випадків німцям давали дозвіл на виїзд, багатьом все ж було відмовлено під різними приводами. Проти німців-відмовників, які продовжували боротися за право на виїзд, застосовувались як судові, так і позасудові репресії⁵¹.

Основною дисидентською течією за свободу еміграції був *Єврейський рух за виїзд до Ізраїлю*. Як і в німців, однією з головних причин виникнення руху була дискримінація за етнічною ознакою як з боку держави, так і в побуті. Антисемітизм в СРСР був державною політикою: перешкоджання вступу євреїв до вузів, просуванню по службі тощо. Така національна політика розпалювала і споконвічний побутовий антисемітизм. На відмовників чекали утики на роботі або її втрата, пониження на посаді, цькування дітей у школі та інші неприємності. Основною формою боротьби «відмовників» на той час були скарги, звернення, петиції як окремих осіб та родин, так і цілі петиційні кампанії.

Під час політики «розрядки», в середині 1970-х років, радянська влада все ж відпускала особливо настирних людей в еміграцію. Більше того, деяких активістів інших рухів єврейської національності намагалися примусити подати документи на виїзд. Ситуація ускладнилась з 1979 р., коли отримати дозвіл на виїзд стало практично неможливо. Одним із засобів протесту з цього часу стають колективні голодування.

Була й інша течія в єврейському русі – «культурники». Вони боролися за реалізацію культурних і релігійних прав єврейського народу, за створення умов для розвитку єврейської культури, виховання дітей у її традиціях тощо. Проте культурники доволі швидко переконувались, що створення сприятливих умов для розвитку національної культури у тоталітарній державі неможливе, й поповнювали лави прибічників еміграції⁵².

Єврейський рух за виїзд до Ізраїлю користувався підтримкою українських правозахисників. Йосиф Зісельс – один з активних захисників відмовників і активіст єврейського культурницького руху – був і українським правозахисником, членом УГГ.

Одним з найпотужніших дисидентських рухів у СРСР був *Рух кримських татар за повернення до Криму*. 18 травня 1944 р. цілий народ – кримські татари – був звинувачений у зраді батьківщині й депортований з Криму. Рух кримських татар за повернення на батьківщину, пробуджений відлигою, почався з Узбекистану, де кількість кримських татар була найбільшою. У селах, районах і містах виникали ініціативні групи. На початок 60-х років петиції підписало вже понад 100 тисяч чоловік⁵³. Проте влада залишалась глухою до прохань цілого народу.

У 1966 р. активістами руху було проведено загальнонародне опитування з метою встановити чисельність населення і кількість жертв депортації. Результати були надіслані до ХХІІІ з'їзду КПРС у зверненні, яке підписало 130 тисяч чоловік. Активні дії кримських татар все ж таки призвели до того, що влада пішла на поступки. 9 вересня 1967 р. вийшло два Укази Президії ВР СРСР: «Про громадян татарської національності, що раніше проживали в Криму» та «Про порядок застосування частини 2 Указу Президії ВР СРСР від 28 квітня 1956 року», які хоч і принижували національну гідність кримських татар формулюваннями на кшталт «громадяни татарської національності», проте знімали з них тавро «зрадників Батьківщини» та дозволяли селитися «по всій території СРСР», зокрема в Криму⁵⁴. Однак у СРСР закон і його виконання – різні речі. Ще до опублікування Указів по всьому Криму була введена прописка, яка раніше існувала лише в містах та на курортах. Нотаріальним конторам була дана таємна вказівка не оформлювати купівлю будинків, якщо купує кримський татарин, а керівникам підприємств – не брати на роботу кримських татар, і це за нестачі робочих рук на півострові!

У вересні 1968 р. були заарештовані 10 найактивніших членів ініціативних груп. Кримські татари нібито звернулися до Петра Григоренка з проханням бути громадським захисником на суді, який очікувався у травні 1969 р. Насправді ж це була провокація КДБ. 7 травня 1969 р. його було заарештовано у Ташкенті. Григоренко був визнаний психічно хворим і пробув у спецпсихлікарні 5 років. 17 травня заарештували й іншого захисника кримських татар – Іллю Габая⁵⁵. У цей час кримськотатарський рух був вже тісно пов'язаний з загальносоюзним правозахисним рухом. Так само й Ініціативна група захисту прав людини, що виникла у Москві 1969 р., була створена за прикладом кримськотатарських ініціативних груп. Одним із засновників Ініціативної групи захисту прав людини був Мустафа Джемільєв – активіст кримськотатарського руху, дисидент, політв'язень, який згодом став національним героєм і очолив рух кримських татар за репатріацію. 11 вересня 1969 р. його також заарештували і судили разом з І. Габаєм. Обоє засудили в січні 1970 р. за статтею 190-1 на 3 роки ув'язнення⁵⁶. Мустафа Джемільєв поклав усе своє життя на національну боротьбу, його судили вперше у 1966 р., потім у 1970, 1974, 1976, 1979, 1983 рр. і останній раз – у 1986 р.

Рух кримських татар за повернення до Криму був наймасовішим дисидентським рухом у СРСР – тільки акції цього руху нараховували сотні тисяч учасників. Він відіграв велику роль у боротьбі з радянським тоталітаризмом.

Подібними в усіх республіках СРСР були й спроби створення вільних профспілок, організації страйків та інші форми боротьби, що визначають *Рух за соціальні та економічні права*. В Україні цей рух був поширений перш за все в промислових регіонах: у Донецькій, Луганській, Дніпропетровській, Запорізькій, Харківській областях. Основною формою опору робітників були страйки. Щодо їхньої кількості в Україні, А. Русначенко наводить такі цифри: у 1960 р. відбулося 6 страйків, у 1962 р. – 9,

а у 1963 р. – 15 страйків. Упродовж 1973–1975 років кількість страйків була не більшою, ніж у 1960 р.⁵⁷

Робітничий рух оформився у вигляді незалежних профспілок. 26 лютого 1978 р. шахтарем Володимиром Клебановим була створена «Асоціація вільної профспілки трудящих у Радянському Союзі». Був складений Статут першої незалежної профспілки, до якої вдалося залучити близько 200 чоловік.

28 грудня 1978 р. в Москві виникла ще одна організація, яка мала на меті захист соціальних та економічних прав, – «Вільне міжпрофесійне об'єднання трудящих» (ВМОТ)⁵⁸. За структурою вона була загальносоюзною організацією з автономними філіями на місцях, зокрема й в Україні.

На думку автора, у незалежній Україні не відбулося зміни політичної еліти зокрема тому, що різні дисидентські рухи і течії не змогли об'єднатися ще за часів тоталітаризму. Цього не сталося, напевно, через відмінність історичної спадщини різних регіонів України, через мультинаціональність, полірелігійність і, перш за все, ослабленість народу після голодомору, сталінських репресій та світової війни.

¹ Чорновіл, В. Лихо з розуму. Львів, Меморіал, 1991.

² Хейфец, М. Избранное. В 3 т. Т. 3. Украинские силуэты. Военнопленный секретарь. Харьков, Фолио, 2000.

³ Бадзьо, Ю. Право жити. Україна в складі СРСР, людина в системі тоталітарного соціалізму. К., Таксон, 1996.

⁴ Алексеева, Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., ЗАО РИЦ «Зацепа», 2001.

⁵ Зайцев, Ю. Дисиденти – опозиційний рух 60-х–80-х рр. – В: Сторінки історії України ХХ століття. К., 1992. – 195–235 с.

⁶ <http://kipiani.org>

⁷ Батенко, Т. Опозиційна особистість: друга половина ХХ ст. Політичний портрет Богдана Гориня. Львів, Кальварія, 1997.; Батенко, Т. «Я повстаю, отже, я існую...» Політичний портрет Івана Геля. Львів, НТШ, 1999.

⁸ Касьянов, Г. Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960-х–1980-х років. К., Либідь, 1995.

⁹ Курносів, Ю. Інакомислення в Україні (60-ті – перша половина 80-х років ХХ ст.). К., 1994.

¹⁰ Русначенко, А. Національно-визвольний рух в Україні: середина 1950-х – початок 1990-х років. К., Видавництво імені Олени Теліги, 1998.

¹¹ Данилюк, Ю., Бажан, О. Опозиція в Україні (друга половина 50-х – 80-ті рр. ХХ ст.). К., Рідний край, 2000.

¹² Охотин, Н. Г., Петров, Н. П., Рогинский, А. Б. Доклад на конференции «Дисидентское движение в СССР. Предмет исследования, источники, методика изучения». 24–25. 08. 1992. НИПЦ «Мемориал». На правах рукопису.

¹³ Там само.

¹⁴ Там само.

¹⁵ Аудіоінтерв'ю з І. Гелем. Взятє Б. Захаровим, 1997. – Архів ХІПГ (<http://archive.khpg.org>).

¹⁶ Маляренко, В. Реабілітація репресованих: законодавство та судова практика. К., Юринком, 1997, с. 207.

¹⁷ З виступу працівника Генеральної прокуратури України В. Дріжчаного на нараді комісії з питань реабілітованих. К., 1992.

¹⁸ Русначенко, А. Вказ. праця (Документи і матеріали), № 4. Про стан роботи органів державної безпеки Української РСР. К., Видавництво імені Олени Теліги, 1998, с. 325.

¹⁹ Алексеева, Л. Вказ. праця, с. 10.

²⁰ Інтерв'ю німецької радіостанції в Кельні зі Степаном Бандерою. Шлях Перемоги, чч. 43 і 44 з 1954 р., також у: «Гомін України», Торонто, ч. 1–2 (294–295) з 7. 1. 1955 р. п. н. «Інтерв'ю німецької радіовисильні зі Степаном Бандерою».

²¹ Алексеева, Л. Вказ. праця, с. 12.

²² Дзюба, І. Інтернаціоналізм чи русифікація? Мюнхен, Сучасність, 1968.

- ²³ *Чорновіл, В.* Вказ. праця.
- ²⁴ *Касьянов, Г.* Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960-х–1980-х років. К., Либідь, 1995, с. 74.
- ²⁵ *Мороз, В.* Серед снігів. Мюнхен, Сучасність, 1975, с. 80.
- ²⁶ 3 листів М. Береславського. – Архів ХПГ.
- ²⁷ Аудіоінтерв'ю з Л. Тимчуком. Взяте В. Овсієнком, 2001. – Архів ХПГ (<http://archive.khpg.org>).
- ²⁸ Український вісник. Випуски 1–6. Париж–Балтимор, Смолоскип, 1971–1977; *Чорновіл, В.* Твори в 10 т. Т. 3. Український вісник. Випуск I–VI. К., Смолоскип, 2006.
- ²⁹ *Захаров, Б.* Нарис історії дисидентського руху в Україні. Харків, Фолио, 2003, с. 63.
- ³⁰ Українська Громадська Група сприяння виконанню Гельсінкських угод (УГГ). В 4 т. Т. 2. Документи і матеріали (9 листопада 1976 – 2 липня 1977). Харків, Фолио, 2001, 15–16.
- ³¹ УГГ. Вказ. видання в 4 т.; Українська гельсінкська група 1978 – 1982. Документи і матеріали. Торонто–Балтимор, Смолоскип, 1983.
- ³² Аудіоінтерв'ю з М. Горбалем. Взяте В. Овсієнком, 1998. – Архів ХПГ (<http://archive.khpg.org>).
- ³³ *Русначенко, А.* Вказ. праця, с. 240.
- ³⁴ *Алтунян, Г.* Цена свободы: воспоминания диссидента. Харьков, Фолио, 2000. – 297–301.
- ³⁵ *Захаров, Б.* Вказ. праця, с. 35.
- ³⁶ *Алтунян, Г.* Вказ. праця, с. 41.
- ³⁷ *Захаров, Б.* Вказ. праця, с. 37.
- ³⁸ Аудіоінтерв'ю з Л. Тимчуком. Взяте В. Овсієнком, 2001. – Архів ХПГ (<http://archive.khpg.org>).
- ³⁹ Там само.
- ⁴⁰ *Алексєєва, Л.* Вказ. праця, с. 293.
- ⁴¹ Там само, с. 190.
- ⁴² Мартирологія українських церков (МУЦ) у 4 т. Т. 2. Українська католицька церква. Торонто–Балтимор, Смолоскип, 1985, с. 74.
- ⁴³ Там само, 73–83.
- ⁴⁴ Там само, 651–665.
- ⁴⁵ Там само, с. 97.
- ⁴⁶ МУЦ. Т. 1. Українська православна церква, с. 994–1048.
- ⁴⁷ Там само, 1048–1059.
- ⁴⁸ *Алексєєва, Л.* Вказ. праця, с. 152.
- ⁴⁹ *Данилюк, Ю., Бажан, О.* Опозиція в Україні (друга половина 50-х–80-ті рр. ХХ ст.). К., Рідний край, 2000, с. 304.
- ⁵⁰ *Алексєєва, Л.* Вказ. праця, с. 182.
- ⁵¹ Там само, 143–149.
- ⁵² Там само, 123–136.
- ⁵³ Там само, с. 103.
- ⁵⁴ Там само, с. 105.
- ⁵⁵ Там само, с. 110.
- ⁵⁶ Там само, с. 110.
- ⁵⁷ *Русначенко, А.* Вказ. праця, с. 236.
- ⁵⁸ *Алексєєва, Л.* Вказ. праця, с. 346.

Н. І. Самойленко

**БОЛГАРСЬКІ СЮЖЕТИ НА СТОРІНКАХ
«УКРАЇНСЬКОГО ІСТОРИЧНОГО ЖУРНАЛУ»
(1957–1985 рр.)**

«Український історичний журнал» (УІЖ) належить до тих періодичних видань, які сприяли розвиткові славістичних досліджень в Україні. З'явившись у 1957 р. за умов реформування радянського суспільства, він слугував важливим засобом популяризації історичного знання. З іншого боку, це був рупор радянської історичної науки, ідеологічно спрямований у відповідності до вимог свого часу. Попри свою політичну заангажованість, часопис відбивав основні тенденції розвитку вітчизняних історичних досліджень, у тому числі і в галузі болгаристики.

У наш час є нагальною потреба розглянути спадок української славістики, що відображений у науковій періодиці. Це зумовлено докорінними змінами в суспільно-політичному та економічному устрою країн Центрально-Східної Європи, які розпочалися на межі 80–90-х рр. ХХ ст. Розпад соціалістичної системи, формування ринкових відносин, багатопартійність, ідеологічний плюралізм – усе стало реальністю в регіоні. Відійшла в небуття ціла історична епоха. Розрив із нею зумовив драматичні зіткнення з життям теоретичних та конкретно-історичних уявлень. За умов складних змін стало очевидним, що чисельні висновки не витримали перевірку часом та не виправдали себе. Нова ситуація не сумісна з одномірним ставленням до минулого та диктує необхідність переглянути спадок вітчизняної болгаристики¹.

Необхідність переоцінки спадку минулого посилює увагу дослідників до попереднього наукового доробку, ставить у порядок денний питання про те, що у цьому доробку не втратило своєї актуальності, що було обумовлено ідеологічними штампами або штучною соціологічною схемою історичного процесу. При цьому вкрай важливо не впасти у вульгарну заміну позитивних оцінок на негативні і, навпаки, відмовитися від однобічного підходу. Радянський варіант болгарської історії, відображений на сторінках «Українського історичного журналу», разом із вадами схематичного висвітлення історичного процесу зафіксував і досягнення марксистської історіографії у галузі болгаристики. Наукова періодика завжди оперативно відгукувалася на потребу дня, тому дослідження її допомагає більш ґрунтовно відповісти на питання про ступінь заполітизованості тих чи інших висновків, об'єктивності розгляду досліджуваних процесів.

Для аналізу в даному випадку були взяті публікації 1957–1985 рр. – періоду, що пов'язаний із загальноприйнятою періодизацією двосторонніх відносин². Хронологічні рамки проблеми, винесеної в назву статті, обумовлені певною спільністю процесів, які мали місце в житті Народної Республіки Болгарії та УРСР (як частини СРСР). Обидві республіки розвивалися в другій половині 50-х–60-ті рр. ХХ ст. при відносному послабленні командно-адміністративного тиску після відмови від культу особи на ХХ з'їзді КПРС (1956) та на квітневому пленумі Центрального комітету БКП (1956). Мале місце розширення міжнародних зв'язків як між країнами західної та східної частини європейського континенту, так і всередині соціалістичного блоку. Болгарія

розцінювалася радянським керівництвом як «найнадійніша ланка соціалістичного табору», що, до речі, визнавалося зарубіжною немарксистською історіографією³. Наприкінці досліджуваного періоду бюрократичні методи управління суспільством та державою запанували як у Радянському Союзі, так й у Народній Республіці Болгарії. Так звана відлига завершилась. Історичний поступ уповільнився аж до середини 1980-х рр. – до проголошення курсу на «перебудову».

«Український історичний журнал» видавався щомісяця під егідою Інституту історії Академії наук Української РСР та Інституту історії партії при Центральному Комітеті Компартії України. З огляду на завдання, яке стояло перед редакцією⁴, головна увага приділялася вітчизняній історії. За 50 (1957–2007) років існування журналу лише 7,4% усіх матеріалів (наукові статті, повідомлення, історіографічні огляди, рецензії, нариси, інформації) стосувалися проблем міжнародних відносин та всесвітньої історії⁵. Можна стверджувати, що із проблем всесвітньої історії найбільше публікацій висвітлювали країнознавчу тематику, де минуле та сьогодення Болгарії займали одне з провідних місць. Зокрема, упродовж 1957–1967 рр. їй було присвячено близько 18% наукових статей із проблем всесвітньої історії⁶. В українській історичній науці другої половини 50-х – середини 80-х рр. ХХ ст. завдання дослідницького плану тісно пов'язувалися з розробкою методів історичного дослідження. Безсумнівно, зазначені обставини, а також ціла низка інших факторів, на які вже звертав увагу С. В. Віднянський⁷, не могли не позначитися на характері і тематиці публікацій з минулого та сьогодення Болгарії. Лідером серед усіх етапів історії цієї країни на шпальтах часопису була доба новітнього часу. Привалювали сюжети, пов'язані з революційними кризами в житті болгарської нації та соціалістичною модернізацією. Така тематична спрямованість відповідала кардинальним проблемам радянської славістики впродовж усього досліджуваного періоду – вивчення революційних та демократичних рухів, революцій у країнах Центральної та Південно-Східної Європи, історичних зв'язків слов'янських народів та їх етногенезу⁸. З кінця 1960-х рр. зростає кількість опублікованих журналом статей, нарисів, оглядів та рецензій на болгарську тематику, що пояснюється, з одного боку, активізацією наукових контактів (наукові відрядження, участь у міжнародних конференціях та симпозіумах як на двосторонній, так і на багатосторонній основі), а з іншого – безсумнівним впливом політичної кон'юнктури, активної реалізації радянського зовнішньополітичного курсу на розвиток всебічного співробітництва з країнами «соціалістичної співдружності».

Матеріали про Болгарію готували як вітчизняні (Ю. О. Боев, М. Д. Дихан, В. Н. Жук, В. А. Жебокрицький, М. В. Знаменська, П. М. Каленіченко, А. К. Маритненко, С. І. Сідельников, П. С. Сохань, Г. Й. Чернявський, А. І. Чорній та ін.), так і болгарські (І. Жеков, Н. Іванов, В. Коцев, Д. Крумов та ін.) автори. Головним чином це статті, нариси, рецензії на наукові дослідження, повідомлення про конференції з проблем болгаристики та слав'янознавства. Серед авторів були як визнані дослідники і співробітники Генерального консульства Народної Республіки Болгарії в Києві, так і аспіранти, які представляли провідні на той час славістичні центри України (Київ, Львів, Одеса, Харків). Редакція запроваджувала тимчасові рубрики, присвячені ювілейним датам у житті болгарського народу та його державності (див. «УІЖ», 1972, № 6; 1973, № 9; 1974, № 8; 1981, №№ 7, 9; 1982, № 6).

Завдяки «Українському історичному журналу» наукова громадськість республіки мала унікальну можливість отримати інформацію про роботу чисельних наукових форумів, про які інші республіканські періодичні видання не повідомляли. Це, зокрема, стосується конференції з питань літературних зв'язків України зі слов'янськими

народами (червень 1958 р.) – першої такого роду конференції в Україні, I конгресу з балканістики (серпень – вересень 1966 р.), міжнародної конференції, присвяченій 1100-річчю початку слов'янської писемності, II та IV міжвузівських наукових конференцій істориків-славістів, діячеві робітничого руху та державному лідеру Г. Димитрову⁹. Редакція регулярно знайомила читачів з матеріалами міжнародних конгресів славістів, а також оприлюднила інформацію про роботу Всесоюзної наукової конференції «Радянська болгаристика: підсумки та перспективи» – першого такого роду наукового зібрання, присвяченого результатам комплексного вивчення вітчизняними та болгарськими фахівцями історії і культури Болгарії¹⁰. На таких форумах, як правило, визначилися перспективи досліджень. Вони відігравали важливу прогностичну роль у розвитку болгаристики, з'ясовуючи коло недостатньо вивчених проблем, зосереджуючи увагу дослідників саме на них, сприяли таким чином їх вирішенню. Редакція намагалася відобразити наукове життя в галузі болгаристики, інформуючи про зустрічі з болгарськими колегами українських вчених¹¹, про наукову періодику болгарських істориків. Зокрема, було надруковано огляд першого числа «Etudes Balkaniques» й статті, присвячені часописам «Исторически преглед» та «Векове»¹². Проте огляди болгарської наукової періодици не мали систематичного характеру. За умов, коли у досліджуваній період історичні наукові праці складали майже половину усіх болгаристичних розвідок¹³, вченим, вочевидь, бракувало інформації з проблем розвитку історичної науки в цій балканській країні.

Почасти це компенсували рецензії «УІЖ» на розвідки в галузі історичної болгаристики. Рецензії на дослідження як болгарських, так і українських фахівців з'являлися оперативно та регулярно. Проте аналітичних оглядів та статей історіографічного плану¹⁴ на сторінках часопису замало. Упродовж 1957–1970 рр. співвідношення між рецензіями та історіографічними оглядами складало 5 до 1 (підррахунки автора). Бракувало публікацій, які б могли стати предметом дискусій. На описовість, декларативність деяких матеріалів журналу вказувалося на читацьких конференціях¹⁵.

Щодо тематики публікацій, то найбільш активно часопис висвітлював українсько-російсько-болгарські зв'язки. Цій темі присвячено близько 40% болгаристичних розвідок¹⁶ за 1957–1970 рр. Взаємини розглядалися на різних етапах їх розвитку. У публікаціях українських і болгарських авторів¹⁷ знайшли відображення культурні, економічні, дипломатичні відносини. Пріоритет надавався висвітленню класової солідарності у боротьбі за соціальні права та визнання радянської держави у міжвоєнну добу. Як у вітчизняній, так і в болгарській науковій періодиці¹⁸ схвальні відгуки отримав нарис П. С. Соханя з історії українсько-болгарських зв'язків¹⁹. Це було перше видання такого роду. У рецензії журналу зверталася увага на багатий фактичний матеріал, високий ступінь його узагальнення, політичну актуальність теми²⁰. Висвітлення взаємин двох слов'янських народів не виходило за межі традиційного розуміння радянською історіографією марксистського підходу до аналізу суспільних процесів.

Не оминула уваги українських болгаристів на сторінках журналу монографія А. К. Мартиненка з історії російсько-болгарських відносин²¹. Рецензенти звернули увагу на високий ступінь академізму роботи²². Монографія присвячувалася складному періоду у відносинах двох держав, коли традиція їх зв'язків витримала випробування непростотою геополітичною ситуацією на Балканах, відсутністю дипломатичних відносин. На ґрунтовному матеріалі вітчизняних і болгарських архівів автор довів неправомірність точки зору, котра покладала відповідальність на охолодження міждержавних контактів тільки на голову болгарського уряду до 1894 р. Ст. Стамболова. А. К. Мартиненко звернув увагу на прорахунки російської балканської політики, що, безсумнівно,

негативно позначалося на двосторонніх відносинах. Отже, панування звичних історичних схем не було беззаперечним на сторінках «Українського історичного журналу» в матеріалах на болгарську тему.

На шпальтах часопису набули висвітлення різні періоди болгарської історії. Якщо у 1950–1960-ті рр. акцент робився на міжвоєнній добі від Першої до Другої світових війн, то у 1970–1980-ті рр. часові межі розширилися за рахунок другої половини ХХ ст. Публікації, присвячені більш раннім подіям та процесам²³, були виключенням. Пануюча у досліджуваній період соціологічна схема у болгарській та вітчизняній науці дещо звужувала коло досліджуваних проблем міжвоєнної історії країни. Це знайшло відображення на сторінках журналу. Чільне місце займали вересневе 1923 р. повстання в Болгарії, рух на підтримку болгарських трудящих, політична еміграція, викликана репресіями проти повсталих. З іншого боку, боротьба авторитаризму та демократії, зародження власної націонал-соціалістичної ідеології, реваншистські настрої в житті болгарського суспільства залишалися на узбіччі наукових розвідок. У статтях В. В. Павленко, Ш. Файзієва, Г. Славова, Й. Мітева, Ц. Григорова та інших дослідників йшлося про сюжети, пов'язані з вересневим повстанням 1923 р.²⁴ Автори, узагальнивши багатий фактичний матеріал, зуміли відтворити щирі почуття української громадськості до репресованих учасників повстання, показати реакцію на нього як факт відносин між народами. Стосовно характеристик вересневих подій 1923 р. в публікаціях «Українського історичного журналу», як і в решті досліджень вітчизняних та болгарських фахівців 1950–1980-х рр., домінувала одна – антифашистське повстання. Така оцінка повністю співпадала з позицією Комінтерну; її незмінність свідчила про певну консервативність науки та не охоплювала всієї складності політичної ситуації в країні на той час. Поразка селянської демократії, коли внаслідок заколоту в червні 1923 р. проти законного уряду на чолі з лідером Болгарської землеробської народної спілки А. Стамболійським почалися масові репресії проти усіх лівих сил, свідчила про повільне «сповзання» болгарського суспільства в обійми реакції. Становище в країні визначалося не тільки революційними настроями, але й геополітичною ситуацією на Балканах та в цілому на континенті. Поразка повстання привела фактично до справжньої громадянської війни 1923–1925 рр., яка стала причиною масової політичної еміграції із країни. Теза про загострення класової боротьби у болгарському суспільстві не дозволила побачити, що в цій війні страждали не тільки робітники та комуністи: на її жертву перетворювалася буржуазно-демократична, парламентська основа країни, стихійний народний демократизм. Декілька публікацій «Український історичний журнал» присвятив долі болгарських політемігрантів у Радянському Союзі²⁵. Усі матеріали торкалися причин еміграції, високо цінували участь емігрантів у соціалістичній модернізації, відтворили їх ентузіазм та натхнення, викликані участю у радянському будівництві.

Ретельно вивчалася українськими фахівцями історія балканської країни періоду Другої світової війни. До неї зверталися І. В. Ганевич, М. І. Турівненко, В. І. Клоков, В. І. Казак, А. В. Копилов. Увагу до цієї теми привернули рецензії на монографії московського болгариста Л. Б. Валева²⁶ та болгарського історика Д. Коєна²⁷. Дослідники виходили з наявності двох груп політичних сил — фашистської та антифашистської. Цю загальноприйнятую у досліджуваній період точку зору підтримали й автори рецензій, у яких зазначалися сильні сторони вказаних розвідок. Проте в болгарській історіографії на той час вже мала місце спроба по-новому поглянути на історичний шлях Болгарії в роки Другої світової війни. Вона пов'язана з іменем талановитого вченого Ілчо Димитрова. У 1964 р. він виступив із статтею²⁸, де поставив питання про наявність в країні не двох, а трьох політичних таборів – правоконсервативного, до якого

входили фашистські та профашистські організації та партії, буржуазно-демократичного і ліворадикального на чолі з комуністами. Автор намагався знайти істину щодо характеру останнього уряду буржуазної Болгарії. І. Димитров дійшов висновку, що кабінет К. Муравієва мав антинімецький характер, тримав курс на поновлення парламентської демократії, розпочав ліквідацію інститутів і законів авторитарної влади монархії. Стаття публікувалася як дискусійна, проте в болгарській науковій періодиці вона не отримала жодного аргументованого відгуку. На жаль, ця публікація не була помічена й українськими вченими.

Певну увагу «Український історичний журнал» приділяв проблемам соціалістичної модернізації болгарського суспільства, яка розглядалася крізь призму побудови соціалізму з її головними завданнями – індустріалізацією, перетвореннями в аграрному секторі, «культурною революцією». У часописи знайшла відбиток реалізація усіх трьох завдань²⁹. Складність дослідження соціалістичної модернізації полягала в тому, що цей процес не мав історичних аналогів та аналізувався до його завершення. Дослідники не торкалися його цивілізаційних вимірів, проте соціально-економічні аспекти, зважаючи на вагомий досягнення марксистської історичної науки в галузі соціальної історії, тлумачилися адекватно. В усіх публікаціях в тому чи іншому ступені висвітлювалося питання про запозичення радянського досвіду соціалістичних перетворень та наголошувалося на його використанні. Теза про значення радянського досвіду та радянської допомоги в цей період породжувала ілюзії про безпроблемність двосторонніх відносин, що не сприяло їхньому розвитку. Поза увагою залишалося питання про соціальну вартість модернізаційних процесів. Болгарська художня інтелігенція того часу намагалася відповісти на нього (твори А. Гуляшки «Сім днів нашого життя», Б. Димитрової «Дорога в об'їзд» та ін.), але суспільствознавці ще не ставили його в порядок денний.

Таким чином, висвітлення болгарської історії на сторінках «Українського історичного журналу» зафіксувало основні тенденції розвитку вітчизняної болгаристики. Хронологічний та тематичний зріз болгарських сюжетів на сторінках часопису свідчить, що вітчизняні фахівці працювали над проблемами, які вважалися актуальними у радянській славистиці. Пріоритет надавався новітній історії – питанням пролетарської солідарності, інтернаціоналізму, Другої світової війни, соціалістичної модернізації, взаєминам українського і болгарського народів. Попри надмірну заідеологізованість, публікації на болгарську тематику, а також про двосторонні контакти, стали основою для подальших узагальнень щодо ролі історичної традиції у розвитку відносин українського та болгарського народів, деяких радянських республік, зокрема УРСР, у зовнішній політиці Радянського Союзу. Головною складовою більшості публікацій була політична, у той час, як інші чинники історичного процесу – культурно-цивілізаційні, гуманістичні – залишалися поза межами наукових розвідок. Висвітлення історичної болгаристики на сторінках «УІЖ», безперечно, сприяло поглибленню українсько-болгарських наукових контактів. Публікації мали систематичний, проте нерегулярний характер. Як правило, їм був притаманний високий рівень академізму. Запрограмована соціологічна схема стримувала творчий пошук дослідників. Історична болгаристика в «УІЖ» віддзеркалила певний консерватизм вітчизняної історичної науки, проте, з іншого боку, сприяла розвитку традиції славистичних досліджень, що склалися раніше. Безсумнівно, висвітлення болгарських сюжетів на шпальтах часопису не могло не вплинути на поглиблення та розширення наукових розвідок у подальший період та поставило в порядок денний завдання вивести за межі політики вивчення болгарської історії.

¹ Козлов, В. П. От преодоления мифов истории к поискам реалий прошлого. – Новая и новейшая история, 2009, №1, с. 5

² Сохань, П. С. Деякі методологічні аспекти дослідження радянсько-болгарського співробітництва. – Історичні дослідження. Історія зарубіжних країн. К., 1975, вип. 4, 5–23.

³ Vgown, J. F. The Balkans: Soviet ambitions and opportunity. – The World today, vol. 46, No 6, p. 249; Jelavich, B. History of the Balkans. The Twentieth Century. Cambridge, 1983, p. 364.

⁴ Горбик, В. О. Обговорення роботи «Українського історичного журналу». – УІЖ, 1973, № 9, 153–155.

⁵ Віднянський, С. В. Рецепції всесвітньої історії на сторінках «Українського історичного журналу». – УІЖ, 2007, № 6, с. 179.

⁶ Підраховано за: УІЖ, 1957–1967, №№ 1–12; Віднянський, С. В. Рецепції всесвітньої історії ..., с. 169; Жебокрицький, В. А., Кулинич, І. М. Вопросы истории зарубежных славян на страницах «Украинского исторического журнала». – Советское славяноведение, 1967, № 6, 59–63.

⁷ Віднянський, С. В. Рецепції всесвітньої історії на сторінках «Українського історичного журналу». – УІЖ, 2007, № 6, 167–169.

⁸ Марков, Д. Ф., Виноградов, В. Н. Институт славяноведения и балканистики: некоторые итоги и перспективы научной деятельности. – Новая и новейшая история, 1983, № 4, 19–32; Марков, Д. Ф. Болгаристика как комплекс научных дисциплин. – Советская болгаристика. Итоги и перспективы. М., Наука, 1983, 5–7; Мельникова, І. М., Кулінич, І. М. Стан і завдання вивчення історії європейських соціалістичних країн. – УІЖ, 1969, № 1, 3–12; Віднянський, С. В. О научно-исследовательской работе отдела истории и международных отношений социалистических стран Европы. – Новая и новейшая история, 1983, №6, 205–210.

⁹ Мольнар, М. Республіканська конференція з питань літературних зв'язків України з іншими слов'янськими народами [Київ, 3–5 червня, 1958 р.]. – УІЖ, 1958, № 5, 233–234; Романовський, І. В. Наукова сесія, присвячена 25-й річниці соціалістичної революції в Болгарії [Київ, 27 серпня 1969 р.]. – Там само, 1969, № 11, 104–106; Сохань, П. С. На міжнародних форумах у Софії. – Там само, 1967, № 1, 158–159; Юра, Р. О. Міжнародна конференція, присвячена 1100-річчю початку слов'янської письменності [Брно, жовтень 1963 р.]. – Там само, 1964, № 4, 157–158; Турівненко, М. І., Крапивін, О. В. Міжвузівська наукова конференція, присвячена 100-річчю Г. Димитрова. – Там само, 1982, № 8, с. 151.

¹⁰ Павленко, В. В., Шевченко, О. В. Всесоюзна наукова конференція «Радянська болгаристика: підсумки і перспективи». – УІЖ, 1981, 153–154.

¹¹ Кравченко, В. В. Зустріч з болгарським ученим – академіком БАН Д. Косевим. – УІЖ, 1974, № 1, с. 160.

¹² Боев, Ю. О., Сохань, П. С. Новый журнал болгарских историков. – УІЖ, 1965, № 10, 138–139; Бояджисева, С., М. Петров. Ювілей болгарського журналу «Исторически преглед». – Там само, 1971, № 2, 144–145; Міщенко, Е. М. Журнал болгарських істориків. – Там само, 1976, № 8, 141–145.

¹³ Калоева, І. А. Состояние научно-библиографической информации по болгаристике в СССР. – В: Советская болгаристика..., 154–161.

¹⁴ Калениченко, П. М. Вивчення історії Болгарії на Україні. – УІЖ, 1962, №1, 107–113; Горський, В. С. Деякі питання методології дослідження історії культурних взаємозв'язків: на матеріалах історії українсько-болгарських культурних взаємин. – Там само, 1965, №2, 47–54; Сохань, П. С., Петров, М. Видатний болгарський історик Веселин Хаджиніколов. – Там само, 1977, №7, 93–98; Іванцев, І. Д. Радянська історична література про вплив Великої Жовтневої соціалістичної революції на партію тісних соціалістів Болгарії. – Там само, 1980, №11, 149–153; Черній, А. І. Проблеми соціалістичної індустріалізації НРБ у радянській і болгарській літературі. – Там само, 1981, № 6, 139–145; Ганевич, І. В., Дихан, М. Д. Рец. на: Бейлис, А. С. Становлення марксистської історіографії Болгарії з кінця ХІХ ст. до соціалістичної революції 1944. Львів, 1970. – Там само, 1971, № 9, с. 158.

¹⁵ Гарагонич, В. Конференція читачів «Українського історичного журналу» в Ужгороді. – УІЖ, 1985, № 12, с. 148.

¹⁶ Підрахунки автора за: Український історичний журнал, 1957–1970, №№ 1–12.

¹⁷ Сохань, П. С., Жук, В. Н. Участь народних мас України у визволенні Болгарії. – УІЖ, 1971, № 2, 66–75; Хакімова, У. А. Позиція правлячих кіл Болгарії у питанні про встановлення дипломатичних і торговельних відносин з СРСР: перша половина 30-х рр. – Там само, 1978, № 1, 89–94; Атанасов, П. З минулого болгаро-українських зв'язків (ХVІ ст. – 1877 р.). – Там само, 1960, № 4, 65–73; Жеков, І. Дмитро Благоєв і Радянська Росія. – Там само, 1968, № 7, 75–79; Мартиненко, А. К. З історії російсько-болгарських відносин у 1909–1910 рр. – Там само, 1959, № 2, 69–81; Бойко, В. В. Становлення і розвиток радянсько-болгарських зв'язків у галузі вищої освіти (1944–1948). – Там само, 1981, № 8, 107–111.

¹⁸ Див.: *Атанасов, П.* Рец. на: *Сохань, П. С.* Вогонь вічної дружби. К., 1966. – Исторически преглед, 1966, № 4, 132–133; *Давидов, Н.* Рец. на: *Сохань, П. С.* Социалистически интернационализъм в действии. К., 1969. – Ново време, 1969, № 11, 108–110.

¹⁹ *Сохань, П. С.* Вогонь вічної дружби: Исторична дружба російського, українського та болгарського народів. К., Политвидав України, 1966. 116 с.; *Його ж.* Социалистически интернационализъм в действии. К., Наукова думка, 1969. 328 с.

²⁰ *Маркович, М.* Рец. на: *Сохань, П. С.* Вогонь вічної дружби. К., 1966. – УІЖ, 1966, № 9, 149–150.

²¹ *Мартиненко, А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. К., КГУ, 1967. 258 с.

²² *Жебокрицький, В. А., Кулінич, І. М., Сохань, П. С.* Рец. на: *Мартиненко, А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. К., 1967. – УІЖ, 1967, № 11, 142–144.

²³ *Атанасов, П.* З минулого болгаро-українських зв'язків (XVI ст. – 1878 р.). – УІЖ, 1960, № 4, 65–73; *Мартиненко, А. К.* З історії російсько-болгарських відносин у 1909–1910 рр. – Там само, 1959, № 2, 69–81; *Його ж.* Революція 1905–1907 рр. та російсько-болгарські дипломатичні відносини. – Там само, 1968, № 11, 113–117; *Мірзаєв, А.* Революційна боротьба робітничого класу Болгарії під керівництвом БРСДП (т. с.) в роки Першої світової війни. – Там само, 1970, № 5, 117–118; *Жебокрицький, В. А., Мартиненко, А. К.* Рец. на: *Конобеев, В. Д.* Българското националноосвободително движение: идеология, програма, развитие. София, 1972. – Там само, 1973, № 6, 146–147; *Жебокрицький, В. А.* Внутрішнє становище Болгарії напередодні Балканських воєн. – Там само, 1958, № 1, 48–60; *Татоли, Т. В.* Відображення революційних подій 1903 – 1907 рр. на сторінках газети болгарських тісних соціалістів «Работнически вестник». – Там само, 1985, № 1, 71–76.

²⁴ *Григоров, Ц.* Перше антифашистське повстання. – УІЖ, 1973, № 9, 74–81; *Кравченко, В., Славов, Г.* Солідарність трудящих Української РСР з Вересневим повстанням у Болгарії. – Там само, 87–91; *Митев, Й.* Вересневе повстання і братні комуністичні партії. – Там само, 81–87; *Файзієв, Ш.* Відгуки на Україні на Вересневе антифашистське 1923 р. повстання в Болгарії. – Там само, 1966, № 2, 56–60.

²⁵ *Сохань, П. С.* Сторінка братерської дружби. – Там само, 1966, № 2, 110–111; *Його ж.* Болгарська Комуністична партія і Комінтерн (до 50-річчя БКП). – Там само, 1969, № 5, 58–68; *Його ж.* Про перебування Г. Димитрова в Одесі у 1926 р. – Там само, 1964, № 1, 85–87.

²⁶ *Сохань, П. С., Клоков, В. І., Ганевич, І. В., Чернявський, Г. Й.* Рец. на: *Валев, Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964. – УІЖ, 1965, № 5, 144–146.

²⁷ *Кулінич, І. М.* Рец. на: *Коен, Д. Б.* Ограбването и разоряването на българското стопанство от германските империалисти през Втората световна война. София, 1966. – Там само, 1969, № 4, 142–143.

²⁸ *Димитров, И.* Последното правителство на буржоазна България. – Исторически преглед, 1964, № 5, 3–33.

²⁹ *Коцев, В.* 25-річчя соціалістичної революції в Болгарії. – УІЖ, 1969, № 8, 24–34; *Черній, А. І.* Організація державного контролю в болгарській промисловості в перші роки соціалістичної революції (вересень 1944 – грудень 1947). – Там само, 1965, № 8, 105–108; *Голуб, В. І.* Роль БКП у зміцненні союзу робітничого класу та селянства в період будівництва соціалізму. – Там само, 1970, № 8, 51–58; *Болгаранов, Б.* Великі діла осяяні сонцем болгаро-радянської дружби. – Там само, 1964, № 5, 3–14; *Попов, Г. М., Леднев, М. І., Йорданов, Г. Д.* «Правда» в народній Болгарії. – Там само, 1962, № 2, 25–35; *Леднев, М. І., Чернявський, Г. Й.* Рец. на: *Попов, Г. Н.* Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944–1948). Харьков, 1966. – Там само, 1967, № 9, 150–151; *Томов, Г.* Роль болгаро-радянської дружби і співробітництва для індустріального розвитку Народної Республіки Болгарії (на прикладі Бургаського округу). – Там само, 1977, № 12, 91–95; *Писарева, Г. П.* Розробка Болгарського комуністичною партією проблем культурного будівництва в НРБ у 70-х рр. – Там само, 1983, № 1, 59–64.

ПОСТКОМУНИСТИЧНИЙ ТРАНЗИТ: ДОСВІД БОЛГАРІЇ ТА УКРАЇНИ

И. Баева

ДВЕ ДЕСЕТИЛЕТИЯ БЪЛГАРСКИ ПРЕХОД – ПРЕДПОСТАВКИ, ПРОБЛЕМИ, РАВНОСМЕТКА

През есента на 2009 г. се изпълниха две десетилетия от началото на „големите промени“. На 10 ноември 1989 г. за изненада на повечето българи пленум на ЦК на БКП гласува оставката на генералния секретар и председател на Държавния съвет Тодор Живков. От този момент започнаха дълбоките преобразования в българското общество, наречени по-късно „български преход“. На 1 януари 2007 г. тържествено в присъствието на председателя на ЕК Жозе Мануел Дурау Барозу в София бе обявено присъединяването на България към Европейския съюз. Реализира се мечтата на българите страната да стане част от богатия и развит европейски Запад. Между тези две събития е заключена цяла епоха от съвременното развитие на България, която може да бъде наречена по различен начин: „път към демокрация“, „завръщане в Европа“, „придвижване от Изток на Запад“, „прощаване с комунизма“, „разграждане на системата“. А годишнината ми дава основание да направя опит за историческа равностметка.

Как започва преходът?

За да обясня особеностите на българския преход (както и на българския социализъм), ще започна с типичните за България специфики. Първата е традиционното русофилство, останало от XIX в. и превърнало се след 1968 г. в уникална българска черта в целия Източен блок (до посочената година русофилска е и Чехословакия). Втората е силното влияние на комунистическото движение още от създаването му след Първата световна война – комунистите получават много гласове на изборите, печелят местни общини, вдигат въстание през 1923 г.¹, създават въоръжено съпротивително движение след 1941 г.², въпреки че по същото време в съюз с Третия райх България реализира националния си идеал. Третата специфика е липсата на широка обществена съпротива срещу държавния социализъм от съветски тип – като изключим селските отряди на „горяните“ от началния период³, в България организирана съпротива така и не се създава до началото на 1988 г.

Посочените български специфики предопределят особената позиция на България в Източния блок: през 1989 г. Збигнев Бжежински я определя като единствената страна от блока, която не е в криза⁴. Затова е толкова важен фактът, че независимо от стабилността на режима в началото на 1988 г. в България все пак се създава дисидентско движение с няколко направления (екологично – Русенският комитет⁵, защитаващо човешките права – на Илия Минев, профсъюзно – „Подкрепа“ на д-р Тренчев, политическо – Клубът за подкрепа на гласността и преустройството⁶) и че в ръководството на БКП се оформят групи с различни виждания за по-нататъшното развитие, благодарение на което българското общество се събужда от летаргията. Събуждането е болезнено и е предизвикано не

толкова от реформите, обозначени като Юлска концепция (1987)⁷, или от дейността на дисидентите, колкото от последната фаза на т.нар. възродителен процес⁸.

През май 1989 г. българските турци от Североизточна България излизат на протести, след като четири години мълчаливо са понасяли насилствената смяна на имената си от мюсюлмански на християнски. Вълненията са предизвикани от външни фактори – общоевропейския процес, който достига до обсъждане на човешките права на специална конференция в Париж, свикана през май 1989 г., но и от активизирането на дисидентските организации. В тази обстановка на 29 май Тодор Живков прави официално изявление, в което обявява правото на българските турци да получат задгранични паспорти и да заминат „на екскурзия“ (в Турция). Така „възродителният процес“ навлиза в заключителния си етап, превърнал се в трагедия както за турците, над 300 хиляди от които през лятото се изселват в Турция, преди тя да затвори границите си, така и за българите, принудени да се справят с последиците от изселването – след гражданска мобилизация студенти, войници и чиновници са изпратени да прибират реколтата или да работят в обезлюдените предприятия⁹.

В началото на есента се прибавя и международният кризисен фактор. След като ръководството на ПОРП е принудено в края на 1988 г. да легализира „Солидарност“, а от февруари до април 1989 г. да проведе Кръгла маса, на 4 и 18 юни 1989 г. „Солидарност“ печели всички оставени за свободен избор депутатски места. Победата на „Солидарност“ става първото „домино“ на срутвания се Източен блок. Тя демонстрира слабостта на системата, изправена пред проверката на парламентарната демокрация. Следващите стъпки са направени в Унгария, където в края на 1988 г. са създадени новите партии – Унгарският демократичен форум и Съюзът на свободните демократи, които през лятото и есента на 1989 г. преговарят с властта и успяват да наложат своите искания. Но в България водещият международен фактор е съветският. От лятото на 1989 г. съветското посолство в България координира усилията за смяната на Живков¹⁰ – водещата фигура е Андрей Луканов, а представителната е външният министър Петър Младенов. Той предприема и външнополитическата подготовка, като през септември в Ню Йорк разговаря с държавния секретар на САЩ Джеймс Бейкър за предстоящите промени в България¹¹.

Съчетанието на вътрешните и разнопосочните външни фактори (от Изток и от Запад) подготвя отстраняването на Тодор Живков от властта първо на заседание на Политбюро на ЦК на БКП на 9 ноември 1989 г., а после и на пленум на ЦК на БКП на 10 ноември с.г.¹² С тази дата и с този акт започва българският преход, защото с отстраняването на Живков БКП показва воля за промени, от която се възползва и обществото, за да се самоорганизира. Благодарение на новата атмосфера на промени на 7 декември 13 дисидентски организации и възстановени „исторически“ партии се обединяват в опозиционния СДС (Съюз на демократичните сили). Започва българският преход, част от източноевропейския преход, но със своите специфики.

Основните проблеми на прехода

Първият проблем на българския преход се крие в характера на двете противодействащи си сили. Те са: притежаващата цялата пълнота на властта БКП (за разлика от другите страни в преход, където легитимността на управляващите партии е поставена под въпрос) и първите дисидентски организации, трансформирани в обединена опозиция, но с твърде беден политически опит.

БКП е принудена от обстоятелствата да започне реформи. По всичко личи, че тя не иска дълбока промяна и няма представа за последиците на икономическите и политическите промени. СДС на свой ред е в зародиш, неговото ръководство едва е започнало да формулира своите задачи и средства за постигането им, както и организационните си структури. Закъснението поставя СДС под силното влияние на външните фактори –

дисидентите в Полша, Чехословакия, Унгария, от една страна, и от Запада, по-специално Съединените щати, от друга. А външната зависимост лишава СДС от автентичност. Той трудно може да се възползва от наследството на българското дисидентство, което остава затворено в интелектуалните кръгове и сред слушателите на западните радиостанции.

Общият извод е, че новите власти са готова за умерени промени в политиката и по-съществени в икономиката, които да дадат възможност на номенклатурата да приватизира държавната собственост. Нововъзникващата опозиция предпочита да се възползва от обявената от властта демократизация, но не се чувства субект на промените, тъй като не ги е предизвикала, и се отнася отрицателно към властта по принцип. Чисто по дисидентски СДС възприема властта като зло, срещу което трябва да се бори, а не като политическа цел¹³. Това означава, че нито управляващите, нито опозицията са подготвени за настъпващите промени. Затова на 10 ноември 1989 г. всички са толкова изненадани¹⁴ – и обществото, и дисидентите посрещат вестта еуфорично и с благодарност към Младенов и Луканов, които са успели да свалят диктатора Т. Живков, отдавна омръзнал на всички. Така за пореден път се потвърждава правилото, че промените в България обикновено започват отгоре и зависят от външни събития.

СДС осъзнава забавянето на промените в България от тези в Централна Европа и търси пътища за тяхното ускоряване. Той ползва опита на централноевропейските дисиденти – по полски модел иска договарянето на българския преход на Кръгла маса. Протоколите на Кръглата маса показват, че усилията на опозицията са съсредоточени върху политическите въпроси – гарантиране на политическия плурализъм чрез промени в конституцията, ликвидиране на партийните организации на БКП по месторабота и департизирането на армията, полицията, съда, прокуратурата, дипломацията¹⁵. Докато по най-острите за българското общество икономически проблеми не се говори.

Слабостта на българската опозиция осуетява опита на Луканов да я ангажира в съвместно управление още в началото на 1990 г.¹⁶ СДС не иска да се идентифицира с властта на БКП и да дели отговорността за управлението в икономическа криза. Така се оформя българската политическа криза – БКП, която на 3 април 1990 г. се преименува на БСП, не желае да управлява сама¹⁷, а СДС отказва да управлява заедно с нея. Изходът е предложен в решението на Кръглата маса властта в България да се легитимира с провеждането на свободни и демократични избори. Но по настояване на СДС те трябва да бъдат не за обикновен парламент, а за Велико народно събрание, което да изработи нова демократична конституция¹⁸. Това според СДС е пътят за ускоряване на промените в България – новата конституция да стимулира смяната на системата. Но за целта изборите трябва да бъдат спечелени от СДС, надежда за което дават резултатите от дотогавашните избори в Източна Европа¹⁹.

Първите свободни български избори се провеждат на 10–17 юни 1990 г. и демонстрират разликата между България и страните от Централна Европа. В България абсолютна победа печели БСП²⁰, която не може и не иска да управлява сама, а опозицията на свой ред не иска да приеме поражението. Лидерът на СДС д-р Ж. Желев обявява изборите за „свободни, но не и честни“, въпреки че те са наблюдавани и признати от международни наблюдатели²¹. Така, вместо да легитимират новата власт, първите свободни избори задълбочават политическата криза.

Привържениците на СДС обявяват гражданско неподчинение, а второто правителство на Луканов не се решава да започне либерализирането на икономиката заради високата му политическа цена. Вместо към икономически реформи усилията на Луканов са насочени към ангажирането на СДС във властта. Това става благодарение на оставката на председателя/президент Петър Младенов на 6 юли 1990 г. заради изпуснатата реплика. ВНС (с мнозинство на БСП) на 1 август 1990 г. избира за нов президент председателя на СДС д-р Желю Желев.

През лятото на 1990 г. А. Луканов предприема поредния опит да осигури икономическо единодействие на новите и старите икономисти. Той се опитва да направи това с външна помощ – обръща се към американската Фондация на националната камара (NCF) с молба да подпомогне прехода на България към пазарна икономика. Резултатът е публикуваният през октомври 1990 г. „Доклад върху проекта за икономически растеж и преход към пазарна икономика в България“, който носи подписите на Ричард Ран и Роналд Ът. В преамбюла му е записано: „По подобие на повечето си съседи България е избрала пътя на демократичния капитализъм и е направила редица важни стъпки в тази посока, но има да се правят още много и много неща. Признавайки този факт, новото правителство на България се обръща към NCF със своя значителен опит в подпомагането на стратегиите за растеж в условията на свободна пазарна икономика в развиващите се страни. Фондацията се отзова на повика и събра екип от американски експерти от деловите и академичните среди, който да разработи всеотраслен план за насочване на България към пазарна икономика. Екипът посети България в края на август 1990 г. и се среща с българските си партньори за оценка на положението и определяне на най-подходящия курс на дейност. Настоящият доклад е кулминация на положените от тях усилия“²².

Опитът е обречен на неуспех, тъй като през 1990 г. вниманието на СДС е съсредоточено върху политическото противопоставяне. Води се „битка“ за властта. Средството е гражданското неподчинение – „палатковите градове на истината“, окупацията на Софийския университет, което приключва с подпалването на Партийния дом на БСП в центъра на София в нощта на 26 срещу 27 август 1990 г. В края на ноември 1990 г. правителството на Луканов подава оставка под натиска на улицата, но при условие, че ще бъде заменено от „голяма коалиция“ (така изглежда правителството на юриста Димитър Попов). На 12 юли 1991 г. е гласувана и новата конституция на страната, изработена от мнозинството на БСП и одобрена от част от СДС (друга част напуска парламента и обявява гладна стачка против конституцията)²³.

През следващото десетилетие и половина България преминава през различни фази. След неуспеха на първите две правителства на левицата (на Андрей Луканов от 8 февруари до 20 декември 1990 г.) следва преходното „коалиционно“ правителство на Димитър Попов (20 декември 1990 – 8 ноември 1991 г.); първото дясно правителство на лидера на СДС Филип Димитров (8 ноември 1991 – 30 декември 1992 г.), което несполучливо се опитва да осъществи „смяната на системата“; правителството на проф. Любен Беров с неясна политическа идентичност (30 декември 1992 – 17 октомври 1994 г.); второто социалистическо правителство на лидера на БСП Жан Виденов (26 януари 1995 – 12 февруари 1997 г.), което не успява в опита си да обърне посоката на преход към повече социална защита и завършва с дълбока финансова криза; второто правителство на СДС на Иван Костов (21 май 1997 – 24 юли 2001 г.), което продължава смяната на модела и разгражда социалистическата социална държава; „лятната политическа буря“, която предизвиква завърналият се в България бивш български цар Симеон Сакскобургготски, спечелил изборите и станал премиер (24 юли 2001 – 15 август 2005 г.); левоцентристкото трипартийно правителство на лидера на БСП Сергей Станишев (15 август 2005 – 24 юли 2009 г.), което успява да доведе докрай процеса на присъединяване на България към евроатлантическите структури – НАТО и Европейския съюз, и по този начин слага край на прехода.

Как изглежда равнотетката на прехода в България?

Пълноправното членство на България в НАТО (2 април 2004 г.) и в Европейския съюз (1 януари 2007 г.) се очаква в страната като жадуван край на дългия път, след който животът автоматично ще стане много по-богат и хубав. Въпреки нереалистичността на подобни очаквания приемането на България в ЕС бележи края на структурните реформи

у нас. Целта на започналите на 10 ноември 1989 г. промени е системата на държавен социализъм от съветски тип да се замени с парламентарна демокрация и пазарна икономика, характерни за Западна Европа. Политическата задача е постигната още след „теста на двойната промяна“ със завръщането на БСП във властта през 1994 г.²⁴ Много повече време и усилия изисква трансформацията на икономиката от централно планиране и държавна собственост към създаване на частни икономически субекти и господство на пазара. Такова е и изискването за членство в Европейския съюз, затова приемането на България показва, че и отвън оценяват страната като действаща демокрация и пазарна икономика.

В края на прехода от социализъм към капитализъм настъпва времето за равнотеж на изминатия път. Големите поврати, изживени от България през втората половина на XX в., дават възможност на историците за съпоставка между двата прехода – онзи, осъществен след края на Втората световна война, и този, започнал след края на Студената война. И двата прехода не са специфично български, а са плод на глобални процеси и идеологии – първият е следствие от победата на Съветския съюз във Втората световна война и на марксизма, а вторият – на поражението на СССР в Студената война и на либерализма, обявен малко преди началото на 90-те години за окончателен победител в световната борба на идеите²⁵.

И двата прехода са революционни. Те са съпроводени от дълбоки социално-икономически преобразования, смяна на политическия елит и политическо и икономическо насилие. В прехода към държавен социализъм насилието е официално пропагандирано, търсено и желано²⁶. Доста по-дискретно е насилието в прехода от държавен социализъм към капитализъм. В края на XX в. в България не се стига до пряко насилие, но човешката цена на социално-икономическите промени никак не е малка. Смяната на собствеността чрез реституция на градската и селската собственост оставя без жилище или препитание големи групи хора. Преструктурирането на икономиката ликвидира цели клонове от промишлеността и почти цялата местна промишленост, създадена по регионални и социални причини. Преобразованията лишават повечето българи от социална сигурност, работни места, ясни перспективи за бъдещето, към които те са привикнали при господството на патерналистичната социалистическа държава. Социално-икономическата криза предизвиква емиграция на стотици хиляди млади българи в началото от по-малките и по-бедните селища в по-богатите и големи български градове, а по-късно и в по-богатите държави в Европа и отвъд океана, снижаване на раждаемостта, демографски срив²⁷, нарастване на самоубийствата, престъпността, убийствата, използването на наркотици. Така че човешката цена и на двата прехода е много висока²⁸.

Преходът започва с оптимистичните нагласи, че за пет-шест години България ще излезе от стагнацията, че възродената частна инициатива ще осигури високи темпове на растеж и развитие, а животът на българите бързо ще се изравни с този на западноевропейците. Но през следващите години оптимизмът се изчерпва – частната инициатива се оказва или несигурна, водеща до бързи фалити, или се превръща във възможност за престъпно обогатяване за сметка на обществото. В края на прехода много българи от по-възрастното поколение вече са толкова разочаровани, че са свели мечтите си до стандарта от времето на Живков. Деграцията в качеството на живот и породилата се носталгия²⁹ обаче не означават, че българите искат да се върнат назад към държавния социализъм, към времето на политическите ограничения и дефицитния пазар. Разочарованието на българите се обяснява с продължилата десетилетие и половина деграцията, която се съизмерва с живота на цяло поколение – българите от средното поколение, особено от по-малките градове и селата, се чувстват лишени от перспективи за бъдещето и заедно с пенсионерите демонстрират трайно недоволство³⁰. За тях политическата демокрация и пазарната икономика, съчетани с демонстративния разкош на новобогатите, само задълбочават усещането за собствената им бедност и маргинализация³¹.

От прехода има не само губещи, но и печелещи. Сред тях са новобогаташите, които биха могли да се нарекат нова класа на предприемачи, ако по-голямата част от тях бяха забогатели от предприемаческа дейност, а не чрез полукриминална или криминална приватизация на държавната собственост – най-вече чрез изземане на печалбите и прехвърляне на загубите върху обществото. Сред печелившите са и новите политически елити, които трансформират политическа власт в икономическа. Сред тях е и новата средна класа³², както и част от младото поколение, получило добро образование и възможности за реализация в България и по света. Тези групи гледат не назад, а към настоящето и бъдещето.

Заслужава да се оценят и темповете на развитие в двата прехода.

Пред цяла Източна Европа (с изключение на Чехословакия) в началото на ХХ в. стои императивът да скъси разстоянието, делеящо я от развития Запад. В българския преход след Втората световна война това става по пътя на т.нар. социалистическа индустриализация – високи темпове на промишлено развитие, осигурени както от централизирани и направлявани държавни инвестиции, така и от ниската изходна основа. Този модел е определен от Г. Димитров с израза, че за 10–15 години България трябва да постигне онова, за което на други държави са им били необходими столетия. Тези думи говорят за сравнение между класическата индустриализация на Западна Европа и формулираната от Ленин индустриализация без пазар и конкуренция с решаваща роля на държавата.

При прехода в края на ХХ в. идеята за приближаване към напредналите страни се реализира чрез структурната реформа, която да направи българската икономика част от световната. В резултат обаче страната минава през деиндустриализация, предизвикана от необходимостта да се разруши изградената при социализма неконкурентоспособна промишленост. Деиндустриализацията се оказва последица от отварянето на защитените по-рано икономики към световния пазар в момент, когато светът се глобализира. Но приближаването на България към Европейския съюз става толкова бавно, че младите и способните предпочитат да извървят пътя към Европа и света сами, а не заедно с държавата си.

Дори и беглият поглед върху днешна България показва, че за 20 години се е променило всичко – политически институции, икономически модел, културна политика, външнополитическа ориентация, социални отношения и социална защита. Благодарение на политическата свобода в България възникват десетки нови партии, особено многобройни в забранения до 1989 г. десен сектор.

В равносметката на политическите резултати от прехода влиза и бързото разочарование от политиките. Двете големи партии на прехода в България – БСП и СДС, още през първото десетилетие се сменят по два пъти в управлението и всеки път разочароват привържениците си, докато не са принудени да отстъпят властта на триумфално завърналия се в страната като „спасител“ бивш български цар Симеон Сакскобургготски, който обаче също се вписва в българския модел на бързо разочарование от политиките – това става още преди да са изтекли обещаните от него 800 дни за подобряване на положението на всички българи. За изминалите две десетилетия от 10 ноември 1989 г. в България се сменят дванадесет правителства и седем парламента. Големият им брой демонстрира кризата на доверие към политиките, тъй като все повече са българите, които са разочаровани от всички партии и не желаят да участват в политическия живот. До началото на ХХI в. България вече е изживяла еуфорията от политическата свобода и започва да формира критично отношение към парламентарната демокрация, която не успява да осигури на българите европейски жизнен стандарт. В нишата на разочарованието се появяват новите партии на протеста („Атака“ на Волен Сидеров и ГЕРБ на ген. Бойко Борисов), обърнали се към популистки средства.

Икономическата равносметка на прехода също не е лесна³³. В икономиката основни са смяната на собствеността и преструктурирането, но те срещат огромни трудности.

Българската икономика през 1989 г. е централизирана и зависима до 60% от съветския пазар и до 75% от пазара на СИВ. А след като през 1991 г. изчезват и СИВ, и СССР, България се оказва в тежка ситуация. Това е една от причините за забавянето на икономическата трансформация в България – докато в Централна Европа тя приключва в средата на 90-те години, в България това става едва през първото десетилетие на XXI в. С други думи, се потвърждава балканската характеристика за бавна трансформация.

В не твърде оптимистичния баланс на постигнатото в годините на прехода има и успехи. Те могат да се открият във външната политика. Идеята, че ставащото в България зависи от геополитическите дадености за региона, е лансирана още от Димитър Благоев през 1919 г.³⁴ На мястото на претърпелия колапс Съветски съюз в началото на 90-те години в България се настанява американското влияние, но в следващите години външното присъствие става по-разнообразно, като все по-голямо влияние започват да оказват европейските държави (Германия, Франция, Италия, Англия) и ЕС като цяло³⁵. Водеща за българската външна политика остава интеграцията в евроатлантическите структури (НАТО и ЕС). На второ място, България прави опит да погледне и към старите си източни съюзници – новата Руска федерация, страните от ОНД, както и арабските и азиатските страни. България е в центъра на Балканите, където се пречупват интересите на много външнополитически играчи от Европа, Азия и Америка, затова български политици, всеки по свой начин, се опитват да намерят баланс между външните влияния, новите ориентири и новите съюзници.

А след прехода накъде?

Малко след големите тържества по приемането на България в ЕС на преден план излизат проблемите. През втората половина на 2006 г. усилията са съсредоточени върху подобряването на образа на България пред европейските институции, затова след 1 януари 2007 г. идва успокоението, че задачата е изпълнена и темпът на промените може да се забави. Но тъй като приемането на България и Румъния е било мотивирано по-скоро с политически, отколкото с икономически или институционални мотиви, европейското наблюдение над България продължава.

Влизането на България в ЕС подчертава нейната бедност (макар че сред източноевропейските страни, нечленуващи в ЕС тя е със сравнително добри показатели). Българската бедност проличава в класацията на Евростат за регионите в ЕС. И шестте района на планиране в България са в зоната на бедността – Северозападният (областите Видин, Монтана, Враца, Плевен, Ловеч) и Южният район (Пловдив, Пазарджик, Смолян, Кърджали, Хасково) имат БВП, равен на 25,6% от средното равнище за ЕС; Северният централен (Велико Търново, Габрово, Русе, Търговище и Разград) – 26,4%; Североизточният (Силистра, Добрич, Варна, Шумен) – 29,3%; Югоизточният (Бургас, Сливен, Ямбол, Стара Загора) – 29,9% и единствено Югозападният район с център София достига 49,1% от средноевропейското равнище на БВП. Да си беден в „клуба на богатите“ се оказва предизвикателство, несравнимо с усещането, че си сред успешните на Балканите и в постсъветското пространство. Недоволството на българите от тяхното жизнено равнище, сравнено с това в ЕС, принуждава правителството на Станишев през април 2007 г. да актуализира управленската си програма в социално-икономическата сфера – обявено е увеличаване на помощите за деца, повишаване на пенсията и на заплатите в бюджетната сфера, намаляване на данъците върху ниските доходи³⁶.

Първите европейски избори предизвикват много малък интерес сред българите – участието е едва 28%, но показват променените обществени нагласи. Най-голяма изненада е изравняването на резултатите на партията на Бойко Борисов ГЕРБ с БСП. Тради-

ционната българска десница не изпраща нито един депутат в Европейския парламент, което дава възможност на Бойко Борисов да я изтласка и да заеме нейното място: петимата евродепутати на ГЕРБ влизат в групата на Европейската народна партия (ЕНП).

В началото на есента премиерът Станишев отчита успехите от първите месеци на членството в ЕС: ръст на БВП от 6,2%, намаляване на безработицата до 7,2%, средна работна заплата от 421 лв. (при 355 лв. за 2006 г.), инфлация от 4,3%, преки чуждестранни инвестиции от 2,1 млрд. евро, нарастващ бюджетен излишък, построени 104 км магистрала. Той не може да скрие проблемите, но ги свежда до нарастващия дефицит по текущата сметка, достигнал 17,2% от БВП³⁷. Нарастващо обществено недоволство обаче предизвиква рестриктивната политика към доходите. Лошият опит на БСП в управлението – двукратен принудителен отказ от властта заради финансови проблеми (Луканов през 1990 г. и Виденов през 1997 г.), предопределя приоритетното внимание към макроикономическата и финансовата стабилност. Тази линия отговаря на либералните виждания на НДСВ и ДПС, но е в противоречие с очакванията от БСП.

През есента избухва и най-големият социален конфликт при управлението на тройната коалиция – общонационалната стачка на учителите. Преди началото на учебната година правителството обявява програма за повишаване на учителските заплати с около 10%, но тя оставя учителите със заплати под средните за страната. Учителите искат 100% по-високи заплати и на 15 септември в училищата и другите детски заведения започва предупредителна обща стачка. От 24 септември тя става ефективна и се води под лозунга „За достоен труд – достойни заплати“. Продължава повече от месец, ангажира обществото в спор за правата и задълженията на учителите и в крайна сметка завършва на 26 октомври с решение за поетапно повишаване на заплатите на учителите до средата на 2008 г.

Първата година и половина от членството на България в ЕС показва на българите неговите плюсове и минуси. Заплатите нарастват, но с темпове, близки до инфлацията (преди всичко заради цените в ЕС)³⁸, организираната престъпност не намалява, както и корупцията. На 1 май 2008 г. премиерът Станишев формулира противоречивото положение в България: „В обществото е наслоено остро чувство на несправедливост, на отчуждение от държавата, затова че не всички са равни пред закона, че липсва достатъчна защита на хората на труда, че често отсъства грижа за възрастните, че не всички са с равни шансове за образование и здравеопазване... България днес е по-богата, отколкото преди пет години. Безработицата е 6,5–7%, доходите нарастват, макар и не така бързо, както ни се иска“³⁹.

През пролетта и лятото на 2008 г. Станишев още няколко пъти се обръща към българите с надеждата, че ще ги убеди в намеренията на правителството да подобри живота им. Това обаче му се удава все по-трудно. И не само защото преходът продължава твърде дълго и реалното повишаване на доходите е бавно, а и защото статистиката показва, че покупателната способност на домакинствата през 2008 г. още не е достигнала равнището от 1989 г.⁴⁰ Изворът на нестихващото недоволство е усещането за несправедливост. И то не толкова заради неравномерното разпределение на богатата, което изненадва несвикналото с голямо социално разслоение българско общество, колкото заради видимата корупция и организираната престъпност.

Медиите определят сведенията за връзки на организираната престъпност с представители на властта като „мафия“ по подобие на модела, характерен за Южна Италия. Макар и с уговорки, вътрешният министър Михаил Миков е принуден да признае: „Смятам, че имаме проблем с организираната престъпност, с корупцията по високите етажи на властта. Имаме и проблем с доказването и наказването им, но това не дава основание да се говори, че в България има мафия. Това, което се случва в България като присъствие на чуждестранни инвеститори, го доказва. Друг въпрос е политическата метафора „мафия“⁴¹.

В дискусиата кои са най-големите проблеми на България се включва и президентът Георги Първанов. Тревогата му е провокирана от частичните кметски избори в Сандански и Казанлък, спечелени не от представителите на големите национални партии, а от местни бизнесмени с неясен произход на капиталите (подозирани във връзки с организираната престъпност). При това местните избори са доминирани от разкритията за закупуване на гласове, най-вече на гласоподавателите от ромски произход. Опасността от криминализиране на политическия живот кара Първанов да предложи смяна на избирателната система и механизмите за финансиране на партиите⁴².

Българските проблеми не остават незабелязани и от Брюксел. Като нов член на Европейския съюз България е наблюдавана особено стриктно. В ЕС не са забравили, че политическите мотиви са играли по-голяма роля от икономическите при решението за присъединяване на двете балкански постсоциалистически страни – България и Румъния. Подозренията за нередности са изразени от ЕК още на 14 май 2008 г. в писмото на Майкъл Лий, директор в дирекцията на Европейската комисия по разширението⁴³. В него се предупреждава за получени сигнали за нередности при усвояването на предприединителните фондове по програмата ФАР, което може да се отрази на мониторинговия доклад за България.

Предупреждението се реализира през юли 2008 г. в изключително критичния доклад на Европейската комисия, представен пред Европейския парламент⁴⁴. В него са повторени повечето от опасенията за злоупотреби с еврофондовете в селското стопанство и при изграждането на инфраструктурни обекти. В крайна сметка Европейската комисия спира изплащането на средства за България по две програми – ИСПА и САПАРД, на обща сума от 825 млн. евро.

Докладът на ЕК раздвижва политическия живот в България. Правителството обявява спешна програма за действие, за да се предотврати трайното спиране на еврофондовете, докато опозицията го използва, за да поиска оставката на правителството. Въпреки това част от лошия сценарий става реалност, когато на 25 ноември ЕК лишава две български агенции от акредитация и страната окончателно губи предприединителните фондове по програмата ФАР в размер на 220 млн. евро. Допълнително негативно обстоятелство е глобалната финансова криза.

Правителството на тройната коалиция посреща последната година от мандата си в обстановка на нарастващо обществено недоволство. Разпокъсаната дясна опозиция започва да се обединява, засегнатите от спрените финансови средства фермери протестират с блокиране на пътища, а борбата с корупцията и с организираната престъпност не дава резултати. И отново недоволството дава „вятър в платната“ не толкова на опозиционните бивши управляващи партии, колкото на онези, които не са били във властта – популистките ГЕРБ и „Атака“. Въпреки „горещата“ последна управленска година правителството на тройната коалиция успява да завърши мандата си.

Първата половина на 2009 г. преминава под знака на предстоящите два избора – за европейски и за национален парламент. Тройната коалиция прави всичко възможно да запази властта, като променя изборното законодателство и отхвърля предложението за едновременно провеждане на изборите. Още резултатите от изборите за европарламента, проведени на 7 юни, показват предимството на ГЕРБ. Тази партия получава седем мандата, докато БСП – четири, ДПС – три, „Атака“, НДСВ и Синята коалиция (СДС и ДСБ) – по два⁴⁵. Резултатите от евроизборите ожесточават предизборната кампания за националния парламент – БСП атакува основния си конкурент Бойко Борисов, като го обвинява, че не е компетентен и е подставено лице на Иван Костов. От друга страна, всички опозиционни сили насочват своята кампания срещу ДПС, а повсеместното антитурско говорене напомня началото на прехода.

Вместо да помогне на тройната коалиция, кампанията на сплашване мобилизира привържениците на Бойко Борисов, който още преди изборите обявява, че ще управлява сам и ако не получи достатъчно гласове, ще се откаже от властта. В проведените на 5 юли 2009 г. парламентарни избори участват неочаквано много избиратели – 60,2%, които дават категоричния си вот за извънпарламентарната до момента партия ГЕРБ на софийския кмет и бивш главен секретар на МВР Бойко Борисов – 39,7% и 116 депутати. С най-лош резултат за цялата си история, но на второ място остава БСП (Коалиция за България) – 17,7% и 40 депутати, трето е ДПС с 14,46% и 38 депутати, следват „Атака“ с 9,4% и 21 депутати, Синята коалиция с 6,4% и 15 депутати и „Ред, законност и справедливост“, поставила в центъра на пропагандата си борбата с корупцията, с 4,13% и 10 депутати. За втори път след 2001 г. българите масово гласуват за нова политическа сила. Но докато през 2001 г. избират надеждата, свързана с „добрия цар“, през 2009 г. преобладаващото чувство е желанието за възмездие заради неуспехите от българския преход – на първо място, заради корупцията и продължаващата бедност. А Бойко Борисов печели, защото с образа и поведението си олицетворява „твърдата ръка“, която ще въведе ред и ще накаже виновните.

Макар че изборите не дават абсолютно мнозинство на ГЕРБ (не му достигат петима депутата за това), Бойко Борисов обявява, че ще изпълни обещанието си за самостоятелно правителство. На 27 юли 2009 г. парламентът гласува новото правителство, съставено изцяло от ГЕРБ, в което всички министри са нови и повечето напълно непознати на българското общество. Всички парламентарни партии, без БСП и ДПС, подкрепят правителството и му дават мандат да се бори с последиците от финансовата криза, както и с корупцията, чието наличие е потвърдено в поредния доклад на Европейската комисия от 22 юли 2009 г.

През първите шест месеца от управлението на Бойко Борисов основното внимание е съсредоточено върху ревизия на наследството от правителството на тройната коалиция. Всички икономически проблеми се обясняват с корупцията на предходните министри и благодарение на изключителните умения на премиера Борисов да контактува с медиите и с редовите българи тази тактика се оказва ефективна. Първите проблеми се появяват едва в началото на 2010 г. във връзка с предложената за еврокомисар външна министърка Румяна Желева. Тя се представя неубедително, а впоследствие е принудена да се оттегли и от правителството. Неуспехът демонстрира както липсата на кадрови потенци на новите управляващи, така и силовата политика на Бойко Борисов. Дали обаче първият „ремонт“ ще намали популярността на правителството на ГЕРБ или уменията на премиера Борисов да обяснява действията си ще се окаже спасително, ще покаже бъдещето. Но отсега може да се направи изводът, че и с навлизания популизъм България остава в руслото на новите тенденции в европейската и световната политика (за което говори популярността на фигури като Силвио Берлускони или Никола Саркози).

Оптимистичният извод от дългия път на България след Втората световна война е, че след като преминават през различни социално-икономически модели, българите постепенно разбират колко важни са собствените им усилия за подобряване на живота в страната. А песимистичният е свързан с продължаващата и може би засилваща се зависимост на ставащото в България от геополитическите и глобалистичните процеси, на които българите трудно биха могли да влияят.

¹ Повече за въстанието от 1923 г. вж.: *Косев, Д.* Септемврийското въстание 1923. С., 1973.

² История на антифашистката борба в България. 1939–1944. Ред. кол. Кирил Василев, Димитър Сирков, Никифор Горненски, Славка Петрова. Т. 1 (септември 1939 – февруари 1943); Т. 2 (март 1943 – 9 септември 1944). С., 1976.

³ Шарланов, Д. Горяните. Кои са те? Из строго секретните архиви на Дирекция Държавна сигурност. С., 1999.

⁴ Бжежински, З. Големият провал. С., 1991, с. 215.

⁵ Баева, И. Из историята на българското дисидентство – Общественият комитет за екологична защита на Русе и властта. – Известия на държавните архиви, 2000, бр. 76, 33–53.

⁶ Баева, И. Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройството и ролята му за начало на прехода – 1988–1989 г. – Известия на държавните архиви, 2004, т. 87, 3–32.

⁷ Юлската концепция е лансирана от Тодор Живков в средата на 1987 г., след като се оформят разногласията му със съветския лидер Михаил Горбачов. Целта ѝ е трансформация на системата с въвеждането на пазарни механизми и преминаване от държавен социализъм към „държавен“ капитализъм (ЦДА, ф. 1 Б, оп. 65, а. е. 83, 84).

⁸ Зад това наименование се крие насилственото преименуване на българските турци, осъществено в края на 1984 и началото на 1985 г. То е описано в два тома на документалния сборник: „Възродителният процес“. Българската държава и българските турци (средата на 30-те – началото на 90-те години на XX век) (Т. 1. Съст. И. Баева и Е. Калинова. С., 2009. 751 с.); „Възродителният процес“. Международни измерения (1984–1989). (Т. 2. Съст. И. Баева и Е. Калинова. С., 2009).

⁹ Това е осъществено с решение № 109 от 12 юли 1989 г. на Министерския съвет за обявяване на частична мобилизация (ЦДА, ф. 136, оп. 82, а. е. 109, л. 1–2).

¹⁰ За това говорят спомените на съветския дипломат Терехов, публикувани от Тома Томов (Труд, 10–17 ноем. 1998).

¹¹ Младенов, П. Животът. Плюсове и минуси. С., 1992, 22–23.

¹² Директорът на БТА Боян Трайков, член на ЦК на БКП, разказва за пленума (Трайков, Б. Превратът. 10 ноември 1989. С., 1999).

¹³ Малко след създаването на СДС комунистическата преса атакува неговия председател д-р Желю Желев с обвинения в кариеризъм и че се стреми към властта, но той горещо отрича.

¹⁴ Свидетелствата на дисидентите са категорични. Михаил Неделчев разказва: „Иван Радоев, Бог да го прости, ми каза в 12 часа, че вече е станало всичко и е сигурно. И си спомням, че аз тогава отидох в Радио София да получа официалното съобщение. Получи се това съобщение, а моите приятели седяха в писателския клуб и вече в тайно предчувствие пиеха вино... И в Съюза на писателите настана едно много странно веселие, защото някаква лихорадка обхвана всички, независимо дали са живковисти или антиживковисти, дали са комунисти или антикомунисти“ (Иванова, Е. Цит. съч., 222–223). Николай Колев-Босия: „Същия ден бях в Дупница. С Краси Кънев бяхме. После – в Южня парк и после в „Тиролска среща“, където дебнехме телевизията да кажат дали е вярно. Аз се изненадах, че стана конкретно на тоя ден, но иначе беше ясно, че се събаря къщата“ (пак там, с. 224). Спонтанно изразява тогавашните си усещания и д-р Константин Тренчев, който е сред дисидентите антикомунисти: „Самият 10 ноември беше до известна степен изненада за нас. Аз го посрещнах в Стара Загора и чухм по радио „Свободна Европа“, че Тодор Живков е подал оставка. Радостта беше много голяма, телефонът звънеше постоянно, поздравявахме се, считахме, че сега вече малко по-спокойно ще можем да се борим за каузите, които ни въодушевяваха и така и стана“ (пак там, 224–225). Елка Константинова: „Аз го възприех като нещо много неочаквано. Като страховтен късмет“ (пак там, с. 226).

¹⁵ Споразумение по основните идеи и принципи на законопроекта за изменение и допълнение към конституцията на НРБ, 29–30 май 1990 г.; Споразумение по политическата система, 12 март 1990 г.; Споразумение по основните идеи и принципите на законопроекта за политическите партии, 29 март 1990 г. – В: Кръглата маса. Стенографски протоколи (3 януари – 15 май 1990). С., 1999, 676–678, 671–675, 679–681.

¹⁶ Това прави номинираният в началото на февруари 1990 г. за нов министър-председател Андрей Луканов в опита си да създаде ново правителство на широка национална основа. След като не успява, той обяснява пред народните представители: „Идеята за национално съгласие като една от решаващите предпоставки за действителния демократизъм и успешно осъществяване на обновителните процеси в страната се споделя от широки кръгове на българската общественост. В хода на консултацията бяха постигнати предварителни договорености, които позволяваха да се състави представително правителство от компетентни и авторитетни личности при едно разширено участие на БЗНС и безпрецедентно за последните десетилетия участие на безпартийни. Несъгласие да се включат в новото правителство изразиха представители на СДС, подчертавайки обаче своята готовност за гравивно взаимодействие с правителството на основата на диалога, който се води в рамките на Националната кръгла маса. Известно ви е вчерашното решение на УС на БЗНС, по силата на което Съюзът се оттегли от участие в съгласуваните вече състав на правителството. При създадената нова ситуация и с оглед да не се допусне отслабване на изпълнителната власт с всички произтичащи от това отрицателни и дори опасни последици за интересите на нацията предлагам НС да утвърди правителство, съставено от членове на БКП, която разполага с мнозинство на местата в сегашното НС“ (Ананиева, Н. Андрей Луканов в парламента. С., 1997, 23–24).

¹⁷ Това личи от думите на новия държавен глава, но наследил Т. Живков начело на БКП Петър Младенов. Преди едно пътуване на акад. Благовест Сендов до Съветския съюз през пролетта на 1990 г. Младенов споделя прогнозите си: „На тези избори най-вероятно и най-естествено е да победи опозицията. Тогава аз трябва да посоча бъдещия премиер. Най-добре ще бъде това да е д-р Петър Дертлиев, а Луканов и ти да му бъдете заместници“ (Манолова, Н. Цит. съч., с. 218).

¹⁸ Споразумение по принципите и основните положения на законопроекта за избиране на Велико народно събрание, 30 март 1990 г. – В: Кръглата маса..., 682–685.

¹⁹ До средата на 1990 г. са проведени избори в Полша и Унгария, а едновременно с нашите са и изборите в Чехословакия. Всички те дават изборна победа на новите политически сили и показват маргинализацията на управлявалите до 1989 г. комунистически партии.

²⁰ По пропорционалната система БСП получава 47,25%, а след по-големия ѝ успех в мажоритарния избор тя получава абсолютно мнозинство от 211 деп. (52,75%) в 400-членното ВНС. СДС остава втори със 144 деп. и 36%, етнически турското ДПС получава гласовете на турското население и има 23 деп., а казионният БЗНС постига 4% и 16 деп.

²¹ *Brown, J. F. Surge for Freedom. The End of Communist Rule in Eastern Europe.* Duke University Press, 1991.

²² В екипа участват и българските икономисти Иван Ангелов, Румен Аврамов, Стою Дулев, Димитър Костов, Емил Хърсев, Татяна Хубенова, Димитър Иванов, Атанас Папаризов, Огнян Пишев, Иван Пушкаров, Боян Славенков, Стефан Стоилов, Тодор Вълчев, Христина Вучева (Доклад върху проекта за икономически растеж и преход към пазарна икономика в България). С., 1990).

²³ Конституция на Република България. С., 1991.

²⁴ Според някои социолози преходът е завършил с изборите от 2001 г., които са сложили край на двуполния модел (Райчев, А., К. Стойчев. Какво се случи? Разказ за прехода в България 1989–2004. С., 2004).

²⁵ Това прави американският политолог Франсис Фукуяма (вж.: Фукуяма, Фр. Краят на историята и обикновеният човек. С., 1993).

²⁶ Вж.: Баева, И. Смяна на елита и кадрите в България и Източна Европа (1944–1948 г.). – В: Лица на времето. С., ЦИПИ, 1/1996, 65–90.

²⁷ При преброяването от 1985 г. населението на България е 8 949 000 души, а през 2008 г. – 7 718 700 души. С други думи, то е намаляло с над един милион (Статистически справочник. С., 2008, с. 10, 12).

²⁸ На насилието е посветена книгата на български философ, влязла в непряк спор с „Черната книга на комунизма“ (Проданов, В. Насилието в модерната епоха. С., 2003).

²⁹ Изследването „Барометър на нова Европа“ от 2005 г. показва, че 38% от българските граждани изпитват носталгия към социализма (цит. по: Сега, бр. 57, 10 март 2006).

³⁰ *Кръстев, И.* „Изгубилите спечелили“, или за търпението и оптимизма. – Сега, 30 септе. 2002.

³¹ Изследване на Евробарометър показва, че 63% от българите са недоволни от живота си (Труд, 19 юни 2007).

³² Макар че има и изследвания, които виждат положението със средната класа съвсем различно (вж.: Градинаров, Б. Залезът на средната класа. Социални, икономически и философски проекции на прехода към постиндустриално общество. Фабер, 2004).

³³ Интересен опит за обобщение е публикуван през 2004 г.: „Оптимистична теория за песимизма на прехода“ Сдружение „Инициатива Глобална България,, 2003–2004. – Капитал, 10–16 апр. 2004.

³⁴ Той пише следното: „...революцията в България ще зависи три четвърти от положението във и една четвърт от положението вътре“ (Благоев, Д. „Тесни социалисти“ с анархистически глави. – Ново време, 1919, кн. 10–11).

³⁵ Външната политика на България след 10. XI. 1989 г. С., 1997.

³⁶ Дума, 16 апр. 2007.

³⁷ Станишев, С. Добрите неща не стават бързо. – Труд, бр. 240, 1 септ. 2007.

³⁸ Ангелов, И. Анатомия на българската инфлация. – Дума, бр. 97, 24 апр. 2008.

³⁹ Станишев, С. България днес е по-богата отпреди 5 години. – Труд, бр. 120, 1 май 2008.

⁴⁰ Тончев, Т. Сега можем да купуваме по-малко от 1989 г. – 24 часа, бр. 182, 4 юли 2008. Обяснението е, че реалните доходи са нараствали по-бавно, отколкото са се увеличавали цените на стоките.

⁴¹ Миков, М. Който работи добре в МВР, да бъде спокоен. – Труд, бр. 126, 9 май 2008.

⁴² Първанов, М. Предложение за реформа на политическия модел. – Труд, бр. 166, 18 юни 2008. Президентът предлага да се повишат критериите за участие в изборите – партиите да имат национално представителство и да покажат прозрачност при финансирането, както и да бъдат въведени силни мажоритарни елементи в пропорционалната избирателна система.

⁴³ Лий, М. Не сме доволни. – Труд, бр. 131, 14 май 2008.

⁴⁴ Докладът е публикуван в българските вестници с най-голям тираж (България не контролира сигурно парите си). – Труд, бр. 196, 18 юли 2008.

⁴⁵ <http://www.cik-bg.org/>

И. А. Полищук

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ В УКРАИНЕ: ОТ РУДИМЕНТОВ АВТОРИТАРИЗМА К СОЗДАНИЮ ОСНОВ ДЕМОКРАТИИ (1991–2007)

На момент получения государственной независимости в 1991 г. украинское общество имело низкий уровень консолидации в силу очевидной историко-ментальной, социально-экономической, этнонациональной, лингвокультурной, конфессиональной, геополитической, идеологической и, как итог, электоральной гетерогенности. Все это существенным образом отразилось на характере социальных трансформаций в Украине и специфике избирательного процесса. Посткоммунистический транзит в Украине существенно осложнился в силу объективных специфических обстоятельств развития вновь созданной страны. Как метко отмечают Дж. Сакс и О. Пивоварский, «Украина переживает не одну, а целых три трансформации: переход от диктатуры к демократии, от колонии к самостоятельной нации и от экономического упадка к оздоровлению и росту. Немногим странам в истории человечества пришлось решать эти три проблемы в одно и то же время»¹.

Приведем проблемные блоки, которые детерминируют разнообразие политико-культурной и электоральной идентификации украинских граждан. Историко-ментальные разногласия между Левобережной и Правобережной Украиной возникли в результате колониальной принадлежности этих территорий к разным государствам. Существенным образом влияет на разделенность украинского общества социально-экономическое расслоение. Многолетний экономический кризис стал причиной массового обнищания, маргинализации и десоциализации значительной части украинских граждан.

Украина имеет достаточно пестрый этнонациональный состав населения (свыше 100 этнических групп), который налагает свой отпечаток на политическое развитие страны. Лингвокультурная неоднородность украинского социума заключается в существовании приблизительно равновеликих групп русскоязычного (восток и юг страны) и украиноязычного (центр и запад) населения. Языковая идентификация во многом влияет на культурную идентификацию. Возникает феномен маргинального национального сознания, когда русскоязычные этнические украинцы осознают себя людьми российской культуры. Конфессиональная неоднородность проявляется не только в наличии православной (восточный, центральный и южный регионы) и греко-католической (западный регион) ветвей христианства, но и в расколе между православными церквями Киевского и Московского патриархата. Население одновременно готово поддерживать как интеграцию страны в Европейский Союз, так и союз с Россией и Беларусью. Первый вариант интеграции в 2000–2004 годах в среднем поддерживали от 45% до 56% («против» высказывались 8–15% граждан), второй вариант поддерживали от 41% до 63% («против» – 20–37%)². При этом только сравнительно небольшая часть населения видит возможность не противопоставлять эти ориентиры.

Что касается идеологической неоднородности, то, по данным Института социологии НАН Украины, уровень поддержки социалистического пути развития, начиная с 2000 года, составлял 22,5–27,5%, капиталистического – 10,6–17,1%, любого бескон-

фликтного (конвергенционного) варианта развития – 20,4–24,2%, не определились по этому вопросу – около 18%³. Это при том, что большое влияние сохраняют остатки советской субкультуры. Украинское общество является крайне разьединенным. В таких условиях необходимо быть весьма ловким политиком, чтобы удерживать баланс интересов разных социальных, этнонациональных и конфессиональных групп.

Для лучшего понимания эволюции культуры политических выборов в Украине необходимо воспроизвести ее постсоветскую историческую ретроспективу. 24 августа 1991 г. Верховная Рада Украинской ССР, непосредственно реагируя на реваншистско-коммунистический путч в Москве, приняла Акт провозглашения независимости, в котором речь шла о «создании самостоятельного Украинского государства, – Украина»⁴. Всенародный референдум, который состоялся 1 декабря, легитимизировал суверенную государственность Украины. Тогда же произошло еще одно примечательное событие в постсоветской истории Украины – был всенародно избран ее первый Президент. Первые выборы Президента Украины показали, что в развитии электоральной практики на демократических принципах существует немало проблем, связанных с несовершенством избирательного законодательства, а главное – отсутствием сложившихся навыков и больших, развитых традиций участия в избирательной кампании украинского электората, проведения предвыборных состязаний. Авторитарный режим, который существовал в царской России, а затем советский тоталитаризм, негативно повлиял на развитие электоральной культуры украинцев, ведь оба режима исключали политическую конкуренцию и многопартийность. В политической культуре украинского народа (в большей мере у надднепрянцев и в меньшей мере у галичан) образовались авторитарные девиации, которые проявлялись в отсутствии развитых демократических установок, необходимых политических знаний и избирательных умений, недостаточном осознании своих настоящих интересов, низкой гражданской инициативности, патерналистском восприятии государственных институтов, подсознательной ориентации на «умеренных» лидеров – консерваторов.

Трансформацию политико-культурных установок украинского народа можно выявить, рассматривая итоги президентских и парламентских выборов, которые состоялись в нашей стране со времени провозглашения государственной независимости. Рассматривая идеологическую ориентацию голосования как важный индикатор динамики трансформаций электоральной культуры, необходимо сделать определенные замечания. Идеология в транзитивных обществах не является сегодня однозначным показателем, который определяет электоральный выбор граждан. Данные последних социологических исследований в Украине свидетельствуют о том, что лишь 20,2% избирателям безразлично, кто будет возглавлять партийные структуры, если будет сохраняться их идеологическая направленность. 61,4% электората придерживаются противоположного мнения – ориентируются на личность лидера. При этом почти для каждого пятого (18,6%) это обстоятельство не представляет никакого интереса. Отсюда можно сделать вывод, что переходное украинское общество структурировано не столько по партийному признаку, сколько по личным симпатиям к лидерам политических сил⁵. Для украинского избирателя главным мотивом определения своего электорального выбора является фактор лидера, а не идеологии политической партии, которую тот представляет. Однако отрицать важную роль идеологического фактора было бы абсолютно неверным, ведь тот же лидер использует в первую очередь идеологическую риторику, которая вместе с его личностными качествами отличает его от других политиков.

Что касается обобщений относительно президентских и парламентских выборов в Украине, которые состоялись в 1991–2007 гг., можно отметить, что они всегда были показательными с точки зрения эволюции политической культуры украинского

электората. Динамику голосования избирателей в процентах голосов на выборах Президента Украины отражает следующая таблица*⁶.

Таблица 1

Сведенные итоги выборов Президента Украины 1991–2004 гг.⁷

	1991	1994		1999		2004	
		I тур	II тур	I тур	II тур	I тур	II тур
Л. Кравчук**	61,59	37,72	45,06	-	-	-	-
В. Черновил	23,27	-	-	-	-	-	-
Л. Лукьяненко	4,49	-	-	-	-	-	-
В. Гринев	4,17	-	-	-	-	-	-
Л. Кучма	-	31,27	52,15	36,49	56,25	-	-
О. Мороз	-	13,04	-	11,29	-	5,82	-
В. Лановой	-	9,32	-	-	-	-	-
В. Бабич	-	2,39	-	-	-	-	-
П. Симоненко	-	-	-	22,24	37,80	4,97	-
Н. Витренко	-	-	-	10,97	-	1,53	-
Е. Марчук	-	-	-	8,13	-	-	-
Ю. Костенко	-	-	-	2,17	-	-	-
В. Ющенко	-	-	-	-	-	39,90	51,99***
В. Янукович	-	-	-	-	-	39,26	44,20

Эволюцию идеологических ориентаций украинского электората существенно дополняет динамика голосования на парламентских выборах, которую отражает следующая таблица****.

В хронологическом порядке проследим, как изменялись идеологические приоритеты голосования украинских избирателей в течение существования независимой Украины. Начнем с 1991 года, когда состоялась легитимация суверенной украинской государственности. В этот период на политической арене Украины действовали и конкурировали между собой, по меньшей мере, три основных политических силы: Коммунистическая партия, возглавляемая ее первым секретарем ЦК С. Гуренко, которая стояла на позициях «обновленной федерации»; суверен-коммунисты, неформальным лидером которых был Председатель Верховной Рады Украины, второй секретарь ЦК КПУ Л. Кравчук, которые маневрировали между ортодоксами и национал-демократами; Народный Рух Украины – наиболее массовое общественно-политическое объединение национально-демократического направления, во главе которого стояли известные диссиденты и представители национальной интеллигенции: В. Черновил, Л. Лукьяненко и др.⁹ На первых выборах Президента Украины уверенную победу одержал тогдашний председатель Верховной Рады Украины Леонид Кравчук (получил голосов «за» 19 643 481 – 61, 59%)¹⁰. Парадокс голосования украинского электората заключался в том, что, почти единодушно поддержав идею независимости Украины (проголосовало «за» 92,32% граждан, которые принимали участие в референдуме, это 84% от количества тех, кто имеет право голоса, то есть в целом независимость Украины поддержали 76% всех избирателей), ее реализация была поручена лидеру, который

* В таблице представлены только те кандидаты, которые набирали больше 2% на выборах.

** Жирным выделены фамилии кандидатов, избранных Президентом Украины.

*** Приведены результаты переголосования второго тура 26 декабря 2004 г.

**** В таблице представлены только те политические силы, которые преодолевали проходной барьер 4–3% на выборах.

в течение всей своей бюрократической карьеры боролся против любых ее ростков. А действительно убежденному стороннику независимости, который посвятил борьбе за нее лучшие годы жизни, тогдашнему председателю Львовского областного совета, одному из лидеров Народного Руха Украины В. Черноволу электорат отказал в поддержке («за» 23,27%)¹¹. Специалисты объясняли этот парадокс известным консерватизмом украинских избирателей, видевших в лице Л. Кравчука умеренного лидера, который должен обеспечить эволюционный характер преобразований. В идеологическом плане Л. Кравчук в своей программе «Пять «Д»» синтезировал национал-демократические ценности (идеи государственности и духовности) с социал-демократическими ценностями (идеями демократии, благосостояния и доверия). Можно считать, что кандидат, который стал первым Президентом, занял позицию между левым и правым центром, что и принесло ему победу.

Таблица 2

Сведенные итоги выборов в Верховную Раду Украины 1994–2007 гг.⁸

	1994*	1998	2002	2006	2007
Левые					
Коммунистическая партия Украины	25	24,65	19,98	3,66	5,39
Социалистическая партия Украины	4,15		6,87	5,67	-
Селянская (Крестьянская) партия Украины	5,34		-	-	-
Блок СПУ и СелПУ «За правду, за народ, за Украину!»	-	8,55	-	-	-
Прогрессивная социалистическая партия Украины	-	4,04	-	-	-
Левый центр					
Социал-демократическая партия Украины (объединенная)	-	4,01	6,27	-	-
ПП ВО «Громада»	-	4,67	-	-	-
Блок Юлии Тимошенко**	-	-	7,26	22,27	30,69
Центристы					
Народно-демократическая партия	-	5,01		-	-
Блок «За единую Украину!»***	-	-	11,7	-	-
Партия регионов				32,12	34,24
Партия зеленых Украины	-	5,43	-	-	-
Народный блок Литвина	-	-	-	-	3,96
Правый центр – национальные демократы					
Народный Рух Украины	5,9	9,40	-	-	-
Блок Виктора Ющенко «Наша Украина»****	-	-	23,57	13,94	14,16

* Выборы проходили по мажоритарной системе, проценты от количества избранных в апреле 338 депутатов.

** В Блок Юлии Тимошенко входили партии: ВО «Батькивщина» («Родина»), Украинская социал-демократическая партия, Украинская республиканская партия, Украинская народная партия «Собор».

*** Блок «За единую Украину!» состоял из партий: Народно-демократической (НДП), Партии регионов, Политической партии «Трудовая Украина», Аграрной партии Украины, Партии промышленников и предпринимателей Украины.

**** Блок Виктора Ющенко «Наша Украина» включал партии: Народный Рух Украины, Украинский народный рух (движение), Партия «Реформы и порядок», Конгресс украинских националистов, Партия «Солидарность», Политическая партия «Вперед, Украина!», Молодежная партия Украины, Республиканская христианская партия, Партия «Христианско-народный союз», Либеральная партия Украины. На выборах в 2007 г. был образован блок «Наша Украина – Народная самооборона».

В. Кремень, Д. Табачник и В. Ткаченко дают достаточно жесткую оценку правлению Л. Кравчука: «В переходный период от патерналистского типа общества к правовому государству, как известно, большая роль принадлежит харизматическому лидеру, вождю народа. В Украине также были надежды, что появится лидер, который возьмет на себя ответственность за наведение порядка и обеспечение пути к реформе. Но Леонид Кравчук, избранный Президентом в декабре 1991 г., такие надежды не оправдал. Складывалось впечатление, что он и сам был поражен глубиной экономических проблем Украины и не имел ни видения путей их решения, ни политической воли к этому»¹².

Весенние (1994) выборы в Верховную Раду показали, что народ утвердился в своих гражданских стремлениях и обнаружил достаточно сильное самосознание – пришел на избирательные участки и отдал голоса тем, кто заявил о готовности разрешить его неотложные проблемы. Собственно, удача сопутствовала коалиции левого центра, своей победой обеспечившей психологический слом в общественном сознании после нескольких лет невзыскательных антикоммунистических кампаний. Произошло то, что должно было случиться, что состоялось перед этим уже во многих странах Восточной Европы¹³.

В условиях обострения социально-экономического кризиса приход левых был неминуемым. Сработал такой фактор, как стремление людей к вечному идеалу справедливости и правды. Массовая неудовлетворенность «реальным социализмом», которая и довела его до краха, в значительной мере имела своим источником, в сущности, социалистический общественный идеал¹⁴. Компартия, завоевавшая 91 мандат, а также в известной мере Народный Рух Украины, Селянская (Крестьянская), Социалистическая и Республиканская партии (получили соответственно 22, 21, 14 и 11 мандатов) подтвердили наличие у них соответствующей социальной базы¹⁵.

Вторые выборы Президента Украины в результате острого экономического кризиса, проводившиеся досрочно, состоялись 26 июня 1994 г. Выборы проходили в два тура, в них принимали участие 7 кандидатов¹⁶. В те времена так называемую «партию власти» стала раздирать внутренняя борьба. Политическая элита разделилась, по крайней мере, на четыре фракции: сторонников Президента Л. Кравчука; блок аграрников вместе с руководителями местных Советов, которые отстаивали позиции И. Плюща; блок коррумпированных «красных директоров», возглавляемых Е. Звягильским; блок экономических реформаторов, которые объединились под руководством Л. Кучмы¹⁷.

После второго тура голосования победил экс-премьер-министр Леонид Кучма, который уже в качестве новоизбранного Президента подал новому составу Верховной Рады собственную модель выхода из экономического кризиса и свою концепцию видения общества: «Наша цель – утверждение в Украине демократического, социально ответственного, солидарного общества, которое постепенно будет избавляться традиционно классово-формальных признаков, органически будет совмещать в себе труд, талант и капитал общества, где каждый гражданин сможет реализовать в полной мере способности своей личности, общества, которое на деле будет обеспечивать права и свободы каждого человека»¹⁸. *Л. Кучма победил в 1994 г. с вполне социал-демократической программой, которая даже была немного «левее» классических европейских аналогов, поэтому неслучайно его поддержали украинские коммунисты (их привлекала, в первую очередь, идея сближения с Россией как доминанта внешнеполитической доктрины Л. Кучмы).*

Аналогичной была картина выборов в 1998 г. Лишь *восемь* партий преодолели 4-процентный барьер, который давал право на получение депутатских мандатов. Половина участников выборов набрала от 1,3 до 0,14% голосов. Выборы зафиксировали *стабильность представительства левых (КПУ, СПУ, СелПУ, ПСПУ)* и одной правой партии и в то же время радикально изменили состав остальных политических акто-

ров. Только левые партии образовали фракции исключительно на партийной основе; остальные ориентировались на привлечение максимального количества депутатов за счет представителей других партий и внепартийных. Само по себе это вполне естественно, но на практике приводило к пренебрежению программными принципами и искажало отношения по оси избиратели – избранники – власть¹⁹.

На парламентских выборах 2002 г. бросается в глаза *очевидное изменение идеологических приоритетов голосования украинских избирателей*, особенно если сравнивать с предыдущими избирательными кампаниями в украинский парламент. В Верховную Раду были избраны лишь две левые силы – КПУ и СПУ. Центристы сохранили такую же численность – три партии и блока: «Блок В. Ющенко «Наша Украина» (представитель правоцентристского направления), блок «За единую Украину!», СДПУ(о) – формально представитель левого центра. Левоцентристская оппозиция была представлена тоже одной силой – «Блоком Ю. Тимошенко». Итак, *произошло сокращение парламентских сил только в левом лагере*.

Впервые за всю постсоветскую историю победу на выборах одержала нелевая политическая сила – «Блок Виктора Ющенко «Наша Украина» (23,57% голосов по партийным спискам). Успех блока «Наша Украина» объяснялся главным образом высоким рейтингом его лидера – В. Ющенко. В связи с этим первое место этого блока предварительно прогнозировалось практически всеми ведущими социологическими службами Украины. Значительное количество голосов получили политические силы, которые активно участвовали в антипрезидентских акциях «Украина без Кучмы», – «Блок Ю. Тимошенко» и СПУ (соответственно 7,26 % и 6,87 % голосов). Уверенная победа «Нашей Украины» вряд ли может быть объяснена иными причинами, нежели большим харизматическим ресурсом и авторитетом среди большинства населения бывшего премьера В. Ющенко. Это новое для постсоветской Украины явление, когда полностью прозападный политик имел большую популярность среди населения почти во всех регионах страны.

Подмеченная тенденция усилилась в ходе следующей кампании 2004 г. Президентские выборы 2004 г. вошли в историю многими показательными особенностями. В первую очередь, тем фактом, что впервые *среди двух основных кандидатов на наивысшую должность в государстве не было коммуниста или представителя левых*: тогдашний премьер-министр В. Янукович представлял левоцентристскую программу, а победитель гонки В. Ющенко – право-либеральное направление.

«Оранжевая революция» как следствие избирательной кампании символизировала демократический подъем в политическом сознании многих украинских граждан. По оценками независимых международных организаций и иностранных наблюдателей, Украина подошла к парламентским выборам 2006 г. более демократической страной, чем к событиям декабря 2004 г., показатели демократичности и соблюдения прав человека несколько улучшились. По критериям американского исследовательского центра «Дом Свободы» (Freedom House), положение украинского государства в мировой шкале развития демократии изменилось в 2005–2006 годах с «частично свободной» до «свободной» страны. Показатель политических свобод улучшился с 4 до 3, а гражданских прав – с 3 до 2 (1 – полная свобода, 7 – отсутствие свободы). В большой мере этому способствовали, как отмечается в докладе «Свобода в мире», антивластные выступления народных масс в декабре 2004 г., которые добились отмены неправдивых результатов второго тура президентских выборов²⁰. В докладе «Страны на перепутье» аналитики указанного исследовательского института отмечают, что «улучшения в Грузии, Киргизстане и Украине были наиболее значительными из всех исследуемых стран (речь

шла о 30 странах, которые находятся «на перепутье»), в первую очередь, в сфере «Подотчетности и голоса общественности» – рубрики, которая включает такие сферы, как выборы, гражданское общество и масс-медиа»²¹. После президентских выборов 2004 г. получили преобладание политические силы во главе с новым Президентом В. Ющенко, которые олицетворяют проевропейский вектор развития страны. Его сущность заключается в отстаивании идеи реинтеграции Украины в Европу на основе построения демократической децентрализованной власти и гражданского общества.

Парламентская избирательная кампания 2006 г. имела решающее значение для социально-политического развития страны, учитывая конституционную реформу, принятую 8 декабря 2004 г., которая стала началом трансформации нашей политической системы от президентско-парламентской к парламентско-президентской республике. Выборы–2006 показали, что сегодня в Украине нет такой политической силы, которая бы смогла самостоятельно победить и единолично сформировать правительство.

Если проанализировать результаты выборов–2006 с точки зрения распределения популярности между властью и оппозицией, то можно выявить интересные тенденции и закономерности. Оказывается, что действующую власть стабильно поддерживает приблизительно одно и то же количество избирателей: в 2002 г. первая и вторая партии власти (Блок «За единую Украину!» и СДПУ(о)) вместе набрали 18,04% (11,77 % +6,27 %), а в 2006 г. первая и вторая партии власти (Блок «Наша Украина» и СПУ) набрали на 1,6 % больше – 19,64% (13,97 % +5,67 %). Это дает основания экспертам утверждать, что уровень поддержки действующей власти, независимо от ее идеологической направленности, составляет не более 20% избирателей.

В 2007 г. острый кризис поразил политический режим Украины. Главной причиной стала борьба за власть между Президентом и правительственной коалицией в условиях несовершенства конституционной реформы. Принятие Закона о Кабинете Министров Украины в конце 2006 г., который существенно суживал полномочия Президента, а также угроза формирования антипрезидентского конституционного большинства в Верховной Раде, стали главными поводами для издания четырех указов Президента В. Ющенко о роспуске украинского парламента пятого созыва и объявления досрочной избирательной кампании 2007 г. Как известно, политический кризис – это сильный сбой в политической системе, нарушение ее нормального функционирования²². Приятно констатировать, что Украина достойно сдала свой экзамен на демократию – впервые за всю новейшую историю сработала привычная для европейских демократий практика решения политических кризисов путем досрочного переизбрания высшего законодательного органа страны.

Досрочные выборы 2007 г. подтвердили тезис о том, что для украинского электората оппозиционная ниша является более привлекательной, чем провластная. Вместе с тем, результаты последних парламентских выборов продемонстрировали наибольший за все годы государственной независимости Украины урожай голосов действующей власти. Так, две партии власти – Партия регионов, которая контролировала правительство, и «Наша Украина», которая имела влияние на Службу безопасности Украины, Министерство обороны, Министерство иностранных дел и все областные государственные администрации, в сумме получили 42,62% голосов украинских избирателей.

Подводя итоги рассмотрения эволюции культуры политических выборов в независимой Украине, можно сделать следующие выводы. В период с 1991 по 2008 г. произошла постепенная переориентация установок политической культуры Украины с левых этатистско-патерналистских ценностей коммунистической эпохи на правоцентристские ценности европейской демократии. При этом сохраняют свое влияние левые, про-

советские ценности. Переходное состояние украинского общества определяет и переходный характер его политической культуры, наличие элементов как демократической, так и авторитарной ее составляющих. В региональном измерении на Западе и в Центре преобладают демократические, а на Востоке и Юге – авторитарные установки в политическом сознании электората. В электоральной культуре украинцев доминирует ориентация на личность лидера определенной политической силы, что является свидетельством начального уровня демократической культуры. Популярность среди украинского электората оппозиционных сил является, как правило, втрое больше, чем провластных политиков, и это свидетельствует о стабильно низком уровне доверия отечественных избирателей к власти, что приводит к отчуждению граждан от властных институтов.

¹ Сакс, Д. Економіка перехідного періоду: Уроки для України. К., 1996, с. 12.

² Дергачев, А. Становление и развитие демократического консенсуса. – В: Президентские выборы и Оранжевая революция: влияние на трансформационные процессы в Украине. К., 2005, с. 43.

³ Там же, с. 42.

⁴ Акт проголошення незалежності України. – В: Нариси з історії українського державотворення. К., Генеза, 1995.

⁵ Вожди, партии и блоки. – Киевский телеграф, 2005, 9–15 сентября.

⁶ Литвин, В. Політична арена України: Дійові особи і виконавці. К., Абрис, 1994, с. 288.

⁷ Право вибору: Президент України – 2004: Довідник. Вступ. ст. М. Томенка; Упоряд.: В. Гребельний, Р. Дмитрук, О. Куранда, О. Палій. К., Геопринт, 2004, 9–10.

⁸ Литвин, В. Указ. соч., с. 140, 425.

⁹ Політична історія України XX століття: У 6 т. Т. 6: Від тоталітаризму до демократії (1945–2002). О. М. Майборода, Ю. І. Шаповал, О. В. Гарань та ін. Редкол.: І. Ф. Курас (голова) та ін. К., Генеза, 2003, с. 480.

¹⁰ Право вибору... с. 9.

¹¹ Литвин, В. Указ. соч., с. 280.

¹² Політична історія України XX століття... с. 500.

¹³ Там же, с. 524.

¹⁴ Там же, с. 508.

¹⁵ Там же, с. 550.

¹⁶ Литвин, В. Указ. соч., с. 9.

¹⁷ Кремень, В. Україна: альтернативи поступу (критика історичного досвіду). К., ARS-UKRAINE, 1996, с. 507.

¹⁸ Кучма, Л. Шляхом радикальних економічних реформ. К., Альтернативи, 1994, с. 49–50.

¹⁹ Політична історія України XX століття... с. 550.

²⁰ Freedom in the World. Country Report: Ukraine (2006) [Свобода у світі. Огляд країн: Україна (2006)] [Електрон. ресурс]. Режим доступу: <http://www.freedomhouse.org/templ.cfm>. – Загол. з екрану.

²¹ Countries at the Crossroads. 2006. Overview Essay: Entrenched Corruption and the Challenge to Democratic Accountability/ by Sanja Tatic and Christofer Walker: [Електрон. ресурс]. – Режим доступу: <http://www.freedomhouse.org/templ.cfm>. – Загол. з екрану.

²² Обушний, М. І. Політологія: Довідник. К., Довіра, 2004, с. 599.

Г. М. Куц

УКРАЇНА НА ДЕМОКРАТИЧНОМУ РОЗДОРІЖЖІ: ЕЛЕКТОРАЛЬНИЙ КОНТЕКСТ

Вибори – стрижневий механізм демократії. Це зумовлено тим, що демократія, будучи несумісною із зосередженням влади в руках обмеженої кількості осіб, ставить вимогу запровадження виборів як інструменту постійної зміни народного представництва. Як зазначав Дж. Сарторі, «сучасні демократії залежать від: а) обмеження врядування більшості; б) виборчих процедур; в) представницької передачі влади»¹. Відповідно, демократія неможлива без представницької передачі влади, яка має здійснюватися шляхом періодичних виборів.

Україна після Помаранчевої революції 2004 р. втягнулася у перманентний виборчий процес (2004 р. – вибори президента, 2006 р. – вибори парламенту, 2007 р. – дострокові парламентські вибори, 2010 р. – вибори президента та місцевих органів влади). У стороннього спостерігача складається враження, що в пострадянській Україні з процесами демократизації все гаразд, з огляду на наявність постійної зміни народного представництва. Разом з тим, така електоральна активність вже викликає певні застереження у середовищі українських експертних кіл. Ці застереження стосуються не стільки проблем, пов'язаних із перманентним виборчим процесом, скільки постійної виборчої риторики, яка, проникнувши у владні коридори, призводить до пріоритетності ситуативної політики над довгостроковою та витісняє проблему створення стратегій розвитку країни на задній план. Оскільки все політичне життя в Україні висвітлюється лише в рамках виборчого дискурсу, ситуативність та фрагментарність стали ключовими ідеологемами такого способу існування. Це призводить до хаосу та зростаючої нестабільності в інститутах влади.

Для політичної системи України 2004 р. став знаковим не лише з огляду на Помаранчеву революцію, що була спричинена проблематичністю встановлення справжніх результатів президентських виборів, але й через прийняття так званої політичної реформи, якою було внесено зміни до Конституції України. Тобто, якщо Помаранчева революція поглибила електоральний розкол, то прийняття політичної реформи призвело до розбалансування системи влади. Відповідно, проблема політичної нестабільності в сучасній Україні, будучи детермінованою конституційними змінами, пов'язана насамперед з дисбалансом владних інститутів. Цей дисбаланс проявляється у розмитих повноваженнях та функціональній невизначеності політичних інститутів виконавчої гілки влади.

Парадоксальним, з однієї сторони, є той факт, що велика кількість людей в Україні вважає, що саме Помаранчева революція призвела до хаосу в структурах органів влади. З іншої сторони, не менш парадоксальною виглядає точка зору багатьох експертів західних країн, які основною проблемою, що спричинила політичну нестабільність в постпомаранчевий період, вважають лише особисті стосунки між Президентом та Прем'єр-міністром в Україні, які, дійсно, виглядали вельми конфронтаційними. Утім, при такому простому поясненні політичної нестабільності випадають з поля зору певні факти. По-перше, до розбалансування системи влади призвела не Помаранчева революція, а Закон «Про внесення змін до Конституції України», що був прийнятий 8 грудня

2004 р. Оскільки Закон приймався Верховною Радою України у пакеті разом із рішенням про третій тур президентських виборів 2004 р., бездоганністю він не відрізнявся, позаяк підставою для його прийняття була політична доцільність. Адепти В. А. Ющенко – тогочасного кандидата на пост Президента України – вимушені були погодитися на прийняття цього Закону (який суттєво обмежував повноваження Президента) в обмін на повторне голосування задля мирного урегулювання революційної ситуації. Тобто ці дві події – Помаранчеву революцію і конституційну реформу – пов'язує лише спільна дата вирішення їхньої долі. Відповідно, Помаранчева революція не могла спричинити хаос у системі влади.

По-друге, конфронтаційні стосунки між Президентом та Прем'єр-міністром спостерігалися не лише тоді, коли пост Президента обіймав В. А. Ющенко, а пост Прем'єр-міністра – Ю. В. Тимошенко. Аналогічною була ситуація, коли Прем'єр-міністром був В. Ф. Янукович. Можна зауважити, що між В. А. Ющенком і В. Ф. Януковичем теж існували причини для особистої неприязні. Утім, ці перманентні демонстративно-конфронтаційні відносини між першими особами держави мали би наштовхнути на виявлення більш глибоких причин суперечностей, що зумовлені не лише особистими амбіціями політиків, але й ціною інституціональної дії, яку було закладено змінами до Конституції.

Оптимальність та адекватність Основного Закону залежить від демократичних звичаїв, історичних передумов, правової культури держави тощо. У країнах західної демократії достатньо умовною є формалізація правил поведінки політиків, оскільки ці правила детерміновані політичними традиціями, які усталювалися століттями. Стосовно становлення демократичних традицій у молодій українській державі зазначимо, що вони мають визначатися більш чіткими нормами та положеннями вітчизняного законодавства, оскільки український державотворчий досвід суттєво відрізняється від західних аналогів. Саме тому «вітчизняні закони (передусім Основний), мабуть, повинні містити якнайменше двозначних положень і неоднозначних норм»². Двозначних тлумачень якраз не вдалося уникнути ні Конституції України від 1996 р., ні Закону «Про внесення змін до Конституції України» від 8 грудня 2004 р., ні проектам Конституцій, які рясно посипалися на голови українського електорату у передвиборчий період 2010 р.

Стосовно Конституції 1996 р.³ одразу зазначимо, що вона базується на ліберальних засадах. І це не дивно, оскільки європейські стандарти політичної системи стали взірцем для багатьох пострадянських країн. Не стала винятком у цьому питанні й Україна, для якої модель ліберальної демократії, незважаючи на критику ліберальної моделі економіки, яка активізувалася сьогодні у зв'язку з фінансово-економічною кризою у світі, є своєрідним орієнтиром.

Проте наявність основоположних ліберальних принципів у Конституції України не убезпечила Основний Закон 1996 р. від суттєвих вад. Ці вади стосувалися насамперед базового положення лібералізму стосовно розподілу влади на три гілки – законодавчу, виконавчу і судову. У статті 6 відображено це ліберальне положення. Але проблема полягає в тому, що інші статті Конституції зводили нанівець формулювання статті 6. При цілісному сприйнятті Конституції виявлялося, що виконавча гілка влади фактично стала «двоголовою» через ті надмірні повноваження, які надавалися інституту президентства. Тобто, незважаючи на те, що стаття 6 прописувала існування трьох гілок влади, складалося враження, що Основним законом закладено існування чотирьох гілок влади в Україні.

Доки Президентом України був Л. Д. Кучма, за часів якого й було закладено у Конституції таке – вигідне для нього – протиріччя, цю проблему ніхто не піднімав. Лише тоді, коли час другої каденції президентства Л. Д. Кучми став добігати кінця, ця проблема – з подачі самого Президента – почала активно обговорюватися. На той час Л. Д. Кучмі, який розумів, що третю каденцію підряд він вже не має права бути

Президентом, було вигідно урізати президентські повноваження та перетворити Україну на парламентсько-президентську республіку. При введенні у дію таких конституційних змін у Л. Д. Кучми, ймовірно, була надія зайняти пост Прем'єр-міністра України, що забезпечило б його подальше перебування на владному олімпі. Утім, внаслідок Помаранчевої революції Л. Д. Кучми не вдалося скористатися плодами реформи. Ця конституційна реформа була використана оточенням тогочасного кандидата в Президенти В. Ф. Януковича з метою обмеження повноважень Президента, усвідомлюючи, що президентство В. А. Ющенка невідворотне.

Таким чином, проблема дисбалансу виконавчої гілки влади стала однією з причин появи на світ закону «Про внесення змін до Конституції України», прийнятого 8 грудня 2004 р., який охрестили Законом «Чотири двійки» через його специфічний порядковий номер – 2222. Базовою зміною, яку вніс цей закон, стало наділення Верховної Ради правом визначати склад Кабінету Міністрів, про що зазначено у статті 83: «Коаліція депутатських фракцій у Верховній Раді України відповідно до цієї Конституції вносить пропозиції Президенту України щодо кандидатури Прем'єр-міністра України, а також відповідно до цієї Конституції вносить пропозиції щодо кандидатур до складу Кабінету Міністрів України»⁴. У Конституції 1996 р. прерогатива внесення кандидатури Прем'єр-міністра належала Президенту. Отже, видавалося, що, оскільки надмірні повноваження Президента певним чином урізані, це автоматично призведе до гармонійного балансу між владними інститутами, забезпечивши принцип стримувань та противаг. Також було зазначено, що цей Закон набув чинності з 1 січня 2006 р., тобто з цього дня Україна мала перетворитися з президентсько-парламентської на парламентсько-президентську республіку.

Здавалося, що означений Закон сприятиме усуненню проблем розбалансування влади. Та цей принцип стримувань і противаг не призвів до результату, навпаки, Закон «Чотири двійки» сприяв ще більшому хаосу та нестабільності на рівні політичних інститутів в Україні. Це зумовлено, з однієї сторони, тим поспіхом, з яким приймався Закон «Чотири двійки» у буремний період Помаранчевої революції в Україні. З іншої сторони, Верховна Рада, яка завдяки цьому Закону стала грати роль першої скрипки в системі влади, так і не спромоглася в подальшому розробити та прийняти законодавчу базу, спрямовану на усунення недоліків стосовно розподілу влади. На загал, це призвело до ще глибшого дисбалансу в системі виконавчої влади. Так, у «двоголової» виконавчої гілки влади стали появлятися нові «голови», рішення яких дублювали, а інколи й підміняли рішення уряду. Йдеться про створені штучно органи виконавчої влади, функції яких були надмірно розширеними: Секретаріат Президента, РНБО (Рада національної безпеки та оборони України), ТПУ (Тендерна палата України) тощо. Отже, виконавча влада в Україні перетворилася на багатоголового змія, у якого кожна голова стала вважати себе найголовнішою. Така ситуація сприяла тому, що поле взаємодії між першими особами держави – Президентом і Прем'єр-міністром – було перетворене на міне поле, оскільки невизначеність меж їхніх повноважень та функцій зумовлювала постійні суперечки та конфлікти. Власне кажучи, у контексті такої невизначеності вже не мала значення приналежність Президента і Прем'єр-міністра до певних політичних сил. Навіть якщо б вони належали до однієї політичної сили, конфлікти між ними ставали врешті неминучими через законодавчу безглуздість. Верховна Рада України замість того, щоб усунути цей безлад, унормувавши на законодавчому рівні повноваження Кабінету Міністрів чи Президента, протягом останніх років підпадала під вплив тих чи інших політичних сил, постійно змінюючи той же Закон про Кабінет Міністрів. Ці зміни, на жаль, диктувалися не здоровим глуздом, а лобістськими інтересами тих політичних угруповань, які в конкретний період часу знаходилися ближче до розподілу владних ресурсів. Відповідно Законом «Чотири двійки» було не лише запроваджено

парламентсько-президентську модель правління, але й суттєво розбалансовано систему влади, що негативно позначається на політичних процесах сучасної України.

Зрештою ситуація наростаючого дисбалансу між владними інститутами набула загрозливих форм. Стало також зрозуміло, що необхідно змінювати Конституцію не лише через корінні протиріччя інституціонального характеру між гілками влади, але й через невизначеність повноважень у взаємовідносинах між органами центральної влади та регіонами. У результаті наростаючого розбалансування між гілками влади, починаючи з 2007 р., активізувався процес створення нових Конституцій. Майже кожна політична сила стала заявляти про розробку власного варіанту Основного Закону. «Парад» проєктів Конституцій перетворився у феєричне дійство з елементами шоу перед президентськими виборами 2010 р., спонукаючи до думки про кореляцію політичних технологій з процесами конституціоналізму. Так, виборча кампанія діючого Президента Віктора Ющенка базувалася на просуванні власного Проєкту Закону про внесення змін до Конституції України, щодо якого було ініційоване активне всенародне обговорення. Про існування власних Проєктів Конституції заявляли також інші кандидати в Президенти, зокрема, фаворити президентських виборів-2010 – Віктор Янукович (ПР – Партія регіонів) та Юлія Тимошенко (БЮТ – Блок Юлії Тимошенко).

Проблема політичної нестабільності на рівні органів влади була підсилена електоральним розколом, що чітко окреслився під час Помаранчевої революції 2004 р. Цей розкол (між Сходом та Заходом України) не став чимось новим в історії молодшої української держави; він поступово поглиблювався, починаючи ще з часів здобуття Україною незалежності у 1991 р., що демонструє аналіз електоральної географії⁵. На перших президентських виборах (1991 р.) перемогу здобув одразу у першому турі тогочасний представник радянської комуністичної номенклатури – Л. М. Кравчук, отримавши 61,59% голосів виборців (19 643 481 чол.). Представник опозиції – В. М. Чорновіл, який, презентуючи національно-демократичні сили, відстоював ще у період існування СРСР ідею незалежності України, здобув 23,27% голосів виборців (див. таблиці 1 та 2).

Обрання Президентом Л. М. Кравчука яскраво продемонструвало консервативну складову українського електорату, який, незважаючи на тогочасні процеси розпаду Радянського Союзу, продовжував сповідувати радянські ідеали. Цікавим та парадоксальним є той факт, що в Україні в день президентських виборів – 1 грудня 1991 р. – відбувся також референдум стосовно незалежності, на якому за незалежність віддали голоси 92,32% громадян.

Таблиця 1

Результати голосування на виборах Президента України (1991–2010)

№ з/п	Рік президентських виборів	Обраний Президент України	Кількість осіб, що проголосували «За» (%)
1.	1991	Кравчук Л. М.	61,59
2.	1994	Кучма Л. Д.	52,15
3.	1999	Кучма Л. Д.	56,25
4.	2004	Ющенко В. А.	51,99
5.	2010	Янукович В. Ф.	48,95

Тобто, підтримавши ідеї В. М. Чорновола, електорат фактично відмовив у підтримці самому В. М. Чорноволу як майбутньому президенту. Така амбівалентність позицій електорату, яка зумовлена, з однієї сторони, домінуванням консервативної спрямованості української ментальності, а, з іншої, – прагненням до змін, спостерігалася і в подальших електоральних кампаніях.

Таблиця 2

**Розподіл голосів між двома кандидатами в Президенти України,
які отримали найбільше голосів на виборах (1991–2010)**

№ з/п	Рік президентських виборів	П. І. Б. кандидатів у Президенти України	Кількість осіб, що проголосували «За» (%)	Відрив між кандидатами, (%)
1.	1991	Кравчук Л. М.	61,59	38,32
		Чорновіл В. М.	23,27	
2.	1994	Кучма Л. Д.	52,15	7,09
		Кравчук Л. М.	45,06	
3.	1999	Кучма Л. Д.	56,25	18,45
		Симоненко П. М.	37,80	
4.	2004	Ющенко В. А.	51,99	7,79
		Янукович В. Ф.	44,20	
5.	2010	Янукович В. Ф.	48,95	3,48
		Тимошенко Ю. В.	45,47	

Задля виявлення причин електорального розколу в Україні звернемося до аналізу президентських виборів в територіальному контексті (див. таблиці 3 та 4). Слід зазначити, що сьогодні в Україні налічується 27 адміністративно-територіальних одиниць, до яких відносяться 24 області, Автономна Республіка Крим та два міста – Київ і Севастополь.

Якщо на виборах 1991 р. 24 адміністративно-територіальних одиниці у переважній своїй більшості підтримали Л. М. Кравчука, то В. М. Чорноволу висловили підтримку лише три адміністративно-територіальних одиниці. Отже, вибори 1991 р. продемонстрували, що лише жителі трьох західних областей (Івано-Франківської, Львівської та Тернопільської) прагнули до розбудови незалежної української держави на національно-демократичній платформі. Однак ситуація достатньо швидко почала кардинально змінюватися. Не в останню чергу це було зумовлено налаштованістю обраного Президента Л. М. Кравчука на зміцнення незалежності України, що сприяло підвищенню до нього довіри в західних областях.

Разом з тим, процеси розпаду СРСР спричинили важкі наслідки в соціально-економічній сфері України, що стало каталізатором для проведення дострокових президентських виборів у 1994 р. Територіальний розподіл голосів на цих виборах суттєво відрізнявся від попереднього волевиявлення (див. таблицю 3). Діючий Президент Л. М. Кравчук на виборах 1994 р., поступившись посадою Л. Д. Кучмі, здобув територіальну прихильність електорату західних областей України.

Новообраний Президент Л. Д. Кучма за п'ять років своєї першої каденції теж зумів, завоювавши певні симпатії у жителів західних областей, здобути їх підтримку на виборах 1999 р. Перемігши у 15 областях Заходу та Півдня України, він поступився східним регіоном представнику Комуністичної партії П. М. Симоненку. Але певна мозаїчність у тогочасних регіональних уподобаннях виборців (коли за Л. Д. Кучму одночасно віддавали голоси як жителі Львівщини чи Волині, так і жителі Донеччини чи Севастополя) швидше є винятком із правил, ніж підставою для узагальнень стосовно динаміки електоральних пріоритетів. Така мозаїчність зумовлена, на наш погляд, не стільки прагненням підтримати діючого Президента, скільки прагненням протистояти минулому в особі кандидата від Комуністичної партії П. М. Симоненка.

Отже, вибори 1991–1999 рр. продемонстрували дві тенденції. По-перше, і Л. М. Кравчук (перший Президент України), і Л. Д. Кучма (другий Президент України) обирались електоратом східних областей, будучи представниками колишньої комуністично-радянської номенклатури. Згодом, відстоюючи ідеї розбудови української держави, вони втрачали під-

тримку східного електорату, завойовуючи, натомість, західний. По-друге, якщо для електорату Сходу пріоритетними були цінності комуністично-радянського минулого, то електорат західних областей України був більше орієнтованим на національно-демократичні цінності.

Таблиця 3

Динаміка територіального розподілу уподобань українського електорату на президентських виборах (1991–1999)

№ з/п	Перелік адміністративно-територіальних одиниць, що віддали перевагу обраному Президенту	Територіальний розподіл голосів на виборах Президента України (1991–1999)
1.	1991 р. Президент: Кравчук Л. М. Перемога у 24 адміністративно-територіальних одиницях (Вінницька, Волинська, Дніпропетровська, Донецька, Житомирська, Закарпатська, Запорізька, Київська, Кіровоградська, Луганська, Миколаївська, Одеська, Полтавська, Рівненська, Сумська, Харківська, Хмельницька, Херсонська, Черкаська, Чернігівська, Чернівецька області, Крим та міста Київ і Севастополь). Чорновіл В. М. (друге місце) Перемога у 3 адміністративно-територіальних одиницях (Івано-Франківська, Львівська, Тернопільська області).	
2.	1994 р. Президент: Кучма Л. Д. Перемога у 14 адміністративно-територіальних одиницях (АР Крим, Дніпропетровська, Донецька, Запорізька, Кіровоградська, Луганська, Миколаївська, Одеська, Полтавська, Сумська, Харківська, Херсонська, Чернігівська області та місто Севастополь). Кравчук Л. М. (друге місце) Перемога у 13 адміністративно-територіальних одиницях (Вінницька, Волинська, Житомирська, Закарпатська, Івано-Франківська, Київська, Львівська, Рівненська, Тернопільська, Хмельницька, Черкаська, Чернівецька області та місто Київ).	
3.	1999 р. Президент: Кучма Л. Д. Перемога у 17 адміністративно-територіальних одиницях (Волинська, Дніпропетровська, Донецька, Житомирська, Закарпатська, Івано-Франківська, Київська, Львівська, Одеська, Рівненська, Сумська, Тернопільська, Харківська, Хмельницька, Чернівецька області та міста Київ і Севастополь). Симоненко П. М. (друге місце) Перемога у 10 адміністративно-територіальних одиницях (АР Крим, Вінницька, Запорізька, Кіровоградська, Луганська, Миколаївська, Полтавська, Херсонська, Черкаська, Чернігівська області).	

Чергових змін електоральна карта України зазнала під час президентської виборчої кампанії 2004 р. (див. таблицю 4), що увійшла в історію, спричинивши Помаранчеву революцію. Третім Президентом став В. А. Ющенко, за якого віддали голоси вже жителі 17 адміністративно-територіальних одиниць західних та центральних регіонів України. За його опонента – В. Ф. Януковича – голосували, в основному, жителі південно-східної частини України (10 адміністративно-територіальних одиниць).

Таблиця 4

Динаміка територіального розподілу уподобань українського електорату на президентських виборах (2004–2010)

№ з/п	Перелік адміністративно-територіальних одиниць, що віддали перевагу обраному Президенту	Територіальний розподіл голосів на виборах Президента України (2004–2010)
1.	2004 р. Президент: Ющенко В. А. Перемога в 17 адміністративно-територіальних одиницях (Вінницька, Волинська, Житомирська, Закарпатська, Івано-Франківська, Київська, Кіровоградська, Львівська, Полтавська, Рівненська, Сумська, Тернопільська, Хмельницька, Черкаська, Чернігівська, Чернівецька області та місто Київ). Янукович В. Ф. (друге місце) Перемога в 10 адміністративно-територіальних одиницях (АР Крим, Дніпропетровська, Донецька, Запорізька, Луганська, Миколаївська, Одеська, Харківська, Херсонська області та місто Севастополь).	
2.	2010 р. Президент: Янукович В. Ф. Перемога в 10 адміністративно-територіальних одиницях (АР Крим, Дніпропетровська, Донецька, Запорізька, Луганська, Миколаївська, Одеська, Харківська, Херсонська області та місто Севастополь). Тимошенко Ю. В. (друге місце) Перемога в 17 адміністративно-територіальних одиницях (Вінницька, Волинська, Житомирська, Закарпатська, Івано-Франківська, Київська, Кіровоградська, Львівська, Полтавська, Рівненська, Сумська, Тернопільська, Хмельницька, Черкаська, Чернігівська, Чернівецька області та місто Київ).	

Зауважимо, що і Л. М. Кравчук, і Л. Д. Кучма – двоє попередників В. А. Ющенка, опираючись на підтримку південно-східного електорату, здійснювали згодом експансію на Захід. За своє п'ятирічне президентське правління В. А. Ющенко, який був обраний західними та центральними областями України, не зміг здійснити зворотну експансію на Схід. Це зумовлено, швидше за все, ціннісними протиріччями, на чому зупинимось пізніше.

Такі ж територіальні пріоритети, як і в 2004 р., проявилися в українського електорату і на президентських виборах 2010 р. (див. таблицю 4). Як зазначає С. Біличенко, достатньо порівняти карту, за якою вибори 2004 та 2010 рр. розмежовують Україну на дві частини із кордонами XII століття, щоб зробити висновок, що такий самий неофіційний кордон існував між Руссю і половецькими степами. Аналогічна ситуація

спостерігається при аналізі кордонів на картах XIV–XV століть – між Великим князівством і татарським ханством⁶. Тобто така лінія розлому свідчить про відмінність у ментальності українського народу, коріння якої сягає глибокої давнини.

Аналізуючи результати президентських виборів 2010 р., слід акцентувати увагу на трьох важливих моментах.

По-перше, цікавим видається той факт, що в 1991–2004 рр. Президентом України ставала лише та людина, яка здобувала перемогу не лише в кількісному значенні (отримуючи більшу кількість голосів виборців), але й у територіальному аспекті, завойовуючи підтримку громадян більшої кількості адміністративно-територіальних одиниць (див. таблиці 3 та 4). Вибори 2010 р. стали першими виборами, на яких обрано Президента (В. Ф. Януковича), що у територіальному контексті програв кандидату в Президенти Ю. В. Тимошенко, яка здобула другий результат. Якщо В. Ф. Янукович здобув більшість голосів у 10 адміністративно-територіальних одиницях Півдня та Сходу України (що густо заселені), то Ю. В. Тимошенко – у 17 адміністративно-територіальних одиницях Заходу та Центру.

По-друге, Україна вперше отримала Президента, який не зміг здобути підтримки більше половини виборців (див. таблицю 1), що вказує на його послаблену легітимність. Усі попередники В. Ф. Януковича завойовували понад 50% голосів виборців, тоді як за четвертого Президента України віддали голоси лише 48,95% виборців, які взяли участь у голосуванні.

По-третє, слід зазначити, що вперше на президентських виборах 2010 р. було зафіксовано настільки маленький відрив (3,48%) у голосах між двома кандидатами, які претендували на посаду Президента України (В. Ф. Януковичем та Ю. В. Тимошенко). Якщо вибори 1991 р. продемонстрували відрив між Л. М. Кравчуком та В. М. Чорноволом у 38,32%; вибори 1994 р. – між Л. Д. Кучмою та Л. М. Кравчуком – у 7,09%; вибори 1999 р. – між Л. Д. Кучмою та П. М. Симоненком – у 18,45%; вибори 2004 р. між В. А. Ющенком та В. Ф. Януковичем – у 7,79%; то вибори 2010 р. поділили електорат України майже навпіл (див. таблицю 2).

Звернемось до аналізу ціннісних протиріч, що детермінують територіальну специфіку електоральних уподобань в Україні.

Після Помаранчевої революції 2004 р. в Україні відбулася помітна електоральна структуризація суспільства. З одного боку барикад – «помаранчевий» табір, з іншого – «біло-блакитний». Зазначимо, що відмінність між ними лежить не в ідеологічній площині, а в ціннісній. Тяжіння до цінностей та принципів, а не до ідеологічних доктрин – основна риса більшості політичних партій сучасної України. Адже кожна з ідеологічних доктрин (лібералізм, соціалізм, консерватизм) передбачає вибір свого – альтернативного іншим доктринам – шляху розвитку. Це, насамперед, вибір певних економічних правил існування, політичного ладу тощо.

В Україні ідеологія не виступає тим чинником, який здатний усунути електоральний розкол та об'єднати країну, оскільки в політико-партійному спектрі прерогативи надаються апеляціям до ціннісних установок, а не до ідеологічних принципів. Орієнтація лише на цінності, своєрідність яких зумовлюється соціокультурними та регіональними чинниками, не здатна сприяти об'єднаним риториці: адже поєднати несполучуване фактично неможливо. Апелювати до цінностей політичним силам і простіше, і легше. Ціннісні принципи можна задекларувати і забути, позаяк це апелювання ні до чого не зобов'язує. Дотримуватись заявлених ідеологічних догм важче, оскільки виборець, голосуючи за ідеологічну доктрину, голосує за певний напрям економічного та політичного розвитку, що зобов'язує політичну силу бути передбачуваною і послідовною. Голосуючи за цінності чи принципи, виборці голосують «серцем» на рівні архетипу «свій-чужий», не маючи уявлення, який вектор розвитку оберє в подальшому політична сила.

Отже, як «помаранчевому», так і «біло-блакитному» електорату притаманні свої ціннісні – але не ідеологічні – пріоритети. У масовій свідомості такі пріоритети можна виявити вже при поверхневому спостереженні за прибічниками тих чи інших цінностей. Пересічний адепт «помаранчевих» щиро не розуміє: як можна виступати проти європейського вибору, який означає створення умов для забезпечення свобод кожної людини, утвердження самоцінності та унікальності індивіда. Як можна виступати проти відкритості та прозорості влади, утвердження національних ідеалів? Натомість, він вважає, що з приходом до влади «біло-блакитних» Україна знову попадає в російське (отже, імперське) ярмо, у корумпованість і закритість влади, у зневажання своїх національних інтересів, що загрожує розколу держави.

Суто діаметральні погляди у адептів «біло-блакитних». Вони не менш щиро не розуміють: як можна сповідувати так звані європейські цінності, які – як їм розтлумачили в передвиборній боротьбі лідери – автоматично означають поневолення України іноземними військами на чолі з НАТО? Як можна не любити і відвертатись від рідного і дорогого сусіда Росії, який бажає нам лише добра і готовий по-батьківськи нас опікати? Навіщо ж така – принадна для «помаранчевих» – прозорість у владних діях, якщо вона веде лише до політичної нестабільності? З їх погляду, якщо кожен посадовець почне висловлювати свою власну точку зору на сутність політичних чи економічних процесів в Україні – це лише призведе до розбалансування системи влади. Політичні рішення мають прийматися вищими авторитетами і беззаперечно виконуватись. Звичайно, у подібних розмірковуваннях відстежується відлуння радянського минулого, коли десь там в таємничих владних коридорах приймались єдино правильні рішення кимось вищим і мудрим. Виходячи з цієї логіки, можна прийти до вкрай небезпечного висновку: чим менше спостерігаєш за прийняттям політичних рішень, тим більше впевненості у стабільності та передбачуваності влади.

Зазначимо, що ті політичні дії та процеси, які «помаранчеві» визначають як демократизація та відкритість, «біло-блакитні» називають популізмом, хаосом і нестабільністю і – навпаки. Відшукати раціональну аргументацію тій чи іншій стороні для переконання своїх супротивників фактично неможливо. Емоційна напруга між двома таборами лише зростала, і нікому з противників не вдавалося переконати один одного у пріоритетності саме своєї позиції. Це підтверджували і продовжують підтверджувати соціологічні опитування. Відсоток людей, які б кардинально змінювали свої політичні погляди в Україні, дуже низький. Відповідно, низький відсоток міжпартійної міграції серед прихильників обох таборів вказує на достатньо глибокі ціннісні протиріччя⁷.

Якщо на заході України виборці протягом останніх п'яти років (2004 – 2010) традиційно віддають перевагу «помаранчевим» силам, то східна Україна вважається електоральною базою «біло-блакитних» сил. Звернемось до розгляду цієї проблеми в регіональному зрізі (див. таблиці 5, 6, 7)⁸.

Зупинимось на аналізі динаміки електоральних уподобань на прикладі Харківської області. Харків – один із найбільших мегаполісів України, тут проживає понад 1,5 млн осіб. Як на президентських виборах 2004 р. та парламентських виборах 2006 р. і 2007 р., так і на президентських виборах 2010 р. простежується цікава закономірність і в уподобаннях виборців міста Харків, і в уподобаннях виборців усієї Харківської області.

Якщо проаналізувати результати виборів 2004–2010 рр., то, з одного боку, спостерігаються суттєві відмінності в пріоритетах виборців, які мешкають у центральних районах та на околиці самого міста Харків. Впадає у вічі той факт, що постійна тенденція до більш високої підтримки «помаранчевих» сил спостерігається саме в центральних районах міста Харкова. Тобто якщо в центрі вже традиційним є більш високий відсоток виборців, що підтримують «помаранчеві» сили, то околиця міста – традиційно «біло-блакитна».

Таблиця 5

**Динаміка електоральних уподобань виборців України
у Харківському регіоні на президентських виборах 2004 р.**

	«Помаранчевий» лідер – В. А. Ющенко		«Біло-блакитний» лідер – В. Ф. Янукович	
	%	кількість виборців	%	кількість виборців
Результати голосування по Україні в цілому	51,99	15 115 712	44,2	12 848 528
Результати голосування по Харківській області в цілому	26,37	446 795	68,12	1 154 178
Результати голосування в окрузі № 171, де В. А. Ющенко взяв найбільше голосів у Харківському регіоні (<i>центр міста Харкова, у тому числі Дзержинський район</i>)	33,44	44 655	60,60	80 913
Результати голосування в окрузі № 180, де В. Ф. Янукович узяв найбільше голосів у Харківському регіоні (<i>південно-східний регіон Харківської області, у тому числі міста Куп'янськ та Ізюм і райони: Борівський, Ізюмський, Куп'янський, Шевченківський</i>)	15,68	20 333	80,14	103 864

Таблиця 6

**Динаміка електоральних уподобань виборців України
у Харківському регіоні на парламентських виборах 2006 р. та 2007 р.**

	Парламентські вибори 2006 р.				Парламентські вибори 2007 р.			
	«Помаранчеві» сили «Блок Юлії Тимошенко» та Блок «Наша Україна»		«Біло-блакитні» сили «Партія регіонів України»		«Помаранчеві» сили «Блок Юлії Тимошенко» та Блок «Наша Україна – Народна самооборона»		«Біло-блакитні» сили «Партія регіонів України»	
	%	кількість виборців, чол.	%	кількість виборців, чол.	%	кількість виборців, чол.	%	кількість виборців, чол.
Результати голосування по Україні в цілому	36,24	9 192 016	32,14	8 148 745	44,86	10 463 475	34,37	8 013 895
Результати голосування по Харківській області в цілому	18,59	275 544	51,70	765 901	24,46	325 171	49,61	659 324
Результати голосування в окрузі № 173, у якому «помаранчеві» сили взяли найбільше голосів у Харківському регіоні (<i>центр міста Харкова, у тому числі Дзержинський та Київський райони</i>)	23,76	48 557	45,85	93 651	29,18	54 108	43,02	79 753
Результати голосування в окрузі № 180, де «біло-блакитні» сили взяли найбільше голосів у Харківському регіоні (<i>південно-східний регіон Харківської області, у тому числі місто Первомайський; райони: Балаклійський, Барвінківський, Близнюківський, Первомайський</i>)	11,16	12 250	61,46	67 453	16,83	16 336	61,14	59 340

Таблиця 7

**Динаміка електоральних уподобань виборців України
у Харківському регіоні на президентських виборах 2010 р.**

	В. Ф. Янукович (уособлював «біло- блакитні» сили)		Ю. В. Тимошенко (уособлювала «помаранчеві» сили)		Не підтримали жодного кандидата	
	%	кількість виборців	%	кількість виборців	%	кількість виборців
Результати голосування по Україні в цілому	48,95	12 481 266	45,47	11 593 357	4,36	1 111 517
Результати голосування по Харківській області в цілому	71,35	1 076 962	22,43	338 643	5,12	93 641
Результати голосування в окрузі № 170, у якому Ю. В. Тимошенко взяла найбільше голосів у Харківському регіоні (<i>центр міста Харкова, у тому числі Дзержинський район</i>)	63,10	72 165	29,18	33 375	6,90	7 891
Результати голосування в окрузі № 179, у якому В. Ф. Янукович взяв найбільше голосів у Харківському регіоні (<i>східний регіон Харківської області, у тому числі міста Куп'янськ та Ізюм і райони: Борівський, Ізюмський, Куп'янський, Шевченківський</i>)	80,37	90 735	15,35	17 331	3,26	3 680

З іншого боку, такі ж відмінності можна виявити при аналізі уподобань виборців, що проживають у західній та у південно-східній частинах Харківської області. Якщо значний відсоток виборців західних районів віддає перевагу «помаранчевим» силам, то східні райони – зазвичай «біло-блакитні». Тобто в електоральних уподобаннях «біло-блакитних» сил, які вже традиційно найбільший електоральний урожай збирають у сільських районах південно-східного регіону Харківської області, також спостерігається певна постійність у пріоритетах. Слід зазначити, що південно-східні райони Харківщини межують із Донецькою областю – «малою Батьківщиною» «біло-блакитної» Партії регіонів.

Зазначимо, що відсоток виборців, які підтримують «помаранчеві» сили, у центральних районах міста Харкова значно вищий, ніж в інших округах, через те, що Харків – студентське місто. У Харкові більше 40 вищих навчальних закладів освіти, і в центральних районах міста проживає в основному молодь, яка здобуває вищу освіту. Також тут зосереджено науково-технічний потенціал Харкова.

Що стосується околиці, то там розміщені великі заводи (зокрема Харківський тракторний завод, який був відомим на весь колишній СРСР). Околиця, в основному, заселена людьми робітничих професій, вік яких перевищує середній.

Таким чином, основна електоральна база «помаранчевих» сил – люди молодого та середнього віку з високим рівнем освіченості. Електоральна база «біло-блакитних» сил – люди, вік яких вищий середнього, а соціальний статус – робітничий клас.

Ці факти підтверджуються ще й причинами демографічного характеру. Згідно зі статистикою, 39,5% прихильників «біло-блакитної» Партії регіонів – це люди з вікової групи, що старші 55 років⁹. Ця ж вікова група є пріоритетною також у партії комуністів (78%). Відносно вікової підтримки «помаранчевих» сил ситуація наступна. Більшість прихильників «Блоку Юлії Тимошенко» знаходяться в групі до 34 років (38%). Цікава

позиція щодо цього питання у блоку «Наша Україна», у якого тогочасний Президент В. Ющенко – почесний голова. Тут усі вікові групи представлені рівномірно. Отже, можемо констатувати той факт, що відбувається протистояння не лише між Сходом та Заходом України, а й між цінностями минулого та сучасного.

Відповідно приходимо до висновку, що прихильники «біло-блакитних» ідей – це люди радянського минулого, і не дивно, що ними насамперед керує ностальгія. Українська нація – старіюча нація. В останнє десятиліття смертність перевищує народжуваність. Тому певний час такі електоральні вподобання будуть зберігатися.

Якщо в проблемі ціннісного протистояння просунутись вглиб, то перед нами постануть давні розбіжності між латинськими та візантійськими цінностями. Класичні латинські цінності – це міцна сім'я, релігійні норми та наполегливість¹⁰. Візантійські цінності найчастіше пов'язані з патерналізмом та кулуарним вирішенням проблем. Якщо латинські цінності означають опору людини на свої власні сили у вирішенні різноманітних проблем, то людина візантійських цінностей вважає, що держава має нею опікуватись та покладає всі надії на вищу мудрість правителя. Вказані цінності виступають пріоритетними при самоідентифікації людини, окресленні індивідом своєї ідентичності (яке може не усвідомлюватися на суто раціональному рівні).

Таким чином, у наявності – два світобачення, два міфи: «помаранчевий» – для західної України з її латинськими цінностями та «біло-блакитний» – для східної України з превалюванням візантійських цінностей. Ці світобачення не обумовлюються ідеологічними догмами чи раціональними розмірковуваннями, їх природа детермінована ціннісними пріоритетами. Така ситуація найчастіше не сприяє оптимальному вибору під час електоральних кампаній, створюючи загрози для процесів розбудови демократії в пострадянській Україні.

¹ *Сарторі, Дж.* Основи теорії демократії: народ і врядування [пер. з англ. П. Тарашука]. – В: Демократія: антологія [упоряд. О. Проценко]. К., Смолоскип, 2005. (Політичні цінності; вип. 1), с. 35.

² *Рахманін, С.* „Чотири двійки“ у щоденники демократії [електронний ресурс]. – Дзеркало тижня, 2005, № 48 (576), 10–16 грудня. Режим доступу: <http://www.dt.ua/1000/1030/52050/>

³ Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. – Відомості Верховної Ради України, 1996, № 30, ст. 141.

⁴ Закон України від 08.12.2004 № 2222-IV, «Про внесення змін до Конституції України» [електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2222-15>

⁵ *Біличенко, С.* На що схожа електоральна карта України [електронний ресурс]. – Українська правда, 24. 02. 2010. Режим доступу: <http://www.pravda.com.ua/articles/2010/02/24/4805944/>

⁶ Там само.

⁷ *Якименко, Ю.* Вибори-2006: портрети учасників на старті [електронний ресурс]. – Дзеркало тижня, 2005, № 48 (576), 10–16. 12. 2005. Режим доступу: <http://www.zn.kiev.ua/ie/show/576/52045/>

⁸ Центральна виборча комісія України [електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.cvk.gov.ua/>.

⁹ *Якименко, Ю.* Вказ. праця.

¹⁰ *Фарид, З.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами [пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева]. М., Ладомир, 2004.

О. І. Романюк

ПОСТКОМУНІСТИЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ БОЛГАРІЇ ТА УКРАЇНИ: КОМПАРАТИВНИЙ АНАЛІЗ

Крах комуністичних режимів, що стався на межі 1980–1990-х років, спричинив кризу транзитології – наряду політичної науки, що досліджує переходи до демократії. Розроблена у 1970–1980-ті роки транзитологічна парадигма в умовах посткомунізму не спрацювала, внаслідок чого у політичній науці постало завдання розробки теоретико-методологічних засад аналізу транзитивних процесів, які були б адекватні посткомуністичним реаліям. Невідповідність транзитологічних схем перебігу посткомуністичних трансформацій пояснюється двома головними причинами.

По-перше, первісну парадигму транзитології було розроблено на ґрунті аналізу переходів до демократії від авторитарного типу політичних режимів, а комуністичні режими належали до тоталітарного. Відмінність вихідних позицій зумовила й суттєву різницю структури трансформаційних процесів. При переході до демократії від авторитарних режимів *трансформація* відбувається переважно у політичній сфері, де монопольна політична система змінюється на плюральну, тоді як у позаполітичних сферах відбувається лише їх *адаптація* до нових умов функціонування політичної системи: у економіці скасовується протекціонізм тим структурам, у які вклали кошти представники політичної еліти; у сфері культури скасовуються обмеження на критику влади. При переході ж до демократії від тоталітарних режимів трансформація відбувається в усіх сферах суспільного життя – і в політиці, і в економіці, і в культурі, – скрізь необхідно замінити монопольні системи на плюральні¹.

По-друге, «єдиною попередньою умовою» переходу до демократії у первинній парадигмі проголошувалася «наявність національної єдності»². Проте з тридцяти посткомуністичних країн, що існують на сьогодні, 24 (80%) являють собою *новоутворені держави*, які виникли внаслідок розпаду Радянського Союзу та Югославії, а також «оксамитового розлучення» Чехо-Словаччини, і в яких, внаслідок цього, на початок трансформацій такої єдності не було³.

Особливості посткомуністичних трансформацій зумовлюють посилення уваги до структурних чинників розвитку трансформаційних процесів. У первинній парадигмі структурні чинники ігнорувалися, оскільки в її основу було покладено процедурний підхід до аналізу переходів до демократії.

В оновленні парадигми транзитології важливу роль відіграє компаративний аналіз трансформаційних процесів у різних посткомуністичних країнах, що дає можливість виявити їх загальні закономірності та провідні тенденції, а також пояснити специфічні особливості розвитку у тій чи іншій країні. Мета ж нашої роботи полягає у виявленні спільних і особливих рис у посткомуністичних трансформаціях Болгарії та України.

Емпіричні показники трансформаційних процесів

Наукове порівняння трансформаційних процесів неможливе поза залученням емпіричних показників їх перебігу. У поданому дослідженні для порівняння процесів трансформації Болгарії та України використані дані моніторингових програм «Freedom in the

World» та «Nation in Transit» міжнародної правозахисної організації «Freedom House», яка має найкращі емпіричні індикатори демократії з тих, що існують на сьогодні⁴.

За програмою «Freedom in the World», яка охоплює собою 193 незалежні країни світу та 18 залежних і спірних територій, здійснюється моніторинг стану політичних свобод та громадянських прав. За методологією цієї програми кожна країна, відповідно до додержання політичних прав та громадянських свобод, отримує рейтинг від 1 до 7. При визначенні рейтингу *політичних прав* експерти «Freedom House» виходять з того, що існує 40 політичних прав, якими в умовах демократії повинні користуватися громадяни. Країни, у яких додержуються 36–40 політичних прав, одержують рейтинг 1; 30–35 – рейтинг 2; 24–29 – рейтинг 3; 18–23 – рейтинг 4; 12–17 – рейтинг 5; 6–11 – рейтинг 6; 0–5 – рейтинг 7. При визначенні рейтингу *громадянських свобод* експерти виходять з того, що існує 60 громадянських свобод, якими в умовах демократії повинні користуватися громадяни. Відповідно, країни, у яких додержуються 53–60 громадянських свобод, одержують за цією номінацією рейтинг 1; 44–52 – рейтинг 2; 35–43 – рейтинг 3; 26–34 – рейтинг 4; 17–25 – рейтинг 5; 8–16 – рейтинг 6; 0–7 – рейтинг 7. Середнє число від рейтингів політичних прав та громадянських свобод утворює середній рейтинг, за допомогою якого визначається статус країни. Країни, що мають середній рейтинг у межах 1–2,5, визначаються як *вільні* (Free); 3–5,5 – *частково вільні* (Partly Free); 5,5–7 – *не вільні* (Not Free). Політичні режими вільних країн здебільшого визначаються як ліберальні демократії, частково вільних – як електоральні демократії, не вільних – як автократії.

Порівняння даних моніторингових Болгарії та України за 1989–2008 рр. засвідчує, що Болгарія дуже швидко перейшла від стану невільної країни до стану вільної. Якщо її загальний рейтинг політичних прав і громадянських свобод у 1989 р. дорівнював 7, то у 1990 р. він, покращившись вдвічі, досяг 3,5 (рівень частково вільної країни), а у 1991 р. – 2,5 (рівень вільної). З того часу і донині Болгарія характеризується як вільна країна, хоча у процесі її політичного розвитку були моменти як деякого покращання стану політичних прав (2001) та громадянських свобод (1993, 2002), так і певного їх погіршення (1996, 2008). Натомість Україна після краху комуністичного режиму тривалий час (1991–2004) знаходилася у стані частково вільної країни. Причому у цей період тенденція погіршення переважала тенденцію покращання, і на 2004 р. стан і політичних свобод, і громадянських прав були на 1 пункт гірше, ніж у 1992 р. Суттєві зрушення в Україні відбулися лише після Помаранчевої революції, після якої стан політичних свобод покращився на 1 пункт, а громадянських прав – на 2. Внаслідок цього Україні нарешті вдалося змінити статус частково вільної країни на статус вільної. На кінець 2008 р. Україна мала такий же рейтинг громадянських свобод, як і Болгарія, але відставала від неї на 1 пункт щодо політичних прав. Цікаво, що моніторинг «Freedom in the World» засвідчив, що цим країнам властиві різні тенденції співвідношення політичних прав та громадянських свобод. У Болгарії спостерігається тенденція кращого стану політичних прав порівняно з громадянськими свободами, в Україні, навпаки, громадянські свободи мають кращі показники, ніж політичні права (табл. 1).

Моніторингову програму «Nation in Transit» було розроблено для посткомуністичних країн і на сьогодні нею охоплені всі посткомуністичні країни, окрім Монголії. За нею моніторинг здійснюється за сімома позиціями: *виборчий процес* (Electoral Process); *громадянське суспільство* (Civil Society); *незалежність ЗМІ* (Independent Media); *врядування* (Governance), у 2005 р. цю позицію було поділено на дві: *національне врядування* (National Governance) та *місцеве врядування* (Local Governance); *судова система та її незалежність* (Judicial Framework & Independence); *корупція* (Corruption), що моніториться з 1999 р. Кожна з цих позицій оцінюється окремо, також за семибальною системою, за двома критеріями: політичного курсу, що декларується, та реальної практики його здійснення. Середнє

число від рейтингів політичного курсу та реальної політики усіх семи позицій утворює узагальнюючий рейтинг, який визначає місце країни на шкалі демократії та тип політичного режиму. Якщо узагальнюючий рейтинг країни знаходиться у межах 1,00–2,99, то її режим визначається як *консолідована демократія* (Consolidated Democracy), 3,00–3,99 – *напівконсолідована демократія* (Semiconsolidated Democracy), 4,00–4,99 – *перехідне урядування* або *гібридний режим* (Transitional Government or Hybrid Regime), 5,00–5,99 – *напівконсолідований авторитарний режим* (Semiconsolidated Authoritarian Regime), 6,00–7,00 – *консолідований авторитарний режим* (Consolidated Authoritarian Regime).

Таблиця 1

Стан політичних прав та громадянських свобод у Болгарії та Україні (1989–2008).

За даними моніторингу „Freedom in the World“⁶⁵

		1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Болгарія	PR	7	3	2	2	2	2	2	2	2	2
	CL	7	4	3	3	2	2	2	3	3	3
	PR&CL	7	3,5	2,5	2,5	2	2	2	2,5	2,5	2,5
	Status	NF	PF	F	F	F	F	F	F	F	F
Україна	PR	n/a	n/a	3	3	4	3	3	3	3	3
	CL	n/a	n/a	3	3	4	4	4	4	4	4
	PR&CL	n/a	n/a	3	3	4	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5
	Status	n/a	n/a	PF	PF	PF	PF	PF	PF	PF	PF
		1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Болгарія	PR	2	2	1	1	1	1	1	1	1	2
	CL	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2
	PR&CL	2,5	2,5	2	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	2
	Status	F	F	F	F	F	F	F	F	F	F
Україна	PR	3	4	4	4	4	4	3	3	3	3
	CL	4	4	4	4	4	3	2	2	2	2
	PR&CL	3,5	4	4	4	4	3,5	2,5	2,5	2,5	2,5
	Status	PF	PF	PF	PF	PF	PF	F	F	F	F

Дані моніторингу «Nation in Transit» також свідчать про відмінність траєкторій трансформаційних процесів у Болгарії та Україні. У 1997 р. на шкалі демократії ці країни розташовувались поруч, але у подальшому Болгарія продовжила тенденцію до демократизації, й у 2005 р. їй вдалося змінити якість політичного режиму з напівконсолідованої демократії на консолідовану. В Україні набула силу зворотна тенденція, і на початок 2004 р. вона опинилася біля межі авторитаризму. Не викликає сумніву, що якби президентські вибори 2004 р. закінчилися інакше, то Україна повторила би долю Росії, яку в тому ж році було виключено з числа демократій⁶⁶. Помаранчева революція врятувала українську демократію, проте політична ситуація у постреволюційний період розвивається неоднозначно. Україна віддалилася від межі авторитаризму, але їй не вдалося позбутися гібридної якості свого політичного режиму. У цей період на 2 пункти покращився показник незалежності ЗМІ, на 1 – громадянського суспільства, на 0,75 – електорального процесу, проте на тому ж рівні залишилися показники національного та місцевого врядування та корупції, а показник судової системи на початок 2009 р. став на 0,25 пункти гіршим, ніж у 2003 р.

Таким чином, емпіричні показники свідчать, що Болгарія послідовніше, ніж Україна, хоч і повільнішими, порівняно з посткомуністичними країнами Середньо-Східної Європи та Балтії темпами, рухалась шляхом демократизації. Траєкторія ж української трансформації характеризується циклічною зміною демократичної та антидемократичної тенденцій. Проте, як це не дивно, Україна залишається лідером у процесі демократизації пострадянського (за винятком країн Балтії) простору.

Таблиця 2

Політичні режими Болгарії та України (1997–2008). За моніторингом «Nation in Transit»⁷

		1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	
Болгарія	EP	3,25	2,75	2,25	2,00	2,00	2,00	1,75	1,75	1,75	1,75	1,75	1,75	
	CS	4,00	3,75	3,75	3,50	3,25	3,25	3,00	2,75	2,75	2,50	2,50	2,50	
	IM	3,75	3,50	3,50	3,25	3,25	3,50	3,50	3,50	3,25	3,50	3,50	3,75	
	GOV	N	4,25	4,00	3,75	3,50	3,50	3,75	3,75	3,50	3,00	3,00	3,00	3,25
		L								3,50	3,00	3,00	3,00	3,00
	JFI	4,25	3,75	3,50	3,50	3,50	3,50	3,25	3,25	3,00	2,75	2,75	3,00	
	COR	n/a	n/a	4,75	4,75	4,50	4,25	4,25	4,00	3,75	3,75	3,50	4,00	
	DS	3,90	3,55	3,58	3,42	3,33	3,38	3,25	3,18	2,93	2,89	2,86	3,04	
Ratings	SD	SD	SD	SD	SD	SD	SD	SD	SD	CD	CD	CD	SD	
Україна	EP	3,25	3,50	3,50	4,00	4,50	4,00	4,25	3,50	3,25	3,00	3,00	3,50	
	CS	4,00	4,25	4,00	3,75	3,75	3,75	3,75	3,00	2,75	2,75	2,75	2,75	
	IM	4,50	4,75	5,00	5,25	5,50	5,50	5,50	4,75	3,75	3,75	3,50	3,50	
	GOV	N	4,50	4,75	4,75	4,75	5,00	5,00	5,25	5,00	4,50	4,75	4,75	5,00
		L								5,25	5,25	5,25	5,25	5,25
	JFI	3,75	4,00	4,50	4,50	4,75	4,50	4,75	4,25	4,25	4,50	4,75	5,00	
	COR	n/a	n/a	6,00	6,00	5,75	5,75	5,75	5,75	5,75	5,75	5,75	5,75	
	DS	4,00	4,25	4,63	4,71	4,92	4,71	4,88	4,50	4,21	4,25	4,25	4,39	
Ratings	GR	GR	GR	GR	GR	GR	GR	GR	GR	GR	GR	GR	GR	

Які причини зумовили різницю траєкторій посткомуністичних трансформацій Болгарії та України? Для відповіді на поставлене запитання проаналізуємо перебіг трансформаційних процесів у цих країнах у контексті процедурного та структурного підходів.

Чинники шляху

Процедурний підхід до аналізу переходів до демократії виходить з постулату: «Кінцевий результат залежить від шляху»⁸. У його межах провідна роль у процесі демократичного транзиту віддається чинникам, що пов'язані з діяльністю провідних політичних сил суспільства, з їх здатністю послідовно виконати низку певних процедур, киче необхідних для інституціоналізації демократичних відносин.

Первісна парадигма транзитології виходить з того, що оптимальний перехід до демократії здійснюється через три етапи: *лібералізацію*, *демократизацію* та *соціалізацію*⁹. Проте багато дослідників вважають, що в посткомуністичних суспільствах ця схема не спрацювала. Так, Клаус фон Бойме відзначив, що триетапна схема переходів до демократії спрацювала тільки в Польщі та Угорщині¹⁰, а Єжи Мачкув звернув увагу на те, що більшість комуністичних країн не пройшло через етап лібералізації¹¹. У зв'язку з цим виникає запитання: чи пройшли Болгарія та Україна через етап лібералізації, сутність якого становить інституціоналізація громадянських свобод без трансформації владного апарату?

Скоріш за все, що так. І в Україні, яка до 1991 р. перебувала у складі Радянського Союзу, і в Болгарії, яка формально була суверенною державою, але, будучи найвідданішим

сателітом СРСР, сприймалася багатьма як його «шістнадцята республіка», процес лібералізації був спричинений горбачовською «перебудовою». За своєю ідеєю «перебудова» являла собою спробу не зламу, а капітального ремонту діючої суспільно-політичної системи. Проте у процесі «перебудови» відбулося розшарування комуністичної еліти на консерваторів, які намагалися зберегти систему у її класичному виді, та оновленців, котрі ставили своїм завданням надати системі більш сучасних рис. Оскільки консерватори спиралися на партапарат, то оновленці в боротьбі з ними намагалися залучитися підтримкою народних мас, що й зумовило початок процесу лібералізації. В обох країнах майже одночасно від влади були усунені старі керівники: Володимир Щербицький в Україні (28 вересня 1989 р.) та Тодор Живков у Болгарії (9 листопада 1989 р.). Проте, оскільки Україна знаходилася під значно більшим впливом кремлівського керівництва, то відставка Щербицького не стала такою етапною подією, як відставка Живкова. У процесі лібералізації в обох країнах було впроваджено «плюралізм думок», що дозволило критику чинної влади; припинилися репресії проти дисидентів. У січні 1990 р. в Болгарії та у травні 1990 р. в Україні були внесені зміни до Конституцій, якими скасовувалися статті про керівну роль комуністичної партії. Ця подія, відкривши шлях до створення опозиційних організацій, рухів та політичних партій, спричинила становлення багатопартійності. На кінець 1990 р. політичним системам і Болгарії, і України стала притаманна мультипартійність.

Таким чином, можна констатувати, що і у Болгарії, і в Україні на початок 1990-х рр. виникли режими з формально демократичними та обмежено конкурентними інститутами, що знаходилися під опікою владного апарату, який залишився здатним контролювати політичну ситуацію. Такий тип режимів Гілл'ермо О'Доннелл і Філіпп Шміттер назвали «опікунською демократією»¹².

Проте подальший розвиток подій у Болгарії та Україні мав істотні відмінності. Хоч антикомуністична опозиція і у Болгарії, і в Україні була досить слабкою, але у Болгарії після об'єднання 18 дрібних опозиційних організацій у Союз демократичних сил (СДС) швидко сформувалася політична сила, яка змогла на рівні конкурувати з колишньою компартією. Натомість Народний рух України (НРУ) консолідуватися не зміг. Протягом 1989–1993 рр. він являв собою строкатий конгломерат різнорідних організацій та партій. Перетворення у 1993 р. НРУ на політичну партію призвело до розпорошення національно-демократичних сил, оскільки інші партії цього спектру розпускатися не забажали.

Перехід до етапу власне демократизації у Болгарії та Україні стався різними шляхами. У Болгарії такий перехід стався через «оксамитову революцію», тобто події, пов'язані зі зміною політичної влади під тиском народних мас, що відбуваються без застосування збройного насильства. Організована опозиція у Болгарії спромоглася нав'язати правлячій партії проведення національного «круглого столу» (3 січня – 15 травня 1990 р.), внаслідок чого були прийняті рішення про демонтаж старої політичної системи, декомунізації суспільно-політичного життя та проведення виборів до Великих народних зборів (традиційної болгарської форми конституційної асамблеї), які мали ухвалити нову, демократичну конституцію. Хоч на виборах до Великих народних зборів, що відбулися у червні 1990 р., перемогу отримала правонаступниця БКП – Болгарська соціалістична партія (БСП), але масові протестні дії змусили її підписати угоду про гарантії мирного переходу до демократичного суспільства та погодитися на обрання лідера СДС Желю Желева Президентом Болгарії, формування коаліційного уряду Димитра Попова за участю представників опозиції, проведення вільних парламентських виборів.

В Україні ж загибель комуністичного режиму відбулася внаслідок провалу путчу ДКНС у Москві та здобуття Україною державної незалежності. На відміну від Болгарії, загибель комуністичного режиму в Україні була спричинена не стільки тиском дуже слабкої національно-демократичної опозиції, скільки турботою комуністичної

еліти за своє майбутнє. Побоюючись, що перемога в Росії демократичних сил призведе до радикальних заходів з декомунізації суспільства, чисельніша комуністична фракція у Верховній Раді 24 серпня 1991 р. майже одногосно проголосувала за «Акт проголошення державної незалежності України». 1 грудня на Всеукраїнському референдумі 90,32% громадян підтримали його.

Проте в подальшому Україна, як і Болгарія, також пройшла через «оксамитову революцію». Різниця полягає в тім, що «оксамитова революція» 1991 р. у Болгарії мала *антикомуністичний* характер, бо її мета полягала у скасуванні монополії экс-комуністів на владу, що відкривало шлях до демократичних змін. Помаранчева революція в Україні, яку за способом зміни влади варто теж віднести до типу «оксамитових», відбулася 2004 р. (через *тринадцять років* після падіння комуністичного режиму) і мала *посткомуністичний характер*, оскільки своїм головним завданням вона ставила припинити тенденцію до авторитаризації посткомуністичного режиму, який вже десять років мав ознаки електоральної демократії¹³.

Суттєві відмінності між Болгарією та Україною існують у процесі інституціоналізації демократичних змін. У різний термін і різними шляхами були прийняті нові конституції цих країн. Серед посткомуністичних країн Болгарія була *першою*, хто ухвалив нову, демократичну конституцію, Україна – однією з останніх. Конституція Болгарії була ухвалена Великими Народними Зборами 12 липня 1991 р. Конституція України була прийнята Верховною Радою України 28 червня 1996 р., тобто майже *через п'ять років* після початку посткомуністичної трансформації.

Конституції Болгарії та України запровадили різні системи державного правління. У Болгарії було впроваджено парламентську систему, за якою урядова влада формується парламентською більшістю. Хоч Президент Болгарії обирається на загальнонаціональних виборах, але він виконує здебільшого представницькі функції¹⁴. У основу Конституції України було закладено президентсько-парламентську систему, причому з сильним перекосом владних повноважень на користь президента. Президент України наділявся функцією призначення прем'єр-міністра уряду, але той приступав до виконання своїх обов'язків після згоди Верховної Ради. Президент також призначав усіх членів кабінету міністрів та голів обласних державних адміністрацій, але за поданням прем'єр-міністра. Утім, процедура подання була радше формальною, оскільки президент мав право у будь-який час зняти з посади прем'єр-міністра, і ніякого погодження для цього не вимагалось. У разі зняття прем'єр-міністра увесь уряд йшов у відставку. Відправити у відставку уряд могла і Верховна Рада, виразивши йому недовіру більшістю голосів від її конституційного складу¹⁵. Але з 1991 р. по 2004 р. тільки *один раз* уряд був відправлений у відставку Верховною Радою, тоді як указами президентів було відставлено *десять* урядів.

Наприкінці 2004 р. в Конституцію України було внесено зміни, які суттєво підвищили роль парламенту у формуванні урядової влади. Уряд став формуватися коаліцією політичних партій та виборчих блоків, що на виборах здобули переважну більшість місць у Верховній Раді. Проте президент одержав право подання кандидатур на посади міністрів оборони, внутрішніх та закордонних справ. За ним також залишилося право вето на рішення парламенту, яке можна подолати 2/3 голосів від конституційного складу Верховної Ради¹⁶.

Суттєві відмінності між Болгарією та Україною спостерігалися і у виборчих системах. У Болгарії з 1991 р. до 2009 р. діяла пропорційна система парламентських виборів, за якою 240 депутатів Народних Зборів обиралися за партійними списками. Але до парламенту потрапляли лише ті партії та блоки, які одержали не менше 4% голосів виборців. У квітні 2009 р. виборчу систему було дещо змінено. Замість чисто пропорційної було впроваджено пропорційно-мажоритарну систему, за якою 31 депутат обирається у мажоритарних округах, а інші 219 – за партійними списками. В Україні система

парламентських виборів тричі зазнала істотних змін. У 1990 р. та 1994 р. вибори до Верховної Ради проводилися за мажоритарною системою абсолютної більшості на основі одномандатних виборчих округів. У 1998 та 2002 рр. – за змішаною (мажоритарно-пропорційною) системою у співвідношенні 50:50. При цьому використовувалися мажоритарна система відносної більшості на основі одномандатних округів та пропорційна система з закритими списками на основі загальнодержавного виборчого округу зі застережним бар'єром у 4%. У 2006 та 2007 рр. – за пропорційною виборчою системою з закритими списками на основі загальнодержавного виборчого округу зі застережним бар'єром у 3%.

Впровадження у Болгарії пропорційної виборчої системи на основі парламентського правління дозволило на самому початку процесу посткомуністичної трансформації політично структурувати урядову владу та надати політичній системі *партійного характеру*. Натомість функціонування в Україні мажоритарної та змішаної виборчих систем у поєднанні з президентсько-парламентським правлінням спричинило те, що її політична система тривалий час мала *квазіпартійний характер*. І перший (Леонід Кравчук), і другий (Леонід Кучма) президенти України були позапартійними. Віктор Ющенко також був обраний у 2004 р. Президентом України як позапартійний кандидат. На позапартійній основі функціонували українські уряди. Хоч у їхньому складі й були члени різних політичних партій, але вони не були їх офіційними репрезентантами, внаслідок чого партії не несли відповідальність за діяльність урядової влади. Партійний характер політична система України набула тільки у період 2004–2006 рр., що було зумовлене внесенням змін до Конституції та переходом до пропорційної системи парламентських виборів.

Партійні системи Болгарії та України різняться не тільки часом їх усталення, але й своєю якістю. Сучасна партійна система України дещо нагадує ту, що функціонувала у Болгарії у 1991–2001 рр., бо вона теж має біполярну форму й характеризується гострою конфронтацією основних політичних сил. Проте політична конфронтація в Україні зумовлена іншими причинами і має інший зміст.

У Болгарії конфронтація відбувалася між экс-комуністичною БСП та радикально антикомуністичним СДС, які протягом десяти років після краху комуністичного режиму змінювали одне одного біля керма урядової влади. Проте, не дивлячись на вкрай конфронтаційні стосунки, спричинені різним ставленням до комуністичного минулого, діяльність і правих, і лівих урядів у свій спосіб сприяла розбудові політичної демократії та ринкової економіки, інтеграції країни до Європейського Союзу. Це підтверджує висновок дослідниці посткомуністичних транзитів Млади Анни Вахудової стосовно того, що найбільш сприятливі умови переходу до демократії у посткомуністичних країнах створюються саме тоді, коли виникає політична конкуренція між реформованими комуністами та їх супротивниками з табору колишньої опозиції¹⁷.

В Україні таку систему створити не вдалося, тому що, по-перше, після поразки путчу ДКНС і проголошення незалежності України діяльність КПУ була призупинена до березня 1993 р. По-друге, хоч внаслідок перших парламентських виборів в незалежній Україні (27 березня та 10 квітня 1994 р.) КПУ одержала більше мандатів, ніж інші політичні сили (20,2%), але переважну більшість депутатського корпусу склали позапартійні депутати (50%), що не дозволило сформувати уряд на партійній основі. По-третє, на відміну від БКП, яка у квітні 1990 р. перетворилася на БСП, КПУ так і залишалася на ортодоксальних комуністичних позиціях, що зумовило розвиток тенденції втрати нею підтримки з боку українського суспільства.

Сьогодні конфронтація в Україні відбувається між національно-демократичними та проросійськими силами, а її предметом є зовнішньополітичні орієнтири, проблеми національно-культурного розвитку та історичного минулого країни. У парламенті проросійські сили репрезентують Партія регіонів та КПУ, які у зовнішній політиці орієнту-

ються на Москву, виступають за надання російській мові статусу другої державної, негативно оцінюють ті періоди вітчизняної історії, коли національно-визвольні змагання мали антиросійську спрямованість. Національно-демократичні сили – «Наша Україна» та певною мірою «Блок Юлії Тимошенко» (БЮТ) додержуються курсу на інтеграцію України до ЄС та НАТО, відстоюють статус української мови як єдиної державної, позитивно оцінюють україно-шведський союз початку XVIII ст. та національно-визвольні змагання під проводом ОУН-УПА в середині XX ст.

Однак, незважаючи на те, що національно-демократичні сили мають спільні стратегічні орієнтири, всередині них набув сили конфлікт, пов'язаний з протистоянням Президента Віктора Ющенка та Прем'єр-міністра Юлії Тимошенко. Хоч цей конфлікт мав більше міжособистий характер, але він роз'єднав національно-демократичні сили, що стало причиною перемоги на президентських виборах 2010 р. лідера Партії регіонів Віктора Януковича та формування у неконституційний спосіб урядової влади.

Таким чином, хоч в Україні процес демократизації суспільно-політичного життя почався раніше, але Болгарія невдовзі обігнала Україну. У Болгарії значно швидше і більш послідовно, ніж в Україні, відбулася структуризація політичної влади, інституціоналізація демократичних відносин, консолідація демократичної системи. Оскільки багато проблем, що пов'язані з розбудовою демократичного механізму політичної влади залишаються нерозв'язаними, Україна все ще перебуває на стадії демократизації. Натомість Болгарія перейшла до стадії соціалізації, на якому відбувається «перехід від демократично обраного уряду до інституціоналізованого, консолідованого демократичного режиму», найважливішим чинником успішності якого «є створення ряду інститутів, котрі стають островами прийняття рішень серед плину політичної влади»¹⁸. Розуміння того, чому траєкторії посткомуністичних трансформацій України і Болгарії мають істотні розбіжності, є неможливим без включення в поле транзитивного аналізу структурних чинників.

Чинники вихідної позиції

Структурний підхід ґрунтується на тому, що «вибір конкретного шляху залежить від характеру скинутого недемократичного режиму»¹⁹. Його прибічники вважають, що провідну роль у процесі демократичного транзиту відіграють чинники вихідного пункту: характер попереднього недемократичного режиму, специфіка соціально-політичних та соціально-економічних відносин, особливості громадянської та, зокрема, політичної культури суспільства, історичні особливості його розвитку.

Вихідною позицією трансформаційних процесів і у Болгарії, і в Україні були комуністичні режими, які належать до тоталітарного типу. Проте англійський дослідник Станіслав Андрескі, ґрунтуючись на веберівському вченні про «чисті типи», доводить, що різні тоталітарні режими мають різний ступінь тоталітарності²⁰, що зумовлюється їх походженням, способами здійснення влади та терміном функціонування.

За своїм походженням тоталітарні режими поділяються на два типи: *оригінальні*, ті, що виникли на власному соціальному ґрунті, та *інстальовані*, такі, що були принесені ззовні²¹. Питання про походження тоталітарних режимів як у Болгарії, так і в Україні є дискусійними. Комуністична історіографія наполягала, що вони мають оригінальний характер, оскільки в Україні нібито комуністичний режим було встановлено внаслідок перемоги більшовиків у громадянській війні 1919–1921 рр., а у Болгарії – у ході серпневого антифашистського повстання 1944 р., яке трактувалося як «соціалістична революція»²². Але дослідження сучасних учених спростовують таку думку. Український історик Федір Турченко вважає, що громадянської війни в Україні не було, а була боротьба за державну незалежність України, яка поєднувалася з боротьбою між різними політичними

силами всередині українського суспільства²³. Цю боротьбу національні сили програли, що й спричинило встановлення в Україні радянського тоталітарного режиму, принесеного з Росії на багнетах Червоної армії. Те ж саме стосується й Болгарії, де не було «вересневого антифашистського повстання, а в ніч з 8 на 9 вересня 1944 р. відбувся «безкровний переворот»²⁴, внаслідок якого був сформований коаліційний уряд Вітчизняного фронту. Про те, що вересневий переворот не був «соціалістичною революцією», свідчить те, що, по-перше, у цьому уряді переважали представники буржуазно-демократичних партій. З шістнадцяти осіб, що входили до його складу, чотири належали до Болгарської Землеробської Народної Спілки, чотири – до Народного союзу «Звено», двоє було соціал-демократами, двоє – позапартійними і чотири – комуністами (але комуністи одержали стратегічно важливі посади міністрів внутрішніх справ та юстиції). По-друге, уряд очолив не комуніст, а представник Народного союзу «Звено» Кімон Георгієв. По-третє, уряд було легітимізовано через затвердження Регентською радою (її створення було спричинене малолітством царя Симеона II). Подальший розвиток політичного процесу в Болгарії у напрямі тоталітаризації режиму був пов'язаний з присутністю на її території радянських військ, встановленням контролю комуністів за правоохоронними органами, політичними репресіями, що проводилися під приводом викоренення фашизму, заборонаю демократичних партій, проведенням не вільних та не конкурентних «виборів».

Не дивлячись на інсталювану природу тоталітарних режимів в обох країнах, тоталітарний терор в Україні був значно жорстокішим, ніж у Болгарії. Болгарія не зазнала таких масових репресій, які відбулися в Україні у 1930-ті рр. Особливо показним у цьому плані був голодомор 1932–1933 рр., під час якого за різними даними в Україні загинуло від 8 до 11 млн її населення²⁵. До того ж тоталітарні режими у Болгарії та Україні функціонували різний термін: у Болгарії близько 40 років, на терені Західної України – 50, на терені Східної – 70. За час функціонування тоталітарних режимів у Болгарії та на Західній Україні встигло змінитися лише дві генерації населення, на Східній Україні – три. Ця обставина має суттєве значення, бо за висновками соціальної психології при радикальній зміні соціального контексту саме у третій генерації відбувається *зміна культурного генокоду*. Збереження дототалітарних культурних традицій є одним з важливих чинників того, що болгарське суспільство в цілому прихильніше ставиться до демократичних цінностей, як й існування істотних суперечностей у політичних орієнтаціях між населенням Західної та Східної України, що наочно демонструють усі політичні вибори після 1991 р.

Говорячи про відмінність попередніх тоталітарних режимів, не можна не ураховувати те, що за комуністичних часів Болгарія, хоч і була сателітом Радянського Союзу, проте мала свою *власну державність*, а Україна – лише *фасадну державність*. Фактично Україна була однією з територіально-адміністративних одиниць Радянського Союзу, яка жорстко керувалася з Москви. Ця обставина спричиняє відмінність структури посткомуністичних трансформацій. Якщо у Болгарії трансформаційний процес охоплює переважно соціально-політичну площину (його зміст становить перетворення тоталітарної системи на демократичну), то в Україні він має *бінарний характер*, бо разом з соціально-політичною складовою, має й національно політичну (перетворення адміністративно-територіальної одиниці колишнього Радянського Союзу на суверенну незалежну державу). Бінарний характер ускладнює завдання не тільки в політичній сфері, але і в економічній, де поруч з проблемою переходу до ринкової економіки виникла проблема створення національної економічної системи, та культурній, де водночас з проблемою детоталітаризації суспільної свідомості виникла проблема формування національної патріотичної культури та розбудови на цьому ґрунті політичної нації.

В умовах бінарної трансформації на конфлікт цінностей та інтересів, які притаманні усім перехідним суспільствам, накладається ще й *конфлікт ідентифікації*.

В Україні, як і багатьох інших новоутворених державах, простежуються чотири тенденції політичної самоідентифікації членів суспільства: усвідомлення себе 1) громадянами нової, національної держави (політичними українцями); 2) громадянами колишнього імперського утворення (радянськими громадянами); 3) громадянами своєї історичної батьківщини (це більше властиве етнічним росіянам); 4) громадянами певного регіону країни, який, за їх переконанням, повинен здобути політичну автономію або навіть державний суверенітет (русини Закарпаття). Несформованість політичної нації призвело до того, що головним полем боротьби між основними політичними силами України стали не проблеми соціально-економічного розвитку (як у Болгарії), а етнокультурні проблеми, розв'язання яких є значно важчою справою²⁶.

Одна з причин більшої успішності політичних перетворень у Болгарії полягає також у її історичному минулому, де були закладені певні демократичні традиції політичного життя. Болгарський парламентаризм був започаткований ще у 1879 р. Тирновською Конституцією. Болгарія явила світу оригінальний різновид конституційної асамблеї – інституцію Великих народних зборів, які збираються у разі необхідності внесення змін до Конституції або ухвалення нової. У докомуністичний період 26 разів збиралися Народні збори – болгарський парламент, проводилися напіввільні вибори, функціонувала багатопартійна система. Узагальнюючи вплив історичного чинника на сучасний трансформаційний процес, Марія Мілова зробила висновок про «реставраційний характер болгарського переходу»²⁷.

В Україні ж до повалення комуністичного режиму ані справжніх виборів, ані справжнього парламентаризму не було. Спроби репрезентації Центральної Ради 1917–1918 рр. як українського парламенту не є коректними, оскільки Центральна Рада не обиралася на ґрунті прямих загальних виборів, а її склад формувався з представників рад селянських, військових та робітничих депутатів, політичних партій та громадських організацій. Ще більш хибною є концепція «радянського парламентаризму», оскільки за часів УРСР Верховна Рада «обиралася» на безальтернативних «виборах», тобто її склад фактично формувався компартійними органами. Такі вибори перетворювалися на політичне дійство, що мало свідчити про загальнонародну підтримку комуністичного режиму.

Висновки

Компаративний аналіз посткомуністичних трансформацій Болгарії та України свідчить, що в процесі переходу до демократії структурні чинники відіграють провідну роль стосовно процедурних. Наслідки минулого, зумовлюючи політичну культуру акторів політичного процесу, детермінують характер політичних дій, здатність політичних еліт до компромісів, необхідних для становлення механізму демократії, впровадження та сталість демократичних інститутів та норм. Значно жорсткіший характер попереднього тоталітарного режиму, більш триваліший термін його функціонування, відсутність конституційно-парламентського досвіду у дототалітарні часи, новоутворений характер державності та несформованість політичної нації зумовили суттєве відставання процесу посткомуністичної трансформації України від аналогічного процесу в Болгарії.

Хоч структурні наслідки не є фатальним чинником, що унеможливило перехід до демократії, й Україна посідає провідне місце в процесі демократизації на просторі СНД, але перспективи її подальшого політичного розвитку залишаються доволі неясними. Політична система України характеризується гострою конфронтацією між провідними політичними силами. Причому ця конфронтація відбувається як між силами національно-демократичної орієнтації та їх політичними опонентами, так і всередині національно-демократичних сил. Вона екстраполюється на діяльність політичних

інститутів, позбавляючи її ефективності. Сьогодні Україна знов опинилася на роздоріжжі. Об'єктивні потреби суспільного розвитку вимагають консолідації політичного режиму. Проте політична консолідація може відбуватися двома шляхами: демократичним (як у більшості посткомуністичних країн Середньо-Східної Європи та Болгарії) та авторитарним (як у Росії та більшості країн СНД). Який шлях вибере Україна, чи зможе її еліта консолідуватися на ґрунті демократичних принципів, інститутів та норм, чи спроможне українське суспільство у найближчий час інтегруватися у єдину політичну націю – ці питання залишаються поки що відкритими.

¹ Романюк, О. І. Проблема типологізації політичних режимів в контексті аналізу демократичних транзитів. – Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: «Питання політології». Х., 2002, № 555, вип. 4, 16–25.

² Растоу, Д. А. Переходи к демократии: попытка динамической модели. – Полис, 1995, № 5, с. 6.

³ Романюк, О. Суспільно-політичні трансформації в новоутворених посткомуністичних країнах: спроба системного аналізу. – Людина і політика, 2003, № 5, 3–11.

⁴ Даймонд, Л. Прошла ли третья волна демократизации? – Полис, 1999, № 1, с. 14.

⁵ Freedom in the World 1989–2009. – <http://www.freedomhouse.org/>

⁶ Nations in Transit 2004. Democratization in East Central Europe and Eurasia. Ed. by A. Motyl, A. Schnetzer. N.Y., Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2004, p. 26.

⁷ Nation in Transit 1997–2009. – <http://www.freedomhouse.org/>

⁸ Пшеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., РОССПЭН, 2000, с. 91.

⁹ O'Donnell, G., P. C. Schmitter. Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore (MD), London, Johns Hopkins University Press, 1986, 6–14.

¹⁰ Веуте, К. von. Osteuropaforschung nach dem Systemwechsel. – Osteuropa, 1999, № 3, 285–304.

¹¹ Мачкув, Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация. – Полис, 2000, № 4, с. 45.

¹² O'Donnell, G., P. C. Schmitter. Вказ. праця, с. 9.

¹³ Романюк, О. Посткомуністичні революції. – Політичний менеджмент, 2005, № 4, 16–28.

¹⁴ Конституція Республіки Болгарія. Прийнята Великими Народними Зборами 12 липня 1991 року. – Конституції нових держав Європи та Азії. Упоряд. С. Головатий. К., Укр. Правн. Фондація; вид-во «Право», 1996, 119–156.

¹⁵ Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. К., Україна, 1996.

¹⁶ Конституція України: Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. Закон України «Про внесення змін до Конституції України» № 2222–IV від 8. 12. 2004 р. Харків, Фоліо, 2005, 38–46.

¹⁷ Вахудова, А. М. Нерозділена Європа: демократія, важелі впливу та інтеграція після комунізму. К., Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009.

¹⁸ O'Donnell, G. Делегативна демократія. – В: Глобальне відродження демократії / За ред. Л. Даймонда, М. Ф. Платнера. Львів, Ахілл, 2004, с. 146.

¹⁹ Карл, Т. Л., Ф. Шмиттер. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций. – Полис, 2004, № 4, с. 13.

²⁰ Andreski, S. Max Weber's Insights and Errors. London–Boston: Routledge & Kegan Paul, 1984, p. 44.

²¹ Мачкув, Е. Вказ. праця, с. 41.

²² История на Българската комунистическа партия. 2 изд., доп. С., Партиздат, 1979, 436–441.

²³ Турченко, Ф. Г. Новітня історія України. Ч. 1. 1917–1945. К., Генеза, 1999.

²⁴ Потрашков, С. В. Антигитлеровская коалиция и Болгария 1941–1944 гг. Х., ХГАК, 2005, с. 231.

²⁵ Кравчук, Л. М. Ми не маємо права знехтувати уроки минулого! Виступ на науковій конференції, присвяченій 60-м роковинам голодомору 1932–1933 років. – Голос України, 1993, 11 вересня.

²⁶ Растоу, Д. А. Вказ. праця, с. 12.

²⁷ Мілова, М. І. На шляху до парламентської демократії: болгарський варіант: Монографія. Одеса, Астропринт, 2005, с. 123.

І. Я. Тодоров

ЄВРОАТЛАНТИЧНА ІНТЕГРАЦІЯ БОЛГАРІЇ ЯК СКЛАДОВА МОДЕРНІЗАЦІЙНИХ ПРОЦЕСІВ

Євроатлантичний простір є унікальним і найбільш складним з сучасних геополітичних утворень. Він як певна цілісність виник в останні роки, об'єднав колишніх основних антагоністів – «Захід» і «Схід», увібравши в себе складні проблеми пост-конфронтаційних геополітичних трансформацій. Зберігається загроза нового розмежування Європи внаслідок «випадання» окремих країн з загальної парадигми розвитку. Реальне просування Болгарії шляхом інтеграції в Північноатлантичний альянс потребувало глибокої політичної та економічної трансформації, тобто її перетворення у демократичну, правову, дієздатну державу з відповідними стандартами внутрішньої та зовнішньої стабільності. Поширення НАТО та ЄС на Схід відповідало основним стратегічним інтересам Болгарії, а саме: інтеграція в економічні та політичні структури, а також структури безпеки; отримання надійних міжнародних гарантій безпеки; нормалізація стосунків з Росією шляхом ствердження авторитету Болгарії в євроатлантичних та європейських структурах.

Зростаюча швидкість і масштаби інтеграційних процесів на початку XXI століття не можуть не вражати. Адже уперше в новітній історії Європи без військового протистояння і воєн, тобто мирним шляхом, кардинально змінюється геополітична карта континенту, окреслюються контури його майбутнього. Отже, європейці як на Заході, так і на Сході отримали унікальний шанс остаточно звільнитися від стереотипів минулого і об'єднати свої зусилля заради будівництва нової Європи. Для Болгарії питання європейського вибору не було риторичним.

Інтеграція Болгарії до трансатлантичних та європейських структур все більш впевнено, особливо з кінця 1990-х рр., синтезувалася у якості суспільно-політичної ідеї. Євроатлантичне покликання абсорбувало самоусвідомлення Болгарії в контексті модерної Європи, поєднуючи його із практичною настановою, яка і полягала в організації процесу набуття членства в європейських та євроатлантичних структурах. Висловлення підтримки європейським та євроатлантичним прагненням Болгарії на початку XXI століття свідчило про певний консенсус серед більшості політичної еліти. Певною мірою всі ці прагнення мали суттєву тенденцію на трансформацію в якості новітньої болгарської національної ідеї.

Одним із потенційних факторів сприяння інтеграції Болгарії в Європу була «стратегічна відкритість» обох партнерів. І Болгарія, і євроатлантична та європейська спільнота (інституції та національні держави) формували стратегії свого розвитку, намагалися визначити свої специфічні ролі та моделі виживання у майбутньому. Створення прийнятних умов для залучення європейських інвестицій вимагало серйозних зусиль, адже йшлося про кардинальні зміни в болгарському економічному житті. Європейське та євроатлантичне покликання для Болгарії було і залишається стратегічним напрямом і магістральним шляхом вирішення внутрішніх і зовнішньополітичних, економічних і соціокультурних проблем суспільного розвитку, ствердження її у світі як потужної, авторитетної і конкурентоспроможної держави. По суті – це єдино можливий засіб ефективної модернізації суспільства і країни. Цей вибір обумовлений історичними, геополітичними,

географічними, соціокультурними і ментальними характеристиками, продиктований потребами розгортання загальної динаміки посттоталітарного і постіндустріального розвитку, глобалізації та інтеграційних процесів, з якими людство вступило у XXI століття.

Ми виходимо з постулату первинності внутрішньої політики по відношенню до зовнішньої. Аналіз історичного поступу вказує на те, що зовнішня політика Болгарії шляхом до євроатлантичної спільноти пройшла певні етапи. Болгарія крокувала до НАТО майже півтора десятка років. 23 червня 1990 р. з трибуни Великих Народних Зборів один з лідерів Зеленої партії Соломон Пасі (у 2001 р. він стане міністром закордонних справ) вніс пропозицію про ухвалу рішення про вступ Болгарії до НАТО. Реакція залу була різко негативна. Утім через місяць МЗС Болгарії сприймає запрошення про налагодження дипломатичних стосунків з НАТО. Запрошення зробили лідери країн – членів альянсу на своєму саміті у Лондоні 6 липня 1990 р. У листопаді того ж року посол Болгарії в Брюсселі був уповноважений підтримувати дипломатичні стосунки з НАТО. У квітні 1991 р. прихильники НАТО заснували Болгарський Атлантичний клуб. До речі, це була перша неурядова атлантична асоціація в країні, що не була членом альянсу. Влітку того ж року відбувся перший візит в Болгарію генерального секретаря НАТО Манфреда Вьорнера. 14 лютого 1994 р. Президент Болгарії Желю Желев підписав Рамковий документ про приєднання Болгарії до програми «Партнерство заради миру». Після цього у своєму виступі перед Атлантичним клубом в Софії Ж. Желев кілька разів підкреслив особливе значення розвитку взаємин Болгарії з Північноатлантичним блоком. Роком пізніше – 8 травня 1995 р. – в інтерв'ю журналісту Бі-Бі-Сі в Лондоні Ж. Желев заявив: «Відмова від приєднання до НАТО ... для мене особисто рівнозначна національному зрадництву». Його наступник П. Стоянов справедливо оголосив приєднання до НАТО питанням «цивілізаційного вибору». На початку 1997 р. він уперше категорично заявив, що Болгарія прагне повноправного членства в НАТО. Відповідно службовий уряд С. Софіянського ухвалив рішення, за яким Болгарія офіційно подає Заяву про приєднання до НАТО, прийнявши у березні 1997 р. Національну програму підготовки та приєднання. Народні Збори, де більшість належала Союзу демократичних сил, ухвалили Заяву національної згоди, за якою пріоритетом країни було визначено членство в НАТО. У жовтні 1997 р. в Софії пройшла Генеральна асамблея Асоціації Атлантичного договору – вперше в країні, яка не була членом НАТО. У травні 2002 р. у Софії відбулася сесія Парламентської Асамблеї НАТО. 21 листопада 2002 р. на саміті Альянсу у Празі лідери країн – членів НАТО офіційно запросили Болгарію, Естонію, Латвію, Литву, Румунію, Словаччину та Словенію розпочати переговори про приєднання до НАТО. У березні 2003 р. на позачерговому засіданні Північноатлантичної Ради в Брюсселі постійні представники країн – членів НАТО підписали протоколи про приєднання запрошених держав, включно Болгарії. Міністр закордонних справ Болгарії С. Пасі на засіданні Північноатлантичної Ради в січні 2004 р. представив пріоритети та цілі болгарського уряду й перспективи поглиблення співпраці з НАТО. 5 лютого 2004 р. уряд Болгарії ухвалив Північноатлантичний договір і запропонував Народним Зборам ратифікувати його. 29 березня 2004 р. Болгарія, Румунія, Литва, Латвія, Естонія, Словенія і Словаччина стали повноправними членами НАТО. На церемонії, що відбулася в міністерстві фінансів США, прем'єри семи країн, включно Болгарії (Сімеон Сакскобургготський), вручили державному секретареві США Коліну Пауелу документи про ратифікацію Північноатлантичного договору. 2 квітня 2004 р. відбулася урочиста церемонія у штаб-квартирі НАТО в Брюсселі. На флагштоках піднімаються прапори семи країн – нових членів альянсу. Міністр закордонних справ Болгарії Соломон Пасі плакав, адже збулася його мрія, якою він поділився з депутатами у червні 1990 р.¹

Такий шлях став можливим і зокрема завдяки Атлантичному клубу Болгарії. Ця громадська структура зосередила діяльність на двох напрямках: роботі з громадськістю та співпраці з політичними елітами. Про продуктивність такої роботи свідчила організація та проведення Днів НАТО в Болгарії. Це було не вшанування НАТО, а відкрита дискусія, обговорення шляхів вирішення проблем болгарського суспільства через призму можливого членства в Альянсі. Під час таких дискусій представники громадських організацій показували, яким чином проблеми Болгарії можуть вирішуватися завдяки членству в євроатлантичних і європейських структурах. Йшлося не про НАТО або ЄС, а саме про проблеми болгарського суспільства. Це не була пропаганда або ідеологічне переконання, місце мала відкрита і відверта дискусія, у перебігу якої з'явилася впевненість у майбутньому. Атлантичний клуб Болгарії працював шляхом організації «круглих столів», семінарів, міжнародних конференцій. У їхній роботі брали участь представники багатьох країн, не лише членів НАТО або ЄС, але й інших, які прагнули інтегруватися до цих структур. Під час дискусій політики зрозуміли, чому інші країни Центрально-Східної Європи так прагнуть стати членами НАТО, і, маючи підтримку переважної більшості населення, їм було досить легко прийняти рішення. Перед вступом Болгарії до НАТО в країні теж не було жодної впливової політичної сили, яка позиціонувала себе противником цього процесу, – прихильники дотримання політики нейтралітету опинилися на маргінесі².

Євроатлантична та європейська інтеграція і внутрішня модернізація для Болгарії стали синонімами, тому цьому завданню свідомо підпорядковувався весь внутрішній розвиток країни. Офіційна Софія розглядала європейську та євроатлантичну інтеграцію як можливість створення вільної ринкової економіки, розбудови демократичної, правової, соціальної, розвинутої держави, побудованої на засадах загальних європейських та євроатлантичних цінностей. Європейська та євроатлантична інтеграція для Болгарії мала бути не самоціллю, а засобом побудови демократичного та правового суспільства.

Першочерговим ставало досягнення сумісності цінностей, норм і принципів внутрішнього політичного та соціального життя Болгарії з нормами та принципами країн Європейського Союзу та Організації Північноатлантичного Договору. У цьому зв'язку можна говорити про: демократизацію процесу прийняття державних рішень (через перенавчання кадрів, створення умов для ефективної діяльності ЗМІ та недержавних інституцій з питань контролю процесу прийняття та впровадження рішень); досягнення загальнонаціонального політичного консенсусу щодо основних напрямів євроатлантичної та європейської політики Болгарії; створення механізмів громадянського контролю за державними інституціями; проведення для учнів шкіл, студентів, громадськості широкої навчальної кампанії, націленої на пояснення переваг та необхідності інтеграції у євроатлантичну та європейську спільноту; організацію скоординованої довготермінової «рекламної єврокампанії», яка, вміло використовуючи закони пропаганди та впливу на масову аудиторію, мала б на меті призвичаїти суспільство до вигідності та необхідності інтеграції Болгарії в НАТО та ЄС.

Зміцнення суверенітету Болгарської держави було головним питанням її національної безпеки. Ціннісний аспект був особливо важливим при виробленні політики по створенню інтегрованої системи безпеки з перспективою формування єдиного цивілізаційного простору, оскільки він суттєво впливав на трансформацію політичної та адміністративної культури постсоціалістичного простору. У цьому контексті акцентування уваги західними політиками саме на нормативних аспектах означало сприйняття партнерів як потенційних союзників і членів однієї цивілізаційної групи³.

Окреслене співробітництво формувало новий стиль життя людини-працівника і громадянина – європейський. У її межах долається «соціалістична розбещеність»

організатора виробництва і його безпосереднього виконавця; дотримання технологічної дисципліни стає правилом повсякденної виробничої діяльності; у свідомості і поведінці людей утверджуються норми екологічно безпечного способу життя, незаперечного дотримання прав і свобод людини і громадянина, національних меншин і людей з особливими потребами; толерантність утверджується як норма міжлюдського та міждержавного спілкування; формується нове покоління людей, адаптованих до європейської спільноти, до європейського стилю життя загалом.

Водночас варто згадати, що бажання Болгарії приєднатися до Альянсу викликало протидію з боку Російської Федерації. Цікаво звернути увагу на аргументацію заперечень членству Болгарії в НАТО, які лунали з боку Москви напередодні вступу. Зокрема, «економічний стан Болгарії не дає можливість виділити фінансові кошти на переозброєння і модернізацію Болгарської армії відповідно до стандартів НАТО»; «розширення НАТО на Схід буде катастрофою для болгарської економіки і насамперед для підприємств болгарського військово-промислового комплексу», «заплативши таку високу політичну ціну за своє членство в НАТО, Болгарія отримає виключно ненадійні гарантії своєї національної безпеки, бо членство в НАТО не дає автоматичних гарантій безпеки даної держави»; «економіка Болгарії перебуває в дуже тісному зв'язку і залежності від російської сировини, технологічної і технічної допомоги і не на останньому місці від необмеженого російського ринку. Категорична, безкомпромісна позиція Росії щодо розширення НАТО на Схід не може не справити істотного впливу на поживлення російсько-болгарських взаємин»; «приєднання Болгарії до НАТО неминуче призведе до повного розриву технологічних зв'язків болгарських оборонних підприємств з ВПК Росії, що покладе край залишкам болгарської військової промисловості». Росіяни щиро вважали, що можливе приєднання Болгарії до НАТО у військовій галузі принесе країні тільки негативні наслідки. По-перше, членство в НАТО не зможе гарантувати стабільність і безпеку Болгарії в конкретних балканських умовах. По-друге, приєднання Болгарії до НАТО не забезпечить військову безпеку країни. По-третє, можливість приєднати Болгарію до загальної ядерної, протиракетної і протиповітряної парасольки НАТО ні в якому разі не зможе компенсувати ті загрози для національної безпеки, які будуть виникати кожного разу, коли її територія буде використана для розміщення союзницьких військ, озброєння і військової техніки. По-четверте, серйозною проблемою для Болгарії в разі її вступу до НАТО опиняться і її взаємини з Росією⁴. Життя довело хибність цих аргументів. Але вони знов використовуються РФ в протидії просуванню до НАТО України та Грузії.

Аналіз європейського досвіду переконує, що вибір інтеграційних пріоритетів не має бути альтернативним, оскільки участь в одному інтеграційному об'єднанні не виключає можливості участі в іншому. Проте участь в різних об'єднаннях не повинна була будуватися на різних цінностях.

Отже, Болгарія повноправний член НАТО з 4 квітня 2004 р. З того часу навіть найбільш послідовні супротивники Альянсу, які жили із забобонами часів тоталітаризму, поступово переконалися, що НАТО – це не агресивна організація, вона переслідує загальні для сучасності цілі, а саме: збереження миру і стабільності в Європі і світі, боротьба проти тероризму. Участь Болгарії в миротворчих операціях НАТО, особливо на Балканах (відповідно до Концепції участі в операціях з підтримки миру болгарські збройні сили залучалися до місій в Республіці Македонія, у Боснії і Герцеговині та Косово)⁵, отримує все більшу підтримку, так як відчутно підвищує авторитет країни в очах світової громадськості. Болгарське суспільство та болгарські політичні партії успішно пройшли свій шлях від тоталітарного суспільства до демократичного. Болгарські гро-

мадяни проявили політичну зрілість, а політичні партії, незалежно від того, в якому секторі – лівому, центральному чи правому вони знаходилися, показали приклад національної відповідальності і досягли консенсусу щодо політико-економічних і військових пріоритетів майбутнього розвитку країни. Представлені в парламенті політичні сили одноставно голосували за приєднання країни до європейських і євроатлантичних структур. З іншого боку, одноставна згода країн-членів НАТО і Європейського Союзу щодо повноправного членства Болгарії є визнанням правильності напрямку і темпів розвитку економічних процесів, також як і успіхів, досягнутих в утвердженні плюралізму, демократії та європейських стандартів в країні. Сьогодні Болгарія – безсумнівна зона стабільності в регіоні Балканського півострова. Вона є надійною ланкою в колективних зусиллях прогресивних і демократичних сил світу в їх боротьбі проти невійськових загроз і викликів національної та міжнародній безпеці – організованої злочинності, тероризму, контрабанди товарів, зброї, наркотиків, торгівлі людьми, відмивання грошей і т. д. Варто зазначити, що членство Болгарії в НАТО має реальне відображення в економіці країни. Багато іноземних інвесторів зробили свій вибір з огляду на більш високі гарантії безпеки і факт, що завдяки членству в НАТО і ЄС Болгарія входить до зони індустріально розвинених держав.

Таким чином, Болгарія має глибокі історичні та геополітичні підстави, певне ідеологічне та психологічне обґрунтування членства в Організації Північноатлантичного Договору та Європейській Унії. Протягом останніх двох десятиріччів Болгарією був накопичений вагомий досвід розробки і здійснення різноманітних юридичних та політичних засад співпраці з НАТО та ЄС. Був законодавчо закріплений саме такий стратегічний зовнішньополітичний пріоритет. Для європейського співтовариства поряд із Європейським Союзом НАТО залишається основною інституцією побудови нової політичної Європи. Відтак, євроінтеграційний шлях Болгарії до членства в ЄС лежав через вступ до НАТО. Це на практиці підтвердили всі інші країни Центрально-Східної Європи, які спочатку стали членами Північноатлантичного Альянсу, а потім – Європейського Союзу.

Діяльність центральних органів законодавчої, виконавчої і судової влади Болгарії у напрямі євроатлантичної та європейської інтеграції засвідчила, що, крім політичної волі, головними передумовами вступу Болгарії до НАТО та ЄС була відкритість цього процесу для суспільства, належний рівень інформаційно-просвітницької роботи, а також скоординовані дії всіх органів державної влади. Були напрацьовані конкретні механізми налагодження інтеграції Болгарії до євроатлантичних та європейських структур. Болгарські політичні партії поступово усвідомлювали зростання значення зовнішньополітичних орієнтирів для подальшого прогресивного розвитку держави. Переважна частина політиків стали на платформу євроатлантичної та європейської інтеграції. Недержавний вимір втілення євроатлантичного та європейського покликання Болгарії набув чіткого виразу. На користь цього свідчили програмні положення і практична діяльність значної частини болгарських неурядових громадських організацій. Громадська думка трансформувалася в бік сприйняття більшістю населення доречності вступу до Організації Північноатлантичного договору та Європейського Союзу. Болгарія розглядала євроатлантичну та європейську інтеграцію як можливість створення вільної ринкової економіки, розбудови демократичної, правової, соціальної, розвинутої держави, побудованої на засадах загальних євроатлантичних та європейських цінностей. Інтеграція до НАТО та ЄС не була самоціллю, а засобом всебічної модернізації та побудови демократичного та правового суспільства.

¹ Болгарія крокувала до НАТО 14 років. Хронологія подій. Болгарські вісті /Українські весті. Издание за политика, економіка, бізнес, історія, культура і спорт [електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.ukrpressbg.com/com-bol061104BG-NATO.html>. Доступ 16.01.2010.

² Актуальний коментар. Суспільна підтримка вступу до НАТО: досвід Болгарії [електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.ukrinform.ua/ukr/order/?id=841599>. Доступ 14.01.2010.

³ Участье на Република България в НАТО. Министерство на външните работи [електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.mfa.bg/bg/index.php?option=com_content&task=view&id=13726&Itemid=358#2. Доступ 12. 01. 2010.

⁴ *Генов, Я.* Возможные последствия присоединения Болгарии к блоку НАТО. Информационно-аналитический портал «Наследие». Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.nasledie.ru/politvne/18_18/article.php?art=48. Доступ 22. 01. 2010.

⁵ Миротпазващи операции на Министерството на отбраната на Република България [електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.mod.bg/bg/satr_mir_conception.html. Доступ 24. 01. 2010.

М. И. Милова

БОЛГАРИЯ–ЕС: ОЖИДАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ

Вот уже два года Болгария является полноправным членом Европейского Союза, путь в который был очень непростой и утомительный. Она боролась за вступление в ЕС на протяжении долгих лет при упорной работе правительств разной политической и идеологической ориентаций¹. Поэтому изучение болгарского опыта социально-политического и экономического развития, успехов и просчетов до вступления в ЕС и после имеет теоретическое и практическое значение с точки зрения евроинтеграционных перспектив Украины.

Своим вступлением в ЕС Болгария присоединилась к большой европейской семье, в которую входит более 500 млн чел., а также к экономике, чей объем восходит к 5 триллионам евро. Это позволяет Болгарии и ее гражданам по-другому увидеть свои возможности и извлечь пользу из 7 млрд евро, которые получит из еврофондов в целях улучшения инфраструктуры и других секторов, – заявил М. Хамфрис, руководитель представительства Европейской Комиссии (ЕК) в Болгарии в ноябре 2007 года².

Но если за несколько лет до присоединения исследователи (Г. Карасимеонов, И. Начев, Я. Стоилов, М. Гетова и др.), изучая перспективы европейского развития, выражали определенный прагматизм и оптимизм, то сегодня многие эксперты, политики, социологи и ученые, анализируя сложный путь присоединения и первые его результаты после 1 января 2007 года, дают нечеткие и неоднозначные оценки происходящих процессов.

Автор ставит задачу проанализировать проблему влияния внешнего фактора, т. е. насколько членство в ЕС оправдало ожидания болгарского общества на разных его уровнях. Евроинтеграционные процессы охватывают все сферы общественного развития, которые в рамках этой статьи проанализировать невозможно, поэтому наше внимание будет сосредоточено на трех моментах: влияние на экономику, стабилизацию политической сферы, а также на изменение ценностных ориентаций.

Как известно, Болгария впервые заявила о своем желании стать членом ЕС в 1995 году, хотя реальное продвижение в переговорах началось только в 1999 году при правительстве правых сил во главе с И. Костовым. Значительных успехов в этом процессе было достигнуто при правительстве Симеона Сакскобургготского, а вступление свершилось при левоцентристском правительстве С. Станишева. Основной ошибкой, по мнению Д. Барух, эксперта болгарского Европейского института, неправительственной организации, которая отслеживала ход развития переговоров, было то, «что очень поздно подали заявку и поэтому так трудно и медленно затем велись переговоры, хотя и не только поэтому. Фактически в момент, когда Болгария заявила о своем желании стать членом ЕС, страну охватил внутривластный и экономический кризис. В 1996 году, во время правления социалистов, инфляция в стране превысила тысячу процентов. Безусловно, ЕС не хотел вступать в переговоры со страной с такой неблагонадежной экономикой»³.

Пришлось заново и мучительно доказывать, что Болгария способна обеспечить политическую стабильность, а уж потом, что в стране имеется работающая

экономика. Но время было упущено, и догнать Чехию, Польшу и Венгрию стало невозможным. Поэтому Болгария не вошла в Евросоюз с первой волной расширения в 2004 году. На момент вступления Болгария оставалась самым бедным государством в этом клубе держав, хотя новогодние празднества по поводу вступления были грандиозные. Значительная часть болгарского общества осознавала, что предстоит новый, совсем нелегкий период. За несколько месяцев до вступления в ЕС правительство проводило специальную информационную политику, предупреждая о возможном новом повышении цен и временном снижении доходов. Это, конечно, охлаждало оптимизм болгар, но также способствовало и более трезвому взгляду на место страны в столь желанном Евросоюзе. Предстояло испытать на себе, насколько экономика действительно может быть конкурентоспособной. Теоретически все условия для позитивного развития имелись.

Социологи отмечают, что в 2000–2001 годах болгары не испытывали особого еврооптимизма. На возможное вступление страны в Евросоюз большинство смотрело скорее с недоверием. По мнению экспертов, это отношение изменилось, когда был достигнут консенсус фактически среди всех политических партий по поводу того, что европейское будущее страны не имеет альтернативы. Политические силы и политические институты начали усиленно работать на европейский проект. Один из экспертов Европейского института Д. Барух отмечает, что «парламент в ускоренном темпе стал синхронизировать национальное законодательство с европейскими стандартами, а это определенным образом способствовало дальнейшей стабилизации экономики. На самом деле в абсолютный успех мало кто верил, и все решения казались какими-то искусственно «импортированными» в болгарскую действительность. Все говорили «надо», но особого смысла в это не вкладывали. Ведь в 1997 году Европейская комиссия открытым текстом заявила, что до 2001 года нам и думать нечего о том, чтобы начать переговоры»⁴. И в этом же году правительство выработало стратегию, в которой назывался срок вступления Болгарии в ЕС – казавшийся тогда нереальным – 2007 год. Но именно так и произошло, и только по одной причине: был достигнут национальный консенсус.

Невзирая на колоссальную конфронтацию политических сил, противостояние «левые – правые» до 2001 года, отсутствие практики коалиционной политики, внешние вызовы, политическая элита смогла подчинить всю свою деятельность общей цели – вступление в ЕС в назначенный срок. Хотя возникли новые проблемы. Основная ставка накануне присоединения была сделана на обеспечение политической стабильности и мобилизацию экономического потенциала; вместе с тем серьезные требования были предъявлены к судебной системе, реформе госаппарата, проблемам интегрирования национальных меньшинств, борьбе с организованной преступностью и пр.

Благодаря целенаправленной деятельности правительств еще в 2006 году Болгария была включена в престижный всемирный рейтинг Швейцарского института управленческого развития, где она заняла удовлетворительное 47-е место. «Болгария стала одной из самых привлекательных экономик для инвестиций», – отмечал министр экономики П. Димитров в левоцентристском правительстве С. Станишева. Согласно индексу ЮНКТАД (конференция ООН по торговле и развитию), Болгария занимала тогда первое место среди стран Центрально-Восточной Европы и седьмую позицию в мире по инвестиционной привлекательности. Результатом явились прямые иностранные капиталовложения, которые составили в 2006 г. 4 млрд 400 млн евро, а за первые три квартала 2007 года – 3 млрд 800 млн евро⁵. В рамках 10-го экономического форума Центральноевропейской инициативы (ноябрь 2007 г.) специальная сессия была посвя-

щена Болгарии, поскольку ее опыт подготовки к членству в ЕС представлял интерес для других бывших социалистических стран.

В докладе Центра экономического развития отмечался экономический рост, сохранение стабильности в банковской системе, а строительный бизнес признавался одним из наиболее успешных секторов в экономике. Подобная ситуация наблюдалась в сфере туризма.росло количество граждан Европейского Союза, посетивших Болгарию в первом полугодии 2007 г. И сейчас ЕС остается основным туристическим рынком Болгарии. 80% туристов на морских курортах – это граждане из стран ЕС⁶.

Однако постоянные мониторинги результатов освоения фондов и программ ЕС дают основания полагать, что имеются серьезные проблемы в отдельных отраслях, в частности, большие отставания в экономике, сельском хозяйстве, в защите потребителя, ветеринарно-медицинский контроль и пр. Национальная ветеринарная служба (NVS) намерена закрыть 69 молочных ферм и мясоперерабатывающих предприятий, условия производства продукции на которых не соответствуют европейским санитарно-гигиеническим нормам, сообщает Министерство сельского хозяйства Болгарии. Последний срок для 585 компаний в выполнении требований ЕС истек в конце 2009 г., хотя другие 516 компаний, поставляющие свою продукцию в ЕС, получили разрешение на экспорт. Довольно сложная ситуация в пищевой промышленности. 40% мясных лавок прекратят свое существование из-за несоответствия гигиеническим предписаниям ЕС. Такая же участь ожидает хлебопекарни, которые не отвечают стандартам европейского качества продукции. Болгарским крестьянам на европейских рынках будет трудно выдержать конкуренцию. Одна из сложных проблем страны в отношениях с Евросоюзом – плачевное состояние болгарских авиакомпаний. Несмотря на то, что Болгария вступила в ЕС, ее самолеты будут и впредь рассматриваться остальными странами как самолеты страны, находящейся вне Евросоюза. Они просто не выдержали экзамен на качество.

Вместе с тем, Болгария завершила 2009 год с минимальным бюджетным дефицитом в размере 125 млн евро, что выводит ее на первое место среди стран Европейского Союза по сбережениям расходной части бюджета. Об этом в интервью БТА заявил вице-премьер и министр финансов Симеон Дянков. Он также уточнил, что в основу госбюджета на 2010 год положена сбалансированная фискальная политика, без увеличения налогов. С 1 января 2010 года повышается акциз на сигареты, и это изменение привлечет дополнительные 115 млн евро в госбюджет. 65 млн евро из этой суммы будут направлены на сектор здравоохранения. Вице-премьер изложил тезис, согласно которому, если в 2010 году появятся проблемы с обеспечением финансового ресурса, Болгария может выпустить облигации, вместо того чтобы брать займы от Международного валютного фонда и Всемирного банка⁷.

На форуме, организованном недавно Институтом политических и юридических исследований и Фондом Фридриха Эберта, политологи и социологи обсуждали проблемы влияния членства Болгарии в ЕС на процессы в стране. «Огромная часть болгар, да и болгарская политическая элита, пока не отдают себе отчета в том, что реально означает членство Болгарии в ЕС», – подчеркнул профессор Г. Карасимеонов, директор Института политических и юридических исследований. Он провел интересное сравнение: «Это все равно, что войти в дом соседа и стать его обитателем. Естественно, требования к новому обитателю со стороны тех, кто проживал в этом доме десятки лет, в корне меняются по сравнению с теми, которые предъявлялись к нему в качестве соседа. Требования очень серьезно возрастают, особенно когда мы входим с огромным дефицитом, когда мы – самое бедное государство в этом сообществе и когда перед нами

стоят трудные задачи по адаптации к принципам и ценностям сообщества, существующего на протяжении более пятидесяти лет»⁸.

С 1 января 2007 года любое действие, любая позиция Болгарии уже рассматривается как позиция ЕС. Остальные члены сообщества исключительно внимательно присматриваются ко всему, чем занимается Болгария в настоящий момент, и, бесспорно, они исключительно требовательны ко всему, что может навредить репутации ЕС, усложнить взаимоотношения внутри ЕС и помешать утверждению нового облика ЕС, причем в довольно сложной глобальной конкурентной среде.

По мнению Г. Карасимеонова, шок в связи с присоединением к ЕС переживают три социальных сектора. Во-первых, это публичная администрация на всех уровнях. Ясно, что старые методики и способы администрирования уже не подходят. Оказывается, что она не в состоянии создавать проекты, с помощью которых проще осваивать средства из еврофондов. Во-вторых, интеграция Болгарии в ЕС особенно сильно задела экономические субъекты, занятые в теневой экономике, которые считали, что и в условиях интеграции в ЕС можно будет продолжать работать по старой модели протекции со стороны государственных институтов. Существует острая борьба между бизнесом, который действительно хочет придерживаться законов, быть прозрачным в рамках ЕС, и теневой частью экономической сферы, желающими посредством коррупционных моделей и увиливания от норм законов продолжать накапливать прибыль. Есть основания для беспокойства, что часть этого сектора, интересы которого все больше будут ущемляться новыми европейскими правилами, сделает все возможное, чтобы саботировать процесс интеграции.

Определенный шок от членства Болгарии в ЕС переживают и рядовые болгары – они постепенно осознают, что интеграция в ЕС означает перемену менталитета, трудовых навыков, усвоение новой трудовой этики. По словам профессора П.-Э. Митева из Института социальных ценностей и структур, первое, что Болгария получила от членства в ЕС, – это уважение к правилам, понимание необходимости соблюдения правил. Это, может быть, самое важное. Необходимость соблюдения дисциплины и порядка должны стать частью национального сознания. С этой точки зрения даже замораживание денег из еврофондов имеет положительную сторону. В Болгарии формируется новое поколение, которое смотрит с оптимизмом на свое будущее в рамках ЕС. Молодые люди усиленно овладевают иностранными языками. 83% школьников от 15 до 18 лет изучают английский язык и пр.

Как считает О. Минчев, директор Института международных и региональных исследований, основной проблемой после присоединения для таких стран, как Болгария и Румыния, является модернизация политической элиты и общества. Потому что в Болгарии, кроме проблем политической элиты, существуют и проблемы организованной преступности, утвердившейся на базе определенных маргинальных слоев, которые в период неопределенности первой половины 90-х годов всплыли на поверхность благодаря коммунистической номенклатуре. Они заняли ключевые позиции и эволюционировали до олигархии, которая все жестче контролирует принятие политических решений и подрывает возможности развития политического класса⁹.

В политическом плане тоже существуют препятствия. Впервые Болгария избрала своих представителей в Европарламент, от деятельности которых будет зависеть очень многое в утверждении имиджа страны. Пока нет уверенности, что болгары сумеют отстоять свое право участвовать в принятии важных решений наравне с остальными в ЕС в силу отсутствия опыта, знаний и умений. Пример с кандидатурой Румяны Желевой, избрание которой в должность комиссара ЕС вызвало наибольшее расхождение

между депутатами Европарламента, подтверждает данный тезис. Желеву подозревают в укрытии доходов и пытаются выяснить, насколько ее заявления о прекращении частного бизнеса соответствуют действительности, поэтому социалисты и демократы ее не поддержали¹⁰.

Важнейшим показателем влияния европейских процессов является изменение ценностной составляющей демократического перехода. Известный социолог Ж. Георгиев, один из основателей болгарского отделения Института Гэллапа, объясняет как перемены социального, политического и экономического характера отразились на ценностях болгарского общества в различных его срезам. В целом наблюдается «трансфер ценностей извне вовнутрь», т. е. между пробивающими себе дорогу либеральными и болгарскими восточнохристианскими ценностями, борьба между которыми идет не только по оси «традиционное и современное», а по многим другим различительным линиям.

Учитывая сложные десятилетия трансформации, динамичные социальные процессы, сегодня идентифицируются три достаточно обособленных поколения. Первое, которое сформировалось до 1989 года и остается верным ценностям социалистического периода. Второе, которому на начало перемен было 17–18 лет, т. е. молодые люди, связывающие все свои надежды с новыми изменениями. Именно это поколение, которому сейчас 35–50 лет, считается потерянным поколением переходного периода. Именно в его среде больше всего разочарований от ожиданий и реальности. И появляется совсем новое поколение, которое социализируется в новых, но естественных для него условиях перехода, которому очень сложно находить общий язык с двумя другими поколениями. Его представители считают себя гражданами мира, европейцами, обладая другой идентичностью. Они формируются на ценностях глобализации и технологизации мира. Это первое компьютерное поколение в болгарской истории. В нем просматриваются ценности потребительского общества, потребительского образа жизни, считает социолог Ж. Георгиев¹¹.

И все-таки, на наш взгляд, есть основания считать, что в эти тяжелые переходные годы в качестве относительно общего национального консенсуса выступил европейский проект. Социологи отмечают, что никогда не регистрировались высокие показатели евроскептицизма. Наоборот, нередко наблюдался значительный еврооптимизм, хотя всегда в конце года болгарское общество оказывается среди наиболее пессимистичных в социальном смысле. Тем не менее интеграция в ЕС стала одним из явлений, которые генерировали оптимизм. Так что при дефиците других явлений, которые могли бы способствовать социальному оптимизму, именно стремление к членству в ЕС и стало тем призраком возможного перспективного будущего.

Следует отметить, что как в обществе, так и в деятельности элиты преобладало стремление показать евроинтеграцию не как зло, а как путь, у которого много вызовов и рисков. Все плюсы интерпретировались только как возможности, которыми можно воспользоваться, но при наличии воли и компетентности. Они не представлялись как гарантия успеха. Срабатывало другое, что может быть названо национальным комплексом недооценивания себя или собственной несостоятельности. Скептицизм заключался скорей в неверии собственным политикам, своему бизнесу, интеллекту и умению воспользоваться европейскими возможностями. Низкое национальное самочувствие является одним из тех препятствий, которое не способствует наращиванию национального потенциала. Как отмечают социологи, сегодня можно говорить об индивидуальном оптимизме, особенно у молодых болгар, городского среднего класса, но в целом уровень общего социального оптимизма не увеличивается. Тревожный синдром – отсутствие

тотальной веры в коллективные проекты, в коллективное мышление, в способности вместе сделать нечто, хотя на здании парламента написано «В единстве – сила». Европа тоже не едина, существуют огромные поликультурные различия. Болгары не очень отличаются от европейцев по отношению к свободе и различным ее проявлениям, утверждается тенденция к взаимопониманию, толерантности, уважение к личному успеху, личной активности, ценностям успеха. Однако значительная часть общества остается с этатистским сознанием, все еще очень многого ждет от государства.

Болгарский опыт европейской интеграции подводит нас к следующему выводу: успех может быть обеспечен только в атмосфере национального консенсуса. А для этого необходимо единение элиты и всех политических сил в обеспечении, прежде всего, политической стабильности, которая может гарантировать результаты экономических и институциональных реформ. Евроинтеграция Болгарии позитивно повлияла больше на сроки и темпы, чем на качество трансформации. Подлежит также изучению опыт информационной политики правительств, сыгравшей большую роль в формировании общественного сознания и общественной поддержки в отношении присоединения к Евросоюзу. Ответственность за результаты евроинтеграционной политики несет политическая элита.

¹ Подробнее: Болгария–ЕС: трудный путь в «Европу» (хроника и проблемы присоединения). – В: Одеська болгаристика – Одеска българистика. Науковий щорічник. Одеса, Одеське наукове товариство болгаристів, 2006, № 3–4, 40–45.

² *Димитрова, М.* Европейская интеграция Болгарии – удачный пример для стран в процессе перехода к рыночной экономике. – <http://www.bnr.bg/>

³ *Ваксберг, Т.* Болгария вошла в ЕС в атмосфере «национального консенсуса». – <http://www.bnr.bg/> Переглянуто 08.01.2010 г.

⁴ Там же.

⁵ *Димитрова, М.* Указ. соч.

⁶ Икономиката на България през първото полугодие на 2007 г. – <http://www.bnr.bg/>

⁷ Болгария – ЕС: шок от присоединения. – <http://www.bnr.bg/>

⁸ Вступление Болгарии в ЕС для жителей страны – повод для беспокойства. – <http://www.bnr.bg/>

⁹ Там же.

¹⁰ <http://www.svobodanews.ru/content/article/370159.html#ixzz0caVdi0BY>

¹¹ *Ватова, И.* Станаха ли българите повече европейци? – <http://www.bnr.bg/>

В. І. Бурдяк

ПОЛІТИКА ПОСТСОЦІАЛІСТИЧНИХ УКРАЇНИ І БОЛГАРІЇ В РУСЛІ ЄВРОПЕЙСЬКОЇ ІНТЕГРАЦІЇ ТА СИСТЕМИ БЕЗПЕКИ

На зламі 90-х рр. ХХ ст. у країнах ЦСЄ та СРСР відбулися революції, спрямовані на трансформацію чинних політичних систем, їх демократизацію, демонтаж командної економічної системи та перехід до ринкової економіки. Державотворчі, демократичні зміни, що розгорнулися в Болгарії й Україні, яка здобула самостійність і незалежність, викликають значний інтерес до зовнішнього політичного курсу, до набуття державами власної європейської ідентичності. Поглиблення державотворчих процесів сприяло посиленню зацікавленості науковців Республіки Болгарія (РБ) й України, насамперед політологів та істориків, меншою мірою представників інших суспільних наук, політичної еліти, до проблем розуміння і створення концепцій щодо місця цих країн в євроатлантичній і європейській інтеграції (ЄІ). З'явилося багато ідей, політичних програм, спрямованих на пошук раціональних соціально-політичних орієнтирів подальшого суспільного розвитку, які, на думку їх авторів, найбільш адекватно врахували національні традиції і політичний менталітет болгар та українців. Водночас реальною є об'єктивна залежність нової якості держав, їх суверенітету й реалізації європейської та євроатлантичної політики. І Болгарія, і Україна важко формували національні інтереси, зовнішню стратегію, маючи проблеми, які виникали у зв'язку з ЄІ, адже від узгодження пріоритету європейського вектора і національних інтересів, від якості взаємин з країнами-сусідами залежало їх майбутнє. Тому вважаємо, що зазначена тема дослідження доволі актуальна.

Для сучасної Європи характерна бурхлива динаміка інтеграційних політичних і соціально-економічних процесів. Навіть ті країни, які не входять до складу інтеграційних об'єднань, неминуче відчують на собі їх значний вплив. Особливо це стало помітно на новому етапі розвитку ЄІ, розбудові політичного, економічного, валютного союзу країн-членів, що розпочався з набуттям чинності 1 листопада 1993 р. Маастрихтського договору ЄС. Тож, вже на початку реформ у соціально-економічній і політичній сферах уряд РБ визначив стратегічні цілі, зорінтував зовнішні політичні й економічні зв'язки зі східного на західний напрям з перспективою вступу в ЄС і НАТО. Цього дотримувались усі уряди РБ, хоч, залежно від політичних уподобань конкретного уряду, процеси, залишаючись стратегічно пріоритетними, то прискорювались, то сповільнювались¹.

Для країн, які не входять в ЄС, досягнення ЄІ – предмет захоплення і привабливий приклад. Майже всі вони прагнули до членства в ЄС і для багатьох країн повноправна участь у його діяльності вже стала реальністю. У 2004–2007 рр. членами ЄС стали ще 12 країн Південної, Центральної та Східної Європи, і населення ЄС дійшло до 480 млн чол. Інтегрована Європа безпосередньо наблизилась до пострадянського простору. За її межами залишилось 4 країни Європейської асоціації вільної торгівлі, країни Західних Балкан і 4 держави СНД – Росія, Україна, Білорусь та Молдова. Розширення ЄС на схід не лише політичне знакове явище, а реальний факт створення могутнього, зростаючого єдиного ринку, що зміцнює економічні позиції Європи у світовій конкурентній боротьбі.

На відміну від України, яка часто змінювала свої погляди то в бік Росії, то в бік Європи, то заявляла про «багатовекторність» зовнішньополітичного курсу, РБ вже з початку 1990-х рр. чітко зорієнтувала зовнішню політику на європейську спільноту. Болгари усвідомлювали, що членство в ЄС і НАТО – це нові перспективи для співробітництва з розвиненими країнами континенту; досягнення економічного, соціального й інтелектуального прогресу; зміцнення позицій у міжнародній системі координат; шлях модернізації економіки, залучення іноземних інвестицій і новітніх технологій; підвищення конкурентоспроможності вітчизняного товаровиробника; можливість виходу на єдиний внутрішній ринок ЄС. У політичному аспекті ЄІ детермінувала модернізацію правового поля РБ, демократизацію її політичної й інституційної системи. Співпраця з ЄС сприяла наближенню соціальних умов РБ до його стандартів добробуту населення. У культурно-цивілізаційному аспекті ЄІ – шлях до активізації взаємин з західною європейською гуманістичною культурою, розвитку РБ як інтегрованої частини глобального суспільства і національної держави. ЄС і НАТО гарантують РБ безпеку, захист від агресії та територіальних посягань.

ЄІ визначає ситуацію в Європі, її місце у світі в ХХІ ст. З 1957 р. ЄЕС поступово переріс у потужний фінансово-економічний і політичний центр, ключовий компонент новостворюваної архітектури безпеки Європи, ядро системи європейських цінностей і стандартів². «Євросоюз, по-перше, це не міждержавне об'єднання, яке базується на нормах міжнародного права, що подібне до міжнародних економічних організацій чи регіональних торгових блоків, – пише В. Г. Шемятенков. – Система європейських інтеграційних інститутів має іншу політичну, економічну і юридичну природу. В її основі лежить принцип наднаціональності, тобто передачі національними державами частини свого суверенітету наднаціональним інтеграційним інститутам і органам. ЄС – це насамперед загальне право, загальні інститути і загальна політика. По-друге, місце і роль ЄС у сучасному світі не можна порівняти з місцем і роллю будь-якого торговельного блоку чи міжнародної організації. ЄС – це згуртована політична й економічна сила, один з головних полюсів світової політики й економіки поряд і нарівні з величезними національними державами – США та Японією»³.

Основні політичні вигоди послідовної ЄІ вбачались у зростанні стабільності демократичної політичної системи та її інститутів, забезпеченні прозорості національного законодавства, поглибленні культури демократії, поваги прав людини тощо. ЄІ і членство в ЄС були стратегічною метою РБ ще й тому, що давали змогу краще реалізувати національні інтереси. Прагнення РБ здобути/відновити повноцінну європейську ідентичність визначалось насамперед прагматичними соціально-економічними і політичними факторами. Політична еліта РБ швидко зорієнтувалася, на які політичні сили Європи брати курс, але зміни в суспільстві і політична ситуація на континенті поставили перед нею безліч складних питань, пов'язаних з формуванням нового зовнішнього політичного курсу⁴. Виникали питання щодо нової розстановки сил у Європі, формування політики безпеки, першочерговості і необхідності створення сприятливих умов зовнішніх для вирішення внутрішніх проблем. Нових підходів вимагали питання про пріоритети у взаєминах з новими країнами, що утворилися на теренах СРСР, про розвиток відносин з нейтральними країнами континенту, проблеми, пов'язані з територіальними й етнічними суперечками, які негативно впливали на загальну ситуацію в Європі і на взаємини держав регіону.

«Намічаючи свої зовнішньополітичні принципи, пріоритети й акценти у відповідності з сучасними внутрішніми і зовнішніми реаліями, ми керуємося суверенними правами і корінними інтересами країни, які визначають нашу нову зовнішню політику як де-

мократичну, національну, співзвучну загальнолюдським принципам, – відзначав у 1991 р. міністр МЗС Болгарії В. Вилков. – Філософія зовнішньої політики – сфера, щодо якої існує найвищий ступінь консенсусу і в парламенті, і серед політичних сил, і в громадській думці. Ми вважаємо, що наша сучасна стратегія на міжнародній арені – реалістична, прагматична і має багатосторонню орієнтацію. Її полівалентність не виключає наявності пріоритетів, один з них – європейська орієнтація – займає головне місце»⁵.

Обраний курс РБ виглядав природним і закономірним. РБ – одна з найдавніших країн континенту і належить до Європи за географічною, історичною, політичною, духовною й інтелектуальною ознаками. Це – колиска слов'янської писемності і культури, що зробила певний внесок у розвиток багатой європейської цивілізації. Упродовж трансформації РБ приймала офіційні документи, декларувала наміри приєднання до важливих міжнародних інституцій, що уособлюють собою *велику Європу* – Євросоюз і НАТО. З 1990 р. РБ – член Світового банку і МВФ; серед 11 держав, що підписала 1992 р. декларацію про Чорноморську економічну зону; в 1998 р. приєдналася до угоди ЦЕФТА. У 1989 р. РБ заявила про намір стати членом Ради Європи і в 1990 р. одержала статус *спеціально запрошеної* в ПАРЄ. У 1992 р. її прийняли в члени, а в 1994 р. РБ першою серед постсоціалістичних країн головувала в ПАРЄ. У травні 1990 р. РБ уклала з ЄС Угоду про торгівлю й економічну співпрацю, а в грудні Народні збори (НЗ) прийняли рішення про вступ до ЄС. 1 лютого 1995 р. РБ стала асоційованим членом ЄС, розпочала широку співпрацю і зближення законодавства з правовим полем ЄС щодо всіх сфер життєдіяльності суспільства. Спочатку діяла Тимчасова торговельна угода між РБ і ЄС⁶, яка дала РБ формальне право претендувати на повне членство і певні привілеї. У грудні 1995 р. у Мадриді РБ подала офіційну заяву на вступ до ЄС; за це проголосували 212 з 240 депутатів Національних зборів (НЗ)⁷.

У ЄС діє спеціальний порядок приєднання нових країн-членів. Поглиблення ЄІ і розширення географії ЄС ускладнили ці умови і процедуру. Маастрихт заклав новий етап будівництва Європи, визнав необхідність еволюції і розширення власних меж⁸. Сучасні умови приєднання визначає ст. 49 Договору про ЄС, за якою «будь-яка європейська держава, що поважає принципи, викладені в ст. 6 (1), може звернутися з заявою про прийняття її в члени Союзу». *Європейська* – та держава, хоч частина якої лежить у Європі. За цією ознакою європейською є Туреччина, яка готується до вступу в ЄС, і за нею ж у 1987 р. відхилили заяву Королівства Марокко про вступ. Процедура приєднання нової країни до ЄС має ряд конкретних етапів, які країна-кандидат повинна ретельно виконати. Нове – V розширення ЄС, у якому відбувся вступ РБ, якісно відмінне від попередніх, адже ЄС раніше приймав не більше 3 нових членів, а тут йшлося про 12 держав, тобто майже про подвоєння кількості членів. Ареал V-го розширення ЄС різний за етнічним складом, релігією, традиціями і укладом життя народів. Але є й загальне, що дозволяє розглядати їх як особливий регіон, і не лише в контексті приєднання до ЄС: екстенсивний спосіб виробництва; відсутність інституту приватної власності; негативний вплив соціалізму, що викликав слабкість ринкової економіки, громадянського суспільства, демократії, традиційну незахищеність особистості. РБ, як арена суперництва великих держав, не мала безперервної, сильної державності; населення було об'єктом іноземного панування; культура єдиного національного інтересу, яка має велике значення в ЄС, була відсутня.

У Болгарії завжди було відчутне протиборство православ'я й ісламу. Частина території V-го розширення, що була у сфері впливу православ'я й ісламу, відчувала ізоляцію від значних суспільних зрушень Заходу – віх у генезі капіталізму. Усе це – і наслідки, і причини відносної соціально-економічної відсталості. Але завдяки близькості до

Західної Європи болгари взяли з її досвіду те, що так і залишилося недосяжним для народів Росії – *історичний капітал*, на якому і будувались сподівання успішної інтеграції Болгарії в системи ЄС і НАТО.

Однак, щоб інтеграція *працювала* в РБ, формального прийняття основ правової бази ЄС з урахуванням комунітарних досягнень було замало. Потрібне було вільне пересування товарів, послуг, капіталу та людей, розширення і поглиблення *горизонтальної співпраці* у сферах охорони довкілля, науки, освіти і соціальної політики. Звичні західноєвропейські норми вимагали впровадження в життя в іншому суспільному середовищі⁹. Політичні лідери РБ і ЄС розуміли труднощі, пов'язані з розширенням, масштаби втрат, які очікували учасників ЄІ. Очевидним був ризик інтеграції і для ЄС, але вони вирішили взяти на себе відповідальність за розвиток і будь-що йти вперед. Головна причина рішення – відсутність вибору в ЄС. Збереження ЄС як замкнутого угруповання в складі розвинених країн Європи було б не продуктивним. Нестабільність, економічні труднощі країн ЦСЄ, політичні наслідки відмови від вступу в ЄС створили б негативне геополітичне оточення для країн ЄС і завдали б удару ЄІ. Тож, раціональність вимагала поширення ареалу ЄІ на ЦСЄ, незважаючи на труднощі.

10 грудня 1999 р. РБ стала офіційним кандидатом у члени ЄС, а в березні 2000 р. розпочала переговори про членство (разом з Латвією, Литвою, Мальтою, Словаччиною і Румунією). Уряд РБ вважав, що переговори завершаться до 2004 р., а приєднання – у 2007 р.¹⁰. Болгари очікували від переговорів певних переваг: незворотність вибору європейських цінностей, економічну та фінансову стабільність, створення умов для економічного зростання, можливість збільшення іноземних інвестицій, підвищення ефективності дій центральної і місцевої адміністрації, кращу захищеність кордонів держави, вдосконалення системи освіти, охорони здоров'я, соціального захисту. У міжнародному плані РБ очікувала від нового статусу підвищення гарантій національної безпеки і створення рівних з іншими країнами ЦСЄ умов співпраці, активізації вільного переміщення товарів, капіталів і людей, підвищення рівня життя населення РБ.

Але це рішення, на думку західних експертів, було швидше політичним (адже РБ не відповідала економічним критеріям ЄС) – своєрідне схвалення дій уряду І. Костова за підтримку НАТО у війні з Югославією¹¹. 30 червня 1999 р. уряд оголосив про завершення в РБ перехідного періоду. Підставу для висновку дало вирішення важливого завдання структурної перебудови економіки – більшість збиткових підприємств ліквідували чи приватизували, що викликало негативні соціальні наслідки, різке збільшення безробіття – майже 19% працездатних болгар у квітні 2001 р. втратили роботу (в ЄС відповідно – 10,6%)¹². Непопулярні дії уряду принесли поразку на виборах 2001 р., які СДС сподівався виграти. Утім, СДС, попри певні політичні й економічні труднощі, зробив значні кроки по зближенню РБ з ЄС і НАТО. Болгарія як країна-кандидат ЄС узгоджувала 29 позицій по реформуванню економіки, політики, внутрішнього законодавства й економічного зростання до певних критеріїв ЄС, який зобов'язався для цього надати РБ фінансову допомогу по програмах САПАРД, ФАРЕ й ІСПА (щодо сільського господарства, екології, регіонального розвитку тощо) у сумі 250 млн євро щорічно¹³.

Перший пакет з 8 позицій Єврокомісія обговорювала у квітні 2000 р., з яких виконали дві. У кінці року РБ вела переговори з ЄС уже по 15 позиціях, у т. ч. по найскладнішій – *екологічній політиці*. ЄС висував жорсткі вимоги до РБ по 9 секторах: рамкові закони, якість повітря і води, переробка відходів, використання хімікатів, захист природи, промислове забруднення, захист від шуму, генна модифікація організмів. Уклавши великі кошти (8 млрд євро) у зміни законодавства у сфері охорони довкілля, РБ дещо наблизилася до ЄС¹⁴. Такі витрати лише по одній з 29 позицій переговорів (хоч досить

емній) були важкими для РБ, навіть за умови підтримки її міжнародними валютними інститутами, у т. ч. і підготовчим фондом ЄС для країн-кандидатів. За даними МВФ 2000 р., РБ мала найнижчий дохід на душу населення серед 13 країн-кандидатів (\$1507), що вимагало швидкого зростання ВВП і досягнення середнього показника по ЄС¹⁵.

У 2000–2001 рр. болгари збільшили приріст ВВП (на 5 і 5,8%), але майже не скоротили відставання від ЄС. ВВП Болгарії був у 4 рази нижчий від середнього показника по ЄС. На думку І. Ангелова, при щорічному зростанні ВВП на 5% у РБ і 2% у ЄС розрив можна подолати через 40 років. Він вважав, що реально РБ зможе вступити до ЄС у 2010 р., що після прийняття перших 10 країн 2004 р. розширення зупинять до завершення фінансової адаптації нових членів до ЄС¹⁶. Для вирішення значних проблем сільськогосподарства у РБ діяли програми Світового банку (FESSAL-1, 2, 3; ASSAL-1, позики ASSAL-2), які фінансували реструктуризацію галузі. 3 жовтня 2000 р. у РБ діяла фінансована ЄС програма розвитку сільськогосподарства і сільських районів СА-ПАРД (за нею РБ отримала лише у 2000 р. 140 млн євро)¹⁷.

Активно готуючись до вступу в ЄС, уряд 2000 р. ухвалив постанову «Про координацію діяльності з підготовки РБ до вступу в ЄС і проведення переговорів про приєднання», за якою створювалися нові урядові структури: Рада ЄІ з прем'єром і керівниками провідних міністерств; Координаційна рада з підготовки РБ до вступу в ЄС; відділ «Євроінтеграції і відносин з МФО»; Управління ЄІ в складі МЗС; група проведення переговорів про приєднання до ЄС зі спеціальним представником уряду; 30 робочих груп по приєднанню до ЄС у межах уряду. Визначили функції структур і відповідальних за виконання програм¹⁸.

Новий уряд С. Сакскобургготського до кінця 2001 р. вніс у НЗ проекти 20 законів, спрямованих на прискорення адаптації до правових норм ЄС і на вимогу ЄС розпочав розробку ще 27 позицій, з яких 14 виконали до лютого 2002 р.¹⁹. У лютому 2002 р. уряд прийняв «Національну стратегію прискорення переговорів про вступ до ЄС», плануючи до кінця 2003 р. виконати 2 останні позиції (їх виконали у 2002 р.) і завершити переговори. Тож, активізація дій уряду в напрямі ЄІ – очевидна. Після перевірки готовності країн до вступу в ЄС Єврокомісія дала зрозуміти, що у 2004 р. приймуть лише 10 країн, а голова комісії з ЄІ Д. Вилчев вніс пропозицією про включення депутатів від РБ до Європарламенту на виборах 2004 р., щоб представники РБ мали дорадчий голос, а після офіційного вступу в ЄС стали б повноправними депутатами (квота РБ – 17 місць). Деякі країни ЄС підтримали пропозицію Болгарії²⁰. На зустрічі лідерів країн-членів Центрально-Європейської ініціативи в Трієсті (2001) прем'єр РБ запропонував ЄК провести політичне інтегрування РБ в ЄС до економічного, щоб перше розглядалося як запорука другого, зважаючи на успіхи в демократизації інститутів, уніфікації внутрішнього права, дотримання прав людини і етнічних меншин²¹.

До основних перешкод щодо прийняття РБ в ЄС у 2004 р. слід віднести: по-перше, низький рівень соціально-економічного розвитку. Так, у РБ обсяг ВВП на душу населення за валютним курсом складав 7%, а за купівельною спроможністю – 25% від середнього по ЄС. Навіть значне зростання ВВП у 2000-х рр. не дало підстав очікувати швидкого скорочення цього розриву РБ і країн ЄС чи реального прориву в досягненні сталого зростання економіки, що було основною вимогою ЄС. По-друге, РБ займала останнє місце за рівнем іноземних інвестицій. МВФ розглядав РБ, незважаючи на поживавлення в інвестуванні (1999 р. – \$800 млн, 2000 р. – \$1,1 млрд), як країну високих ризиків, а їх обсяг на душу населення (\$134) – низьким навіть для Балкан. По-третє, РБ мала високий рівень безробіття. По-четверте, співвідношення боргу РБ до ВВП склало у 2000 р. 85,7%, а за вимогою ЄС не мало б перевищувати 60%. Зростав зовнішній

торговельний дефіцит – у 2000 р. він складав \$ 1,2 млрд, а в 2002 р. – \$ 1,6 млрд, тобто 11,6% ВВП²². По-п'яте, уряд стверджував, що в економіці домінує приватний сектор (2/3 ВВП РБ виробляли приватні підприємства), і на цій підставі її можна вважати ринковою. А в доповіді МВФ по РБ зазначалося, що в приватному секторі є багато перешкод для розвитку: бюрократія і банки, які не бажають фінансувати бізнес; гальмування конкуренції; відсутність ефективної процедури банкрутства і відхід нежиттєздатних підприємств з ринку²³. По-шосте, провідні галузі економіки РБ відставали від європейських технологічних стандартів. Значні претензії ЄС викликали масштаби тіньової економіки, рівень корупції в РБ, реформи судової системи і заходи уряду щодо оздоровлення болгарської економіки²⁴.

У 1998 р. за дорученням ЄС Інститут дослідження Європи проаналізував настрої населення країн-претендентів на членство в ЄС. У країнах першої групи кандидатів більшість громадян вважала, що після вступу в ЄС їх життя погіршиться; у країнах другої групи думки були протилежні. Так, за приєднання до ЄС в Угорщині висловилися 42% опитаних громадян, у Чехії – 34%, які вважали, що в ЄС діють 2–3 великі держави, міжнародні корпорації, а малому й середньому підприємству країн-новачків немає місця; вступ до ЄС накладає нові обов'язки, перебудову господарства, життєвого укладу, величезних витрат, в основному з власного гаманця. У РБ була найвища серед кандидатів частка людей, які виступали за ЄІ, – майже 75% респондентів²⁵. Подібні результати отримали і в Румунії. За словами керівника дослідження М. Хофмана, ці країни «ще не провели в себе приватизацію, ще не заплатили дорожню ціну за зміни в соціальній сфері, тому вони й очікують так багато від Заходу»²⁶. Ймовірно, що в приєднанні до ЄС болгари вбачали можливість позбутися диктату МВФ, жорстких умов Валютної ради, політичної нестабільності, безробіття, економічних і соціальних негараздів. Дійсно, у процесі ЄІ неминуче діяли і негативні фактори: неспроможність нести фінансовий тягар внесків до ЄС; зростання конкуренції з боку фірм країн ЄС у ході лібералізації і збільшення відкритості національної економіки, що викликало негативні соціальні наслідки. Потенційні переваги європейської інтеграції все ж суттєво перевищували можливі втрати і ризики, як свідчить досвід країн, що обрали цей шлях. Відмова ж від нього для РБ була б перетворенням на відсталу, нестабільну, ізольовану країну-аутсайдера. Тож, потреба модернізації і реформ РБ збігалась з її інтеграційними зусиллями.

Найбільш значимим для РБ став 2004 р., коли відбулося приєднання до НАТО, завершення переговорів з ЄС та її головування в ОБСЄ²⁷. Це сприяло підвищенню іміджу РБ у міжнародних відносинах на початку XXI ст. РБ стала членом ЄС 1 січня 2007 р. Водночас варто зазначити, що членство в НАТО викликало чималі ризики і суперечності у суспільстві. Одним з них є проблема розміщення військових баз НАТО на території РБ, що викликає спротив частини суспільства. Утім, більшість політиків РБ усвідомлюють, що військові бази Альянсу на території РБ – це певна плата за лояльність до держави під час прийняття її в НАТО. Другий ризик – зростання тягаря на бюджет РБ, який виділяється на оборону (2,6% ВВП Болгарії), викликаний необхідністю утримання збройних сил держави на рівні зобов'язань, взятих перед НАТО. «Модернізація болгарської армії – пріоритет болгарського уряду, – зазначив заступник міністра оборони І. Дімітров. – Спільною є думка, що одинадцять пріоритетних проектів, прийнятих урядом у травні 2004 р., приведуть до підвищення обороноздатності збройних сил і до збільшення вкладу Болгарії в колективну оборону Альянсу»²⁸.

Отже, за роки змін РБ значно зміцнила власний імідж у ЦСЄ і світі – вона отримала визнання своїх здобутків у демократизації суспільства, розбудові ринкової економіки, побудові громадянського суспільства, дотриманні прав людини і громадянина, забез-

печенні рівного розвитку представників всіх етносів, які є громадянами держави. Нова геополітична ситуація диктує нові вимоги до Болгарії як члена НАТО і ЄС, утім, породжує і нові можливості, які пов'язані з новою відповідальністю, що постала перед зовнішньою політикою держави.

Широкомасштабні і водночас унікальні соціально-політичні зміни, пов'язані з трансформацією політичної системи і всього суспільства, відбулися за останні десятиліття і в Україні. Вона зробила європейський вибір, проголосила державну незалежність, її національна самоідентифікація як європейської держави була задекларована 5 грудня 1991 р. у Зверненні Верховної Ради України «До парламентів і народів світу» у зв'язку з підтвердженням на референдумі Акту проголошення незалежності України. Європейська мета отримала законодавче закріплення у схвалених 2 липня 1993 р. Верховною Радою «Основних напрямках зовнішньої політики України», де зазначено, що укладання з Європейськими Співтовариствами Угоди про партнерство і співробітництво (УПС) стане першим етапом просування України до асоційованого, а згодом – до повного членства у цій організації. Тема ЄІ – у центрі уваги вітчизняних політологів, чії ідеї щодо місця і ролі України в сучасній Європі склали основу «Стратегії інтеграції до ЄС». Здійснений вченими аналіз процесів ЄІ дозволив визначити практичні кроки створення передумов набуття членства в ЄС, які викладено в Посланні Президента України Л. Кучми до Верховної Ради «Європейський вибір. Концептуальні засади стратегії економічного та соціального розвитку України на 2002–2011 роки».

Подібний курс України підтримував і наступний Президент В. Ющенко, заявивши 11 лютого 2007 р., що мета держави – стати повноправною частиною загальноєвропейської системи безпеки. Нині статус України, Білорусі і Молдови визначено в термінах ЄС як *західні нові незалежні держави*. Розміщені між ЄС та Росією, вони не входять до чинних організацій безпеки. Проте, як пише німецький політик Е. Бар, автор вступу до книги про сучасну Росію і країни СНД П. Шульца, Х. Тіммерманна й Е. Піли, «історичний досвід вчить, що владно-політичний вакуум може зберігатися лише обмежений час, поки не попаде під тяжіння більш могутньої сили. Якщо учасникам поталанить, зміна відбудеться мирним шляхом. Якщо ж діють декілька полюсів сили, це може призвести до розмежувань, як вчить нас абстрактна політична наука»²⁹. З цими думками вченого важко не погодитись.

«Незважаючи на низку суттєвих відмінностей, – вказує О. О. Ковальова, – спільним між державами обох груп (*нових сусідів* ЄС вчена поділяє на 2 групи: балканські – Албанія, Боснія і Герцеговина, Македонія, Сербія і Чорногорія, Хорватія, та східноєвропейські – Білорусь, Молдова, Україна) є те, що спонукає до перетворень на основі цінностей, які поділяються цими країнами, заклики до реформ, виконання Копенгагенських критеріїв членства в ЄС і до адаптації союзного законодавства не розглядаються ані суспільством, ані політичними елітами як достатні для прискореного запровадження європейських політичних, економічних та соціальних стандартів. Для балканських країн основним залишається питання «коли», для Молдови і України – «так чи ні», але в тому й іншому випадках усім державам потрібні додаткові стимули для виконання вимог ЄС»³⁰.

Порівнюючи пострадянські європейські країни, – Україну, Росію, Білорусь і Молдову, – варто зазначити, що, на відміну від країн Балтії, їх взаємини з ЄС цілком інші. Аналіз взаємин Росії з ЄС найперше свідчить про відсутність намірів РФ стати членом ЄС. На відміну від України, Білорусі і Молдови, після V розширення ЄС Росія не стала його *новим сусідом*, адже спільний кордон між ними існує з 1995 р. – моменту вступу до організації Фінляндії. Прикордонне співробітництво Росії з ЄС здійснюється за програмою «Північний вимір», а взаємини ЄС – Росія розвиваються в межах концепції

стратегічного партнерства, що передбачає участь Росії в процедурі спільного прийняття рішень ЄС щодо питань безпеки й оборони. Концепція базується на подоланні спільних загроз, врегулюванні локальних конфліктів (як придністровського), участі у подальшому розвитку *чотирьох просторів* чи *свобод* об'єднаної Європи – вільного переміщення людей, капіталів, товарів та послуг³¹.

У рамках співпраці у квітні 2004 р. офіційно відкрили Постійну партнерську раду «Євросоюз – Росія», але, як свідчать рішення саміту Європейської Ради, ці взаємини залишали бажати кращого і були *наріжним каменем* аж до 2007 р. – завершення дії Угоди про партнерство і співробітництво (УПС)³². Тож очевидно, що розробка нових чи додаткових важелів політичного впливу в межах спільної зовнішньої політики й політики безпеки ЄС була спрямована саме на балканські держави та західні нові незалежні держави – Україну, Білорусь і Молдову.

Новий формат ЄС – і політичне знакове явище, і реальний факт створення могутнього, зростаючого єдиного ринку, покликано змінити економічні позиції і систему безпеки Європи у світовій конкурентній боротьбі. Зросли не лише площа і населення інтеграційного угруповання при досить скромному збільшенні його сукупного ВВП. Важливо, що об'єдналися, з одного боку, високорозвинені, але не надто динамічні країни Західної Європи, з сталими господарськими, соціальними і державними інститутами, які реформуються поступово, а з іншого – здебільшого країни колишнього *радянського блоку*, що посилено змінюються і розбудовують структури ринкової економіки. У більшості нових країн-членів – перехідна економіка. Такі ж риси мають політичні системи суспільств, а це надає динаміки, швидкого впровадження нових інститутів, пристосування до нових реалій³³.

Відомо, що крім ЄС на європейському континенті діють ще декілька міжнародних організацій, мета яких – гарантія безпеки народам, що живуть тут, – ООН, НАТО, ОБСЄ, Рада Європи тощо. Порівнюючи могутній ЄС (у структурі якого вже розпочалося створення Європейської безпекової та оборонної політики – (ЄБОП) і ОБСЄ, бачимо, що відмінність підходів закладена в їх природі: основне завдання ОБСЄ охоплює коло питань гарантії безпеки країн-членів організації, а стратегічний підхід ЄС полягає в проектуванні безпеки назовні – так звана «перша лінія оборони за кордоном»³⁴. Тож, у перспективі зміцнення ОБСЄ залежить від вибору країн-членів ЄС, – вони можуть позиціонувати себе в європейській безпеці поза межами ОБСЄ або чітко дотримуватися власного спільного курсу в цій організації. Проте ОБСЄ – єдина регіональна організація, яка може надати легітимність операціям НАТО й ЄС, ще в 1994 р. за ч. VIII Статуту ООН отримала цей статус і «почала розглядати запобігання кризам та миротворчі операції як виконання своїх функцій»³⁵.

ОБСЄ і ЄС успішно співпрацюють, зміцнюючи безпеку своїх країн-членів та всього континенту. Аналізуючи засадничі особливості їх діяльності, Г. Заворітня пише, що у більшості напрямів діяльності ці міжнародні організації доповнюють одна одну. Вони мають переваги щодо інших організацій, які теж діють у Європі. Вчена, посиляючись на думку неореалістів Р. Коена та Дж. Ная, стверджує, що це сприяє розвитку тіснішої співпраці між організаціями³⁶. Х. Солана щодо цього вважає, що, дбаючи про підвищення ефективності своєї діяльності, ОБСЄ сповна використовує переваги, які дають спільні ініціативи країн-членів ЄС, а натомість ЄС запозичує досвід співпраці ОБСЄ з постсоціалістичними державами ЦСЄ³⁷.

Укажемо, що процес формування зовнішньої політики ЄС актуальний, адже розширення ЄС викликало кардинальні зміни на політичній карті Європи, і відбулося воно разом із структурним реформуванням самої організації. Поєднання чи одночасність

прояву двох цих факторів значно послабило ЄС. Це наводить на думку, що в згаданому контексті залишиться не до кінця вирішеною проблема становлення нового формату відносин ЄС з країнами-сусідами, які не ввійдуть до організації в найближчій перспективі. Крім того, на противагу економічній політиці, у якій країни-кандидати ЄС змушені взаємодіяти з країнами ЄС як з єдиною групою, з питань, що безпосередньо торкаються їх зовнішньої безпеки і захисту, часто можна зауважити протилежну позицію, за якої країни-члени ЄС зазвичай відстоюють найперше суто національні інтереси. Таке домінування державно-національних інтересів країн ЄС у зовнішній політиці над загальними європейськими та зовнішня політика США, спрямована на послаблення ЄС як потенційного конкурента на міжнародній арені (загострення політичних суперечностей між ЄС і США щодо розуміння міжнародних проблем і їх оцінки; різні парадигмальні засади вирішення міжнародних конфліктів і застосування військової сили), ставить у невизначене становище постсоціалістичні країни ЦСЄ.

У цьому плані підкреслимо, що політична еліта України довго визначалася щодо зовнішньої політики, а тому зміни в суспільстві і політична ситуація на континенті поставили перед нею безліч складних питань, пов'язаних з формуванням нового курсу в цій сфері. Українські політики багато говорили про членство нашої країни в ЄС, яке до недавнього часу залишалось одностороннім бажанням, адже ЄС так питання не ставив. П'яте розширення ЄС викликало не лише *насичення*, але й *перенасичення*, *євротому* від розширення. Нині ж, у день інавгурації (25.02.2010) нового Президента України В. Януковича, Європарламент прийняв резолюцію про надання права Україні на подання офіційної заяви про вступ до ЄС та можливість відкриття «дорожньої карти» для українських громадян, тобто безвізового в'їзду в країни ЄС. Причин, чому саме в цей день прозвучала резолюція Європарламенту, можна назвати декілька, але очевидно, що найголовніша – стримати розвиток тісних взаємин України з Росією, спробувати повернути її погляди до ЄС, враховуючи проросійські устремління В. Януковича.

Що означає ця пропозиція ЄС для України? Найперше, укладення Угоди «Про асоціацію», яка має замінити Угоду «Про партнерство і співробітництво», що діяла десять років і термін якої завершився 2008 р. Очікуване тоді підписання нової Угоди не відбулось, хоч у 2007 р. провели 9 раундів переговорів. Угода «Про асоціацію» визначала основні напрями співпраці України з ЄС: політичний діалог та зовнішня політика і політика безпеки; питання юстиції, свободи і безпеки; економічна співпраця; створення повномасштабної Зони вільної торгівлі (ЗВТ)³⁸. За результатами переговорів досягли домовленості щодо перших двох напрямів у повному обсязі і по більшості питань економічної співпраці. Переговори по ЗВТ велись і у 2009 р., адже розпочались після прийняття України до СОТ.

На підсумковій прес-конференції саміту Україна – ЄС, від якого Україна щиро очікувала Угоди «Про асоціацію», Президент Франції заявив: «Сьогодні ми говоримо, що Україна є європейською країною, яка розділяє спільні цінності і спільну історію з Європою. Ми вперше офіційно представили таке формулювання. ЄС визнає європейські прагнення України і вітає європейський вибір України»³⁹. «ЄС вважає, – заявив Н. Саркозі, – що Угода «Про асоціацію» з Україною «не закриває жодного шляху, як і не відкриває жодного шляху», що ЄС цим рішенням хотів ще раз підкреслити спільність цінностей з Україною, спільність історії. Н. Саркозі аргументував це тим, що ЄС не надав йому права робити інші заяви»⁴⁰.

Питання і нині не втратило актуальності передусім в Україні через високі очікування щодо змісту і спрямованості майбутньої Угоди, підписання якої очікували і у 2009 р., і у 2010 р., і взагалі гадали, чи її підпишуть. На перешкоді цьому можуть стати: факт

політичної кризи в Україні; перебування країни в стані перманентних виборів. Європа просто не готова прийняти в своє коло ще одну політично нестабільну країну. Недосконалою є нормативно-правова база, яку наші депутати з великими зусиллями намагаються підвести під європейські стандарти. Україна ще 1994 р. взяла зобов'язання про поступове зближення національного законодавства з законодавством ЄС, але в цьому напрямі рухається занадто повільно. Країни V розширення, поряд з іншими реформами, змогли зробити це швидко, і, як результат, – вони члени ЄС.

Відчутно відсталий економічний розвиток та низький рівень життя українців у порівнянні з громадянами країн ЄС. Українська економіка – по галузях, секторах і підсекторах – не структурована, як це прийнято в ЄС, де діють міцні асоціації виробників і на національному, і на рівні ЄС. У нас же ринкові відносини надто слабкі та ще й *постадміністративні*. Тому довести інформацію й отримати необхідну відповідь від виробників кожного сектора чи галузі – справа вкрай проблемна.

Президент Франції Н. Саркозі висловив переконаність, що Угоду підпишуть, що це мета головування Франції в ЄС у 2009 р., але цього не сталося. Водночас ЄС дав зрозуміти Президенту В. Ющенку, що Україні зарано сподіватися на якісь пришвидшені кроки ЄІ. Європа ще не готова підписати більш важливі документи про політичну й економічну інтеграцію, а Україна, на нашу думку, тим паче. Хоч Угоду «Про асоціацію» і не підписали, проте з'явилися проекти майбутньої співпраці в економічній і енергетичній сферах, у створенні ЗВТ.

За прогнозами аналітиків, якщо буде зафіксоване створення ЗВТ з ЄС, то це знищить національного виробника. Чому? Тому що ЄС створювався півстоліття й існував донедавна найперше як митна територія і ЗВТ. У процесі його створення зближувалися й сфери життєдіяльності колишніх суверенних держав: дипломатія, охорона довкілля, стандарти безпеки життя, конкурентоздатність виробництв і товарів тощо, а згодом і елементи зовнішньої й оборонної політики. Але спільний ринок залишився базою всієї конструкції. Україні пропонується ввійти в ЗВТ на рівні торгівлі товарами, послугами, частково – робочою силою, а в перспективі, про що згадувалося вище, отримати свободу пересування громадян. Брюссель, відкриваючи свій ринок (майже 500 млн споживачів), очікує аналогічного кроку від України. Розуміючи порівняну слабкість ринку в Україні, відсутність законодавчого регулювання, ЄС погоджується робити це поступово, з відстрочкою в нестабільних для України галузях, та асиметрично, швидше й більшою мірою відкриватись самому. Успішний процес перемовин щодо параметрів ЗВТ, що йде з квітня 2008 р. і може тривати кілька років, означатиме практичну інтеграцію економіки України до економіки ЄС, тобто економіки не зближуються, а ми входимо в ринкове і законодавче поле економіки ЄС.

Об'єднання 27 країн має свої правила, стандарти, закони, які пропонує нам прийняти, змінюючи наші, які їм суперечать, і на цій основі наблизитися до ЄС. Важливо, що при цьому ЄС функціонуватиме як єдиний наднаціональний ринок, удосконалюючи своє законодавство, і там, де воно в компетенції країн-членів (національна оборона), теж робитиме поступові кроки до інтеграції. Тобто в переговорах про ЗВТ Україні слід не лише вбачати стан справ у ЄС нині, а й враховувати, куди і як швидко він сам буде інтегруватись. Отже, кризи в економіці України не уникнути, якщо спланувати підписання угоди через рік.

З результатів Саміту також видно, що ЄС не поспішає пом'якшити візовий режим з Україною, хоч про наміри включити цей пункт у майбутню Угоду знову заговорили. Навпаки, країни Шенгену посилили контроль за наданням віз для українців (Франція, Чехія, Польща тощо). Це пов'язано з тим, що Європу в останні 10–15 років заповнили

мільйони нелегалів не лише з України, але й з багатьох інших країн. Україну ж розглядають як основну базу нелегального «трафіку» в Європу.

На думку В. Мартинюка, «Європейський Союз може домовитись з Україною про скасування візового режиму, якщо цей крок не матиме для нього негативних наслідків»⁴¹. А перешкодами на шляху України до безвізового режиму можуть стати: проблема неврегульованості кордонів України з Росією й іншими сусідніми країнами; потоки нелегальної міграції, які проходять через Україну; виїзд українців на нелегальні заробітки до країн ЄС, що посилює рівень безробіття в них; відсутність процедур висилки нелегальних мігрантів з України. Основний потік нелегальних мігрантів до України йде через країни СНД, у першу чергу, Росію. Тут діють два чинники: безвізовий режим з цими країнами, відсутність договорів про реадмісію та рівень захисту українського національного паспорта. Україна ввела нові паспорти громадянина України для виїзду за кордон, відповідно до постанови Кабінету міністрів від 26 червня 2007 р. № 858, але повний перехід на нові паспорти відбудеться не раніше середини 2017 р.

Вважаємо, що нині взаємини Україна – ЄС доцільно розглядати у двох аспектах – політичному й економічному. У першому йдеться про запрошення України в ЄС, і, слід зазначити, що термін офіційного запрошення України до членства в ЄС прямо пропорційний *градусу* конфліктів усередині країни. ЄС може прийняти рішення про членство України лише за умов її політичної й економічної стабільності. Отже, офіційне рішення Україна може отримати лише після остаточного вирішення проблем політичної реформи, перерозподілу владних повноважень між гілками влади, повної відмови уряду від ручного управління економікою⁴². На жаль, в останні роки відчутного поступу в цій сфері в Україні не було, тож держава ще не готова до таких перемовин. Залишається сподіватись, що новий Президент і його команда виконають передвиборчі обіцянки й зокрема ці вимоги. В економічному аспекті позитивна динаміка розвитку держави відсутня.

Коментуючи результати паризької зустрічі, експерт Центру європейських політичних студій Ф. Тассінарі зазначив, що під час Саміту Брюссель розмовляв із Києвом, як і впродовж останніх 2–3 років, і призвело до цього кілька факторів. «По-перше, це побуження ЄС розширення і надання іншим країнам перспективи членства. Ті політики в Україні, які слідкують за подіями в ЄС, усвідомлюють існування суперечностей, що існують у Євросоюзі. По-друге, – вважав експерт, – такі країни, як Італія та держави Бенілюксу, не бажають створювати ще один подразнювач для Росії. Є кілька країн в ЄС, котрі з обережністю ставляться до того, як розвиваються відносини з Росією. Цю політику можна назвати – «Росія на першому місці», а інші країни – вже потім. І ця політика не змінилася»⁴³. Утім, на його думку, від групи цих держав ЄС відокремилися Німеччина та Франція, які зайняли прагматичну позицію. Інші експерти вважають, що внутрішня політична криза в Україні є додатковим аргументом для ЄС, щоб не дати Києву перспективи членства. За словами єврокомісара О. Рена, майбутня Угода «Про асоціацію» між Україною й ЄС принесе тісніше співробітництво у політичній, правовій та економічній сферах, дозволить поліпшити в Україні умови для ведення бізнесу, відкриє доступ до товарного ринку, збільшить обсяги транскордонних поїздок тощо.

Узагальнюючи теоретичні підходи й аналітичні оцінки змісту і перспектив загальноєвропейських інтеграційних процесів, можна дійти висновку про причини значного відставання України від держав ЦСЄ у зближенні з ЄС. По-перше, цілком очевидно, що в Україні, яка не має досвіду власної державності, відсутній і досвід розвитку демократії, традиції демократичної політичної культури, яка в державах ЦСЄ з початком демократизації у 1989 р. стала основою постсоціалістичних суспільних змін⁴⁴. По-друге, навіть при тому, що за змістом економічні стратегії, обрані Україною, відрізнялись від

держав колишнього СРСР і держав ЦСЄ – від *шокової терапії* до ліберальних реформ поступового переходу до ринку, – дистанція між Україною і цими державами лише зросла, коли одні з них стали повноправними членами ЄС, а вона залишилась на невизначений період експортером сировини в Західну Європу. Починаючи з 1993–1994 рр., держави ЦСЄ постійно демонстрували стабільне економічне зростання, а Україна – все ще в затяжному кризовому стані, нині близькому до гіперінфляції. По-третє, налаштовані на розвиток взаємин з Європою політики України загальмували на самому початку трансформації, вчасно не оцінили важливість зв'язку процесу європейської та євроатлантичної інтеграції, а це значно ускладнило розвиток політичного діалогу й економічної співпраці з ЄС. По-четверте, ініційовані Росією нові органи управління в межах СНД (куди увійшла й Україна), при її економічному та політичному домінуванні у Співдружності, відповідно, діяли в її інтересах, адже система економічних взаємин була збудована так, що угоди (найперше двосторонні) розвивали співробітництво між Росією й іншими учасниками СНД за обмеженості зв'язків між іншими незалежними державами. По-п'яте, збереження ситуації, коли в Україні ще актуальна невизначеність щодо європейського чи *совкового* (радянські міфи минулого) способу мислення. Цьому сприяють відсутність консенсусу і непомірний популізм (як в позитивному, так і в негативному плані) провідних політичних сил щодо ЄІ, проблеми з національною ідентичністю, певна дезорієнтація ролі України на пострадянському просторі (відсутність взаємоузгодження в поглядах і пріоритетах Президента й уряду щодо напряму зовнішньої політики), вияви ностальгії і міфологізація минулого, особливо на Сході України, у Криму, незавершеність процесів демократизації в поєднанні з *новими й новішими* реструктуризаціями політичних інститутів.

Таким чином, українським політикам і урядовцям слід пам'ятати, що жодний сусід могутнього ЄС не залишиться поза сферою його впливу. Так, Грузія, яка лежить на протилежному боці Чорного моря, заявляє, що для неї значно важливіше членство в ЄС, ніж у НАТО. Подібні думки про орієнтацію на ЄС висловлюють також Вірменія та Азербайджан. Більше того, у разі, якщо Ізраїль і Палестина мирно врегулюють конфлікт, не слід виключати сценарію, що обидві держави, як і Ліван, теж заявлять про своє прагнення стати членами ЄС. Подібних заяв варто очікувати і від держав півдня Середземного моря у випадку, якщо до складу ЄС ввійде Туреччина. Тож, виграє той, хто швидше прийме необхідні рішення і своєю діяльністю підтвердить реальність намірів. В Україні з'явився унікальний шанс, і саме від політичної еліти і суспільства на загал залежить, як вона його використає, наскільки швидко зможе провести необхідні реформи. Хоч аналіз діяльності ЄС свідчить, що організація прагне до економічної співпраці з усіма сусідніми країнами. Щодо останніх заяв ЄС відносно України, то, на нашу думку, можна стверджувати, що ця стратегія ЄС базується більшою мірою на включенні і прогресивній інтеграції, ніж на питанні про можливе членство.

Дослідження чинного стану взаємодії України з ЄС окремо в кожному з трьох сумарних вимірів Європейської політики сусідства – політичному, економічному та безпеки – свідчить, що ключовим моментом для нашої держави в межах цієї політики слід чітко формулювати відносини на партнерських засадах. А тому, вважаємо, що навіть за умов їх асиметрії щодо потенціалу і можливостей партнерів, Україні варто обличити критичну полеміку стосовно вад розвитку ЄІ, а використати досвід сусідніх Румунії та Болгарії і зосередитись на розробці конкретних двосторонніх програм у тих сферах Європейської політики сусідства, де можна віднайти привабливі пропозиції в короткостроковій перспективі: економіці, інфраструктурі енерготранспортних мереж, освіті та науці. Також зазначимо, що формування і пропозиція власних ініціатив щодо взаємин

з ЄС у форматі Європейської політики сусідства допоможе Україні набути статус самодостатнього партнера ЄС і можливість конструктивно проводити політику ЄІ.

Водночас слід пам'ятати, що й розширений ЄС буде лише економічним союзом. Відсутність у Європі такого ж політичного угруповання, яке б об'єднало 25–30 держав для цілеспрямованого проведення спільної політики безпеки й оборони, значно посилює шанси США на домінування на континенті. Зростання впливу США посилять інтенсивність прагнень європейських країн до згуртування з метою проведення самостійної політики в міжнародних справах і сфері безпеки окремих європейських країн. У зв'язку з цим може значно змінитись і ситуація з Україною. Президентські вибори 2004 р. давали надію, що Українська держава здатна першою подолати той вакуум, у якому виявилась на тлі змін міжнародної політики. Але подальші події внутрішньої політики в Україні перекреслили ці сподівання. П'ять років Україна тупцювала на цій новій стадії, не рухаючись далі, *розгрібаючи* політичні інтриги і протистояння різних політичних сил. Викликає лише подив, як державі вдалось утриматись і не потрапити в сферу інтересів тієї чи іншої потужної сили (наприклад, США чи Росії)? Вважаємо, що найбільш бажаною моделлю розвитку політики безпеки була б та, за якої цілі всіх зацікавлених сторін співпадали б, тоді б вони діяли, підтримуючи стабільність у Європі, а процеси розвитку протікали б мирно і під контролем. Цілком можливо, що ця модель задовольнила б інтереси і ЄС, і України, і Росії.

Отже, Україна, на відміну від Республіки Болгарія, не зуміла настільки ж продуктивно використати перехідний період для трансформації зовнішньої політики в руслі ЄІ та системи безпеки. Попри заяви про європейський вектор цієї сфери політики, реальних реформ чи кроків, спрямованих на перехід заяв у практичну площину, зроблено не було. Очевидно, що українським політикам, усій еліті варто задуматись над використанням того шансу, який ЄС нині дає Україні; посприяти перетворенню держави в цивілізовану, європейську, як це зробили свого часу політики Болгарії. Слід використати болгарський досвід європейської інтеграції, про бажання поділитись яким болгари неодноразово щиро заявляли.

¹ Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский Союз. М., 2002, с. 65.

² Бурдяк, В. І. Республіка Болгарія на зламі епох: політична трансформація суспільства. Монографія. Чернівці, Рута, 2004. 432 с.

³ Шемятенков, В. Г. Европейская интеграция. Учеб. пос. М., Международные отношения, 2003, 7–8.

⁴ Зудинов, Ю. Ф. Болгария: трудный путь в «Большую Европу». – Славяноведение, 1999, № 3, с. 44.

⁵ Все ли одинаково стремятся в Европу? – <http://history.machaon.ru/all/number11/analiti4/europe/zudinov/index.html/11/09/00/>

⁶ Страны Центральной и Восточной Европы..., с. 66.

⁷ Copenhagen Peace Research Institute (COPRI). Working Papers, 1998, p. 17.

⁸ Європейський Союз. Консолідовані договори. К., Port-Royal, 1999, с. 23.

⁹ Барч, Я. Європейська інтеграція – суверенітет – самовизначення. – Економічний часопис, 2000, № 4, с. 3.

¹⁰ Deutsche Welle, 2002, 1 März.

¹¹ Страны Центральной и Восточной Европы..., с. 71.

¹² Анализ на деня. Българите вече не вярват в приказката за царя. – <http://www.focus-news.net>

¹³ Комисия на Европейските общности. Редовен доклад за напредька на България в процеса на присъединяване. Брюксел–София, 2002, с. 14.

¹⁴ Там само, с. 8.

¹⁵ Там само, с. 41.

¹⁶ Страны Центральной и Восточной Европы..., с. 72.

- ¹⁷ Комисия на Европейските общности. Редовен доклад за напредъка на България..., с. 16.
- ¹⁸ *Въжарова, М.* Поредният закон за напредъка на България в процеса на присъединяване. – Стандарт, 2003, 20 ноем.
- ¹⁹ Обръщение на министър-председателя към народа. – 24 часа, 2003, 4 окт.
- ²⁰ *Нончева, Т.* Социални проблеми на присъединяването на Европейския съюз. С., Център за изследване на демокрацията, 2003, с. 11.
- ²¹ Там само, с. 19.
- ²² Паси пак обещава ускорени преговори с ЕС. – <http://www.mediapool.bg/site/bulgaria/bulgaria.shtm>
- ²³ *Въжарова, М.* Вказ. праця.
- ²⁴ *Нончева Т.* Вказ. праця, с. 23.
- ²⁵ МВМД. Политически барометър. – <http://www.MBMD>
- ²⁶ Казусът «Симеон Саксбургготски». Не става дума толкова за гражданството, колкото за наследените имоти. – Строго секретно, 2003, бр. 98, с. 12.
- ²⁷ *Мартинов, К.* 2004 – Европейский год Болгарии. – http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/0601_Bolgaria_SMI.htm
- ²⁸ *Ценов, А.* Оборонная стратегия Болгарии в контексте ее членства в НАТО. – http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/1512_defense_strategy.htm.
- ²⁹ *Piehl, H., P. W. Schulze, H. Timmermann.* Die offene Flanke der Europäischen Union: Russische Föderation, Belarus, Ukraine und Moldau. – In: Berliner Wissenschafts Verl., 2005, s. 9.
- ³⁰ *Ковальова, О. О.* Спільна зовнішня політика і політика безпеки Європейського Союзу: до і після розширення. – <http://www.file:///C:/Documents%20and%20Settings/2/Геополітика і геостратегія 01. 2006>.
- ³¹ Press Release. 26. 03. 2004. – In: Brussels European Council: Presidency Conclusions, 25–26 March 2004. Brussels, Council of the European Union, 2004.
- ³² *Ковальова, О. О.* Вказ. праця.
- ³³ Расширение ЕС на восток: Предпосылки, проблемы, последствия. М., Наука, 2003, с. 3.
- ³⁴ European Security Strategy. Brussels, 12. 12. 2003. – <http://www.ue.eu.int/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>.
- ³⁵ *Steltemeier, R.* Utopie oder Realität? Die EU auf dem Weg zu einer gemeinsamen Außen- und Sicherheitspolitik. 1. Aufl. Baden-Baden, Nomos-Verl.-Ges., 1998, s. 207.
- ³⁶ *Заворітня, Г.* Взаємовідносини організації з безпеки та співробітництва в Європі та ЄС у військово-політичній сфері. – В: Політологічні та соціологічні студії. Зб. наук. праць. Т. 4. Чернівці, Прут, 2006, с. 216.
- ³⁷ *Solana, J.* Die Gemeinsame Europäische Sicherheits- und Verteidigungspolitik – Das Integrationsprojekt der nächsten Dekade. – Integration, 2000, s. 6.
- ³⁸ Нова угода Україна – ЄС не відкриває жодного шляху. І не закриває. – <http://www.nevsru.ua/ukr/9> вересня 2008 р.
- ³⁹ На саміті Україна – ЄС Київ отримав перспективу членства і короткострокового безвізового режиму. – <http://www.nevsru.ua/ukr/9> вересня 2008 р.
- ⁴⁰ *Пасова, Т.* Складнощі перекладу, або Саміт Україна – ЄС у заявах наших та європейських політиків. – Голос України, 2008, 11 вересня.
- ⁴¹ *Мартинюк, В.* Якщо Україна прагне до шенгенської зони. – <http://www.vox.com.ua/data/publ/2008/02/17/>.
- ⁴² Прочинити двері залишаючи їх зачиненими. – Політика і час, 2007, № 2, с. 6.
- ⁴³ На Саміті Україна...
- ⁴⁴ *Бурдяк, В. І., Ротар, Н. Ю.* Політична культура країн Європи у контексті інтеграційних процесів. Чернівці, Рута, 2004. 328 с.

Л. Велева

**МЕЖДУНАРОДНА ДЕЙНОСТ НА БЪЛГАРСКАТА
ТЪРГОВСКО-ПРОМИШЛЕНА ПАЛАТА
И ИКОНОМИЧЕСКОТО СЪТРУДНИЧЕСТВО С УКРАИНА
(1989–2009)**

Българската търговско-промишлена палата (БТПП) е една от най-авторитетните институции в Република България, ползваща се с висок международен престиж. Особено впечатляваща е нейната многообразна дейност през последните години, която ѝ отрежда ролята на важен фактор в икономическия живот на страната.

Палатата е дълголетната институция, чието начало е поставено преди 115 години, когато се създават търговско-индустриалните камари (ТИК) в София, Пловдив, Варна, Русе и Бургас. Те обвързват държавните и частните интереси, превръщат се в своеобразни стопански парламенти, утвърждаващи традиция на модерно поведение, висок професионализъм, предприемчивост и инициативност.

В периода до навечерието на Балканската война (1912) камарите постигат вътрешно изграждане, координират връзките помежду си, работят в своите райони и в национален мащаб. Изпълняват задачи в няколко основни направления: имат съвещателни функции по законопроекты и различни нормативни документи със стопански характер; изследват икономическото състояние в определените им територии; извършват информационно-статистическо обслужване, а също представителство на интересите на производители и търговци; въвеждат практиката на арбитражния съд и специализираните търговски съдилища; по инициатива на ТИК и с тяхно участие се създават първите стокови борси и фондовата борса, първите популярни банки в България; успешно се интегрират с редица други стопанско-административни структури в страната, като изпращат свои представители в стопански учреждения, банки, специализирани комисии, окръжните съвети и пр.¹

Камарите имат историческа заслуга в развитието на професионалното образование, финансират и организират многобройни професионални курсове, откриват първите търговски гимназии, предоставят персонални стипендии за специализация на младежи в страната и чужбина, провеждат популярни беседи по стопански теми за широката публика². Впечатляваща за началото на ХХ в. е осъществената издателска дейност, включваща периодичния им печат, бюлетини, рапорти, писма, правилници, комюникета, годишници, монографични изследвания, протоколи и решения от сесиите, докладите на ТИК и пр. Изобилието на тази специализирана литература изиграва положителна роля за промяната в икономическите нагласи на обществото, за стимулиране на частната предприемчивост, за професионалното и интелектуалното израстване на цяло поколение стопански дейци.

Друга основна част от ежедневната работа е разгърнатата в полето на международните контакти и сътрудничество. Под различна форма са установени трайни връзки със сродни институции, организации, дружества, с отделни изтъкнати стопански и обществени дейци от страни в региона, Европа и света. Чрез поддържана редовна кореспонденция тече непрекъснат обмен на стопанска информация, организират се съвместни делови посещения и изложби, правят се анкетни проучвания, реализират се участия в международните конгреси на търговските камари и асоциации, на други

специализирани международни форуми. Всяка от проявите е израз на взаимен интерес и е многозначителна за своето време.

В началото на XX в., само десетилетие след създаването си, ТИК се радват на всеобщо признание. Поели ролята на „организатор, възпитател, творец и защитник“, те напълно оправдават очакванията да принесат полза на България за нейния икономически напредък и модернизация.

През периода 1912–1918 г. България участва в три последователни войни за национално обединение. В тези трудни и драматични години камарите се адаптират към изискванията на държавното военновремено регулиране на стопанството. Оказват ценно сътрудничество на министерствата и специализираните органи, учреждения и служби в страната. Продължават да се грижат за интересите на частните производители и търговци, като участват в решаването на техни многобройни проблеми, породени от извънредните условия.

В годините между двете световни войни (1919–1939) ТИК продължават да водят редовен институционален живот и да работят в утвърдените направления. Направени са обстоятелни проучвания на районите, публикуват се отчети с ценен материал върху стопанската структура на страната, предлагат се целесъобразни решения за подпомагането на производители и търговци. Към този период трябва да се отнесат препоръките към управляващите по въпроса за българските репарации, нуждата от мораториум върху плащанията, както и от сключването на държавен заем за икономическото стабилизиране на страната. Смели за времето си са инициативите за създаване на свободни икономически зони, каквито има в европейската практика, но началото на Втората световна война осуетява реализацията на този проект³. Продължават усилията в областта на професионалното образование с организиране на временни курсове, подпомагат се търговските гимназии и стопанските училища в районите на ТИК, открито е Висше търговско училище към Варненската камара.

Международните връзки и сътрудничество придобиват нова активност. Създаден е Български национален комитет при Международната търговска камара (МТК) – Париж. Разширяването на двустранните делови отношения намира израз в създаването на смесени ТИК. Такива са: Италианско-българската, Френско-българската, Чехословашко-българската, Австро-българската, Германско-българската, Полско-българската, Британско-българската търговско-индустриална камара. Друга насока, в която се развиват трансграничните контакти, са международните панаири. ТИК защитават позициите на Пловдив като национален панаирен център, стартира и Варненската международна изложба. И двете наши изложби през 30-те години са приети в Съюза на международните панаири (UFI).

След началото на Втората световна война и при промяна във вътрешнополитическата конюнктура в страната управляващите пристъпват към засилена държавна намеса във всички сектори на обществения живот. В резултат е извършена централизация на някои институции, сред които попадат и ТИК. Променени са тяхната структура и наименование. Създадена е Върховна стопанска камара, към която се намират областни стопански камари. Независимо от трансформациите дейността по същество е продължена в традиционните насоки.

След 1944 г. в България настъпват радикални по характер и дълбочина политически, икономически, социални и културни промени, извършени върху основите на една централизирана държавно-планова система. Това налага нов, различен облик и ритъм на цялостния обществен живот. Трансформациите засягат и дейността на институциите, учрежденията, организациите и дружествата. Някои продължават да функционират, други прекратяват съществуването си. Стопанските камари са закрити през 1948 г.

Държавните приоритети за икономическо реструктуриране и темпово развитие, както и започналият процес на интегриране в рамките на СИВ отново връщат някои пре-

дишни институции, доказали полезността си. Така, през 1952 г. Българската търговска палата (преименувана по-късно в БТПП), като наследник на камарите, отново е повикана за активен стопански живот. Вътрешната структура поетапно се променя. Звената се увеличават, диференцират и специализират. Създадени са съвети, Дирекция за защита на индустриалната собственост (Палатата става член на Международната асоциация за закрила на индустриалната собственост), службата на Арбитражния съд (АС), който е първата арбитражна институция в България с компетенции за разрешаване на възникнали спорове по неизпълнение на сключени външнотърговски договори. Уредено е Диспашорско бюро, оторизирано да урежда въпроси при възникване на аварии по море.

През периода 1952–1989 г. дейността се реализира в две магистрални направления: участие и взаимодействие под различна форма с производствено-стопанските структури в страната и осъществяване на българско представителство чрез установяване на трайни международни връзки и сътрудничество. Традиционно е продължено информационното обслужване на производители и търговци със съвременните възможности на мощни технически и комуникационни средства. Собствени периодични издания са: органът на БТПП в „Икономически новини от България“ (излиза на пет езика) и сп. „Българска външна търговия“.

Палатата става помощник на отрасловите министерства и ведомства, на окръжните съвети и стопанските организации при усвояване на научно-техническите новости, за повишаване качеството на промишлената продукция, разнообразяване асортимента на стоките и обвързване на националното стопанство с изискванията на чуждите пазари. Международно-представителни функции се разгръщат преди всичко в рамките на СИВ. Сътрудничеството се извършва под формата на участия в ежегодни съвещания на председателите на търговските палати, както и по силата на сключени дългосрочни програми по въпроси на международните връзки, икономическите организации, патентното дело, панаирната дейност, обмена на делегации и на научно-техническа информация. Разработени са диференцирани програми по групи страни: социалистически, развити капиталистически и развиващи се. Така е канализиран процесът за създаване на солидна мрежа от делови партньорства, което далеч надхвърля установените рамки, разчупва икономическите и идеологическите стереотипи и ограничения.

БТПП открива бюра в страни, с които България няма дипломатически връзки – Израел, Южна Корея, Тайван, Южна Африка и др., с развити държави като Англия, ФРГ, Франция, Австрия, Белгия, Италия, Швеция, Холандия, Дания, САЩ, Канада и т.н. Палатата установява делови контакти с Мениджмънт Сентър, Бизнес Интернешънъл, Международното бюро за изложения, Съюза на международните панаири, Международния търговски център УНКТАД – ГАТТ, Международната организация на труда (МОТ). Естествен резултат от развитието и задълбочаването на отношенията е приемането на БТПП (1984) за асоцииран член на Асоциацията на световните търговски центрове (АСТЦ).

Със своята многообразна и успешна международна практика Палатата има свой принос за икономическото развитие на България, за опознаването ѝ по света и в отстояване на нейния национален престиж.

След 1989 г. в България е поставено начало на знакови събития, които са част от настъпилите промени в страните от Източна и Югоизточна Европа. Разпадането на старите режими на социалистическата система като цяло водят до мащабни последици – в геополитиката, интеграцията, глобалната икономика, в развитието на националните държави, в характера на политическите, правовите, икономическите и културните институти, в ценностите и светоусещането на хората. За пореден път в своята дълга история човечеството се изправя пред голям поврат – Старият континент и светът тръгват по нов път и вече не са същите.

За БТПП също настъпва нов период в институционалното развитие. През 1989–1990 г. тя се утвърждава като водеща работодателска организация. Членовете ѝ по статут са юридически и физически лица, сдружения, съюзи, асоциации, обединения и др., осъществяващи или подпомагащи стопанската дейност. Обхванала представители от основните икономически сектори – производство, търговия и услуги, Палатата се превръща в универсална организация на българския бизнес. Пътят се оказва труден, сложен, в определени моменти и мъчителен, защото процесите засягат в дълбочина всичко и всички – политиката, собствеността, възгледите и мисленето на хората, поколения от които са възпитавани в други ценности. Като част от промяната Палатата повече от всеки друг път е изправена пред необходимостта да прилага внимателен, гъвкав, точен и адекватен подход. Той се реализира чрез съчетаване на вътрешноорганизационно реструктуриране и осъществяване на конкретни мерки през прехода.

Основните насоки в дейността на БТПП се определят от нейната нова роля на посредник между държавата и предприемачеството в условия на изграждащо се пазарно стопанство, разширяване на частния сектор и конкуренцията, при паралелно разграждане на икономическите структури и отношения, наследени от предишната централизирана държавно-планова система и държавен монопол.

Наред с работата в страната Палатата разгръща инициативите си и в полето на международната дейност, която десетилетия наред е била сред нейните приоритети. Мероприятията се осъществяват поетапно, в зависимост от тенденциите в международния живот, както и от промяната в статута на нашата страна като асоциирана, кандидат-член и пълноправна страна-членка на ЕС. По този път към успешно изпълнение на мисията си БТПП вече разполага с натрупан опит, постигнати нива и мрежа от делови контакти и връзки, интелектуален и кадрови ресурс от висококвалифицирани специалисти. Тя е институция със свое лице, отдавна позната в чужбина и ползваща се с доверието на своите партньори. Всичко това се оказва истински капитал, който придобива особена важност за по-нататъшното развитие не само за Палатата, но и за цялото общество.

Интензивността, широтата и размахът на международната дейност на БТПП бележат възходяща линия, особено през периода 2000–2007 г. Доказателство за придобиването на нова роля е нейното участие под различна форма в най-влиятелните и престижни международни организации, каквито са: Асоциацията на европейските търговско-промишлени палати (ЕВРОПАЛАТИ или ЕТР) – Брюксел, Международната търговска камара (МТК) – Париж, Международната организация на труда (МОТ) и Международна организация на работодателите (МОР), Асоциацията на световните търговски центрове (АСТЦ). От международните организации с регионално значение са: Централноевропейската инициатива (ЦЕИ), Инициативата за сътрудничество в Югоизточна Европа (СЕС), Асоциацията на Балканските търговско-промишлени палати, Съветът на деловите среди на Организацията за Черноморско икономическо сътрудничество (ОЧИС).

Палатата става неразделна част от живота на тези институции, внася свой дял в работата им и остава в ритъма на промените. Представителите на БТПП участват в редовни заседания, общи събрания, конгреси, работни групи, международни конференции, икономически форуми, делови срещи. Списъкът на всички участия, който може да се види в отчетите на ръководството на Палатата, наистина е впечатляващ както по брой, така и по обхват и характер на обсъжданите теми, по многообразието на задачите поставяни за изпълнение.

Специални усилия се полагат за развитие на двустранно сътрудничество със сродни институции от различни страни. Това е израз на целенасочената политика на БТПП да отстоява и издига своя авторитет, но също и да отговори на държавните приоритети на България. В това отношение разширяването на деловото сътрудничество с Украйна представлява определен интерес. Икономическа основа са преди всичко украинските инвестиции

у нас, които за периода 1993–1999 г. достигат до 231 на обща стойност 1,3 млрд. щ. д. Преобладаващата част от тях са в промишлеността – 645 411 щ. д. Стокообменът между България и Украйна се движи по следния начин: износ през 1997 г. – 146 305, а през 2005 г. – 81 165; внос за същия период съответно през 1997 г. – 172 613, а през 2005 г. – 702 009 (в хил. щ. д.)⁴. Водещи стоки от България към Украйна са: медикаменти, нефтени масла, акумулатори, необработен цинк, хартии, картони, фотографски плаки, части за кари и др. В нашата страна се внасят предимно каменни въглища, железни руди, желязо, продукти от желязо и др. По обща официална оценка това е недостатъчно и не отговаря на потенциала за развитие на активни търговско-икономически връзки между двете страни⁵. Независимо от подобна констатация все пак Украйна остава в първата десетка на търговските партньори на България⁶. Неусвоен потенциал за сътрудничество има и в ключови сфери, каквито са енергетиката, културата и образованието.

Другата област от икономически интерес е туризмът. В това отношение България е атрактивен пазар на туристически услуги за чуждите граждани. По данни, с които разполага БТПП, през 2002 г. в нашата страна са почивали 39 423 украински граждани, само за година те са се увеличили с 7,5% и общият им брой възлиза на 42 385 души⁷.

Още през 90-те години Палатата инициира поредица от инициативи за установяване на трайни двустранни отношения с различни институции и фирми в Украйна. Предприетите действия пряко и косвено са обвързани с подписаните между България и Украйна спогодби: за насърчаване на инвестициите (1994), търговско-митническа (1995), в областта на туризма (1995), за избягване на двойното данъчно облагане (1995), за морско търговско корабоплаване (1997).

През годините в БТПП се регистрират 55 търговски представителства на украински фирми, 68 фирми с украинска собственост и 112 смесени. Тенденцията е към нарастване, за което сочат данните от 2001 г., когато в търговския регистър вече са вписани 82 дружества със 100% украинско участие⁸.

Задълбочаване на партньорството и сътрудничеството с Украйна БТПП осъществява в рамките на Организацията за черноморско икономическо сътрудничество (ОЧИС). Тя е създадена през 1992 г. от страни на Балканския полуостров, от страни с излаз на Черно море и от Кавказ, сред които са България и Украйна⁹. Прилежащата територия на Черноморския басейн е 834 719 кв. км., населението – 74,2 млн. души. Това обстоятелство и географските особености правят региона решаващ геостратегически кръстопът за бъдещето на цяла Европа.

Основна задача на организацията е да служи като уникален модел за многостранна политическа и икономическа инициатива, която да хармонизира действията на страните – членки на Черноморския район, осигурявайки мир, сигурност и тяхното развитие в дух на приятелски взаимоотношения. И в действителност ОЧИС се утвърждава като единствената институционализирана форма на сътрудничество между държавите от Черноморския район, със свои органи и структури¹⁰.

Сферите на сътрудничество са: борба с престъпността, енергетика, здравеопазване, фармацевтика, институционални реформи, комуникации, култура, наука, технологии, обмен на статистически данни и информация, опазване на околната среда, подкрепа при извънредни случаи, транспорт, туризъм, средства за масова информация, финанси.

Съвместна работа на представители от БТПП и Търговско-промишлената палата на Украйна се осъществява в рамките на експертните работни групи по: търговия и икономическо развитие, банков и финансов сектор, комуникации, енергетика, транспорт, туризъм, наука и технологии, борба с организираната престъпност и пр. Подобно е сътрудничеството и по линия на създадената през 1997 г. Асоциация на търговските палати от Черноморската зона. На следващата година Българската палата е един от организаторите и участниците в бизнес форум, проведен в София.

Представители на БТПП и от украинските институции участват заедно в работата по важни инициативи и програми, каквито са например: Трансграничният газов и петролен транспорт към Европа, Транспортният коридор Европа–Кавказ–Азия (ТРАСЕКА), Паневропейското транспортно пространство и Дунавско-Черноморските сили за бързо реагиране при екологични катастрофи¹¹.

Значението на ОЧИС, респективно на участващите в нея държави, непрекъснато нараства и това се потвърждава от редица факти. Още през 1999 г. ЕС установява постоянен диалог с организацията на основата на приетата „Платформа за сътрудничество“. Днес широката ключова цел е осъществяване на по-силно и устойчиво икономическо и социално развитие на регионите от Черноморския басейн. За нейното постигане по Програмата за действие през периода 2007–2013 г. е предвиден бюджет на европейските инструменти, възлизащ на 17 305 944 евро¹². Програми за развитието на региона са разработени по линия на германския Маршал фонд за изграждане на Черноморски тръст за регионално сътрудничество (2006) и тригодишната програма за развитие на ООН, стартирала през 2007 г. под названиее „Подкрепа за черноморската търговия и инвестиции“.

Утвърдена форма за осъществяване на международни контакти е взаимната размяна на делегации на различни равнища. За последните 20 години БТПП посреща чужди делегации от всички балкански страни, от страните на ЕС, Руската федерация и влизащите в нея републики, Украйна, САЩ, Канада, Индия, Монголия, Япония, Китай, Пакистан, Иран, Ирак, Йордания, Куба, Мароко, Сирия, Ливан, Тайланд, Индонезия, ЮАР, Йемен, Виетнам, Кувейт, Малайзия, Кипър, Алжир, Бразилия и др.

БТПП изпраща свои представители в държави от всички континенти – собствено организирани или като участници в други правителствени и бизнес делегации. Така на практика Палатата успява да поддържа връзки със страните от цял свят. Това дава пряко отражение върху дейността ѝ, която излиза далеч извън границите на България, достигайки нови интернационални равнища. Доказани са нейният потенциал и голямото ѝ обществено признание като водеща експертна организация в тази област. Тя е търсен партньор както от фирмите, така и от държавните институции на всички нива.

През 1998 г. БТПП става домакин на бизнес форум с участието на украинския президент Леонид Кучма, който е на официално посещение в нашата страна. На следващата година през юни визитата е върната и бизнес делегация, организирана от БТПП, придружава президента Петър Стоянов при официалната му визита в Украйна. В състава участват 16 фирми: Металснаб холдинг АД, Металхим холдинг АД, КО „Ганита“, Софарма АД, Ален мак АД, Електроимпекс АД и др. Проведена е среща в Киев, домакин е Търговско-промишлената палата на Украйна. Нейният председател Олексий Михайличенко открива форума, отбелязвайки добрите контакти с БТПП и лично с председателя ѝ Божидар Божинов. Сред гостите е също депутатът Анатолий Кирилович – председател на Комисията по промишлена политика и на Украинския съюз на промишлеността и предприемачите.

Присъстващите обсъждат главно проблеми от областта на промишлената политика и полаганите усилия от Украинския парламент в тази насока. Изтъкнато е обстоятелството, че с президентски указ всички закони, свързани с бизнеса, се съгласуват с Украинската търговско-промишлена палата. В изказванията на българските представители са засегнати проблеми, отнасящи се до: демократичните промени в двете страни, приватизацията и структурната реформа, създаването на новата правна рамка, готовността на БТПП да съдейства за развитието на двустранните отношения. Направени са изводи, че увеличаването на стокообмена зависи от усилията на отделните предприемачи, от бизнес организациите, от БТПП и УТПП. В индивидуалните срещи в Киев взимат участие 15 фирми. МВИВр на Украйна дава прием на българската делегация, на който

домакините подчертават очакванията си България да увеличи инвестициите си в страната и да осъществи съвместно производство.

Делегацията посещава и Одеса, където е посрещната от Сергей Шувалов, председател на Одеската регионална ТПП, и от Стилиян Кирчев от Генералното консулство на България в Одеса. В срещата участват 30 фирми с голям интерес. Тук е важно да се посочи обстоятелството, че в областта живеят много българи с реално присъствие в управлението и техните очаквания са да участват в развиване на българо-украинските делови отношения както в областта, така и в цяла Украйна.

След завръщането на бизнес делегацията у нас са направени няколко предложения¹³:

1. БТПП да подкрепи организирането и провеждането на изложба „Произведено в България“ в Одеса през октомври 1999 г., като за целта се свърже с Центъра за насърчаване на износа към МТТ и Общоевропейския център на българската култура. Съобщението за изложбата да се пусне в интернет и инфобизнес. Съорганизатор – БТПП.

2. Да се проведе среща с Центъра за насърчаване на износа към МТТ по повод на изложбата и по други въпроси от подобен характер, като участието в панаира в Техеран, панаира в Делхи и др.

3. Да се създаде Българо-украински делови съвет, като се покани от украинска страна палатата от Одеса.

4. По повод на успешно проведеното бизнес посещение да се изпратят благодарствени писма от името на БТПП до посланика на България в Украйна, председателя на УТПП и началника на отдел МВИВр на Украйна.

Резултатите от визитата не закъсняват. На 29 ноември 1999 г. БТПП и Търговско-промишлената палата на Украйна, водени от желанието си да съдействат за разширяване на деловите връзки между българските и украинските предприемачи, сключват Спогодба за създаване на двустранни Делови съвети¹⁴. Основа за подписване на документа са разпоредбите по Спогодбата за сътрудничество между България и Украйна от октомври 1995 г.

Деловите съвети към ТПП на Украйна и БТПП са юридически лица и действат като специализирани съвещателни органи към двете палати. Членове могат да бъдат предприятия и организации от двете страни, независимо от формата на собственост. Общото събрание е координиращ орган на Съвета, а Секретариатът негов изпълнителен орган¹⁵.

Целта е да се оказва съдействие на предприятия и организации от двете страни при установяване на нови и развитието на вече съществуващи делови връзки, да се търсят форми и начини за повишаване ефективността на съвместното икономическо сътрудничество в областта на: промишлеността; търговията и инвестициите; събиране, оценка, систематизиране и разпространението на информация за двустранното сътрудничество.

Определени са и конкретните насоки на дейността: разкриване на проблемите, спъващи развитието на търговско-икономическото сътрудничество; изготвяне на предложения за тяхното разрешаване; реализиране на контактни проекти за съвместна работа и представянето им пред държавните органи в случай на необходимост; организиране на срещи, семинари, конференции с представители на украински и български предприятия и организации по въпроси на търговията, научно-техническото и икономическото сътрудничество; съдействие в търсенето на партньори за делови контакти; събиране, систематизиране и разпространяване сред членовете на Съветите на информация, идваща от стопански субекти от двете страни; оказване на помощ за излизане на украински и български стоки на пазарите в двете страни като изпълнение по търговски договори и други форми на междудържавно сътрудничество; извършване на консултации по икономически въпроси по молба на предприятия и организации от двете страни на базата на организационните структури на ТПП – Украйна, и на БТПП; съдействие при организиране на изложби и панаири на украински и български производители.

Реализирането на тези приоритетни задачи се извършва последователно и систематично, като се използват всички възможности на институционално, междудържавно и международно равнище.

В календара на събитията през лятото на 2000 г. са записани важни срещи. На 18–19 юли в София се провежда третото заседание на Междуправителствената българо-украинска комисия за търговско-икономическо сътрудничество. Обсъдени са широк кръг въпроси на икономическите отношения между двете страни и е подписан Протокол за резултатите и решенията от заседанието. Дни по-късно, от 28 до 29 юли, на официално посещение в България е министър-председателят на Украйна Виктор Ющенко. В правителствената делегация участват представители от деловите среди, от ТПП на Украйна и заедно с български колеги от БТПП и бизнеса продължава дискусиата по теми от областта на политическите, търговско-икономическите и културните отношения.

Като пряко ангажирана институция в процеса на развиващите се отношения с Украйна БТПП получава информация от различни държавни, обществени и частни учреждения, дружества, асоциации и пр. за мероприятия, провеждани в тази насока. Затова до председателя Б. Божинов е изпратена резолюция по повод проведената кръгла маса през септември 2001 г. в Одеса, организирана от Асоциацията на Българските национално-културни дружества и организации в Украйна. Във форума участва българска група с представители от Народното събрание и бизнеса. Обсъждани са различни аспекти на основната тема: „Българският принос в развитието на съвременните икономически процеси. Перспективи пред българо-украинските икономически отношения“¹⁶.

В началото на септември 2001 г. отново са осъществени контакти между представители на българските и украинските делови среди, включително от палатите на двете страни. Това става в рамките на официалното посещение в България на президента на Украйна Леонид Кучма. В резултат от визитата е подписан междудържавен договор в областта на социалното осигуряване, сключени са няколко спогодби, както и Протокол между нашата Агенция „Митници“ и Държавната митническа служба на Украйна. Изразена е обща позиция за необходимостта да се активизира взаимното икономическо сътрудничество при спазване на принципите и правилата на Световната търговска организация (СТО).

На следващата година, също през есента, в Киев е проведено четвъртото заседание на Междуправителствената българо-украинска комисия за търговско-икономическо сътрудничество. На сесията са разгледани широк кръг въпроси на двустранните икономически отношения: допълнителни възможности за развитие на търговията; перспективите за сътрудничество в областта на промишлеността (по-специално газовата и нефтената), енергетиката, селското стопанство, туризма, здравеопазването, военнотехническата област; взаимното признаване на работата по сертификацията. На вниманието на участниците в срещата са поставени проблемите, свързани със Спогодбата за сътрудничество и строителството на Криворожкия минно-обогатителен комбинат за окислени руди (сключена през юли 1988 г.), както и Спогодбата за сътрудничество при усвояването на Ямбургското газово находище и др.

В поредицата от визити на високо равнище, които са основен фактор, определящ динамиката в развитието на двустранните отношения е тази през февруари 2003 г. на българския президент Георги Първанов в Украйна. В съпровождащия го екип има представители на бизнес средите и експерти, включително от БТПП. По време на посещението в проведени срещи са обсъдени актуални въпроси на двустранните отношения, като акцент отново е поставен върху търговско-икономическото сътрудничество.

През 2004 г. Министерството на транспорта и съобщенията уведомява Палатата, че през юли във Варна ще се състои петата сесия на Междуправителствената българо-украинска комисия. Според предварителния дневен ред е предвидено провеждане на

паралелен бизнес форум. Министерството иска становище и съдействие от БТПП съвместно с украинските си партньори да организират предхождащ икономически форум през юни, който е проведен успешно¹⁷.

Важна крачка по пътя на задълбочаване на двустранното сътрудничество представлява създаването през април 2004 г. в София на Българо-украински търговско-информационен център „Балкани“. Негови учредители са Украинският съюз на индустриалците и предприемачите, Международната инвестиционна компания „Sigma Bleyzer“ и Българската търговско-промишлена палата. Основните дейности са свързани с представителство на фирми от двете страни, подпомагане на износа, посредническа дейност и консултантски услуги, организиране на изложби, нормативно-законодателно обслужване на български и украински фирми и др.

Следващата инициатива идва от украинска страна – планирано е посещение у нас (за есента на 2005 г.) на Александър Гурев, съветник по икономическите въпроси при президента на ТПП – Украйна. Мисията му е да проведе преговори с БТПП по въпроса за активизиране работата на украинско-българските делови кръгове и изработване на нови форми на сътрудничеството. Поводът е също намерението да се създаде при ТПП – Украйна, на първия в ОНГ Евро-инфо-кореспондентски център. Подкрепата и съдействието, които са поискани от БТПП, са продиктувани от опита, придобит в работата на нейния ЕИЦ, както и на подобната структура при ТПП – Стара Загора. Интерес за украинските партньори представляват също и практическите аспекти по въвеждане в действие на системата КАРНЕТ АТА, успешно прилагана от Българската палата¹⁸.

Посолството на Украйна у нас поддържа контакти с БТПП и по различни въпроси от стопанско естество. Един от поводите е през 2005 г. и във връзка с желанието да се разпространи информация сред заинтересованите български предприятия, компании и фирми. Тя се отнася до дейността на Главното управление на икономиката и инвестициите на Киевската градска държавна администрация, която е разработила своя интернет страница¹⁹. Палатата своевременно е информирана, като една от важните институции в страната, и по други въпроси: за въвеждането на безвизов режим в Украйна за българските граждани; за правителственото решение от 14. I. 2010 г. за внасяне в Украйна на суровини и продукти от животински произход само след предварително проучване от ветеринарните специалисти. Тази мярка е предприета във връзка с предотвратяване разпространението на инфекциозни болести по животните и осигуряване на доброкачествени продукти от животински произход²⁰.

През 2006 г. в духа на партньорските взаимоотношения ТПП на Украйна информира нашата Палата, че на 23. III. 2006 г. във Варна официално е открито нейно представителство. Пълномощен и пълноправен представител е Пламен Ив. Проданов, който е председател на Българо-украинската стопанска камара и изпълнителен директор на „Космос Шипинг“ АД²¹. В информацията са посочени основни цели на представителството:

1. Съдействие при развитието на търговско-икономическите отношения и инвестиционните процеси между България и Украйна и на културно-образователния обмен между тях.

2. Предоставяне на информация за правни, социални, икономически и други условия за развиване на предприемаческа дейност при установяване на контакти между партньорите и тяхната съвместна дейност.

3. Развитие на прогресивни форми на сътрудничество, провеждане на преговори, експертизи, сключване на договори, а също и съдействие при установяване на контакти с държавни учреждения, организации и отделни субекти в стопанската сфера²².

През 2006 г. Търговско-икономическата мисия при посолството на Украйна се обръща към БТПП, за да поиска евентуално съдействие при организирането на визита на

делегацията на Чернигивската областна държавна администрация начело с нейния председател, която ще посети Благоевградска област²³. Целта на посещението у нас е да се изучат нагласите на широката общественост след влизането на България в СТО и НАТО, въздействието от курса на страната за влизане в ЕС върху социално-икономическото развитие на регионите, както и запознаване с българския опит на трансграничното сътрудничество.

По организационни въпроси БТПП се отзовава във връзка с десетия икономически форум на Централната европейска инициатива, проведен на 20–21.XI.2007 г. Тогава са издействани визи и са посрещнати представителите на делегацията от Търговско-промишлената палата на Украйна Виктор Я. Петрович, Леонид Л. Дмитриевич, Сергей Д. Георгиевич и Владимир Б. Ефимович²⁴.

По линия на регионалните ни палати, по-специално на Плевенската, БТПП е поканена да вземе участие в първото изложение на български производители в гр. Николаев – „Произведено в България“. Изложението е под патронажа на губернатора и кмета на града. Темата е „Лека промишленост“: 1) дрехи, трикотажни изделия, парфюмерия и козметика, битова техника; 2) хранителни продукти; 3) туризъм, почивка и здраве²⁵. Главният организатор, фирмата „Експониколаев“, след приключване на изложението изпраща благодарствено писмо за българското сътрудничество.

БТПП се ангажира да разпространи сред своите членове подробна информация, получена от украинска страна. По съдържание тя се отнася до: техниките за осъществяване на експортно-импортни операции; търговската политика на Украйна и нейните направления; мерките за тарифно регулиране, налози, сборове, плащания; митнически такси; данък добавена стойност; акцизен, митнически, единен сбор; нетарифно регулиране; лицензиране и квотиране на външноикономическите операции; процедура за регистрация на външноикономически контракти; сертификация на внасяните в Украйна стоки; санитарно-епидемиологичен, радиологичен, екологичен, фитосанитарен и ветеринарен контрол; регистрация на лекарствените средства и изделия с медицинско предназначение от Министерство на здравеопазването на Украйна; защита правата на интелектуалната собственост; разрешителна система на службата по експортен контрол.

По покана на Украинското посолство БТПП взема участие в III международен инвестиционен форум, проведен на 29–30. V. 2008 г. в гр. Тернопол, Украйна. За събитието са информирани българските търговски фирми и производители. Във форума участват държавни ръководители на Украйна – от правителството, от централни органи на изпълнителната власт, както и представители на дипломатически мисии, международни организации, акредитирани в страната, партньори и потенциални партньори за междурегионално сътрудничество. В деловата програма се включва провеждане на двустранни корпоративни борси по основните браншови направления: промишленост и логистика, агропромишлен комплекс, туризъм и рекреация.

През 2009 г. Палатата проявява своята съпричастност по повод създаването на Сдружение за българо-украинска дружба и сътрудничество. Целта на сдружението е да подпомогне разширяването на връзките между двете страни в икономическата, социалната, интелектуалната и културната област, да допринесе за подобряване на информационния обмен, както и за популяризирането на Украйна у нас²⁶. През същата година XXXIX ОНС организира среща на тема: „Подобряване на икономическото сътрудничество между България и Украйна чрез насърчаване на партньорството между местните власти на двете страни“. В нея от БТПП участие взимат председателят Цветан Симеонов и Валентина Ташева (главен експерт).

През изминалите две десетилетия БТПП реализира богата международна дейност. По своето съдържание и характер тя е функция както на обновения институционален характер, така и на радикалната промяна, която България преживява през този период.

Протичащите мащабни трансформации налагат историческата необходимост да бъдат освободени естествените пътища за стопански и културен обмен Изток–Запад, Изток–Изток. В тези посоки е ориентирана активността на Палатата и максимално са мобилизирани нейният кадрови потенциал и членски състав.

В сложния лабиринт на отношенията в съвременния свят традиционното представителство вече не е достатъчно. Постигнатите контакти от БТПП през десетилетията, в това число и с Украйна, се оказват особено полезни. Те стават сигурна основа за новото ѝ широко навлизане в международното поле. Но най-значимото по този път сега е, че във всяка международна проява Палатата представя и нова национална легитимност, което я прави естествена и неразделна част от интеграционните процеси, от живота на България, Европа и света.

¹ Вж.: *Велева, Л.* Търговско-индустриалните камари в България 1895–1919 г. Организация и дейност. С., 2005.

² Юбилеен сборник на търговско-индустриалните камари в Царството (1895–1920 г.). С., 1920, 82–142.

³ 110 години Българска търговско-промишлена палата. Юбилеен алманах. С., 2004, 49–80.

⁴ По документи на Международния отдел на БТПП, архив – Украйна.

⁵ Пак там.

⁶ *Демура, Александър.* С България може много добре да се търгува. – Болгаро-Українські вісті, 1998.

⁷ Пак там.

⁸ Сътрудничество с ТПП на Украйна. По-важни моменти от сътрудничеството с ТПП на Украйна. – Документи на Международния отдел на БТПП и търговският регистър на Палатата.

⁹ *Георгиева, Е.* България в съвременна Европа, С., 2007, 35–48; Организацията за Черноморско икономическо сътрудничество и България.

¹⁰ Основни органи на ОЧИС са: Парламентарна асамблея на ЧИС (ПАЧИС), Бизнес съвет при ЧИС, Черноморска банка за търговия и развитие, Международен център за черноморски изследвания.

¹¹ Новите измерения на сътрудничеството в Черноморския регион след присъединяването на България и Румъния към Европейския съюз. С., 2008.

¹² <http://bs-ml.eu/upload/docs/BSROP-1.ppt>

¹³ Отчет за командировката в Украйна, направен от Г. Чернев, 11. 06. 1999 г.

¹⁴ Спогодба за създаване на двустранни Делови съвети при Българската търговско-промишлена палата и Търговско-промишлената палата на Украйна. София, 29. 11. 1999 г. За българската страна Спогодбата е подписана от председателя на БТПП Божидар Божинов, а за Търговско-промишлената палата на Украйна – от председателя ѝ Алексей Михайличенко.

¹⁵ Статут на двустранните Делови съвети към търговско-промишлените палати на Украйна и БТПП.

¹⁶ Резолюция на Народното събрание до председателя на БТПП Б. Божинов, вх. №1801/15. 11. 2001 г.

¹⁷ Уведомително писмо от Министерство на транспорта и съобщенията №13-00-904/13. 05. 2004 г.

¹⁸ Писмо от Търговско-промишлената палата на Украйна №2103/01. 01. 2005 г. до зам.- председателя на БТПП г-н Симеонов.

¹⁹ Писмо до БТПП за г-н Б. Божинов от посолството на Украйна №01-08/1-114 от 13. 06. 2005 г.

²⁰ От посолството на Украйна до БТПП и други институции в България, вх. №01-08/1-265 от 28. 12. 2007 г.; От посолството на Украйна, Търговско-икономическа мисия, вх. № 1874/3. 08. 2009 г.

²¹ Писмо от търговско-промишлената палата на Украйна до БТПП, №1655/2. 05. 2006 г. За откриването във Варна пристигат: В. Яновски – първи вицепрезидент на ТПП – Украйна, президентът на Черновицката ТПП В. Ляхович, вицепрезидентът на Одеската ТПП А. Денисенко.

²² Пак там.

²³ Писмо от посолството на Украйна в Р. България № 01-08/1-29 от 07. 03. 2006 г. до зам. председателя г-н Симеонов.

²⁴ Писмо от БТПП, изх. № 1056/23, 10. 2007 г. до Дирекция консулски отношения при Министерството на външните работи, директор Ив. Сираков.

²⁵ Писмо до БТПП от областния управител на област Плевен, № 741/04.06.2007 г.

²⁶ Писмо от Сдружението за българо-украинска дружба и сътрудничество до БТПП, вх. № 365/ 10. 02. 2009 г.

Д. Саздов

**НАЧАЛО НА ТЪРГОВСКО-ИКОНОМИЧЕСКИТЕ ВРЪЗКИ
И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ БЪЛГАРИЯ И УКРАИНА
(В УСЛОВИЯТА НА ПРЕХОД
КЪМ ДЕМОКРАТИЧНО-ПАЗАРНО СТОПАНСТВО)
13 декември 1991 – началото на 1993 г.**

Икономическите връзки и отношения между Украйна и България имат дълбоки корени. Бързам обаче да добавя, че до началото на 90-те години на XX век в голяма степен те са обвързани с цялостната икономическа структура на Руската империя, а след 1917 г. – на СССР. След политическите промени в България и разпадането на Съветския съюз (от края на 80-те и началото на 90-те г.) започва да се търси нова, пазарно-демократична основа на икономическите отношения между двете държави.

Добра основа за новата икономическа насока са съществуващите дотогава икономически връзки на България с Украйна, която е не само втората по територия и население република в бившия СССР, но и по-близка като съсед отколкото Русия. Разбира се, най-същественят потенциал на значимите търговско-икономически връзки до края на 80-те години и след това се крие в структурата на украинското и българското стопанство. Те имат възможност да се допълват и да разнообразяват съществуващите ниши в стопанствата си чрез взаимните полезни търговско-икономически връзки. В това отношение ще посоча, че Украйна притежава значителен потенциал в такива сектори, като машиностроенето, телекомуникациите, аеронавтиката, текстилната промишленост и селското стопанство. Тя разполага с мощна отбранителна индустрия, значителен научен потенциал и постижения в областта на новите технологии, отговарящи на световните стандарти¹.

Наред с всичко това украинската държава разполага с богати природни ресурси на въглища, на желязна руда, находища на манган, варов каолин, никел, титан, редки метали, сяра, каменна сол и др.²

Важно значение в междудържавния обмен на Украйна има преработващата промишленост. В това отношение приоритетна позиция в националната икономика заема черната металургия. Към нея може да се прибавят цветната металургия и химическата промишленост³. Не на последно място е и селското стопанство. Около 95% от земята в Украйна е плодородна, а това са предимно черноземни почви. Средногодишният добив на зърнени храни е около 40 млн. т. (1993 г. – 45, 6, 1994 г. – около 35,5 млн. т.). Страната е и голям производител на захарно цвекло, слънчоглед (маслодаен, изнася се на ниски цени – 240–260 долара за тон) и др.⁴

От българска страна основа за взаимни търговско-икономически връзки с Украйна са добре развитите отрасли на хранително-вкусовата промишленост, на химическата и електротехническата индустрия, на селското стопанство, на мебелната, циментовата и керамичната индустрия и още някои отрасли на тежката и леката промишленост и др.⁵

Икономическата основа на Република България и създадените още в Съветска Украйна търговско-икономически връзки и сътрудничество са добра перспектива за разви-

тието им в бъдещото пазарно стопанство. Преходът към капиталистическо стопанство в Република България и Украйна започва през 90-те години на XX в. Това е времето, когато двете държави, разполагащи вече с икономически и политически суверенитет, трябва да развият търговско-икономическото си сътрудничество в процеса на изграждане на пазарно, капиталистическо стопанство.

При създадената нова международна обстановка в Европа и света, след падането на Берлинската стена и разпадането на СССР между Република България и Украйна на 13 декември 1991 г. се установяват дипломатически отношения. Малко преди това, в условията на протичащите процеси в Украйна на откъсване от Русия и обособяването ѝ като самостоятелна икономическа и политическа държавна структура, се установяват контакти между Киев и София относно продължаване на търговско-икономическите връзки в новите условия. В началото на ноември 1991 г. представители на българското правителство (на Д. Попов) водят преговори с украински упълномощени лица. В резултат на техни решения на 5 ноември 1991 г. по поръчение на министър Атанас Папаризов за Киев заминават двама български експерти, за да подготвят споразумение за доставка на електрическа енергия и въглища от Украйна срещу български стоки. Такива са съхранявани в складове и оценени на 4 млрд. долара. Срещу част от тях българската страна разчита да получи необходимата електроенергия⁶.

Съществуващият авторитет и доверие между двете държави е достатъчно основание за украинските власти още на 6 ноември да „включат шалтера“ и да пуснат електрическа енергия за България. Това с радост е съобщено от българския генерален консул в Киев Петър Иванов на кореспондента на БТА по телефона⁷.

Междувременно разговорите на българската и украинската делегация продължават. Очаква се подписването на двустранен договор за доставка на електроенергия срещу внос на български стоки.

В същото време (на 6 ноември 1991 г.) Борис Елцин и Леонид Кравчук подписват политическо и икономическо споразумение между Русия и Украйна. По силата на него Русия предоставя дървен материал за украинските мини в Донбас. Това дава възможност България да получи и договорените количества въглища. На 6 ноември късно вечерта в Москва се подписва и договор за икономическа общност. С подписите на министър-председателите Витолд Фокин и Валериу Муравски в него се включват Украйна и Молдова. По този начин е отстранена и заплахата на Молдова от 5 ноември, че може да спре износа на електроенергия за България по електропровода „Дружба“, минаващ през нейната територия, поради рязкото съкращаване на доставките на електроносители от бившите съветски републики. Очаква се, че с този акт Молдова ще регулира отношенията си с останалите 9 републики от икономическата общност⁸.

Установяването на нови търговско-икономически отношения между Украйна и България започва обаче да се натъква на все нови и нови препятствия. Киев, независимо че подписва икономическия договор на новата политическа общност, започва да разработва и свои собствени национални икономически планове⁹. Стремехът е с тях да се утвърждават държавният суверенитет и независимостта на страната. Това в началото на самостоятелното развитие на Украйна е свързано с подписани договорености от съветско време в рамките на Съвета за икономическа взаимопомощ и с България. Така стремехът към икономически суверенитет практически засяга и връзките на Украйна с България. От Киев настояват България да се откаже от съществуващите бартерни споразумения с властите в Москва и да премине към пряко снабдяване на украинския пазар¹⁰.

В същото време България има голяма нужда от бързи доставки на въглища и електричество. За българското правителство в момента (края на 1991 г.) няма друга алтернатива.

Изправено пред липса на избор, то е принудено да приеме на първо време предложението на Киев. Започва бърза преоценка на стоките, които могат успешно да се реализират на украинския пазар. Това обаче се оказва труден проблем. Традиционните български хранителни продукти не се търсят така масово в Украйна, както на по-северния пазар. Допълнително възниква и друг проблем – нуждите и на Украйна от енергия¹¹.

Следва спадане на енергийния внос и бързо споразумение с Гърция за енергийни доставки на въглища и електричество. В същото време официални представители от Българския държавен комитет по енергетика отлитат за Киев, където настояват да се спазват съответните договори по енергийните доставки. За голяма изненада те получават твърд отказ за спазване на договореностите, постигнати по-рано тази година в Москва. Правителството в Киев не се счита вече за обвързано с тези договорености и предлага преразглеждането на всички съветски търговски споразумения, отнасящи се до енергетиката¹². Нещо повече, на българските експерти, пристигнали в Киев на 5 ноември 1991 г., им се заявява, че за 1992 г. България ще получи 1,5 млрд. квч. електроенергия вместо досегашните 4,5 млрд. Що се отнася до цената, тя също е увеличена на 9 цента на киловатчас, което е два пъти повече от международната¹³.

Положението на енергийната система на България в края на 1991 г. започва да става все по-критично. Възможностите за доставки от Турция и Югославия може да се окажат също невъзможни. Турция сама се нуждае от внос на електроенергия, а Югославия е заплашена от икономически санкции срещу Сърбия. Компенсиране на енергийните нужди чрез засилване на производството в единствената българска ядрена централа в Козлодуй е невъзможно. В нея се извършват ремонтно-възстановителни работи и електроцентралата работи само с 1/3 от капацитета си. Водените споразумения с Европейската общност за компенсации все още са в „задънена улица“. За София все повече като единствена алтернатива се очертава бързото реагиране на главозамайващия темп на политическите промени в бившия Съветски съюз, като развие по-добри отношения с Украйна¹⁴.

Създадената икономическа и политическа конюнктура принуждава българските енергийни предприятия да търсят по свои пътища възможности за сделки. Така се стига до българо-украински електробартер за доставка на 500 млн. квч. електроенергия от Украйна до края на 1991 г.¹⁵ Заслугата за това е на няколко български енергийни предприятия. Варненското „Електроизграждане“ успява да договори с Украйна на бартерна основа първоначално доставката на 50 млн. квч. електроенергия. Първите 15 млн. квч. са получени още през октомври. Срещу тази доставка варненското предприятие трябва да реконструира подстанции в Одеса и да извърши монтажа на градски кабелни мрежи в градовете Одеса, Херсон и Николаев. При това споразумението е трудът да се извърши с български работници и материали. Така с тази сделка се осигурява работа и на кабелния завод в Бургас¹⁶.

На 15 ноември 1991 г. в Киев е подписано още едно споразумение с украинските власти. В преговорите от българска страна освен варненското предприятие „Електроизграждане“ участват и софийските „Енергоимпекс“ и „Елпром“. По силата на това споразумение на варненското предприятие е възложено да осигурява кабелната продукция, която трябва да бъде равностойна на 150 млн. квч., а на софийските – електрическите съоръжения и кари на стойността на 300 млн. квч. електроенергия¹⁷.

Тази сделка е малък опит да се компенсират загубите от отказа на Киев да изпълнява междуправителственото споразумение на България с бившия Съветски съюз за доставка на 4,5 млрд. квч. електроенергия. Въпреки това сделката е „глътка въздух“ за българската енергийна система, която до края на годината получава от 300 до 400 мега-

вата енергия в денонощие¹⁸. Сделката е и опит от българска страна да се търси директен път към украинските енергодоставки за България. Сложено е началото на самостоятелно търговско-икономическо сътрудничество с вече суверенната украинска държава.

Доказателство за търсенето на практическо директно икономическо сътрудничество е и проведеният в Киев през януари 1992 г. първи етап на научно-практическата конференция „Пазар, бизнес, икономика, технологии“ с участието на български и украински специалисти. Домакин на втория етап се предвижда да бъде България. На конференцията се обсъждат проблемите и перспективите на предприемаческата дейност и на приватизацията в Украйна и България. Споделен е и опитът на двете страни в прилагането на новите технологии в машиностроенето и металургичното осигуряване¹⁹.

За издигане на авторитета на българския бизнес допринася и голямата строителна фирма „Главбулгарстрой“. В началото на 1992 г., по програма, финансирана от германското правителство, трябва да започне строителство на жилища за семействата на завръщащите се от Германия руски, украински, белоруски и пр. военнослужещи в Съветската армия. Изпълнението е възложено на 200-годишния концерн „Hohtif“. Той е известен със строежите си в цял свят, но не и на територията на бившия Съветски съюз. В обявения търг за подизпълнители участва и най-голямата българска строителна фирма „Главбулгарстрой“²⁰. Кандидатстват и много други фирми. „Главбулгарстрой“ предлага ниска цена на проекта и ниски месечни заплати на работниците (750 щатски долара). Предпочетена е обаче не заради ниските цени, а в резултат на високата оценка за качеството на нейната работа. Мнението на германците е, че без българската фирма не биха се справили с украинските реалности и краткия десетмесечен срок за изпълнение. Договорът с „Главбулгарстрой“ се подписва на 15 февруари 1992 г. На 29 април българската фирма започва строителството на тези обекти в гр. Староконстантинов. Участват 4500 български работници. Строителството окончателно завършва на 10 септември същата година.²¹

Построен е комплекс в Староконстантинов със силно впечатляващ външен вид. Разбира се, бързата и качествена работа на българските строители се дължи и на голямата парична инвестиция, отпусната от Германия, и не на последно място е резултат от пословичната немска прецизност, недопускаща никакви компромиси относно високото качество на строителните работи.

Наред с участието на „Главбулгарстрой“ в основната строителна дейност около стотина други български фирми са ангажирани с поръчки за работа около селището в Староконстантинов²². Всичко това допринася за развитието на търговско-икономическото сътрудничество между България и Украйна.

Дадените положителни оценки за работата на българските фирми в украинското селище впоследствие стават за много от тях добър трамплин към европейския строителен пазар.

Подетата отдолу инициатива за възстановяване на разрушени търговски „мостове“ се засилва през следващите месеци на 1992 г. През март българо-украинското предприятие „Интерприборсервиз“ открива в София изложба на стоки за бита. Предлагат се изчислителна техника, електронно оборудване, осветителни тела, медицинска и домакинска техника, порцелан и др. Разрешава се сключването на сделки в левове и рубли²³.

През април в Одеса се провежда украинско-български бизнес форум, на който се взема решение за учредяване на съвместна асоциация на предприемачите – „Украйна–България“. Създадената асоциация има за задача да съдейства за установяване и развитие на взаимноизгодно сътрудничество между двете републики. Предвижда се и създаването на обща информационна банка, която да бъде в помощ не само на бизнесмените

от двете държави, но и на бизнеса на други заинтересовани страни²⁴. Сериозен принос за организирането и дейността на този форум има президентът на българската фирма „Юникорн-Корона“ Венцислав Видински²⁵. По това време (пролетта и лятото на 1992 г.) правителството на Съюза на демократичните сили с министър-председател Филип Димитров не проявява никаква инициатива за възстановяване и преустройство на нарушените търговско-икономически връзки с Русия и бившите съветски републики. Близка до позицията на българското правителство е и тази на президента Ж. Желев. При тридневното си посещение в Москва през октомври 1991 г. той се среща само с руския президент Борис Елцин и пледира „за безпрецедентен договор за приятелство между Русия и България“²⁶. Среща с президента Горбачов обаче не е осъществена.

Необходимостта от икономически контакти с бивши съветски републики, особено с Украйна, започва остро да се чувства от българските икономически структури. Затова и тяхната дейност за осъществяването на търговско-икономическите отношения с Украйна се засилва. Български частни бизнесмени отново пътуват за Украйна през май 1992 г. Този път заминава екип на крупната фирма „Мултигруп“. Целта на посещението е да се установи контакт с украинските бизнес среди и да се сключи споразумение за инвестиции през следващите две години в металургията, химията, хранително-вкусовата промишленост и др. Предвижда се инвестираната сума само до края на 1992 г. да достигне 500 млн. щатски долара. „Искаме да намерим модел, заявява президентът на фирмата „Мултигруп“ Илия Павлов, който да обхваща целия цикъл, от финансирането до реализацията на готовата продукция.“²⁷

За разширяване на българо-украинското икономическо сътрудничество активират дейността си и други фирми. През юни 1992 г. българо-украинската фирма „Славин Мак“ от София и фирмата „Екопан“ от Малко Търново започват организирането на широкомащабна бизнес среща. Тя трябва да се проведе от 12 до 17 октомври в един от най-големите промишлени, научни и културни центрове не само на Украйна, но и на бившия Съветски съюз. Този център е град Харков, който е основан през 1655 г. и в момента населението му наброява около 2 млн. души, отбелязват организаторите²⁸.

Предвижда се в харковската зала „Уникорт“ да се съберат над 400 фирми от цял свят. Отчитайки големия потенциал на Харков и нарастващото значение на Украйна за Европа, организаторите предвиждат този бизнес форум да стане традиционен. За това се разчита и на добрия организационен опит на фирмата „Екопан“. Само за две години от своето съществуване тя успява да организира първия българо-белгийски бизнесфорум, отличен с почетния знак на гр. Льовен, както и първия българо-турски бизнесфорум, каквото е голямото наше изложение в Истанбул. Съвместно с центъра „Гадесо“ в Палма де Майорка „Екопан“ управлява и международната програма „Увертюра“ на Европейската общност²⁹. Като се има предвид всичко това, с основание може да се твърди, че двете фирми се готвят да бъдат и икономически „мост“ между Украйна, България и Западна Европа.

Изключително голямо значение за реализирането на тази идея се придава на украинския речен флот. От 1991 г. той вече има свое представителство в България, което е базирано в крайдунавския град Лом, а негов представител е Константин Иванович Забавин. Предназначението на представителството е да организира превоза на стоки и пътници от пристанищата на Украйна до дунавските градове на Европа³⁰.

За значимостта на този речен път за Украйна може да се съди и от факта, че след Втората световна война (1947) по нейно предложение се създава Дунавската комисия. Участието на Украйна в нея обаче е узурпирано през 1948 г. от прочутия с имперската си политика съветски външен министър Андрей Вишински. Сега, „след

43 години ние отново сме членове на Дунавската комисия“, с радост и задоволство заявява К. И. Забавин³¹.

Политическите и икономическите промени в бившите социалистически страни силно снижават стокообмена през 1991 г.³² До края на 1992 г. или в краен случай през 1993 г., обменът на товарите ще бъде възстановен, смята К. И. Забавин. Надеждите му се подхранват от факта, че към есента на 1992 г. украинския речен флот работи вече активно с 22 държавни и частни фирми. Към това може да се прибави и факта, че всеки месец се установяват десетки други връзки. Възстановяват се стари контакти с български фирми и се създават нови. Всичко това довежда до нарастване на обслужвания стокооборот от украинските кораби на 960 тона. От тях на българските пристанища от Силистра до Видин се разтоварват мебели, въглища, кокс и железен концентрат. А от тук украинските кораби си тръгват натоварени с калцирана сода, електрокари, акумулатори и др.³³

Възможности за задълбочаване на икономическите връзки между България и Украйна се създават и от установяващите се междурегионални контакти. Например след посещение на силистренска делегация в гр. Хмелницки, водена от председателя на общинския съвет Васил Калинов, се откриват търговски представителства в съответните градове. Споразумението определя откриването им до края на 1992 г. с „пробен“ срок от три месеца, а едновременно с това да се изградят и търговски центрове³⁴.

В силистренската делегация са включени и ръководители на по-големи фирми от региона. Те водят разговори с ръководствата на украински предприятия за осъществяване на съвместна дейност и сътрудничество³⁵.

От общината на гр. Хмелницки е отправено предложение силистренски строители да изградят в украинския град бизнес център върху площ от около 8 хил. кв. м. Ръководствата на двата града предвиждат и провеждането през 1993 г. на седмици на Украйна и България³⁶.

Подобни контакти за сътрудничество през ноември 1992 г. се установяват и между българския град Добрич и украинския областен център Кривоград. Договорено е за добричките производители да се открие магазин в Кривоград, в който да се продават стоки на хранително-вкусовата промишленост, на текстилната и обувната промишленост, конфекция и други, произведени само в гр. Добрич³⁷.

Кметовете на двата града подписват и договор за дружба и сътрудничество. С него се предвижда създаването на смесено украинско-българско предприятие в селскостопанското машиностроене и бартерен обмен на метали, технологии и оборудване. Кривоградското ръководство поема задължението да организира и авиационни полети до Добричкия район³⁸. Това е свързано с традиционните в близкото минало летни почивки на украинци по Северното българско черноморие.

Подетата инициатива отдолу на български и украински фирми, на регионални областни и общински кметски ръководства и други е навременна. Със своята дейност всички те се стремят в известна степен да компенсират пасивната политика в междудържавните отношения на тогавашните правителства в Киев и София. Изключение прави само подписаният на 5 октомври 1992 г. от правителството на Филип Димитров и тогавашното украинско правителство „Договор за приятелски отношения и сътрудничество между България и Украйна“, който е ратифициран със закон от Народното събрание едва при следващия кабинет, на проф. Любен Беров, на 17 март 1993 г.

Времето между подписването на Договора и неговото ратифициране се оказва „инфартно“ за българската икономика. Това е свързано с недалновидната икономическа политика на българските правителства на Д. Попов и Ф. Димитров, които не осигуряват

с предварителни договорености стратегически важни за България енергийни продукти. В това отношение стратегически партньор за страната ни се оказва Украйна, откъдето през годините на социализма за България се доставят електроенергия и въглища. На-влизайки в своите преходни периоди към пазарното стопанство, правителствата в Киев и София, ангажирани с множество глобални за страните им политически проблеми, оставят на заден план икономическите въпроси между тях. В самия край на 1992 г. обаче това се оказва с изключително негативни последици за България.

В началото на декември Националната електрическа компания (НЕК) съобщава, че през последните две седмици на ноември 1992 г. два пъти намаляват доставките на ток от Украйна. А липсата на пряка връзка с енергийната система на Русия прави невъзможен вноса на електричество оттам. Невъзможно е и транспортирането на електрическа енергия през руска територия³⁹.

Кризата в кабинета на СДС принуждава НЕК сама да търси възможност на електроенергия от други страни. В същото време НЕК отправя молба към Европейската общност за отпускане на парични средства. Очаква се проблемът да бъде разгледан⁴⁰.

В дните преди Нова година пред големи трудности е изправено и параходство „Българско речно плаване“. Заповед на новия министър на външноикономическите връзки на Украйна забранява износа на стоки с украински произход. Сред тях са и въглищата. За лицензираните сделки разпореждането е да се преразгледат. Контролът за изпълнението на тази заповед е възложен на митническите служби в пристанище Рени⁴¹.

Силно намалява работата на българското параходство през последната година и поради югославските събития и наложеното върху Сърбия ембарго. Това води до получаване на нови разрешителни от украинските власти за износ на стоки. Необходимото време за обикаляне на украинските ведомства и министерства за получаване на необходимите лицензи, според изпълнителния директор на българското параходство Димитър Станчев, е поне един месец. От тези действия на украинските власти следват множество загуби за българския речен флот и за множеството фирми, ползващи се от неговите услуги⁴².

В същото време падащото вече правителство на Филип Димитров (СДС) вместо да търси пътища към разумно сътрудничество с бившите съветски републики, с които България има значими икономически зависимости, приема на 28 декември 1992 г. постановление, с което от началото на 1993 г. гражданите на бившия Съветски съюз при влизането им в България трябва да представят на граничните пунктове по 40 щатски долара или друга валута в същия размер за всеки ден престой в страната. В началото на 1993 г. руските власти се обръщат с молба към новия кабинет на проф. Л. Беров за по-гъвкава политика в това отношение през първите дни от влязлата в сила разпоредба. По-остра обаче е позицията на Украйна. Още на 5 януари заместник-началникът на украинското консулско управление в София Виктор Кирик заявява, че за българите, посещаващи Украйна, също ще се въведе изискване за 40 щатски долара дневна валута за срок най-малко от 1 седмица⁴³.

В българския енергиен сектор положението се усложнява, резултат преди всичко от неразрешените на държавно равнище енергийни отношения с Украйна. Основно вината е на правителството на СДС, оглавявано от Филип Димитров, което не предприема необходимите действия за регулиране на съществуващи споразумения с бившите съветски републики на нова, пазарно-демократична основа. Нещо повече, със своята пасивност към тях то последователно води българската енергетика към бъдещ колапс. Обективно развиващите се политически събития в Република България водят до падане на правителството на Ф. Димитров на 30 декември 1992 г.

От началото на 1993 г. НЕК и правителството на проф. Любен Беров започват да търсят перспективни пътища за българската енергийна система.

През първите дни на януари 1993 г. в ръководството на НЕК и Комитета по енергетика има пълно разминаване относно реалното състояние на българската енергийна система. Заместник-председателят на Комитета по енергетика Щерьо Щерев заявява, че „енергосистемата е достигнала предела на възможностите си поради липса на гориво и ще бъде въведен режим на тока“⁴⁴. Председателят на НЕК Дянко Добрев смята, че енергийната ни система „не е достигнала предела на възможностите си“⁴⁵. Той признава, че има затруднения в доставката на въглища за ТЕЦ „Русе“ и „Бобов дол“, отчасти и за ТЕЦ „Марица изток 2“. Според него обаче все още „натоварването на централите не е достигнало възможния максимум и НЕК не планира каквито и да е ограничения“⁴⁶. Оптимизмът на Д. Добрев идва и от факта, че продължават пусковите операции на втори блок на АЕЦ в Козлодуй и само след 7–8 дни той ще заработи с пълно натоварване. Спокойствие предизвиква и резултатът от срещата в Русия на експерти от НЕК с ръководството на завода – производител на атомно гориво и с представителите на руската външно търговска централа, която единствено се ползва с правата за износ на този продукт. Направените уточнения предвиждат в близките дни да бъде подписан и договорът за доставките⁴⁷.

Новото българско правителство, оглавявано от проф. Л. Беров, започва да се отнася с отговорност към енергийните проблеми на страната. Още с идването си на власт то започва да търси контакти с Киев за отстраняване на възникналите затруднения относно украинския износ на енергийни източници за България. Очаква се (до дни) преговори на правителствено равнище да освободят задържаните кораби с въглища на украинските пристанища и да се премахнат възникналите ограничения върху износа за България на енергийни източници⁴⁸.

Българските инстанции, свързани с отношенията ни с Украйна, приемат наложеният режим на износ на енергоносители за България за временна мярка. Отчита се, че външно търговският баланс на Украйна, който е в „полза“ на вноса (100–150 млрд. долара внос срещу 9–10 млрд. долара износ), четвъртото място на България като търговски партньор на Украйна, съществуващата широкорамкова търговска спогодба между двете държави и наличието на оторизирани търговски банки за разплащания между тях да ускорят премахването на наложения едностранен режим⁴⁹.

Създадената „база“ на икономически взаимоотношения между България и Украйна дава възможност още през януари 1993 г. току-що дошлото на власт ново правителство в България да подготви и изпрати за преговори в Киев група експерти, водени от вицепремиера и министър на търговията Валентин Карабашев. Правителството на Л. Беров е сериозно обезпокоено, тъй като българската енергетика почти изцяло се задоволява с внос на украински въглища⁵⁰. Задачите на делегацията са да преодолее въведеното ембарго от украинското правителство в началото на януари 1993 г., което засяга някои български вносители⁵¹; да се възстановят спрените доставки на въглища от Донецкия минен басейн⁵²; да се обсъди въпросът за доставки на електроенергия; да се разгледат проблемите на взаимната търговия и перспективите за сключване на международна спогодба, която да я улеснява; да се иска от Украйна квота за износ през 1993 г. на 2,5 млн. тона въглища, крайно необходими за топлофикационните предприятия⁵³; да се обсъди и възможността за разширяване на търговския стокообмен между двете държави през 1993 г., залегнали в подписаната на 5 октомври 1992 г. междуправителствена Спогодба за търговско-икономическо сътрудничество за срок от 10 години⁵⁴, като се уточнят стоките и механизмите на разплащане⁵⁵.

В резултат на водените преговори в Киев между зам.-председателя на Министерския съвет на Република България Валентин Карабашев и зам.-председателя на Министерския съвет на Украйна Юри Йоффе на 22 януари 1993 г. е подписан протокол. С него и двете страни се задължават да реализират подписаната Спогодба (5 октомври 1992 г.) за търговско-икономическо сътрудничество и плащания между правителствата на България и Украйна. Постигнати са договорености за провеждане на преговори за доставка от Украйна в България на 2,5 млн. тона енергийни въглища, да се съгласуват цените, качеството и сроковете за доставка и да се подпишат съответните договори. Експерти от двете страни трябва да проведат и преговори за доставка от Украйна за България на 2 млрд. квч. електроенергия, като съгласуват сроковете за доставката в течение на годината и да подпишат съответните договори⁵⁶.

Тази принципна договореност българската делегация обсъжда на срещите си със зам.-председателя на Министерския съвет и министър на икономиката В. Пинзенек, с министъра на външноикономическите връзки на Украйна Герец, с министъра на енергетиката Гриценко с и председателя на Комитета по въглищна промишленост Сургай⁵⁷. На тези срещи се обсъжда и по-широк кръг от въпроси за двустранните търговско-икономически отношения.

Основната цел на делегацията, посетила Киев, е да се изяснят причините, довели до спирането на доставките на енергетични въглища за България и набелязване на срочни съвместни мерки за тяхното възобновяване. Обсъдени са и въпросите за доставката на електроенергия от Украйна. В хода на преговорите е изяснено, че причините за спирането на доставките на въглища за България са взети решения от правителството на Украйна за въвеждане на нов режим по износа и вноса на стратегически важни за страната стоки, в т.ч. въглища и електроенергия⁵⁸. Предвижда се да се въведе централизиран режим на квотиране и лицензиране. Целта е да се осигури преди всичко изпълнението на държавните договорености на Украйна по износа и вноса. След изпълнението на тези поръчки се предвижда да се разреши сключването на директни договори за износ⁵⁹.

В хода на преговорите българската делегация договаря с украинските власти квота за внос на въглища (2,5 млн. тона) и електроенергия (2 млрд. квч.) през 1993 г. В същото време е подписан и конкретен договор за доставка на 1,2 млн. тона въглища с качествени показатели, отговарящи на изискванията на ТЕЦ – Варна, и ТЕЦ – Русе, между НЕК на Република България и „Укруголсбит“. Последната организация е определена от правителството на Украйна да извършва доставките по държавна линия. Товаренето и експедицията на въглищата започва още от 23 януари, като България ще плаща в щатски долари по цени, окачествени от вицепремиера В. Карабашев за нормални, съответстващи на международните. Нещо повече, договорено е сумата, която Украйна ще получи от българския внос, да се използва за закупуване на български стоки. То ест поставена основа за големи бартерни сделки между двете държави, което ще компенсира липсата у тях на големи количества твърда валута. Относно останалото количество до 2,5 млн. тона се водят преговори. Очаква се подписването на нов договор⁶⁰.

По време на краткия си престой българската делегация води и интензивни преговори за сключване на договор за внос на 2 млрд. квч. електроенергия. Появилите се различия в цените и по графика на доставката спират подписването на договора⁶¹.

Крайният резултат от водените преговори е очакване първите доставки от въглища да пристигнат в България в началото на февруари 1993 г. Налице са и предпоставки за преодоляване на трудностите при преговорите за внос на електроенергия и за подписване на договора в скоро време⁶².

При преговорите по целия комплекс от въпроси, свързани с подписаната през октомври 1992 г. търговска спогодба, се взема решение през февруари 1993 г. в София да се проведе първото заседание на междуправителствената комисия. Заседаващите експерти трябва да съставят списъци за доставките на по-важните стоки между двете страни за 1993 г., да се съгласува механизмът за разплащане, като се подготви и подпише банково споразумение. Още от тези предварителни разговори на българската делегация става ясно, че Украйна изпитва остра необходимост от внос на медикаменти, парфюмерия и козметика, цигари, храни, подемно-транспортна техника, електрооборудване, машини и оборудване за хранително-вкусовата промишленост и др.⁶³

От разгледаните проблеми и поставените задачи при посещението на българската правителствена делегация в Украйна става ясно, че двете държави са на път да изградят нова структура за търговско-икономическите си връзки, отговаряща на демократичното пазарно стопанство, към което те решително вървят през последните години. Установените делови работни контакти с правителството на Украйна са основание да се счита, че е преодолян и натрупаният „вакуум“ в двустранните отношения от първите 1–2 години на прехода към пазарно стопанство.

Една от първите задачи на българското правителство след завръщането на делегацията от Украйна е да се заеме с недоразрешените въпроси. Висящ остава въпросът за вноса на въглищата над 1,2 млн. тона до договорената квота от 2,5 млн. тона. Не е решен окончателно и въпросът за вноса на 2 млрд. квч. електроенергия от Украйна.

През февруари 1993 г. в България пристига украинска делегация от експерти за преговори с НЕК. В хода им се обсъждат всички условия по договора за внос на 890 млн. квч. електроенергия от Украйна през 1993 г. Пътищата за доставката на това количество са договорени и приети. Неуточнен остава само въпросът за цените. Украинската делегация нямала необходимите пълномощия по този проблем, още повече, че Украйна настоява за допълнителни 3 цента за квч. електроенергия, което е неприемливо за НЕК. Водят се и преговори част от сделката да бъде бартерна. На 18 февруари 1993 г. НЕК и „Укринтеренерго“ подписват договор за доставка на електроенергия, съобщава за печата членът на Управителния съвет на НЕК Трифон Цветков. Този договор ще важи до март 1994 г. „и предвижда паралелна работа на нашата и украинската система и износ на енергия, която да покрива баланса по график съгласно прогнозата“, обяснява Т. Цветков. А до края на февруари, допълва той, предстоят още разговори с украинците за договаряне на цената⁶⁴.

Междувременно българското правителство в лицето на зам.-председателя на Министерския съвет и министър на търговията В. Карабашев започва да се подготвя за втора междуправителствена среща с украинска делегация, договорена през януари в Киев. Посещението на украинската правителствена делегация начело с Ю. Йоффе – зам.-председател на Министерския съвет, се осъществява от 8 до 14 март 1993 г. Предварително е предвидено да се проведе по същото време първото заседание на Междуправителствената българо-украинска смесена комисия по въпросите на търговско-икономическото сътрудничество между двете държави. Предвижда се да се подпишат Спогодба за създаването на тази комисия и Протокол за търговско-икономически и научно-технически връзки с Украйна за 1993 г. Трябва да се съставят и индикативни списъци за доставките на по-важните стоки между двете страни, както и да се съгласуват въпросите по механизма за разплащане, като се подпише съответно банково споразумение⁶⁵.

Експертите на украинската делегация пристигат още на 5 март, за да съгласуват подготовения от българска страна Проект за протокол за търговско-икономически връзки и научно-техническо сътрудничество, който се явява допълнение към утвърдената Спогодба от правителствата на двете страни⁶⁶.

На 11 март 1993 г. вицепремиерите на България и Украйна – Валентин Карабашев и Юлий Йоффе, подписват одобрения от двете преговарящи страни Протокол за търговско-икономическо сътрудничество през 1993 г.⁶⁷ Той е допълнение на подписаната Спогодба за търговско-икономическите отношения и плащания между двете държави. В документа са фиксирани стоките от първостепенно значение. Уточнени са номенклатурата и обемът на стоковите листи по двустранния износ. Приложени са и индикативни списъци на стоките по централизирания експорт и импорт. Тези индикативни списъци за стоко-оборота между двете страни нямат задължителен характер, но с тях се дава по-голяма гаранция за българските търговци, че договорените количества и стойности ще бъдат изпълнени⁶⁸.

В приложените към Протокола индикативни списъци на стоките се предвижда Украйна основно да достави през 1993 г. на България 2 млрд. квч. електроенергия, 2,5 млн. тона въглища, прокат от черни метали, машини, 10 000 тона ленено семе, електрозаваръчно оборудване, химически продукти, мебели за 45 млн. карбованеца и др. България съответно ще осигури 300 000 тона калцинирана сода, 100 000 тона бензин и дизелово гориво, 10 600 акумулатора, по 2 000 електро- и мотокара, кабели за 42,5 млн. щатски долара и др.⁶⁹

В Протокола за търговско-икономическото сътрудничество се предвижда още средствата, които украинската страна ще получава от износа си за България, изцяло или отчасти да бъдат използвани за внос на наши стоки в Украйна. Те ще постъпват в избраната от българското правителство Банка за земеделски кредит⁷⁰.

В края на преговорите Валентин Карабашев и украинският му колега Юлий Йоффе подписват и споразумение за създаване на междуправителствена комисия по въпросите на търговско-икономическото сътрудничество между двете държави. Задоволството си от подписаните документи Юлий Йоффе изразява, като казва, че още щом се завърне в родината си, ще се разпореди да стартира товаренето на въглищата⁷¹.

С подписаната Междуправителствена спогодба за търговско-икономическите плащания между Република България и Украйна през октомври 1992 г. и явяващия се като допълнение Протокол за търговско-икономическо сътрудничество, подписан през март 1993 г., се полагат правните основи за развитието на търговско-икономическите връзки и отношения през следващите години между двете държави. За Украйна и България те са своего рода трамплин към пазарно-демократичното стопанство. Еднаквото наследство и общите проблеми на двата народа създават и микроклимат на позитивизъм или частичен негативизъм в процеса на начален търговско-икономически преход между двете държави. В крайна сметка с много умение, професионално отношение към проблемите и чрез перманентно регулиране на възникващите препятствия от правителствата на Украйна и България в първите месеци на 1993 г. завършва началният етап на преходния период към пазарно-демократично стопанство в техните търговско-икономически връзки и отношения.

¹ Централен държавен архив (ЦДА), ф. 259, оп. 46, а. е. 270, л. 29.

² Пак там. Само залежите от въглища се оценяват на около 50 млрд. тона (през 1993 г. са произведени 115,7 млн. тона). Делът им в общия енергиен баланс е над 30%; залежите на желязна руда възлизат на около 30 млрд. тона; мангановите находища са около 2,3 млрд. тона и т.н. (ЦДА, ф. 259, оп. 46, а. е. 270, л. 29).

³ Пак там, л. 29, 30.

⁴ Пак там, 35–43.

- ⁵ Пак там.
- ⁶ Българска телеграфна агенция (БТА), Бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 309, 5 ноем. 1991; 24 часа, бр. 173, 6 дек. 1991; Бюлетин на БТА „Светът за България“, 7 ноем. 1991. Коментар на Стивън Ашли по Радио Би Би Си на 6 ноември за възможни перспективи в отношенията между Украйна и България.
- ⁷ БТА, „Международна информация“, теми, събития и факти на деня, бр. 310, 6 ноем. 1991.
- ⁸ Пак там; Труд, бр. 215, 7 ноемв. 1991.
- ⁹ Бюлетин на БТА „Светът за България“, 7 ноем. 1991; Коментар ...; Труд, бр. 215, 7 ноем. 1991.
- ¹⁰ Бюлетин на БТА „Светът за България“, 7 ноем. 1991. Коментар на Стивън Ашли ...
- ¹¹ Пак там.
- ¹² Пак там.
- ¹³ 24 часа, бр. 173, 6 ноем. 1991.
- ¹⁴ Бюлетин на БТА „Светът за България“, 7 ноем. 1991; Коментар на ...
- ¹⁵ БТА, бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 330, ноем. 1991; Варна, 26 ноември. Българо-украински електробартер.
- ¹⁶ Пак там.
- ¹⁷ Пак там. По други източници България е трябвало да получи между 850 и 900 млн. киловатчаса електроенергия (Дума, бр. 285, 16 ноем. 1991).
- ¹⁸ БТА, бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 330, ноем. 1991.
- ¹⁹ БТА – Справочна редакция „Международна информация“ теми, събития и факти на деня, бр. 24, 24 ян. 1992.
- ²⁰ БТА – Справочна редакция, в. „Пари“, бр. 12, 19 ян. 1993.
- ²¹ Пари, бр. 12, 19 ян. 1993.
- ²² Пак там.
- ²³ Отечествен вестник, бр. 13894, 18 март 1992. Украинската държава все още не е приела своя парична единица. Това ще стане през ноември 1992 г., когато рублата официално се заменя с карбованец. Той се използва временно като преходна валута. Украинската официална валута – „гривня“, се въвежда по-късно (ЦДА, ф. 259, оп. 46, а. е. 270, л. 32, 33).
- ²⁴ С цел улесняване обслужването на операциите по износа и вноса оторизираната от правителството на Украйна банка „Укррексимбанка“ открива собствена текуща сметка в Банка за земеделски кредит – София. В нея са акумулирани приходите по реализирания износ на стоки от Украйна, които са използвани за разплащане на износа на българските стоки за Украйна (ЦДА, ф. 259, оп. 46, а. е. 270, л. 23).
- ²⁵ БТА – Справочна редакция. МИНФ (международна информация), теми, събития и факти, бр. 104, 13 апр. 1992; Демокрация, бр. 89, 14 апр. 1992.
- ²⁶ Бюлетин на БТА „Светът за България“, 7 ноем. 1991; Коментар на Стивън Ашли ...
- ²⁷ Отечествен вестник, бр. 395, 6 май 1992.
- ²⁸ Демокрация, бр. 149, 24 юни 1992; 24 часа, бр. 173, 21 юли 1992.
- ²⁹ *Кокушкин, Лев.* Среща в Харков. – Демокрация, бр. 149, 24 юни 1992; 24 часа, бр. 173, 21 юли 1992.
- ³⁰ Демокрация, бр. 211, 4 септ. 1992; БТА, бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 251, 7 септ. 1992.
- ³¹ Демокрация, бр. 211, 4 септ. 1992.
- ³² До 1990 г. годишния товарооборот между България и Украйна е бил над 1 млн. тона. (Демокрация, бр. 211, 4 септ. 1992; БТА, бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 251, 7 септ. 1992).
- ³³ Демокрация, бр. 211, 4 септ. 1992; БТА, бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 251, 7 септ. 1992.
- ³⁴ БТА, бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 270, 26 септ. 1992.
- ³⁵ Пак там.
- ³⁶ Пак там.
- ³⁷ БТА, бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 327, 22 ноем. 1992.
- ³⁸ Пак там.
- ³⁹ Дума, бр. 289, 3 дек. 1992.
- ⁴⁰ Пак там.
- ⁴¹ БТА, бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 365, 30 дек. 1992.
- ⁴² Пак там.
- ⁴³ Континет, бр. 3, 6 ян. 1993.
- ⁴⁴ Стандарт, бр. 129, 9 ян. 1993.
- ⁴⁵ Пак там.
- ⁴⁶ Пак там.
- ⁴⁷ Пак там.

⁴⁸ В този момент от Украйна са внесени само 350 млн. киловатчаса електроенергия. При евентуално спиране недостигът можел да се покрие с произвежданите 440 млн. киловатчаса от втори енергоблок на АЕЦ. Откъсването на енергийната ни система от украинския енергиен резерв обаче, уточнява председателят на НЕК Дянко Добрев, би затруднило нейното регулиране (Стандарт, бр. 129, 9 ян. 1993). А това вероятно крие опасности или загуби от друг характер.

⁴⁹ Временното ограничаване на износния режим от Украйна внася смут и във вече изградените доста стройни отношения на български фирми с бизнеса в страните от ОНД (Труд, бр. 8, 12 ян. 1993).

⁵⁰ Континент, бр. , 22 ян. 1993.

⁵¹ От българска страна се приема, че причините за това не са свързани с България, а са вътрешнополитически (БТА бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 20, 20 ян. 1993). Ембаргото на въглищния експорт е за всички клиенти. В резултат на него 800 000 тона въглища стоят в украинските пристанища Мариупол, Рени и Бенджане (Демокрация, бр. 17, 22 ян. 1993).

⁵² Според експерти на НЕК и Министерството на търговията нямало основание за голяма тревога, тъй като причините за енергиен поток от въглища вероятно са свързани с „реорганизиране на експортния процес“. Смята се, че България има и достатъчно запаси (Отечествен вестник, бр. 14111, 21 ян. 1993). По някои сведения на НЕК, обаче тецовете във Варна и Русе имат гориво само за 10 дни (Демокрация, бр. 17, 22 ян. 1993). НЕК вече е подписала договори с различни фирми за внос на около 890 000 тона въглища от Украйна. Те обаче не се изпълняват поради въведения ограничителен режим върху износа на енергоизточници. Допълнително са подписани договори за още 350 000 тона. Квотата за България трябвало да се уточни след преговори с българското правителство (Стандарт NEWS, 22 ян. 1993).

⁵⁴ Същия ден в България на официално посещение е президентът на Украйна Леонид Кравчук (Отношения между Република България и Украйна. Справка, предоставена ми от Министерството на външните работи на Република България; ЦДА, ф.259, оп. 46, а. е. 267, л. 43).

⁵⁵ Отечествен вестник, бр. 14111, 21 ян. 1993; Стандарт NEWS, 22 ян. 1993; Отношения между Република България и Украйна. Справка... Предвиждайки и непреодолими трудности около преговорите с Украйна, българското правителство си поставя като задача в бъдеще да диверсифицира вноса на въглища. Експерти от НЕК, Комитета по енергетика и Енергоимпекс започват да разучават възможностите за внос от Русия и средноазиатските бивши съветски републики – главно Казахстан (Отечествен вестник, бр. 14111, 21 ян. 1993).

⁵⁶ ЦДА, ф. 259, оп. 46, а. е. 267, л. 46, 47. Протокол за състоялите се преговори между Зам. председателя на Министерския съвет на Р. България В. Карабашев и зам.-председателя на министерския съвет на Украйна Ю. Йоффе (Киев, 22 ян. 1993).

⁵⁷ ЦДА, ф. 259, оп. 46, а.е. 267, л. 43–45. Доклад до министър-председателя на Р България Л. Беров относно резултатите от посещението на българската правителствена делегация в Украйна от 21 до 23 ян. 1993 г. Докладът е с дата 25 ян. с. г.

⁵⁸ Пак там.

⁵⁹ Пак там; БТА, бюлетин „Вътрешна информация“, бр. 23, 23 ян. 1993; Дума, бр. 19, 25 ян. 1993.

⁶⁰ Пак там.

⁶¹ Пак там.

⁶² Пак там.

⁶³ Труд, бр. 41, 19 февр. 1993; 24 часа, бр. 46, 10 февр. 1993; Пари, бр. 15, 22 ян. 1993.

⁶⁴ ЦДА, ф. 259, оп. 46, а. е. 267, л. 50. Докладна записка на В. Карабашев до министър-председателя Л. Беров от 3 февр. 1993 г. относно посещение на правителствена делегация на Украйна в Р. България.

⁶⁵ ЦДА, ф. 259, оп. 46, а.е. 267, л. 50, 51.

⁶⁶ Стандарт NEWS, бр. 189, 12 март 1993.

⁶⁷ Пари, бр. 49, 12 март 1993; Стандарт NEWS, бр. 189, 12 март 1993; Дума, бр. 58, 12 март 1993; Демокрация, бр. 58, 12 март 1993.

⁶⁸ Стандарт NEWS, бр. 189, 12 март 1993; Дума, бр. 58, 12 март 1993; Демокрация, бр. 58, 12 март 1993; Пари, бр. 49, 12 март 1993. Подробно изписаните стоки от индикативните списъци виж публикувани в: Пари, бр. 88, 7 май 1993.

⁶⁹ Пари, бр. 49, 12 март 1993.

⁷⁰ Пак там; Дума, бр. 58, 12 март 1993.

⁷¹ Пак там.

Е. П. Стоянова

**СУЧАСНА МОВНА СИТУАЦІЯ В БОЛГАРІЇ:
МІЖ ЯСКРАВИМИ ПЕРСПЕКТИВАМИ
ТА ПЕСИМІСТИЧНИМИ ПРОГНОЗАМИ**
Огляд наукової, навчально-методичної літератури
та суспільно-політичної преси

Чи можна вимірювати значущість мови лише показниками території її поширення або кількості носіїв? Відомо, що давня болгарська мова була першою літературною мовою слов'ян, що розповсюдилася з другої половини IX ст. по усьому слов'янському світі та дала поштовх утворенню сучасних літературних східних та південних слов'янських мов. Але як сучасна болгарська літературна мова вона є пізнішим продуктом у порівнянні з багатьма спорідненими ідіомами. Праобразом академії наук у Болгарії стало Болгарське літературне товариство, що утворилося на громадських засадах у 1869 р. у м. Браїла (Румунія). Його завданням перш за все вважалася обробка та удосконалення національної болгарської мови. Тодішні засновники Товариства розглядали створення спільної писемної мови як засіб консолідації населення країни, ідентифікації народності, її відокремлення від інших етносів. Стандартизована ж мова завжди була і є фундаментальною основою підпорядкування суспільства державним інституціям.

Дихотомія мова/держава набули особливого значення з 01.01.2007 р., після вступу Болгарії до ЄС. Інститут болгарської мови є членом Європейської асоціації національних мов – EFNIL, яка займається дослідженням проблем мовної екології (еколінгвістики), збереженням т. зв. малих мов, яким загрожує зникнення, незважаючи на розуміння об'єктивного існування процесів інтернаціоналізації. У сучасній соціолінгвістиці для надання тій або іншій мові статусу великої чи малої, окрім показника кількості людей, що користуються нею в межах ЄС, з'явилася ще й нова категорія *соціолінгвістичний капітал*, яка враховує комунікативну компетентність носіїв цієї мови, особливості мовної політики та планування, що застосовуються з метою розвитку та функціонування даного ідіому. «Із наданням болгарській національній мові статусу офіційної робочої мови в межах ЄС, – зазначає один з піонерів болгарської соціолінгвістики А. Пачев, – тільки починається велика робота по пристосуванню болгарської спільноти до багатомовної Європи. Зокрема з 01.01.2007 р. усі законодавчі акти і документи важливого політичного значення публікуються і болгарською мовою. Таким чином, з одного боку, закони ЄС стають необхідними для виконання всіма громадянами Болгарії, а з іншого, у компетенцію болгарської судової системи обов'язково входить обізнаність з документацією, що надає можливість виносити відповідні вирoki з метою покарання за невиконання цих законів.

Окрім законотворчої сфери, болгарська мова може використовуватись державними та недержавними інституціями, бізнес-структурами, окремими громадянами у 27 країнах ЄС. Вимагає забезпечення довідковими ресурсами – дво- та багатомовними словниками, включаючи як малі, так і великі мови, активізація економічних відносин, збільшення кількості робочих місць у новому інформаційному просторі, у тому числі

і ЗМІ. Різні владні структури мають неоднакові мовні режими: Єврокомісія користується англійською, німецькою та французькою, а важлива публічна інформація перекладається всіма офіційними; Європарламент працює з усіма офіційними мовами; Регіональний та Соціально-економічний комітети використовують диференційований підхід у залежності від адресної цілеспрямованості того або іншого документу.

І все ж з метою збільшення *соціолінгвістичного капіталу* необхідно, незважаючи на надання болгарській національній мові офіційного «робочого» статусу у ЄС, рухатись у напрямі інтеграції, враховуючи основні фактори успішності цього процесу: місця на європейському ринку, відповідного рівня у соціолінгвістичній ієрархії з метою включення до соціолінгвістичної мережі¹.

З точки зору авторитетного етнолінгвіста П. Бордіо, «сучасний всесвіт є суцільним ринком, що складається з низки взаємодіючих та покриваючих один одного ринків, де як *обмінний капітал (товар)* виступають мови, які подібно до інших споживчих товарів продаються та купуються. Якщо на мову є попит, вона приносить прибуток, і це дає можливість купити інші потрібні мови. Після їхнього продажу ще і ще раз повторюється акт купівлі/продажу, і таким чином нагромаджується *мовний капітал*, який одночасно є й фінансовим. За таких умов суб'єкти політики і планування беруть участь у продажу мови, не вказуючи ціну товару, але застосовуючи важелі до його просування як на зовнішньому, так і на внутрішньому ринках, заохочують конкуренцію між учасниками цього процесу. Їхні адресати знаходяться на різних щаблях соціальної структури – це і вчені-лінгвісти, і вчителі-філологи, робітники різних ланок місцевого самоврядування і обов'язково – пересічні громадяни, кожний у складі своєї родини як основної ланки суспільства. При цьому всі заходи не обов'язково повинні бути експліцитними – на найнижчому рівні ефективнішими виявляються неформальні зв'язки 'face to face'. Вони допомагають подоланню інерції опору та дистанціювання по відношенню до нових норм усередині суспільства. Найбільшою увагою соціолінгвістів користуються саме ці реципієнти – сприйняття їх подібно до якоїсь невиразної тіні вищих ієрархічних структур призводить до поразки у накопиченні *соціолінгвістичного капіталу*. Мовна політика та планування покликані впливати як на європейський і національний, так і на мовний ринок нацменшин»².

Окрім вказаних важелів, має значення історичний аспект формування вказаного капіталу. Що стосується Болгарії, не треба зупинятися лише на ролі учнів Кирила та Мефодія. Дуже важливим є те, що протягом декількох століть, у тому числі за часів Середньовіччя, потім у XVII–XIX ст., пізніше у третій чверті XIX ст., тобто напередодні Визволення Болгарії від османського поневолення, різні літературно-мовні школи намагалися об'єднати зусилля болгарських письменників і філологів з метою розбудови цілісної мовної системи в межах країни. Це відрізняє історичний процес розвитку сучасного болгарського ідіому від подібних у європейських та сусідніх балканських країнах (С. Джонсон в Англії, Й. Броз у Хорватії, В. Караджич у Сербії). І мабуть тому зовнішні чинники, наприклад, т. зв. «іллїрійський рух», спрямований на утворення політичної і мовної південнослов'янської спільноти, тут не мав успіху.

У той же час треба враховувати і багатомовність болгарина, що складалася протягом історії існування етносу, допомагала долати бар'єри у спілкуванні з представниками багатьох етносів, що мешкали в тодішній Османській імперії: турецького, грецького, угорського, вірменського, єврейського, циганського. Зрозуміло, що т. зв. *мовний репертуар* залежав від ситуації, професійної мережі, маршрутів пересування та приналежності до ремісничо-торговельних об'єднань, куди входила особистість. Тобто кожний будував самостійно і окремо свою *модель соціолінгвістичного капіталу* залежно від персональної мовної та мовленнєвої компетентності.

На сучасному етапі соціолінгвістичної історії політика і планування розвитку мови покладаються урядом на Інститут болгарської мови БАН і університети. Погляди громадськості та окремих особистостей відображаються у ЗМІ. Головною метою цієї діяльності є вирішення проблем, пов'язаних зі вступом країни до ЄС. Модель національної мови повинна забезпечувати її носіям участь у європейському комунікативному просторі за умов рівноправного соціального і культурного розвитку. Мовна багатоманітність є, з одного боку, фактором поваги, а з іншого – підтримкою етнокультурної гідності громадян усіх європейських країн, а також шлях до співробітництва та інтеграції.

Розглядом вказаних проблем, тобто пристосуванням до *єврогłosії* та *євролінгвізму*, враховуючи поряд із збереженням і розвиток національної мови, а не поглинання її та асимілювання, займаються контактна соціолінгвістика, еколінгвістика, етнокультурологія, теорія мовної політики та права. Водночас політика повинна сприяти зростанню *мовної компетентності* носіїв національної культури з метою повноцінної участі у соціальному і культурному житті Європи. Треба пам'ятати, що комунікативні бар'єри завжди неминучі у багатомовних спільнотах. Щоб подолати їх, необхідно скласти перелік сучасних контактних ситуацій, що існують між європейцями, а вони вже дозволять розробити засоби мовного позиціонування в різних ситуаціях від консенсусних до конфліктних, від співробітництва до підпорядкування, що здійснюються під впливом процесів європеїзації та глобалізації.

А. Пачев вважає, що болгарській соціолінгвістиці час вже подолати ізоляціонізм та провінціалізм і дослідити, як поводить себе болгарин у державах з чужою офіційною мовою, хоча б вона була і споріднена слов'янська, вже не говорячи про неспоріднені мови. Треба зазначити, що подібні етномовні та соціолінгвістичні дослідження вже зроблені на матеріалі дискурсу болгарської діаспори вченими в Словаччині, Угорщині, Україні³. Окрім цього, не треба лякатися соціолінгвістичної багатоманітності європейської мовної спільноти. Її учасники переконані в тому, що ЄС не повинна перетворитися у торговельну співдружність, якою будуть керувати двомовні олігархи-технократи – треба побудувати демократичну та легітимну загальноєвропейську структуру, що надала б можливість вільного пересування та використання всіх надбань європейської цивілізації усім громадянам об'єднаної Європи.

Одночасно зі статтею А. Пачева, зі змістом якої ми ознайомились, не менш відомий науковець у галузі соціолінгвістики, член-кореспондент БАН, проф. Софійського університету д. ф. н. М. Віденов у статті «ЕС и предизвикателствата пред българските езиковеди» звернув увагу на головний, з його точки зору, аспект сучасної мовної ситуації в Болгарії – співвідношення між явищами диглосії та білінгвізму. Він вважає, що національній болгарській мові на сучасному етапі загрожує не стільки процеси європеїзації та глобалізації, скільки скорочення функцій її літературної форми як вищого рівня будь-якої мови. Його футурологічний прогноз складається з наступних положень: оскільки домінуючу роль у європейському комунікативному просторі виконує англійська мова, усі інші національні ідіоми стануть згодом засобами внутрішнього користування. Початок цьому процесу вже покладено, як не прикро, самою національною інтелігенцією, яка першою поміж інших верств населення перетворюється у білінгвів, засвоюючи водночас з цим і навички диглосії. У найпрестижніших рівнях: науці, художній літературі – усе частіше буде використовуватись англійська мова⁴.

Представників болгарської інтелігенції турбує проблема втрати національної ідентичності. Шукати причини небезпечних тенденцій необхідно не ззовні, а всередині суспільства. «Перш ніж здобути самопочуття європейця, – вважає д. ф. н. проф. Шуменського університету Р. Йовева, – сучасному болгарину необхідно володіти значним

попереднім багажем знань і досвіду або вміти залучити силу волі, щоб здобути їх»⁵. До цього можна додати багаточисельні публікації у науковій та науково-методичній пресі лінгвістичного спрямування, у яких зосереджено увагу на питаннях дотримання мовних норм у ЗМІ, зниженні рівня мовленнєвої культури у суспільстві. Хаос з використанням найновіших не кодифікованих неологізмів, зокрема англійських запозичень, що з'явилися більшістю завдяки комп'ютерним технологіям, наприклад: *сид-вам, лийчвам, їндейтвам, їнгрейдвам*, значення яких можна зрозуміти лише завдяки англійським словникам, іноді призводить до зіткнення з попередніми – іншомовними омонімічними вкрапленнями. Так, нове дієслово *семплирам*, утворене від англ. *Simple* «зразок, шаблон, модель», у сучасній болгарській мові здобуло значення «включати уривки з вже відомих композицій до складу нових музичних творів, у т. ч. пісень», і більш раннє запозичення з французької – лексеми *семпль* (фр. *simple* від лат. *simplex*) «простий» – «простий, не перевантажений, без зайвих прикрас», звідки у болгарській утворено прислівник *семпло* «дуже просто», вступили в омонімічні відносини, що призводить до небезпечної незрозумілості текстів. Поширене використання іншомовних запозичень, що раніш з'являлися у ролі лише медичних термінів, а зараз функціонують в рекламних текстах, розрахованих на пересічного читача, викликає теж непорозуміння. Пор.: «Чуждите туристи идват на нашето море, защото тук делириумът излиза найевтин». – 24 часа. Див.: делириум лат. *Мед.* Болісні галюцинації, сильне збудження. – *Пернишка* Е. Речник на чуждите думи за всички. С., Наука и изкуство, 2007, с. 171. Навряд чи медичний термін з негативною конотацією є вдалим для підвищення престижу болгарських Чорноморських курортів!

Найкатегоричніші твердження щодо ненормованих, некодифікованих запозичень містяться у виступах автора зазначеного вище словника, провідного лексикографа Болгарії, д. ф. н. члена-кореспондента БАН Е. Пернишки. У статті «Рушителни и гравивни влияния върху езика» вона говорить про активізацію руйнівних тенденцій, які є головними у сучасній мовній ситуації. Одним з проявів цього є поширення т. зв. *вуличної* мови (босаяцької, хуліганської, вульгарної, низькопробної). «Указаного поняття не існує, – зазначає автор, – у болгарській лінгвістиці, але у сучасному дискурсі слова *уличний, уличник* містять прозору негативну конотацію, включаючи такі семантичні відтінки, як невихованість, неосвіченість, грубість, агресивність. У наш час до цих відтінків додаються риси т. зв. *streetкультури*. Вплив західної культури знаходить свій відбиток, окрім мови, в одязі, музиці та включає ідеї протиставлення традиціям, усьому загальноприйнятому в цивілізованому світі. А це призводить до набуття у дискурсі елементів провокативності, скандальності, агресивності, більш звужено – до розпусти та грубості – у цілому ж до нецивілізованості. Ці мовні форми притаманні, перш за все, молодіжному середовищу, у якому раніш функціонували молодіжні жаргони з подібним забарвленням. Але зараз для перетворення вищевказаних говірок у суцільну мову існують сприятливі умови, завдяки тому, що не рідко відкинуті традиційні суспільні цінності, відсутнє гарне сімейне виховання, забута християнська мораль – всупереч цьому у всіх на слуху агресивні вчинки. Усі ці події не лише відображаються у мові – вони ж її й будують. Модне зараз використання грубих і вульгарних слів є свідомою необхідністю молоді стосовно стилістичного диференціювання літературного мовлення, яке вимагає дотримання законів диглосії шляхом розрізнення елементів *high variety* та *low variety* в залежності від комунікативної ситуації, мети спілкування та її учасників, що призводять до суцільної вульгаризації, нечемних відносин у молодіжному середовищі»⁶.

У зв'язку з цим багато уваги зосереджується на проблемах виховання мовної культури серед молоді. Проф. К. Дімчев зазначає, що, незважаючи на метафоричність по-

няття «агресія на уличний язик», йдеться про серйозну проблему зневажливого ставлення до загальноприйнятих норм поведінки у суспільстві, зокрема мовленнєвої поведінки. Заміну такої оцінної дилеми мовних елементів, як гарний/поганий, на доречний/недоречний, не можна вважати коректною за умов використання подібних одиниць у ЗМІ. Конче необхідно повертатися до виховання цивілізованої комунікативної орієнтації: «Брак загальної культури заважає формувати особистість з високим рівнем соціокультурної компетентності»⁷.

Викладачі Софійських вузів М. Віденов, Кр. Стоянов, К. Ісса підкреслюють, що низький рівень мовленнєвої культури у ЗМІ є наслідком впливу розмовного т. зв. «кафанського» мовлення сучасної інтелігенції, що раніше було заборонене у газетно-публіцистичному стилі. Воно проникло сюди після демократичних суспільно-політичних реформ 1989 р. За умов сучасної свободи багато чого залежить від особистої культури, але виховувати її необхідно, починаючи з училища та вузу навіть нефілологічного напрямку, шляхом уведення курсу функціональної стилістики сучасної болгарської літературної мови⁸.

Усі ці факти свідчать про те, що мовна ситуація в Болгарії вимагає підвищення зусиль кодифікаторів національної мови та їхньої підтримки з боку держави. Мовний стандарт – це важливіший суспільно-культурний важель мерітократичної (інтелектуальної) спільноти, який дозволяє відтворювати відносини суспільного домінування. Ступінь оволодіння мовним стандартом співвідноситься зі статусом індивіда і таким чином стає важливішою складовою так званого символічного капіталу. Нормалізуюча діяльність лінгвістів робить їх законодавцями у галузі мовлення, легітимуює філологічний істеблішмент як необхідний інститут влади інтелектуального суспільства, що бореться зі зниженням культури, яке не лише небажане, але й злочинне.

Турцизація чи етнізація?

Ще один аспект сучасної мовної ситуації в Болгарії – це особливості мовлення тих верств міського населення, котрі за своїм професійним станом, є носіями кодифікованої літературної мови. Наприкінці минулого століття М. Віденов, праці якого мали велике значення для розвитку болгарської соціолінгвістики, вказував на те, що зв'язок побутової сфери, де функціонує кодифіковане нормоване мовлення, міцнітиме завдяки збільшенню членів цього соціуму⁹. Уже через три роки, у 1993-му, він констатує особливу агресивність некодифікованої розмовної мови, пояснюючи це загальною тенденцією демократизації в особистій поведінці та навмисним демонструванням близькості вказаного соціуму до широких верств населення. Насправді ж більш реальною є оцінка цього становища інших авторів. Так, І. Лікоманова вважає, що неповажне ставлення до літературної мови спостерігається, на жаль, навіть у гуманітаріїв¹⁰. А. Пачев підкреслює значне проникнення діалектів до узусу міського мовлення¹¹. І все ж типовим підходом до моделювання національної мови залишається стійке ставлення до літературної форми мови як домінуючої субстанції. Дослідники сучасних мовних ситуацій у слов'янських країнах стверджують, що найбільш сталою складовою так званих етнічних мов, до історії яких зараховуються періоди не лише національні, але й донаціональні, є регіональні елементи¹².

Яскравий приклад вітальності регіональних елементів можна побачити в газетно-публіцистичному стилі болгарської літературної мови. Тут за їхньою участю відбувається міцний опір національної мови світовим тенденціям глобалізації та європеїзації. Свідченням цього можна вважати широке розповсюдження так званих змішаних

текстів, у яких поряд з літературними багато використовується розмовних елементів. Пересічність мовленнєвого стандарту в сучасних ЗМІ є вірогідно наслідком наближення адресанта до соціолінгвістичної компетентності адресата. На нашу думку, для болгарського узусу найбільш яскравим вираженням вказаних тенденцій є використання на різних рівнях тюркомовних елементів, починаючи від деривативних одиниць, наприклад, суф. *-аг-а* із значенням вищого ступеня якості: *юначага, смелчага, синчага*; суф. *-джи-я* на позначення особи за професією: *кафеджия, кинаджия*; позначення особи за участю у громадських організаціях: *гербаджия* 'член партії «Герб», яку очолює прем'єр Болгарії Бойко Борисов', *атакаджия* 'член націоналістичної партії «Атака»'. У прямій мові відомих учених-філологів, письменників, популярних журналістів, широко знаних осіб зі сфери спорту, мистецтва, що є включеною до різних газетних жанрів, лексеми турецької мови зустрічаються дуже часто. Багато подібних прикладів зустрічається і в авторському мовленні. Радикально налаштовані діячі політики та культури з обуренням проголошують, що в Болгарії відбувається процес турцизації, який є «національною розбещеністю».

А. Везенков у статті «Парадоксальна употреба на турцизми в българския национален дискурс» розглядає в діахронічному плані феномен поширення вказаної іншомовної лексики. Він вважає, що цей процес відбувається останнім часом завдяки ідентифікації турцизмів як маркерів національної традиції. Хоча після Визволення турецька лексика була значною мірою викоринена і замінена слов'янською або західноєвропейською, зокрема французькою та німецькою, – це було зроблено в юридичній, адміністративній, військовій термінології, – зараз цей процес йде у зворотньому напрямку. Особливо помітним є повернення колишніх топонімів: *врѣх Мусала* – раніше *врѣх Сталин, Дели Орман* – попередньо *Луда Гора, Лудогорие*. У цілому це є реакцією на процес глобалізації, але фактологія, яка повинна була б захистити болгарську ідентичність, чомусь не вистачає. І тоді на допомогу приходять стратифікаційні зміни в адміністративно-територіальному устрої, заміна понять регіональне/центральне, регіональне/загальнонаціональне, діалектне/літературне, стандартне/субстандартне. У зв'язку з цим багато типових турецьких слів регіонального поширення набувають статусу загальнонаціональних. Наприклад, слово *туптан* < тур. *tortan* 'цілком': 'оптова торгівля', раніше сприймалося як регіональне, характерне для Троянської говірки. Сучасне намагання показати особливе походження норм торгівельних відносин викликало це слово для загальнонаціонального використання. Зміна акцентів у дилемі літературне/розмовне, підняття престижу другої частини, до складу якої входять і жаргони, призводить до активізації використання турцизмів навіть у розмовній мові інтелігенції. У сучасних болгарських діалектах, що нараховують до 15 тис. лексичних одиниць, 1,5–2 тис. це запозичення з турецької мови, при чому у східноболгарських говірках їх більше, ніж у західноболгарських. Повертаються до активного запасу історизми та архаїзми, які використовувалися для характеристики періоду Відродження. При цьому слова турецького походження краще вписуються у контекст, роблять його більш поетичним. Наприклад, слово *кат* < тур. *kat* 'поверх', на думку сучасних авторів, звучить краще, ніж *етаж* < франц. *étage*, також замість *стая* 'кімната' частіше почало використовуватися *одая* < тур. *oda*, замість слова *балкон* – *чардак* < тур. *chardak*, замість запозичення *паваж* < франц. *ravage* 'бруківка' – *калдъръм* < через посередн. грец. < тур. *kaldırım*, *салкъм* < тур. *salkum* замість *акація* < лат. через посередн. грец. *асасія*. Із двох складових дилеми традиційне/сучасне перша частина частіше слугує збереженню національної ідентичності, тому що цьому поняттю синонімічними є національне, болгарське, а зі словом сучасне поєднується поняття чуже, тому замість

слова шанс <франц. chance говорять *късмет* < тур. від араб. Kismet. Коли сучасні націоналісти хочуть відстояти та захистити болгарські традиції, вони звертаються до турцизмів. З іншого боку, за допомогою цієї лексики робилося протиставлення усьому новому, що насаджувалося під час утворення спочатку у самостійній Болгарії, потім у болгарській соціалістичній республіці, а зараз в оновленій країні Євросоюзу – усе це кінець кінцем налаштоване на збереження ідей Болгарського відродження. Між ними такі слова, як *курбан* < тур. від араб. Kurban 'обрядова їжа'; *хаджилък* < араб. Нас 'подорож на поклоніння до Мекки', у болгарському дискурсі поклоніння гробу Господньому у Ієрусалімі; *хайдутти* <тур. від угор. haydut 'гайдуки, народні месники'; *чета* <тур. sete 'загін народних месників'; *байрактар* < тур. bayraktar 'прапорносець' < тур. bayrak 'прапор'¹³.

У сучасному політичному словнику теж можна вказати на лексику, що має турецьке походження: *комишлук* < тур. komsuluk 'корупція, побудована на сусідських відносинах'; *шуробаджинащина* < тур. basanak 'кожний з чоловіків обох сестер + шурей < слав. шурина 'корупція, побудована на родинних стосунках'. Таким чином, підкреслює А. Везенков, «всупереч відомому болгарському діалектологу Б. Цоневу, який на початку ХХ ст. стверджував, що болгарська інтелігенція добре відрізняє болгарські слова від турецьких, що згодом повинно зовсім очистити літературну болгарську мову від запозичень, турцизми збереглися і навіть допомагають позбутися західно-європейської лексики»¹⁴.

Дуже влучно виразила ідею ставлення громадськості до реального співвідношення турецьких та болгарських лексем у словниковому складі сучасної національної мови академік БАН, письменниця В. Мутафчиева: «Можливо вже настав час відійти від закликів Отця Паїсія, який хотів за допомогою мови відірвати болгар від греків. 150 років тому поет-революціонер Христо Ботев не цурався запозичень ані з грецької, ані з турецької мови. А сучасні мовознавці під лозунгом боротьби за чистоту мови, лише скорочують її ресурси, що свідчить лише про їхню нелюбов до неї»¹⁵.

ЄС – це є чи не є пасткою для національної мови?

Поряд з багатьма дискусійними статтями стосовно мовної політики та будівництва, з'являються публікації соціологічного і етнокультурного напрямку, у яких розглядаються методологічні питання, як-от національна мова/національна ідентичність, мова/нація, мова/етнічна єдність. Так, Св. Піткевич намагається відповісти на запитання, чи є необхідною складовою болгарська мова для визначення ідентичності болгарської спільноти в цілому, а також ідентичності окремої особистості. Якщо вважати первинним поняття ідентичності, тоді виникає питання обов'язковості таких ознак, як суверенітет, окремість/спільність, національна унікальність, національний характер (ментальність), відокремленість історії та культури. З цією метою автор звертається до концепції *націоналізму* Б. Андерсена, в інтерпретації якого ця дефініція означає ідею приналежності певної спільноти або окремої особистості до якоїсь нації. Найвідоміший зараз у Європі етнокультуролог вважає, що націоналізм – це лише віра людей у те, що вони належать до якоїсь нації, володіють певною територією, незалежність якої згодні захищати, навіть поклавши за те своє життя. Поняття *національне* є категорією видуманою, міфічною, тому що уявлення про *націю* є дуже абстрактним: більшість її членів не знайомі між собою і досить відокремлені один від одного. Націоналізм не є ідеологією, а скоріш певною культурною системою, що з'явилася на межі розпаду попередніх культурних концепцій ідентичності, заснованих раніше на засадах релігії, династичних ознаках, часових параметрах. По відношенню до

релігії націоналізм є партикулярною трансформацією теорії походження людства, тому що під час хрестових походів починає руйнуватися розуміння релігії як беззастережної ідеї походження світу. Одночасно починається деградація самої священної мови, що відображала цю ідею, а це призводить до втрати віри у саму мову, що, мовляв, забезпечувала можливість збагнути цю онтологічну істину.

Своєю появою націоналізм зобов'язаний ще краху віри у міцність династичних царств, що було неадекватним відображенням «божественного права» монархів, і зміні у сприйнятті часових понять: стрибок від космології до історії наприкінці Середньовіччя дозволив скласти концепцію нації. Ідея соціальної спільноти, що розвивається по вісі історичних періодів, цілком відповідала поняттю нації – сталій соціальної конструкції, яка рухається у межах певних часових та географічних координат. Інакше кажучи, занепад однієї культурної ідеї призводить до появи іншої культурної свідомості – національної ідеї, пов'язаної із бурхливим розвитком капіталізму, а ще з появою книгодрукування, у якому відбивалося велике мовне розмаїття Європи, що на той час була зосередженням усього світу.

Але автор статті наголошує, що на відзнаку від західноєвропейських націй виникнення слов'ян відноситься до більш раннього періоду, тобто до часів діяльності Святих Кирила та Мефодія. До того ж дефініція *нація* не пов'язана у Андерсена з категорією походження, і тому не розглядається ані наявність певної прагрупи із загальною мовою, ані спільної території проживання. Хоча якраз мови є онтологічною засадою націй, вони самі по собі є нічим іншим, як культурним феноменом, а він існує саме в уяві, тому без мови немає ані національного характеру, ані національної специфіки, ані долі.

Насправді бачення мови як будівника реальності не є вигадкою Андерсена – воно повністю відповідає філософії світосприйняття постмодернізму, який у наш час панує в багатьох галузях науки і культури не лише в Європі. Концепція Андерсена є маніфестом суто європейського погляду на історію, націю, суверенітет, культуру, мову, самоідентифікацію і саму людину. У цьому розумінні людина є ототожненням саме свого розуму, функцією саме своєї мови як знакової системи, а звідси і представником взагалі людства. Людина, не пов'язана якимось доленосним шляхом ані зі своєю нацією, ані з якоюсь культурною уявою, у цьому сенсі є максимально вільною. Це розуміння природи людини певним чином відображається у структурі ЄС, яка є формою вищевказаної видуманої спільноти і продиктована економічним розвитком держав, що входять до її складу. Її характер часто відзначається як *наднаціональний, транснаціональний*, навіть *постнаціональний*. І хоча в ЄС, де на досить невеличкій території функціонує величезна кількість мов, застосовуються заходи з підтримки національних мов, навчання материнських мов ЄС, все ж варто пам'ятати, що під національною мовою досить часто розуміють зовсім не ті екзотичні форми, що з таким піклуванням охороняються та викликають особливі емоції¹⁶.

Хотілося б зупинити викладення концепцій постмодерних етнологів Європи, згідно з якими зовсім скоро вже не буде ані сучасної болгарської мови, ані болгарської нації. Між іншим, таке вже спостерігалось в Європі напередодні XIX ст. А тим часом автор статті продовжує: «І все ж чи є слушною орієнтація на категорію нація/націоналізм, яка подібна зірці, вказує шлях і допомагає розумінню ролі рідної мови для самоідентифікації членів спільноти та окремої особистості, їхнього уявлення щодо доленосної пов'язаності, а вибраний інструмент не є адекватним поставленій меті? Спробуємо перевірити це за допомогою категорії етнічність, яка не передбачає обов'язкового зв'язку з поняттям єдиної території та її суверенітету. Це поняття сприймається як застаріле та непродуктивне...»¹⁷.

М'яко кажучи, важко було очікувати подібних речей від учасника наукового проекту «Мовна політика та мовне планування в/на ЄС», що виконується секцією загального та прикладного мовознавства Інституту болгарської мови БАН, який покликаний

відстоювати вимоги Республіки Болгарії стосовно рівних прав у мовному питанні та національній ідентичності. На щастя, ця проблема зовсім по-іншому трактувалася на конференції «Балканська культурна матриця и европейскит проект», що відбулася у Софії 6–7.11.2006 р.: «Щодо Болгарії та націй, які знаходилися у межах Османської імперії, то на шляху їхнього поглинання з боку панівної нації особливу роль відігравала національна ідентичність, що була головною перешкодою у цьому. Немов ремінісценція минулого сьогодні проблема ідентичності знов виходить на передній план, цього разу у зв'язку з глобалізаційними процесами, що загрожують націям втратою ідентичності заради побудови якоїсь своєїрідної *надідентичності*, яка повинна об'єднати усе найгарніше, чим пишуться малі нації. На цьому заснована т. зв. *європейська ідентичність*, що проголошується протягом останніх років. Але не зупиняється опір вказаним настановам, що повинно призвести до розпаду цих націй на більш малі частини, які зберігатимуть ці особливості з мінімальним розрізненням»¹⁸.

Щоб зрозуміти зміст дефініції етнос, Св. Піткевич звертається ще до одного, цього разу оригінального російського мислителя Л. Н. Гумільова, у розумінні якого етнос – це кінцеве утворення, яке одночасно є останнім кільцем у ланцюгу біогенезу, що існує у межах свого ландшафту, а також частиною соціуму, суспільного організму, що складається з безлічі людей та їхніх відносин. При цьому треба додати, що у поняття етносу як частково біологічної спільноти включаються й такі риси, як неізбираємість, доленосність, позакультурність, а звідти можна представити його історію не лише як зміну суспільно-економічних формацій та їх внутрішнього прогресу, за К. Марксом і Б. Андерсоном, але й як процес поступового природного розвитку частини живої природи від зрілості до вмирання. Етнічна багатоманітність, культурна розрізненість є зрозумілою завдяки адаптуванню різних груп людей до природного ландшафту, кліматичних умов, географічного середовища проживання. Центральне питання, за якою ознакою є можливою ідентифікація подібних спільнот, якщо вони можуть бути означеними лише в уявленні, має лише одну відповідь: за національною ознакою. А вона, у свою чергу, – лише за мовою. Таким чином, етнос для людини – це те, що родина (прайд) для левів, зграя для вовків, стадо для парнокопитних і т. ін. Етнос є формою існування виду *Homo sapiens*, що відрізняється як від суспільних утворень, так і рас, яким притаманні суто біологічні риси. Це означає, що будь-який етнос не пов'язаний ані з національною державою, ані з таким соціальним утворенням, яким є ЄС, але якось незрозумілим шляхом в ньому відбивається історичне та культурне минуле і сьогодення вказаної спільноти, що і впливає на його суспільну організацію. Спільнота її обирає, але, з іншого боку, сама зазнає впливу від суспільства.

Етнос є продуктом розвитку біохімічної енергії живої речовини, з якої складається біосфера. Це та сама енергія, яка змушує рослини розвиватися, а тварин розмножуватися та мігрувати. Вона формує різницю в поведінці етнічних колективів, розподіляється нерівномірно по різних територіях протягом різних епох. Періоди величезної активності, наявності «характерної домінанти» – пасіонарності відмічені нездоланим, свідомим, а іноді й неусвідомлюваним, прагненням домогтися певної мети, часто ілюзорної. Перша називається *акматичною* і характеризується Гумільовим як «шаленість розуму і серця». Наступна – це *перелом*, коли енергія етносу спрямована на дії, не пов'язані з політичною боротьбою. Після перелому йде *золота осінь*, коли відроджується й розквітає економіка і культура. Остання фаза це *захід*, згасання пасіонарного поштовху¹⁹.

Що стосується суперетносу, яким є ЄС, точніше, католицького та протестантського етносів, то вони знаходяться у фазі життя, що називається переломом. Але стосовно Болгарії ані в конфесіональному, ані в історичному відношенні вона не належить до

європейського суперетносу, як не входить і до православного суперетносу. Якщо ж ЄС не є етнічним, а соціальним утворенням, етнічні особливості держави не можуть зашкодити членству в ній. Але значною пересторогою для вступу до ЄС є етнічні конфлікти, що загострюються останнім часом у європейських країнах, а це свідчить про різні фази етногенезису у мусульман, азіатів, деяких африканських спільнот, з одного боку, та європейського суперетносу – з іншого. Унаслідок цього з'являються закони, що все більш обмежують права емігрантів. Окрім цього, зараз болгарський етнос знаходиться у фазі занепаду, коли відмирають пасіонарні зусилля, а біологічна енергія спрямована лише на одержання все нових втіх. Може звідти і виникає євроскептицизм щодо болгарського народу, з його специфічною історією та етнічною позицією²⁰.

Дещо з інших позицій бачить сучасну фазу існування болгарського етносу учасниця конференції «Балканська культурна матриця та європейський проект» Кр. Петкова: «Протягом останніх десяти років болгарин як ніколи з'ясував, що не може існувати без коріння, позбавлений особистого місця у всесвіті. Тому дуже часто у зв'язку із вступом до ЄС представники інтелектуальної еліти підкреслювали той факт, що Болгарія є однією з найдавніших держав у Європі і таким чином вписується у сталу європейську традицію. Інакше кажучи, болгарин не лише територіально знаходиться в Європі, вони присутні в європейській історії та культурі. Тому неонаціоналізм наступного століття не повинний забувати цього та відмовлятися від болгарської історії, а має допомогти новим громадянам ЄС спокійно і з гідністю заявити про свою національну приналежність, тому що національне – це перш за все почуття спільного походження, минулого та майбутнього. Поки що на рівні пересічного громадянина можна побачити лише матеріальні і моральні втрати від процесу приєднання, причиною чого є нездатність державних і наддержавних структур захистити права громадян. Внаслідок цього у болгар зникають стимули збереження культурної та політичної самоідентифікації. І все ж у Болгарії з великими труднощами сприймається теза щодо конвергенції на культурному рівні та поступового переходу до одномовності»²¹.

І знов, на невеличкому відрізку болгарської історії, підтверджується вірність соціолінгвістичного висновку, що дилема засвоєння чи незасвоєння мовних змін залежить від того, чи сприймаються ці зміни як прийнятні, чи ні. Позитивну реакцію викликають мови з вищим престижем. А він залежить від престижності соціальної системи, котру вказана мова обслуговує. Вибираючи мову, люди висловлюють надію на прилучення до престижного соціального статусу²².

Багато фахівців з наукових і навчальних установ займаються вирішенням практичних проблем у межах державних і наддержавних проектів з метою інтегрування болгарської мови у мультимовну європейську систему. Зокрема, був здійснений проект щодо транслітерації болгарської кирилиці за допомогою латиниці з метою стандартизованого облаштування комп'ютерної клавіатури та апаратів мобільного зв'язку. Ось яким чином виглядає сучасна транслітерація болгарської абетки та деяких сполучень болгарських літер за допомогою латинської абетки²³.

а	б	в	г	д	е	ж	з	и	й
a	b	v	g	d	e	zh	z	i	y
к	л	м	н	о	п	р	с	т	у
k	l	m	n	o	p	r	s	t	u
ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ь	ю	я
f	h	ts	ch	sh	sht	a	y	yu	ya

дж – dzh; дз – dz ; йо – yo; ъо – yo

Значна увага приділяється перекладу юридичних документів, де однією з головних вимог є відповідність термінології у правознавчій системі євроспільноти та Болгарії. Проблеми виникають перш за все в тому, що ці системи розрізняються. Ще одне питання пов'язане з необхідністю дотримуватися всіх лінгвістичних і формальних особливостей джерела, щоб забезпечити зрозумілість тексту в умовах його практичного використання. У часописі «Съпоставително езикознание» було надруковано змістовну статтю В. Андреевої «Основни проблеми при превеждането на европейски правни актове на български език», у якій розповідається про різні види текстів у галузі юриспруденції: нормативні, декларативні, з юридичної та адміністративної практики; види європейських правових актів і особливості їх текстової характеристики. Докладно розглядаються проблеми перекладу правових актів ЄС, типові помилки, відсутність термінологічної уніфікації. Подібно до того, як не можна в болгарських нормативних текстах по-різному називати головний законодавчий орган Республіки Болгарії: в одному місці *Народното събрание*, а в іншому – *Събранието на народните представители*, или замість *Министерски съвет* писати *Съвет на министрите*, *Кабинет*, так і в правових документах ЄС теж не повинна допускатися різноманітність. У статті даються рекомендації стосовно підвищення якості перекладів з англійської на болгарську у цій галузі²⁴.

Треба торкнутися і надзвичайно активної участі громадськості в обговоренні цих життєво важливих питань. А питання мови, зокрема кирилиці, на думку члена-кореспондента Болгарської академії наук проф. Т. Бояджиева, «має емблематичне значення для Болгарії. Якщо, – пише він, – ми продовжуватимемо користуватися нею, ми збережемо священну частину нашої історії. Подібно до болгарського мовлення, наша давня писемність кирилицею зберігає нашу болгарську ідентичність, а ще створює в нас уявлення приналежності до єдиної слов'янської культури, яка має свій внесок у європейську культуру. Кирилиця не заважатиме нашій присутності в Європі. Навпаки, вона додасть позитивних рис іміджу Болгарії, подібно іміджу особистості, яка поважає своє минуле і своє коріння»²⁵.

Під час травневих свят – Днів слов'янської писемності і болгарської культури 2007 р. – громадськістю Болгарії за допомогою ЗМІ було проведено широку кампанію захисту кирилиці шляхом т. зв. усиновлення її літер і створення віртуального культурного заповідника для них. Народна бібліотека ім. Святих Кирила і Мефодія, Столична бібліотека, Національне болгарське радіо, газети «Культура» і «Литературен вестник», видавництва, книжкові магазини, гімназії узялися захистити хоча б одну літеру. Усе це нагадувало у добром розумінні третю чверть XIX ст., період Болгарського відродження, коли починалося будівництво сучасної літературної болгарської мови, і кожен громадський діяч вважав своїм обов'язком висловити думку стосовно цієї животрепетної на той час проблеми. Сам по собі згадувався крилатий вислів стосовно братів-болгар: «Є ще порох у порохівницях!»

Завершуючи огляд болгарських видань стосовно сучасної мовної ситуації в Болгарії, пов'язаної з її вступом до ЄС, звернемося знов до статті Т. Бояджиева, де він закликає не оцінювати ситуацію поза багатомовністю європейської спільноти. Є намагання запровадити новий підхід і нову модель, згідно з якими кожен народ міг би зберегти свою ідентичність, враховуючи і мовне розрізнення. Але треба пам'ятати, що науковий підхід до цієї проблеми вимагає співставляти її зі змінами у суспільстві, уявляючи їхню еволюцію. Якщо мова залишається незмінною та не адаптується до реалій нової дійсності, вона стає незручною у використанні, зупиняється у розвитку та вмирає. Вимоги стосовно збереження національної самобутності, тобто врахування багатства мови, відтворення в ній народних традицій – все це пов'язане з теорією лінгвістичної відносності, яка поєднує структуру мови з побудовою логічного мислення людини та засобом її пізнання навколишнього світу.

- ¹ Пачев, А. България и българският език в Европейския съюз. – Български език, 2007, № 1, с. 821.
- ² Цит. за: там само, 12–13.
- ³ Див.: Ганева, В. Билингвизъм и етничност (примерът на българите в Унгария). – В: Българите и унгарците. 1000 години заедно. Будапеща, 2002, с. 166; Катуш, Е. За перспективите на българо-унгарския билингвизъм в Унгария. – В: Българи в Унгария. Проучвания. Будапеща, 2002. 188 с.; Пенчев, В. Двойствената идентичност за механизмите на емигрантското самосъзнание в славянския свят. – В: Славянска филология. Т. 23. С., БАН, 2003, 221–222; Стоянова, Е. П. Етномовний та соціолінгвістичний аспект острівного писемного дискурсу. Феномен збереженого слова. Київ, 2004. 279 с.
- ⁴ Виденов, М. ЕС и предизвикателствата пред български езиковеди. – Български език и литература, 2007, № 1, 3–8.
- ⁵ Йовева, Р. Литературно образование и българоевропейска реалност. – Български език и литература, 2007, № 1, 9–15.
- ⁶ Пернишка, Е. Рушителни и градивни влияния върху езика. – Български език и литература, 2008, № 6, 34–40.
- ⁷ Димчев, К. Образователни възможности на обучението на български език и «агресията на уличния език». – Български език и литература, 2009, № 1, 57–60.
- ⁸ Виденов, М. Съвременна българска градска езикова ситуация. С., 1990.
- ⁹ Виденов, М. Към типологията на езиковата ситуация на някои съвременни славянски столици. – Славянска филология, 1993, № 21.
- ¹⁰ Ликоманова, И. Езиковата ситуация в България днес. – Socjolingwistyka, 1992.
- ¹¹ Пачев, А. Български език. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Ополе, 1997.
- ¹² Нецименко, Г. П. Языковая ситуация в славянских странах. М., Наука, 2003, с. 240.
- ¹³ Везенков, А. Парадоксалната употреба на турцизми в българския национален дискурс. – Литературен вестник, 3–9. 05. 2006.
- ¹⁴ Там само, с. 11.
- ¹⁵ Мутафчиева, В. Езикът ни обеднява въпреки повишаването на брутния вътрешен продукт. – Български език и литература, 2008, № 1, 6–10.
- ¹⁶ Питкевич, Св. Националният език в контекста на теорията за Европейския съюз. – Български език, 2007, № 1, 22–26.
- ¹⁷ Там само, с. 27.
- ¹⁸ Петкова, Кр. Политическият национализъм и предизвикателствата пред българската нация. – В: Балканската културна матрица и европейският проект. Сборник материали от научна конференция. 6–7. 11. 2006 г. София–Велико Търново, Фабер, 2007, с. 129.
- ¹⁹ Питкевич, Св. Вказ. праця, 28–31.
- ²⁰ Там само, 31–32.
- ²¹ Петкова, Кр. Вказ. праця, с. 132, 136–137.
- ²² Стоянова, Е. П. Вказ. праця, 187–188.
- ²³ Съпоставително езикознание, 2006, № 3, 173–174.
- ²⁴ Андреева, В. Основни проблеми при превеждането на европейски правни актове на български език. – Съпоставително езикознание, 2006, № 1, 104–117.
- ²⁵ Бояджиев, Т. Езиковата ситуация у нас в исторически и съвременен план и европейската езикова политика. – Български език, 2008, № 2, 3.

БОЛГАРСЬКА СПІЛЬНОТА В УКРАЇНІ

В. Мільчев

ВНЕСОК ГОСПОДАРСТВ БОЛГАРСЬКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦІВ В АГРАРНУ ІНФРАСТРУКТУРУ ПІВДЕННОЇ УКРАЇНИ ХVІІІ ст.

Навколо питання про внесок балканських, а, зокрема, й болгарських переселенців, у господарче освоєння причорноморського регіону, вже протягом століття не згасають дискусії. Точки зору, яких дотримувалися і продовжують дотримуватися дослідники, часто є полярними. Н. Полонська-Василенко однозначно негативно сприймала балканську колонізацію. Вона стверджувала, що мігранти не привнесли нічого нового, а лише руйнували стару тубільну господарчу традицію¹. Інші – Д. Багалій, Д. Міллер – дотримувалися тієї думки, що внесок саме болгарської діаспори у розвиток сільського господарства на півдні України є надзвичайно вагомим, вже починаючи з другої половини ХVІІІ ст.². Прихильники першої й другої точок зору, відстоюючи свою позицію, оперують досить компактным, традиційним набором фактів з історії нашого краю, часто на свій смак та уподобання інтерпретуючи той чи інший момент.

До середини ХVІІІ ст., дійсно, вести розмову про будь-який внесок болгарської діаспори до економічної, господарчої інфраструктури не видається можливим. Як вже йшлося, через ряд негативних обставин, болгари змушені були виступати у ролі не донорів, а реципієнтів. Обставини змінилися з заснуванням сталих військово-землеробських поселень.

Головним напрямом господарчої діяльності було обрано традиційне для регіону скотарство, оскільки через геокліматичні чинники землеробство становило допоміжну галузь. Такий стан речей вважався природним і залишався незмінним³. Не змінили такого співвідношення двох гілок сільського господарства і прийдешні мешканці Балканського півострова. Тим більш, що вони й не були схильні будь-що змінювати; попри всі досягнення балканських народів у городництві, садівництві й такому іншому, тваринництво складало основу їх господарської традиції⁴. Наявність великих площ земель, придатних під пасовища, також сприяла орієнтації господарств на розведення худоби. Можна впевнено стверджувати, що скотарство переважало у заняттях усіх переселенських громад в Україні протягом другої половини ХVІІІ ст.

Через необхідність кожному військовому поселенцю мати коней (насамперед для несення служби), однією з головних турбот стає розвиток конярства. Одним з перших документів, за яким можемо простежити стан забезпеченості рядового та унтер-офіцерського складу кіньми, є відомість, датована груднем 1758 р., що збереглася у двох варіантах, надісланих генерал-майором Прерадовичем: один – до Слов'яносербської комісії, другий – до Військової колегії. Вони взаємодоповнюють одна іншу, оскільки у текстах існують розбіжності. У більшості з гусар у приватному володінні

знаходилася один, рідко двоє коней⁵. При цьому чин – рядовий, чи то капрал, чи квартирмейстр, – не мав особливого значення, – то був той мінімум, який необхідно було мати. Займатися розведенням коней кожен міг за власним бажанням. Наприклад, у вахмістра 6 роти полку Прерадовича (розташовувався на р. Нижній Біленькій), болгарина І. Сербула, коней було 12 голів⁶. Тримали їх у якості робочої худоби і фаміліати, оселені у цьому полку⁷.

По Новій Сербії та полку Шевича подібних відомостей не збереглося (можливо, вони й не існували): як бачиться нам, Прерадович, чий полк у кількісному відношенні був значно меншим, аніж у того ж Шевича, навмисне акцентував увагу на успішній розбудові господарств своїми підлеглими та, з власної ініціативи, включив до стандартної відомості додатковий пункт «Заводить чи ні господарство».

Невеликі обсяги розведення коней можна пояснити тим, що військові мали самі їх купувати на початкове обзаведення. Враховуючи ті обставини, що річна платня рядового становила 18 крб, це було досить обтяжливо⁸. Ціни на коней не фігурують, але існують відомості, завдяки яким їх можна встановити. Навесні 1760 р. чугуївський калмик К. Аюкін перегнав через Дніпро, на продаж службовцям Новосербського корпусу (а саме – Македонського гусарського полку), 1500 коней, за які з нього було взято податку до казни 1125 крб, з розрахунку 5 коп. з вирученого за продаж карбованця⁹. Це означає, що ціна одного коня складала 15 крб. І це ще було недорого! Породисті трансильванські скакуні коштували до 150 крб. Зрозуміло, що за таких умов не кожен міг мати більше 1–2 коней. Тому й дозволили собі тримати великі табуни лише Шевичі, Прерадовичі, Хорвати та їм подібні¹⁰.

Не набагато кращими були справи з розведення дрібної та великої рогатої худоби. За тими ж відомостями по полку Прерадовича, стандартом було мати у гусарському господарстві від 1 до 5 корів та близько 10 овець¹¹. Хоча, знову ж, і тут, як і в конярстві, були свої лідери та фаворити: у господарстві вже згаданого І. Сербула – 18 голів¹². Хоча такі обсяги тваринництва у господарствах болгарських переселенців й не йдуть ні у яке порівняння з обсягами, що мали місце у запорожців (їх найближчих сусідів), не слід забувати, що у балканців тваринництво не носило ринкової спрямованості, а мало вдовольняти внутрішньородинні потреби, а тому навіть у такому вигляді було самодостатнім.

На перешкоді розвитку тваринництва стояло кілька негативних факторів, як об'єктивних, так і суб'єктивних.

До об'єктивних слід віднести постійну загрозу епізоотій та посухи, які призводили до падежу худоби; обидва вони дамокловим мечем нависали над добробутом переселенця та його родини. Наведемо кілька досить характерних прикладів. Роки 1756 та 1757 видалися особливо неврожайними не тільки на злаки, а й на трави – Південна Україна потерпала від нестачі продовольства та фуражу. Рік 1758 був не набагато кращим; зима 1758–1759 рр. призвела до падежу та масового забою худоби у поселеннях Нової Сербії та Слов'яносербії. Вже 24 лютого 1759 р. генерал-майор Шевич був змушений клопотатися у Слов'яносербській комісії про видачу фуражних грошей службовцям його команди (без повернення), за зразком того, як вони були надані гусарам та пандурам Нової Сербії за наказом Правлячого Сенату¹³.

Несприятливим суб'єктивним фактором була «складна криміногенна ситуація» у регіоні. По обидва боки Дніпра орудували ватаги чи то чорноліських гайдамаків, чи то степових харцизів, лави яких постійно поповнювалися за рахунок «накипу» з України, Запорожжя, Ногайського степу та й самих Нової Сербії і Слов'яносербії. Про розмах цього явища свідчить той факт, що сам І. Хорват неодноразово звертався до запорожців

з проханням відшукати коней, які було викрадено гайдамаками з його хутора¹⁴. Про менш впливових службовців годі й казати. Збереглося два донесення офіцерів полків Шевича та Прерадовича до Слов'яносербської комісії – прапорщика П. Апостолова та капітана В. Станоева. Обидва вони стали жертвами конокрадів, які 6–7 жовтня 1763 р. діяли у околицях Бахмуту, та втратили, кожен, 2-х коней¹⁵.

Постає питання: чи варто було вкладати гроші, до того ж отримувани вкрай нерегулярно, у збільшення поголів'я домашніх тварин, якщо всі труди могло бути зведено на нівець першою ж пошестю чи шайкою розбишак? Очевидно, що більшість з колоністів вирішували для себе – «Ні!» Тому скотарство й не носило комерційного забарвлення; його продукція йшла лише на забезпечення власних потреб. Не слід, однак, й недооцінювати ступінь його розвитку. Про це свідчить хоч би той факт, що під час зимового нападу татар на землі колишньої Нової Сербії, взимку 1769 р., звідти було угнано 32 000 голів худоби та спалено близько 10 000 пудів сіна¹⁶.

Анексія північно-західної частини Вольностей у 1768 р. збільшила землі, що були заняті балканськими колоніями. Уже 1773–1774 рр. можемо спостерігати збільшення поголів'я худоби у колоністських господарствах, причому за рахунок саме фаміліатських отар. Зокрема, реєстр коней мешканців 15-ї роти Молдавського гусарського полку свідчить про те, що їх кількість у фаміліатів зросла, сягаючи інколи десятка та й більше голів на одне господарство: А. Ілієв – 11¹⁷.

Болгари, які переселилися до Південної України влітку 1773 р. на землі по р. Синюсі, привнесли нові риси в методику розведення домашньої худоби. Слід зауважити, що ще на батьківщині вони досить вправно та досвідчено займалися цим, віддаючи перевагу вівчарству. Місто Сілістра та його околиці, звідки походила абсолютна більшість переселенців цього часу, у другій половині XVIII ст. перетворилися на один з найбільших на Балканському півострові центрів сукновальної промисловості та виготовлення вовняних тканин типу «аба», які традиційно використовувалися для потреб турецької армії¹⁸. Населення багатьох районів Добруджі спеціалізувалося на поставці вовни до мануфактур, що передбачало існування високорозвиненого вівчарства.

Значну кількість худоби, незважаючи на майже півтори тисячі кілометрів, що відділяли нову колонію від метрополії, болгари привели з собою. Відомості про його точну кількість, навіть з одних і тих же джерел, часто не співпадають, а інколи навіть суперечать одне одному. Так, посилаючись на вже не існуючі документи Новоросійської губернської канцелярії, Полонська-Василенко повідомляє, що загальна кількість худоби, яку пригнала одна з оселених у Вільшанці груп, становила 1115 голів¹⁹. Дані, які навіть Шишмарев, можна вважати більш повними, не висмикнутими з головного контексту (при цьому обидва дослідники опрацьовували одну й ту ж саму архівну працю). Згідно них, лише прем'єр-майор І. Штерич відібрав у переселенців 1614 овець, 9 буйволиць, 5 телят та 4 коней²⁰. І то була лише незначна частина від загальної кількості. Реальна ж цифра мала бути більшою у 4–5 разів, адже за повідомленнями тієї ж Полонської-Василенко одних лише возів у переселенців налічувалося 320, а це, як мінімум, 600 коней чи буйволів²¹. Про те, що отари худоби у мігрантів сягали досить солідних розмірів, свідчать й масштаби заготівлі ними кормів – на початку серпня 1774 р. отаман Калниболцького куреню А. Білий рапортував Калнишевському, що болгари, які оселилися на ріках Ташлик, Синюха та Мазниця, «не тільки сіно, але й очерет по річках скопили»²².

Ще за часів Нової Сербії балканськими емігрантами було завезено тонкорунних мериносів²³. Розведення цих овець вимагало вельми дбайливого догляду за ними. Як відзначала О. Дружиніна, традиційно на півдні України розводили овець з грубою вовною. Їх утримували просто неба круглий рік; вони були невибагливі до кормів, але

якість вовни при цьому залишалася низькою – її можна було використовувати лише на найпримітивніші вироби²⁴.

Для мериносів необхідно було будувати спеціальні приміщення, які б захищали від холоду, спеки, пилових бур. Саме практику їх зведення привнесли болгари. То були так звані «ізби» – напівзаглиблені у землю вівчарні з низьким дахом. Хоча лексема «ізба» й притаманна більшості слов'янських мов, використання її у такому значенні зустрічається лише у болгарській²⁵. Саме з таким смисловим навантаженням проходить воно й у документах останньої чверті XVIII ст. Наприклад, капітан Болгарського гусарського полку П. Апостолов тримав на р. Мазниці «для випасу худоби овечий завод з п'яти ізб»²⁶. Пріоритет утримання таких заводів належав, звичайно ж, не лише офіцерству, а, насамперед, найбільш масовій категорії діаспоріантів – рядовим військовим поселенцям. Отримана від тонкорунних овець вовна поліпшеної якості в першу чергу використовувалася у власних господарствах – комплекс чоловічого вбрання, так звана «абічка», на 100% складався з сукна²⁷. Залишок (досить значний) продукції вівчарства йшов на продаж. Вівці з господарств болгарських поселенців Новоросійської губернії вважалися найкращими²⁸, а раціональні елементи болгарської традиції у цій галузі з цього часу поширилися серед інших етнічних груп регіону.

Ще до одної новації слід віднести завезення балканських буйволів, перша згадка про яких відноситься до вже згадуваних подій 1773 р.²⁹ У порівнянні з іншими породами великої рогатої худоби, для болгар буйволи стояли на першому місці. За спостереженнями, що зроблені на початку XIX ст. стосовно побуту болгар у Бессарабії (теж переселенці з Північної Болгарії), болгар надавали перевагу саме цьому різновиду тому, що буйволиці давали молока більше, аніж корови, й воно було жирнішим³⁰. Крім того, буйволів використовували для верхової їзди. Звичайно, буйволи програвали у порівнянні з сірою українською породою великої рогатої худоби, коли йшлося про використання їх у якості тяглової сили³¹. Програвали, але все ж таки були придатні й для такого роду діяльності. З огляду ж на м'ясо-молочний характер цієї худоби, кредит популярності її, особливо у балканців, перевищував подібний у ставленні до волів. Щодо внеску буйволів до загальної популяції великої рогатої худоби на півдні України, існує дві точки зору. Перша – негативна: у ґрунтовному дослідженні із статистики сільського господарства середини XIX ст. (тобто по закінченні саме такого відрізка часу, який дає можливість критично проаналізувати те чи інше явище) зазначається, що балканська худоба є найбільш дрібною та немічною породою рогатої худоби, і метисація балканських буйволів з українською сірою породою мала дуже поганий вплив на останню³². Друга – позитивна, але разом з тим це, так би мовити, реквієм нереалізованим можливостям. О. І. Дружиніна зауважує, що населення утримувало буйволів, але через поганий догляд вони були мало корисні³³.

Очевидно, буйволи таки розповсюдились по господарствах місцевих жителів. Поштовхом цьому прислужився широкий спектр можливостей їх використання. Але ж присутність цих позитивних рис була помітною лише там, де спостерігався досвід їх утримання, та не практикувалася метисація з іншими породами. Невдалим досвід їх розведення можна назвати лише стосовно місцевого населення, яке віддавало перевагу сірій українській породі. У болгарських поселенців буйволи, як і раніше, перебували у фаворі.

Отже, хоча питома вага поголів'я худоби та продукції тваринництва болгарських поселенців й не була значною у порівнянні з аналогічними у місцевого старожитнього населення, але привнесення ними нових порід худоби та методик її вирощування значною мірою збагатили господарчу традицію південноукраїнського регіону.

Заняття хліборобством у болгарських поселенців цілковито вміщувалося у рамки традиційної для регіону схеми та не несло у собі принципово нових рис – воно узгоджувалося з вже існуючими доробками тубільного українського населення. У той же час, твердження про те, що всі нові переселенці запозичували весь комплекс раціональних елементів української землеробської традиції, є некоректним, особливо коли йдеться про вихідців з Балкано-Дунайського регіону³⁴, оскільки землеробські навички у болгар були на високому рівні.

Помірковано континентальний клімат Дунайської пагорбкуватої рівнини, звідки походила абсолютна більшість болгарських емігрантів XVIII ст., її тучні чорноземи та густа система водної мережі, сприяли культивації злаків, хоча хліборобство й носило другорядний, допоміжний характер у порівнянні з тваринництвом³⁵. Тобто, як гео-кліматичні умови, так і напрямки господарської діяльності населення цього регіону та Південної України були майже тотожними. Територія степової України, де розселилися болгарські колоністи, не є цілковито однорідною ландшафтно. Певні відмінності існували. Зокрема, землі по рр. Вись, Синюха, Ташлик, Тясмин розташовано на кордоні степового та лісостепового поясів; річний рівень опадів тут дещо вищий, аніж на територіях, що тягнуться на Лівобережжі по Бахмуту, Лугані та Сіверському Дінцю й у місцевостях, що прилягають до нижньої течії Дністра і Південного Бугу та являють собою взірць «класичного» Степу.

Саме з цими обставинами було пов'язано районування злакових культур та їх сортів. Найбільшого поширення, відразу ж, серед населення балканських військово-землеробських колоній набули посіви жита та вівса. Така їх популярність пояснювалася, по-перше, більшою, у порівнянні з пшеницею, невибагливістю цих культур, які давали чудові врожаї навіть на глинистих ґрунтах, при недостатньому зволоженні³⁶. Також вони були значно стійкішими до морозу³⁷.

Кавалерійська орієнтація іррегулярних команд південної України також вимагала збільшення площ, які засівалися саме житом та вівсом, необхідними для прогодування кінського поголів'я³⁸. Кожному з військовослужбовців, які заступали до гусарських полків Нової Сербії та Слов'яносербії, казна надавала, беззворотно, посівний матеріал: 1 чверть жита та 2 чверті вівсу³⁹. Усі інші злаки, очевидно, вирощувалися вже за приватною ініціативою поселенців; це, однак, було більш притаманним саме населенню Нової Сербії через вже згадувані кліматичні фактори. Так, серед культур, які були присутні в посівах мешканців шанця Вілгош Пандурського полку, додатково до вівса та жита згадуються пшениця, ячмінь та гречка⁴⁰. Остання культура була незнаною балканцям на попередніх місцях мешкання, а запозичена від українців. Проте значного поширення вона не набула⁴¹.

Таким був набір сортів у болгарського населення, сконцентрованого на території, яка відповідала адміністративним кордонам Нової Сербії та Слов'яносербії.

Розширення ареалу болгарських колоній на південь, у зв'язку з територіальними надбаннями Російської імперії внаслідок успішних воєн 1768–1774 та 1787–1791 рр., збагатило та поліпшило спектр вирощуваних сортів. Ґрунти навколо майже всіх селищ цього району – міжріччя Дніпра та Дністра (нижня течія) були одноманітні, глинкувато-чорноземні, які у багате на дощі літо могли дати гарні врожаї, а у посушливе – майже нічого, хіба що вдавалося повернути посіяне⁴². Використання традиційних українських сортів, у даному випадку, було справою вкрай ризикованою. Тому й поширюються тут балканські, посухостійкі культури та сорти: з пшениці – арнаутка (*Triticum spicis longissimus*) – довгостеблинна пшениця з великим насінням жовтого кольору; просо (бор; *Panicum millaceum spicis*) та чорний аравійський ячмінь з жовтими, червоними

та синіми плодами (суданка; *Hordeum nigrum*)⁴³. Якщо останні два види досить швидко було зведено до рівня ендеміків, то арнаутка, завдяки нечутливості до морозів, посухи та степових вітрів, розпочала свою тріумфальну ходу просторами Північного Причорномор'я. Якщо додати сюди високий зміст клейковини у її насінні та чудові смакові якості, то стає зрозумілим, чому площі, які відводилися під посів саме цього сорту, зростали рік за роком⁴⁴.

Стосовно агротехніки рекультивациі злаків, то вона була однаковою для всіх етнічних груп на півдні України у XVIII ст. На перших порах поселенці, користуючись значними розмірами земельних ділянок, обробляли найближчі до поселень лани. Поселення традиційно розташовувалося поблизу до водоймищ. По мірі виснаження ґрунту, оранку робили все далі від селищ, залишаючи старі землі під сінокоси, а потім поверталися (переложна система). У перші роки по освоєнні земель хліб знімався з одного місця не більше 2-х разів, а потім перебиралися далі. Поступово дійшли усвідомлення того, що культивовані злаки демінералізують лише верхній шар ґрунту, і родючість легко поновити шляхом глибокої оранки⁴⁵. Потрібну глибину орання досягали шляхом використання важких плугів. При цьому важкий болгарський плуг нічим не різнився від аналогічного українського сабана з залізним ралом⁴⁶. Отже, апіорне твердження О. І. Дружиніної про те, що всі нові переселенці у регіоні переходили на використання українських знарядь праці, потребує цілого ряду обмовлень, коли йдеться про болгар⁴⁷. Стосовно ж використання тягової сили в таких плугах, то болгарі традиційно використовували коней та буйволів. Знову ж таки, твердження Дружиніної про те, що лише воли були у змозі підняти цілину, є безпідставними. Якщо провести аналогію з колонізацією росіянами степових районів Поволжя, Південного Сибіру, колонізацією землеробською у своїй основі, то стане зрозумілим, що воли не є такою вже універсальною робочою худобою – якщо коней у один плуг впрягали пару, то волів – 3 пари. Правильніше було б вести розмову про традиціоналізм у галузі використання порід, який склався саме на території українського Степу; до того ж кінь в уяві українців взагалі, а козацтва зокрема – тварина шляхетна, якій не місце в ярмі.

Стосовно внеску болгар у розвиток виноградарства, городництва та садівництва на півдні України, то він є беззаперечним, і часто, у якості аксіоми, констатується багатьма дослідниками⁴⁸. Й дійсно, початок масової культивациі винограду в Україні відноситься до часів заснування Нової Сербії; саме її мешканці, вихідці з країн Балканського півострова, були тямущими у цій справі⁴⁹. Очевидно, Україна мала завдячити появі цієї ягоди гастрономічним уподобанням переселенців, оскільки вжиток вин складав давню традицію всіх балканських етносів. Уже перші переселенці, почувши про відсутність улюбленої лози на нових місцях, привозили з собою дорогоцінні для них саджанці та дбайливо зрошували їх навколо зведених осель. Академік І. А. Гільденштедт, описуючи свою подорож теренами Жовтого та Чорного гусарських полків (колишня Нова Сербія), занотував, що «у багатьох місцях в цій провінції вирощують, у невеликій кількості, виноград» (рапорт № 37 до Академії наук з Кам'янського шанця від 22 квітня 1774 р.)⁵⁰. Траплялися виноградники й більші – належали вони представникам вищого новосербського офіцерства. Зокрема, у Хорвата існував цілий виноградний розплідник. Це видно з того, що в 1762 р. він на прохання гетьмана Розумовського надіслав останньому 30 000 саджанців та свого садівника, аби той допоміг їх посадити у маєтках гетьмана (під саджанцями, вірогідно, мались на увазі чубуки, а не вже укоріненні рослини. – В. М.)⁵¹.

З метою залучення до розведення цієї культури найширших верств населення Південної України протягом всього царювання Катерини II видавалися різноманітні цирку-

куляри та вказівки. Показовим у цьому відношенні є ордер правителя південного краю Г. О. Потьомкіна, згідно з яким наказувалося «всіх поміщиків і казенних поселян, що живуть на узбережжях морів та на берегах Дніпра від Хортиці до Лиману й по Бугу, зобов'язати розводити виноград» (15 червня 1790 р.)⁵². Болгарське населення краю не треба було зобов'язувати до цього, оскільки це була частини їх культури, за яку вони стійко трималися, що, у свою чергу, автоматично заносило їх до розряду «корисних» етносоціальних груп.

Стосовно техніки вирощування винограду болгарами, відзначимо, що лоза висаджувалася на терасах, утворених на схилах придатних для цього балок (при виборі тієї чи іншої балки обов'язково враховувалася пануюча роза вітрів)⁵³. З одного боку, це припиняло подальшу ерозію ґрунту, а з іншого – захищало лозу від морозних вітрів за рахунок заглибленості плантації та затримання лозою на схилах значної кількості снігу.

Ідентифікація сортів винограду, який вирощувався у господарствах болгарських поселенців, дає змогу зробити висновок про те, що сортова гама була досить широкою, від суто винних до вишуканих столових сортів з маленькою кількістю чи цілковитою відсутністю кісточок у ягоді, який йшов на виготовлення родзинок⁵⁴.

Стосовно городницької діяльності у господарствах болгарських поселенців, зазначимо, що воно, як і все їх сільське господарство, було на достатньо високому рівні. Окрім вирощування культур, спільних як для Балкан, так і для України – квасоля, огірки, дині та ін., болгари завезли й кілька нових (відомості надано по шанцю Новоархангельському)⁵⁵. Такими, безперечно, є солодкий (болгарський) перець та баклажани⁵⁶. Їх вегетаційний період цілком спокійно вміщувався у рамки південноукраїнського кліматичного літа (травень–вересень), але спекотні, бездошові тижні протягом нього вимагали особливо дбайливого догляду: постійного поливу та рихлення. Тому городи розташовувалися по берегах невеликих степових річок; для їх зволоження тут же будували зрошувальні машини, які приводилися у дію за допомогою тяглової сили і являли собою дерев'яні барабани з підчепленими до них цебрами (зазвичай шкіряними), які подавали воду до жолоба, що йшов до городів⁵⁷. Продукція болгарських городників досить швидко набула популярності на теренах всієї України, а методи культивування нових сортів овочів почали запозичуватися місцевим населенням.

* * *

Отже, починаючи з другої половини XVIII ст., внаслідок переселень балканських етнічних груп, у регіоні, насамперед у господарствах болгар, з'являються нові сорти злаків, фруктів, овочів та ягід; незнані до цього часу породи худоби та методи її утримання. Особливо помітним був внесок болгар у розвиток виноградарства та городництва, у практику вівчарства та рільництва. Ці новації у короткий проміжок часу поширилися на всі етнічні групи краю. Завдяки новим сортам злаків, завезеним та акліматизованим цими переселенцями, Південна Україна швидко перетворилася на найбільшого у Європі товарного виробника хлібу. У свою чергу, болгары запозичили деякі, найбільш раціональні, елементи з української сільськогосподарської традиції, органічно вписалися до регіональної економічної інфраструктури та зайняли у ній відповідну нішу. Можна стверджувати, що болгарські колоністи спеціалізувалися на постачанні сільгосппродукції у найбільші торговельні центри Північного Причорномор'я як для внутрішнього вжитку, так і на експорт. Таким чином, заснування болгарських поселень значно стимулювало розвиток сільського господарства на півдні України.

- ¹ Центральный державный архив вищих органов власти та управління України (ЦДАВОУ), ф. 3806, оп. 1, спр. 9, арк. 7.
- ² *Багалій, Д. І.* Заселення Південної України (Запорозжжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку. Харків, Вид. «Союз», 1920, с. 83; *Миллер, Д. П.* Заселение Новороссийского края и Потемкин. Изд. Харьк. общ-ва распространения в народе грамотности. Харьков, Типография Губернского правления, 1895, с. 45.
- ³ *Бойко, А. В.* Південна Україна останньої чверті XVIII століття. Частина 1. Аграрні відносини. Запоріжжя, РА «Тандем-У», 1997, с. 95.
- ⁴ *Иванова, Ю. В.* Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы. – В: Балканские исследования: вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. Вып. 9. М., Наука, 1984, 164–165.
- ⁵ Центральный державный історичний архів України в м. Київ (ЦДІАУК), ф. 1413, оп. 1, спр. 15, арк. 27, 32, 34, 38, 40, 43.
- ⁶ Там само, арк. 37.
- ⁷ *Бажова, А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII века. М., Наука, 1982, с. 242.
- ⁸ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в., с. 152.
- ⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 15: 1758–28 июня 1762 г., с. 475.
- ¹⁰ *Посунько, О. М.* Історія Нової Сербії та Слов'яносербії. Запоріжжя, РА «Тандем-У», 1998, с. 60, 61.
- ¹¹ ЦДІАУК, ф. 1413, оп. 1, спр. 15, арк. 27, 32, 34, 38, 40, 43.
- ¹² Там само, арк. 37.
- ¹³ Там само, арк. 204–204 зв.
- ¹⁴ *Посунько, О. М.* Вказ. праця, с. 61.
- ¹⁵ ЦДІАУК, ф. 1413, оп. 1, спр. 32, арк. 238–238 зв., 245–245 зв.
- ¹⁶ *Чечулин, Н. Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762–1774). СПб., Типография Главного управления уделов, 1896, с. 377.
- ¹⁷ ЦДІАУК, ф. 229, оп. 1, спр. 332, арк. 150.
- ¹⁸ *Шеремет, В. И.* Русско-турецкая торговля и балканские земли (конец XVIII – первая половина XIX в.). – В: Балканские исследования: вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. Вып. 9. М., Наука, 1984, с. 83.
- ¹⁹ ЦДАВОУ, ф. 3806, оп. 1, спр. 9, арк. 185.
- ²⁰ *Шшимарев, В. Ф.* Романские поселения на юге России. Л., Лен. отд. изд-ва «Наука», 1975, с. 60.
- ²¹ ЦДАВОУ, ф. 3806, оп. 1, спр. 9, арк. 185.
- ²² ЦДІАУК, ф. 229, оп. 1, спр. 343, арк. 30.
- ²³ *Посунько, О. М.* Вказ. праця, с. 63.
- ²⁴ *Дружинина, Е. И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 76.
- ²⁵ *Бунина, И. К.* Лексический состав говора ольшанских болгар. – В: Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 3. М., Изд. АН СССР, 1953, с. 28.
- ²⁶ Державний архів Херсонської області (ДАХО), ф. 14, оп. 1, спр. 25, арк. 10.
- ²⁷ *Иванова, Ю. В.* Вказ. праця, с. 165.
- ²⁸ *Лобачевский, В. С.* Летопись прихода села Ольшанки Святого Иоанна Милостивого церкви (Писанием начата в 1875 году). – Прибавление к Херсонским епархиальным ведомостям, 1891, № 12.
- ²⁹ *Шшимарев, В. Ф.* Вказ. праця, с. 60.
- ³⁰ Описание Бессарабской области, сост. ведомства гос. коллегии иностр. дел надворным советником Пав. Свиньиным, 1816 г. 1 июня. – В: Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Т. 6. Одесса, Городская типография, 1867, с. 190.
- ³¹ *Бойко, А. В.* Вказ. праця, с. 95, 166.
- ³² *Шмидт, А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Херсонская губерния. Ч. 2. СПб., Типографии Калиновского, 1863, 212–213, с. 216.
- ³³ *Дружинина, Е. И.* Вказ. праця, с. 76.
- ³⁴ Там само, с. 72.
- ³⁵ Алфатар. – В: Энциклопедия България. Т. 1. С., Изд. на БАН, 1978, с. 68.
- ³⁶ *Дружинина, Е. И.* Вказ. праця, с. 74.
- ³⁷ Очаковская зима по современному описанию. Сообщил В. Ястребов. – Киевская старина, 1884, т. 9 (май–авг.), с. 732.
- ³⁸ *Дружинина, Е. И.* Вказ. праця, с. 74.
- ³⁹ ЦДІАУК, ф. 1413, оп. 1, спр. 25, арк. 403 зв.

- ⁴⁰ Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського (ІР НБУ), ф. ІХ, оп. 1, спр. 1658, арк. 3.
- ⁴¹ *Дружинина, Е. І.* Вказ. праця, с. 74.
- ⁴² *Осадчий, Т. І.* Щербановская волость Елисаветградского уезда Херсонской губернии. Историко-этнографическое и хозяйственно-статистическое описание. Издание Херсонской земской управы. Херсон, Тип. О. Д. Ходушиной (б. Ващенко), 1891, с. 7.
- ⁴³ *Мейер, А.* Повественное землемерное и естествословное описание Очаковской земли. СПб., 1794, 113–114.
- ⁴⁴ *Дружинина, Е. І.* Вказ. праця, с. 73.
- ⁴⁵ *Шмидт, А.* Вказ. праця, с. 13, 17, 19.
- ⁴⁶ *Посунько, О. М.* Вказ. праця, с. 63; *Лобачевский, В. С.* Летопись прихода села Ольшанки Святого Иоанна Милостивого церкви. (Писанием начата в 1875 году). – Прибавление к Херсонским епархиальным ведомостям, 1891, № 11.
- ⁴⁷ *Дружинина, Е. І.* Вказ. праця, с. 72.
- ⁴⁸ *Шмидт, А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Херсонская губерния. Ч. 1. СПб., Военная типография, 1863, 535–537; *Багалій, Д. І.* Вказ. праця, с. 83; *Посунько, О. М.* Вказ. праця, с. 63.
- ⁴⁹ *Шмидт, А.* Вказ. праця, ч. 1, с. 143.
- ⁵⁰ Російська національна бібліотека (РНБ), ф. 609, оп. 1, спр. 10, арк. 124.
- ⁵¹ *Посунько, О. М.* Вказ. праця, с. 61.
- ⁵² К истории управления Новороссии князем Г. А. Потемкиным, Александра Богумила. Вып. 1 (ордера 1790–1791 гг.). Екатеринослав, Типография Губернского Земства, 1905, с. 63.
- ⁵³ ДАХО, ф. 14, оп. 1, спр. 291, арк. 244–244 зв.
- ⁵⁴ *Мейер, А.* Вказ. праця, с. 169.
- ⁵⁵ Очаковская зима..., с. 732.
- ⁵⁶ *Лобачевский, В. С.* Вказ. праця.
- ⁵⁷ *Посунько, О. М.* Вказ. праця, с. 63.

В. О. Свириденко

**ОДЕСЬКЕ БОЛГАРСЬКЕ НАСТОЯТЕЛЬСТВО МІЖ
КОНСЕРВАТИЗМОМ І ЛІБЕРАЛІЗМОМ: ПРОБЛЕМА
ВИЗНАЧЕННЯ ХАРАКТЕРУ ДІЯЛЬНОСТІ ОРГАНІЗАЦІЇ
(ДРУГА ПОЛОВИНА 1850-х–1860-ті роки)**

Активну роль у болгарському національно-визвольному русі відіграло Одеське болгарське настоятельство (далі – ОБН). Його причетність та роль в політичних і революційних рухах, спрямованих на визволення Болгарії, досі залишається недостатньо дослідженою проблемою. В історичній літературі закріпилась точка зору щодо єдності поглядів болгарських емігрантів півдня Росії і «старих» у Бухаресті та парадигма характеристики цих організацій як консервативних. Водночас мають місце спроби переосмислення ролі Одеського болгарського настоятельства у Болгарському відродженні. Зокрема, молдавський історик І. Забунов стверджує, що на межі 60–70-х рр. XIX ст., незважаючи на протиріччя, які існували між окремими представниками емігрантського середовища, основна маса болгар півдня Росії була ближча до «молодих»*, ніж до Добродійної дружини¹. Проте академік БАН К. Косев дотримується протилежної думки², тоді як професор Великотирновського університету І. Стоянов дещо розмежовує Добродійну дружину та Одеське болгарське настоятельство, наголошуючи, що останнє меншою мірою залежало від російської політики³. Зважаючи на розбіжності в історіографії, питання про належність ОБН до конкретної течії залишається відкритим.

У пошуках істини звернімось спочатку до компетентних сучасників подій. К. Іречек у праці «История на българите» зазначає, що Одеське болгарське настоятельство («Настоятелство на одеските българи, събиращи помощи в полза на отвъддунавските българи») було створене на зразок Добродійної дружини за сприяння Інокентія, архієпископа Херсонського та Одеського, котрий активно переймався болгарськими справами⁴. Одразу виникає питання, що мав на увазі чеський історик, говорячи, що настоятельство було «створене на зразок Добродійної дружини»: структурну подібність чи схожість у використаних методах для досягнення мети. Можливо, саме це свідчення і є причиною ототожнення ОБН із консервативно налаштованими організаціями.

Перш ніж з'ясувати характер діяльності настоятельства, визначимо, що ми розуміємо під поняттями «консерватизм» та «лібералізм». Консерватизм у широкому розумінні – це рух, ідеологія, орієнтована на збереження традиційних цінностей, ідеалів, порядків⁵. Лібералізм, що виник у середовищі буржуазії, є комплекс принципів та настанов, які відстоюють абсолютну цінність свободи особистості; це гнучка та динамічна система, відкрита для впливу з боку інших течій, що реагує на зміни в суспільстві⁶. У середині XIX ст. консерватизм «наповнюється» буржуазним змістом, формується так званий ліберальний (реформістський, «відкритий») консерватизм. Він передбачав здійснення реформ, змін у душі часу, базуючись на традиційних цінностях⁷. Зауважимо, що

* Під поняттям «молоді» маються на увазі сформований 1866 року в Бухаресті Таємний центральний болгарський комітет (далі – ТЦБК) та революційно налаштована група Г. Раковського, яка організаційно об'єднувалась навколо створеного ним Верховного народного болгарського таємного громадянського начальства.

застосування цих термінів щодо Балкан є доволі умовним, адже вони виникли у зовсім іншому (західноєвропейському) суспільному середовищі.

На наш погляд, при характеристиці початкового етапу функціонування ОБН є підстави для характеристики його як консервативно налаштованої організації. Тактика одеських діячів справді була подібною до застосованої членами Добродійної дружини. Зокрема, ще до створення організації засновник Одеського болгарського настоятельства службовець Одеської портової митниці Н. Х. Палаузов провів широку роботу з метою ознайомлення російського уряду та суспільства з тяжким становищем болгарського народу: ним було подано низку петицій до російських урядовців та надруковано велику кількість статей у тогочасних періодичних виданнях⁸. Одразу ж після створення ОБН у березневих випусках газети «Одесский вестник» Н. Палаузов розмістив адресовані до нього «Листи про Болгарію» Н. Герова, переклавши їх російською мовою. У «Листах» йдеться про тяжке становище болгарського населення в Туреччині та розходження між декларованими та реальними правами християнського населення імперії, висловлюється надія на допомогу Росії у полегшенні страждань болгар⁹. Тобто з самого початку свого заснування настоятельство планувало спиратись на допомогу Росії у визволенні болгарського народу з-під османського ярма.

Крім того, уже існував прецедент створення товариства, що допомагало болгарам та сприяло їх духовному відродженню – ще на початку Кримської війни (1853–1856) Хр. Мустаковим, Хр. Георгієвим, В. Бероном та Ів. Бакалогу у Бухаресті було сформовано так звану Епітропію* (з грецьк. – настоятельство), що в подальшому координувала дії болгарської еміграції в допомозі російській армії та збирала кошти для озброєння болгарських добровольців¹⁰. Епітропія, маючи амбіції бути представником болгарського народу серед еміграції, надіслала до одеських болгар листа із пропозицією взяти участь у зборі коштів на свою користь. Однак Н. Х. Палаузов, скликавши збори одеських діячів і висловивши схвалення акції бухарестських болгар, запропонував створити подібне товариство і в Одесі¹¹. Усі труднощі, пов'язані із заснуванням епітропії, зокрема, дозвіл генерал-губернатора на її створення, Н. Х. Палаузов взяв на себе. Для обговорення засад функціонування нової організації 2 лютого 1854 р. скликали збір одеських болгар на чолі з Ст. Д. Тошковичем та Н. Геровим¹². Було складено протокол, згідно з яким настоятельство створювалось як приватне товариство у складі чотирьох болгар-одеситів («настоятелів»): Ст. Д. Тошковича, Н. М. Тошкова, Н. Х. Палаузова та К. Н. Палаузова з метою допомоги російській армії¹³. Його членами стали заможні болгарські торговці та інтелектуали. Отже, соціальна база була спільна з «Добродійною дружиною», тобто це були консервативні елементи суспільства.

По закінченню війни настоятельство вважало за необхідне деякою мірою розширити масштаби своєї діяльності та певним чином змінити її характер (сприяти підготовці священників і вчителів для Болгарії, допомагати створенню нових церков та шкіл на її теренах й здійснювати інші культурно-просвітницькі заходи)¹⁴. 1 листопада 1856 р. воно звертається з петицією про необхідність заснування товариства для релігійно-морального виховання болгар до одеського архієпископа Інокентія, прохаючи стати його попечителем. Разом з петицією подавався і проект статуту¹⁵. Слід зазначити, що ще до відправлення цієї петиції між Н. Палаузовим та архієпископом Інокентієм велось листування. У листі від 26 липня 1856 р. Н. Палаузов пише преосвященному Інокентію, що задля надання настоятельству більш масштабного значення та можливості діяти

* Незабаром після створення Епітропія була офіційно визнана Росією, і вже 9 березня 1854 р. неофіційне товариство у складі чотирьох осіб перетворилось на комітет під назвою Центральне болгарське попечительство («Средоточно Българско Попечителство»). Згодом (1862) організація отримала назву «Добродійна дружина».

самостійно, його головою повинна бути особа, яка співчуває «нашій справі», користується авторитетом та популярністю, пропонуючи цю посаду архієпископу¹⁶. Архієпископ прийняв пропозицію. Офіційне визнання настоятельству надає імператорський указ від 21 травня 1858 р., згідно з яким ця організація визначалась як благодійна, без права політичної ініціативи¹⁷. Статут, скоригований Інокентієм, не був прийнятий, замість нього настоятельству 26 жовтня 1860 р. була надана тимчасова інструкція, що регламентувала його діяльність¹⁸.

Під час перебування в 1858–1860 рр. в Одесі Г. Раковський знайомиться з членами настоятельства і певний час користується їх підтримкою. Так, 1859 р. за кошти одеських болгар він видає свою працю «Показалець». Однак дуже швидко болгарський революціонер вступає з ними в конфлікт через особисті та політичні погляди¹⁹. Перше зіткнення між Раковським і Одеським болгарським настоятельством відноситься до 1858 р., коли він був звільнений з посади вихователя Херсонської семінарії за наполяганням Ст. Тошковича²⁰. Ще гостріший конфлікт спалахнув у 1859–1861 рр. по так званому переселенському питанню. Н. Палаузов активно виступав за сприяння російській владі у здійсненні переселенської політики (переселення болгар з Османської імперії до Південної Росії). Більше того, Новоросійський та Бессарабський генерал-губернатор доручив йому справу про болгарських переселенців за успішне, «сообразное с целями правительства», проведення якої Н. Палаузов отримав чисельні подяки від уряду²¹. Г. Раковський же був завзятим ворогом такої політики Росії, бо, як він вважав, це завдасть шкоди цілісності болгарської нації, перешкоджатиме її культурній та політичній консолідації²². Проте, незважаючи на ці протиріччя, коли Раковський підготував першу болгарську легію в Белграді наприкінці 1861 р. з метою підняття повстання в Болгарії, діячі настоятельства обіцяли надати допомогу. Членами Одеського болгарського настоятельства було зібрано 13 тис. срібних рублів, після чого на спеціальному засіданні одеські діячі схвалили ідею Раковського щодо обрання Белграда центром майбутнього повстання та вирішили зібрати додаткові кошти. Крім того, Н. Тошков обіцяв надіслати кілька досвідчених болгарських молодиків для включення в легію²³.

Політична діяльність ОБН активізується в середині 1860-х рр. Це було пов'язано зі змінами в російській політиці у Східному питанні. Протягом 1866–1867 рр. Османська імперія зазнала тиску як з боку Франції, так і з боку Росії. Поки перша наполягала на реформах у дусі хатт-і-хумаюна 1856 р., друга бажала автономії для підкорених християнських народів²⁴. У одній із записок, що мала стати основою для звіту в Міністерство закордонних справ (1866 р.), російський посол в Константинополі граф Н. П. Ігнат'єв зазначає, що Росія має допомогти християнам Османської імперії об'єднатись задля спільної боротьби проти Порту²⁵. Подібні ідеї він висловлює і в іншій записці (від 10 січня 1867 р.), адресованій директору Азіатського департаменту П. Н. Стремоухову. В останній російський дипломат також зазначає, що найактивнішою антиосманською силою є серби, а тому всіляку допомогу слід надавати саме їм. У цій же записці містилась ідея про можливість сербо-болгарського зближення в боротьбі за спільні інтереси та активну роль у цьому Росії²⁶.

У 1867 р. пропозиція створення сербо-болгарської федеративної держави виникла і в середовищі Добродійної дружини, про що доповідав Н. П. Ігнат'єву російський віце-консул в Пловдиві Н. Геров²⁷. Одеське болгарське настоятельство приєдналось до обговорення питання про створення федеративного «Південнослов'янського царства, яке б складалось з Сербії та Болгарії»²⁸. У Бухарест були відправлені Н. Тошков і В. Рашеєв, які 5 квітня 1867 р. брали участь у зборах, а П. Грамадову, призначеному посередником між Бухарестом і Одесою, доручалося координувати дії двох центрів²⁹. На

зібранні виявились певні протиріччя між Н. Тошковим і Хр. Георгієвим з питання щодо керівництва четницьким рухом. Н. М. Тошков пропонував кандидатуру Г. Раковського на цю посаду замість планованого П. Хітова, однак Хр. Георгієв рішуче виступив проти цієї пропозиції, й вона була відкинута³⁰. У цей же час Н. Тошков і В. Рашеев, за словами С. Стомонякова, були запрошені ТЦБК для обговорення деяких нагальних питань національно-визвольної боротьби. Одеське болгарське настоятельство домовилось про надання допомоги діячам Тасмного комітету, виділивши кошти на видання його друкованого органу – газети «Народност»³¹.

Повернувшись з Бухаресту, діячами настоятельства був організований збір пожертвувань серед болгар Одеси задля надання допомоги ТЦБК та озброєння болгарських чет. Розуміючи, що їх діяльність починає виходити далеко за межі офіційно затвердженої тимчасової інструкції, а це могло викликати звинувачення у її порушенні й призвести до ліквідації Одеської епітропії, «настоятели» знаходять іншу форму підтримки національно-визвольних змагань задунайських співвітчизників. Навесні 1867 р. в середовищі Одеського болгарського настоятельства, але водночас незалежно від нього, групою із 7 осіб був створений новий комітет у складі членів настоятельства Н. М. Тошкова, Н. Х. Палаузова, В. Н. Рашеева, К. Н. Палаузова, а також Н. Х. Пулієва, П. Гановича, М. Пашова³². Ухвала про його створення була прийнята на зібранні у помешканні Н. М. Тошкова 21 квітня 1867 р.³³, про що вже наступного дня листом було поінформовано російського посла в Константинополі Н. П. Ігнат'єва³⁴. Таким чином, політичну діяльність одеських діячів перебрав на себе новостворений Болгарський комітет в Одесі, тоді як ОБН продовжувало займатись культурно-просвітницькими справами³⁵.

Одеський Болгарський комітет планував продовжувати співробітництво з Добродійною дружиною, беручи участь у обговоренні питання про створення південнослов'янської федеративної держави та підготовці четницької акції в Болгарії, підтримувати контакти з ТЦБК. Однак, як відомо, проект створення «Південнослов'янського царства» провалився. Підготовка Одеським комітетом повстання четників у Болгарії також зазнала невдачі – багато в чому через надмірну орієнтацію на Росію³⁶.

Молдавські історики Н. Червенков і І. Забунов вважають, що Болгарський комітет в Одесі приєднався до ТЦБК³⁷. Проте тут, вірогідно, йдеться не про організаційне об'єднання, а про підтримку повстанської акції, оскільки І. Забуновим комітет розглядається як самостійна структура, і в підтвердження чого наводяться факти контактів з організаціями різного спрямування. Однак Н. Червенков вважає, що Одеський комітет був головним комітетом у Росії, який залежав від ТЦБК. Як відомо, згідно зі статутом ТЦБК («Основно законоположение на народните тайни комитети»), комітети поділялись на головні, другорядні та відділення – усі вони підпорядкувались Центральному комітету (ст. 5). Головні болгарські комітети передбачалось створити в Болгарії, Румунії, Сербії, Росії (ст. 8). У статті шостій зазначалось, що комітет може бути сформований при наявності якнайменше семи осіб³⁸. Можливо, цей збіг положень статуту з кількістю членів Одеського комітету, а також лист П. Грамадова до ТЦБК від 24 квітня 1867 р., у якому повідомляється про утворення нового товариства в Одесі у складі 7 осіб окремо від старого настоятельства та про його приєднання до ТЦБК й надання комітетові допомоги³⁹, і слугував причиною ототожнення Одеського комітету з дочірньою організацією ТЦБК.

На нашу думку, комітет в Одесі був цілком незалежною структурою в болгарському національно-визвольному русі. Низку аргументів щодо цього наводить болгарська дослідниця А. Кірілова. Серед них, зокрема, наступні: створення Одеського комітету не відповідало статутіві ТЦБК, згідно з яким передбачалось делегування представника від Центрального комітету задля створення місцевих комітетів; при заснуванні

комітету не була збережена таємність і не було проведено певний церемоніал, що було обов'язковим для ТЦБК, як зазначалось у його програмних документах⁴⁰. Крім того, члени Одеського комітету не звітують перед ТЦБК про виконаний обсяг роботи і не запитують інструкції щодо подальшої роботи⁴¹. Листування одеських діячів з членами Таємного центрального болгарського комітету це підтверджує: йдеться в основному про видання газети «Народност», запрошення когось із освічених болгар з Росії на посаду головного редактора; крім того, фігурують прохання до одеських болгар надіслати обіцяну фінансову допомогу на видання друкованого органу організації⁴². ТЦБК, як зазначав Н. Геров, постійно змінював свою зовнішньополітичну орієнтацію: спочатку він розраховував на союз з румунами та допомогу Європи, згодом став схилитись до протурецької позиції⁴³. Тоді як Одеське болгарське настоятельство і Одеський комітет мали чітко виражену проросійську спрямованість. З діяльності Болгарського комітету в Одесі видно, що ця організація ставила за мету координувати зусилля болгарської еміграції для боротьби проти османського ярма, підтримуючи контакти як з ТЦБК, так і з Добродійною дружиною⁴⁴. Слід також зазначити, що Одеський комітет планував встановити зв'язки зі слов'янськими комітетами в Москві та Петербурзі, надіславши до них не одного листа з проханням про сприяння⁴⁵.

Наприкінці 1868 р. з різних причин, у першу чергу у зв'язку із протиріччями серед болгарських емігрантських угруповань та через провал ідеї балканської федерації, Одеський комітет перестає існувати. Однак культурно-просвітницька діяльність одеських болгар на цьому не призупиняється; її головним провідником залишається ОБН, однією з ініціатив якого стає створення наукового товариства. Сама ідея була зафіксована ще в протоколі Установчих зборів Одеського болгарського настоятельства від 2 лютого 1854 р. Активна робота в цьому напрямі розпочалась навесні 1868 р.⁴⁶ Повідомивши Добродійній дружині про свій намір, Одеське болгарське настоятельство розпочинає листування з кишинівськими болгарами та Кіпріянівським монастирем, веде переговори з заможними болгарами Одеси. У грудні 1868 р. було розпочато збір пожертвувань на користь проектного товариства. Однак вже на початку 1869 р. між ОБН і Добродійною дружиною розгорілись суперечки щодо місцезнаходження каси наукового товариства. Кожна зі сторін мала претензії на контроль над новостворюваною структурою. У результаті виникло два проекти статуту Болгарського наукового товариства. Перший, розроблений болгарами Браїлі, передбачав зберігання коштів товариства в Одеському банку. Другий був запропонований членами Добродійної дружини, яка сподівалась встановити свій контроль над товариством. Врешті-решт більшість схвалила браїльський проект. Установчі збори Болгарського наукового товариства, що проходили з 25 по 29 вересня 1869 р., винесли постанову про його створення в Браїлі; кошти мали зберігатись в Одеському банку⁴⁷. Це рішення фактично позбавило одеських болгар керівництва товариством. Так чи інакше, вагомий внесок настоятельства в появу цієї структури є безсумнівним.

Окрім того, ОБН проводило широку роботу по збору коштів і наданні допомоги болгарським школам, церквам, окремим діячам, студентам тощо⁴⁸. У подальшому настоятельство встановило зв'язок з діячами Болгарського революційного центрального комітету (БРЦК)⁴⁹.

У зв'язку з усім вищезазначеним, цілком аргументованим видається припущення Н. Генчева: Одеське болгарське настоятельство відіграло не тільки культурно-просвітницьку роль в болгарському Відродженні, а й активну революційно-політичну. Як доказ, дослідник наводить картину контактів організацій різного політичного спектру⁵⁰. До певної міри погоджуючись з такою думкою, слід мати на увазі, що революційно-

політична діяльність відносилась переважно до роботи Одеського комітету (1867–1868), хоча його головні ідеологи були одночасно і членами Одеського болгарського настоятельства. Однак ця революційно-політична діяльність не виходила за межі російської зовнішньополітичної лінії, не проводився пошук інших союзників чи протекторів; головні зусилля одеських болгар були зосереджені на координації дій усіх емігрантських організацій. Тому можна стверджувати, що загальний курс ОБН був все ж таки консервативно спрямованим, а методи діяльності багато в чому визначались соціальним складом його членів. Незалежно від того, що настоятельство і Одеський комітет знаходились на півдні Російської імперії, вони були більш самостійними у своїх діях, встановлюючи зв'язки з організаціями різного спрямування, і не так сліпо підпорядковувались російській дипломатії як у випадку з Добродійною дружиною. На наш погляд, діяльність ОБН слід характеризувати як ліберально-консервативну («відкрито»-консервативну), тобто таку, яка передбачала сприйняття нових ідей, здійснення змін у дусі часу, спираючись на традиційні цінності. Проявами цього «відкритого» консерватизму є спроби настоятельства співпрацювати з ТЦБК і Добродійною дружиною.

¹ *Забунов, И. Д.* Болгары юга России и национальное болгарское Возрождение в 50–70-е гг. XIX в. Кишинев, 1981, 72–73.

² *Косев, К.* Кратка история на Българското възраждане. С., 2001, с. 124.

³ *Стоянов, И.* История на Българското възраждане. Велико Търново, 1999 (<http://www.chitanka.info/lib/text/5773>).

⁴ *Иречек, К.* История на българите с поправки и добавки от самия автор. С., 1978, с. 578.

⁵ *Честнейшин, Н. В.* Консерватизм и либерализм: тождество и различие. – Полис, 2006, № 4, с. 169.

⁶ *Гаджиев, К. С.* Либерализм: история и современность. – Новая и новейшая история, 1995, № 6, с. 15; *Шатири, И.* Введение в типологию либерализма. – Полис, 1994, № 3, 7–8; Либерализм Запада XVII–XX вв. М., 1995, 3–5.

⁷ *Гарбузов, В. Н.* Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор). – Полис, 1995, № 4, с. 62.

⁸ *Барсов, Н.* Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (1854–1884) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895, 6–7.

⁹ Одесский вестник, 1854, № 25, 6 марта; № 26, 9 марта; № 27, 11 марта; № 28, 13 марта.

¹⁰ *Якимов, Г.* Наблюдения върху организационния живот на «Добродетелна дружина». – Исторически преглед, 2004, № 5–6, с. 215.

¹¹ *Барсов, Н.* Вказ. праця, 7–8; *Генчев, Н.* Одеското българско настоятелство. – В: *Генчев, Н.* Научни трудове. Т. 1. София, 2003, с. 313.

¹² *Барсов, Н.* Вказ. праця, с. 8.

¹³ *Антова, Цв.* Николай Христофорович Палаузов. – Сп. на БАН, 1972, № 1, с. 61; *Червенков, Н.* Одеското българско настоятелство – защо престава да съществува? Документален източник (предисловие автора). – В: Българите в Северното Причерноморие. Т. 2. Велико Търново, 1993, с. 186; *Иречек, К.* Вказ. праця, с. 578.

¹⁴ *Антова, Цв.* Вказ. праця, с. 61.

¹⁵ *Барсов, Н.* Вказ. праця, 10–11.

¹⁶ Приложение к брошюре «Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (1854–1884)» и к материалам для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895, с. 9.

¹⁷ *Генчев, Н.* Одеското настоятелство в борбите за освобождението на България (1856–1878). – Исторически преглед, 1972, № 6, с. 11.

¹⁸ *Барсов, Н.* Вказ. праця, с. 19.

¹⁹ *Генчев, Н.* Вказ. праця, с. 12.

²⁰ Архив на Г. С. Раковски. Т. 1. С., 1952, док. № 9, 342–343; док. № 11, 346–351.

²¹ Державний архів Одеської області (ДАОО), ф. 5. Управління тимчасового Одеського генерал-губернатора 1879–1889 гг., оп. 1, д. 146, л. 230.

²² *Генчев, Н.* Вказ. праця, с. 13.

²³ Там само, 14–15.

- ²⁴ *Косев, К.* Източният въпрос в политиката на княз А. М. Горчаков. – Исторически преглед, 2004, № 5–6, с. 76; *Виноградов, В. Н.* Князь А. М. Горчаков – министър и вицекапелер. – Новая и новейшая история, 2003, № 2, с. 184.
- ²⁵ *Хевролина, В. М.* Николай Павлович Игнатъев: российский дипломат. М., 2009, с. 236.
- ²⁶ Там само, 227–229.
- ²⁷ Документи за българската история: Архивъ на Найден Геровъ. Т. 1. С., 1931, док. № 375, 376, 432–435.
- ²⁸ Русия и българското националноосвободително движение 1856–1876: документи и материали. Т. 2. С., 1990, док. № 236, 432–433; *Рангелов, Б.* Политическият национализъм на българското националноосвободително движение през Възраждането, 2004. – <http://simvol.boinaslava.net/index.php>
- ²⁹ *Стоянов, И.* Вказ. праця (<http://www.chitanka.info/lib/text/5773>).
- ³⁰ *Забунов, И. Д.* Болгарский комитет в Одессе в 1867–1868 гг. – В: 100-летие освобождения Болгарии от османского ига 1878–1978. М., 1978, с. 99.
- ³¹ *Стоянов, И.* Вказ. праця (<http://www.chitanka.info/lib/text/5773>).
- ³² *Забунов, И. Д.* Болгарский комитет в Одессе в 1867–1868 гг..., 95–96.
- ³³ Русия и българското националноосвободително движение 1856–1876..., док. № 240, 241, 437–438.
- ³⁴ *Забунов, И. Д.* Болгары юга России и национальное болгарское Возрождение в 50–70-е гг. XIX в. ..., с. 64.
- ³⁵ *Барсов, Н.* Вказ. праця.
- ³⁶ *Забунов, И. Д.* Болгары юга России и национальное болгарское Возрождение в 50–70-е гг. XIX в. ..., с. 69.
- ³⁷ *Червенков, Н. Н.* Политические организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50-х–60-е гг. XIX в. Кишинев, 1982, 58–59; *Забунов, И. Д.* Болгарский комитет в Одессе в 1867–1868 гг. ..., с. 100.
- ³⁸ Планове и програми в националноосвободителното движение през Възраждането. Сборник документи. Велико Търново, 1988, 23–24.
- ³⁹ *Кирилова, А.* Тайният централен български комитет и Одеският комитет през 1867 г. – В: Българско възраждане: Идеи–личности–събития. Годишник на общобългарския комитет «Васил Левски». Т. 6. С., 2004, 151–152.
- ⁴⁰ *Кирилова, А.* Вказ. праця, 158–159; Планове и програми в националноосвободително движение през Възраждането..., 23–24.
- ⁴¹ *Кирилова, А.* Вказ. праця, 158–159.
- ⁴² *Генчев, Н.* Вказ. праця, с. 18.
- ⁴³ Документи за българската история. Архивъ на Найден Геровъ. Т.1, док. № 377, 436–437.
- ⁴⁴ Русия и българското националноосвободително движение 1856–1876..., док. № 246, с. 445.
- ⁴⁵ Там само, док. № 247, 250, 447–450.
- ⁴⁶ Из историята на Българското книжовно дружество (1869–1911). Сборник по случай 125-годишния юбилей на БАН. С., 1994, с. 12.
- ⁴⁷ *Забунов, И. Д.* Вказ. праця, 47–49.
- ⁴⁸ Там само, 49–50.
- ⁴⁹ *Стоянов, И.* Вказ. праця (<http://www.chitanka.info/lib/text/5773>).
- ⁵⁰ *Генчев, Н.* Вказ. праця, 11–34.

И. Думиника

ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ БОЛГАР ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ (1856–1878 гг.)

В настоящее время в Республике Молдова и за рубежом заметно возрос общественный интерес к истории бессарабских болгар. Интерес обусловлен политическими и этнокультурными процессами, которые происходят в нашей стране, из-за чего многие аспекты прошлого оказались в центре внимания современных исследователей. В числе активно обсуждаемых вопросов находится и церковная жизнь, которая тесно связана со многими сторонами общественного и семейного быта.

Систематизация знаний о церковной жизни помогает лучше понять народную культуру, выявить ее своеобразие и традиционализм, а также раскрыть процессы этнокультурного взаимовлияния болгар с румынским и другими соседними народами.

Хронологические рамки работы охватывают 1856–1878 гг., когда Южная Бессарабия вошла в состав Молдавского княжества, а с 1859 г. – Объединенного Румынского Королевства, вернувшись по решению Берлинского конгресса 1878 г. в пределы Российской империи.

К положению бессарабских болгар в этот период впервые обратился И. С. Иванов. Бывший в 1858–1866 гг. попечителем бессарабских болгар, он пытался дать собственную оценку их переселению, указывая, что «только здесь, в России, в соплеменной единственной стране болгары нашли братский приют и утешение. В результате этого сорок лет назад образовалась Новая Болгария»¹. Полезные сведения о болгарях оставил офицер российского Генерального штаба А. Зашук², ограничившись, правда, внешнем описанием исторических фактов без попытки их глубокого осмысления. Хотя его информация почти в точности совпадает с данными А. А. Скальковского, все же он пытался уделить большее внимание статистике народонаселения. В целом же А. Зашук подошел к освещению и решению ряда проблем с позиции правительственного чиновника.

В 1914 г. выходит работа известного русского ученого Н. С. Державина³, где подробно изложены причины переселения болгар: спасение от османского ига, сохранения языка и традиций. Будущий академик АН СССР и БАН проследил всю дальнейшую судьбу переселенцев – от прибытия до обустройства их на пустынных степях Буджака. Автор справедливо указывает на то, что именно потребность в рабочих руках заставила царское правительство принять колонистов. Труд Н. С. Державина носит исследовательский характер, так как при описании болгарских колоний автор пользуется не только личными наблюдениями, но также архивными материалами и другими источниками. Двухтомник Н. С. Державина стал первой обобщающей работой, где комплексно исследован широкий круг вопросов этнографии, истории и языка болгарских колоний на юге Российской империи, обозначен ряд научных проблем, в частности заселение, численность, хозяйственная деятельность болгар, которые в дальнейшем получили развитие в советской и российской историографии.

Заметным шагом в изучении проблемы стала книга болгарского историка Йова Титорова по истории переселенцев в Бессарабии, повествующая об их устройстве на «новой земле»⁴. Автор подробно описал заселение города Болграда выходцами из Сливена

и Ямбола. Им затронут и вопрос о большой смертности, постигшей болгарское население. Главную причину этого явления он видит в том, что болгары, выросшие в благоприятных природных условиях у себя на родине, не могли освоиться в засушливом климате Буджака.

В межвоенный период обращение к истории болгар Бессарабии диктовалось прежде всего международной ситуацией, связанной с политикой Бухареста в отношении национальных меньшинств, в том числе и к болгарам, часть которых проживала на территории, возвращенной в 1918 г. Румынии. На основе воспоминаний бессарабских болгар и личных документов были написаны работы В. Дяковича⁵ – одного из руководителей Союза бессарабских болгар.

Первым, кто в румынской историографии межвоенного периода занялся изучением болгарских колоний, был Г. М. Драгомир⁶. Опираясь на личные наблюдения, посещая колонии и «общаясь с старейшинами сел»⁷, изучив законодательные акты в отношении болгар, он попытался в деталях описать появление и организацию болгарских колоний на юге Бессарабии, проанализировать права и привилегии, которые были им даны еще при царской власти. Одну из целей привлечения болгарских колонистов в Буджак Г. М. Драгомир усматривал в христианизации данной территории⁸.

В 1930-е гг. проживавший в Добриче Димитр Минчев написал специальную работу по истории болгарских колонистов в Бессарабии⁹. Его заслуга состоит в том, что он первым затронул вопрос о плодотворных для двух народов румыно-болгарских связях¹⁰. Автор справедливо называет Румынию одним из важнейших центров культурного Возрождения болгар. Д. Минчев раскрывает их культурное и духовное развитие в Бессарабии через строительство «на новой родине» городов, школ и церквей.

Заметный след в изучении болгарской диаспоры оставил буковинский историк Ион Нистор¹¹. В 1944 г. в Бухаресте вышла его книга о болгарских и гагаузских колониях в Бессарабии¹². Тем самым И. Нистор первым из румын дал историко-этнографическое описание гагаузов, выделив их из общей массы болгар. Опираясь на архивный материал, автор приводит статистические данные о болгарях Баната и Бессарабии, указывая жудец (традиционная административно-территориальная единица Румынии. – *И. Д.*), коммуны и количество проживающих в них болгар.

Тема болгарской миграции из Бессарабии в Крым и Приазовье также неоднократно поднималась в работах ученых¹³. И. С. Иванов отметил, что российское правительство не оказало должной материальной поддержки болгарским колонистам русской части Бессарабии во время переселения 1860–1862 гг. М. Г. Попруженко ввел в научный оборот ряд ценных документов, среди которых послание болгар Молдавского княжества к Александру II, обращение болгар в Европейскую комиссию с просьбой о создании благоприятных условий в Молдове для их проживания¹⁴.

Отметим определенный вклад в исследовании проблемы украинского историка Владимира Туркова¹⁵ и его молдавских коллег Николая Червенкова и Ивана Грека¹⁶, затронувших некоторые аспекты духовной жизни болгарских переселенцев.

В середине 90-х гг. выходят также две статьи Виталия Вэратека¹⁷, который на основе румынских и российских архивов приводит статистические данные, относящиеся к этническому составу населения Бессарабии во время присоединения ее к Молдавскому княжеству (1856), а в Софии защищается кандидатская диссертация «Школьное дело и культурная жизнь болгарских переселенцев в Бессарабии (1856–1878)» Екатерины Челак¹⁸, опубликовавшей ранее несколько статей по отдельным аспектам темы¹⁹. Более обстоятельное исследование интересующего нас периода, последовавшего за Парижским миром 1856 г., его роли для дальнейшего социально-экономического развития болгарских и гагаузских сел провел С. З. Новаков, старший научный сотрудник Института межэтнических исследований Академии наук Молдовы²⁰.

Однако все вышеназванные авторы не ставили своей целью выявление роли внутренних и внешних факторов в развитии церковной жизни болгар южной Бессарабии, что предопределило выбор темы этой статьи.

Как известно, Крымская война 1853–1856 гг., которая была проиграна Россией из-за ее военной и экономической отсталости, окончилась для Петербурга миром, подписанным 18 (30) марта 1856 г. в Париже²¹. В статье 20-й указывалось, что взамен городов, портов и земель (Севастополь, Балаклава, Камыш, Керчь–Еникале) и для лучшего обеспечения судоходства по Дунаю российский император соглашается на проведение новой граничной черты в Бессарабии, начало которой устанавливается пунктом на берегу Черного моря, расположенном на расстоянии одного километра от соленого озера Бурна-Сола; она примкнет перпендикулярно к Аккерманской дороге, по которой будет следовать до Троянова вала, затем пойдет южнее Болграда и вверх по реке Ялпух до высоты Сарацика и селения Котул Морий на Пруте. От сего пункта вверх по реке прежняя граница между двумя империями – Российской и Турецкой – остается без изменений. Согласно статье 21-й, «пространство земли, уступленное Россией, будет присоединено к княжеству Молдавскому под верховной властью Блистательной Порты. Живущие на сем пространстве земли крестьяне будут пользоваться правами, присвоенным княжествам Молдовы и Валахии. В течение трех лет им дозволяется переселяться в другие места и свободно распоряжаться своею собственностью»²².

В 1856 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф А. Г. Строганов назначил комиссию по передаче Южной Бессарабии Молдавскому княжеству во главе с бессарабским военным губернатором генерал-майором М. С. Ильинским. Комиссия должна была подготовить и предоставить все сведения молдавским комиссарам о передаваемом крае²³.

В свою очередь, Святейший Синод своим указом от 25 мая 1856 г. (№ 4830) предписал архиепископу Кишиневской епархии Иринарху сотрудничать с М. С. Ильинским, а если получится, то и с «самим высшим офицером Генштаба России генерал-майором Фонтон-де-Веррайоном» по вопросам, касающимся церковных дел отходящей части Бессарабии. Иринарх должен был точно привести данные, «сколько и какие именно церкви останутся в отграничиваемой части Бессарабской области, сколько духовных лиц состоит ныне при каждой из сих церквей, откуда и какое получают они содержание, сколько при каждой из них состоит ныне прихожан, не имеется ли при некоторых из сих церквей богаделен, школ или иных заведений; а затем сообразить ближайшим образом возникающий вопрос о том, представляется ли какая-либо возможность удерживать за сими церквями и состоящим при них духовенством надзор со стороны Российской православной церкви и на каком именно основании»²⁴.

Своим последующим указом (№ 3385) от 18 сентября 1856 г. Святейший Синод предписывал епархиальному начальству: сдача церквей должна была происходить «с возможною гласностью, в присутствии почетнейших прихожан». В указе настоятельно советовалось объяснить духовенству, что оно может воспитывать своих детей в русских учебных заведениях и, в случае необходимости, искать покровительства в России²⁵.

По поручению Святейшего Синода архиепископ Иринарх командировал в Яссы протоирея Николая Данилевского для переговоров с митрополитом Софронием Миклеску относительно сохранения и поддержания в передаваемых церквях существующего порядка «для духовной пользы православных прихожан»²⁶. Интересен тот факт, что Н. Данилевский должен был просить митрополита Молдовы о возложении на почетнейших жителей городов и селений в качестве ктиторства – попечения о содержании церквей, преимущественно из болгар – там, где они составляют большинство населения. Митрополит принял все эти условия и, более того, согласился на то, чтобы разрешить проведение богослужений на старославянском языке во всех церквях, где оно

доселе проводилось. При этом Софроний предложил учредить для церквей, передаваемых молдавской митрополии, особую епархию с назначением епископа, знающего русский язык. 18 ноября 1856 г. каймакам (наместник) Молдовы боярин Теодор Балыш также гарантировал обеспечение проведения богослужений там, где это возможно, на «природных языках». Из этого следует, что болгарам разрешалось проводить богослужения на их родном языке, который был понятен прихожанам в колониях.

По распоряжению архиепископа Иринарха, церковнослужители составили описи движимого и недвижимого имущества передаваемых церквей и всей церковной утвари. Получилось три большие книги, которые хранились в архивах Кишиневской церковной консистории²⁷.

Передача церквей состоялась 1 марта 1857 г. В 10 часов утра передавали церкви уездов Кишиневского и Кагульского и колониетского управления старший благочинный Бендерского уезда протоиерей Феодосий Мураневич и священник Гавриил Друганов в присутствии члена консистории протоиерея Феодора Сланинова²⁸. В свою очередь, старший благочинный Аккерманского уезда протоиерей Александр Кочубинский и его помощник протоиерей Сильвестр Вахницкий в присутствии Феодора Сланинова передали церкви Измаильского градоначальства и Аккерманского уезда. С молдавской стороны церкви принимали титулярный ставропольский епископ, магистр Киевской академии Филарет Скрибан и архиерей Феоктист Скрибан²⁹. Молдавской митрополии были переданы 124 церкви, из которых в Кишиневском уезде – 2, в Кагульском уезде – 39, в Болградском уезде – 37, в Измаильском уезде – 18, в уезде Четате-Албэ – 25³⁰.

На пространстве, которое отошло к Молдавскому княжеству, проживало более 140 000 жителей³¹, из них половину составляло болгарское население, проживавшее между Прутом и озером Сасик в Южной Бессарабии³². По подсчетам Н. З. Новакова, численность болгар в Южной Бессарабии составляла 43 373 душ обоего пола, в том числе 22 374 мужчин и 20 999 женщин³³. С тяжелым сердцем болгары подчинились своему новому правительству, которое, естественно, не могло полностью сочувствовать их стремлению увидеть свою историческую родину – Болгарию, освобожденной с помощью России. Не всех прельстила альтернатива – покинуть все то, что накапливалось в течение нескольких десятилетий, и подвергнуть себя новым испытаниям, переселившись вглубь Российской империи³⁴.

Понимая, в каком тревожном состоянии находились болгары, молдавское правительство во главе с каймаканом Т. Бальшем обратилось к колонистам с прокламацией «К жителям части Бессарабии, переходящей к Молдове»³⁵, в которой торжественно обещало сохранить права и привилегии, дарованные им в разное время правительством России.

После смерти Бальша колонисты просят нового наместника Николая Конаки Богороди, который к тому же был болгарин по происхождению, подтвердить их права и привилегии. Так как Богороди стремился установить отношения взаимопонимания между колонистами и новым правительством, 6 и 10 июня 1858 г. он не только выдает хрисовул (важнейшая жалованная грамота. – *И. Д.*), который подтверждал права болгар, но и разрешил им открыть в Болграде гимназию³⁶.

После того как Южная Бессарабия была разделена на три округа – Кагульский с центром в г. Кагуле, Болградский с центром в г. Болграде и Измаильский с центром в г. Измаил³⁷, некоторые священники обратились к российскому консулу в г. Галац Романенко с просьбой о выдаче им паспортов на проезд в Россию; некоторые хотели переехать с целью повидать родственников, а другие – с целью смены места жительства. В свою очередь, Святейший Синод, принимая во внимание просьбу молдавского духовного начальства «не допускать без особенной уважительной причины священнослужителям отошедших к Молдавии церквей оставлять свои места», предписал архиепископу Иринарху «отклонять по возможности просьбы духовенства о переселении в Россию»³⁸.

Когда церкви Южной Бессарабии вошли в состав Ясской и Сучавской Митрополии, для прямой администрации бессарабских церквей 26 марта 1857 г. была образована консистория с резиденцией в г. Измаил³⁹. Феоктист Скрибан стал первым организатором и управляющим Измаильской консистории. Заслуга Феоктиста Скрибана состоит и в том, что сразу после образования консистория 1 мая 1857 г. он открыл церковную школу для подготовки духовенства. Обучение велось на румынском и русском языках, что способствовало посещению этой школы болгарами. Архимандрит мотивировал свое решение тем, что только десять клириков из трех цинутов (волость в Молдавском княжестве, возглавлявшаяся пыркэлабом, или старостой; равна уезду. – *И. Д.*) имели соответствующее понимание их духовной миссии⁴⁰. Церковная школа находилась под прямым надзором Ясской Митрополии.

Консистоциальный и преподавательский состав в церковной школе г. Измаила состоял из директора Ф. Скрибана, священника болгарина Симиона Топалова и Якова Чайковского. Первый бюджет консистория составил 3192 червонцев в год, а в 1860 г. он достиг до 5442 червонца⁴¹.

После объединения Молдовы и Валахии в 1859 г. господарь объединения Александру Ион Куза вместе с премьер-министром Михаилом Когэлничану «для лучшего религиозного, нравственного и национального состояния народа» приняли указ, по которому в 1864 г. была образована Нижнедунайская епархия⁴². К новой епархии, кроме Болградского и Измаильского округов, присоединялись Кавурлуйский и Брэильский округа. Взамен этого к Хушской епархии отошел округ Кагульский⁴³. Господарским декретом № 1617 от 17 ноября 1864 г. епископом новой епархии был назначен известный ученый Милхиседек Стефанеску, магистр Киевской духовной академии выпуска 1851 г., член Академии наук Румынии, бывший министр культов⁴⁴. Целью образования новой епископии было развитие религиозного православного чувства и внедрение элементов румынизма у народов, проживавших в южной Бессарабии.

Немаловажную роль для образования болгар сыграла духовная семинария, открытая в Измаиле 14 ноября 1864 г. По господарскому декрету № 1597 церковная школа, учрежденная еще Феоктистом Скрибаном, переводилась в ранг духовной семинарии⁴⁵. Состояла она из четырех классов. В духовную семинарию поступали лица, окончившие полный курс светских училищ. После ее окончания учащиеся поступали в семиклассную Ясскую семинарию. Учебный персонал Измаильской семинарии состоял из ректора и семи учителей. Семинария содержалась за счет свечного дохода от церквей до 1865 г. Когда же была образована Измаильская епископия, содержать семинарию стали за счет казны. Учителя получали по 200 франков в месяц. С 1875 г. семинария была расположена в доме Флора Степановича Журавлева (после смерти его вдовы). По завещанию дом стал собственностью духовенства, и семинария перестает платить его аренду⁴⁶.

Считаем, что открытие семинарии было значимым событием, так как на юге Бессарабии она была единственной, став местом обучения многих известных болгар, которые со временем внесут немаловажную лепту в духовное развитие юга Бессарабии. Среди выпускников семинарии встречаем такие болгарские фамилии, как Феодосий Теодоров – священник, Марин Томов и Влодов Александр – бессарабцы⁴⁷; многие впоследствии изберут учительское поприще, как, например, преподаватель лицея клирик Измаильского собора Иоан Кирилов. Педагогом духовной семинарии работал и Игнат Дима (Димов) из измаильских болгар. В 1878 г., после перемещения семинарии в Галац, пройдя экзамены, он был назначен переводчиком в консульстве Румынии в Русуке⁴⁸. Из церковной школы г. Измаил вышли Дмитрий и Георгий Агура, болгары по происхождению, родившиеся в коммуне Чешмаваруита Измаильского уезда. Первый, после того как с успехом окончил филологический факультет в Яссах, был одним из любимых учеников профессора

Т. Л. Майореску, работая затем преподавателем в лицеях городов Ботошань и Болград, затем в Торговой школе Галаца. Потом он перебрался в Софию, где стал профессором всеобщей истории университета и главой правительства Болгарии. Вторым в 1877 г. перешел на службу в болгарскую армию, дослужившись до ранга генерала армии и царского адъютанта⁴⁹. Выпускником духовной семинарии был и священник церкви Св. Николая в колонии Еникией Кагульского уезда Христофор Теодоров, назначенный на службу в 1872 г.⁵⁰

Как отмечалось выше, церкви воссоединенной Бессарабии входили в состав двух епархий и находились под контролем епископов Мелхиседека Измаильского и Иосифа Хушского. Непосредственный надзор за церквями и духовенством выполняли три уездных протоиерея из болгарского, измаильского и кагульского уездов. Первые два подчинялись измаильской духовной консистории, а третий – Хушской епархии. Уездные протоиереи вели клировые ведомости о состоящих на службе духовных лицах. С 1865 г. стали вестись краткие записи о священниках, без указаний о времени увольнения из церквей. В период 1856–1878 гг. священникам от румынской казны отпускались: а) жалование трем уездным протоиереям – измаильскому, болгарскому и кагульскому (8052 франка, т. е. по 2684 франка каждому); священники сельских церквей получали от 400 до 500 франков⁵¹.

Вопросами назначения и отчетности по церковным доходам с 1866 г. занимались сельские и городские примэрии (органы местного самоуправления. – *И. Д.*). Но так как церковные старосты вместе с примарами часто злоупотребляли церковными доходами, то румынское правительство с 1874 г. учредило церковные попечительства, в состав которых входили священник и церковный староста, который выбирался прихожанами без ограничения сроков службы и без утверждения епархиального начальства. В попечительство входил также и один прихожанин, который назначался городской управой⁵². Члены попечительства составляли на каждый год смету прихода и расхода церковных сумм, которая утверждалась для сельских церквей сельской, а городских – городской управами. Отчет предоставлялся примэриям. Примэрии же с 1864 г. отвечали за ведение метрических книг. Лишь когда с 1874 г. Мелхиседек ввел новые метрики, в которых отсутствовала колонка с указанием даты рождения, звания и отчества родителей и даже не отмечалось, в законном ли браке они состояли, ими начали заведовать церковные причты⁵³.

Сельские церкви были одноклирные, то есть ими заведовал только один священник. В соборных храмах можно было встретить несколько священнослужителей. Так, в центре болгарского водворения в Бессарабии г. Болграде – Преображенском соборе – на службе находились протоиереи Иосиф Глизян, сакелларий Иоанникий Стадников, священники Платон Данилов, Михаил Казанакли, Андрей Параладов, дьякон Николай Агура, певцы Иван Николаев, Адам Бобир, Фома Кириллов, Иоанн Бузилов и параекклизиархи Стефан Бунзук и Владимир Букатарь. В болгарских сельских приходах Каракурт, Чешмаваруита и Ердекбурну священники носили титул сакелларии⁵⁴.

В болгарских колониях и г. Болграде епископ Мелхиседек поощрял церковные служения на славянском языке, тем более что в селах служили священники по происхождению болгары. Само собой, часто церковная служба велась и на румынском языке⁵⁵. В 1871 г. была воздвигнута вторая церковь Святого Николая⁵⁶, а между ней и Преображенским Собором был проложен бульвар с аллеями из деревьев. В кафедральном соборе в праздничные дни пел певчий хор, который со временем стал болгарским народным⁵⁷.

Церкви в Южной Бессарабии получили казенные земельные наделы еще от русского правительства. Половину этой земли, согласно новому закону «О приведении в порядок государственных Бессарабских имений, населенных колонистами и государственными поселянами от 12 июня 1874 г.», причты должны были выкупать в собственность. Законом от 14 февраля 1875 г. срок выкупа был установлен в 15 лет, а законом от 19 мая 1878 г. он продлевался еще на 10 лет⁵⁸.

Немалую смуту вызвал указ румынского правительства, по которому болгары должны были отдавать предпочтение гражданскому браку перед церковным, что означало добровольность церковного венчания. Население, привыкшее жить по религиозным обычаям и участвовать во всех церковных таинствах, посчитало, что это посягательство на религию, обычаи и нравы болгар. Поэтому оно отказалось подчиниться. Чтобы не вызвать массовых волнений колонистов, правительство пошло на компромисс: гражданский брак остался обязательным, а духовный брак должен был быть проведен в будущем священником; свадьба проводилась по старым народным обычаям болгар, а примэрии ограничивались формальностью: они должны были составить акт бракосочетания и отправить его молодоженам для подписи их и родителей.

Из вышеизложенного приходим к выводу, что во время воссоединения Южной Бессарабии с Молдавским княжеством и переходом более 20 колоний с болгарским населением под юрисдикцию Молдовы, а затем и объединенной Румынии, болгары сохранили свои традиции. Этому способствовала и законодательная политика румынского правительства, которое через указы 1857, 1858 и 1864 гг. пыталось содействовать дальнейшему духовному развитию бессарабских болгар. Назначенный в 1864 г. на должность епископа Милхиседек Стефанеску поощрял богослужение на болгарском языке. Более того, все исторические процессы, происходившие здесь в 1856–1878 гг., способствовали духовному единению болгар. Через свои церкви и учебные заведения они внесли весомый вклад в культурное развитие южной Бессарабии. Так, за период 1863–1874 гг. здесь было построено 7 церквей. У болгар появляются и свои центры духовного просвещения. Примером является церковная школа, открывшаяся в 1875 г. по инициативе Феоктиста Скрибана, – она служила местом обучения молодого духовенства. Немаловажную роль сыграла и Болградская гимназия, открывшаяся в 1858 г. Ее выпускниками являлись интеллигенты, которые в дальнейшем вносят свой вклад в культурную и политическую жизнь не только данного региона, но и Болгарии. В то же время в церковной организации болгары сохранили свой традиционализм, поддерживая добрые взаимоотношения с местным румынским населением. Болгарские священники как носители своеобразной духовной культуры являлись фактором, который не только способствовал религиозно-нравственному воспитанию мирян, но и сохранению их национальной идентичности.

¹ *Иванов, И. С.* Краткий очерк болгарских колоний в Бессарабии. – В: Записки Бессарабского областного статистического комитета. Т. 3. Кишинёв, 1864, с. 19.

² *Защук, А.* Этнография Бессарабской области. – В: Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). Т. 5. Одесса, 1863, 491–586.

³ *Державин, Н. С.* Болгарскія колоніи въ Россіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерніи). Матеріалы по славянской этнографіи. – В: Сборник за народни умотворения и народопис. Т. 29. София, 1914. 224 с.

⁴ *Титоров, Й.* Българите в Бесарабия. София, 1903.

⁵ *Дякович, В.* Българска Бесарабия. Историко-етнографски очеркъ съ спомени за генерала Иван Колев отъ съучениците му по гимназия съ отечественици: Вл. Дякович, Д. И. Николаев, П. Бачурин и д-р К. Бачурин. София, 1918. 246 с.; *Его же.* Българите в Бесарабия. Кратък исторически очерк с пет приложения. [б. и.] София, 1930. 118 с.

⁶ *Dragomir, G. M.* Coloniile bulgare din sudul Basarabiei. Tulcea, Tip. Națională, 1923. 96 с.

⁷ Там же, с. 6.

⁸ Там же, с. 11.

⁹ *Mincev, D. N.* Bulgarii din Bsarabia de sud. Constanța: imprim. «Grafica modernă», 1938. 48 с.

¹⁰ *Mincev, D. N.* România și Renașterea bulgară. Constanța 1936. Он же: Rolul Basarabiei în epoca Renașterii bulgare – Din Trecutul Nostru, Chișinău, 1937, anul 5, No 40–50, 46–50.

¹¹ *Nistor, I.* Istoria Basarabiei. Chișinău, Cartea Moldovenească, 1991. 295 с.

¹² Nistor, I. I. Așezările bulgare și găăuțe din Basarabia (Analele Academiei Române, memoriile secțiunii istorice. Seria 3, tomul 26, meni.13). București, 1944. 393 с.

¹³ Иванов, И. С. Заметки о переселении болгар из Молдавии в Новороссийский край. Одесса, 1862. 21 с.; *Его же*. Краткий очерк болгарских колоний в Бессарабии. Б. м, 1864; Стойков, П. Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени. – Труды Бессарабского историко-археологического общества. Вып. 6. Кишинев, 1911, 1–72.

¹⁴ Попруженко, М. Г. Из материалов по истории славянских колоний в России. – Записки Одесского общества истории и древностей (далее: ЗООИД). Т. 28. Одесса, 1910, 1–34; *Его же*. Участие Одессы в возрождении народа болгарского. – ЗООИД. Т. 30. Одесса, 1912, 296–413; Барсов, Н. П. Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (1854–1884) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895.

¹⁵ Турков, В. В. Політика Росії щодо переселення та влаштування бесарабських болгар на південноукраїнських землях. 1856–1871 рр. Автореф. дис... канд. іст. наук. – Харків, 1997, 21 с.

¹⁶ Грек, И. Преселването на българи от бесарабската част на Молдовското княжество в Приазовието (края на 50-те – началото на 60-те години на XIX в.). – В: Българите в Северното Причерноморие. Т. 2. Велико Търново, 1993; *Его же* и Червенков, Н. И. Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. София, ИК «Христо Ботев», 1993. 296 с.

¹⁷ Văratec, V. Sudul Basarabiei revenit în componența Principatului Moldovei la 1857 (Teritoriul și populația). – Destin Românesc. Chișinău, 1995, nr. 2, 13–33. *Его же*. Un moment «De Cumpană» în istoria târgului Cahul. – Revista de istorie a Moldovei. Chișinău, 1995, nr. 2, 62–68.

¹⁸ Челац, Е. И. Училищно дело и культурен живот на българските переселенци в Бесарабия (1856–1878). Автореф. дис... канд. іст. наук София, 1996. 29 с.

¹⁹ Челац, Е. И. Българското национално образование в Руска и Румънска Бесарабия: опит за съпоставяне върху примера на Болградската гимназия и Комратското централно училище (1856–1878). – В: Болградската гимназия. Сборник по случай 135-годишнината от основаването ѝ. София, 1993, 90–99. *Её же*. Българското начално образование в Румънска Бесарабия през 1856–1878 гг. – В: Българите в Северното Причерноморие. Т. 4. Велико Търново, 1995, 203–213.

²⁰ Новаков, С. З. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1918). Chișinău, «Tipografie Centrală» 2004. 578 с.

²¹ Acte și documente relative la istoria renascerii României, publicate de Ghenadie Petrescu, Dmitrie A. Sturdza și Dmitrie C. Sturdza. Vol. 2. București, 1889.

²² Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952, с. 29.

²³ Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ), ф. 134, оп. 3, д. 154, л. 11–23.

²⁴ Пархомович, И. Деятельность архиепископа Иринарха в период управления им Кишиневской епархией. – Труды Бессарабского церковно-историко-археологического общества, Кишинев, 1911, вып. 6, с. 53.

²⁵ Popovski, N. Istoria bisericii din Basarabia în veacul al XIX – lea. subț ruși, Chișinău, Tipografia Eparhială »Cartea Românească», 1931, с. 109.

²⁶ Пархомович, И. Указ. соч., с. 54.

²⁷ Там же, с. 57.

²⁸ НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 6457, л. 302.

²⁹ Пархомович, И. Указ соч., 57–58.

³⁰ Там же; Popovski, N. Указ. соч., с. 110.

³¹ А. Защук считал, что в Южной Бессарабии проживало 127 912 душ обоего пола. – *Защук, А.* Материалы для географии и статистического описания России. Бессарабская область. СПб., 1862, с. 252.

³² Văratec, V. Указ. соч., с. 13.

³³ Новаков, С. З. Указ. соч., 42–43.

³⁴ Иванов, И. Указ. соч., с. 19.

³⁵ Греков, М. Как ние освобождавахме България. Т. 1. София, 1990, с. 218.

³⁶ Титоров, Й. Указ. соч., с. 124.

³⁷ НАРМ, ф. 329, оп. 3, д. 1380, л. 44.

³⁸ Пархомович, И. Указ соч., с. 59; Popovski, N. Указ. соч., с. 110.

³⁹ Раци, М. М. Amintiri besericești din Basarabia Sudică sub cărmuirea română din 1857–1878 – Revista societății istorico-arheologico-bisericești din Chișinău, 1929, Vol. 19, с. 381.

⁴⁰ Раци, М. М. Указ. соч., 382–383.

⁴¹ Там же.

⁴² Пархомович, И. Указ соч., 61–62.

⁴³ Фрацман, И. К вопросу о епархиях в Бессарабии. Кишинев, 1901, с. 55.

⁴⁴ Раци, М. М. Указ. соч., 383–384.

- ⁴⁵ Anuarul Istoric al Seminariul «Melhisedec Episcopul» din Ismail (Cinci ani de școală românească în Basarabia) de Iconomul Stavr. Gheorghe Leu, Tipografie Bisericească din Sfântă Mănăstire Cernica, 1923, с. 19.
- ⁴⁶ Пархомович, И. Деятельность архиепископа Павла в период управления им Кишиневской Епархией. – Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества. Кишинев, 1912, вып. 7, 45–46.
- ⁴⁷ Anuarul Istoric al Seminariul «Melhisedec Episcopul» din Ismail..., 21–22.
- ⁴⁸ Раци, М. М. Указ. соч., с. 389.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Anuarul Eparhiei Chișinăului și Hotinului (Basarabia). Chișinău, Tipografia Eparhială, 1922, с. 43.
- ⁵¹ Пархомович, И. Деятельность архиепископа Павла..., с. 78–79.
- ⁵² Там же, с. 47.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же, с. 65.
- ⁵⁵ Дякович, В. Указ. соч., с. 26.
- ⁵⁶ См.: Приложение 1. Строительство церквей в болгарских колониях Южной Бессарабии.
- ⁵⁷ Там же, с. 27.
- ⁵⁸ НАРМ, ф. 329, оп. 3, д. 1380, л. 43–48.

Приложения

Приложение 1

Строительство церквей в колониях болгарского водворения Южной Бессарабии (1856–1878)

Колония	Церковь	Год основания
Карагач	Св. Николая	1863
Кишлица	Св. Николая	1865
Картал	Св. Георгия	1866
Ердекбурну	Св. Архангела Михаила	1867
Фрикацея	Св. Троицы	1867
Импущита	Св. Николая	1871
Вайсал	Св. Ильи	1874

Источник: Anuarul Eparhiei Chișinăului și Hotinului (Basarabia). Chișinău, 1922, 131–138.

Приложение 2

Спасо-Преображенский собор г. Болград

С. І. Пачев

ВИСВІТЛЕННЯ ПРОЦЕСУ БОЛГАРСЬКОЇ КОЛОНІЗАЦІЇ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я В ІСТОРИКО- ЕТНОГРАФІЧНИХ СТУДІЯХ М. С. ДЕРЖАВІНА

Актуальність проблеми, що розглядається у цій статті, визначається потребою вироблення виваженої етнонаціональної політики з огляду на поліетнічність нашої держави. Це потребує толерантного ставлення до історичної спадщини усіх етносів, що складають українську політичну націю. У повній мірі це відноситься і до болгарської етнічної меншини, яка займає одне з перших місць за чисельністю в Україні.

Перед вітчизняною історичною наукою, крім завдань дослідження історії болгар в Україні, постає завдання вивчення історіографії окресленого питання. У зв'язку із цим великий інтерес становить вивчення наукового доробку М. С. Державіна в галузі історії болгарської меншини в Україні.

Праці М. С. Державіна неодноразово привертали увагу вітчизняних та зарубіжних дослідників. Серед останніх публікацій, у яких вивчалися студії М. С. Державіна кінця ХІХ – початку ХХ ст. з історії болгарських поселень Таврійської, Херсонської та Бессарабської губерній, можна назвати праці Віталіни Міхеєвої¹, Андрія Непомнящого², Володимира Туркова³, Олени Белової⁴, Стефана Дойнова⁵. Дослідники роблять висновок про те, що становлення М. С. Державіна як вченого-болгариста відбулося до 1917 р.⁶ Високо оцінюється і його книга «Болгарські колонії в Росії» як перша узагальнююча праця, у якій було комплексно вивчено широке коло питань з історії, етнографії та діалектології болгарських поселенців півдня України⁷ і яка послужила основою для наступних дослідників болгарської діаспори в Україні⁸.

Слід зазначити, що основний наголос у названих працях був зроблений на досягненнях М. С. Державіна в етнографічному і діалектологічному вивченні болгарських поселень. Новизна нашої статті полягає в акцентуванні уваги на історичному аспекті роботи М. С. Державіна «Болгарські колонії в Росії». Цей аспект, як правило, або окреслювався дослідниками фрагментарно, або взагалі недооцінювався.

Об'єктом дослідження є праця М. С. Державіна «Болгарські колонії в Росії», що стала підсумком його багатогранної наукової діяльності у кінці ХІХ – на початку ХХ ст., а предметом – погляди вченого на історію болгарських поселень в Україні. Мета нашої статті – визначення внеску праці М. С. Державіна у вивчення історії болгарських поселень в Україні. Відповідно ставиться завдання з'ясувати місце історичної складової у комплексному дослідженні М. С. Державіна, виявити новизну його історичних поглядів та їх значення для подальших наукових студій.

Хоча основна наукова діяльність М. С. Державіна пов'язана із С.-Петербурзьким (пізніше – Ленінградським) університетом, можна без сумніву стверджувати, що становлення його як особистості і науковця відбулося саме в Україні. М. С. Державін народився у Північній Таврії у болгарському селі Преслав, завершив Сімферопольську гімназію 1896 р. Дух любові до історії багатонаціонального Таврійського краю, яким була просякнута сімферопольська інтелігенція, не міг не вплинути на майбутнього вченого під час його навчання у Криму. Недаремно у передмові до книги «Болгарські колонії в Росії» він висловив подяку голові Таврійської вченої архівної комісії А. І. Маркевичу

як своєму вчителю. Вищу освіту М. С. Державін також здобув в Україні, завершивши Ніжинський історико-філологічний інститут 1900 р.

Історико-етнографічно-діалектологічні дослідження болгарських поселень Північної Таврії М. С. Державін розпочав наприкінці XIX ст. Перші експедиції та наукові публікації він здійснив ще у студентські роки. Усього М. С. Державін провів п'ять експедицій (1897, 1900, 1904, 1910, 1911), відвідавши майже всі болгарські поселення Таврійської, Херсонської та Бессарабської губерній. Ученому також випала можливість двічі (у 1903 р. та 1910 р.) побувати в Болгарії, де він мав нагоду опрацювати фонди Народної та університетської бібліотек.

Попередні результати своїх досліджень М. С. Державін поступово виклав у низці статей, опублікованих як у столичних виданнях (журналах «Этнографическое обозрение», «Известия СПб. Славянского благотворительного общества», «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук»), так і у провінційних (журналі «Известия Таврической ученой архивной комиссии»)⁹. Матеріали, що містяться у цих статтях, пізніше були враховані вченим при написанні першого та другого томів його праці «Болгарські колонії в Росії»¹⁰, які були оприлюднені у 1914 та 1915 рр.

Книга М. С. Державіна «Болгарські колонії в Росії» стала першою узагальнюючою працею, присвяченою комплексному дослідженню болгарської етнічної групи на півдні України, передусім діалектологічному та етнографічному. З цього погляду вагомість праці М. С. Державіна не викликала сумнівів ні у дослідників його наукової творчості, ні у самого автора. У передмові він відзначив, що, не вважаючи свою роботу з дослідження болгарських колоній цілком завершеною, він відчуває «...себе в деякій мірі задоволеним...»¹¹.

Що ж стосується історичного матеріалу, який вміщено до першого тому, то він, скоріше, мав допоміжний характер. В усякому разі М. С. Державін не ставив перед собою спеціальну мету досліджувати історію болгарських поселень, вважаючи основним «...своїм завданням етнографічне та діалектологічне обстеження наших болгарських колоній...»¹². Тобто автор скромно поставився до своїх здобутків як історика, позиціонує себе, передусім, як етнограф та філолог.

Проте історичний матеріал займає в роботі досить великий обсяг – майже третину тексту. Виклад власне етнографічних питань М. С. Державін починає лише з п'ятого розділу, а перші чотири розділи¹³ присвячені розгляду питань, більшість з яких сміливо можна віднести до розряду історичних, зокрема загальної історії заселення краю, історії болгарської колонізації, уточнення кількості болгарських населених пунктів, динаміки зростання болгарського населення у трьох губерніях, історико-правових основ поселення і влаштування болгар, розвитку соціально-економічних та культурних процесів серед болгар тощо. До цього слід додати також досить ґрунтовний і об'ємний «Короткий історико-бібліографічний нарис розвитку етнографічних досліджень у Болгарії»¹⁴.

Праця починається з фізико-географічної характеристики території Таврійської, Херсонської та Бессарабської губерній – рельєфу, ґрунту, рослинності, клімату. При цьому М. С. Державін вводить до тексту досить обширні цитати з різних джерел, у тому числі й місцевих історико-географічних нарисів, статистичних оглядів та земських звітів. На основі зазначеного матеріалу М. С. Державін робить висновок, що болгарські поселення в названих трьох губерніях знаходилися не у зовсім однакових умовах, і ці розбіжності певною мірою впливали на їхній розвиток.

У короткому нарисі про історію заселення територій Таврійської, Херсонської та Бессарабської губерній представниками різних етносів М. С. Державін зібрав та узагальнив історичні відомості про болгарську колонізацію на півдні Російської імперії, що були у розпорядженні вчених на той час. Хоча він не ставив завдання провести ґрунтовне дослідження з цього питання і більшість викладеної інформації навряд чи несе у собі наукову новизну, само по собі відповідне узагальнення мало важливе значення для подальшого вивчення

історії міграції болгарського населення на території півдня України та Молдови. Цінним доробком для наступних дослідників стала й змістовна бібліографія з історії болгарської колонізації в Російській імперії, що була ретельно підготовлена М. С. Державіним¹⁵.

Водночас при висвітленні низки питань, пов'язаних із процесом переселення болгар, М. С. Державін певною мірою розвинув цю проблему.

Розкриваючи питання про початок болгарської колонізації у Північному Причорномор'ї та Приазов'ї, М. С. Державін спирається на дослідження А. А. Скальковського. Він відзначає, що «...перші *достовірні свідчення* (курсив наш. – С. П.) про поселення болгар у Новоросійському краї значно пізнішого часу, не раніше половини XVIII ст., коли указом Правлячого Сенату від 24 квітня 1752 р. болгарські поселенці були оселені на річці Вісі, а пізніше – у селищах сербського гусарського полку по річці Синюсі...»¹⁶.

Але в даному дослідженні М. С. Державін випередив А. А. Скальковського, який у праці «Болгарські колонії у Бессарабії та Новоросійському краї» (Одеса, 1848) висловився надто обережно: «Побоюючись пускатись в археологічні і невірні припущення про давність болгарського оселення в Південній Росії, ми задовольнимось поки що тими відомостями, які відшукали в офіційних актах і достовірних переказах тутешнього краю. Засновуючись на них, скажемо безпомилково, що перше офіційне поселення болгарських вихідців у Новоросійському краї відбувалося близько 1752–1754 років»¹⁷. Однак М. С. Державін далекий від думки, що цю дату слід взяти за відправну точку болгарських переселень на територію краю. Не маючи на той момент у своєму розпорядженні документальних джерел про більш ранні випадки «болгарської колонізації», він був твердо переконаний, що вони існували¹⁸. Новітні дослідження українських істориків підтвердили правоту М. С. Державіна. Зокрема, В. І. Мільчев у монографії «Болгарські переселенці на півдні України. 1724–1800 рр.»¹⁹ (2001), спираючись на фонди Центрального державного історичного архіву України (м. Київ), документально довів наявність болгар серед переселенців 20-х років XVIII ст. Це були особи, що прибували в Україну з території Австрії задля вступу на службу до російської армії.

Іншим внеском М. С. Державіна у вивчення історії болгарської діаспори в Україні слід вважати уточнення ним загальної кількості болгарських поселень на території Північного Приазов'я, заснованих під час масового переселенського руху початку 60-х рр. XIX ст.

Питання це, незважаючи на свою зовнішню простоту, насправді виявилось заплутаним. Дослідники називали різні дані: А. Клаус у 1868 р. – 47 поселень, В. Постніков у 1890 р. – 37 поселень (без урахування чотирьох зниклих), В. Бертенсон у 1901 р. – 34 поселення (у межах Бердянського повіту). Причиною цих розбіжностей стала недостатня наукова критика дослідниками даних офіційної статистики, яка грішила неуважним ставленням до етнічного складу населення окремих колоній.

Розуміючи важливість питання для вивчення загального процесу формування болгарської діаспори на Півдні України (у т. зв. «Новоросійському краї» та Бессарабії), М. С. Державін присвятив його висвітленню 15 сторінок своєї праці. Залучивши широкий комплекс статистичних джерел, він склав детальний список усіх населених пунктів на території Таврійської, Херсонської та Бессарабської губерній, які будь-коли згадувалися у джерелах як болгарські. Потім, спираючись на власні багаторічні польові етнографічні спостереження (нагадаємо, що дослідник особисто відвідав майже всі болгарські села цього регіону), він ретельно уточнив цей список.

У результаті проведеної роботи М. С. Державіним було вилучено зі списку 5 сіл у Бердянському повіті (Дунаївку, Нельговку, Гамівку, Девнінське та Георгіївку) та 3 села у Мелітопольському повіті (Волканешти, Олександрівку, Дмитрівку), що помилково у статистичних джерелах названі болгарськими. Отже, беззаперечною заслугою М. С. Державіна можна вважати виявлення представників інших етносів (росіян, українців, молдаван, албанців та гагаузів) з-поміж великої кількості іноземних колоністів, які у 1861–1862 рр. прибули до

Таврійської губернії з тієї частини Бессарабії, котру було відторгнуто від Російської імперії за наслідками Кримської війни, що у джерелах без розбору іменувалися болгарами.

Додатково М. С. Державін вказав у списку 6 сіл Бердянського повіту та 1 село у Мелітопольському повіті, що були названі у джерелах як болгарські, проте насправді на початку ХХ ст. не існували. Серед них 5 сіл дійсно були засновані болгарами (Михайлівка, Царицине, Оленівка і Варварівка у Бердянському повіті та Болград у Мелітопольському повіті). Вони зникли з різних причин упродовж 60–70-х рр. ХІХ ст., тобто невдовзі після переселення. До списку болгарських сіл М. С. Державін також не включив численні окремі болгарські хутори, а також виселок з 5 сімей колишніх поселенців с. Варварівки у Бердянському повіті.

Загальний висновок, який робить М. С. Державін про кількість болгарських сіл у Північному Приазов'ї на початку ХХ ст., виглядає так: у Мелітопольському повіті – 1 село, у Бердянському повіті – 28 сіл (разом – 29 сіл)²⁰. На жаль, підрахунки та уточнення М. С. Державіна не завжди бралися до уваги наступними дослідниками. У працях з історії болгарської діаспори в Україні та Молдові, що вийшли у ХХ ст., ми знову спостерігаємо розбіжності при визначенні кількості болгарських сіл Північного Приазов'я.

Іншим історичним аспектом, що був порушений у праці «Болгарські колонії в Росії», можна назвати аналіз динаміки зростання чисельності болгарського населення у Бессарабській, Херсонській та Таврійській губерніях. Слід звернути увагу на той факт, що спостереження, які охоплюють такий великий період (з кінця ХVІІІ ст. до початку ХХ ст.) з використанням широкого кола статистичних джерел, були зроблені вперше, і в цьому, безперечно, значна заслуга М. С. Державіна.

Помітне місце в роботі посідає також вивчення соціально-економічної сторони розвитку болгарських переселенців. М. С. Державіном зроблено аналіз землеволодіння в болгарських колоніях протягом другої половини ХІХ ст. на основі зіставлення даних А. А. Скальковського (40-і роки ХІХ ст.), А. Клауса (60-ті роки ХІХ ст.) із даними губернських статистичних комітетів початку ХХ ст. (по Таврійській губернії – за 1902 р., по Херсонській губернії – за 1904 р.). До наукового аналізу були залучені також «Володінні записи», складені на початку 70-х рр. ХІХ ст., дані волосних правлінь та особисті спостереження автора. Деякі з цих документів на сьогодні є втраченими.

На основі наявних даних, які, на жаль, були недостатніми для здійснення точних підрахунків, М. С. Державін констатує відсутність суттєвого зростання загального обсягу болгарського землеволодіння у Таврійській, Херсонській та Бессарабській губерніях з моменту наділення переселенців землею під час заснування населених пунктів. Він вважає, що приріст земельних ділянок за рахунок декількох «...новоутворених висілків у Таврійській губернії (повіти Феодосійський та Сімферопольський) покриваються зменшенням землеволодіння декількох колоній Бердянського повіту, що розпалися»²¹. Враховуючи той факт, що за цей період населення болгарських сіл збільшилося майже вдвічі, М. С. Державін робить висновок про зменшення забезпеченості землею болгар наполовину.

М. С. Державін прослідкував процес земельного розшарування в середовищі болгарських селян, які на момент переселення отримали однакові ділянки. Зокрема, проаналізувавши документи волосного правління у с. Преслав Бердянського повіту Таврійської губернії (які, до речі, не збереглися), він відзначає, що «лише 49 дворів (17,3%) так чи інакше втримали первісний наділ; 25 дворів збільшили його (8,8%), решта ж – більшість, 209 дворів, зменшили»²².

Таким чином, хоча М. С. Державін не ставив перед собою завдання досліджувати історію болгарських колоній і відповідний розділ має допоміжні функції для основного дослідження, за обсягом історичний матеріал у роботі займає майже третину тексту. Хоча історичний нарис, в основному, побудований на даних, взятих з праць попередників (А. Скальковського, А. Клауса), його значення не обмежується узагальненням історіографічного досвіду. Значна частина історичного матеріалу представляє результат власних

досліджень М. С. Державіна, містить у собі наукову новизну і має важливе значення. Недооцінка деякими істориками ХХ ст. історичної складової у комплексному дослідженні М. С. Державіна (викликана, до певної міри, скромним ставленням до неї самого автора), мала наслідком ігнорування окремих важливих висновків ученого деякими науковцями. Це призвело до повторення ними помилок, виправлених свого часу М. С. Державіним.

Отже, не намагаючись перебільшити вагомість історичної складової у комплексному дослідженні М. С. Державіна «Болгарські колонії в Росії», маємо всі підстави стверджувати, що ця праця видатного болгариста має серйозне наукове значення не лише як етнографічна та діалектологічна, а й як історична.

¹ *Михеева, В. В.* Болгари півдня України і Молдови в історико-етнографічній літературі кінця XVIII–XX ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук, 7. 00. 06. Дніпропетровський держ. ун-т. Дніпропетровськ, 1997. 17 с.; *Михеева, В. В.* Труд Н. С. Державіна «Болгарские колонии в России» и его место в болгаристике. – В: III Дриновские чтения «Проблемы источниковедения, историографии, истории и культуры Болгарии, истории болгаристики», 25–27 октября 1994 г. Тезисы докладов. Харьков, 1994; *Михеева, В. В.* Из рукописного наследия академика Н. С. Державіна. Материалы по истории и этнографии болгар. – В: Українська історична наука на порозі XXI століття. Харківський історіографічний збірник. Харків, Авеста, 1996, вип. 2, 103–112.

² *Непомнящий, А. А.* Исследования Н. С. Державіна в контексте историко-этнографического изучения Крыма в последней трети XIX – первой трети XX века. – В: Буковинський історико-етнографічний вісник. Вип. 3. Чернівці, 2001, 78–80.

³ *Турков, В. В.* Политика России по переселению и обустройству бессарабских болгар на Южно-украинских землях. Дис. ... канд. ист. наук, 7. 00. 02. Харьковский гос. ун-т. Харьков, 1996. 169 с.

⁴ *Белова, Е. В.* Миграционная политика на юге Российской империи и переселение болгар в Новороссийский край и Бессарабию (1751–1871). М., РГОТУПС, 2004. 230 с.

⁵ *Дойнов, Ст.* Българите в Украйна и Молдова през Възраждането (1751–1878). С., АИ «Марин Дринов», 2005. 362 с.

⁶ *Михеева, В. В.* Из рукописного наследия академика Н. С. Державіна. Материалы по истории и этнографии болгар. – В: Українська історична наука на порозі XXI століття. Харківський історіографічний збірник. Харків, Авеста, 1996, вип. 2, с. 106.

⁷ *Белова, Е. В.* Вказ. праця, 14–15.

⁸ *Дойнов, Ст.* Вказ. праця, с. 10.

⁹ *Державин, Н. С.* У болгар в Таврической губернии. – Этнографическое обозрение, 1901, № 4; *Державин, Н. С.* Этнографические условия развития болгарских колоний Бердянского уезда Таврической губернии. – Известия СПб. Славянского благотворительного общества, 1902–1903, № 2.

¹⁰ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии. – В: Сборник за народни умотворения и народопис. Т. 29. С., Държавна печатница, 1914. 259 с.; *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России. Т. 2. Язык. Пг., 1915. 648 с.

¹¹ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)... с. XI.

¹² Там само, с. IX.

¹³ Там само, 1–73.

¹⁴ Там само, 205–256.

¹⁵ Там само, с. 28.

¹⁶ Там само, с. 9.

¹⁷ *Скальковский, А. А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848, с. 3.

¹⁸ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)... с. 9.

¹⁹ *Мільчев, В. І.* Болгарські переселенці на півдні України. 1724–1800 рр. Київ-Запоріжжя, РА «Тандем-У», 2001. 198 с.

²⁰ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)... с. 26.

²¹ Там само, с. 56.

²² Там само, с. 58.

В. В. Турков

КУЛЬТУРНО-ОСВІТНЯ ПОЛІТИКА РАДЯНСЬКОЇ ДЕРЖАВИ ЩОДО БОЛГАРСЬКОЇ НАЦІОНАЛЬНОЇ МЕНШИНИ УКРАЇНИ У 20–30-х рр. ХХ ст.

Питання, пов'язані з вивченням культурно-освітньої політики радянської держави по відношенню до болгарської національної меншини України у 20–30-ті рр. ХХ ст., знайшли своє місце у працях радянських, сучасних українських та болгарських істориків. Такі дослідники, як М. Д. Дихан¹, Л. О. Пашковський², Б. В. Чирко³, першими в радянській історіографії висвітлили окремі аспекти цієї політики. У їх статтях і монографіях наголос було зроблено на дослідженні провідної ролі комуністичної партії у здійсненні політико-виховної роботи у середовищі болгар, ролі болгар-політемігрантів в організації клубів, створенні мережі освітніх закладів, у поширенні та виданні літератури болгарською мовою.

Значно ширше відображення окреслена тема знайшла у сучасній українській історіографії. Такі дослідники, як Л. І. Барабан⁴, О. П. Данильченко⁵, М. Д. Дихан⁶, М. В. Знаменська⁷, І. С. Міронова⁸, В. В. Павленко⁹, М. Г. Станчев, Г. Й. Чернявський¹⁰, Б. В. Чирко¹¹, М. М. Шитюк¹², Л. Д. Якубова¹³ з нових методологічних позицій розглянули культурно-освітнє життя болгарської національної меншини України у зазначений період, пов'язуючи його з політикою «коренізації» та «денаціоналізації», що наприкінці 30-х рр. ХХ ст. привела до повної ліквідації мережі національних установ. Вище наведені автори також зупинилися на висвітленні політичних репресій 1937–1938 рр., жертвами яких стали представники болгарської творчої інтелігенції, а у книзі В. Калоянова¹⁴ була детально проаналізована система освіти болгарського населення півдня України у 20–30-ті рр. ХХ ст.

Короткий аналіз історіографії проблеми свідчить, що хоча й дослідження політики радянської держави щодо болгарської національної меншини України у 20–30-ті рр. ХХ ст. знайшло відображення у наукових працях, але фрагментарно, тому є потреба її комплексного вивчення. Виходячи з цього, мета статті полягає у цілісному дослідженні культурно-освітньої політики радянської держави по відношенню до болгарської національної меншини України у міжвоєнний період.

Руйнівні події початку ХХ століття, пов'язані з більшовицьким переворотом 1917 р., національно-визвольними змаганнями та громадянською війною 1917–1920 рр., інтервенцією іноземних держав, встановленням радянської влади, впровадженням політики військового комунізму, голодом 1921–1923 рр. як прямим наслідком цієї політики негативно вплинули на економічний та культурно-освітній рівень багатонаціонального населення України. За даними Всесоюзного перепису 1926 р., болгари посідали сьоме місце (92 078 чол.) після росіян (2 677 166 чол.), євреїв (1 574 391 чол.), поляків (476 435 чол.), німців (393 294 чол.), молдаван (257 749 чол.), греків (104 666 чол.)¹⁵. Болгари знаходилися на п'ятому місці за писемністю після чехів, німців, білорусів та євреїв. У середовищі болгар було 74,9% писемних серед міських жителів і 56,1% – серед сільських. Але власне болгарською писемною мовою вони володіли набагато гірше (31,4% – міські жителі, 8,4% – сільські)¹⁶.

У цих складних умовах радянська держава надавала пріоритетного значення реалізації завдань культурно-освітньої політики, тим паче, що проголошена XII з'їздом РКП(б) політика «коренізації», створила умови для культурно-освітнього розвитку національних меншин України, у тому числі болгар, мови яких проголошувались рівноправними. Практичним кроком для здійснення політики «коренізації» стала постанова ВУЦВК і РНК УСРР від 1 серпня 1923 р. «Про заходи щодо забезпечення рівноправності мов і про допомогу розвитку української мови». У цьому документі владні структури декларували, що «робітничо-селянський уряд вживає низку практичних заходів, які, додержуючи рівноправність мов усіх національностей, що є на території України, мусять забезпечити українській мові місце, відповідне числу та питомій вазі українського народу на території УСРР»¹⁷. У постанові також відзначалося, що «...в адміністративно-територіальних одиницях (районах, округах, губерніях), а також і в містах з більшістю населення, що належить до національних меншостей, органи влади користуються мовою більшості населення, з додержанням, проте, гарантій для решти національностей, що є в цьому районі»¹⁸.

Досягненням політики «забезпечення прав національних меншостей» була організація в Україні окремих національних районів, зокрема болгарських. Національні територіальні об'єднання дали змогу створити органи влади з представників певної національності, вести діловодство їхньою рідною мовою, розвивати національну культуру. 1924 р. на Мелітопільщині були сформовані Романівський (1926 р. перейменований у Коларівський) і Цареводарівський (1927 р. перейменований у Ботєвський) райони. 1925 р. з болгарських сіл Ленінського району на Одещині створюється Великобузялицький (1926 р. перейменований у Благоївський), а в 1927 р. в Першотравневому окрузі – Вільшанський райони¹⁹.

Одним із пріоритетних завдань у галузі культурно-освітньої політики була ліквідація неписьменності у середовищі національних меншин. Цілеспрямована робота у цьому напрямі розпочалася лише після оприлюднення 21 травня 1921 р. декрету Раднаркомом УСРР «Про боротьбу з неписьменністю». В Україні при Наркоматі освіти були створені Надзвичайна комісія по ліквідації неписьменності, а також чисельні добровільні товариства, які згодом об'єдналися в республіканське товариство «Геть неписьменність» на чолі з головою ВУЦВК Г. І. Петровським²⁰. Згідно з декретом Раднаркомом України «Про боротьбу з неписьменністю», усе населення республіки віком від 8 до 50 років, яке не вміло читати й писати, було зобов'язане вчитись. Для цього створювалися лікнепи, школи, пункти ліквідації неписьменності²¹. Уже 1925–1926 навчального року в Україні існувало 43 пункти ліквідації неписьменності болгарською мовою²². У місцях компактного проживання болгарського населення ліквідація неписьменності проходила в цілому задовільно через вищий рівень грамотності та компактне розселення. Щоправда, через відсутність болгарських букварів навчання грамоті проводилося за російськими букварями. Лише в середині 20-х років почала з'являтися видана в Україні навчальна література для болгарських лікнепів. Однак серед цих книжок переважали не букварі та читанки, а твори Маркса, Леніна, Лафарга, політичні й агітаційні брошури, що були мало придатними для навчання основам грамоти²³. Але у цьому напрямі поступово відбувалися позитивні зрушення. Станом на 25 грудня 1930 р. було надруковано 1700 примірників навчальної літератури болгарською мовою, яка була призначена для пунктів ліквідації неписьменності. Серед цієї літератури були букварі, для дорослих – читанки, методичні листи для трудового навчання, абетки та інші видання²⁴.

Незважаючи на відчутні зусилля, владним структурам не вдалося ліквідувати неписьменність і на початку 30-х рр. XX ст. Про це свідчить Доповідна записка заступника голови ЦК Товариства «Геть неписьменність» Паршиної 25 жовтня 1933 р. до Пре-

зидії ВУЦВК наступного змісту: «Одеська область охоплена навчанням. З 45 226 ... неписьменних 14 590 ... В Благоївському районі виявлено 680 неписьменних, з них болгар – 544. Навчання по школам з 01.X. не розпочалося. ЦК Товариства «Геть неписьменність» просить зобов'язати обласні, міські, районні виконавчі комітети та сільради налагодити систематичний контроль за роботою місцевих організацій Товариства «Геть неписьменність» шляхом заслуховування доповідей, обстежень їх роботи тощо»²⁵.

Культурно-освітня робота у середовищі болгар України також здійснювалася за допомогою створеної мережі клубів, сільбудів, хат-читалень, бібліотек, червоних кутків, театрів. За інформацією Центральної комісії у справах національних меншостей (ЦКНМ), з 01.X.1925 р. по 01.IV.1926 р. у республіці функціонувало 19 сільбудів, 26 хат-читалень, 30 бібліотек, 35 лікнепів, 103 червоних кутки²⁶.

Важливими осередками культурно-освітньої та політико-виховної роботи були секції та клуби, організовані здебільшого за допомогою болгар-політемігрантів, що з'явилися в СРСР після придушення спровокованого Комінтерном вересневого 1923 р. повстання у Болгарії. Так, 1924 р. в Москві відкрився Інтернаціональний клуб, у складі якого була болгарська секція, що налічувала 210 політемігрантів²⁷. В Одесі у лютому 1924 р. почав діяти Центральний інтернаціональний клуб імені К. Маркса, при ньому ж заснована Балканська комуністична федерація, що налічувала 30 болгар і 10 інших південних слов'ян. У січні 1925 року при клубі була створена болгарська секція, яка вже нараховувала 204 члени. 1924 року в Катеринославі при Відділенні Всесоюзного товариства політкаторжан і зсильнопоселенців з'явилися секції бессарабів і політемігрантів (болгарська і польська). До болгарської секції входили в основному викладачі та курсанти болгарського сектору Катеринославської радпартшколи. У Харкові в 1924 р. була організована Балканська секція інтерклубу, до якої входили і болгаро-політемігранти. У 1926 р. болгарські секції Одеського і Московського інтерклубів були реорганізовані в клуби²⁸.

У своїй повсякденній роботі клуби і секції жваво відгукувалися на всі поточні події політичного, культурного і громадського характеру організацією найрізноманітніших форм масово-художньої та політико-освітньої роботи. Певне місце відводилося відпочинку і розвагам: хоровому співу, іграм, літературним читанням, народній музиці, вечорам самодіяльності, шахово-шашковим турнірам. При всіх клубах працювали бібліотеки, читальні зали. Культкомісії при них налагоджували зв'язки з підприємствами, вищими навчальними закладами, військовими частинами Червоної Армії²⁹.

Незважаючи на активну роботу секцій і клубів у середовищі національних меншин, владні структури не завжди опікувалися матеріальним становищем та умовами їх роботи. Наприклад, у звіті про роботу секції національних меншин при Харківській міській раді за березень – жовтень 1931 р. її голова Грін інформував про те, що «Балканський клуб, який довгий час не мав місця для культполітмасової роботи серед працюючих балканців, теж одержав приміщення, де ремонт закінчується»³⁰.

Культурно-освітня робота у середовищі болгар, що проживали у сільській місцевості, проводилась у сільбудах і хатах-читальнях, але на дуже низькому рівні. Про це свідчать матеріали обстеження політосвітніх установ Благоївського району, яке проводилося у травні 1931 р. членом ЦКНМ Дівіджиєвим. Зокрема він відзначав, що «хаточитальни слабо работают и руководство их почти отсутствует»³¹. Далі Дівіджиєв звернув увагу на ті обставини, що матеріальний стан сільбудів і хат-читалень надзвичайно поганий; їх приміщення не відповідають своєму призначенню. У матеріальному утриманні сільбудів і хат-читалень, крім низьких сум місцевого бюджету і, за незначним винятком, Райспоживспілки, більше ніхто не бере участі³².

Під час перевірки Дівіджисв проаналізував стан справ у бібліотеках Благоївського району і дійшов наступних висновків: «Библиотечный фонд района составляет около 6000 книг. Имеются передвижные библиотеки для обслуживания хат-читален. Болгарская литература составляет ничтожный процент – 7% по количеству, а по наименованию – 1%. Совершенно отсутствует художественная литература на болгарском языке. Библиотеки требуют немедленного пересмотра и изъятия старой, вредной литературы, особенно массово-политической, которая давно устарела. В районной библиотеке до сих пор находится стихотворная сборка* на болгарском языке, изданная в Болгарии под названием «Песни, легенды и молитвы». Основная масса читателей – молодежь. Женщины совсем слабо пользуются библиотекой. Основная масса крестьянства не пользуется библиотекой»³³.

Поступово владні структури вирішили питання із забезпечення потреб національних меншин України книжковою продукцією рідною мовою, у тому числі і болгарською. 1926 р. при Всеукраїнському відділенні Центровидаву був створений болгарський сектор, який займався виданням літератури болгарською мовою. При Раднаркомі УРСР 1931 р. у Харкові було утворено Українське державне видавництво національних меншостей (Укрдержнацменвидав), яке 1934 р. було переведено до Києва. З 1932 р. у ньому почав працювати болгарський сектор, який видавав болгарською мовою суспільно-політичну, економічну, сільськогосподарську та навчальну літературу, а також художні твори болгарських письменників і журналістів. Завдяки творчій діяльності Г. Бакалова, М. Державіна, А. Кеткова, А. Даскалова, Ц. Ташевої, які були редакторами та упорядниками, авторами вступних статей, уперше в Україні болгарською мовою побачили світ твори І. Вазова, А. Константинова, А. Страшимирова, Х. Смирненського, Л. Стоянова, К. Велкова, Г. Мілева, Х. Ботева, Кр. Кюлявкова, М. Марчевського, А. Каріми, П. Аджарова, Ж. Терпешева, Н. Генчевої, А. Велічкова, А. Даскалова, К. Тіневої та ін.³⁴

Зокрема, Кр. Кюлявков і М. Марчевський стали ініціаторами об'єднання болгарських письменників, що жили в Україні. Згодом у Харкові була створена болгарська секція радянських письменників. Активну участь у роботі секції брав Г. Бакалов. Разом із Кр. Кюлявковим і М. Марчевським Г. Бакалов як представник болгарських письменників був присутній на Другій міжнародній конференції революційних письменників, що проходила у Харкові³⁵. Г. Бакалов також активно працював як вчений-лінгвіст. На сторінках газети «Коллективист» він оприлюднив свій проект реформування болгарського правопису, над яким працював ще з початку 20-х років. У квітні 1930 р. Г. Бакалов приїздив до Харкова, де брав участь в обговоренні реформування болгарського правопису органами Наркомосу України³⁶. Це було необхідно для того, щоб наблизити болгарську мову до потреб соціалістичного будівництва в СРСР, у якому активну участь брали представники болгарської національної меншини України. Тим більше, що різноманіття діалектів, які збереглися в усній мові ще з часів переселення болгар, потребували відповідної лінгвістичної уніфікації.

Партійні та державні органи тримали під постійним контролем видавництво болгарських газет та журналів. Із 1924 р. почала виходити газета «Сърп и Чук», яка з січня 1926 по 1930 р. видавалася під назвою «Съветско село». Із 1933 по 1937 р. у Вільшанському районі видавалася газета «Колхозен труд», з 1932 по 1939 р. в Благоївському районі – газета «Комунар». Болгарською мовою видавалися і журнали «Бъди готов» (1929–1938) та «Млад ударник» (1932–1939), а також ряд галузевих і професійних журналів³⁷.

Владні структури опікувалися розвитком театрального мистецтва у середовищі болгар, що проживали на теренах України. Перша театральна пересувна трупа була

* Болгаризм. Мова йде про збірку віршів.

створена в 1926 р. у селі Преслав за ініціативою Наркомосу для обслуговування болгарського населення Мелітопольської та Одеської округ і Криму. Діяльність трупи контролювалася Наркомосом. Про це свідчить лист заступника Голови Ради національних меншин при Народному комісаріаті освіти (НКО) Левітана у Мелітопольську окрінспектуру народної освіти від 12 липня 1927 р. з інформацією про підтримку діяльності болгарської пересувної театральної трупи. Зокрема, у цьому листі мова йшла про наступне: «... Для болгарської пересувної трупи знов-таки й у цьому році буде відпущено від НКО субсидії, Болгарським бюро перекладено біля 8 маленьких п'єс, і далі в цьому напрямку буде робитись усе можливе. П'єси будуть друкуватись при болгарській газеті «Советське село» і щомісяця будуть надсилатися на місця»³⁸.

Діяльність трупи контролювалася НКО, який намагався підвищити акторську майстерність та рівень режисури. З цією метою в грудні 1928 р. керівництву трупи була надана можливість ознайомитись із роботою театрів Москви, Ленінграда й Харкова.

Народний комісаріат освіти став ініціатором створення й іншого болгарського театру. 20 травня 1934 р. в Одесі зі студентів сектора Одеського театального училища та кращих драмгуртківців було організовано Болгарський колгоспний театр-студію ім. Георгія Димитрова. Завдяки цим діям населення болгарських національних районів на сценах своїх клубів побачило твори болгарської класики: п'єси П. Яворова «Біля підніжжя Вітоші» та І. Вазова «Хишове». Театр ставив перекладені болгарською мовою п'єси О. Корнійчука «Загибель ескадри» і «Платон Кречет», Г. Чуркіна «Прорив у коханні», О. Арбузова «Далека дорога», О. Пушкіна «Цигани» і М. Гоголя «Ревізор». Визнанням заслуг цього колективу стали призові місця на обласній і республіканській олімпіадах робітничих і колгоспних театрів (1936), а також неодноразові премії Наркомосу³⁹.

Питання про народну освіту, навчання рідною мовою набувало пріоритетного значення для розвитку всіх етнічних груп населення України, у тому числі й болгар. Створення болгарських шкіл виявилось дуже важким завданням, оскільки до революції їх зовсім не було і доводилось знову готувати учительські кадри, готувати підручники, будувати школи. Перед органами народної освіти постали складні завдання. Найголовніше полягало у підготовці вчительських кадрів для болгарських шкіл. Винятково важливу роль у розв'язанні цієї проблеми відіграли болгарські політемігранти, що стали вчителями шкіл: Райна Петкова-Тігаренко, Василь Геневич Димитров, Іван Димович Димов, Спас Стоїменович Спасов, Дмитро Христофорович Тодоров, Петро Аджаров, Пенчо Мітев та багато інших⁴⁰.

Кількість шкіл для болгарських дітей постійно зростала. Якщо у 1924–1925 навчальному році в республіці налічувалось 43 школи, де працювало 98 вчителів і навчалося 4314 учнів, то в 1925–1926 навчальному році налічувалось вже 74 школи, де працювало 109 вчителів і налічувалося 7184 учня⁴¹.

Велику роль у створенні національних шкіл і підготовці кадрів відіграли Центральне болгарське бюро при ЦК КП(б)У, болгарська секція Центральної комісії у справах національних меншостей, болгарська секція НКО УСРР, а також окружні організації Одеської, Мелітопольської та Первомайської округ.

Попри те, що в 1924–1925 навчальному році в школах почали викладати болгарською мовою, вчителів, що вільно нею володіли, не вистачало. У звіті завідувача болгарською секцією Одеського губкому Щ. Стоянова за 1925 р. відзначалося, що із 18 шкіл, які існували в Одеській окрузі, тільки у 6, та й то лише у початкових класах, викладання велось болгарською мовою, а в інших класах і школах – російською та українською мовами через те, що не було підручників і вчителів⁴².

Владним структурам вдалося поступово вирішити проблему забезпечення болгарських шкіл підручниками. У 1924–1940 рр. в Україні болгарською мовою було видано чималим тиражем понад 160 назв підручників, букварів, читанок, методик викладання окремих дисциплін. Їхніми авторами були письменники і журналісти М. Марчевський, П. Аджаров, Р. Кандева, Г. Кристєв, А. Велічков, С. Міцев, А. Каріма, М. Гордев, А. Кетков, С. Іджилов та інші. Серед цих видань можна відзначити підручник із правопису і граматики П. Аджарова (1932), граматику та буквар для шкіл ліквідації неписьменності Р. Кандевої (1933), літературну читанку і хрестоматію з літератури М. Марчевського (1933) та ін.⁴³

Досить складною була проблема, пов'язана із забезпеченням шкіл помешканнями. У 1928 р. по всіх округах, крім Первомайської, школи були забезпечені колишніми земськими шкільними помешканнями. Кількість їх була недостатньою, і в багатьох селах заняття в школах проводилися у дві зміни. Що стосується Первомайської округи, то там тільки у селі Вільшанці на цей час були старі земські шкільні приміщення, по інших болгарських селах цієї округи школи розміщувалися в селянських хатах. Семирічок було обмаль, і розташовувались вони в районних центрах або великих селах: Великий Буялик, Кубанці, Катержино та ін.⁴⁴

Завдяки наполегливій роботі владних структур ситуація в освітній сфері поступово почала змінюватися на краще. За матеріалами ЦСУ УСРР на початку 1930–1931 навчального року в болгарських школах навчалось 84,9% від загальної кількості учнів болгарської національності⁴⁵.

Важливе місце в планах розвитку освітньої мережі займала підготовка педагогічних кадрів. Педагогічну освіту болгари здобували в Преславському болгарському педтехнікумі, що відновив роботу 1921 р. у формі педкурсів, а 1924 р. дістав статус середнього спеціального закладу. У ньому щорічно навчалось близько 150 студентів, розподілених по 4-х групах. При педтехнікумі діяли тритижневі курси підвищення кваліфікації вчителів. У 30-ті роки вчителів болгарських шкіл готував болгарський сектор Одеського педінституту, що мав три факультети.

Потребу в інших спеціалістах забезпечували агротехнікум у Преславі, болгарський технікум при вищій сільськогосподарській школі, медробфак у Ботево, медичний факультет при Одеському медичному інституті, театральний технікум в Одесі, болгарський сектор при Всеукраїнському технікумі журналістів у Харкові, Радпартшкола у Дніпропетровську⁴⁶.

Послідовна культурно-освітня політика радянської держави по відношенню до національних меншин України продовжувалася до початку 30-х років. Але після остаточного утвердження сталінського режиму в цій політиці відбулися кардинальні зміни. Розпочався пошук «націоналістів» та «фашистів», як і взагалі репресивні акції щодо «ворогів народу», у тому числі й з середовища національних меншин, що було зумовлене і тісно пов'язане з адміністративно-наказовими методами здійснення внутрішньої політики, мілітаризацією економіки, колективізацією села, насильницькими хлібозаготівлями, антирелігійними кампаніями тощо⁴⁷.

Значну роль у розгортанні цієї репресивної політики відіграли не тільки відповідні рішення партійних та державних органів, але й виступи, статті, брошури відомих українських посадовців. Зокрема, В. П. Затонський, який у той час обіймав посаду наркома освіти УСРР, у брошурі «Национально-культурное строительство и борьба против национализма» підкреслював наступне: «Борьба против национализма предполагает не ослабление большевистской украинизации, а наоборот, дальнейшее усиление строительства украинской социалистической культуры, а также культуры нацменьшинств»⁴⁸.

У 1933–1937 рр., за підрахунками дослідника Б. В. Чирка, владні структури, у тому числі Політбюро, Оргбюро та Секретаріат ЦК КП(б)У прийняли понад 30 «заборонних постанов», які нищили надбання етнічних груп населення України, у тому числі болгар⁴⁹.

Після XIV з'їзду КП(б)У 7 липня 1938 р. Політбюро ЦК КП(б)У прийняло постанову «Про реорганізацію особливих національних шкіл, технікумів, Одеського німецького педагогічного інституту та особливих національних відділів і класів у школах, технікумах та вузах УРСР». Зазначеною постановою Політбюро ЦК затвердило запропонований Раднаркомом України «План реорганізації особливих національних початкових, неповних середніх та середніх шкіл УРСР». Передбачалося реорганізувати 888 національних шкіл, де навчалося 94764 учні. З них 122 національні школи об'єднувалися з російськими або українськими. Підлягали реорганізації і так звані змішані школи. З них 5 болгарсько-російських, 3 болгарсько-українські⁵⁰. Були також реорганізовані 65 шкіл з болгарською мовою викладання⁵¹.

За тією ж постановою ліквідовувались вищі навчальні заклади та відділи при них, спеціалізовані школи, де навчалися представники болгарської національної меншини і взагалі всі культурно-освітні установи, що задовольняли їх потреби.

У той же час сталінський режим розпочав репресії проти представників творчої інтелігенції. Понад 600 літераторів-політемігрантів загинули в таборах, були розстріляні. Ця доля не оминула відомих болгарських письменників і журналістів. Серед них Н. Фуклев, А. Даскалов, Д. Славов, В. Колев, Г. Кристев, Г. Жужер, Д. Гачев та ін.⁵²

Таким чином, можна стверджувати, що проголошена XII з'їздом РКП(б) політика «коренізації» створила певні умови для вільного розвитку болгарського етносу на території України. Відкривалися клуби, сільбуду, хати-читальні, бібліотеки, освітні заклади, видавалися книги, розповсюджували газети і періодичні видання болгарською мовою. Але в умовах радикальних змін, що відбувались у радянському суспільстві у міжвоєнний період, ця політика була ідеологічно заангажованою, так як мала на меті наблизити культурно-освітню роботу у середовищі болгар до потреб соціалістичного будівництва. Кардинальні зміни у культурно-освітній політиці були пов'язані зі згоранням політики «коренізації». Безпосереднім наслідком цих змін стала ліквідація всіх установ, що задовольняли духовні потреби представників болгарської національної меншини.

Зміцнення сталінського тоталітарного режиму у другій половині 30-х рр. XX ст., активізація боротьби з «націоналізмом» і «фашизмом», пошук «ворогів народу» в середовищі етнічних груп населення України – усе це призвело до масових політичних репресій, жертвами яких стали представники болгарської творчої інтелігенції.

¹ Дихан, М. Д. Болгари-політемігранти у соціалістичному будівництві на Україні в 1924–1929 рр. К., 1973.

² Пашковський, Л. О. Роль болгарської політичної еміграції у розвитку культурних зв'язків між СРСР і Болгарією в 20–30 роках. – Питання історії народів СРСР, 1969, вип. 8.

³ Чирко, Б. В. Робота парторганізацій з національними меншостями на Україні (1923–1930). – Український історичний журнал, 1998, № 6, 68–77.

⁴ Барабан, Л. І. З історії болгарського театру в Україні 20–30-х років XX століття. – В: Відродження мов і культур західних і південних слов'ян в Україні. К., 1995, 75–82.

⁵ Данильченко, О. П. Етнічні групи Півдня України: економічне та соціально-політичне становище на початку 20-х рр. XX ст. К., 1993; Його ж. Ліквідація неписьменності серед національних меншостей півдня України в 20-х рр. XX ст. – Український історичний журнал, 1999, № 3, с. 74–86.

⁶ Дихан, М. Българските национални райони в Украйна през 20-те–30-те години. Кратък исторически очерк. Одеса, 2004.

- ⁷ *Знаменська, М. В.* З історії культурно-освітньої роботи болгар України (20-ті–30-ті роки). – Розбудова держави, 1994, № 1, 15–17.
- ⁸ *Міронова, І. С.* Розвиток освіти та культури болгарського населення півдня України в 20-ті–30-ті роки ХХ століття. – В: Історія. Етнографія. Нові дослідження. ІV Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Миколаїв, 2002, 244–248.
- ⁹ *Павленко, В.* Українсько-болгарські взаємини 1918–1939 рр. К., 1995, 108–109; *Павленко, В.* Болгари в Україні. – Віче, 1995, № 7, 115–126.
- ¹⁰ *Чернявський, Г., Станчев, М.* Георгий Бакалов. Политическая биография (с культурологическим компонентом). С., 2006, с. 242.
- ¹¹ *Чирко, Б. В.* Національні меншості в Україні (20–30 роки ХХ століття). К., 1995.
- ¹² *Шитюк, М. М.* Масові репресії проти населення Півдня України в 20-ті–50-ті роки ХХ століття. К., 2000.
- ¹³ *Якубова, Л. Д.* Національно-культурне життя етнічних меншостей України (20-ті–30-ті роки): коренізація і денационалізація. – Український історичний журнал, 1989, № 1, 41–55; *Якубова, Л. Д.* Етнічні меншості УСРР у першій половині 20-х рр. ХХ ст. Інститут історії України НАН України. К., 2002.
- ¹⁴ *Калянов, В.* Българите в Таврия 1860–1939 г. С., 2005.
- ¹⁵ *Чирко, Б. В.* Вказ. праця, с. 13.
- ¹⁶ *Міронова, І. С.* Вказ. праця, с. 244.
- ¹⁷ Національні відносини в Україні у ХХ ст. Збірник документів і матеріалів / Упорядники: М. І. Панчук (керівник), І. Л. Гошуляк, С. С. Діброва та ін. К., 1994, с. 106.
- ¹⁸ Там само, с. 107.
- ¹⁹ *Павленко, В.* Вказ. праця, 108–109.
- ²⁰ *Данильченко, О. П.* Вказ. праця, с. 75.
- ²¹ Там само, с. 77.
- ²² Там само, с. 80.
- ²³ Там само, с. 82.
- ²⁴ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі ЦДАВО), ф. 539, оп. 8, спр. 1184, арк. 38.
- ²⁵ Там само, ф. 387, оп. 1, спр. 581, арк. 16–16 зв.
- ²⁶ Там само, ф. 166, оп. 6, спр. 8644, арк. 31.
- ²⁷ *Дихан, М. Д.* Болгари-політемігранти..., с. 17.
- ²⁸ Там само, с. 18.
- ²⁹ Там само, с. 19.
- ³⁰ Державний архів Харківської області (далі ДАХО), ф. Р-408, оп. 4, спр. 2638, арк. 83.
- ³¹ ЦДАВО, ф. 413, оп. 1, спр. 557, арк. 73.
- ³² Там само, арк. 374 зв.
- ³³ Там само, арк. 374.
- ³⁴ *Знаменська, М. В.* Вказ. праця, с. 16.
- ³⁵ *Пашковський, Л. О.* Вказ. праця, с. 176.
- ³⁶ *Чернявський Г., М. Станчев.* Вказ. праця, с. 242.
- ³⁷ *Міронова, І. С.* Вказ. праця, с. 246.
- ³⁸ ЦДАВО, ф. 186, оп. 6, спр. 2213, арк. 3.
- ³⁹ *Павленко, В.* Болгари в Україні..., с. 124.
- ⁴⁰ *Дихан, М. Д.* Болгари-політемігранти..., с. 131.
- ⁴¹ ЦДАВО, ф. 166, оп. 6, спр. 8644, арк. 30.
- ⁴² *Міронова, І. С.* Вказ. праця, с. 245.
- ⁴³ *Знаменська, М. В.* Вказ. праця, с. 16.
- ⁴⁴ *Павленко, В.* Болгари в Україні..., с. 122.
- ⁴⁵ *Чирко, Б. В.* Вказ. праця, с. 105.
- ⁴⁶ *Пашковський, Л. О.* Вказ. праця, с. 173.
- ⁴⁷ *Чирко, Б. В.* Вказ. праця, с. 123.
- ⁴⁸ *Затонский, В. П.* Национально-культурное строительство и борьба против национализма. Х., 1934, с. 43.
- ⁴⁹ *Чирко, Б. В.* Вказ. праця, с. 131.
- ⁵⁰ Там само, 153–154.
- ⁵¹ *Якубова, Л. Д.* Національно-культурне життя..., с. 52.
- ⁵² *Знаменська, М. В.* Вказ. праця, с. 17.

Я. В. Комар

**БОЛГАРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КРЫМА В 1929–1934 гг.
По материалам Государственного отраслевого архива
Службы безопасности Украины**

За последние годы в украинской исторической науке одной из наиболее освещаемых тем стали политические репрессии 20–30-х годов XX столетия с акцентом на трагедии Голодомора 1932–1933 годов. Их объективному освещению в значительной степени способствует Указ Президента Украины № 37/2009 «О рассекречивании, обнародовании и изучении архивных документов, связанных с украинским освободительным движением, политическими репрессиями и голодоморами в Украине»¹. Несмотря на принятие такого указа, пока рано говорить о полном доступе к информации тех лет. Речь идет о материалах деятельности оперативных органов СССР, отчетах поселковых и районных советов о положении дел на местах, сводных статистических данных о количестве населения, миграционных потоках, уровне рождаемости, смертности и многом другом.

Одной из ведущих институций, которая может пролить свет на интересующие нас проблемы, является Государственной отраслевой архив Службы безопасности Украины (ГОА СБУ), где находится на хранении подборка литерных дел по болгарским поселениям в Крыму и по крымским болгарам, проживающим в смешанных селениях, под названием «Болгария». Материалы этих дел отражают деятельность Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР в Крыму² в отношении болгар полуострова и впервые вводятся в научный оборот. Этим обуславливается научная новизна работы: несмотря на усилившийся в последнее время интерес к истории и культуре болгарского населения Крыма³, рассматриваемая нами тема еще не стала объектом специального анализа.

Выбор хронологических рамок статьи вытекает из периодизации советского общества межвоенного периода: 1929-й – год коренного поворота в экономической политике СССР (сворачивание НЭПа, введение принудительной продрозверстки, «раскулачивание», «коллективизация») и 1934-й – как завершающий год общественных преобразований тоталитарного типа и в то же время исходная точка начала массовых репрессий, что было связано с зарождением аппарата НКВД.

Геополитическое и геостратегическое значение полуострова, где 18 октября 1921 года учреждалась Крымская Автономная Социалистическая Республика в составе РСФСР, всегда было велико. Долгая борьба за эту территорию, история ее присоединения к русским владениям, особенности формирования многонационального населения и утверждения здесь советской власти, базирование в Севастополе Черноморского флота, наконец, – все привело к установлению особо пристального внимания к крымскому региону со стороны руководства СССР. Пребывая в состоянии постоянной подозрительности, тоталитарное государство видело «врагов народа», пособников и предателей едва ли не в каждом втором жителе полуострова. В Крыму особенно недоверчиво относились к болгарам, туркам, грекам, армянам и татарам. Для постоянного контроля

над ними и общественными настроениями вообще был создан мощный государственный политический сыск.

Главной целью данной статьи является анализ документов органов ОГПУ о состоянии болгарского населения Крыма в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Достижение поставленной цели реализуется через изучение историко-политических условий возникновения указанных документов, определение методов деятельности органов ОГПУ по «разработке» болгарского населения автономии, освещение особенностей формирования политики советского руководства по отношению к крымским болгарам.

Четкая и предметная организация оперативно-агентурной работы, проводимой ОГПУ на территории полуострова, отраженная в архивном деле № 1134, дает возможность современному исследователю изучить целый ряд вопросов, связанных не только со специфической деятельностью спецслужбы на территории Крыма. В фондах ГОА СБУ содержится информация об особенностях жизни и быта болгар Крыма в этот период, уровне их образования, проблемах национальной школы, перипетиях политической жизни Болгарии и многое другое.

Общая активизация деятельности ОГПУ с конца 1920-х годов, в том числе более пристальное внимание к национальным меньшинствам, была следствием изменений как внутри страны (ужесточение политического режима), так и за рубежом. Во время «Великой депрессии» 1929–1933 годов Версальско-Вашингтонская система подвергается серьезным испытаниям. На карте мира формируются очаги международной напряженности: в Европе их провоцирует политика фашистской Италии и нацистской Германии, на Дальнем Востоке – милитаристские притязания Японии. Советское государство не могло оставаться в стороне от мирового политического процесса, но в то же время само имело целый ряд внутренних проблем.

Достижение идеологического единства, сохранение территориальной целостности и обеспечение безопасности пограничных территорий являлись первоочередными задачами большевистского руководства, в осуществлении которой особая роль возлагалась на органы госбезопасности. В зону проблемных территорий попадали все приграничные районы; не стал исключением и Крымский полуостров с его многонациональным составом населения.

Напомним, что учреждение Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР было принято постановлением ВЦИКа от 6 февраля 1922 года с целью подчинения милиции и органов госбезопасности одному ведомству. Перед ГПУ были поставлены следующие задачи: подавление открытых контрреволюционных выступлений и проявлений бандитизма; принятие мер охраны и борьбы со шпионажем; политическая охрана границ РСФСР; борьба с контрабандой и переходом границ республики без соответствующих разрешений⁴. 15 ноября 1923 года Президиум ЦИК СССР постановил преобразовать ГПУ при НКВД РСФСР в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. В свою очередь, НКВД РСФСР освобождался от функции обеспечения государственной безопасности, оставляя за собой обеспечение общественного порядка, пресечение бандитизма и иных правонарушений, а перед ОГПУ, в соответствии с «Положением о Государственном политическом управлении», ставились дополнительные задачи: предупреждение и подавление открытых контрреволюционных выступлений – как политических, так и экономических; раскрытие контрреволюционных организаций и лиц, деятельность которых направлена к подрыву хозяйственных органов республики⁵.

Для реализации возложенных задач ОГПУ представлялось право организовывать на местах отделы при ЦИК автономных республик и областей. К таким подчиненным

управлениям относился и Крымский отдел ОГПУ, в понятийном аппарате которого широко использовался термин «оперативно-агентурная разработка колонии». В данном случае термин «колония» означал, видимо, совместное проживание на определенной территории выходцев и переселенцев из какого-нибудь государства – представителей одной национальности вне зависимости от формы расселения (компактное или дисперсное). Например, все болгарское население Крымского полуострова (как советские, так и иностранные подданные) считалось представителями одной болгарской колонии, которая проходила в Крымском отделе ОГПУ под названием «Болгария». Разработкой колонии занимались спецагенты, спецосведомители и осведомители, а зачисление к той или иной категории, как свидетельствуют архивные документы, осуществлялось в зависимости от сложности поставленных задач. В ходе их решения Крымский отдел ОГПУ осуществлял оперативную деятельность посредством следующих мероприятий: опрос граждан (гласный, негласный, зашифрованный), наведение справок, исследование предметов и документов, наблюдение (гласное, негласное), контроль почтовых отправок, телеграфных и иных сообщений, перлюстрация, оперативное внедрение (ввод сотрудника в разработку), оперативный эксперимент.

В нашем исследовании рассматривается лишь деятельность Крымского отдела ОГПУ по «спецособистскому обслуживанию болгарской колонии» – так именовалась агентурно-оперативная работа, проводимая в отношении болгар, проживающих на Крымском полуострове как в компактных, так и смешанных поселениях. В агентурную сеть по «болгарской колонии» входили спецагенты (4 чел.), спецосведомители (6 чел.) и осведомители (11 чел.). Сотрудничали с ОГПУ в основном местные болгары, которые имели советское гражданство, хотя органами безопасности вербовались и иностранные подданные: трое человек, числившихся на агентурной работе, имели гражданство Болгарии⁶.

Работа «по спецособистскому обслуживанию колонии» проводилась в таких направлениях:

- выявление компактных болгарских поселений в Крыму;
- сбор информации по районам и городам о количестве проживающих болгар;
- агентурные сводки по конкретным населенным пунктам, информация о политическом и экономическом состоянии с общими данными по колонии (количество болгарского населения городского и сельского, в том числе иностранцев; социальное расслоение, политэмигранты и т. д.); особо обращалось внимание на характеристику болгарских сельсоветов и колхозов, связи с посольствами, лицами других национальностей и т. д.;
- выявление общего и политического настроений населения, определение тенденций к эмиграции из СССР и за пределы Крыма;
- агентурное наблюдение за преступными или подозрительными лицами, группами и организациями на территории РСФСР и за границей;
- учет и разработка болгарских подданных, в том числе политэмигрантов и перебежчиков;
- перлюстрация почтово-телеграфной и иной корреспонденции болгар, как внутренней, так и заграничной (которая поступала из-за границы и отправлялась за границу);
- регистрация уличенных и заподозренных в преступных деяниях лиц и их дел (в том числе за шпионаж в пользу Болгарии);
- составление учетных списков болгар (общих списков жителей поселка, контрреволюционно-настроенных, антисоветских элементов; болгар, чьи родственники были репрессированы, или самих репрессированных) и т. п.

К рубежу 30-х годов XX ст. сельские пункты, населенные болгарами исключительно (10 колоний) и частично, были разбросаны по территории Крыма, но основное население проживало в Карасубазарском (до 3 тыс. человек), Керченском (до 2,5 тыс. чел.), Красно-Крымском (до 5 тыс. чел.), Симферопольском (до 900 чел.) и в Джанкойском (до 200 чел.) районах, то есть преимущественно между Симферополем и Феодосией⁷.

Болгарские колонии в Крыму (по состоянию на 1933 год)⁸

Районы	Населенные пункты
Симферопольский	Новый Сарабуз, Ново-Романовка, Бар-Чокрак
Сейтлерский	Желябовка, Ново-Царицино
Кировский	Софиевка, Кобек, Малые Киличи
Карасубазарский	Кабурчак, Нижняя Асма, Верхняя Асма
Ленинский	Марфовка
Старо-Крымский	Болгарщина, Кишлав, Коктебель
Ичкинский	Новый Мир, Николаевка, Карабай-Келус, Степановка

Большое количество болгар проживало в смешанных поселениях. Если в Феодосийском (Старо-Крымском) районе поселки Болгарщина и Кишлав были моноэтническими (795 и 1759 человек), то Коктебель, Булчанак, Кипчак считались смешанными с соответствующим количеством болгар 760, 53 и 24 человека⁹.

Среднее количество жителей в каждом сельсовете составляло от 80 до 100 человек. На начало 1932 года общая численность болгар в Крыму составила 11 377 чел. (1,6% по отношению ко всему населению полуострова), из них в сельской местности проживало 10015 болгар. На конец 1932 года количество болгар в Крыму превышало уже более 13 тыс., из них 11 тыс. в сельской местности, достигнув в 1939 году 15 тыс. человек¹⁰. Увеличение численности болгар связано с природным приростом населения. В то же время процент смешанных браков уже на тот момент был значительным, но так как национальность ребенка определялась по отцу, а количество мужчин-болгар преобладало над численностью женщин-болгарок, то и дети записывались по национальности отца. В отличие от XIX – начала XX в. влияния на численность болгар Крыма миграционных потоков из Болгарии или из внутренних районов СССР не наблюдалось. Болгарские перебежчики или политэмигранты по прибытию в Крым незамедлительно ставились на учет и брались в разработку, а их перемещение по стране отслеживалось. Но таковых было немного, и большого влияния на болгар, живущих на полуострове, они не оказали.

Кроме общих статистико-демографических показателей, в фондах ГОА СБУ представлена характеристика болгарского населения и по другим показателям: пол, классовая и социальная принадлежность, род занятий, наличие судимости и т. д. К примеру, к болгарской колонии Керченского района относилось 55 чел., в том числе 1 иноподданный; семей – 8, одиночек – 16, мужчин – 28, женщин – 10¹¹. По Сейтлерскому району на учете в районном отделе НКВД состояло 76 болгар, из них «кулаков» – 21 чел., взрослых членов семейств и осужденных «кулаков» – 50 человек¹². По роду занятий болгары, населяющие Крым, распределялись следующим образом: работники сельского хозяйства; интеллигенция; рабочие промышленности; младший обслуживающий персонал; государственные служащие.

Главной сферой занятости для болгар Крыма оставалось сельское хозяйство, а основными его отраслями были растениеводство, животноводство (лошади, крупный рогатый скот, овцы, свиньи) и садоводство (фруктовые сады и виноградники). В Сейтлерском районе большое количество земли находилось еще в руках крупных

собственников, а основным занятием было выращивание зерновых культур и выпас крупного рогатого скота. Деревня Кишлав Феодосийского района специализировалась на овцеводстве и табаководстве¹³. Болгары, которые проживали в городе, предпочитали заниматься виноградарством или овощеводством¹⁴.

Для спецслужб было важно определение экономического состояния населения в болгарских колониях. Сложность вопроса состоит в том, что за очень короткий исторический промежуток времени советская власть провела ряд крупных реформ, которые коренным образом меняли жизнь людей по всей территории страны. Сюда следует отнести НЭП и его свертывание, индустриализацию, коллективизацию, которая носила оттенок штурмовщины с явно принудительным характером, непомерные нормы хлебозаготовок, искусственно созданный голод, репрессии, формирование, развитие, а затем и ликвидацию национальных районов и многое другое. Подобного рода действия органов советской власти и их последствия нашли свое отражение в докладных записках сотрудников Крымского отдела ОГПУ по болгарским колониям полуострова.

Так, анализируя выполнение плана хлебозаготовок, всю ответственность за плачевное положение дел по продовольственному обеспечению населения особый отдел ОГПУ возложил на «кулачество», которое якобы саботировало и срывало хлебозаготовки. В докладных записках и спецсводках по болгарским колониям в качестве объяснения антисоветских действий болгар приводится их характеристика как «кулаков» или причастных к «кулачеству». Особенно тяжелое положение с хлебозаготовками сложилось весной 1931 года в деревне Марфовка Ленинского района (бывший Керченский район) как результат неблагоприятных для советской власти настроений среди большей части бедноты и середнячества Марфовского сельского совета, вылившихся в массовые эксцессы. В конце марта 1931 года в Марфовский сельсовет явилась группа женщин под руководством середняка Михаила Перонко и Феодоры Влачуги, жены арестованного за невыполнение задания по хлебозаготовкам, которая в очень резком тоне потребовала выдачи им хлеба. В толпе слышались призывы к разгрому амбара, где хранился семенной фонд: «Если сельсовет не хочет нам помочь, то мы сами добудем хлеба, идемте разгромим амбар». Действия разъяренной толпы были предупреждены силами партийных работников, которые долго беседовали с участниками выступления. Аналогичные случаи недовольства фиксировались и в других селениях. В деревне Таш-Алчин Марфовского сельсовета выступление крестьян возглавила жена председателя артели (дочь «кулака»), которая, реагируя на события в Марфовке, говорила: «Забрали у нас хлеб, а теперь жрут только рабочие да служащие, у которых толстые морды. Нас во время хлебозаготовок «штурмовали», теперь мы их будем «штурмовать». Если в Марфовке никого не прикалечили, то нужно будет прикалечить»¹⁵ (орфография и стиль документа сохранены. — Я. К.). В деревне Болгарщина 14 апреля того же года Тишлиев Марк Дмитриевич напал на активиста-колхозника с криками, что убьет его за то, что тот доносил на его родственника Тишлиева Кирилла Константиновича, репрессированного за антисоветскую деятельность¹⁶.

События и высказывания подобного рода не проходили мимо внимания агентов спецслужбы, которые фиксировали их, записывали и передавали в вышестоящие инстанции. Впоследствии активно протестующие и несогласные подверглись различного рода проверкам и репрессиям.

В русле партийных решений о проведении коллективизации особое внимание уделялось зажиточным крестьянам — «кулакам» (по терминологии того времени). Большой удельный вес их был обнаружен сотрудниками Крымского отдела ОГПУ в деревне Желябовка Сейтлерского района (сейчас Нижнегорский район). Все основные отрасли

хозяйства (до 75%, что составляло около 120 хозяйств), по их мнению, находились в руках кучки «кулаков», а на долю остальных приходилось всего 25%. Для того чтобы обеспечить запланированный свыше процент коллективизации, по отношению к «кулакам» применялись репрессивные методы: только в деревне Желябовка было репрессировано до 75 человек, в основном представители «зажиточных» (в документе параллельно фигурируют две синонимические дефиниции: «кулаки» и «зажиточные». – Я. К.) хозяйств семей Тыквенковы, Зиберовы, Гажевы, Наголовы, Маферовы, Фармакидовы, Каражены, Стамовы, не говоря уже о самом крупном хозяйстве Сопчевых¹⁷.

Как результат, удельный вес коллективизированных болгар по Крыму к 1931–1932 году составил 53%, тогда как в 1930–1931 году эта цифра не достигала и 8%. Основными причинами такого стремительного роста численности «желающих» вступить в колхоз стали принудительные методы коллективизации.

Кроме характеристики демографических и экономических показателей, большую заинтересованность спецслужб вызывают настроения в среде болгарской диаспоры. Одним из источников их изучения служила переписка, посредством которой крымские болгары поддерживали связь с родиной. Советские органы безопасности в обязательном порядке перлюстрировали как входящую корреспонденцию из Болгарии и Румынии, так и исходящую из Крымского полуострова. Переписку с «заграницей» вели не только болгары, но и русские, имевшие родственников в Болгарии. Содержание переписки в основном сводилось к обмену новостями семейного и любовного характера. В корреспонденции, идущей в Болгарию, превалируют просьбы о передаче продуктовых посылок, иногда – описание тяжелых продовольственных затруднений. Корреспонденция, которая имела хоть малейший намек на критику советского режима или мероприятий, проводимых органами советской власти, изымалась. Если же оценивать настроение пишущих из Болгарии, следует констатировать неудовлетворенность своей жизнью – кризис в экономике, безработица; а также тоску эмигрантов по родине, намерение вернуться. Письма, полученные из Болгарии, действовали на местных болгар обескураживающее, притупляя стремление к эмиграции. Чтобы не допустить изъятия корреспонденции, придумывались разные хитрости, например, небольшие пометки на письме: «Если в Румынии хорошо живется, то отец сверху письма ставит две точки, а если плохо, то в конце письма»¹⁸.

До установления в 1934 году советско-болгарских дипломатических отношений на территории СССР отсутствовали какие-либо учреждения Болгарского царства, поэтому крымские болгары пытались установить связь с Болгарией через представительства других государств. Так, согласно циркуляру ОГПУ по Крыму № 8985/6 от 18. 08. 1930 г., Министерство иностранных дел Польши договорилось с правительствами Болгарии, Югославии, Румынии и Венгрии об опеке граждан этих стран в СССР¹⁹. Однако, поскольку правительство СССР подобного договора с Польшей не заключало, то эти действия расценивались как проводимые в нелегальном порядке. К тому же Москва инкриминировала Варшаве контрреволюционный характер подобного рода связей со странами Центральной и Юго-Восточной Европы с целью шпионско-вредительских действий против советской власти. Соответственно, все лица болгарской национальности, проявившие малейший интерес к польским дипломатическим учреждениям, моментально попадали под строжайший надзор Особого отдела ОГПУ²⁰. Информацию о них получали путем все той же перлюстрации дипломатических документов, а также через советских агентов из среды болгар и польского посольства. Стало, например, известно, что болгарка М. П. Семкова, жительница деревни Подгорное-Петровское (под Симферополем), обратилась с жалобой в польское

посольство в Москве на действие советских органов по раскулачиванию. В ответе польское посольство указало, что раскулачивание ее, как иностранной подданной, неправильно и посоветовало обратиться к местным властям с соответствующим заявлением²¹. Более серьезный случай, с точки зрения Особого отдела, был зафиксирован в конце 1931 года, когда была раскрыта группа, пытавшаяся установить связь с польским посольством на предмет оказания помощи и получения документов для своих родственников – сосланных на Урал «кулаков» из числа болгар²².

Раскрытие этой и других подобных «организаций», связей и «заговоров» было одним из результатов агентурной разработки, проводимой Особым отделом ОГПУ при СНК СССР. К такой разработке часто привлекались завербованные агенты из числа болгар. Характерный пример – агентурное дело «Организаторы». Несколько болгарских политэмигрантов, проживающих в Симферополе, создали инициативную группу, целью которой было улучшение связи с парторганами и усиление политико-просветительской работы среди политэмигрантов, что рассматривалось как непозволительная самостоятельность. К такой же категории дел относится разработка агентурного дела «Неудачники» – внедрение советского агента из числа болгар в группу болгар из Джанкоя, которые пытались оказать помощь родственникам – «кулакам», высланным на Урал. Согласно новой редакции Уголовного кодекса от 1 января 1927 года, лица, проходившие по делам «Организаторы», «Неудачники» и им подобным, привлекались к криминальной ответственности по статье 58 УК РСФСР – в публицистике ее называют «самой крамольной советской статьей». Основными пунктами обвинения, согласно данной статье, были следующие положения: участие в контрреволюционной деятельности, шпионаж, антисоветская агитация и пропаганда, а мера пресечения определялась расстрелом с конфискацией имущества, или (при смягчающих обстоятельствах) расстрел мог быть заменен лишением свободы со строгой изоляцией на срок не менее пяти лет с конфискацией всего имущества²³.

В процессе разработок и внедрения агентов вполне приемлемыми считались и такие методы получения информации и ведения агентурной работы, как любовная связь, интимные отношения, брачный союз и т. д. Яркий пример – дело «Угорь», когда агент «Полевой» в течение нескольких лет жил фактическим браком с болгаркой Шляхтиной (урожденная Чумакова, дочь белого генерала Чумакова) – женой бывшего белого полковника Э. Э. Шляхтина, и все время предоставлял информацию о настроениях в семье, о связях с родственниками, которые проживали за границей, и т. д.²⁴

Параллельно с внедренными агентами в болгарской колонии действовал ряд спецосведомителей, для которых в 1930-х годах также использовали синонимические термины «наушник, доноситель, доносчик, стукач, доказчик» и т. п. Такая форма работы в болгарских поселениях руководством ОГПУ оценивалась как недостаточная и по количественным, и по качественным показателям. Трудность создания спецосведомления связана с тем, что болгарское население проживало в основном в сельской местности, где завербовать кого-либо из местных болгар было предельно сложно.

Несмотря на небольшое количество подданных Болгарии, живших в Крыму, этой категории граждан уделялось особое внимание – для них разрабатывался ряд специальных мероприятий. Учитывая внешнеполитический курс СССР в начале 1930-х годов и напряженные отношения с Болгарией и Румынией, повышение активности террористической монархической организации генерала Кутепова на Балканах и перемещение ее центра на болгарскую территорию, Особый отдел ОГПУ держал под бдительным присмотром всех болгарских подданных, а особенно политэмигрантов, опасаясь, что они могут быть использованы монархистами в своих целях²⁵. В разны

годы количество подданных Болгарии на Крымском полуострове составляло 47–57 человек: сюда входят политэмигранты, появившиеся после подавления сентябрьского восстания 1923 г., спровоцированного Коминтерном, и болгарские учителя, прибывшие для работы в Крыму. Поскольку подданных Болгарии – выходцев из Крыма было ничтожное количество, то практически все они в течение 1930-х годов получили разрешение принять советское гражданство. Те же, кто не принял советское гражданство, по мнению органов ОГПУ, используя свой статус иноподданного, демонстрировали свое преимущество перед местными болгарскими гражданами Советского Союза. Покинуть СССР болгарские подданные не особо стремились по политическим соображениям или из-за боязни потерять имущество; вместо этого они пытались посредством установления связи с прародиной добиться для себя, как иностранцев, более выгодного положения. По состоянию на 15 июля 1932 года в Крыму проживало 19 болгарских политэмигрантов. Согласно данным Особого отдела, они все без исключения были взяты на учет и в разработку²⁶.

Повышенное внимание уделялось перебежчикам, вне зависимости от того, когда и как они прибыли в СССР. В начале 1930-х годов отмечалось увеличение случаев нелегальной переправы болгар на советскую территорию. В частности, 8 июля 1932 года в 30 км от Ак-Мечети было задержано парусно-моторное судно с пассажирами, прибывшими из Варны: 5 мужчин, 3 женщины и ребенок. Основной причиной побега из Болгарии называлась неблагоприятная экономическая ситуация. Перебежчики не были депортированы обратно в Болгарию, а отправлены в Саратовский карантинный лагерь ОГПУ для дальнейшей фильтрации. Известны случаи побегов из Болгарии по политическим мотивам. 21 июля того же года в Севастополе была задержана моторная лодка с 13 пассажирами. Несколько перебежчиков оказалась членами Болгарской коммунистической партии. Их освободили и отправили в Москву в распоряжение МОПРа²⁷, а остальных направили для дальнейшей фильтрации в Саратовский карантинный лагерь²⁸.

Таким образом, в начале 1930-х годов жизнь болгар Крымского полуострова не отличалась стабильностью и спокойствием: постоянно растущие нормы хлебазаготовок, перебои с продовольственным снабжением, боязнь открыто высказывать свои мысли и суждения, аресты и репрессии держали население в состоянии постоянного страха, поддерживаемого вседозволенными органами ОГПУ.

С образованием же в 1934 году мощного аппарата НКВД и принятием законодательных актов, заложивших базу для массовых репрессий, разворачивается новый этап тотального террора. С этого времени в автономии неуклонно будет возрастать количество рассматриваемых спецколлегией суда дел о «контрреволюционных преступлениях», в коих уличались все слои общества: рабочие, колхозники, служащие, служители культа, «деклассированные элементы» и т. д. Крымские болгары оказались в числе наиболее пострадавших, но это уже тема другой статьи.

¹ Указ Президента Украины № 37/2009 «О рассекречивании, обнародовании и изучении архивных документов, связанных с украинским освободительным движением, политическими репрессиями и голодоморами в Украине». – Официальное интернет-представительство Президента Украины. Режим доступа к документу: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/8851.html>

² 15 ноября 1923 г. Постановлением ВЦИК ГПУ НКВД РСФСР преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. В связи с созданием НКВД СССР в 1934 г. ОГПУ вошло в состав НКВД СССР как Главное управление государственной безопасности (ГУГБ).

³ Носкова, И. А. Крымские болгары в XIX – начале XX в.: история и культура. Симферополь, Крымское Республиканское общество болгар им. Паисия Хилендарского, СОНАТ, 2002. 151 с.; Парзулова, М. Крымские болгары: Етнос. Език. Етнимия. Ономастика. Просопографии. Одеса, 2007. 274 с.; Андриющенко, І. О. Концептуалізація етнічної традиції (на матеріалі культури кримських болгар): Автореф. дис. ... канд. культурології: 26.00.01, Таврійський національний ун-т ім. В. І. Вернадського. Симферополь, 2009. 20 с.

⁴ Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / Под редакцией академика А. Н. Яковлева; авторы-составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., МФД, 2003, с. 423.

⁵ Там же, с. 461.

⁶ Государственный отраслевой архив Службы безопасности Украины (далее – ГОА СБУ), ф. 13, д. 1134, л. 62, 64.

⁷ Там же, л. 61.

⁸ Там же, л. 463.

⁹ Там же, л. 160.

¹⁰ Сквозь века / Ред.-сост. Н. Николаенко. Симферополь, [б. и.] (Народы Крыма). 1995, вып. 1. Отв. за вып. Л. Сергиенко, с. 53.

¹¹ ГОА СБУ, ф. 13, д. 1134, л. 368.

¹² Там же, л. 464.

¹³ Там же, л. 160.

¹⁴ Там же, л. 73.

¹⁵ Там же, л. 9, 11.

¹⁶ Там же, л. 161.

¹⁷ Там же, л. 505–506.

¹⁸ Там же, л. 124.

¹⁹ Там же, л. 91.

²⁰ Перечень функции Особого отдела ОГПУ при СНК СССР после реформы 15 сентября 1930 г.: контрразведка против разведок спецслужб западных стран, наблюдение за иностранными представительствами и колониями на территории СССР, борьба с антисоветской деятельностью крестьянских, белогвардейских, молодежных групп и организаций и бандитизмом, борьба с националистическими движениями и организациями, контрразведка против разведывательной деятельности со стороны государств Востока, наблюдение за представительствами и колониями этих стран на территории СССР, оперативное обслуживание армии, флота, оборонного строительства и военно-учебных заведений.

²¹ ГОА СБУ, ф. 13, д. 1134, л. 11.

²² Там же, л. 62.

²³ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. – М., Советское законодательство, 1932. 163 с. – Юридическая Россия. Образовательный федеральный правовой портал (v.3.2). Режим доступа к документу: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189>

²⁴ ГОА СБУ, ф. 13, д. 1134, л. 62, 64.

²⁵ Там же, л. 100.

²⁶ Там же, л. 63.

²⁷ МОПР – Международная организация помощи борцам революции.

²⁸ ГОА СБУ, ф. 13, д. 1134, л. 36.

Н. С. Красько

**УЯВЛЕННЯ БОЛГАР ПРО СМЕРТЬ
І ПОВ'ЯЗАНІ З НЕЮ ПРИКМЕТИ ТА ВІРУВАННЯ
За матеріалами болгарських поселень Приазов'я**

У дослідженнях сімейної обрядовості будь-якого народу особливу зацікавленість викликає поховально-поминальний комплекс з точки зору стійкості й збереження самотніх рис стародавніх вірувань і світоглядних уявлень. Саме цим обумовлена актуальність дослідження поховально-поминальних традицій болгар Приазов'я, зокрема прикмет і вірувань, пов'язаних зі смертю.

Прикмети, вірування й уявлення про смерть і потойбічний світ відбивають традиційні погляди людини на світобудову, розкривають її мікросвіт та перебіг людського існування. Таким чином, їх вивчення є необмеженим джерелом в дослідженнях поховально-поминальної обрядовості болгарського народу, його світогляду та духовної культури.

Вагомим джерелом нашого пошуку є етнографічні матеріали, зібрані М. Державиним на початку ХХ ст.¹, які несуть у собі подвійне навантаження: по-перше, виступають значущим джерелом щодо вивчення сімейної обрядності болгар-переселенців в цілому і, зокрема, похоронних звичаїв і обрядів; по-друге, дослідник заложив серйозне підґрунтя для вивчення багатьох напрямів болгарської духовної культури. Деякі з цих ідей багатьма вченими-етнологами розроблялись у другій половині ХХ ст.² Проте поховально-поминальний обрядовий комплекс у цей період майже не розглядався.

Щоправда, й у болгарській етнографії цим сюжетам тривалий час не приділяли достатньої уваги. Виключенням є ґрунтовна праця Хр. Вакарелського³, де дослідник узагальнює весь комплекс поховальних обрядових дій болгар, показує його варіативність і семантичну спрямованість тощо. Здобутки вченого використані нами для проведення етнографічних паралелей з метою розкриття загальних етнічних тенденцій та демонстрації зв'язку окремих звичаїв таврійських болгар із такими ж у метрополії.

Останнім часом етнологи активно повертаються до тематики поховальної обрядовості. У сучасному історіографічному досвіді України з'явилися дисертаційні дослідження, у яких вивчаються ці сюжети на Поліссі⁴, у Карпатах⁵ та Слобожанщині⁶. Особливо цінним для нас є звернення до Південно-Західної України⁷, де представлені результати досліджень поховально-поминальних традицій українців, росіян та болгар регіону. Вказані автори звертають увагу на значущість світоглядних засад (уявлень та вірувань про смерть і позасмертне існування) у всьому комплексі поховальної обрядовості, підкреслюючи, що саме вони і є тією необхідною основою формування системи поховальних обрядів.

Проблема, поставлена в нашій статті, може бути сформульована як визначення стійкості традиційних уявлень болгар Таврії щодо смерті та пов'язаних з нею прикмет і вірувань. Мета даного повідомлення – розглянути пов'язані зі смертю уявлення, прикмети і вірування болгар Приазов'я на початку ХХІ століття, виявити їх сталі і варіативні компоненти.

Джерельною базою дослідження є праці М. Державіна та Хр. Вакарелського, а також емпіричні матеріали, зібрані автором у болгарських поселеннях Степанівка-II і Богданівка Приазовського району Запорізької області, відштовхуючись від яких спробуємо визначити сталість традиційних уявлень болгар Таврії щодо смерті та пов'язаних з нею прикмет і вірувань. Основними інформаторами стали місцеві жителі, рік народження яких припав на 20-ті–40-ві роки ХХ ст. Найстаршим респондентом став Янів Георгій Федорович, 1914 р. н., наймолодшим – Міхова Тетяна Георгіївна, 1959 р. н.

Досліджуючи вірування болгар щодо смерті і перебування душі після смерті, можна виявити кілька світоглядних уявлень, що стосуються цього факту. По-перше, в народних уявленнях смерть не є чимсь протиставним життю, а скоріше – інша форма життя, звідки не повертаються. По-друге, дуже поширеним є вірування, що смерть – це тривалий сон. І, нарешті, реалістичний погляд на смерть як на небуття.

На сьогоднішній день вірування таврійських болгар щодо смерті як іншої форми життя підтверджується самим поховальним обрядом, тобто тими діями, що його супроводжують. Наприклад, збираючи покійного, обов'язково кладуть речі, які були б необхідні людині за життя (гроші, дзеркало, гребінець, головний убір тощо). Усі, хто прийшов попрощатися з померлим, складають у труну дрібні побутові речі, як-то: рушник, хустка, шкарпетки тощо. Вважається, що небіжчик на тому світі передасть ці речі їх померлим родичам⁸. Схожі елементи можна спостерігати у дослідженнях М. Державіна: «При опусканні гроба в могилу присутствующие говорят: *аку има виждане и срештане, млогу прущене на Гергю, Иван і т. д.*»⁹ Ще одне підтвердження вірування у потойбічне життя знаходимо в тому, що, йдучи з цвинтаря, не озираються і не підходять до інших могил. На питання: «Чому саме потрібно так поводитись?» цікаве тлумачення дала жителька с. Богданівка Ніколаєва В. Д.: «*Там ги няма*»¹⁰, тобто під час похорону померлих немає в своїх могилах. Як пояснила респондентка: «*Те са утишили да срештат новия умрял*»¹¹ («вони пішли зустрічати прибулого»).

Існування вірування у смерть як у тривалий сон знаходимо у Хр. Вакарелського. Він зазначає, що дуже часто у болгар можна почути про мертвого вираз: «*Заспал вечния си сън*». Про покійника говорять *пучива, починал*. Відвідування могили на другий ранок після похорону має назву «разбуд»¹².

Підтвердження вірування приазовських болгар у смерть-сон можна знайти у висловах, які ми почули під час відвідування цвинтаря: «*Тука пучива мойта майка*»¹³, «*Башта ми тук пучива*»¹⁴, «*Тука пучиват мойта баба и дяду, и дештеря ми*»¹⁵, в розповідях респондентів: «*Кату мъжо ми пучинал...*»¹⁶, а також, під час оплакування: «*Милата ми, подружка, встани, ... за ко си заспала...*»¹⁷ Вранці другого після похорону дня на могилу приносять сніданок: «*...утре носят завтрак на гробиште*»¹⁸.

Окремо зазначимо, як носять *завтрак*. Вранці (якомога раніше) родичі покійного беруть з дому якусь посудину з вугіллям, що підпалюють на кладовищі і тричі обходять (окурюють) по колу могилу, – цей ритуал називається «*прикадяване*»¹⁹. Після чого навхрест поливають могилу водою. Наливають трохи вина і кладуть шматок хліба, цукерки, печиво. Далі присутні снідають біля могили покійного, поминають його добримі словами, плачуть особливим способом – «*нареждат*»²⁰. При чому саме *нареждане* не повертається. Її або залишають на могилі, або віддають комусь зі зустрічних.

На цей звичай у своїх дослідженнях звертає увагу і М. Державін: «В течение первых сорока дней после смерти ближайшие родственники покойника ежедневно отправляются на могилу с огнем и ладаном, кадят вокруг могилы и поливают ее водой или вином, при этом обязательно плачут»²¹. Хр. Вакарелський наголошує, що під час

цих провідин важливим є абсолютне мовчання відвідувача, у крайньому випадку тихий плач: «*Да се мълчи, най-малко – да не се плаче гласно*»²².

Під час спілкування з респондентами було отримано кілька різних відповідей щодо кількості днів після похорону, протягом яких ходять на могилу. Найчастіше опитувані називали один, наступний після похорону день, деякі – *три дена*²³, *ду девят дена*²⁴, мотивуючи це тим, що зазвичай рідні померлого не місцеві й після похорону роз'їжджаються по своїх домівках. Звичайно, на могилі розмовляють і плачуть. Могилу відвідують не тільки родичі жіночої статі, а й чоловіки, тобто ті, кому зручно.

Погляд на смерть як на небуття відбивається у відповідях респондентів на питання: «Що є після смерті?». Більшість опитуваних, незалежно від віку і рівня освіти, відповідають – *ништу няма*²⁵ (нічого нема), *цervите гу изядат*²⁶ («черви його їдять»), «*Ошите нукуй ни са верна*»²⁷. Однак, незважаючи на таке тлумачення, у поховально-поминальному обряді та діях, що його супроводжують, намагаються дотримуватись усіх традиційних ритуалів, пояснючи: «*кой гу зна...*»²⁸, «*никуй не зна ко там има...*»²⁹

У традиційних уявленнях південних слов'ян настання смерті розглядається як процес відділення душі від тіла. Такі погляди спираються на релігійний міф, ідеєю якого є «ухід душі» до Творця в очікуванні Страшного Суду. Домінуючими є уяви, за якими відділення душі від тіла здійснює божественний «агент смерті» «Вадидушник», на якого спеціально покладені такі функції»³⁰.

Як повідомила жителька с. Степанівка-ІІ Балдурська Марія Василівна 1928 р. н., божий посланець забирає душу праведника, а за грішником приходять посланець диявола, і той після смерті «*в катраня гури*»³¹, тобто потрапляє на пекельне вогнище.

Віруючі люди похилого віку загалом спокійно ставляться до факту смерті, тому ще за життя готуються до її приходу: намагаються не грішити, помиритися з тими, перед ким завинили, готують одягу на смерть тощо. Спілкуючись з респондентами, ми дізналися, що приготоване на смерть вбрання та інші необхідні речі називається «*врзел на смърт*»³². Він складається з *пустилка* (простираadlo), *убивка на ракла* (тканина для оббивки труни), *покрив* (тканина, якою покривають тіло), *бял зон на пригурияката* (полотно для спеціального погребального вбрання), *дрехите* (одягу), *свитичка* (ікона) та ін.³³

З наближенням смерті родичі помираючого пильнують різні прикмети, що віщують смерть. Звертають увагу на будь-які зміни в зовнішньому вигляді чи поведінці хворого, які означають близьку смерть. Наприклад, якщо хворий часто питає скільки годин – тлумачать як «*чака на своя смъртен час*»³⁴, дивиться скрізь двері – «*чака да доди смърт*»³⁵, питає, де його речі і просить дати їх йому – «*збира са на той свят*», «*такмиса*»³⁶ та ін. Також поширене вірування, що в момент смерті біля ліжка помираючого збираються всі його раніше померлі родичі. Тому якщо хвора людина починає незрозуміло говорити (марить), розмовляє з кимось з померлих родичів, то це віщує її близький кінець.

Стійкою є традиція завішувати дзеркала в домі, де є покійник. За часів досліджень М. Державіна дзеркала завішували чорною хусткою «*да са ни угледа*»³⁷ покійник, тобто щоб покійник себе не побачив в дзеркалі. Сьогодні на питання: «Для чого це робиться?», респонденти не можуть дати чіткого пояснення, проте суворо дотримуються цього звичаю. Дзеркала завішують тканиною (необов'язково чорною) і не відкривають їх протягом сорока діб.

М. Державін відмічав, що завжди пильно слідкували, щоб через померлого не перескочила кішка або якась інша тварина, щоб покійник не став вампіром. На жаль, нам не вдалося підтвердити тлумачення М. Державіна, однак і сьогодні в момент, коли в домі з'являється покійник, кішку закривають в якомусь місці (найчастіше, на горіщі), звідки

вона не могла би вийти, і тримають її там доти, поки не поховають померлого. «Земат котката и дигат и на таван, да не примине път на умрялуту»³⁸. «Земат й и ферлят на тавана... Пак за ко й ферлят не знам... Да гу ни прескочи... Видно тува не е хубаву...»³⁹

Уважно стежать за тим, що стосується омивання та вдягання покійного. Вірування в те, що вода після обмивання є нечистою, зберігається і до сьогодні. Це засвідчують усі респонденти. Як приклад, надамо слова жительки с. Богданівка Георгієвої Г. Д., котра пригадала, що казала її мати з цього приводу: «удътъ тряа да са изля там дету оратъ не од'ът»⁴⁰ (воду потрібно вилити туди, де не ходять люди), зазвичай, «пуд фелданата»⁴¹ (під дерево), тому що там «никуй не оди и пойчи ништу няма да са сажда»⁴² (ніхто не ходить і більше нічого не буде посаджене) і пильно стежили «...да ни устани локва»⁴³ (щоби не залишилась калюжа). На запитання: «Чому не можна залишати калюжу?» респондентка відповіла: «Тей ми са казва, к болезни»⁴⁴, тобто, якщо залишиться калюжа і хто-небудь в неї ступить, ця людина тяжко захворіє.

Характерною рисою в одежі покійного, незалежно від статі, у болгар Приазов'я є спеціальне вбрання – *пригуриялка*. Спосіб її виготовлення автор спостерігала в травні 2009 р. під час похорону жительки с. Богданівка Хіневої Марії 1934 р. н. Шматок білого полотна складають удвічі, приблизно 1:2. Посередині згину свічкою випалюють два маленьких отвори на відстані близько 15 см, і від одного отвору до іншого розривають. Далі на довшій частині полотна від середини місця розриву вниз близько 10 см випалюють ще один маленький отвір і знову розривають. Таким чином отримують отвір для голови покійного у вигляді букви «Т»⁴⁵.

Спілкуючись з респондентами щодо *пригуриялки*, ми з'ясували, що вона має бути не кроена і не шита, тому виготовляється за допомогою свічки, звідси і походить її назва. Від цілого полотна відривають (не можна користуватись ножицями чи ножем) шматок (приблизно 1,5 м), на відстані 1/3 від краю свічкою по колу випалюють місце отвору для голови. Вдягається через голову покійного коротким кінцем назад, а довгим наперед. Якщо з якихось причин *пригуриялку* не можна надіти на покійного, її все одно обов'язково кладуть в труну під одежу. Вважається, що саме в цьому вбранні покійник постане перед Всевишнім⁴⁶.

Цікаву історію розповіла М. Балдурська. У неї помер дядько. На другий день після поховання він наснився своїй дружині й сказав: «Всичку хубаву ми направиха, а ми што не ми убляках пригурияката. А сега ми срам при хора да уда. Всичките със пригуриялка, ами аз гол...»⁴⁷

Серед болгарських поселень Приазов'я *пригуриялка*, як обов'язковий вид спідньої одежі покійного, зустрічається і до сих пір робиться тільки в селах Степанівка-І і Богданівка. В інших болгарських селах Таврії про неї взагалі не чули, а якщо й чули, то такого вже не роблять. М. Державін нічого не зазначає щодо такого особливого вбрання, однак в дослідженнях Хр. Вакарелського згадується, що в деяких районах Болгарії існує «спецефична дреха за погребение», яка має різні назви: «савено, платно, прегорелка, долня риза, пригуриялка, навлек ...»⁴⁸

Особливо пильнують за тим, щоб руки і ноги покійного перед опусканням в могилу були розв'язані. «Трябва да иди на той свят да не беде сверзан»⁴⁹. Існує повір'я: якщо не розв'язати – покійник може все життя снитися зв'язаним і дорікатиме за це⁵⁰. Не можна сказати, що саме страх перед такими снами змушує людей стежити, щоб розв'язати покійного; скоріше прагнення відпустити, звільнити. «Освубуждаваш човека. Свубоден там да беде...»⁵¹

У Хр. Вакарелського знаходимо підтвердження такому поясненню: «за да може мъртвият свободно до се движи»⁵². Проте він подає і друге вірування: «за да има

взможност останалият жив съпруг (на покойника) да встъпи отново в брак»⁵³, тобто щоби той з подружжя, хто залишився живий, міг знову вступити у шлюб. Під час опитування жоден респондент не дав іншого тлумачення, крім надання свободи покійному.

Що стосується того моменту, коли відбувається винесення тіла з оселі, то перше, що роблять, – це закривають двері, щоб покійник не повернувся, щоб не було ще одного похорону в домі. *«Кату изнесат умрялуту, сразу закриват вратата. За кой ту да не са верне, да не беде оште едно умрялу в тази къшита»*⁵⁴. Прибирати – мити чи підмити підлогу починають через три дні. Слід зауважити, що відповіді респондентів щодо прибирання не є однозначними. Деякі кажуть, що потрібно вимести і вимити підлогу негайно⁵⁵, інші – що нізащо не можна цього робити⁵⁶. Звертаючись до досліджень М. Державіна, ми знаходимо: «После выноса из дома покойника, из комнаты выметается сор и вместе с метлой выбрасывается на улицу»⁵⁷. У Хр. Вакарелски зазначено, що загальним є звичай після виносу покійника вимести приміщення. Однак він зауважує, що в окремих районах Болгарії дім не прибирають до сорока днів, а інколи і більше⁵⁸.

За повір'ям, не можна переходити дорогу траурній процесії, не можна дивитись на похорон через вікно, не можна працювати, коли йде траурна процесія, та ін. Про це повідомляли всі опитуванні. Цих звичаїв мешканці зазначених сіл суворо дотримуються. На жаль, дати пояснення таким заборонам респонденти не можуть.

Під час спостереження за траурною ходою було помічено незвичайний ритуал: на перехресті, у момент зупинки, розстеляють білу хустку, на яку кладуть кілька дрібних монет; переносять через них труну з тілом; хустку забирають, а монети залишаються на роздоріжжі. Так повторюється кілька разів, залежно від кількості перехресть до кладовища. Останній раз цей ритуал виконують перед ворітьми цвинтаря. Проводячи опитування, ми з'ясували, що таким чином відкупається дорога на кладовище; хустка, яка стелиться називається *«пътник»*⁵⁹, а гроші, які кидаються – *«пътни»*⁶⁰.

Схожий ритуал описує М. Державін: «Когда покойника несут на кладбище и по пути останавливаются, под гроб с покойником бросают деньги; делается это потому, что земля таким образом становится как бы купленной... Перед гробом несут кусок белого полотна и после каждой остановки это полотно расстилается поперек дороги и вся похоронная процессия проходит через полотно; это прохождение покойника через полотно объясняется здесь как бы символ трех преград, которые предстоит пройти покойнику, чтобы он попал в царство небесное»⁶¹.

Цікаво, що наступного дня, а то й раніше, монети зі шляху зникають. На запитання: «Куди вони зникають?», респонденти давали відповіді: *«Ората ги земат да са лекуват»*⁶², *«У когу були глава той ги зема за да са лекува»*⁶³.

Під час спілкування з респондентами було зроблено спостереження, яке виявило подвійне ставлення до факту смерті. З одного боку, як до звільнення від земного, важкого життя і здобуття життя вічного, а з іншого – як до непоправної трагедії, відходу в небуття. Така неоднозначність і невідомість викликає почуття розгубленості і страху перед смертю, які втілені в народних прикметах, що покликані передбачати наближення смерті. Найчастіше за повір'ями інформацію про близькій кінець земного життя людини пророкують сновидіння, дивна поведінка тварин або якісь інші обставини, що не можна пояснити. Отже, розглянемо кілька прикмет, завдяки яким людина передбачає смерть.

Сьогодні найбільшого значення болгари надають сновидінням. Найпоширенішими віщими снами вважаються ті, в яких людині сниться, що в неї випав зуб. Такий сон означає смерть і, залежно від того, який зуб випав і чи було відчутно біль, вгадують, помере близький чи далекий родич. *«Кату сънуваш да вадши зъб, то е на умрялу. Передния да вадши – родние ша умре, далния – пу дална руднина...»*⁶⁴, *«Аку насън ша изпадни зъб*

със гуляма болес и кръф – умре койту ут найблизките»⁶⁵ тощо. Такі тлумачення можна знайти і у Хр. Вакарелського⁶⁶.

Також до вішуючих смерть снів відносять сновидіння, у яких являються померлі родичі і кличуть за собою або дають щось. Якщо людина, котрий сниться такий сон, уві сні піде за покликом чи візьме у покійного якусь річ, то незабаром вона помре. Однак, якщо померлий тебе не кличе і нічого не пропонує, а просто зайшов подивитись чи поговорити, то таких снів не лякаються. До них ставляться як до попередження і намагаються запам'ятати, про що вони розмовляли з покійним чи що він робив, і відповідно до цього тлумачать сновидіння. Наприклад: *«Вечерте, преди Възнесения готвих пумана на свойти умрели. Цял ден рабутих, умурихса и легнах... Сънува ми са мойта свекърва, Бог да ѝ прости. Фляза в къштата и иди ду столата. Гледа ко е слагану на столата, пугледна на меня, ништу не ми каза и утива... . Сабудих са, мисля: за ко ми тя са сънува? Наверно, душла да ми земи на той свят. Заранте ида да руздавам пуманата, розприказвами се със ората и аз казвам за туй сън и думам, че аз таз гудина ша умря. Пак ората ми казват – няма да умреи! Тя душла да пугледни със ко ти и пуминаваи... Пудир тува миналу три гудините, пак аз жувея...»*⁶⁷

Вішунами смерті також вважають домашніх чи диких птахів. Наприклад, смерть у родині може статися, коли курка заспіває як півень або на димар хати сяде сич (сова) і буде кричати, або собака буде довго і протяжно вити⁶⁸. Особливу увагу звертають на поведінку собак. Одна з респонденток розповіла випадок з власного життя: *«Пу нуштя са буди ми кучету? Вуй и вуй, и гавка... У дванайси часа. А в дванайси и петнайси минути звоня ми телефон... Сестра ми от Приазовье звони и казва: «Аня, у нас беда. Андрюша умер...». Де ту Приазовье и де Богдановка и аз убедиуся туй точно де ту кучета чувстват»*⁶⁹.

Тема смерті є неодмінною складовою людського бачення світу і відіграє важливу роль у формуванні світогляду народу. Усі дослідники наголошують на тому, що смерті та померлим предкам належить особливе, центральне місце у віруваннях слов'янських народів. Саме тому поховальний обряд – це та сакральна сфера людської діяльності, де кожен елемент набуває магічної значущості і виконується в чіткій відповідності з традиціями. А відтак, стійкими виявляються і повір'я, що пов'язані з важливим перехідним етапом в житті людини – смертю.

Отже, світоглядні уявлення болгар щодо смерті є тим фундаментом, на якому базується вся поховально-поминальна обрядовість. Саме з віруванням у потойбічне життя пов'язані обряди, які стосуються збирання покійного на «той світ». Вранішнє відвідування могили, принесення «сніданку», звернення під час плачу до померлого, пов'язані з віруванням в смерть як у тривалий сон. Навіть атеїстичні висловлювання, що після смерті нічого немає, тут же спростовуються сумнівом, який відбивається у відповідях, що цього ніхто не знає. Така непевність стає стійким підґрунтям для дотримання всіх традиційних звичаїв і ритуалів у поховальній обрядовості.

Уявлення щодо існування душі і відділення її від тіла в момент смерті мають велике значення для розуміння людиною свого земного існування. Саме вірування в те, що праведна і чиста душа буде спасенною, а грішна – покараною, стає поштовхом до каяття і прощення перед смертю. Дає надію на життя вічне, а отже, деякою мірою, позбавляє страху перед смертю.

Розглядаючи пов'язані зі смертю прикмети і вірування болгар Приазов'я на сучасному етапі й порівнюючи їх з дослідженнями М. Державіна і Хр. Вакарелського, можна стверджувати, що протягом століття вони майже не змінилися, а зміни, які відбулися, є незначними за своєю суттю.

По-перше, відмінності можна виявити в ритуалі *прикадяванє*, а саме в кількості днів, протягом яких цей обряд виконується. Як зазначалось, сьогодні цей термін коливається від одного до дев'яти днів, на відміну від сорока за часів досліджень М. Державіна. Але те, що цей ритуал (хоча би один раз) потрібно обов'язково зробити, є незаперечним. Також змінилося ставлення щодо статі відвідувачів (могили відвідують не тільки жінки). По-друге, можна помітити варіативність виготовлення спеціального поховального одягу «*пригурялки*», однак суворо пильнується, щоб при її виготовленні не використовувався ніж або ножиці, а, головне, щоб вона неодмінно була приготована і вдягнута, або, в крайньому випадку, покладена до труни. По-третє, спостерігаються відмінності у заходах щодо прибирання оселі після виносу тіла. Можливо, це пояснюється тим, що сучасні мешканці зазначених сіл є потомками переселенців з різних районів Болгарії. Проте існує одна думка, що двері за покійним слід терміново закрити. По-четверте, зазначимо зміни в діях, що відбуваються під час похоронної процесії. Велике біле полотно (записи М. Державіна) замінилося білою хусткою, однак решта обрядового ритуалу і вірування у викуп таким способом землі збереглася.

Що ж стосується прикмет і вірувань щодо пророкування смерті, то вони є традиційними і дуже стійкими. Сьогоднішні нащадки болгар-переселенців будь-яким попередженням, що стосуються смерті (снам, поведінці тварин та ін.), приділяють уваги не менше, ніж їхні пращури, і щиро в них вірять.

Слід відмітити той факт, що останнім часом окремі обрядові дії зазнали деякого спрощення або скорочення – це викликано низкою різноманітних факторів як-то: урбанізація, атеїстичний вплив і поступове повернення до православ'я, економічне становище тощо.

Однак, більшість прикмет і вірувань своїм корінням сягають у глибоку давнину, язичницькі часи. Протягом століть вони зберігалися в культурних традиціях і, незважаючи на появу християнства, ідеологічні заборони та ін., передавалися наступним поколінням. Цим можна пояснити нездатність респондентів надати пояснення тому чи іншому звичаю, однак намагання якомога точніше дотримуватись встановлених звичаїв і ритуалів, пояснюючи: «*теї майка ми прави*»⁷⁰ (так моя мати робила), «*баба ми теї каза*»⁷¹ (баба моя так говорила) тощо, є суттєвим підтвердженням стійкості цих традицій.

Таким чином, саме сталість уявлень, прикмет і вірувань, пов'язаних зі смертю, дає підстави стверджувати про консервативність всієї поховальної обрядовості болгар Таврії.

Респонденти

1. Амбурцева Валентина Іванівна, 1952 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.
2. Балдурська Марія Василівна, 1928 р. н., жителька с. Степанівка-II Приазовського р-ну Запорізької обл.
3. Бочеварова Віра Андріївна, 1944 р. н., жителька с. Степанівка-II Приазовського р-ну Запорізької обл.
4. Генчева Валентина Павлівна, 1942 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.
5. Георгієва Ганна Дмитрівна, 1950 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.
6. Нейчева Надія Юріївна, 1947 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.

7. Міхова Олександра Іванівна, 1952 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.
8. Міхова Параскева Лазарівна, 1922 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.
9. Міхова Тетяна Георгіївна, 1959 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.
10. Ніколаєва Валентина Дмитрівна, 1940 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.
11. Петкова Олена Михайлівна, 1939 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.
12. Тарасова Віра Афанасіївна, 1953 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.
13. Славова Ганна Михайлівна, 1936 р. н., жителька с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.
14. Янев Георгій Федорович, 1914 р. н., житель с. Богданівка Приазовського р-ну Запорізької обл.

¹ *Державин, Н. С.* Болгарські колонії в Росії (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Матеріали по славянській етнографії. – Сборник за народни умотворения и народопис. С., 1914. 256 с.

² Наприклад: *Демиденко, Л. А.* Культура и быт болгарского населения в УССР. К., Наукова думка, 1970. 140 с.; *Науко, В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине. К., 1975. 276 с. *Маркова, Л. В.* Эволюция этнической традиции болгарского населения Молдовы и Украины. – В: Страницы истории и этнографии болгар. Кишинев, 1995, 79–82; *Шумада, Н. С.* Народна культура болгар України: освоєння нового простору в часі. – В: Матеріали до української етнології. Збірник наукових праць. Вип. 4 (7). К., 2004, 165–173.

³ *Вакарелски, Хр.* Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. С., Изд. на БАН, 1990. 223 с.

⁴ *Конобродська, В. Л.* Поліський поховальний і поминальний обряди. Етнолінгвістичні студії. Т. 1, 3. Житомир, 2007. 56 с.

⁵ *Гузій, Р. Б.* Похоронні звичаї та обряди українців Карпат (XIX–XX ст.). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Л., 2002. 23 с.

⁶ *Сушко, В. А.* Поховальна обрядовість українців Слобожанщини XIX–XXI ст. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2007. 22 с.

⁷ *Захарченко, Г. М.* Традиційна поховальна обрядовість слов'янського населення Південно-Західної України середини XIX–XX ст.: ритуальна структура та її статевіковий аспект. Дис. ... канд. іст. наук. К., 2004.

⁸ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Тарасової Віри Афанасіївни.

⁹ *Державин, Н. С.* Вказ. праця, с. 152.

¹⁰ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Ніколаєвої Валентини Дмитрівни.

¹¹ Там само.

¹² *Вакарелски, Хр.* Вказ. праця, с. 24.

¹³ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Міхової Олександри Іванівни.

¹⁴ Там само, від Нейчевої Надії Юрївни.

¹⁵ Там само, від Міхової Тетяни Георгіївни.

¹⁶ Там само, від Георгіївної Ганни Дмитрівни.

¹⁷ *Красько Н. С.* Особисті спостереження похорону Хіневої Марії

¹⁸ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Тарасової Віри Афанасіївни.

¹⁹ Там само, від Бочеварової Віри Андріївни.

²⁰ Там само.

²¹ *Державин, Н. С.* Вказ. праця, с. 151.

²² *Вакарелски, Хр.* Вказ. праця, с. 143.

- ²³ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Міхової Олександри Іванівни, Нейчевої Надії Юріївни та Міхової Тетяни Георгіївни.
- ²⁴ Там само, від Бочеварової Віри Андріївни.
- ²⁵ Там само, від Ніколаєвої Валентини Дмитрівни.
- ²⁶ Там само, від Петкової Олени Михайлівни.
- ²⁷ Там само, від Балдурської Марії Василівни.
- ²⁸ Там само.
- ²⁹ Там само, від Міхової Параскеви Лазарівни.
- ³⁰ *Лозанова, Г.* Обичаи преди смъртта в контекста на южнославянския миторелигиозен синкретизъм. – Българска етнология, 1998, № 1–2, 20–36.
- ³¹ *Красько, Н. С.* Особисті записи від від Балдурської Марії Василівни.
- ³² Там само, від Славої Ганни Михайлівни.
- ³³ Там само, від Балдурської Марії Василівни, Міхової Параскеви Лазарівни, Славої Ганни Михайлівни.
- ³⁴ Там само, від Амбурцевої Валентини Іванівни.
- ³⁵ Там само, від Генчевої Валентини Павлівни.
- ³⁶ Там само, від Петкової Олени Михайлівни та Амбурцевої Валентини Іванівни.
- ³⁷ *Державин, Н. С.* Вказ. праця, с. 149.
- ³⁸ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Георгієвої Ганни Дмитрівни.
- ³⁹ Там само, від Бочеварової Віри Андріївни.
- ⁴⁰ Там само, від Георгієвої Ганни Дмитрівни.
- ⁴¹ Там само.
- ⁴² Там само.
- ⁴³ Там само.
- ⁴⁴ Там само.
- ⁴⁵ *Красько, Н. С.* Особисті спостереження похорону Хіневої Марії.
- ⁴⁶ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Балдурської Марії Василівни, Славої Ганни Михайлівни та Янева Георгія Федоровича
- ⁴⁷ Там само, від Балдурської Марії Василівни.
- ⁴⁸ *Вакарелски, Хр.* Вказ. праця, с. 79.
- ⁴⁹ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Георгієвої Ганни Дмитрівни.
- ⁵⁰ Там само, від Георгієвої Ганни Дмитрівни та Петкової Олени Михайлівни.
- ⁵¹ Там само, від Георгієвої Ганни Дмитрівни.
- ⁵² *Вакарелски, Хр.* Вказ. праця, с. 62.
- ⁵³ Там само.
- ⁵⁴ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Георгієвої Ганни Дмитрівни.
- ⁵⁵ Там само, від Ніколаєвої Валентини Дмитрівни, Нейчевої Надії Юріївни.
- ⁵⁶ Там само, від Амбурцевої Валентини Іванівни та Генчевої Валентини Павлівни.
- ⁵⁷ *Державин, Н. С.* Вказ. праця, с. 150.
- ⁵⁸ *Вакарелски, Хр.* Вказ. праця, с. 97.
- ⁵⁹ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Янева Георгія Федоровича та Тарасової Віри Афанасіївни.
- ⁶⁰ Там само.
- ⁶¹ *Державин, Н. С.* Вказ. праця, с. 151.
- ⁶² *Красько, Н. С.* Особисті записи від Тарасової Віри Афанасіївни.
- ⁶³ Там само, від Георгієвої Ганни Дмитрівни.
- ⁶⁴ Там само, від Амбурцевої Валентини Іванівни.
- ⁶⁵ Там само, від Петкової Олени Михайлівни.
- ⁶⁶ *Вакарелски, Хр.* Вказ. праця, с. 143.
- ⁶⁷ *Красько, Н. С.* Особисті записи від Славої Ганни Михайлівни.
- ⁶⁸ Там само, від Георгієвої Ганни Дмитрівни, Петкової Олени Михайлівни та Славої Ганни Михайлівни.
- ⁶⁹ Там само, від Георгієвої Ганни Дмитрівни.
- ⁷⁰ Там само.
- ⁷¹ Там само, від Міхової Тетяни Георгіївни.

ДЖЕРЕЛА ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

О. А. Гоков

ОБРАЗ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БАТТЕНБЕРГА В РОССИЙСКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛА XX в.

История Болгарии последней четверти XIX в. тесно связана с Российской империей и личностью первого болгарского монарха в Новое время – Александра Баттенберга. Еще во время правления его политика и он сам стали предметом бурных обсуждений в Европе. Часть авторов оценивала Баттенберга в позитивном ключе, в своих заметках, мемуарах и исследованиях выступая даже как его апологеты¹. Другая, напротив, в оценке князя была резко критична. В дальнейшем это различие во взглядах было перенесено на историографию и нашло отражение в существовании двух образов князя: одного – позитивного, представляющего его как защитника интересов Болгарии и болгар, патриота; и другого – с акцентом на личностные качества Баттенберга и подававшего его в негативном свете. Последний образ долгое время доминировал в имперской, советской и современной историографии России, Народной Республики Болгарии; даже в новейших украинских изданиях он преобладает². Создание объективного образа первого болгарского правителя в Новое время требует отказа от исторически сложившихся стереотипов, анализа особенностей последних и причин их появления, а, следовательно, привлечения, возможно, большего числа источников, в том числе воспоминаний людей, близко знавших болгарского монарха. Главной задачей нашего исследования является попытка проанализировать изображение Александра Баттенберга в русской мемуаристике конца империи. Мы постараемся выяснить, из каких компонентов и под чьим влиянием формировался образ князя, насколько он соответствовал реальной исторической личности.

Анализ источников. Для анализа нами были выбраны мемуары людей, которые лично знали князя или сравнительно долгое время находились с ним в непосредственном контакте³. Все они, за исключением Д. А. Милютина и П. А. Матвеева, служили в княжестве в период правления Александра Баттенберга, причем занимали высокие посты и были в той или иной степени близки к князю. Отобранные материалы не содержат апологетики князя. Они отражают в значительной степени официальный взгляд на его личность и политику, а также доминировавшее в российском общественном мнении их восприятие. Такой подход позволил более четко представить себе не только то, как воспринимался Александр Баттенберг большей частью русского окружения, но и составить характеристику его личных качеств.

По степени близости и знания князя мемуаристов можно подразделить на три группы. К первой относятся близко знавшие и постоянно общавшиеся с ним П. Д. Паренсов (военный министр Болгарского княжества с июня 1879 до марта 1880 г.), Л. Н. Соболев (в 1882–1883 гг. занимал должности министра-президента и министра внутренних дел

Болгарского княжества), А. А. Шепелев (военный атташе в Болгарии в 1879–1880 гг.) и К. Г. Эрнрот (военный министр Болгарского княжества в 1880–1882 гг., а с 9 мая по 13 июля 1881 г. – министр-председатель (премьер-министр) и министр иностранных дел). Вторую составляют авторы, общавшиеся с князем нерегулярно – Д. А. Милютин (военный министр России с 1861 по 1881 г.), А. Ф. Редигер (служил в Болгарии с 1882 по 1884 г. сначала товарищем военного министра, затем – управляющим Военным министерством) и И. С. Аксаков (идеолог славянофильства). В третью нами отнесены лица, имевшие с князем Александром эпизодические контакты и основывавшие свои мнения в первую очередь на сообщениях «из вторых рук» – П. А. Матвеев (два года в начале 1880-х служил в Восточной Румелии) и А. Н. Щеглов (личный секретарь Л. Н. Соболева). Время написания и публикации указанных источников существенно различаются, как различаются и их содержание. Воспоминания Л. Н. Соболева и работа П. А. Матвеева были написаны и опубликованы «по свежим следам»: их выход был «приурочен» к разрыву дипломатических отношений России с Болгарией и призван был оправдать позицию России. Отсюда и характер сочинений: комментарии к документам у первого, историко-аналитическая работа с вкраплением мемуарных элементов – у второго. Мемуары остальных авторов можно смело назвать воспоминаниями в классическом смысле этого слова. Написаны они были в начале XX в.; помимо личных записей и впечатлений содержали документы из личных и государственных архивов, анализ уже вышедших материалов о князе. Исключение составляют записки Д. А. Милютина, которые носят дневниковый характер, не предназначавшиеся для публикации. Его дневники были изданы уже в советское время. Здесь мы имеем хотя и субъективное, но непредвзятое (то есть не обусловленное требованиями цензуры, официальных установок) мнение о князе и его политике.

Характеризуя указанные нарративные источники, следует заметить, что понимание позиций их авторов невозможно без выяснения ментальных установок, определенных отношений последних к окружающей действительности. Несмотря на прорисовывающуюся разницу характеров, можно выделить несколько параметров, по которым большинство авторов едины. Все они (за исключением разве что К. Г. Эрнрота) в большей или меньшей степени либеральные монархисты (или монархисты-реформаторы), то есть люди, воспитанные и мыслящие в духе преданности престолу, империи, но при этом поддерживающие реформистские начинания, способные, по их мнению, принести пользу государству, благо народу. В отношении устройства Болгарии они занимали позицию конституционных монархистов, выступая иногда даже с откровенно либеральных позиций: поддержка законности на основе Тырновской конституции, ограничение власти князя, избираемость Народного собрания, права народа на устройство внутренней жизни. В их мировоззрении переплелись сразу несколько основных категорий, характерных для значительной части российской элиты XIX в.: чувство долга перед государем; патриотизм; славянофильство (в данном случае, отношение к болгарам – на уровне подсознания – как к братьям-славянам) и, вместе с тем, взгляд на Болгарию и болгар как на неразвитый в политическом отношении народ, требующий поддержки и направления от более развитой нации, каковой представлялась Россия (такой подход вообще был характерен для великодержавного мышления той эпохи); рассуждения и оценки, пропущенные через морально-этическую плоскость, в которых значительное место занимают честность, порядочность. Наконец, отношение к князю у мемуаристов было опосредовано в основном политическими, а не личностными характеристиками последнего (исключение составляет лишь П. Д. Паренсов).

Информацию источников можно разделить на оценочную, т. е. связанную с обобщениями, оценками и анализом личности и политики Александра Баттенберга, и фактоло-

гическую, представляющую собой описание ситуаций, подтверждающих, дополняющих или опровергающих оценочные суждения. Оценочная информация явно преобладает. Она базируется на личных впечатлениях, сообщениях вторых лиц, слухах, официальных и неофициальных документах. В свою очередь, оценочная и фактологическая информация внутренне подразделяется на явную и неявную. Первая представляет собой открытые оценки, обобщения, факты, приводимые в прямой связи с ними. Вторая преимущественно находится вне контекста оценочных характеристик, на периферии внимания авторов. Но именно она помогает сформировать у вдумчивого читателя более объективный подход к оценке личности князя и мотивам его поступков. Типичным примером такого рода информации может служить описание П. Д. Паренсовым коронации князя в Тырново⁴.

Личностные характеристики. Прежде чем переходить к исследованию, следует сказать несколько слов о биографии Александра Баттенберга. Он был сыном принца Александра Гессенского – старшего брата российской императрицы Марии Александровны – и фрейлины двора Юлии фон Гауке. Титул фон Баттенберг Юлия и ее потомки получили от старшего брата принца Александра великого герцога Гессенского Людвигу III в 1858 г. Принц за брак подвергся опале со стороны императора Николая I, был выслан из России, служил в австрийской армии и только с восшествием на престол Александра II был возвращен на русскую службу. Будущий болгарский князь родился 5 апреля 1857 г. С 13 лет воспитывался в шнепфенуальском училище (1870–1873) недалеко от г. Готы, после чего закончил военное образование в Германии, в Дрезденском кадетском корпусе и был секунд-лейтенантом 2-го Гессенского лейб-драгунского полка, а также русского Уланского, в рядах которого участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Александр фон Баттенберг состоял в свите Александра II. Затем служил в Берлине в Лейб-гвардии кирасирском полку. Родство с российской императорской фамилией предопределило его дальнейшую судьбу. По окончании войны 1877–1878 гг. по настоянию России он был избран князем Болгарского княжества, созданного согласно решений Берлинского конгресса 1878 г. Правление его продолжалось с апреля 1879 г. до сентября 1886 г. За это время князь стал тяготиться опекой со стороны России, пытался маневрировать среди болгарских партий и российских интересов, стремясь укрепить личную власть. В итоге это привело к конфликту с Санкт-Петербургом в 1885 г., а затем к государственному перевороту 1886 г., в результате которого Баттенберг был свергнут группой пророссийски настроенных офицеров болгарской армии. Попытка вернуться к власти после контрпереворота того же года не была одобрена российским императором Александром III. Князь вынужден был отречься от престола и начал частную жизнь. Жил с семьей (с 1889 г. женат на оперной певице Иоганне Лойзингер, имел двух детей) в Граце. С 1890 г. был полковником австрийского драгунского полка. 23 октября 1893 г. умер и был похоронен в Софии⁵.

Характеристики мемуаристами князя Болгарии как человека тесно связаны с его политическим портретом. Исключение составляет П. Д. Паренсов, который приводит довольно много сведений о личностных качествах Баттенберга. Среди положительных большинство авторов отмечали внешность: подчеркивая молодость и мужскую красоту, они оценивали также располагавшую к себе армейскую выправку князя – ему очень шел военный мундир⁶. В связи с внешностью обращали внимание и на манеру общения – простоту, приветливость, изысканность⁷. «Князь Александр Баттенбергский, – писал А. Ф. Редигер, – был, когда хотел, пленительно любезный»⁸. Все это, по мнению авторов воспоминаний, делало личность болгарского правителя привлекательной для окружающих⁹. Однако это был, как метко заметил Л. Н. Соболев, «чарующий обман»¹⁰. «Он обладал крупным недостатком, – писал А. Ф. Редигер. – ... был неискренен и фальшив»¹¹. Кроме внешней обаятельности в воспоминаниях отмечалась «веселость, свойственная

молодости», страсть к лошадям, к роскошеству¹². В сущности, здесь князь предстает типичным представителем аристократической молодежи своего времени, заботящейся о своей внешности, склонной сорить деньгами и ни в чем себе не отказывать.

Вопрос о влиянии воспитания на Александра Баттенберга неоднократно поднимался в мемуарах. Иная культурная традиция выставлялась в качестве одного из главных недостатков личности князя. В этом контексте авторы отмечали главным образом презрительное отношение к славянам и стремление «перевернуть все á la Berlin»¹³, «ко всему прикладывать немецкие масштабы»¹⁴. Помимо этого, акцент делался на таких чертах, как высокомерие по отношению к тем, кто был ниже по рождению или положению, щепетильность в малозначимых вопросах, стремление к внешнему эффекту¹⁵. П. Д. Паренсов отмечал поверхностность, но безапелляционность суждений князя, который зачастую старался следовать сложившимся у него стереотипам и стремился добиться своего даже вопреки здравому смыслу¹⁶.

Страсть к деньгам и расточительству – еще одна негативная черта личности Баттенберга¹⁷. Эта страсть к роскошеству и непомерным тратам, как отмечали наблюдатели, была тем более опасна, что шла «вразрез с явной необходимостью», учитывая «весьма ограниченные ... доходы княжества»¹⁸. Отсюда вытекало стремление Александра Болгарского извлечь прибыль любыми средствами как внутри страны, так и вне ее¹⁹. Справедливости ради, следует отметить, что финансовые вопросы были связаны еще и с политикой: князь хотел избавиться от опеки России. Но об этом авторы прямо не писали.

Российские мемуаристы отмечали в Александре Баттенберге также такие отрицательные качества, как самолюбие и честолюбие²⁰. Примером их был вопрос о титуле, ставший одним из камней преткновения в отношениях Баттенберга со своим первым военным министром и Народным собранием²¹. П. Д. Паренсов вспоминал, что «князь очень любил ордена», а также «только и мечтает, что в Болгарию будут приезжать иностранные государи и царствующие особы и что для них он будет делать награды»²². Самолюбие и честолюбие, подогреваемое «доброжелателями» России (иностранными представителями при княжеском дворе и прессой), перетекали в обидчивость на неисполнение княжеских желаний. Судя по воспоминаниям, на первых порах своего правления князь еще плохо владел собой, будучи вспыльчив, в определенных моментах конфузился и краснел, волнуясь²³. Однако со временем владеть собой он научился, хотя раздражительная обидчивость не исчезла: он стал скрывать ее и действовать исподтишка. Мстительность и злопамятство, как результат неудовлетворенных самолюбия и честолюбия, проявлялись по-разному: мелочно – в личных отношениях с людьми невысокого положения; импульсивными ответными акциями – в политике. Например, против российских офицеров он плел интриги при императорском дворе с целью опорочить и удалить неудобных, наслаждаясь их поражением (в этом смысле характерны интриги против П. Д. Паренсова и Л. Н. Соболева)²⁴. В политике тоже, как отмечал Л. Н. Соболев, «иногда личные чувства брали верх над политической целесообразностью»²⁵, что приводило к крупным конфликтам, как, например, в 1885 г.²⁶

В связи с указанными характеристиками личности Александра Болгарского, авторы мемуаров отмечали и другие отрицательные черты: недоверие, хитрость, лицемерие, лживость и вообще непорядочность. Описывая первую встречу с князем, П. Д. Паренсов вспоминал: «одни только глаза ... не светились ни открытостью, ни добродушием. Взгляд был тревожный, недоверчивый, ни на чем долго не останавливавшийся и довольно хитрый ... В глазах князя светилась основная черта его характера – скрытность»²⁷. За исключением еще Д. А. Милютина²⁸, из мемуаристов никто больше не обратил внимания на это. На наш взгляд, именно указанная черта дает ключ к понима-

нию многих поступков Баттенберга и особенностей его характера. Скрытность, будучи производной от воспитания и положения, в котором очутился князь в чужой и чуждой ему стране, под чужим контролем, способствовала развитию упомянутых негативных качеств. Недоверие к окружающим, которое отмечали авторы воспоминаний, знавшие князя близко, было прямым следствием этой скрытности.

Из мемуаров можно заключить (хотя прямо никто из авторов об этом не писал), что следствием честолюбия и обидчивости, влияния воспитания и внешних факторов (окружения, политической борьбы и т. п.) у князя было сильно развито лицемерие, доходившее до откровенной лживости и непорядочности. Лживость мемуаристы упоминают чаще всего²⁹, обращая внимание также на подлость в отношениях с людьми как производную от обидчивости и мстительности³⁰. Лицемерие проявлялось у князя при необходимости использовать человека в своих интересах³¹.

Наряду с указанными качествами, российские мемуаристы отмечали, что князь легко попадал под влияние других людей, то есть был неуверен в себе³². П. А. Матвеев вообще многое в поведении болгарского правителя склонен объяснять влиянием окружавших его людей, увязывая его с мнительностью и восприимчивостью к разного рода слухам³³. Анализ мемуаров показывает, что эти «влияния» образовались не сразу, а постепенно, под воздействием множества внутренних и внешних факторов. Еще одна особенность подверженности влиянию (которую мемуаристы не отмечали, но давали достаточно информации для ее выявления) заключалась в том, что князь был склонен зависеть от взглядов тех людей, которые мыслили с ним одними категориями. Только П. А. Матвеев прямо написал об этом, хотя и в другом контексте, не развив эту мысль в дальнейшем³⁴.

Политический образ. В центре мемуаров стоит личность Александра Баттенберга как политика. Этим обусловлены все характеристики князя. Первое, что следует выделить в воспоминаниях, – как видели и подавали авторы политические взгляды князя Александра.

Основанием для изложения политических воззрений правителя Болгарии служили личные впечатления, сведения «вторых лиц», официальные и неофициальные документы. Все отмечали крайнее властолюбие Баттенберга, с которым тесно связывались взгляды на положение монарха в государстве, на форму правления, отношение к подданным, на кадровую политику и перспективы развития страны. По их мнению, князю было свойственно стремление к власти и единоличному правлению ради удовлетворения собственных желаний³⁵. Следует, правда, сделать оговорку, что мемуаристы довольно часто смешивали властолюбие и желание управлять самостоятельно, без опеки со стороны России. Одним из факторов, обусловивших такую ситуацию, на наш взгляд, была разница в понимании места русских в Болгарии, проявившаяся в отношениях с российскими советниками. Даже из воспоминаний следует, что князь желал управлять в Болгарии единолично, вкладывая в это понятие и независимость от России. В то же время русские представители исходили из убеждения, что на данном этапе болгары не способны управлять своей страной самостоятельно, поэтому нуждаются в опеке со стороны «братской славянской нации». Кроме того, в спорных ситуациях отдавали предпочтение приказам со стороны империи, считая себя, в первую очередь, на службе императора. Отсюда – часто приводимые примеры конфликтов князя с российским окружением³⁶.

В связи с этим важно отметить понимание Александром Баттенбергом места монарха в системе государственной власти, как его видели российские наблюдатели. На основании явной и неявной информации воспоминаний можно сделать вывод, что князь – сторонник неограниченной власти³⁷. При этом государство, которым он правил, Александр склонен был рассматривать как свою собственность. С этим было связано

отождествление личных и государственных (народных, национальных) интересов, отразившееся в приводимых мемуаристами официальных обращениях и документах³⁸. Такое использование понятий в духе национализма привело к тому, что многие стали видеть в князе защитника национальных интересов³⁹. Однако мемуаристы, близко и постоянно общавшиеся с Баттенбергом, смысл таких апелляций и отождествлений выводили из желания использовать национальные лозунги для укрепления собственного положения в стране и в глазах болгар⁴⁰. Но помимо этих интересов, видимо, существовало убеждение князя в том, что он как монарх символизирует государство, положение которого прямо определяет его престиж. Учитывая честолюбие Александра, а также господствовавшие в то время среди консервативных кругов Европы взгляды на монархическую власть, такое убеждение было естественным. И лучше всего оно проявилось в вопросе об объединении Болгарии и во внешней политике, где популизм сочетался с желанием прославиться и увеличить свое значение (и, соответственно, Болгарии, как своего владения, или наоборот: через успехи Болгарии поднять свой престиж) на Балканах и в Европе⁴¹. К слову, авторы мемуаров очень четко выделяли взаимосвязь политических убеждений Баттенберга с чертами его характера: «Молодой, самолюбивый князь, – писал П. А. Матвеев, – желающий во что бы то ни стало играть политическую роль и фигурировать в глазах общественного мнения на полуострове и в Европе»⁴². С взглядом на место монарха в системе государственной власти мемуаристы связывали и желание Баттенберга «решать самостоятельно» все дела, не вникая в них серьезно, следуя шаблонам⁴³.

Четко отражено в воспоминаниях и то, как отношение к власти монарха определяло взгляды князя на политические институты. Александр Баттенберг рассматривал их как собственность и считал, что они должны повиноваться и служить воле правителя. Особенно это касалось армии и Военного министерства⁴⁴. Авторы указывают, что армию князь желал сделать орудием своих желаний и опорой личной власти, поставив на командные посты верных ему людей. Именно невозможность осуществить это желание вызывала сильное раздражение болгарского монарха⁴⁵.

В схожем духе были выписаны взгляды Александра Баттенберга на кадровую политику⁴⁶. Что касается Конституции и демократических институтов, то практически все мемуаристы сходились на их необходимости для княжества. Это объяснялось интересами России. «Дабы не отдавать немецкому князю Болгарию в вотчинное управление, в княжестве введена была Конституция», – откровенно сообщал Л. Н. Соболев⁴⁷. Именно поэтому авторы воспоминаний крайне резко оценивали позицию князя Александра в этом вопросе. Правда, такой подход в целом оказал незначительное влияние на изложение взглядов князя на Конституцию и Народное собрание. Приводимые мемуаристами примеры в целом соответствовали действительному положению дел, поскольку отражали реальную позицию Александра Болгарского. Авторы сходились во мнении, что князь, будучи крайним монархистом, не желал, чтобы демократические органы, а тем более – неконтролируемые им, мешали в единоличном управлении страной. Конституция должна была быть либо упразднена, либо служить воле монарха⁴⁸. Однако политические воззрения болгарского князя постоянно приходили в противоречие с политической практикой, поэтому оформились в своеобразный набор качеств, характеризовавших его как политика. Следует заметить, что именно здесь наиболее ярко проявилась взаимосвязь личностных и политических качеств (личные чувства у князя иногда брали верх над политической целесообразностью, отмечал Л. Н. Соболев)⁴⁹.

Центральным качеством политика мемуаристы выделяли умение князя плести интриги. Интриганство было показано в тесной связи с такими свойствами личности, как

тщеславие, двуличность, лживость. Как в общении, так и в политической деятельности они проявлялись часто и были средством политической борьбы⁵⁰. Политическая интрига, судя из воспоминаний, была связана с двумя вопросами – отношением к России и к русским, а также с оппозицией в лице Народного собрания и так называемых либералов. Естественно, примеры интриганства в первом вопросе занимали в мемуарах преимущественное место. В отношении русских представителей оно сводилось либо к тому, чтобы убрать неугодного, либо чтобы руками их самих дискредитировать российскую политику в глазах болгар⁵¹. Что касается интриг второго порядка, то особо отмечалось, что русских представителей Александр Баттенберг использовал в качестве противовеса оппозиционерам⁵². Из сведений авторов воспоминаний можно сделать вывод, что князь, интригуя, одновременно лавировал между различными политическими силами в княжестве и вне его, при этом стараясь сохранить видимые незаинтересованность и неучастие, чтобы в случае неудачи интриги переложить вину за нее на других⁵³. Выставляя Александра Баттенберга мастером политической интриги, русские наблюдатели отмечали его умение использовать в своих целях общественное мнение, манипулировать им и отдельными людьми как в Болгарии, так и за ее пределами. Особенно мемуаристы отмечали работу с иностранной прессой⁵⁴.

О способности очаровывать людей и манипулировать ими уже говорилось выше. Чаще всего, судя по воспоминаниям, он использовал ее в политических целях⁵⁵. Из приводимых примеров зачастую трудно понять, было ли то или иное мнение князя его личным убеждением либо же манипулятивным ходом. В этом контексте следует отметить, что большинство мемуаристов указывали на подверженность Александра Баттенберга чужому влиянию – консерваторов, австрийского и французского посланников⁵⁶. Однако из неявной информации воспоминаний видно, что указанная зависимость носила односторонний характер: князь подчинялся влиянию лишь тех людей, политические взгляды которых были ему близки. Ближе всего к пониманию этого подошли П. Д. Паренсов и П. А. Матвеев⁵⁷.

Популизм и демагогия также являлись одними из основных черт Баттенберга-политика, которые отмечали русские мемуаристы. Они хорошо прослеживаются в приводимых официальных документах и обращениях князя⁵⁸, а также в общении с болгарскими офицерами, которых князь настраивал против русских, «не щадя собственного самолюбия для приобретения личного расположения и преданности»⁵⁹. Проявлялись они также в общении и внешнем поведении: князь ставил своей задачей достичь популярности в народе⁶⁰. Нужно отметить, что указанные примеры мемуаристы оценивали лишь в негативном аспекте. И связано это было, как нам кажется, не столько с предубеждениями авторов, сколько с личным опытом общения с князем, с его реальной деятельностью, которая находилась вне поля зрения большинства сторонних наблюдателей.

Наконец, анализируя мемуарный образ Александра Баттенберга как политика, следует остановиться на характеристиках его политической деятельности, а точнее, на отношениях с окружающими его политическими игроками. Самое обширное место в воспоминаниях занимают отношения князя с Россией и ее представителями. В общем их можно выразить следующей формулой: болгарский правитель не любил Россию и русских, использовал их в своих интересах, а если и имел с кем-нибудь близкие контакты, то лишь потому, что их взгляды совпадали. Нелюбовь к Российской империи и стремление избавиться от ее опеки подчеркивали все мемуаристы⁶¹. П. Д. Паренсов подметил еще одну особенность, мимо которой прошли остальные. «Князь Александр ... тщательно отделял государя от России», – писал он⁶². Из воспоминаний можно сделать заключение, что болгарский правитель относился к российскому императору Александру II

если не с уважением, то с опаской⁶³. Однако, при всей своей нелюбви к России, князь часто использовал ее имя в личных целях политического характера. Это объяснялось тем, что большинство болгар были настроены русофильски, и открытое игнорирование России, при общей непопулярности князя Александра, могло еще больше ухудшить его имидж. Мемуаристы пишут, что князь пользовался российским авторитетом в следующих целях: для укрепления своих позиций в глазах болгарской общественности, для подчеркивания одобрения его политики российским правительством и, одновременно, дискредитации русских в глазах болгар, используя представителей империи для проведения в стране непопулярных мер (чтобы создать видимость, что они исходят от них, а не от князя)⁶⁴. Из мемуаров следует (хотя сами их авторы на этом внимания не заостряют), что Александр Баттенберг отделял Россию от русских, служивших у него. Здесь многое зависело от того, принимали ли те его позицию, разделяли ли его взгляды, были ли ему послушны. В таком случае отношение монарха к ним было хорошим или, по крайней мере, не враждебным (Ползиков, Лесовой, А. А. Давыдов, К. Г. Эрнрот). В противном же случае – плохим, и именно тогда в его восприятии и поведении выстраивался ассоциативный ряд «русские представители – Россия – русская политика».

Вторая составляющая политической деятельности Александра Баттенберга – отношение к своим подданным, болгарам. Уже говорилось, что мемуаристы отмечали выражение любви князя к населению подвластной ему страны в официальной жизни. Однако практически все они солидарны в описаниях неофициального взгляда болгарского правителя на свой народ. Баттенберг болгар не любил, презирал и даже боялся⁶⁵. Тесно он сходилась с болгарскими политиками либо когда они были близки ему по духу (как К. К. Стоилов), либо когда хотел их использовать⁶⁶. Учитывая происхождение и неуверенность в своем положении (зависимость от России, чуждая среда), Баттенберг старался окружить себя своими сородичами, особенно в армии. П. Д. Паренсов упоминает об этом желании часто⁶⁷, остальные мемуаристы – редко. Из этого можно сделать вывод, что оно было сильным только на первых порах, а затем монарх «освоился» в Болгарии и изменил тактику, решив заручиться поддержкой болгарских офицеров в противовес русским и таким образом получить контроль над армией⁶⁸. Однако даже при этом германские и особенно австрийские представители составляли большую часть его ближайшего окружения.

Последний момент в характеристике политической деятельности князя, который хотелось бы выделить, связан с церковной политикой. Собственно, детально на этом остановился лишь Л. Н. Соболев, который оценивал поведение князя Александра в церковных вопросах крайне резко⁶⁹. Остальные же лишь указывали на чуждость князя православию, поскольку тот был лютеранином⁷⁰.

Аналитические материалы. Крупный блок в исследуемых воспоминаниях составляют материалы, которые можно условно назвать «аналитическими». Блок этот состоит из двух неравномерных частей:

- 1) причинно-следственная (подача и анализ причин поведения князя);
- 2) оценочная (оценка его личности и правления).

Первая часть намного обширнее и основательнее второй. В ней можно выделить следующие компоненты:

- а) прямой анализ;
- б) косвенная информация.

Последняя подавалась мемуаристами преимущественно вне связи с прямым анализом и разбросана по текстам. Она подсознательно оказывает влияние на оценку причин поведения Александра Баттенберга (причем, зачастую в контексте, абсолютно про-

тивоположном рассуждениям авторов работ), а также помогает лучше понять их. Одновременно косвенная информация дополняет прямой анализ, уточняя и фиксируя то, на что мемуаристы внимания не обращали. Прямой анализ также не составляет компактной составляющей. Он преимущественно рассеян и связан с отдельными моментами из практики общения с князем. В нем можно выделить анализ причин политического поведения и анализ личностно-психологической мотивации, вернее, тех обстоятельств, под влиянием которых последняя формировалась и проявлялась.

Первое, что бросается в глаза при разборе «аналитических материалов», – их чрезмерная ориентация на интересы России при стремлении авторов к объективности. Анализ в мемуарах проводился через призму соответствия/несоответствия поступков Александра Баттенберга задачам российской политики относительно Болгарии и Балкан, а также (в меньшей степени) – интересов славянства и болгар. Кроме того, он пропущен через личностное мировоззрение авторов, их морально-ценностные установки и опыт, поэтому имеет определенную долю пристрастности.

Причины поведения интересовали мемуаристов из разных побуждений. Кто-то, как П. Д. Паренсов, стремился воссоздать по возможности объективную картину происходившего в Болгарии при правлении князя Александра; кто-то, как П. А. Матвеев или А. Н. Щеглов, – создать (или закрепить) отрицательный образ болгарского монарха. Анализ очень зависел от личного знания мемуаристами князя и отношения к нему. Наиболее взвешенный подход присутствовал у П. Д. Паренсова, в то время, как П. А. Матвеев, А. Н. Щеглов, А. Ф. Редигер основывались, преимущественно, на чужих наблюдениях и зависели от стереотипов, сформировавшихся в высшем русском обществе под воздействием недружелюбной политики Баттенберга. Что касается Л. Н. Соболева и Д. А. Милютина, то их негативные оценки обусловлены личным восприятием князя, как человека неблагодарного, не оправдавшего доверия России, а также опытом личного общения. Анализируя мемуары, в качестве причин поведения князя можно условно выделить политические и психологические, хотя реально в воспоминаниях (да и в жизни) они взаимосвязаны.

Одно из центральных мест в анализе политического поведения болгарского правителя занимает оценочная характеристика его личных качеств. Следует заметить, что мемуаристы, отмечая эти качества, специально не затрагивали причины, их породившие, и не прослеживали, как формировались личностные характеристики. Однако косвенная информация, приводимая авторами мемуаров, дает читателю довольно широкое представление о побудительных мотивах, двигавших князем. Она дает возможность утверждать, что личные качества Александра Болгарского были тесно связаны с его политической деятельностью, с вопросами о власти, одновременно опосредуя их и развиваясь под их влиянием.

Из человеческих качеств многие мемуаристы как одну из причин, формировавших поведение князя, указывали на молодость, которая обусловила недостаток опыта и зависимость от влияния, определенную неуверенность (по крайней мере, в начале правления)⁷¹. У П. Д. Паренсова четко прослеживается (хотя он сам не обратил специально на это внимания) ситуация психологического дискомфорта, связанная с возрастом и неопытностью, а также иной культурной средой, в которой очутился князь. Незнакомство с русской (и шире – со славянской) действительностью отмечено как одна из причин желания окружить себя соотечественниками и переделать все «на немецкий лад»⁷². Судя по мемуарам, страх новой среды, а затем страх за свое положение постоянно подпитывался окружением, обостряя отрицательные черты⁷³. Из мемуаров очевидно, что такая ситуация повлияла на развитие в Александре скрытности, лицемерия

и находилась во взаимозависимости с таким качеством молодости, как стремление к самостоятельности. Никто из мемуаристов прямо не говорил об этом, но фактического материала они приводили достаточно.

Ключ к пониманию поступков и характеристик Александра Баттенберга некоторые мемуаристы видели также в воспитании и образе жизни до вокняжения. Аристократическое воспитание со свойственными ему высокомерию, склонностью жить на широкую ногу и пониманием прав правителя, без сомнения, оказали влияние на формирование и поведение князя⁷⁴. В какой-то степени они отразились в манере времяпрепровождения, характерной для Александра в первые годы правления⁷⁵. К слову, постоянное упоминание мемуаристами о происхождении из знатного рода, близкого к императорскому двору, вкупе с материальной ограниченностью князя (обладавшего до вокняжения «весьма скромными финансовыми средствами»⁷⁶), косвенно свидетельствуют о наличии определенных комплексов и запретов, которые Баттенберг пытался преодолеть, уже будучи правителем Болгарии.

Помимо мотивов личного характера, авторы выделяли тесно связанные с ними проблемы политического образования князя и влияния на него немецких учителей⁷⁷. Воспитание и образование проявились в том, что на первых порах Александр Баттенберг «ко всему прикладывает немецкие масштабы» и «не останавливается в своих желаниях»⁷⁸. Отсюда выводилось стремление к самодержавию и подавлению оппозиции. В связи с воспитанием в мемуарах находились и косвенные побудительные мотивы, которые в виде неявной информации приводил А. Н. Щеглов. Как следует из его воспоминаний, Александра Болгарского раздражала критика со стороны газет, вызывая желание избавиться одновременно и от справедливых замечаний, и от лжи и преувеличений, которыми пользовались политические оппоненты, путем установления контроля над прессой⁷⁹. Здесь сочетались и свойства личного характера (раздражительность, неумение воспринимать критику), так и результаты воспитания в духе непогрешимости монаршей власти. К слову, обидчивость князя не только по личным, но и по политическим вопросам, результатом которой были резкие изменения в его политическом поведении, отмечали мемуаристы неоднократно⁸⁰. За исключением К. Г. Эрнрота⁸¹, они постоянно подчеркивали влияние на психику и поведение князя германского окружения и особенно австрийского посланника Р. Кевенгюллера⁸².

Среди причин, влиявших на политическое поведение болгарского монарха и формирование его личности, мемуаристы указывали также на то, что он оказался до некоторой степени заложником борьбы партий в княжестве. Правда, этому фактору авторы отводили второстепенное значение⁸³. Но в официальных документах, предназначенных для высшего российского руководства, которые приводили мемуаристы, напротив, именно это влияние выдвигалось на первый план⁸⁴. Такой подход, видимо, был результатом того, что авторы мемуаров, служившие в Болгарии, подавали в Петербургу информацию, которую там хотели слышать.

Рассматривая политику князя сквозь призму интересов России, мемуаристы были не до конца объективны в своих суждениях. Так, Л. Н. Соболев, отмечал нежелание Александра Баттенберга выплачивать долг России за оккупацию Болгарии, обвиняя его в стремлении извлечь выгоду, обращая таким образом (скорее всего, исходя из собственных убеждений, а не из заданных свыше установок) внимание читателей на негативную сторону образа князя. Однако ниже он же указывал (правда, уже без привязки к личности Баттенберга), что долг этот Россия хотела использовать для привязки Болгарии к себе⁸⁵. Здесь на примере неявной информации мы можем видеть и другую сторону поведенческой мотивации князя. Будучи от природы самолюбивым и психологически

неустойчивым, он вполне естественно раздражался такой опекой, желая «управлять, а не править»⁸⁶. Это раздражение подогревалось окружением, враждебным России и заботившимся о своих личных интересах⁸⁷, и отношением болгар.

Отношение подданных к князю – это мотив, на который обращали внимание все мемуаристы⁸⁸. Немецкое происхождение, по их мнению, было определяющим. Мемуаристы почти не связывали популярность Баттенберга с мотивацией его поведения. Пожалуй, лишь П. Д. Паренсов подметил эту связь, отмечая первоначальную боязнь князя по отношению к своему народу вкупе с презрением к нему⁸⁹. В этом он видел одну из причин желания Александра поставить под свой контроль армию и избавиться зависимости от демократических институтов. Он же и П. А. Матвеев отмечали влияние указанного фактора на политику князя в отношении народа⁹⁰. То, что болгары видели в своем правителе главным образом русского ставленника, стимулировало развитие отрицательных личностных качеств Александра Баттенберга. Желание завоевать доверие подданных болгар выразилось в основном в популизме и манипулировании русскими именем⁹¹.

Однако, при всей пристрастности и выдвигании на первый план негатива, в целом из мемуаров все же складывалась относительно объективная оценка причин и побуждений князя, тем более, что часть авторов стремилась не только обвинять, но и объяснить их⁹². В неудачной и неправильной политике России в отношении князя и Болгарии видел причины политического поведения Александра Баттенберга П. Д. Паренсов⁹³. В какой-то степени с ним солидаризировались А. Н. Щеглов и А. Ф. Редигер. Что касается остальных наблюдателей, то их оценки сводились к личным качествам князя и внешнему влиянию⁹⁴.

Собственно оценок политики Александра внутри Болгарии очень мало. П. Д. Паренсов как бы обобщил их, отметив, что «вся дальнейшая судьба ... князя ..., все показало, что если его стремления и были большими, то они не вели к великой цели. Не было ни широких замыслов, ни большого размаха, ни вдохновения ..., были только мелкие-мелкие струйки, заглушенные в излучине жизни, не оставив даже следа»⁹⁵. В мемуарах, скорее, преобладал анализ соответствия ожиданий и результатов Санкт-Петербурга в отношении Баттенберга, и только в этом контексте затронута внутренняя политика. Здесь сложилась следующая схема изложения. Сначала у мемуаристов следовал анализ мотивов русских представителей. Авторы отмечали, что российское правительство надеялось на благодарную лояльность болгарского правителя, «выведенного ... из ничтожества»⁹⁶, находившегося в тесной связи с императорским домом и пользовавшегося благосклонностью Александра II⁹⁷. Нужно отметить, что мемуаристы ожиданий России относительно князя и Болгарии не скрывали, говоря о них откровенно. Но при этом они сами оказались в их плену, оценивая политику Александра Болгарского, в первую очередь, через интересы империи. За анализом мотивов следовала характеристика князя, который стремился править единолично, в нарушение действовавшего законодательства⁹⁸. Нежелание действовать «на легальной почве» мемуаристы подчеркивали особенно. Такой подход коренился не только в персональных убеждениях указанных авторов, но и в понимании, что уничтожение Конституции, которого добивался Александр Баттенберг, лишит Россию возможность плотно контролировать князя. Последнее не говорилось, но подразумевалось. Мемуаристы сходились во мнении, что выбор кандидатуры князя был ошибкой. Разница в подходах заключалась лишь в том, что А. Ф. Редигер утверждал это безапелляционно, тогда как П. Д. Паренсов видел ошибку в том, что Александра не смогли «настроить» в нужном духе перед и сразу после вступления на престол. Указанная схема (критика князя за непророссийскую политику – изложение фактов, позволяющих судить о возможности такой же критики в отношении России – отсутствие последней) характерна для всех изученных мемуаров. Даже если в них

присутствовала критика русской политики, то она сводилась к выводам об отсутствии единства и продуманности, а также об ошибочности назначения князя⁹⁹.

Таким образом, на основе проанализированных источников можно сделать следующие выводы. Образ князя Александра Баттенберга, содержащийся в мемуарах, носит преимущественно негативный характер. Он распадается на две составляющие – личностную и политическую. Обе они поданы в тесной связи, но вторая преобладает. Мемуаристы пытались объяснить мотивы поведения Александра Баттенберга, выделяя в качестве основных влияние человеческих качеств, влияние окружения, политику России по отношению к князю и Болгарии, влияние политических событий в Болгарии. Взгляды мемуаристов были обусловлены опытом общения с князем, собственными мировоззренческими установками и политическими событиями на Балканах. П. Д. Паренсов основной упор делал на личностные характеристики болгарского монарха; остальные авторы главное внимание уделили политической составляющей. Из всех мемуаристов, пожалуй, лишь П. А. Матвеев и П. Д. Паренсов заметили, что характер князя не оставался неизменным, а менялся под воздействием его в политической жизни в худшую сторону. В остальных сочинениях княжеская личность предстает как нечто застывшее, неизменное. Со временем из живых впечатлений образ Александра Баттенберга стереотипизировался под влиянием политических событий вокруг Болгарии и обрел стандартные черты:

- персональные качества (основное внимание на отрицательные – самолюбие, честолюбие, лживость и т. п.);
- этно-религиозный аспект (противопоставление немца-лютеранина православным болгарам и России, связь с Австро-Венгрией и Германией);
- политические качества (интриганство, стремление к личной неограниченной власти, страсть к неоправданным тратам, неблагодарность по отношению к России).

При всей негативной направленности образ близок к объективному, по крайней мере, в отношении личностных характеристик. Он не является единственным для всей российской историографии и мемуаристики. Но этот образ занимал и занимает доминирующее положение и оказал существенное влияние на формирование восприятия князя историками и общественным мнением на пространстве бывшей Российской империи.

Сложно с уверенностью сказать, насколько отображение личности князя было связано с политическим заказом. Очевидно, что таковой имел место или же косвенно оказывал влияние на подачу материала. Свидетельством тому – работы П. А. Матвеева и А. Н. Щеглова, в которых обобщения иногда вступают в противоречие с фактическим материалом, а за критикой князя просматривается симпатия к нему. К тому же часть работ (в том числе и П. А. Матвеева, издававшаяся как историческое исследование) была выпущена в связи с разрывом в 1886 г. дипломатических отношений между Россией и Болгарией и имела задачей оправдать российскую политику. При этом изображению князя в мемуарах была присуща своеобразная двойственность. Формируя образ, мемуаристы сами попадали под его влияние, что очень хорошо заметно при сравнении работ, отстоящих в публикации друг от друга по времени на большом расстоянии (например, Л. Н. Соболева и А. Н. Щеглова). Личностные морально-ценностные и политические установки, искренняя обида за неблагодарность князя и его окружения по отношению к России вкупе с оформившимся уже в 1880-х гг. в российском общественном мнении стереотипом оценки деятельности князя из-за его антирусской политики¹⁰⁰, подсознательно заставляли авторов мемуаров выпячивать в образе отрицательные моменты. Учитывая, что личное впечатление от общения с Баттенбергом давало богатый материал для негатива, делалось это зачастую автоматически, неосознанно. Определен-

ную роль у некоторых из мемуаристов играл и политический заказ, и связанный с ним стереотип изображения князя, о котором говорилось выше. Именно этим можно объяснить массу противоречий в работе П. А. Матвеева, где отрицательный образ князя, яркий в начале, по мере чтения «тускнеет», негативные черты сглаживаются. Влияние стереотипа заметно у П. Д. Паренсова, А. Ф. Редигера, А. Н. Щеглова, и проявляется оно в том, что в начале их работ содержатся резкие фразы, характеризующие князя, а далее, по ходу изложения, авторы пытаются подойти к оценке личности Баттенберга более взвешенно. К слову, у мемуаристов, знавших князя слабо, стереотип в его изображении играет большую роль, нежели личные наблюдения во многом из-за того, что информацию они черпали из вторых рук, а также пользовались работами друг друга.

Империицентризм и патриотизм, личный опыт, желание оправдать (или пояснить – встречалось в мемуарах и то, и другое) собственное поведение и политику страны имели значительное влияние при изображении болгарского князя. Однако в общем, как нам кажется, созданный русскими мемуаристами образ Александра Баттенберга близок к объективному. Это подтверждается дневниковыми записями Д. А. Милютина, который до личного общения с князем делал о нем нейтральные фактографические отметки, а после близкого знакомства нейтральность в записях сменяется раздражением и даже неприязнью, причем связаны они были в первую очередь с человеческими качествами Баттенберга. Вторым подтверждением может служить то, что большая часть мемуаров появилась как ответ на воспоминания, вышедшие в Европе и славословившие князя, вина во всех болгарских бедах России. Этим объясняется полемический характер анализируемых источников (за исключением дневников Д. А. Милютина). При очевидном желании ответить на обвинения Запада в воспоминаниях чувствуется обида на несправедливость последних.

¹ Golovin, A. F. Fürst Alexander I. Von Bulgarien (1879-1886). Wien, 1896, 520 s.; Klaeber, H. Fürst Alexander I. Von Bulgarien: Ein Lebensbild. Dresden, 1904, 350 s.; Koch, A. Fürst Alexander von Bulgarien: Mittheilungen aus seinem Leben und seiner regierung. Darmstadt, 1887, 282 s.

² Напр.: Косев, Д., Х. Христов, Д. Ангелов. Краткая история Болгарии. София, 1963. 478 с.; Краткая история Болгарии: С древнейших времен до наших дней. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1987, 250–257; Сказкин, С. Конец австро-русско-германского союза. Т. 1: 1879–1884. М., 1928. 356 с.; Чорний, В. Історія Болгарії. Львів, 2007. 403 с.

³ Дневник Д. А. Милютина. В 4 т. Ред. и зам. П. А. Зайончковского. Т. 3: 1878–1880. М., 1950. 325 с.; т. 4: 1881–1882. 203 с.; К новейшей истории Болгарии: материалы о внутренней политике 1881–1883 гг. – Русская старина, 1886, № 9, 703–752; № 11, 475–483; Матвеев, П. А. Болгария после Берлинского конгресса. Исторический очерк. СПб., 1887. 327 с.; Паренсов, П. Д. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. В 5 ч. СПб., 1908, ч. 4: В Болгарии; ч. 5: Через 30-ть лет. 454 с.; Редигер, А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 1. М., 1999. 586 с.; Щеглов, А. Русское министерство в Болгарии (времен Александра Баттенбергского). – Исторический вестник, 1911, № 11, 552–590.

⁴ Паренсов, П. Д. Указ. соч., 41–42.

⁵ Рожинцев, А. Первый Монарх Болгарии Александр I Баттенберг. – http://www.otechestvo.org.ua/hronika/2004_12/h_1_01.htm; <http://ru.wikipedia.org>

⁶ Матвеев, П. А. Указ. соч., с. 70; Паренсов, П. Д. Указ. соч., 41–42; Щеглов, А. Указ. соч., с. 554; Редигер, А. Ф. Указ. соч., с. 125.

⁷ Щеглов, А. Указ. соч., с. 554; Паренсов, П. Д. Указ. соч., с. 69.

⁸ Редигер, А. Ф. Указ. соч., с. 125.

⁹ К новейшей истории Болгарии..., с. 479; Паренсов, П. Д. Указ. соч., с. 318; Щеглов, А. Указ. соч., с. 554.

¹⁰ К новейшей истории Болгарии..., с. 479.

¹¹ Редигер, А. Ф. Указ. соч., с. 125.

- ¹² *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 105, 114; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 554.
- ¹³ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 127.
- ¹⁴ Там же, с. 236.
- ¹⁵ Там же, 237–238; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 188.
- ¹⁶ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 202, 237–238.
- ¹⁷ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 132, 154; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 554.
- ¹⁸ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 204.
- ¹⁹ К новейшей истории Болгарии..., с. 726; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 131, 181; *Редигер, А. Ф.* Указ. соч., 150–151.
- ²⁰ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 128.
- ²¹ Дневник Д. А. Милютина, т. 3, с. 220; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 128 и сл.
- ²² *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 253, 237.
- ²³ Там же, с. 128.
- ²⁴ Там же, с. 254, 282–290; К новейшей истории Болгарии..., с. 717.
- ²⁵ К новейшей истории Болгарии..., с. 717.
- ²⁶ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 194; *Редигер, А. Ф.* Указ. соч., с. 145.
- ²⁷ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 69.
- ²⁸ Дневник Д. А. Милютина, т. 3, с. 220.
- ²⁹ Там же, с. 216, 232; К новейшей истории Болгарии..., с. 479; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 70; *Редигер, А. Ф.* Указ. соч., с. 125, 151; *Щеглов, А.* Указ. соч., 584–585.
- ³⁰ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., 255–259.
- ³¹ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. VI.
- ³² *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 86, 114–115, 125, 130, 203.
- ³³ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 74, 147.
- ³⁴ Там же, с. 74.
- ³⁵ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 251.
- ³⁶ Там же, с. 164; *Редигер, А. Ф.* Указ. соч., 146–147.
- ³⁷ *Редигер, А. Ф.* Указ. соч., с. 125.
- ³⁸ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 127; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 47.
- ³⁹ Там же, с. VI, 70.
- ⁴⁰ К новейшей истории Болгарии..., с. 709, 728.
- ⁴¹ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 70.
- ⁴² Там же, с. 78.
- ⁴³ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 149, 202.
- ⁴⁴ *Редигер, А. Ф.* Указ. соч., с. 146.
- ⁴⁵ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., 260–261.
- ⁴⁶ К новейшей истории Болгарии..., с. 733.
- ⁴⁷ Там же, с. 704.
- ⁴⁸ Дневник Д. А. Милютина, т. 3, с. 228, 255; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 157; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 279.
- ⁴⁹ К новейшей истории Болгарии..., с. 717.
- ⁵⁰ Там же, с. 706, 734, 742–743; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 114; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 35, 227–228; *Редигер, А. Ф.* Указ. соч., с. 125.
- ⁵¹ Дневник Д. А. Милютина, т. 3, с. 220, 232; К новейшей истории Болгарии..., 704–705; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 165, 170; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 97, 275–278, 282–286; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 578, 583–585.
- ⁵² К новейшей истории Болгарии..., с. 725; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 141; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 573.
- ⁵³ К новейшей истории Болгарии..., 714–715; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., 160–161.
- ⁵⁴ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. V, 182; К новейшей истории Болгарии..., с. 478, 481.
- ⁵⁵ Дневник Д. А. Милютина, т. 3, с. 228; К новейшей истории Болгарии..., с. 481; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 178.
- ⁵⁶ К новейшей истории Болгарии..., с. 744; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 74, 79, 115, 121, 126; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., 140–141, с. 183, 190–191.
- ⁵⁷ Там же, с. 148; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 74.
- ⁵⁸ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., 150–152, 211–212; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., 194–196.
- ⁵⁹ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. XIV.
- ⁶⁰ Там же, с. VI.

- ⁶¹ К новейшей истории Болгарии..., с. 746; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 196, 318.
- ⁶² *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 48.
- ⁶³ Там же, 196–197, 246–247.
- ⁶⁴ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., 141–142; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 573.
- ⁶⁵ К новейшей истории Болгарии..., 716–717; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 114, 167, 204; *Редигер, А. Ф.* Указ. соч., с. 125.
- ⁶⁶ К новейшей истории Болгарии..., с. 716, 725; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 74; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 71, 74–75.
- ⁶⁷ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 204, 236.
- ⁶⁸ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. XIV.
- ⁶⁹ К новейшей истории Болгарии..., с. 723.
- ⁷⁰ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 33.
- ⁷¹ Дневник Д. А. Милютина, т. 3., с. 190; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 65; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 149, 203; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 560.
- ⁷² *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 127, 204.
- ⁷³ Там же, 128–129, с. 203; К новейшей истории Болгарии..., с. 744.
- ⁷⁴ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 69; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 114; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 561.
- ⁷⁵ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 114.
- ⁷⁶ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 65.
- ⁷⁷ Там же, 79–80; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., 114–115.
- ⁷⁸ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 236.
- ⁷⁹ *Щеглов, А.* Указ. соч., 567–568.
- ⁸⁰ К новейшей истории Болгарии..., с. 717; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 182; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., 117–118; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 588.
- ⁸¹ К новейшей истории Болгарии..., с. 478.
- ⁸² Там же, с. 752; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 125, 228, 309; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 126, 147; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 564.
- ⁸³ К новейшей истории Болгарии..., с. 712; *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 74.
- ⁸⁴ *Щеглов, А.* Указ. соч., 580–581.
- ⁸⁵ К новейшей истории Болгарии..., с. 734.
- ⁸⁶ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., 66–67.
- ⁸⁷ Там же, с. 65, 194; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., 140–141, 164, 168, 203; *Редигер, А. Ф.* Указ. соч., с. 145.
- ⁸⁸ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. XVI, 46; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 32, 206; *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 564.
- ⁸⁹ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 167, 114–115.
- ⁹⁰ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., с. 70, 127, 152; *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 167.
- ⁹¹ *Щеглов, А.* Указ. соч., с. 559.
- ⁹² Там же, с. 560.
- ⁹³ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., 315–318.
- ⁹⁴ К новейшей истории Болгарии..., с. 720, 728.
- ⁹⁵ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 242.
- ⁹⁶ Там же, с. 317.
- ⁹⁷ Там же, с. 31; К новейшей истории Болгарии..., с. 704.
- ⁹⁸ *Матвеев, П. А.* Указ. соч., 78–80.
- ⁹⁹ *Паренсов, П. Д.* Указ. соч., с. 315, 317–318; *Редигер, А. Ф.* Указ. соч., с. 150.
- ¹⁰⁰ Подробнее о характеристике Баттенберга в российском прессе последней трети XIX в. см.: *Хевролина, В. М.* Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М., 1999. 316 с.; *Ее же.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях (конец 60-х – начало 80-х годов XIX в.). М., 1986. 248 с. Интересно, что в целом характеристики имели отрицательное наполнение, хотя внутренне несколько отличались в зависимости от убеждений авторов.

В. Ю. Иващенко, С. И. Посохов

ПИСЬМА МАРИНА ДРИНОВА К КОНСТАНТИНУ ГРОТУ (1901–1904)

Эпистолярное наследие выдающегося болгарского и российского ученого-слависта Марина Степановича Дринова давно привлекает внимание исследователей. Первые публикации писем М. С. Дринова относятся к 20–30-м годам XX в., и далее каждое десятилетие отмечено новыми изданиями.

В 1960 г. болгарские ученые Б. Петкова, В. Тилева и З. Норева в сборнике в честь М. Дринова дали детальную характеристику переписке ученого, которая насчитывает более 300 корреспондентов и охватывает период с 1860 по 1905 г. Проанализировав тематику переписки, болгарские исследователи выделили несколько тематических блоков: переписку с учеными-славистами (О. Бодянским, В. Качановским, В. И. Ламанским, В. В. Макушевым, В. Ягичем и др., с различными научными и другими учреждениями); корреспонденцию, связанную с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и пребыванием Дринова в Болгарии, с известными русскими и болгарскими деятелями того времени (В. А. Черкасским, А. М. Дондуковым-Корсаковым, П. В. Алабиным и т. д.); корреспонденцию с болгарскими, живущими в Болгарии (Хр. Г. Дановым, Павловичем, В. Стояновым, К. Шапкаревым); переписку с болгарскими, живущими на чужбине, в частности, в Москве – Н. Бончевым, П. Каравеловым, а также в Румынии, Праге и т. д.; семейную переписку¹.

Продолжением работы по сбору и публикации писем М. С. Дринова стал совместный проект Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина и Болгарской академии наук «Эпистолярное наследие М. С. Дринова». Харьковская группа, которая сосредоточилась на русскоязычной переписке ученого, выявила основные публикации писем, а также ряд рукописных эпистолярных памятников в архивах Украины и России.

Значительный комплекс эпистолярных источников отложился в Архиве Российской академии наук в Петербурге. Некоторые из писем М. С. Дринова к известным ученым-славистам И. А. Бодуэну де Куртене, К. Я. Гроту, В. И. Ламанскому, М. Н. Сперанскому, Ф. И. Успенскому были опубликованы², однако большая их часть по-прежнему неизвестна широкому кругу исследователей.

Одним из постоянных корреспондентов М. С. Дринова был историк-славист Константин Яковлевич Грот (1853–1934). Семья Гротов прочно вошла в историю российской науки XIX–XX вв. Отец К. Я. Грота, академик, вице-президент Санкт-Петербургской АН Яков Карлович Грот (1812–1893), проявил себя на поприще филологии и истории. Он стал одним из первых российских скандинавистов, его перу принадлежат многочисленные работы по истории шведской и финской литературы, скандинавскому фольклору и мифологии, русской литературе, грамматике и лексикологии. Старший брат, Николай Яковлевич Грот (1852–1899), прославился работами в области философии и психологии.

Сам Константин Яковлевич, еще будучи студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, увлекся историей южных славян, усерд-

но посещая лекции И. И. Срезневского, В. И. Ламанского, В. Г. Васильевского. Его работа «Разбор свидетельств Константина Багрянородного о южных славянах» (в «Записках Императорского русского географического общества», 1880 и отд.) была удостоена золотой медали.

После получения степени магистра за диссертацию «Моравия и мадьяры с половины IX по начало X в.» (СПб., 1881) и дальнейшей заграничной командировки в славянские страны К. Я. Грот занял кафедру славянской литературы, истории и древностей в Варшавском университете (1883–1899). В 1889 г. защитил в Санкт-Петербургском университете докторскую диссертацию «Из истории Угрии и славянства в XII в.», которая в 1891 г. была удостоена половинной Уваровской премии. С 1894 г. К. Я. Грот руководил изданием (на средства императора Александра III) научных трудов и литературного наследия отца. В 1899 г. вышел в отставку и переехал в Петербург, но в 1901 г. вновь был причислен к Министерству народного просвещения и в течение нескольких лет возглавлял комиссии по государственным испытаниям в Харьковском и Московском университетах. Наряду с публикацией работ Я. К. Грота, Константин Яковлевич уделял некоторое время изысканиям в области славистики, в частности, вопросам развития славянского самосознания в российском обществе и истории славистики. С 1905 г. К. Я. Грот заведовал Архивом Министерства императорского двора.

В 1911 г. К. Я. Грот был избран член-корреспондентом Санкт-Петербургской АН. Он был почетным членом Петербургского и Московского археологических институтов, а также многих славянских научных учреждений – Чешской и Сербской академий наук, Чешского общества наук, Чешского музея и ряда других³.

Оживленная переписка двух ученых-славистов приходится на последние годы жизни М. С. Дринова. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук хранится 11 писем Дринова (ф. 281., оп. 2., д. 146., л. 1–25), первое из которых датируется 7 января 1901 г., последнее – 18 августа 1904 г. Эти письма касаются вопросов улучшения постановки преподавания славяноведения в университетах Российской империи, чествования чешского слависта А. О. Патеры, подготовки XII Археологического съезда в Харькове и Съезда славянских филологов и историков в Петербурге и т. п. Кроме того, к письму от 10 июля 1904 г. прилагается записка о Захарию Княжеском.

Знакомство М. С. Дринова и К. Я. Грота не было заочным. Постоянная переписка дополнялась регулярным личным общением. В начале 1900-х гг. К. Я. Грот по делам службы посещал Харьковский университет. Кроме того, известно, что семья М. С. Дринова летом часто выезжала на дачу в с. Кочеток, в пятидесяти километрах от Харькова, где бывал и К. Я. Грот с семьей. В Кочетке был похоронен старший брат К. Я. Грота, Николай Яковлевич, умерший в 1899 г. Могила известного русского философа находится возле церкви Свято-Владимирской иконы Божией Матери.

Все письма М. С. Дринова являются автографами. Впервые публикуются 10 писем*. Текст источников был приближен к современным нормам правописания. Ошибки, которые не имели смыслового значения, исправлены. Сокращения слов раскрываются в квадратных скобках. Квадратными скобками обозначены также непрочитанные места. Выделенные автором слова поданы курсивом. Авторские примечания сохранены.

* Письмо № 1 было опубликовано С. А. Никитиным в 1960 г. (см.: *Никитин, С. А.* Переписка М. С. Дринова с русскими учеными..., 213–214).

№ 1

7 января 1901 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич,

Простите, что до сих пор не откликнулся на Ваше любезное письмо, полученное около месяца тому назад, одновременно с Вашей брошюрой «Об изучении славянства»⁴ и пр. Причиной тому были разные недуги, которые мучили меня довольно долго и очень запутали мои дела.

Глубокое спасибо Вам за поднятие вопроса об улучшении постановки славяноведения в университетах. Не так давно я тоже затрагивал этот поистине жгучий для нас вопрос, но затрагивал только с одной стороны, да и то лишь слегка, высказав официальным путем (в рапорте) мнение о необходимости установления особой степени магистра истории славян со включением в состав испытания на оную следующих предметов:

Главные – славянские древности история южных и западных славян,

Второстепенные – русская история, всеобщая история, преимущественно Западной Европы в средние века и Византии.

Означенное мнение было высказано мною в прошлом году, когда в министерстве возник вопрос о пересмотре ныне действующих правил об испытаниях на ученые степени.

В Вашей брошюре настоятельная потребность в разделении славянской кафедры доказана с такою основательностью и убедительностью, которые внушают надежду, что труд Ваш не останется тщетным, особенно если Вы, живя теперь в Петербурге, найдете возможность и живым словом поддержать свои мнения, перед кем следует. От всей души желаю полного, скорейшего успеха и Вашим хлопотам об основании а) русского периодического органа по славяноведению и б) общеславянского издания литературно-публицистического характера. В Болгарии, куда мог отправиться только в начале августа, я пробыл около трех недель. Оттуда двинулся в среднюю Европу, но по прибытии в Вену заболел маляриею, пролежал в гостинице десять дней и, как только почувствовал себя лучше, поспешил в Харьков, чтобы тут заняться серьезным лечением этой мучительной болезни, от которой, кажется, уже вылечился.

Ваши здешние добрые знакомые и бывшие сотрудники, которым я своевременно передал надписанные для них экземпляры Вашей новой книги, шлют Вам самую горячую благодарность за подарок и привет. Жена моя⁵ также благодарит Вас за добрую память и очень кланяется Вам. Душевно поздравляю Вас с новым годом, новым столетием и желаю всего хорошего.

*Искренне Вас уважающий
М. Дринов*

№ 2

28 декабря 1901 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

С величайшим удовольствием я узнал из Вашего письма от 13-го с. м. и из приложения к нему о задуманном способе вещественного выражения чувств признательности, любви и уважения к Адольфу Осиповичу Патере⁶ со стороны лично знакомых с ним русских славистов и туристов, к каковым могу причислить и себя. Я бывал в Праге несколько раз, провел там, в общей сложности, около двух лет, в которых почти ежедневно виделся

с паном Патерою⁷ и пользовался его услугами. Жена моя также знакома с ним и также относится с полным сочувствием к вашему благому начинанию. С таким же сочувствием отнеслись к этому начинанию и прочие харьковские знакомые Адольфа Осиповича, которых, к сожалению, оказывается весьма немного. До сих пор мне удалось разыскать лишь семь таких харьковцев, именно пять профессоров, одного генерала и одну даму. Некоторые из них уже передали мне свои фотографии и денежные взносы (большею частью по пяти рублей), другие же, у которых не оказалось запасных портретов, обещали изготовить и доставить мне таковые, вместе с деньгами, через одну или две недели. Рассчитываю, что к половине января буду иметь возможность собрать все и отправить к Вам. По всей вероятности, придется отправить не более девяти фотографий и не менее пятидесяти рублей.

Принося Вам от себя и от жены искреннейшую благодарность за добрую память, прошу Вас принять и наши наилучшие пожелания по случаю наступающего Нового года.

*Душевно Вам преданный и глубоко уважающий Вас
М. Дринов*

№ 3

18 января 1902 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

Спешу отправить к Вам собранные уже мною фотографии и деньги на альбом А. О. Патеры. Деньги, 50-т рублей, прилагаю при сем вместе с подписным листом, фотографии посылаю в отдельном пакете. Кроме означенного на записном листе лиц, я отыскал в Харькове еще двух знакомых пана Патеры, которые тоже выразили желание принять участие в поднесении альбома и обещали доставить мне к 15-му числу с. м. свои фотографии с денежными взносами. Но они и до сих пор не сделали этого, да, по-видимому, и не скоро сделают, так как один из них уехал куда-то на неопределенное время, другой же все еще не может собраться снять свой фотографический портрет, какового не оказалось у него в запасе.

Премного обяжете, если по получении моей посылки потрудитесь уведомить меня парюю строк о ходе предпринятого Вами дела, которому я искренно желаю полного успеха.

*Душевно Вас уважающий и преданный Вам
Марин Дринов*

№ 4*

28 января 1902 г., Харьков

Прилагаемые при сем кабинетный портрет и деньги (десять р.) покорнейше прошу глубокоуважаемого Константина Яковлевича Грота присоединить к высланным мною 19-го числа Харьковским фотографиям (восьми) и денежным взносам (50 р.) на альбом А. О. Патере.

М. Дринов

---

* Это сообщение представляет собой открытое письмо.

№ 5

16 июня 1902 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

Простите, что несколько опоздал ответом на Ваше любезное письмо от 5 с. м. Причиною было то, что и я сам не имел положительных сведений о том, что сделано московским археологическим обществом по делу о приглашении ими славян на Археол[огический] съезд⁸, делу, которое Москва не пожелала предоставить Харьковскому предварительному комитету. Представлялась возможность в скором времени получить также сведения от самой графини Уваровой⁹, приезда которой в Харьков поджидали со дня на день во время получения Вашего письма. Вот я и решил подождать и не ошибся в своих расчетах. Графиня действительно приехала и третьего дня в заседании нашего Комитета объявила, что приглашения уже посланы, но только в университеты Львовский, Краковский и Пражский, в академии Краковскую и Чешскую, да в Чешский народный музей. При этом она обещала в самом скором времени отправить такие же приглашения еще и в Академии Юго-славянскую и Сербскую, в Загребский университет, в Белградскую высшую школу, в Софийское высшее училище и Болгарское книжное дружество¹⁰, а также некоторым славянским ученым, Ягичу¹¹, Иречку¹², Креке¹³ и Нидерле¹⁴. Итак, *славяне* будут на съезде, хотя и не в таком количестве, какого можно было ожидать, если бы приглашения были посланы своевременно. О приеме и устройстве их должны позаботиться исключительно мы, харьковцы, так как графиня заявила, что на прием славянских гостей нельзя будет уделить ничего из сумм, ассигнованных на устройство съезда.

О Кочетке мы не забыли и, как только установится более благоприятная погода, побываем там, пока на рекогносцировку. Примите и передайте Вашей супруге от моей жены и меня самую горячую благодарность за добрую память.

Искренно уважающий Вас
М. Дринов

№ 6

18 июля 1902 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

Неисправность рабочих, ремонтирующих наш дом, и внезапно ухудшившаяся со вчерашнего дня, по-видимому, надолго, погода лишают нас возможности провести небольшой остаток лета в Кочетке по близости к Вам, как хотелось. Потрудитесь довести об этом до сведения почтенной полковицы, чтобы она не рассчитывала на нас. Моя дочка и я с удовольствием вспоминаем о часах, проведенных в Вашей прекрасной семье, которой посылаем свои наилучшие пожелания, еще раз выражая любезнейшей Каролине Ивановне и Вам искреннюю благодарность за радушное гостеприимство. Жена моя очень кланяется и благодарит за добрую память и пр.

Душевно преданный Вам
М. Дринов

№ 7*

31 декабря 1902 г., [Харьков]

Очень тронут, глубокоуважаемый Константин Яковлевич, Вашим благожелательным приветом в ответ на который шлем Вам, Вашей любезной супруге и милым деткам свои наилучшие пожелания. Сильно обрадованы и известием о состоявшемся уже поднесении альбома Адольфу Осиповичу и о впечатлении, которое оно произвело на нашего общего благодетеля и Друга. Еще раз приносим свою благодарность Вам, Платону Андреевичу¹⁵ и другим начинателям и совершителям этого дела, давшего и нам возможность напомнить пану Патере о наших к нему чувствах.

*Душевно преданный Вам
М. Дринов*

№ 8

19 января 1903 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

Прилагаемое при сем открытое письмо, как увидите на означенной на нем дате, написано мною более двух недель тому назад, в день получения Вашей открытки. Не отправил же я его до сего времени по неведению, куда его адресовать. Почему-то я твердо был уверен, что Вы переехали на новую квартиру, адрес которой был мне неизвестен. Разыскание его оказалось трудным делом вследствие стоявших здесь сильных морозов и невообразимой распутицы, делавших для нас, холодногорцев¹⁶, небезопасным сношение с другими частями города, особенно с Пушкинскою горою. К тому же и самые близкие Вам и нам из жителей этой горы находились в это время в отсутствии.

Благополучно возвратившаяся на днях Наталья Николаевна передала мне фотографический снимок с крышки альбома¹⁷, и я уже успел показать его почти всем харьковцам, принявшим участие в подписании. Все они, любуясь им, воздавали хвалу и высказывали горячую благодарность Вам и Вашим сотрудникам в этом деле.

Кстати, не откажите, если возможно, при случае навести справку в министерстве, в каком положении дело о несостоявшемся конкурсе по кафедре истории церкви в Харьковском университете. Наш факультет горячо ходатайствует о сохранении этой кафедры за А. С. Лебедевым¹⁸ в виду его выдающихся ученых и преподавательских достоинств. Между тем доходят тревожные слухи, что в Министерстве прочат на нее молодого доцента К[иевской] Д[уховной] Академии Бродовича, никакими печатными трудами по истории церкви себя еще не заявившего. С этой стороны он хорошо известен нам по несостоявшемуся конкурсу¹⁹. Вопрос о сохранении кафедры за Амфианом Степановичем живо интересует всех членов нашего факультета, интересы которого близки и Вашему сердцу. В виду этого и позволил себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой о наведении означенной справки.

Примите и передайте любезнейшей Каролине Ивановне от моей жены и от меня искренний привет и глубокую благодарность за добрую память.

*Искренно уважающий и преданный Вам
М. Дринов*

* Это сообщение представляет собой открытое письмо.

№ 9

28 декабря 1903 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич,

Позвольте мне, хотя и поздно, выразить вам и любезной Каролине Ивановне самую горячую благодарность за приветствия, которыми почтили меня по случаю исполнившегося тридцатилетия моей профессорской деятельности²⁰. Ваше письмо и телеграмма, преисполненные чувствами сердечного расположения ко мне, горячими благожеланиями и поощрительными отзывами о моей скромной научной и педагогической деятельности, тронули меня до глубины души. Тем совестнее мне и досаднее, что не мог откликнуться Вам до сих пор. Не хотелось ограничиваться кратким ответом по телеграфу, а для более подробной письменной беседы все не удавалось выделить желанного досуга. Дело в том, что последние два-три месяца я, кроме множества текущих служебных дел, должен был оканчивать и немало других срочных же работ, запущенных в предыдущие весенние и летние месяцы, когда был совершенно оторван от своих занятий разными серьезными недугами, между прочим, и воспалением легких. Не сомневаюсь, что Вы легко поймете, в каком напряжении, тревожном состоянии я находился все это время, и по своей безупречной доброте сердечной простите мне столь запоздалый ответ. С более неотложными из запущенных моих дел мне удалось, наконец, управиться, и я очень рад, что могу теперь вздохнуть свободно и отдохнуть несколько дней. Затем нужно будет приняться за изготовление (к Пасхе) давно обещанных статей Владимиру Ивановичу Ламанскому, для славянского сборника²¹, и В. Э. Регелю, для «Византийского временника»²². А там, если здоровье позволит, постараюсь приготовить что-нибудь и для Съезда славянских филологов и историков²³, в котором очень бы хотелось принять участие.

Таковы-то мои дела, безделья и планы. Что ж Вы поделяете теперь, драгоценный Константин Яковлевич? Готовите ли что-нибудь для славянского сборника и к Съезду, где думаете проводить лето?

Жена и дочь очень благодарят Вас за добрую память. Все мы посылаем Вам, Каролине Ивановне и Вашим деткам свои сердечные поздравления и наилучшие пожелания по случаю наступающего Нового года.

Еще раз от всей души благодарю Вас за Ваше дорогое для меня расположение.

*Искреннейше уважающий Вас и всем сердцем
Вам преданный
М. Дринов*

№ 10

10 июля 1904 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич,

Книгу Кочубинского²⁴ я вчера еще отправил в дом Наталии Николаевны, согласно Вашему указанию. Завтра утром отправляю туда же и 2-й том истории славянских литератур²⁵, который сегодня достал из университетской библиотеки. Моего экземпляра не оказалось на месте, – по-видимому, зачитал кто-то. Русского славяноведе-

ния Пыпина²⁶ не мог достать, но если оно Вам очень нужно, то я попытаюсь еще. Оно имеется у одного из товарищей, который, к сожалению, теперь отсутствует из Харькова.

Сегодня, как только получил Вашу вчерашнюю записку, я сел и набросал на прилагаемом листе все то, что мне было известно о Захарии Княжеском. Выберете из этого сора, что Вам пригодится, – надеюсь, что не будете бранить меня за неряшливость. Мы все остаемся в прежнем неопределенном положении. На этих днях я буду иметь обстоятельное совещание со своим доктором, и, если он строго предпишет мне отправиться в Крым на виноградные места, то мы и отправимся туда недели на две или три. Очень буду жалеть, если не удастся повидаться с Вами.

Нас всех очень трогает Ваша добрая память о нас и оказанный нашей дочке радушный прием. Примите и передайте любезнейшей Каролине Ивановне сердечный привет от моей жены, дочери и от искренно уважающего Вас

Марина Дринова

Захарий Княжеский был одним из первых болгар, приезжавших в Россию для пополнения своего скудного образования, какое в 40-х годах прошлого столетия давали болгарские школы. Он учился некоторое время в одесской семинарии, после чего приезжал около 1844 в Москву. Тут он познакомился и подружился с обучавшимся тогда в Московской Духовной Семинарии и, кажется, в академии Афоно-Зографским иноком Нафанаилом, который сделался впоследствии видным деятелем по болгарскому церковному вопросу, а по учреждении Болгарской Экзархии посвящен в митрополиты и до русско-турецкой войны управлял охридскою епархиею, а затем был переведен на кафедру Пловдивскую, которую занимает и по сие время. В 1844 г. *Нафанаил и брат его** Захарий Княжеский перевели на болгарский язык душеспасительную книгу «Зерцало или огледало христианское», напечатанную в Москве, в Университетской типографии 1847, 8-VIII + 17 стр.

В том же году и в той же типографии Московского университета Захарий Княжеский напечатал небольшую болгарскую книжку с русским заглавием «Введение в историю болгарских славян» Москва, 1847, стр. 42.

По выезде из России Княжеский некоторое время жил в Константинополе и, кажется, сотрудничал в издаваемой там газете «Цареградский Вестник» (1849–1861). В Константинополе он издал и две книжки, переведенные неизвестно с каких языков, именно: «Средство за [...]» стр. 83, Цареград. 1859; «[...]» (Цареград, 1860, стр. 106).

Княжеский много путешествовал по родным краям болгарским, что имя его пользовалось довольно широкою известностью. Он опять приезжал оттуда в Россию и, кажется, неоднократно за сбором пожертвований книгами и церковными вещами для некоторых болгарских церквей и школ. Последние годы своей жизни он провел на службе при каком-то русском посольстве в Болгарии (кажется, Русшукском), где исполнял должность драгомана или слуктора.

О племянниках Княжеского, Константине Дмитриеве, мне ничего не известно.

---

* Так значится на заглавном листе книги. Но нет сомнения, что тут идет речь лишь о каком-либо духовном братстве, так как Нафанаил, уроженец Северной Македонии, а Захарий Княжеский родился в Восточной Болгарии, кажется, в Эски-Заяре. [Прим. М. Дринова.]

18 августа 1904 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

Доктор усиленно гонит нас в Крым, куда мы и отправимся, быть может, до Вашего проезда через Харьков. Очень рад, что мои заметки о З[ахарии] Княжеском пригодились Вам. С нетерпением буду ждать Вашей статьи о славянских симпатиях Платонова²⁷. Книжки потрудитесь передать любезной Наталье Н[иколаев]не, или же А. П. Кадлубовскому²⁸, который может немедленно возвратить Пыпина университетской библиотеке. Еще раз примите и передайте многоуважаемой Каролине Ивановне вместе с нашим душевным приветом и нашу искреннюю благодарность

Сердечно преданный Вам
М. Дринов

¹ Петкова, В., Тилева, В., Нонева, З. Архивът на Марин Дринов. – В: Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960.

² Никитин, С. А. Переписка М. С. Дринова с русскими учеными. – В: Изследвания в чест на Марин Дринов. София, 1960, 205 – 216.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, ф. 281, оп. 1, д. 131, л. 14–19 об.

⁴ В брошюре К. Я. Грота «Об изучении славянства» (СПб., 1901) были сформулированы замечания по поводу университетского устава 1884 г., который все славяноведение свел к «славянской филологии», понимаемой как языковедение. Грот предлагал создание трех или четырех славянских кафедр: славянской филологии, истории славянских литератур, истории и древностей славянских народов и истории славянских законодательств. Кроме того, Грот говорил о необходимости для развития славяноведения создания периодических изданий разных типов и введения элементов славяноведения в программу средней школы.

⁵ Дринова (урожд. Вильямс) Маргарита Ивановна – жена М. С. Дринова.

⁶ Патера Адольф Осипович (1836–1912) – чешский филолог и историк, заведующий библиотекой Чешского музея в Праге.

⁷ Первое длительное заграничное путешествие М. С. Дринов предпринял в 1865–1870 гг. в качестве домашнего учителя детей княгини Е. А. Голицыной. В сентябре 1867 г. он поселился в Праге, где и оставался более двух лет. В это время и состоялось знакомство с А. О. Патерой, о чем свидетельствует письмо В. В. Макушеву о краткосрочном пребывании в Праге в 1870 г.: «В Праге я пробыл всего шесть дней: по утрам работал в библиотеке музея, по вечерам копался в библиотеке пана Патеры» (см.: Никулина, М. В. Письма М. С. Дринова В. В. Макушеву (1870–1875 гг.). – Сов. славяноведение, 1974, № 2, с. 69). Следующая научная командировка состоялась в 1875–1876 гг. За это время М. С. Дринов посетил Браилу, Панагюриште, Вену, Прагу и др.

⁸ Речь идет о подготовке к XII Археологическому съезду, который состоялся в Харькове в 1902 г.

⁹ Уварова (урожденная княжна Щербатова) Прасковья Сергеевна (1810–1924) – графиня, жена русского археолога, одного из основателей Московского археологического общества – А. С. Уварова (1825–1884). После смерти мужа возглавила Московское археологическое общество, выступала одним из активных организаторов археологических съездов.

¹⁰ Имеется в виду Болгарское научное общество (Българското книжно дружество, БКД), основанное при участии М. С. Дринова в Браиле в 1869 г. Дринов был первым председателем Общества, положившего основание Болгарской академии наук.

¹¹ Ягич Ватрослав (Игнатий Викентьевич) (1838–1923) – хорватский филолог-славист, член-корреспондент (1868), академик (1880) СПбАН, в 1880–1886 гг. – профессор церковно-славянского и русского языков в Петербургском университете, в 1886–1908 гг. занимал кафедру славянской филологии Венского университета.

¹² Иречек Константин (1854–1918) – чешский историк, иностранный член-корреспондент СПбАН (1888), в 1881–1882 гг. министр народного просвещения Болгарии, в дальнейшем – профессор Пражского и Венского университетов.

¹³ Крек Григорий (1840–1905) – славист, иностранный член-корреспондент СПбАН, профессор славяноведения в Граце.

¹⁴ Нидерле Любор (1865–1944) – чешский археолог, историк, иностранный член-корреспондент СПбАН (1906), профессор Пражского университета.

¹⁵ По-видимому, речь идет о Кулаковском Платоне Андреевиче (1848–1913) – историке и филологе-слависте, профессоре Варшавского университета.

¹⁶ М. С. Дринов жил на Холодной горе – так называется один из районов г. Харькова.

¹⁷ Имеется в виду памятный альбом А. О. Патеры.

¹⁸ Лебедев Амфиан Степанович (1832–1910) – историк церкви, профессор Харьковского университета.

¹⁹ Согласно приказу министра народного просвещения от 1 апреля 1903 г., доцент Киевской духовной академии Иосиф Александрович Бродович (1871–1920) был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора кафедры истории церкви Харьковского университета.

²⁰ 8 августа 1903 г. исполнилось 30 лет работы М. С. Дринова в Харьковском университете. Через три месяца, 2 ноября, состоялось чествование юбиляра Харьковским историко-филологическим обществом и историко-филологическим факультетом университета.

²¹ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) – историк-славист, академик СПбАН (1900), с 1865 г. – доцент по кафедре славянской филологии (с 1871 г. профессор) Петербургского университета. Основоположник школы славистов в Петербургском университете.

²² Регель Василий Эдуардович (1857–1932) – историк, член-корреспондент СПбАН (1898), приват-доцент Петербургского университета, редактор журнала «Византийский временник», издаваемого при СПбАН, с 1918 г. ректор Воронежского университета.

²³ В 1899 г. группа чешских славистов-филологов выступила с предложением созвать в 1901 или 1902 г. в Праге съезд славистов-филологов, однако австрийское правительство не дало на это своего разрешения. Тогда инициатива созыва съезда перешла ко II Отделению СПбАН, где был поставлен вопрос о привлечении к съезду историков. В апреле 1903 г. в Петербурге состоялось заседание предварительного комитета съезда. М. С. Дринов принимал участие в работе 6 из 7 секций, был избран почетным председателем второй секции (по вопросу славянской энциклопедии). Российское правительство разрешило созыв съезда с 31 августа по 10 сентября 1904 г., но затем он был отложен, что фактически означало его срыв.

²⁴ Кочубинский Александр Александрович (1845–1907) – славист, профессор Новороссийского университета.

²⁵ Имеется в виду совместный труд А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича «Обзор славянских литератур» (1865). В 1874–1881 гг. появилось 2-е издание (переработанное и расширенное) под заглавием «История славянских литератур».

²⁶ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – литературовед, историк, этнограф, фольклорист, академик СПбАН (1898), один из редакторов журнала «Вестник Европы». Речь идет о его работе «Русское славяноведение в XIX столетии» (Вестник Европы, 1889, т. 4, № 7, 238–274).

²⁷ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, член-корреспондент (1908), академик (1920) РАН, профессор русской истории Петербургского университета, в 1903–1916 гг. – директор Женского педагогического института. Был председателем Археографической комиссии (1918–1929), директором Пушкинского дома (Института русской литературы) АН СССР (1925–1929) и Библиотеки АН СССР (1925–1928).

²⁸ Кадлубовский Арсений Петрович (1867–1921) – историк русской литературы, с 1899 г. приват-доцент, затем профессор Харьковского университета, в 1916–1917 гг. профессор, директор библиотеки Пермского университета, в 1919–1920 гг. профессор Таврического университета.

А. И. Ганчев, А. А. Пригарин

**ПИСЬМА С. И. ЦВЕТКО И С. ДЕРЖАВИНУ 1927–1929 гг.:
ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ БИОГРАФИЙ**

В археографическую поездку в Санкт-Петербург мы готовились с нашим «Шефом» давно и обстоятельно. Он мечтал найти новые архивные документы о прошлом его родной болгарской Терновки. Однако жизнь Владимира Никифоровича Станко неожиданно оборвалась 16 февраля 2008 года...

Из предыдущего посещения архивов в 2003 году Владимир Никифорович Станко вернулся полным энтузиазма – исследовательские находки позволили ему не только воссоздать сюжеты возникновения колонии и ранних этапов ее развития¹, но и соприкоснуться с прямыми свидетельствами своих предков. В «клятвенном обещании», прошениях и других документах стояли подписи Яни и Станко (представителей непосредственных родов Владимира Никифоровича). А рядом с ними – Атанасов, Коч... Его малая Родина оживала сразу в двух измерениях – истории семей почти двухсотлетней давности и, одновременно, социальной памяти коренного жителя, в которой тесно переплелись соседи, друзья, одноклассники, соперники... Где бы ни оказывался Владимир Никифорович, судьбой Терновки он продолжал интересоваться не меньше, чем новинками и открытиями в области каменного века, в которой ему было суждено стать значимым международным авторитетом.

Специальное познание археологии и первобытной истории сочеталось с трепетными и уважительными знаниями своей малой Родины, с которой его продолжали связывать устойчивые социальные сети традиции. Он мечтал исследовать свою уникальную Терновку с таким же масштабом, как перед этим изучил ряд памятников палеолита и мезолита. Продемонстрировать ее феномен как настоящий ученый – отдавая приоритеты источникам. И здесь ему не мешала эмоциональность отношения, как это часто бывает у краеведов. Все сферы описания он отдавал в руки профессионалов этнологов, лингвистов, историков.

Его рассказы о Терновке были не только завершенными в этнографическом жанре эссе, но и воспринимались как часть житейской мудрости многих поколений болгар. И в них стержневой темой выступала идея насыщенной интеллектуальной жизни поселка. Редко какая местность может похвастать таким количеством специалистов высшего класса (академиками, инженерами, медиками, астрономами и т. д.). Видимо, то трудолюбие, которое было перенесено с Балканских пространств и помогшее выжить в трудных условиях степи, определило и системный взгляд на жизнь, на различные сферы ее проявления. Достаточно часто В. Н. Станко перечислял ученых, прославивших Терновку, вписывая их в контекст наук и бытовых ситуаций поселка.

Из этих рассказов особо выделялись воспоминания о Сергее Ильиче Цвятко, внучатым племянником которого являлся Владимир Никифорович. В память о нем и была возрождена этнология/этнография в Одессе в 1990-е гг. «Шеф» пояснял, что многие из его разносторонних интересов сформировались благодаря этой личности, его сложной судьбе и научному наследию.

Нечто мистическое усматривал этот вполне рационально мыслящий профессор в связях со своим дедом. Нередко ругая нас, молодых, он лукаво «предупреждал», что с национальными вопросами надо быть осторожными, а не то «арестуют, как моего деда». В одном из своих последних разговоров, перечисляя этнологов, которыми теперь изобилует Одесса, он шуточно с гордостью сказал: «Да, уж! Теперь всех не пересадят!»

Вот почему вполне логичным выглядело то, что, перебирая архивные дела в фонде Николая Севастьяновича Державина в Архиве Российской Академии Наук (г. Санкт-Петербург), мы натолкнулись на оригиналы писем Сергея Ильича Цветко. Сам факт подобной «встречи» уже сам по себе расценивался нами как знаковый. В память об этих двух замечательных терновчанах и хотелось опубликовать данный фрагмент эпистолярного наследия (ответные письма Н. С. Державина, наверняка, не сохранились из-за репрессий и переездов). Это желание усилилось и укрепилось после внимательного прочтения писем – они имеют смысл сразу в нескольких направлениях актуальной историографии. Укажем лишь основные, очевидные для нас.

Во-первых, это источники для реконструкции творческой мысли ученого, который не только своими деяниями при жизни, но и своим именем после смерти сыграл значительную роль в развитии этнологии и фольклористики Украины. Его работы публикуются до сих пор², широко используются в современной практике научных проектов³. Вместе с тем, продолжается поиск его неопубликованного наследия, которое хранится в ряде архивов и рукописных фондов Украины и России.

Во-вторых, эти письма помогают воссоздать информационные контакты в научной среде славистов 1920-х гг. Их можно рассматривать как продуктивный обмен материалами и методиками между состоявшимся специалистом из центра (Н. С. Державин) и талантливым, начинающим ученым, которого сейчас бы назвали «native anthropology» (С. И. Цветко). При этом очевидно, что связь это не односторонняя, в любом из направлений. Тексты этих писем отражают целый ряд методических исканий и теоретических сомнений, которые позволили южному фольклористу не только собрать уникальный корпус материалов, но и дать ему надлежащую интерпретацию, выдвинуть ряд обоснованных концептуальных предположений.

В-третьих, само время – 1927–1929 гг. – показательно. С одной стороны, это масштабное разворачивание научных исследований в СССР, которое, к сожалению, трагично закончилось для многих ученых (не стал исключением и С. И. Цветко). С другой же, это кульминация биографий обоих корреспондентов. Относительно молодой, энергичный Сергей Ильич Цветко как раз накануне начинает активно публиковаться и совершает несколько результативных экспедиционных поездок, выстраивает планы на дальнейшее развитие фольклористики и своих проектов. Об этом и сообщается уже признанному авторитету, заведующему кафедрой славянской филологии Ленинградского университета Николаю Севастьяновичу Державину. Дистанция «в поле» у них – четверть века, которые разделяют их сборы эмпирических данных в болгарских поселениях Новороссийского края. «Профессор» для С. И. Цветко не только звание Николая Севастьяновича, но и реальное признание авторитета Учителя.

Эта переписка стала своеобразной «точкой бифуркации» двух биографий, за которыми стоят, видимо, не просто человеческие судьбы, но и две модели творческой востребованности. Чтобы объяснить это в общих чертах, опишем в сравнении жизненные факты двух ученых⁴.

Н. С. Державин родился 3(15).12.1877 г. в с. Преслав Таврической губернии (теперь – Приморский район Запорожской области). После получения образования

в Симферопольской гимназии (1896 г.) учился в Санкт-Петербургском университете (1896–1897 гг.). Уже со студенческих лет начал активную собирательскую работу по болгарскому населению Юга Украины, которую завершил поистине энциклопедическим двухтомником «Болгарские колонии в России»⁵. В 1900 г. окончил Историко-филологический институт в Нежине.

Почти ровесник – Сергей Ильич Цветко родился 25.09.(8.10.) 1877 г. в с. Терновка Херсонской губернии (теперь – поселок в рамках города Николаев). Детство обеих ученых прошло в близкой среде бывших болгарских колоний. «Наше село Тернівка, – описывал, бывший до 12 лет пастухом, Сергей Ильич, – незважаючи на всі етнічні впливи, являло з себе закуток з побутовими рисами настільки оригінальними, що видавало якийсь зовсім осібний куток на загальному фоні етнічної мішанини»⁶. Именно с детства начались увлечения обоих болгарской культурой и языком.

Сергей Ильич закончил в 1905 г. Александровскую гимназию в Николаеве и поступил на медицинский факультет Императорского Новороссийского университета в Одессе. Однако уже через три месяца он переводится на историко-филологический факультет, который оканчивает в 1911 г.⁷ Здесь его учителем становится М. Г. Попруженко – авторитетный историк и филолог-славист. Сергей Цветко пробует перевестись в Москву (1907), но ограниченные финансовые возможности не позволяют ему реализовать свою идею. Поиск своего места в науке прерывается Первой мировой войной, на фронт которой он пошел младшим офицером и попал в четырехлетний плен.

Всего лишь 7 лет разделяли Н. С. Державина и С. И. Цветко, но именно этот небольшой промежуток определил разницу в социализации ученых. Включенность Николая Севастьяновича в ведущие направления славистики способствовало относительно раннее признание его работ. В отличие от него, Сергей Ильич дольше находился в творческом поиске.

После войны и революции эта разница усилилась. Если Н. С. Державин оказался стремительно востребованным – с 1917 г. – профессор, а в 1922–1925 – уже ректор Петроградского университета (с 1925 г. возглавил в нем кафедру славянской филологии), то судьба Сергея Ильича складывалась не так уж легко. В 1919–1921 гг. он работает учителем истории, географии и украинского языка в школах Елизаветграда (ныне – Кировоград), Ольвиополя (Первомайск) и родного Николаева. Лишь после женитьбы на Жозефине Осиповне он переезжает в Одессу, где 10 лет проживает по адресу ул. Дегтярная, 15, кв. 7 (дом не сохранился)⁸. Здесь он устраивается преподавателем истории, этнографии, украинского языка и литературы в Одесский сельскохозяйственный институт. Кроме того, он активный организатор и участник Одесской секции Комиссии краеведения, Этнографической комиссии и Кабинета Национальных меньшинств Всеукраинской Академии Наук (ВУАН). Участвует в комплектации Музея Степной Украины этнографическими коллекциями. В рамках этой научной инфраструктуры разворачиваются исследовательские проекты Сергея Ильича. Кроме экспедиционных поездок к себе на родину, в Терновку, он объезжает села Буго-Днестровского междуречья и Крыма. Предметом его основного внимания становится фольклор во всех его проявлениях. Записывая песни и другие жанры устного творчества, он успешно пытается их классифицировать, охарактеризовать их источниковедческую ценность для реконструкций болгарского (славянского) мировоззрения, этнокультурной истории народа. Как сказали бы сейчас, подойти семиотически к содержанию народного нарратива.

Такие идеи и их реализации легли в основу его работ этого времени⁹. Несмотря на тот факт, что талантливый славист лишь начинает свою исследовательскую полевую деятельность, очевидно, что его отношение к эмпирическому материалу отражает серьезность и тщательность подготовки. Методическими сомнениями он делится в своих письмах с авторитетным Н. С. Державиным. В поле его внимания входит не только репрезентация народных устно-поэтических традиций, но и семантическая направленность их. Его интерпретации и комментарии вводят феноменальные данные в сложные реконструкции мировоззренческого и исторического опыта болгарского народа. Он с нетерпением ожидает оценки своих концепций со стороны Н. С. Державина. Хотя писем профессора пока не выявлено, но очевидно, что он высоко оценил и поддержал собирательскую деятельность одесского коллеги. Кроме опубликованных работ, Сергей Ильич направил своему питерскому учителю рукопись песен из Большого Буялыка и Терновки, записанных в 1924–1925 гг.¹⁰

Неожиданно творческое сотрудничество, как и научная биография С. И. Цветко, обрываются. В 1931 г. он был арестован по «делу СВУ (Спілка визволення України)» и осужден на три года с последующем лишением прав проживания в 12 городах СССР (в т. ч. – и Одессе)¹¹. В 1932 г. дело закрывают, а С. И. Цветко выпускают, но... Накануне не выдерживает его супруга и совершает самоубийство – в Одессу ему возвращаться не к кому, да и не зачем. Вернувшись в Николаев, он работает директором историко-археологического музея. Здесь он вновь женится, и у него рождается дочь (1937), которая погибает в младенчестве от несчастного случая, и сын Александр (1940), который теперь живет в Санкт-Петербурге. Тогда ж С. И. Цветко окончательно порывает с наукой в условиях тотальных репрессий 1937–1938 гг. Во время войны он не успел эвакуироваться, и оккупационная администрация использует его знания немецкого языка. Кроме переводов, он возглавляет Терновскую школу, а после освобождения становится инспектором областного отдела народного образования. «За сотрудничество с оккупантами» 62-летнего больного желудком Сергея Ильича в третий раз в его жизни арестовывают в 1946 г. Не пережив этого, он вскоре умирает. Место и обстоятельства смерти не отложились в его следственном деле и остаются неизвестными. 1 декабря 1991 г. ученый был реабилитирован посмертно...

В отличие от своего младшего коллеги, Н. С. Державин после их переписки «пошел вгору». Пережив все репрессии, он благополучно отстаивал идеи Н. Я. Марра о «яфетической системе» языков (даже пытался доказать славянскую принадлежность румынского языка)¹². В 1930 г. был избран академиком АН СССР, возглавлял Институт славяноведения АН СССР (1931–1934 и 1947–1953), кафедры славянского языкознания в ЛГУ (1944–1953) и МГУ (1943–1948). В середине 1930-х – начале 1940-х, после репрессий против славистов и фактического разгрома академического славяноведения, отстаивал эту дисциплину и внес определенный вклад в ее реабилитацию в СССР. За свои труды в 1948 г. был удостоен Сталинской премии. «Несмотря на все его недостатки и грубые ошибки, которые он делал очень часто, имя его будет тесно связано с развитием славяноведения, – записал в дневнике С. Б. Бернштейн после кончины Н. С. Державина (в 1953 г.). – Меня часто раздражали его труды, его выступления, его действия, но ... я его все же любил. Через всю свою жизнь он пронес любовь к болгарскому народу, его истории, культуре, языку»¹³.

Общность взглядов, но разница в обстоятельствах привела одного слависта в советский пантеон, а другого – практически уничтожила...

Приложения

Письмо 1

[Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 0827., оп. 04, д. 0587, л. 1–2]

Ответ 23. X. 27¹⁴

Глубокоуважаемый профессор!

Зная о Вашем интересе к болгарской этнографии и о Ваших работах в этой области, я решаюсь обратиться к Вам с просьбой уделить небольшое внимание моей работе в той же области. Дело в том, что я уже лет 5 записываю песни по болгарским селам, их накопилось порядочно, но издавать их на Украине некому. ВУАН издает статьи, а сборников материалов пока не собираются издавать, а появляющиеся то в Харькове, то в Киеве «балканские секции» настолько бедны, что не в состоянии до сих пор издать книги для чтения для трудшкол. Пока мне удалось пристроить 3 статьи: 2 о свадьбах и одну о хайдуцких песнях¹⁵, ненапечатанными остаются еще свыше 150 песен субатских¹⁶ и обрядовых. Мне очень хотелось бы видеть их напечатанными в каком [//] либо из сборников или Союзной Академии, или Музея Антр. и Етнографии. Для поддержки меня в этом я и обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой. Если бы Вас эти песни заинтересовали, я бы охотно послал бы Вам для предварительного просмотра.

Материалы мной собраны в селе Терновке и Большом Буялыке (Кошкове)¹⁷. Сам я уроженец с Терновки и втрое под впечатлением этих песен, так как сестры мои считались лучшими в селе певицами, с их слов они главным образом и записаны¹⁸.

Большинство песен не имеют вариантов в тех сборниках, которые я просматривал в Одесских книгохранилищах: Варбанского¹⁹, Илиева²⁰, Чолакова²¹, Качановского²², Верковича²³ и среди тех, которые напечатаны в Сборниках «За народни умотворения»²⁴. Всей литературы мне не удалось просмотреть, так как, естественно, я ограничен той литературой, которая имеется в одесских библиотеках, а в них я многого для меня интересного не нашел; так: нет первого тома Вашего исследования «Болгарские колонии на Юге России». Нет и лучших сборников [//] болгарских песен, изданных в Болгарии.

Все-таки думаю, что мои материалы имеют кое-какую научную ценность и в дальнейшей моей работе, думаю их всесторонне исследовать.

Остаюсь всегда готовый к услугам С. Цвятко
Адрес: Одесса, Дегтярная 15, кв. 7
С. И. Цвятко

Письмо 2

[Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 0827., оп. 04, д. 0587, л. 3–5]

Ответ 6. VI. 28²⁵

Многоуважаемый Николай Севастьянович!

Все собирался поделиться с Вами некоторыми мыслями относительно моей работы, да все некогда было, так как конец триместра настолько завалил меня письменными работами и отнял все свободное время, что некогда было просмотреть своих записей. Посылаю Вам для ознакомления с моей работой еще ненапечатанные материалы, записанные мною в с. Б.- Буялыке и родном селе Терновке²⁶, а также статью, напечатанную в «Етнографічному віснику» ВУАН'а в №3, о юнацких и хайдутских песнях²⁷.

Чувствую, что с Вашей стороны мне придется выслушать немало замечаний, особенно в отношении передачи фонетики²⁸. Поэтому считаю необходимым в свое оправдание дать несколько пояснений. Большинство песен я записывал с голоса [//] во время пения, стараясь передать произношение, как оно отражается в песне, а не в живой речи. При этом я натолкнулся на много неясностей, из которых проистекала моя нерешительность. Так например: звук «О» в живой речи, если на него не падает ударение, почти всегда переходит в «У», в песне при пении – это всегда звук нерешительный между «О» и «У», а часть переходит в «Ю» и ЙО.

В начале моей записи я отдавал предпочтение звуку «О», особенно в тех случаях, когда на него падало музыкальное ударение, но позже я изменил этому принципу и отдал предпочтение звуку «У», особенно в песнях терновских, так как в Терновке переход «О» в «У» гораздо отчетливее, чем в Буяльке. То же нужно сказать и относительно звука «Е», который обычно чередуется с «И» и «Ъ», в конце строки при долгом музыкальном слоге он приближается к чистому «Е»²⁹. [//] Этим объясняется разница в передаче одних и тех слов в различных местах текста, это – желание быть по возможности точным, насколько это было возможно осуществить теми несовершенными способами записывания, которыми я пользовался. Редакционных поправок, добавлений я совершенно не вносил, несмотря на то, что искушение было большое относительно тех песен, в которых бросаются в глаза или логические противоречия, или невыдержанность ритма. В самом начале записывания я пришел к заключению, что у отдельных лиц записать многого мне не удастся, и в дальнейшем я обычно собирал небольшое общество певцов, и при коллективном припоминании мне удавалось восстановить всю песню и по возможности выправить как логические противоречия, так и невыдержанность ритма. Возможно, что я при таком способе записывания грешил против научности записывания, но я оправдывал себя тем, что творческий процесс наших песен давно уже завершен, [//] поэтому индивидуальная окраска песни не имеет значения, а дело сводится к тому, кто лучше сберег в памяти старую песню, ставшую неподвижной в своей форме.

Кроме песен у меня записан, правда не много, и другой материал: заговоры, обряды, сказки, но пока этот материал у меня не систематизирован, поэтому не могу его послать Вам для ознакомления.

Кроме присылаемых юнацких и хайд. пес., напечатанные еще свадебные вместе с описанием самого обряда в «Віснику Одеської комісії краєзнавства» – ч. 2–3³⁰.

О свадебных символических обрядах и предметах в сравнении с украинскими моя статья должна выйти в № 6 «Етногр. Вісника»³¹. – Мне очень будет интересно познакомиться с Вашим мнением об этих моих работах, и как только получу отписки – пришлю Вам. Что касается присылаемых песен, то мне хотелось бы куда-нибудь их пристроить для напечатания в таком виде, как они есть. В России, как я слышал, будто бы это возможно, такие работы печатают Известия археологического музея?³² Я туда еще не обращался, подожду Вашего совета по этому вопросу. Возможно, что Вы порекомендуете снабдить их комментариями и словарчиком. [//]

Над этим я тоже уже немного поработал, написав небольшую статью о турецких элементах в обычаях и языке наших болгар³³, имея ввиду, главным образом, песни, но это пока не главное.

Мне хочется начать работу по установлению органической связи между нашими субатскими и обрядовыми песнями и песнями про Крале-Марко³⁴. Попутно, конечно, думаю пополнять свои записи, причем мне очень интересно проникнуть с моими записями в Крым, так как, встречаясь с крымскими болгарами и прислушиваясь к их говору, я готов допустить, что большинство их переселенцы из Македонии³⁵. Не удастся ли

установить более непосредственную связь с македонским эпосом через крымских болгар? Такую мысль я подавал балканской секции при ВУАНе, но какой-либо поддержки не получил, так как секция вряд ли интересуется этнографией в широком смысле.

Остаюсь готовым к услугам С. Цвятко
(Сергей Ильич Цвятко)
Дегтярная 15, кв. 7

Письмо 3

[Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 0827, оп. 04, д. 0587, л. 6–7]

10.X.28
г. Одесса

Глубокоуважаемый Николай Севастьянович!

Давно уже собираюсь поделиться с Вами моими впечатлениями от поездки по Крыму, да все не мог выбрать свободной минуты. Пришлось мне путешествовать соло, т. к. москвичи, которые собирались посетить крымских болгар, перед моим отъездом известили меня, что не поедут. Я произвел записи в Ст.-Крымской³⁶, Кишлаве³⁷, Коктебеле³⁸ и Сарабузе³⁹. В настоящее время перечитываю Ваше исследование «Болгарские колонии» II том. С чувством удовлетворения констатирую, что я в моих записях не напутал. Нашел полное подтверждение моим выводам до некоторой степени дилетантским, поскольку я в области лингвистики являюсь новичком. Вопросы лингвистики [//] стояли у меня на втором плане, на первом плане у меня стояли вопросы фольклора. В этом отношении я несколько разочарован. Из 50-и песен, записанных мною, ценными представляются мне 5–6, не более. Утешительным для меня является только одно обстоятельство: из этих, ценных по моему мнению, 3 песни относятся к так называемым «змейски песни», в которых «змей-огнян»⁴⁰ отчетливо вырисовывается как метеорологический символ грома, молнии, бури и засухи, а ламя⁴¹ – символ туманов и наводнений, опустошающих посева. В третьей песни змеица фигурирует с постоянным эпитетом «златнокрилица»⁴². Все эти элементы подтверждают мои выводы в последней моей статье «Генега крилатого змія в болгарських народних піснях», которая должна появиться в ближайших №№ «Етнограф. [//] Вісника»⁴³. В качестве материала я использовал свои записи и все записи, которые я нашел в «Сборниках Н. У.» и других сборниках, какие имеются в одесских библиотеках, но песен, в которых бы так ясно выступала змеица, как оборотень, а змей-огнян, как героический символ, связанный с ветрами и бездождем, я не встречал. Во всех вариантах, подобных записанных мной, заметна недоговоренность, а то и незаконченность. Как только статья будет напечатана, я пришлю ее Вам.

Мне очень интересно узнать ваше мнение относительно тех записей, которые я Вам прислал, а также о статье «Символічні речі і обряди болгарського весілля в порівнянні з українськими»⁴⁴. Укажите мне на мои промахи, т. к. в Одессе с отъездом Попруженка⁴⁵ нет никого из знатоков болгарской и вообще южнославянской этнографии. Еще одна покорнейшая просьба: если [//] в Ленинграде нет подходящего издания, где можно было напечатать мои материалы, то будьте добры, пришлите мне их обратно и простите великодушно за беспокойство.

Будучи летом в Киеве, я получил заверение, что в скором времени УАН будет издавать этнографические материалы, и мои могут быть напечатаны, так как я пока являюсь единственным представителем болгарского фольклора на территории Украины. К со-

жалению, УАН ставит мне условия, чтоб под каждой песней поместить сведения об уже напечатанных вариантах, а также об особенностях в развитии сюжета. Я уже пробовал это делать, и это ужасно кропотливая работа, требующая много терпения.

В заключение скажу, что крымские болгары мне очень понравились, и я с удовольствием еще раз к ним поеду. Русские их поразительно не любят, тогда как татары прекрасно к ним относятся. Много неприятных вещей о болгарях мне пришлось услышать в Ст. Крыму от русских, благо, что это меня абсолютно не трогает.

Остаюсь готовым к услугам!
Одесса, Дегтярная 15, кв. 7
С. Цвятко

Письмо 4

[Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 0827, оп. 04, д. 0587, л. 9–10]

Глубокоуважаемый Николай Севастьянович!

Я чрезвычайно Вам признателен за Ваше обстоятельное письмо, на которое, я к стыду своему, так поздно отвечаю. У меня была надежда получить оттиски статьи о свадьбе и послать ее вместе с письмом, но до сих пор № 6 Вісника не вышел⁴⁶. Я очень вам благодарен за чрезвычайно важное для меня замечание по поводу статьи и текста песен. Хайдутські і юнацькі пісні..., многие подчеркнутые места действительно обнаруживают мое невнимательное отношение к записи, как «объйодзи», слово, которое, правду говоря, меня самого удивило, в черновике у меня стоит «объйодзи», переписчица просто оставила обе буквы. Я себя упрекаю за то, что внимательно не просмотрел текст оттиска перед тем, как послать Вам, там много опечаток. [//] В виду того, что упомянутая статья является первой моей попыткой выступить в печати по вопросу о болгарском фольклоре, поэтому я сам ей очень мало доверял и уже поэтому был к ней недостаточно внимателен, не особенно заботясь о подтверждении высказанных мной догадок. Ее напечатание было для меня приятным сюрпризом. Еще перед ее написанием я очень внимательно прочел 2-ой том Вашего исследования, первого я не нашел в Одесских библиотеках, но признаюсь откровенно, он меня убедил, что у меня не хватит ни умения, ни терпения применить такую графику, какую переданы диалекты в Вашем 2 томе, а потому я принял наиболее упрощенную, приспособивая, по возможности, эту графику к украинскому языку; отсюда Гъоро, Бяльо/ в Сборн. за нар. умотвор. обычно Гјоро, Бјалјо/. Относительно соседства зубных з-с, т-д, д-с, у меня постоянные колебания. Певец часто делает ударения на з, д, если [//] следующая дальше гласная переходит на высокую ноту, а я как раз юнацкие и хайдуцкие песни записывал с пения. Я был бы близок к правильному изображению слова «възседна», если бы, записывая во время пения, передал бы его так «възъседна»⁴⁷, в живой речи такое произношение невозможно. Фраза «Три дни ми и три вечери» – в пении произносится так «Триднимий три вечери»⁴⁸, а при сокращении союза «и», теряется слог, необходимый для мотива.

Относительно начала болгарской этнографии, я проявил, конечно, слабую осведомленность, хотя читал пред тем маленький сборник, относящийся, кажется, к 1864 году, изданный в Буда-Пеште, автора не помню, но решил про себя, что это имеет второстепенное значение.

Последнее время я знакомился с сербским эпосом по сборникам Вука Караджича⁴⁹ и нашел подтверждение Вашей мысли, что под городом «Будима» – действительно

следует разуметь «Буда-Пешт», но в записанных мной песнях Будима или Будина встречается [/] всегда как город, на который нападают татары или турки, в таком случае это мог бы быть скорее Видин⁵⁰, тем более, что около XIII века он был самостоятельным княжеством и более всего терпел от татар и венгров. В хороводной песне турки похищают из Будина девицу-болгарку. Еще раз позвольте Вас поблагодарить за Ваши указания и буду ожидать Ваших указаний относительно рукописи⁵¹.

Предстоящем летом я намерен посетить Крым в обществе двух москвичей проф. Данилова⁵² и тюрколога Соколова⁵³, они главным образом интересуются болгарской диалектологией и ее отношением к тюркской. Если это путешествие удастся, то, думаю, у меня будет больше материалов для разработки некоторых вопросов сравнительной славянской этнографии. Очередная тема, которой я сейчас занят: «змея и крылатый змей». Изследования текстов песен, широкое слияние текстов вариантов тоже входило в мой план, но боюсь, что такая работа не будет интересна для наших современных журналов, поневоле приходится ограничиваться статейками а ½ – 1 печатный лист.

Истинно благодарный Вам, С. Цветко

¹ Самаритаки, Е. С., Уварова, Е. А., Пригарин, А. А., Станко, В. Н. Терновка: документы и материалы по истории (1792–1822). Търновско българско дружество «Иван Вазов», Одеско научно дружество на българистите. Т.1. Одесса, 2004. 154 с. [второе издание – Николаев, 2006].

² Цветко, С. Български народни песни от Украйна и Крим. София, АИ «Марин Дринов», 2005. 178 с.

³ Например: Горбань, І. Фольклор і фольклористика болгар в Україні. Львів, 2004, 129–135; Сербрянникова, Н. І. Сергей Цветко и его вклад в изучение народной медицины Юга Украины. – Одеска българистика, 2004, № 2, 36–38 и др.

⁴ Биографические реконструкции Н. С. Державина проведены по: Бернштейн, С. Б. Академик Н. С. Державин (К 70-летию со дня рождения). – Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, 1948, вып. 6; Николай Севастьянович Державин. М.–Л., Изд. АН СССР, 1949 (Материалы к библиографии ученых СССР/АН СССР. Сер. лит. и яз., вып. 1); Список трудов академика Н. С. Державина в области славяноведения. – Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1953, вып. 11, 87–94; Аксенова, Е. П. «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы). – Советское славяноведение, 1990, № 5, 69–81. Судьба С. И. Цветко описана в очерках: Горбань, І. Сергій Цветко. – Народознавчі зошити, 1996, № 4, 266–269; Ласыньська, М. Ю. Сергій Ілліч Цветко: життя і діяльність етнолог, краєзнавця. – Науковий вісник Миколаївського державного університету. Вип. 11. Історичні науки. Миколаїв, МДУ, 2005, 249–253; Никитин, В. Собирабель Терновського фольклора. – Вечерний Николаев, 1998, 11 августа.

⁵ Державин, Н. С. Болгарские колонии в России (Бессарабская, Херсонская и Таврическая губернии). – В: Сборник за народни умотворения и народопис. Т. XXIX. София, 1914; Державин, Н. С. Болгарские колонии в России. Т. 2. Пг., 1915.

⁶ Цветко, С. І. Весільні звичаї і пісні у болгар на Херсонщині. – Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одеса, 1925, ч. 2–3, с. 218.

⁷ Личное дело студента С. И. Цветко (Государственный архив Одесской области, ф. 45, оп. 5, д. 14230).

⁸ Для нас так и останется загадкой, знал ли В. Н. Станко, что его дед проживал в нескольких кварталах от одной из его квартир на углу улиц Островидова и Л. Толстого.

⁹ Цветко, С. І. Хайдутські болгарські пісні, записані в с. Тернівці біля Миколаєва. – Вісник Одеської комісії краєзнавства, Одеса, 1924, ч. 1, 22–23; Цветко, С. І. Весільні звичаї і пісні болгар на Херсонщині (Село Тернівка на Миколаївщині). – Вісник Одеської комісії краєзнавства, Одеса, 1925, ч. 2–3, 217–238; Цветко, С. І. Юнацькі та хайдутські пісні у болгар. – Етнографічний вісник. К., 1926, кн. 3, 47–48. Цветко С. І. Варіанти до юнацьких і хайдутських пісень (с. Тернівка). – Рукописний фонд Інститута мистецтвознавства, фольклористики і етнології ім. М. Ф. Рильського НАН України (далеє – РФ ІИФФ), ф. 1–4, од. зб. 247; Цветко, С. І. Символічні речі й обряди в болгарському весіллі в порівнянні з українським. – Етнографічний вісник. К., 1928, кн. 6, 1–15; Цветко, С. І. Сидянки та меджії. – РФ, ф. 1–4, од. зб. 247,

12 арк.; *Цветко, С. І.* Болгарський верстат (рукопис, що зберігався у В. Н. Станко); *Цветко, С. І.* Генеза мотива крилатого змія в болгарських народних піснях. – Етнографічний вісник. К., 1930, кн. 9, 3–30 (рукопис: РФ ИИФЭ, ф. 1–4, од. зб. 140, 22 арк.); *Цветко, С. І.* «Хороба «урама» та її лікування в болгарській народній медицині. – Етнографічний вісник, 1932, кн. 10, 107–122; *Цветко, С. І.* Замови проти різних хвороб у болгар, записані в с. Тернівці на Миколаївщині в 1926 году. – РФ ИИФЭ, ф. 1–4, од. зб. 246, 5 арк.; *Цветко, С. І.* Пісні болгар України і Криму (записані в селах Благоеві, Тернівці, Ст. Криму, Кишлаві, Сарабузі і Коктебелі). – РФ ИИФЭ, ф. 7–2, од. зб. 9–12, 14.

¹⁰ Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 827, оп. 1, д. 269, л. 44–129. (Как составная часть эта рукопись сейчас опубликована: *Цветко, С.* Български народни песни от Украина и Крим. София, АИ «Марин Дринов», 2005, 19–130.)

¹¹ Одеський Мартіролог: дані про репресованих Одеси і Одеської області за роки радянської влади. Т. 1. Одеса, ОКФА, 1999, с. 564.

¹² В. М. Алпатов называл его «одним из самых дремучих марристов» (*Алпатов, В. М.* История одного мифа. М., 2004, с. 117).

¹³ *Бернштейн, С. Б.* Зигзаги памяти. М., 2002, с. 175.

¹⁴ Дата написана красным карандашом, вероятно, рукой Н. С. Державина.

¹⁵ Видимо, речь идет о: *Цветко, С. І.* Хайдутські болгарські пісні, записані в с. Тернівці біля Миколаєва. – Вісник Одеської комісії краєзнавства, Одеса, 1924, ч. 1, 22–23; *Цветко, С. І.* Весільні звичаї і пісні болгар на Херсонщині (Село Тернівка на Миколаївщині). – Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одеса, 1925, ч. 2–3, 217–238; *Цветко, С. І.* Юнацькі та хайдутські пісні у болгар. – Етнографічний вісник. К., 1926, 47–48.

¹⁶ *Субатские* или *Собатские* песни – название условное или от «соба» – турецкая «комната» или от Собат/Субаш – «банкет». «Термин субатские, – писал сам С. И. Цветко, – является настолько широким, что не позволяет квалифицировать эти песни еще детальнее, т. к. за основу взято формальное происхождение (отношение к празднеству), а не анализ содержания». Делил их на: юношеские, гайдуцкие, мифологические (змей) и бытовые (*Цветко, С.* Български народни песни..., 9–10).

¹⁷ *Большой Буялык* Одесского уезда Херсонской губернии – поселение «задунайских колонистов», которое возникло в 1801 году (теперь – с. Благоево Ивановского района Одесской области).

¹⁸ Становятся очевидными истоки научного интереса С. И. Цветко.

¹⁹ *Атанас Вербанский* – собиратель болгарских песен Приазовья, опубликовал: Народни песни, записани в село Преслав, в Таврийската губерния в Русия, от преславский учител Тан. Върбанский. – Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец, 1894, № 44, 288–300.

²⁰ *П. Илиев* – собиратель народного творчества конца XIX – начала XX в.

²¹ *Чолаков Василий* собирал корпус народных произведений болгар (песен, сказок, поверий, обычаев и т. д.), будучи сначала учителем, а затем монахом в Рыльском монастыре. Издал: Българский народен сборник. Белград, 1872.

²² *Качановский, В. В.* Памятники болгарского народного творчества. СПб., 1882.

²³ *Веркович, С.* Народне песме Македонски Бугара. Белград, 1860.

²⁴ «*Сборник за народни умотворения, наука, и книжнина*» – болгарский научный журнал, издаваемый с 1889 г. Министерством народного просвещения. Каждый том распадается на три части: 1) исследование; 2) критические статьи; 3) этнографические материалы: сказки, песни, заговоры и др.

²⁵ Дата написана красным карандашом, вероятно, рукой Н. С. Державина.

²⁶ Архив РАН (г. Санкт-Петербург), ф. 827, оп. 1, д. 269, л. 44–129. (Как составная часть эта рукопись сейчас опубликована в: *Цветко, С.* Български народни песни от Украина и Крим. София, АИ «Марин Дринов», 2005, 19–130).

²⁷ *Цветко, С. І.* Юнацькі та хайдутські пісні у болгар. – Етнографічний вісник. К., 1926, кн. 3, 47–48.

²⁸ Это и последующие подчеркивания сделаны красным карандашом, вероятно, рукой Н. С. Державина.

²⁹ Эти лингвистические моменты говора сейчас монографически изучены З. Т. Барболовой – рукопись, которая еще ожидает своей публикации.

³⁰ *Цветко, С. І.* Весільні звичаї і пісні болгар на Херсонщині (Село Тернівка на Миколаївщині). – Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одеса, 1925, ч. 2–3, 217–238.

³¹ *Цветко, С. І.* Символічні речі й обряди в болгарському весіллі в порівнянні з українським. – Етнографічний вісник. К., 1928, кн. 6, 1–15.

³² Знак вопроса поставлен, вероятно, Н. С. Державиным.

³³ Речь идет о неизвестной работе С. И. Цветко.

³⁴ *Крале-Марко* – Королевич Марко Мрнявчевич (болг. Крали Марко) – сын сербского короля Вукашина, унаследовавший после его гибели в битве с османами в 1371 г. Прилепское королевство.

В балканском эпосе Марко-Королевич играет видную роль, являясь защитником православного народа против осман, с которыми он то воюет, то ведет дружбу. Ему посвящено множество сербских былин или героических (юнацких) песен. «Нет ни одного серба, — говорит В. Караджич, — который бы не знал имени Марко-Королевича». В болгарской народной поэзии также немало песен о Крале Марко (*Богоров, Ив. Болгарски народни песни. София, 1879*).

³⁵ Речь идет о центрально-балканских землях, хотя большинство крымских болгар являлись переселенцами из Румелии (*Носкова, И. А. Крымские болгары в XIX – начале XX в.: история и культура. Симферополь, СОНАТ, 2002*).

³⁶ *Старый Крым* – город в Крыму, на территории которого была создана болгарская колония (район «Болгарщина» бытует по наши дни).

³⁷ *Кишлав* – с 1829 г. колония болгар в Крыму (ныне – с. Курское Белогорского района). В 1944 г. болгары были депортированы из этого селения.

³⁸ *Коктебель* – город в Крыму, на территории которого имелся болгарский хутор Бараколь (*Шапошников, А. К. Старый, добрый болгарский Коктебель. Симферополь, 1999*).

³⁹ *Сарабуз* – теперь с. Гвардейское Симферопольского района АР Крым. Болгары здесь появились в 1860–1870-е гг. из Бердянского уезда Таврической губернии.

⁴⁰ *Змей Огнянин* – популярный персонаж болгарского фольклора, который связан с народной метеорологией, в частности – громом. Это точное наблюдение С. И. Цветко было конвергентно развернуто в болгарской этнологии (например: *Георгиева, И. Змеята-стопан в българските народни вярвания. – Векче, 1978, № 2, 22–29; Беновска-Събкова, М. Змеят в българския фолклор. С., 1992 и др.*).

⁴¹ *Ламя* (от греч. «Lamia») – традиционный образ балканского мировоззрения. Мифологическое существо сродное Дракону или Змею-Горынычу (*Попов, Р. Ламя. – В: Българска митология: енциклопедичен речник. С., 7М+ЛОГИС, 1994, с. 201–202*).

⁴² *Змеица* (златокрилица) – устойчивый образ в болгарском устном творчестве, бытующий с древнего периода (*Попов Р., Стойнев, А. Змей. – В: Българска митология: енциклопедичен речник. С., 7М+ЛОГИС, 1994, 148–150*).

⁴³ *Цветко, С. И. Генеза мотива крилатого змия в българських народних піснях. – Етнографічний вісник. К., 1930, нн. 9, 3–30.*

⁴⁴ *Цветко, С. И. Символічні речі й обряди в болгарському весіллі в порівнянні з українським. – Етнографічний вісник. К., 1928, кн. 6, 1–15.*

⁴⁵ *Попруженко* Михаил Георгиевич (25. 07. 1866, г. Одесса – 30. 03. 1944, г. София) – историк и филолог. Заслуженный профессор Новороссийского университета (1916). Заведовал Одесской публичной библиотекой. Секретарь Одесского общества истории и древностей. В эмиграции в Болгарии (с 1919). Профессор истории русской литературы на историко-филологическом факультете Софийского университета (1920–1941). Почетный доктор Софийского университета (1939). Член-корреспондент (1923) и академик (1941) Болгарской Академии наук. Во время обучения С. И. Цветко был одним из его учителей.

⁴⁶ *Цветко, С. И. Символічні речі.., 1–15.*

⁴⁷ «Сел на...[коня]».

⁴⁸ «Три дня моих и три вечера».

⁴⁹ Вук Стефанович Караджич (07.11.1787 – 07.02.1864) — сербский языковед. *Karadžić, V. Српске народне пјесме. Widen, 1814, 1823.*

⁵⁰ *Видин* – город в современной Северо-западной Болгарии.

⁵¹ Рукопись так и не была опубликована в Ленинграде.

⁵² Вероятно, речь идет о Георгии Константиновиче *Данилове* (1896–1937), московском лингвисте, родоначальнике советской африканистики, создателе группы «Языкофронт», преподавателе Коммунистического университета трудящихся Востока (репрессированном в 1937 г.).

⁵³ *Соколов* И. И. – сотрудник Института славяноведения, занимавшийся языковедением греков-торкофонов.

В. Милачков

**ДОКУМЕНТИ ЗА ОСНОВАВАНЕТО НА ВЕСТНИК
„ДОБРУДЖАНСКИ ГЛАС“, ОРГАН НА БЪЛГАРСКОТО
МАЛЦИНСТВО В РУМЪНИЯ (1934–1935)**

В историята на периодичния печат особен интерес представляват печатните издания на малцинствените общности, живеещи в обкръжението на чуждонационална държавна организация. Тяхното издаване се осъществява в специфични условия, които понякога трудно могат да се определят като нормални и безопасни. В сложна ситуация се намират и българските издания в Румъния след Първата световна война. Тогава за втори път в рамките на едно десетилетие Южна Добруджа, една област с малък териториален обхват, населена с компактно българско население, отново въз основа на несправедливите постановления на Ньойския мирен договор е включена в границите на т.нар. „Велика Румъния“. На нейната територия по това време живеят неколкостотин хиляди българи, които са значителна част от българската диаспора¹.

В годините от 1919 до 1940 г., когато Южна Добруджа по силата на Кра-йовския договор е върната в пределите на българската държава, добруджанският въпрос заема определящо място в българо-румънските отношения и извежда на преден план проблема за българското малцинство и неговите права². Тогавашната политика на Румъния е насочена към изграждане на нейния еднонационален характер, съпътствано от прилагане на денационализаторски режим. В отговор на дискриминационната политика, подплатена с насилие и постоянен натиск, се развива движението за отстояване на правата и свободите на българското население, останало по различни причини под управлението на румънската държава.

В движението водеща роля играят българите от Южна Добруджа. Тя се предопределя от най-скорошното им откъсване от общия организъм на българската нация и държава и от най-изявеното им българско самосъзнание. Разбираем интерес и загриженост към движението проявяват българската държава и нейните правителства, както и българските емигранти от Добруджа, преселили се в старите предели на България, обединени в своите организации, най-голямата от които е Съюз „Добруджа“.

Град Добрич, който е един от основните центрове на областта, е важно средище на българските обществено-политически проявления в защита на българските национални интереси, съобразени с условията на чуждо господство. Добрич е мястото, където се печатат най-много български издания за посочения период. Сред тях изпъква в. „Добруджански глас“, обявен като „орган на българското малцинство“ от Румъния.

Въпреки дискриминационната политика на румънската държава българската етническа общност има, макар и ограничени, възможности да създава и поддържа свои легални институции като училища, културни общества, печатни издания, различни сдружения и др. За защита на интересите на българската общност се оформят две основни течения сред българските общественици в съответствие с двете доминиращи форми на участие в обществено-политическия живот на Румъния. Едното от тях се осланя на участието на българи в румънските политически партии и неговите представители са

наричани „партийци“. Другото течение разчита на самостоятелна българска политическа формация, която се създава през ноември 1928 г. в Добрич под името Българска миноритарна партия. Нейните дейци и привърженици са определяни като „миноритари“³.

Различните политически възгледи на сподвижниците на двете основни течения пораждат разногласия между тях. Впоследствие те преминават в остри противопоставяния и вражди, които се пренасят и на страниците на приближените им печатни издания. Тези вредни за българската общност противостояния имат пагубно отражение върху защитата на естествените ѝ права и интереси. Създават се условия с лека ръка да се компрометират много полезни усилия, което доста улеснява румънските власти в негативното им отношение към националноохранителните прояви на българското население.

Неодобрението към съществуването на враждуващи български вестници в Добрич, единият – изразител на позициите на Българската миноритарна партия, а другият – на нейните противници, привърженици на участието в различните румънски политически партии, предизвиква намесата и на другите заинтересовани фактори от българска страна. Българското правителство правилно преценява, че ожесточената вражда между двете обществени групировки е вредна за българската национална кауза не само в Южна Добруджа, а изобщо в Румъния⁴. То вижда изход от неблагоприятното положение в издаването на общ и за двете групировки вестник. Това решение се оформя в края на 1934 г. и има за цел да прекрати пагубните борби и нападки между водещите български общественици. Чрез общия вестник, който ще се финансира от българското правителство, трябва да се работи дружно за ефикасна защита на българското малцинство срещу домогванията на румънската власт. На новото издание се вменява задължението да подготви обединението на българите от всички краища на Румъния в една надпартийна българска обществена организация⁵.

С участието на ръководителите на Съюза на просветно-благотворителните дружества „Добруджа“ се поставя начало на обединителна акция сред българските общественици в Добруджа. През декември 1934 г. в София се провежда съвещание с участието на Ангел Стоянов, председател на Съюза „Добруджа“, съюзния секретар Печо Господинов и представителите на българските вестници в Добрич – Любен Станчев, директор на в. „Новини“, и Яни Хаджиянев, редактор на в. „Ново единство“. Решава се да се спрат представените вестници и да започне издаването на в. „Съгласие“. (Под въздействието на емигрантския съюз българското правителство спира субсидията за вестника на миноритарите „Ново единство“.)

Становището на българската легация в Букурещ към идеята за издаване на в. „Съгласие“ е положително, както и към състава на редакционния комитет и неговата платформа, които гарантират по-голяма обективност при третиране на въпроси не само от локален, но и от общ характер за българското малцинство в Румъния⁶. Същевременно се изказват резерви относно пълнотата на мандата на представителите на вестниците от Добрич да сключат подобно съглашение, което се потвърждава от възникналите след това недоразумения. За тяхното изглаждане между представителите на двете групи продължават да се водят преговори.

В началото на 1935 г. с помощта на българската легация в Букурещ инициативата се разширява и се избира „Обединителен национален комитет“. На 18 януари в Добрич се провежда ново съвещание на 20 представители на различните течения сред българската общественост. На него основните въпроси отново са единството на българското население и нуждата от вестник, който да отразява живота му и да го обединява⁷. Девет от участниците са и сред оформения след седмица редакционен комитет на новия единен вестник. На съвещанието се посочва, че с напускането на Любен Станчев на

в. „Новини“ вестникът не представлява „никакво течение от граждани“, а само своите собственици. Яни Хаджиянев споделя, че е бил викан в полицията, където разбрал, че румънските власти знаят за намерението да започне издаване на в. „Съгласие“, и предлага да се намери друго име на новия вестник. Съвещанието приема решение вестникът да бъде наименован на ново учредително събрание от окончателно оформения редакционен комитет.

На последвалото заседание на 25 януари 1935 г. наименованието на вестника се променя на „Добруджански глас“ и той се определя като „орган на българите в Румъния“⁸. Избраният петчленен редакционен комитет включва представители на всички обществени групировки с изключение на привържениците на комунистическото движение. Постигнатото съгласие около издаването му се приема с готовност и облекчение от българските обществени кръгове в Добруджа и Румъния. Според Я. Хаджиянев дял за издаване на вестника и за оформяне на неговата издателска философия има Печо Господинов⁹.

Участниците в основаването на вестника са сред най-изявените представители на българската общност в Румъния, здраво свързани с нейните институции и прояви. Те са високо образовани, много от тях са завършили престижни европейски университети. Мнозинството, особено ангажираните с журналистика, са подложени на постоянен тормоз и гонение от румънските власти и протежираните от тях националистически среди, предвождани от колонистите арумъни.

Първият брой на вестника излиза на 17 февруари 1935 г. За времето на своето съществуване – до 10 март 1938 г., когато е спрял със заповед на Министерството на вътрешните работи в Букурещ, в. „Добруджански глас“ се очертава като най-яркия представител на българския малцинствен печат в Добруджа. Принципът на надпартийност, прилагането на който се приема като задължение от редколегиата на изданието, е наложен от управляващите кръгове в България. Те са повлияни от промените в политическото развитие на Европа, където във все повече страни се установяват безпартийни или еднопартийни режими. Като основен пропагандатор на идеята за създаване на българска малцинствена надпартийна организация вестникът е инициатор на провеждането на Първия извънреден конгрес на представителите на българските общности в Румъния през май 1936 г. в Букурещ¹⁰.

Успоредно с голямото внимание към малцинствените проблеми на българското население в Южна Добруджа на страниците на вестника се отделя много място за информации и коментари, свързани с положението на българите от другите райони на Румъния. В. „Добруджански глас“ има свои кореспонденти в Болград, Акерман (Бесарабия), Кюстенджа, Тулча (Северна Добруджа), Винга (Банат), Силистра (Южна Добруджа), Букурещ, Браила и Галац. Тиражът на вестника за Румъния е замислен да бъде около 500 броя, от които 300 броя за Добрич, 100 броя за Силистра и 100 броя за останалите райони на Румъния, населени с българи¹¹. В България в. „Добруджански глас“ има около 170 абонати, като над 100 от тях са в София. Усилия за набирането им влагат и дейци на Съюза „Добруджа“, които абонирали много библиотеки. Абонатите оформят своеобразно лоби на българската кауза в Добруджа и Румъния. Сред тях са редица учени – професорите Михаил Арnaudов, Александър Балабанов, Александър Т. Балан, Асен Златаров, Васил Златарски и др. Много са политиците и обществениците – Григор Василев, Симеон Радев, Янко Сакъзов, Стоян Данев, митрополит Стефан, Атанас Буров, Кимон Георгиев, Стойчо Мушанов, Александър Малинов и др. Абонати на вестника са писатели и поети, свързани с добруджанската организация и Добруджа – Дора Габе, Добри Немиров и др.¹²

Подготовката и осъществяването на значимото българско издание разкриват отношенията, позициите и техните нюанси към взаимните контакти и задачите на българското малцинство в Румъния на местните обществени деятели, емигрантските дейци и управляващите в България. В. „Добруджански глас“ като печатен орган на българското малцинство в Румъния и пропагандатор на идеята за надпартийно обединение е пример за ползотворно сътрудничество между привърженици на различни виждания, за обществено-политическата дейност на българското население, за отстояване на гражданските му права и свободи. Основаването на вестника е един от добрите примери на синхронизирани и единни действия на всички основни фактори, имащи отношение към положението и защитата на правата на българското население в съседна Румъния.

Представените два непубликувани досега документа са протоколи от най-важните съвещания, проведени в края на 1934 г. и в началото на 1935 г., които поставят основите на новото издание, отличаващо се с обединяването на задачите и на обществените дейци в името на по-ефективна защита на интересите на българската общност в Румъния. Протоколите се съхраняват в Централния държавен архив (ЦДА) – София, във фонда „Българска легация в Букурещ“. Документите се публикуват изцяло, с частично осъвременяване на правописа. Кратките бележки след техния текст съдържат пояснения за споменатите в тях лица, организации и периодични издания.

ДОКУМЕНТ № 1

Протокол от съвещание на представители на български вестници в гр. Добрич и на Съюза „Добруджа“ за организиране на обединителна акция сред българските общественици в Добруджа и издаване на общ вестник

[София¹³, 23 декември 1934 г.]

Препис

ПРОТОКОЛ

Днес на 23 декември 1934 година, представителите на българските в. в. [вестници] в Добруджа г. г. [господата] – Л. Станчев¹⁴ директор на в. „Новини“¹⁵ и Я. Янев¹⁶ редактор на в. „Единство“¹⁷, от една страна и от друга – представителите на И.[зпълнителния] К.[омитет] на съюза „Д-жа“ [„Добруджа“]¹⁸ г. г. [господата] А. Стоянов¹⁹ и П. Господинов²⁰ – след като се събрахме да обмислим народностното положение в Добруджа взаимните борби и недоразумения сред ръководящата интелигенция в гр. Добрич като се съгласихме, че по този нерадостен път не може да се изведе до желания край националното дело единодушно уговорихме и решихме:

1. От 10 януари 1935 г. редактираните от нас вестници – „Новини“ и „Н.[ово] Единство“²¹ да престанат да излизат освен последния брой в който да се обяви за това на читателите, като Л. Станчев ще стори това във в. „Новини“, а Я. Янев в [ъв] в. „Н[ово] Единство“.

2. Като продължение на спрените вестници, да започне издаването един единствен нов вестник „Съгласие“, който да се печата в печатницата „Извор“²², собственик на която и напред остава г. Яни Янев, който е и отговорен редактор на този вестник, а негови редактори – Л. Станчев и Я. Янев.

3. Установихме по взаимно съгласие следния редакционен комитет Л. Станчев и Я. Янев като лица изходящи от спрените вестници, г. г. [господата] Борис Попов²³ – ад-530

вокат, д-р Т. Ханджиев²⁴, П. Златев²⁵ – агроном, и Стоян Петров²⁶ – лисансие по финансовите науки, а за техни подгласници: Л. Семов²⁷, Д. Бежаров²⁸, Г. Янакиев²⁹ – агроном.

4. Новият вестник се задължава в отношение народностните борби, българските институти и всички други проявления от какъвто и да е характер, да следва неуклонно напътствията на

Почитаемото Министерство³⁰, респективно на Б.[ългарската] Легация в Букурещ, като отстоява, защитава и развива българското национално дело, по начин такъв, че стоейки над фракционните борби, в българските институти, личните и други домогвания – да брани само националните интереси на българщината в Румъния.

5. Още в първия брой на вестника да се излезе със съответна декларация, за общите линии, които ще следва новия вестник, декларация задължителна за всички сътрудници на вестника.

6. За редовното водене на с/ките [сметките] на печатницата и новия вестник редакционният комитет се задължава да избере подходящо лице за воденето им, както и за съставяне на отчетането за всяко тримесечие. Сумите да [се] получават от упълномощеното от г. Я. Янев лице, като разписките се подписват от най-малко двама членове на редакционния комитет.

7. Възнагражденията на персонала се определят от редакционния комитет, за което да се представи бюджет в Легацията и М[инистерство]-то, като същият се занимае и със старите задължения на закритите вестници и издири почини за покриването им.

8. Настоящият Протокол се състави в два екземпляра за да се представи в надлежните места.

За достоверността на изложеното подписваме:

1) Я. Янев, Л. Станчев, П. Господинов, Л. Бояджиев³¹

ЦДЛ, ф. 327К, оп. 1, а. е. 1203, л. 5. Препис. Машинопис

ДОКУМЕНТ № 2

Протокол от заседание на редакционния комитет на новооснования печатен орган на българското малцинство в Румъния

Добрич, 25 януари 1935 г.

ПРОТОКОЛ

Днес 25 Януари 1935 год. гр. Добрич подписаните Борис Попов, Стоян Петров, Яни Х. Янев, Любен П. Станчев, инженер П. Златев, д-р Т. Ханджиев, инж. Г. Янакев, д-р Любен Семов и Данаил Бежаров от гр. Добрич и Лефтер Бояджиев³² от гр. Силистра – членове на редакционния комитет на органа на българското малцинство в Румъния, под председателството на Борис Попов,

1. Като изслушахме изложението на членовете на бившия редакционен комитет на вестник НОВО ЕДИНСТВО г.г. [господата] д-р Д. Г. Новачев³³, д-р Ст. Иванов³⁴, Христо П. Капитанов³⁵ и Иван Драгнев³⁶, какво те посрещат с ентузиазъм подетата инициатива за създаването на един единен вестник в Румъния и че обещават да дадат своята безрезервна подкрепа на ново основания орган, като спира изливането на НОВО ЕДИНСТВО.

2. Изслушвайки г-н Лефтер Бояджиев, който поздравява инициативата за единен вестник, от страна на българите от Силистра и окръга, подчертава историческата роля на новоосновения вестник, обеща да положи всички усилия за неговото разпространение в Силистренския край, вербувайки сътрудници за прокарване на неговата програма.

3. Вземайки под внимание декларацията от 14 Януари т.г. на г-н Никола Жечев³⁷ – собственик на вестник Новини – направена пред нас, че спира издаването на вестника си;

4. Имайки предвид какво идеята за създаването на единствен орган на българското малцинство в Румъния се посреща с ентузиазъм от всички наши обществени среди;

КОМИТЕТЪТ РЕШИ:

1. Като се взема из предвид известни обстоятелства, определя името на вестника да бъде ДОБРУДЖАНСКИ ГЛАС с под заглавие „орган на българите от Румъния“.

2. Определя за постоянни редактори на новия вестник Любен П. Станчев и Яни Х. Янев, към които комитета делегира г.г. [господата] Борис Попов и д-р Т. Ханджиев, към които редакторите ще се обръщат в случай, че постъпят статии и дописки в разрез с духа на вестника, като последна инстанция в случай на разногласие остава комитета в своя плен.

3. Определя за собственик и отговорен редактор г-н Яни Х. Янев, когото натоварва да извърши всички формалности по регистрирането и узаконяването на вестника.

4. Упълномощава г-н инженер П. Златев да се погрижи и събере нужните средства, апелирайки към гражданството да се абонира за вестника и пр. За да започне колкото е възможно по-скоро излизането на горепоменатия вестник.

Комитетът в своето заседание от 28³⁸ Януари т. г. се конструира както следва:

Председател: адв. Борис Попов

Подпредседател: инж. Петър Златев

Секретар: адв. Д. Бекаров

Касиер: д-р Т. Ханджиев

Счетоводител: Ст. Петров

Контр.[олна] Комисия: инж. Г. Янакиев и д-р Люб. Семов

За всичко гореизложено се състави настоящия протокол.

[следват подписи на: Борис Попов, П. Златев, Д. Бекаров, д-р Т. Ханджиев, Ст. Петров, Г. Янакев, Яни х. Янев, д-р Семов и Люб. Станчев]

ЦДА, ф. 327К, оп. 1, а.е. 1203, л. 57. Оригинал. Машинопис

¹ Българите в Румъния XVII–XX в. Документи и материали. С., 1994, 6–7.

² За посочения период вж. по-подробно: Извори за историята на Добруджа 1919–1941. Т. 2. С., 1993; Кузманова, А. От Ньой до Крайова. Въпросът за Южна Добруджа в международните отношения (1919–1940). С., 1989; Тодоров, П. Освободителните борби на Добруджа. Добруджанската революционна организация 1925–1940. С., 1992.

³ Нягулов, Б. „Партийци“ и/или „миноритарни“ – единство и разединение на българските малцинствени дейци в Добруджа. – Добруджа, 1996, № 13, 97–98.

⁴ Бекаров, Д. Материали и спомени за добруджанския периодичен печат. Вестници и списания, излизали в Добрич 1919–1940. Шумен, 1998, с. 152.

⁵ Пак там, 190–191.

⁶ ЦДА, ф. 327К, оп. 1, а. е. 1203, л. 8.

⁷ Пак там, ф. 1397К, оп. 1, а. е. 238, л. 1–2, 6.

⁸ Нягулов, Б. Политическите борби в защита на българските национални интереси (разговор с г-н Данаил Ст. Бекяров за Българската миноритарна партия в Добруджа под румънска власт). – Добруджа, 1991, № 8, с. 223; ЦДА, ф. 327К, оп. 1, а. е. 1203, л. 5–6, 8; ф. 948К, оп. 1, а. е. 118, л. 77.

⁹ ЦДА, ф. 948К, оп. 1, а. е. 89, л. 1.

¹⁰ Нягулов, Б. „Партийци“ и/или „миноритарни“..., 97–98.

¹¹ ЦДА, ф. 327К, оп. 1, а. е. 1203, л. 9.

¹² Пак там, л. 18.

¹³ Мястото, установено по други документи, вж.: ЦДА, ф. 327К, оп. 1, а. е. 1203, л. 3.

¹⁴ Любен П. Станчев (1904, с. Сърнено, Добричко – 1945, Добрич) – един от най-изявените български журналисти от Добруджа, под румънска власт, издател, писател-разказвач, смел защитник на българското население и на българската национална кауза. Привърженик на участието на българите в румънски политически партии. Осъден на смърт от т. нар. „Народен съд“, организиран в България след драматичната политическа промяна на 9 септември 1944 г.

¹⁵ „Новини“ – независим вестник със собственик Никола Жечев, излизал в Добрич от 1934 г. до 25 декември 1935 г. Обществени и информационен вестник, проявяващ се като защитник на българското население срещу денационализаторските усилия на чуждия режим, привърженик на участието на българите в румънските политически партии. Въпреки решението да не се отпечатва в Добрич друг български вестник освен „Добруджански глас“ в. „Новини“ продължава да излиза. Неговият стопанин редактор Н. Жечев, недоволен от състава на редакцията на обединения вестник, решава да продължи издаването на в. „Новини“ със свои средства.

¹⁶ Яни Хаджиянев (х. Янев) (1898, Каварна – 1944, ?) – изтъкнат писател, журналист, обществен, културен и театрален деец, редактор на много вестници и списания, секретар на Българския народен университет, член на Българската миноритарна партия. Убит в смутните дни около драматичната политическа промяна на 9 септември 1944 г.

¹⁷ „Единство“ – независим всекидневник, излизал в Добрич от 21 юли 1929 г. до 24 януари 1931 г., продължение на в. „Поле“. Основатели на вестника са Л. Станчев и Я. Хаджиянев. Вестникът е орган на Българската миноритарна партия, защитава правата на българското население в Добруджа, за което е преследван и спрял от румънските власти. Замества го в. „Ново единство“.

¹⁸ Съюз на просветно-благотворителните дружества „Добруджа“ – по-късното название на Добруджанската организация (от 1925 г.), формирана на Великия добруджански събор (21–25. XI. 1919 г.) от обединението на емигрантската Добруджанска организация и Централния добруджански народен съвет. Съюзът е разтурен в началото на 1936 г. по решение на българското правителство. Най-голямата и авторитетна организация на добруджанските българи, допринесла много за отстояване на интересите и правата на българското население от Добруджа.

¹⁹ Ангел Стоянов (1880, Тутракан – 1944, София) – един от първите участници в организираното добруджанско движение, дългогодишен председател на Изпълнителния комитет на Съюза „Добруджа“, народен представител на българския парламент. Осъден посмъртно от т. нар. „Народен съд“.

²⁰ Печо Господинов (1902, Добрич – 1945, София) – литератор, публицист, деец на младежкото добруджанско движение. Дългогодишен секретар на ИК на Съюза „Добруджа“ и редактор на съюзния печатен орган в. „Добруджа“.

²¹ „Ново Единство“ – независим информационен всекидневник, излизал в Добрич от 12 март 1931 г. до 6 януари 1935 г., продължение на в. „Единство“. Вестникът се редактира от редакционен комитет в състав: Христо Капитанов (главен редактор), Яни Хаджиянев (уредник), д-р Стефан Иванов и д-р Димитър Новачев. Той е орган на Българската миноритарна партия, защитава правата на българското население и порицава злоупотребите и насилията на румънските власти.

²² Печатница „Извор“ – обществена печатница, създадена с помощта на българското правителство с машини от Държавната печатница в София, пренесени със съдействието на нелегалната Вътрешна добруджанска революционна организация. Тя е узаконена от румънските власти като печатарска фирма „Извор“ със стопанин Яни Хаджиянев. В нея са отпечатвани вестниците „Добруджански глас“, „Добруджанска реч“, „Добруджанско ехо“, месечното селскостопанско списание „Добруджанско стопанство“, както и книги на Христо Капитанов и Я. Хаджиянев.

²³ Борис Попов – адвокат, общественик, автор на статии по юридически въпроси, член на ръководството на Българското културно общество в Добрич, член на Българската миноритарна партия, като най-възрастен (55 г.) е определен за председател на редакционния комитет.

²⁴ Тодор Ханджиев (1904, Добрич – 1993, Добрич) – лекар, общественик, автор на популярни медицински статии, основател на Българския народен университет в Добрич (1929) и оглавил първото му ръководство. В редакционния комитет е включен като независим.

²⁵ Петър Златев (1905, Самуилово, Добричко – 1959, Добрич) – инженер агроном, служител на Земеделската камара в Добрич, дългогодишен председател на Земеделския синдикат, издател на сп. „Добруджанско стопанство“, привърженик на участието на българите в румънски политически партии.

²⁶ Стоян Петров – счетоводител, основател и член на Българската миноритарна партия.

²⁷ Любен Семов – лекар, общественик, автор на материали в периодичния печат, един от ръководителите на Българския народен университет в Добрич.

²⁸ Данаил Бекяров (1911, Добрич) – адвокат, общественик, публицист, краевед, сътрудник на различни периодични издания, деятел на Българския народен университет, основател и член на Българската миноритарна партия.

²⁹ Ганю Янакиев (Янакев) (1904, Добрич – 1971, София) – журналист, юрист, историк, общественик, основател на Българския народен университет в Добрич, секретар на Българската миноритарна партия.

³⁰ Министерство на външните работи и изповеданията.

³¹ Вероятно, името на Л. Бояджиев е изписано погрешно при изготвяне на преписа от протокола.

³² Лефтер Бояджиев (1881, Силистра – 1971, Силистра) – филолог, дългогодишен учител, както и директор на Силистренската гимназия, обществен, културен и театрален деец, сътрудник на български периодични издания в Силистра. Осъден от т. нар. „Народен съд“.

³³ Димитър Новачев (1898, с. Победа, Добричко – 1978, Добрич) – лекар, общественик, сътрудник на различни издания, автор на политически и популярни статии, деятел на Българския народен университет в Добрич, основател и член на Българската миноритарна партия.

³⁴ Стоян (Ченю) Иванов (1901, Добрич – 1976, Сао Паулу, Бразилия) – д-р на юридическите науки, редактор на много български вестници, представител на добруджанските журналисти в Международния журналистически съюз на малцинствата в Европа, деец участник в обществения живот, основател и член на Българската миноритарна партия.

³⁵ Христо П. Капитанов (1903, Добрич – 1971, София) – журналист, юрист, историк, общественик, основател на Българския народен университет в Добрич, секретар на Българската миноритарна партия.

³⁶ Иван Драгнев – търговец от Добрич, основател и член на Българската миноритарна партия.

³⁷ Никола Жечев – собственик на печатница „Търговска“ в Добрич и книжарница към нея, собственик на в. „Новини“.

³⁸ Навярно е допусната грешка при отбелязването на датата, която би следвало да съответства на датата на заседанието.

Д. Димитрова-Маринова

УСТНА ИСТОРИЯ И МИТОЛОГИЧЕСКА ПАМЕТ У БЪЛГАРИТЕ ОТ СЕВЕРНОТО ПРИАЗОВИЕ

Изучаването на устната история на определени етнически, социални или социополитически групи има своята научна традиция¹. Спомените за реални събития, предавани по устен път, представят съответните гледни точки не само на конкретните респонденти, но обикновено и на микрообществото, към което принадлежат. Изучаването на устната история на неголеми компактни групи население, живеещо относително изолирано в съответен макрорайон, предоставя редица интересни сведения както за историка, така и за етнология и антрополога. В този аспект особено интересни са устните истории, разказани от представители на малцинствени групи, живеещи продължително време в диаспора, географски отдалечена от метрополията, каквито са българите от Северното Приазовие. Заселили се трайно в Таврийските степи преди около век и половина, те живеят компактно в българските села почти до средата на XX в. и много често за техните потомци понятието „България“ означава територията, на която живеят българи между реките Молочная и Бердянка. Първото разместване в пространството, свързано с напускането на местата на компактно местожителство, е разкулачването през 30-те години на XX век, когато отделни семейства са интернирани главно в Урал, Сибир и Казахстан, а други са се изселили в Донецк. По време на Втората световна война млади хора от българските села са изпратени на принудителен труд в Германия, отделни групи българи се завръщат в прародината, а през есента на 1944 г. са върнати на територията на СССР и са интернирани в Сибир или Казахстан. По време на войната българското население от Крим е масово изселено и интернирано в Урал. След войната започва масовото преселване в градовете – главно в Мелитопол и Запорожие. Създават се смесени бракове, формират се своеобразни „градски диаспори“. Мнозина документално сменят етническата си принадлежност (сочат в документите за самоличност друга народност – руснаци или украинци). Но дълбоко в сърцата си остават българи и свято пазят спомена за родното, препредават от поколение на поколение родови традиции. Особен интерес представляват техните устни истории, тъй като отразяват степента на съхраняване на етническото самочувствие от периода на масовата съветизация.

Респондентите, чиито истории са предмет на анализ, са етнически българи, родени в българска селска среда в Запорожка област, но живеещи продължително време в града, или дори родени в града, но с ясно осъзнати български корени. Записите са направени в гр. Мелитопол през периода 2007–2009 г.

Историята, които се разказват в съвременността, могат условно да се разделят на две основни групи според участието на респондентите в разказваните събития:

1. Несвидетелски разкази – респондентите предават чути и запомнени истории, разказвани няколко поколения наред;

2. Свидетелски разкази – обикновено обхващат периода от 30-те години или от средата на XX век до съвременността.

Между двата типа устна история е трудно да се направи рязко разграничаване, тъй като често разказът започва като несвидетелски и преминава в свидетелски.

От гледна точка на съдържанието устните истории могат да се разделят на:

1. Истории за преселението и за съдбата на рода;
2. Лични спомени, свързани с политически събития;
3. Лични истории.

Важно е да се отбележи, че в почти всички записи респондентите се ориентират към събития, които според тях представляват интерес за по-широката публика. В тях се акцентира на българското самосъзнание и дори когато става въпрос за лична съдба, тя се възприема като неделима част от съдбата на диаспората.

Разказът на Валентина Горбаткова е посветен на историята на един прозаичен предмет – чугунена ютия. Но тя е донесена от първите изселници, преминала е дългия път от Българско в Бесарабия, заемала е почетно място в дома на създаденото вече в Таврия семейство Стефана и Филип Жейнови, останала е единствен предмет в чеиза на внучка им Стефанида-Таня. Не е запомнена дори фамилията на Стефана, чиито родители донесли ютията, но тя се превърнала за двете поколения на богатото семейство Жейнови в най-ценния предмет, а след разкулачването останала като реликва в новото семейство на Стефанида Журкова. Тъкмо тази ютия тя отнесла като единствено и безценно богатство в Далечния изток, където останал на свръхсрочна служба съпругът ѝ Афанасий Журков. Въпросната ютия е съхранявана там през тежките години на войната, кръстосала е огромната територия на бившия Съветски съюз в походния багаж на офицерското семейство. През всички тези години тежката ютия не е била просто нужен за бита предмет, а именно реликва, чиято история многократно е разказвана. За Валентина Афанасиевна Горбаткова именно тази ютия е била символ на онова непознато, далечно „българско“, тъй като в рускоезичната среда, в която е израснала и живяла (самата тя е била съпруга на съветски офицер), семейството на родителите ѝ е било единствената „българска“ територия (интерес представлява фактът, че Афанасий Журков до края на военната си кариера в графата „народност“ винаги е отбелязвал – „българин“). И независимо че В. Горбаткова не е говорела български, тя е една от основателите на дружеството за българска култура „Балкан“ в Мелитопол, където като реликва днес се пази малката чугунена ютия. Историята е записана единствено в интерпретацията на Валентина Горбаткова. Но преди това многократно е преповтаряна от майка на дъщеря, от свекърва на снаха, от баба на внучка, отново от майка на дъщеря, за да стигне до нашето съвремие. Около този „фетиш“ се навръзват разкази: за насилие от страна на турци в Българско (отвлечена била голямата дъщеря – красавица), породило решението за преселване; за трудното пътуване; за второто преселение в Таврия, за съдбата на семейството до войната, за глада през смутните години и за НИП-а; за последвалото разкулачване и разпръсването на патриархалното семейство; за глада през 30-те години – една ненаписана сага за живота на таврийските българи. Респондентката преразказва чутото за трудното пътуване до Далечния изток на майка си, която дори не знаела руски език, за тежките години на войната и за следвоенния живот. Разказът, започнал като несвидетелски, става свидетелски – тя описва своя живот.

В устната история, разказана от Валентина Горбаткова, се преплитат родовото предание и личната съдба, като в първото са включени последователно темите и за преселението, и за историята на рода, и за политическите и социалните катаклизми от първата половина на XX век. Историята е интересна и с това, че гледната точка на В. Горбаткова, независимо от възпитанието ѝ в семейство на съветски офицер, личи стремежът към обективност при отразяването на преломните събития.

Друго родово предание, разказано от Радмила Илинична Козик (Балева), отбелязва, че на път за далечна Таврия тръгнали двама от братята Бочеварови – Аджия (Хаджия, личното му име не е запомнено) и Тодор. Но в рода свято се помни името на оста-

налия (вероятно в Бесарабия) брат и задължително поколения наред се кръщава едно от момчетата с неговото име – Иван. Специално се отбелязва всеки път, че то е кръстено не просто на познатия родственик, а на онзи, непознатия, останал далеч, но винаги близък в спомените. Тук ролята на маркер играе даже не фамилното име, обединило вече разклонения род Бочеварови в Богдановка (празнувал неотдавна 100-годишнината на една от къщите, в която и до днес живеят наследници на Бочеварови), а личното име на един от братята, останал в старите земи. Историята е резултат от лично проучване – респондентката целенасочено е разпитвала родствениците, събирала е трошиците от запомненото, за да го представи на празника. Несвидетелският разказ за събитията се стреми към документалност независимо от емоционалната причина за съставянето му.

Историята на Иля Петрович Балев пази спомени единствено за събития, видени и запечатани в детското му съзнание и осмислени в младостта. Роден в Степановка 2, но израснал и възмъжал в далечния Гурьев, той свято пази спомена за бабиния двор и за зелената трева край реката, тъй като за него „това беше Българията, за другата България я тогава и не слъшал“. И толкова силен е копнежът по родното, че на осемнайсетия си рожден ден той се зарича: „жа съ върна в „родината“ и жъ съ ожена только за болгарочка“. И наистина – след отбиването на военната служба се върнал в Приазовието, харесал си богдановска мома, създал семейство в близкия град Мелитопол. В неговия разказ се появява нов топоним – Българията – това са българските села от Северното Приазовие. Той е в сила и в съвремието: „Днес трябваше да ида в Българията – не оная, а нашта си, в Богдановка...“ (София Хинева, род. 1944 г.).

За поколението, родено по време на Втората световна война или след нея в Таврия, България – това са българските села в района. Преминали през не едно прекеждие само защото са малцинствена група, родителите вече рядко разказват родовите истории на децата си. Отсъствието на каквато и да било връзка с далечната метрополия (която дори дава да се разбере, че те не съществуват за нея до края на 80-те години), прекъсването на връзките с другата голяма диаспора, намираща се в границите на Съветския съюз – бесарабската, поставя таврийските българи в изолация. Появява се стремеж към русификация – мнозина се записват като руснаци или поне като украинци. Но дори когато в паспорта стои означението „българин“, на пръв поглед русификацията е почти пълна. За това способстват обучението на руски език, естественото приобщаване към съвременната рускоезична култура, стремежът на съветската власт към изкореняване на традиционната обредност, отреждането на битова, низова функция на майчиния език. Но дълбоко в сърцето си всеки, който има български корени, съкровено пази спомена за „българското“ и понякога полугласно споделя: „И аз съм българин (българка), от тукашните българи“. Мнозина от градските жители през 70-те и 80-те години са успели да посетят далечната прародина – на екскурзия или на почивака на Българското черноморие. Повечето от тях не са устоявали на изкушението да поговорят на български, учудвайки се, че техният език се отличава от официалния български. Но най-често това е ставало тайно от групата – на силата на привличането на далечните родови корени е противостоял страхът, насаден от съветските времена.

Много е забравено. Много безвъзвратно е загубено със смъртта на по-старото поколение. Често възстановяваме нещо забравено по наглед незначителна реплика, предизвикала спомен за забравена поговорка. Разказът на Ирина Тодорова (Паскова), родена през 1920 г., също е изпъстрен с различни по настроение епизоди. Съвременничка на почти всички преломни събития през XX век, преживяла разкулачването и изселването, бягала с родителите си от спецпоселението, преживяла окупацията, по време на която се оженила за свой съселянин от Ботево и дори правила сватба, тя разказва за всички

тези събития с образния език на неосъществен творец на словото. Но най-яркият момент в нейния разказ е случка, която звучи почти невероятно: Бягайки от мястото, където било интернирано в Сибир, четиричленото семейство успяло да се качи на влака, но храната им била малко... На гара, чието име информаторката не помни, но на която трябвало да се прекачат на друг влак, родителите оставили двете момичета, а сами отишли да продадат последните ценности – кашмирена кърпа и костюм на майката, които имали шо-годе приличен вид. От глад на информаторката прилошало и тя излязла пред гарата: „Излязох на пирона, стуя до вратата, а там съ утваря ино калидорчи, и стоя ей тъй и ино кучи иде – гулямо, ушите гулеми, здорово, и в устата му полвин кипич ляп. И ас пугледнах, очите ми светнаа, пък то ей тъй ма пугледна и вля в туй калидорчи, остави ляба и утива на тъй насетне и тъй ма пугледна, га чи казва: „иди земи ляба“. Понататък информаторката споделя: „Ей тъй, много пъти съм чувала от млади гудини – „Ний кучешки ляп идим, да знаете“, за ко – не знам“.

Своеобразно „обяснение“ на тази поговорка дава Виктория Леонидовна Малышкина, много по-млада жена, израстнала в рускоезична среда и контактувала само в ранното си детство с родителите на баща си в с. Ботево. Чувайки преразказаните думи на Ирина Тодорова, тя си спомня: „Слышала я об этом: люди когда-то не ценили хлеб. В давние времена весь клас от земли до края был заполнен зерном. Бог разгневился и хотел забрать весь хлеб. Кошки и собаки стали просить, чтобы он этого не делал и оставил хоть немного хлеба. С тех пор стебель заполнен колосом только с краю, что бы хватало животнам“.

Етиологичната легенда за размера на житния клас е разпространена в Метрополията. Записана е в Софийско и е публикувана за първи път през 1894 г.², а за последен път е записана през 1987 в Хасковска област³. Тя е съхранила в себе си няколко митологични пласта. В основата на всички записи стои представата за изначалния „златен век“, когато всичко е било в изобилие. За българина това изобилие е главно наличието на хляб. Нещо повече – за българина хлябър е синоним на божественото, което е съхранено в поговорките „Никой не е по-голям от хляба“ („Никой не е по-гулям от ляба“ – Людмила Козар, Алексансър Стойков), „Грехота е от хляба“. Причината, поради която Господ наказал хората, в записа на А. Георгиева е „поругаването“ на храната:

„Ино времи ина жена, ина нескпосница такъва никаква, родила дите, има нямала с кво да го обърши, че отишла, къкто изкласила храната – ино времи корена давал класове много, много класове давал. И тя зела тъйкана, откъснала и си обърши дитето. И Господ дигнал берекетя – щото си бърши дитето с него, с хранъта. И дигнал берекетя, ама кучето скокнало и фанало един клас, фанало ино класче...“⁴

Легендата от Софийско не само одухотворява, но дори обожествява самия хляб. В нея се отбелязва причината, която го е разсърдила, но затова пък съдържа етичното правило „Нефела е да се яде и да се лежи, че се сърди лебо...“, както и представите, че „сакал еднаж лебо да бега на небото, доде още бил на жито, па кучето фанало с уста един клас, та му не дало да утече сичкото...“ и „до тогая житото било саде класове от връх до корен“.

Често пъти една поговорка, дори да е загубила връзка с наратива, който я е породил, може да възстанови легендата или дори мита, чиито корени се крият в дълбока древност. В българските етиологични и космогонични легенди е съхранена представата, че кучето има особено важна роля в историята на човечеството. Според друга етиологична легенда кучетата са произлезли от хвърлените от Бога ръкавици след вълка, за да пазят стадата⁵. От историята са известни магически практики на българите, важно място в които имало жертвоприношението на куче⁶. Може би поради това именно на кучето е отредена толкова важна роля в легендите и пословиците. От друга страна, особеното

внимание, което българите отреждат на хляба в своята традиционна обредна система, е резултат не толкова от факта, че живеят в зърнопроизводителни райони, колкото от старинните земеделски традиции, характерни и за трите етноса, създали съвременната българска народност и съответно – българската традиционна култура.

Паралелите между разказите на нашите съвременници от Таврия със записаните в Метрополията легенди свидетелстват не само за единната митологическа памет на българите. Преминали през неизброими изпитания, таврийските българи са съхранили частици от онази древност, която днес събираме усърдно, изследвайки своя етнически светоглед.

Приложение

Разказ на Ирина Тодорова (извадки)

„Тати каза давай, знайте ко, давай да отавами, тук шъ ни похоронят. И давай инъ нош, тати получи парички малку, и такоз, събрахми малку ляп, имаами ино чайниче, ина кастрюл’ка и три ложечки, пък имахми ина чергица, сичкуту оставихми... То дъш вали, пък на нас тиче, синкуту вали, не моем свихми са... И ний трънахми нуща пеша, вървим лесом, леса сорок километра до станции, може и бол’ше, но цяла нош варвахми. Ино време машина са задади... тати дума падайте, и ний паднаами и лежим... Утидооми на станцията, тате рече сядайте тук, а той утиде за билети. Тате утиде на станцията, билети няма.

Пък нароод. Не наши, раскулачени, а народ. Тати речи – няма нищо такова, ша налягами сред хората.Подир тати купи билети, парички малко заробени. Ой детки, що страх брахми... да не ни стигнат...

...
Кату идехми, ляба са кончи, уже цяла сутка, нищу няма у уста ко да турим, няма и с ко да платиш. Мама имаши ино шел’чи, сева, ино костюмчи, там, так – юпка, кофта. Кажи: шъ ида, шъ гу убмен’ъ на пазаря. ... Пък те казаа: „Лежите тук е, на станцията“. Пък ний седми на голия под, паркет, те утиха двамата и ги няма, и ги няма. Хората едът, пък аз гльодам, те едът, пък аз гльтам, се ино и аз ям, пък сърцету ей тонинку... забра. Излязох на пирона, стуя до вратата, а там се утваря ино калидорчи,и стоя ей тъй и ино кучи иде – гулямо, ушите гулеми, здорово, и в устата му полвин кирпич ляп. И ас пугледнах, очите ми светнаа, пък то ей тъй ма пугледна и вля в туй калидорчи остави ляба и утива на тъй насетне и тъй ма пугледна, га чи казва: „иди земи ляба“. Пък аз, до чо ми светнаа очити, кат видях тоа ляб! Спасибо, уже скоро девеноста, спасибо, останах жива. Ой кучито такоз, спасибо кучито, останах жива, чепуха, кой знай то кучи здраво ли й или болно, остави ни ляба, аз гу взех, върях, влязох ф станцията, систра ми сиди:

– Ко, наши додоха?

– Ни.

– Ми де зе ляп?

– Кучето ми даде.

– Кък тъй?

– Ей тъй.

Чи гу расделиме на двети, едем, и удичка уже найдохми да прием, спасибо, орахми живи и здрави и собаки тоже благодаря. Собака – она же первый друг человека. И казат: „Ний кучешки ляп идим. Пък вий вий страх да му дадите ляп“. Ей тъй, много пъти съм чувала от млади гудини – „Ний кучешки ляп идим, да знаете“, за ко – не знам“.

Респонденти

Ирина Тодорова (Паскова), род. 1920 г. в с. Ботево (Цареводаровка);
Иля Петрович Балев, род. 1941 г. в с. Степановка 2;
Валентина Афанасиевна Горбаткова (Жейнова), 1944–2009 г., род. в Далечния изток, родители ѝ са от с. Ботево (Цареводаровка и Строгановка);
София Хинева, род. 1944 в с. Богдановка;
Александър Анатолиевич Стойков, род. 1959 г. в с. Гирсовка;
Радмила Иличична Козик (Балева), род. 1961 г. в гр. Мелитопол, родители ѝ са от с. Богдановка и с. Степановка 2;
Людмила Владимировна Козар (Чернева), род. 1963 г. в с. Ботево;
Виктория Леонидовна Мальшикина (Куцарская), род. 1974 г., баща ѝ е от с. Ботево (Цареводаровка).

¹ *Томпсон, П.* Голос прошлого: Устная история. Пер. М. Л. Коробочкин и др. М., 2002; *Шнирельман, В. А.* Постмодернизм и исторические мифы в современной России. – Вестник Омского университета, 1998, вып. 1; *Булыгина, Т. А.* Региональная история: поиск новых исследовательских подходов. – В: Запад–Россия–Кавказ. Межвузовский научно-теоретический альманах. Вып. 2. Ставрополь – М., 2003, 4; *Орлов, И. Б.* Устная история: генезис и перспективы развития. – Отечественная история, 2006, № 2, 136–148; *Кан, Г. И.* Устная история: проблемы метода. – <http://cdnito.tomsk.ru/index.php?sectionid=6031>; *Стрекалова, Е. Н.* «Устная история» в контексте новой локальной истории. – www.historyvoice.ru и др.

² Запис на Л. Вълчинов. – СбНУ (Сборник за народни умотворения, наука и книжнина), 10, 1894, № 23, с. 127.

³ Запис на А. Георгиева от с. Трояново, Радневско, Хасковка обл. – В: *Георгиева, А.* Когато Господ ходеше по земята. София, Наука и изкуство, 1993, с. 77, 177.

⁴ Пак там, с. 77.

⁵ Запис на Н. Настев от с. Церово, Леринско – СбНУ, 3, 1890, № 2, с. 184 (препечатана от: *Георгиева, А.* Цит. съч., 75–76); Запис на Ц. Сталийски в Царибродско – СбНУ, 6, 1891, № 21, с. 90.

⁶ Според свидетелството в Хрониката на Продължителя на Теофан по време на клетвените обреди, съпровождащи подписването на 30-годишния мирен договор между кан Омуртаг и император Лъв V, двамата владетели разсекли кучета, които по български обичай били принасяни в жертва (вж. *Рашиев, Р.* Прабългарите и българското ханство на Дунав. София, 2001, с. 111).

М. В. Сяров

СВІДЧЕННЯ КРИМСЬКИХ БОЛГАР – ЖЕРТВ ДЕПОРТАЦІЇ

Одним із найдраматичніших моментів вітчизняної історії є питання депортації різних етносів з території Кримського півострова в 1944 році. Акт переселення на Урал, здійснений радянською владою, став трагедією для багатьох представників національних спільнот, що на той час проживали в Кримській АРСР. Про цю сторінку історії кримських болгар за останні два десятиліття накопичилося чимало спогадів. Безперечно, свідчення очевидців є необхідним джерелом для пошуку та винайдення істини, адже за офіційною статистикою, документами, таблицями ми не знайдемо головного – долі конкретної людини. Проте саме з долі окремих людей складалася доля народу.

1944 рік для спецпереселенців з Криму був найжорстокішим зі всіх, які їм довелося пережити під час війни. Саме тоді випробували вони на собі жахи останніх місяців окупації, підбадьорилися, коли прийшло звільнення; були приголомшені новою бідною – насильницьким виселенням невідомо за що у віддалені від батьківщини місця; були змучені голодом і фізичним виснаженням, убиті горем від втрат рідних і близьких. На всі ці поневіряння накладало відбиток ставлення місцевого населення як до «ворогів народу».

Багато з них після реабілітації опинилися у м. Мелітополі. Центром болгаристики Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького проводиться планомірна робота зі збору свідчень жертв депортації. Нижче друкуються деякі з них.

**2009 р., 18 листопада. Інтерв'ю із Шейдеровою (дівоче прізвище Каражева)
Нелею Еммануїлівною, 1940 року народження, жительки м. Мелітополя
Запорізької області, проведене М. Сяровим та Н. Красько**

«На Уралі ми були в Молотовской (Пермской) області. Из Крыма ... не из Кишлава, а Малый Бурундук, сейчас называется Муромское. Обычно называлось Почта. Эти все из Тарагельдов, девчата, но мы там только родились в Тарагельдах. Теперь оно называется Сенное.

Отец, Маноль, был в партизанском отряде. У него партизанский билет есть, все есть. Он с 1913 года рождения. Когда партизанили, они все время находились в лесу. Потом, как только немцы ушли, все освободили, нас стали собирать сразу НКВД-шники всех, всех, всех. Я помню, как только немцы начинают бомбить, то наши все в лес уходят, в горы. Помню, один раз, дедушке, наверное, 70 было. И они все: мама с сестрой и бабульки – и они все в лес уходят. Покушать берут и все. А я как раз спала, и они меня за кровать туда затолкали, положили за чемодан и я осталась спать, и дедушка остался. И пришли и немцы, и румыны, и они наверно ж знали, где партизанские семьи, где какие дома. Искали, этими штыками перерыли всю кровать, чемодан открыли, раскидали. Говорю: «Мама, а если б я в это время проснулась?» Как-то так решили, что все

обойдется. Когда отец получал эти награды, он их получал после войны, очень радовался. Мы говорили ему: «Папа чему ты радуешься, тебя под одну гребенку со всеми, выкинули. Ты вспомни, как ты рисковал, как ты рисковал».

Была у нас, Толока называли, речка, грязь – весной и летом высыхала, коровы туда приходили, днем хозяйки туда приходили доили их. И вот нас выселяют, а коровы все кричат. Кто-то подоил и вылил, чтобы не кричала. Моя бабушка была слепая, а мама сварила курицу с рисом и забыли ее, и она побежала забрать. А там уже ... Кто остался, все громят, вытаскивают все, орудуют. Так она взяла с перины высыпала весь пух и подушки все высыпала, только дедушке взяла нормальную подушку. А потом мы набирали солому в них, там, на Урале, и спали. Говорила, хорошо я хоть так сделала, на чем бы вы все спали?

Что удалось с собой забрать? Деньги, которые мама разделила на четверых и вшила всем в воротники. Июнь месяц, было жарко. Сколько было одежды, она старалась на нас побольше надеть. Помню, что меня били – не хотела, жарко же, чтобы столько одежды на себя надевать. Мама даже зимнее пальто на себя надела, потому что одна машина полторка – на четыре семьи. Что там можно было забрать.

Собирались быстро. В обед прибежал к ним бригадир и сказал: «Уходите, женщины, с поля, хватит цапать, завтра вас будут высылать». И вот это, что за ночь смогли. Хорошо, что у наших домашняя лапша была: резаная и сухая. Когда нас где-то в поле останавливали, мужчины искали какой-то хворост, топили, а женщины готовили. И вот хорошо, лапша, вода закипит, сразу лапшу кинули и быстренько. Нас все-таки шесть человек было. Это раз в день, в обед. А утром и вечером – кто что взял из дому. Бабушка, дедушка, мы с сестрой и отец с матерью. Папин старший брат с семьей отдельно.

Была скотина, пчел у нас сколько было. Мой дедушка был самый богатый в селе. Пчелы были, коровы были, барашки были, все осталось. Немцы ушли, ничего не забрали. Во время оккупации румыны резали, забирали, а немцам незачем было. У нас во всяком случае ничего не забрали. Две коровы было. Наши пришли, что-то забрали, что-то не забрали. Просто оставили и все.

Нас погрузили в машины, потом на станцию и в эти теплушки. Нас много было в тех теплушках, и Галяковы, и Делижановы, и Бастаржиевы. Всех посадили в теплушки эти и повезли. И приехали мы в Молотов. Ехали наверное неделю целую. Нас останавливали, мы там мешали, видно, движению, в поле очень долго стояли. В Молотов привезли, и потом уж стали формировать, кого – куда. Нас всех на повалку леса отправили. И вот, если вы видели фильм «Долгая дорога в дюнах», каждый раз мама вспоминала и плакала, как она приходила, и руки от сучьев все в крови были. Бабушка делала какую-то мазь: смалец, что-то еще, и она мазала. Село забитое, ничего ж не было.

Я сколько дралась в школе, сколько меня ругали, наказывали за то, что я всех била. Это уже позже, когда мы переехали. Они какие-то задохлики были, я была такой крепыш. Как скажут: «Ах, ты, болгарка, предательница». А все ходили в фуфайках, я его за фуфайку хватаю, кручу-кручу, пушу, он катится, бывает все нормально, а бывает мордой прям в стенку, кровь пошла – меня к директору вызывают. Боже, сколько было всего. Мы жили в районном центре Кудымкар. Деревянные тротуары. Утром рано идешь, обязательно пьяные на них спят. Моя сестра до сих пор там живет. Москотовы они. Москотов был бабушки моей зять, муж моей тети. Он был в Крыму председателем колхоза. Сколько делал добра людям... Всех подряд... В Кудымкаре в школе училась. И учителя так же относились. В школе у нас был директором Мейбарк – еврей. Меня неодно-

кратно гоняли. Учительницы моей племянника я избила сильно, и он тогда вызывает. А я тогда уже говорю: «А чего он меня предателькой называет? Какая я ему предателька?» А тетя, папына сестра двоюродная, работала в гороно, и она это все услышала и он (директор) говорит: «Как это вы детей воспитываете? Почему детей вот так обзывают? Вы не знаете, что там и как там было».

Мы приехали в Молотов, нас распределили на Черный Исток на Каме. На этой Каме мы жили пока вот этот лес валили. Мы там жили до самой весны, когда начали льды идти. Потом стали поднимать вопрос о сельском хозяйстве. В Черном Истоке жили в начале в бараках, это конюшни. Никак они не были обустроены внутри. Ни настила никакого. Все на полу стелили, укрывались. Прожили с лета до следующей весны. Зимовали. Сами себе стали находить квартиры. Нам стали сдавать, и мы, кто ушли в одно село, кто в другое. В конюшнях прожили только лето. На осень, как началось холодать, переселились в эти дома. Света вообще не было. Я в 48-м только первый раз увидела свет и то только потому, что папа был механиком и то, когда нас уже перевезли туда, на сельское хозяйство. А по ту сторону дома жил директор МТС, провели нам свет. Выключателей не было. Надо было лампочку вкручивать и выкручивать в каждой комнате. И вот каждый вечер дедушка включает и потом спать ложимся, он сам выключает. Был высокий такой. И девчонки приходят, пермячки, у них ни у кого никогда света не было. Я беру на табуретку становлюсь, беру качалку, придавлю лампочку, она зажигается. Слезаю, ухожу. Дед заходит, говорит: «Кто зажег?» Дедушка, сама зажглась.

А радио? Вот, эти тарелки черные. Он сидит на кровати, а над ним у нас такие палаты, мы спали. Он говорит: «Вот интересно? Когда они успели позавтракать, что уже и поют». Мы еще в постели лежим. Если ему какая песня понравится, он говорит: «Неля, кричи». Я подхожу и кричу туда: «Повторите, дедушке понравилось!».

Спали на полу. Ни о каких кроватях и речи не было. И все на кострах себе на улице готовили. Заходили туда в комнату и каждый в своей ячеечке и жили. Родителей трудоустроили. В лес, сразу в лес. Его на трактор, а ее на лесоповал. На осень из этого ручья уехали. Рядышком. Мы долго там жили, год или больше. Весна пришла, нас сразу на Кудымкар, в район, и нас несколько семей туда, механизаторов всех туда отправили в МТС. Называлась Москвинская МТС. Туда нас всех послали: Арабаджиевы, что в Акимовке живут, дядя Игнат с тетей Марусей, Галяков дядя Степа с тетей Марусей.

Еще что мне не нравилось, когда партизаны приходили. Они же приходили вечером, ночью. Так себя вели, совершенно неосторожно. Мама всегда возмущалась: «Боже, но придут, перережут нас всех из-за того, что они напились, поют, дурака валяют. Они ушли, а мы все остались». Когда приходили, им на стол накрывали, кушали, сведения какие-то они давали, им давали, что делать. Я помню папа ездил в Керчь, там было много лошадей. Дикие уже. Видно колхозные, люди поужжали. И они для партизан лошадей ловили там. А женщины рассказывали, что там заминированные поля. Так вот, пока мы эту неделю его ждали с этими лошадьми, тут все мои поседели.

Мы получили вызов. Мамины братья сделали вызов, и мы переехали в Узбекистан в 55-м в июне или в мае. А в 56-м, когда освободили, мы уже переехали сюда.

В Кудымкаре жили не в самом, а рядом село. Мы дом свой построили. Там все построили дома, деревянные. Отец работал бригадиром, механиком, а мама работала учетчиком в тракторной бригаде. Сажень на плечо. Работали и болгары, и местные поселенцы. В колхозе, за трудодни. Они очень бедно жили. Налоги какие были. Эти пермячки утром встали рано, корову подоили, чтобы дети не видели, все сдали. Надо было все сдавать. Коровы по 2–3 л молока давали. У нас и корова была, дедушка был

хозяин. Стали выплачивать деньги людям за дома, которые раскулачили и забрали. Это не так давно, лет 10 назад стали оплачивать стоимость дома. У нас же тоже дедушку раскулачили. Все забрали, дом не забрали потому, что у бабушки не было наемной силы, все делал своими силами. Забрали лошадей, забрали плуг, косилку – все забрали. Он долго в колхоз не вступал, сердился. Потом уже – делать нечего. Уликов было много, все бросил при депортации. Было ведро – тенджера называется, к низу как клещи. В нее бабушка забрал с собой мед. Она и тут у нас была, с собой привезли. А потом папа механиком работал, ему нужно было сдать план – цветной металл и отнес ее, сдал, медная была. В Кудымкаре уже пчел не заводили.

Поначалу народ местный очень плохо относился. Приехали «враги народа». Вот что-то поменять на картошку хотя бы. Мы приехали весной, все посадили. Нечего садить, нечего кушать. Только то, что зарабатывали. А потом уже поняли, что все нормально. Меня всегда возмущало. У них были села, в 37-м всех мужиков забрали, 5–6 мужиков на все село осталось. Ведь вы же говорите, что они не виноваты, а как же вы можете верить тому, что мы виноваты. Ведь ваши также пострадали. Всех мужиков, у них там страшно было. Поначалу ничего не хотели менять. По коми-пермятски «нету» значит «абу». Приходишь, спрашиваешь, а они: «абу». Папа говорил: «Это страна Абу. Ничего нету». Уже потом, когда нам корову выделили, потом поросенка купили, потом материально стали жить хорошо. Страна Абу.

Вернулись уже в 56-м. Мы все сюда, как сумасшедшие, рвались в Крым. Когда приехали в Крым папа с Галяковым дядей Степой, им дали 24 часа – вон из Крыма. Мы тогда тут осели. Мы, конечно, хотели в Белогорск, на свои места. В 56-м можно было кроме Крыма – везде. Только не в Крым. В 56-м поехали посмотреть, можно ли туда переехать. Приехали в МТС Белогорскую, а там же все их знают. Ой давай туда, сюда, у нас есть место, давай! Участковый пришел: «24 часа, чтобы вас тут не было, а то я вас еще раз отправлю». Тогда мы тут осели, кто в Акимовке. Ну, а, вообще, наши все поехали на Кубань и на Кавказ, в Есентуки.

Из Узбекистана возвращались сами. Мы приехали сюда, а на вокзале два брата Делижановых, дядя Коля и дядя Семен. «О, Маноль, ты откуда?». Тогда, кто хотел встретиться, все встречались на вокзале. За 300 рублей тогда мы сняли эти две комнаты. Потом папина двоюродная сестра тоже приехала. Папа работал, ему дали участок этот, и он построил дом.

...Мы в этот Крым все время ездили. Вот он нас привез в Крым и в дом привел. Па, вот за этим домом мы столько плакали? А он как-то осел, а доски были по пол-бревна. Хозяйка говорит: «Доски еще ваши».

Дорогой умирало. А там сколько поумирало. Греков много умерло. С +40 на –40. Старики, которые поехали без детей, они были немощные, не работали, ничего не получали, они поумирали. Паек давали работающим, а для неработающих, по-моему, 400 г давали хлеба. На бабушку и дедушку ничего не давали, давали нам с сестрой и папе с мамой. Благодаря, что мы всей семьей жили, мы выжили. В 55-м уехали в Узбекистан, прожили ровно год у родственника. Потом приехали сюда, на вокзал, нас встретили Делижановы, пошли искать объявление, где сдается квартира. Нашли. На Красной Горке сдается полдома. Люди по неделе на вокзале жили, пока не найдут жильё.

Возвращались, из вещей сундук – и два матраца зашитые, постельное, одежда. Мы не покупали ничего там. Жили одним днем. Ждали – вот освободят. Каждый день газеты читали. Нас уехало шестеро, а вернулись – четыре. Бабушка с дедушкой умерли на Урале. Похоронены в Кудымкаре. Может быть, мы и остались в Узбекистане, да климат

не подошел. Жара страшная, как они плакали. Идет по Каме пароход – везет крымский народ. Ах, Урал ты, Урал, лучше б я тебя не знал.

Приезжали в Крым каждый год. В нашем доме жили три семьи. Одни местные и две тоже высланные из России. Одних туда, других сюда».

**Уривок з рукопису Вербової Євдокії Степанівни,
1918 року народження (померла у 2008 р.)**

«А в 1944-м году Красная Армия нас освободила. А весной (даже не знаю как писать) после таких трудностей и такого страха наш военкомат забрал всех мужчин, кто остался в живых. А это были, в основном, наши крымские болгары, греки, армяне, немцы и много других наций. Забрали в трудармию весной 1944 года.

А летом, 24 июня, утром, в 7 часов утра, прибыли военные машины с солдатами. Машины поставили на краю деревни, а солдат распределили по 2 человека на 1 дом. Пришли и стали в дверях. И посмотрели на ручные часы и говорят: «Вот 20 минут, собирайтесь». И пошли к машинам. Скажите, пожалуйста, что можно было взять с собой? Я пишу и плачу. Я могла взять ребенка и кое-что из одежды, а из продуктов – ничего. Пригнали туда к машинам, стали грузить, но ничего не давали брать с собой, только людей.

А у меня жили эвакуированные кубанцы. Они мне принесли кое-что, что я приготовила взять с собой (т. к. до этого выгнали татар, и все говорили, что всех выгонят наций, и мы все готовились). Было все приготовлено, но там, где нас грузили, осталось все. Они толкали в машины только людей, а продукты и одежда вся остались. А дома все-все: корова, 2 кабана, двухлетний бычок, теленок, уток несчетно, 7 ульев пчел. А меня, которая работала с 10 лет и была стахановка в 24 года, после такой трудной жизни выгоняют голой и босой, и куда – неизвестно.

Если бы видели, как коровы привязанные, недоенные, мычали, как собаки, выли, как люди плакали! А я молодая, и с 3-летней девочкой, сидела в углу машины и плакала. У меня в этой деревне Колпак не было никого своих, а мужа забрали, и я не знала, где он. Меня выгнали, и он тоже не знал, где я.

И вот привезли на станцию Ички, сейчас – Советское. Там стояли вагоны, в которых возили скот, была посыпана солома. И нас стали грузить в эти вагоны. Нагрузили и закрыли. Вы себе не представляете, как люди все плакали. Везли, везли, на какой-то станции остановили, чтобы покормить нас. Принесли какую-то черную баланду и просяной хлеб. А он такой колючий, что нельзя и в рот взять. И покормили, и опять закрыли, как преступников.

И так везли, и никто не знал, куда. Когда объявили, что ст. Березняки, тогда люди постарше говорят: «На Урал везут». Там, в Березняки, нас всех, по 10 человек, погнали в баню. Поезд стоял долго, пока всех сгоняли, и все собрались. Поезд поехал дальше.

Ехали долго. Говорят, ст. Чусовая: опять будут кормить. Открыли вагон. А на той станции стояли еще несколько эшелонов, и в одном из них ехала моя мама со своей семьей: бабушка и трое детей, самая старшая – 16 лет. Они увидели, что наш поезд – Ичинский. И давай проситься у начальника, чтобы их пустил поискать меня. И они бегали по всем вагонам и кричали: «Калпакские есть?» И вдруг я слышу: «Дуся Вербова есть в вашем вагоне?» И я вышла, и тут пришел наш начальник эшелона. А мы плачем. И я стала проситься к маме в вагон, чтобы одной семьей ехали. Уже куда повезут, чтобы вместе. А то мама с такой большой семьей, 5 человек, и на Урал, а трудоспособных нет. И нам разрешили собраться. Я взяла свой узелок и Зиночку и пошла в их вагон. И поехали.

Опять, сколько мы ехали, не знаю, потому что мы тогда не знали ни время, ни число. И вот объявили: станция Соликамск. Загнали наш вагон в самый тупик, платформа очень высокая, какой-то обрыв. Я прыгнула, и сестра с братом, а остальных сняли руками. Потом оказалось, что это пристань, на которой нас должны грузить на пароход и куда-то везти.

И вот поступило распоряжение – «можно грузиться». Погрузили, и поехал пароход: «чух-чух». И позже, сколько ехали, говорят: «Город Красновишерск». И там нас выгрузили, и согнали в одну школу для прохождения карантина. Там нас продержали 12 дней. Потом распределили. У кого семья маленькая и трудоспособная – оставляли в городе. А большие семьи, такие, как наша – 7 человек и 1 трудоспособная, – то таких посадили еще на пароход, и повезли вверх по реке Вишера, и привезли в поселок Говорливое.

Нас там выгрузили на берег. Пароход ушел, а мы остались на берегу. Кругом лес, ничего не видно: ни дороги, ничего. Все плачут, дети плачут, хотят кушать, а нечего. Нас привезли, таких семей 11 больших и 2 семьи старики. Вот мы ждали там часа два, потому что нам сказали, что за нами приедут. Когда уже после обеда смотрим – едут подводы, брочки. Нагрузили узелки, бабушку, Зину мою (3 года ей) и Ваника (40-го года), и начали их привязывать к брочке. А я и мама расплакались, а они говорят: «Здесь такие дороги, что они могут упасть с брочки».

И вот едут, а я иду рядом и света белого не вижу от слез. Плачу на весь лес, приговариваю: «За что, за что в такую тайгу!» А мошки, комары, я вам передать не могу! А брочка перекидывается с бока на бок: вот-вот перевернется, аж дух захватывает.

Ехали, ехали, и привезли нас на поселок в тайгу, поселок Мясная. Там никакой работы, кроме [как] летом сенокос, зимой лесорубка, весной лесосплав. Вот и умирай! У нас работать некому: из 7 человек одна я рабочая. Сестренке 16 лет. Ну, пошли мы на сенокос, взяли косы. Я уже дома в войну косила и умела косить. Дали косу и Килечке, потому что косить было легче, чем грести, потому что одни пни.

Поселили нас в деревянных домиках (1 домик на 2 хозяина, на две стороны). А там уже были наши крымские татары: в одной половине они, а мы в другой. И это был уже месяц, как мы из дома. Был июль, как раз сенокос. А дожди, по колено воды. А вода известковая, а мы все в туфлях. Ноги поразъедало, опухли, ничего не помогает. Плачем и идем, хромая, на работу, на сенокос.

Спасибо и царство небесное одной бабушке! Встретила и говорит: «Мы вот, из старых, раскулаченных, нам никто не говорил, что можно сделать и чем намазать, чтобы ноги не разъедала вода». Она говорит: «Милые деточки, вы возьмите на складе лапти, а туфельки снимите. В лаптях вода не задерживается, и не так ноги преют. А потом, вот вы в лесу и возьмите с елки пушок, который висит, и проложите пальчики, и у вас все пройдет». И действительно, за два дня все прошло.

Мы косили сено до самого мороза, а потом началась рубка леса. Я пошла до коменданта (помню, был такой Копытов) попросить отпустить сестричку в город учиться. Ходила я к нему, наверно, разов 7. И вот, однажды, пришла, сижу в коридоре. Он меня видел, но не зовет в кабинет, а я сижу и плачу. Думаю: «Как же это дитя пойдет на рубку леса. Ей же надо учиться!» И не заметила, как меня кто-то тронул за плечо и спросил: «Чего плачешь? Пойдем в кабинет!» А это, оказывается, был с города уполномоченный по поводу учебы детей. Вот он говорит коменданту: «Ты почему не направляешь учиться в город?» Вот он и дал разрешение Килечке на учебу, и она уехала в город учиться. А я пошла на рубку леса. Мы Киле дали одну детскую карточку, хлебную, она там жила у маминой сестры.

А мои мучения начались. Сами знаете, женщина на лесозаготовке, но я работала. С мужчиной на пару мы делали по 2–3 нормы. Я ему, как работник, очень нравилась. Он был человек лет 45. Я получала по 800–900 руб. и 3–4 вторых, как бы ударных. Братик ходил за обедом. И как придет домой, говорит: «Мама, Дуся опят 4 вторых!»

Потом ему дали татарку, а меня соединили с Губаревой (тетей Олимпиадой). И мы с ней вдвоем тоже давали 2–3 нормы, но очень и очень трудно. И надо очень дружно, надо подрубить елку, потом ее спилить, свалить по ходу дороги, чтобы возчикам было удобно грузить. Свалим, она с одной стороны рубит сучки, я – с другой. Она лучковой крежует, а я успеваю собрать сучки, сжечь, и уже окапываю другую елку (окопать 1 метр снега глубины, и подрубить).

Вот так и работали дружно. У моей напарницы были козы, она носила каждый день себе молоко, поллитра, и мне чекушку, и всегда 3–4 картошки. Я две съедала, а две приносила Зине и Ванику. Они меня всегда очень ждали. Бывало, порежу кружочки и спеку на плите, и этому рады. Бабушка у нас была очень маленькая, смиренная и очень поделчива. Она всегда со своего пайка давала детям и говорила: «Да я уже старая, а детям надо расти». А мама, она умела все делить, как надо, всем, кому – сколько. Я получала каждый месяц премию: материал по 20–15 метров. А мама ходила с братиком, меняла по деревням на соленую ботву (ботву морковок, буряка, капусты, турнепса) и варила, добавляла ко всякому. И все были довольны.

Там, где мы были, дальше не было селенья, а была тайга и одни кладбища, по 3–4 гектара, да сваленные деревянные бараки. [Были] очень большие морозы, 50–55 градусов, а мы работали. Снега очень много в лесу: и 1 м, и 1,5 м. Но ходили, чистили дороги. Бывало, придешь (а ходили пешком 3–4 км), а никак не доберешься до своей делянки. Мне кажется, что если бы я [сейчас] поехала туда, я бы свои делянки нашла.

...А дома, в Крыму, где мы жили, все осталось, что было у нас нажито. Не знаю, и до сих пор не знала, что мы сделали, что нас за 20 минут выгнали. Но это нельзя описать. Это надо было только видеть и слышать, как люди плакали, собаки выли, коровы недоенные ревели, мычали, но никому нас не было жалко. Нас кидали на машины, а вещи остались на куче, где их бросали солдаты. Куда все это дели, кому досталось? Ведь сколько добра, одних только икон, которым цены не было, осталось. Но за это нам никто и копейки не заплатил. И вот теперь уже все выяснилось, что это был Сталин и Берия, а их уже давно нет, и теперь спросить не с кого. Что же мы за преступники были? Я сколько была на Урале, всегда плакала и спрашивала себя, потому что спросить не знала кого: «За что столько мученья?»

Лист Маврешко (дівоче прізвище Бойчева) Марії Іванівни, 1959 року народження, жительки м. Кримська Краснодарського краю, РФ від 24 січня 2010 р.

«...Коля, я твою просьбу так и не выполнила, к бабушке так и не съездила. Поэтому я могу тебе вкратце описать, как высылали наших родителей. Из воспоминаний нашей мамы (Трецкова Мария Андреевна, 1938 г. р., с. Кишлав, Крым).

Когда в июне 1944 года Сталин дал приказ выслать из Крыма всех нацменов, на руках у бабы Ноны и деда Андрея было четверо маленьких детей: дядя Митя, мама, твоя мама и дядя Костя. Тетю Аню забрали в Германию, и три сына были на фронте.

В тот день баба быстро собрала детей, теплые вещи, одеяла, подушки и какие были продукты. Было у них ведро смальца, мама всегда про это вспоминала и говорила: «Если бы не смалец, мы бы умерли». Они мазали его и ели. Куда их везли, никто ничего не знал. Поезд останавливался только на 15 минут. На одной станции успевали собрать дрова, на другой – набрать воды, на следующей – разжечь костер, сварить каши.

Бывало, даже, чайник еще не закипел, а уже кричат: «По вагонам!» В поезде умерла деда Андрея тетушка, старенькая была и больная, и на одной остановке ее похоронили. Мама рассказывала, что прямо вдоль железной дороги. Успели выкопать небольшую яму и уже кричат: «По вагонам!», они быстро ее положили, и загорнули как попало, и поехали дальше. Ехали в товарных вагонах очень долго, 15 дней. Когда привезли их на Урал, разместили по баракам. Местное население называли их «враги народа», никто с ними не общался, даже сторонились их. Хотят что-то спросить, а те обходят их стороной. Когда местные выкопают картошку, а потом они шли после и выбирали всякую мелочь. Обменивали свои вещи на продукты.

А вчера ходила к папиной сестре, тете Киле (урожденная Бойчева). Ей сейчас 84 года. Когда их выслали, ей было 18 лет. Говорит, что в Крыму они жили хорошо, зажиточно. Большое было хозяйство: куры, гуси, кролики, козы, корова, очень много было пчел. Все это бросили и ушли. Когда дали приказ быстро собираться, они надевали на себя столько вещей, сколько могли (июнь месяц). Хорошо, что были продукты: брынза в бочках. Так они в ведро положили брынзы, банки с медом, ведро смальца. На первое время продукты были. А на Урале их отправили работать на лесоповал. Кто валил лес – давали по 500 грамм хлеба, а кто грузил – по 700 гр. Конечно, продуктов не хватало, голодовали и тоже обменивали вещи. Многие ходили по селу побирались, но местные их очень обижали, перед носом дверь закрывали, говорили: «Вы враги народа, вас сюда прислали работать, а не русскую землю топтать».

Представь себе, девчонки по 18–20 лет грузили бревна на машины в кирзовых сапогах и целыми днями. Ужас! То, что они пережили, не дай Бог никому.

А та бабушка, из Варениковки, моего деда Бориса сестра, ей 4 декабря исполнилось 95 лет. Во время войны ее мужа, а также очень много и других мужчин, Колиного (мужа) деда, забрали на фронт, погрузили их на пароход, и только они отплыли, как немцы начали бомбить, и одна бомба попала на пароход, и он затонул, и все погибли. А она до сих пор ждет, что он вернется. Когда-то гадалка ей сказала, что в конце жизни вы встретитесь, так она и ждет его каждый день».

В. М. Пачева

ОЙКОНІМИ БОЛГАРСЬКИХ СІЛ ЗАПОРІЗЬКОГО НАДАЗОВ'Я

Регіональне дослідження ойконімної системи української ономастики є одним із актуальних завдань сучасного мовознавства. Як відомо, ойконімія української мови сформувалася на давньоруському ґрунті, зберігаючи в собі і окремі елементи праслов'янського походження. Лексичною основою ойконімії є загальні назви та власні назви (антропоніми, гідроніми тощо). Відповідно ойконіми будь-якого регіону України становлять одне із важливих джерел вивчення історії нашого народу, його мови та культури. Дослідження ойконімів має й практичне значення в галузі орфографії, картографії, а також в усіх видах спілкування.

Однією із найактуальніших проблем сучасної ономастики є дослідження найдавніших і найбільш значущих моделей ойконімів у плані структури і семантики їх основ, їх кількісної характеристики і територіального поширення в різні історичні епохи. Для кожного етапу розвитку суспільства властиві свої закономірності та особливості найменування. З'ясовано, що вибір форми передачі іншомовної назви зумовлюється характером самого ойконіма та відомостями, які ми про нього маємо.

Ойконіми, відповідно, не можуть бути раз і назавжди даними, застиглими номінативними знаками географічних об'єктів. Адже, як відомо, зміни історичних умов, війни, міграції населення обов'язково позначаються на топонімії: забуваються і зникають старі назви, деякі з них частково або й повністю перекриваються новими відповідно до потреб того чи іншого суспільства.

Запорізьке Надазов'я, з цього погляду, є цікавим і водночас малодослідженим регіоном. Особливості його історичного розвитку, географічне розташування у степовій зоні півдня України, міграційні процеси, що призводили до змін етнічного складу населення, відіграли значну роль у зникненні старих та появі нових назв населених пунктів. У якому вигляді існували власні назви болгарських сіл краю, репрезентовані ойконімами, і які зміни з ними нині відбулися, спробуємо розглянути у цій статті.

Ойконімна система Запорізького Надазов'я різноманітна з погляду походження, різномовна. Тут виділяються не лише українські, а й російські, болгарські, чеські, німецькі та інші поселення.

Хоча ойконіми Запорізького Надазов'я уже розглядалися серед власних назв географічних об'єктів краю у книзі В. Г. Фоменка «Звідки ця назва?» (1969)¹ та статті В. В. Гудзя, З. О. Митяй, В. В. Молодиченка «Етнокультурна спадщина в пам'ятках природи та історії краю» (2005)², книзі С. І. Пачева «Виникнення болгарських сіл у Північному Приазов'ї» (2007)³, у яких було порушено питання як про сучасні топоніми, так і про ті, що зникли, про їх походження, проте саме ойконіми болгарських сіл окремо не вивчалися.

Мета статті – з'ясувати відповідність ойконімів болгарських сіл Запорізького Надазов'я принципам передачі іншомовних власних назв українською мовою. Завданнями є: визначити, по можливості, первинну основу ойконімів та проаналізувати їх передачу відповідно до фонетичних законів української мови. Об'єктом дослідження є ойконіми болгарських сіл Запорізького Надазов'я, а предметом – способи їх утворення.

Одним із перших джерел, у якому зафіксовані ойконіми болгарських сіл Запорізького Надазов'я, був «Список населених місць за даними 1864 р.»⁴, підготовлений і виданий Центральним статистичним комітетом Міністерства внутрішніх справ Російської імперії. Протягом другої половини XIX – початку XX ст. у найменуваннях декількох поселень краю відбулися зміни, які відображені у праці видатного болгариста М. С. Державіна «Болгарські колонії в Росії»⁵. Зміни, що відбулися в радянський період, відображені у багатьох матеріалах статистики. І, нарешті, сучасного вигляду назви набули у зв'язку з українізацією російськомовних топонімів⁶ наприкінці XX ст. після здобуття Україною незалежності.

Відомо, що протягом 1861–1863 рр. болгарськими переселенцями було засновано у Бердянському та Мелітопольському повітах Таврійської губернії 36 сіл, з них 32 – болгарами з Бессарабії, 2 – болгарами та гагаузами з Бессарабії та 2 – болгарами з Відінського округу (Північно-Західна Болгарія). З цього числа на даний момент у Запорізькому Надазов'ї залишилося 29 сіл⁷. Вони розташовані у межах чотирьох районів Запорізької області, а саме: Бердянського, Приморського, Приазовського та Якимівського.

Андрівка – село у Бердянському районі, розташоване на березі р. Кільтиччі, засноване на місці ногайського аулу Канжегали болгарськими переселенцями із с. Старо-Троян, що у Бессарабії. Згідно із твердженням В. Г. Фоменка, село найменоване за прізвиськом наглядча Молочанських колоній Попечительського комітету про іноземних поселенців південного краю Росії надвірного радника А. Ф. Андре⁸. Спочатку назва села функціонувала російською мовою, перша з яких була утворена відповідно до даного прізвиська – *Андревка*, а згодом це найменування, не виходячи з російського вжитку, трансформувалося в *Андровка*. Відповідно, наприкінці XX ст. його було передано як *Андрівка* (із врахуванням чергування [e] з [i] в українській мові).

Ойконім *Андрівка* утворено шляхом топонімійної деривації від прізвиська Андре (а не від імені Андрій, як у згаданій праці В. Г. Фоменка – *Андріївка*) за допомогою топонімного афікса *-іvk*, який зазвичай уживається в іменниках жіночого роду, утворених від іменників та інших частин мови⁹. От і з'явилося – *Андрівка*.

Банівка – село на березі р. Обіточної у Приморському р-ні, засноване на місці ногайських аулів Сарайли та Аргін болгарами із колонії Бановки (російською мовою) у Бессарабії. Закономірно, що до 90-х рр. XX ст. ця назва існувала без змін, після чого її було передано відповідно до норм української мови як *Банівка* (має місце чергування [o] з [i]).

Богданівка – село розташоване в Приазовському р-ні на березі р. Корсак, на місці ногайського аулу Асан-Хожа, заселене болгарами із бессарабського села Чешмаваруґа (Криничне). До 90-х рр. XX ст. поширеною у російському вжитку залишалася назва *Богдановка*, після чого її було передано українською мовою як *Богданівка* (із врахуванням чергування [o] з [i]).

Ботієве – село розташоване у Приазовському р-ні, засноване бессарабськими болгарами із с. Дермендере (Каланчак) на місці ногайського аулу Улькон-Сосиктогун. Перша назва села – *Цареводар*, тобто «дар царя». У другій половині XIX ст. її було змінено на *Цареводарівку*. Як бачимо, додався топонімотвірний афікс *-іvk*. У 20-х рр. XX ст. село взагалі перейменували на честь болгарського поета Христо Ботєва – по-російськи *Ботиево*¹⁰. А в 90-ті рр. XX ст. ця назва, болгарська за походженням, що побутувала російською мовою, була відповідно передана українською мовою як *Ботієве*.

Проте слід звернути увагу, що це найменування як у російській, так і в українській мові не відповідає прізвиську, від якого походить. Згідно з новою редакцією «Українського правопису», у суфіксах російських та болгарських прізвиськ на зразок *Писарев*, *Ботев* замість *е* пишеться *е*¹¹. Замість *-ев* тут має бути суфікс *-еве*, а отже – *Ботеве*.

Велика Тернівка – село розташоване в Якимівському р-ні, засноване болгарами із Відінського округу на місці ногайського аулу Караджа. Спочатку село називалося поросійськи – *Терновка*, а пізніше – *Великая Терновка*. Відповідно при перекладі українською мовою у 90-х рр. ХХ ст. його було передано як *Велика Тернівка*. Це один із небагатьох ойконімів болгарських сіл Запорізького Надазов'я, що існує у вигляді словосполучення.

В. Г. Фоменко вважав, що ця назва походить від балки Тернуватої, що поблизу села, вкритої раніше густими заростями тернівника¹². Якщо прийняти цю версію, то ойконім *Велика Тернівка* утворено перенесенням назви з існуючого уже здавна географічного об'єкта – балки. Існує також припущення, що назва походить від середньовічної столиці Болгарії – м. Тирново, тобто його утворено шляхом перенесення з однойменного населеного пункту.

В'ячеславка – село розташоване в Приморському р-ні, засноване на місці ногайського аулу Ягонда-Шекли болгарами з бессарабського с. Єнікіой (Новоселівки). Назване на честь новонародженого царевого племінника В'ячеслава Миколайовича¹³. Перша назва села російською мовою *Вячеславовка* невдовзі трансформувалася на *Вячеславку*. У такому вигляді вона проіснувала до 90-х рр. ХХ ст., після чого була передана українською мовою як *В'ячеславка*. Ойконім *В'ячеславка* утворено від імені *В'ячеслав* шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса *-к*.

Ганнівка – село Приазовського р-ну на лівому березі р. Корсак, засноване на місці ногайського аулу Аргакли II болгарами з бессарабського села Карагача (Нагірного). Перша назва села російською мовою *Анновка* у 90-ті рр. ХХ ст. була передана українською як *Ганнівка*. Ойконім *Ганнівка*, що походить від імені *Анна* (*Ганна*), утворено шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса *-івк*.

Гірсівка – село розташоване в Приазовському р-ні, засноване на місці ногайського аулу Тулга болгарами із бессарабського села Тропокло (Трапівки). Назване за прізвиськом Миколи Карповича Гірса, який був російським генеральним консулом у Бухаресті і сприяв переселенню болгар (пізніше займав посаду міністра закордонних справ Росії). Першу назву села російською мовою *Гирсовка* наприкінці ХХ ст., відповідно, було передано українською як *Гірсівка*. Даний ойконім утворено шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса *-івк*.

Гюнівка – село Приморського р-ну, розташоване на місці ногайського аулу Какпас, засноване болгарськими колоністами з Бессарабії (с. Кайраклії, нині – Лощинівки). Найменування села походить від прізвища чиновника міністерства державного майна А. Ф. Гюне, який завідував переселенням та влаштуванням іноземних і російських переселенців у 1862 р.¹⁴. Першу назву села російською мовою *Гюневка* наприкінці ХХ ст. було передано українською мовою як *Гюнівка* (із врахуванням чергування [е] з [і]). Відповідно ойконім *Гюнівка* утворено шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса *-івк*.

Зеленівка – село Приморського р-ну, засноване на місці ногайських аулів План-Онекі та План-Абулгапар бессарабськими болгарами із с. Імпуцита (Владичень). Назване за прізвиськом міністра державного майна Олександра Олексійовича Зеленого (рос. Зелено́й)¹⁵. Перша назва села російською мовою *Зеленая* невдовзі трансформувалася на *Зеленовка*. Наприкінці ХХ ст. її було передано українською мовою як *Зеленівка*. Ойконім *Зеленівка* утворено шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса *-івк*.

Інзівка – село розташоване в Приморському р-ні, засноване на місці ногайського аулу Орман болгарами із Бессарабії (с. Ташбунару, нині – Кам'янки). Назване за прізвиськом головного попечителя і голови комітету в справах колоністів Південної Росії Івана

Микитовича Інзова¹⁶. Першу назву села російською мовою *Инзовка* наприкінці ХХ ст. було передано українською як *Інзівка* (із врахуванням чергування [о] з [і]). Цей ойконім утворено шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса -к.

Коларівка – село Приморського р-ну, засноване болгарами із села Єнікіой (Новоселівки) на місці ногайського аулу Тогали. Першу назву села російською мовою *Рома-новка* наприкінці ХХ ст. було перейменовано на честь видатного діяча болгарського і міжнародного робітничого руху Василя Петрова Коларова – *Коларовка*, відповідно, українською мовою це найменування передано як *Коларівка* (із врахуванням чергування [о] з [і]). Ойконім *Коларівка* утворено шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса -к.

Лозуватка – село розташоване у Приморському р-ні біля середньої течії однойменної річки, засноване на місці ногайського аулу Асликши переселенцями із Бессарабії, с. Вайсал (Василівки). Першу назву села російською мовою *Диановка* у ХХ ст. було перейменовано перенесенням назви з існуючого здавна географічного об'єкта – річки Лозуватки на заснований біля неї населений пункт (лексико-семантичний спосіб творення ойконімів або семантична трансформація). Відповідно, наприкінці ХХ ст. цю назву було передано українською мовою як *Лозуватка*.

Луначарське – село Бердянського р-ну, засноване на місці ногайського аулу Коктур-оглу болгарами з бессарабського села Ердек-бурну (Утконосівки). Перша назва села російською мовою – *Івановка* (на честь опікуна болгарських колоній Бессарабської області Івана Степановича Іванова). Невдовзі, після відвідин села наступником престолу, великим князем Ніколаєм Олександровичем, назву було змінено на *Второниколаевка*. У радянський період назву знову змінили – на честь державного діяча Анатолія Васильовича Луначарського – *Луначарское*. Відповідно, наприкінці ХХ ст. це найменування було передане українською мовою як *Луначарське*. Ойконім утворено від відповідного прізвища без участі топонімотвірних афіксів (*Луначарський* – *Луначарське*, закінчення вказує на середній рід). Отже, спостерігаємо онімізацію власної назви, що загалом відбувається рідше, порівняно із онімізацією апелитивної лексики під час утворення ойконімів.

Маринівка – село Приморського р-ну, засноване болгарами з Бессарабії (с. Банівки) на місці ногайського аулу Кічкіне-Бескекли. Першу назву села російською мовою – *Марына* або *Марино* у радянські часи було перейменовано на *Мариновку*. Відповідно, наприкінці ХХ ст. її було передано українською мовою як *Маринівка*. Отже, ойконім *Маринівка* утворено від відповідного імені шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса -івк.

Мануйлівка – село Приморського р-ну, засноване на місці ногайського аулу Аргакли І болгарськими переселенцями з с. Імпущіта у Бессарабії. Першу назву села російською мовою *Манойловка* пізніше було перейменовано на *Мануйловку*, а наприкінці ХХ ст. її, відповідно, було передано українською мовою як *Мануйлівка*. У даному випадку під час перейменування було змінено первинну основу, що походить від болгарського імені одного з перших мешканців. Очевидно, що ойконім *Мануйлівка* утворено шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса -івк.

Миколаївка – село Приазовського р-ну, розташоване на лівому березі р. Корсак, засноване на місці ногайського аулу Канлигари болгарськими переселенцями з с. Карагача (Нагірного). Першу назву села російською мовою *Николаевка* або *Первониколаевка* наприкінці ХХ ст. було передано українською мовою без врахування національної ідентифікації як *Миколаївка* (акт перейменування). Відповідно, ойконім *Миколаївка* утворено від імені *Николай* (доцільно – *Николаївка*) шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса -івк.

Надеждине – село розташоване на березі р. Джекельня, засноване на місці ногайського аулу Караруга бессарабськими болгарами, вихідцями із села Нового Карагача (Вишневого). Першу назву села російською мовою *Надежная* невдовзі було перейменовано у *Надеждино* (за відповідним іменем). Наприкінці ХХ ст. ця назва була передана українською мовою із врахуванням національної ідентифікації як *Надеждине*. Таким чином, ойконім *Надеждине* утворено шляхом топонімійної деривації від російського імені *Надежда* за допомогою топонімного афікса *-ин*.

Олександрівка – село розташоване в Якимівському р-ні на березі р. Малий Утлюг, засноване бессарабськими болгарами та гагаузами з с. Табак. Першу назву села російською мовою *Александровка* наприкінці ХХ ст. було передано українською мовою як *Олександрівка* без врахування національної ідентифікації. Даний ойконім було утворено шляхом топонімійної деривації від відповідного імені за допомогою топонімного афікса *-івк*.

Полоузівка – село розташоване в Бердянському р-ні на березі р. Кільтичі, засноване на місці ногайського аулу Кояси-оглу болгарами із Бессарабії, с. Финтина-Дзинилор (Кирнички). Першу назву село отримало від прізвища Миколи Христофоровича Палаузова – болгарина за походженням, організатора Одеського болгарського настоятельства, російського чиновника, що брав участь в організації переселення. У радянські часи це найменування було трансформоване на *Полоузовку* (інша первинна основа). Відповідно, наприкінці ХХ ст. цей ойконім було передано українською мовою як *Полоузівка* (із врахуванням чергування [o] з [i]). Отже, ойконім *Полоузівка* утворено від прізвища *Палаузов* без врахування національної ідентифікації (доцільно – *Палаузівка*) шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса *-к*.

Петрівка – село розташоване у Приморському р-ні, засноване на місці ногайського аулу Машкир бессарабськими болгарами із с. Карагача (Нагірного). Першу назву села російською мовою *Петровская* невдовзі було трансформовано на *Петровка*, а наприкінці ХХ ст. відповідно передано українською мовою як *Петрівка* (із врахуванням чергування [o] з [i]). Очевидно, що відбулося перейменування.

Преслав – село розташоване у Приморському р-ні біля гирла р. Обіточної, засноване на місці ногайського аулу Шекли II бессарабськими болгарами з с. Ташбунара (Кам'янки). За походженням даний ойконім – болгарський (названо на честь старої столиці Болгарії – м. Преслава), його утворено без участі топонімотвірних формантів.

Радолівка – село Приморського р-ну, засноване на місці ногайського аулу Кагач I болгарами з Бессарабії, с. Кайраклії (Лощинівки). Першу назву російською мовою *Радоловка* у радянський період було трансформовано на *Радоловка*, а наприкінці ХХ ст., відповідно, передано українською мовою як *Радолівка* без врахування національної ідентифікації.

Райнівка – село розташоване у Приморському р-ні біля гирла р. Лозуватки, засноване на місці ногайського аулу Алшин-Бадай бессарабськими болгарами із с. Вайсалу (Василівки). Першу назву російською мовою *Райновка* наприкінці ХХ ст. було передано українською мовою як *Райнівка* (із врахуванням чергування [o] з [i]). В. Г. Фоменко стверджує, що село назване за прізвисьмом болгарського депутата Райнова, учасника її утворення¹⁷. Отже, якщо прийняти висунуту В. Г. Фоменком версію, то ойконім *Райнівка* утворено шляхом топонімійної деривації за допомогою топонімного афікса *-к*.

Степанівка Друга – село розташоване у Приазовському р-ні на березі р. Корсак, засноване на місці ногайського аулу Сарлар бессарабськими болгарами, що переселилися з с. Чешмаваруга (Криничного) та м. Болграду. Першу назву села російською мовою *Степановка* у радянський період було трансформовано на *Степановка* *Вторая* (у Приазовському районі Запорізької області виявилось два села з однією

назвою). Наприкінці ХХ ст. це найменування було передане українською мовою як *Степанівка Друга*.

Строганівка – село розташоване у Приазовському р-ні на березі р. Корсак, засноване на місці ногайського аулу Кичкине-Сосиктогун бессарабськими болгарами із с. Дермендере (Каланчак). Назване за прізвищем Олександра Григоровича Строганова, який був на той час Новоросійським і Бессарабським генерал-губернатором і сприяв організації переселення. Першою була назва російською мовою *Строгоновка* (інший варіант того самого прізвища), пізніше було трансформовано на *Строгановка*, наприкінці ХХ ст. назву села було передано українською мовою як *Строганівка* (із врахуванням чергування [o] з [i]). Отже, ойконім *Строганівка* утворено шляхом топонімійної деривації від прізвища Строганов за допомогою топонімного афікса -к.

Софіївка – село розташоване в Бердянському р-ні на березі р. Буртиччі, засноване на місці ногайського аулу Айтамгали прибулими з Бессарабії болгарами, з с. Шикирликитай (Суворово). Першу назву села російською мовою *Софиевка* наприкінці ХХ ст. було передано українською мовою як *Софіївка*. Ойконім *Софіївка* утворено шляхом топонімійної деривації від жіночого імені за допомогою топонімного афікса -ївк.

Трояни – село розташоване в Бердянському р-ні на березі р. Кільтиччі, засноване на місці ногайських аулів Шавжекли та Бодрак бессарабськими болгарами з с. Старо-Троян. В. Г. Фоменко вважав, що найменування перенесене з колишнього місця проживання болгар¹⁸. Першу назву села російською мовою *Троян* у радянський період було трансформовано на *Трояны* (акт перейменування), а наприкінці ХХ ст. назву села було відповідно передано українською мовою як *Трояни*. Як бачимо, від *Старо-Троян* – *Трояни* (перша частина складної назви зникає). Відповідно до основи *Троян*, яка вже містить суфікс -ян, додається закінчення -и (очевидно, що це ойконім на -ян-и). Слід звернути увагу й на те, що доцільним тут є виділення закінчення, адже назви населених пунктів, що мають форму множини, відмінюються. Отже, відбулася онімизація цієї власної назви.

Федорівка – село розташоване у Приазовському р-ні на березі р. Апанли, засноване на місці ногайського аулу Кизильдин-Оглу бессарабськими болгарами с. Новопокровки. Першу назву села російською мовою *Федоровка* наприкінці ХХ ст. було, відповідно, передано українською як *Федорівка* (із врахуванням чергування [o] з [i]). Очевидно, що ойконім *Федорівка* утворено шляхом топонімійної деривації від імені Федір за допомогою топонімного афікса -ївк.

Таким чином, зіставлення первинних ойконімів із сучасними дає можливість стверджувати, що під час їх перекладу українською мовою національна ідентифікація могла враховуватися (як у випадку із *Надеждине*) і не враховувалася в інших випадках (поки що національна ідентифікація в українській мові не враховується при передачі імен та імен по батькові – діє радянська традиція національної невизначеності). Як приклад можливо назвати ойконіми: *Ботієве*, *Ганнівка*, *Зеленівка*, *Маринівка*, *Мануйлівка*, *Миколаївка*, *Радолівка* тощо.

У багатьох випадках відбувалося перейменування власних назв болгарських сіл краю внаслідок тих чи інших чинників, що позначилися на неадекватній їх передачі: наприклад, ойконім *Ботієве* як у російській, так і в українській мові не відповідає прізвищу, від якого походить.

Більшість ойконімів болгарських сіл Запорізького Надазов'я утворено суфіксальним способом, серед найпродуктивніших виявлено суфікси -ївк і -к.

Серед ойконімів, що позначають давню існуючі однойменні назви географічних об'єктів, визначено лише дві одиниці: *Велика Тернівка*, *Лозуватка*, які утворено перенесенням цих назв на населені пункти.

Назви географічних об'єктів, перенесених на нові місця з території попереднього місця розташування, складають ойконіми *Банівка, Трояни*, котрі утворено шляхом семантичної трансформації.

Отже, власні назви болгарських поселень краю, репрезентовані ойконімами, не завжди передані українською мовою (як і російською) точно та відповідно до принципів передачі власних назв іншою мовою, що позначилося і на їх правописі.

¹ *Фоменко, В. Г.* Звідки ця назва? Дніпропетровськ, Промінь, 1969.

² *Гудзь, В. В., Митяй, З. О., Молодиченко, В. В.* Етнокультурна спадщина в пам'ятках природи та історії краю. – В: Етносоціальне буття народів Запорізького Приазов'я в геокультурному контексті. Монографія, 2-ге видання, доповнене. Запоріжжя, Обласна державна адміністрація; Мелітополь, МДПУ; Сімферополь, Таврія, 2005, 146–162.

³ *Пачев, С. И.* Возникновение болгарских сел в Северном Приазовье (1861–1863). Мелитополь, МГПУ, 2007.

⁴ Список населенных мест по сведениям 1864 г. Таврическая губерния. Под ред. М. Раевского. СПб., 1865.

⁵ *Державин, Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии. – В: Сборник за народни умотворения и народопис. Т. 29. С., Държавна печатница, 1914.

⁶ *Пачев, С. И.* Вказ. праця, 30–32.

⁷ Там само, с. 32.

⁸ *Фоменко, В. Г.* Вказ. праця, с. 18.

⁹ Український правопис. НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Ін-т української мови. 5-те вид., стереотип. К., Наукова думка, 1996, с. 9, 26.

¹⁰ *Фоменко, В. Г.* Вказ. праця, с. 24.

¹¹ Українська мова: Енциклопедія. Редкол.: В. М. Русанівський (співголова), О. О. Тараненко (співголова), М. П. Зяблюк та ін. 2-ге вид., випр. і доп. К., Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2004, с. 110.

¹² *Фоменко, В. Г.* Вказ. праця, с. 91.

¹³ Там само, с. 28.

¹⁴ Там само, с. 31.

¹⁵ Там само, с. 39.

¹⁶ Там само, с. 40.

¹⁷ Там само, с. 84.

¹⁸ Там само, с. 95.

М. Делибалтова-Стоянова

БЪЛГАРСКАТА ЛИТЕРАТУРА СРЕД БЪЛГАРИТЕ В ТАРАКЛИЙСКИ РАЙОН, РЕПУБЛИКА МОЛДОВА

Знание, интерес, предпочитание

Включването на българския език като редовен предмет на обучение в районите с компактно българско население е резултат от прилагането на Указ № 79 на президента на Република Молдова от 30. 03. 1992 г., с който се приема изучаването на роден език в общообразователните училища. Молдова засега е единствената страна, в която е разработена цялостна програма (курикулум) за обучение по български език извън територията на Р. България. В резултат на това са издадени учебници по български език и литература от I до IX клас. Вече 10 години за обучението в училище се използват тези учебници. Ето защо интерес представлява проучването на степента на познаване на българската литература сред различни слоеве на обществото в селища с компактно българско население. За целта бе проведена анкета сред жителите на Тараклия и Тараклийски район на възраст от 11 до 60 години. Участниците са предимно българи, но сред учениците има и представители на други народности, които изучават български език в училище. Анкетата цели да направи сондаж за литературната грамотност, като се сравни познаването на българската литература с познаването на руската и молдовската (румънската) литература, които се изучават паралелно в училище. При избора на интервюираните лица са взети предвид критериите възраст, пол и образование.

В тази статия ще бъдат засегнати единствено проблемите, отнасящи се до българската литература. Резултатите от проучването са обобщени в таблица (вж. Приложение 1).

При анализа на отговорите участниците се обособяват в три възрастови групи, разделени според всеобщата закономерност за обучение/образование на личността: от 11 до 18 години – периода на прогимназиално и средно образование (анкетиранияте изучават българска литература в училище); от 19 до 30 години – периода на обучение в средно специално или висше (предполага се, че анкетиранияте са изучавали българска литература в училище, макар и непоследователно); от 31 година и нататък – самообразование (анкетиранияте не са изучавали българска литература, тъй като са завършили средното си образование преди въвеждането на новите програми за обучение по роден език). Участниците в проучването се разделят в следните групи: ученици, студенти, вишисти, докторанти, със завършено средно специално и с незавършено основно образование. По своята етническа принадлежност участниците са: българи, руснаци, гагаузи, молдовци, украинци и др. По вероизповедание всички са източноправославни християни.

В първата възрастова група, която е най-голяма по численост (147 души), влизат ученици от 5 до 12 клас. От тях *българи* са **119** души, *гагаузи* – **11**, *молдовани* – **6**, *руснаци* – **6**, *украинци* – **2**, *белоруси* – **1**, *немци* – **1**, *цигани* – **1**.

Втората група анкетирани (16 души) включва 7 души със средно специално образование, 2 – студенти във ВУЗ, 1 – с полувисше, 6 – с висше образование. От тях *българи* са **15** души и **1** е *руснак*.

В третата група (36 души) участниците са със следното образование: основно – 2, средно – 5, средноспециално – 13, техническо – 3, полувисше – 1, висше – 9, със завършени 3 класа в румънско училище – 2, без образование – 1. От тях *българи* са **33** души, *руснаци* – **1**, *гагаузи* – **1**, *молдовани* – **1**.

Специализираната част на анкетата започва с въпроса „**Какви български автори познавате и ползвате?**“. При първата възрастова група се наблюдава високо ниво на познаване на тази литература, което е резултат от факта, че се изучава в училище. Общият брой посочени автори от българската литература е 25, като 88% отбелязват Иван Вазов, 82% – Елин Пелин, 61% – Христо Ботев, 34% – Пейо Яворов, 29% – Йордан Йовков, 22% – Алеко Константинов и Петко Р. Славейков, 12% – Паисий Хилендарски и по 10% – Хр. Смирненски, Д. Дебелянов, Л. Каравелов, Е. Багряна и Д. Талев. Останалите изброени писатели са под 10%. Към тях спадат Д. Димов, Д. Чинтулов, З. Стоянов, Г. Стоев, Н. Вапцаров, С. Михайловски, К. Христов, П. П. Славейков, А. Далчев, Г. Караславов, Е. Станев, А. Панайотов.

Многообразието на представените автори свидетелства за това, че учениците проявяват интерес към изучаването на българската литература. В тази своеобразна панорама от автори са посочени най-видните представители на българската класическа литература, което показва задълбочено познаване на българските автори. Интересното в случая е, че всички анкетирани отбелязват само имена, включени в учебната програма. С други думи, не проличава допълнителен интерес към българската литература, който би могъл да бъде придобит от извънкласни занимания (литературни кръжоци, творчески вечери, самообразование). 12% от анкетираниите посочват Васил Левски и Кирил и Методий като автори от българската литература. Вероятно това се дължи на смесването на понятията „автор“ и „историческа личност“. Познаването на тези имена идва от произведенията, посветени на Левски („Апостолът в премеждие“ от И. Вазов и „Обесването на Васил Левски“ от Хр. Ботев). Що се отнася до Кирил и Методий, учениците също смесват културната ситуация с авторите на произведения. Още в първи клас те се запознават с имената им като създатели на славянската азбука, а в учебника за пети клас изучават българския всеучилищен химн „Кирил и Методий“. Така в съзнанието на учащите се славянските апостоли остават като автори на литературни произведения, независимо че не се изучават такива. Интересно е, че в отговора на поставения въпрос учениците отбелязват и автори, отнасящи се към литература, създадена от българи в Бесарабия и Таврия: 5% отбелязват Нико Стоянов, 1% – Георги Барбаров и 1% – Мишо Хаджийски. От всички анкетирани в тази група 4% въобще не познават български автори. Но няма случаи между българските автори да са поставени имената на чуждоезикови писатели. Това е свидетелство за литературната ориентираност на анкетираниите, за които българската литература, независимо от степента на познаване, се различава от другите изучавани в училище или познати от самостоятелно четене произведения. Същевременно може да се заключи, че анкетираниите четат на български само произведенията, изучавани в училище, и не четат на български преводна литература.

При втората възрастова група се наблюдава следното – в паметта на анкетираниите са останали имената на: Иван Вазов – 81%, Христо Ботев – 62%, Йордан Йовков – 31%, Елин Пелин – 25%, а 19% отбелязват имената на П. Р. Славейков, Димитър Талев, Димитър Димов, 13% – на Паисий Хилендарски, Любен Каравелов, Пейо Яворов, Йордан Радичков и по 6% – на Димчо Дебелянов, Алеко Константинов, Софроний Врачански, Никола Вапцаров, Атанас Далчев. Тази група анкетирани също отбелязва Васил Левски и Кирил и Методий като български автори. Прави впечатление разместването на най-популярните автори – независимо че първото място отново се заема от патриарха на

българската литература Иван Вазов, на второ място е Христо Ботев, а едва след това са имената на Йордан Йовков и Елин Пелин, чийто сбор от проценти е по-нисък от този на Ботев. Всички посочени автори обаче са сред предвидените за изучаване в училище, което предполага запознаването с тях в системата на образованието.

Анкетираните от третата възрастова група предлагат изненади. На първо място трябва да се отбележи, че техните интереси са формирани извън училище, тъй като не са изучавали българска литература. Те изтъкват на първо място известните имена на: Христо Ботев – 58%, Иван Вазов – 53%, Елин Пелин – 25%, а 8% – Йордан Йовков и Христо Смирненски. Слабо известни сред тази група са имената на А. Константинов, Д. Талев, Г. С. Раковски, А. Гуляшки, А. Германов, А. Далчев, Н. Вапцаров, Пенчо Славейков, П. Яворов, П. Хилендарски, К. Христов, Хр. Радевски, Е. Багряна, А. Разцветников, Ц. Церковски, Ст. Чилингиров, Мл. Исаев, Лъчезар Станчев, Дора Габе, Ран Босилек, Й. Друмников, Ат. Душков, Калина Малина, Леда Милева, Веса Паспалева. Те са посочени от 3% от участниците в изследването. Един от анкетираните е завършил българска филология и той изброява 18 автора предимно от детската литература, тъй като работи в детска градина. В тази група са включени имената на писатели – автори на художествена литература, която може би е четена на руски преди въвеждането на обучение на български език. В същата група се откриват имената на *Васил Левски* и *Kирил и Методий* отново като автори. *Петър Бурлак-Вълканов* и *Нико Стоянов*, известни на 1% от анкетираните, са представени като автори от българската литература. Сред интервюираните 25% не познават български автори.

На въпроса „*Какви творби от българските автори познавате?*“ анкетираните от първата възрастова група посочват общо 66 произведения, като 25% отбелязват „Една българка“ (Ив. Вазов), 23% – „По жицата“ (Й. Йовков), 20% – „Немили-недраги“ (Ив. Вазов), 19% – „Под игото“ (Ив. Вазов), 15% – „По жътва“ (Елин Пелин), 14% – „Ангелинка“ (Елин Пелин), по 12% – „На браздата“ (Елин Пелин), „Печена тиква“ (Елин Пелин), „Другоселец“ (Й. Йовков), „Бай Ганьо“ (Алеко Константинов), 11% – „Изворът на Белоногата“ (П. Р. Славейков). Под 10% изброяват следните произведения: „Заточеници“ (П. Яворов), „Братчетата на Гаврош“ (Хр. Смирненски), „Моята песен“ (Елисавета Багряна), „Серафим“ (Й. Йовков), „Железният светилник“ (Д. Талев), „Пази, боже, сляпо да прогледа“ (Ал. Константинов), „До Чикаго и назад“ (Алеко Константинов), „Обесването на Васил Левски“ (Хр. Ботев), „Арменци“ (П. Яворов), „По жътва“ (Елин Пелин), „Тютюн“ (Д. Димов), „Майка ми“ (Ив. Вазов), „На прощаване“ (Хр. Ботев), „Златен ключ“ (Д. Талев), „Хаджи Димитър“ (Хр. Ботев), „Опълченците на Шипка“ (Ив. Вазов), „Българският език“ (Ив. Вазов), „Да се завърнеш в бащината къща“ (Д. Дебелянов), „Косачи“ (Елин Пелин), „Ваньо прави дувар“ (Н. Хайтов), „Кошута“ (Й. Йовков), „На нивата“ (Елин Пелин), „Българи юнаци“ (Д. Чинтулов), „На оня свят“ (Елин Пелин), „Маминото детенце“ (Л. Каравелов), „Хайдути“ (Хр. Ботев), „Моята изповед“ (Ал. Константинов), „Де е България“ (Ив. Вазов), „Вълшебница“ (П. Яворов), „Българи от старо време“ (Л. Каравелов), „Сиромашка радост“ (Й. Йовков), „Отечество любезно“ (Ив. Вазов), „Моята молитва“ (Хр. Ботев), „Индже“ (Й. Йовков), „Шибил“ (Й. Йовков), „Две хубави очи“ (П. Яворов), „Прощално“ (Н. Вапцаров), „Родина“ (Н. Вапцаров), „Приказка за стълбата“ (Хр. Смирненски), „Дядо Йоцо гледа“ (Ив. Вазов), „Ветрената мелница“ (Елин Пелин), „Апостолът в премеждие“ (Ив. Вазов), „Потомка“ (Елисавета Багряна), „Юноша“ (Хр. Смирненски), „Майце си“ (Хр. Ботев), „Вечеря у кума“ (Г. Караславов), „Градушка“ (П. К. Яворов), „Неразделни“ (П. П. Славейков), „Към Родината“ (Ат. Далчев), „Антихрист“ (Емилиян Станев), анекдота „Хитър Петър“, както и народните приказки „Мечката и лошата дума“ и „Неволята“. Тази възрастова група представя

разнообразна картина от произведения. Всички изброени творби са включени в учебната програма. Тъй като учениците от прогимназиален клас започват да изучават българското народно творчество, логично е сред отговорите да присъстват и народни приказки. Отговаряйки на посочения въпрос, някои от участниците изброяват произведенията на бесарабските автори – „Молба“ на Георги Барбаров, „Завинаги“ на Нико Стоянов, а също и произведението на писателя от Таврия Мишо Хаджийски „Бежанци“. Независимо от това, че българските автори и произведенията им се изучават в училище, 5% от анкетираните не ги познават. Всички посочени произведения са част от учебната програма и са представени изцяло или чрез откъси в учебниците. Най-популярни произведения са „Една българка“, „По жицата“, „Немили-недраги“, „Под игото“, „По жътва“, „Ангелинка“, „На браздата“, което е в синхрон с подредбата на авторите – най-популярен е Иван Вазов, следван от Елин Пелин. Прави впечатление по-слабото познаване на поезията. Дори поет като Христо Ботев, широко застъпен в учебната програма, се оказва сравнително малко познат. И макар че са посочени достатъчно негови творби, те са известни на ограничен кръг анкетираните. Същото се отнася и за останалите поети. Това е доказателство, че прозата се усвоява по-лесно, независимо че много от стихотворенията би трябвало да се учат наизуст. От друга страна, широката палитра от познати поетични творби, макар и сред малка група от анкетираните, говори за трайни интереси в областта на поезията. Учениците от горните класове изброяват авторите, които са изучавали не само през текущата учебната година, но и преди това. Този факт е особено показателен – учениците помнят автори и творби, които са изучавали в предишни класове и които са ги впечатлили.

Най-точно познаването на българската литература сред първата възрастова група е показано в таблицата от приложението, където произведенията са класифицирани според броя на споменаването им и според броя на посочванията от различните възрастови групи. Първата колона отразява популярността на определено произведение в различни възрастови подгрупи. Отговорите са разделени на 3 според това в кои подгрупи е споменато съответното произведение. Тази класификация свидетелства за трайността на възприемането на отделни творби, макар и от ограничено количество анкетираните. Според нея най-популярни произведения са: „На браздата“ (Елин Пелин) в 7 подгрупи, „Една българка“ (Иван Вазов) в 6 подгрупи, „Под игото“ (Иван Вазов) в 6 подгрупи, „Немили-недраги“ (Иван Вазов) в 5 подгрупи, „Бай Ганьо“ (Алеко Константинов) в 5 подгрупи, „Изворът на Белоногата“ (П. Р. Славейков) в 5 подгрупи.

Причината за това се крие не само в тематиката на творбите, която впечатлява учениците, но и във факта, че почти всички посочени произведения се изучават в прогимназията, а след това авторите на учебници се връщат към тях било в рамките на обучението по български език, било в системата за надграждане на материала. Например първото запознаване на учениците с романа „Под игото“ на Иван Вазов е в VI клас. В този учебник са поместени откъси от главите „Гост“ и „Радини вълнения“. Това произведение се споменава както от тринайсетгодишните, така и от по-големите в тази и други възрастови групи. Свообразен рекордьор обаче е разказът „На браздата“ на Елин Пелин, който се изучава в V клас, но остава популярен до края на обучението. В случая можем да предположим, че причината за тази популярност е тематиката – съпричастността към страданието на обикновения селянин, загубил не просто любимо животно, а част от своята надежда. На подобна тема са разказът „Една българка“, повестта „Немили-недраги“, както и поемата „Изворът на Белоногата“. Обединява ги разкритото в тези творби силно страдание, за чието надмогване героите намират вътрешни сили. Необходимо е да се отбележи и популярността на

фейлетонния роман „Бай Ганьо“. Следващата графа в приложената таблица обхваща произведения, споменати от 3–4 възрастови подгрупи. Сред тях е стихотворението „На майка ми“, посочено за първи път във втората възрастова група, „Българският език“ – в третата възрастова подгрупа, които са отбелязани само в още 2 подгрупи. В същата част има и други поетични творби: „Опълченците на Шипка“, „Обесването на Васил Левски“, „На прощаване“ и „Арменци“, но те са споменати за първи път в пета и шеста подгрупа, тъй като се изучават в VII клас. Със сравнително голяма популярност се ползват разказите „Серафим“, „По жицата“ и „Другоселец“, които се изучават съответно в V, VII и VIII клас. Те отразяват човешкото страдание. Забележително е мястото на героя от битовите анекдоти „Хитър Петър“, който представлява събирателен образ. За първи път той е отбелязан от третата подгрупа (на 13-годишните, които са ученици от VI клас). Интересно е, че битовите анекдоти са предвидени в програмата за V клас, но по времето на провеждането на анкетата този материал все още не е изучен и затова се отбелязва от следващата възрастова група, в която анкетираните са шестокласници. Деветикласниците отново се запознават с анекдотите за Хитър Петър, но в своите отговори не отбелязват този персонаж.

Последната част от таблицата включва произведения, споменати само в две възрастови подгрупи. Сред тях има такива, които са учени в V клас и са споменати само от първите две възрастови групи – „Пази, Боже, сляпо да прогледа“ и „Козя гайда“. Необходимо е да се отбележи, че разказите „По жътва“ и „Ангелинка“ на Елин Пелин са особено популярни. Те са споменати от 13–14-годишните, VI–VII клас. Широкото им разпространение се дължи вероятно на тематиката, вълнуваща тийнейджърите. Разказът „Златен ключ“ и пътеписът „До Чикаго и назад“, които се изучават в VIII клас, също са споменати само от ученици, които са или от този, или от следващия клас (подгрупи 4–5). Другите произведения, включени в тази част, се изучават предимно в VIII и IX клас. Забележителен е броят на познатите произведения сред участниците в анкетата от VIII–IX клас, които бележат края на обучението по роден език. В учебника за IX клас е синтезиран целият изучен материал, който е обединен по теми: „Камбаната на свободата“, „За българската душевност“, „Българинът и другостта“, „Пътят към Родината – път към самопознание“. Специално трябва да се отбележи нивото на познаване на българската литература сред анкетираните единайсетокласници, особено като се има предвид, че за X и XI клас не са предвидени учебници. Но затова пък това са годините, в които учениците вече се готвят за зрелостни изпити или за кандидатстване в български висши учебни заведения.

Прави впечатление, че се запомнят предимно творби със селска тематика или творби, свързани с периода на турското робство, тъй като те са по-близки до средата, в която живеят анкетираните, или до родовата памет, съхранила преданията за изселването в Бесарабия, предизвикано от желанието да се живее далеч от поробителите османци.

Втората колонка на приложената таблица отразява броя на споменаванията на съответните произведения. Рекордър тук е романът „Под игото“. Съотношението на тематиката е подобно на това в първата колонка. Забележително е, че сред най-популярните произведения няма нито една поетична творба (на последно място е поемата „Изворът на Белоногата“, която също е сюжетно произведение и не се възприема като поезия). С най-слаба популярност се ползват поетичните произведения. Това до известна степен отговаря на популярността на авторите, сред които първите две места заемат Иван Вазов и Елин Пелин. И независимо че името на Христо Ботев е споменато на трето място, а едва след него това на Йордан Йовков, стиховете на Ботев са по-малко популярни от разказите на Йовков.

Като резултат от направения анализ може да се обобщи, че учениците усвояват българската литературна култура, но не разширяват знанията си в тази област на позна-

нието. Независимо от това те придобиват определена представа за творците на българската литература и за техните произведения.

Познанията на втората възрастова група, свързани с българската литература, са оскъдни. 75% посочват произведението на Иван Вазов „Под игото“, докато другите произведения се отбелязват само от 6% от анкетираните. Това са: „Обесването на Васил Левски“, „Бай Ганьо“, „Изворът на Белоногата“, „История славянобългарска“, „Преспанските камбани“, „Една българка“, „По жицата“, „Другоселец“, „Българи от старо време“, „Тютюн“, „Железният светилник“, „Цената на златото“, „Хайдути“; поемите: „Шипка“, „Септември“, както и героят на народното творчество Хитър Петър. Тези произведения са останали в паметта им само със своите заглавия. Повечето от участниците в анкетата не помнят сюжетите на споменатите творби. Това вероятно се дължи на факта, че част от анкетираните са изучавали българския език и литература единствено като факултатив, други са ползвали учебници, предназначени за училищата в България, в които са поместени само откъси от изучаваните произведения, а същевременно не са имали достъп до пълните текстове. Онези, които след завършване на средното си образование продължават своето обучение, престават да изучават предмета роден език. Може би на това се дължи и липсата на задълбочени познания за българската литература.

Повечето от интервюираните в третата възрастова група посочват произведенията „Под игото“ – 31% и „Бай Ганьо“ – 17%, а другите произведения, като „Българи от старо време“, „Железният светилник“, „Изворът на Белоногата“, „Тютюн“, „Цветарка“, „Ангелинка“, „Една българка“, „Родина“, „Немили-недраги“, „Бялата лястовица“ („По жицата“), „Боряна“, „Преспанските камбани“, „Смутно време“, „Дядо Йоцо гледа“, „Иде ли?“, пътеписа „До Чикаго и назад“, патриотични стихове на Христо Ботев, любовна лирика на П. Яворов, разкази за селото от Елин Пелин, са посочени от 8% до 3%. 64% не познават творбите на българските автори. Вероятно това е свързано с оскъдния им достъп до информация. Тази група хора не са изучавали българска литература, а са се информирани за произведенията от своите деца. Някои от тях, проявявайки интерес към произведението, се запознават с него благодарение на разказите на децата си.

На въпроса „*Откъде сте ги усвоили?*“, естествено, отговорите на първата възрастова група са „от училище“. Никой не посочва извънкласното четене като път за усвояване на българската литература. Една от причините за това е отсъствието на произведения на български автори в училищните библиотеки, но дори и когато ги има, макар и в ограничени количества, учениците не проявяват интерес към тях. Тук без съмнение може да се отбележи и работата на учителите, които се задоволяват да изискват от учениците да четат само произведенията, залегнали в програмата. Необходимо е да отбележим, че често самите те не познават добре българската литература. Корените на това се крият във факта, че български език и литература на много места се преподава от учители русисти, етнически българи, които са минали курсове на преквалификация. Но дори и когато се преподава от дипломирани в Молдова учители със специалност „Българска филология“, не може да се говори за добро познаване на литературата. Университетските библиотеки също са бедни откъм произведения на българската класика, или ако има такива, то те са в ограничено количество и се ползват от малцина от студентите – предимно от тези с подчертано литературни интереси. Личните библиотеки на учителите са формирани също до голяма степен случайно – от подаръци, получени по време на специализации в България, и от отделни книги, купени по време на тези специализации. Причина за сравнително слабото познаване на българската литература може да бъде и това, че тя не е известна в семействата, няма български книги в личните библиотеки. „Вината“ може да се потърси и в съвременната ситуация, в която учениците все по-малко четат литература, невключена в учебната програма. Може би трябва да

се помисли за откриването на щандове с българска литература в градовете – центрове на българската диаспора, или там, където „Българска филология“ е университетска специалност, което без съмнение би дало в бъдеще своите плодове.

Другите две възрастови групи научават за произведенията и авторите от българската литература от различна среда като училището, медиите, семейството или при пътуване до България.

Направената анкета показва резултатите от преподаването на българска литература в общообразователното училище в Молдова. Тя е своеобразна оценка за работата на преподавателите, но и сигнал за допуснатите слабости. Особено тревожен е фактът, че учениците познават само произведенията, включени в учебната програма. С оглед на това трябва да се работи по-целенасочено за разпространението на българската литература в диаспората, при това не само на класическите произведения, но и на съвременната литература.

Приложение 1

V клас – подгрупа 1	VIII клас – подгрупа 4	XI клас – подгрупа 7
VI клас – подгрупа 2	IX клас – подгрупа 5	XII клас – подгрупа 8
VII клас – подгрупа 3	X клас – подгрупа 6	
Класиране на произведения според споменаването им от анкетираните от различни възрастови подгрупи (брой/подгрупа)		Класиране на произведения според броя на споменаванията им (брой/общо подгрупи)
1. Елин Пелин, „На браздата“ – 17/1, 2, 3, 4, 5, 7, 8 2. Иван Вазов, „Една българка“ – 36/3, 4, 5, 6, 7, 8 3. Иван Вазов, „Под игото“ – 38/3, 4, 5, 6, 7, 8 4. Иван Вазов, „Немили-недраги“ – 29/4, 5, 6, 7, 8 5. Алеко Константинов, „Бай Ганьо“ – 17/3, 4, 6, 7, 8 6. П. Р. Славейков, „Изворът на Белоногата“ – 16/4, 5, 6, 7, 8		1. Иван Вазов, „Под игото“ – 38/6 2. Иван Вазов, „Една българка“ – 36/6 3. Йордан Йовков, „По жицата“ – 34/5 4. Иван Вазов, „Немили-недраги“ – 29/5 5. Елин Пелин, „По жътва“ – 28/2 6. Елин Пелин, „Ангелинка“ – 20/2 7. Алеко Константинов, „Бай Ганьо“ – 17/5 8. Йордан Йовков, „Другоселец“ – 17/3 9. Елин Пелин, „На браздата“ – 17/7 10. П. Р. Славейков, „Изворът на Белоногата“ – 16/5 11. .
7. Йордан Йовков, „По жицата“ – 34/3, 4, 6, 7, 8 8. Йордан Йовков, „Серафим“ – 9/1, 2, 7, 8 9. Христо Ботев, „На прощаване“ – 8/3, 4, 5, 8 10. Иван Вазов, „Опълченците на Шипка“ – 4/4, 5, 7, 8 11. Йордан Йовков, „Другоселец“ – 17/4, 5, 8 12. Иван Вазов, „Българският език“ – 7/3, 4, 8 13. Иван Вазов, „Майка ми“ – 6/2, 4, 8 14. Христо Ботев, „Обесването на Васил Левски“ – 7/5, 7, 8 15. Пейо Яворов, „Арменци“ – 6/5, 7, 8 16. Хитър Петър, – 4/3, 6, 8		12. Елин Пелин, „Печена тиква“ – 14/2 13. Пейо Яворов, „Заточеници“ – 13/4 14. Христо Смирненски, „Братчетата на Гаврош“ – 12/2 15. Елисавета Багряна, „Моята песен“ – 10/2 16. Йордан Йовков, „Серафим“ – 9/4 17. Христо Ботев, „На прощаване“ – 8/4 18. Димитър Талев, „Железният светилник“ – 8/2 19. Иван Вазов, „Българският език“ – 7/3 20. Христо Ботев, „Обесването на Васил Левски“ – 7/3 21. Алеко Константинов, „До Чикаго и назад“ – 7/2 22. Алеко Константинов, „Пази, боже, сяпо да прогледа“ – 7/2

17. Елин Пелин, „По жътва“ – 28/3, 4 18. Елин Пелин, „Ангелинка“ – 20/3, 4, 19. Христо Смирненски, „Братчетата на Гаврош“ – 12/3, 4 20. Пейо Яворов, „Заточеници“ – 13/3, 4, 6, 7 21. Елисавета Багряна, „Моята песен“ – 10/3, 4 22. Димитър Талев, „Железният светилник“ – 8/7, 8 23. Алеко Константинов, „До Чикаго и назад“ – 7/4, 5 24. Алеко Константинов, „Пази, боже, сляпо да прогледа“ – 7/1, 2 25. Димитър Талев, „Златен ключ“ – 5/4, 5 26. Христо Ботев, „Хаджи Димитър“ – 5/7, 8 27. Елин Пелин, „Косачи“ – 4/5, 7 28. Елин Пелин, „На она свят“ – 3/5, 6 29. Пейо Яворов, „На нивата“ – 3/6, 7 30. Любен Каравелов, „Маминото детенце“ – 3/7, 8 31. Йордан Йовков, „Кошута“ – 3/4, 5 32. Любен Каравелов, „Българи от старо време“ – 2/8 33. Йордан Йовков, „Индже“ – 2/7, 8 34. Йордан Йовков, „Шибил“ – 2/7, 8	23. Иван Вазов, „Майка ми“ – 6/3 24. Пейо Яворов, „Арменци“ – 6/3 25. Димитър Димов, „Тютюн“ – 6/1 26. Димитър Талев, „Златен ключ“ – 5/2 27. Христо Ботев, „Хаджи Димитър“ – 5/2 28. Димчо Дебелянов, „Да се завърнеш в бащината къща“ – 4/5 29. Хитър Петър, 4/3 30. Иван Вазов, „Опълченците на Шипка“ – 4/4 31. Елин Пелин, „Косачи“ – 4/2 32. Добри Чинтулов, „Българи юнаци“ – 3/5 33. Николай Хайтов, „Ваньо прави дувар“ – 3/4 34. Елин Пелин, „На она свят“ – 3/2 35. Пейо Яворов, „На нивата“ – 3/2 36. Любен Каравелов, „Маминото детенце“ – 3/2 37. Йордан Йовков, „Кошута“ – 3/2 38. Христо Ботев, „Хайдутите“ – 3/2
	39. Пейо Яворов, „Заточеници“ – 2/2 40. Любен Каравелов, „Българи от старо време“ – 2/2 41. Йордан Йовков, „Индже“ – 2/2 42. Йордан Йовков, „Шибил“ – 2/2 43. Пейо Яворов, „Две хубави очи“ – 2/1 44. Никола Вапцаров, „Прощално“ – 2/1 45. Христо Смирненски, „Приказка за стълбата“ – 2/1 46. Елин Пелин, „Сиромашка радост“ – 2/1 47. Христо Ботев, „Моята молитва“ – 2/1 48. Пейо Яворов, „Вълшебница“ – 2/1 49. Иван Вазов, „Де е България“ – 2/1 50. Иван Вазов, „Отечество любезно“ – 2/1

Демирева, К., Н. Кара, Е. Раџеева, Л. Кавръкова. Български език и литература. Учебник за 5 клас. Chisinau, Cartier, 2000.

Демирева, К., Е. Раџеева, Н. Кара, Н. Бурджиева. Български език и литература. Учебник за 6 клас. Chisinau, Cartier, 2001.

Раџеева, Е., Н. Кара, К. Цанков. Български език и литература. Учебник за 7 клас. Chisinau, Cartier, 2002.

Раџеева, Е., Н. Кара, К. Демирева. Български език и литература. Учебник за 8 клас. Chisinau, Cartier, 2003.

Раџеева, Е., Н. Кара, К. Демирева, М. Георгиева. Български език и литература. Учебник за 9 клас. Chisinau, Cartier, 2003

Гуцу 2000 – Гуцу, Вл. Развитие и внедрение курикулума в гимназическое образование: концептуальные положения. CHISINAU.

Училищен курикулум 2000 – Училищен курикулум, български език и литература V–IX клас.

Curriculum la limba si literature bulgara cl. V- IX. Chisinau, 2006.

Limba si Literatura bulgara. Curriculum pentru in vatamintul liceal (clasele a X-a–XII-a). Chisinau, 2006.

Г. И. Чернявский

**ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ,
ИЛИ КАК СОВЕТСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ
НЕВОЛЬНО ПОМОГЛИ ОДНОЙ КАРЬЕРЕ
Фрагмент воспоминаний**

Летом 2002 и летом 2004 годов автору этих строк во время поездок за океан довелось дважды побывать в одном тихом и уютном европейском городке, в котором находится международный учебный и научно-исследовательский центр, готовящий в числе прочих задач специалистов-политологов по евроазиатскому региону, а также проводящий аналитическое изучение ситуации в этих странах. Руководителем одного из направлений работы Центра являлся в то время Валерий Александрович Головкин, имя которого хорошо известно старшему поколению сотрудников исторического факультета Харьковского университета по событиям более чем тридцатилетней давности.

Оба раза в течение нескольких дней я был гостем этого обаятельного, не очень молодого уже, но полного сил, весьма бодрого и энергичного человека и его очаровательной супруги Валентины.

Встреча эта, разумеется, не была случайной. Валерий Александрович – мой старый и добрый знакомый, мой ученик в его студенческие университетские годы, мой младший коллега в течение нескольких лет после того, как он окончил университет, и, после перерыва, продолжавшегося почти полтора десятилетия, мой друг и соавтор по книге, посвященной одновременно весьма значительной исторической личности и в связи с ней группе проблем истории внешней политики СССР.

Судьбе этого яркого человека посвящен этот мой краткий рассказ, основанный на личных воспоминаниях и впечатлениях и в значительной мере на рассказах его самого. Так что с точки зрения исторического источниковедения следующие ниже страницы – это отчасти первичные воспоминания, а отчасти воспоминания косвенные (воспоминания о воспоминаниях), то есть пересказ того, что рассказывал мне о себе другой человек, причем в той форме, в какой этот рассказ запечатлелся в моей памяти.

Советский историк

В детстве, в юности, в молодые годы жизненные пути Валерия Головкина были подобны перипетиям судьбы миллионов молодых людей, родившихся и выросших при коммунистической власти, прошедших пионерию и комсомол. Эти люди, формировавшиеся в 60-е–70-е годы, уже не очень верили коммунистическим догмам и тем более престарелым руководителям страны, но в то же время не были настроены активно сопротивляться властям. С полным основанием они стремились, не жертвуя собственными элементарными принципами порядочности, как можно успешнее устроить собственную судьбу в заданных, не лучших обстоятельствах, которые, казалось, надолго укоренились в СССР. Как я смог убедиться в результате многочисленных с ним встреч, бесед, споров, Головкин, безусловно, относился к лучшим из людей этого поколения, которые опирались на собственные силы и знания, на честный труд, а не на связи и взятки.

У Валерия рано определились четко выраженные гуманитарные наклонности, что и привело моего героя на исторический факультет Харьковского университета. Именно тогда мы и встретились. Я читал специальные курсы источниковедения и историографии небольшой группе студентов, избравших в качестве своей узкой профессии новую и новейшую историю зарубежных стран. Головка в течение двух лет был слушателем этих дисциплин.

Я почти сразу же обратил особое внимание на этого вдумчивого, любознательного, трудолюбивого молодого человека, высказывавшего подчас весьма неординарные суждения, разумеется, по конкретным вопросам, не затрагивавшим общую методологию истории. Успешно (с отличием) окончив университет, Валерий Головка был в тот же год принят в аспирантуру и стал готовить кандидатскую диссертацию по истории международного профсоюзного движения. Такого рода темы аспиранты избирали весьма редко. Это было связано с несколькими причинами. Во-первых, весьма скудны и в значительной своей части закрыты были архивные фонды и другие источники, находившиеся на «специальном», то есть секретном, хранении. Во-вторых, подобная тематика была не вполне «добропорядочной» с точки зрения коммунистических догматов (приходилось сталкиваться, в частности, с фактами острой борьбы в рамках мирового коммунистического движения, носившей не только политический, но во многих случаях карьеристский характер, с именами людей, остававшимися в СССР под строжайшим запретом, такими, как Л. Д. Троцкий, К. Б. Радек, Г. Л. Пятаков и многие другие). Наконец, и это было немаловажно уже с чисто прикладной точки зрения, подготовка работы в названной области требовала знания нескольких иностранных языков. Из всего этого вытекала необходимость кропотливого, весьма усидчивого труда и в то же время известного риска, ибо не было полной гарантии, что работу удастся выполнить, хотя и приспособляясь к обстоятельствам, но не жертвуя простой научной добропорядочностью, которой требовал научный руководитель Валерия профессор, доктор исторических наук Степан Иванович Сидельников и от которой он сам не отказался бы ни в коем случае.

И все же существовала высокая степень надежды, что трудности удастся преодолеть, так как у Головка была способность к овладению языками, да и серьезные трудности, связанные с проведением исследования и по существу, и с точки зрения «пробитования» препон его не очень пугали. Видно, в этом был какой-то элемент мальчишеского азарта, но тем большая заслуга Сидельникова, что он этот азарт, с одной стороны, поощрял, а, с другой, стремился ввести его в некие рамки разумного расчета.

Обучение в аспирантуре было, однако, вскоре прервано, но отнюдь не по политическим, а по чисто организационным причинам – кафедре срочно потребовался специалист по новейшей истории Востока, и Валерий Александрович в свои 24 года становится преподавателем кафедры новой и новейшей истории, возглавляемой его научным руководителем. Вероятно, так спокойно и естественно развивалась бы карьера историка: защита кандидатской диссертации, доцентура, скорее всего докторская диссертация и профессура, возможно, еще более высокий подъем по научно-педагогической лестнице, если бы в середине 70-х годов не произошли события, которые круто изменили судьбу молодого преподавателя.

Американский родственник

К этому времени «железный занавес», продолжавший скрывать от внешнего мира то, что происходило в СССР, и зарубежные реалии – от глаз советских граждан, стал по различным причинам понемногу истончаться. Вновь были разрешены браки советских граждан с иностранцами, в свое время запрещенные при Сталине. Началась, вопреки

препонам и издевательствам, эмиграция евреев и немцев из СССР. Сквозь «глушилки» пробивались радиоголоса из дальнего зарубежья. По разным каналам становилось известно о возникновении диссидентского движения и о преследовании «несогласных» как посредством судов и концлагерей, так и через «психушки». Вначале тончайшие ручейки, а затем и чуть более широкие струи хорошо проинструктированных и напуганных, но весьма любопытствующих советских туристов потекли на Запад, а оттуда стали приезжать люди, интересовавшиеся жизнью в СССР, а также разыскивавшие своих родных и близких.

Один из таких неожиданных визитеров – гость из США – неожиданно появился в квартире, где проживал Валерий Головка с женой и новорожденным сыном. Молодая семья, разумеется, не могла иметь отдельного жилья – она жила в квартире отца Валерия, старого члена партии, считавшегося человеком заслуженным. Отец был русским, мать еврейкой. Именно ее и разыскал прибывший из-за океана родственник, человек весьма пожилой и, скромно скажем, довольно богатый, проживший в США большую часть своей жизни, сложившейся очень успешно. В предчувствии приближавшейся неизбежной кончины он решил посетить родные когда-то места и навестить почти полностью забытых близких людей. Назовем его «дедушкой» Валерия, хотя на самом деле кровные связи были намного более запутанными и отдаленными, и сам черт сломил бы ногу, пытаясь дать точное их определение.

Погостив несколько дней в гостеприимной семье, «дедушка» решил посетить также родные могилы в небольшом еврейском местечке, расположенном неподалеку от города Львова. Вместе с ним туда в качестве сопровождающего отправился и Валерий. Дальше областного центра власти, однако, американца не пустили, разумеется, без какого бы то ни было объяснения причин (некие причины на это были, и о них читатель вскоре узнает). Тогда «дедушка» дал своему «внуку» фотоаппарат с поручением привезти ему снимки кладбища, где покоился прах его родителей, ставших жертвами Холокоста, и других близких, чтобы возложить цветы на могилы родных ему людей. Поручение было выполнено, и американский родственник, получив фотографии, благополучно отбыл в теперь уже родные для него Штаты.

Спираль закручивается

На этом вся рассказанная история могла бы закончиться, не внося изменений в судьбу участвовавших в ней лиц. Но произошло совершенно иначе. Через некоторое, очень непродолжительное, время в университете к Головке после его лекции подошел весьма вежливый и ухоженный молодой человек неприметной внешности, который попросил нашего героя подъехать вместе в нем «буквально на несколько минут» в областное управление КГБ «для маленькой справки». В расположенном на углу улиц Совнаркомовской и Дзержинского (ныне Мироносицкая) в хорошо известном здании «конторы глубокого бурения», как называли остряки это ведомство, Головка повели, однако, не в какой-либо кабинет, а к глубочайшему его – даже скорее не страху, а удивлению – прямиком в камеру внутренней тюрьмы.

Только теперь он смутно стал понимать, предполагать, что это весьма странное для 70-х годов событие, вероятно, каким-то образом связано с недавним визитом американца. Но в чем эта связь состояла, догадаться пока было невозможно. В тоске и раздумьях прошли примерно двое суток заключения, после чего «задержанного» молодого преподавателя университета вывели в более приглядное помещение.

Постучав в одну из дверей, на которой, как и на других, не было никаких надписей, конвоир ввел Головку в кабинет, за письменным столом которого сидел некий

спецслужбистский чин, разумеется, в гражданском одеянии. Этот чин поднялся навстречу с вроде бы приветливой улыбкой, представился и объявил, что ему поручено вести следствие по данному делу. На недоуменный вопрос «Какое, собственно говоря, может быть дело? Сейчас ведь не 1937 год!» следователь красноречивым жестом указал Валерию на лежавшие на столе две папки. На каждой из них были должным образом обозначены фамилия, имя и отчество подследственного. На одной, довольно уже увесистой, стояла также какая-то цифра. Вторая папка – без цифры – показалась пустой. «Знаете ли вы, что обозначает эта цифра?» – поинтересовался следователь и, не ожидая ответа, продолжал: «К вашему сведению, это – статья уголовного кодекса нашей родной украинской республики. Если вас интересует, могу сообщить, что она предусматривает различные сроки уголовного наказания за измену родине». Следователь добавил, что в его распоряжении есть уже по этому поводу богатый доказательный материал.

Внимание растерявшегося подследственного тут же было обращено и на вторую папку, действительно, как подтвердил следователь, совершенно пустую. «Выбирайте, – издевательски усмехаясь, продолжал кагебист. – Если вы выберете вторую папку, и мы вместе начнем по ней работать, мы быстро найдем ответы на все интересующие нас вопросы, и я вас сразу же отпущу. Так что все зависит от вас».

Отлично понимая, что за ним не числится никаких существенных «политических преступлений» (анекдоты с критикой советского режима и посвященные перипетиям жизни сановных старцев у власти в 70-е годы были уже почти не в счет!), Головка бодро и гордо заявил, что он хотел бы узнать, на каком основании его пытаются облыжно обвинить в государственной измене, повторив тривиальную уже сентенцию по поводу того, что 1937 год, кажется, безвозвратно канул в лету.

«Что ж, – заявил следователь, – ваше дело. Если вы хотите работать по первому делу, садитесь за мой стол, устраивайтесь поудобнее и читайте». Весьма любезный следователь оставил Валерию сигареты, бутылку воды и зачем-то англо-русский словарь. «Вдруг он понадобится вам», – заявил он загадочным тоном, добавив, что уходит по служебным делам и возвратится примерно через час.

Устроившись «поудобнее», подозреваемый в измене открыл папку. Там было, действительно, немало бумаг. Уже первая из них показывала, что речь явно шла о чем-то довольно серьезном. Это было письмо из КГБ СССР на имя начальника областного управления сего милого ведомства. Московское начальство одновременно с письмом направляло материалы «на Головка Валерия Александровича» с указанием срочно разобратся, наказать и доложить об исполнении.

Перевернув лист, Валерий увидел газету (или фотокопию газеты) на английском языке. Именно для ее использования, как он теперь понял, и был услужливо предложен словарь. Необходимости в нем, однако, не было – основами языка Валерий владел в достаточной мере. Перед глазами лежала одна из ведущих американских газет. Часть текста с иллюстрациями была «для удобства» отчеркнута, и пораженный молодой человек увидел под этой статьей подпись своего «дедушки» из США.

Смысл статьи состоял в том, что в СССР, мол, преследуют не только живых, но и мертвых евреев, и в доказательство приводились воспроизводимые здесь же фотографии запущенного, неухоженного еврейского кладбища, сделанные, как говорилось в статье, «моим близким родственником» Валерием Головка из города Харькова. Видимо, очень трудно было читавшему эти строки в данный момент «подследственному» сдерживать свои гневные эмоции по поводу «дедушки», проявившему ту самую простоту, которая в этом случае, как и во многих, подобных ему, была несомненно хуже

воровства. Головки, разумеется, не задумывался, что у американцев была просто совершенно иная ментальность, и гражданин США просто не мог сообразить, какую пакость подбрасывает своему молодому родственнику.

Но за газетой следовал третий документ – справка министерства обороны СССР, из которой следовало, что недалеко от кладбища, которое фотографировал Валерий, буквально в нескольких километрах, дислоцировалось особое подразделение ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Не хотелось бы далеко забежать вперед, но по ходу рассказа, видимо, стоит сразу отметить, что значительно позже Головки выяснил, что в том злополучном месте находился полк РВСН, оснащенный самыми мощными в мире межконтинентальными баллистическими ракетами МБР Р-36М, которые на Западе были известны под довольно зловещей кличкой «СС-18 Сатана».

Этот, в советских условиях действительно убийственный аргумент харьковским чекистам, стремившимся угодить начальству, однако, показался недостаточным, ибо далее следовали многочисленные протоколы допросов преподавателей, сотрудников и студентов университета, многие из которых, явно напуганные спецслужбистами, показали, что преподаватель Головки проводил среди них «антисоветскую пропаганду». В чем же таковая пропаганда состояла? Да в том, что действительно происходило каждый день в курилах предприятий и учреждений и на кухнях малогабаритных советских квартир – рассказанный «антисоветский» анекдот, критическое высказывание о маршматике Брежневле или о каком-либо другом сходном с ним чинуше из партийного ареопага, своя точка зрения на события внутренней и внешнеполитической жизни страны, несколько отличающаяся от требуемой партией и ее репрессивным аппаратом.

Лишь несколько человек из числа допрошенных смогли противостоять мощному давлению и оказались в силах не произнести угодных кагебистам «разоблачительных» инвектив по адресу Головки. Среди них был принципиальный и неподкупный Степан Иванович Сидельников. Я надеюсь, что читатели не сочтут за похвальбу то, что и моя фамилия была названа в числе тех, кто отозвался только положительно. Когда Валерий через много лет рассказал мне об этом, я воскликнул: «Но ведь меня никуда не вызывали и ни о чем не спрашивали!» и тут же вспомнил, как ко мне в кабинет (я тогда заведовал кафедрой всеобщей истории в Институте культуры) как раз в разгар всей этой истории зашел так называемый кагебистский «куратор» и, лицемерно сочувственно упомянув о «неприятностях Головки» (без их конкретизации), поинтересовался, не говорил ли тот мне чего-либо крамольного. Ответ, разумеется, был полностью в пользу Валерия.

Возвратимся, однако, в кабинет управления КГБ. Как и было обещано, следовательно через час туда возвратился. «Ну, что ж, по какому делу будем работать, по первому или второму?» – бодро спросил он. «Давайте по второму, без цифры», – вынужден был произнести Головки, совершенно потрясенный тем, что он увидел в папке. «Правильно, – последовала удовлетворенная реплика. – Вы, наверное, догадываетесь, какой первый вопрос я задал бы вам, если бы вы настаивали на первом деле. Я бы прежде всего спросил: где остальные фотографии?» Следователь намекал, что Головки приписали бы фотографирование стартовых площадок советских стратегических ракет.

Совершенно неожиданно для Головки, даже не пытаясь его завербовать в качестве доносчика, следовательно подписал ему пропуск на выход из мрачного здания, через несколько минут он очутился на оживленной улице Сумской, а еще через недолгое время – в кругу своей взволнованной семьи, которая совершенно не понимала причин столь долгого его отсутствия.

Спираль распрямляется

Этим дело, однако, далеко еще не завершилось. Через непродолжительное время на имя ректора университета поступило письмо за подписью начальника областного управления КГБ. В нем сообщалось, что преподаватель вверенного ему учебного заведения такой-то занимался деятельностью, «несовместимой с высоким званием работника советской высшей школы», и что ректорат университета должен незамедлительно принять соответствующие меры. Что имелось в виду, было совершенно очевидно.

Естественно, ректор послушно выполнил то, что ему было предписано. В. А. Головки тотчас же был уволен с работы с «волчьим билетом», хотя бы потому, что в его трудовой книжке красовалась теперь запись: согласно Кодексу законов о труде УССР уволен по статье 41.3, которая в любом отделе кадров будет прочитана правильно, – это чуждый советскому обществу человек, которому невозможно доверить никакую работу, и уж тем более связанную с таким ответственным делом, как обучение и воспитание молодого поколения строителей коммунизма.

Валерий Александрович был лишен каких-либо средств существования для себя и своей семьи. Попытки найти работу, если не непосредственно по специальности, то хотя бы в близкой к ней области, одна за другой терпели провал. Секретарь обкома партии по идеологической работе Н. А. Сероштан, фигура весьма мрачная и злобная, созвал совещание ректоров и партторгов вузов города, на котором выставил происшедший инцидент на всеобщее обозрение и призвал к повышенной политической бдительности. «Смотрите, чтобы и у вас не произошло чего-либо подобного», – предостерег он всполошившихся ректоров и партийных секретарей. Некоторые знакомые, даже близкие, стали после этого избегать Валерия, и даже пользование научной библиотекой ему было запрещено.

Настала, видимо, пора сказать, что в то время, когда происходили все эти события, я почти не имел понятия о бедах, свалившихся на моего молодого коллегу. Вскоре после этого я уехал на длительную научную стажировку в Москву, был поглощен своими исследовательскими изысканиями и весьма удивился, когда однажды вечером Валерий позвонил мне в общежитие Московского университета, где я жил. Он сказал, что у него серьезные неприятности, что он сейчас находится в Москве и попросил о встрече. Мы увиделись на следующее утро. Мой собеседник был весьма краток.

Сдерживая свои чувства, он сообщил мне только об основном результате происшедшего – увольнении его с работы по политическим причинам. На его просьбу помочь в трудоустройстве я, при всем к нему сочувствии, был вынужден ответить, что придется подождать моего возвращения в *alma mater*, прежде чем можно будет что-то предпринять. Позже стало ясно, что реально ничем помочь я не был в состоянии, хотя в тот момент и не осознавал этого.

Я не знал тогда, что во время пребывания в Москве Головки побывал в министерстве высшего и среднего специального образования СССР, куда уже поступила информация о происшедшем и откуда он в результате был со скандалом изгнан. Когда же примерно через полтора месяца я возвратился в Харьков, мне сообщили, что Валерий эмигрировал...

Больше ничего я тогда не узнал. Много из того, что было рассказано в этом очерке ранее, и почти все то, что последует сейчас, – это информация, полученная мною через много лет в совершенно новых условиях, о чем еще будет сказано.

Как оказалось, к моменту возвращения Головки в родной город в областное управление КГБ поступили данные, что в минвузе тот «вел себя неподобающим образом», якобы, скандалил, чуть ли ни швырял чернильницу в какого-то чиновника и т. п.

На этот раз, официально вызвав Головку к себе, следователь сообщил, что «его поведением недовольны», что он не извлек уроков из случившегося, не покался (?!) и что, если он будет продолжать мешать строить светлое будущее, «они» вынуждены будут его изолировать. Тут же, однако, было сделано совершенно неожиданное предложение. «Мы организуем вам вызов в Израиль, – заявил кагебист. – Уезжайте и не морочьте больше нам голову». К тому же, было добавлено кагебистом, Валерию следует забрать с собой своих родителей, ибо, как цинично сообщило это официальное лицо, «нам нужна их квартира».

Времени на сборы почти не дали, и буквально через несколько дней Головку с женой и ребенком, его родители и сестра, фактически без вещей, но с сопроводительными документами, гарантировавшими быстрое, но с почти пустыми руками, пересечение госграницы, были фактически выдворены из страны.

Из Вены о происшедшем сообщили «дедушке» в США. Тот принял необходимые меры по оказанию помощи, видимо, чувствуя, что на нем лежит немалая доля ответственности за случившееся. В Израиль семья не отправилась, но за рубежом началась новая, совсем не похожая на прожитую в СССР, жизнь.

Дальнейшая судьба

Первые, неизбежные в совершенно новой среде обитания тяжкие перегрузки, были сравнительно быстро преодолены. Этому способствовал целый комплекс причин. Немалую роль сыграли приличное знание английского языка, да и лингвистические способности вообще, в том числе, между прочим, и знание украинского. Столь же весомыми являлись широкий кругозор историка и политолога, в частности, знание истории и практики международных отношений, умение анализировать нестандартные ситуации, прогнозировать развитие событий. Наконец, важным фактором явились физическая и душевная прочность и выносливость, то, что американцы часто называют *stamina* (запас жизненных сил, высокая стойкость к физическим и моральным испытаниям). Все это было основой того, что «культурный шок», который, безусловно, как и у любого эмигранта, возник, глубокого следа не оставил.

Валерий Александрович Головка прошел быстрый, хотя и весьма нелегкий путь карьерного роста, став уважаемым в своей среде специалистом. Он преподавал в университетах, занимал должности на государственной службе. В конце 80-х годов он получил новое назначение и приступил к работе в том самом учебно-научном центре, в котором он продолжал трудиться в начале нового века. Эта работа была связана с многочисленными поездками в Москву, Киев и другие города находившегося уже в предраспадной стадии Советского Союза. Именно в это время мы встретились вновь.

Как-то в воскресный день у меня дома раздался телефонный звонок. Голоса я не узнал – очень уж давно произошла наша последняя встреча, да и просто невероятно было предположить, что еще одна встреча когда-нибудь окажется возможной. Однако в эйфорическое время, когда, казалось, показная горбачевская перестройка уступила место действительным, подлинно демократическим преобразованиям, сказка поистине могла вдруг обернуться былью. «Это Головка, – раздался голос в трубке. – Может быть, вы меня помните?» Восторгу моему не было предела. Менее чем через час я принимал дорогого гостя, с которым сразу же восстановились теплые, дружеские отношения.

Оказалось, что Валерий Александрович как раз в это время начал заниматься исследовательской работой примерно в той же сфере, которую он когда-то, в молодые годы, избрал областью своих научных интересов. Теперь узким направлением аналитической работы становилась история внешней политики СССР, в частности, в 20-е

годы. Наши интересы оказались очень близкими, а дружеские отношения, к общему удовлетворению, очень скоро переросли в творческое сотрудничество. Совместно со своим коллегой и другом Михаилом Георгиевичем Станчевым я тогда занимался изучением жизни и деятельности Христиана Раковского – болгарского и румынского социалиста, а позже советского государственного деятеля и дипломата, который стал одним из руководителей антисталинской оппозиции в ВКП(б) во второй половине 20-х годов и пал жертвой «большого террора». Мы договорились о подготовке совместной книги, посвященной внешнеполитической деятельности Раковского – его зарубежным миссиям и работе в качестве полномочного представителя СССР в Великобритании и Франции. Книга «Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского» вышла в свет в 1994 году.

На протяжении последних почти пятнадцати лет мои контакты с Валерием Александровичем остаются постоянными и плодотворными, по крайней мере для меня. Его рассказы о том, что происходило после визита в СССР американского «дедушки», сдобренные живыми интонациями и юмором, и легли в основу этого мемуарного очерка.

Когда я не так давно сказал Валерию, что собираюсь написать о нем статью в серии «Политические драмы и трагедии века минувшего», он вначале отнесся к этому намерению не очень одобрительно, добавив: «Какие уж тут драмы или тем более трагедии, в случае со мной был политический фарс».

Эти слова показались мне не вполне справедливыми – драма одного человека и его семьи, какой бы нелепой она ни выглядела в общеполитическом контексте, в полной мере вписывалась в общий характер драматического противостояния коммунистической власти в СССР и западного демократического мира, свидетельствовала, каким преступным было обращение коммунистических властей с судьбами отдельных людей, даже с теми, которые в общем-то были лояльными по отношению к существовавшему строю. При этом отнюдь не смехотворными были те страдания, которые в разной степени суждено было пережить этим людям, попавшим под колеса государственной карательной политики. Так что в данном случае трагедия, по моему убеждению, в фарс отнюдь не превращалась.

Могли ли советские кагебисты тогда, в 70-е годы, предположить, что своими насильственными действиями они, сами отнюдь не желая того, преследуя прямо противоположные цели, фактически создавали благоприятные предпосылки для блестящего развития за рубежом творческих способностей той личности, которую они стремились максимально унижить и причинить ей как можно больше вреда? Безусловно, на такую мыслительную операцию они никак не были способны.

Сам же Головко гордится не столько своими достижениями в работе, сколько тем, что сумел воспитать двух своих сыновей и помог им с образованием: младший – ныне начинающий врач, старший сын – уже главный врач поликлиники.

Широко известна поговорка по поводу того, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Приходится признать, что в некоторых, к сожалению немногих, случаях происходит и нечто совершенно противоположное – злые намерения ведут к положительному результату для объекта враждебной и несправедливой атаки.

Иначе говоря, эту поговорку можно переиначить, придав ей прямо противоположный смысл – иногда, правда, очень редко, бывает и так, что дурными намерениями оказывается вымощена дорога в рай... В полной мере это относится к истории нашего героя. «Судьба, как ракета, летит по параболе – обычно во мраке и реже по радуге», – писал когда-то Андрей Вознесенский. Именно таковой и является судьба Валерия Александровича Головко.

РЕЦЕНЗІЇ

В. А. Бурбига

**РЕЦЕНЗІЯ НА МОНОГРАФІЮ:
МИКОЛЕНКО, Д. В. ПРАВОЦЕНТРИСТСЬКІ ПАРТІЇ
У СИСТЕМІ ВЛАДИ КНЯЗІВСТВА БОЛГАРІЇ
(КІНЕЦЬ ХІХ – ПОЧАТОК ХХ ст.)
Х., ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2008. 148 с.**

У процесі розбудови демократії в Україні та в контексті сьогоденного зовнішньополітичного курсу нашої держави особливої актуальності набуває вивчення досвіду країн Європейського Союзу, у тому числі Південно-Східної Європи.

Актуальність монографії, у якій розглядається діяльність болгарських правоцентристських партій у кінці ХІХ – на початку ХХ ст., зумовлена також тим, що до цього часу головна увага вчених була зосереджена на дослідженні історії лівих політичних сил – соціал-демократів та БЗНС, роль яких у житті країни значно перебільшувалась. Варто відзначити, що у радянській історіографії болгарські правоцентристські партії характеризувались тенденційно, відповідно до марксистських стереотипів як буржуазні угруповання без чіткої ідеології та стабільного електорату. Тема, що розкривається у монографії, болгарськими істориками висвітлена під різними кутами зору, проте не всі її аспекти піддавались глибокому і всебічному аналізу. Д. В. Миколенко у своїй праці зробив внесок у вирішення складного завдання деідеологізації, очищення від тенденційних штампів, пошуку об'єктивності в оцінці діяльності правоцентристських партій, особливо їх ролі у законодавчій та виконавчій гілках влади.

Хронологічні рамки роботи охоплюють 1879–1908 рр.: від початку розбудови державності у Болгарії (робота Установчих зборів 10 лютого – 16 квітня 1879 р.) до проголошення незалежності країни (22 вересня 1908 р.), що стало точкою відліку посилення влади царя Фердинанда шляхом внесення змін до Тирновської конституції.

Для досягнення поставлених перед дослідженням завдань автором використана багата джерельна та історіографічна база, яка налічує більше півтисячі найменувань архівних фондів, документальних збірок, періодичних видань, монографій та наукових статей російською, українською, болгарською та англійською мовами.

Про високий професійний рівень праці Д. В. Миколенка свідчать залучені для її підготовки матеріали Болгарського історичного архіву при Народній бібліотеці імені Святих Кирила і Мефодія, Наукового архіву при Болгарській Академії наук, Центрального державного архіву Республіки Болгарія, Архіву зовнішньої політики Російської імперії. Робота ґрунтується на вивченні статутів, програм, інших матеріалів політичних партій; законів, прийнятих парламентом, та стенограм засідань Народних зборів.

Використавши при написанні монографії проблемно-хронологічний принцип викладення матеріалу, автор у першому розділі розглядає становлення багатопартій-

ної системи Болгарії наприкінці XIX століття, виділяючи п'ять основних етапів її формування.

Перший – з 1879 по 1883 рік, коли на політичній арені Князівства діяло дві партії – Консервативна та Ліберальна. Характерним для другого етапу (1883–1885) Д. В. Миколенко називає перехід від двопартійної до трьохпартійної системи. Під час третього (1883–1887) закладалися підвалини болгарської багатопартійності. Четвертий період (1887–1894), як вказується в монографії, проходив в умовах авторитарного режиму та вирізнявся занепадом більшості політичних сил. П'ятий (1894–1899) став перехідним від авторитаризму до класичної демократії і характеризувався відновленням багатопартійної системи. Детально проаналізувавши ці етапи, автор монографії констатує, що протягом перших двадцяти років болгарської державності головні ролі у політичному житті країни належали партіям ліберального та консервативного спрямування. З появою у 1891 році соціал-демократів вони визначені як правоцентристські.

Аналізуючи далі діяльність партій у системі влади наприкінці XIX століття, Д. В. Миколенко підкреслює, що в цей період партії стали складовою частиною політичної системи країни. Деякі особливості болгарської дійсності, що не відповідали західноєвропейським зразкам парламентської демократії, були наслідком відсутності традицій і низької політичної культури громадян, слушно зауважує дослідник.

Розглянувши ідеологію, соціальний склад та особливості болгарських правоцентристських політичних сил, автор монографії констатує, що наприкінці XIX ст. на політичній арені Князівства діяло п'ять правоцентристських партій (Народна, Народно-ліберальна, Прогресивно-ліберальна, Ліберальна і Демократична), кожна з яких мала своє обличчя, яке визначалось соціальним складом, цілями, завданнями, схильністю до лібералізму чи консерватизму. Називає він і їх спільні риси – надмірну роздрібленість політичних сил, вождизм, наявність у програмах пункту про зовнішньополітичну орієнтацію та схильність до націоналізму. Д. В. Миколенко аргументовано спростовує характеристику, надану істориками НРБ, зокрема К. Новаковим, щодо правоцентристських партій як політичних угруповань, вказуючи про наявність у цих політичних сил своїх ідеологій, системи регіональних представництв, програм і статутів тощо.

У другому розділі монографії дослідник розглядає політику ліберальних та консервативних партій Болгарії у період внутрішньополітичної нестабільності 1899–1903 рр. На тлі подій у Князівстві автор неупереджено і послідовно висвітлює участь правих у роботі виконавчої влади, парламентську діяльність проурядових партій, а також боротьбу за владу правоцентристів у якості опозиції. На думку Д. В. Миколенка, період політичної нестабільності Болгарії яскраво продемонстрував ідейні розбіжності між правоцентристськими партіями. Найбільш ліберальними серед них були «каравелісти», а «радославісти», перебуваючи при владі, проводили доволі жорстку внутрішню політику, спрямовану на підсилення виконавчої влади. При цьому автор зауважує, що Ліберальна партія декларувала у своїй програмі чи не найдемократичніші гасла; «народнякам» традиційно була притаманна поміркованість, а «стамболовісти» зарекомендували себе найпослідовнішими прибічниками Фердинанда. Усе це дає підстави автору розглядати останні дві партії як найбільш консервативні. На думку дослідника, «прогресивні» ліберали, у порівнянні з «каравелістами», знаходились у політичному спектрі правіше – їхні реформи 1902–1903 рр. відзначалися поміркованістю, тому «цанковісти» – це типові правоцентристи, підсумовується у висновках до другого розділу.

Чільне місце в монографії належить висвітленню діяльності провідних партій у роки внутрішньої стабілізації з 1903 по 1908 р. Виділяючи специфічні для періоду

риси, автор вказує, що в ці роки за ініціативою проурядової Народно-ліберальної партії відбувалося зміцнення виконавчої гілки влади, зростала чисельність армії, спостерігались позитивні тенденції в економіці. Саме це дозволило «стамболовістам» тривалий час доволі успішно керувати країною. Економічне зростання, яке почалося з 1902 року, – це не тільки результат подолання урядом «цанковістів» фінансових негараздів, а й наслідок вдалої політики наступних трьох кабінетів, переконаний дослідник.

Під час правління «стамболовістів» правоцентристські партії продовжували відігравати роль головних опозиційних сил. Серед лівих лише Землеробська спілка і Радикальна партія мали незначне представництво у парламенті тринадцятого скликання. Головним козирем опозиції того часу було звинувачення провладної політичної сили у спробі відновити авторитарний режим на кшталт диктатури С. Стамболова 1887–1894 рр. Подібна критика мала під собою підґрунтя, адже у 1903–1908 рр. відбулося посилення виконавчої гілки влади, зазначається в монографії.

Дуже цінним для читача є аналіз ставлення політичних сил до проголошення незалежності Болгарії у вересні 1908 р. Автор переконливо доводить, що хоча позиції партій щодо вересневих подій були неоднозначними, жодна з них не засудила ініціативу Фердинанда й уряду А. Малінова, хоча деякі партії і звернули увагу на негативні наслідки, до яких могли привести ці події. На думку автора, найбільшими реалістами серед усіх правоцентристів виявилися «народняки». Вони звернули увагу громадськості на формальність проголошення незалежності і на негативне ставлення до нього деяких країн. «Стамболовісти» однозначно підтримали цю акцію. Схожу позицію зайняли і «радославісти», які постійно нагадували, що давно виступали за необхідність проголошення незалежності. «Цанковісти» загалом дали позитивну оцінку вересневим подіям, але наголосили на можливих негативних наслідках для країни. Демократи, як проурядова партія, намагалися підтримати цю акцію, підкреслюючи керівну роль у ній кабінету А. Малінова. Жодна із названих політичних сил не розглядала проголошення незалежності окремо від отримання царської корони Фердинандом, не засудила честолюбивих намірів голови держави, які безперечно ускладнили міжнародну ситуацію навколо Болгарії, відзначається у висновках до третього розділу.

Заслугою автора є те, що основні напрями еволюції політичної системи Болгарії у 1879–1908 рр. розглянуто з особливим наголосом на теми, які практично не знайшли відображення навіть у роботах болгарських дослідників: діяльність Младоліберальної партії у 1904–1908 рр., «цанковістів» у 1899–1901 і 1903–1908 рр., «стамболовістів» у 1899–1903 рр.

Оригінальність висновків та узагальнень є головним достоїнством монографії Д. В. Миколенка. Автор використовує інше визначення партіям, за якими у марксистській історіографії закріпився термін «буржуазні» – правоцентристи. Застосований кластерний аналіз дозволив диференціювати ці політичні сили за новим принципом, що ґрунтується на відображенні у їхніх програмах більшої чи меншої схильності до лібералізму або консерватизму. Хоча водночас автор самокритично відмічає певний суб'єктивізм при наданні числового значення пунктам програм партій, а також неможливість врахування їхньої реальної політики під час перебування при владі.

Справедливим є також ствердження про умовність поширених в історіографії штампів щодо поділу болгарських партій відповідно до їх зовнішньополітичних орієнтацій на «русофілів» і «русофобів». На думку дослідника, характеризуючи ідеологію правоцентристських партій, не варто перейматися такими ярликами, необхідно враховувати як первинне смислове навантаження цих понять і зміну їх сенсу стосовно історичної ситуації, так і можливість еволюцій поглядів відповідних політичних сил.

Позитивно оцінюючи дослідження Д. В. Миколенка, висловимо й деякі зауваження. Характеризуючи процес формування партійної системи в Болгарії, автор проаналізував зовнішньополітичні пріоритети представників консервативної течії, але не вказав відповідні орієнтири лібералів (с. 11). Також доречним було б розглянути і роль політичних партій північної Болгарії у підготовці об'єднання Князівства і Східної Румелії (24–25). Аналіз ідеологій, соціального складу та особливостей кожної із правоцентристських політичних партій для кращого сприйняття і порівняння необхідно було подавати за єдиною схемою.

Шкода, що автор монографії, досліджуючи партійні програми, звертає увагу на позиції тільки прогресивно-ліберальної та демократичної партій щодо вирішення болгарського національного питання (35–38). Робота була б ще актуальнішою, якби в ній було більше уваги приділено ставленню усіх правоцентристських партій до цієї важливої проблеми.

Проте наші зауваження жодним чином не знижують наукову цінність дослідження та його загальної позитивної оцінки. На наш погляд, монографія Д. В. Миколенка є вагомим доробком вітчизняної балканістики та суттєво розширює знання українського читача з історії Болгарії.

А. В. Бредихін

**РЕЦЕНЗІЯ НА МОНОГРАФІЮ:
ДОКАШЕНКО, Г. П. БОЛГАРСЬКА ШКОЛА
ПОВОЄННОГО ПЕРІОДУ: ІСТОРИЧНИЙ АСПЕКТ
Горлівка, Видавництво ГДПІМ, 2008. 288 с.**

Проблема дослідження духовної сфери завжди мала високий потенціал актуальності, який значно зростає, коли йдеться про дослідження духовного життя у країнах, що знаходяться на переламних етапах своєї історії. Друга половина минулого століття стала для країн Центральної і Східної Європи саме таким переламним моментом, коли, опинившись на перехресті кількох, частіше за все протилежних, інтересів, вони майже на півстоліття увійшли до зони радянського впливу. Не стала винятком і Болгарія. Маючи глибокі національні традиції духовного розвитку, й зокрема освіти, вона була включена в процес уніфікації всього суспільного життя, у тому числі і в освітній сфері. З цієї точки зору рецензована робота має високий ступінь актуальності. У ній піддається всебічному аналізу процес становлення та функціонування шкільної освіти як базової і найбільш чисельної ланки освітнього простору країни.

Монографії притаманна методична і концептуальна цілісність, гармонійність наукового викладу, позбавленого однобічних чи категоричних висновків. Авторкою здійснено об'єктивне комплексне дослідження розвитку шкільної освіти Болгарії другої половини минулого століття. Витримана логіка подання матеріалу: від з'ясування історичних та політичних передумов освітніх реформ через аналіз засадничих положень освітньої сфери до визначення її теоретичних та практичних аспектів. Висновки переважно підтверджені широким фактологічним матеріалом, ґрунтовною джерельною базою. Основу роботи складає різноманітна за змістом і характером джерельна база: архівні матеріали, опубліковані документи, мемуарна література. Їх вивчення дозволило досягти поставленої мети та дослідницьких завдань. Перелік архівних установ, матеріали яких використано в роботі, дає можливість говорити про значну дослідницьку роботу, оскільки вивчено не тільки архівні матеріали України і Росії, а й залучені справи чотирьох фондів Центрального державного архіву Республіки Болгарії, що у вітчизняній історичній науці раніше не використовувалися. Г. П. Докашенко продемонструвала досить високий рівень професійної підготовки, вміння проводити неупереджений, дійсно науковий аналіз історичного матеріалу.

Незважаючи на складність характеристики сфери духовного життя суспільства через високу ступінь впливу на неї суб'єктивного людського чинника, автору вдалося створити комплексну картину становлення та розвитку шкільництва в Болгарії, яка на цей період мала значні історичні традиції в освітянській галузі. У монографії доречно ставиться одна із головних проблем розвитку освіти як співвідношення між національними традиціями та уніфікованими підходами соціалістичної доби. Це співвідношення дослідниця розглядає історично в залежності від того періоду, на якому перебувало болгарське суспільство: період боротьби щодо перспектив розвитку, період побудови «основ соціалізму», період «розвиненого соціалізму» тощо.

Авторка зосередила увагу на таких характерних проблемах освітнього розвитку, які дають уявлення про тогочасну систему освіти взагалі: партійна політика в галузі освіти та її зв'язок із стратегічними завданнями, ідеологізація навчального процесу, соціальний статус вчителя, боротьба з неписьменністю. В аспекті сучасних тенденцій толерантності суспільного життя корисним виглядає звернення автора до проблеми між-національних стосунків через аналіз болгарського досвіду створення шкіл для національних меншин.

Можна говорити про відсутність порівняння проблем розвитку шкільної освіти Болгарії з іншими країнами «соціалістичного табору» (крім СРСР), але це скоріше побажання подальшого осмислення теми.

М. Чоролеева

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЯТА НА: НИКОЛОВА, Н.
ПРОФЕСОР МАРИН ДРИНОВ
И БЪЛГАРСКАТА ОБЩЕСТВЕНО-ПОЛИТИЧЕСКА ЛЕКSIKA
С., АИ „Проф. Марин Дринов“, 2009. 290 с.**

Сред публикациите и научните изследвания нашето внимание привлича книгата на Надежда Валентинова Николова „Професор Марин Дринов и българската обществено-политическа лексика“. Тя се състои от увод, три глави, заключение, литература и три приложения. Темата е сполучливо избрана и е значима, тъй като разработването ѝ допринася за изясняване на важни страни от историята на българския книжовен език и специално на развитието на процесите на изграждането на българската книжовна лексика през третата четвърт на XIX век.

Лексиката на Марин Дринов в научните и публицистичните му съчинения и обществено-политическата лексика, като най-съществена нейна съставка, досега не са проучени. Не е проучен приносът на Марин Дринов за изграждането, обогатяването, развитието на книжовната лексика и специално на обществено-политическата лексика на българския език. Ето защо много добре авторката се е насочила именно към тази страна от езика на Марин Дринов.

В Увода се поставят и разглеждат въпросите, които са необходимата основа за изследването. Целта на монографията е точно и ясно поставена – изследване на обществено-политическата лексика в научните и публицистични трудове на Марин Дринов, като се проведе научен анализ в два основни аспекта – с оглед на историята на книжовния език на определен етап – третата четвърт на XIX в., и по отношение на семантичния статус на обществено-политическата лексика в книжовната практика през този период. Определената научна цел е сведена до три основни конкретни изследователски задачи: да се направи семантична характеристика на използваната обществено-политическа лексика; да се установи езиково-историческата роля на книжовния деец за въвеждане, утвърждаване или създаване на определени лексикални средства в книжовния език; да се проследи вътрешната динамика в езика на М. Дринов като отражение на процесите на интелектуализация, европеизация и национална консолидация в българския език (в частност в обществено-политическата лексика) през третата четвърт на XIX в. – и трите много амбициозни и изключително трудни за изпълнение, с които, още тук подчертавам, авторката се е справила успешно.

Изследваната обществено-политическа лексика е ексцерпирана от 67 произведения и наброява 1987 лексикални единици, което смятам, че е достатъчен обем, за да се направят сериозни изводи. За тяхната надежност значим гарант са и извършените съпоставки с всички български лексикографски трудове и лексикалните картотеки на Секцията за българска лексикология и лексикография при Института за български език.

Първа глава е посветена на въпроси, чието изясняване е задължително за цялостното осъществяване на набелязаните задачи. На първо място се разглежда книжовно-езиковата ситуация у нас през третата четвърт на XIX век. Добре е представено със-

тоянието на българската книжовна лексика чрез основните процеси и явления, които я характеризират. Поставен в този контекст, се изяснява приносът на Марин Дринов за теоретичното и научнообосновано разкриване на ролята на книжовния език за духовното укрепване на нацията, за историческото значение на националния език. Прави се анализ на идеите на Дринов за езика, за устройството на книжовния език, на българския правопис, като те са обобщени и точно представени. Този подробен анализ на възгледите и идеите на Дринов е важен, тъй като дава възможност за разбиране и представяне на ролята му и за изграждане и утвърждаване на обществено-политическата лексика, което се изяснява по-нататък в изследването. Интересна е частта, в която Марин Дринов се разглежда като национална езикова личност. Тук конкретно се проявява стремежът на авторката да използва най-новите теоретични виждания в лингвистичната теоретична мисъл, което е едно от качествата на научния труд. Всъщност тук само се поставя въпросът за „езикова личност“ според вижданията на Караулов и други лингвисти, а разкриването на Марин Дринов като национална езикова личност се осъществява в цялостното изследване, специално в следващите две глави на книгата.

Във втора глава се анализира обществено-политическата лексика в произведенията на Марин Дринов от семантично гледище. За да бъде възможно това, Надежда Николова се заема с изясняване на същността, обхвата и особеностите на този вид лексика въз основа на изследванията по този въпрос, като оформя свое виждане и определя точно съдържанието на термина „обществено-политическа лексика“. Тук е уместно да подчертая, че тя се отнася изключително сериозно към изясняване на същността на използваните термини, понятия, подходи. Постигането на терминологична яснота е една от положителните страни на труда. Специално искам да отбележа и много доброто познаване на литературата, свързана с темата.

При изследването на семантиката на използваната от Марин Дринов обществено-политическа лексика трябва да бъде оценено прилагането на когнитивния подход. Авторката класифицира анализиранията лексика тематично в девет концептосфери. Приемам направената тематична класификация и разглеждането на всеки тип поотделно.

В трета глава обществено-политическата лексика, използвана от Марин Дринов, се анализира с оглед на нейния произход, като по този начин се очертава характерът ѝ при нейното обособяване и специализиране в самостоятелна стилово маркирана сфера на употреба и най-точно се доказва личният принос на Марин Дринов като национална езикова личност. В тази част на монографията най-добре се открояват способностите на Николова да прави анализ и въз основа на него да достига до важни и добре обосновани заключения. Направени са изводи за характера и особеностите на обществено-политическата лексика в разглежданите произведения, например че не се срещат тясно диалектни думи, че се употребяват интердиалектни думи според вижданията на Дринов за изграждане на единен книжовен език, обединяващ чертите на всички диалекти, за композицията като важен словообразователен начин през този период и много други.

Точно и ясно въз основа на преглед на изказаните досега мнения се определя съдържанието на термините заимстване, заемка, адаптация. Определят се три степени на адаптация: фонетично адаптиране, морфологично и граматично усвояване и лексикално-семантично адаптиране, които последователно се разглеждат въз основа на конкретния материал.

При семантичното адаптиране авторката много сполучливо разграничава три последователни етапа: семантизиране на заемките, семантично адаптиране и функционално закрепване на заемките към определена сфера на употреба. Повечето от изводите в трета глава имат приносен характер, особено по отношение на интернационалната

лексика и етапите на възприемане на чужди думи в езика ни, и специално разкриването на ролята на Марин Дринов за изграждане на българската обществено-политическа лексика.

Искам изрично да изкажа задоволството си от заключението. В него много добре са представени изводите, ясно се открояват приносните моменти в монографията.

Научният труд е първото в българската лексикология цялостно изследване на обществено-политическата лексика на Марин Дринов.

В заключение ще отбележа, че авторката показва много добра ерудиция, стремеж към прилагане на съвременни методи за лингвистично изследване и успешно е изпълнила поставените цели и задачи: представянето на Марин Дринов като езикова личност, разкриването на приносите му за изграждане на системата на българската книжовна лексика, изясняване на редица въпроси на обществено-политическата лексика и нейното утвърждаване.

Г. Керкенияков

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГАТА НА:
ГЕМИДЖИЕВ, Г. ИСТОРИЯ НА ПАНАГЮРИЩЕ 1878–1944
С., 2009. 620 с.**

През 2009 г. местната историопис се обогати с една нова книга. Излязлата от печат през есента „История на Панагюрище 1878–1944“ с автор Георги Гемиджиев има за задача да запълни една празнота в изследванията за миналото на града ни. Малко са опитите в тази насока и те датират от 50-те–60-те години на миналото столетие, когато автори като Панчо Шопов и Атанас Сугарев са стигали до етап на цялостни и систематизирани изложения, които не са публикувани. Тази книга е напълно независимо от тях проучване, което се отличава със задълбоченост при обрисувание панорамата на историческото развитие на Панагюрище след Освобождението до преломната 1944 г.

Внимателният прочит на повествованието разкрива гледната точка на автора, не досаждащ на читателя с декларативни изводи и внушения за сложните и многообразни процеси в обществено-политическия, икономическия и духовния живот на местната общност. На него му е предоставена възможността, запознавайки се с фактологическия материал, сам да си формира представите за извървения път на развитие на селищния организъм. Негови остават да бъдат и изводите, базирани на информираността му за общонационалните процеси и явления от този период. В случая веднага трябва да кажем, че се касае за авторски подход на обективизъм и на чувство за мярка при трактовката на историческата действителност от този период, на толкова сложните и нееднозначни явления и процеси. В този му вид произведението не конфронтира читателите с различни политическа принадлежност и идеологически убеждения, което авторът се е стараел да не допусне. Това качество прави книгата полезна за всички, които се интересуват от миналото на Панагюрище.

Запознати с изследователската концепция на автора, следейки от години неговите публикации, студии и монографии, можем да отчетем, че трудът е сполучлив завършек на десетилетни усилия и че той не е случайно явление. Това е логичната крачка към обобщения, базиращи се на солидна документална подплата, и ние напълно можем да се доверим на изследователя за направения исторически обзор.

Структуриран хронологично, този обзор, с неговите основни теми и подтеми, притежава характеристиката на поселищно проучване, което българската историографска наука може да използва като градиво при нейните анализи и изводи за развитието на Третата българска държава. В това отношение тя ще бъде безкрайно облекчена от съдържанието на този труд, отразяващ и въздействието на Панагюрище върху развитието на околните селища, на които градът през различни периоди се явява административен, стопански, духовен и политически център. Тук се налага да направим неизбежния паралел с изследвания и мемоари с местна тематика като: „Кратко описание на панагюрското въстание“ (1893) от Петър Карапетров, „Бележки върху икономическото положение на град Панагюрище преди и след въстанието“ (1904) от Марин Влайков, „Бележки за Средногорското въстание 1876 година“ (1901) от Тома Георгиев и др., по-късно

използвани при написването на „История на Априлското въстание“ от Димитър Страшимиров (1907). Какво друго, ако не приноси са впечатляващите страници за мястото и ролята на Панагюрище в общонационалното движение за съединение на Княжество България с Източна Румелия или пък за приноса на военните дейци и редовия състав от Панагюрище във войните за национално обединение (1912–1913), за доблестно изпълнение дълг по време на Първата световна война (1915–1918), последвана от крушение на националния идеал и довела до спонтанния бунт на войнишките маси във Владайското въстание (1918). Постигнатата конкретност прави разбираеми за читателя последвалите в държавата политически сътресения, стигнали своя връх в конфронтацията с Деветоюнския преврат (1923) и ответната нему акция на Септемврийското въстание през същата година.

Особен акцент в изследването е проследяването на дейността на Панагюрската градска община. За нас авторът е сполучил, отделяйки важно място на тази тема. Разглеждайки я, той дава възможност да бъдат схванати особеностите в развитието на българската парламентарна демокрация и нейните проявления във функционирането на общинските власти. Така читателят се информира за действието на двете начала на изборност и назначаемост на местната управа, сменящи се неколкократно през 20-те и 30-те години, израз на политическа нестабилност и нарушение на Търновската конституция. В тази усложнена обстановка назначаемите и изборните ръководства успяват да решават важни въпроси от урбанизацията на Панагюрище, каквито са електрификацията, водоснабдяването, пътната връзка с Пазарджик, Пловдив и София, жп връзката с Пловдив, обновяването на материалната база на училищата с построяване сградата на Прогимназията и изпълнението на първия етап от сградата на Гимназията, завършването на Театър дом-музей, днешното читалище „Виделина“. Продължение на тези урбанизационни процеси е развитието на здравната мрежа с разширяването на местната болница и строителство на здравен дом – днешната поликлиника. Всичко това отразява еволюцията на Панагюрище като град и като център на прогреса, каквато роля му е определена да изиграе по отношение развитието на регионалната общност от бившата околия независимо от променящия се във времето териториален обхват. Така изследването постига пространствени измерения, надхвърлящи границите на града.

Като израз на концептуалност трябва да бъде оценена темата за стопанското развитие на Панагюрище. То правдиво е проследено и отразено като бавен и мъчителен процес на фона на бързото развитие на пазарното стопанство в България в годините до войните през второто десетилетие на XX век. Поднесените статистически данни за селскостопанското производство и неговата съоръженост, за движението на населението, за броя на обхванатите в килимарската индустрия илюстрират икономическата неразвитост на града. Търсейки изход от това положение, през 20-те и 30-те години на миналото столетие местните предприемачи правят първи стъпки за навлизане на машинното производство, изразено в създаването на предприятие за хавлиени изделия, на интендантска работилница за обувки и войнишки облекла. В това отношение като положителен пример се посочват създадените производителни кооперации в дървообработването, в стопанисването и експлоатацията на общинските гори, както и на такива в аграрния сектор. В разглеждания комплекс от фактори за промяна на икономическата ситуация съвсем закономерно се отделя внимание на ролята на субективния фактор, като са посочени примери на предприемаческа инициатива, каквито са случаите с хавлиено производство, килимарството и други отрасли на местната икономика.

Проследявайки състоянието и развитието на базисните процеси в градското стопанство и обслужващата сфера, авторът спира своето внимание и на надстроечните

явления. Това е пресъздадено чрез проследяване биографиите на видни дейци на просветата, културата и изкуството, свързани с Панагюрище, работили в града и страната или прославили с творчеството си България в чужбина. Така е очертан приносът на Панагюрище при създаването на националната култура и наука. Резюмираните биографии са особено четивни и лесни за възприемане от любознателната аудитория. Този стил е приложен и при славесните портрети на кметовете и народните представители от Панагюрище, работили и допринесли за решаване на важни социални проблеми и при разкриване на възможности за стопански напредък.

Независимо че не е изрично посочено, личи, че авторът е съобразил съдържанието с основните национални ценности и интереси през този етап от нашето развитие, каквито са: въпросът за националното обединение, либерално-демократичното конституционно и парламентарно управление, икономическото развитие на държавата, развитието на българската просвета, наука и култура, поддържането на обществената стабилност и социалния мир. Това прави труда методологически издържан, надхвърлящ рамките на описателството – характерна черта на краеведческите проучвания. В това отношение има сполука, изразена в преодоляването на романтикоидеалистичния подход при осветляване историята на Панагюрище, характерен за нашето краезнание от по-ранни периоди. В него фактите не се абсолютизират. Местните специфики се разглеждат в контекста на националната история и като проявление на общите тенденции в развитието на България във времевата рамка 1878–1944 г.

Като добросъвестен изследовател авторът дава обяснение за отсъствието на темата за развитието на буржоазните партии и движения. Тази празнота е вследствие на липсата на богат документален материал, който да позволи разглеждане на въпроса в дълбочина. Можем да пожелаем научното търсене в тази посока да продължи в едно допълнено издание на историята.

В заключение трябва да посочим, че книгата отговаря на научната методология като съдържание и тематична структура, че тя е сполучлив опит за изследване историята на града от Освобождението до края на Втората световна война, че има актуално звучение и дава възможност за развитие на научното дирене при осветяване на следващите периоди от историята на Панагюрище, обхващащи втората половина на XX век – предстояща задача пред представителите на краезнанието в града ни.

Е. Л. Валева

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ДО И ПОСЛЕ ВЕРСАЛЯ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ
И ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
(ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.)**

Отв. ред. А. Л. Шемякин. М., 2009. 432 с.

Работа, подготовленная коллективом сотрудников Института славяноведения РАН и рядом специалистов из других научных учреждений, представляет галерею портретов лидеров Центральной и Юго-Восточной Европы, вошедших в пантеон национальной истории. Героями этой книги стали не только главы независимых государств, но и вожди народов, входивших в состав противостоявших друг другу империй. В судьбах этих людей есть одна общая особенность – в исторической памяти своих народов их имена и политика оказались связанными с идеей создания единого государства, объединения нации. Представленные в рецензируемой книге государственные и политические лидеры выступили на авансцену истории в переломную для всего континента эпоху, центральным событием которой стала Первая мировая война. Именно с ней они связывали окончательное решение «своего» национального вопроса, реализацию «национального идеала».

В последнее время в отечественной историографии проявилось особое внимание к антропологическим исследованиям, к личности и ее роли в истории, что вполне оправдано, поскольку уравнивает прежний крен в сторону абстрактных изысканий из истории классов, социальных групп, их борьбы и смены общественных формаций. Широкий круг читателей, несомненно, лучше всего воспринимает историю через судьбы отдельных людей. Особенно, если эти люди, как герои рецензируемой книги, являются харизматическими личностями, оказавшими значительное влияние на ход исторических событий. Их судьбы наполнены драматическими событиями, крутыми поворотами и подобны приключенческим романам.

Некоторые лидеры региона «послеверсальского» периода однажды уже были объектом исследования почти того же коллектива сотрудников Отдела истории славянских народов периода Мировых войн Института славяноведения. В 1993 г. вышел сборник «Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.)». Изданный тиражом всего в 250 экземпляров, он тут же стал библиографической редкостью, как это теперь, к сожалению, случается со многими ценными академическими изданиями. В плеяду представленных в нем государственных и политических деятелей вошли монархи стран балканского региона – царь Борис III в Болгарии, король Румынии Фердинанд Гогенцоллерн, король бывшей Югославии Александр Карагеоргиевич, главы правительств Греции Э. Венизелос и Югославии Н. Пашич, первый президент Чехословакии Т. Г. Масарик, национальный лидер воссоединенной Польши Ю. Пилсудский, регент Венгрии адмирал М. Хорти, руководитель хорватского крестьянского движения С. Радич.

Однако новая монография «До и после Версаля» отнюдь не является расширенным (и по числу авторов, и по количеству описанных ими персон) изданием вышеназванного сборника. В галерею портретов лидеров Восточной Европы первой трети XX века вошли 18 политических деятелей. Правда, два очерка перекочевали из прежнего (статьи М. Д. Ерещенко о Фердинанде I и К. Н. Семенова об Э. Венизелосе); другие же существенно расширены и переработаны (статьи Е. П. Серапионовой о Т. Масарике и А. Л. Шемякина о Н. Пашиче). Книга содержит и новые тексты об уже известных героях: Ю. Пилсудском (Г. Ф. Матвеев), М. Хорти (Н. А. Асташин), короле А. Карагеоргиевиче и С. Радиче (А. А. Силкин). Вместо болгарского царя Бориса в рецензируемом сборнике присутствует его отец – царь Фердинанд Саксен-Кобург-Готский (О. Н. Исаева).

В книге представлены и новые государственные и политические деятели: одна из знаковых фигур как для Болгарии, так и для Македонии – Т. Александров (Р. П. Гришина), венгерский премьер П. Телеки (А. И. Пушкаш), видный польский политик, основатель «пястовской» концепции развития Польши Р. Дмовский (Л. С. Лыкошина), четырежды глава румынского правительства, некоронованный правитель Румынии в судьбоносные годы Первой мировой войны И. К. Брэтиану (В. Н. Виноградов), первый чехословацкий премьер-министр чех К. Крамарж и военный министр словак М. Штефаник (Е. П. Серапионова), председатель Словенской народной партии А. Корощец (Н. С. Пилько), один из лидеров младотурок И. Энвер-паша с его модификацией турецкой национальной идеи (Р. Р. Субаев).

Данный труд является третьим в серии исследований, посвященных периоду до и после Версальской мирной конференции и подготовленных в Отделе истории славянских народов периода Мировых войн*. Авторы рецензируемой книги стремились отразить через жизнь и политику своих героев процессы развития молодых независимых государств во всем многообразии обстановки того времени. При этом особое внимание уделено проблеме вхождения во власть политиков, которые должны были учитывать последствия революционных перемен в Советской России. Так, избранный послевоенными политическими лидерами путь реформаторского обновления общества позволил сохраниться балканским монархиям. Королевские дворы Карагеоргиевичей, Кобургов и Гогенцоллернов хорошо усвоили печальный урок крушения царизма в России.

Не менее интересны статьи о становлении режима буржуазной демократии в республиканской Чехословакии с приходом Т. Г. Масарика и авторитарной диктатуры М. Хорти в Венгрии. Портреты этих деятелей высвечивают судьбу их государств: демократическая Чехословакия не смогла противостоять германскому диктату; хортистский режим наглядно показал, как произошла коррупция национальной идеи, лежавшей в основе образования новых государств после Первой мировой войны.

Особо хочется отметить присутствие в книге статей, объединенных рассмотрением (с различных позиций) так называемого македонского вопроса. К началу XX в. он превратился в самую острую региональную проблему, имевшую не только геополитическое, но и национальное содержание. К этому времени Македония – сердцевина Балкан с чрезвычайно смешанным в этноконфессиональном отношении населением стала не только центром антиосманской борьбы, но и «яблоком раздора» между соседними государствами. Македонская тема накрепко спаяла всех государственных и политических деятелей Балкан. Болгарский царь Фердинанд потерпел жестокое поражение в войнах за Македонию и потерял корону. Как пишет автор статьи о болгарском монархе О. Н. Исаева, «в погоне за призраком Великой Болгарии Фердинанд превратился

* См. также: Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996; Восточная Европа после «Версаля». СПб., 2007.

из носителя национальной идеи в ее заложника и жертву». Король Югославии Александр Карагеоргиевич, который в итоге Балканских войн обрел треть Македонии, погиб от руки македонского националиста. Македонская тематика присутствует и в главе К. Н. Семенова об Э. Венизелосе – блестящем дипломате и ярком государственном деятеле-реформаторе.

Впервые в отечественной литературе создан портрет одного из лидеров македонского национального движения Т. Александрова – революционера-террориста, принимавшего самое непосредственное участие во всех перипетиях македонского вопроса. Еще до недавнего времени в исторической и мемуарной литературе (главным образом болгарской) Т. Александрова либо превозносили и хвалили, либо ругали, а его деятельность замалчивали; он побывал и героем национально-освободительной борьбы, и военным преступником. Основываясь на недавно введенных в научный оборот болгарскими специалистами документальных материалах, автор соответствующей статьи Р. П. Гришина попыталась воссоздать объективный образ этого крайне неоднозначного политического деятеля, развенчав «миф о легендарном болгарском патриоте».

Следует отметить присутствие в сборнике статьи о «гетмане всей Украины» П. П. Скоропадском (автор Е. Ю. Борисенко). В статье продемонстрирован осмысленный и взвешенный подход к непростой фигуре Скоропадского, наглядно показано, что его привязанность к двум культурам – украинской и русской – зачастую вызывало неприятие и у радикальных националистов, и у сторонников «единой и неделимой России». В статье приводится меткое выражение Н. М. Могилянского, характеризующее особенности исторического портрета гетмана Украинской державы: «Скоропадский был достаточно русским, чтобы не предать интересов России, он был искренним украинцем, чтобы не дать в обиду украинские интересы».

Отметим, что не все из героев рецензируемой книги оказались в межвоенный период на пике влияния в своих странах. Одни (Фердинанд Болгарский, Энвер-паша) именно после войны пережили крах иллюзий и бывшего могущества, другие промелькнули на политическом небосклоне как метеор (П. П. Скоропадский). Но, как сказано в предисловии к книге, всех их под единую обложку свела «одна, но пламенная страсть» – желание «раз и навсегда» решить национальный вопрос в его «интегральной» форме, с причудливой эволюцией этого понятия в сознании конкретных «борцов».

Сочетание самых разноплановых документов и материалов, их объективная и беспристрастная трактовка, отражение позиций разных слоев внутри обществ отдельных стран, а также показ внешнеполитических факторов – все это предопределяет ценность работы, проделанной коллективом ученых-профессионалов.

В заключение отметим, что обращение к рассматриваемому периоду истории региона, отличающемуся динамизмом исторического процесса, радикальными общественно-политическими переменами, несомненно, вызовет значительный интерес российских и зарубежных читателей.

Как и во всякой творческой работе, в рассматриваемой монографии можно найти отдельные недочеты, с чем-то поспорить. Но основные положения не вызывают возражений. Нет в работе и фактических ошибок. Можно смело утверждать, что в академической историографии появилось во многом оригинальное исследование, написанное хорошим языком и тщательно отредактированное. Представляется уместным и приложение – Письма премьер-министра П. Телеки регенту М. Хорти.

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

С. І. Пачев

МІЖНАРОДНИЙ НАУКОВИЙ СЕМІНАР «БОЛГАРИ ПІВНІЧНОГО ПРИАЗОВ'Я: ТРАДИЦІЇ ТА ІНТЕРКУЛЬТУРНІСТЬ»

Центр болгаристики Мелітопольського державного педагогічного університету ім. Богдана Хмельницького 23–28 травня 2009 р. провів Міжнародний науковий семінар «Болгари Північного Приазов'я: традиції та інтеркультурність».

Партнерами у проведенні семінару були Етнографічний інститут із музеєм Болгарської академії наук, Одеське наукове товариство болгаристів, Запорізький національний університет, Запорізьке обласне товариство болгарської культури, Мелітопольське товариство болгарської культури «Балкани», Приазовське районне болгарське культурно-просвітницьке товариство «Дружба», Богданівська сільська рада Приазовського району Запорізької області, Богданівський навчально-виховний комплекс I–III ступенів.

У роботі семінару взяли участь науковці із Софії, Пловдива, Одеси, Ізмаїла, Болграда, Запоріжжя, Горлівки та Мелітополя, а також місцеві краєзнавці. У рамках семінару відбулася міжнародна етнографічна експедиція до болгарських сіл Строганівки, Ботієвого, Богданівки, Степанівки Другої Приазовського району Запорізької області.

Необхідність проведення семінару викликана потребою об'єднати зусилля українських та болгарських учених у комплексному дослідженні історії, мови, етнографії, фольклору, етнопсихології, етнопедагогіки, економічних проблем болгарської етнічної групи Північного Приазов'я, яка є другою за чисельністю в Україні після Бессарабської.

У центрі дискусії були наступні проблеми:

1. Умови етнокультурного, соціального і демографічного розвитку болгарської спільноти Північного Приазов'я з другої половини XIX до початку XXI століття.

Доповідь *С. І. Пачева* (Мелітополь) була присвячена дослідженню процесу виникнення болгарських сіл у Північному Приазов'ї. Цю ж проблему, тільки у краєзнавчому розрізі, порушив *В. Д. Добрев*, визначивши розміщення дворів перших переселенців сіл Степанівки Другої та Богданівки Приазовського району Запорізької області.

На проблемах державної етнонаціональної політики зупинилися *В. В. Гудзь* (Мелітополь), *Л. І. Полякова* (Запоріжжя) та *Я. В. Попенко* (Мелітополь). Проблеми впливу природно-географічних умов Північного Приазов'я на трансформацію традиційної культури болгарських переселенців була присвячена доповідь *О. С. Арабаджі* та *В. В. Молодиченка* (Мелітополь).

Проблемам розвитку освіти болгар Північного Приазов'я в історичному аспекті та на сучасному етапі були присвячені доповіді *І. М. Пушкова* (Болград) «Преславська учительська семінарія (1875–1918)», *А. В. Сенюк* (Мелітополь) «Система освіти у болгарських селах Північного Приазов'я у 20–30-ті рр.», *В. М. Пачевої* (Мелітополь)

«Проблеми організації вивчення болгарської мови у містах Північного Приазов'я (на прикладі Мелітопольського товариства болгарської культури «Балкани»), *П. В. Бельчева* (Мелітополь) та *Д. Дімітрової-Марінової* (Софія) «Концепція електронного підручника з болгарської мови для учнів Північного Приазов'я».

2. Сучасний стан болгарської спільноти Північного Приазов'я: мова, культура, традиції, етнічна ідентичність.

Окремі аспекти традиційної культури болгар були порушені у доповідях *Е. Водичар* (Софія) «Мястото на дома на културата в празнична традиция на българската диаспора в Украйна» та *В. Лазарова* (Софія) «Съвременното състояние на животноводството сред българската диаспора в Украйна». Питання соціальної трансмісії болгар Буджака і Приазов'я у ХХ ст. були порушені *О. І. Ганчевим* та *М. Філіпповою* (Одеса). Особливості говору болгарських переселенців стали предметом доповіді *Л. Мінкової* (Пловдив).

3. Інтеркультурні впливи у матеріальній і духовній культурі болгар Північного Приазов'я.

О. М. Пригарін (Одеса) зробив постановку проблеми етнокультурної виразності болгар Бессарабії та Приазов'я, *Я. В. Комар* (Горлівка) звернула увагу на сучасні тенденції розвитку болгарської спільноти в умовах міського середовища, *Л. М. Кобильник* (Мелітополь) з'ясувала етнопсихологічні аспекти самоактуалізації болгарської молоді Мелітопольщини.

4. Вивчення болгарської спільноти Північного Приазов'я: джерела та історіографія.

В. І. Мільчев (Запоріжжя) доповів про польові дослідження експедиції ЗНУ у болгарських селах Приазовського та Приморського районів Запорізької області (2001–2004), *Н. С. Красько* (Мелітополь) з'ясувала напрями етнографічних досліджень болгар Північного Приазов'я у ХХ ст., *А. В. Галкіна* (Ізмаїл) праналізувала документальні джерела з історії переселення болгар до Північного Приазов'я, що зберігаються у фондах Ізмаїльського архіву, *В. М. Сахацька* (Мелітополь) зробила огляд болгарських експонатів Мелітопольського краєзнавчого музею. Проблеми збору фольклорного матеріалу в болгарських селах Північного Приазов'я присвятила доповідь *Д. Дімітрова* «Песните от селата Богдановка и Степановка, записани от Вл. Добрев, и Таврийската и Бесарабската песенна традиция по записи от ХХ век». Усні наративи болгар стали предметом доповіді *Г. Георгієва* (Софія) «Една жизнена история от с. Чушмелий – памет за връзки между бесарабските и таврийските българи».

У рамках семінару відбулася презентація книги *В. В. Міткова* (Запоріжжя) «Голгофа болгар Таврії: анатомія репресій (1920–1940-е годы)» та обмін досвідом активістів болгарських національно-культурних товариств.

Л. Соленкова

**ПРОСВЕТА И ПРОМЯНА.
МЕЖДУНАРОДНА ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНА
КРЪГЛА МАСА И ИЗЛОЖБА
София, 23–24 ноември 2009 г.**

На 23 и 24 ноември 2009 г. се проведе кръгла маса и се откри изложба под надслов „*Просвета и промяна*“, посветени на историческата роля и значението на Болградската гимназия за развитието на българската идентичност. Организатори бяха Министерството на образованието, младежта и науката, Българската академия на науките, Институтът по история, Институтът по етнология и Националният етнографски музей, както и Народната библиотека „Св. Св. Кирил и Методий“. Научен ръководител на кръглата маса бе ст. н. с. I ст. д.и.н. Илия Тодев, ръководител на секция „История на българския народ през XV–XIX век“ в Института по история на БАН. Тези две събития са част от специалната двугодишна (2008–2009) програма на Министерството на образованието, младежта и наука, с която се отбелязва 150-годишнината от създаването на това българско учебно заведение.

Приветствие към участниците отправиха проф. Божидар Димитров – министър без портфейл на българите в чужбина, вероизповеданията и архивите, чл.-кор. д.с.н. Атанас Атанасов – зам.-председател на БАН, ст.н.с. I ст. д.и.н. Валери Стоянов – зам.-директор на Института по история, и ст.н.с. II ст. д-р Ана Лулева – и.д. директор на Института по етнология и Националният етнографски музей. Изложбата бе открита от ст.н.с. II ст. д-р Светла Ракшиева. Участниците бяха поздравени и от хора на „Бесарабските славеичета“ с ръководител проф. Тодор Бакалов.

При откриването на кръглата маса проф. Илия Тодев изтъкна, че Болградската гимназия става първото българско средно училище, след като през есента на 1859 г. там започват обучението си първите ѝ възпитаници, и че е сред основните приноси на българската емиграция в националното ни Възраждане. Нейната позиция се отстоява от преминалите през гимназията учители и ученици, които съставят цяла плеяда преди и следосвободенски строители на Третата българска държава: книжовници като Димитър Мутев и Васил Хаджистоянов Берон, революционери като Ангел Кънчев и Олимпи Панов, учени като Александър Теодоров-Балан и Димитър Агура и редица други. Проф. Тодев подчерта, че амбицията на организаторите на кръглата маса е не само още веднъж да се изтъкнат големите достойнства и важната роля на това, по думите на Христо Ботев, „свято българско учебно заведение“ в изграждането и поддържането на българската идентичност, но и да се покажат нови факти и нови хоризонти. Предоставените от участниците (българи от България, Украйна и Молдова и украинци) на вниманието на аудиторията разнообразни по тематика и интересни доклади, свързани с историческата роля на Болградската гимназия, с просветата, културата и образованието на българския народ през Възраждането, с неговото преселение в Руската империя през XIX в., направиха реалност това желание на организаторите на кръглата маса.

Първото заседание на кръглата маса бе открито от чл.-кор. ст.н.с. I ст. д.и.н. Румяна Радкова (Институт по история) с представянето на организацията на българските училища през 60-те–70-те години на XIX в. и поставянето на паралели с Болградското

централно училище. Ст.н.с. II ст. д-р Ангел Димитров (Институт по история) се спря върху просветата през епохата на Българското национално възраждане като културен механизъм за обществена промяна. Пътя на миграцията и процеса и причините на заселване на българското население в градовете на Буджаик (Южна Бесарабия) в края на XVIII и началото на XIX в. представи проф. Елена Бачинска (Украйна – Одески национален университет „И. Мечников“). Неговото стопанско, духовно и политическо развитие бе разгледано от ст.н.с. I ст. д.и.н. Стефан Дойнов (Институт по история), който потърси именно в неговите особености предпоставките за създаването на Болградската гимназия. Ст.н.с. II ст. д-р Благовест Нягулов (Институт по история) конкретно се спря на образованието, идентичността и прогреса в историята на бесарабските българи. Върху темата за основаването на български колонии в днешна Украйна в началото на XIX в. отново разгледа в доклада си доц. Владимир Полторак (Украйна – Одески национален университет „И. Мечников“), който представи този проблем посредством топонимични данни от Херсонска губерния.

Следобедното заседание бе открито с представянето на изследването на проф. д.и.н. Николай Червенков (ректор на Тараклийския държавен университет „Григорий Цамблак“, Молдова) върху родния език при бесарабските българи през XIX в. и промените, които настъпват в него. Ст.н.с. II ст. д-р Огняна Маждракова (Институт по история) ни върна към духовното и политическото развитие на болградските българи, като представи дейността на Българското благотворително общество там през 1876 г. Животът и делото на Владимир Дякович, възпитаник на Болградската гимназия и историописец на бесарабските българи, бяха представени от ст.н.с. I ст. д.и.н. Николай Жечев (Институт по история). Ст.ас. д-р Александър Середа (Украйна – Одески национален университет „И. Мечников“) за първи път пред българска публика направи паралел между първите концепции за отечествената история на България („История славянобългарска“ на Паисий Хилендарски) и Украйна („История Русов“) от втората половина на XVIII и XIX в. Върху историята на Болградското централно училище ни върна докладът на Кети Мирчева, която посредством някои наблюдения върху официалния дискурс в това българско учебно заведение представи търсенето на „верния тон“ между национализма и верноподаничеството. С последния доклад от следобедното заседание гл. ас. Никола Караиванов (Департамент за информация и усъвършенстване на учителите към СУ „Св. Климент Охридски“, председател на Културно-просветното дружество за връзки с бесарабските и таврийските българи „Родолюбец“, София) потърси връзката на Болградската гимназия с първия български университет „Св. Климент Охридски“.

Първият ден от работата на кръглата маса завърши с официалното представяне на два сборника на издателство „Проф. Марин Дринов“, за двама бележити български учени, посветили своята дейност както на институционалното изграждане на българската наука, така и на търсенето на историческата истина, понякога дълбоко скрита в свидетелствата за миналото:

- Сборник „В чест на 70-годишнината на акад. Константин Косев“ – представен от ст.н.с. I ст. д.и.н. Валери Стоянов и ст.н.с. II ст. д-р Ангел Димитров.
- Сборник „По случай 170-годишнината от рождението на проф. Марин Дринов“ – представен от ст.н.с. I ст. д.и.н. Илия Тодев и проф. д.и.н. Михаил Станчев.

Сутрешното заседание на втория ден от работата на кръглата маса бе открито от проф. д.из.н. Тодор Бакалов (СУ „Св. Климент Охридски“), който с много хумор направи интересен преглед на българските фолклорни традиции в съвременността ни, на това как те се използват и преобразуват в новото попфолк творчество. Ст.н.с. I ст. д.л.н. Николай Аретов (Институт за литература) представи още един интересен паралел, но този път между два образа в книгата от времето на Просвещението: „Двама братя“ (1888–1889) от

Илия Блъсков. Димитър Греков, възпитаник на Болградската гимназия, и неговите първи политически стъпки на българска земя бяха в центъра на доклада на ст.н.с. II ст. д-р Йорданка Гешева (Институт по история). Ст.н.с. II ст. д-р Светла Петкова (Институт за фолклор) представи пред научната публика един нов тип извори за развитието и живота на обществото и страните, в конкретния случай на Бесарабия и бесарабските българи – интернет пътеписите. Следващите два доклада бяха посветени на идеята за изграждането на висше училище. Ст.н.с. II ст. д-р Пламен Божинов (Институт по история) представи идеите и проектите за създаване на висше българско училище в Цариград преди Освобождението, а Николай Поппетров (Институт по история) – дългата предистория и бързото изграждане на Софийското висше техническо училище. В края на сутрешното заседание ст.н.с. II ст. д-р Жени Пимпирева (Институт по етнология и Национален етнографски музей при БАН) представи проекта, финансиран от фонд „Научни изследвания“, „Бесарабските българи в постсъветското пространство. Идентичност, култура, политика“.

Румен Дечев (Издателство „Кама“) с прегледа на що е това интелигенция и нейната роля за промените в обществото откри следобедното заседание от втория работен ден на кръглата маса. След него докторантката Мария Левкова (Институт по история) изнесе интересни факти за помощта на рода Чалъковци за българското учебно дело в Пловдив през Възраждането. Ст.н.с. II ст. д-р Елена Хаджиниколова (Институт по история) отново ни върна към личностите, свързани с Болградската гимназия, а именно с Павел Тодоров (Тодорович), и към проблема за „европеизирането“ на образованието в Болградското централно българско училище през 70-те години на XIX в. Щрихи от създаването и началната дейност на женското дружество „Възпитание“ в Карлово, разгледани от ст.н.с. II ст. д-р Антоанета Кирилова (Институт по история), представиха още един вариант за спомоществувателство и подкрепа на българските училища от епохата на Възраждането. Ст. н.с. II ст. Катерина Венедикова (Институт по история) посредством изследвани от нея надписи, свързани с българската просвета, образование и култура от XIX в., показа и ролята на местната турска власт за изграждането на български училища. Н.с. д-р Любомила Соленкова (Институт по история) ни върна във втората половина на XV и XVI в. в гр. Прага и посредством образованието, културата и забавленията там представи онзи стремеж у чешкия народ към свобода и самостоятелност, залегнал в идеите на Чешкото възраждане и оказал влияние и върху Българското. Накрая н.с. д-р Росица Лелъова (Институт по история) проследи просветната дейност на българските градски общини в Македония в периода от Освобождението (1878) до бурната 1903 г., с което прокара паралел в проблема за отношението в тази насока на българските общности, останали извън пределите на държавата.

В дискусиите (и след заседанията, и в кулоарите) се очертаха няколко основни бъдещи задачи пред участниците в кръглата маса, а и не само пред тях: ролята и дейността на Болградската гимназия за съхраняването на българската идентичност в Бесарабия; какъв е съставът на интелигенцията и нейната роля в образованието, просветата и обществото; организиране на нова дискусия за границите на Българското възраждане на фона на нови идеи, нови открития и с интердисциплинарен подход; проучване на влиянията върху българското просветно дело; проучване на влиянията при оформянето на българските имена (лични и фамилни); ролята на турската държава и местната власт за българското просветно дело; ролята на благотворителните организации и дружества за развитието на образованието.

Сборникът с материалите от този научен форум ще се посвети и на 70-годишнината на чл.-кор. ст.н.с. I ст. д.и.н. Румяна Радкова, която дълги години от своята научна дейност е отдала на изследването на ролята, мястото и състава на българската интелигенция в обществото ни и за извоюваната от него свобода – както политическа, така и духовна.

И. С. Осадца

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕРНОВИЦКИХ ПОЛИТОЛОГОВ В ОБЛАСТИ БОЛГАРИСТИКИ

Среди современных украинских исследователей, которые в своих работах анализируют трансформационные процессы в Болгарии конца XX – начала XXI ст., следует выделить группу черновицких авторов во главе с профессором В. И. Бурдяк. Она является автором свыше 180 научных работ, большая часть которых посвящена именно вопросам политической жизни Республики Болгарии (РБ). В 2004 г. Вера Ивановна успешно защитила диссертацию на соискание научной степени доктора политических наук на тему «Политические трансформационные процессы в Болгарии в посткоммунистический период».

В изданной накануне монографии «Республика Болгария на изломе эпох: политическая трансформация»¹ автор излагает собственное видение и понимание проблем перехода от одной политической системы к другой и старается объективно проанализировать результаты осуществленной политической трансформации болгарского общества конца XX – начала XXI в. По ее мнению, РБ стала частью современного демократического мира прежде всего благодаря действующей парламентской системе, модернизированному делению ветвей власти, реальной многопартийности и идейному плюрализму.

В одной из своих других работ В. Бурдяк отмечает, что плюрализм идей в РБ XX в. сложился после свержения режима Живкова и провозглашения политики демократизации. Трансформация политической системы способствовала появлению неформальных и общественных структур, возрождению исторических или ностальгических партий, запрещенных в 1947 г. После 10 ноября 1989 г. в РБ массово образовывались партии и формировалась многопартийная система, довольно нестабильная по характеру, которая полностью отображала стратификационный процесс переходного общества².

Автор также указывает на сложность развития демократических преобразований в РБ. С 90-х гг. здесь наблюдались изменения правления «левых», сгруппировавшихся вокруг Болгарской социалистической партии (БСП), и «правых» во главе с Союзом демократических сил (СДС). К сожалению, ни те ни другие не достигли главного – подъема экономики страны. Как подчеркивает В. И. Бурдяк, особого отличия между «левыми» и «правыми» почти не существовало; единственным признаком, по которому их различали, были цвета партийной символики – красный в БСП и синий в СДС. Разочарование, потеря веры – такой неутешительный итог десяти лет «демократии» в РБ³.

В. И. Бурдяк условно разделяет процесс демократических преобразований в Болгарии конца 80-х – начала 90-х годов на три этапа. Первый – с 1988 г. по ноябрь 1989 г., связанный с политизацией протеста широких общественных сил и появлением на политической арене первых неформальных организаций, которые подчеркивали свой независимый общественный характер. Второй этап начался 10 ноября 1989 г. отставкой Т. Живкова с должности Генсека ЦК БКП и закончился 10 июня 1990 г. первыми свободными выборами в Великое Народное собрание (ВНС). В это время неформальные группы, партии, движения объединились в СДС – оппозиционную к БКП силу; был организован Национальный круглый стол, который выработал основы политического плюрализма и пар-

ламентской демократии. Третий этап – июнь–декабрь 1990 г. – завершил формирование многопартийного правительства. Оппозиция стала неотъемлемой частью зарождавшейся демократической системы, а ее лидер Ж. Желев – Президентом страны⁴.

Под руководством В. И. Бурдяк были написаны и защищены две кандидатские диссертации по проблемам современного политического развития Болгарии⁵. В своих исследованиях⁶ Л. С. Прокопец уделяет значительное внимание вопросам развития парламентаризма в РБ, участию политических партий страны в этих процессах, модернизации всех сфер общественной жизни этой балканской республики. В частности, она отмечает, что при переходе от социализма к демократии в РБ состоялись институциональные изменения – соответственно Конституции 1991 г. начали действовать институты президента, законодательной, исполнительной и судебной власти, установлена республиканская форма парламентской демократии, сформирован полноценный парламент, который обеспечивает интеграцию между гражданами в обществе, гарантирует законность государства.

Особое место в трансформационных процессах в Болгарии переходного периода сыграл болгарский парламент – Народное Собрание (НС)⁷, который наделен законодательной, контрольной и конституционной функциями. Не последнюю роль в деятельности НС сыграли депутаты, которые в зависимости от политических вкусов старались отстаивать интересы своих партий. Вообще, по мнению автора, в парламентском институте основную роль играют именно представители партий как посредники между избирателями и государством. В РБ партии прошли путь от условных протопартий периода 1989–1991 гг., с идеологическим противостоянием, к клиентелистскому типу 1991–2010 гг., характерного для патриархальных обществ с немодернизированной экономикой⁸.

Как считает Л. С. Прокопец, развитие парламентаризма в современной Болгарии невозможно без становления партийной системы и гражданского общества⁹. Анализируя программы партий в НС последних лет, исследователь с уверенностью констатирует, что их подавляющее большинство выступает за либеральную направленность изменений, которые предполагают поддержание ценностей западного общества, приватизацию и снижение роли государства. Тем не менее, среди всего спектра политических сил, представленных в парламенте Болгарии последних лет, выделяются существенные отличия в восприятии партиями социальных изменений¹⁰.

Еще одним важным фактором влияния на современные трансформационные процессы в РБ являются вопросы участия этнических сообществ в политической жизни страны в течение последних 20 лет. Л. С. Прокопец обращает особое внимание в своих работах на аспекты деятельности этнической позиции турецкой партии Движение за права и свободы (ДПС). Большинство из тех партий, которые были сформированы в 1989–1990 гг., за двадцать лет значительно изменились. Некоторые распались и тем самым содействовали образованию новых партий, а некоторые из них вообще перестали существовать. Это почти не относится к ДПС – партии, которая на протяжении всего времени после демократических перемен 1989 г. смогла избежать серьезных изменений. По мнению автора, демократические трансформации, которые произошли в болгарском обществе, играют особую роль в контексте соблюдения прав и свобод человека, прав этнических меньшинств. Турецкий этнос за переходный период смог преодолеть распространенное мнение о нем среди болгар как о низшей касте, сумел отстаивать свое право на создание собственной партии, приняв участие во всех избирательных кампаниях и имея своих депутатов в парламенте, которые руководили страной в составе разных коалиций¹¹.

Автор данной статьи также принадлежит к буковинским ученым-болгаристам. В большинстве наших публикаций речь идет о трансформации политической системы Болгарии после краха режима Т. Живкова. На наш взгляд, после революций 1989 г. Республике Болгарию справедливо можно классифицировать как развивающуюся демократию, в которой развитие политических партий является выразителем развития всего общества¹².

Крах режима Т. Живкова, первые свободные выборы в Седьмое Большое Народное собрание, принятие новой Конституции и парламентские выборы в 36-е Народное собрание создали предпосылки для становления первого посткоммунистического варианта партийной системы. Он характеризовался двумя основными политическими формациями – БСП и СДС – с относительно одинаковой электоральной базой и с острой конфронтацией между ними¹³.

Серьезное внимание в своих работах уделяем вопросу участия новой политической элиты Болгарии в трансформационных процессах в стране. Особую роль в данном процессе сыграли такие политические лидеры, как Ж. Желев, И. Костов, Симеон Второй. Новая управляющая элита сразу же стремилась дать четкий сигнал Европе о своем будущем в европейском сообществе. Однако постоянные политические и экономические кризисы, частые смены руководства страны, приход к власти поочередно то правых, то левых не способствовали быстрому вступлению РБ в НАТО и ЕС.

С начала нового тысячелетия в болгарском политическом истеблишменте четко прослеживается определенная тенденция, свидетельствующая о появлении новой генерации, которые с помощью харизмы и других рычагов влияния сумели выйти на ведущие позиции. Среди них назовем лидера ультранационалистической коалиции «Атака» Волена Сидерова, лидера Союза свободных демократов (СВД), бывшего мэра Софии Стефана Софийского, лидера движения, которое позднее переросло в партию, Граждане за европейское развитие Болгарии (ГЕРБ) Бойко Борисова, ставшего в 2009 г. премьер-министром, и др.¹⁴

Еще одной важной проблемой исследования болгарской партийной системы последних двадцати лет является вопрос участия правых сил в демократических процессах. Для некогда ведущей партии, которая стала главной движущей силой в переходе к демократии – Союза демократических сил в последние годы, встал вопрос об участии в политической жизни страны. На наш взгляд, в болгарском правом партийном спектре нынче наблюдается процесс омоложения, раскола и потери доверия части собственного электората, который может в обозримом будущем послужить причиной возвращения к власти левых сил¹⁵.

Базовым элементом трансформационных процессов в странах ЦВЕ стала их интеграция в европейские и евроатлантические структуры. Учитывая это, консолидированная поддержка этих процессов политической элитой стала определяющим фактором. Характеризуя программы основных политических партий страны, которые были представлены в парламентах последних созывов, укажем на поддержку подавляющего большинства политических сил европейских и евроатлантических стремлений страны, а наибольшего веса в этих процессах достигли правительства И. Костова, лидера СДС, и Симеона Сакскобургготского, лидера Народного движения Симеона Второго (НРСД). Именно в этот период Болгарии удалось вступить в НАТО и подписать договор об ассоциированном членстве в ЕС. Наше внимание привлекла и деятельность ультранационалистической коалиции «Атака» во главе с В. Сидеровым, которая в своей предвыборной программе заявляла даже о необходимости выхода Болгарии из НАТО и пересмотре уже закрытых разделов переговоров с ЕС, отстаивая своеобразно интерпретируемые интересы¹⁶.

Итак, среди основных направлений исследований черновицких ученых-болгаристов следует выделить вопросы становления новой политической системы в РБ после свержения тоталитарного режима, роли политических партий в этих процессах, выражение интересов избирателей посредством участия политических сил в парламенте, а также исследование евроатлантических и евроинтеграционных процессов, влияния этнических меньшинств на общественную жизнь страны. Все исследователи сходятся на мысли, что Республика Болгария, которая находилась фактически в одинаковых стартовых условиях с Украиной в начале 90-х гг. XX в., сумела продвинуться значительно дальше по пути демократизации, что способствовало ее интеграции в НАТО (2004) и ЕС (2007).

¹ Бурдяк, В. Республіка Болгарія на зламі епох: політична трансформація суспільства. Чернівці, Рута, 2004. 520 с.

² Бурдяк, В. Партії в політичній системі Болгарії у період трансформації. – Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Вип. 173–174. Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. Чернівці, Рута, 2003, 234–235

³ Бурдяк, В. І. Україна та держави Центрально-Східної Європи через посткомуністичне десятиліття: консолідація демократії чи реверсивний рух? – Розвиток демократії та демократична освіта в Україні: Матеріали II міжнародної наукової конференції (Одеса, 24–26 травня 2002 р.). Укладач Л. Марголіна; Канад.-укр. проект «Демократична освіта», М-во освіти і науки України, Ін-т вищої освіти АПН України, Одеська національна юридична академія. К., Ай Бі, 2003, 525–526.

⁴ Бурдяк, В. Процес виникнення та становлення болгарської опозиції як нової політичної сили демократичного розвитку суспільства. – Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Вип. 96–97. Чернівці, Прут, 2000, с. 97.

⁵ Прокопець, Л. С. Політичний розвиток парламентаризму в Республіці Болгарія у трансформаційний період. Автореф. дис. ... канд. політ. наук. Чернівці, 2006. 19 с.; Осадца, І. С. Розвиток політичного плюралізму і трансформація партійної системи в Республіці Болгарія. Автореф. дис. ... канд. політ. наук. Чернівці, 2006. 19 с.

⁶ Прокопець, Л. С. Трансформація й модернізація в Болгарії: сутність та взаємна залежність політичних феноменів. – Науковий вісник Чернівецького університету. Зб. наук. ст.: Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. Вип. 272. Чернівці, Рута, 2005, 262–268; Прокопець, Л. С. Складність посткомуністичних трансформацій та їх відображення в політичних теоріях. – Філософія та методологія гуманітарних наук: історія, концепція, можливості. Чернівці, Рута, 2005, 282–284.

⁷ Прокопець, Л. С. Інститут парламентаризму в структурі державної влади постсоціалістичних країн. – Трансформація політичних систем на постсоціалістичному просторі. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. К., НПУ імені М. П. Драгоманова, 2006, 282–284.

⁸ Прокопець, Л. С. Специфіка формування парламентаризму в постсоціалістичних країнах (досвід України та Болгарії). – Держава і право: Зб. наук. праць. Юридичні і політичні науки. Вип. 29. К., Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАНУ, 2005, 557–558.

⁹ Прокопець, Л. С. Політичні аспекти модернізації парламентаризму в Болгарії: корисний досвід для України. – Актуальні проблеми державного управління на новому етапі державотворення: Матеріали конференції: У 2 т. Т. 1. К., НАДУ, 2005, с. 262, 264; Прокопець, Л. С. Політичні партії посткомуністичних країн як актори громадянського суспільства. – Шлях України: колізії новітнього поступу. Тернопіль, 2006, 57–59.

¹⁰ Прокопець, Л. С. Участь політичних партій у парламентському процесі Болгарії. – Історико-політичні проблеми сучасного світу: Зб. наук. ст. Т. 12-13. Чернівці, Рута, 2006, 277–282.

¹¹ Прокопець, Л. С. Діяльність Руху за права і свободи у Народних зборах Республіки Болгарія. – Політичні та соціологічні студії. Збірник наукових праць. Т. 3. Чернівці, Рута, 2005, 309–311.

¹² Осадца, І. С. Дослідження багатопартійності в Республіці Болгарія: досягнення та проблеми. – Історико-політичні проблеми сучасного світу. Збірник наукових статей. Т. 12–13. Чернівці, Рута, 2006, 248–253.

¹³ Осадца, І. С. Перший посткомуністичний варіант партійної системи в Республіці Болгарія. – Трансформація політичних систем на постсоціалістичному просторі: Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції: 8–9 лютого 2006 р. К., НПУ імені М. П. Драгоманова, 2006, 109–110.

¹⁴ Осадца, І. С. Значення політичної еліти у євроінтеграційних прагненнях країн постсоціалістичного табору (на прикладі Болгарії і України). – Materiały IV Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Naukowy potencjal świata – 2008». Т. 6. Historia. Politologija. Filologiczne nauki. Psychologia i sociologia.: Przemysł, Nauka i studia, 45-47.

¹⁵ Осадца, І. С. Зміни у правому спектрі партійної системи Республіки Болгарія початку XXI ст. – Історико-політичні проблеми сучасного світу: Збірник наукових статей. Т. 15–16. Чернівці: Рута, 2008, 99–100.

¹⁶ Осадца, І. С. Євроінтеграційні проблеми в програмах болгарських парламентських партій. – Політологічні та соціологічні студії. Збірник наукових праць. Т. 4. Чернівці, Прут, 2006, 147–156.

IN MEMORIAM

Д. Гордієнко

ПАМ'ЯТІ АКАДЕМІКА ГЕННАДІЯ ГРИГОРОВИЧА ЛІТАВРІНА (1925–2009)

6 листопада 2009 р. в Москві пішов з життя видатний російський вчений зі світовим ім'ям – академік Геннадій Григорович Літаврін. Він увійшов у науку насамперед як візантиніст та славіст. У сферу наукових інтересів Г. Літаврїна потрапили ледь не всі фундаментальні проблеми історії Візантії та середньовічної Болгарії, з яких учений провів ретельні й ґрунтовні дослідження. Серед них процеси становлення і розвитку суспільного устрою, міст, аграрних відносин і соціальної боротьби у Візантії, русько-візантійські та візантійсько-південно-слов'янські стосунки, проблеми болгарського етногенезу.

Г. Літаврін був беззаперечним лідером як радянської останніх десятиліть, так і сучасної російської візантиністики. Академік Російської академії наук (з 1987 р. – член-кореспондент по відділу історії Академії наук СРСР), член бюро Відділення історії (1991–2009). З 1987 р. Г. Літаврін був відповідальним редактором редколегії найавторитетнішого російського візантинознавчого часопису «Византийский временник», тоді ж очолив Секцію історії Візантії (нині – Центр з вивчення візантійської цивілізації) Інституту всесвітньої історії РАН, був президентом Національного комітету візантиністів Росії, віце-президентом Міжнародної асоціації візантиністів, головою оргкомітету XVIII Міжнародного конгресу візантиністів, що відбувся у серпні 1991 р. в Москві, членом Болгарської академії наук, Комісії з вивчення цінностей монастирів Афону (Греція), Радянського комітету з вивчення і поширення слов'янських культур.

За свою діяльність Г. Літаврін був нагороджений орденами Знак пошани (1986) і Дружби народів (1997), болгарським орденом Кирила і Мефодія I ступеня. Він був лауреатом Міжнародної премії Кирила і Мефодія (1983), Державної премії Російської Федерації (1996).

Геннадій Григорович Літаврін народився 6 вересня 1925 р. у с. Абай Уймонського аймаку Ойротської автономної області Західно-Сибірського краю (нині – Усть-Коксинський район Алтайського краю).

До вступу в Московський державний університет протягом 1942–1946 рр. Г. Літаврін викладав російську мову і літературу в неповній середній школі села Загайново Троїцького району Алтайського краю. 1951 р. закінчив історичний факультет Московського університету по кафедрі історії Середніх віків. Він був учнем видатної вченої-візантиніста З. Удальцової, що фактично й визначило подальшу сферу наукових зацікавлень. 1954 р. Г. Літаврін успішно закінчив аспірантуру і захистив кандидатську дисертацію, а 1973 р. – докторську. Протягом 1954–1955 рр. молодий учений викладав давні мови на історичному факультеті Московського університету.

1955 р. Г. Літаврін був призначений старшим редактором Міністерства народної освіти РРФСР і, починаючи з того ж року, став академічним ученим – молодшим, а згодом старшим науковим співробітником сектору історії Візантії Інституту історії АН СРСР, з 1968 р. – старшим і провідним науковим співробітником Інституту слов'язознавства і балканістики АН СРСР (нині – Інститут слов'язознавства РАН), у якому протягом 1968–1987 рр. був завідувачем відділу історії Середніх віків, а протягом 1987–2009 рр. – завідувачем сектору історії Візантії.

Таким чином, саме Візантія була в епіцентрі всіх його наукових зацікавлень, у дотичності до якої спрямовував свій погляд вчений і на історію слов'ян та Русі. Як дослідник, Г. Літаврін вирізнявся особливою пристрасстю до предмета своїх наукових зацікавлень. І водночас, попри широту дослідницького кругозору, його праці вирізняються глибиною розкриття тем, зі скрупульозним опрацюванням найдрібніших деталей. З візантійської тематики варто виділити роботи з суспільно-економічної історії, серед яких особливе місце посідає книга «Как жили византийцы». Власне, ця праця добре характеризує Г. Літаврїна як «візантійця». Так, на противагу загальноприйнятим у науці уявленням, у вступі до другого видання вчений чітко зазначив, що перед візантиністом стоїть завдання дослідження не стільки того, чому загинула Візантія, як того, звідки вона брала сили, щоби протягом тисячі років вижити, перебуваючи майже безперервно в екстремальних умовах. Книга, написана живою захоплюючою мовою, зробила значний внесок у популяризацію візантійської тематики, витримавши три видання (М., 1974; СПб., 1997, 2006).

Проте дослідниками серед наукового доробку Г. Літаврїна за своїм значенням для історичної науки особливо виділяються дві монографії: «Болгария и Византия в XI–XII вв.» (М., 1960) та «Византийское общество и государство в X–XI вв.» (М., 1977), котрі вирізняються як за широтою охопленої проблематики, так і за скрупульозністю, оригінальністю і глибиною дослідження та джерелознавчої критики. Так, у останній із зазначених праць Г. Літаврін переконливо спростував тезу про «державне закріпачення» селян у Візантії. Вчений довів, що селяни були вільним прошарком суспільства і мали повне право розпоряджатися своїми земельними ділянками. Так само й монастирська земельна власність формувалась не лише з імператорських пожертвувань, а й власним шляхом – через купівлю, обмін тощо. Таким чином, Г. Літаврін прийшов до висновку про існування у Візантії спадкового землеволодіння, податкового імунітету та умовного надання землі, а також про право парикії як звичаєвого права.

Важливими залишаються й праці Г. Літаврїна з реконструкції податкової системи Візантії («Парик и арендатор» (1991) та інші), а також із соціально-економічної історії візантійської провінції: «Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. (по материалам завещаний)» (1971), «Провинциальный византийский город на рубеже XII–XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака)» (1976). Значний резонанс у науці викликало дослідження «Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии» (Афіни, 1976).

Г. Літаврін вніс вагомий вклад у візантійське джерелознавство. Це насамперед його переклади різноманітних візантійських (грецьких) писемних пам'яток на російську мову. Серед них особливе значення для вітчизняної візантиністики і русистики має його переклад «De administrando imperio» Константина Порфірогенета» (М., 1989) і коментування окремих розділів цього трактату. Унікальним є й переклад складного за термінологічною лексику візантійського медичного трактату з флорентійської бібліотеки Лоренцо Медічі (1971). Великий резонанс у науці мав переклад і публікація

«Советов и рассказов» Кекавмена – візантійського автора XI ст. (М., 1972). Г. Літаврін не просто здійснив блискучий переклад за єдиним збереженим списком, але й провів глибоке джерелознавче опрацювання пам'ятки, прагнучи наблизити текст списку до протографу, переставляючи місцями розділи, а інколи й змінюючи навіть орфографію. І попри дискусійність такого підходу, за ґрунтовністю джерелознавчого опрацювання робота Літаврїна залишається неперевершеною. Важливим, особливо як для історії Русі, є дослідження вченим Бертинських анналів та частини 15 розділу II Книги «De cerimoniis» Константина VII Порфірогенета, де описані прийоми руської княгині Ольги імператором. Перу Літаврїна належить і останній переклад на російську мову цього уривка. І саме завдяки цьому перекладу зазначений пасаж Константина Порфірогенета з «De cerimoniis» широко введений у вітчизняну науку.

Проте Г. Літаврін не зупинився лише на джерелознавчому опрацюванні та перекладі тексту Константина Порфірогенета, а присвятив значну кількість публікацій дискусійній у науці проблемі місця і часу хрещення руської княгині Ольги. Щодо місця цієї події Г. Літаврін чітко став на позицію прямої інформації абсолютно всіх джерел, які прямо називають Константинополь місцем хрещення руської княгині. Що ж до часу хрещення Ольги, то вчений започаткував досить жваву і тривалу дискусію в науці з цього питання, до того ж як у вітчизняній, так і в зарубіжній, запропонувавши версію про дві поїздки княгині Ольги в Константинополь. На основі тексту «De cerimoniis» Константина Порфірогенета Г. Літаврін знову висунув тезу, яку запропонував ще в кінці XVIII ст. І. Геснер, що прийоми, описані в «De cerimoniis», відбулися не в 957-му, а в 946 р., на що вказує зазначення IV індікта в заголовку до 15 розділу II Книги «De cerimoniis». Охрестилася ж руська княгиня 955 р. під час другого візиту в столицю імперії (дата – за літописом). Однак попри те, що дана концепція зазнала досить серйозної критики, ціла низка питань, які порушив учений у контексті розгляду цієї проблематики, залишається актуальною, як-то: соціальна ієрархія руської еліти, організація зовнішньої торгівлі Русі з Візантією, умови й правила навігації на Чорному морі тощо.

Загалом питання русько-візантійських стосунків займають особливе місце в науковому доробку Г. Літаврїна. У цій сфері вчений ішов у руслі російської школи візантинознавства – розгляду історії Візантії з позицій і в дотичності до історії Русі, що було започатковано і розроблено ще В. Васильєвським. Проте доробок Літаврїна вирізняється своїм всеохопним характером як за часом (від самих початків русько-візантійських відносин до падіння Константинополя), так і за тематикою. Власне, вже одна з перших праць вченого й була присвячена цій проблематиці («Записка греческого топарха», М., 1957). Однак найкраще характеризують погляди дослідника на природу русько-візантійських стосунків написані ним відповідні розділи до тритомного видання «Истории Византии» («Византия и Русь в IX–X вв.», «Русско-византийские отношения в XI–XII вв.». Т. 2. М., 1969). Як і в роботах з історії Візантії, у доробку з русько-візантійських стосунків особливе місце посідає соціально-економічна історія. Г. Літаврін насамперед зосередив увагу на проблемах міждержавної торгівлі, з позицій інтересів якої розглядав і зовнішні акції Русі щодо імперії та знамениті русько-візантійські договори. Помітне місце займають і проблеми соціального статусу русів, насамперед купців, у Константинополі. Неоціненне значення для історії зовнішньої торгівлі Русі має запропонована Г. Літаврїном реконструкція самої процедури організації руських караванів до Царгорода. Так, за висновками вченого, з Русі протягом року відправлялась не одна, а дві флотилії. Відтак, перелік міст у договорах Олега з Візантією відображає не ієрархію руських князівств, а черговість відправки караванів до Константинополя.

У цьому ж контексті варто виділити і праці, присвячені останній русько-візантійській війні 1043 р. – фактично єдиній масштабній збройній акції християнської Русі проти імперії («Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь» (1967), «Война Руси и Византии в 1043 г.» (1972) та інші.). З цього питання в полеміку з Г. Літаврїним вступив польський дослідник А. Поппе. На противагу позиції, що цей конфлікт був викликаний чи то церковними (ієрархічна залежність руської церкви від патріархії), державно-політичними чи економічно-політичними інтересами, що формально вилилося у вбивство знатного руського (новгородського) купця в Константинополі, Г. Літаврїн запропонував і досить переконливо довів, що в розгортанні цього конфлікту була ціла низка причин, включаючи династичні. Останні представниці Македонської династії – сестри Зоя і Феодора – були пов'язані з Київським двором через свою тітку Анну, тому Ярослав міг виступати як захисник їхніх законних прав. Однак сам похід був задуманий Ярославом, за концепцією Г. Літаврїна, радше з метою тиску на імперію як демонстрування сили, ніж її застосування. Урегулювання ж конфлікту через шлюб Марії Мономах зі Всеволодом Ярославичем фактично понижувало статус київської династії порівняно з тим, що здобув через одруження з Анною Порфірородною Володимир Святославич, однак, як зазначив Г. Літаврїн, цей союз був вигідний Ярославу, так як відновлював родство з візантійським імператором.

Дискусійною в науці залишається й проблема природи русько-візантійських стосунків, політичного статусу Русі в системі так званої Візантійської співдружності. Саме Г. Літаврїн обґрунтував думку, що вже завдяки географічній віддаленості двох держав якогось практичного втілення політичного чи воєнного тиску з боку імперії на Русь не могло бути. Учений чітко зазначив, що наступаючою стороною завжди залишалась Русь. Таким чином між Руссю і Візантією відбувався активний діалог, насамперед у сфері культури і церкви. Щоб зберегти свій вплив, Візантія була змушена діяти досить обережно, зважаючи на місцеві – руські інтереси, адже застосувати силу, як то було на Балканах, вона не могла.

Важливою і значною за доробком сферою наукових зацікавлень Г. Літаврїна була історія середньовічної Болгарії. Цій темі була присвячена вже його кандидатська дисертація: «Борьба болгарского народа против византийского ига». Фактично цією працею вчений відновив у радянській науці інтерес до південнослов'янської тематики періоду середньовіччя. Сам Г. Літаврїн за низкою публікацій по дисертації підготував ґрунтовну монографію «Болгария и Византия в XI–XII вв.». За дослідницьким об'єктом це була багатопланова праця. За усталеною традицією вчений зосередив головну увагу на соціально-економічній та політичній історії, насамперед на перебігу боротьби болгарського народу за звільнення з-під панування Візантії і утворення так званого Другого Болгарського царства. Монографія викликала значний резонанс у науці і породила жваву дискусію, однак, як зазначив сам автор у вступі до другого видання, основні її положення цілком витримали випробування часом і залишаються такими й донині.

З часом Г. Літаврїн неодноразово повертався до цієї проблематики, однак у подальшому його інтерес переміщувався вглиб віків – до історії Першого Болгарського царства, а далі – до процесів становлення давньоболгарської державності («К проблеме становления Болгарского государства» (1981)). У своїх працях з болгаристики Літаврїн чітко проводив думку про першочергове значення у процесах державотворення саме слов'янського, місцевого елемента, під реалії якого змушені були прилаштовуватися прийшли болгари. Формування давньоболгарської державності, за концепцією Г. Літаврїна, відбувалося в контексті подібних процесів у сусідніх південнослов'янських спільнотах. Однак специфікою Болгарії була особлива орієнтація її еліти на політичну систему Візантії як на взірць.

Формування давньоболгарської державності вирізняли й етнічні процеси злиття двох етносів – слов'янського і болгарського, чому сприяла значна чисельна перевага слов'ян і перехід кочової болгарської орди до осілого способу життя («Формирование этнического сознания болгарской народности (VII – первая четверть X в.» [1982]). Сприяло злиттю двох етносів і стирання релігійних відмінностей, що активно супроводжувалось протягом VIII–IX ст. проникненням християнства в болгарський соціум і запровадження його як державної релігії в кінці X ст. Саме Г. Літаврін у своїх працях «Введение христианства в Болгарии (IX – начало X вв.)» (1988) та «Религия и политика в Болгарии накануне и в период утверждения христианства (VIII – конец IX в.)» (1988) чітко показав значення цього акту для болгарської історії.

На початку 1980-х рр. Г. Літаврін очолив колектив учених з дослідження історії слов'ян доби середньовіччя. Дослідження проводились насамперед у напрямку історії формування ранньосередньовічних слов'янських держав, результатом чого стала фундаментальна монографія «Раннефеодальные государства на Балканах XI–XVII вв.» (М., 1985), підготовлена за його редакцією. Продовженням цієї ідеї було цілісне дослідження історії формування ранньофеодальних держав на теренах Центральної і Південно-Східної Європи («Раннефеодальные государства и народности (Южные и западные славяне в VI–XII вв.)»). М., 1991). Проведені під керівництвом Г. Літаврїна роботи чітко показали специфіку регіону в цьому процесі порівняно з теренами Західної Європи. У ході реалізації проекту, як своєрідний «проміжний варіант», за редакцією Г. Літаврїна було підготовлене ґрунтовне дослідження процесу християнізації країн зазначеного регіону («Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси». М., 1988), де чітко був показаний зв'язок запровадження християнства з процесами державотворення.

Іншим продовженням болгарської тематики Г. Літаврїна був цикл досліджень з етнічної історії слов'янських народів, результати яких були представлені у трьох значних за обсягом томах. Великий резонанс мала доповідь Г. Літаврїна «Византия и славяне – взаимные представления», виголошена на XVII Міжнародному конгресі візантиністів (Вашингтон, 1986 р.), у якій автор провів думку, що саме в процесі конфронтації з Візантією слов'янська знать виробляла власні політичні ідеї, які з-поміж іншого заперечували право «греків» на «римський спадок».

Насамкінець варто зазначити, що саме Г. Літаврін був ініціатором фундаментального «Свода древнейших письменных известий о славянах» (М., 1991. – Т. 1 (I–VI вв.); М., 1995. – Т. 2 (VII–IX вв.)), який, окрім самих реконструкцій текстів пам'яток, складається з ретельно вивірених даних про стан рукописів та цінного в науковому плані коментаря. Фактично «Свод» за повнотою охоплення і глибиною джерелознавчого опрацювання залишається неперевершеним у світовій науці з цієї проблематики.

Таким чином, саме завдяки особистій науково-дослідній і організаторській діяльності академіка Геннадія Григоровича Літаврїна вітчизняна візантиністика, славістика та медієвістика зробили якісні зрушення, що вивело ці напрямки історичної науки на одні з провідних місць у світі. Власне в історії розвитку світової візантиністики і славістики Г. Літаврін являє собою цілу епоху, яка потребує ще свого осмислення і оцінення.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

- Андрєєв Андрей* – доктор, доцент кафедри нової та новітньої історії, декан історичного факультету Великотирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія.
- Базуліна Александра* – студентка IV курсу історичного факультету Московського національного університету імені М. В. Ломоносова.
- Баєва Іскра* – доктор, доцент кафедри нової та сучасної історії історичного факультету Софійського університету імені Святого Климента Охридського.
- Белякова Таїсія Олександрівна* – студентка V курсу історичного факультету Московського національного університету імені М. В. Ломоносова.
- Бредихін Андрій Володимирович* – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Донецького національного університету.
- Бурбіга Валентина Анатоліївна* – кандидат історичних наук, доцент кафедри педагогіки і методики професійного навчання Української інженерно-педагогічної академії, м. Харків.
- Бурдяк Віра Іванівна* – доктор політичних наук, професор кафедри політології та державного управління факультету історії, політології та міжнародних відносин Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича.
- Валєва Єлена Любомирівна* – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту слов'янознавства Російської академії наук.
- Велева Ліляна* – доктор, доцент кафедри історії юридичного факультету Університету національного та світового господарства, м. Софія.
- Венгерська Вікторія Олексіївна* – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Житомирського державного університету імені Івана Франка.
- Волокітіна Тетяна Вікторівна* – доктор історичних наук, професор, провідний науковий співробітник Інституту слов'янознавства Російської академії наук.
- Ганчев Олександр Іванович* – кандидат історичних наук, старший викладач кафедри українознавства Одеської академії зв'язку імені О. С. Потебні.
- Гаухман Михайло Володимирович* – аспірант кафедри історії України Луганського національного університету імені Т. Г. Шевченка.
- Гоков Олег Олександрович* – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії історичного факультету Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди.
- Гордієнко Дмитро Сеогійович* – аспірант Інституту археографії та джерелознавства імені М. С. Грушевського НАН України.
- Горіна Людмила Василівна* – доктор історичних наук, професор кафедри історії південних і західних слов'ян Московського державного університету імені М. В. Ломоносова.
- Готовска-Хенце Теодорічка* – доктор, старший науковий співробітник II ст. Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук.
- Гришина Ріта Петрівна* – доктор історичних наук, професор, провідний науковий співробітник Інституту слов'янознавства Російської академії наук.
- Гуменний Іон* – кандидат історичних наук, доцент, заступник декана історичного факультету Державного університету Молдови, м. Кишенів.
- Гурінова Оксана Миколаївна* – здобувач кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Делібатова-Стоянова М.* – аспірантка філологічного факультету Великотирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія, Болгарія.
- Димитрова-Маринова Димитринка* – доктор, старший викладач кафедри української мови, співробітник Центру болгаристики Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького, лектор МОН Республіки Болгарії.

- Докашенко Галина Петрівна* – доктор історичних наук, доцент, завідувач кафедрою вітчизняної і зарубіжної історії Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов.
- Думініка Іван* – студент IV курсу історичного факультету Державного університету Молдови, м. Кишенів.
- Захаров Борис Євгенович* – здобувач кафедри історії України історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Златева Анка* – спеціаліст, науковий співробітник Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук.
- Іващенко Вікторія Юрївна* – кандидат історичних наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства та археології історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Калінова Євгенія* – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Болгарії історичного факультету Софійського університету імені Святого Климента Охридського.
- Керкеляков Георгі* – співробітник Історичного музею – Панагюриште, Болгарія.
- Колев Валері* – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Болгарії історичного факультету Софійського університету імені Святого Климента Охридського.
- Комар Яна Володимирівна* – аспірантка кафедри вітчизняної та зарубіжної історії Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов.
- Красько Наталія Сергіївна* – аспірантка Одеського національного університету імені І. І. Мечнікова, співробітник Центру болгаристики Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького.
- Куц Галина Михайлівна* – кандидат філософських наук, доцент, докторант кафедри політології філософського факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Лаптева Людмила Павлівна* – доктор історичних наук, професор кафедри історії південних і західних слов'ян Московського державного університету імені М. В. Ломоносова.
- Манасієва Інна Вікторівна* – доктор, науковий співробітник II ст. Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук.
- Миколенко Дмитро Валерійович* – кандидат історичних наук, в. о. доцента кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Мілачков Володя* – доктор, заступник директора з адміністративно-господарських питань Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук.
- Мілова Марія Ілївна* – доктор політичних наук, професор, завідувач кафедрою соціальних наук Одеської державної академії холоду.
- Мільчев Володимир Іванович* – кандидат історичних наук, доцент, в. о. завідувача кафедри джерелознавства, історіографії та спеціальних історичних дисциплін Запорізького національного університету.
- Муртузалієв Сергій Ібрагімович* – доктор історичних наук, професор кафедри історії країн Європи та Америки, заступник декана історичного факультету Дагестанського державного університету, провідний науковий співробітник регіонального Центру етнополітичних досліджень Дагестанського наукового центру Російської академії наук.
- Наумов Сергій Олександрович* – доктор історичних наук, професор кафедри історії України історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Ніколова Надежда* – доктор, науковий співробітник II ст. Інституту болгарської мови Болгарської академії наук.
- Осадця Іван Степанович* – кандидат політичних наук, доцент кафедри міжнародної інформації факультету історії, політології та міжнародних відносин Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича.
- Павленко Вікторія Вікторівна* – доктор історичних наук, професор Київського національного університету внутрішніх справ.
- Паньків Марія Михайлівна* – кандидат історичних наук, старший викладач кафедри туризму і соціальних наук Харківського торгівельно-економічного інституту Київського національного торгівельно-економічного університету.

- Пачев Сергій Іванович* – кандидат історичних наук, доцент, докторант Запорізького національного університету, керівник Центру болгаристики Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького.
- Пачева Валентина Миколаївна* – кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри української мови, співробітник Центру болгаристики Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького.
- Петков Ст. Петко* – доктор, доцент кафедри нової та новітньої історії Болгарії історичного факультету, проректор Великотирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія.
- Поліщук Ігор Олексійович* – доктор політичних наук, доцент кафедри політології філософського факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Попов Олексій Димитрович* – кандидат історичних наук, доцент кафедри суспільних наук Кримського економічного інституту Київського національного економічного університету імені В. Гетьмана.
- Посохов Сергій Іванович* – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедрою історіографії, джерелознавства та археології, декан історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Прігарін Олександр Анатолійович* – кандидат історичних наук, доцент кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечнікова.
- Романюк Олександр Іванович* – кандидат історичних наук, доцент кафедри філософії та політології Харківської державної академії культури.
- Саздов Димитар* – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедрою історії Університету національного та світового господарства, м. Софія.
- Сайпанова Алла Олексіївна* – аспірантка кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Самойленко Наталія Іванівна* – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії і права Полтавського національного технічного університету імені Ю. Кондратюка.
- Свириденко Вікторія Олегівна* – бакалавр, студентка V курсу історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Соленкова Любомила* – доктор, науковий співробітник II ст. Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук.
- Стоянов Іван* – доктор історичних наук, професор кафедри нової та новітньої історії Болгарії історичного факультету, начальник відділу «Наукова-дослідницька, художньо-творча та видавнича діяльність» Великотирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія.
- Стоянова Ельза Петрівна* – доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології Інституту славистики та міжнародних відносин Київського славистичного університету.
- Сяров Микола Валентинович* – співробітник Центру болгаристики Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького.
- Татолі Тетяна Вікторівна* – кандидат історичних наук, доцент кафедри теорії та історії держави і права Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е. О. Дідоренка.
- Тодоров Ігор Ярославович* – доктор історичних наук, професор кафедри міжнародних відносин та зовнішньої політики Донецького національного університету.
- Тодоров Іван* – доктор, доцент кафедри давньої та середньовічної історії історичного факультету Великотирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія.
- Турков Володимир Вікторович* – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Сумського державного педагогічного університету імені А. С. Макаренка.
- Чернявський Георгій Йосипович* – доктор історичних наук, професор університету імені Джонса Гопкінса, Балтимор, США.
- Чорний Дмитро Миколайович* – доктор історичних наук, професор кафедри українознавства, заступник декана з наукової роботи філософського факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Чоролєєва Марія* – доктор філологічних наук, старший науковий співробітник I ст., керівник секції болгарської лексикології та лексикографії Інституту болгарської мови Болгарської академії наук.

ЗМІСТ

Приветствие Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Болгарии в Украине Димитара Владимирова участникам VI Дриновских чтений в Харькове 8 апреля 2010 г.	5

БОЛГАРСЬКІ ТА УКРАЇНСЬКІ ЗЕМЛІ У СКЛАДІ ОСМАНСЬКОЇ І РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЙ

<i>Горина Л. В. (Москва)</i> . Профессор Марин Дринов о болгарской народности в Османской империи	7
<i>Готовска-Хенце Т. (София)</i> . Европейските „мостове“ на славянските елити през XIX в. Чешкият период в живота на професор Марин Дринов	18
<i>Николова Н. (София)</i> . Марин Дринов за „Няколко забравени списания на Софрония Врачанскаго“	32
<i>Базулина А. М. (Москва)</i> . Епископ Софроний Врачанский о кырджалийском времени в Болгарии в конце XVIII – начале XIX в.	36
<i>Лаптева Л. П. (Москва)</i> . Значение творчества Ю. И. Венелина для болгарского национального Возрождения	43
<i>Тодоров И. (Велико Търново)</i> . Стефан Захариев и зарождение исследовательского интереса к истории древней Фракии в Болгарии	50
<i>Сайпанова А. А. (Харьков)</i> . Неопубликованные монографии С. И. Сидельникова по истории болгарского Возрождения.	58
<i>Белякова Т. А. (Москва)</i> . Греко-болгарская церковная распря: дискуссионные аспекты	66
<i>Венгерська В. О. (Житомир)</i> . «Свої» та «інші» в національній політиці Російської та Оттоманської імперій у XIX ст.	74
<i>Гуменний И. (Кишинев)</i> . Конфессиональная политика Российской империи в Бессарабии (первая половина XIX века)	82
<i>Андреев А. (Велико Търново)</i> . Руските славянски комитети и идеята за общ «славяно-руски език»	92
<i>Муртузалиев С. И. (Махачкала)</i> . Отказ России от политики «безусловного нейтралитета» перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг.	102
<i>Наумов С. О. (Харків)</i> . «Болгарська тема» в українському націотворенні імперської доби: до питання про взаємодію «національних проектів»	113
<i>Чорний Д. М. (Харків)</i> . Освіта або зброя: дилема українського національного руху в контексті болгарського досвіду (початок XX ст.)	127
<i>Паньків М. М. (Харків)</i> . Національне питання у політиці російського уряду на Правобережній Україні XIX – початку XX ст.: погляд польських істориків	133
<i>Гаухман М. В. (Луганськ)</i> . Російська національна політика на Правобережній Україні (1905–1914): чотири національні проекти в одному політичному просторі	141

БОЛГАРІЯ ТА УКРАЇНА В УМОВАХ ПАРЛАМЕНТСЬКОЇ ДЕМОКРАТІЇ, АВТОРИТАРНИХ І ТОТАЛІТАРНИХ РЕЖИМІВ

<i>Петков П. Ст. (Велико Търново)</i> . За периодизацията на новата история на България . . .	151
<i>Колев В. (София)</i> . Краят на «турското робство» в следосвободенска България	162
<i>Стоянов И. (Велико Търново)</i> . Руски инициативи за активизиране на търговските отношения с България в първите години след Освобождението	173
<i>Миколенко Д. В. (Харків)</i> . Політична опозиція в Болгарії за часів прем'єрства Стефана Стамболова (1887–1894)	187
<i>Гришина Р. П. (Москва)</i> . Война или модернизация: Балканские войны 1912–1913 гг. в истории Болгарии	198
<i>Гуринова О. Н. (Харьков)</i> . Попытка российского посредничества в болгаро-сербском споре из-за Македонии в 1912–1915 гг.	213
<i>Манасієва І. (Софія)</i> . Болгарія та Українська Народна Республіка на Брест-Литовській мирній конференції: відстоювання національних інтересів	230
<i>Павленко В. В. (Київ)</i> . Іван Шишманов та розбудова болгаро-українських дипломатич- них відносин у 1918–1919 рр.	239
<i>Татоли Т. В. (Луганск)</i> . Концепция «нового государства» «деятелей 19 мая»: политико- правовой аспект	247
<i>Калинова Е. (София)</i> . Антихитлеристката коалиция и съдбата на България (1939–1945)	258
<i>Волокитина Т. В. (Москва)</i> . Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе	270
<i>Златева А. (София)</i> . Осъдените карикатури. Художниците пред VI състав на Народния съд (1945)	277
<i>Докашєнко Г. П. (Горлівка)</i> . Організаційно-структурні зміни в шкільному просторі Болгарії (кінець 40-х – перша половина 70-х років ХХ ст.)	294
<i>Попов А. Д. (Симферополь)</i> . Народная Республика Болгария как объект зарубежного туризма советских граждан	302
<i>Захаров Б. Є. (Харків)</i> . Напрями і течії дисидентського руху в Україні (1956–1987) . . .	310
<i>Самойленко Н. І. (Полтава)</i> . Болгарські сюжети на сторінках «Українського історич- ного журналу» (1957–1985 рр.)	323

ПОСТКОМУНІСТИЧНИЙ ТРАНЗИТ: ДОСВІД БОЛГАРІЇ ТА УКРАЇНИ

<i>Баєва І. (Софія)</i> . Две десятилетия български преход – предпоставки, проблеми, рав- носметка	330
<i>Полищук І. А. (Харьков)</i> . Посткоммунистический транзит в Украине: от рудиментов авторитаризма к созданию основ демократии (1991–2007)	342
<i>Куц Г. М. (Харків)</i> . Україна на демократичному роздоріжжі: електоральний контекст . .	350
<i>Романюк О. І. (Харків)</i> . Посткомуністичні трансформації Болгарії та України: компа- ративний аналіз	362
<i>Тодоров І. Я. (Донецьк)</i> . Євроатлантична інтеграція Болгарії як складова модернізацій- них процесів	373
<i>Милова М. І. (Одеса)</i> . Болгария–ЕС: ожидания и результаты присоединения	379
<i>Бурдяк В. І. (Чернівці)</i> . Політика постсоціалістичних України і Болгарії в руслі євро- пейської інтеграції та системи безпеки	385
<i>Велева Л. (Софія)</i> . Международна дейност на Българската търговско-промишлена палата и икономическото сътрудничество с Украина (1989–2009)	399
	605

<i>Саздов Д. (София)</i> . Начало на търговско-икономическите връзки и отношения между България и Украйна (в условията на преход към демократично-пазарно стопанство). 13 декември 1991 – началото на 1993 г.	410
<i>Стоянова Е. П. (Київ)</i> . Сучасна мовна ситуація в Болгарії: між яскравими перспективами та песимістичними прогнозами. Огляд наукової, навчально-методичної літератури та суспільно-політичної преси	423

БОЛГАРСЬКА СПІЛЬНОТА В УКРАЇНІ

<i>Мільчев В. (Запоріжжя)</i> . Внесок господарств болгарських переселенців в аграрну інфраструктуру Південної України XVIII ст.	435
<i>Свириденко В. О. (Харків)</i> . Одеське болгарське настоятельство між консерватизмом і лібералізмом: проблема визначення характеру діяльності організації (друга половина 1850-х – 1860-ті роки)	444
<i>Думиника И. (Кишинев)</i> . Организация церковной жизни болгар Южной Бессарабии (1856–1878 гг.).	451
<i>Пачев С. І. (Запоріжжя)</i> . Висвітлення процесу болгарської колонізації Північного Причорномор'я в історико-етнографічних студіях М. С. Державіна	460
<i>Турков В. В. (Суми)</i> . Культурно-освітня політика радянської держави щодо болгарської національної меншини України у 20–30-х рр. XX ст.	465
<i>Комар Я. В. (Горловка)</i> . Болгарское население Крыма в 1929–1934 гг. По материалам Государственного отраслевого архива Службы безопасности Украины	473
<i>Красько Н. С. (Мелітополь)</i> . Уявлення болгар про смерть і пов'язані з нею прикмети та вірування. За матеріалами болгарських поселень Приазов'я.	482

ДЖЕРЕЛА ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

<i>Гоков О. А. (Харьков)</i> . Образ князя Александра Баттенберга в российской мемуаристике последней четверти XIX – начала XX в.	491
<i>Иващенко В. Ю., Посохов С. И. (Харьков)</i> . Письма Марина Дринова к Константину Гроту (1901–1904).	506
<i>Ганчев А. И., Пригарин А. А. (Одесса)</i> . Письма С. И. Цветко Н. С. Державину 1927–1929 гг.: творческие связи в контексте биографий	516
<i>Милачков В. (София)</i> . Документи за основаването на вестник „Добруджански глас“, орган на българското малцинство в Румъния (1934–1935)	527
<i>Димитрова-Маринова Д. (София)</i> . Устна история и митологическа памет у българите от Северното Приазовие	535
<i>Сяров М. В. (Мелітополь)</i> . Свідчення кримських болгар – жертв депортації	541
<i>Пачева В. М. (Мелітополь)</i> . Ойконіми болгарських сіл Запорізького Надазов'я	549
<i>Делибалтова-Стоянова М. (Велико Търново)</i> . Българската литература сред българите в Тараклийски район, Република Молдова. Знание, интерес, предпочитание	556
<i>Чернявский Г. И. (Балтимор)</i> . Превратности судьбы, или как советские спецслужбы невольно помогли одной карьере. Фрагмент воспоминаний	564

РЕЦЕНЗІЇ

<i>Бурбига В. А. (Харків)</i> . Рецензія на монографію: <i>Миколенко, Д. В.</i> Правоцентристські партії у системі влади Князівства Болгарії (кінець XIX – початок XX ст.). Х., ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2008. 148 с.	572

<i>Бредихін А. В. (Донецьк)</i> . Рецензія на монографію: <i>Докашенко, Г. П.</i> Болгарська школа повоєнного періоду: історичний аспект. Горлівка, Видавництво ГДППМ, 2008. 288 с.	576
<i>Чоролеева М. (Софія)</i> . Рецензія на монографія на: <i>Николова, Н.</i> Професор Марин Дринов и българската обществено-политическа лексика. С., АИ „Проф. Марин Дринов“, 2009. 290 с.	578
<i>Керкеляков Г. (Панагюрище)</i> . Рецензія на книгата на: <i>Гемиджиев, Г.</i> История на Панагюрище 1878–1944. С., 2009. 620 с.	581
<i>Валева Е. Л. (Москва)</i> . Рецензія на книгу: До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства (Центральная и Юго-Восточная Европа первой трети XX в.). Отв. ред. А. Л. Шемякин. М., 2009. 432 с.	584

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

<i>Пачев С. І. (Запоріжжя)</i> . Міжнародний науковий семінар «Болгари Північного Приазов'я: традиції та інтеркультурність»	587
<i>Соленкова Л. (Софія)</i> . Просвета и промяна. Международна интердисциплинарна кръгла маса и изложба. Софія, 23–24 ноември 2009 г.	589
<i>Осада І. С. (Черновці)</i> . Основные направления научных исследований черновицких политологов в области болгаристики	592

IN MEMORIAM

<i>Гордієнко Д. (Київ)</i> . Пам'яті академіка Геннадія Григоровича Літаврїна (1925–2009) . . .	596
Відомості про авторів	601

СЪДЪРЖАНИЕ

Приветствие Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Болгарии в Украине Димитара Владимирова участникам VI Дриновских чтений в Харькове 8 апреля 2010 г.	5

БЪЛГАРСКИТЕ И УКРАИНСКИТЕ ЗЕМИ В СЪСТАВА НА ОСМАНСКАТА И РУСКАТА ИМПЕРИЯ

<i>Горина Л. В. (Москва)</i> . Профессор Марин Дринов о болгарской народности в Османской империи	7
<i>Готовска-Хенце Т. (София)</i> . Европейските „мостове“ на славянските елити през XIX в. Чешкият период в живота на професор Марин Дринов	18
<i>Николова Н. (София)</i> . Марин Дринов за „Няколко забравени списания на Софрония Врачанскаго“	32
<i>Базулина А. М. (Москва)</i> . Епископ Софроний Врачанский о кырджалийском времени в Болгарии в конце XVIII – начале XIX в.	36
<i>Лаптева Л. П. (Москва)</i> . Значение творчества Ю. И. Венелина для болгарского национального Возрождения	43
<i>Тодоров И. (Велико Търново)</i> . Стефан Захариев и зарождение исследовательского интереса к истории древней Фракии в Болгарии	50
<i>Сайпанова А. А. (Харьков)</i> . Неопубликованные монографии С. И. Сидельникова по истории болгарского Возрождения.	58
<i>Белякова Т. А. (Москва)</i> . Греко-болгарская церковная распря: дискуссионные аспекты	66
<i>Венгерська В. О. (Житомир)</i> . „Свої“ та „інші“ в національній політиці Російської та Оттоманської імперій у XIX ст.	74
<i>Гуменный И. (Кишинев)</i> . Конфессиональная политика Российской империи в Бессарабии (первая половина XIX века)	82
<i>Андреев А. (Велико Търново)</i> . Руските славянски комитети и идеята за общ „славяно-руски език“	92
<i>Муртузалиев С. И. (Махачкала)</i> . Отказ России от политики „безусловного нейтралитета“ перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг.	102
<i>Наумов С. О. (Харків)</i> . „Болгарська тема“ в українському націотворенні імперської доби: до питання про взаємодію „національних проектів“	113
<i>Чорний Д. М. (Харків)</i> . Освіта або зброя: дилема українського національного руху в контексті болгарського досвіду (початок XX ст.)	127
<i>Паньків М. М. (Харків)</i> . Національне питання у політиці російського уряду на Правобережній Україні XIX – початку XX ст.: погляд польських істориків	133
<i>Гаухман М. В. (Луганськ)</i> . Російська національна політика на Правобережній Україні (1905–1914): чотири національні проекти в одному політичному просторі	141

БЪЛГАРИЯ И УКРАИНА В УСЛОВИЯТА НА ПАРЛАМЕНТАРНАТА ДЕМОКРАЦИЯ, АВТОРИТАРНИТЕ И ТОТАЛИТАРНИТЕ РЕЖИМИ

<i>Петков П. Ст. (Велико Търново)</i> . За периодизацията на новата история на България . . .	151
<i>Колев В. (София)</i> . Краят на „турско робство“ в следосвобожденска България	162
<i>Стоянов И. (Велико Търново)</i> . Руски инициативи за активизиране на търговските отношения с България в първите години след Освобождението	173
<i>Миколенко Д. В. (Харків)</i> . Політична опозиція в Болгарії за часів прем'єрства Стефана Стамболова (1887–1894)	187
<i>Гришина Р. П. (Москва)</i> . Война или модернизация: Балканские войны 1912–1913 гг. в истории Болгарии	198
<i>Гуринова О. Н. (Харьков)</i> . Попытка российского посредничества в болгаро-сербском споре из-за Македонии в 1912–1915 гг.	213
<i>Манасієва І. (Софія)</i> . Болгарія та Українська Народна Республіка на Брест-Литовській мирній конференції: відстоювання національних інтересів	230
<i>Павленко В. В. (Київ)</i> . Иван Шишманов та розбудова болгаро-українських дипломатич- них відносин у 1918–1919 рр.	239
<i>Татоли Т. В. (Луганск)</i> . Концепция „нового государства“ „деятелей 19 мая“: политико- правовой аспект	247
<i>Калинова Е. (София)</i> . Антихитлеристката коалиция и съдбата на България (1939–1945)	258
<i>Волокитина Т. В. (Москва)</i> . Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе	270
<i>Златева А. (София)</i> . Осъдените карикатури. Художниците пред VI състав на Народния съд (1945)	277
<i>Докашєнко Г. П. (Горлівка)</i> . Організаційно-структурні зміни в шкільному просторі Болгарії (кінець 40-х – перша половина 70-х років ХХ ст.)	294
<i>Попов А. Д. (Симферополь)</i> . Народная Республика Болгария как объект зарубежного туризма советских граждан	302
<i>Захаров Б. Є. (Харків)</i> . Напрями і течії дисидентського руху в Україні (1956–1987) . . .	310
<i>Самойленко Н. І. (Полтава)</i> . Болгарські сюжети на сторінках „Українського історич- ного журналу“ (1957–1985 рр.)	323

ПОСТКОМУНИСТИЧЕСКИЯТ ТРАНЗИТ: ОПИТЪТ НА БЪЛГАРИЯ И УКРАИНА

<i>Баєва І. (Софія)</i> . Две десетилетия български преход – предпоставки, проблеми, рав- носметка	330
<i>Полищук И. А. (Харьков)</i> . Посткоммунистический транзит в Украине: от рудиментов авторитаризма к созданию основ демократии (1991–2007)	342
<i>Куц Г. М. (Харків)</i> . Україна на демократичному роздоріжжі: електоральний контекст . .	350
<i>Романюк О. І. (Харків)</i> . Посткомуністичні трансформації Болгарії та України: компа- ративний аналіз	362
<i>Тодоров І. Я. (Донецьк)</i> . Євроатлантична інтеграція Болгарії як складова модернізацій- них процесів	373
<i>Милова М. І. (Одеса)</i> . Болгария–ЕС: ожидания и результаты присоединения	379
<i>Бурдяк В. І. (Чернівці)</i> . Політика постсоціалістичних України і Болгарії в руслі євро- пейської інтеграції та системи безпеки	385
<i>Велева Л. (Софія)</i> . Международна дейност на Българската търговско-промишлена палата и икономическото сътрудничество с Украйна (1989–2009)	399

<i>Саздов Д. (София)</i> . Начало на търговско-икономическите връзки и отношения между България и Украйна (в условията на преход към демократично-пазарно стопанство). 13 декември 1991 – началото на 1993 г.	410
<i>Стоянова Е. П. (Київ)</i> . Сучасна мовна ситуація у Болгарії: між яскравими перспективами та песимістичними прогнозами. Огляд наукової, навчально-методичної літератури та суспільно-політичної преси	423

БЪЛГАРСКАТА ДИАСПОРА В УКРАЙНА

<i>Мільчев В. (Запоріжжя)</i> . Внесок господарств болгарських переселенців в аграрну інфраструктуру Південної України XVIII ст.	435
<i>Свириденко В. О. (Харків)</i> . Одеське болгарське настоятельство між консерватизмом і лібералізмом: проблема визначення характеру діяльності організації (друга половина 1850-х – 1860-ті роки)	444
<i>Думиника И. (Кишинев)</i> . Организация церковной жизни болгар Южной Бессарабии (1856–1878 гг.).	451
<i>Пачев С. І. (Запоріжжя)</i> . Висвітлення процесу болгарської колонізації Північного Причорномор'я в історико-етнографічних студіях М. С. Державіна	460
<i>Турков В. В. (Суми)</i> . Культурно-освітня політика радянської держави щодо болгарської національної меншини України в 20–30-х рр. XX ст.	465
<i>Комар Я. В. (Горловка)</i> . Болгарское население Крыма в 1929–1934 гг. По материалам Государственного отраслевого архива Службы безопасности Украины	473
<i>Красько Н. С. (Мелітополь)</i> . Уявлення болгар про смерть і пов'язані з нею прикмети та вірування. За матеріалами болгарських поселень Приазов'я.	482

ИЗВОРИ И ИЗВОРОЗНАНИЕ

<i>Гоков О. А. (Харьков)</i> . Образ князя Александра Баттенберга в российской мемуаристике последней четверти XIX – начала XX в.	491
<i>Иващенко В. Ю., Посохов С. И. (Харьков)</i> . Письма Марина Дринова к Константину Гроту (1901–1904).	506
<i>Ганчев А. И., Пригарин А. А. (Одесса)</i> . Письма С. И. Цветко Н. С. Державину 1927–1929 гг.: творческие связи в контексте биографий	516
<i>Милачков В. (София)</i> . Документи за основаването на вестник „Добруджански глас“, орган на българското малцинство в Румъния (1934–1935)	527
<i>Димитрова-Маринова Д. (София)</i> . Устна история и митологическа памет у българите от Северното Приазовие	535
<i>Сяров М. В. (Мелітополь)</i> . Свідчення кримських болгар – жертв депортації	541
<i>Пачева В. М. (Мелітополь)</i> . Ойконіми болгарських сіл Запорізького Надазов'я	549
<i>Делибалтова-Стоянова М. (Велико Търново)</i> . Българската литература сред българите в Тараклийски район, Република Молдова. Знание, интерес, предпочитание	556
<i>Чернявский Г. И. (Балтимор)</i> . Превратности судьбы, или как советские спецслужбы невольно помогли одной карьере. Фрагмент воспоминаний	564

РЕЦЕНЗИИ

<i>Бурбига В. А. (Харків)</i> . Рецензія на монографію: <i>Миколенко, Д. В.</i> Правоцентристські партії у системі влади Князівства Болгарії (кінець XIX – початок XX ст.). Х., ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2008. 148 с.	572

<i>Бредихін А. В. (Донецьк)</i> . Рецензія на монографію: <i>Докашенко, Г. П.</i> Болгарська школа повоєнного періоду: історичний аспект. Горлівка, Видавництво ГДППМ, 2008. 288 с.	576
<i>Чоролеева М. (Софія)</i> . Рецензія на монографія на: <i>Николова, Н.</i> Професор Марин Дринов и българската обществено-политическа лексика. С., АИ „Проф. Марин Дринов“, 2009. 290 с.	578
<i>Керкемяков Г. (Панагюрище)</i> . Рецензія на книгата на: <i>Гемиджиев, Г.</i> История на Панагюрище 1878–1944. С., 2009. 620 с.	581
<i>Валева Е. Л. (Москва)</i> . Рецензія на книгу: До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства (Центральная и Юго-Восточная Европа первой трети XX в.). Отв. ред. А. Л. Шемякин. М., 2009. 432 с.	584

НАУЧЕН ЖИВОТ

<i>Пачев С. І. (Запоріжжя)</i> . Міжнародний науковий семінар „Болгари Північного Приазов’я: традиції та інтеркультурність“	587
<i>Соленкова Л. (Софія)</i> . Просвета и промяна. Международна интердисциплинарна кръгла маса и изложба. Софія, 23–24 ноември 2009 г.	589
<i>Осадца И. С. (Черновцы)</i> . Основные направления научных исследований черновицких политологов в области болгаристики	592

IN MEMORIAM

<i>Гордієнко Д. (Київ)</i> . Пам’яті академіка Геннадія Григоровича Літавіна (1925–2009) . . .	596
Списък на авторите	601